

РУССКАЯ НАУКА О КЛАССИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЯХ
ЮГА РОССИИ (XVIII–середина XIX в.)

И. В. Тункина

И. В. Тункина
РУССКАЯ НАУКА
О КЛАССИЧЕСКИХ
ДРЕВНОСТЯХ
ЮГА РОССИИ
(XVIII–середина XIX в.)

Фрагмент декрета из Херсонеса (ПРЕ, 12, 364) на алебастровом камне весом до 3 пудов, найденном в с. Пришиба (1821) в крестьянском доме, где он служил «для сжигания канунов в бочке», членом Сарептского общества «Цинком». Камень утрачен в 1823 г. в Сарепте во время пожара. Рисунок 11. И. Кёппена со снимка, предоставленного А. Цинком (ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 146, л. 48. Публ. впервые).

ΑΓΑΘΗ ΤΥΧΗ
ΠΡΟΕΔΟΝΦΑΝΑ
ΓΟΥΑΡΕΑΝΤΑΤΗΣΠΟ
ΛΕΩΣΚΑΙΑΡΕΑΝΤΑ
ΤΟΥΚΟΙΝΟΥΤΗΣ
ΠΕΝΤΑΠΟΛΕΩΣΚΑΙ
ΤΕΙΜΗΘΕΝΤΑΥΠΟ
ΤΟΥΚΟΙΝΟΥΤΗΣΠΕΝ
ΤΑΠΟΛΕΩΣ

Asiaticomyia Karsent et des radmuelow et
Asiaticomyia Karsent et des radmuelow et
 1821. 207, et Karsent et des radmuelow et
 1821. 207, et Karsent et des radmuelow et

ΣΤ
 ΑΝΘΡΩΠΙΝΟΥ ΛΑΡΟΣ Σ
 ΜΕΝΟΥΣ ΜΕΤΑ ΤΡΟΠΗ
 ΕΙΣ ΠΟΛΕΙΤΑΝ ΕΔΙΑΤΕ
 Σ ΠΑΝΤΑΣ ΕΣΑΥΤΩΣ Δ
 ΤΟΡΓΙΑΝ ΗΛΗΚΑ ΤΑ
 ΚΑΙ ΑΛΛΟΤΕ ΠΛΕΙΣΤΕ
 ΟΤΕ ΜΙΑΤΑ ΠΡΟΣ ΤΟΝ
 ΓΑΣΑΤΟ ΚΑΙ ΑΥΤΟΣ ΤΩΝ
 ΩΝ ΜΕΤ' ΕΧΕΙΝ ΚΑΙ ΓΕΝΕ
 ΥΤΟΣ ΦΙΛΟΤΕΙΜΟΣ ΚΑΙ
 ΝΤΩΝ ΤΗΝ ΤΑΝΔΡΟΣΤΕ
 ΠΟΛΕΙΤΑΝ ΚΑΙ ΤΑΝ ΠΙ
 ΕΥΝΟΘΝ ΦΙΛΟΣ ΤΟΡΓΙΑ
 ΩΝ ΩΣ ΦΙΛΟΤΕΙΜΗ ΣΑΜ
 ΥΤΩ ΔΑΜΩ ΕΠΑΙΝΕΣ ΑΥ
 ΤΑΝ ΔΡΑΣΤΗ ΚΑΙ ΟΝΕΥ
 ΔΟΜΕΝΔΕ ΑΥΤΩ ΠΡΟ
 ΤΕ ΚΑΙ ΕΚ ΠΛΟΥΝΕΝ ΕΤΕ
 ΔΕΙΑΥΤΩ ΤΕ ΚΑΙ ΕΚ
 ΔΕ ΤΟ ΧΟΝΤΕ ΠΑΝΤΩΝ ΣΤ
 ΕΙΤΑΙΣ ΚΑΙ Ο ΓΕΝΟΥΣ
 ΤΑΝ ΔΡΑΦΑΜΕΝΕΥ

Kolony out caryogen
caryogen caryogen
BtBt caryogen ca
caryogen caryogen
BtBt caryogen
A BtBt caryogen
BtBt caryogen do 3°.

Respectfully,
Sincerely,
Yours truly,
A. C. [unclear]
[unclear]

$$A \in \Gamma_{\mathcal{F}} K A(1) = 3 \quad K A(1) \text{ ΟΛΕΝ}$$

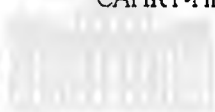
FRONT]

$\frac{d}{dt} \left(\frac{1}{r^2} \right) = -\frac{2}{r^3} \frac{dr}{dt}$

Darius Kawan - 1980-1981 - 1982-1983

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
АРХИВА

1728

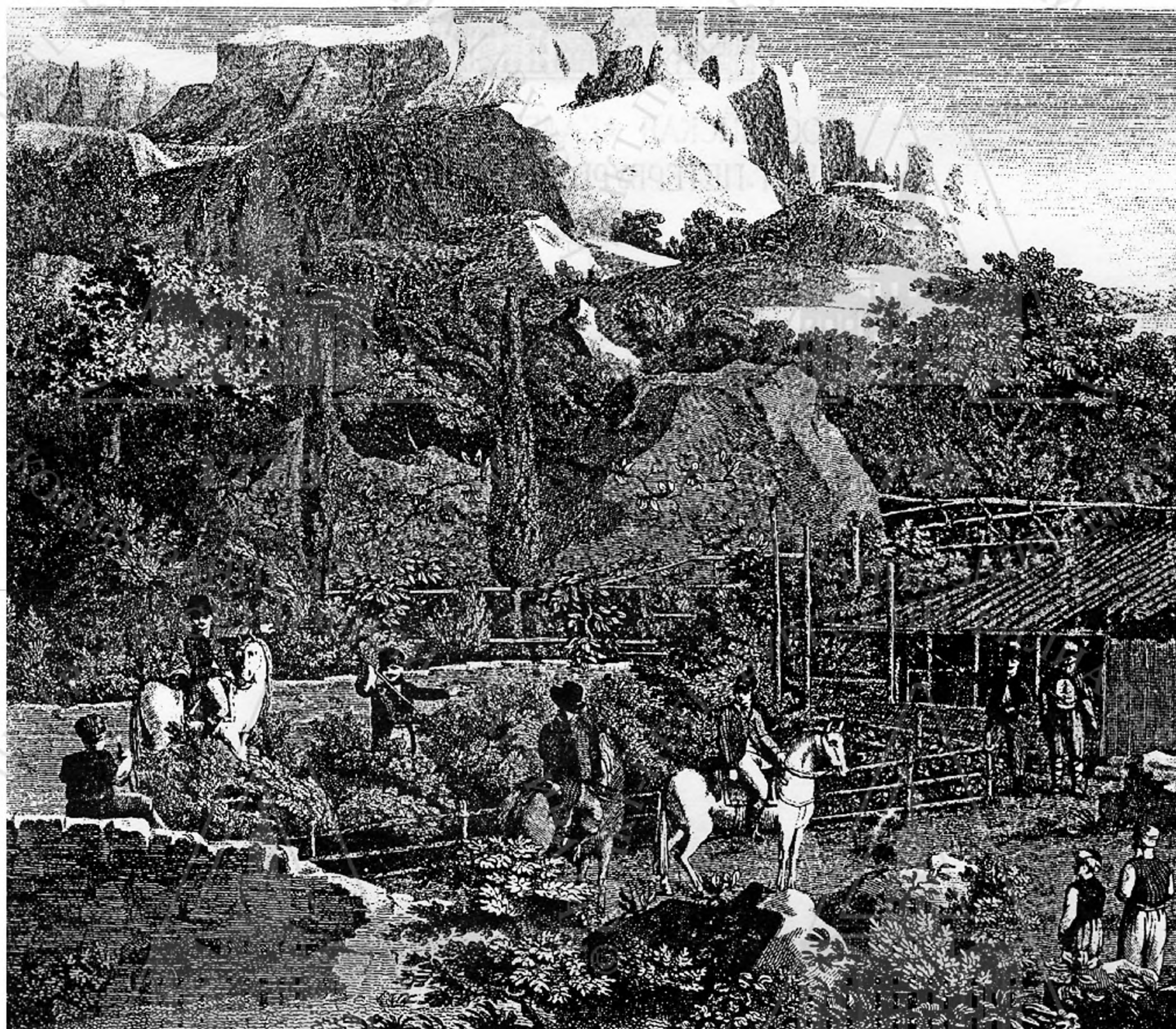
1728

1728

1728

И. В. Тункина

РУССКАЯ НАУКА О КЛАССИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЯХ ЮГА РОССИИ (XVIII – середина XIX в.)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2002

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII—середина XIX в.) — Наука, 2002. — 676 с. — 156 ил.

ISBN 5-02-028475-0

Монография, опирающаяся на архивные документы, посвящена анализу процесса становления русской науки о классических древностях юга России — античной археологии, эпиграфики, нумизматики, исторической географии и археологической топографии Северного Причерноморья, охватывающего почти полторавековой путь ее развития. В книге рассмотрены вопросы организационного оформления и функционирования классической археологии, в том числе деятельность Имп. Академии наук, первых историко-археологических обществ и всех южнорусских археологических музеев, подробно освещены меры правительства и местной администрации Новороссийского края по охране памятников. Большое внимание уделено реконструкции биографий многих исследователей, воскрешен ряд забытых имен археологов. Автором предложена оригинальная периодизация истории становления русской науки о классических древностях Северного Причерноморья. Впервые вводятся в научный оборот неизвестные ранее архивные материалы по истории археологического, эпиграфического, нумизматического и историко-географического изучения различных регионов Причерноморья.

Для историков, археологов, музейщиков, специалистов по истории русской науки и культуры.

Рецензенты:

И. Л. ТИХОНОВ, А. Н. ЩЕГЛОВ

*Исследование проведено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 96-01-00236*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 00-01-16218д*

*Светлой памяти моих родителей –
Анны Васильевны (урожд. Некрасовой)
и Владимира Михайловича Тункиных
посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Не понимают науки те, которые думают,
что она начинается ими

М. П. Погодин (1869)¹

Изучение истории археологии как один из факторов ее самопознания является одной из сложных и малоразработанных задач современной науки.² История науки, и в более узком понимании историография, как неразрывная часть системы археологического знания, объективно оказывает воздействие на развитие современной научной мысли, обогащая ее огромным предшествующим опытом, способствует выяснению путей и перспектив ее развития.³ Самопознание (рефлексия) археологической науки так или иначе отражает общественно-политические, общекультурные и общенаучные изменения в окружающем мире. Закономерен интерес к истории науки, особенно проявившийся в среде историков и археологов в перестроечное и постперестроечное время, в середине 1980—1990-х гг. Появились общие обзоры истории отечественной археологии и ее отдельных периодов, анализы истории региональных научных школ, порой охватывающих несколько столетий, и пр. «История отечественной археологии» в качестве лекционных курсов читается в нескольких университетах, с 1961 г. вышел ряд монографий и сборников, проведено несколько тематических конференций, защищены диссертации по этой проблематике. За последние 30 лет целенаправленными усилиями А. А. Формозова и его последователей⁴ в различных городах бывшего СССР изучение прошлого археологии приобрело статус сформировавшейся научной субдисциплины (так называемая «рефлексирующая археология» — термин, предложенный проф. Г. С. Лебедевым⁵).

Каждое поколение ученых считает свое время эпохой обобщений всех известных науке материалов.⁶ При этом неизбежно возникает вопрос о критическом анализе трудов предшественников, необходимом для осознания значимости пройденного пути. Крупнейший русский ученый акад. В. И. Вернадский справедливо заметил, что «история научной мысли... никогда не может дать законченную неизменную картину, реально передающую действительный ход событий», и должна каждым новым поколением изучаться заново. «Прошлое научной мысли, — писал В. И. Вернадский, — рисуется нам каждый раз в совершенно иной и все новой перспективе. Каждое научное поколение открывает в прошлом новые черты... Случайное и

¹ Погодин М. П. Судьбы археологии в России // ЖМНП. 1869. Ч. 145. С. 47.

² Формозов А. А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // СА. 1975. № 4. С. 5.

³ Проблемная ситуация в современной археологии. Киев, 1988. С. 43.

⁴ См. например: Формозов А. А. 1) Очерки по истории русской археологии. М., 1961; 2) Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М., 1979 (2-е изд. М., 2000); 3) Страницы истории русской археологии. М., 1986; 4) Следы земли Московской. М., 1988; 5) Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990; 6) Русские археологи до и после революции. М., 1995; 7) Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995; Кахановский Г. А. Археологія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI—XIX ст. Мінск. 1984; Тихонов И. Л. Организация и развитие археологического отделения ЛГУ (1917—1936) // Вестн. ЛГУ. 1988. № 3. Вып. 16. С. 8—16; Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб., 1993.

⁵ Лебедев Г. С. Опыт периодизации истории отечественной археологии // Проблемы истории отечественной археологии: Тез. докл. конф. 11—13 декабря 1990 г. СПб., 1993. С. 4.

⁶ См., например: Погодин М. П. Судьбы археологии в России // Тр. I АС в Москве 1869 г. М., 1871. Т. 1. С. 1—44 (первоначально: ЖМНП. 1869. № 9; № 11); Уваров А. С. Русская археология: Введение // Сб. мелких трудов. М., 1910. Т. 3. С. 262—300 (очерк истории археологических исследований и развития археологии как науки); Спицын А. А. Археология в России // НЭСБЕ. 1911. Т. 3. Стб. 883—884.

неважное в глазах ученых одного десятилетия получает в глазах другого нередко крупное и глубокое значение».⁷

Дискуссии последних десятилетий XX столетия о целях и методах историко-научных исследований⁸ так или иначе отразились на изучении истории русской археологии как единой области знания и поставили вопрос о *принципах и задачах ретроспекции*. По моему убеждению, историко-научные исследования должны носить междисциплинарный характер и опираться не только на традиционные приемы работы с историческими, главным образом архивными, источниками, но и на методы, разработанные науковедением, социологией и социальной психологией науки. Одной из основных задач историко-научных исследований является изучение эволюции представлений об объекте и предмете археологии,⁹ выявление на разных этапах развития науки господствующих исследовательских идей (программ, направлений), их взаимодействия и сменяемости, а также изучение эволюции организационных форм научной деятельности. Необходимо проследить путь от появления ученых-одиночек к возникновению сначала неформальных «незримых колледжей», а затем организационно оформившихся научных объединений, в частности научных обществ, которые вырабатывали собственные программы деятельности. Следует показать, что археология в силу имманентно присущего науке коллективизма, обусловленного как кооперацией ученых-современников, так и использованием научного труда предшественников, является продуктом деятельности множества людей¹⁰ по производству научного знания на различных исторических этапах.

Несмотря на то что наука по своей сути интернациональна, в каждой стране она имеет особые, национальные черты. Еще век назад русский зоолог, археолог и антрополог А. П. Богданов (1834—1896) отмечал: «Хотя Юпитер и Марс... движутся одинаково и для русского, и для немца, однако русский примется за наблюдение, станет описывать его не так, как немец..., даже более того, подметит то, чего не подметит немец и пропустит то, что увидит последний».¹¹ Не менее важное место в историко-научных исследованиях занимает анализ социально-психологических характеристик отдельных ученых и конкретных научных сообществ. Социально-психологическая история науки помогает ответить на вопрос, почему одни ученые смогли дать что-то новое в своих исследованиях, а другие — нет, несмотря на благоприятные творческие условия.¹² Таким образом, каждое из названных направлений историко-научных исследований может быть предметом самостоятельного изучения, а их совокупность позволяет более или менее полно реконструировать целостную систему эволюции археологического знания на определенном историческом этапе.

Археология, как и любая наука, является культурной системой с рефлексией, которая сама себя осознает и функционирует в соответствии с этим осознанием.¹³ В теоретическом плане история археологии может быть представлена как история формирования, функционирования, взаимодействия и смены научных сообществ и существующих в их рамках школ, объединенных общей системой научных идей, оценок, методики исследований и других элементов. В ряде науковедческих концепций понятие парадигмы (Т. Кун¹⁴), эпистемы (М. Фуко¹⁵), традиции,

⁷ Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 191 (2-е изд. М., 1988).

⁸ Анализ историографии см.: В поисках теории развития науки. М., 1982; Маркова Л. А. Наука: История и историография. М., 1987; Микулинский С. Р. Очерки развития историко-научной мысли. М., 1988; Шмаков В. С. Структура исторического знания и картина мира. Новосибирск, 1990; Принципы историографии естествознания: Теория и история. М., 1993.

⁹ Для второй половины XIX—начала XX в. характерны статьи: Срезневский И. И. Несколько припоминаний о современном состоянии русской археологии // Тр. II АС в России. Киев, 1878. Т. 1. 2-я паг. С. 1—17; Покровский Н. В. Новейшее воззрение на предмет и задачи археологии // Сб. Археологического института. СПб., 1880. Кн. 4. С. 13—28; Линниченко И. А. Русская археологическая наука и археологические съезды: Соображения Иоанна Амартола. Одесса, 1884; Готье Ю. В. Что дала археологическая наука для понимания древнейшего периода русской истории // Сб. статей в честь гр. П. С. Уваровой. М., 1916. С. 132—138.

¹⁰ Анализ науки как общественного явления и вопросы общественного характера научного труда рассмотрены в многочисленных работах В. Ж. Келле, в частности в монографии «Наука как компонент социальной системы» (М., 1988).

¹¹ Зограф Н. Ю. Отрадная страница из истории русской науки // ЖМНП. 1899. № 10. С. 225.

¹² Крайцев В. П. Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. М., 1984. С. 11.

¹³ Розов М. А. Об изучении познания как системы с рефлексией // Системный метод и современная наука. Новосибирск, 1971. Вып. 1. С. 214; Кузнецова Н. И. Наука в ее истории. М., 1982. С. 38.

¹⁴ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. 2-е изд. М., 1977.

¹⁵ Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М., 1977.

личностного знания по сути являются различными определениями для обозначения одного явления — исследовательской программы, в рамках которой работает конкретное научное сообщество. Согласно Т. Куну, понятие парадигмы и смена одной парадигмы другой связано с представлением о научных революциях — резкой смене методологических концепций. Мне как историку науки гораздо ближе понятие «исследовательская программа», чем излишне радикальные «парадигма» и «научная революция». В общем виде исследовательская программа трактуется как совокупность целей, задач и методов познания. Понятие исследовательской программы, введенное в науковедение Имре Лакатошом,¹⁶ включает как типы вопросов или задач, так и соответствующие им методы независимо от того, идет ли речь о теоретическом знании или об эмпирическом описании.¹⁷

Важнейшие аспекты историко-научных исследований затрагивает историческая антропология науки, круг изучения которой очерчен в интересной статье петербургского историка науки Д. А. Александрова.¹⁸ Попытаюсь резюмировать ее содержание с добавлением собственных размышлений по интересующей меня теме. Любому историку науки необходимо понимание других культур и других форм жизни, признание их права на существование, необходимо отвергнуть традиционную в историографии позу разоблачителя науки прошлого, чтобы «без гнева и пристрастия разглядеть сквозь время человеческое лицо науки».¹⁹ Историк науки обязан понять, что жизненный мир исследователя прошлого столетия коренным образом отличается от жизненного мира специалиста XX—XXI вв. Историческая антропология изучает не только менталитет ученых, но и социальные практики, поддерживающие определенное мировоззрение, повседневные отношения научного учреждения, патронаж науки, разнообразные формы быта и научной жизни, т. е. занимается углубленным изучением исторического контекста развития науки — как жили и живут ученые, каково значение того, что они делают, в той культуре, к которой они принадлежат, каким образом повседневная деятельность ученых связана с их взглядами.²⁰ Предмет историко-антропологического направления в истории науки — изучение науки как совокупности форм повседневной жизни людей, именующих себя учеными.

Понятие «научный быт» определяется Д. А. Александровым как феномен привычного существования во всех его аспектах (уклад жизни, общепринятые традиции, обычаи, привычки, сложившиеся нравы ученых). Само это представление связано с концепцией «литературного быта» Б. М. Эйхенбаума, историко-социологическим анализом жанров Ю. Н. Тынянова, с подходом формалистов к литературе, изучавших микросоциум литературного производства. Д. А. Александров совершенно верно подметил схожесть процессов эволюции русской литературы и науки — от придворной культуры XVIII в., от дворцовых залов к культуре частных салонов начала XIX в., а в 1820—1840-х гг. литературных, политических и научных кружков. Затем наступила пора профессионализации как литературы, так и науки — появились редакции толстых журналов, вокруг которых группировались литераторы,²¹ организовались научные общества со своими периодическими изданиями и т. п. Домашние интеллектуальные кружки, создававшие атмосферу неформального общения, открытости, неподцензурности, с 1840-х гг. стали существенной частью бытовой культуры образованных слоев русского общества: «Для русских ученых типично противопоставление официальной, казенной, “ненастоящей” и неофициальной “настоящей” науки.., которое восходит ко второй половине XIX в. “Кружковая” организация повседневности создавала и воспроизводила стереотипы, которыми до сих пор живут русские ученые».²² Существование «незримых колледжей» имело важные последствия

¹⁶ Lakatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes // Criticism and the Growth of Knowledge / Ed. I. Lakatos, A. Musgrave. Cambridge, 1970. P. 91—196; Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. М., 1978. С. 203—269. Критику всего постпозитивистского направления в историко-научных концепциях (А. Коире, Т. Кун, И. Лакатош и др.) см.: Миклукович С. Р. Очерки развития историко-научной мысли. М., 1988; Швейцев В. С. Анализ научного познания: Основные направления, формы, проблемы. М., 1988; Принципы историографии естествознания: Теория и история. М., 1993.

¹⁷ Розов М. А. Понятие исследовательской программы // Исследовательские программы в современной науке. Новосибирск, 1987. С. 7, 13.

¹⁸ Александров Д. А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3—22.

¹⁹ Там же. С. 21.

²⁰ Там же. С. 3—5.

²¹ Там же. С. 6.

²² Там же. С. 7.

для науки, для ее положения в обществе и для судеб отдельных ученых — наука в России — отличие от других западноевропейских стран всегда являлась предметом не только публичного (в пределах пространства научных учреждений), но и частного дискурса. Научные, философские и политические споры «за чаем» (и не только) — чисто русское явление. При этом неформальные семинары всегда проводят границу между приглашенными и неприглашенными и по своей природе неизбежно основываются на исключении «посторонних» людей, т. е. являются недолговечной и замкнутой формой научного быта.

Не менее интересна тема возникновения патронажа науки в России, изучение влияния государства на науку, взаимоотношений науки и власти, развитие института меценатства и т. п. Для меня как историка науки очевидно определяющее влияние российских государственных и общественных приоритетов, в том числе геополитических целей правящей элиты, практических потребностей военного и государственного строительства, колонизации территорий, экономики и торговли как на развитие науки в целом, так и на судьбы отдельных исследователей. Импер. Академия наук, созданная как часть государственной машины абсолютистского государства, в определенной мере, но не всецело, как считает Д. А. Александров, была и придворным институтом. Действительно, отличительной чертой русской науки явилась «вовлеченность членов царствующего дома в деятельность научных учреждений».²³ Типичным явлением стал «патронаж отдельных дисциплин “практикующими вельможами” или... “учеными аристократами”». Для дисциплин историко-археологического цикла это меценаты и лидеры соответствующих кружков — А. И. Мусин-Пушкин и Н. П. Румянцев, возглавлявшие археологические общества и комиссии М. С. Воронцов (Одесское общество истории и древностей), Л. А. Перовский (Комиссия для разыскания древностей), С. Г. Строганов (Импер. Археологическая комиссия), зять императора Николая I герцог Максимилиан Лейхтенбергский (Петербургское археолого-нумизматическое общество), великий князь Константин Николаевич (Импер. Русское археологическое общество). За счет личных связей с вельможами ученые получали средства на исследования, добивались определенных привилегий, издавали труды и т. п.

Другое направление изысканий — изучение практики науки. Главный аспект быта научных учреждений — воспроизводство научных практик, в нашем случае полевой и кабинетной работы археологов. Не менее интересны проблемы взаимоотношений практики и теории, соотношение полевых, лабораторных и теоретических дисциплин. «Усвоенные и вырабатываемые приемы деятельности, практический опыт заставляют ученого воспринимать концепции или новые объекты через призму этого опыта», — пишет Александров. — Привычка, нарабатанная практикой, становится второй натурой».²⁴ Как одна из полевых дисциплин, археология использует собственные наборы научных практик, ей свойственные «все специфические полевые навыки и практики повседневности, вплоть до определенных привычек в одежде, движении, общении... Сама практика полевой работы складывается под влиянием особенностей предмета исследования (географические особенности изучаемой зоны и т. п.), так и в связи с доступными материальными возможностями». Автор подметил, что отличия в масштабах полевых исследований приводят к глубокому различию в научных концепциях, к различному пониманию самого предмета науки. Опыты полевой, музейной, лабораторной и кабинетной работы глубоко различны и соответственно дают ученым разные представления о мире. Это тонкое наблюдение объясняет многие концептуальные столкновения между антиковедами (историками и филологами-классиками), историками искусства, полевыми археологами, нумизматами, музеоведами и т. п. в процессе формирования и размывания дисциплинарных границ археологии. Они нашли отражение в дискуссиях о предмете и объекте науки, ведущихся вплоть до сего дня.

Практически не изученными остаются вопросы повседневных отношений археологов, живущих в одной стране в одно и то же время, — научного соперничества, власти и подчинения в науке, дружбы, ученичества и т. п., различий их «жизненных миров», в том числе формы и образа жизни, определявших их научные воззрения.

Родоначальницей относительно молодой науки — археологии — является археология классическая (античная). В мировой культуре классическая археология возникла как первый оформившийся раздел археологической науки, с собственным фондом источников, методами их обработки, проблематикой и системой научных организаций. Генетически она неразрыв-

²³ Там же. С. 11, 12.

²⁴ Там же. С. 14.

на связана с остальными разделами антикловедения — классической филологией, собственно древней историей, историей материальной и духовной культуры, историей искусств и т. п., которые в составе общекультурных ценностей в XVIII—начале XIX столетия плавнo вошли в структуру культуры европейского, в том числе и русского, классицизма и неоклассицизма.²⁵ В рамках культурных категорий, подходов, методов осуществлялся первоначальный поиск, накопление и систематизация античного вещевого материала, эмпирически определялись специфические задачи и приемы собственно археологических исследований.²⁶

Поскольку почти всякая наука первоначально складывается и развивается стихийно, представления о специфике археологии, о ее месте и роли в системе наук, о ее предмете и объекте долгое время оставались расплывчато-неопределенными и со временем подверглись существенным изменениям. Внутреннее единство развития научного знания очевидно — есть некий набор понятий, методов и концепций, являющихся общим достоянием науки, но при этом в определенных странах могут получить преимущественное развитие одни его части, в других странах и в другое время — другие.²⁷ Прежде чем перейти к рассмотрению основных этапов становления русской классической археологии, следует тезисно охарактеризовать эволюцию идей в более развитой западноевропейской науке о классических древностях, которые оказывали определяющее влияние на отечественные антиковедение и археологию в начальный период их истории.

Еще с эпохи Возрождения по всей Европе стало издаваться огромное количество книг об античности. Главное внимание антиквариетов-коллекционеров и читающей публики притягивали труды о классических древностях — о произведениях древнего искусства, памятниках эпиграфики и нумизматики. Количество известных артефактов, добытых кладовискательскими раскопками, к XVIII в. насчитывало уже десятки тысяч. Первым подлинно научным сводным трудом с попыткой первичной классификации памятников по материалу, художественным формам и содержанию стал десяти томник на латинском и французском языках «Древности, истолкованные и запечатленные в картинах» (1719—1724) одного из основателей французской исторической школы, представителя конгрегации св. Мавра, бенедиктинского монаха *Бернара де Монфокона* (dom Bernard de Montfaucon, 1655—1741). Достаточно дорогое издание с большим количеством гравюр, изображавших античные памятники, напечатанное тиражом 1800 экз., разошлось в течение двух месяцев, что говорит о его востребованности широкими слоями общества как результата антикварных штудий нескольких поколений исследователей. В 1724 г. к своду было издано дополнение из пяти томов in folio.²⁸ Древности привлекали внимание автора главным образом как подтверждение изложенных в письменных источниках сведений и как материальные свидетельства жизни создавших их людей. Этим увражым изданием пользовались многие поколения антиквариетов и художников вплоть до середины XIX в.

В XVIII—XIX вв. организационное оформление классической археологии в Европе шло ускоренными темпами: в 1683 г. в Париже была создана гуманитарная Академия надписей и изящной словесности (Académie des inscriptions et belles-lettres), по всему континенту начали открываться академии, научные общества и музеи, аккумулировавшие и изучавшие древности. Еще в 1711 г. в Италии были начаты первые раскопки Геркуланума, с 1738 г. правительство Неаполитанского королевства взяло их под свой контроль, хотя работы проводились бессистемно, без четко разработанного плана, с целью пополнения королевских собраний древностей. В 1766 г. раскопки были приостановлены из-за геологических трудностей — римский город покрывал 15—20-метровый слой пемзы и шлаков. Вместо Геркуланума стали раскапывать залегающие менее глубоко остатки Помпеи, на развалины которых случайно наткнулись в 1748 г.²⁹

Интерес к античным древностям Италии проявляли и в России, где получили известность и популярность европейские своды древностей, в том числе труды Б. Монфокона и многотом-

²⁵ Лебедев Г. С. История отечественной археологии: 1700—1917 гг. СПб., 1992. С. 34—35.

²⁶ Тункина И. В. Незданная работа М. И. Ростовцева «Классические и скифские древности северного побережья Черного моря» // ПАВ. 1993. № 5. С. 23.

²⁷ Клейн Л. С. Парадигмы и периоды в истории отечественной археологии: Рец. на кн.: Лебедев Г. С. История отечественной археологии: 1700—1917 гг. // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историкографические очерки. СПб., 1995. С. 176.

²⁸ Montfaucon B. de. 1) Antiquité expliquée et représentée en figures. Paris, 1719—1724. Vol. 1—10;

2) Supplément au livre de l'Antiquité expliquée et représentée en figures. Paris, 1724. Vol. 1—5.

²⁹ Михаэлис А. Художественно-археологические открытия за сто лет. М., 1913. С. 9, 19.

ные описания находок в Геркулануме и Помпеях.³⁰ Одна из образованнейших женщин своего времени, впоследствии директор Петербургской Академии наук и президент Российской Академии *Екатерина Романовна Дашкова* (1743—1810),³¹ во время второго путешествия за границу в 1781 г. посетила Италию для знакомства с художественным наследием древности. Король Неаполя Фердинанд IV (1759—1825) в своем дворце в Портичи организовал музей, которому по богатству античных памятников в ту эпоху не было равного в мире. В одной из бесед с королем княгиня высказала мысль о необходимости полностью раскопать Помпеи и Геркуланум, «все это очистить и расставить в том порядке, в каком каждая вещь найдена», т. е. создать музей под открытым небом, куда допускать посетителей за определенную плату. Это, на ее взгляд, должно было окупить расходы на раскопки. Пораженный трезвостью суждений княгини, король подарил Дашковой многотомное увражное издание находок из Геркуланума.³² Музей под открытым небом был открыт в Помпеях почти век спустя.

Во второй половине XVIII в., на фоне растущей волны неоклассицизма, классическая археология Европы на кабинетном уровне осуществила решительный переход от рассмотрения древностей как феномена истории в русле представлений Б. Монфокона к их изучению как памятников античного искусства. Становление искусствоведчески ориентированного *научного антиквариата* в европейской классической археологии связано с именем немецкого историка античного искусства *Иоганна Иохима Винкельмана* (*Winckelmann*, 1717—1768), очевидца первых раскопок Геркуланума, Помпей и Пестума, создателя методики искусствоведческого анализа памятников, автора «Мыслей о подражании греческим творениям в живописи и скульптуре» (1755), «Истории искусства древности» (*Geschichte der Kunst bei den Alten*, 1764), «Неизданных памятников» (*Monumenti antichi inediti*, 1767) и др. Благодаря гениальной способности к обобщениям, умению синтезировать господствовавшие в обществе идеи Винкельман впервые ясно и логически стройно смог объяснить развитие искусства как закономерную эволюцию форм, исходя из научного сравнительно-стилистического анализа и археологической интерпретации доступного ему материала. Он первым сформулировал смелую обобщающую концепцию, ставшую поворотным пунктом в истории мировой гуманистики, что каждой исторической эпохе — периоду — культуре — этносу присущи свои, соответствующие определенной духовной структуре художественные образы, что искусство возникает, развивается и угасает в тесной связи с развитием общества и цивилизации. По Винкельману, «эпоха — это стиль», а задача антиквария — научиться распознавать стилистические особенности древних художественных памятников (стиль и манеру, свойственную тому или иному художнику, эпохе или школе) и их изменения во времени и в пространстве, научиться «смотреть и видеть», основывая свои выводы на визуальном анализе произведений, выработать умение оценивать памятники по их собственным законам («морфологии»). Морфологическая классификация античных древностей создавалась несколькими поколениями ученых, начиная с Б. Монфокона и И. Винкельмана. Сравнительно-стилистический подход Винкельмана дал антиквариям собственный метод, который позволял освободиться от прессинга филологов-классиков, не ставивших под сомнение свидетельству античной письменной традиции. Реализуя выработанную в век Просвещения общефилософскую идею прогресса, метод Винкельмана впоследствии получил развитие в других разделах искусствознания (иконографический метод академика Н. П. Кондакова, наиболее адекватно реализованный в его трудах по истории византийского и древнерусского искусства), в базовом для археологии типологическом методе, в лингвистике (компаративистике) и других науках.³³

Однако созданная Винкельманом картина древности страдала идеализацией. Да и качество, и объем источников, которым он оперировал, был ограничен, так как в то время науке были известны не сами греческие подлинники, а лишь римские копии. По Винкельману, единственная цель в искусстве — достижение идеала прекрасного, и нет иного пути, чем подражание мастерам античности, которые достигли первородного совершенства. В соответствии со своей схемой циклического развития искусства, в художественном творчестве Греции Вин-

³⁰ Подробнее см.: *Тункина И. В.* Об одном подарке неаполитанского короля Императорской Академии наук : (Первое описание древностей Геркуланума) // Книга в России : Матер. 5-й Междунар. науч. конф. СПб., 2001 (в печати).

³¹ См. о ней: *Лозинская Л. Я.* Во главе двух академий. М., 1978; *Ожигова Е. П.* Е. Р. Дашкова — директор Петербургской Академии наук // *Екатерина Романовна Дашкова : Исследования и материалы.* СПб., 1996. С. 94.

³² *Дашкова Е. Р.* Записки // *Записки и воспоминания русских женщин XVIII—первой половины XIX века.* М., 1990. С. 192—193.

³³ *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии... С. 35.

кельман выдвинул 4 этапа: древнейший, высокий, изысканный, подражательный (греко-римский). Показательно, что автора интересовала лишь эпоха расцвета греческого искусства — «подражательный» период как «время упадка» он старался исключить из своего рассмотрения. Основные выводы Винкельмана стали догмой неоклассицизма; его труды, переведенные и на русский язык, долгие годы оставались модным чтением.³⁴ а для нескольких поколений антиквариев Европы — образцом изданий археологических памятников.

Другой ученый и коллекционер, но менее известный научный соперник Винкельмана, французский аристократ *Анн Клод Филипп де Тюбьер граф де Кейлюс (Anne Claude Philippe de Tubières, comte de Caylus, 1692—1765)*, автор семитомного увражного «Собрания египетских, этрусских, греческих, римских и галльских древностей» (1752—1767),³⁵ стал инициатором первых физико-химических анализов антиков для определения их подлинности. Согласно Кейлюсу, археология обращена исключительно к анонимным предметам древности; она стимулирует ученых к выводам, исходя из изучения самого предмета. Антикварий рассматривал древности, проявлявшие лакуны в свидетельствах античных авторов о жизни и быте античности, как непосредственные свидетельства определенной эпохи, пытался классифицировать памятники по их материалу и художественным формам. Таким образом, во главу угла де Кейлюс ставил сам артефакт, затем его анализ для разъяснения художественного вкуса определенного времени, косвенно указывая на историческую и пространственную относительность понятия «стиль».³⁶ Приобщившийся к антикварным штудиям с помощью графа де Кейлюса аббат *Жан Жак Бартеlemi (Jean Jacques Barthélemy, 1716—1795)*, известный нумизмат, действительный член Академии надписей (1747) и Французской Академии (1789), автор известного «*Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, dans le milieu du 4e. siècle avant J. C.*» (1788), с позиций идеализации античности попытался воссоздать в живой художественной форме картину древнегреческого мира на фоне рассказа о достопримечательностях Эллады. Главным героем книги по воле автора стал любознательный молодой скиф Анахарсис, который в поисках мудрости в IV в. до н. э. направился в трудное путешествие с северных берегов Понта Эвксинского в Афины и другие города Эллады. В начале XIX в. русские переводы труда Бартеlemi³⁷ получили небывалую популярность; путешественник, в будущем знаменитый историк Н. М. Карамзин в мае 1790 г. специально посетил заседание Парижской Академии надписей, чтобы выразить автору свое восхищение.³⁸

В Германии труд Бартеlemi был отмечен восторженной рецензией в «Геттингенских ученых ведомостях» немецкого филолога-классика, профессора местного университета *Христиана Готлиба Гейне (Heune, 1729—1812)*. Еще в 1767 г. этот известный антиковед прочел курс лекций «Археология искусства древности, преимущественно греков и римлян». В согласии с эстетикой И. Винкельмана главное внимание Гейне обратил на художественную сторону древней культуры. Гейне и его последователи понимали под археологией описание и классификацию памятников древности. Его лекции широко распространялись в списках, в том числе в России.³⁹ В 1770 г. Лондонское общество антиквариев опубликовало первый номер журнала «Археология».⁴⁰ С конца XVIII в. термин «археология» стал употребляться в контексте изучения истории античного искусства и постепенно вошел в международное употребление, укоренившись в России лишь в начале XIX в. В западноевропейских университетах читались курсы археологии («археология живописи» К. А. Бёттигера и др.), печатались руководства и периодические издания, специально посвященные изучению памятников материальной культуры классической древности. В эпоху великих археологических открытий значительно рас-

³⁴ Винкельман И. И. Руководство к точнейшему познанию древних и хороших живописцев, к скорейшему образованию любителей сего художества и для удобства странствующих могущее служить карманной книгой. СПб., 1798.

³⁵ Caylus A. Cl. Ph. de. Recueil d'antiquités égyptiennes, étrusques, grecques, romaines et gauloises. Paris, 1752—1767. Vol. 1—7.

³⁶ Подробнее см.: Базен Ж. История истории искусства от Вазари до наших дней. М., 1995. С. 71—82.

³⁷ Бартеlemi Ж. Ж. Путешествие младшего Анахарсиса по Греции в половине IV в. до Рождества Христова : В 9 т. М., 1803—1819. То же : В 6 т. СПб., 1804—1809.

³⁸ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 251—255 (Литературные памятники).

³⁹ См., например, рукопись из собрания Н. П. Румянцева: «Einleitung in das Studium der Antike oder Grundriss einer Einführung zur Kenntniss der alten Kunstwerke. Zum Gebrauche bey seinen Vorlesungen entworfen von Chr. Gottl. Heune», не ранее 1779 г., готическая скоропись, с эклибрисом «Bibliotheca Jo. Sam. de Hollander» (OP PTE, ф. 256, № 794, ин. 224, 171 л.).

⁴⁰ Daniel G. A Hundred and Fifty Years of Archaeology. London, 1978. P. 23.

ширился ареал регионов античной цивилизации, исследованных западноевропейскими археологами (Греция, Малая Азия, Египет и т. п.), ученые впервые получили возможность ознакомиться с величайшими произведениями греческой пластики в подлинниках, а не в копиях.

В первой трети XIX в. в Германии, традиционно оказывавшей основное влияние на развитие русского антиковедения, археология понималась как часть классической филологии — науки о древностях (*Altertumswissenschaft*), которая изучала вещественные памятники античности, прежде всего изобразительное искусство древних. Так, профессор Берлинского университета, талантливый ученик создателя греческой эпиграфики А. Бёка *Эдуард Герхард* (*Gerhard*, 1795—1867), один из основателей Института археологической корреспонденции в Риме (1828), в своем труде «*Grundriss der Archäologie*» (1833) относил к археологии, или к «монументальной филологии» (в отличие от «литературной» филологии), не только памятники искусства и быта, но включал в круг ее изучения надписи и монеты. При анализе древностей Герхард акцентировал внимание на историко-филологической интерпретации памятников, пытаясь проникнуть в их «содержание», в их «дух и мысль», и несколько отошел от заветов Винкельмана, отнеся стилистический анализ форм на второй план.⁴¹

Именно Э. Герхард в 1831 г. в отчете о раскопках в Вульчи (1828—1831) предпринял первую попытку хронологической классификации греческих расписных черно- и краснофигурных ваз, которая в общих чертах до сих пор сохраняет свое значение. Она легла в основу дальнейшей разработки истории эволюции типов и форм расписной и чернолаковой посуды. В антикварной литературе XVIII—первой половины XIX в. эта группа материала получила ошибочное наименование «этруских» из-за того, что античная художественная керамика стала впервые известна науке в ходе изучения некрополей Этрурии и других районов Великой Греции. Благодаря расписной керамике археологи смогли непосредственно, а не по описаниям античных авторов познакомиться с античной живописью (лишь в 1828 г. в Корнето были открыты первые античные стенные фрески). Вазы, ставшие предметом истового собирательства европейских антиквариев, давали хронологические реперы, позволяя относить погребальные памятники к «эпохе расцвета греческого искусства». Герхард выделил четыре главные хронологические группы расписной керамики: древнейший ориентализирующий стиль, силуэтный стиль с черными силуэтами по красному фону, красные фигуры по черному фону на разных ступенях развития и, как модификация последнего, «пестрее украшенные» вазы живописного стиля из Апулии и Лукании. Другой немец, Густав Кремен только в 1837 г., исходя из палеографического характера надписей на вазах, приписал ориентализирующие сосуды Коринфу, черно- и краснофигурные вазы, в том числе роскошного стиля, — Афинам. В труде немецкого филолога-классика, археолога и музыканта, профессора *Отто Яна* (*Jahn*, 1813—1869) «*Beschreibung der Münchener Vasensammlung*» (1854) была установлена более точная хронология стилей: чернофигурный господствовал вплоть до начала Пелопоннесской войны, начало производства краснофигурных сосудов автор отнес ко времени до Персидских войн (480 г. до н. э.). О. Ян доказал, что красно- и чернофигурный стили долгое время сосуществовали, в течение всего V в. господствовал строгий стиль, в конце того же столетия его сменил «изящный» стиль, который развивался и в IV столетии.⁴² Так уточнялась хронологическая шкала античного керамического производства, ставшая основой организации массового археологического материала, находимого во многих странах Европы.

Еще один историк, любимый ученик А. Бёка, профессор Геттингенского университета *Карл Отфрид Мюллер* (*Müller*, 1797—1840) провозгласил целью антиковедения всестороннее изучение разных сторон жизни древних. В своем «*Handbuch der Archäologie der Kunst*» (1830) — первом систематическом учебнике по археологии искусства, и в «*Denkmäler der alten Kunst*» (1832) он рассматривал греческое искусство как составную часть культуры, которую считал стержнем исторического развития. Памятники древности, согласно Мюллеру, отличаются друг от друга в разных местностях из-за локальных и «племенных различий» эллинов. Таким образом, классическая археология стала рассматриваться как часть антиковедения, дающая материал по исторической этнологии Греции. Идею «племенных различий» подхватил и развил О. Ян, указавший на аналогию развития искусства с эволюцией во времени поэзии и философии. Ян внес большой вклад в совершенствование методов преподавания

⁴¹ *Жебелёв С. А.* Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. 1: История археологического знания. С. 27—28.

⁴² Подробнее см.: *Михаэлис А.* Художественно-археологические открытия за сто лет. М., 1913.

антиковедческих дисциплин: он впервые ввел в университетский курс специализированные семинары по истории античного искусства, взяв за образец занятия филологов-классиков. В своем труде «Ficorogonische Cista» (Leipzig, 1852) он «требовал старательного отделения фактов от комбинаций, честного признания трудностей и сомнений, составляющего основу истинного знания»,⁴³ т. е. разделения археологического факта от рефлексии самого исследователя.

Со второй трети XIX в. научная проблематика антиковедческих исследований в Европе значительно расширилась⁴⁴ — ведется интенсивная работа по розыску, публикации и интерпретации всех видов источников, в том числе археологических, эпиграфических (гл. 8.2) и нумизматических (гл. 8.4). Как составная часть антиковедческих штудий классическая археология стала приобретать «все большую культурно-историческую направленность».⁴⁵

Таким образом, еще с эпохи Возрождения археология рассматривалась как часть музейно-антикварных изысканий для иллюстрации свидетельств античных авторов, в век Просвещения она, с одной стороны, являлась частью землеописания, с другой, — по меткому определению Л. С. Клейна, «технической экспертизой антиковедческого искусствознания» (И. Винкельман). На новом витке развития, в следующем XIX столетии классическая археология, используя, но не абсолютизируя сравнительно-стилистический и морфологический анализ памятников, вновь повернулась лицом к античной письменной традиции с целью максимально полной реконструкции древней истории. Выделение новых разделов археологического знания в XIX в. (первобытной, древневосточной, национальных европейских и т. п.) привело к постепенному обособлению последних от традиций классической археологии, достижений которой в области методологии исследований они использовали в полной мере. Первобытная археология, изучавшая дописьменную историю человечества и использовавшая данные естественных наук дисциплин, сумела создать «систему трех веков» (камень—бронза—железо) — первую периодизацию исторического процесса в древности, «археологическую версию истории»,⁴⁶ основанную исключительно на археологическом материале. Система трех веков была выработана датским археологом Х. Ю. Томсеном (1788—1865); его периодизация способствовала становлению «парадигмы эволюционизма» в мировой археологии. Ориентация классической археологии XIX в. лишь на гуманитарные науки историко-филологического цикла затормозила разработку собственно археологической методологии и сузила как объект, так и предмет ее изучения.

Первые и пока единственные попытки рассмотреть историю развития отечественной археологии как самостоятельной научной дисциплины с точки зрения выделения господствующих идей и направлений, но только на примере XX в., принадлежат Л. С. Клейну, В. А. Булкину и Г. С. Лебедеву,⁴⁷ разделивших всю проблемную область уже развитой науки — советской археологии на семь исследовательских «направлений», объединенных в два больших блока — эмпирический и интерпретационный. По мнению критика, недостатком этого коллективного исследования является отсутствие анализа развития каждого из семи направлений и их взаимоотношений друг с другом.⁴⁸ Этот пробел Л. С. Клейн и Г. С. Лебедев попытались устранить в своих книгах 1990-х гг.⁴⁹

По тому же пути пошел В. Ф. Генинг, использовавший науковедческие понятия «научное направление» применительно к устойчивым концептуальным конструкциям и «научная революция» для обозначения качественных переходов в представлениях об объекте и предмете науки, определяющих направленность конкретно-научных исследований. Генинг попытался выделить этапы господства в археологическом знании классического, эволюционистского, палеоэтнологического и социологического направлений, в каждом из которых он видел специфические представления об объекте и предмете науки, ее основных задачах, методах ис-

⁴³ ЭСБЕ. 1904. Т. 91а. Стб. 692.

⁴⁴ Подробнее см.: Историография античной истории. М., 1980.

⁴⁵ Генинг В. Ф., Левченко В. Н. Археология древностей — период зарождения науки (конец XVIII—70-е годы XIX в.). Киев, 1992. С. 15.

⁴⁶ Лебедев Г. С. История отечественной археологии... С. 50.

⁴⁷ Bulkin V., Klein L., Lebedev G. Attainments and Problems of Soviet Archaeology // World Archaeology. 1982. Vol. 13. № 3. P. 272—295. Переработанное и дополненное издание на рус. яз.: Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб., 1993.

⁴⁸ Ганжа А. И. О современных методах исследований по истории археологии // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев, 1987. С. 36—37.

⁴⁹ Клейн Л. С. Феномен советской археологии; Лебедев Г. С. История отечественной археологии: 1700—1917 гг. См. рец.: Клейн Л. С. Парадигмы и периоды в истории отечественной археологии. С. 173—183.

следования и т. п.⁵⁰ Согласно Генинг, возникнув в разные периоды развития науки, эти направления продолжали сосуществовать, испытывая взаимную рефлексию. Однако в целом его конструкция выглядит довольно схематичной, так как не дает цельной картины развития археологии как науки и не отражает всей специфики и сложности научно-исследовательского процесса. Л. С. Клейн справедливо отмечал, что господствующие в археологии концепции «формировались постепенно, обычно нечетко и неполно, долго сосуществовали друг с другом», а вне круга разделявших их ученых существовала «весьма инертная среда, работавшая без четкого ориентира, принимая как данность ту или иную “эписистему” (сумму знаний фактического материала, доступную данным исследователям)». При этом отнюдь не обязательно, чтобы все парадигмы мировой археологии получили развитие или были представлены в России: здесь появились особые концепции, ставшие ее вкладом в мировую науку, примером которых могут служить исследования академика Н. П. Кондакова (1844—1925) и его гениального ученика М. И. Ростовцева (1870—1952). Это направление названо Л. С. Клейном комбинационизмом, так как «возникновение новой культуры оно выводило из взаимодействия, скрещивания культур, из новой комбинации старых компонентов».⁵¹

Археология как наука включает ряд разделов, или субдисциплин, каждая из которых имеет собственную историю и взаимосвязи с другими дисциплинами или субдисциплинами как историко-филологического, так и естественнонаучного циклов. Работы предыдущих поколений ученых подготовили почву для более углубленных исследований в области истории отдельных разделов археологии. Разделяя мнение науковедов о многообразии подходов в историко-научных исследованиях,⁵² я попыталась проанализировать процесс становления старейшей археологической субдисциплины — античной, или как ее называли в XIX в., классической археологии за полтора века ее зарождения и эволюции в России. Очевидно, что ее историю необходимо воспринимать через призму развития русской культуры, рассматривая в контексте эволюции духовной культуры Европы. С указанной точки зрения образцовыми могут считаться историографические исследования А. А. Формозова и Э. Д. Фролова.⁵³

При работе над книгой мне пришлось сознательно ограничиться проблематикой, связанной с историей изучения античных памятников Северного и частично Западного Причерноморья⁵⁴ — основной источниковой базы для отечественной классической археологии. Здесь не рассматриваются традиции общественного восприятия, научного изучения и история коллекционирования археологических памятников других регионов античного мира — Греции, Италии, Малой Азии и др.⁵⁵

Хронологические рамки книги охватывают весь период становления классической археологии с момента организации в 1724—1725 гг. Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге до образования в 1859 г. общегосударственного органа, координирующего и направляющего археологические разыскания по всей территории России — Императорской Археологической комиссии. Ограничение хронологических рамок тем временем создания первых специализированных научных организаций, на мой взгляд, совершенно оправданно, так как позволяет объективно отделить границы исторического этапа становления не только археологии ан-

⁵⁰ Генинг В. Ф. 1) Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982; 2) Объект и предмет науки в археологии. Киев, 1983; Генинг В. Ф., Левченко В. Н. Археология древностей — период зарождения науки (конец XVIII—70-е годы XIX в.). Киев, 1992.

⁵¹ Клейн Л. С. 1) Археология предреволюционной России. С. 5; 2) Парадигмы и периоды... С. 175, 176.

⁵² Кузнецова Н. И. Наука в ее истории. М., 1982. С. 5.

⁵³ Формозов А. А. 1) Очерки по истории русской археологии; 2) Пушкин и древности; 3) Страницы истории русской археологии; 4) Русское общество и охрана памятников культуры; 5) Русские археологи до и после революции; 6) Классики русской литературы и историческая наука; Фролов Э. Д. 1) Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967; 2) Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999. О судьбе античного наследия в русской культуре см.: Кнабе Г. С. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России: Программа-конспект лекционного курса. М., 2000.

⁵⁴ Серия общенетических исследований о присоединении Северного Причерноморья к России и развитии Новороссийского края принадлежит московскому историку Е. И. Дружининой. См.: Дружинина Е. И. 1) Кучук-Кайнарджийский мир 1774 года: (Его подготовка и заключение). М., 1955; 2) Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959; 3) Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970; 4) Южная Украина в период кризиса феодализма 1825—1860 гг. М., 1981.

⁵⁵ Одну из этих тем затрагивает диссертация: Бараш А. Н. Коллекционирование памятников античного искусства в России в первой половине XIX в. (на материале частных собраний): Автореф. дис. ... канд. культурол. наук. СПб., 1999.

тичного Причерноморья, но и связанного с ним начального и потому ключевого этапа создания центральных звеньев научной организации дореволюционной российской археологии в целом.

Территориальный охват античных памятников, привлечших к себе внимание пионеров классической археологии, включает все Северное Причерноморье от Дуная (Молдова, Украина) до восточных границ современного Краснодарского края Российской Федерации. Немаловажным дополнением к хронике исследований в России является публикуемый в книге небольшой этюд об изучении античных древностей Болгарии и Румынии, которые в 1827—1829 гг. также попали в поле зрения отечественных антиквариев.

В XVIII—XIX вв. в результате русско-турецких войн Россия, ранее отрезанная от южных морей, получила малозаселенную территорию и морскую границу огромной протяженности — от Дуная до Кубани. И до, и после присоединения Северного Причерноморья (1774, 1783, 1791, 1812) административные границы и названия губерний (краев) неоднократно менялись, поэтому для обозначения северопричерноморских земель в XVIII—XIX вв. я буду пользоваться традиционным обобщенным названием Новороссия или Новороссийский край, бытовавшим вплоть до 1917 г.

Чтобы более не возвращаться к истории административно-территориального деления Северного Причерноморья, кратко приведу лишь самые необходимые данные.⁵⁶

В первой половине XVIII в. граница между Российской империей и Крымским ханством, вассального по отношению к Османской Порте, проходила по открытой степи от Южного Буга на восток, шла вверх по Днепру и у устья р. Миус выходила к Азовскому морю. В 1751 г. между Днепром и Снпюхой была образована область Новая Сербия, в 1753—1754 гг. — область Славяно-Сербия с центром в Бахмуте; в 1775 г. ликвидирована Запорожская Сечь. В 1764 г. южные пограничные области вошли в состав Новороссийской губернии, в 1775 г. была также образована Азовская губерния, включавшая земли Войска Донского, Бахмутский уезд, междуречье Южного Буга и Днепра, города Керчь и Еникале в Крыму. В 1784 г. Новороссийская и Азовская губернии образовали Екатеринославское наместничество с центром в Екатеринославе, куда вошла и Таврическая область (1784—1796), с землями бывшего Крымского ханства (Крым, Таманский полуостров, Северо-Западные Приазовье, причём Керчь стала центром Фанагорийского уезда), а с 1791 г. и Очаковская область (междуречье Южного Буга и Днестра). После второго раздела Польши в 1795 г. была создана Вознесенская губерния, включившая Очаковскую область и часть Брацлавщины, но уже в следующем году эта административная единица была ликвидирована.

В 1796 г. при Павле I Екатеринославское наместничество и бывшая Таврическая область составили Новороссийскую губернию, причём часть уездов отошла к Слободской Украине. Новороссийская губерния (1796—1802) простиралась от Днестра до Кубани, включая Крымский полуостров и Предкавказье с землёю Войска Черноморского. В 1802 г. эта огромная территория была разделена на три губернии — Екатеринославскую, Николаевскую (с 1803 г. — Херсонскую) и Таврическую. В 1805 г. было создано Николаевское и Севастопольское военное губернаторство, просуществовавшее до 1900 г. (Севастополь входил в него до 1856 г.), так как Николаев с 1794 г. стал центром управления Черноморским флотом (командование флота было переведено в Севастополь только в 1895 г.). В 1812 г. к России отошел Буджак и вся Бессарабия с Левобережьем Дуная от устья Прута до Черного моря, составившие Бессарабскую область (после поражения в Крымской войне южная часть Бессарабии, т. е. Буджак, и о-в Фидониси, ныне Змеиный, были отрезаны от России по Парижскому миру 1856 г.).

В 1822 г. указом Александра I южным губерниям было возвращено имя, данное Екатериной II, — Новороссия. Новороссийский край включал: губернии Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую, иностранные колонии, военные поселения (до 1857 г.) и города и села, принадлежавшие морскому ведомству (Севастополь, Николаев и пр.), а также градоначальства: Одесское (1803—1919), Херсонское, Таганрогское (1802—1887), Феодосийское (1802—1829), Керчь-Еникальское (1821—1920), которые с 1805 г. подчинялись военным губернаторам соответствующих губерний, с 1821 г. — херсонскому военному губернатору, с 1822 г. — новороссийскому генерал-губернатору. В 1805 г. в Одессу была переведена канцелярия новороссийского, а с 1828 г. новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, управлявшего Херсонской, Екатеринославской, Таврической губерниями и Бессарабской областью (губерния с 1873 г.). Одесское градоначальство территориально входило в состав Херсонской губернии (1805—1919), Феодосийское и Керчь-Еникальское — в состав Таврической губернии, Таганрогское, в структуру которого в 1807 г. вошли Ростов, Новая Нахичевань и Мариуполь с прилегающими территориями, — в состав Екатеринославской губернии.

Особой административной единицей были земли войска Донского, границы которых установлены в 1786 г., утверждены Жалованной грамотой войску в 1792 г., с центром в Новочеркасске (с 1807 г.). Границы не изменялись вплоть до 1887 г., когда в земли донского казачества были включены Ростовский уезд и Таганрогское градоначальство с городами Ростовом, Таганрогом и Нахичеванью. В 1870 г. эта территория получила официальное название Область войска Донского.

Другая область — Черноморская — была присоединена к России в 1774 г. (Таманский полуостров) и в 1783 г. (земли, прилегающие к Азовскому морю от Ейского залива до устья реки Кубань). В 1786 г. территория, начиная от Темрюка, вошла в Кавказскую область (наместничество) с центром в Екатеринограде. После ликвида-

⁵⁶ Кому-то из читателей эти сведения могут показаться излишними, но они помогут тем исследователям, кто намерен обратиться к делопроизводству региональных органов управления южных районов империи для поиска документов в архивах России и Украины об археологических памятниках, первых раскопках и случайных находках древностей в XVIII—XIX вв.

пии Запорожской Сечи из числа «верных» казаков в 1787 г. Г.А.Потемкиным было образовано Черноморское казачье войско. В 1792 г. императрица Екатерина II пожаловала ему вновь приобретенные земли к востоку от Керченского пролива «для поселения из-за Буга и Днестра», включая территорию от Усть-Лабинской крепости вниз по правому берегу р. Кубани до ее устья, Таманский полуостров, к западу до Азовского моря и к северу — до Ростовского уезда и граници земель войска Донского. В 1794 г. был основан Екатеринодар (ныне Краснодар), главный город земель черноморских казаков, где размещалось управление войском в лице наказного атамана, а вся его территория разделена на 5 округов (с 1842 г. — на три округа: Таманский, Екатеринодарский и Ейский). В 1802 г. Таманский полуостров ненадолго вошел в состав Тмутараканского (бывшего Фанаторийского) уезда Таврической губернии с причислением к нему земель Войска Черноморского: войсковая канцелярия, созданная по примеру Войска Донского, подчинялась по военным делам инспектору Крымской экспедиции, по гражданским — таврическому губернатору, а с 1827 г. стала подчиняться командиру отдельного Кавказского корпуса. Образованное в 1832 г. Кавказское линейное казачье войско делилось на полковые округа; его гражданской частью ведало войсковое правление. В 1842 г. в связи с введением нового положения о Черноморском казачьем войске и разделением военного и гражданского управлений войсковая канцелярия Черноморского казачьего войска была ликвидирована, взамен создано войсковое правление, ведавшее хозяйственной частью. В 1860 г. из Черноморского и Кавказского линейного казачих войск было образовано Кубанское казачье войско, а из территории этих войск — Кубанская область; начальником войска и области являлся наказной атаман.

В полном объеме заявленная тема никогда не была предметом специального изучения ни в отечественной, ни в зарубежной науке. Существующие работы российских и советских ученых освещают отдельные аспекты истории классической археологии как в общем контексте развития исторической науки,⁵⁷ так и русского антиковедения в целом,⁵⁸ а также вспомогательных исторических дисциплин,⁵⁹ истории археологического изучения отдельных регионов и памятников (правда, как правило, только на основании опубликованных источников),⁶⁰ историографии конкретных проблем⁶¹ и т. п. Предпринимались попытки воссоздать историю археологических обществ, неформальных объединений ученых,⁶² проследить судьбы отдельных исследователей. Опубликован целый ряд работ и сборник документов по истории охраны памятников, коллекционирования и создания музеев.⁶³ В историографии классической археологии наиболее полно освещен период 1820—1850-х гг., хотя практически не изучена ее история с точки зрения появления и развития научных представлений о памятниках античной археологии, эволюции научно-организационных форм исследований, создания и деятельности региональных центров, смены идейно-методических позиций ученых, развития методики исследований и т. п. В обширной отечественной как до-, так и послереволюционной историографической литературе по истории русской археологии и антиковедения до сих пор отсутствуют исследования, в которых были бы всесторонне обобщены и осмыслены не только из-

⁵⁷ Жебелев С. А. 1) Введение в археологию. Ч. 1: История археологического знания. Пг., 1923; 2) Источники для изучения истории античной культуры Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры. М.; Л., 1955. Ч. 1. С. 5—22; Бузескул В. П. 1) Открытия XIX и начала XX в. в области истории древнего мира. Ч. 2: Греческий мир. Пг., 1924. С. 30—34; 2) Изучение древностей северного побережья Черного моря и их значение с точки зрения греческой и мировой истории. Киев, 1927; Худяков М. Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933; Арциховский А. В. Археология // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 523—535; М., 1960. Т. 2. С. 614—632; Формозов А. А. Страницы истории русской археологии; Генинг В. Ф., Левченко В. Н. Археология древностей.

⁵⁸ Бороздин И. Н. Античная культура на юге России. М., 1918; Бузескул В. П. 1) Открытия XIX и начала XX в. в области истории древнего мира. Ч. 2. С. 30—34; 2) Изучение древностей северного побережья Черного моря...; Фролов Э. Д. Русская наука об античности.

⁵⁹ Новосадский Н. И. Греческая эпиграфика. М., 1915. Ч. 1; Моисеева Т. А. Русское дореволюционное антиковедение и эпиграфические памятники: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1974.

⁶⁰ Герц К. К. 1) Археологическая топография Таманского полуострова // Собр. соч. СПб., 1898. Вып. 1; 2) Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове // Там же. Вып. 2; Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926; Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок. Севастополь, 1927.

⁶¹ См., например: Семенов-Зусер С. А. Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947; Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982; Иванова А. П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953. С. 30—43.

⁶² Юргевич В. Н. Исторический очерк 50-летия Имп. Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1889; Веселовский Н. И. История Имп. Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. СПб., 1900; Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981.

⁶³ Овсянникова С. А. Частное коллекционирование в России в пореформенную эпоху (1861—1917) // ОИМД. 1960. Вып. 2. С. 66—144; Разгон А. М. Археологические музеи в России (1861—1917) // ОИМД. 1961. Вып. 3. С. 190—230; Белаевская К. П. Дворцовые музеи и хранилища XVIII—первой половины XIX в. // Там же. С. 301—364; Охрана памятников истории и культуры в России: XVIII—начало XX в.: Сб. документов. М., 1978.

данные материалы, но прежде всего архивные источники, раскрывающие процесс возникновения и первых шагов русской науки о классических древностях Северного Причерноморья. На мой взгляд, без привлечения и критического анализа архивных материалов адекватная история любой науки на уровне знаний, сложившемся к началу третьего тысячелетия, не может быть написана вообще. Эту истину в большей или меньшей степени осознали представители практически всех дисциплин, в том числе историки гуманитарных наук, фундаментального естествознания и техники, но только не археологи. Например, литературоведами в ряде специальных изданий, таких как «Литературное наследство», опубликовано и введено в научный оборот огромное количество материалов по истории русской литературы и общественной мысли, где очень широко представлено эпистолярное наследие деятелей литературы; изданы энциклопедии и многотомные биографические словари русских писателей, библиографии и т. п. Не отстают философы, востоковеды, слависты, однако историки археологии в нашей стране по существу лишь делают первые робкие шаги в этом направлении. Между тем комментируемые научные публикации архивного наследия археологов и специалистов по смежным дисциплинам позволили бы освободить историю науки от многих догм и устоявшихся стереотипов, от кочующего из работы в работу схематизма, от искусственных конъюнктурных конструкций. Все это возможно только на базе широкого и углубленного изучения подлинных фактов истории археологии, немыслимого без изучения архивного наследия ученых. Западно-европейские археологи недавно приступили к изучению национальных хранилищ документов в рамках специальной программы европейской ассоциации археологов «Архивы в археологии». История археологии в Западной Европе становится модной темой — в крупнейших университетах Италии уже созданы специальные кафедры истории археологии.

Однако объемный пласт публикаций XIX—XX вв. по истории русской археологии, который имеется в отечественной историографии, из-за языкового барьера практически совершенно не известен зарубежным специалистам. Как и триста, двести, сто лет назад, да и сегодня, *Rossica* традиционно *non leguntur*.⁶⁴ В западной историографии отсутствуют работы, адекватно освещающие историю российской археологии, что практически привело к игнорированию вклада русских ученых в мировой научный процесс. До сих пор в качестве одного из основных источников по истории русской науки использовалась послевоенная книга археолога-эмигранта Михаила Александровича Миллера (1883—1968) «Археология в СССР»,⁶⁵ которая написана с вполне понятной тенденциозностью, на каждой странице пестрит огромным количеством грубейших фактических ошибок, исходит из неверных посылок, поэтому не может дать читателю адекватного представления о путях развития, достижениях и научном потенциале российской археологии. В более современных изданиях по истории мировой археологии о развитии этой науки в нашей стране до революции либо не сказано ни слова,⁶⁶ либо ее истории уделено весьма скудное место,⁶⁷ причем авторы основываются на давно устаревших публикациях, таких как тот же труд М. А. Миллера, или на сжатых обзорах советских ученых, эпизодически появлявшихся в мировой печати.⁶⁸ Из-за языкового барьера и, как следствие этого, неизбежности использования сведений «из вторых рук» уровень осведомленности зарубежных коллег не позволяет им адекватно оценить современные научные разработки и перспективы сотрудничества с российскими археологами.

⁶⁴ Русский язык не читается (лат.).

⁶⁵ Миллер М. А. Археология в СССР. Мюнхен, 1954. С. 7—21 (Ин-т по изучению истории и культуры СССР: Исследования и материалы. Сер. 1. № 12). Англ. перевод: Miller M. Archaeology in the USSR. New York, 1956. P. 7—24.

⁶⁶ Daniel G. A Hundred and Fifty Years of Archaeology. London, 1978 (в рамках интересующего нас периода в публикуемой автором таблице важнейших событий мировой археологии (1820—1970) отмечу характерную ошибку (или опуску?) на с. 385 о раскопках Куль-Обы Дюбрюком: «Dulux (sic!) excavates Kul Oba near Kertch in the Crimea», здесь же говорится об открытии музея в Берлине и Глиптотеки в Мюнхене, но нет ни слова о создании Екатериной II и об открытии для публики в 1852 г. крупнейшего музея мира — Эрмитажа, не говоря уже о провинциальных археологических музеях в Одессе и Керчи, создании Исторического музея в Москве, археологических обществ и Археологической комиссии, о появлении фундаментальных трудов русских ученых (в том числе на иностранных языках).

⁶⁷ Trigger B. G. A History of Archaeological Thought. Cambridge, 1989. P. 208—209; Вишняцкий Л. Б., Зуев В. Ю., Колпаков Е. М. и др. Рец. на кн.: Trigger B. G. A History of Archaeological Thought // РА. 1992. № 3. С. 251—262.

⁶⁸ См. например: Mongait A. Civiltà scomparse: L'archeologia nell'URSS / Pref. di Ranuccio Bianchi-Bandinelli. [Roma,] 1964; Artisikhovskiy A. V. Archaeology // Great Soviet Encyclopedia. New York, 1973. T. 2. P. 245—250.

Источниками исследования в данной монографии стали документы государственных учреждений, научных обществ, музеев и личные фонды ученых начала XVIII—середины XIX в. Исходя из убеждения об огромной, но до сих пор недостаточно оцениваемой современными исследователями роли архивов для археологии,⁶⁹ я по мере сил пытался синтезировать добытые двадцатилетними изысканиями архивные данные в единую картину становления и развития нашей науки как части истории русской культуры (части 1—2), и одновременно попыталась воссоздать хронику изучения отдельных регионов Причерноморья до середины XIX в. (часть 3). И все же по ряду объективных обстоятельств и ограничений объемного характера в данной книге история археологических исследований некоторых регионов и памятников северного берега Понта осталась либо вовсе, либо недостаточно освещенной.

Современные археологи и историки античности лишь эпизодически обращаются к архивным документам по истории изучения памятников Северного Причерноморья, причем, как правило, к материалам не более чем 100—150-летней давности. Они сконцентрированы главным образом в Рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН, где хранятся фонды Имп. Археологической комиссии (1859—1919), Русского археологического общества (1846—1924) и др. Между тем в центральных и местных архивах России и Украины погребены тысячи документов XVIII—начала XIX в. о первых раскопках на юге России, в том числе карты, планы, чертежи, описания древних городищ, святилищ, могильников, памятников античной архитектуры, скульптуры, лапидарных и нумизматических находок, многие из которых были впоследствии утрачены или депортированы. Основная масса этих документов относится к периоду после присоединения Северного Причерноморья к Российской империи (1774, 1783, 1791). Среди них важнейшую роль играют картографические и видовые материалы XVIII—XIX вв., планы, разрезы, рисунки городищ и курганов, найденных древностей, копии и списки эпиграфических памятников, которые являются документами первостепенной важности и требуют сверки с опубликованными корпусами надписей, так как часть из них издана с отличиями с точки зрения сохранности текста и неверными сведениями о местах находок.

Ряд картографических документов и описаний отражает состояние археологических объектов на момент их первоначальной фиксации. Важность и ценность этих материалов прекрасно осознавали ученые XIX в. В 1876 г. известный славист, профессор Новороссийского университета, член-корреспондент АН В. И. Григорович опубликовал записку о своих архивных открытиях в Военно-ученом архиве Главного штаба.⁷⁰ Библиотекарь московского архива Министерства иностранных дел И. Токмаков еще к VI Археологическому съезду в Одессе 1884 г. составил рукописный «Указатель материалов для изучения истории и археологии Новороссийского края в связи с северным и восточным побережьем Черного моря и Южной России. С приложением библиографии о Новороссийском крае, крымских древностях и вообще о курганах и археологических раскопках в Европейской и Азиатской России» (М., 1884).⁷¹

Подавляющая часть архивных материалов, обладающих ценностью первоисточника, впервые вводится в научный оборот, что может способствовать научной переоценке многих страниц истории классической археологии, наметить новые направления и подходы в исследовательской разработке той или иной проблемы. Публикуемые в книге материалы с очевидностью показывают важность использования архивных документов при обращении к памятникам, давно известным по литературе, так как многие важнейшие (по меркам современной науки) археологические открытия были сделаны на заре отечественной археологии. Несмотря на печальное состояние или даже гибель многих археологических объектов в наши дни, из архивных материалов можно извлечь принципиально важную информацию — они снимают нерешенные до сих пор вопросы и одновременно ставят новые, раскрывая дальнейшие перспек-

⁶⁹ Формозов А. А. Архивы и археология : (К вопросу об изучении археологической документации) // АЕ за 1974 г. М., 1978. С. 38—48.

⁷⁰ Григорович В. И. Отчет о поездке в Петербург с 25 июня по 8 октября 1875 г., заключающий записку о пособиях к изучению южнорусской земли, находящихся в военно-ученом архиве Главного штаба // Зап. Новороссийского ун-та. 1876. Т. 20. Ч. 2. С. 9—37. Отд. оттиск : Одесса, 1876.

⁷¹ ГАО, ф. 275, оп. 1, л. 35, 335 л. Неизданная рукопись включает сведения об архивных документах, обзор картографических материалов и «опыт российской библиографии» по древностям юга России.

тывы ретроспективных реконструкций памятников (в том числе погребальных комплексов), раскопанных в прошлых столетиях. Воспроизвести в иллюстрациях к монографии выявленный в архивах огромный пласт графической документации не представляется возможным, поэтому я надеюсь, что отсылочная информация на документы возбудит у исследователей, изучающих конкретные регионы и памятники, интерес к дальнейшим поискам и углубленной работе с дошедшими до нас первоисточниками.⁷²

Документы отразили те стороны истории археологических исследований в России, о которых умалчивают публикации. Так, сохранились некоторые неизданные материалы Е. Е. Келера, П. А. Дюбрюкса, И. П. Бларамберга, И. А. Стемковского, П. И. Кёппена, в том числе научные труды, отчеты о раскопках, огромный массив научной, научно-организационной и личной переписки, раскрывающий творческую лабораторию исследователей. В первой части книги достаточно много места уделено реконструкциям биографий ученых и дилетантов-археологов, причем главное внимание приковано к малоизвестным или забытым персонажам. Сведения о знаменитых ученых, литераторах и меценатах, таких как В. Н. Татищев, В. К. Третьяковский, М. В. Ломоносов, Е. Болховитинов, Н. П. Румянцев, А. Н. Оленин и пр., по понятным причинам, минимальны. Объем и характер привлеченных источников позволил представить довольно полную реконструкцию истории изучения античных памятников Северного Причерноморья как в проблемном, так и в хронологическом аспекте.

Большой массив документов был привлечен мною из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, первого научного архива России (основан в 1728 г.), и научно-отраслевых архивов академических институтов Санкт-Петербурга — Рукописного архива Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, Русской секции архива Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки РАН. Целые комплексы документов по теме обнаружены в федеральных архивах — Российском государственном историческом архиве, Российском государственном архиве военно-морского флота (Санкт-Петербург), Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве древних актов, Российском государственном военно-историческом архиве (Москва), а также в Архиве Государственного Эрмитажа, Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва).

Использованы также материалы государственных и ведомственных архивов Украины: Института рукописей Центральной научной библиотеки им. В. И. Вернадского Национальной Академии наук Украины (Киев), Центрального государственного архива автономной Республики Крым (Симферополь), Государственных архивов Одесской и Николаевской областей, научных архивов Крымского республиканского краеведческого музея (Симферополь), Одесского археологического музея НАНУ, Керченского государственного историко-культурного заповедника, Феодосийского краеведческого музея.

Основу предлагаемого вниманию читателей исследования составил текст, написанный в 1988 г. и через полгода защищенный в качестве кандидатской диссертации на историческом

⁷² Отправным источником для поиска материалов по архивам Москвы и Петербурга может служить справочник с обширным библиографическим аппаратом, петербургская часть которого составлена мною: Архивы России: Москва и Санкт-Петербург: Справочник-обзор и библиографический указатель / Гл. ред. В. П. Козлов, П. К. Гримстед; сост. П. К. Гримстед, Л. В. Репуло (отв. сост.), И. В. Тункина. М., 1997. 1070 с. Расширенное и дополненное англоязычное издание напечатано в США. См.: Archives of Russia: A Directory and Bibliographic Guide to Holdings in Moscow and St. Petersburg: English-language Edition / Ed. P. K. Grimsted; comp. P. K. Grimsted, L. V. Repulo, I. V. Tunkina. New York: London, 2000. Vol. 1—2. Об архивных собраниях Украины и Молдавии см.: Archives and Manuscript Repositories in the USSR: The Ukraine and Moldavia. Book 1: General Bibliography and Institutional Directory / Comp. P. K. Grimsted. Princeton, 1988. В настоящее время П. К. Гримстед в сотрудничестве с украинскими архивистами (ИР ЦНБ НАНУ, Л. А. Дубровина и др.) готовит новый справочник об архивах независимой Украины.

Для поиска личных фондов и коллекций наиболее ценен построенный в алфавитном порядке фамилий фондобразователей справочник по архивам, библиотекам, музеям бывшего СССР (за исключением архивов МИД, Министерства обороны и т. д. и документов репрессированных лиц): Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: Указатель: В 3 т. М., 1962—1963, 1980.

факультете Ленинградского государственного университета.⁷³ Переключившись на другие сюжеты историко-научных изысканий, я тем не менее постоянно возвращалась к теме, занимающей меня два десятка лет. За прошедшие годы текст исследования был существенно дополнен новыми материалами и целыми главами на основе вновь найденных архивных документов, благодаря исследовательскому гранту РГНФ он переработан в книгу.⁷⁴ Из обширной литературы, появившейся за прошедшие годы, я старалась учесть все основные публикации, но после распада СССР с каждым годом это становилось все труднее. За неизбежные пропуски в литературе приношу извинения авторам и читателям.

В заключение хочу выразить глубокую признательность всем коллегам, ныне здравствующим и, увы, ушедшим из жизни, тем, кто вдохновлял меня и содействовал созданию этой работы, а также взял на себя нелегкий труд прочесть ее в рукописи и высказал ценные критические замечания. Это мои наставники и коллеги на археологическом и историко-научном поприще — Г. С. Лебедев, А. Д. Столяр (кафедра археологии СПбГУ), А. Н. Щеглов (Институт истории материальной культуры РАН), А. А. Формозов (Институт археологии РАН), Э. Д. Фролов (кафедра истории Древней Греции и Рима СПбГУ), И. Л. Тихонов (Музей истории СПбГУ), архивисты В. И. Александрова, Н. Я. Московченко, А. Н. Анфертьева, В. И. Осипов, И. А. Шафран, О. В. Иодко, М. Ш. Файнштейн (Санкт-Петербургский Архив РАН), В. С. Соболев (РГАВМФ), И. С. Тихонов и О. В. Маринин (ГАРФ), Н. Б. Стрижова (ОПИ ГИМ), Л. А. Дубровина (ИР ЦНБ НАНУ), Р. В. Васильева, Н. А. Белова, Т. П. Иванова (РА ИИМК РАН), а также бывшие всегда внимательными и строгими критиками моих историко-научных штудий Я. В. Доманский, А. М. Гилевич, В. Ю. Зуев (Государственный Эрмитаж), Ю. В. Андреев, К. К. Марченко, В. И. Денисова, Ю. А. Виноградов, Е. Я. Рогов, В. А. Горончаровский, М. Ю. Вахтина (Институт истории материальной культуры РАН), С. Р. Тохтасьев (Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН), А. Н. Анфертьев, А. Н. Васильев, И. В. Куклина, чл.-кор. И. П. Медведев (Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН), Т. Н. Смекалова (физический факультет СПбГУ), акад. Г. М. Бонгард-Левин, Ю. Г. Виноградов, Н. К. Спиченко (Центр сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН), Я. М. Паромов, А. А. Масленников и Т. Д. Николаенко (Институт археологии РАН), П. О. Карышковский и Т. А. Избаш (Одесский государственный университет), М. И. Золотарев (Херсонесский заповедник), В. А. Кутайсов (Крымский филиал Института археологии НАНУ), В. А. Крапивина (Институт археологии НАНУ, Киев), проф. Хайнц Хайнен (Университет Трира, ФРГ) и др.

⁷³ Тункина И. В. Становление классической археологии в России (XVIII—середина XIX в.) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. 16 с. (на правах рукописи). Рукопись диссертации (три тома, 591 с.) хранится в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ и в Отделе диссертаций РГБ.

⁷⁴ Тункина И. В. Становление классической археологии в России (XVIII—середина XIX в.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2000. № 1. С. 44—50.

ЧАСТЬ 1

**СТАНОВЛЕНИЕ
ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ
РУССКОЙ НАУКИ
О КЛАССИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЯХ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
(XVIII—середина XIX в.)**

ГЛАВА 1

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ЗНАКОМСТВА С ДРЕВНОСТЯМИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (1725—1802)

Эпоха Петра I знаменовалась крупными сдвигами в экономическом, политическом и культурном развитии России. В начале XVIII в. была обозначена задача укрепления русской государственности, постановки на службу обществу науки и просвещения, что предопределяло переход к новым взглядам на устройство общественной жизни и создало базу для развития исторической науки. «Возникновение научной археологии... — писал А. А. Формозов, — одна из сторон... рождения великой русской культуры нового времени».¹ На ее становление огромное влияние оказал культурный и художественный климат рационалистического века Просвещения — преклонение перед античной литературой, философией, архитектурой и искусством. В древности искали и находили примеры добросовестной службы «царю и отечеству», «общественному благу» и гражданской доблести.

Культурный переворот, совершенный Петром I, привел к постепенному формированию в России европеизированной элиты, культивировавшей знания об античности как основу всякой образованности и эрудиции. В Россию проникает увлечение древностями — к петровскому времени относится появление первых собраний богатых отечественных коллекций произведений античного искусства и нумизматических памятников, которые владельцы стремились сделать доступными для обозрения. Подражая примеру царя, приобретающего подлинные творения античных мастеров,² высший свет украшал свои дворцы антиками, закупавшимися за границей. Собираателями были генерал-фельдмаршал граф Я. В. Брюс, князь Д. М. Голицын, лейб-медик Р. К. Арескин, светлейший князь А. Д. Меншиков, граф Ф. М. Апраксин, А. П. Вольнский, граф Пл. И. Мусин-Пушкин и др.³ Стремясь понять античные сюжеты и символику, сподвижники царя-реформатора изучали произведения древних авторов. Античные статуи постепенно перестали восприниматься как «поганные идола», и новую столицу империи Санкт-Петербург и его пригороды стали украшать скульптурой, создаваемой по образцам античных оригиналов, из Италии выписывались формы для изготовления слепков.⁴ О. Я. Неверов убедительно показал, что «отношение к художественному наследию... античного мира в России этого времени все больше приобретало конкретно-исторический и антикварно-археологический оттенок».⁵

¹ Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 21.

² Ю. Ф. Археологическое исследование о статуе Таврической Венеры и акты, относящиеся к ее приобретению // ЧМОИДР. 1847—1848. № 7. С. 137—146.

³ Подробнее см.: Овсянникова С. А. Частное собирательство в России в XVIII—первой половине XIX в. // ОИМД. 1961. Вып. 3. С. 270—283; Неверов О. Я. Памятники античного искусства в России петровского времени // Культура и искусство петровского времени: Публикации и исследования. Л., 1977. С. 37—53.

⁴ Андросов С. О. «Для учения российских людей»: О деятельности архитектора Микетти по приобретению произведений искусства в Италии // Панорама искусств. М., 1987. Т. 10. С. 40—52; Мавлеев Е. В. Образ города // Санкт-Петербург и античность. СПб., 1993. С. 12.

⁵ Неверов О. Я. Памятники античного искусства... С. 49.

Инициатором собраний писемных и археологических источников выступил сам Петр I, понимавший необходимость широкого привлечения их данных для познания прошлого страны. К началу XVIII в. относятся известия о первых археологических раскопках в России. Еще в 1712 г. по распоряжению тобольского губернатора кн. М. П. Гагарина к Долматовскому монастырю были отправлены отставной драгун Михаил Слободчиков и крестьянин Макар Лобов с товарищами «для присылки древностей», в 1714 г. царь разрешил голландцу фон Дорту проводить раскопки древних могил, в 1719 г. направил в г. Дмитровск Казанской губернии сержанта лейб-гвардии Преображенского полка Ивана Коптелова с воинской командой «для взятия обнаруженного священником Афанасьевым сокровища». Отправленному в 1720 г. в сибирскую экспедицию Д. Г. Мессершмидту было поручено собирать сведения о древностях.⁶ Об интересе самодержца к памятникам археологии, историческую и художественную ценность которых он определял сам, свидетельствуют устные и письменные распоряжения Петра I о присылке древностей в Петербург.⁷ В их числе можно назвать знаменитый указ «о принесе родившихся уродов и найденных необыкновенных вещах» от 13 февраля 1718 г., предписывавший сдачу за вознаграждение старинных редкостей комендантам и призывающий собирать «старые вещи... старые подписи на камнях, железяки или медики, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно».⁸ В 1721 г. последовал еще один указ Сената сибирскому губернатору А. М. Черкасскому, согласно которому надлежало «курьезные вещи, которые находятся в Сибири, покупать... настоящею ценою и, не переплавлявая, присылать в Берг- и Мануфактур-коллегию; а во оной, потому ж не переплавлявая, об оных докладывать его величеству».⁹ Несмотря на незначительные практические результаты царских постановлений 1718 и 1721 гг. именно в первой четверти XVIII в. были заложены основы научного отношения к древностям,¹⁰ т. е. возведен фундамент для развития русской археологии, археологии, эпиграфики и нумизматики.

В 1714 г. в Петербурге были созданы первый русский публичный государственный музей — Кунсткамера (палата редкостей) и Библиотека, основанные по указу Петра I на базе его личных собраний. В те годы в северную столицу России из Москвы перевозились библиотеки царской семьи и опальных вельмож, а также коллекции раритетов. Ими сначала ведал лейб-медик Р. Арескин, а с 1718 г. архивар Л. Блюментрост, впоследствии первый президент Академии наук. Ему помогал библиотекар царской библиотеки эльзасец И. Д. Шумахер, через 10 лет ставший всемогущим советником Канцелярии Академии наук. Организованный по определенному плану и построенный изначально как научный музей, Кунсткамера в то же время была открыта для посетителей и выполняла просветительские задачи. Первым хранителям вменялось в обязанность давать пояснения публике при осмотре экспонатов. По мысли Петра I, комплексный состав экспозиции Кунсткамеры должен был служить развитию просвещения, пробуждению интереса в русском обществе к различным областям науки: «Я хочу, чтобы люди смотрели и учились», — говорил царь.¹¹

В феврале 1721 г. Петр I отправил библиотекаря И. Д. Шумахера в Германию, Голландию, Францию и Англию с рядом поручений, в том числе научно-организационного характера. Задания царя подразумевали не только покупку книг и экспонатов (включая «антиквитеты») для Библиотеки и Кунсткамеры, но и приглашение западноевропейских ученых в Россию, а также налаживание контактов с зарубежными научными академиями, обществами и универ-

⁶ РГВИА, ф. 2583, оп. 1, д. 55, л. 31—31 об.; АВ СПбФ ИВ, ф. 52, оп. 1, д. 11, л. 1.

⁷ Распоряжение Петра I о вознаграждении за археологические находки / Сообщ. П. И. Баранов // РС. 1872. № 10. С. 474; *Записки М. П. 1*) Об одном архивном документе по истории Сибирской коллекции Петра I // СГЭ. 1974. Вып. 39. С. 34—36; 2) К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I // Культура и искусство петровского времени. Л., 1977. С. 63—69; 3) Собрание М. П. Гагарина 1716 г. в Сибирской коллекции Петра I // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 41—51; 4) Некоторые вопросы изучения Сибирской коллекции Петра I // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции: Краткие тез. докл. науч. конф., посвящ. 60-летию Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа. СПб., 1991. С. 29—31.

⁸ ПСЗ. Сер. 1. Т. 5. № 3159. С. 542. См. также: РГВИА, ф. 405, оп. 2, л. 3434; Охрана памятников истории и культуры в России: XVIII—начало XX в.: Сб. документов. М., 1978. С. 21. № 2.

⁹ ПСЗ. Сер. 1. Т. 6. № 3738. См. также: Охрана памятников истории и культуры... С. 22—23. № 4.

¹⁰ Лебедев Г. С. История отечественной археологии: 1700—1917 гг. СПб., 1992. С. 54.

¹¹ Нартов А. К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 271.

считали «...для сочинения сочинетата наук, подобных как в Париже, Лондоне, Берлине и прочих местах».¹² Через несколько лет замысел царя об организации собственной Академии наук был претворен в жизнь.

Императорская Академия наук в Санкт-Петербурге (Петербургская АН), основанная в 1724—1725 гг. и ставшая последним звеном в ряду реформ Петровской эпохи, сделала первые шаги в научном изучении античных памятников в России. Необходимость подготовки национальных кадров специалистов и внедрения на русской почве научных и технических достижений Западной Европы поставили перед Академией наук двойную задачу — ведение не только научно-исследовательской, но и педагогической работы. 28 января 1724 г.¹³ был издан указ Сената, где говорилось, что «Петр Великий... указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также протчим наукам и знатым художествам и переводили б книги...».¹⁴ В структуру Академии сразу были переданы Библиотека и Кунсткамера, а также создаваемые при ней два учебных заведения — гимназия и университет.¹⁵ В проекте положения об Академии, подписанном царем, был выделен особый гуманитарный класс из трех кафедр: красноречия и древностей («элоквенции и студиум антиквитатис»), истории древней и новой; права, политики и этики («право натуры и публичное, купно с политикою и этикою (ндравоучением)»)¹⁶. С июня 1725 г. в северную столицу России начали съезжаться академики, главным образом выходцы из Германии — в стране появились первые профессиональные ученые, заложившие базу для развития отечественной науки и содействовавшие просвещению русского общества того времени. Труды академиков-иностранцев, часть которых нашла здесь вторую родину, в России начинают культивироваться европейская наука, наука Ньютона, ориентированная на данные научного факта.

В числе первых 14 приглашенных в Петербург ученых был профессор греческих и римских древностей *Готлиб* (в латинском варианте *Теодил*) *Зигфрид Байер* (1694—1738), историк, востоковед-китаист, антиковед, прекрасный знаток классических языков, вошедший в отечественную историографию как создатель «норманской теории» формирования русской государственности.¹⁷

Г. З. Байер — уроженец восточной Пруссии, выпускник Кёнигсбергского университета, продолжил образование в Берлине, Галле и Лейпциге, магистр (1717). С 1717 г. служил библиотекарем в Альштадтской городской библиотеке, затем конректором Кёнигсбергской кафедральной школы. Он — первый академик-историк (1725) и профессор по кафедре греческих и римских древностей и восточных языков Петербургской Академии наук (1725—1737), с 1727 г. заведовал академической гимназией; подал в отставку в 1737 г.

Признанный специалист в области классической филологии и античной истории, Байер являлся представителем нового критического направления в европейской науке. Основные его труды — в области ориенталистики (китайско-латинский словарь), филологии, древнейшей и средневековой истории России, исторической географии Восточной Европы. Опираясь на скрупулезный анализ античной, византийской, скандинавской и восточной письменных традиций, Г. З. Байер оставил несколько сочинений о древнейшей русской истории. Среди них

¹² Подробнее см.: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1—2; *Копелевич Ю. Х.* 1) В дни основания // Вестн. АН СССР. 1973. № 10. С. 121—131; 2) Возникновение научных академий: Середина XVII—середина XVIII в. Л., 1974; 3) Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977.

¹³ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

¹⁴ Цит. по: *Автографов М. И.* Документы ЦГАДА по истории Академии наук первой половины XVIII в. // АЕ за 1974 г. М., 1974. С. 249.

¹⁵ Подробнее о деятельности академической гимназии и университета XVIII в. см.: *Толстой Д. А.* 1) Академический университет в XVIII столетии, по рукописным документам Архива Академии наук. СПб., 1885 (Приложение к кн.: ЗАН. Т. 51. № 3). 2) Академическая гимназия в XVIII столетии по рукописным документам Архива Академии наук. СПб., 1885 (Приложение к кн.: ЗАН. Т. 51. № 2); *Кулябко Е. С.* 1) М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.: Л., 1962; 2) Замечательные питомцы академического университета. Л., 1977; *Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А.* Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII—начале XIX в. Л., 1988; 275 лет. Петербургский государственный университет: Летопись, 1724—1999. СПб., 1999. С. 9—100 (часть первая написана Г. А. Тишкиным).

¹⁶ Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 33—34; История Академии наук СССР. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 33—34.

¹⁷ См. о нем: *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 180—196; *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — перв. пол. XIX в.). М., 1985. С. 15—19; *Готлиб Зигфрид Байер* — академик Петербургской Академии наук. СПб., 1996; *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности. СПб., 1999. С. 51, 53—59.

особое место занимают статьи об этногенезе и расселении скифских племен, их взаимоотношениях с античными городами Северного Причерноморья.¹⁸ Он одним из первых попытался сопоставить данные нарративной традиции, в частности Геродота, об античных городах северного берега Понта, о реках, территории и племенах Скифии с реальной картой.¹⁹

Творчество первого антиковеда оказало огромное влияние на всю отечественную историографию XVIII в. Выводам своего именитого предшественника во многом следовали основоположник исторической науки в России В. Н. Татищев, служивший в Коллегии иностранных дел профессор-ориенталист Георг Яков Кер (Kehr, 1692—1740),²⁰ академики Г. Ф. В. Юнкер, В. К. Тредиаковский (1703—1769), М. В. Ломоносов (1711—1765), Х. Г. Крузиус, И. Э. Фишер, И. Ф. Гакман, пропагандировавшие изучение античного наследия в России. Труды этих ученых так или иначе затрагивали вопросы древнейшей истории Причерноморья, главным образом по письменным источникам, основной круг которых был обозначен в сочинениях Байера.²¹

Историк Христиан Готфрид Крузиус (Crusius, 1715—1767) родился в Вольбахе (Фогтланд) в семье пастора, под руководством отца изучил классические языки, слушал лекции в Галле и Лейпциге, в 1738 г. по рекомендации Юнкера приглашен в Петербург. В 1740 г. приехал в Россию, согласно контракту, как адъюнкт исторического класса академического университета (1740) должен был заниматься в Академии греческими, римскими и русскими древностями и историей этих государств; профессор по разряду «антиквитетов и истории литеральной» (древностей и истории литературной, 1746—1749) академического университета, «толковал» латинских авторов, читал курсы древностей, «о чистоте стилей», «о истории литеральной». Сохранилась рукописная копия его исследования «Christiani Crusii Dissertatio de ludis, quos Suetonius Augustum victoriae Caesaris edidisse scripsit, aliique auctores diuersis nominibus adpellauerunt», доложенного 4 августа 1741 г. и 28 июня 1742 г. Конференции АН.²² Крузиус также является автором брошюры «De originibus pecuniae a pecore ante nummum signatum» (Petropoli, 1748). В апреле 1749 г. указом императрицы ученый был уволен «за весьма худые... и предосудительные к академии поступки»; впоследствии служил профессором красноречия в Виттенбергском университете.

Историк Йоганн Эбергард Фишер (Fischer, 1697—1771) родился в герцогстве Вюртемберг. В 1730 г., имея степень магистра, прибыл в Россию и занял место проректора, с 1732 г. ректора академической гимназии в Петербурге, с правом присутствия в академических собраниях как адъюнкт по историческому классу (1732). Он был участником Второй камчатской (Великой северной) экспедиции (1739—1747). По возвращении в Петербург Фишер стал профессором истории и древностей и ректором академической гимназии (1747—1750), инспектором (наставником) студентов университета (1748—1750), читал курсы универсальной истории и хронологии, поэтики и красноречия, с 1749 г. преподавал также элоквицию вместо уволенного профессора Крузиуса. Фишер блестяще знал классические языки, свободно говорил и писал на латинском, единственный из всех академиков середины XVIII в. владел древнегреческим. Благодаря его стараниям ученики академической гимназии и университета свободно изъяснялись на латыни. В своих лекциях перед студентами академического университета ученый освещал данные античной нарративной традиции о Восточной Европе и Северо-Западной Азии.²³

¹⁸ В протоколах Конференции АН зафиксированы даты выступлений Г. З. Байера с докладами о Старой Скифии и о происхождении скифов (май 1726 г.), о скифской хронологии (декабрь 1730 г.), о политических переворотах у скифов в митридатскую и постмитридатскую эпоху (август 1736 г.). См.: Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 гг. СПб., 1897. Т. 1: 1725—1743. С. 11, 12, 34, 302. См. его опубликованные работы: Bayer Th. S. 1) De origine et priscis sedibus Scytharum // CA. 1728. Т. 1. P. 385—399 (рус. перевод: О начатке и древних пребывавших скифов // Краткое описание комментариев Академии наук. 1728. Ч. 1. С. 125—138); 2) De Cimmericis // CA. 1729. Т. 2. P. 419—433; 3) Memoriae Scythicae ad Alexandrum Magnum // CA. 1732. Т. 3. P. 351—388; 4) Conversiones rerum Scythicarum temporibus Mithridatis Magni et paulo post Mithridatem // CA. 1738. Т. 5. P. 297—360; 5) De Hyperboreis // CA. 1750. Т. 11. P. 330—348; 6) Begebenheiten von Asow wie selbiges lange vor Christi Geburt von den Griechen erbauet und bewohnt worden... SPb., 1738. Сборник малых сочинений Байера посмертно был издан в Германии Х. А. Клотцем: Bayer Th. S. Opuscula. Halle, 1770.

¹⁹ Подробнее см.: Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 10—16; Фролов Э. Д. 1) Г. З. Байер и начало антиковедения в России // Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук. СПб., 1996. С. 14—17; 2) Русская наука об античности. С. 59—74. Список основных трудов Г. З. Байера, составленных А. Д. Сыщиковым, см.: Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук. С. 67—71. См. также: Tableau général méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications de l'Académie impériale des Sciences de St.-Petersbourg depuis sa fondation. SPb., 1872. Pt. 1: Publications en langues étrangères. P. 332. № 5241—5248.

²⁰ В ноябре 1736 г. в архив Конференции АН поступила его рукопись на тему скифской истории. См.: Протоколы заседаний Конференции... Т. 1. С. 429.

²¹ Фролов Э. Д. Русская наука об античности. С. 62—99; Путнынь Э. К. Истоки русской историографии античности. Саратов, 1968. С. 3—60; Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота. С. 14—19.

²² ПФА РАН, р. 1, оп. 1, д. 96, л. 1—8. На лат. яз. См. о нем: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук... Т. 1. С. 689—696; Северова М. Б. Нумизматическая литература в России XVIII в. Л., 1982. С. 6, 17—19.

²³ См. его статью: «Рассуждение о скифском народе, называемом гипербореями» (1754, рукопись: РГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 347. № 1, 5 л. на нем. яз.). Рус. перевод: Рассуждение И. Е. Фишера о гипербореях, или о народе

Историк и географ, иностранный почетный член (1785) Имп. Академии наук *Йоганн Фридрих (Федор) Гакман (Hackmann, 1756—1812)* также изучал письменную традицию о Причерноморье. Уроженец Ганновера, он начал службу в России в чине коллежского советника, в 1782 г. стал академическим конректором. За сочинение на латинском языке «Introductio in disquisitionem de Ponto Euxino et de Graecorum ad oras illius maris coloniis» («Введение в исследование о Черном море и о греческих поселениях по берегам сего моря»), зачитанном на заседании Конференции 14 февраля 1782 г. с отзывом акад. Я. Я. Штелина, Гакман получил звание адъюнкта по истории, каковым являлся до 1784 г., вплоть до отъезда на родину.²⁴

В ряду преобразований Петра I важное место занимали организованные им путешествия русских и зарубежных ученых для сплошного обследования необъятных просторов России, давшие толчок первым естественно-историческим, физико-географическим, экономо-статистическим, историческим, лингвистическим, этнографическим, археологическим, астрономическим, топографическим и гидрографическим работам. Основным центром экспедиционных исследований стала Академия наук. Так, одним из первых натурное обследование южных границ страны и «ближнего зарубежья» — нижнего течения Дона, побережья Азовского моря и Крыма — провел академик *Готлоб Фридрих Вильгельм Юнкер (Junker, 1702/1705?—1746)*.²⁵ В 1735—1737 гг. профессор поэзии и ловкий придворный стихотворец отправился вместе с армией генерал-фельдмаршала графа Б. К. Миниха на войну с турками в качестве историографа, но «с оставлением на академическом содержании». В ноябре 1735 г. президенту Академии наук И. А. Корфу был представлен вопросник к предпринимаемому Г. Ф. В. Юнкером описанию Украины, в составлении которого принимали участие академики Л. Эйлер, Г. З. Байер и проф. Г. В. Крафт.²⁶ По возвращении из Крыма в августе 1737 г. Юнкер был пожалован императрицей Анной Иоанновной «надворным камерным советником и надзирателем бахмутских соляных заводов» и уволен из Академии наук. Тогда же он был отправлен в Германию для изучения соляного промысла. В последующие годы Юнкер не прерывал связей с И. Д. Шумахером и в конце 1740 г. продал за 686 р. Академии наук «разные к библиотеке и к кунсткамере принадлежащие книги и курioзные вещи», в том числе собранные в южной экспедиции.²⁷

В протоколах Конференции АН упоминается о подготовленном Юнкером географическом описании Украины и юга России — «Обоснованный отчет о современном состоянии земель и народов, живущих между Днепром и Доном, особенно здешнего казачества и пр.» (рукопись на немецком языке в 20 конволютах in folio на 159 с.). Работа была снабжена 23 таблицами чертежей и рисунков (частью пером, частью кистью и красками), в том числе курганов, каменных баб («чудовищных каменных фигур») в районе Изюма (ныне Харьковская обл., Украина) и других мест. Она зачитывалась на заседаниях Конференции АН в феврале—июле 1737 г. Из экспедиции, в ходе которой Юнкер вел дневник, было вывезено множество

за севером находящемся [Перевод с лат. яз. А. А. Константинова] // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. Ч. 2 (Февраль). С. 131—146. В этом исследовании, опираясь на письменную традицию, Фишер сообщает, что народы, жившие к северу от Фракии, греки называли гиперборейцами. В тексте статьи упомянуты только две милетские колонии Причерноморья: «Пантикапей подле устья Азовского моря» и «Олбна или Борисфенсей город Мартин Бронеvский давнешний посол польский к хану крымских татар называет Очаковым» (с. 133). Сохранились также заметки и комментарии Фишера на латинском языке, относящиеся к истории аваров, булгар, вандалов, готов, гуннов и др. (ОР РНБ, ф. 1000, оп. 2, д. 1468, 26 л.). См. о нем: *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук... Т. 1. С. 617—636; *В-2 Л.* Фишер Иоганн-Эбергард // РБС. 1901. Т. 7: Фабер—Цявловский. С. 151—153; *Кулабко Е. С.* М. В. Ломоносов и учебная деятельность Академии наук в XVIII веке. М.; Л., 1962. С. 113.

²⁴ Рукопись см.: ПФА РАН, р. I, оп. 89, д. 26. На л. 1 — положительный отзыв Я. Я. Штелина, подтвержденный подписями академиков А. И. Лекселя, Л. Ю. Крафта, И. А. Эйлера, С. Я. Румовского, Н. Я. Озерского, П. С. Палласа, И. И. Лепехина. На л. 2—13 об. — текст исследования на латинском языке. Сохранилась также его работа «*Coloniarum Graecarum ad oras Ponti Euxini historia*», представленная и заслушанная на Конференции АН 5 декабря 1782 г. (рукопись см.: ПФА РАН, р. I, оп. 90, д. 13, 13 л.; анонимный русский перевод, опубликованный под ред. И. И. Лепехина, см.: [Гакман И. Ф.] Повествование о селениях греческих, лежащих по берегам Черного моря // Исторический и географический месячник на 1786 год. СПб., [1785]. С. 17—44.

²⁵ О нем см.: *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук... Т. 1. С. 479—491.

²⁶ В НИОР БАН (F 52/1) хранится рукопись из 11 глав, написанная на русской бумаге 1730-х гг.: «Geographische, historische, politische und physicalische Fragen, eine zu unternehmende Beschreibung der Ukraine und übrigen Districten und Provinzen, welche zwischen dem Dnieper und dem Don liegen, betreffende» («Географические, исторические, политические и физические вопросы, касающиеся предпринимаемого описания Украины и других областей и провинций, которые расположены между Днепром и Доном»).

²⁷ *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук... Т. 1. С. 488.

турецких и татарских надписей, специально изученных в Петербурге переводчиком Иностранной коллегии Г. Я. Кером и неким арабом, сумевшими прочесть большинство надписей прямо на заседании Конференции.²⁸ Юнкер сообщил, что собранные в поездке сведения он внимательно проработал с прекрасно знавшим описываемые места генерал-майором Федором фон Штофельном, служившим генерал-квартирмейстером при украинском корпусе, а в 1737 г. — обер-комендантом Очаковской крепости. Штофельн собрал интересную коллекцию рукописных материалов о местных древностях и раздобыл в Данинге карту Украины, составленную Болланом,²⁹ которую и использовал Юнкер. Академик сверил свои сведения с данными Штофельна и отметил неточность географических координат и других материалов последнего. В первой главе своего исследования Юнкер рассматривает вопрос о древних языческих курганах, однозначно отождествленных им с погребальными памятниками, описывает «могилы» в устье реки Кальмус при впадении в Меотийское болото (Азовское море), а также находящиеся там же затопленные «древние строения», о которых путешественнику сообщили местные жители. При обсуждении первой части сочинения библиотекарь Академии наук И. Д. Шумахер заметил, что подобные погребения открыты в Ингерманландии, где наряду со скелетами в них находили ножи, браслеты и т. п. Он предложил привезти образцы каменных баб в Петербург, при их графической фиксации соблюдать тщательность, «чтобы не представлять их чудовищнее, чем они есть на самом деле». Юнкер ответил, что во время рисования он пользовался масштабом для соблюдения пропорций, «хотя в рисовании... у него нет большого опыта». Его рисунки позднее были использованы бригадиром Бодаком (Bauden) в трактате об амазонках, который с их помощью пытался «изъяснить историю сих мужественных женщин».³⁰

По словам Юнкера, генерал-лейтенант А. И. Тараканов, с 1732 г. описывавший поселения малороссийских казаков и укреплявший Украинскую линию, участник Крымского похода и осады (1736), внес значительный вклад в описание погребальных сооружений и их графическую фиксацию, а находившийся когда-то на русской службе лейтенантом силезский дворянин барон фон Прекк (von Preck) сообщил автору различные сведения о курганах, в том числе находящихся на персидской границе. Юнкер упомянул, что многие гетманские и донские казаки обогащаются за счет грабительских раскопок погребений, но редко хранят находки у себя, опасаясь преследований со стороны начальства. Автор попытался исторически интерпретировать надкурганные памятники: каменные бабы на могилах, по мнению Юнкера, появились в результате походов Чингизхана, а не армии Александра Македонского; они носят следы многократных повреждений, некоторые полностью уничтожены «калмыками» из-за суеверий.

В августе 1737 г. Юнкер выбыл из состава действительных членов Академии наук и с сентября стал ее иностранным почетным членом. Его рукопись со всеми иллюстрациями была передана библиотекарем И. Д. Шумахером в архив Конференции АН в сентябре 1737 г., а в июне 1739 г. президент И. А. Корф передал ее проф. Я. Я. Штелину для подготовки к печати в объеме 40 листов в «Примечаниях на Ведомости», но из академической канцелярии в январе 1741 г. она вновь вернулась в архив.³¹ Юнкер скончался в ноябре 1746 г., и для рассмотрения оставшихся после него бумаг была образована специальная сенатская комиссия, куда был включен и акад. И. И. Тауберт. В мае 1754 г. Сенат прислал в Петербургскую Академию наук ряд сочинений Юнкера, в том числе «Описание Малороссии», представленное в Академию 28 февраля 1737 г., «Географические и исторические вопросы для описания Украины», «Описание земель и народов между реками Днепром и Доном», которые были переданы на хранение

²⁸ ПФА РАН, ф. 1, оп. 1, д. 5, л. 348, 349; д. 6, л. 258—260, 264 об.—266 об., 269—269 об., 276—277 об., 282—286 об., 288—290; д. 7, л. 238—239 об., 246 об.—248, 277; д. 8, л. 53 об.—54, 210 об.; см. также: Протоколы заседаний... СПб., 1897. Т. 1. С. 227—229, 362, 364—366, 370, 372—375, 394—395, 400—401, 424, 559, 647—648; Летопись Российской Академии наук. СПб., 2000. Т. 1: 1724—1802 гг. С. 162, 189, 197.

²⁹ Боллан де, Гийом Левассер (конец XVI в.—после 1650), французский инженер; как капитан артиллерии и королевский инженер находился на службе польского правительства (1630—1648), строил крепости на юге Украины для обороны от набегов крымских татар. По возвращении во Францию издал подробное «Описание Украины» (1650) и ряд ценных карт (1648—1650).

³⁰ Об этом факте упомянуто в статье: [Миллер Г. Ф.] Изъяснения о некоторых древностях, в могилах найденных // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. 1764. Декабрь. С. 502.

³¹ Протоколы заседаний... С. 424, 559, 647—648.

в академическую библиотеку.³² Из этих работ позднее акад. Г. Ф. Миллером была издана только одна (без иллюстраций): «Von der natürlichen Beschaffenheit der Gegenden zwischen den Flüssen Don und Dnepr aus einer Handschrift des ehemahligen Hof-Cammer-Raths G. F. W. Juncker».³³

Еще с петровских времен в коллекции Кунсткамеры хранились некоторые античные памятники, происходящие, вероятно, из скифских и сарматских курганов района Волги и Дона. Все они входили в так называемую Сибирскую коллекцию Петра I.³⁴ Так, в 1726 г. в академический музей были переданы «восточные редкости» из коллекции лейб-медика Р. Арескина, в том числе золотые и серебряные, найденные близ Астрахани и в Сибири, в следующем, 1727 г. — древности, собранные Д. Г. Мессершмидтом в Сибири, и личное собрание царя Петра I.³⁵ а в 1728 г. к ним была присоединена коллекция археологических памятников голландского ученого, бургомистра Амстердама Н. К. Витсена (1641—1717), автора знаменитой книги «Северная и северо-восточная Татария», включавшая памятники, приобретенные в Сибири в 1703—1716 гг. его комиссионерами. Первая публикация некоторых экспонатов Кунсткамеры, в том числе античной лампы, появилась в иллюстрированном своде древностей почетного члена Парижской Академии надписей и изящной словесности (с 1719 г.) Бернарда де Монфокона (1655—1741), вышедшем в Париже в 1724 г.³⁶ Через три года Конференция АН постановила издать каталог «курьезных» вещей музея, иллюстрируемый гравюрами, для чего была начата их зарисовка художниками Гравировальной палаты Императорской Академии наук. В музеях и архивах Петербурга сохранились акварельные рисунки академических коллекций Кунсткамеры, дающие представление об экспозиции музея как до катастрофического пожара 1747 г., так и о поступлениях конца 40-х—середины 50-х гг. XVIII в. Часть рисунков «золотых редких старинных вещей» после издания первого музейного каталога 1741—1745 гг.³⁷ (см. гл. 8.4) была гравирована, но так и осталась неизданной, сильно пострадала в пожаре и впоследствии пропали медные гравировальные доски. В 1774 г. описание редкостей было поручено акад. С. К. Котельникову, однако рукопись этого каталога до сих пор не обнаружена.³⁸

Большой вклад в формирование подлинно научного подхода к изучению памятников археологии различных исторических эпох внес академик Герард Фридрих (Федор Иванович) Мюллер, в традиционной русской транскрипции *Мюллер* (*Müller*, 1705—1783). Родился он в Герфорде (Вестфалия) в семье ректора гимназии, с 1722 г.

³² Вероятно, Юнкеру принадлежит рукопись, также без иллюстраций, «Erste Haupt-Abtheilung von deren Ländern und Völkern zwischen dem Dnieper und dem Don welche zum russischen Kaiserthum gehören und ihre besondere Verfassung haben» (ПФА РАН, р. III, оп. 1, д. 120, 162 л., 158 стр. по авторской пагинации без окончания, с включением л. 160—162, написанных другим почерком, до начала гл. 7). В третьей главе, посвященной географическому описанию края, приводятся сведения о курганах и каменных бабах со ссылками на таблицы и их описания (см. особенно л. 68 об.—88 об.).

³³ Von der natürlichen Beschaffenheit der Gegenden zwischen den Flüssen Don und Dniepr, aus einer Handschrift des ehemahligen Hof-Cammer-Raths Gottlob Friedrich Wilhelm Juncker // Sammlung Russischer Geschichte. SPb., 1764. Bd 9. S. 1—94. Сочинение «О природе местностей между реками Доном и Днепром» включает характеристику земель, рек, полеводства, плодов земледелия, домашних и диких животных, минералов, в особенности соляных источников и пр. Помимо сведений о курганах и каменных бабах, Юнкер приводит также данные о кладках и случайных находках римских и византийских монет на этой территории, в частности в окрестностях Киева (S. 56—57), неизвестные современным специалистам и неучтенные в известных корпусах В. В. Кротова.

³⁴ См., например: «Роспись вещам древним, которые сысканы и присланы из разных мест и много художественных вещей» от 1726 г. (ПФА РАН, р. III, оп. 1, д. 72, 7 л., на рус. и нем. яз. с пометой на обложке «К Миниху»). Опубликован более поздний (12 марта 1745 г.) рапорт И. И. Тауберта и каталог «всем находящимся при Кунсткамере золотым, серебряным и прочим дорогим вещам». См.: Материалы по истории Имп. Академии наук. СПб., 1895. Т. 7: 1744—1745 гг. С. 299—322.

³⁵ АВ СПбФ ИВ, ф. 52, оп. 1, л. 11, л. 1—1 об.

³⁶ *Montfaucon B. de. Supplement au livre de l'antiquité expliquée et représentée en figures*. Paris, 1724. T. 7: Les funerailles. P. 152—154. Подробнее см.: *Формозов А. А.* Из истории Кунсткамеры // ВИ. 1968. № 5. С. 214—216.

³⁷ *Musei Imperialis Petropolitani. Petropoli, 1741—1745. Vol. 1—2.* Книга выходила отдельными выпусками, поэтому каждый раздел имеет шмуцтитул. Первым в 1741 г. опубликован второй том из трех частей: в первой приведено описание Кунсткамеры, в том числе каталог художественных произведений и редкостей, во второй и третьей частях помещено описание нумизматической коллекции, составленное востоковедом Г. Я. Кером.

³⁸ ПФА РАН, р. IX, оп. 26, л. 4; ф. 21, оп. 5, д. 36; оп. 2, д. 8; АВ СПбФ ИВ, ф. 52, оп. 1, л. 11, л. 2 об.; *Станюкович Т. В.* Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953. С. 98—100; *Шафрановская Т. К.* О сокровищах петровской Кунсткамеры: (По рисункам XVIII в.) // Советская этнография. 1965. № 2. С. 147—156; Гравировальная палата Академии наук XVIII в. Л., 1985. С. 49—50, 150—151.

учился в университетах Рингелна и Лейпцига. Имея степень магистра изысканных искусств и философии, в 1725 г. Миллер приехал в Россию и прожил здесь всю жизнь: служил помощником академического библиотекаря, адъюнктом (1725), вице-секретарем (1728—1730), преподавателем географии, истории и латинского языка (1725—1730), профессором истории (1731—1747), был первым ректором (1747—1750) академического университета, конференц-секретарем (1728—1730, 1754—1765) Имп. Академии наук, являлся официальным историографом Российского государства (1747) и издателем первого в России немецкоязычного исторического журнала «Sammlung Russischer Geschichte» (1732—1764, Bd 1—9); в 1748 г. принял русское подданство. С 1764 г. Миллер жил в Москве, служил директором Воспитательного дома, с 1766 г. — в Московском архиве Коллегии иностранных дел.³⁹

Основные занятия Миллера в области археологии относятся ко времени его участия в Великой северной (Второй камчатской) экспедиции по изучению Сибири (1733—1743). За десять лет Миллер проехал по стране ни много ни мало 31 362 версты.⁴⁰ Практически весь накопленный им исследовательский опыт получил отражение в пространной инструкции, составленной Г. Ф. Миллером своему преемнику на посту начальника Академического отряда экспедиции адъюнкту Э. И. Фишеру (1740).⁴¹ Справедливости ради, следует подчеркнуть, что большую работу по геодезической съемке и землеописанию Урала и Западной Сибири, включавшую фиксацию и описания памятников древности, еще в 1734 г. развернул Василий Никитич Татищев (1686—1750), разработавший анкеты для сбора сведений (1734, 1736) и наметивший программу историко-географического описания России.⁴² Материалы Татищева были широко использованы Миллером, о чем свидетельствуют документы его архива.⁴³ Еще в «Предложении о сочинении истории и географии российской», направленном в 1737 г. в Академию наук, В. Н. Татищев, помимо историко-археографических задач, поставил вопрос о необходимости собирания и изучения памятников материальной культуры («обретенных древностей»): «Нет ли где в уезде каких признаков и видов, где наперед сего города или знатные строения были, и нет ли известия, как именованы, когда и кем разорены. [...] Не находятся ли где в степях и пустынях каменных болванов или камней с надписями и т. д. [...] Не имеют ли (жители) в убранствах и употреблении каких-либо старинных денег или сосудов, на которых были надписи, или каким образом вылитых и резных».⁴⁴

³⁹ См. о нем: Пекарский П. П. История Императорской Академии наук... Т. 1. С. 308—430; Миллер Г. Ф. История Сибири: В 2 т. М.; Л., 1937—1941 (статьи А. И. Андреева, С. В. Бахрушина, Н. А. Баклановой, К. Н. Сербиной, С. К. Богоявленского; автобиография Миллера и т. п.); Алтатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа... С. 19—27; Black J. L. G.-F. Müller and the Imperial Russian Academy. Montreal, 1986.

⁴⁰ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук... Т. 1. С. 332. Подробнее см.: Элерт А. Х. 1) Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990; 2) Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999.

⁴¹ РГАДА, ф. 199, оп. 2, д. 526, ч. 1 (Инструкция г-ну адъюнкту Фишеру, когда он был послан в Сибирь на мое место. 107 л., на нем. яз.). Подлинник инструкции был отправлен Миллером в АН. См.: Протоколы заседаний Конференции... Т. 1. С. 668 (заседание 21 марта 1741 г.). См. также: ПФА РАН, ф. 21, оп. 2, д. 8; оп. 5, д. 36, 89; ф. 934, оп. 1, д. 74; р. I, оп. 26, д. 4 и др. Частично опубли.: Радлов В. В. Сибирские древности. СПб., 1894. Т. 1. Прилож. С. 106—114. Полный перевод инструкции, выполненный Г. В. Вернадским в годы Первой мировой войны, под названием «Инструкция Г. Ф. Миллера для собирания историко-географических сведений по Сибири, данная И. Э. Фишеру в 1740 г.», был готов к печати в 1916 г. и должен был выйти тиражом 415 экз. (в академической типографии успели набрать 6 п. л. корректуры). См.: Отчет о деятельности Имп. АН по отделению физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1916 г., составленный непрерывным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургем. Пг., 1916. С. 422. Планы издания перечеркнули две революции и гражданская война. К сожалению, ни рукописи, ни корректуры этой работы обнаружить пока не удалось. В фонде Г. В. Вернадского в ГАРФ сохранились рукописи его работы о жизни и деятельности Г. Ф. Миллера (ГАРФ, ф. 1137, оп. 1, д. 51, 141 л.) и доклада «Инструкция Г. Ф. Миллера для собирания историко-географических сведений по Сибири» с материалами к нему (там же, д. 52, 58 л.).

⁴² Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 98—106: донесение Сенату от 30 апреля 1739 г. о совершенствовании картографических работ и о программе географического описания России; С. 229—233: «Напоминание на присланное описание народов, что в описании географическом наблюдать нужно». О значении этих работ см.: Юхт А. И. О записках и письмах В. Н. Татищева // Василий Никитич Татищев: Записки. Письма. 1717—1750 гг. М., 1990. С. 20—21 (Научное наследство. Т. 14).

⁴³ ПФА РАН, ф. 21 (Г. Ф. Миллер), оп. 5, д. 150: Анкеты по географии и истории России В. Н. Татищева. Вопросы пункты и ответы на них... о географических и культурно-бытовых особенностях местности, о происхождении... населения. Рисунки и приложения к анкетному описанию...; д. 151: Копия «Предложения» Татищева о собирании сведений по географии и истории России с приложением примерной анкеты; РГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 46: «Портфель, содержащая бумаги под заглавием „Сочинения Татищева“».

⁴⁴ Цит. по: Попов Н. В. Н. Татищев и его время. М., 1861. С. 682—683, 693 (см. также с. 437—440, 573—577).

Более подробная инструкция Миллера Фишеру формулирует широкую и обоснованную программу исследовательских задач по изучению прошлого и настоящего Сибири, ее истории, географии, экономики, этнографии, археологии, лингвистики. По убеждению Г. В. Вернадского, это «основной памятник методики русских исторических исследований» того времени.⁴⁵ Как можно судить по содержанию, программа Миллера предназначалась не только для Фишера, а для более широкого использования, когда она и «вперед при таких же случаях основанием служить может». Она включала шесть разделов, состоящих из 1347 статей (параграфов или пунктов) на 110 листах, для детального описания изучаемых объектов, а также нескольких приложений о собирании географических карт, рисунков, чертежей и разных вещей, включая древности, для Кунсткамеры.

Фишеру предписывалось вести обстоятельный журнал всего путешествия, не пропуская ни одного дня пути, «чтобы не осталось не вписанным в журнал ни одно дорожное наблюдение»; «замечать все относящееся до географии», включая формы поверхности, реки, их старые русла, заливы, очертания берегов и пр. Этнографический раздел «Об описании нравов и обычаев народов» включал 923 вопроса, начиная от физического типа, языка, религиозных представлений до мельчайших интимных явлений домашнего быта.⁴⁶ По части изучения археологических памятников, выделенных в пятый раздел «Von Beschreibung der Antiquitäten», предписывалось собирать и описывать «здесь и там попадающиеся древности», с обязательным указанием «природного положения» найденного памятника применительно к определенной местности и народонаселению в соответствии с «правилами». Миллер прекрасно понимал значение археологических памятников как исторических источников: «Главнейшая цель при исследовании древностей... должна, конечно, заключаться в том, чтобы они послужили к разъяснению древней истории обитателей его (края. — И. Т.), чего и можно смело ожидать от различных древностей...».⁴⁷ Он различает до десяти типов погребальных сооружений, требует тщательного изучения, описания и графической фиксации их конструкции, приведения точных размеров, например, указаний на глубину могилы, положение костяка погребенного и сопутствующего инвентаря. В инструкции особое внимание обращено на методику работ — необходимость тотальной фиксации всех объектов (независимо от их «понятности» и «важности» для исследователя), составление рисунков, ландкарт, словарей местных терминов, привлечение этнографических параллелей, сопоставительный анализ письменных и археологических источников.

Показательно, что год спустя после возвращения Г. Ф. Миллера из Второй камчатской экспедиции высказанные им идеи нашли отражение в проекте об учреждении при Академии наук исторического департамента «для сочинения истории и географии Российской империи» (1746). Ученый отметил отсутствие в России специальных «учреждений на пользу науки русской истории» и специалистов-историков. Дилетантский, ненаучный характер большинства сочинений по географии страны, на взгляд Миллера, резко контрастировал с успехами русской картографии, которые были достигнуты усилиями Петра I и трудами геодезистов академических экспедиций (гл. 8.5). В ведение исторического департамента он предлагал включить и составление ландкарт, и собирание географических известий. Среди источников для изучения истории России Миллер, помимо исторических документов и опубликованных сочинений на русском, восточных и западноевропейских языках, данных агнографии, этнографии и фольклора, называет «надгробные и другие надписи по монастырям и церквям» и «разные русские древности, из которых о древних временах и приключениях, хотя несовершенное, однако ж, не совсем отметное свидетельство получить можно».⁴⁸ Это предложение в 1746 г. было от-

⁴⁵ ГАРФ, ф. 1137, оп. 1, д. 52, л. 33а.

⁴⁶ Оpubл. Д. А. Клеменцем на нем. яз. в кн.: Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб., 1900. Т. 1. С. 37—83. Русский перевод этнографической части программы под названием «Показание, каким образом при описании народов, а паче сибирских, поступать должно» хранится в РГАДА: ф. 199 (Портфели Миллера), оп. 2, д. 508, 140 л. См. также: *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. Э. Д. Титовой. Магадан, 1983. С. 5 (Дальневосточная историческая библиотека).

⁴⁷ *Радлов В. В.* Сибирские древности. С. 107.

⁴⁸ ПФА РАН, ф. 21, оп. 1, д. 115: Материалы по организации изучения истории и географии России (исторический департамент). Копии сенатских указов и распоряжений Канцелярии АН и черновик русского перевода записки Г. Ф. Миллера (с поправками его рукой) под заглавием «Предложение, каким образом надлежит сочинять историю и географию Российской империи». См. также: *Пекарский П. П.* История Императорской Академии наук... Т. 1. С. 338—340.

кленово-президент Академии графом К. Г. Разумовским, и Миллеру было предписано заниматься исключительно историей Сибири.

В 1747 г. был принят новый «Регламент» (устав) Имп. Академии наук, где гуманитарный класс не был предусмотрен вообще.⁴⁹ Регламент отдавал предпочтение точным и естественным наукам для обеспечения промышленно-экономического развития и ускорения исследований огромного природного потенциала страны. Он подразделял академиков на две категории: освобожденных от преподавания, и пять профессоров, читающих лекции в академическом университете, в том числе по классу «гуманиора» (ст. 38). В последнем преподавали классические и новые европейские языки, латинское красноречие, рисование, географию, историю, генеалогию и геральдику, философию, логику, «древности и историю литературную».⁵⁰ Ректором университета в том же году стал Г. Ф. Миллер, читавший курс истории.⁵¹ Одновременно ученый был назначен историографом с целью подготовки «истории всей Российской империи» (с обязательством завершить прежде историю Сибири) в учрежденных 24 марта 1748 г. при Академии под жестким контролем академической канцелярии историческом департаменте и историческом собрании, но на принципах, существенно отличавшихся от проекта Миллера. «Во оном (профессорском собрании. — *И. Т.*) все то прочтено и пересмотрено быть иметь, что в департаменте историческом сочинено будет, також де и сочинения, стихотворения, критические, философские, и все гуманиора, а при оном и распоряжения, касающиеся до университета и гимназии».⁵² Историческое собрание, секретарем которого был назначен В. К. Тредиаковский, создавалось с целью координации деятельности академиков и профессоров академического университета в гуманитарной сфере. Таким образом, предложением Г. Ф. Миллера впервые был поставлен, хотя и не разрешен окончательно вопрос о создании в Академии наук «исторического департамента» (отделения) для сбора, систематизации, изучения и публикации исторических памятников России.⁵³

В декабре 1752 г. Г. Ф. Миллер планировал приступить к описанию «древностей сибирских», включая и археологические памятники.⁵⁴ Среди документов, отложившихся в фонде ученого, следует отметить составленную им для барона А. С. Строганова инструкцию «управителям и прикащикам» его обширных имений о необходимости приобретения манускриптов, древностей, монет, естественнонаучных и прочих редкостей. Второй пункт инструкции гласит: «Стараться купить для меня всякие древности, золотые, серебряные, медные, железные, глиняные и другие вещи, которые в прежних годах в могилах найдены..., не жалея на то денег, хоть за такие вещи платить и дороже того, как истинная их цена по весу значит». Их следовало высылать, «не мешкая, не ожидая больших посылок», в уверенности, что «издержанные на покупку таких вещей деньги приняты будут в счет, и сверх того самые управители и прикащики награждены будут от господина барона с особливым жалованьем». Миллер составил также перечень имений Строганова с указанием, какого характера редкости в них могут быть найдены. Например, указав на «Krasnoïarsk», рядом отметил «gräber Antiquität».⁵⁵ В аналогичной инструкции г-ну советнику Веревкину, направленному для сбора «редких древних и натуральных вещей для кабинета барона Строганова» в Казань, Миллером особо отмечены руины столицы Волжско-Камской Болгарии — городища Болгар (Булгар) и необходимость приобретения древностей и монет из «татарских могил».⁵⁶

В знаменитых «Портфелях» Миллера, частью хранящихся в РГАДА, частью в ПФА РАН, сохранилось несколько работ, которые полностью или частично посвящены археологическим памятникам различных районов империи — «Описание старых могил в южных странах России», «Историческое рассуждение о сибирских камнях и о находящихся на них надписях», «Известие о древних гробницах, находимых в Енисейской степи», «Описание некоторых вогульских идолов, найденных на высоких горах и скалах близ Благодатских заводов», рисунки

⁴⁹ История Академии наук СССР. Т. 1. С. 278—280.

⁵⁰ Уставы Академии наук СССР. С. 50—52.

⁵¹ Голтой Д. А. Академический университет в XVIII столетии... С. 20.

⁵² Цит. по: Там же. С. 19. Примеч.

⁵³ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук... Т. 1. С. 342, 345—346; Шанский Д. Н. Историческая мысль // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1988. Ч. 3: Наука. Общественная мысль. С. 130—131.

⁵⁴ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук... Т. 1. С. 367.

⁵⁵ РГАДА, ф. 199, оп. 2, № 412, ч. 1, № 12, л. 1—3.

⁵⁶ Там же, № 5, л. 1—2 об.

описания «разных надписей при строениях на камнях и при гробах» и др.⁵⁷ Миллера интересовали также документы по истории и современному состоянию земель, вошедших в Новороссийскую и Азовскую губернии, и районов, прилегающих к Черному морю.⁵⁸ Интерес к древнейшему прошлому России нашел отражение и в опубликованных работах Миллера,⁵⁹ среди которых следует особо выделить статью о раскопках Литого кургана (1763) — одного из наиболее древних памятников скифской архаики Северного Причерноморья. Одними исследователями он ныне датируется второй половиной VII в., другими — рубежом VII—VI вв. до н. э.⁶⁰

Литой курган близ крепости св. Елизаветы (Украина) содержал памятники раннескифского времени, имеющие большое научное значение. Он был раскопан в сентябре 1763 г. по распоряжению генерал-поручика А. П. Мельгунова.⁶¹

Алексей Петрович Мельгунов (1722—1788) — государственный и военный деятель. Происходил из дворян. Учился в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе (1737—1740), затем был определен камер-пажом при дворе Елизаветы Петровны, где сблизился с фаворитом императрицы И. И. Шуваловым (1727—1797). С 1756 г. адъютант вел. кн. Петра Федоровича, командир пехотного Ингерманландского полка, полковник, затем генерал-поручик Кадетского корпуса. После воцарения Петра III состоял членом особого совета при императоре. Мельгунов пытался воспрепятствовать дворцовому перевороту 1762 г., был арестован и фактически сослан в украинскую армию в Новой Сербии; являлся генерал-губернатором Новороссийской губернии (1764—1774). В 1765 г. назначен в Комиссию о государственном межевании, сенатором по Московскому департаменту, президентом Камер-коллегии (до 1777 г.), затем директором казенных винокуренных заводов. В 1777 г. назначен ярославским и вологодским наместником.⁶²

Впервые попавший в поле зрения науки комплекс из степей юга России был представлен императрице Екатерине II, которая именным указом повелела описать его именно Г. Ф. Миллеру.⁶³

История раскопок Мельгуновского (Литого) кургана почти не исследована. Заслуга первой публикации ряда документов XVIII в., связанных с находкой клада, принадлежит М. Муравьеву, А. А. Спицыну и Е. М. Придику.⁶⁴ Из документов совершенно ясно, что инициатива проведения раскопок принадлежала самому А. П. Мельгунову, который дал рабочим предпи-

⁵⁷ Там же, оп. 1, д. 150, ч. 6, № 28; д. 347, № 9; д. 365, ч. 2, № 17; оп. 2, д. 509, № 7; д. 413, № 1. Ср.: *Голицын Н. В.* Портфели Миллера. М., 1899.

⁵⁸ РГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 150, ч. 2, № 28: Известия о Новороссийской губ. и найденных в ней археологических древностях (о раскопках Литого кургана, на нем. яз.); д. 150, ч. 5, № 22: О числе жителей в г. Кафе при взятии ее русскими; д. 150, ч. 14, № 21: Известия о Корсуне; д. 348, № 3: Описание земель между Каспийским и Черным морем; № 4: Описание реки Кубани; оп. 2, д. 385, ч. 2, № 4: Высочайший печатный указ 1779 г. касательно поселения греков в Азовской губернии между реками Доном и Днепром, тут же записка с наименованиями новых греческих поселений.

⁵⁹ *Миллер Г. Ф.* О народах, издревле в России обитавших / С нем. на русский язык переведено Иваном Долинским. СПб., 1773 (2-е изд. СПб., 1788). См.: РГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 47: «Народы, живущие в России». Портфель включает материалы «О народах, в России обитавших», в том числе «по греческим и римским писателям» (№ 1); «Краткое объявление о народах, в Российской империи в древние времена обитавших, где упомянуты «чуждые могилы и крепости» (№ 2); «Подробное описание о народах, в России в древние времена живших под именом: 1) скифов, 2) сарматов, 3) гиперборейцев, 4) готфов, 5) аланов, 6) роксоланов, 7) гуннов, 8) славян, 9) болгаров, 10) аваров, 11) хозаров, 12) варягов» (№ 3); «Погрешности в переводе о народах, издревле в России обитавших, вкравшиеся» (№ 4) и т. д.

⁶⁰ Первую точку зрения отстаивает А. Ю. Алексеев. См.: *Алексеев А. Ю.* Скифская хроника: (Скифы в VII—IV вв. до н. э.: Историко-археологический очерк). СПб., 1992. С. 52, 96. Традиционная вторая датировка: *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Ленинград, 1966. С. 18, 91; *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев, 1983. С. 104; *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 19—20; Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // *Археология СССР с древнейших времен до средневековья*: В 20 т. М., 1989. С. 54.

⁶¹ ПФА РАН, ф. 3, оп. 1, д. 284, л. 167—169: «Дело о принятии АН для помещения в Кунсткамере доставленных чрез главного командира Новороссийской губ. генерал-поручика А. П. Мельгунова золотых и серебряных могильных вещей, найденных в помянутой губернии, с донесением Миллера и составленной им описью полученных Академией вещей».

⁶² *Тункина И. В.* Первый исследователь скифских курганов: К биографии А. П. Мельгунова (1722—1788) // *Очерки истории отечественной археологии*. М., 1998. Вып. 2. С. 12—26.

⁶³ [*Миллер Г. Ф.*] Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных // *Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах*. 1764. Декабрь. С. 438—515. См. также: [*Müller G. F.*] Von den alten Gräbern in Sibirien und Neurussland // *St. Petersburg. Journ.* 1779. Bd 8. Jul. S. 3—29.

⁶⁴ Материалы для местной истории / Публ. М. Муравьева // *ЗООИД*. 1867. Т. 6. С. 601—602; *Спицын А. А.* Мельгуновский курган // *ЗРАО НС*. 1901. Т. 12. Вып. 1—2. С. 270—272; *Придик Е. М.* Мельгуновский клад 1763 года // *МАР*. 1911. № 31. С. 1, 3. Часть документов переиздана в статье: *Тункина И. В.* Первый исследователь скифских курганов. С. 12—26.

сание с правилами земляных работ и обещанием награды в случае успеха, что удержало их от утайвания находок.⁶⁵ На западном берегу Днепра находилось множество курганов без каменной крепиды высотой от 2,5 до 5 саженей (5,3—10,6 м), диаметром у подошвы от 10 до 15 саженей и более (21,3—32 м), окруженностью до 15 саженей и более. А. П. Мельгунов избрал по виду самый «знатнейший» и приказал раскопать его до основания. Сведения о раскопках Литого кургана в описании Кунсткамеры И. Бакмейстера отличаются в деталях и от рапорта А. П. Мельгунова, и от статьи Г. Ф. Миллера. У И. Бакмейстера⁶⁶ названа точная дата начала работ — 3 сентября 1763 г. В своей статье Г. Ф. Миллер фактически повторил рапорт А. П. Мельгунова,⁶⁷ дополнением к которому служит выписка из дел гарнизонной канцелярии крепости св. Елизаветы о награждении рабочих, участвовавших в раскопках Литого кургана.⁶⁸

Г. Ф. Миллер отметил очевидное сходство погребальных сооружений Сибири и юга России, предположив при этом, что «большая часть оных вероятным образом происходит от одного народа».⁶⁹ Он пришел к выводу о принадлежности погребения «обитавшим издревле в сих странах уграм или венграм», основываясь на сходстве «ожерелья» с бытовавшими в XVIII в. украшениями у потомков финно-угорских племен, т. е. датировал комплекс как минимум на тысячу лет моложе. Это обстоятельство вполне объясняется новизной изучаемого памятника для науки того времени, отсутствием каких-либо хронологических привязок и полной неразработанностью темы. По догадке Г. Ф. Миллера, найденные древности изготовлены не местными племенами, а их торговыми партнерами — «персиянами».⁷⁰ Академик с удивительной интуицией уловил восточное влияние в произведениях древних мастеров. «Большие изыскания имеют зависеть от будущих открытий», — писал Г. Ф. Миллер. Действительно, культурно-историческая принадлежность Мельгуновского клада была окончательно определена лишь век спустя, во второй половине XIX в.

Под № 73 в Минц-кабинете Кунсткамеры хранился «пакет с золотыми, серебряными и другими могильными вещами, найденными в прошлом 1763 году в Новороссийской губернии и сообщенными в Кунсткамеру от бывшего там губернатора Алексея Петровича Мельгунова чрез профессора Миллера сентября 6 дня 1764 года, реестр приложен при журнале».⁷¹ Известно, что Г. Ф. Миллер приказал одному из академических художников срисовать ряд особо интересных вещей «по их действительной величине», что и было сделано с использованием натуральных красок на двух таблицах.⁷² В своих исследованиях Г. Ф. Миллер ссылается на рисунки, которые остались неопубликованными. Во второй половине XIX в. мельгуновский клад присоединили к коллекции Эрмитажа, где в начале XX в. в классическом отделении у Г. Е. Кизеридского хранились и рисунки вещей, однако впоследствии они пропали.⁷³ Попытки обнаружить их в архивах Санкт-Петербурга и Москвы пока не увенчались успехом. Из письма Г. Ф. Миллера к А. П. Мельгунову⁷⁴ выясняется, что по распоряжению академика с рисунков были сняты копии и отправлены вместе с описанием находок к инициатору раскопок Литого кургана. Есть надежда, что копии рисунков могли сохраниться среди материалов А. П. Мельгунова в Государственном архиве Ярославской области.

В археологической литературе XX в. оценки информативности раскопок 1763 г. противоречивы: от обвинений в полной их ненаучности с методической точки зрения⁷⁵ до противоположной — А. В. Арциховский считал их вполне научными, так как «слои были промерены

⁶⁵ ИР ЦНБ, V, 264, л. 103—103 об.

⁶⁶ Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Императорской Академии наук, изданный на французском языке Иоганном Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, а на русский язык переведенный Василем Костыговым. СПб., 1779. С. 130.

⁶⁷ РГАДА, ф. 199, оп. 150, д. 19, ч. 5, л. 1—1 об. Впервые опубли.: Спицын А. А. Мельгуновский курган. С. 270—272 (по копии, хранившейся в архиве Имп. Археологической комиссии).

⁶⁸ Материалы для местной истории... С. 601—602; Придик Е. М. Мельгуновский клад... С. 1.

⁶⁹ Радлов В. В. Сибирские древности. С. 107.

⁷⁰ [Миллер Г. Ф.] Изъяснение о некоторых древностях... С. 514—515.

⁷¹ ПФА РАН, р. III, оп. 1, д. 150, л. 78.

⁷² [Миллер Г. Ф.] Изъяснение о некоторых древностях... С. 503.

⁷³ Спицын А. А. Мельгуновский курган. С. 270; Придик Е. М. Мельгуновский клад... С. 3. Примеч. 6.

⁷⁴ ПФА РАН, оп. 1, п. 3, д. 306/56, л. 1—1 об. Впервые опубли.: Тункина И. В. Первый исследователь скифских курганов. С. 23—24.

⁷⁵ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов... С. 18; Степи европейской части СССР... С. 54.

и описаны, сделан ряд наблюдений».⁷⁶ Мне представляется, что истина лежит посередине. Археология как наука в России XVIII в. еще только зарождалась. Раскопки Литого кургана были проведены под руководством администратора, а не ученого, и факт наличия рапорта о работах примечателен сам по себе. Раскопки, проводившиеся в первой половине XVIII в. сибирскими наместниками, не имеют какой-либо документации вообще, и золото Сибирской коллекции Петра I остается беспаспортным.

Через два года после находки мельгуновского клада, в 1765 г. академическому переводчику с классических и западноевропейских языков *Ивану Семеновичу Баркову* (1732—1768),⁷⁷ одному из знаменитейших лиц русской литературы XVIII в. (по характеристике А. С. Пушкина) была поручена подготовка издания «Скифской истории» (1692) московского стольника *Андрея Ивановича Лызлова* (ок. 1655—1697?),⁷⁸ многие десятилетия распростиравшаяся в списках и опубликованная в 1776 г. Н. И. Новиковым.⁷⁹ В этом труде, явившемся важным этапом в становлении научного источниковедения в России и соединившем сведения античных, западноевропейских (главным образом, польских и литовских), русских письменных источников, отчетливо выявилось стремление связать историю России с событиями всеобщей истории, включить ее в контекст западноевропейской и античной историографии.⁸⁰

В аналогичном ключе, но на неизмеримо более высоком научном уровне историю России рассматривал немецкий историк *Август Людвиг Шлётцер* (*Schlötzer*, 1735—1809), живший в Петербурге в 1761—1767 гг., в 1762 г. избранный адъюнктом Академии наук по русской истории, а после возвращения в Германию с 1769 г. ставший ее иностранным почетным членом. «Без истории древних европейских народов, которая требует в качестве профессии филологию... — писал Шлётцер, — без знания греческого языка (в целях прочтения византийских авторов), наконец без критического усвоения славянского языка в русской истории нечего делать».⁸¹ Шлётцер, первым сформулировавший в русской науке принципы критики текста и давший блестящие образцы критических комментированных изданий русских летописей, видел основную задачу в насаждении в России выработанных на Западе (в традиционной классической филологии и библеистике) приемов критики исторических источников. Он первым ввел в русскую историческую науку сам термин «источник».⁸² В их число Шлётцер включал и древности в широком значении, правда, в ранге второстепенных (*Neben-Quellen*), как-то монеты, «подземные свидетельства» и «другие вещи, называемые древностями».⁸³ Шлётцер попытался использовать сравнительный анализ данных археологии для оценки достоверности письменных источников, смог показать познавательные возможности археологических источников по сравнению с нарративными, в отдельных случаях отдавая им предпочтение перед «древними повествованиями»: «Из развалин и могил выходит древняя Булгарская история, которая истребилась было из летописей». Он требовал разоблачения «баснословных» легенд по отношению к памятникам материальной культуры, которые обрастают рассказами, постепенно изменяющими смысл и назначение артефакта. Шлётцер показал, что археологические памятники являются единственными источниками для дописьменной истории: благодаря изыс-

⁷⁶ Арциховский А. В. Археология: (Развитие археологии и этнографии до середины XIX в.) // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. С. 526.

⁷⁷ О нем см.: Кулябко Е. С. Замечательные питомцы... С. 28—40; Степанов В. П. Барков (Борков) Иван Семенович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1 (А—И). С. 57—62.

⁷⁸ Лызлов А. И. Скифская история / Отв. ред. Е. П. Чистякова; подгот. текста, коммент. и аннотированный список имен А. П. Богданов. М., 1990 (Памятники исторической мысли). Здесь же см. статьи Е. П. Чистяковой «Археологическая справка» (С. 345—354), «Биография А. И. Лызлова» (С. 354—359), «Андрей Иванович Лызлов и его книга "Скифская история"» (С. 360—390) и исследование А. П. Богданова «Работа А. И. Лызлова над русскими и иностранными источниками» (С. 391—447). Один из списков «Скифской истории» в переводе на латинский язык, заверенный конференц-секретарем Академии наук И. А. Эйлером, см.: ПФА РАН, р. IV, оп. 1, д. 216.

⁷⁹ Скифская история, содержащая в себе: о названии Скифии и границах ее, о народах скифских, о начале и умножении Золотой орды, и о царях, бывших тамо... от Андрея Лызлова прилежными труды сложена и написана лета 1692. СПб., 1776. Ч. 1.

⁸⁰ Лебедев Г. С. История отечественной археологии, 1700—1917 гг. С. 24.

⁸¹ Цит. по: Алатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. С. 36.

⁸² О нем и его трудах см.: там же. С. 28—61 (с обширной библиографией); Клейн Л. С. Археологические источники. Л., 1978. С. 10—14.

⁸³ *Schlötzer A. L. von. Probe russischer Annalen. Bremen; Göttingen, 1768. S. 18, 168 sq., 179.*

каньям на Урале и в Сибирь «находят живые следы просвещенных народов, которые в древние времена, быв совсем неизвестны остальному миру, занимались тут горною работою, но знали одну только медь, а не железо».⁸⁴

Значительному оживлению науки об античности способствовал рост интереса в русском обществе к древней истории Северного Причерноморья — территории, за обладание которой империя вела бесконечные войны с Османской Портой. На основании Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г., Георгиевского трактата 1783 г. и Ясского мирного договора 1791 г. с Турцией к России отошло все Северное Причерноморье, включая Крым.

В западноевропейской литературе XVIII в. к тому времени было опубликовано множество сочинений ученых, никогда не выезжавших за пределы своей родины, по древней и средневековой истории «Скифии и Сарматии». Среди них назову труд французского географа и картографа Жана-Батиста Бургиныона д'Анвиля (1697—1782), члена Парижской Академии надписей и изящной словесности (1754), адъютант-географа Парижской Академии наук и «первого географа короля», почетного члена Петербургской Академии наук (1749), автора известных «Géographie ancienne abrégée» и «Atlas antiquus major», прославившегося критическими изданиями 211 карт. Французский ученый оставил исследование о четвертой книге Геродота, оказавшее значительное влияние на всю последующую историографию о скифском рассказе «отца истории».⁸⁵ Одной из лучших работ о Крыме считался труд рано умершего шведского историка, профессора красноречия и философии университета в Галле (1772—1778) Иоганна Эрика Тунмана (Johann Erick Tunmann (Hans Erich Thunmann), 1746—1778),⁸⁶ автора исследований по этногенезу северных и восточноевропейских народов.⁸⁷ Его очерк на немецком языке и во французском переводе был написан в 1777 г. и дважды опубликован в известном землеописании А. Ф. Бюшинга (1784—1787), который высоко ценил в авторе «точное знание источников древней истории разных европейских народов, остроумие и объективность, стремление к истине, большие и редкие знания языков»⁸⁸ (Тунман знал шведский, немецкий, французский, итальянский, английский, испанский, русский, латинский, древний и новогреческий, еврейский, сирийский, арабский и ряд мертвых языков северо-востока Европы).

Из трудов путешественников, лично посетивших северные берега Причерноморья, отмечу работы французского дипломата О. де Ла Мотре, автора многотомного описания путешествия по Европе, Азии и Африке, бывшего здесь в 1711 г.,⁸⁹ «французско-голландского» негоцианта и дипломата, корреспондента (1748), затем члена (1750) Парижской Академии надписей и словесности Шарля Пейссонеля (1700—1757),⁹⁰ посетившего Крым в 1753 г., немецкого купца Николауса Эрнеста Клемана (р. в 1736 г.),⁹¹ венгерского барона Франца де Тотта

⁸⁴ Цит. по: Вальк С. Н. Исторический источник в русской историографии XVIII в. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7—8. С. 33—35. Ср. рукопись: РА ИИМК, ф. 2, оп. 2, л. 220, л. 77—78, 81.

⁸⁵ D'Anville J. B. 1) Examen critique d'Hérodote sur ce qu'il rapporte de la Scythie // Mémoires de Littérature, tirés des l'Académie Royale des inscriptions et belles-lettres. 1770. Vol. 35. P. 573—591; 2) Géographie ancienne abrégée. 3 vols. Paris, 1768. Avec atlas de l'édition de 1738—1740. См. письмо д'Анвиля к президенту Имп. АН гр. К. Г. Разумовскому от 5 августа 1751 г. с замечаниями о картах Атласа России 1745 г., где говорится и об искажении на них побережья Северного Причерноморья и Приазовья из-за незнакомства геодезистов с периплами античных и средневековых авторов: «Это заставляет предполагать, что ни один знающий человек не принимал участия в работе над составлением вышеуказанных карт, в частности касающихся этой местности». Цит. по: Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в. М.; Л., 1946. С. 174.

⁸⁶ Thunmann H. E. Thunmann H. E. Die Taurische Staatshalterschaft oder die Krim // Büschings Erdbeschreibung. Hamburg, 1787. Th. 1. S. 1187—1247. Голланд. перевод: Beschryving van de Krim. Amsterdam, 1786. Франц. перевод: Description de la Crimée. Strasbourg, 1786. Рус. перевод: Тунманн [И. Э.]. Крымское ханство / Пер. с нем. изд. 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской. Примеч., предисл. и прилож. Н. Л. Эрнста. [Симферополь], 1936. Переизд.: Симферополь, 1991 (Библиотека редкой книги о Крыме).

⁸⁷ Thunmann J. E. 1) Untersuchungen über die alte Geschichte einiger nordischen Völker. Berlin, 1772; 2) Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. Leipzig, 1774.

⁸⁸ Цит. по: Белковец Л. П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г. Ф. Миллер и А. Ф. Бюшинг. Томск, 1988. С. 170—171. См. также: Справочный энциклопедический словарь / Изд. К. Крайя. СПб., 1848. Т. 10. С. 499—500.

⁸⁹ Voyages du Sr. Aubry de la Motraye en l'Europe, Asie et Afrique. La Haye, 1727—1732. См.: Vol. 2. 1727.

⁹⁰ Peyssonnel Cl. Ch. de 1) Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares, qui ont habité les bords du Danube et du Pont Euxine. Avec cartes et figures taillées au trait. Paris, 1765. 364 p.; 2) Traité sur le commerce de la Mer Noire. Paris, 1787. 2 vol.

⁹¹ Kleemann N. E. Voyage de Vienne à Belgrade et à Kilianova, dans le pays des Tartares Budziacs et Nogais dans la Crimée..., dans les années 1768—1770. Neuchâtel, 1780. Рус. перевод: Клеман Н. Э. Клеemannово путешествие из

(1733—1793), дипломата, бригадного генерала (1781), военного инженера французской службы, жившего в Крыму в 1767—1769 гг. и руководившего строительством турецких оборонительных сооружений на побережье Черного моря,⁹² английской путешественницы-шпионки Элизабет Кравен (урожденной графини Беркли, 1750—1828), объехавшей Крым в марте—апреле 1786 г. и издавшей дневник в форме писем.⁹³

Богатые античными памятниками земли обратили на себя внимание представителей различных слоев русского общества, воспитанных на эстетике классицизма. Ученых, путешественников и образованных чиновников, приступивших к экономическому освоению новых земель, заботила дальнейшая судьба многочисленных исторических и археологических памятников Новороссийского края. В списках широко распространялись краткие исторические известия о Крыме, как правило анонимные.⁹⁴

С именем светлейшего князя Григория Александровича Потемкина (1733—1791) связаны распоряжения снять в Крыму все «достойные примечания виды и старинные здания с нужною в окресте их ситуациею, тож и в фасаде» (1777), чтобы «наилучшим образом» показать древние развалины;⁹⁵ сделать описания всех городов и крепостей (1784), в том числе Херсонеса, Инкермана, Мангуша, Чуфут-Кале, Алушты, Керчи (гл. 8.5).⁹⁶ Тогда же были составлены первые карты с попытками локализации античных городов, известных по письменным источникам (рис. 1), выполнены планы развалин Херсонеса, зафиксировавшие систему обороны города, фундаменты христианских храмов, видимых на поверхности земли (гл. 12.1). В конце 1782 г. Г. А. Потемкин поручил полковнику Херсонского пикинерного полка И. М. Синельникову и надворному советнику Павлу Неверовскому изучить Новороссийские земли и сделать их описание с планами «всех важнейших мест». Аналогичное поручение о территориях, вошедших в Азовскую губернию, получил генерал-майор Н. Д. Языков, представивший соответствующее описание князю в Петербурге.⁹⁷ По распоряжению Потемкина в 1784—1787 гг. был «возобновлен» ханский дворец в Бахчисарае.⁹⁸ 24 декабря 1786 г. Г. А. Потемкин предписал Таври-

Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджатских и нагайских татар и во весь Крым, с возвратом через Константинополь, Смирну и Триест в Австрию. В 1768, 1769 и 1770 гг. с приобщением описания достопамятностей Крымских. СПб., 1783.

⁹² *Tott F. de. Mémoires sur les Turques et les Tartares.* Amsterdam, 1784. Книга переведена на немецкий (1788), английский (1785), датский (1786), голландский (1787), итальянский (1787) и польский (1789—1791) языки, см. также: *Lettre à M. le marquis de N. ... contenant quelques observations relatives aux mémoires de M. le baron de Tott.* Amsterdam, 1785.

⁹³ *Craven E. B. Voyage de Milady Craven à Constantinople par la Crimée.* Paris, 1789; рус. перевод: Кравен Э. Путешествие в Крым и в Константинополь в 1786 году миледи Кравен, в котором она описывает часть Франции, Италии, Германии, Польши, России, Турции, бытность свою в Санкт-Петербурге и Москве, описывает те народы, которых она видела, делает историческое и географическое описание Крыма / Пер. с франц. и предисл. [Д. Рунича]. М., 1795. Другой русский перевод части этого сочинения, оставшийся неизданным, был подготовлен ТУАК-ТОАИЗ в начале 1920-х гг. (рукопись см.: РКМ, КП-24591, Д-9523, л. 130 и след.). О пребывании Э. Кравен в Крыму см. также: Письма правителя Таврической области Василия Васильевича Коховского правителю канцелярии В. С. Попову, для доклада его светлости князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 252—253.

⁹⁴ См., например: «Краткое описание о древних жителях полуострова Тавриды, об образе их жизни и правления, также об основании городов и о воспоследовавших там до наших времен переменах» (ЦГААРК, ф. 535, оп. 1, д. 2021, 10 л.), «Сокращенное историческое известие о Тавриде, выбранное из достоверных писателей по XIV век» (там же, д. 2020), «Перечень исторических известий о Крыме (из сочинения профессора Тунманна)» (там же, д. 2027, 8 л.), «Древние именованія Крымского полуострова и знатных в оном городов» (ИР ЦНБ, V, 852, л. 1—2 — из Решетиловского архива походной канцелярии кн. Г. А. Потемкина), «Историческое описание Таврической области от древнейших до нынешних времен. Ч. 1» (ОР РНБ, ф. 885, № 368, 197 л.). Известный в первой трети XIX в. историк и археограф А. Ф. Малиновский (1762—1840) написал два труда, оставшиеся неопубликованными — историческое и дипломатическое сочинение «О Крыме» (1794; см.: Долгова С. Р. Малиновский Алексей Федорович // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 1999. Вып. 2: К—П. С. 269) и «Краткое начертание древней истории Херсониса Таврического» (М., 1818, рукописная книга in folio, 62 с., которая до революции хранилась в Царскосельской библиотеке, как значится в дореволюционной описи фонда «Коллекция документов Рукописного отделения Библиотеки Зимнего дворца в Санкт-Петербурге», однако ныне указанное дело в ГАРФ отсутствует. См. опись: ГАРФ, ф. 728, оп. 1, кн. 2, № 1067).

⁹⁵ Дубровин Н. Ф. Присоединение Крыма к России. СПб., 1885. Т. 1. С. 760—761.

⁹⁶ ЦГААРК, ф. 535, оп. 1, д. 2020.

⁹⁷ Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Одесса, 1836. Ч. 1: 1730—1796 гг. С. 156.

⁹⁸ АВ СПбФ ИВ, ф. 52, оп. 1, д. 11, л. 1 об.

ческому губернатору В. В. Каховскому (Коховскому) «употребить всемерное старание к описанию в Тавриде сколь можно большего числа разных старинных монет и медалей. Несколько найденных там и представленных мне древних денег подадут повод надеяться, что, при употреблении попечения Вашего, число оных знатным образом будет умножено».⁹⁹ Эти приказы можно рассматривать как первый опыт административным порядком собрать сведения о древностях Крыма.

Советниками Г. А. Потемкина по вопросам древнейшей истории Крыма являлись представители римско-католической церкви, что, по всей видимости, объясняется блестящей образованностью, превосходным знанием ими классических языков и нарративной традиции античной эпохи. Одним из них был луцкий епископ Адам Станислав Нарушевич (*Naruszewicz Adam Stanislaw*, 1733—1796),¹⁰⁰ поэт и историк, виднейший представитель века Просвещения в Польше, признанный «отцом польской критической историографии», переводчик Горация, Тацита, Анакреона.

А. С. Нарушевич — «представитель белорусской дворянской фамилии», учился в иезуитской коллегии в Пинске и в 15-летнем возрасте был «приписан к ордену». Высшее образование он получил в Западной Европе, затем был назначен одним из четырех профессоров латинской словесности в Виленской академии. При поддержке кн. Михаила Чарторижского Нарушевич совершил научное путешествие по Франции, Италии и Германии. Он преподавал пиитику в Виленской академии, затем пиитику и богословие в Collegium nobilium в Варшаве, был близок с королем Станиславом-Августом, которого воспевал как мцената. После уничтожения ордена иезуитов в 1773 г. Нарушевич уехал из Варшавы в Виленскую губернию, вскоре был назначен вторым епископом Смоленской губернии и по поручению короля начал писать капитальную «Историю польского народа»; с 1790 г. епископ Луцкий.

В 1787 г. А. С. Нарушевич сопровождал короля Станислава-Августа в его путешествии по Украине: в Каневе он был представлен Екатерине II и поднес ей свое «Описание Тавриды» — историческое исследование о Крымском полуострове в древности, средневековье и в Новое время, посвященное императрице.¹⁰¹ Другой советник князя Г. А. Потемкина Таврического, архиепископ Белоруссии Станислав Сестренцевич-Богуш (*Siestrenczewicz Bohusz*, 1731—1826), оставил аналогичный труд, гораздо более известный в последующей историографии Крыма.

С. Сестренцевич-Богуш происходил из литовских дворян, учился во Франкфуртском университете (1748—1751), слушал лекции в Амстердаме и Лондоне, затем служил в прусском гусарском полку, а с 1751 г. — в литовской гвардии и драгунском полку прапорщиком, в 1761 г. вышел в отставку в звании капитана. Был домашним учителем в семье князей Радзивиллов. В 1762—1763 гг. он обучался «духовным наукам» в Варшаве, в 1763 г. принял постриг, с 1773 г. епископ Мальский. После присоединения восточных земель Белоруссии к России по первому разделу Речи Посполитой (1772) Екатерина II, несмотря на протесты Ватикана, учредила здесь единую латинскую епархию, которую с 1774 г. возглавил Сестренцевич с центром в Могилеве. В августе 1783 г. он приехал в Петербург с рекомендательным письмом от Г. А. Потемкина и был рукоположен архиепископом, с 1798 г. — кардиналом, затем митрополитом Могилевским. Во времена Екатерины II жил в Могилеве, при Павле I и Александре I в Петербурге. С 1798 г. С. Сестренцевич-Богуш — президент Римско-католической коллегии и митрополит римско-католических церквей в России; президент Вольного экономического общества (1813—1823), действительный член Российской академии (1807), почетный член Имп. Академии наук (1814).¹⁰²

Начиная с 1783 г. С. Сестренцевич-Богуш стал собирать сведения по «перемене правления» в Тавриде, но, «имев... по должности мало свободных часов», лишь пятнадцать лет спустя смог завершить свой труд, издав двухтомное сочинение, излагающее данные античных и средневековых авторов о Причерноморье.¹⁰³ Орывочность сведений письменных источников силь-

⁹⁹ ИР ЦНБ, V, 350, л. 272. Опул.: Материалы для местной истории / Публ. М. Муравьева // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 602.

¹⁰⁰ См. о нем: Петров А. Нарушевич Адам Станислав Георгиевич // РБС. 1914. Т.: Нааке-Накенский—Николай Николаевич Старший. С. 72—74.

¹⁰¹ *Naruszewicz A. Tauryka czyli Wiadomości starożytne i późniejsze o stanie i mieszkancach Krymu do naszych czasów. Warszawa, 1787.* Рус. перевод: Нарушевич А. Таврикия, или известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших времен / Пер. с польского. Киев, 1788.

¹⁰² См. о нем: Шерпинский О. С. Краткое начертание деятельной и трудовой жизни его высокопреосвященства митрополита Римских церквей в России // ОЗ. 1826. Ч. 28. Кн. 80. С. 372—402; Храевич К. Сестренцевич-Богуш Станислав // РБС. 1904. Т.: Сабанеев—Смыслов. С. 388—392; Екатерина II и Г. А. Потемкин: Личная переписка, 1769—1791 / Изд. подгот. В. С. Лопатин. М., 1997. С. 183, 748 (Литературные памятники).

¹⁰³ *Siestrenczewicz de Bohusz S. Histoire du Royaume de la Chersonèse Taurique. Histoire de la Tauride : 2 vol. Brunswick, 1800 (2nd éd. revue. SPb., 1824).* Рус. перевод: История царства Херсонеса Таврийского, сочиненная Станиславом Сестренцевичем Богушем: В 2 т. / Пер. с франц. СПб., 1806 (другое заглавие: История о Таврии; с посвя-

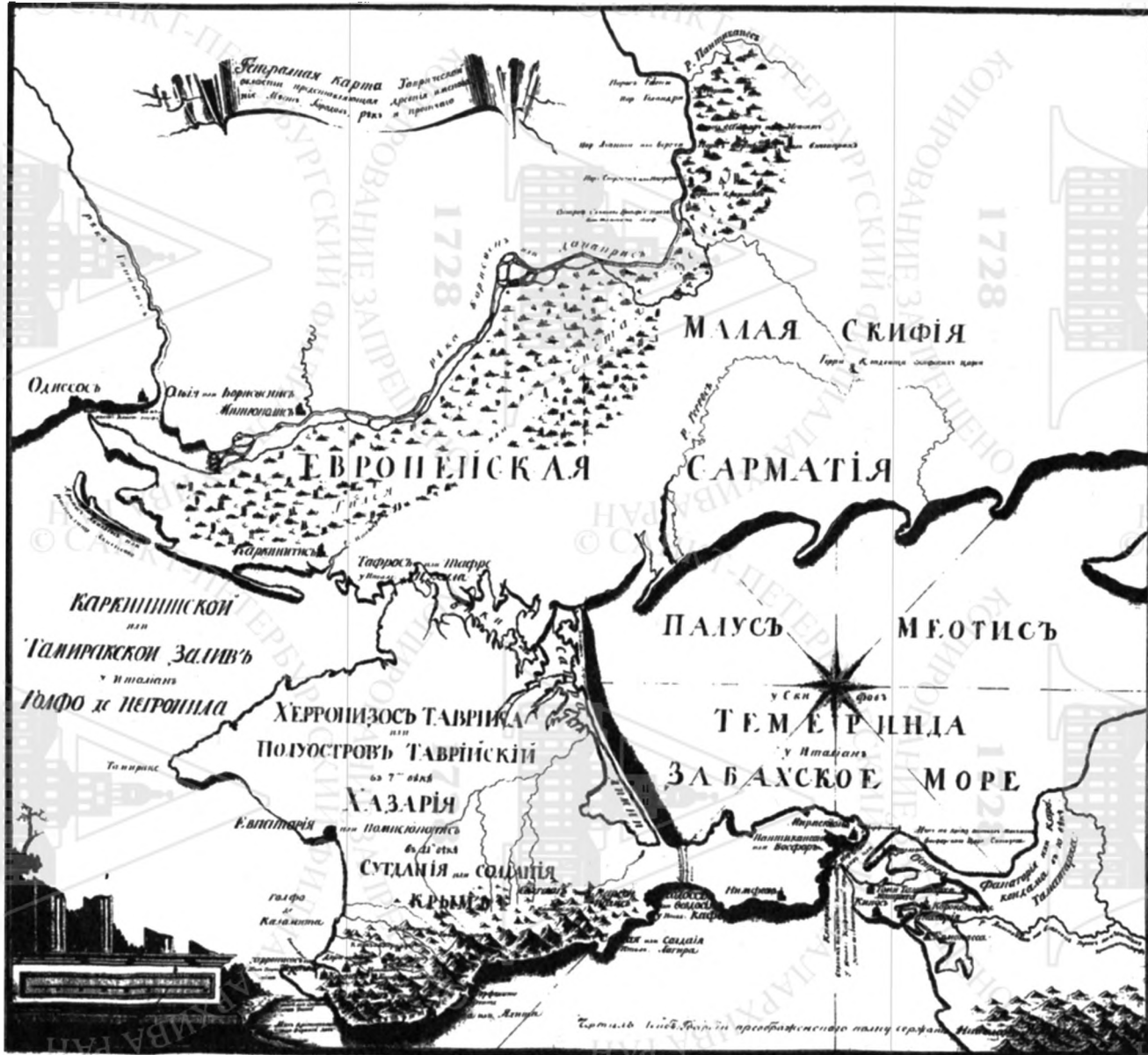

Рис. 1. «Генеральная карта Таврической области, представляющая древние именования мест, городов, рек и протчго. Чертил лейб-гвардии Преображенскаго полку сержантъ Николай Жигулинъ» (РГВИА, ф. ВУА, д. 19056, л. 1. Публ. впервые).

по горчала исследователя: «Мрачные записки древности, — писал Сестренцевич-Богуш, — подобны тем старым медалям, коих надписи стерлись до половины и коих уничтожившиеся буквы невозможно возобновить иначе, как догадками по тем, кои остаются у нас».¹⁰⁴ Несмотря на компилятивный характер и полное отсутствие критики использованных автором источников мы должны все же признать, что эта книга явилась одним из первых сводных пересказов нарративной традиции о северном побережье Понта.¹⁰⁵ Для последующих поколений исследователей сочинение Сестренцевича-Богуша стало «вернейшим указателем источников, в коих можно находить сведения о Тавриде».¹⁰⁶ Помимо истории Крыма митрополита занимала проблема этногенеза славянских племен, к предшественникам которых он ошибочно относил сарматов.¹⁰⁷

От изучения южных земель не осталась в стороне и Имп. Академия наук. Главные задачи академических путешествий на север и восток империи были решены, поэтому внимание к уже обследованным районам уменьшилось и переклонилося на еще неизведанные земли «полюденного» края страны.¹⁰⁸ В июне 1773 г. Конференция АН приняла постановление о направлении в Крым экспедиции акад. И. А. Гюльденштедта, находившейся в то время на Кавказе (1770—1773).¹⁰⁹ *Иоанн Антон Гюльденштедт*, в традиционной транскрипции *Гильденштедт* (*Guldenstädt*, 1745—1781), родился в России, получил образование в Германии. Вернувшись домой в 1768 г. уже в степени доктора медицины, он стал адъюнктом (1769) и профессором натуральной истории (1771) Имп. Академии наук. На Кавказе его заинтересовали история местных народов, многочисленные эпиграфические и нумизматические памятники южных провинций. С июля 1773 г. по февраль 1775 г. он объехал Нижнее Подонье и Приазовье, где искал следы древнего Танаиса (см. гл. 17), затем посетил Кременчуг и провинцию близ крепости св. Елизаветы (Украина), далее направился в Запорожскую Сечь, предполагая оттуда ехать в Перекоп и Крым, но получил предписание вернуться в Петербург в связи с общим распоряжением о прекращении экспедиций.¹¹⁰

В августе 1776 г. Гюльденштедтом был составлен проект экспедиционных исследований на юге России. Наиболее важными для изучения он считал район устья Днепра у Кинбурна, и Крым. «Чрезвычайно важно как для империи, так и для науки знать действительное положение этих местностей на земном шаре и произведения Черного моря, природу Крымских гор и историю населяющих этот полуостров народностей», — писал И. А. Гюльденштедт. Главную цель будущих экспедиций он видел в минералогических наблюдениях, однако в то время ни одна из намеченных экспедиций не состоялась.¹¹¹ На заседании Конференции АН 5 июля 1779 г. академик дал обязательство представить историческое и географическое описание новых учреждений в Азовской и Новороссийской губерниях, однако ему эту работу выполнить не удалось из-за преждевременной смерти — он умер в Петербурге 36 лет от роду, зарывшись тифом от больного, которого лечил.¹¹²

изменением имп. Александру I). Первый том снабжен картой расселения племен «Скифия по Геродоту» и таблицей «Хронология народов, Таврике владевших», второй том — сводной картой «Таврия на основе трех карт действительного статского советника Габлица для истории Тавриды г-на Ст. Сестренцевича».

¹⁰⁴ *Сестренцевич-Богуш Ст.* История о Таврии. СПб., 1806. Т. 1. С. 43.

¹⁰⁵ См.: *Тункина И. В.* Вклад поляков в становление классической археологии в России (конец XVIII—первая треть XIX в.) // Восточная Европа: Прошлое и современность: Матер. науч. конф. (7 апреля 1999 г.). СПб., 1999. С. 23—28; на польск. яз.: *Dorobek Polaków w założeniu archeologii klasycznej w Rosji (koniec XVIII w.—pierwsza trzecia część XIX w.)* // *Ibid.* S. 61—66.

¹⁰⁶ *Муравьев-Анстол И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. С. IX.

¹⁰⁷ Письмо от преосвященного Станислава Сестренцевича (ныне митрополита римских церквей в России), архиепископа Могилевского, к преосвященному Евгению, архиепископу Булгарскому, и ответ сего святителя о том, что древние сарматы говорили языком славенским / Пер. с итал.; сообщ. А. И. Мусиным-Пушкиным // *ВЕ*. 1805. Ч. 21. № 9. С. 1—22; *Siestrenczewicz de Bohusz S.* Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves : 2 vol. SPb., 1812 (2nd éd. revue. SPb., 1824).

¹⁰⁸ *Формозов А. А.* Археология в Академии наук // *СА*. 1974. № 2. С. 3—5.

¹⁰⁹ *Шебунин А. Н.* Русское Черноморье 70-х—80-х гг. XVIII в. и Академия наук : (Труды И. А. Гильденштедта и В. Ф. Зуева) // Архив истории науки и техники. 1936. Вып. 8. С. 84.

¹¹⁰ *Гнучева В. Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологическое обозрение и описания архивных материалов. М.; Л., 1940. С. 104 (Тр. Архива АН СССР. Т. 4); Летопись Российской Академии наук. Т. 1. С. 612, 618, 622, 624. Архивные материалы см.: ПФА РАН, ф. 3, оп. 33. См. о нем: *Копелевич Ю. X.* Иоанн Антон Гильденштедт. М., 1997.

¹¹¹ *Гнучева В. Ф.* Материалы для истории экспедиций... С. 135—137.

¹¹² *Шебунин А. Н.* Русское Черноморье... С. 88.

Экспедиция И. А. Гюльденштедта не была завершена, и огромные территории остались не обследованы. Нужна была новая экспедиция. В мае 1781 г. Конференция АН заслушала предложение директора С. Г. Домашнева о продлении экспедиционной деятельности в Причерноморье и командировании адъюнкта В. Ф. Зуева в южные губернии вплоть до Херсона «для наблюдений и открытия в области естественной истории».¹¹³ *Василий Федорович Зуев* (1754?—1794), сын солдата Семеновского полка, выпускник академической гимназии, уже имел опыт экспедиционной работы благодаря участию в путешествии П. С. Палласа 1768—1774 гг. в Восточную Россию и Сибирь.

Совместными усилиями академиков была спешно составлена инструкция — «Наставление, по силе которого поступать надлежит отправленному от Императорской Академии наук в путешествие по России в разные места, на юге лежащие, для исследования натуральных вещей адъюнкту Зуеву», состоящая более чем из 70 пунктов. В одном из них говорится о необходимости сбора сведений о развалинах и городищах, древних могилах и находимых в них костях, орудиях и других предметах, курганах и древностях; записывать предания, приобретать древние вещи для Кунсткамеры, в том числе греческие, римские и татарские монеты.¹¹⁴ Программа исследований, предложенная В. Ф. Зуеву, носила традиционный комплексный характер. Первоначально экспедиция посылалась только в Херсон, а в Крым должна была ехать другая экспедиция во главе с адъюнктом Ф. П. Моисеенковым, субсидируемая крымским ханом, просившем о присылке эксперта-минералога. Моисеенков получил инструкцию, но в сентябре 1781 г. внезапно умер в Москве. Тогда посещение Крыма было поручено Зуеву.¹¹⁵

В июне 1781 г. В. Ф. Зуев прибыл в Москву, где встретился с акад. Г. Ф. Миллером и адъюнктом по истории И. Г. Стриттером, которые «не преминули дать... некоторые наставления, в рассуждении древностей тех мест, по которым... в полуденной стороне России проезжать будет надобно».¹¹⁶ Проезжая через Калугу, Курск, Белгород, Харьков, Полтаву, Зуев тщательно описал все городища и курганы, встреченные им на пути.¹¹⁷ О курганах Левобережья Днепра он писал: «... Каких бы старинных покойников они ни покрывали, здесь по новости поселенцев никто не знает и даже никто еще и не любопытствовал, чтоб иметь какое-нибудь сведение об оных, или вырывать какие-либо достопамятности, хотя со внешнего виду они многого сходствуют с находящимися в Сибири. Я не столько был многолюден, чтоб испытать первый, что в сих могилах зарыто, к тому ж и жителей... не мог склонить на сие ни за какую плату... однако слышал довольно, что во время прохождения через здешние места воинских команд, некоторые полковники вынимали из них достопамятные старинные вещи».¹¹⁸

Различая курганы по форме, наличию или отсутствию каменной крепицы у подошвы, В. Ф. Зуев высказал предположение, что их оставили разные народы. Рисовальщик экспедиции С. Бородулин выполнял рисунки каменных баб. Зуев оставил описание огромного Чертомлыцкого кургана (Толстой могилы),¹¹⁹ ставшего знаменитым век спустя после раскопок И. Е. Забелина (1862, 1863).

Понимая значение археологических памятников как важнейшего источника сведений о древнем населении причерноморских степей, В. Ф. Зуев намеревался организовать раскопки курганов, но ему помешали недостаток средств и суеверия местных жителей. В одном из писем к своему учителю акад. П. С. Палласу В. Ф. Зуев доказывал, что курганы являются искусственными насыпями над могилами и выражал сожаление, что не может задержаться для исследования хотя бы некоторых из них по причине нехватки рабочих рук — «все здесь или заняты строительными работами, или устраивают свое хозяйство». Путешественник опасался, что с

¹¹³ *Шебукин А. Н.* Русское Черноморье... С. 90; *Райков Б. Е.* Академик Василий Зуев, его жизнь и труды. М.; Л., 1955. С. 91. См. также: *Степанов В. П.* Зуев Василий Федорович // *Словарь русских писателей XVIII века*. Л., 1988. Вып. 1: А—И. С. 343—345.

¹¹⁴ ПФА РАН, ф. 21, оп. 1, д. 85, № 4, 38 л. Копии инструкций и наставлений, данных В. Ф. Зуеву к путешествию по югу России 1781 г., от Академии наук, Вольного экономического общества, группы ученых, Коммерц-коллегии, Медицинской коллегии и Академической комиссии. См.: *Райков Б. Е.* Академик Василий Зуев... С. 99.

¹¹⁵ *Райков Б. Е.* Академик Василий Зуев... С. 91; *Шебукин А. Н.* Русское Черноморье... С. 91.

¹¹⁶ Путешественные записки Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб., 1787. С. 7. Архивные материалы см.: ПФА РАН, ф. 3, оп. 37.

¹¹⁷ Путешественные записки Василия Зуева... С. 43—44, 46—48, 154, 168, 174—175, 199, 213, 241.

¹¹⁸ Там же. С. 246.

¹¹⁹ Там же. С. 246, 261, 264—268.

использованием численности населения края эти памятники будут разграблены, исчезнут и таким образом навсегда погибнут для науки.¹²⁰

Прибыв в Херсон в октябре 1781 г., В. Ф. Зуев уже через месяц оказался в Константинополе, где наряду с естественноисторическими коллекциями собирал античные монеты. Вернувшись обратно в Херсон, он в течение месяца готовился к поездке в Крым. Маршрут путешествия по Тавриде был задуман широко, но в полном объеме план осуществить не удалось. Легендарная земля сильно манила исследователя. «Чем больше я слышу разговоров о Крыме, — писал Зуев Палласу, — тем более я загораюсь желанием ехать туда».¹²¹ Лишь в апреле 1782 г. Зуев и рисовальщик С. Бородулин добрались до Тавриды. Они посетили Карасу-базар, Судак, Кафу, но из-за междоусобных волнений татар вынуждены были спасаться бегством в Еникале. В Петербург ему удалось привезти лишь 10 античных монет.

В 1787 г. вышло описание путешествия В. Ф. Зуева от Петербурга до Херсона — первая часть записок. К сожалению, вторая часть, содержавшая описание Крыма и других мест Причерноморья, не была издана — от нее остались только фрагменты, напечатанные в виде статей. В одной из них помещен подробный анализ источников и историко-географический очерк полуострова.¹²² Большая часть рисунков С. Бородулина также не была опубликована — Зуев не хотел удорожать издание своих записок. В последующие годы В. Ф. Зуев не оставлял причерноморскую тематику. В октябре 1785 г. он сделал доклад «Размышления о Таврическом крае и его окрестностях»,¹²³ связанный с поручением естествоиспытателю К. И. Габлицу провести геологическое обследование Крыма. Габлиц предложил Академии наук свое содействие в исследованиях по истории, нумизматике, географии и естественным наукам, относящихся к Тавриде. Статья В. Ф. Зуева явилась своего рода инструкцией для К. И. Габлица, в которой ему, в числе прочего, рекомендуется провести раскопки на территории полуострова, собирать монеты и т. п.¹²⁴

Карл Иванович Габлиц (1752—1821), уроженец Кенигсберга (Пруссия), вместе с отцом в 1758 г. переехал в Россию. Он учился в гимназии Московского университета (1760—1768), затем на медицинском факультете университета. В 1768 г. проезжавший через Москву петербургский профессор С. Г. Гмелин предложил Габлицу принять участие в своей экспедиции в качестве студента, на что последний с охотой согласился. В марте 1769 г. Габлиц был переведен в Академию наук с откомандированием в экспедицию Гмелина и отправился из Москвы в Воронеж к месту зимовки экспедиции. В 1769—1774 гг. он объехал Донские земли до Азовского моря, Астрахань, Закавказье, весь западный, восточный и южный берег Каспийского моря, в том числе Персию. Во время экспедиции Габлиц заинтересовался естественной историей, прежде всего ботаникой. В 1775 г. он вернулся в Петербург и в 1776 г. был назначен переводчиком Академии наук. В 1776 г. по ходатайству директора Академии наук через кн. Г. А. Потемкина-Таврического Габлиц был пожалован чином переводчика первых трех коллегий, одновременно избран членом-корреспондентом Академии наук и отправлен на службу в Астрахань помощником директора садовой канторы (1776—1788). В 1781 г. он сопровождал графа М. И. Войновича с эскадрой по Каспийскому морю для ведения исторического журнала путешествия. В конце 1782 г. Габлиц вернулся в Петербург, в 1783 г. получил чин надворного советника в ведомстве кн. Г. А. Потемкина-Таврического. Князь использовал Габлица и на административном поприще, назначив его сначала надворным советником в Палату уголовного суда (декабрь 1784 г.), затем — директором экономии (февраль 1787 г.) и, наконец, вице-губернатором (февраль 1788—1796) Таврической области. В 1795 г. ученый был пожалован в статские советники «за приумножение соляных доходов». С 1796 г. — почетный член Академии наук. После воцарения Павла I в 1796 г. Габлиц был возвращен в Петербург и назначен чиновником при генерал-прокуроре по части государственного хозяйства, с 1797 г. — член особой экспедиции для управления делами государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства при Сенате под руководством генерал-прокурора. С 1797 г. — действительный статский советник, первый товарищ министра Департамента уделов, с 1800 г. тайный советник, исполняющий должность министра Департамента уделов, с 1801 г. назначен к присутствию в Комитет об устройстве Новороссийских губерний. С 1803 г. — президент государственной Мануфактур-коллегии, затем главный директор Лесного департамента, управляющий экспедицией государственного хозяйства, с 1808 г. председатель Комитета для рассмотрения дел комиссии для разбора споров по землям Крымского полуострова, сенатор, в 1819—1821 гг. председатель Комитета для рассмотрения жалоб татар в Таврической губернии.¹²⁵

¹²⁰ Там же. С. 246; Райков Б. Е. Академик Василий Зуев... С. 136—138.

¹²¹ Шибунин А. Н. Русское Черноморье... С. 103; Райков Б. Е. Академик Василий Зуев... С. 161.

¹²² Выписка из путешественных записок Василия Зуева, касающихся до полуострова Крыма // Месяцеслов исторический и географический на 1783 год. СПб., [1782]. С. 122—170.

¹²³ Zuev V. Réflexion sur le Territoire Taurique et ses environs // Nova Acta. 1788. T. 3. P. 76—80.

¹²⁴ Райков Б. Е. Академик Василий Зуев... С. 306.

¹²⁵ Подробнее см.: Краткое описание жизни и службы тайного советника, сенатора и разных орденов кавалера Карла Ивановича Габлица / [Публ. и примеч. Н. И. Гнедича]. СПб., 1821 (автобиография). Отд. оттиск из журн.: Сын Отечества. 1821. Ч. 73. № 43. С. 97—112; № 44. С. 145—165; Евгений, митр. [Болховитинов Е. А.] Словарь

К. И. Габлиц продолжил исследование Крыма по программе, намеченной П. С. Палласом и В. Ф. Зуевым. Как натуралист-путешественник он получил опыт полевой работы еще в экспедиции акад. С. Г. Гмелина. Летом 1783 г. кн. Г. А. Потемкин поручил Габлицу составить естественнонаучное описание Крыма «по всем трем царствам природы» и снабдил его средствами для производства топографических съемок. Одновременно коллежскому советнику М. И. Афонину (см. гл. 10.3) было предписано «обозрение Екатеринославского наместничества».¹²⁶ Но эпидемия чумы в Крыму и болезнь Потемкина заставили Габлицу вернуться в Петербург. Весной следующего года Карл Иванович вновь посетил Тавриду и с мая по осень 1784 г. объехал Крымские горы, степную часть полуострова и Тамань.¹²⁷ Постоянно подгоняемый Потемкиным, Габлиц начал обработку материала и завершил сочинение всего за два месяца, проживая в тяжелейших бытовых условиях, — не в доме у татар, а в землянке из-за боязни заразиться чумой. «Физическое описание» Тавриды Габлиц отправил князю в декабре 1784 г.; оно было опубликовано в Петербурге за казенный счет в 1785 г. без указания автора (в 1788 г. переведено на французский, а в 1789 г. на английский и немецкий языки¹²⁸). За этот труд, явившийся первым геологическим, ботаническим и биологическим описанием Крыма, Габлиц удостоился от императрицы «благоволения» и осыпанной бриллиантами табакерки, а также повеления составить историческое описание полуострова. Этой работой он занимался в 1785 г. в Москве и Петербурге (в северной столице он в любое время дня и ночи должен был являться к Потемкину для составления справок о Таврической области¹²⁹), а также несколько месяцев, начиная с октября 1786 г. в Крыму.

В письме правителя Таврической области В. В. Каховского (Коховского) к правителью канцелярии Г. А. Потемкина В. С. Попову от 24 марта 1787 г. отражена реакция К. И. Габлицы на получение книги католического епископа Адама Нарушевича о Крыме: «Присылкою польской книжечки о Тавриде причинили вы немалое удовольствие Карлу Ивановичу. Оную пробежав, увидел он тотчас и познал сам разность учености поляка с великороссианином, и сие то обрадовало его несказанно. Польской сочинитель мне знаком, он ученейший между ими почитается. Но я уверен, судя по его несамолюбию, что не выпустил бы он в свет своего сочинения, если бы он знал предварительно, что посаженный на берегах Черного моря Габлиц начертывает то же самое, о чем он писать покусился. Ибо должен он будет признаться, что наш сочинитель просвещеннее и учнее его; что в сочинении своем, не делая прыжков, соблюл точнейший порядок, почерпая все сведения из всех известных писателей о сей стране, и что употребил при том всю возможную осторожность зберечь себя от критики полуученых, кои хотя часто и нелепую порят. Сие польское сочинение послужило ему к тому только, что вежливым образом сделал он на некоторые места скромные свои опровержения. Подкрепи Бог его здоровье...».¹³⁰

Во время путешествия Екатерины II в Крым, охарактеризованный ею как «жемчужина в короне Российской империи», 29 мая 1787 г. в Карасубазаре К. И. Габлиц поднес императрице первую часть исторического описания Тавриды,¹³¹ а также труд с анализом географических

русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 1. С. 101—105; Габлиц Карл Иванович // РБС. 1914. Т.: Гаар—Гербель. С. 10—14.

¹²⁶ Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Одесса, 1836. Ч. 1: 1730—1796 гг. С. 182.

¹²⁷ В РГВИА хранится составленная Габлицем схематичная карта Таманского полуострова 1787 г. с его объяснительными примечаниями на французском языке об извержении грязевого вулкана Куку-Оба близ ст. Тамань 27 февраля 1791 г. (ВУА, № 22881, л. 1—2).

¹²⁸ [Габлиц К. И.] Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы. СПб., 1785. 199 с. (рукописный экземпляр этой работы, правда, без подписи, обнаружен Е. И. Дружининой в РГВИА: ВУА, № 19063). Переводы на западноевропейские языки см.: *Hablitzl* (sic!) / *Hablitz Ch.* 1) *Description physique de la contrée de la Tauride, relativement aux trois règnes de la nature*: Traduite du russe et enrichie de notes. La Haye, 1788 (перевод на французский выполнен русским послом в Голландии кн. Д. А. Голицыным; 2 éd. Paris, 1802); 2) *The Natural History of East Taryat, Traced Through the Three Kingdoms of Nature*. London, 1789; 3) *Physikalische Beschreibung des Taurischen Statthalterschaft, nach ihrer Lage und allen drei Naturreichen*. Hannover; Osnaabrück, 1789 (перевод на немецкий под ред. П. С. Палласа; посвящение барону Б. И. Фитингофу).

¹²⁹ Краткое описание жизни... С. 24.

¹³⁰ Цит. по: Письма правителя Таврической области Василия Васильевича Каховского правителью канцелярии В. С. Попову, для доклада его светлости князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 265—266.

¹³¹ Краткое описание жизни... С. 26.

известный античный и средневековые авторы «о стране сей», за что и был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и бриллиантовым перстнем.¹³²

Как писал много лет спустя Е. Болховитинов об историческом описании Тавриды Габлица, «книга сия и все при ней приложенные карты осталась неизданными, а сочинитель в списках только сообщал их многим своим приятелям»,¹³³ причиной чему послужила начавшаяся русско-турецкая война 1787—1791 гг. Географическая часть этого труда была издана только в 1803 г. Получив в 1808 г. одну из карт с описанием развалин Гераклейского полуострова, приложенных к рукописи Габлица, митрополит Евгений опубликовал ее после смерти автора, в 1822 г. в «Отечественных записках» П. П. Свиньина и переиздал в 1828 г. в трудах Общества истории и древностей российских при Московском университете¹³⁴ (подробнее см. гл. 12.1). Другие труды К. И. Габлица опубликованы при его жизни анонимно.¹³⁵

Экспедиционное изучение Новороссии было продолжено классиком естествознания, акад. П. С. Палласом.¹³⁶

Петр Симон Паллас (Pallas, 1741—1811), естествоиспытатель-энциклопедист, географ, геолог, палеонтолог, биолог, профессор естественной истории. Уроженец Берлина, он учился в Берлинской медико-хирургической коллегии, совершенствовал знания в Германии, Голландии, Великобритании, в 1767 г. был приглашен в Имп. Академию наук в качестве профессора естественной истории. 26-летний ученый к тому времени уже был достаточно известен в научных кругах Европы. Современники отмечали его высокую образованность и глубокие знания в разных областях науки, блестящее знание латинского — основного языка науки XVIII в. (Паллас хорошо знал и любил римских авторов и часто в своих трудах цитировал их). С лета 1767 г. он жил в Петербурге, занимался составлением планов и инструкций для задуманных Екатериной II путешествий; преподавал естественную историю великим князьям Александру и Константину Павловичам. Паллас возглавлял экспедицию Имп. Академии наук 1768—1774 гг. по центральным областям России, Среднего и Южного Урала, Южной Сибири, вплоть до границ с Китаем, итоги которой обобщил в книге «Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs» (3 т., 1771—1776). Ученый стал автором первой сводки растений России «Flora Rossica» (2 т., 1784—1788). Одно время он являлся историографом Адмиралтейств-коллегии (1786—1792). В 1792 г. Паллас был отстранен от дел по не вполне понятным причинам: возможно, его заподозрили в связях с английской разведкой или с якобинцами.

В конце 1792 г. полуопальный П. С. Паллас обратился к Екатерине II с просьбой разрешить ему переселиться на юг для отдыха и поправления здоровья, подорванного во время экспедиции в Восточную Россию и Сибирь. Он решил совершить поездку в южные губернии на собственный счет, чтобы определить место будущего проживания. Воспользовавшись этим, Академия поручила своему члену составить описание путешествия.

Паллас выехал из Петербурга 1 февраля 1793 г. вместе с семьей и молодым художником из Лейпцига Х. Г. Гейслером. Через Астрахань он добрался до Северного Кавказа, затем вдоль Азовского побережья проехал в Ак-мечеть (Симферополь). Здесь он провел зиму 1793/94 г., жил в доме своего друга К. И. Габлица, нередко бывал в его имении Чоргунь, называвшемся также по имени владельца Карловка (ныне Нижнее Чернореченское). Находившаяся в Чоргуни двенадцатигранная башня (донжон XV—XVII вв.),¹³⁷ связанная с помещичьим домом переходом, по указанию Габлица была украшена античными барельефами,¹³⁸ собранными им во время натурных обследований Крыма и Таманского полуострова.

¹³² [Храповицкий А. В.] Журнал высочайшего путешествия ее величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы всероссийской, в полуденные страны России, в 1787 году. М., 1787. С. 85.

¹³³ [Болховитинов] Е. О следах древнего греческого города Херсона, доныне видимых в Крыму // ОЗ. 1822. Ч. 9. № 22. С. 156. 12 сентября 1842 г. секретарь Одесского общества истории и древностей Н. Н. Муракевич спрашивал П. И. Кёппена: «Где-то я читал или слышал, что записки исторические и археологические о Крыме, соч. Габлица, будто бы хранятся у кого-то в Санкт-Петербурге. Не осведомлены ли Вы о сем крайне для нас занимательном труде. Если бы можно было его приобрести обществу, то, может быть, оно извлекло бы что-нибудь в „Записки“» (ИФА РАН, ф. 30, оп. 3, л. 185, л. 3 об.).

¹³⁴ [Болховитинов] Е. О следах древнего греческого города Херсона... // Тр. и зап. МОИДР. 1828. Т. 4. Кн. 1. С. 102—115.

¹³⁵ [Габлиц К. И.] Географические известия, служащие к объяснению прежнего состояния нынешней Таврической губернии, собранные из разных древних и средних времен писателей. СПб., 1803. 54 с., 3 карт.

¹³⁶ Подробнее о нем см.: Wendland F. Peter Simon Pallas (1741—1811): Materialien einer Biographie. Berlin; New York, 1992. Teil 1—2 (Veröffentlichungen der Historischen Kommission zu Berlin. Bd 80/II); Осипов В. И. П. С. Паллас в России // Немцы в России: Люди и судьбы. СПб., 1998. С. 137—144; Сытин А. К. Петр Симон Паллас — ботаник. М., 1997. 338 с. (на сегодняшний день лучшая работа о Палласе на русском языке, к сожалению, малодоступна, так как издана тиражом всего 300 экз.).

¹³⁷ Мыц В. Л. Укрепления Таврики X—XV вв. Киев, 1991. С. 137.

¹³⁸ Сытин А. К. Петр Симон Паллас — ботаник. С. 174.

Как доказал А. К. Сытин, на отсутствии Палласа в столице в течение всего 1794 г. настаивала сама императрица.¹³⁹ В ненастный сезон академик не тратил времени зря, а занимался обработкой материалов предыдущей экспедиции и готовился к предстоящей поездке по Крыму. 8 марта 1794 г. Паллас начал изучение Тавриды (гл. 12) и Таманского полуострова (гл. 15), окончил его 18 июня, а в сентябре через Николаев (гл. 10.3) вернулся в Петербург, где представил Екатерине II описание Крыма и просьбу о пожаловании земли.¹⁴⁰

Весной следующего года П. С. Паллас получил именной указ о выделении в потомственное владение земель в местечке Шулю при речке Ай-Тодор, лежащих у подножия Мангупа, в Симферопольском уезде 10 десятин (10.09 га), виноградника в Судакской долине и 10 тыс. р. «на обзаведение». Позднее он прибавил к ним Михайловский хутор близ Симферополя на правой стороне р. Салгир (1802). За Палласом сохранялось академическое жалованье с условием, что в Крыму он будет продолжать ученые труды.¹⁴¹ Летом 1795 г. П. С. Паллас окончательно переселился на новое местожительство, где прожил 15 лет. Все эти годы, вплоть до отъезда в Берлин в 1810 г. (где он скончался через год), были наполнены работой над завершением начатых трудов, комплексными исследованиями естественных и исторических богатств полуострова и соседних с ним земель.¹⁴² Наиболее яркими образцами таких исследований может считаться изучение античного культурного ландшафта К. И. Габлицем и П. С. Палласом на Гераклейском полуострове близ Севастополя (гл. 12). Результатом многочисленных поездок явились всемирно известные труды П. С. Палласа по описанию Северного Причерноморья, окрестностей Нижней Волги и Северного Кавказа до Георгиевска,¹⁴³ в которых собраны сведения об увиденных древностях и помещены их рисунки (рис. 2).

Оба тома путешествия П. С. Палласа по южным наместничествам России 1793—1794 гг. полностью до сих пор не переведены на русский язык. Специалистам давно известно,¹⁴⁴ что рукопись русского перевода второго тома «Примечаний во время путешествия в Южные провинции Российской империи в 1793 и 1794 годах», выполненного каким-то анонимным современником П. С. Палласа с первого немецкого издания 1801 г., хранится в академическом архиве в Петербурге.¹⁴⁵ Опубликованные переводы двух фрагментов второго тома с сокращенного издания 1803 г., выполненные М. А. Славич-Сосногорской и Г. Э. Карауловым, очень несовершенны, изобилуют неточностями и грубыми ошибками.¹⁴⁶ А. Л. Бертье-Делагард совместно со своей сестрой С. Л. Белявской в рамках проекта Таврической ученой архивной комиссии по изданию в переводах на русском языке всех замечательных иностранных сочинений о Крыме подготовил новый перевод второго тома, который оставался неизданным вплоть до недавнего времени.¹⁴⁷

¹³⁹ Подробнее см.: Сытин А. К. Академик Петр Симон Паллас и Екатерина Великая // Екатерина Великая: Эпоха в российской истории : Тез. докл. Междунар. науч. конф. СПб., 1996. С. 319.

¹⁴⁰ Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций... С. 126; Муравьев В. Дорогами российских провинций. М., 1977. С. 16.

¹⁴¹ Маркевич А. И. Академик П. С. Паллас: Его жизнь, пребывание в Крыму и ученые труды // ИТУАК. 1912. № 47. С. 168.

¹⁴² Kenner F. P. Ученые труды П. С. Палласа. СПб., 1895. С. 14; Муравьев В. Дорогами российских провинций. С. 89—90.

¹⁴³ Pallas P. S. (Паллас П. С.) 1) Tableau physique et topographique de la Tauride // Nova Acta. 1795. Т. 10. Р. 257—320 (рус. перевод ученика П. С. Палласа И. С. Рижского: Краткое физическое и топографическое описание Таврической области. СПб., 1795); 2) Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1799—1801. Bd 1—2; 3) Разные замечания касательно до острова Тамана // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 230—234.

¹⁴⁴ Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций... С. 126.

¹⁴⁵ ПГА РАН, ф. 3, оп. 32, д. 20, 341 л. Писарский беловик на синей бумаге; включает объяснения всех рисунков на таблицах и виньетках.

¹⁴⁶ Паллас П. С. 1) Путешествие по Крыму академика П. С. Палласа в 1793 и 1794 гг. // ЗООИД. 1881. Т. 12. Отд. 1. С. 62—208; 2) Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. 1883. Т. 13. Отд. 1. С. 35—92.

¹⁴⁷ КРКМ, КП-22959, Д-8674; КП-22971, Д-8686; Филимонов С. Б. О подготовке А. Л. Бертье-Делагардом к печати перевода сочинения П. С. Палласа о Крыме // АЕ за 1983 г. М., 1985. С. 270—272. Издание перевода второго тома труда Палласа осуществлено Архивом РАН в Москве: Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793—1794 годах / Отв. ред. Б. В. Лёвшин; сост. Н. К. Ткачева. М., 1999 (Научное наследство. Т. 27). В строгой рецензии А. К. Сытина (Природа. 2000. № 2. С. 88—90) перевод Бертье-Делагарда назван неточным и неадекватным оригиналу, «неживым», потерявшим образность и изобразительную силу подлинника, т. е. «добротным подстрочником». Составителя Н. К. Ткачеву рецензент справедливо упрекает в отсутствии объяснения текстологических принципов публикации, полноценной

Александр Львович Бертье-Делагард (Berthier de la Garde, 1842—1920), военный инженер, археолог, нумизмат, коллекционер древностей и книг; действительный член (1880) и вице-президент (1899—1919) ООИД, действительный (1889) и почетный член Таврической ученой архивной комиссии, действительный член РАО (20.12.1890). Из семьи обрусевших французских эмигрантов-роялистов. Выпускник кадетского корпуса и Инженерной академии, профессор Инженерной академии, состоял на службе в инженерных войсках. В 1874—1878 гг. участвовал в работах по укреплению Севастополя и его порта. После выхода в отставку (1887) поселился в Ялте, с 1887 г. руководил строительством портов Одессы, Феодосии, Ялты, Ростова-на-Дону. Как уроженец Крыма, заинтересовался историей и древностями Северного Причерноморья, начал собирать книги, карты и изобразительные материалы о нем, этнографические, археологические и нумизматические коллекции, связанные с Новороссийским краем (часть нумизматического собрания была передана собирателем в Одесское общество истории и древностей, другая продана частному лицу в Женеву; ювелирные изделия и торевтика «готского стиля» из Керчи в 1919 г. куплены Британским музеем). Автор трудов по исторической топографии Крыма, по истории и древностям Херсонеса, по античной нумизматике греческих колоний Северного Причерноморья (исследования о древних монетных системах и весе, переработка атласа монет Бурачкова и др.), о подделках греческих и скифских памятников декоративно-прикладного искусства. Провел раскопки некрополя Феодосии, исследовал святилище римского времени близ Ялты, по поручению ООИД на личные средства провел исследование раннесредневекового могильника Суук-су в Крыму. В последние годы жизни занимался изучением Тмутараканского камня. Остались незаконченными его исследования о Судак и памятниках Горного Крыма, для которых были подготовлены чертежи и планы. Часть архива и библиотека хранятся в Крымском республиканском краеведческом музее, другая часть архивных материалов — в Центральном государственном архиве Автономной Республики Крым.¹⁴⁸

В литературе уже дан подробнейший анализ исторических взглядов П. С. Палласа. Подмечено, что его описания археологических памятников отличаются точностью и удивительной добросовестностью, так как главным для него была достоверность научного факта. Очень меткую характеристику ученого-энциклопедиста приводит А. К. Сытин: «Точка зрения Палласа — взгляд из мышиной норы. Это бесконечное накопление впрок, любовь к мелочам, к незначительным на первый взгляд деталям, из которых не всегда вырастали крупные обобщения, но которые являлись крупными истинами, а потому их цена всегда остается высокой».¹⁴⁹

П. С. Паллас был прекрасно знаком с античными географическими сочинениями. Используя сведения Страбона, Плиния, периплы Арриана и Скимна Хиосского, он попытался локализовать упоминаемые ими пункты. Древнейший Херсонес Страбона академик отождествил с руинами на полуострове Фанари (Маячный), Пантикалей ошибочно поместил не в Керчи, а между Керчью и крепостью Еникале, Нимфей — в бухте между Павловской батареей и Камыш-Буруном, Парфений — на мысе Фанари в Узун-Келечи. Авторитет П. С. Палласа настолько велик, что ученые вплоть до сегодняшнего дня обращаются к его труду как к достоверному источнику сведений о несуществующих ныне памятниках.

Совершенно забытым исследователем Северного Причерноморья оказался младший современник П. С. Палласа барон Федор Кондратьевич (Фридрих Август) Маршал фон Биберштейн (baron Friedrich Marschall von Bieberstein, 1768—1826).

Уроженец Штутгарта, воспитанник Каролинской Академии (КарлсшULE), где он учился вместе с будущим великим палеонтологом Жоржем Кювье, Биберштейн с юности посвятил себя изучению ботаники. Выйдя в отставку, естествоиспытатель прибыл в Яссы и в 1792 г. перешел на русскую службу — секретарем командующего русской армией на юге графа М. В. Каховского (Коховского), был произведен в обер-аудитора, а в 1793 г. стал флигель-адъютантом. Вместе со своим начальником он жил в Крыму (1793—1794), где познакомился с П. С. Палласом и положил начало своему капитальному труду «Flora taurico-caucasica» (Charkoviae, 1808. Vol. 1—2; 1819. Vol. 3). С одобрения П. С. Палласа Биберштейн стал естествоиспытателем Персидской экспедиции графа В. А. Зубова и исследовал прикаспийскую часть Восточного Кавказа между устьями Терека и Куры. В 1797 г. ученый был назначен инспектором шелководства на Кавказской линии, а вскоре за представленное Павлу I описание Кавказа «в экономическом отношении» назначен главным инспектором шелководства Южной России. По роду службы Биберштейн ежегодно объезжал местности между Волгой, Днестром и Днепром, дважды посетил Грузию.¹⁵⁰ Ве-

научного комментария и тщательной редактуры, ошибках в латинских названиях, именном указателе и пр. Тем не менее здесь и далее при цитировании второго тома труда Палласа я привожу ссылки как на немецкий оригинал, так и на русский перевод А. Л. Бертье-Делагарда, изданный в 1999 г., как самый доступный для современного читателя.

¹⁴⁸ См.: Черепанова Е. Н. Архив А. Л. Бертье-Делагарда (1842—1920) в Крымском областном краеведческом музее // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968. С. 205—212. По иронии судьбы, дача дяди А. Л. Бертье-Делагарда находилась в деревне Шулю по соседству с бывшим когда-то домом Палласа (РО ИРЛИ, ф. 603, д. 68, л. 1—1 об.; письмо А. Л. Бертье-Делагарда Н. Н. Муракевичу от 22 ноября 1879 г., из Севастополя).

¹⁴⁹ Сытин А. К. Петр Симон Паллас — ботаник. С. 229.

¹⁵⁰ Гучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций... С. 127; Кёппен П. Биберштейн Ф. К. // Энциклопедический лексикон [Плюшара]. СПб., 1836. Т. 5. С. 480—481; Биберштейн Федор Кондратьевич // РБС. 1908. Т.: Бетанкур—Бакстер. С. 13—14; Сытин А. К. Иконографические материалы Ф. А. Маршалла фон Биберштейна в

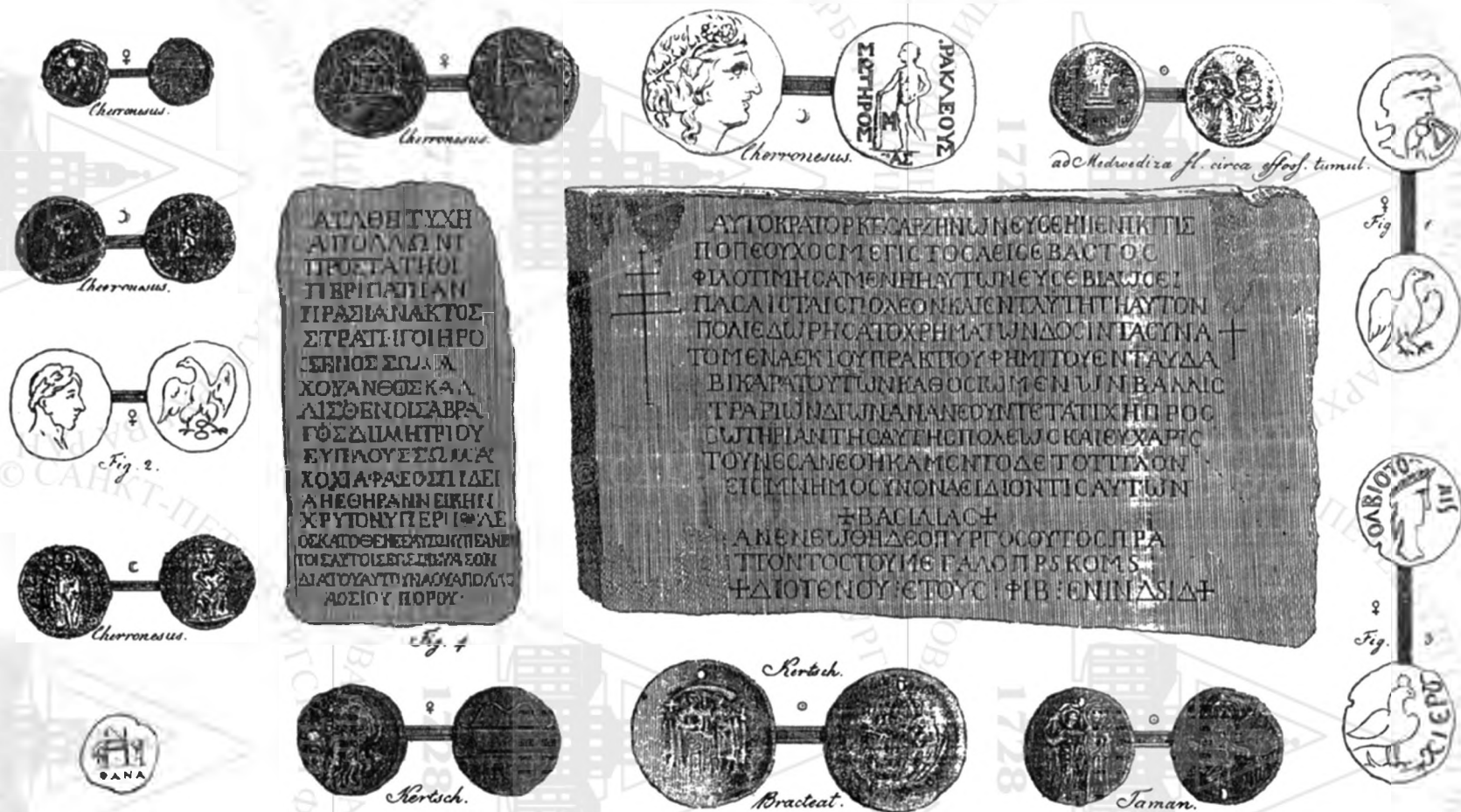

Рис. 2. «Древние надписи и медали из различных мест Крыма» (в центре *справа* надпись в честь императора Зенона из Херсонеса, хранившаяся у К. И. Габлица, *слева* — ольвийская надпись с посвящением Аполлону Простату (IPE, I², 98), найденная «на Очаковской степи», хранившаяся в церкви г. Николаева, затем в Кабинете редкостей Черноморского депо карт; античные и средневековые серебряные и медные монеты Херсонеса—Херсона, Ольвии, Пантикапея, Фанагории и др.).

Пятая таблица к атласу путешествия П. С. Палласа 1793—1794 гг.

роют, именно в это время он обратил внимание на археологические памятники Керченского полуострова и Таманя. В апреле 1800 г. Биберштейн и молодой Христиан Стевен, ставший его преданным сотрудником, путешествовали на Северный Кавказ через Сарепту, Астрахань и Кизляр, а в 1804 г. инспектор совершил поездку в Германию и Францию. В 1807 г. барон поселился в Крыму и в том же году открыл училище виноделия близ г. Кизляра. Биберштейн дослужился до чина действительного статского советника и был вознагражден Александром I за заботы по совершенствованию сельского хозяйства юга России пожалованием 5000 десятин земли в Харьковской губернии, где в своем имении Мерефа близ Харькова он провел последние годы жизни. В 1820—1821 гг. Биберштейн являлся главным инспектором по шелководной части Департамента государственного хозяйства и публичных зданий МВД.

Еще находясь в Петербурге, накануне своего отъезда в персидскую армию, 2 мая 1796 г. Маршал фон Биберштейн представил Имп. Академии наук на обсуждение две статьи: «Erläuterung der Strabonischen Topographie des Cimmerischen Bosphor nach den neuesten russischen Karten von Taurien und Taman», которая осталась неизданной,¹⁵¹ и «Remarques sur les pierres sepulcrales des anciens grecs qui on trouve aux environs du detroit de la Tauride» (русский перевод: Примечания о встречающихся около Таврического пролива древних греческих надгробных камнях), которая была издана анонимно.¹⁵² Первая была передана на отзыв акад. П. Н. Фусу и Ф. И. Шуберту, а вторая акад. С. Я. Румовскому, который дал на нее благоприятное заключение.¹⁵³ В своем исследовании о топографии прилегающих к Керченскому проливу земель в соответствии со Страбоном автор верно локализовал античные города Феодосию (Кафа), Пантикапей (Керчь), Горгиппию (рис. 3), отметил наличие археологических остатков близ Бугаза, где поместил Фанагорию, и ряда других мест (гл. 15). Вторая работа посвящена публикации лапидарных памятников Азиатского и Европейского Боспора (КБН 23, 285, 496, 610, 1048, 1050, 1077, 1095).

Биберштейн предоставил свои материалы по археологии и эпиграфике Академии наук, давшей возможность использовать их англичанину Мэтью (Матвею Андреевичу) Гатри (в другой транскрипции — Маттей Гутри, или Гутриа, Matthew Guthrie, 1743—1807).¹⁵⁴ Доктор медицины, статский советник, М. Гатри долго находился на русской службе в качестве врача при петербургском Сухопутном шляхетном кадетском и инженерном корпусах, являлся членом Лондонского и Шотландского обществ антиквариев, Лондонского и Эдинбургского королевских обществ и др.; скончался в Петербурге. Он издал сочинение о русских древностях¹⁵⁵ и опубликовал описание путешествия своей покойной жены, главной надзирательницы Санкт-Петербургского Императорского института благородных девиц Марии Гатри, по Северному Причерноморью (1795—1796),¹⁵⁶ составленное в виде писем к нему. Наибольший интерес представляет не основной текст, а приложения издателя — обширные комментарии Мэтью Гатри об эпиграфических, нумизматических и археологических памятниках Причерноморья

Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук // Ботанический журнал. 1996. Т. 81, № 12. С. 62—75. Личные фонды ученого хранятся в ПФА РАН (ф. 65) и ОР РНБ (ф. 470).

¹⁵¹ Рукописи см.: ПФА РАН, ф. 65, оп. 1, д. 47 (черновой автограф). Белових статьи см.: ПФА РАН, р. 1, оп. 110, д. 9, л. 1—14 (выцветающий автограф), л. 15 (иллюминированная карта Таманского полуострова с обозначением локализации античных пунктов и курганных цепочек). Однотонный черновик той же карты см.: ПФА РАН, ф. 65, оп. 1, д. 48, л. 57 об.—58. На керченской стороне пролива обозначены Павловская батарея, Еникале (по догадке Биберштейна — Hercules?) и Parthenion на крайней северо-восточной точке побережья, в том месте, где позднее его локализовал Дюбрюкс, см. гл. 3.2, 15.

¹⁵² О древних греческих надгробных камнях, встречающихся около Таврического пролива // Месяцеслов исторический и географический на 1797 год. СПб., 1797. С. 35—50. Рукопись см.: ПФА РАН, ф. 65, оп. 1, д. 43 (черновик рус. перевода с авторской правкой); д. 44 (черновики статьи в двух редакциях на франц. яз.).

¹⁵³ Протоколы заседаний Конференции... СПб., 1911. Т. 4. С. 495, 497; Летопись Российской Академии наук. Т. 1. С. 841.

¹⁵⁴ См.: Елагин, митр. [Болховитинов Е. А.] Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев... Т. 1. С. 155—156.

¹⁵⁵ Guthrie M. Dissertations sur les antiquités de Russie. Spb., 1795. Книга, посвященная императрице Екатерине II, освещает этнографические подробности быта русского народа, а именно «древнее баснословие, обряды языческие, празднества, игры, вещуны, старинную музыку, музыкальные инструменты, обыкновения, одежды, сельские забавы и пр.».

¹⁵⁶ Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795—1796, through the Taurida. London, 1802. В начале 1920-х гг., по предложению А. И. Маркевича, для предпринятой ТУАК—ТОИАЭ серии «Классики краеведения в русских переводах» был выполнен частичный перевод (автор неизвестен) глав о Крыме, оставшийся неопубликованным, рукопись которого хранится в фонде ТОИАЭ (д. 11; КРКМ, КП-24591, Д-9523, л. 1—129), правда, с неправильной архивной атрибуцией — как перевод с французского «Путешествия в Константинополь через Крым» 1786 г. миледи Кравен, помещенный в том же деле далее (КРКМ, КП-24591, Д-9523, л. 130 и след.).

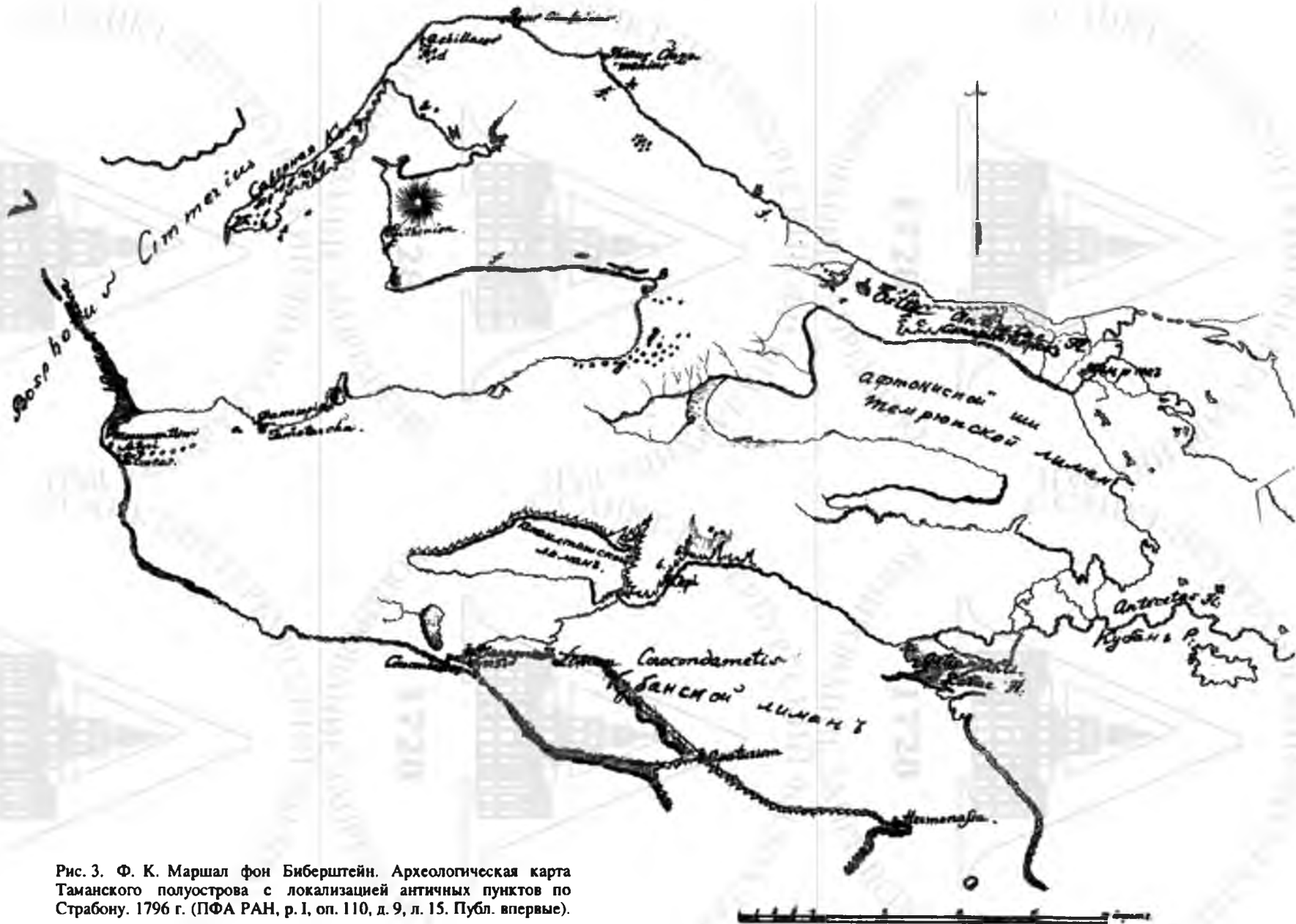

Рис. 3. Ф. К. Маршал фон Биберштейн. Археологическая карта Таманского полуострова с локализацией античных пунктов по Страбону. 1796 г. (ПФА РАН, р. I, оп. 110, д. 9, л. 15. Публ. впервые).

Рис. 4. Каменные бабы и «кубанский лугамор» с сарматскими знаками (по Марии Гатри).

античной эпохи (рис. 4, 5). Анализируя свидетельства письменных источников и новые материалы по нумизматике и эпиграфике, он попытался восстановить хронологию и последовательность царствований боспорских династов.¹⁵⁷ Отдельная часть книги посвящена полемике с Ф. К. Маршалом фон Биберштейном. Все надписи, собранные ботаником, были переизданы М. Гатри с собственными комментариями.¹⁵⁸ В. В. Латышев, а за ним и составители «Корпуса боспорских надписей», не знали о существовании специальной статьи Биберштейна: приводя сведения о публикациях эпиграфических памятников, они указали первым издателем М. Гатри, использовавшим заметки Биберштейна.

¹⁵⁷ Guthrie M. A Tour... P. 309—446.

¹⁵⁸ Ibid. P. 309—327.

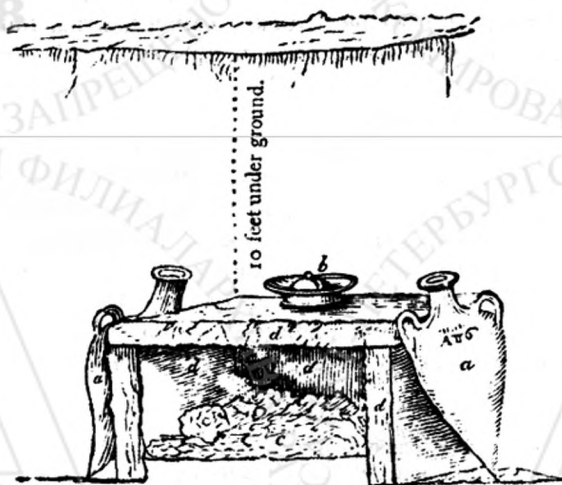

Рис. 5. Погребение античного времени, найденное в 1795 г. Ф. П. Деволланом в Овидиополе и принятое за гробницу Овидия (по Марии Гатри).

Инженер-механик, естествоиспытатель, энтомолог *Лев (Леон) Савельевич Ваксель (Leon Waxel, 1776(?)—1816)* получил определенную известность и как археолог, коллекционер монет, надписей и других древностей.

Он был внуком шведского моряка Свена Вакселя, с 1725 г. находившегося на русской службе и сопровождавшего В. Беринга во время Великой северной (Второй камчатской) экспедиции и сменившего его на посту командора. В 1797—1798 гг. как лейтенант морской артиллерии Л. С. Ваксель объехал Северное Причерноморье, но вскоре перешел на гражданскую службу и к 1801 г. был в чине надворного советника. Он был избран сначала членом-корреспондентом (1801), затем членом-корреспондентом пенсионером Имп. Академии наук (1804), являлся членом Вольного экономического общества в Петербурге и Общества естествоиспытателей в Берлине. В 1801—1807 г. Ваксель изучал пути сообщения в Англии и в эти годы содействовал Академии наук в приобретении книг, собраний по естественной истории из Бенгалии и других стран, идолов с о-ва Таити (из коллекции, собранной во время кругосветной экспедиции капитана Д. Кука), предметов культа из Новой Зеландии для Кунсткамеры, а в 1805 г. при основании Кабинета редкостей Музея Адмиралтейского департамента в Петербурге пожертвовал ему 400 римских монет (100 серебряных и 300 медных). Скончался Л. С. Ваксель в Твери в чине полковника Корпуса инженеров путей сообщения.¹⁵⁹

¹⁵⁹ См. о нем: Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1895 Т. 4. Отд. 2. С. 29; ПФА РАН, ф. 3, оп. 8, д. 112, л. 119; ф. 1, оп. 3, д. 75, л. 78—80, 132; д. 76, л. 79; ф. 2, оп. 1—1805, д. 1, л. 19; РГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 523, л. 1—5 об. «Список коллекции медалей римских императоров, кесарей, тиранов и императриц от Помпея до Константина Великого Государственному Адмиралтейскому Департаменту усердное приношение от надворного советника Л. Вакселя».

В небольших тетрахтах на русском (1801), а также параллельно на французском и немецком (1803, 1805) языках Л. Ваксель издал гравюры собранных или виденных им скульптур, надписей, монет (рис. 6), причем иноязычные издания были дополнены автором. Не являясь специалистом, он ограничился лишь указанием места находок древностей и краткими историческими комментариями. В предисловии к первой книге автор выразил надежду, что его публикация привлечет внимание «просвещеннейших любителей, кои обширнейшими знаниями... и глубочайшими исследованиями могут гораздо лучше объяснить древнюю историю тех стран, донныне столь темную...».¹⁶⁰

Знаменитым археологом своего времени считался польский аристократ Иван (Ян) Осипович Потоцкий (1761—1815), почетный член Имп. Академии наук (1806), автор широко известного романа «Рукопись, найденная в Сарагосе» (*Manuscrit trouvé à Saragosse*. SPb., 1804).¹⁶¹ Вместе со своим братом Северином, И. О. Потоцкий получил прекрасное образование в Швейцарии, свободно владел несколькими древними и новыми языками и с успехом применял свои знания для изучения античных и византийских авторов в поисках следов древних славянских племен. И. О. Потоцкого обуревала неумемая жажда знаний и новых впечатлений. Он объездил Италию, Сицилию, Мальту, Испанию, Тунис, Марокко, Грецию, Турцию, Египет, Францию, Германию, Голландию, Великобританию, позднее путешествовал в Астрахань, на Кавказ (1797—1798) и даже в Сибирь в составе русского посольства, направленного в Китай.¹⁶² Увлечшись в 1791 г. проблемой этногенеза славян, он через эту призму стал изучать встречающиеся на пути археологические памятники. Важнейшую роль в этногенетических построениях он отводил лингвистике: «...язык есть самый драгоценный из всех исторических памятников, служащих руководством к изысканию происхождения народов. [...] Нам нужен... словарь речений, сохранившихся в сочинениях древних, и полный выбор всех мест, относящихся к истории языков. Когда материалы будут собраны, ученые могут заняться сооружением самого здания».¹⁶³ За парадоксальность выводов Потоцкого критиковали многие известные ученые, в частности А. Л. Шлёцер, но автор, «не отличавшийся страстью к полемике, обошел их молчанием».¹⁶⁴ Результатами неоднократных поездок по Причерноморью стали исследования И. О. Потоцкого по исторической географии региона, труды по этногенезу и локализации древних народов и племен на основе анализа письменных источников, прежде всего Геро-

В РГАВМФ (ф. 1331, оп. 4, д. 724) хранятся три рукописных листа рисунков с сопроводительным текстом — «Виды берегов Черного моря, принадлежащих Российской империи, от устья реки Днестра до устья реки Кубани. Снятые морской артиллерии лейтенантом Вакселем, в 1797 и 1798-м годах», каждый из которых подписан автором. Бумага ватманская, в красном сафьяновом переплете с золотым тиснением, размер 56 × 38 см.

¹⁶⁰ Ваксель Л. Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи, снятые с подлинников в 1797 и 1798 годах. СПб., 1801. Дополненный автором перевод этого труда и дополнение к нему изданы как билингва (параллельный текст на франц. и нем. яз.): *Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la Mer Noire appartenans à l'Empire de Russie, dessinées d'après les originaux en 1797 et 1798 par L. de Waxel / Sammlung einiger Alterthümer, an den Küsten des schwarzen Meeres, innerhalb den Gränzen des Russichen Reichs entdeckt, in den Jahren 1797 und 1798 nach den Originalen gezeichnet von L. von Waxel*. Berlin, 1803 (№ 1—42, памятники Ольвии и ее хоры, Херсонеса, Пантикапея, Овидиополя, Тамани, Судака, Феодосии, Инкермана, Балаклавы, Новороссийска и др.); *Suite du recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la Mer Noire appartenans à l'Empire de Russie, comprenant des decouvertes faites depuis l'année 1798 par L. de Waxel / Fortsetzung der Sammlung einiger Alterthümer, an den Küsten des schwarzen Meeres, innerhalb den Gränzen des Russichen Reichs im Jahre 1798 entdeckt von L. von Waxel*. Berlin, [1805] (№ 43—66: памятники петербургской коллекции П. К. Сухтелена из Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, главным образом монеты и мраморы). В библиотеке профессора Клауса Парласка, хранящейся в университете Трира (ФРГ), имеется конволют из трудов Л. Вакселя, включающий издания 1803 и 1805 гг., с дарственной надписью автора Эдинбургскому обществу антиквариев от 19 ноября 1807 г., в Лондоне.

¹⁶¹ См. о нем: Петров А. Потоцкий, граф Иван Осипович // РБС. 1905. Т.: Плавильщиков—Примо. С. 692—697; Потоцкий И. О. 1) Рукопись, найденная в Сарагосе / Изд. подгот. И. Ф. Балза. М., 1968. С. 571—595 (Литературные памятники); 2) Путешествие в Турцию и Египет, совершенное в 1784 году / Пер. с франц. И. И. Кузнецовой; вступ. ст., примеч. М. С. Мейера // Восток—Запад: Исследования, переводы, публикации. М., 1985. Вып. 2. С. 35—44.

¹⁶² Potocki J. Au Caucase et en Chine: Une traversée de l'Asie par l'auteur du *Manuscrit trouvé à Saragosse* 1797—1806. Paris, 1991.

¹⁶³ Потоцкий И. О. Записка о новом перипле Понта Евксинского, равно как и о древнейшей истории народов Тавриды, Кавказа и Скифии // Археолого-нумизматический сборник..., изданный Г. Спасским. М., 1850. С. 58, 71.

¹⁶⁴ Петров А. Потоцкий, граф Иван Осипович. С. 694.

Рис. 6. Мраморная головка и античный светильник из Ольвии, ступня от терракотовой статуи, найденная при рытье колодца на глубине 4 аршин (2.84 м) на берегу южной бухты в гавани Ахтиара—Севастополя. Находки 1798 г. из собрания графа П. К. Сухтелена (по Л. Вакселю).

дота.¹⁶⁵ Несмотря на ошибки автора, объясняемые общими представлениями об античности и уровнем развития науки того времени, мы должны отдать ему должное как одному из первых исследователей в области исторической географии Причерноморья и издателю ряда эпиграфических документов. Именно у Потоцкого археологи следующего века — П. Дюбрюкс и

¹⁶⁵ Potocki J. 1) Mémoire sur un Nouveau Péryple du Pont Euxin, ainsi que sur la plus ancienne histoire des peuples du Tavrées, du Caucase et de la Scythie. Vienne, 1796 (сведения о древней географии Понта по данным редких рукописных и изданных географических памятников из библиотек Европы). См. рус. перевод: *Потоцкий И. О* Записка о новом перипле Понта Евксинского... С. 39—97, 2) Fragment historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves. Brunswick, 1796 (свод сведений о скифах, сарматах и славянах в античной и средневековой нарративной традиции); 3) Histoire primitive des peuples de la Russie, avec une exposition complète de toutes les notions, locales, nationales et traditionnelles, nécessaires à l'intelligence du quatrième livre d'Hérodote. SPb.,

А. Б. Ашик — заимствовал идею сноса насыпи кургана до материка, что, как правило, гарантировало находку погребений.¹⁶⁶

Вопросы исторической географии Причерноморья пытался решить Павел Иванович Сумароков (1760—1846),¹⁶⁷ государственный деятель и писатель, впоследствии сенатор, племянник драматурга А. П. Сумарокова. В молодости Сумароков служил в гвардии в Преображенском полку, по выходе в отставку при Павле I — в Министерстве юстиции, затем был витебским гражданским губернатором. Он посетил новороссийские земли в 1799 и 1802 гг., а затем переселился в Крым, где стал судьей и членом правительственной комиссии по разбору жалоб на «неправильное отобрание земель у татарского населения». П. И. Сумароков не согласился с точкой зрения П. С. Палласа, локализовавшего Пантикапей близ Еникале, правильно отождествив столицу Боспора с современной Керчью. У горы Опук он искал Нимфей, при урочище «Змеинный городок» — Мирмекий, пытался отыскать следы городов азиатской части Боспора. В Николаеве его заинтересовали ольвийские древности (см. гл. 10.3). Описания двух путешествий П. И. Сумарокова представляют не столько исследования, сколько записки путешественника и исторические экскурсы на основании изучения современной ему исторической литературы.¹⁶⁸

Гораздо более весомый научный багаж был у выпускника и впоследствии профессора минералогии Кембриджского университета Эдварда Дэниела Кларка (Clarke Edward Daniel, 1769—1822), внука известного английского нумизмата и археолога. С 1790 г. Кларк совершил ряд путешествий — объехал Англию, Шотландию, Францию, Италию (1795, сопровождал лорда Бервика). В 1799 г. по инициативе и на средства члена коллегии Иисуса в Кембридже Дж. М. Крипса (Cripps) они отправились в Северную Европу для изучения истории, археологии и этнографии Дании, Норвегии, Швеции, Лапландии и Финляндии и оттуда в январе 1800 г. приехали в Петербург. Англичане вели светский образ жизни, посещали библиотеки, музеи и частные собрания северной столицы и ее окрестностей, главным образом интересуясь древностями и минералами. Но из-за дипломатических осложнений между Россией и Англией английский посланник сэр Ч. Витворт посоветовал им отправиться в Москву, подальше от двора Павла I и пристальных глаз полиции. В древней столице путешественники изучали ред-

1802 (с посвящением имп. Александру I); 4) Histoire ancienne du Gouvernement de Cherson : Pour servir de suite à l'histoire primitive des peuples de la Russie. SPb., 1804; 5) Histoire ancienne du Gouvernement de Podolie : Pour servir de suite à l'histoire primitive des peuples de la Russie. SPb., 1805; 6) Histoire ancienne du Gouvernement de Wolhynie : Pour servir de suite à l'histoire primitive des peuples de la Russie. SPb., 1805 (с включением нумерованных страниц добавления: Errata raisonné pour servir à l'histoire du gouvernement de Cherson). № 4—6 переизд.: Histoire ancienne des provinces de l'Empire de Russie. SPb., 1805; 7) Atlas archéologique de la Russie Européenne. SPb., 1805 (один экземпляр сохранился в РГБИА: ф. 846 (ВУА), № 18377); 8) Археологический атлас Европейской России, сочиненный графом Ив. Потоцким, вновь напечатанный с издания 2-го (коего тиснуто было 12 экземпляров), с прибавлением к греческому и французскому текстам русского перевода [П. Дейриарда]. СПб., 1823. Атлас состоял из 6 листов: 1-я карта составлена по «Истории» Геродота, 2-я — по «Географии» Страбона, 3-я — по сочинениям Помпония Мелы, Плиния Старшего и Тацита, 4-я — Птолемея, 5-я — Иордана и «армянского землеописателя Моисея», 6-я — по «Географии» Константина Порфирородного. В приложенном к атласу тексте дан параллельный греческий и латинский текст и их французский (русский) перевод. Аннотацию второго французского издания см.: Об Атласе археологическом Европейской России // ВЕ. 1805. Ч. 22. № 15. С. 323—327; 9) Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase : Histoire primitive des peuples, qui ont habité anciennement ces contrées. Nouveau pèrle du Ponte-Euxin : Ouvrages publiés et accompagnés des notes et des tables par m. Klaproth. Paris, 1829. Vol. 1—2 (посмертное издание под ред. востоковеда акад. Г. Ю. Клапрота, рус. перевод: *Потоцкий И. О.* Путешествие графа Ивана Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1798 г. / Пер. с франц. // Северный архив. 1828. Ч. 31. № 1. С. 61—87; № 2. С. 229—258. То же: Астраханский сборник. Астрахань, 1896. Вып. 1. С. 303—328).

¹⁶⁶ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, л. 19, л. 93 об.

¹⁶⁷ Нелестная характеристика П. И. Сумарокова приведена в воспоминаниях известного мемуариста Ф. Ф. Вигеля. См.: *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1891. Ч. 1. С. 132—133.

¹⁶⁸ Сумароков П. И. 1) Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. М., 1800. Переиздано без иллюстраций в кн.: Ландшафт моих воспоминаний : Страницы прозы русского сентиментализма. М., 1990. С. 290—391. Немецкий и шведский переводы: *Soumarokoff P.* Reise durch die Krimm und Bessarabien im Jahre 1799 / Aus d. Russ. von Johann Richter. Leipzig, 1802. 230 S.; *Rese genom Krimm och Bessarabien ofversättniug af P. O. Gravander.* Stokholm, 1805. 118 S. 2) Досути крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803—1805. Ч. 1—2. В том же 1799 г. архитектуру, местоположение и достопримечательности Николаева, Одессы, Херсона, Симферополя, Бахчисарая, Керчи, Екатеринодара охарактеризовал писатель и журналист Владимир Васильевич Измайлов (1773—1830), опубликовавший свои впечатления о путешествии в форме писем. См.: *Измайлов В. В.* Путешествие в полуценную Россию. 3-е изд., новое, вновь обработ. авт. М., 1805. Ч. 1—4.

кости московских коллекционеров, в частности художественное собрание графа Головкина.¹⁶⁹ В начале июня англичане вынуждены были отправиться на юг, спасаясь от преследований со стороны русских властей, подозревавших всех англичан в шпионаже. Без паспортов, но с рекомендательными письмами, они проехали через Нижнее Подонье и Приазовье (гл. 17), Тамань (гл. 15), прибыли в Крым и в июле в Ак-мечети встретились с Палласом. В симферопольском доме академика Кларк познакомился с богатейшими коллекциями, собранными Палласом во время экспедиционного изучения России. Летом и осенью в сопровождении Палласа Кларк и Крипс совершали поездки по Таврике для сбора минералогических, ботанических, эпиграфических, нумизматических и археологических коллекций, вместе обследовали руины на Маячном полуострове (гл. 12.2). В своих дневниках Кларк описал и снял точные копии ряда неизвестных ранее лапидарных памятников и монет, оставил подробные свидетельства о виденных им археологических остатках, с которыми пытался узвázat сведения античной письменной традиции о городах и поселениях Причерноморья. Англичанин настойчиво убеждал Палласа навсегда покинуть Россию, которую с презрением именовал варварской страной, но убедить старшего коллегу не смог. С фальшивыми паспортами Кларк и Крипс пытались бежать из Евпатории в Константинополь на турецком судне, но побег оказался неудачным. Тогда они отправились сухим путем через Перекоп, Херсон, Николаев до Одессы, которую покинули 31 октября на венецианской бригантине, следуя в Константинополь. Путешествуя по Турции, Греции, Малой Азии, Сирии и Египту (1800—1802), Кларк стал причастен к открытию рукописи Платона на о-ве Патмос. В ходе поездки он собрал богатейшую коллекцию мраморов (в числе раритетов была статуя Деметры из Элевсина) и античных надписей, присоединив их к собранию лапидарных памятников, нелегально вывезенных из Северного Причерноморья. Багаж Кларка и Крипса, который они привезли в Англию в 1802 г., составил 183 ящика экспедиционных материалов.¹⁷⁰ Коллекцию мраморов и надписей Кларк подарил библиотеке Кембриджского университета¹⁷¹ и вскоре издал описание этого собрания.¹⁷² Неоднократно переиздававшееся на английском «словоохотливое» путешествие Кларка вскоре было переведено на французский, немецкий и голландский языки.¹⁷³ Сто лет спустя его соотечественник Э. Х. Миннз, по просьбе акад. В. В. Латышева сверявший причерноморские надписи, вывезенные в 1800 г., столкнувшись с путаницей в паспортизации ряда памятников, охарактеризовал Кларка как «многостороннего, но очень поверхностного и ненадежного» ученого.¹⁷⁴

Свойственное эпохе классицизма культивирование знаний об античном мире нашло отражение в описаниях многочисленных путешественников и ученых-энциклопедистов, объезжавших Северное Причерноморье с томиками античных авторов в руках. Именно они открыли для русской и зарубежной общественности археологические богатства юга России, поставили вопрос о необходимости проведения раскопок, организации научного изучения и охраны памятников археологии. Почти все путешественники отмечали, что хозяйственное освоение новых земель наносит значительный ущерб древностям Причерноморья. Из руин городов и

¹⁶⁹ Clarke E. D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa*. Pt. 1: Russia, Tahtary and Turkey. 4 ed. London, 1816. Vol. 1. P. 174—177.

¹⁷⁰ Сытин А. К. Петр Симон Паллас — ботаник. С. 211.

¹⁷¹ Леонтьев П. М. Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря // *Пропилеи*. М., 1851. Кн. 1. Отд. 2. С. 71—72.

¹⁷² Clarke E. D. *Greek Marbles Brought From the Shores of the Euxine, Archipelago, etc.* Cambridge, 1809.

¹⁷³ Clarke E. D. 1) *Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa* : 6 vols. Cambridge, 1810—1823; 2 ed. 1811; 3 ed. 1814; 4 ed. 8 vols. 1816—1824 (из этих томов к России относятся первые два: Pt. 1 : Russia, Tahtary and Turkey. 4 ed. London, 1816. Vol. 1—2; переиздано: London, 1839; франц. перевод: *Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie* / Traduits de l'anglais: 2 vols. Paris, 1812; 2 éd. 3 vols. 1813; нем. перевод: *Reise durch Russland und die Tartarei in den Jahren 1800—1801*. Weimar, 1817; голланд. перевод: *Reis door Russland en Tartarye, gedaan in de Jaren 1800—1801* : 2 vols. Haarlem, 1819—1820); 2) *Travels Through Denmark, Sweden, Lapland, Norway, Finland and Russia*. London, 1823. В настоящей работе ссылки приводятся как по четвертому английскому изданию, так и по первому французскому.

В начале 1920-х гг. по предложению А. И. Марквича для предпринятой ТУАК—ТОИАЭ серии «Классики краеведения в русских переводах» проф. А. А. Брандт перевел с французского издания (1812) путешествия Кларка несколько глав о Тамани и Крыме, оставшиеся неопубликованными (КРКМ, КП-23140, Д-8840). По тому же изданию недавно опубликован перевод, выполненный И. Иванкевич и Н. Бусаревой, главы 18 второго тома о древностях Керчи: *Археология и история Боспора. Керчь*, 1999. Т. 3. С. 11—38.

¹⁷⁴ ПФА РАН, ф. 110, оп. 2, д. 31, л. 7 об.

поселений добывался тесаный камень, использовавшийся местными жителями и переселенцами в качестве готового строительного материала, что подтверждается архивными материалами (документ № 1). В Севастополе флотские команды привозили его из руин Гераклейского полуострова (гл. 12).¹⁷⁵ В манифесте императора Павла I от 13 февраля 1798 г. «Об установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 50 лет и о даровании разных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам» совершенно недвусмысленно сказано, что «равномерно дозволяется поселяющимся в тех городах (Феодосии и Евпатории. — И. Т.) брать из оставшихся от прежних строений развалин, никому из частных людей не принадлежащих, готовый камень на созидание домов и прочего безденежно, сколько его там отыщется».¹⁷⁶ Историк Новороссии А. А. Скальковский с грустью писал, что многие крымские жители столь успешно пользовались этим правом, что «едва все драгоценные остатки древности не истребились почти совершенно».¹⁷⁷

Из описаний путешественников нам известны имена первых раскопщиков античных памятников Северного Причерноморья. Археологические открытия, как правило, совершались случайно во время проведения хозяйственных, строительных и фортификационных работ. В начале 1790-х гг. инженерный начальник Фанагорийской крепости провел раскопки кургана близ станицы Сенной на Тамани (гл. 15). Благодаря свидетельствам П. С. Палласа и М. Гатри мы имеем довольно подробные сведения и даже рисунки вещей (рис. 5) из раскопок военного инженера Ф. П. Деволлана, проведенных при строительстве укрепления Овидиополя (1795).¹⁷⁸ Сообщение о находке Ф. П. Деволлана послал П. С. Палласу и М. Гатри, высказав предположение, что найденная им могила принадлежит легендарному поэту Овидию.¹⁷⁹ М. Гатри в свою очередь представил Лондонскому обществу антиквариев три доклада о находке Ф. П. Деволлана.¹⁸⁰

Военные стали одними из первых коллекционеров «антиквитетов». В. В. Латышевым опубликованы два памятника, хранившихся в вотчине князей Долгоруковых — селе Знаменском-Губайлове в 20 верстах от Москвы, в 1907 г. поступивших в Исторический музей. Это два средневековых барельефа — один с греческой надписью 1330 г. и изображением Георгия Победоносца со змием из Инкермана, другой с латинской надписью 1352 г. из Кафы, которые были вывезены в 1770 г. из Крыма В. М. Долгоруковым (1722—1782) и вделаны в стену подмосковной Знаменской церкви на паперти под колокольней.¹⁸¹ В бумагах историка М. П. Погодина сохранился рисунок греческой надписи 1330 г., с пояснениями: «Привезено в 1770 году из города Кафы князем Василием Михайловичем Долгоруковым. А поставлено на сие место в 1826 году внуком его князем Николаем Васильевичем Долгоруковым».¹⁸² По приказу графа З. Г. Чернышева в Кафе (Феодосии) были собраны «все какие только можно редкости» и отправлены через Таганрог в его имение Ераполец Волоколамского у. Московской губ. (2 июля 1772 г.). В описи, составленной комендантом крепости св. Дмитрия Ростовского, среди генуэзских¹⁸³ и турецких памятников упоминаются два мраморных камня «четвероугольных»

¹⁷⁵ Головачев В. Ф. История Севастополя, как русского порта. СПб., 1872. С. 77—78, 84.

¹⁷⁶ ПСЗ. 1830. Т. 25: 1798 г. № 18373. С. 64—65. Справедливости ради, следует упомянуть, что при Павле I был составлен атлас из 34 листов, содержащий «Планы и фасады бывшего Ханского дворца в Бахчисарае с разными строениями в Крыму 1798 года архитектора Гастии». О нем упомянуто в письме Н. Н. Муракевича к И. И. Курису от 17 сентября 1883 г., где сказано, что атлас был вручен вице-президентом ООИД художнику И. К. Айвазовскому в Феодосии. Используя атлас, Айвазовский написал маленькую картинку для Одесского музея, но атласа в Одессу не вернул (ОРИР ОГНБ, ф. 38, карт. 1, ед. хр. 526, л. 7).

¹⁷⁷ Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Одесса, 1838. Т. 2: 1796—1823. С. 17. Примеч.

¹⁷⁸ Pallas P. S. Bemerkungen... S. 241, 306—307.

¹⁷⁹ Формозов А. А. 1) Легенда о гробнице Овидия в русской литературе // ВДИ. 1979. № 4. С. 128; 2) Страницы истории русской археологии. С. 106—107.

¹⁸⁰ Guthrie M. A. Tour... P. 16—23, 417—446.

¹⁸¹ Латышев В. В. Два барельефа с надписями из села Знаменского-Губайлова // Отчет Имп. Российского Исторического музея за 1907 г. М., 1908. С. 81—90 (рукопись см.: ПФА РАН, ф. 110, оп. 1, д. 13). См. также: Ногтева М. В. Василий Михайлович Долгоруков-Крымский и Москва // Москва—Крым: Историко-публицистический альманах. М., 2000. Вып. 1. С. 200—207.

¹⁸² ОР РГБ, Пог. IV, карт. 8, № 6, л. 1. В «Сборнике греческих надписей христианских времен из Южной России» В. В. Латышева (СПб., 1896) в разделе «Феодосия» сведения о ней отсутствуют.

¹⁸³ Две генуэзские надписи на мраморе 1344 и 1468 гг. позднее поступили в музей Одесского общества истории и древностей (см.: Юргевич В. Н. Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 160; Краткий указатель

с латинскими надписями весом 8 пудов 1,5 фунта (131 кг 659 г), «образ Спасителя» весом 11 пудов 20 фунтов (200 кг), камней «плоских» семь, три «с фигурами», «каменной разной величины 17». Всего было собрано 73 вещи общим весом около 400 пудов (6,5 т).¹⁸⁴ Для высших слоев общества много значил пример самой Екатерины Великой, которая коллекционировала статуи, резные камни, античные монеты и в 1763 г. основала Императорский Эрмитаж. 29 сентября 1792 г. через секретаря канцелярии Г. А. Потемкина В. С. Попова строитель Одессы Хосе де Рибас поднес Екатерине II «головку младого Ахиллеса на камне вырезанную».¹⁸⁵

Значительное число археологических памятников не могло быть вывезено за пределы Причерноморья. По сообщению П. С. Палласа, в доме вице-адмирала П. В. Пушторкина хранились херсонесские древности, а у коменданта крепости Еникале — несколько античных надписей. Эти памятники из-за отсутствия музейных хранилищ на юге России академик предложил вделать в стены «для их лучшей сохранности».¹⁸⁶ Надписи как особо ценные находки, как правило, помещались в храмах или в их оградах (Николаев, Севастополь, Керчь, Тамань).

«Исторические сведения о Крыме, — констатировала Е. И. Дружинина, — собирались для обоснования включения его в состав России. Русское правительство желало выступить в роли поборника исторической справедливости, восстанавливающего античные очаги культуры, угасшие вследствие монголо-татарского, а затем турецкого завоевания».¹⁸⁷ Исторические и археологические разыскания проводились и с целью идеологического подкрепления так называемого Восточного, или Греческого, проекта (1777),¹⁸⁸ под сенью которого проходило большинство событий в Новороссии вплоть до конца XVIII в. По замыслу Екатерины II и А. А. Безбородко, планировалось завоевать Босфорские проливы и часть Балкан с целью освобождения православных единоверцев (греков и славян) из-под турецкого ига и таким образом получить выход в Средиземное море и полный контроль над Черным, создать новое Греческое царство со столицей в Константинополе, во главе которого должен был встать подрастающий внук императрицы Константин, получивший символическое имя еще в 1779 г. Крым планировалось превратить в опорный пункт в войне с Портой с целью изгнания мусульман из Европы. Во время поездки Екатерины II на юг в 1787 г. по ее именному повелению на городских воротах Севастополя была выбита надпись «Дорога в Константинополь». На роль буферного государства между Россией, Австрией, Турцией и Греческой империей предназначалась Дакия, образованная из Валахии, Бессарабии и Молдавии, под властью Потемкина или одного из членов дома Романовых.

Сам кн. Г. А. Потемкин-Таврический был поклонником классических языков, прежде всего древнегреческого. В одном из писем к Екатерине II от 1784 г. с оценкой программы преподавания для внуков императрицы — Александра и Константина — он призывал, чтобы «в учении языков греческий поставлен был главнейшим, ибо он основанием других. Невероятно, сколь много в оном приобретут знаний и нежного вкуса сверх множества писателей, которые в переводах искажены не столько переводчиками, как слабостью других языков. Язык сей имеет гармонию приятнейшую и в составлении слов множество игры мыслей; слова технические наук и художеств означают существо самой вещи, которые приняты во все языки.

музея Имп. Одесского общества истории и древности. 5-е изд., доп. Одесса, 1876. С. 17. № 20). Генуэзские памятники (включая надписи 1352 г.) из Кафы, хранившиеся в 20 верстах от Волоколамска в усадьбе Ярополца графа Чернышева-Безобразова, в 1917 г. издал Ф. И. Шмит (*Шмит Ф. И. Три генуэзских рельефа из Кафы (Феоодосии) // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 22—30*). Эти памятники были обнаружены будущими академиками Я. И. Смирновым и М. И. Ростовцевым, осмотревшими усадьбу летом 1915 г. «Фотограммы» и краткое описание памятников были доставлены ими в Имп. Археологическую комиссию, а В. В. Латышев передал их для публикации Ф. И. Шмиту. См. также корпус латинских надписей генуэзских колоний в Крыму: *Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava) // Atti della Società Ligure di storia patria. Genova, 1928. Vol. 56. 140 p.*

¹⁸⁴ ОР РГБ, ф. 203, оп. 1, д. 10, л. 35—36 об. (на л. 35—35 об.: «Реэстр отправленным в Таганрог мраморным камням», с указанием количества и веса).

¹⁸⁵ Дневник А. В. Храповицкого, 1782—1793 гг.: По подлинной его рукописи, с биографическою статьею и объяснительным указателем Николая Барсукова. СПб., 1874. С. 408.

¹⁸⁶ *Pallas P. S. Bemerkungen...* S. 74, 280.

¹⁸⁷ Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959. С. 116.

¹⁸⁸ См.: *Маркова О. П.* О происхождении так называемого Греческого проекта: 80-е годы XVIII в. // *История СССР. 1958. № 4. С. 59—78; Возгирин В. Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. С. 291—295.

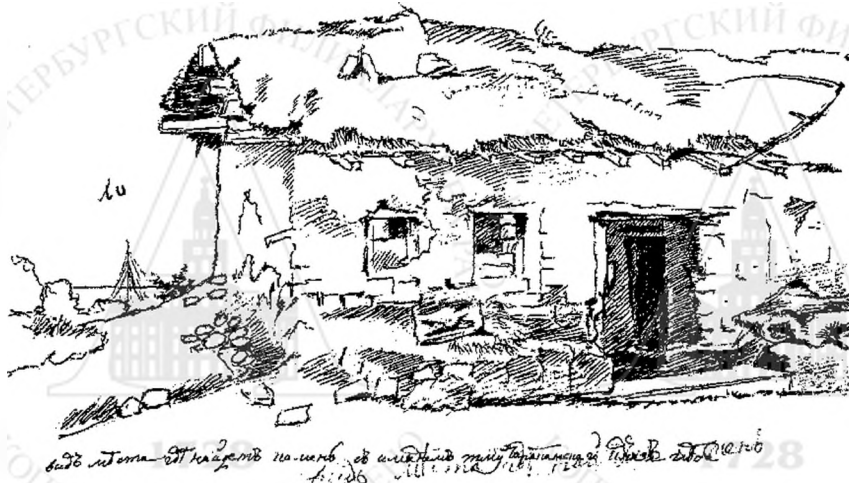

Рис. 7. «Вид места, где найден камень с именем тмутараканского князя Глеба» в 1792 г. Перо. Чернила. Карандаш. Август 1803 г. Путевая тетрадь Н. А. Львова № 3 (РО ИРЛИ, № 16470/С.IV б. 20, л. 63).

Где Вы поставили чтение Евангелия, соображая с латинским, язык тут греческий пристойнее, ибо на нем оригинально сие писано».¹⁸⁹ Неудивительно, что волей императрицы и Потемкина греческие названия одновременно получили вновь основанные города и крепости — Херсон (1778), Ольвиополь (1781), Фанагория (1784) и др., Ак-мечеть была переименована в Симферополь (1784), Ахтиар в Севастополь (1784), Кафа в Феодосию (1784), Козлов в Евпаторию (1784), Эски-Крым в Левкополь (1784), Хаджи-Дере в Овидиополь (1792), Хаджибей в Одессу (1795). Сенатским указом от 4 сентября 1784 г. в Екатеринославе был учрежден «университет для наук и художеств», предполагалось открыть и консерваторию (музыкальную академию) для обучения подданных России и «соседственных народов, единоверных с нами»,¹⁹⁰ но замысел Потемкина создать первый в Новороссии учебный, научный и культурный центр остался нереализованным из-за его преждевременной смерти.

Случайная находка одной из древнейших русских надписей — Тмутараканского камня 1068 г. в 1792 г. на таманском берегу Керченского пролива (рис. 7) позволила определить местоположение древнерусского города Тмутаракани и княжества того же названия, известного из летописных источников, и исторически обосновать территориальные притязания России на Северное Причерноморье. По высочайшему повелению графом А. И. Мусиным-Пушкиным¹⁹¹ было издано специальное исследование о местоположении древнего Тмутараканского княжества,¹⁹² в котором впервые приведен текст надписи князя Глеба (рис. 8). От исторических изысканий не остались в стороне и церковные власти: указом Св. Синода Амвросию, архиепископу Екатеринославскому и Молдовлахийской епархии экзарху от 29 марта 1792 г. предписывалось «поощрять ученых людей к упражнению в исторических исследованиях».¹⁹³ Политизация истории и идеологизация исторических знаний в России, ставшие следствием стремления к государственному регулированию исторических изысканий в интересах абсолютизма, с каждым десятилетием XVIII в. приобретали все более отчетливые черты.

¹⁸⁹ Екатерина II и Г. А. Потемкин: Личная переписка... С. 189.

¹⁹⁰ Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 1. С. 186.

¹⁹¹ О его исторических изысканиях см.: Козлов В. П. Кругок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1938.

¹⁹² Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутараканского княжества. СПб., 1794.

¹⁹³ Сборник Гавриила, архиепископа Екатеринославского, Херсонского и Таврического // ЗООИД. 1868. Т. 7. С. 313 (рукопись поднесена Н. Н. Мурзакевичем Одесскому обществу истории и древностей, ныне хранится в ИР ЦНБ, V, 449—461).

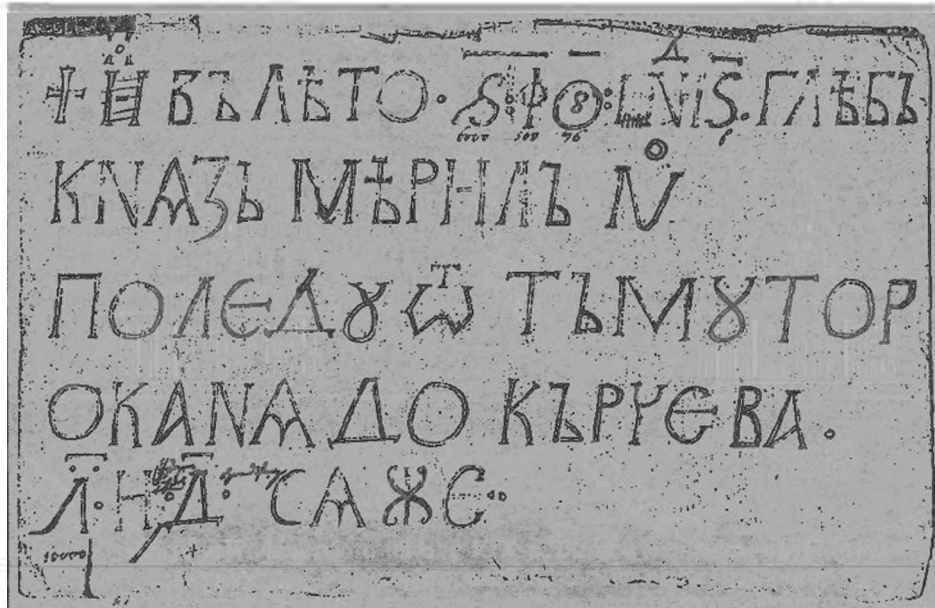

Рис. 8. Древнерусская надпись князя Глеба на Тмутараканском камне 1068 г. Список Ф. К. Маршала фон Биберштейна (ПФА РАН, ф. 65, оп. 1, д. 45, л. 10. Публ. впервые).

Организационная структура исторических исследований в стране в XVIII в. практически замыкалась в рамках Академии наук, академического и Московского университетов. К концу столетия в Академии наук не осталось специалистов, профессионально занимающихся овеществленными памятниками античной истории. После смерти М. В. Ломоносова, Г. Ф. Миллера и отъезда в Германию А. Л. Шлёцера лиц, способных занять кафедру истории, не нашлось. Древностями Причерноморья заинтересовались ученые-естествоиспытатели, чиновники местной администрации, военные инженеры, топографы, дилетанты-путешественники — люди разного социального положения, уровня образования и восприятия археологических памятников.

Весь XVIII в. с полным правом можно назвать академическим периодом в истории русской археологии. Академическая программа экспедиционных исследований территории страны была направлена на экосистемное изучение древностей, независимо от их культурно-исторической принадлежности, причем, что особенно ценно, в контексте определенного антропогенного и природного ландшафта. Ученые путешествия «запечатлели конец гармонических отношений природы и человека» перед самым началом наступления промышленной эры, когда еще сохранялись неизменные на протяжении тысячелетий «следы золотого века единства людей и природы». ¹⁹⁴ Работы ученых-энциклопедистов Академии наук, обследовавших территорию России, явились, по сути, первыми комплексными региональными исследованиями, обращение к которым как к ценнейшему первоисточнику актуально до сих пор. Историк науки В. Ф. Гнучева отмечала: «Огромную неиспользованную ценность для истории изучения нашей страны представляют собою послылавшиеся в Академию наук участниками экспедиций рапорты, а также отдельные путевые заметки, первоначальные наброски работ, копии собранных на местах документов, зарисовки планов старинных зданий, укреплений и памятников, а также копии и оригиналы карт». ¹⁹⁵

¹⁹⁴ Ситин А. К. Петр Симон Паллас — ботаник. С. 5

¹⁹⁵ Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций... С. 2.

Сто с лишним лет спустя после присоединения Тавриды к России проф. А. И. Маркевич, ссылаясь на мнение неназванного им «известного знатока истории Крыма (А. Л. Бертье-Делагарда? — *И. Т.*)», писал, что «при императрице Екатерине II страна эта была так изучаема в научном, даже историко-археологическом отношении, как не озаботились, к сожалению, изучать ее впоследствии. Уже печатные издания отчасти доказывают это, но лицо, о котором я говорю, имело случай познакомиться с многочисленными картами Крыма и записками, хранящимися в различных С.-Петербургских архивах, и там получило столь благоприятное для конца XVIII века заключение».¹⁹⁶ В справедливости этих слов может убедиться любой современный исследователь, обратившись к богатейшим фондам отечественных архивов.

¹⁹⁶ *Маркевич А. И.* Императрица Екатерина II и Крым: (К столетию со дня кончины Екатерины Великой) // ИТУАК. 1897. № 27. С. 35. Ср.: *Юргевич В. Н.* Об археологии в царствование императрицы Екатерины II // ЗООИД. 1897. Т. 20. Разд. 5 (Протоколы). С. 23—29.

ГЛАВА 2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КАК НАУЧНЫЙ ЦЕНТР КЛАССИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ (1803—1838)

Научные занятия античностью с начала XIX в. были в основном сосредоточены в пяти учреждениях столицы империи — Императорской Академии наук, Императорском Эрмитаже, в университете, воссозданном в 1819 г. на базе Главного педагогического института, Академии художеств и Императорской Публичной библиотеке. С образованием министерств в 1802 г. большинство научных учреждений, учебных заведений, создаваемых научных обществ, комитетов и т. д. было подчинено Министерству народного просвещения. Уже с начала века коллекции античных памятников стали собирать государственные учреждения различной ведомственной принадлежности, в частности при Морском министерстве был создан Кабинет редкостей Адмиралтейского департамента (основан в 1805 г., ликвидирован после восстания декабристов в 1827 г.), интенсивно пополнялись многие частные собрания.¹

В Имп. Академии наук в 1801 г. прекратил свое существование созданный при Павле I разряд истории и древностей,² но уже через два года, в 1803 г. был принят новый регламент Академии, включивший историю в круг изучаемых ею дисциплин. Замещать кафедру истории должен был только один академик, имея в помощниках единственного адъюнкта, который после 6 лет «отличной» службы мог быть произведен в экстраординарные академики.³ Указом от 20 января 1830 г., содержащим «Дополнительные пункты к регламенту Имп. Академии наук 1803 г.», было узаконено разделение академиков по группам (разрядам) наук, в том числе по историческим и политическим: истории и древностей российских — один академик, — греческих и римских древностей — два, истории и словесности азиатских народов — два.⁴

Историк и нумизмат, экстраординарный (8 апреля 1807 г.), затем ординарный академик (16 августа 1815 г.) Петербургской Академии наук Филипп Иванович (Иоганн Филипп) Круг (*Krug Johann Philipp*, 1764—1844) занимался главным образом историей Византии и Древней Руси, а также русской нумизматикой.

¹ Подробнее см.: Санкт-Петербург и античность. СПб., 1993; Неверов О. Я. Античные коллекции в русских коллекциях пушкинской эпохи // Пушкин и классические древности. СПб., 1999. С. 8—9.

² В разряд входили французский филолог и историк Жан Франсуа Вовилье (*Vauvilliers Jean-François*, 1737—1801), бежавший из революционной Франции и назначенный царем 7 апреля 1798 г. ординарным академиком по филологии, истории и древностям, а также историк, библиотекарь Академии, вопреки уставу введенный в Академию наук по приказу директора камер-юнкера П. П. Бакунина адъюнктом по истории с 29 января 1795 г. (до марта 1800 г.), впоследствии почетный член Иван Фомич (Иоганн Генрих) Буссе (*Busse Johann Heinrich*, 1763—1835). См.: История Академии наук СССР. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 325—326. Оба ученых не оставили заметного следа в истории Академии наук — какие-либо их работы не упомянуты в известной академической библиографии, составленной В. П. Шемяковым: *Tableau général méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications de l'Académie impériale des Sciences de St.-Petersbourg depuis sa fondation*. SPb., 1872. Pt. 1: Publications en langues étrangères.

³ Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 63, 72, 75.

⁴ Там же. С. 187. Примеч. 38.

Уроженец Галле, он получил образование на богословском факультете местного университета, с 1787 г. работал домашним учителем. Круг с юности увлекся нумизматикой и унаследовал коллекцию западноевропейских монет своего отца, которую постоянно пополнял новыми экземплярами. В 1795 г. историк переехал в Москву, до 1801 г. был домашним учителем у вдовы графа И. Г. Орлова — Е. Ф. Орловой. В эти годы он познакомился со специалистами в области истории России и коллекционерами русских древностей — профессором Московского университета Ф. Г. Баузе, И. Г. Стриттером (гл. 8.1), гр. А. И. Мусиным-Пушкиным. С тех пор Круг выменивал западноевропейские монеты своего собрания на русские, полностью изменив профиль своей коллекции, и со временем стал отличным знатоком русской нумизматики (нумизматическое собрание он завещал Академии наук, ныне хранится в Отделе нумизматики ГЭ). Чтобы читать труды по русской истории и летописные сборники в поллиннике, Круг изучил русский и церковнославянский языки. В августе 1803 г. он переехал в Петербург, 5 марта 1805 г. получил место помощника библиотекаря Эрмитажа для хранения «разного рода антиков, медалей и паст» и после издания на немецком языке труда «Критические разыскания о древних русских монетах» (1805, рус. пер. 1807) 27 марта того же года был избран адъюнктом по истории Имп. Академии наук. В работах Круга, посвященных древней русской хронологии и происхождению Руси, исследованы и неоспоримо доказаны многие факты древнейшей русской истории, например установлено время крещения княгини Ольги в Константинополе и др., ставшие исходной точкой русских исследований по истории Византии и Древней Руси. Круг являлся активным членом и одним из экспертов Румянцевского кружка, другом и советником гр. Н. П. Румянцева (см. ниже).⁵ С изучением средневековых источников по истории Древней Руси связаны его исследования об о-ве Фидониси, в античное время — Левка (гл. 10.1).

Другой немецкий ученый, филолог-классик *Федор Богданович (Христиан Фридрих) Грефе* (*Gräfe Christian Friedrich*, 1780—1851),⁶ избранный в Академию наук по рекомендации покровительствовавшего ему президента С. С. Уварова,⁷ глубоко знал древние языки и литературу.

Уроженец Саксонии, сын пастора, Грефе закончил Лейпцигский университет со степенью доктора философии (1805), был учеником и последователем немецкого филолога-классика Г. Германа. В Россию он прибыл в 1810 г. и поступил преподавателем греческого языка в Петербургскую Александровскую духовную академию. С 1811 г. Грефе являлся профессором латинской (с 1814 г. греческой) словесности в Главном педагогическом институте, а после его реорганизации — ординарным, впоследствии заслуженным ординарным профессором Петербургского университета по кафедре греческой и латинской словесности (1819—1851). С 16 декабря 1818 г. он член-корреспондент, с 8 марта 1820 г. ординарный академик по греческой и римской словесности Имп. Академии наук. Русского языка Грефе не знал, по воспоминаниям современников, читал достаточно сухие лекции на латинском языке, и, по оценке проф. Н. М. Благовещенского, «принадлежал к той школе преподавателей, которая не находила нужным владеть в исторические и археологические подробности, и ограничивал свое преподавание грамматическим и эстетическим комментарием объясняемых авторов». Обладая сильным поэтическим чутьем, Грефе реализовал свои способности как публикатор критических комментариев к изданиям произведений поздних греческих поэтов Мелеагра из Гагары (1811), Нонна из Панополя (1819—1826), Павла Силенитария (1822). В зрелом возрасте филолог занялся санскритом и оставил ряд работ по сравнительному языкознанию.

В историю классической археологии Грефе вошел как первый публикатор ряда греческих надписей Северного Причерноморья.⁸ Несмотря на то что собственно «антики» практически не интересовали Грефе как филолога, 2 мая 1821 г. ему было поручено руководство Кабинетом медалей и редкостей (по уставу АН 1836 г. — Нумизматического музея) Имп. Академии наук с содержанием в 400 р. серебром в год.⁹ Кабинет включал обширные коллекции гречес-

⁵ Его исследования изданы посмертно под редакцией акад. А. А. Куника: *Krug Ph. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands*. SPb., 1848. Bd 1—2. См. о нем: РГИА, ф. 1349, оп. 4—1817, л. 52, ч. 1, л. 12 об.; *Kunik E. E. Einleitung // Krug Ph. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands*. Bd 1. S. I—CCLVI; *Буяльский П. С.* Очерк биографии академика Круга // ЖМНП. 1849. № 11. Отд. 5. С. 9—40; № 12. С. 41—78; Содействие Круга канцлеру гр. Румянцеву в пользу русской истории // ЖМНП. 1850. № 1. Отд. 5. С. 1—34; РБС. 1903. Т.: Кнаппе—Кюхельбекер. С. 451—454.

⁶ См. о нем: *Уваров С. С.* Воспоминание об академике Фр. Грефе // Учен. зап. Имп. АН по 1 и 3 отд. 1852. Т. 1. Вып. 1. С. 46—50; *Григорьев В. В.* Имп. С.-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования: Историческая записка. СПб., 1870. С. 19, 40, 59, 65, 73, 228—229. Примеч. С. 9, 14, 58—60; *Фролов Э. Д.* 1) Русская историография античности (до середины XIX в.) Л., 1967. С. 111—112; 2) Русская наука об античности. СПб., 1999. С. 132, 138—140, 142, 147, 150, 176.

⁷ С. С. Уваров, в январе 1818 г. назначенный президентом Академии наук, 19 апреля того же года представил Конференции доклад «О назначении особого академика для греческой и латинской словесности при Академии наук». См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1825. Т. 1: Царствование императора Александра I, 1802—1825 гг. С. 1282—1283.

⁸ *Graefe Fr.* 1) *Inscriptiones aliquot Graecae, nuper repertae, restituuntur et explicantur*. Petropoli, 1841; 2) *Einige Inschriften und kritische Verbesserungen*. SPb., 1848. См. также: *Tableau général méthodique...* P. 333. № 5251—5258 (перечень статей Грефе по проблемам классической филологии и археологии, опубликованных в трудах Имп. АН).

⁹ ПФА РАН, ф. 1, оп. 1а-1821, д. 32, л. 48.

ких и римских монет, античных ваз, терракот, гипсовых и серных оттисков с монет и гемм и пр.,¹⁰ куда эпизодически поступали и причерноморские древности.¹¹ С 1817 г. Грефе служил также помощником библиотекаря и ведал западноевропейскими монетами Минц-кабинета Эрмитажа, а с 1840 г. вплоть до своей смерти состоял почетным директором эрмитажных кабинетов медалей и антиков.¹²

Настоящий историк античного искусства и первый крупный исследователь античности появился в стенах Академии наук только с избранием в ее члены Е. Е. Кёлера. С приходом Е. Е. Кёлера и Х. Ф. Грефе в Академию наук Э. Д. Фролов справедливо связывает «возникновение классической филологии в России как самостоятельной науки».¹³

Егор Егорович (Генрих Карл Эрнст) Кёлер (Köhler Heinrich Karl Ernst, 1765—1838), филолог-классик, археолог, искусствовед, 13 апреля 1803 г. был избран членом-корреспондентом «по литературе и древностям греческим и римским», а четырнадцать лет спустя, 3 сентября 1817 г. — ординарным академиком Имп. Академии наук (рис. 9). Он явился также почетным вольным общником Императорской Академии художеств (1823), почетным членом Венской Академии художеств, членом-корреспондентом Берлинской (1812), Мюнхенской, Стокгольмской Академий наук, членом Археологической академии и почетным членом Института археологической корреспонденции в Риме, членом-корреспондентом Королевского научного общества в Гёттингене, членом Курляндского общества литературы и искусства. Основные труды Кёлера посвящены истории и исторической географии античных государств Причерноморья, публикациям гемм, эпитафических и нумизматических памятников, критическим обзорам трудов других лиц.¹⁴

Родился Кёлер в семье юриста, районного начальника в г. Вехсельбург (графство Шёнбург, Саксония), и по настоянию отца учился на юридическом факультете университета в Виттенберге, который закончил в 1783 г. Однако вскоре молодой человек решил переменить профессию — с 1787 г. он продолжил образование уже по классической филологии и археологии в Лейпциге, учился у основателя греческой эпиграфики Августа Бёка (гл. 8.2), участвовал в работе археологического семинара Райца (Reiz) вместе с будущими известными антиковедами и историками Ф. Аделунгом и Г. Германом, занимался интенсивным самообразованием в библиотеках Дрездена и Берлина. Уже в эти годы Кёлер, обладавший, по характеристике дерптского профессора К. Моргенштерна, «беспристрастным, чистым чувством красоты», завязал тесные связи с архитекторами, скульпторами, художниками и резчиками по камню, заинтересовался техникой глиптики и медальерным искусством.

В 1791 г. с подачи лейпцигского профессора Экка (Eck) Кёлер прибыл в Петербург как домашний учитель в семью купца Овандера. Видимо, по рекомендации будущего президента Имп. Академии наук, барона А. Л. Николаи молодой антикварий получил доступ в императорские собрания древностей. Коллекции античной скульптуры и глиптики императрицы Екатерины II (около 16—17 тыс. резных камней и около 30 тыс. слепков) поразили немецкого

¹⁰ Гримм А. И. Минц-кабинет // Очерк истории музея Имп. Академии наук. СПб., 1865. С. 87—88.

¹¹ Histoire de l'Académie: Présents faits à l'Académie // Mémoires de l'Académie. 1811. Т. 3. Р. 40 (о присылке золотых изображений — «рыбки, двух птичьих крыльев и птичьего хвоста», найденных в окрестностях Елисавет-града, и золотой печочки, найденной в колонии Надиак близ Ольвиополя — о последней, атрибутированной Ф. И. Кругом как «украшение византийской работы», сохранилось его донесение от 23 декабря 1809 г.: ПФА РАН, ф. 88, оп. 1, д. 41, 2 л.); 1824. Т. 9. Р. 25—28 (о греческой амфоре, найденной в развалинах Ольвии).

¹² АГЭ, ф. 1, оп. I-1840, д. 18; оп. I-1851, д. 37.

¹³ История Академии наук СССР. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 195—197 (раздел написан Э. Д. Фроловым).

¹⁴ Архив ученого хранится в АГЭ (ф. 11). Коллекция слепков с резных камней была продана его наследниками в Академию художеств (АГЭ, ф. 1, оп. I-1846, д. 31: Об истребовании из Академии художеств двух шкапов, в коих находились слепки с резных камней, проданных в Академию художеств наследниками действительного статского советника Кёлера и принадлежавших Эрмитажу). См. о нем: РГИА, ф. 472, оп. 24 (271/1288), д. 3, л. 283—286 (формулярный список за 1838 г.); Morgenstern K. H. K. E. Koehler : Zur Erinnerung an den Verewigten // Recueil des Actes. 1839. S. 74—77. См. также некрологи: Haase (Wiener Jahrbücher der Literatur. Bd 13. S. 93); ЖМНП. 1838. Ч. 19. № 5. С. 738; 1839. Ч. 22. № 4. С. 1—48; Санкт-Петербургские ведомости. 1839. № 19. С. 83—84; Кёлер Карл // РБС. 1897. Т. 1: Ибак—Ключарев. С. 607—608; Стаский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже : Очерк истории Минц-кабинета—Отдела нумизматики // НЭ. 1970. Т. 8. С. 133—148; Уткина Л. М. Академик Е. Е. Кёлер и Эрмитаж // Немцы в России : Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 99—118; Гинзбург Г. И. Г. К. Кёлер и библиотека Эрмитажа // Древний мир и мы : Классическое наследие в Европе и России : Альманах. СПб., 2000. Вып. 2. С. 92—98.

Рис. 9. Портрет академика Е. Е. Кёлера. Гравюра А. Г. Афанасьева по рисунку Ф. Крюгера.

антиквария своим разнообразием и богатством.¹⁵ Им он посвятил свои первые исследования, и уже в этих публикациях проявилась свойственная Кёлеру «прямота и резкость суждений, не шадившая никакие научные авторитеты», каковыми в то время считались в области античного искусства И. Лессинг и И. Винкельман, а в области нумизматики Й. Х. Эккель и Э. К. Висконти.¹⁶ 3 июня 1797 г. Кёлер был принят на государственную службу (с 30 июля в чине коллежского асессора) в Польскую библиотеку, т. е. библиотеку братьев Залуских, после очередного раздела Польши в 1794 г. перевезенную в Россию и составившую основу Имп. Публичной библиотеки. Вскоре по протекции все того же А. Л. Николаи в январе 1798 г. он поступил библиотекарем и хранителем Кабинета антиков и медалей Имп. Эрмитажа, с которым связал свою последующую жизнь.¹⁷ Здесь Кёлер сделал быструю служебную карьеру — практически до своей смерти он служил начальником I Отделения, Иностранной библиотеки¹⁸ и антиков (1805—1817, 1819—1837) в чинах надворного советника (январь 1799 г.), коллежского советника (апрель 1804 г.), статского советника (апрель 1806 г.), действительного статского советника (30 июня 1822 г.). В последние годы жизни Кёлер тяжело болел и фактически отошел от дел в Академии наук и Эрмитаже. Он умер 22 января/3 февраля 1838 г. в Петербурге.

В середине 1800-х гг. Кёлер планировал издать (в двух томах большого формата) описание резных камней императорского собрания в сопровождении гравированных рисунков, но это намерение не осуществил.¹⁹ 8 февраля 1804 г. на заседании Конференции АН было зачитано «Письмо о нескольких медалях Европейской Сарматии и Херсонеса Таврического, адресованное в Академию одним из ее корреспондентов»,²⁰ в котором Е. Е. Кёлер обратил вни-

¹⁵ Koehler H. K. E. 1) Ueber das Kaiserliche Museum zu Zarskoe Selo // Journ. von Russland. 1794. Bd 1 S. 337—355, 403—412, Bd 2. S. 3—16 (Köhler's gesammelte Schriften. SPb., 1853 Bd 6. S. 3—29), 2) Bemerkungen über die Russisch—Kaiserliche Sammlung von geschnittenen Steinen // Journ. von Russland. 1795 Bd 1. S. 3—35 (Köhler's gesammelte Schriften. SPb., 1851 Bd 4. S. 3—21).

¹⁶ Morgenstern K. H. K. E. Koehler S. 74—77

¹⁷ РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 1, д. 3914, л. 44.

¹⁸ Там же, ф. 466, оп. 1, д. 217, с. 42.

¹⁹ Morgenstern K. H. K. E. Koehler S. 77 Anm. 6.

²⁰ Koehler H. K. E. Lettre sur plusieurs Médailles de la Sarmatie d'Europe et de la Chersonèse Taurique // Nova Acta. 1805 T. 14 P. 99—130.

мание на неизученность основных вопросов истории, археологии и нумизматики античных государств Северного Причерноморья. Автор упрекнул русских ученых в том, что иностранные путешественники их опережают «в славных научных открытиях» на ниве изучения причерноморских классических древностей. Весной того же года Кёлер и его друг немецкий художник-лейбзжист Карл фон Кюгельхен (1772—1831) обратились к президенту Академии художеств А. С. Строганову с просьбой о поддержке их проекта поездки на юг. 5 мая 1804 г. Строганов написал своему племяннику и воспитаннику, члену Непласного комитета, президенту Петербургской Академии наук (1803—1810), камергеру и кавалеру Н. Н. Новосильцеву об исходатайствовании у царя разрешения отправить Кёлера и Кюгельхена в губернии, прилегающие к Черному морю: «Кюгельхен как художник будет заниматься снятием всех тех видов, каковые известны по древней греческой истории, а Кёлер, как антикварий и историк-писатель, будет описывать сии знаменитые древней истории местоположения, которые вообще обоим им представляются внимания заслуживающими» для составления *voyage pittoresque*, «публикою с давнего времени ожидаемой».²¹

Император Александр I поддержал идею поездки и распорядился выдать каждому участнику по 1 тыс. р. на расходы из сумм своего Кабинета.²² Находившиеся в ведении Кёлера в Эрмитаже шкафы с «разными медалями и антиками» были опечатаны до его возвращения, а французская библиотека «по доверенности» передана на хранение его родному брату, служившему при Н. Н. Новосильцеве.²³ Министр внутренних дел В. П. Кочубей снабдил коллежского советника Кёлера рекомендательными письмами к администрациям губерний и городов, где они предполагали останавливаться. Кёлер путешествовал более полутора, с июня до глубокой осени 1804 г. (остаться далее в Крыму ему помешала болезнь), Кюгельхен — 14 месяцев. Художник сделал более 200 зарисовок, частично приобретенных царем и ныне хранящихся в Эрмитаже.²⁴ В 1825 г. виды юга России работы Кюгельхена планировали издать в Париже в литографии Энгельмана и Графа в 6 тетрадях, каждая из 8 видов, причем в двух вариантах — на веленовой и на китайской бумаге, но этот проект не был реализован.²⁵

К счастью, графическая фиксация ряда виденных и описанных Кёлером памятников на Таманском полуострове, в Керчи и в Феодосии, относящаяся к более раннему времени — к августу 1803 г., обнаружена в путевых дневниках члена Российской Академии (1783), архитектора Николая Александровича Львова (1751—1803), хранящихся в РО ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН.²⁶ Н. А. Львов (рис. 10—18), в то время «главный директор угольных приисков и работ в империи, главный начальник земляного битого строения в экспедиции государственного хозяйства», совершил поездку по Кавказу и Крыму, в которой его сопровождали живописцы Академии художеств Алексеев и И. А. Иванов (виды последнего хранятся в Эрмитаже).²⁷ Путевые дневники архитектора Львова заполнены краткими заметками, видами и набросками памятников архитектуры, курганов, копиями надписей и рисунками эпиграфических, архитектурных и скульптурных памятников. Им приведены сведения о многочисленных курганах, находившихся по дороге от Кавказской крепости до Усть-Лабы, упомянута обложенная циклопической кладкой «могила Митридата» в четырех верстах от Керчи (Золотой курган). Несколько страниц отведено отождествлению известных по источникам античных географических названий с современными пунктами: Пантикапей Львов ошибочно соотнес с Еникале, Харакс с Судаком, Киммерик с Карасу-базаром, Парфений с Бахчисараем, Евпаторию с Козловым, бег Ахилла с Кинбурном, Левку с Березанью и т. п. И все же следует под-

²¹ РГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 1, л. 1788, л. 1—4.

²² Там же, ф. 468, оп. 1, ч. 2, д. 3921, л. 337; ф. 789, оп. 1, ч. 1, д. 1788, л. 1—4.

²³ Там же, ф. 466, оп. 1, д. 214, с. 133.

²⁴ Илатовская Т. Рисунки братьев Кюгельхенов в собрании Эрмитажа // Западноевропейская графика XV—XX веков. Л., 1985. С. 127. См. также: АЭГ, ф. 1, оп. IV-125, л. 1, л. 6: О приобретении у художника Кюгельхена 40 «живописных видов, снятых им с разных местоположений в Крыму» за 10 тыс. р. В 1819 г. К. Кюгельхен представил президенту Академии художеств А. Н. Оленину план создания специального Музея изобразительных искусств (ОР РНБ. ф. 542, д. 558).

²⁵ Библиографические листы. 1825. 20 мая, № 14. С. 204.

²⁶ РО ИРЛИ, 16.470/С. IV620: Путевая тетрадь № 2, л. 5 об., 28 об., 30, 35 об.—39, 41, 54, 64 об.—66 об., 73—75 об.; Путевая тетрадь № 3, л. 10 об.—11, 19 об., 27, 41 об., 49, 52, 53, 58, 63, 83 об.—84, 88 об., 89.

²⁷ Будылина М. В., Брайтцева О. И., Харламова А. М. Архитектор Н. А. Львов. М., 1961. С. 40—41. См. также: Глинка Н. И., Липпо-Данилевский К. Ю. Львов Николай Александрович // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Вып. 2: К—П. С. 242—249.

Фанатория № 2. Обозначение 173-9
 Набросок плана крепости по описанию Крп. Фанатория
 в 1793 имела поперечник — 100 футов поперек
 в 1796 — 100 футов шириной башниной Крп
 Мамант в 1796 имела 93 футов шириной
 находившийся в центре укреплений. Там 2-я Маман
 древнейшей работы из камня с башнями
 наверху и поперечником 100 футов. Вдоль Крп
 Маман-Сар: Маман и шириной 100 футов осматрив
 одна башня Мурская. — — — — —
 Мамант в 1796 имела 93 футов шириной
 Мамант в 1796 имела 93 футов шириной

Рис. 10. «Львы длиною по 2 аршина с четвертью». Крепость Фанатория близ Тамани. Перо. Чернила. 18 августа 1803 г. Путевая тетрадь Н. А. Львова № 2 (РО ИРЛИ. № 16470/С.IV.6. 20, л. 28 об. Публ. впервые).

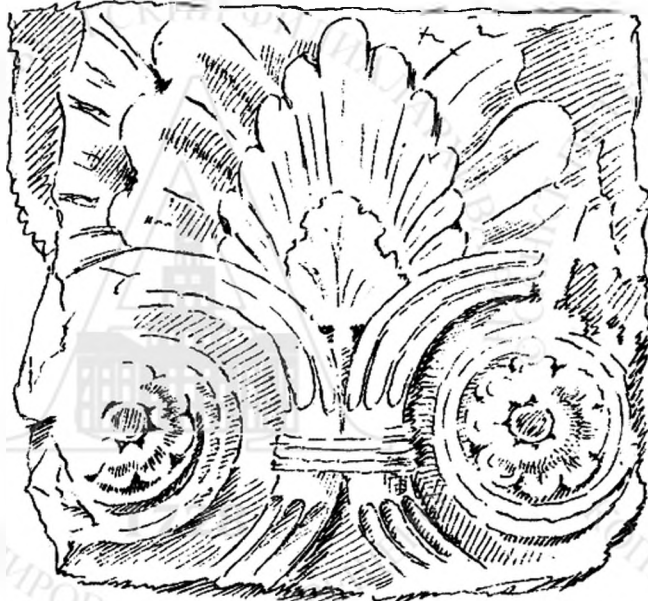
черкнуть, что именно Львову мы обязаны сохранением многих античных и средневековых древностей: по его инициативе в ст. Тамань был водружен «памятник древнейшей русской истории» с Тмутараканским камнем в центре (гл. 15). После внезапной смерти Н. А. Львова на обратном пути в Москве его вдова — М. А. Львова — передала Академии художеств «планы и виды разным местам на Кавказской линии, на Тамане и в Крыму».²⁸

Но вернемся к поездке Е. Е. Кёлера 1804 г.: ее точный маршрут неизвестен, хотя скорее всего он был повторен второй экспедицией 1821 г.²⁹ Кёлер побывал в Одессе, Николаеве, Симферополе, центральном Крыму, Севастополе и его окрестностях, проехал по южному берегу Тавриды, заехал в Судак, Старый Крым, Феодосию, на Керченский полуостров и Тамань. Из записок о древностях Тавриды (1820) становится ясен перечень памятников «греческой» архитектуры, осмотренных Кёлером в 1804 г. Это развалины «башни в Еникале», остатки укрепления «при бывшем городе Гераклея-Херсонесе», фундамент «красивого» здания и башни на Айя-Бурун, остатки построек близ Георгиевского монастыря, руины на горе Олук, развалины крепости при речке Темир-Джи.

В августе 1804 г. Кёлер приехал в Севастополь. Наиболее важными для истории остатками древнегреческой архитектуры в Новороссии он считал руины «древнейшего» Херсонеса Страбона на Маячном полуострове, который «не надобно смешивать ни с Херсонесом, построенным гунузцами, ни с Херсонесом, на котором стоит Ахтиар, или Севастополь. Оный древний Херсонес описан Палласом. Сии фундаменты, свидетельствующие об огромном древ-

²⁸ Петров Н. П. Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за 100 лет ее существования. СПб., 1864. Т. 1. С. 587—589.

²⁹ Тункина И. В. Экспедиции Е. Е. Кёлера в Крым 1804 и 1821 гг. // Проблемы античной культуры: Тез. докл. Крымской науч. конф. Симферополь, 1988. Ч. 3. С. 307—308.

В Керчи в крепостной стене

Рис. 11. Античный акротерий «в Керчи в крепостной стене». Перо. Чернила. 1803 г. Путевая тетрадь Н. А. Львова № 2 (РО ИРЛИ, № 16470/С.IVб. 20, л. 64 об.).

Рис. 12. Античные надгробия в стенах керченской церкви Иоанна Предтечи (слева КБН 610; справа КБН 496). Карандаш. 1803 г. Путевая тетрадь Н. А. Львова № 2 (РО ИРЛИ, № 16470/С.IVб. 20, л. 66. Публ. впервые).

Рис. 13. «Барельеф в церковной стене вделанный в Керчи» (КБН 496). Перо. Чернила. 1803 г. Путевая тетрадь Н. А. Львова № 2 (РО ИРЛИ, № 16470/С.IVб. 20, л. 66 об.).

нем строении, должны быть сохранены и описаны подробно знающими зодчими».³⁰ На Маячном полуострове (Фанари) Кёлер провел раскопки (гл. 12.2). В центральном и горном Крыму Кёлер осмотрел средневековые развалины — «татарские надгробные памятники при Эски-Юрте» близ Бахчисарая, «великолепное высокое здание или башню» в деревне Чоргун, укрепления Мангула, Инкермана, Гурзуфа, Судака и др.

В Феодосии ученый был потрясен варварским отношением местных властей к археологическим памятникам. Город когда-то был обнесен генуэзской стеной с башнями и глубоким рвом, обложенным тесаными камнями. «Тому 12 или 18 лет назад, — писал Кёлер в марте 1820 г., — как присылали в Петербург многие основательные жалобы на некоторых из тогдашних губернаторов, в коих жаловались, что они многие из хорошо сохранных высоких и огромных башен частью разломали, частью же хотели совсем разрушить. В 1804 году было еще много оных. Если бы из сих прекрасных зданий остались еще некоторые, то можно бы было их починить с малыми издержками. Тогда можно бы было легко отыскать назначение,

³⁰ О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных / Публ. В. Г. Тизенгаузена, примеч. Н. Н. Мурзакевича // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 370.

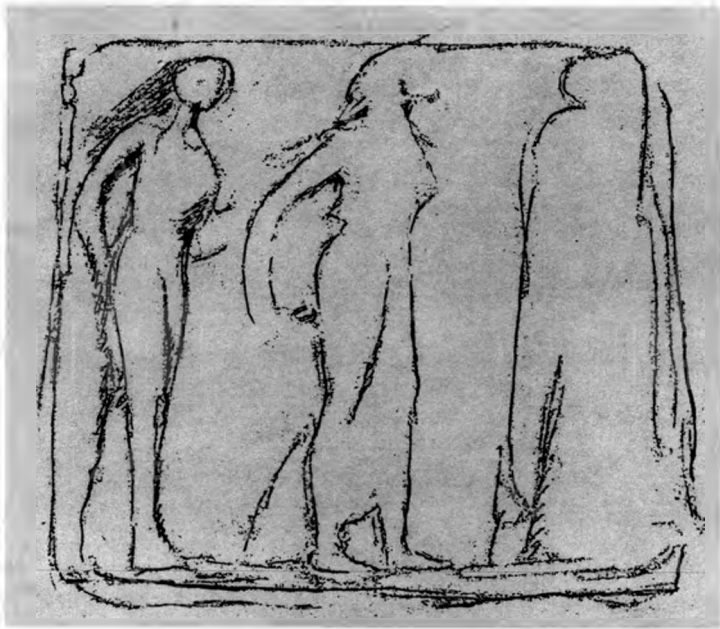

Рис. 14. «Обломок греческого барельефа на паросском мраморе, из Фанагории привезенного и в церкви таманской оставленного 1803 августа 17». Карандаш. Путевая тетрадь Н. А. Львова № 2 (РО ИРЛИ, № 16470/С.IVб. 20, л. 73. Публ. впервые).

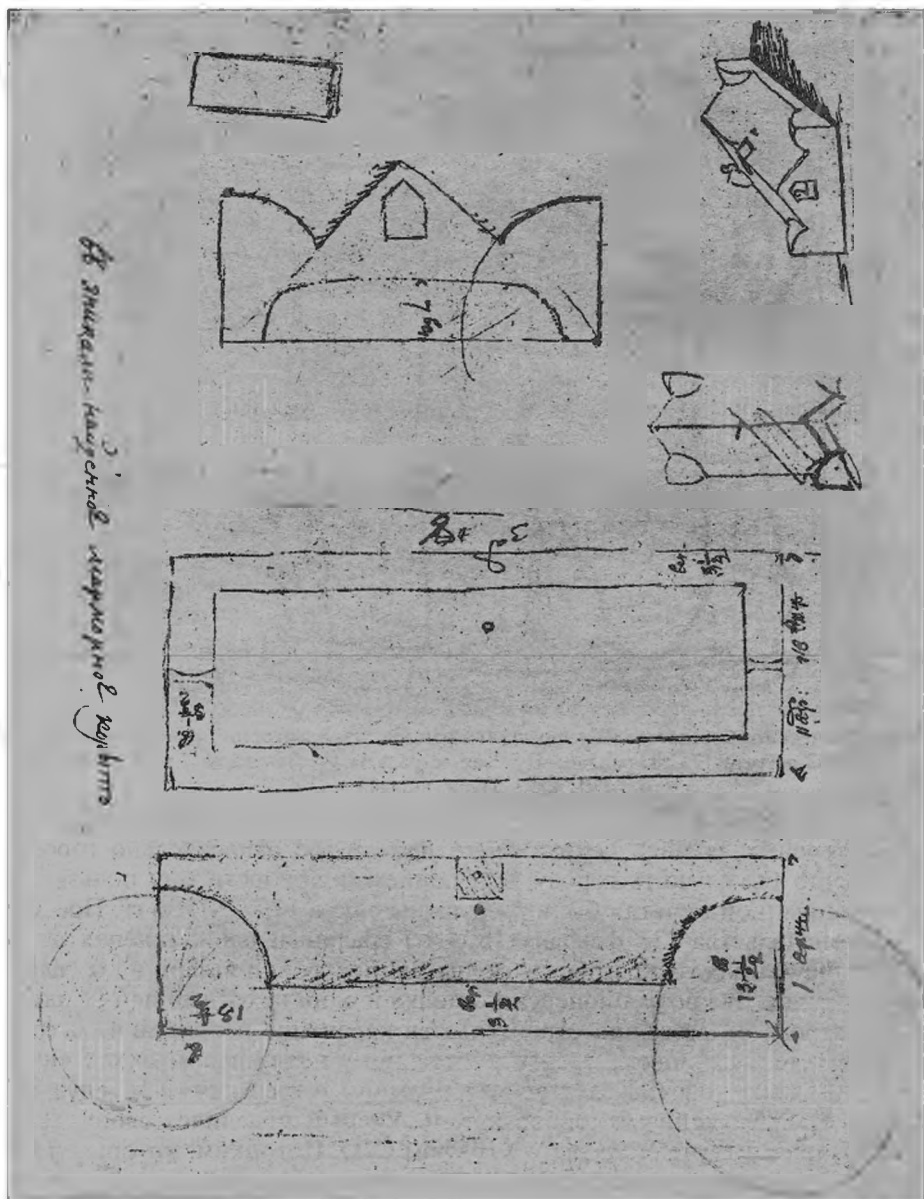
чтобы в сих прекрасных зданиях сохранить то или другое относительно города Кефы. Их существование могло бы служить городу украшением и принести ему пользу».³¹ Минареты «огромной и великолепной мечети» были разрушены еще в 1794—1796 гг. После учреждения в Феодосии градоначальства (23 февраля 1804 г.) градоначальник генерал от инфантерии А. С. Феньш (Fenshaw) приказал разобрать стены для постройки казарм — остались лишь три оборонительные башни. Две роты пионерского полка и один пехотный полк были привлечены «для очищения» города от развалин, строительства карантина и пристани. В гряде развалин древних городских стен, по новому градостроительному плану оказавшихся «ненужными» и сломанных «за ненадобностью», Кёлер увидел мраморы с греческими и генуэзскими надписями, барельефы с изображениями гербов и т. п. Ученый поделился своим возмущением с попечителем Харьковского учебного округа графом С. О. Потоцким, который доложил о варварстве местного градоначальника императору. Камень из разрушенных построек «просвещенный англичанин» приказал раздать местным жителям «безденежно», что стимулировало строительство города, но нанесло непоправимый ущерб древней архитектуре.³² Все, что можно было вывезти, Кёлер отправил в Петербург.³³ Во время путешествия хранитель Эрмитажа не забывал и о пополнении собственной коллекции, состоявшей из монет, керамики, амфорных ручек и черепиц с клеймами, других древностей. По докладу ученого было принято утвержденное царем распоряжение по министерству внутренних дел, запрещающее путешественникам собирать древности на казенных землях Тавриды (1805 г., см. документ № 2). Хотя никаких средств на охрану и реставрацию памятников тогда выделено не было, можно с полным правом утверждать, что это распоряжение стало одним из первых правительственных актов по охране древностей Северного Причерноморья.

Министр внутренних дел В. П. Кочубей поручил херсонскому военному губернатору герцогу А. Э. де Ришелье и феодосийскому градоначальнику А. С. Феньшу все наденные археологические памятники собирать и отсылать в музей недавно открытого Харьковского универ-

³¹ Там же. С. 371.

³² Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1893. Ч. 7. С. 151.

³³ РГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 1, д. 1788, л. 7.

В Яникали найденное мраморное корыто

Рис. 15. «В Яникали найденное мраморное корыто» (крышка античного мраморного саркофага, с указанием размеров, по словам Палласа, найденная в большом кургане близ крепости Фанагория и привезенная в Еникале). Перо. Чернила. Карандаш. 1803 г. Путевая тетрадь Н. А. Львова № 3 (РО ИРЛИ, № 16470/С.IVб. 20, л. 10 об. Публ. впервые).

ситета, получившего в 1806 г. право сбора, хранения и изучения древностей (гл. 4.2). Через три года главный командир Черноморского флота маркиз И. И. де Траверсе добился той же льготы для Кабинета редкостей Черноморского депо карт в Николаеве, основанного по его приказу в 1803 г. (документ № 3, гл. 4.1).

Поездка Кёлера из Керчи на Таманский полуостров состоялась в августе—сентябре 1804 г.³⁴ (гл. 15). Здесь, по словам Кёлера, отсутствовала какая-либо «греческая архитектура, кроме маловажного каменного строения, мною там открытого и принадлежащего, как думать должно, городу Корокондама (городу, коего окончательный слог «дама» подал, может быть, повод к позднему названию «Тамань»)); таким образом, античную Корокондаму Кёлер

³⁴ РГАВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 22, л. 87.

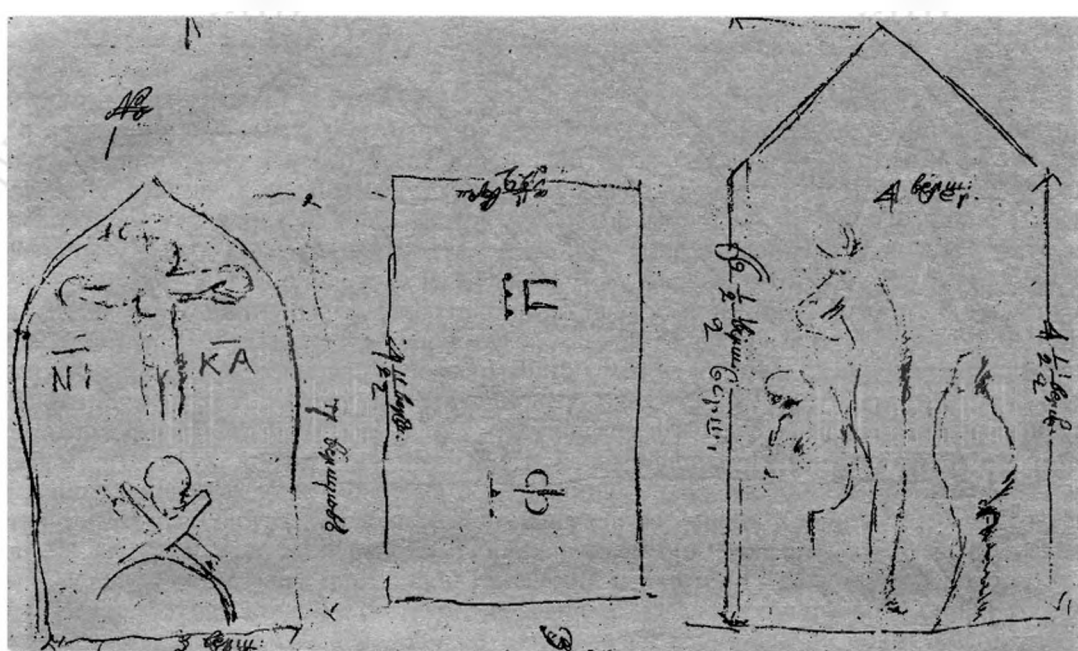

Рис. 16. Античные барельефы и надгробия в Керчи. Карандаш. 1803 г. Путевая тетрадь Н. А. Львова № 3 (РО ИРЛИ, № 16470/С.IV.6. 20, л. 11. Публ. впервые).

ошибочно локализовал в станице Тамань (ныне общепринятая локализация — античная Гермонасса, Тмутаракань русских летописей).³⁵ Путешествие привело к замечательному открытию — находке памятника боспорской царицы Комосарии (Камасарии), имя которой отсутствовало в античной письменной традиции. Из надписи на пьедестале (КБН 1015) впервые стала известна титулатура царей Боспора. Этому памятнику Кёлер посвятил специальное исследование, впоследствии переведенное на русский язык;³⁶ здесь впервые были опубликованы несколько надписей, хранившихся в таманской церкви Покрова Пресвятой Богородицы (КБН 1043, 1045, 1046, 1049 — см. гл. 15). «Надеюсь, — писал Кёлер, — что самый памятник, мною описанный, и большая часть надписей, собранных мною во время моего путешествия по тем областям, будут немедленно, по повелению императора, доставлены в здешнюю столицу..., где они составят палеографический музей, столько же редкий для любителей древности, сколько занимательный и драгоценный для ученых».³⁷ По характеристике А. Бёка, статья Кёлера о Комосарии заложила фундамент для изучения древностей Боспора.³⁸

Вернувшись в Петербург, 30 января 1805 г. Кёлер поднес Александру I собранную на юге России коллекцию античных монет и других «древних редкостей», за что получил 1800 р. из сумм Кабинета и пожалованный царем перстень.³⁹ Сам ученый занялся изучением, систематизацией и публикацией привезенных надписей и монет, поступивших в Императорский Эрмитаж.⁴⁰ В 1808 г. в одной из своих публикаций боспорских монет Кёлер заявил о намерении издать большой труд о нумизматике Тавриды, но свой план не осуществил.⁴¹ По-настоящему крупных и обобщающих трудов ученый так и не создал — большинство его специальных этюдов посвящены частным вопросам истории античного искусства, например, изучению гемм. Это, видимо, отчасти объясняется и психологическим складом, и стилем мышления

³⁵ О сохранении и возобновлении в Крыму... С. 373.

³⁶ Köhler H. K. E. Dissertation sur le monument de la reine Comosarye. SPb., 1805. Рус. перевод: Кёлер Е. Е. Рассуждение о памятнике царицы Комосарии // Археолого-нумизматический сборник, изданный Г. И. Спасским. М., 1850. С. 99—132.

³⁷ Кёлер Е. Е. Рассуждение о памятнике царицы Комосарии. С. 106.

³⁸ CIG. 1843. Vol. 2. Fasc. 1. P. 157 seq.

³⁹ РГИА, ф. 789, оп. 1, ч. 1, д. 1788, л. 5—8; ф. 468, оп. 1, ч. 2, д. 3992, л. 197—197 об., 211.

⁴⁰ Köhler's gesammelte Schriften. SPb., 1853. Bd 6. S. 55—102.

⁴¹ Morgenstern K. H. K. E. Koehler. S. 84—85. Anm. 25.

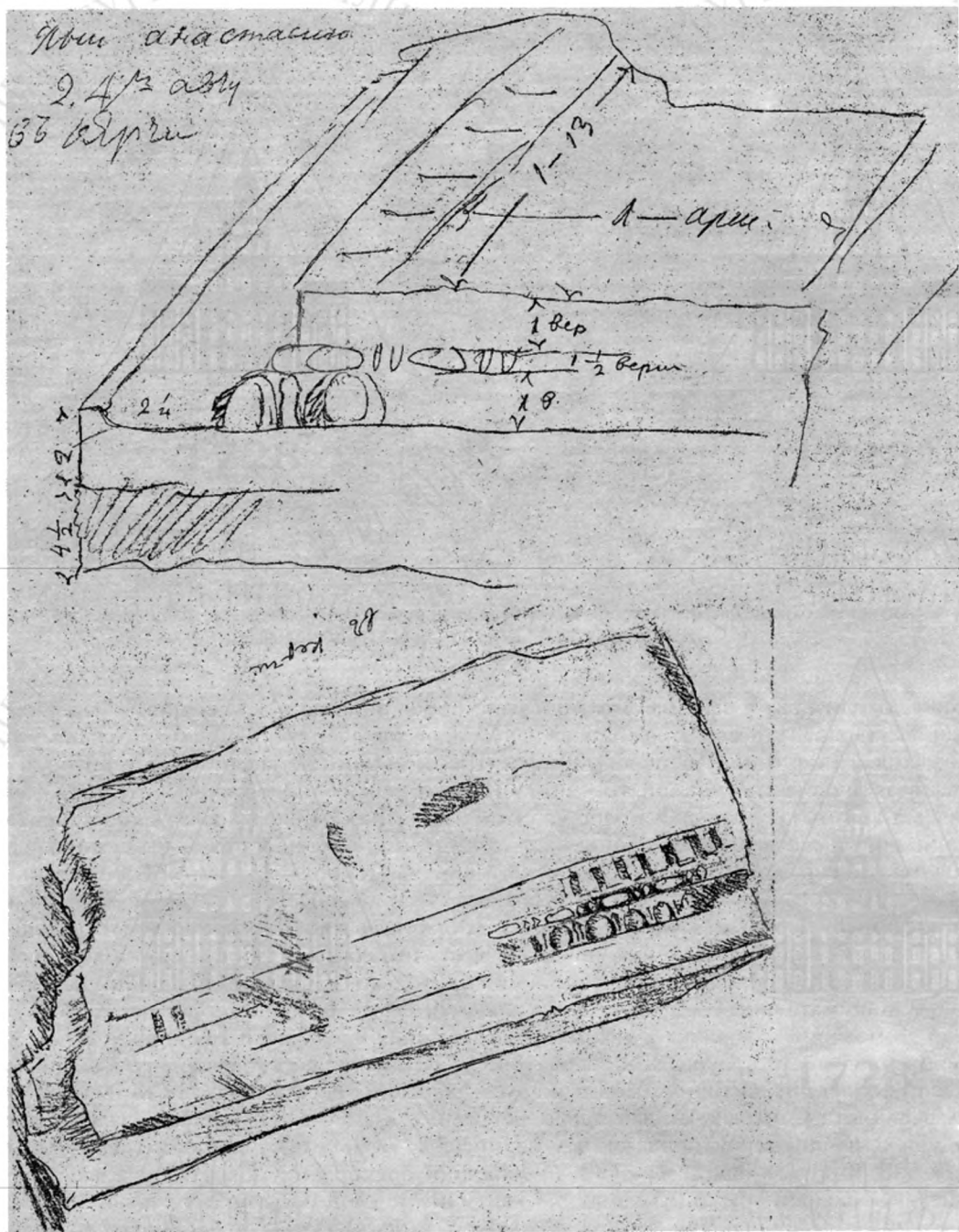

Рис. 17. Антаблемент с указанием размеров. 1803 г., «24 августа в Керчи». Карандаш. 1803 г. Путевая тетрадь Н. А. Львова № 3 (РО ИРЛИ, № 16470/С.IV.6. 20, л. 88 об. Публ. впервые).

Рис. 18. Антаблемент. «В Керчи». Карандаш. 1803 г. Путевая тетрадь Н. А. Львова № 3 (РО ИРЛИ, № 16470/С.IV.6. 20, л. 89. Публ. впервые).

Кёлера как ученого (см. гл. 8.6), и его большой загруженностью по Эрмитажу, где он зачастую должен был заниматься не столько научной атрибуцией памятников, сколько технической работой по каталогизации экспонатов.

В апреле 1805 г. Александр I подписал «Положение, полагаемое к учреждению по Эрмитажу», по которому в музее было образовано пять отделений. Начальником I отделения (библиотека, резные камни и медали) стал Е. Е. Кёлер, начальником II отделения (картинная галерея, кабинет редкостей, бронза, изделия из мрамора) — Франц Иванович Лабенский (1769—1849), поляк по национальности, прослуживший в Эрмитаже большую часть жизни, с 1796 г. по 1849 г.⁴² Усилиями Е. Е. Кёлера, Ф. И. Лабенского, Ф. И. Круга и Х. Ф. Грефе были разработаны принципы систематизации, каталогизации, научной обработки и публикации памятников. С приходом в музей ученых, членов Академии наук, Эрмитаж стал превращаться не только в хранилище древностей, но и в один из научных центров северной столицы.

В октябре 1816 г. Кёлеру было предписано заняться составлением каталогов (описей) «разного рода антикам, медалям» и пр., хранящимся в I отделении Эрмитажа для представления в Придворную контору. 24 мая 1817 г. ученый представил опись античных монет на 41 странице, опись русских монет на 59 страницах, и начало описи «разным антикам» на 49 страницах.⁴³ Каталогизация коллекций занимала все время хранителя и практически не оставляла досуга для научной работы. Обремененный большой семьей, которая состояла из жены, Софьи Максимовны, урожд. фон Брискорн, и 8 детей (7 сыновей и 1 дочери), в июне 1817 г. Кёлер, находясь в чине статского советника, подал прошение об отставке из Эрмитажа,⁴⁴ так как в поисках лучшей доли он намеревался вернуться на родину. Его угнетал не столько низкий социальный статус ученого в России, сколько узависенное самолюбие — долгие годы он безуспешно добивался избрания в действительные члены Академии наук. К тому времени Кёлер, никогда не имевший ученой степени, стал достаточно известным в кругу западноевропейских антиквариев, почему и получил прозвище «петербургский археолог». Благодаря трудам Кёлера и личной переписке с петербургским академиком о «русской античности» начали узнавать ученые в странах Западной Европы.

2 марта 1817 г. в письме к анонимному одесскому коллекционеру древностей, скорее всего И. П. Блаرامбергу (см. гл. 3.1), Кёлер с обидой и раздражением объяснял причины своего отъезда: «... ужасная дороговизна изгоняет меня из Петербурга в Германию. Я буду получать как профессор вдвое против того, что получаю здесь за три должности, и самое отличное ученое воспитание моих сыновей не будет мне ничего стоить, сверх того мне не будет трудно заработать за мои труды и статьи в 4 и 5 раз более против теперешнего маленького жалования. Прибавьте к этому, что меня здесь считают нисколько не лучше какого-нибудь писца или секретаря, и вы не будете сомневаться в том, что мне опротивело мое положение и что я желаю от него освободиться. Если получу то, о чем я просил, в чем очень сомневаюсь, потому что мне уже раз отказали, то уеду летом с моими тремя сыновьями; если не получу, что вероятно, то подаю в отставку и уеду, как только позволят мои обстоятельства. Мои сочинения появятся затем в Германии, где многие государи покровительствуют ученым трудам [...] Будучи опять в Германии, не буду, после издания моих монет, заботиться о древностях этого рода: я занимался почти 20 лет почти исключительно монетами и камнями и в награду за это имел только скудное содержание. Будет с меня, знать больше об этом не хочу».⁴⁵ Однако вскоре после своей отставки Кёлер был принят обратно на вновь созданную должность начальника I отделения Эрмитажа. Несмотря на это он все же уехал из России, выхлопотав себе пенсию и неоднократно продляемыйграничный отпуск, в надежде найти новое место службы в Европе.⁴⁶ В начале сентября 1817 г. антикварий добился своей цели — он был избран ординарным академиком Петербургской Академии наук.

В 1817—1819 гг. Кёлер совершил путешествие по Германии, Италии, Франции, где осматривал художественные коллекции музеев и устанавливал личные контакты с европейскими

⁴² Пиотровский Б. Б. История Эрмитажа // Эрмитаж: История и современность. Л., 1990. С. 26.

⁴³ АГЭ, ф. 1, оп. 1-1816, л. 10, л. 1—2.

⁴⁴ РГИА, ф. 466, оп. 1, л. 246, л. 11 (1817 г.).

⁴⁵ Письмо акад. Кёлера к неизвестному нумизмату, писанное из Санкт-Петербурга в 1817 году, 2 марта / Сообщил А. А. Скальковский, пер. с нем. В. Н. Юргевича // ЗООИД. 1894. Т. 17. Отд. 4. С. 3—4.

⁴⁶ РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 245, с. 265—266, 391; д. 246, с. 40; д. 248, с. 142.

антиквариатами, но лучшего места для службы не нашел и вернулся в Петербург.⁴⁷ Во время своей поездки Кёлер заехал в имение польских магнатов Потоцких Тульчин в Подольской губернии (1817) и имение А. Г. Кушелева-Безбородко Стольное в Черниговской губернии, где скопировал хранившиеся там надписи, в том числе жемчужину эпиграфики Ольвии — декрет в честь Протогена.⁴⁸ Известно, что в Париже в 1819 г. Кёлер приобрел собрание из 40 золотых боспорских монет и некоторые картины для Имп. Эрмитажа.⁴⁹

Инициатором второй экспедиции Е. Е. Кёлера по Северному Причерноморью стал известный русский поэт, драматург и переводчик *Василий Васильевич Капнист* (1758—1823).

Он происходил из обрусевшего греческого дворянского рода, с 1771 г. служил в лейб-гвардии Измайловском и Преображенском полках, где познакомился с Г. Р. Державиным и Н. А. Львовым, в 1775 г. вышел в отставку и в том же году начал публиковать литературные опыты. Капнист — автор «Оды на рабство» (1783, опубл. 1806) и наиболее совершенной комедии русского классицизма сатиры «Ябеда» (опубл. 1798), переводчик од Горация. В 1781 г. он обвенчался с А. А. Дьяковой, на сестре которой Марии был женат Н. А. Львов, а на другой сестре Дарье в 1784 г. женился Г. Р. Державин. Поэт являлся предводителем дворянства Миргородского уезда Полтавской губернии (1782), где находилось его имение Обуховка, контролером Главного почтового правления в Петербурге (1782—1783), киевским губернским предводителем дворянства (1785), надворным советником (1787). С 1785 г. действительный член Российской Академии. При Павле I Капнист состоял директором Имп. театров Петербурга (1799—1801), после убийства царя в чине статского советника вышел в отставку и покинул столицу; занял пост генерального судьи и директора народных училищ Полтавской губернии (1802), в 1812 г. избран местным дворянством кандидатом губернского маршала, в 1817 г. — маршалом Полтавской губернии (до 1822 г.). Последние годы жизни Капнист провел в Обуховке, где часто встречался с И. М. Муравьевым-Апостолом, жившим в 20 км в своем имении Хомулец.⁵⁰

Не имевший специальных знаний в области классической филологии, но убежденный сторонник того, что в русской культуре необходимо создавать аналоги явлениям античной культуры, Капнист как приверженец классицизма выступил с серией статей о связях двух культур. Ему принадлежат полемические высказывания о размере, которым нужно переводить «Илиаду» Гомера, а также предложение «сгладить несообразности и неровности» подлинника «Одиссеи», переместив пятую песнь на место первой. В легендарных древних гипербореях он усматривал предков русских, создавших независимую от греков изящную словесность еще до «гипербореан» (от последних древние греки якобы почерпнули все свои достижения).⁵¹ Свои произвольные исторические построения поэт иллюстрировал ссылками на античных авторов — Геродота, Павсания, Страбона, с которыми был знаком лишь по французским переводам. Капнист пытался доказать, что Одиссей странствовал не в Средиземном, а в Черном и Азовском морях.⁵² Все эти вопросы он обсуждал со своим близким другом, соседом по имению И. М. Муравьевым-Апостолом, знатоком классических и новых европейских языков. В январе 1821 г. в письме к сыну С. В. Капнисту поэт сетовал на отъезд Ивана Матвеевича в Москву: «Некому будет мне Горация буквально переводить, и не с кем будет спорить о древностях».⁵³

Осенью 1819 г. В. В. Капнист совершил поездку в Крым, а возвратясь в свое имение Обуховка, 20 декабря того же года отправил письмо министру духовных дел и народного просве-

⁴⁷ *Morgenstern K.* Н. К. Е. Koehler. S. 92—93. Дневник этого путешествия на нем. яз. см.: ОР РНБ, ф. 956 (собрание немецкой рукописной книги), IV Q 181, л. 1—243 об. Рукопись переплетена вместе с дневником путешествия по Новороссии 1821 г. в красный сафьян с золотым тиснением. Она была поднесена в дар Публичной библиотеке Г. Ф. Бахом. См.: Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1892 г. СПб., 1895. С. 301. № 24.

⁴⁸ *Köhler H. K. E.* Zwei Aufschriften der Stadt Olbia. SPb., 1822 (перезд.: 1) *Beschluss der Stadt Olbia für Dadus des Tumbagus Sohn* [IPE, I, 2, 52]; 2) *Beschluss der Stadt Olbia für Protogenes, Sohn des Heroson* [IPE, I, 2, 32] // *Serapis*. SPb., 1823. Th. 1. S. 59—80 (*Köhler's gesammelte Schriften*. SPb., 1850. Bd 1. S. 59—61, 62—80).

⁴⁹ РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 252, л. 37—38; АГЭ, ф. 1, оп. I-1819, д. 1: О внесении в каталог 40 золотых древних медалей королей боспорских, купленных в Париже статским советником Кёлером. 1 л.

⁵⁰ См. о нем: *Берков Л. Н. В. В. Капнист*. Л.; М., 1950; *Капнист В. В.* Собр. соч. / Ред., вступ. ст., примеч. Д. С. Бабкина. М.; Л., 1960. Т. 1—2; *Ланно-Данилевский К. Ю., Моисеева Г. Н.* Капнист Василий Васильевич // *Словарь русских писателей XVIII века*. СПб., 1999. Вып. 2 (К—П). С. 21—28.

⁵¹ *Капнист В. В.* Краткое изыскание о гипербореях: О коренном российском стихосложении // Чтение в Беседе любителей русского слова. 1815. № 18. Перезд.: *Капнист В. В.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 165—185.

⁵² *Капнист В. В.* Мнение, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Черном и Азовском морях // *Сын Отечества*. 1819. Т. 56. № 38. С. 193—213. Перезд.: *Капнист В. В.* Собр. соч. Т. 2. С. 238—245.

⁵³ ИР ЦНБ, III, 23458 (письмо от 23 января 1821 г. из Обуховки).

шения князю А. Н. Голицыну о повсеместном уничтожении древних руин в Тавриде, о необходимости принятия мер со стороны правительства по их охране, для чего предлагал как можно быстрее отправить на юг «несколько ученых людей для исследования... древностей и для точного определения урочищ, достопамятными преданиями истории прежних тысячелетий... знаменитых» (документ № 6). Записка Капниста была заслушана 17 августа 1820 г. на заседании Комитета министров. Общественные здания в то время находились в ведении Министерства внутренних дел, поэтому одну копию письма В. В. Капниста А. Н. Голицын направил на усмотрение министра МВД графа В. П. Кочубея, а другую передал президенту Имп. Академии наук С. С. Уварову, предложившему ее на обсуждение Конференции. Постановлением Общего собрания Академии наук 26 января 1820 г. разработка плана работ экспедиции в Крым и Тамань была поручена акад. Кёлеру как единственному из историков — членов Академии наук, уже побывавшему в Причерноморье.

Ученый представил Конференции две записки от 17 марта и 27 мая 1820 г., причем первая из них была отвергнута как поверхностная отписка. Кёлер классифицировал древности на «памятники архитектуры», разделенные им на греческие и генуэзские, и «памятники, подающие древней истории особенное объяснение». Академик призывал запретить ломку камней, снять «вернейшие» планы фундаментов «греческих храмов» и других архитектурных остатков, а наиболее сохранившиеся здания «поправить с малыми издержками» и, сообразуясь с их первоначальным назначением, использовать в государственных и общественных интересах. Средства на их восстановление, на взгляд Кёлера, были бы сравнительно невелики, так как «близ оных развалин есть много развалившихся стен», камень из которых можно использовать для их реставрации. Сумма, необходимая на сохранение и восстановление древних памятников архитектуры, могла быть определена на месте в Крыму опытным архитектором. «Для выполнения такого рода препоручений нужен человек, знающий архитектуру как художник и со вкусом», а не просто архитектор, большинство из которых, на взгляд ученого, являлись не более чем ремесленниками. Кёлер выразил желание сопровождать архитектора в поездке на юг, чтобы исследовать остатки архитектуры и обсудить на месте меры по их реставрации. «По прибытии моем в Крым с архитектором я вместе с ним буду посещать все места, где находятся остатки древней архитектуры, и назначу ему, что ему надлежит делать». После этого ученый планировал составить подробное донесение министру «с точнейшим обозначением издержек, потребных на восстановление и сохранение существующих еще остатков» древней архитектуры. «Если же архитектор останется в Крыму для смотрения за работами..., то я возвращусь оттуда через 3 месяца, считая со дня моего отъезда отсюда. По окончании починок древних зданий в Крыму нужно верить дальнейший надзор над сохранением оных какому-нибудь одному присутственному месту, для отвращения споров, могущих последовать с другими судебными местами».⁵⁴

По убеждению Кёлера, со времени присоединения Крыма к России никто не занимался целенаправленным сбором эпиграфических, нумизматических и археологических памятников в специальных музейных хранилищах, хотя именно благодаря изучению древностей наука получает сведения, которые «подают нам в сей весьма темной части древней истории оной страны объяснение». Ученый выразил пожелание, чтобы эпиграфические памятники тщательно хранились, а в Академию наук присылались «верные» с них копии. «Жаль, — писал Кёлер, — что многие из прежде найденных надписей попорчены, разбиты или пережжены в известь, другие заброшены в фундаменты новых зданий». Кёлер предлагал поручить специальному надсмотрщику — «смотрителю древностей», одному из живущих в Крыму чиновников, приобретение монет и других находок в Крыму и на Тамани для Имп. Эрмитажа, установив ему жалованье от 500 до 600 р. с оплатой путевых издержек и расходов на покупку вещей в пределах 1000 р. в год, с обязательным представлением ежегодного отчета в Министерство народного просвещения. «Только сим способом можно достигнуть цели. Если сей чиновник, кроме умеренного его жалованья и посылаемой по временам денежной ссуды впредь, будет еще поощряем за весьма хорошие посылки, то конечно ревность его тогда усугубится».⁵⁵ По мнению Кёлера, к этой должности более всего подходил живший в Крыму французский эмигрант Поль Дюбрюкс (гл. 3.2), «хотя он не ученый, но имеет сведения и честный человек, ревностно за-

⁵⁴ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1820, д. 1, л. 12—14 об., 24—32; О сохранении и возобновлении в Крыму... С. 378.

⁵⁵ О сохранении и возобновлении в Крыму... С. 372.

нимашники вырыванием около Керчи вещей».⁵⁶ Найденные эпиграфические памятники Дюбрюкс мог бы доставлять в Феодосийский музей древностей (гл. 4.3) или церковь Покрова Пресвятой Богородицы в ст. Тамань (гл. 15), «где уже находятся многие примечательные сего рода надписи», а их точные копии, так же как монеты, редкие золотые вещи, «превосходные медные и глиняные сосуды и фигуры», высылать в Петербург министру народного просвещения. Кёлер подчеркивал важность проведения раскопок, продолжение которых зависит от указа императора: «К несчастью, новые открытия становятся со временем реже, а через несколько лет и совсем ничего не будут находить, а потому весьма желательно бы было, чтобы все ныне находимое... сберегаемо было тщательно. [...] А так как в Керчи до сего времени вырываются были из земли не очень важные вещи, то желательно было бы, чтобы таковое отыскивание ревностно продолжаемо было на Тамани, откуда получено гораздо более хорошего».⁵⁷

Обсудив записку, Академия наук решила снарядить на побережье Черного моря специальную археологическую экспедицию во главе с Кёлером. По рекомендации директора Департамента путей сообщения генерала А. А. Бетанкура (1758—1824) и генерала Сенновера, а также известного коллекционера античных памятников архитектора О. Монферрана⁵⁸ сопровождать Е. Е. Кёлера должен был архитектор Э. Паскаль.

Эжен (Евгений Францевич) Паскаль (Pascal, 1791—1861), французский архитектор; академик архитектуры Имп. Академии художеств (1835). Он учился в Парижской Академии художеств у Персиера и Фонтеня. По приезде в Россию работал в Крыму, затем поступил на службу в Комиссию по сооружению храма Христа Спасителя в Москве, где прослужил около года; автор решетчат Александровского сада в Москве (1820). Состоял при Комитете строений и гидравлических работ в Санкт-Петербурге (1823—1826), каменных дел мастер (1827—1828), с 1828 г. — рисовальщик в Комиссии по построению Исаакиевского собора. С 1833 г. — «назначенный в академики» Имп. Академии художеств. Автор нескольких домов в Петербурге. В 1840-х гг. архитектор департамента проектов и смет в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий. В 1843 г. уволен от службы в чине титулярного советника, в 1847 г. ему было предписано исполнить «проект греко-русской церкви» на звание профессора архитектуры. В 1849 г. вернулся на родину.⁵⁹

Ко времени организации экспедиции Паскаль работал в Москве, но уже отличился «и в Тавриде своим искусством». В случае его отказа Кёлера должен был сопровождать архитектор Модуль.

Экспедиции выделили 8 тыс. р. из экономических сумм Имп. Академии наук.⁶⁰ Совместными усилиями академиков Ф. И. Круга, Х. Ф. Грефе, Х. Д. Френа и Е. Е. Кёлера была разработана инструкция, «с означением, на какие предметы, кроме главной цели, должны были обращать еще наблюдения и исследования» путешественники. В ней подчеркивается необходимость снять с развалин «верные чертежи», а с греческих, латинских и татарских надписей — точные копии. Академики рекомендовали Кёлеру ходатайствовать перед местным начальством, чтобы «выкапывание и своз камней впредь было запрещено». Особо подчеркивалось требование информировать Академию наук о всех проводившихся в Новороссии раскопках, «могущих прояснить историю оной классической земли», а также приобретение древностей для академического музея.

Инструкция была одобрена С. С. Уваровым, но с добавлением следующих статей: «1) Если г. Кёлер, по соображении разных исторических известий, заключит предположительно, что в каких-либо местах должны быть сокрыты памятники древности, то он может, буде пожелает, производить какие нужно копания, и найденные таким образом любопытные вещи... обязан

⁵⁶ Там же. С. 376.

⁵⁷ Там же. С. 376, 377.

⁵⁸ Собрание античной пластики О. Монферрана после собрания Эрмитажа в то время не имело себе равных в России и состояло примерно из 110 произведений круглой и рельефной скульптуры. Коллекция древностей включала около 300—400 экз. небольших антиков из мрамора, слоновой кости, бронзы, а также терракоты, керамику, резные камни. Подробнее см.: Кёне Б. В. Собрание древностей г. Монферрана // Пропилеи. М., 1853. Кн. 3. Отд. 1. С. 383—420.

⁵⁹ См.: РГИА, ф. 733, оп. 87, д. 167, л. 19; ф. 1311, оп. 1, д. 303; ф. 472, оп. (4/838), д. 117/297; ф. 1286, оп. 11-1849, д. 476; Новицкий А. Паскаль Евгений // РБС. СПб., 1902. Т.: Павел—Петр. С. 331—332; Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX—начала XX века: Справочник / Под общей ред. Б. М. Кирикова. СПб., 1996. С. 239.

⁶⁰ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 221, л. 295—297 об.

⁶¹ Опубл.: О сохранении и возобновлении в Крыму... С. 378—382.

представлять в Академию; о не столь любопытных доводить только до ее сведения; 2) Поставить правилом, чтобы разыскивание следов древности в самой земле и копанье производить на казенных местах, а на частных владельческих землях испрашивать согласие у самих владельцев». ⁶¹ Экспедицию снабдили подробной картой Крыма съемки С. А. Мухина (рис. 19) ⁶² и геодезическими инструментами — ватерпасом, землемерным столиком с приборами и межевой цепью. ⁶³

29 мая 1821 г. Кёлер выехал из Петербурга, а вернулся 5 месяцев спустя, 31 октября. 4 июня в Москве он встретился с Паскалем, и путешественники через Харьков отправились в южные губернии страны. Надежды В. В. Капниста, что академик заедет к нему в Обуховку для обсуждения вопроса о крымских древностях, не оправдались. ⁶⁴ Академическая экспедиция охватила огромную территорию от Одессы до Таманского полуострова, включая Крым. ⁶⁵ Сам Кёлер провел раскопки в Ольвии на месте, где был найден декрет в честь Протогена (см. гл. 10.3), а Паскаль, оставшийся в Крыму после отъезда академика, в декабре 1821 г. произвел археологические исследования близ мыса Фиолент с целью поиска руин храма Девы (см. гл. 12.4). Сохранился отчет Кёлера о двух «надгробных памятниках» (курганах со склепами), открытых в Керчи капитан-лейтенантом Н. Ю. Патиной (гл. 14). Из Керчи академик написал генерал-губернатору Новороссии А. Ф. Ланжерону с настоятельной просьбой сделать распоряжение о запрещении разрушения древних гробниц, так как он наблюдал, как огромные тесаные камни разбирались местными жителями «на постройку их хижин». ⁶⁶ До нас дошли письма к акад. Ф. И. Кругу, где Кёлер сообщает цены на античные и русские монеты XVIII в. в Крыму. ⁶⁷

По итогам поездки 23 ноября 1821 г. Кёлер представил на рассмотрение Конференции АН рапорт, где разделил памятники архитектуры Причерноморья на два класса — более сохранившиеся памятники византийской, генуэзской, татарской и турецкой архитектуры, которые «могут быть восстановлены на долгое время», и развалины «циклопических» построек, храмов и других зданий времен античной Греции, требующие принятия мер к их охране, так как они используются невежественным местным населением «безденежно» в качестве каменоломен. Относительно первых Кёлер, зачастую путавший византийские, генуэзские и татарские постройки, писал, что их следует «привести... единожды в хорошее состояние и в оном содержать» (мечеть в Козлове, мавзолей в Эски-Юрте, укрепления Балаклавы, Мангупа, Судака, бани и мечети в Феодосии, крепость и мечети в Эски-Сарае). Кёлеру принадлежит приоритет в открытии и описании ряда средневековых памятников Крыма, в том числе Суйренской крепости и Чоргунского исара. При этом о полном непонимании им самобытности и важности сохранения архитектурных памятников крымского ханства свидетельствует то, что Кёлер предлагал снести «ветхий», по его мнению, дворец в Бахчисарае и взамен построить каменный меньших размеров в «восточном вкусе». Заботам местной администрации он предлагал поручить охрану «ветхих» укреплений в Гурзуфе, остатков Херсонеса—Корсуна, руин на Гераклейском полуострове, пещерных церквей и крепости в Инкермане, Черкес-Кермене, развалин на мысе Айя, ряда средневековых памятников на южном берегу Крыма, на Керченском полуострове — Золотого кургана, «Кресел Митридата», двух склепов, открытых Патиной, древнего водопровода в Еникале, укреплений на горе Опук и др.

⁶² «Военная топографическая карта полуострова Крыма, составленная по новейшим астрономическим наблюдениям, исправленная и пополненная из лучших военных съемок свиты Его Имп. Величества по квартирмейстерской части генерал-майором Мухиным, 1816 г. по приказанию генерал-адъютанта кн. Волконского 2-го, во время управления его оною частью. Гравирована и печатана при Главном штабе ЕИВ, 1817 г. Вырезывали слова Фалалеев и Михайлов, гравировал Фролов. Масштаб в английском дюйме 4 версты» (М.: 1:168 000). См.: РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 19071 (ВУА. № 19071), ч. 1: Карта; ч. 2: Соответствие татарских названий по карте и по ведомости.

⁶³ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1820, д. 1, л. 67—72 об., 83—83 об.

⁶⁴ ИР ЦНБ, III, 23392—23480, л. 128—128 об., 143: письма В. В. Капниста к С. В. Капнисту от 30 декабря 1820 г. и 26 декабря 1821 г.

⁶⁵ Дневник Е. Е. Кёлера, веденный им во время экспедиции 1821 г., в переводе с немецкого И. М. Дунаевской в полном виде готовится мной к печати по рукописи, сохранившейся в ОР РНБ (Нем. Q IV 181, л. 244—272 об.). Здесь и далее текст цитируется по переводу И. М. Дунаевской.

⁶⁶ Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Одесса, 1838. Ч. 2. С. 294.

⁶⁷ ПФА РАН, ф. 88, оп. 2, д. 33, 13 л.: письма за 1821, 1824 гг. и без даты; включают оценку стоимости уникальной монеты боспорского царя Спартока из собрания Н. П. Румянцева.

Памятники второго класса, на взгляд Кёлера, «будучи охраняемыми от разрушения, могут существовать целые веки». Необходимо запретить порчу памятников древней архитектуры, независимо от того, какому народу они принадлежат — грекам, генуэзцам, туркам, татарам и т. д. Все древние памятники Крыма должны быть описаны и изданы в 12—15 тетрадях с живописными видами: археологические богатства Англии и Франции «весьма маловажны в сравнении с драгоценными памятниками в Крыму, и памятники их не столь многочисленны и не принадлежат ко временам столь отдаленным, как те, кои находятся в Таврическом полуострове». Академик предлагал обратиться к генералу А. А. Бетанкуру с просьбой направить в Крым «искусного» офицера-землемера для «снятия геометрических планов земли и составления карт», а за счет Академии наук — живописца для снятия видов, предлагая в качестве кандидата жившего в Риме голландца Деринга.

В отчете об экспедиции Е. Е. Кёлер доказывал, какой огромный ущерб науке наносят грабительские раскопки, проводящиеся без разрешения властей. В Керчи были разрушены великолепные склепы, открытые в 1819—1820 гг., а «весьма драгоценные и редкие вещи... розданы первому приходящему», причем ни одна из них не попала в Кабинет императора. Академик предлагал запретить раскопки до тех пор, пока не будут найдены «способы производить оные с истинною пользою для науки». На взгляд Кёлера, следует поручить археологические исследования курганов в Крыму двум «отличным» офицерам для производства работ близ Севастополя, затем перенести их в окрестности Керчи и на Таманский полуостров, чтобы все без исключения найденные древности отсылались в Министерство народного просвещения, в ведении которого находилась Имп. Академия наук.⁶⁸ Это предложение не было случайным, так как именно военные, а не ученые стали первыми раскопщиками археологических памятников Северного Причерноморья — генерал С. Г. Гангбелов (1811 г., Керчь), полковник Я. Л. Парокья (1817—1818 гг., ст. Тамань, гл. 15), начальник гробной транспортной флотилии Н. Ю. Пагиньоти (1820—1821 гг., Керчь, гл. 14).⁶⁹ В последующие годы раскопки проводили капитан-лейтенант Н. Д. Критский (1823 г., о-в Фидониси, гл. 10.1; 1824 г., Тендровская коса, см. гл. 10.4), мичман К. М. Навроцкий (1824 г., Тендровская коса, см. гл. 10.4), казачий сотник А. К. Кушнарев (1824 г., ст. Недвиговка, Елизаветовская, гл. 17), плантер К. Крузе (1827, 1833 гг., Севастополь, гл. 12.2), подполковник Гринфельд (1837 г., Анапа, гл. 16.1). Большинство открытий совершалось случайно, находки очень редко попадали в музеи, а чаще расходились по рукам коллекционеров, при этом, как правило, навсегда исчезая из поля зрения науки.

Э. Паскаль представил в Академию рапорт о реставрации древних памятников архитектуры в Крыму, включающий их перечень и примерную краткую смету в 32 тыс. р. ассигнациями. Рапорт был заслушан на заседании Конференции 7 ноября 1821 г. по представлению акад. Ф. И. Круга.⁷⁰ Архитектор оставался в Севастополе вплоть до сентября 1822 г., хотя получил официальное уведомление о завершении своей миссии еще в феврале. Паскаль ссылаясь на то, что «поспешные поездки» с Кёлером препятствовали ему представить подробные сметы реставрационных работ, и предполагал вторично и тщательно осмотреть памятники, что требовало дополнительного времени и новых ассигнований. При этом Паскаль, постоянно жаловавшийся на нехватку средств, совершил специальную поездку на Таманский полуостров, израсходовав на одни прогоны 150 р. Академия наук была недовольна постоянными жалобами, медлительностью и «неполным исполнением» Паскалем своих обязанностей, так как присланные им сметы по реставрации объектов «не отличались подробностью», а чертежи «самых важных токмо памятников древней архитектуры» в Петербурге так и не были получены. «Препоручения, собственно от Академии на него возложенные, то есть измерение и черчение достопримечательнейших памятников древней архитектуры, Паскаль почти вовсе не исполнил; ибо в течение полугода по отъезде г. Кёлера он прислал в Академию только два рисунка малозначущих. Паскаль вовсе не употребил геодезических инструментов, им требованных... Он их оставил в Одессе, где они и ныне еще находятся».⁷¹

⁶⁸ Там же, ф. 2, оп. 1-1820, д. 1, л. 130—133, 150—153; О сохранении и возобновлении в Крыму... С. 384—388.

⁶⁹ *Формозов А. А.* К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. // *СА. 1975. № 1. С. 172—173.*

⁷⁰ *ПФА РАН, ф. 1, оп. 2-1821, § 361, л. 1—1 об. См. также: ф. 88, оп. 1, д. 56, л. 4—13 об.*

⁷¹ Там же, ф. 2, оп. 1-1820, д. 1, л. 151—151 об., 164—165.

Действительно, судя по рапортам в Академию наук, Паскаль отправил в Петербург лишь два графических листа — рисунок «некоторых барельефов и копии греческих надписей, снятых греком Тома» под наблюдением севастопольского коллекционера Псомаса, а также планы, разрезы и профиль «древнего памятника, находящегося на мысе Фиолент», раскопанного им по приказанию Кёлера.⁷² Конференция пришла к заключению, что «рисунки сих памятников суть токмо побочный предмет... и что Академия поручила составление их г-ну Паскалю токмо на случай продления пребывания его в Крыму, и когда правительство поручит ему надзор за постройками, но она не предвидит окончания сих рисунков., и что Академия отказывается от продолжения сих рисунков и почитает поручение, данное помянутому архитектору, в отношении Академии оконченным».⁷³ Академия отказалась взять на себя непомерные расходы по вторичной поездке Паскаля (35 тыс. р.) и предложила А. Н. Голицыну поручить составление смет местным архитекторам, «кои назначены для предприятия под надзором их починок древних памятников, ибо им лучше, нежели Паскалю, известны местные обстоятельства, цены материалов и работы».⁷⁴ Из путевого дневника Кёлера 1821 г. следует, что Паскаль на протяжении всей поездки с академиком выполнял чертежи и рисунки археологических памятников Новороссии. Возможно, после конфликта с Академией наук он просто не захотел представить их «заказчику» и впоследствии вполне мог увезти их с собой на родину.

В отчете об экспедиции была названа сумма в 41 тыс. р. ассигнациями, необходимая на реставрацию памятников Крыма. Эта смета и предложение «О средствах к сохранению древних достопамятностей Тавриды» были утверждены Александром I 4 июля 1822 г.⁷⁵ Все расходы по реставрации памятников правительство взяло на себя, причем было решено «по окончании починок вверить дальнейший надзор за сохранением... зданий» местным властям. Министр народного просвещения А. Н. Голицын обсудил вопрос об охране древностей Тавриды с таврическим гражданским губернатором Н. И. Перовским, посчитавшим, что следует обратить основное внимание на охрану древностей греков и геноузцев, а не татарских и турецких «как ближайших к нашему времени народов». Первоначальное предложение Кёлера оставить в Крыму архитектора Паскаля с ежегодным жалованьем 3000 р. также было отвергнуто, так как гражданский губернатор уже имел в своем распоряжении двух архитекторов.⁷⁶ В 1822 г. из строительного капитала в распоряжение таврического гражданского губернатора на первый год выслали 10 тыс. р., о чем Конференция была поставлена в известность 14 августа.⁷⁷ Эта сумма предназначалась только на реставрацию древностей, находящихся на казенных и общественных землях. Губернатор должен был «пригласить к пожертвованию» жителей Крыма для реставрации некоторых зданий, находящихся на частных землях.⁷⁸ Таким образом, впервые в истории России государственные средства были специально отпущены на нужды охраны памятников.⁷⁹ Но местная администрация из-за болезни, а затем и отставки А. Ф. Ланжерона никаких конкретных мер не принимала, и выделенные средства вплоть до вступления в должность новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова в 1823 г. оставались не использованными (гл. 3, 4.4—4.5).⁸⁰

В первой трети XIX в. специализация научных дисциплин привела к изменениям в структуре академических коллекций. Устав Академии наук 1836 г. подтвердил разделение Кунсткамеры на ряд самостоятельных академических музеев. Еще в ноябре 1818 г. по инициативе

⁷² Там же, л. 84—126, 130—134; *Тункина И. В.* Экспедиции Е. Е. Кёлера в Крым 1804 и 1821 гг. С. 309. Рисунки и чертежи Паскаля, к сожалению, мне обнаружить не удалось.

⁷³ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1820, л. 1, л. 131.

⁷⁴ Там же, л. 164—165.

⁷⁵ Высочайшее повеление: 3. От 4 июля 1822 г. о средствах к сохранению древних достопамятностей Тавриды // ЖДНП. 1822. № 11. С. 249—261; ПСЗ. 1 сер. Т. 38. № 29105; Охрана памятников истории и культуры в России: XVIII—начало XX в.: Сб. документов. М., 1978. С. 34—36. № 17.

⁷⁶ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 290, л. 56—62.

⁷⁷ ПФА РАН, ф. 1, оп. 1а-1822, д. 33, л. 74 об.

⁷⁸ РА ИИМК, ф. 6, оп. 1, д. 39, л. 1—2 об.

⁷⁹ *Стивен А. Х.* Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до розыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 13. С. 37—42; *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 132.

⁸⁰ О расходовании средств при М. С. Воронцове см.: РА ИИМК, ф. 6, д. 39: Дело Канцелярии МВД по отношению Департамента народного просвещения о древностях Тавриды и полуострова Тамана. 24 января—28 мая 1836 г., 18 л.

акад. Х. Д. Френа⁸¹ на базе восточных коллекций Кунсткамеры был создан Азиатский музей, ставший центром востоковедческих исследований в России.⁸² В его состав были включены коллекции восточных монет, археологических памятников и т. п. (в том числе 114 памятников из Царевских курганов Саратовской губернии, раскопки 1843—1844 гг.⁸³), древности, присланные акад. М. И. Броссе⁸⁴ во время путешествия по Кавказу (1848), монеты, рукописи и древности из коллекций, собранных еще в XVIII в. Р. Арескиным, И. Х. Буксбаумом, Д. Г. Мессершмидтом, Я. В. Брюсом, Г. Ф. Миллером, И. Г. Гмелиным, П. С. Палласом, И. А. Гюльденштедтом и др. 20 июля 1832 г. Николай I подтвердил «указания относительно доставления в Академию наук всех вообще достопамятных произведений природы и искусств, обретаемых в губерниях внутри империи», т. е. возобновил указы Петра I (1718) и Екатерины II (1762), предписывавшие все памятники, найденные при раскопках, и случайные находки древностей присылать в Академию наук.⁸⁵ Этот указ, разосланный в Сенат, Синод, губернским и областным военным и гражданским начальникам, способствовал не только концентрации эпиграфических и нумизматических раритетов в академических собраниях Петербурга, но и их скорейшему вводу в научный оборот в трудах специалистов, как правило, одновременно являвшихся хранителями императорских и других петербургских собраний.

Однако публикация собственно археологических памятников наталкивалась на организационные и финансовые препятствия. Так, предложение Е. Е. Кёлера опубликовать в Лондоне или Париже описание крымских древностей «с живописными видами» по итогам экспедиции 1821 г. осталось неосуществленным.⁸⁶ Еще в апреле 1822 г. граф С. С. Уваров посчитал, что предлагаемое Е. Е. Кёлером издание «живописного описания Тавриды» скорее дело Академии художеств, чем Академии наук, а из-за скудных средств, находящихся в распоряжении научного сообщества, без других источников финансирования этот проект осуществить невозможно. А. Н. Голицын согласился с Уваровым и высказал пожелание привлечь для его реализации исключительно русских художников и гравёров.⁸⁷ Комитет министров рассматривал этот вопрос 2 мая, 4 июля 1822 г., 2 октября 1823 г., 29 января 1824 г., решив отложить издание «впредь до удобнейшего времени». Император еще в июле 1822 г. приказал представить ему смету издания. А. Н. Голицын обратился к президенту Академии художеств А. Н. Оленину для выбора по его усмотрению художника для направления в Крым. В марте 1823 г. Кёлер вновь настоятельно просил министра народного просвещения «выписать» из-за рубежа художников для рисования и гравирования, так как «памятники сии год от году приходят в большее разрушение и причиняемые временем опустошения побуждают поспешить снятием видов сих драгоценных остатков древности», а издание поручить лондонским книгопродавцам Родуэлю и Мартину, известным изданием видов Парижа, Италии, Швейцарии и Германии. Составление необходимых карт академик предлагал поручить русским инженерным офицерам. По его мнению, литографический способ издания в данном случае был бы неуместен из-за получения при таком способе небольшого количества хороших оттисков. А. Н. Оленин полагал, что необходимо выполнить не менее ста рисунков древних памятников Новороссии. Эту работу предлагалось поручить нескольким мастерам, отправленным в Крым на один год, а именно академикам К. Кюгельхену, М. Н. Воробьеву и молодому архитектору А. Тону. На эти цели, по его подсчетам, для содержания трех человек требовалось 18 тыс. р. в год. Оленин предложил отказаться от литографирования и отдать предпочтение мастерству английских гравёров на меди, издать книгу у книгопродавцев, названных Кёлером, и передать им право собственности на рисунки. С этим категорически не согласился А. Н. Голицын, посчитавший, что само

⁸¹ См. о нем: Федоров-Давыдов Г. А. Из истории русской археологии и нумизматики (Х. М. Френ, 1782—1851) // СА. 1982. № 3. С. 289—290.

⁸² Дорн Б. А. Азиатский музей // Очерк истории музеев Имп. Академии наук. СПб., 1865. С. 76—86.

⁸³ См.: Дорн Б. А., Френ Х. Д. Описание предметов, найденных при раскопках царских курганов Саратовской губ., принадлежащих жителям бывшей столицы Кыпчакского ханства (включая 9115 монет различных татарских ханов). На нем. яз. (ИФА РАН, ф. 1, оп. 1-1845, д. 40, ИФО, § 92, 2 л.; оп. 2-1846, ИФО, § 82, 9 л.).

⁸⁴ См. о нем: Иодко О. В. 1) Академику Мари-Фелисите Броссе 190 лет; 2) Список трудов академика М.-Ф. Броссе // Петербургское востоковедение. СПб., 1994. Вып. 5. С. 451—468, 469—484.

⁸⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: Царствование Николая I, 1825—1855. СПб., 1864. Т. 2. Отд. 1 (1825—1839). № 165. С. 389.

⁸⁶ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 290, л. 55—62 об.

⁸⁷ Там же, л. 55—58, 62.

издание также необходимо напечатать за счет казны, а вырученные от продажи средства «предоставить в пользу российских художников», снимавших для книги виды Крыма.⁸⁸ В январе 1824 г. император повелел вторично отправить в Крым экспедицию и издать описание древностей Тавриды с рисунками,⁸⁹ но падение и отставка «идеолога космополитического мистицизма» кн. А. Н. Голицына в 1824 г., а затем смерть Александра I в 1825 г. поставили точку на этом проекте.

Кёлер, по итогам экспедиции 1821 г. награжденный императором чином действительного статского советника (30 июня 1822 г.), начал обработку собранных материалов и намеревался издать две части своего знаменитого, но малодоступного сборника статей на французском и немецком языках «Serapis», посвященного древностям Северного Причерноморья, который полностью в печати не появился.⁹⁰ Каждая из статей сборника, первоначально печатавшаяся отдельным оттиском, имела римскую цифру с номером, показывающим, что он является его разделом. Большинство мелких статей Кёлера, входящих в «Serapis», издавалось мизерными тиражами, затем автор раздаривал их коллегам, к которым он благоволил, вельможным меценатам и коллекционерам. В свободную продажу эти издания не поступали. Исключение составляют труды Кёлера, изданные Академией наук,⁹¹ частично вошедшие в «Serapis» в немецких переводах.

19 января 1825 г. Кёлер представил в Конференцию АН оставшееся неизданным сочинение «Beiträge zu den Merkwürdigkeiten des Pontus Euxinus»,⁹² а полгода спустя, 31 августа 1825 г. обширный труд «Mémoire sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin».⁹³ Последняя работа, состоящая из 5 глав с приложением двух карт, посвящена анализу нарративной традиции о культе Ахилла и вопросам исторической топографии Причерноморья (о-в Фидониси (Левка), о-в Березань (Борисфен), Тендровская коса (ристалище, или бег Ахилла), Ольвия и «сарматское побережье», город Ахиллий с храмом Ахилла в Боспорском проливе у берегов Меотиды и др.). В этих трудах Кёлер ввел в научный оборот значительный объем неизвестных ранее эпиграфических и нумизматических источников, собранных им во время экспедиции 1821 г.

Типичный немецкий гелертер антикварного толка, Кёлер, как и большинство профессиональных ученых-антиквариев своего времени, понимал задачи археологии в русле эстетики И. Винкельмана. Петербургский академик издавал главным образом новый эпиграфический и нумизматический материал, а также памятники скульптуры и глиптики, и здесь его заслуги бесспорны. Он «положил основание изучению древностей, находимых на юге России и поднял его на высокую степень строгой, научной отчетливости», — писал о Кёлере профессор Московского университета П. М. Леонтьев.⁹⁴ Однако, как красноречиво свидетельствуют опубликованные труды Кёлера и неизданный дневник его поездки по Новороссии 1821 г., в строительных остатках античного времени академик разбирался крайне слабо и зачастую не мог в отличие от естествоиспытателей К. И. Габлица и П. С. Палласа, описавших те же места за тридцать лет до Кёлера и специально древностями не занимавшихся, правильно оценить и интерпретировать конкретную археологическую ситуацию недвижимых объектов, видимых на поверхности земли. Отдавая предпочтение надписям, монетам, резным камням и другим художественным произведениям античности, Кёлер явно пренебрегал познавательными возможностями собственно археологических источников и недооценивал их. Так, об осмотренных им руинах Пантикапея Кёлер отозвался крайне скептически: «За исключением двух-трех разрушенных архитектурных памятников, ничего не осталось от этого города».⁹⁵ Этот приговор

⁸⁸ Там же, д. 334, л. 51—54.

⁸⁹ РА ИИМК, ф. 6, оп. 1, л. 39, л. 2 об.—3.

⁹⁰ Köhler H. K. E. Serapis oder Abhandlungen betreffend das griechische und römische Alterthum. SPb., 1822—1824. Th. 1—2 (=Köhler's gesammelte Schriften. SPb., 1850. Bd 1. S. 1—234 (Serapis. Th. 1); Bd 2. S. 1—246 (Serapis. Th. 2). Часть второго тома «Сераписа» была по недоразумению уничтожена еще в типографии. Л. Э. Стефани сумел восстановить его содержание по оттискам статей Кёлера, подаренным автором друзьям и коллегам.

⁹¹ Tableau général méthodique... P. 334. № 5263—5270.

⁹² Библиографические листы. 1825. 28 марта. № 10. С. 148.

⁹³ Köhler H. K. E. Mémoire sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin // Mémoires de l'Académie. 1826. T. 10. P. 531—820.

⁹⁴ Леонтьев П. М. Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря // Пропилеи. 1851. Кн. 1. С. 72.

⁹⁵ Köhler H. K. E. Mémoire sur les îles... P. 771.

был вынесен стиличным археологом в четвертой четвѣрти XIX в., когда большинство городищ Европейского Боспора еще не было разобрано на камень, и планы укреплений и отдельных зданий хорошо читались на поверхности земли.

Напротив, живший в Одессе антикварий И. А. Стемповский (гл. 3.1) в те же годы призывал немедленно обратить внимание археологов на «главнейший пункт на европейском берегу пролива» — столицу Боспорского царства Пантикапей (Керчь), причем не только на окрестные курганы, но и на сам город, особенно его цитадель, и снять ее подробный план, а также на остатки городищ и валов Восточного Крыма: «Следы стен и башен сего города еще видны, — писал Стемповский о Пантикапее, — но скоро, может быть, совершенно будут изглажены [...] В окрестностях Керчи существуют еще некоторые остатки зданий отдаленных веков, и коих прочность доселе противостоит разрушительной силе времени [...] Исследования в сих местах... доставили бы науке много любопытных и новых сведений. Надлежало бы составить планы всем таковым зданиям, с начертанием догадок о первобытном их состоянии и предназначении. Весь берег Керченского пролива изобилует развалинами древних жилищ: тут должно искать неизвестных доселе местоположений Нимфеи, Акры, Парфениона и других городов, писателями упоминаемых. Весьма замечательны, на Крымской стороне Восточного Боспора, следы различных древних валов, означающих разновременные границы владычества воспорян [...] Не нужно говорить, сколь бы любопытно было определить с достоверностью направление сих линий и сделать местные изыскания по всему протяжению оных».⁹⁶ К счастью для науки, эту трудоемкую работу взяли на себя археологи-дилетанты, жившие в Новороссии, в частности Поль Дюбрюкс и И. П. Бларамберг (гл. 3).

Несколько иной характер, чем экспедиция Кёлера, носила почти двухмесячная поездка в Новороссию известного писателя И. М. Муравьева-Апостола.

Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (до 1801 г. — Муравьев, 1768—1851), государственный деятель, прозаик, поэт, переводчик.⁹⁷ С 1773 г. был записан солдатом в Измайловский полк, учился в пансионе акад. Л. Эйлера (1776—1777) и дома, в 1784 г. начал службу в штате петербургского генерал-губернатора Я. А. Брюса, затем — в Коллегии иностранных дел, с 1792 г. как образованнейший офицер своего времени состоял «кавалером» (воспитателем) при великих князьях Александре и Константине Павловичах, впоследствии назначен обер-церемониймейстером. Он прекрасно знал не менее 8 древних и новых европейских языков и с успехом переводил на русский античных авторов.⁹⁸ Муравьев-Апостол — первый переводчик на русский язык комедии Р. Б. Шеридана «Школа злословия» (1792), автор комедии «Ошибки, или утро вечера мудренее» (1794) по сюжету О. Голдсмита, которые были поставлены в Эрмитажном театре. С 1796 г. по 1805 г. служил по дипломатической части: занимал должность посланника (министра-резидента) в Эйтине, Гамбурге, Копенгагене; тайный советник (1800), вице-президент Иностранной коллегии (с 1801 г.), полномочный министр в Мадриде (1802—1805). Действительный член Российской Академии (с 1811 г.), впоследствии сенатор (1824), почетный член Имп. Академии наук (1841), с 1811 г. деятельный член «Беседы любителей русского слова», в «Чтениях» которой опубликовал переводы сатир Горация (1811—1812), издал перевод комедии Аристофана «Облака» (СПб., 1821) и др.; почетный член «Арзамаса». Отец трех декабристов — Ипполита, Сергея и Матвея Ивановичей Муравьевых-Апостолов. После восстания декабристов, в мае 1826 г. «уволнен по болезни в чужие края», жил в Австрии и Италии, в Россию вернулся в 1840-х гг.

Намереваясь посетить Крым, в течение двух лет перед путешествием И. М. Муравьев-Апостол тщательно изучал не только современные ему исследования и описания, но античные и средневековые письменные источники о Северном Причерноморье, причем не по французским переводам, а в оригинале, и многие цитаты из авторов помнил наизусть (среди них он отдавал предпочтение Страбону). В поездке Муравьева-Апостола сопровождали вторая жена Прасковья Васильевна (урожд. Грушецкая, внучка В. М. Долгорукого-Крымского), которой посвящена книга путешествия в Тавриду, и двоюродные племянники Н. М. Муравьев и М. С. Лунин. За неполных два месяца, 11 сентября—25 октября 1820 г., путешественники проехали по маршруту Одесса—Перекоп—д. Саблы, с выездами в Севастополь, Балаклаву, Бахчисарай, на Южный берег Крыма от Алушты до Кикинеиза—Судак—Старый Крым—Феодосия—Керчь,

⁹⁶ Стемповский И. А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // ОЗ. 1827. Ч. 29. Кн. 81. С. 65—70.

⁹⁷ См. о нем: Р—в В. Муравьев-Апостол Иван Матвеевич // ЭСБЕ. 1897. Т. 20. С. 194; Колесникова Н. «Потомки отдадут мне справедливость...»: Иван Матвеевич Муравьев-Апостол и его «Путешествие в Тавриду» // Таврика. Симферополь, 1998. С. 76—82; Бокова В. М., Данилова Э. В. Муравьев-Апостол Иван Матвеевич // Русские писатели, 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4: М—П. С. 166—169.

⁹⁸ Леонтьев П. М. Обзор исследований... С. 77—81.

однако из-за нехватки времени не сумели посетить Таманский полуостров. Итогом поездки стала книга «Путешествие по Тавриде в 1820 году»,⁹⁹ которая написана в форме 25 писем, скорее всего, адресованных соседу по имени В. В. Капнисту. Восемь недель, на взгляд автора, оказались «весьма недостаточны для обозрения земли классической, заслуживающей, на каждом шаге, прилежное исследование, и где, не взирая на истребление памятников, столько еще осталось следов, по коим можно выводить заключения, служащие к пояснению древней истории и географии Тавриды», которой, по его собственному признанию, он занимался уже давно.¹⁰⁰ Письма дают ретроспективные и современные описания древних городов и поселений Причерноморья, ценные прежде всего тем, что все увиденное автор сразу же фиксировал на бумаге, «имев предметы пред... глазами».¹⁰¹ Большой знаток античности, И. М. Муравьев-Апостол убеждал читателей в необходимости сохранения «драгоценных остатков древности» и с болью писал о повсеместном уничтожении археологических памятников Новороссийского края, призывая начать планомерные, методические «изыскания» на городищах. По его мнению, раскопками должен руководить настоящий археолог-нумизмат, который «знал бы, где он роется и не только что открывает, но и еще в каком положении одна к другой находились вещи, найденные им в земле».¹⁰² Однако нельзя даже сравнивать несколько суховатые, строго научные характеристики памятников, оставленные представителями Императорской Академии наук (П. С. Палласом, Е. Е. Кёлером и др.), с патетическими репликами романтично настроенного писателя, члена литературной Российской Академии¹⁰³ (гл. 10. 3).

Родственник И. М. Муравьева-Апостола, Семен Васильевич Капнист (1791—1843),¹⁰⁴ старший сын драматурга В. В. Капниста, по мнению современников, унаследовавший поэтический дар отца, также занялся исследованием древностей Новороссии. С. В. Капнист, являвшийся секретарем Патриотического общества (с 1814 г.), с 1814 г. служил в Комиссии прошений, затем с 1818 г. в Государственной канцелярии, с 1824 г. состоял чиновником особых поручений при новороссийском генерал-губернаторе М. С. Воронцове. Декабрист, член Союза благоденствия (1818—1821), но это обстоятельство в 1825 г. Николаем I было повелено «оставить без внимания»; кременчугский уездный предводитель дворянства (1829—1838), директор полтавской гимназии, затем с 1838 г. директор училищ Полтавской губернии. С 1823 г. женат на Елене Ивановне Муравьевой-Апостол, дочери И. М. Муравьева-Апостола и сестре трех декабристов. Автор «Вечера в Тавриде» (Образцовые наши стихотворения. 1824. Ч. 9. С. 253—255); перевел на французский язык статьи В. В. Капниста о Гомере и гиперборейцах, надеясь на помощь А. Э. де Ришелье при их публикации в Париже.

⁹⁹ *Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году.* СПб., 1823. XI, 337 с. В текст вклеены: карта с «гипотетической» локализацией древних городов (перед с. 1), план урочища Сто могил (снят по приказу А. С. Грейга, между с. 32—33), глазомерный план Мангула (между с. 186—187), «Чертеж Ираклийского полуострова, составленный по описанию Стравона (кн. VII, гл. 4)» (между с. 55—60), «Чертеж места, на коем стоял Херонис с показанием внутренней города стены как она еще существовала в 1794 и 1820-го» (между с. 72—73) и «План карантинной Феодосии» (между с. 252—253 — последние два получены от хранителя Феодосийского музея, А. Галлеры). Рецензии на кн.: *Бестужев А. А.* (Полярная звезда на 1824 г. С. 4); *Н. Н. [Воейков А. Ф.]* (Северный архив. 1824. № 9. С. 151—160); *В. [Воейков А. Ф.]* (Новости литературы. 1824. № 20—21). Вышли переводы на немецкий (*Murawiew-Apostol J. de. Reise durch Taurien im Jahre 1820 / Aus dem Russisch übersetzt von W. von Oertel. Mit fünf Karten und Plänen.* Berlin; Landberg, 1825. 255 S.; перензд.: Wien, 1826) и итальянский (Napoli, 1833) языки. Ранее книги, завершённой в конце 1820 г., опубликован фрагмент: *Муравьев-Апостол И. М.* Олвия : Отрывок из путешествия в Тавриду в 1820 году, с приобщением перевода отрывка из Ворисфенитской речи Диона Хризостома. СПб., 1821. 48 с. (см. рецензию: *Сын Отечества.* 1821. № 25).

¹⁰⁰ *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 году. С. VII, 213.

¹⁰¹ Там же. С. XI.

¹⁰² Там же. С. 266.

¹⁰³ Многие специалисты до сих пор смешивают две академии — *Петербургскую Императорскую Академию наук* (с 1917 г. — Российская АН, с 1925 г. — АН СССР, с 1991 г. — Российская АН) и *Российскую Академию*. Российская Академия, существовавшая с 1783 г. по 1841 г., была основана по указу Екатерины II как гуманитарный научный центр страны. Первым ее президентом (1783—1796) и действительным членом (1783) была назначена княгиня Е. Р. Дашкова (1744—1810), одновременно являвшаяся директором Императорской Академии наук (1783—1796). Академия занималась филологическими (главным образом в области русского языка и литературы), славистическими и в меньшей степени историческими исследованиями, а также переводами, в том числе античных и византийских авторов. Ее членами были видные государственные и общественные деятели, литераторы и ученые, в частности Н. М. Карамзин и А. С. Пушкин. В николаевское время Академия была реорганизована и в ноябре 1841 г. вошла в состав Императорской Академии наук в качестве Второго отделения, более известного впоследствии как Отделение русского языка и словесности (ОРЯС). См.: *Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш.* Храм муз словесных: (Из истории Российской Академии. 1783—1841). Л., 1986; *Файнштейн М. Ш.* Российская Академия (1783—1841) и русская культура в конце XVIII—первой половине XIX в. СПб., 2002 (в печати).

¹⁰⁴ См. о нем: Капнист Василий Васильевич // *Словарь достопамятных людей русской земли*, составленный Бантыш-Каменским. СПб., 1847. Ч. 2: Е—П.

Летом и осенью 1821 г. С. В. Капнист находился на излечении в Крыму и воспользовался этим для удовлетворения своих археологических интересов. Отец настоятельно рекомендовал ему «стараться отметить и изыскать древности»: локализовать упомянутые древними авторами города и «урочища», «хорошенько расспросить о Криуметопоне» (Бараний лоб, отождествляемый И. М. Муравьевым-Апостолом с оконечностью горы Аю-Даг) и узнать от местного населения как можно больше сведений об этом «нужнейшем урочище», осмотреть развалины Отуза и побывать на Таманском полуострове.¹⁰⁵ «Ежели государь будет в Севастополе, — советовал он сыну, — то кажется не дурно было бы, если б ты ему представился с прочим дворянством. Явись у князя Петра Михайловича (Волконского, с 1826 г. министра Имп. двора. — И. Т.) и что-нибудь Расскажи ему — для занятия — о успехах твоих в отношении древности Таврических. Может быть, привлечешь этим внимание».¹⁰⁶ Однако следов интереса к археологии младшего Капниста в опубликованных источниках до нас не дошло, за исключением его письма к А. Н. Голицыну от 27 января 1822 г. из Севастополя. В нем Семен Васильевич описывает находки из кургана Патиньоти, пытается акцентировать внимание на том, что древности могут быть переплавлены, «рассеяны или вывезены за границу, тогда когда оные суть неоспоримая принадлежность России». Капнист, как и его отец, обращает внимание правительства на необходимость охраны памятников Новороссии. Он предлагает назначить первоначально сроком на год специального чиновника в Керчи, желательно русского по происхождению, и ассигновать ему из казны на первый раз для приобретения памятников у частных лиц 5 тыс. р.; обязать уполномоченного докладывать правительству о «вещах драгоценных», выполнять «подробное описание... вещей и ежели можно рисунки оных»; выплачивать вознаграждение частным лицам за памятники и предоставление древностей, найденных на казенных землях, уполномоченному; установить за обязательное правило предварительно извещать чиновника о месте и времени ломки камня, чтобы он мог наблюдать за работой; «в случае нужды» разрешить брать под свою команду из военных или городской полиции необходимое число часовых «для содержания стражи во время ломки камня, дабы вещи не были сокрыты или тайно вынесены работниками»; найденные в таких случаях вещи считать казенными и представлять министру народного просвещения; за пересылку их по почте в столицу плату не взимать.¹⁰⁷ К сожалению, его предложение не получило должного отклика в Петербурге.

Популяризатором археологических богатств Причерноморья был известный дипломат, писатель, историк, художник, журналист, основатель и издатель «Отечественных записок» (в 1818—1819 гг. альманах, в 1820—1830 гг. ежемесячный журнал) Павел Петрович Свиньин (1787—1839).¹⁰⁸

Сын костромского помещика, он учился в Благородном пансионе при Московском университете, продолжил образование в Академии художеств, службу начал в архиве Коллегии иностранных дел, с 1806 г. по дипломатическому ведомству переводчиком при русской эскадре адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземном море; посетил Англию, затем Испанию и Португалию, из Лиссабона был отправлен в Петербург, прикомандирован к дипломатической миссии в США как переводчик и секретарь русского генерального консула в Филадельфии (1811—1813), путешествовал по США и Западной Европе, в 1816 г. вернулся в Россию. Академик живописи (1811), почетный вольный общник (1827) Академии художеств, член Российской Академии (1833).

Выйдя в отставку, с 1816 г. Свиньин посвятил себя историческим изысканиям и журналистике. За собственный счет он практически ежегодно совершал поездки для «познания» истории и «обозрения» современного состояния России, посетил Нижнее Подонье и Приазовье, Кавказ, Крым, Бессарабию и Новороссийский край. В годы издания одного из первых русских историко-археологических журналов «Отечественные записки», тираж которых доходил до 1400 экз., а стоимость годовой подписки (12 книг, или 4 части) не превышала 25—

¹⁰⁵ ИР ЦНБ, III, 23392—23480, л. 140—143, 152: письма В. В. Капниста к С. В. Капнисту от 18 ноября, 4 и 26 декабря 1821 г., 10 апреля 1822 г.

¹⁰⁶ Там же, III, 23469, л. 150: письмо В. В. Капниста к С. В. Капнисту от 12 марта 1822 г., из Ромн.

¹⁰⁷ О сохранении и возобновлении в Крыму... С. 399—401. Примеч.

¹⁰⁸ См. о нем: РБС. 1904. Т.: Сабанев-Смыслов. С. 218—221; *Формозов А. А.* Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М., 1979. С. 80—87 (2-е изд. М., 2000. С. 99—106); *Афиани В. Ю.* 1) Судьба рукописей «Русского музея» П. П. Свиньина // Памятники культуры: Новые открытия. 1982. Л., 1984. С. 117—122; 2) «Русский путешественник». Павел Петрович Свиньин, 1787—1839 // *Краеведы Москвы*. М., 1991. Вып. 1. С. 45—60; *Рузаева Н.* Крымские картины Павла Свиньина // *Таврика*. Симферополь, 1998. С. 82—83.

р. ассигнованиями,¹⁰⁹ Свиный стал собирать «Русский музей», включавший документы, рукописи, книги, живопись, графику, археологические памятники, главным образом монеты, изделия из камня, кости и бронзы. В «Извлечении из археологического путешествия по России в 1825 году», в других статьях на страницах «Отечественных записок»,¹¹⁰ которые издавались с целью «говорить русским об одном русском, отечественном», собран ценнейший материал о состоянии археологических объектов Новороссийского края, Бессарабии, областей Войска Донского и Черноморских казаков, сведения о первых археологических раскопках, создании музеев и частных коллекций древностей. Авторами журнала являлись многие историки, археографы и археологи России того времени: В. Г. Анастасевич, М. Ф. Берлинский, А. И. Михайловский-Данилевский, митрополит Евгений (Болховитинов), Е. Г. Зельницкая (автор исследования о древних урочищах Калужской губернии), М. Ленивцев, Н. А. Полевой, С. В. Руссов, Н. М. Сипягин, И. А. Стемпковский, П. М. Строев и др.¹¹¹

Остался нереализованным проект П. П. Свинына о создании публичного Русского отечественного музея, направленный министру финансов А. М. Княжевичу в 1833 г., а затем министру народного просвещения С. С. Уварову.¹¹² Снижение популярности журнала «Отечественные записки», его закрытие и наступившие материальные затруднения вынудили хозяина, покинувшего столицу и переселившегося в свое имение под Галичем, в 1834 г. продать свой «Русский музей» с аукциона. Живя в деревне, Свиный систематизировал и обрабатывал материалы своих «живописных путешествий» по России, которые должны были иллюстрироваться собственноручными рисунками. Посмертно была издана лишь первая часть «Картин России»¹¹³ с «одними общими, любопытнейшими чертами предметов»; вторая часть, «Отчет путешественника по России», включавшая статистические сведения, воспоминания о встречах с современниками и пр., в свет не вышла, и неизвестно, была ли она подготовлена автором. К сожалению, сопровождавшие ее рисунки и чертежи рассеялись по разным собраниям.¹¹⁴ Потомки должны отдать справедливость Свиныну, пропагандировавшему в общественном сознании соотечественников понятия о ценности памятников истории и культуры и бережном к ним отношении.

Еще при Александре I 20 июля 1824 г. управляющий Министерством внутренних дел В. С. Ланской разослал циркуляр «с изложением высочайшей воли о собирании всех планов и фасадов казенных зданий», включая памятники древности. 22 декабря 1826 г. новый император Николай I подписал указ «о собирании по всем губерниям сведений об остатках древних замков и крепостей или других зданий древности» и «строжайшем запрещении разрушать их с ответственностью в том начальников городов и местных полиций», с предписанием «снять с таковых зданий планы и фасады в настоящем их положении», циркулярно разосланный МВД 31 декабря 1826 г.¹¹⁵ В декабре 1827—январе 1828 г. этот указ был подтвержден другим распоряжением Николая I гражданским губернатором, регламентировавшим необходимость согласования с МВД вопросов реставрации архитектурно-исторических памятников и мер по их «поддержанию».¹¹⁶ С марта 1836 г. «издержки на исправление и поддержание древних зданий» отнесли на счет бюджета городов, где находились сами памятники, а при недостатке средств — на Государственное казначейство, при условии предварительного представления планов и смет.¹¹⁷ 3 июня 1837 г. Министерство внутренних дел еще раз предписало граждан-

¹⁰⁹ Свиный П. П. О продолжении «Отечественных записок» на 1817 год // ОЗ. 1826. Ч. 27. Кн. 77. С. 452.

¹¹⁰ Обзор публикаций см.: Формозов А. А. Первый русский историко-археологический журнал // ВИ. 1967. № 4. С. 208—212.

¹¹¹ Список авторов, участвовавших в десятилетнем издании «Отечественных записок» // ОЗ. 1830. Ч. 41. С. 173—178, 339—346.

¹¹² ОР РНБ, ф. 679, оп. 1, д. 59, л. 1.

¹¹³ Картины России и быт различных ее народов: Из путешествий П. П. Свинына. СПб., 1839. Ч. 1 (с портретом автора и 40 гравюрами).

¹¹⁴ Афины В. Ю. «Русский путешественник». С. 57.

¹¹⁵ РА ИИМК, ф. 6, оп. 1, д. 52, ч. 1—3: О доставлении сведений об остатках древних зданий в городах, и о воспрещении разрушать оные (1826—1827 гг.). Сами планы и описания хранились в Собственной ЕИВ канцелярии; РГИА, ф. 1278, оп. 6, д. 94, л. 18; ПСЗ. 2 сер. Т. 1. № 794; Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т. 1. С. 586—587; Охрана памятников истории и культуры в России. С. 39—41. № 19. Об отношении к древностям императора см.: Врангель Н. Н. Искусство и государь Николай Павлович // Старые годы. 1913. Июль—Сент. С. 53—164.

¹¹⁶ ПСЗ. 2 сер. Т. 2. № 1613; Охрана памятников истории и культуры в России. С. 41—42. № 20.

¹¹⁷ ПСЗ. 2 сер. Т. 11. Отд. 1. № 9045; Охрана памятников истории и культуры в России. С. 46—47.

ским губернатором необходимость принимать меры по охране «всех остатков старых замков, крепостей и других памятников древности» и о всех вновь найденных древностях ставить в известность МВД.¹¹⁸ Но резонанс от этих постановлений оказался крайне незначительным из-за равнодушия местных чиновников к вопросам охраны памятников. В архиве ИИМК РАН сохранились документы за 1837—1848 гг. «О памятниках древности», охватывающие всю страну, в том числе с достаточно «тощими» делами — ч. VI «Малороссия и земля Войска Донского» (Волинская, Подольская, Киевская, Черниговская, Полтавская, Харьковская губернии и земля Войска Донского, на 68 л.), ч. VIII «Новороссийский край и Бессарабия» (Екатеринославская, Херсонская, Таврическая губ. и Бесарабская область, на 38 л.), ч. X «Кавказ и Закавказский край» (на 37 л.).¹¹⁹ На указ 1826 г. большинство губернаторов откликнулись отписками, сообщив, что памятников древности у них нет (sic!), либо указав только наиболее сохранившиеся.

Гораздо более добросовестно к этому указу отнеслось военное ведомство. К работам по снятию планов и описаниям древностей были привлечены военные инженеры.¹²⁰ В частности, ими составлены описания руин в Юго-Западном (гл. 12.2) и Восточном Крыму. Так, «Описание древним зданиям, находящимся в крепостях Еникольской и бывшей Керченской, и вообще на крымском берегу Таврического или Восторского пролива», составленное инженер-капитаном Штиром «при Еникольской инженерной команде» 17 марта 1827 г., описывает крепость в Еникале, вне крепости древний глиняный водопровод, тянувшийся на 9 верст 84 сажени (9,78 км), и остатки «водопроводной стены» (акведука) в 4 верстах к СВ от нее, «резервуар» и древний саркофаг, служивший «корытом для поила скота» в той же крепости, татарский «каменный столбик для наказаний» на набережной, каменные ядра и каменные пороховые погреба. Здесь приведены краткие описания турецких крепости и примыкавшего к ней «замка» в Керчи, греческой церкви Иоанна Предтечи, следов «бывшей плотины» в море у берега в 5 верстах (5,33 км) от Керчи в сторону Еникале, протянувшейся «некогда поперек всего залива Керченского и ограждавшей гавань сего города», «места, где предполагают находилась ц. Св. Георгия» в д. Катерлес в 3 верстах (3,2 км) на север от Керчи (судя по описанию, речь идет о фрагменте античного барельефа, аналогичного вделанным в стены церкви Иоанна Предтечи), «Митридатова седилица», окрестных курганов («одним керченским любителем г. Дюбруксом открыты на сем месте даже род катакомб»), Золотого кургана в 4 верстах (4,26 км) от Керчи по Арабатской дороге, «Мирмикиона» («Змеиного города»), Керченского музея. О случайных находках древностей в Керчи Штир писал: «Замечательнейшие открытия сделаны недавно керчь-еникальским жителем Кулисичем при выемке земли при подошве Митридатовой горы под обширный каменный погреб. Достойно удивления, на какой глубине находили каменную кладку». Последний, 18 пункт описания посвящен земляному «Ассандрову валу» и рву в 29 верстах (30,9 км) к западу от Керчи, протянувшегося от горы Опук до Азовского моря: «Непонятно, отчего г-н Муравьев-Апостол на карте Таврии, приложенной при его путешествии, назначил его верст на 60 [64 км] далее от Керчи».¹²¹ По итогам донесений военных инженеров был составлен сводный доклад по всем крепостям империи и представлен императору. Таким образом, благодаря указу 1826 г. и последующим постановлениям властей до нас дошли описания и планы ряда археологических памятников Новороссийского края, ныне исчезнувших с лица земли.¹²² На основе сведений, поступивших в МВД, Андреем Гавриловичем Глаголевым (1793/1799?—1844) было составлено их описание.¹²³

¹¹⁸ ПСЗ. 2 сер. Т. 12. Отд. 1. № 10303; Охрана памятников истории и культуры в России. С. 49—50.

¹¹⁹ РА ИИМК, ф. 6, д. 51, ч. 1—10.

¹²⁰ РГВИА, ф. 349, оп. 2, д. 71: Описание древних зданий и замков, находящихся в крепостях и неукрепленных местах инженерного ведомства. 11 января 1827—20 декабря 1831 г. 201 л. (рисунки в деле отсутствуют).

¹²¹ Там же, л. 132—141.

¹²² См.: РА ИИМК, ф. 6, д. 52: Дело Канцелярии МВД по отношению главноуправляющего путями сообщения и публичных зданий с препровождением дела об остатках древних зданий в городах и о воспреещении разрушать оные. 1837—1840 гг. 126 л. (с копиями документов, начиная с 1826 г.).

¹²³ Глаголев А. Г. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников. Ч. 1: О русских крепостях. СПб., 1838; Ч. 2: Описание церквей и монастырей. СПб., 1840 (Материалы для статистики Российской империи, издаваемые при статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел). См.: РА ИИМК, ф. 6, д. 56: По письму коллежского советника Глаголева о доставлении дел об остатках русских древностей (1840 г., 12 л.). О А. М. Глаголеве см.: Русские писатели, 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1: А—Г. С. 570—571 (статья О. А. Проскурина).

Одним из крупнейших исследователей античных древностей по праву считался *Алексей Николаевич Оленин* (1764—1843). Директор Императорской Публичной библиотеки (с 1811 г.), президент Академии художеств (с 1817 г.), член Государственного совета (с 1827 г.), А. Н. Оленин многие десятилетия находился в центре культурной жизни Петербурга. Он объединял вокруг себя группу любителей и знатоков древнерусской истории, археологии и письменности — так называемый Оленинский кружок (А. И. Ермолаев, А. Х. Востоков, К. М. Бороздин, П. К. Фролов). Алексей Николаевич покровительствовал начинающим ученым, писателям и художникам, всячески поддерживал молодые таланты.¹²⁴ В истории археологии А. Н. Оленин стоит в одном ряду с П. И. Кёплем и А. С. Уваровым, одновременно изучавшими как античные, так и древнерусские памятники.¹²⁵ Большой знаток истории средневековой Руси, он всю жизнь оставался страстным поклонником античной культуры, изучал «бытовую» археологию классического мира — исследовал костюм, предметы вооружения, изделия декоративно-прикладного искусства и ремесла по произведениям вазописи, скульптуры, глиптики. Общеизвестно, что по греческим бытовым древностям он консультировал Н. И. Гнедича при переводе «Илиады» Гомера, при этом сам нередко обращаясь за советами к таким знатокам античности, как академики Х. Ф. Грефе и Е. Е. Кёлер, к министру народного просвещения и президенту Академии наук С. С. Уварову.¹²⁶ Поэтому не случаен его интерес к античным и древнерусским древностям Северного Причерноморья — к Тмутараканскому камню, к находкам в таманских и керченских курганах. Следует отметить, что А. Н. Оленин являлся членом Комитета об устройении Новороссийской губернии, бумаги о деятельности которого сохранились в его архиве.¹²⁷

Стараниями А. Н. Оленина при Императорской Публичной библиотеке была собрана значительная коллекция древностей, ответственность за которую нес хранитель Депо рукописей А. И. Ермолаев (1779—1828), а после его смерти — А. Х. Востоков (1781—1864). Нумизматический отдел Депо рукописей состоял из 9026 монет (в том числе 979 древнегреческих и римских), причем 400 было пожертвовано самим Олениным.¹²⁸ Здесь же выставились переданные на временное хранение в библиотеку 42 вазы, в том числе так называемые этрусские (т. е. расписные) из коллекции генерал-майора Н. Ф. Хитрово и гр. А. Г. Лаваль.¹²⁹ Археологическое собрание включало 84 «чуждских» предмета, новгородские серебряные гривны, «ламайские идола» и т. п. В библиотеку поступили находки из раскопок Я. Л. Парокья в курганах вокруг ст. Тамань близ Фанагорийской крепости (1817—1818 гг.; см. гл. 15),¹³⁰ и поднесенные Александру I поручиком Адабашем вещи, обнаруженные им в курганах на берегу реки Синюхи — 11 древних монет, железный «панцирь», 5 медных стрел и окаменелость, «имеющая вид хлеба». К зарисовке древностей А. Н. Оленин привлек выпускника Академии художеств Ф. Г. Солнцева (1801—1892), требовал от него сознательного отношения к делу, заставлял наводить справки в литературе, чтобы рисовальщик знал время создания и названия фиксируемых им памятников.¹³¹ По приказанию Николая I в 1827, 1831, 1851—1852 гг. все худо-

¹²⁴ Подробнее см.: *Стояновский Н. И.* Очерк жизни Алексея Николаевича Оленина // *Археологические труды А. Н. Оленина*. СПб., 1881. Т. 1. С. XV—XXIX; *Тимофеев Л. В.* В кругу друзей и муз: Дом А. Н. Оленина. Л., 1983; *Соколова С. Ф.* Общественная и научная деятельность Алексея Николаевича Оленина // *Государство, политика и идеология в античном мире: Межвуз. сб.* СПб., 1990. С. 171—197; *Тункина И. В.* А. Н. Оленин и древности Южной России // *Санкт-Петербург и отечественная археология: Историографические очерки*. СПб., 1995. С. 18—27 (Тр. семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки». Вып. 1); *Есеева М. К.* Оленин Алексей Николаевич // *Русские писатели, 1800—1917. Биографический словарь*. М., 1999. Т. 4: М.—П. С. 419—423.

¹²⁵ *Фармозов А. А.* Общее и особенное в сложении археологии как науки в России // *СА*. 1985. № 1. С. 6.

¹²⁶ *Оленин А. Н.* 1) О части доспеха древних греков и римлян // *Драматический вестник*. 1808. № 5. С. 63—67; 2) *Археологические труды*. Т. 1. С. 1—219.

¹²⁷ ОР РНБ, ф. 542, д. 446: Протоколы заседаний комитета, 1801—1802; д. 447: «Предметы к рассуждению при устройении Новороссийской губ.», [1801]. См. также «Краткое описание Таврической губ.» (1804) неустановленного автора (д. 801).

¹²⁸ *Голубева О. Д.* Алексей Николаевич Оленин // *Хранители мудрости*. М., 1988. С. 27.

¹²⁹ ОР РНБ, ф. 542, д. 233: письмо гр. А. Г. Лаваль Оленину с просьбой выдать на время принадлежащие ей «этрусские» вазы, выставленные в библиотеке, 6 августа [1817 г.]; д. 331: письмо Н. Ф. Хитрово Оленину с приложением описи «этрусских» ваз, сданных на хранение в библиотеку, 6 мая 1812 г.; *Соколова С. Ф.* Общественная и научная деятельность Алексея Николаевича Оленина. С. 179.

¹³⁰ *Тункина И. В.* К истории археологического изучения Таманского полуострова в конце XVIII—первой четверти XIX в. // *Боспорский сборник*. М., 1993. Т. 2. С. 13—18.

¹³¹ *Белозерская Н. А.* Федор Григорьевич Солнцев, профессор археологической живописи: Шестидесятилетний юбилей, 1825—1885 // *РС*. 1887. Т. 54. № 6. С. 720.

жестяные, археологические и этнографические коллекции, собранные в Публичной библиотеке, как непрофильные были переданы в Эрмитаж, Царскосельский Арсенал, Гатчинский дворец. Оружейную палату и другие хранилища.¹³²

Крупным исследователем античных памятников Северного Причерноморья являлся русский немец *Петр Иванович Кёппен* (1793—1864), член-корреспондент (с 1826 г.), а затем ординарный академик Имп. Академии наук (с 1843 г.).¹³³ Он занимает особое место в истории русской науки и просвещения. Юрист по образованию, но по своим научным интересам скорее историк, археолог, археограф, этнограф, филолог, географ, статистик, библиограф, Кёппен оставил заметный след в истории отечественной археологии того начального периода, когда еще только закладывались основы этой области научного знания, когда определялись цели, задачи и методы полевой и кабинетной работы. Становление П. И. Кёппена как археолога относится к начальному этапу его научной биографии и связано с изучением им античных памятников Северного Причерноморья, главным образом образом древнегреческой колонии Ольвии, а также Крыма и Таманского полуострова.

Уроженец Харькова, Кёппен получил хорошее домашнее образование и продолжил его в Харьковской гимназии (1805—1808), но из-за стесненного материального положения семьи вынужден был поступить на службу и стал подканцеляристом в чертежной при Слободско-Украинском губернском правлении, где занимался под руководством землемеров межеванием и снятием планов (1806—1809). Приобретенные здесь технические навыки и сведения впоследствии пригодились ему при топографических и картографических работах. Одновременно с 1808 г. П. И. Кёппен посещал подготовительные классы для студентов Харьковского университета, куда он в следующем году был принят студентом, а в 1810 г., после получения первого офицерского чина, оставил службу и полностью посвятил себя учебе. Примерно с этого же времени, по его собственному признанию, он начал собирать сведения об археологических памятниках России, главным образом о курганах. В 1812 г. юноша закончил университет со степенью кандидата, и уже через полтора года в 1814 г. получил степень магистра правоведения.

Летом 1814 г. Петр Иванович переехал в Петербург и с тех пор попеременно служил в министерствах внутренних дел и народного просвещения. Благодаря близости с бывшим профессором политической экономии Харьковского университета П. Г. Якобом и известным ученым Ф. П. Аделунгом, на единственной дочери которого Александре Федоровне он женился в 1830 г., П. И. Кёппен поразительно быстро установил тесный контакт с цветом научно-литературной жизни Петербурга¹³⁴ и в 1816 г. вошел в число действительных членов Вольного общества любителей российской словесности,¹³⁵ а в 1817 г. был избран членом-секретарем Имп. Целовещколюбивого общества. Следует заметить, что будущий тесть Кёппена Ф. П. Аделунг¹³⁶ и

¹³² АГЭ, ф. 1, оп. 1-1827, д. 9, л. 1; ф. 1, оп. II-1831, д. 9; ф. 1, оп. I-1831, д. 14/1, л. 1—2 об.; РА ИИМК, ф. 1, оп. 1-1885, д. 59, л. 247—252.

¹³³ Подробнее о Кёппене см.: ПФА РАН, ф. 30; р. V, оп. К-15, д. 1—23 (биографические материалы и документы по деятельности в АН); Юбилей Петра Ивановича Кёппена, 29 декабря 1859 г. СПб., 1860 (автобиография, список трудов); *Куник А. А.* Литературные труды П. И. Кёппена // Сб. ОРЯС. 1868. Т. 2. Прилож. 6; *Кёппен Ф. П.* 1) Биография П. И. Кёппена // Сб. ОРЯС. 1911. Т. 89. Прилож. 5; 2) К столетию юбилею рождения П. И. Кёппена // РС. 1893. № 4. С. 88—106; *Маркевич А. И.* 1) Памяти П. И. Кёппена // ИТУАК. 1893. Т. 18. С. 119—125; 2) К биографии академика П. И. Кёппена // ИТУАК. 1914. № 51. С. 223—240; РБС. 1897. Т.: Ибак—Ключарев. С. 616—619; *Цейтлин Р. М.* Кёппен Петр Иванович // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 182—183.

¹³⁴ *Тункина И. В.* Автографы археологов в альбоме П. И. Кёппена // СА. 1987. № 4. С. 220—227.

¹³⁵ Вольное общество любителей российской словесности (1816—1825) объединяло научно-литературную элиту северной столицы. С 1819—1820 гг. ведущую роль в обществе играли декабристы: Ф. Н. Глинка (председатель), А. А. Бестужев, Н. А. Бестужев, В. К. Кюхельбекер, К. Ф. Рылев, Н. И. Тургенев, а также Н. И. Гнедич, Н. И. Греч, А. С. Шишков, Е. А. Баратынский, Ф. В. Булгарин, А. А. Дельвиг, М. А. Корф, А. С. Грибоедов. С обществом был тесно связан А. С. Пушкин, формально не состоявший его членом. Целью общества провозглашалась помощь «бедным художникам и ученым людям трудами своими»; членские взносы не предусматривались. В 1816 г. Кёппен выступал на заседаниях общества с чтениями под общим заглавием «О познании Отечества» (ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 5).

¹³⁶ См. рукописи Аделунга «Über russische Alterthümer» (ПФА РАН, ф. 89, оп. 1, д. 116). заметки о золотой гривне, найденной близ Чернигова в 1821 г. (там же, д. 34), курсы мифологии и военных греческих древностей, читанных великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам (ОР РНБ, Франц. Q IV, № 183—185). См. о нем: *Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland.* Mitau, 1827. Bd. I. S. 4—10; *Кёппен Ф. П.* Аделунг Федор Павлович // РБС. 1896. Т.: Аарон — Император Александр II. С. 71—73.

Б. Г. Вихман¹³⁷ в 1817 и 1820 гг. предлагали организовать в столице специализированное историко-археологическое и книжное собрание о России — Российский общественный музей, где помимо прочих экспонатов должна была выставляться античная скульптура, надписи, утварь, каменные бабы и пр., но этот проект остался нереализованным.¹³⁸

Федор Павлович Аделунг (Adelung Friedrich von, 1768—1843), историк, археолог, библиограф, лингвист, член-корреспондент по разряду истории и древностей (1 ноября 1809 г.), почетный член (29 декабря 1838 г.) Имп. Академии наук. Уроженец Штеттина, учился правоведению и философии в Лейпцигском университете (1787—1790) под присмотром дяди, известного лингвиста И. Х. Аделунга; много путешествовал по Западной, Центральной Европе и Прибалтике (1790—1795). Служил в Митаве (1795—1797), затем в Петербурге цензором немецких книг (с 1800 г.) и директором немецкого театра (с 1801 г.), с 1803 г. наставник великих князей Николая и Михаила Павловичей, с 1818 г. чиновник особых поручений, затем начальник учебного отделения (директор Института) восточных языков при Азиатском департаменте МИД (1824—1843), действительный статский советник. Принимал деятельное участие в создании Румянцевского музея. Автор трудов по русской истории и археологии (о Корсунических вратах Софийского собора в Новгороде, 1823), библиографии и лингвистике, в том числе публикаций и обзоров сведений иностранных путешественников о древней Руси и России. Ф. П. Аделунг был отцом дипломата Карла Аделунга, в январе 1829 г. убитого в Тегеране вместе с А. С. Грибоедовым.

Бурхард Генрих Вихман (Wichmann Burchard Heinrich von, 1786—1822), историк, библиограф, коллекционер рукописей и книг. Из лифляндских дворян, учился медицине в Йене и Гейдельберге, затем увлекся историей и за границей стал собирать книги и рукописи по истории России. Вернулся на родину в 1807 г. и полгода в 1809 г. слушал лекции в Дерптском университете. Преподаватель истории и статистики в Лажеском корпусе, воспитатель детей принца Александра Вюртембергского, секретарь и библиотечарь гр. Н. П. Румянцева (1814—1815), с 1816 г. директор народных училищ Курляндии. В конце жизни служил в Департаменте духовных дел ММП. Издал неизвестные ранее материалы о России из западноевропейских архивов. Первую коллекцию Rossica Вихман продал кн. Д. И. Лобанову-Ростовскому, вторую — библиотеке Главного штаба.

С 1810 г., еще со студенческих лет, в летнее каникулярное время П. И. Кёппен начал объезды различных мест южной России, причем страсть к путешествиям сохранилась в нем до конца жизни. В 1817 г. он впервые заехал на городище Ольвии под Николаевым и именно тогда задумал снять его инструментальный план (гл. 10.3). Круг лиц, занимавшихся исследованием отечественных древностей, был в то время весьма ограничен. Опубликовав в 1818 г. перевод «Источники римской истории из Иоанна фон Мюллера» и компилятивное сочинение по материалам книги «*Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands von A. C. Lehrberg*» (СПб., 1816),¹³⁹ он обратил на себя внимание известного мецената, собирателя книг и рукописей, коллекционера древностей *Николая Петровича Румянцева* (1754—1826).¹⁴⁰

Н. П. Румянцев, старший сын фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, получил хорошее домашнее образование. Служил при дворе Екатерины II (1772—1773, 1776—1781), сблизился с цесаревичем Павлом Петровичем. Путешествовал по Европе (1774—1776), слушал лекции в Лейденском университете, встречался с Вольтером. В 1781—1795 гг. находился на дипломатической службе; один из директоров Вспомогательного для дворянства банка (1797), член ряда финансовых комиссий. В 1798—1801 гг. был в опале и жил за границей. С возвращением Александра I — сенатор и член Государственного совета (1801), директор Департамента водных коммуникаций (1801—1809), одновременно министр коммерции (1801—1811), с 1807 г. управляющий Министерством иностранных дел, с 1808 г. — министр; канцлер (1809); председатель Государственного совета (1810—1812). В 1811 г. учредил при Архиве МИД Комиссию печатания государственных грамот и договоров. Сторонник сближения с Францией, после вторжения Наполеона в Россию от потрясения потерял слух, с 1812 г. из-за разногласий с царем фактически отошел от дел. В 1814 г. вышел в отставку, сохранив за собой пожизненно звание канцлера. С 1819 г. почетный член Имп. Российской Академии. Основоположник Румянцевского музея с одной из лучших библиотек в России. В 1828 г. Е. Е. Кёлер, Ф. И. Круг и Х. Д. Френ занимались классификацией памятников Румянцевского музея, поступившего в ведение государства, а в особняке Н. П. Румянцева (Английская наб., 44) в 1831 г. был открыт Румянцевский музей, доступный для публики раз в неделю (в 1861 г. переведен в Москву и стал именоваться Московским публичным и Румянцевским музеем, в 1925 г. его библиотека составила основу фондов РГБ; археологическая часть впоследствии передана в ГИМ).

¹³⁷ См. о нем: Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Mitau, 1832. Bd 4. S. 503—505.

¹³⁸ *Аделунг Ф. П.* Предложение об учреждении русского национального музея // Сын Отечества. 1817. Ч. 37. № 14. С. 54—72 (первоначально на нем. яз.: *Adelung Fr. Vorschlag zu einem Russischen National-Museum* // Der Russische Invalide. 1817. № 100, 101); *Wichmann B. H.* Russland Nationalmuseum. Riga, 1820. Рус. перевод см.: *Вихман Б. Г.* Российский Отечественный Музей // Сын Отечества. 1821. Ч. 71, № 33. С. 289—310.

¹³⁹ *Кёппен П. И.* 1) Источники Римской истории из Иоанна фон Мюллера // Соревнователь просвещения и благотворения. 1818. Ч. 2. С. 27—33; 2) Историческое исследование о Югорской земле, в Российско-Императорском титуле упоминаемой // Там же. 1818. Ч. 4. С. 97—125.

¹⁴⁰ О деятельности Румянцевского кружка, в том числе исследованиях П. И. Кёппена, подробнее см.: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1985.

Н. П. Румянцев выразил желание познакомиться с Кёппеном и привлечь молодого человека к делам своего известного кружка, занимавшегося главным образом русскими памятниками. Румянцевский кружок объединял крупнейших историков, археографов, археологов и нумизматов. Организатор кружка поддерживал тесные связи практически со всеми профессиональными учеными и дилетантами в России и за рубежом, интересовавшимися древностями в широком смысле слова, материально поощрял их исследования в области древнейшей истории, археографии, археологии, нумизматики, эпиграфики России. По инициативе и на средства Румянцева ими были приобретены, собраны и изданы многие исторические, нумизматические и археологические источники в России и за границей.

Лишь на закате своей жизни канцлер увлекся античной историей и археологией Причерноморья, главным образом монетами (гл. 8.4), и начал субсидировать раскопки Поля Дюбрюкса в Керчи (гл. 3.2). В составе собрания Румянцевского музея сохранились рукописи И. Г. М. Штрэндмана,¹⁴¹ совершенно забытого исследователя курганных древностей России, о памятниках этого типа в Европейской России и Сибири (1816),¹⁴² его же материалы по истории торговли древней Таны в устье Дона, с историческим очерком греческих и римских колоний (1820).¹⁴³

Иван Густав Магнус Оттонович фон Штрэндман (*Strandmann Johann Gustav Magnus von*, 1784—1842), археолог, путешественник, сын генерал-лейтенанта. Родился в Эстляндии в имении леда графа Стенбока, получил хорошее домашнее образование под руководством бабушки (урожд. баронессы Штакельберг), учился в Дерптском университете (1803—1805), с 1805 г. актуариус, с 1806 г. переводчик в Коллегии иностранных дел, одновременно секретарь при гр. Х. А. Ливене. В 1807 г. Штрэндман совершил первую археологическую поездку в окрестности Старой Ладоги для исследования, описания и зарисовки развалин Рюрикова городища. С 1811 г. коллежский асессор, с 1816 г. надворный советник, с 1817 г. коллежский советник. В 1812 г. при главной квартире императора в Полоцке был представлен Н. П. Румянцеву и с тех пор стал его деятельным сотрудником. Секретарь русского посольства в Пруссии (Берлин, 1810—1812), Швеции (Стокгольм, 1812—1813) и Великобритании (Лондон, 1813—1816). В 1816 г. руководил образовательной поездкой студентов Петербургского педагогического института в Англию, Шотландию, Францию, Швейцарию, с 1818 г. часто ездил в Италию. По поручению Румянцева с 1812 г. обследовал архивы Западной Европы для сбора и копирования материалов по древней истории России. О своем знакомстве со Штрэндманом в Риге П. И. Кёппен записал в дневнике 12 июня 1827 г.: «Г-н Зонтаг... зашел за мною... Позвольте, сказал он, познакомиться Вас с г-м Штрэндманом, который ныне из Рима возвращается в Санкт-Петербург, по крайней мере на время, ибо онный думает ехать в Италию. Знакомство с г-м Штрэндманом было для меня весьма приятно. Уже в книге *Über Alterthum und Kunst in Russland* я упомянул о его сочинении о могилах в России, доставленном в рукописи из Лондона к государственному канцлеру гр. Н. П. Румянцеву. Разные другие бумаги г-на Штрэндмана, снимки и т. п. ныне еще находятся у меня, для издания» (ИФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 145, л. 5; выписки Кёппена из его труда см.: д. 437, № 11). Рукописи Штрэндмана по археологии были возвращены Кёппеном Румянцеву и остались неизданными. В 1827 г. Штрэндман вновь приехал в Россию и вышел в отставку, но через несколько лет уехал в Италию для продолжения архивных изысканий. В 1833 г. папа римский Григорий XVI пожаловал ему титул пфальц-графа. Впоследствии Штрэндман вернулся на родину и умер в Риге.

В собрании Румянцева хранится сочинение члена Российской Академии И. И. Леванды о происхождении царских скифов, к которым на взгляд автора восходило происхождение современных русских (около 1811 г.)¹⁴⁴ и ряд других сочинений по древнейшей истории Восточной Европы. В последние годы жизни государственный канцлер стал собирать и карто-

¹⁴¹ См. о нем: *Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon...* Bd 4. S. 311—313; РБС. 1911. Т.: Шебанов—Шютц. С. 439—440 (статья за подписью А. Г.).

¹⁴² ОР РГБ, ф. 256, № 608 (ин. 44): *Strandman J. G. M. von. Allgemeine Bemerkungen über die alten Grabhügel oder Kurgane in Russland und Sibirien*. Londres, 1816. 78 л. (готическая скоропись; на л. 1 об. запись о поднесении рукописи гр. Н. П. Румянцеву на франц. яз.; на л. 2 об. — акварельный рисунок с изображением Старой Ладоги; на л. 4 — запись о посвящении сочинения акад. А. Х. Лербергу на нем. яз., к л. 77 подклеена карта европейской части России и Западной Сибири, исполненная пером, с датой 1812 г., размер 30,5 × 37,5 см).

¹⁴³ Там же, № 654 (ин. 89): *Strandman J. G. M. von. Matériaux pour servir à l'histoire du commerce de l'ancienne TANA, etc.* Florence, 1820. 58 л. На л. 1 об. рисунок Пизанского порта, на л. 3 посвящение Н. П. Румянцеву. Исследование включает вводные замечания и выписки из рукописи 1335 г. Франческо Бальдуччи Пегалотти о торговле Таны и исторический очерк греческих и римских колоний на востоке.

Возможно, Штрэндману принадлежит анонимная рукопись из собрания Румянцева «*Druidical and other Monuments of Antiquity*» (1816) с описанием кельтских памятников Шотландии, иллюстрированная 9 монохромными акварельными рисунками с изображением каменных надгробий и одним рисунком тушью, представляющим архитектурные детали (арки). См.: там же, № 733 (ин. 167), 16 л.

¹⁴⁴ Там же, № 812 (ин. 241): *Majestueuse et brillante origine des Princes, de la Noblesse et de la Nation des Scythes-Royaumes ou Parlates d'Herodote, connus maintenant sous le nom des Russes ou Russie Antique après XXXIII siècles d'eclipse reparoissant sur le Théâtre du Monde moderne parée de tout son éclat primitif sous le Règne... Alexandre Ier*. 22 л.

графические материалы о юге России. Так, в мае 1820 г. он приобрел коллекцию копий средневековых карт Крыма, Черного моря и России из разных архивов Флоренции.¹⁴⁵

Именно Румянцев познакомил Кёппена с министром внутренних дел О. П. Козодавлевым, в подчинении которого находилось почтовое ведомство. Благодаря этому Кёппен получил место чиновника особых поручений при министре и в 1819 г. был назначен вторым редактором (по другим данным — переводчиком) министерской газеты «Северная почта».

В 1819 г. О. П. Козодавлев поручил П. И. Кёппену провести ревизию почтовых станций по Белорусскому тракту до Крыма и Кавказа, и обратно. Кёппен воспользовался поездкой для сбора сведений об археологических памятниках побережья Черного моря для Н. П. Румянцева. По итогам своего путешествия 7 января 1820 г. он составил для графа «Краткую записку о поездке к Кавказу и в Крым»¹⁴⁶ (документ № 7). Проезжая через Псков в мае 1819 г., Петр Иванович познакомился с известным историком и археографом, знатоком отечественных древностей, членом Румянцевского кружка Псковским архиепископом *Евгением* (в миру *Ефимий Алексеевич Болховитинов*, 1767—1837), с 1822 г. митрополитом Киевским и Галицким, с которым затем поддерживал переписку по историко-археологическим вопросам.¹⁴⁷ Путь Кёппена лежал через имение графа И. А. Кушелева-Безбородко Стольное в Черниговской губернии, где он занялся копированием вывезенных сюда по приказу владельца Ильинского ольвийских надписей и других эпиграфических памятников Причерноморья.

Проехав через Харьков, Ростов и Таманский полуостров, Кёппен впервые оказался в Крыму, который поразил его своими красотами и разнообразием памятников многих исторических эпох. В 1819 г. в Керчи у П. Дюбрюкса П. И. Кёппен ознакомился с методикой раскопок античных памятников. У урочища Сто могил под Николаевым он вновь осмотрел следы древней Ольвии и снял план ее укреплений (гл. 10. 3).

В декабре 1819 г. Кёппен вернулся в Петербург и вплотную занялся систематизацией собранных во время поездки на юг научных материалов. Их результаты нашли отражение в неопубликованной обширной статье «Ольвия. Древний город на реке Буге» (документ № 8, гл. 10.3) и напечатанном плане городища Ольвии с окрестностями.¹⁴⁸ Однако на служебном статусе молодого исследователя отрицательно сказалась потеря покровительства скончавшегося в июне того же года министра внутренних дел О. П. Козодавлева. Выйдя в отставку в январе 1822 г., Петр Иванович по настоянию графа Н. П. Румянцева совершил путешествие за счет канцлера по северо-западным и западным губерниям России, а затем и за границу с научными целями на средства своего спутника А. С. Березина (октябрь 1821—апрель 1824 г.).¹⁴⁹ В Польше, Германии, Австрии, Венгрии, Чехии Кёппен как представитель Румянцевского кружка собирал всевозможные памятники старины, главным образом касающиеся истории славянства.¹⁵⁰ При этом он не забывал и об античных древностях, налаживая контакты с известными археологами, историками, антиковедами, хранителями музеев.¹⁵¹ В Вене в сентябре—октябре 1822 г. Кёппен познакомился с одесским антикварием, полковником И. А. Стемковским (см. гл. 3), возвращавшимся из Парижа на родину.¹⁵² Иван Алексеевич помог молодому коллеге в рецензировании монографии Д. Рауль-Рошетта о древностях Боспора Киммерийского. В бумагах

¹⁴⁵ Там же, ф. 255, л. 11, д. 12, л. 75 об.: письмо Н. П. Румянцева А. И. Ермолаеву от 5 мая 1820 г.

¹⁴⁶ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 129, л. 22—33. См. также путевые заметки П. И. Кёппена 1819 г.: там же, д. 132.

¹⁴⁷ Там же, д. 131, л. 11 об.—12. Письма Е. Болховитинова к П. И. Кёппену см.: там же, оп. 3, л. 84 (за 1820—1833 гг.).

¹⁴⁸ Кёппен П. И. План города Ольвии с окрестностями. 1821.

¹⁴⁹ Перед отъездом за границу Кёппен сообщил Н. П. Румянцеву: «Как покровителю просвещения в нашем отечестве я считаю долгом донести Вашему сиятельству, что путешествие мое по чужим краям я почитаю токмо приготовлением к путешествию по России, в коей на каждом шагу исследователь находит любопытные для себя предметы. Хотя я и не имею еще в виду тех средств, которые нужны будут для поездки по России, однако могу похвалиться благосклонным вниманием и Михаила Михайловича Сперанского, обещавшего мне по возвращении моем, в сем случае свое покровительство» (ОР РГБ, ф. 255, п. 8, д. 7, л. 1).

¹⁵⁰ Потепалов С. Г. Путешествие П. И. Кёппена по славянским землям // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.; Л., 1963. С. 5—22.

¹⁵¹ ИР ЦНБ, V, 715, л. 189—190 об.; ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 135, л. 68; д. 137, л. 31 об.—32, 52—55; д. 138, л. 131 об.—134; д. 139, л. 4 об.—6, 40 об.; д. 140, л. 23—23 об., 34, 38 об., 44 об., 49 об., 60 и др.; д. 142, л. 50 об.—51, 53, 54, 57, 60 об.

¹⁵² ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 138, л. 131 об.—134.

Кёппена сохранялись списки каталога монет из коллекций И. А. Стемповского и его хронологическая таблица царей Боспора, переписанные Петром Ивановичем в Вене.¹⁵³ С тех пор между ними завязалась содержательная переписка по историко-археологическим, нумизматическим и эпиграфическим вопросам, которая заслуживает самостоятельной публикации. «По роду занятий, — писал Кёппен Стемповскому, — по Вашему местопребыванию и, что всего более, по уважаемым мною душевным Вашим качествам, я не могу не почитать Вас близким моему сердцу. Это походит на любовное объяснение, скажете Вы; будь так... Но если обстоятельства не позволили мне сделаться Вашим другом, то позвольте быть по крайней мере добрым, чистосердечным приятелем».¹⁵⁴

Результаты поездок в Новороссию нашли отражение в двух книгах Кёппена, вышедших в Вене в 1822—1823 гг. Первая брошюра о древностях северного берега Понта¹⁵⁵ явилась развернутой рецензией на монографию французского антиковеда Д. Рауль-Рошетта¹⁵⁶ о греческих древностях Боспора Киммерийского (1822).¹⁵⁷

Дезире Рауль Рошетт (*Raoul-Rochette Désiré-Raoul*, 1789—1854), французский археолог, историк античного искусства, историк-антиковед и новист; член Парижской академии надписей и изящной словесности (1816), почетный член Петербургской Академии наук (1822). Получил образование в Бурже, в 1811 г. приехал в Париж и занял кафедру профессора истории в Имп. лицее. В 1815 г. был помощником Ф. П. Гизо на его лекциях по новой истории. С 1816 г. сотрудник «*Journal de savants*». В 1818 г. вместо Луи Миллена (*Millin*) занял должность хранителя кабинета антиков и медалей Королевской библиотеки. В 1826 г. назначен профессором археологии; с 1839 г. непреременный секретарь Академии художеств. В 1819 г. совершил путешествие в Швейцарию, в 1826 г. — в Италию и Сицилию, в 1840-х гг. — в Грецию и Германию. Оставил труды по новой истории, в том числе два сочинения о швейцарской революции 1797 и 1803 гг.

Монография Д. Рауль-Рошетта содержала многочисленные ошибки в публикации надписей и монет, поэтому была встречена критическими рецензиями Кёлера и Кёппена. Вторая брошюра Кёппена явилась полным достоинства ответом на резкую критику Е. Е. Кёлером¹⁵⁸ самого Кёппена (подробнее см. гл. 8.6, 10.3).¹⁵⁹ Эта книга Петра Ивановича получила высокую оценку И. А. Стемповского: «Несмотря на плохое знание мое немецкого языка, я быстро прочитал книжку вашу, и перечитываю теперь в другой раз, с новым удовольствием. Без лести, удивляюсь, как имели вы время, со странническим посохом в руках, войти в столь глубокие и обширные изыскания. В Вене видел я только весьма малую часть труда вашего, и тем более удивился обширности оного, и разнообразию в исследованиях. Вы объяснили почти все от-

¹⁵³ ИР ЦНБ, V, 715, л. 203—206 об.; ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 475, л. 63—63 об.

¹⁵⁴ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 52, л. 17 об.

¹⁵⁵ *Köppen P. Alterthümer am Nordgestade des Pontus*. Wien, 1823. 108 S. (впервые опубли.: *Wiener Jahrbücher der Litteratur*. 1822. Bd 20. S. 259—351. Особые оттиски с посвящением Н. П. Румянцеву изданы с дополнениями автора. Отдельно напечатан оттиск с текстом декрета в честь Протогена: *Köppen P. Oibisches Psephisma zu Ehren des Protogenes*. Wien, 1823. 14 S. — с немецким переводом доктора Эйхенфельда). Корректуру с авторской правкой и дополнениями, замечания на книгу Рауль-Рошетта и отзывы на книгу Кёппена см.: ОР РНБ, ф. 347, д. 5, 30, 35. Рецензии см.: *Nouvelles Annales des voyages, publiées par Eyriès et Malte-Brun*. 1823. T. 19. Juil. P. 132—142; Août. P. 274—282, 282—289 (письма Рауль-Рошетта и Летропа к Мальте-Брёну). «Неудовлетворительный» русский перевод Средне-Камашева с дополнениями автора, изданный на средства Московского общества истории и древностей российских, см.: *Кёппен П. И. Древности северного берега Понта*. М., 1828.

¹⁵⁶ Рауль-Рошетт — автор ряда исследований по древней истории, «облеченных вообще в изящную форму и иногда остроумных по воззрению автора, но в то же время поверхностных и часто неосновательных» (см. резкие рецензии Е. Е. Кёлера), в том числе «*Histoire critique de l'établissement des colonies grecques*» (4 vols. Paris, 1815), «*Monuments inédits d'antiquités figurées grecques, étrusques et romaines*» (Paris, 1828—1830. 2 тома с гравюрами in folio), «*Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien*» (Paris, 1822), «*Cours d'archéologie*» (Paris, 1828—1835), «*Peintures antiques inédites*» (Paris, 1836), «*Lettres archéologiques sur la peinture des Grecs*» (Paris, 1840), «*Mémoires de numismatique et d'antiquité*» (Paris, 1840), «*Mémoires d'archéologie comparée asiatique, grecque et étrusque*» (Paris, 1848), «*Choix de peintures de Pompéi*» (Paris, 1844—1851). В 1855 г. часть научных книг из собрания покойного ученого была приобретена для библиотеки Эрмитажа (АГЭ, ф. 1, оп. I-1855, д. 10, л. 1 и след.).

¹⁵⁷ *Raoul-Rochette D. Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien*. Paris, 1822. 239 p., 15 tabl. Рецензия Кёлера: *Köhler H. K. E. Remarques sur un ouvrage intitulé: Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien // Serapis*. SPb., 1823. 148 p. (критика на труд Рауль-Рошетта до с. 146, затем на труд Кёппена, с. 146—148).

¹⁵⁸ *Köhler H. K. E. 1) Remarques... // Serapis*. Th. 1. S. 232—234 (H. K. E. Köhler's gesammelte Schriften. SPb., 1850. Bd 1. S. 81—234); 2) *Beurtheilung einer Schrift: Alterthümer am Nordgestade des Pontus, von Peter von Köppen // Serapis*. SPb., 1823. Th. 2. S. 5—44.

¹⁵⁹ *Köppen P. Nachhall vom Nordgestade des Pontus*. Wien, 1823. 16 S. Этот ответ перепечатан в собрании сочинений Е. Е. Кёлера: *H. K. E. Köhler's gesammelte Schriften*. SPb., 1850. Bd 2: *Serapis*. Th. 2. S. 225—246.

расли археологи, в том, что относится до берегов Понта, и открыли ученому свету множество новых сведений и замечаний. Надобно сказать, что в этом состоит главная выгода положения нашего; ибо избранная нами часть еще мало была исследована и обработана. Тем вернее и занимательнее должен быть для ученых труд, подобный вашему; и я не мало не сомневаюсь, чтобы он не был принят со всеобщим одобрением. Скромность, с которою вы объясняетесь насчет трудных предметов, вами излагаемых, еще более придает достоинства сочинению вашему и представляет не малую противоположность с некоторыми известными вам объяснениями древностей, в коих каждая статья решается *без апелляции* (намек на труды Е. Е. Кёлера. — И. Т.). Одним словом, книжка ваша несомненно заслужит внимание всех просвещенных и беспристрастных судей».¹⁶⁰

Из-за недостатка средств Кёппен не смог посетить Париж, куда его настойчиво приглашали в своих посланиях французские ученые Ж. А. Леррон, К. Б. Газе, К. Мальте-Брэн и Д. Рауль-Рошетт, и вскоре вынужден был вернуться в Россию. На обратном пути в Германии он завел знакомства с крупнейшими учеными и литераторами своего времени — в Берлине с географом К. Риттером, основателем сравнительного языкознания Фр. Боппом, эпиграфистом А. Бёком. Последний показал путешественнику первые листы корректуры своего корпуса греческих надписей и попросил разрешения у коллеги воспользоваться его снимками эпиграфических памятников Южной России (гл. 8.2).¹⁶¹ В Веймаре Кёппен удостоился чести быть принятым в доме И. В. Гёте.

Вернувшись в Петербург, в декабре 1824 г. Кёппен вновь поступил на государственную службу и стал чиновником Департамента народного просвещения, где сблизился с новым министром адмиралом А. С. Шишковым, одновременно являвшимся президентом Российской Академии (1813—1841). По ходатайству Шишкова Петру Ивановичу было «зачтено в службу» время нахождения в отставке, т. е. частного путешествия за границу с научными целями, и пожалован подарок от императора в сумме 2 тыс. р. Вскоре Кёппен стал редактором-издателем первого русского библиографического журнала «Библиографические листы» (6 января 1825—28 мая 1826 г., вышло 43 номера). Это периодическое издание пропагандировало деятельность членов Румянцевского кружка для отечественных любителей древностей. Журнал, любимое детище П. И. Кёппена, регулярно публиковал информационные и критические материалы о новых книгах и периодических изданиях по землеописанию, статистике, истории, этнографии, словесности и другим наукам, печатавшихся в России на разных языках, иностранной литературе о России, давал информацию о новых картах, планах, книгах и рисунках, издаваемых Военно-топографическим депо карт, а также статьи о новых исторических, эпиграфических, нумизматических и археологических источниках, в том числе классических.¹⁶² В нем печатались А. Х. Востоков, Ф. И. Круг, И. А. Стемпковский, П. Г. Бутков и др. Но из-за доноса реакционера и обскуранта, попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого, обрушившегося на пропущенные цензурой «непозволительные статьи»¹⁶³ по кирилло-мефодиевскому вопросу, вскоре разразился скандал. В объяснительном письме Кёппен продемонстрировал отсутствие у Магницкого элементарных знаний древней истории собственной страны.¹⁶⁴ Несмотря на то что суд, в состав которого был включен митрополит Евгений, вынес оправдательный приговор, Кёппен не стал возобновлять издание. Стущавшаяся общественная атмосфера после подавления восстания декабристов, смерть оказывавшего ему финансовую помощь Н. П. Румянцева, а также незначительное число подписчиков на журнал не способствовали его продолжению.

После перенесенных испытаний, приведших к ухудшению состояния здоровья («недуг чахотного характера»), Кёппен мечтал о переселении на юг. Еще во время первой поездки в Крым в 1819 г. Таврида настолько пленила Петра Ивановича, что он решил связать с ней

¹⁶⁰ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 282, л. 2—3: письмо из Одессы в Вену от 18/30 апреля 1823 г., ниже приводится перечень замечаний И. А. Стемпковского и И. П. Бларамберга по тексту брошюры Кёппена.

¹⁶¹ Кёппен Ф. П. Биография П. И. Кёппена // Сб. ОРЯС. 1911. Т. 89. Прилож. 5. С. 94.

¹⁶² Берштейн С. Б. «Библиографические листы» П. И. Кёппена // Изв. АН СССР. Сер. лит.-ры и языка. 1982. Т. 41, № 1. С. 47—58.

¹⁶³ Текст см.: РО РГБ, ф. 231, оп. 3, к. 25, № 26, 14 л.

¹⁶⁴ Подробнее см.: Кёппен П. И. Письмо издателя «Библиографических листов» к Его Сиятельству князю П. А. Ширинскому-Шихматову // Чтения в МОИДР. 1864. Кн. 2. Смесь. С. 144—160; Кёппен Ф. П. Биография П. И. Кёппена. С. 104 и след.

вторую половину жизни: в 1827 г. он получил долгожданный перевод из Министерства народо- просвещения в Министерство внутренних дел, ведавшее сельским хозяйством, в начале 1829 г. переселился в Крым и занял пост помощника главного инспектора шелководства, са- доводства и виноделия южных губерний Х. Х. Стевена,¹⁶⁵ с которым был знаком и дружен еще с 1819 г.

Христиан Христианович Стевен (Steven, 1781—1863), ботаник, биолог, энтомолог, коллекционер древнос- тей; доктор медицины (1799) и философии (1840, Гельсингфорский университет); член-корреспондент по разряду ботаники (1815), почетный член (1849) Имп. Академии наук, корреспондент Петербургской медико-хирургической академии (1816). Из финских дворян, сын таможенного инспектора в Фридрихсгаме (Выборгская губ.). Учился в местном народном училище, с 1792 г. в университете г. Або (ныне Турку, Финляндия), где изучал медицину и древние языки, с 1795 г. в Петербургском лекарском училище, вошедшем в состав Медико-хирургической акаде- мии, совершенствовал образование в Йене (1797—1798), с 1799 г. служил в С.-Петербургском сухопутном госпи- тале, с 1800 г. инспектор над шелководством в Кавказской губернии, в 1803 г. переведен на ту же должность в Грузию, затем помощник (1806—1826) главного инспектора над шелководством (по Департаменту государствен- ного хозяйства и публичных зданий МВД) барона Ф. Маршала фон Биберштейна, одновременно директор Имп. Никитского ботанического сада (1812—1827), основанного по инициативе герцога А. Э. де Ришелье; статский советник (1818). В начале 1820-го—1821-м г. совершил заграничное путешествие на средства казны с целью пополне- ния ботанической коллекции сада (Австрия, Германия, Италия, Швейцария, Франция, Турция). Главный инспектор шелководства (1826—1841)—сельского хозяйства (1841—1850) южных губерний, действительный статский советник.

Кёппен поселился в Симферополе и в своем имении Карабах на Южном берегу Крыма. На новой должности в обязанности Кёппена входили ежегодные разъезды от Днестра до Волги, использованные им и для сбора сведений о древностях. В Крыму он продолжал под- держивать тесные контакты с местными антикварами И. А. Стемповским, И. П. Бларамбер- гом, П. Дюбрюксом, Р. Скасси, П. Лангом и др. (гл. 3).

В августе 1833 г. Кёппен поделился с новороссийским генерал-губернатором М. С. Во- ронцовым своими мыслями о необходимости детального описания археологических памятни- ков и фиксации топонимов Тавриды. Осенью 1833—весной 1834 г. по поручению и на сред- ства графа (1200 р.) он тщательно обследовал горную часть Таврики, где первым обнаружил и описал следы укреплений античного и византийского времени. К средневековой ученый отнес некоторые позднеантичные городища, в том числе Неаполь Скифский близ Симферо- поля (рис. 20, 21), Харакс в Ай-Тодоре,¹⁶⁶ а укрепление Сарымамбаш-Кермен, ныне датируе- мое XIV—XV вв.,¹⁶⁷ вопреки мнению Бларамберга, посчитал скифской крепостью, построен- ной Палаком и другими сыновьями Скилура.¹⁶⁸ Материалы исследований по археологии Тав- риды были обобщены Кёппеном в известном «Крымском сборнике», планировавшемся как четырехтомник,¹⁶⁹ однако в свет вышел только первый том «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических», с приложением подробной карты Южного берега Крыма, состав- ленной на основе известной карты генерала Мухина 1816 г., и указателем к ней.¹⁷⁰ На печа-

¹⁶⁵ См. о нем материалы, собранные П. И. Кёппеном: ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 489, л. 21 (выписка из фор- мулярного списка 1827 г.); Кёппен П. И. Христиан Христианович Стевен // Таврические губернские ведомос- ти. 1863. № 19 (некролог).

¹⁶⁶ В «Крымском сборнике» (СПб., 1837. С. 191 и след.) Кёппен оставил первое краткое описание городища Харакса, раскопки которого предпринял в 1849 г. граф П. А. Шувалов. См.: Кондаракис В. Х. Универсальное опи- сание Крыма. СПб., 1875. Ч. 15. С. 87.

¹⁶⁷ Миц В. Л. Укрепления Таврики X—XV вв. Киев, 1991. С. 127.

¹⁶⁸ Кёппен П. И. Крымский сборник: О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. С. 191, 318—319, 325. Корректуру с авторской правкой и дополнениями см.: ОР РНБ, ф. 347, д. 24. Отклики на эту работу в русской периодике: Библиотека для чтения. 1837. Т. 22. Отд. 6. С. 66; Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1837. № 211. Нем. перевод: Taurica : Als Fortsetzung der Krymischen Sammlung (Крымский сборник). SPb., 1840. 63 S. См. также: «Материалы для ближайшего познания горной части Крыма: Путевые за- метки П. И. Кёппена», переписанные дочерьми Кёппена (ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 343—345).

¹⁶⁹ Кёппен Ф. П. Биография П. И. Кёппена. С. 158—159; Сафонова Н. Земной эдем: П. И. Кёппен — автор «Крымского сборника» // Таврика. Симферополь, 1998. С. 56—58; Миц В. Л. А. «Материалы, которым время не от- нимает достоинства...»: Путевые заметки П. И. Кёппена (1833—1834 гг.) // Пилигримы Крыма. Осень-98 : Пу- тешествия по Крыму, путешественники о Крыме: Матер. Междунар. науч. конф. Симферополь, 1999. С. 192—200.

¹⁷⁰ Указатель к карте Южного Крыма, принадлежащей к Крымскому сборнику Петра Кёппена. СПб., 1836. 70 с. См. также: ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 329; д. 467: Материалы по составлению «Крымского сборника» и указателя к карте Южного берега Крыма. 1836—1837 гг. 134 л.; ОР РНБ, ф. 347, д. 23: корректура с авторской правкой; д. 42: письмо Reiniz'a об издании указателя к карте от 22 октября 1851 г. Карта Кёппена дважды пере- издавалась в годы Крымской войны (1854).

От А до В = 790 (около 810 шагов)
 С до В = 638 м.
 С — Д = 124 м.
 Д — В = 630 м.

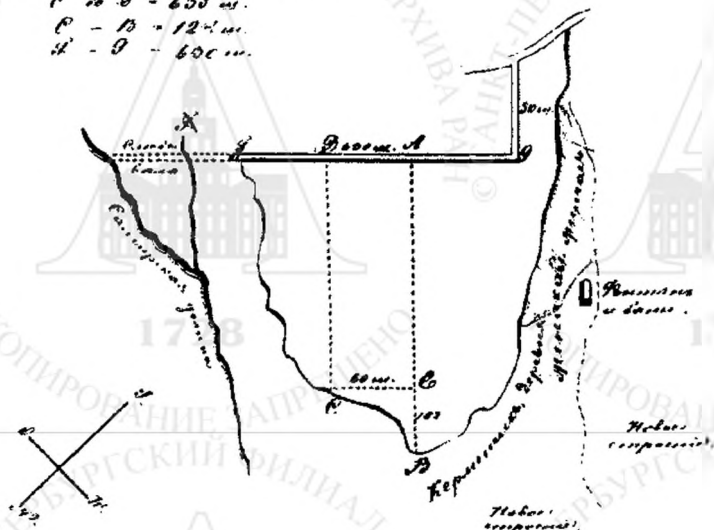

Рис. 20. П. И. Кёппен (по копии дочери). Набросок плана городища Керменчик (Неаполь Скифский) близ Симферополя. «От А до В = 790 (около 810 шагов), от С до Д = 638 шагов, от С до В = 124 шага, от В до Г = 630 шагов». Не ранее 1833 г. Чернила. Перо (ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 344, л. 214 об. Публ. впервые).

тание сборника М. С. Воронцовым было ассигновано 5 тыс. р. Богатейшие материалы для других томов «Крымского сборника» сохранились в фонде Кёппена в академическом архиве в Петербурге.

Другой дилетант, один из последних энциклопедистов, натуралист и археолог *Фредерик Дюбуа де Монпере* (*Dubois de Montpereux Frédéric*, 1798—1850) (рис. 22) сделал не меньше, чем Кёппен, для изучения археологических памятников северного и восточного берегов Понта Евксинского.¹⁷¹ Швейцарский путешественник несколько раз посетил именно Кёппена Карабах в Крыму. Петр Иванович поддерживал с ним близкие приятельские отношения вплоть до смерти Дюбуа, о чем свидетельствует их обширная личная переписка, во многом посвященная археологии, эпиграфике и нумизматике Причерноморья.¹⁷²

Дюбуа де Монпере, уроженец Швейцарии, оставил заметный след в истории археологии, эпиграфики, нумизматики, геологии, минералогии, ботаники, был блестящим наблюдателем и рисовальщиком.¹⁷³ Он родился в обедневшей дворянской семье (отец занимался торговлей

¹⁷¹ Материалы Дюбуа де Монпере, относящиеся к России, были приобретены Имп. Академией наук у вдовы ученого в 1903 г. и поступили в Кабинет инкунабулов БАН, а в 1931 г. переданы в академический архив (ПФА РАН, ф. 86). См. протоколы Историко-филологического отделения АН от 3 апреля 1902 г. (§ 93) и 15 января 1903 г. (§ 8). Обзор фонда см.: Архив Академии наук СССР: Обзорение архивных материалов. Л., 1933. Т. 1. С. 159—160 (Тр. Архива АН СССР. Вып. 1).

¹⁷² Письма Дюбуа к Кёппену: ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 83, 53 л. (на нем. и франц. яз., за 1833—1849 гг.). Ответные письма Кёппена см.: там же, ф. 86, оп. 1, д. 37, л. 1—50 (на нем. яз., за 1834—1847 гг.). Насколько мне известно, опубликовано только одно послание: Письмо г-на Дюбуа к П. И. Кёппену // ЖМВД. 1835. Ч. 16. С. 285—301.

¹⁷³ Наиболее обстоятельная биография Дюбуа опубликована профессором университета в Невшателе Денисом Кноффлером. См.: *Knoeffler D. Frédéric Dubois de Montpereux (1798—1850) // Histoire de l'Université de Neuchâtel. Neuchâtel, 1988. Т. 1: La première Académie, 1838—1848. P. 257—304.* Из недавних публикаций см. также: *Фадеева Т. М.* Дюбуа де Монпере — ученый-путешественник // К. 150-летию Алуэтинского дворца: Первые крымские Воронцовские чтения. Материалы. Симферополь, 2000. С. 53—61.

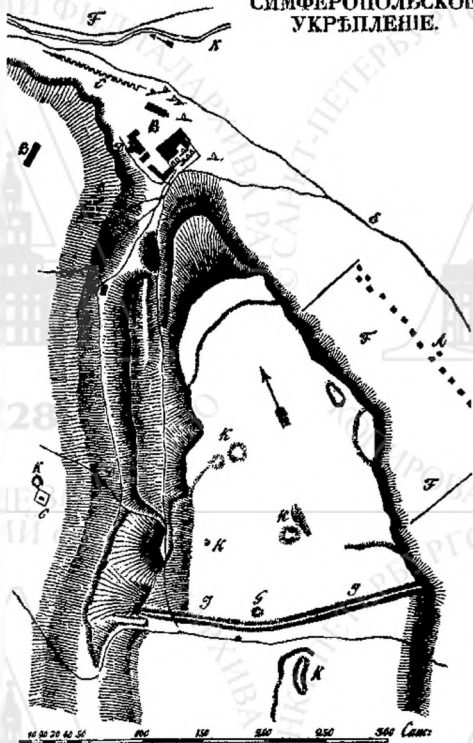

Рис. 21. План городища Керменчик (Неаполь Скифский), изданный в «Крымском сборнике» П. И. Кеппена. 1837 г.

кружевами, дед был художником по эмали и работал по приглашению испанского двора в Эскуриале). Первоначальное образование будущий натуралист получил в Невшателе в местном коллеже и тогда же заинтересовался археологией и геологией (эти две науки в его творчестве не только соперничали, но и взаимно дополняли друг друга). Неугомонный путешественник он сначала объехал родную Швейцарию, а в 1819 г. через страны Центральной Европы и Пруссию направился в Курляндию, где получил место наставника в семье барона Фердинанда фон Роппа в Митаве (1819—1821), владевшего прекрасной библиотекой и собранием антиков. Часть времени вместе со своим воспитанником Теодором фон Роппом Дюбуа проводил в родовом имении хозяев Покрое близ Вильно (1821—1823).

В первые годы пребывания в западных губерниях России Дюбуа де Монпере активно занимается самообразованием: читает древних авторов, увлекается египтологией, изучает изданную в 1822 г. монографию Рауль-Рошетта о греческих древностях Причерноморья и между 1825—1826 гг. задумывает свое будущее путешествие к северному побережью Черного моря. В Прибалтике Дюбуа де Монпере занимался не только геологическими изысканиями, но и изучением местных древностей, о чем направил сообщение в Литературное общество Митавы (1829), искренне заинтересовался историей, архитектурой и этнографией Литвы. В 1825 г. он совершил путешествие с геологическими целями на юг Польши и в Западную Украину в район Волыни, где в Кременецком лицее преподавал выходец из Невшателя ботаник Ш. Годе, а в июле 1829 г. — в г. Каменец-Подольский, обследовал верхнее течение Днестра. Позднее за свой труд по минералогии западных территорий России он был избран членом Имп. Мине-

Рис. 22. Портрет Ф. Дюбуа де Монпере. Литография.

ралогического общества в Петербурге.¹⁷⁴ В 1829 г. Дюбуа де Монпере обратился с просьбой о поддержке задуманного им путешествия к берегам Черного моря к известному немецкому географу А. фон Гумбольдту, который по приглашению Николая I весной того же года уехал в семимесячную экспедицию на Урал, Алтай и к Каспийскому морю за счет субсидий русского правительства.

Вместе со своим воспитанником в конце 1829 г. Дюбуа покинул Литву и приехал в столицу Пруссии Берлин: в 1829—1830 гг. у А. Бёка он слушал лекции по эпиграфике и изучал естественную историю в Берлинском университете, а также лично познакомился с известными учеными-естествоиспытателями географами А. фон Гумбольдтом и Карлом Риттером,¹⁷⁵ геологом Христианом Леопольдом Бухом. В общении с ними Дюбуа де Монпере обдумывал задачи будущей комплексной экспедиции по малоизвестным в то время землям Южной России и Кавказу. Эти ученые являлись членами Берлинской Академии наук и иностранными почетными членами Петербургской Академии наук, с которой поддерживали тесные связи; с их помощью Дюбуа де Монпере получил одобрение своего плана правительством России. В июне 1831 г. Дюбуа покинул Берлин и по паспорту короля Пруссии в одиночестве, на личные средства, отправился в путешествие через Западную и Восточную Украину (1831—1832). Проехав Новороссийский край, Крым и Таманский полуостров (1832—1833), он к середине 1833 г. добрался до Кавказа, посетил области черкесов, Осетию, Абхазию (1833), Черноморское побережье Кавказа (1833—1834), Имеретию, Мингрелию, Гурию, Кахетию, Сванетию и другие области Грузии, Армению (1833) и в конце 1834 г. двинулся в обратный путь по знакомым уже местам, направившись из Тамани в Керчь, по Южному берегу Крыма в Севастополь, через Симферополь в Одессу, а оттуда в Литву (1834—1835).

В состав дошедших до нас рукописных дневников, украшенных многочисленными зарисовками Дюбуа де Монпере (рис. 23, 24), включены описания приднепровских курганов и остатков крепостных сооружений в Западной Украине и Литве (1831), выписки по древней истории восточных славян и по начальной истории Руси, истории казаков (со слов полковника Иосифа Понятовского), записки по истории и археологии Боспорского царства, копия рапорта

¹⁷⁴ См. его монографию: *Dubois de Montpéroux F. Conchyliologie fossile ou aperçu géognostique des formations du plateau Volhyni-Podolien*. Berlin, 1831.

¹⁷⁵ О влиянии Риттера на русскую науку см.: *Сухова Н. Г.* Карл Риттер и географическая наука в России. Л., 1990.

Плюс Дюбука лекция об открытии кургана Куль-Оба близ Керчи 22 сентября 1830 г., выписки из статей по археологии Крыма и по истории Кавказа, библиографические материалы, отчеты Дюбуа де Монпере о путешествиях на запад и юг России (1833), исторические и бытовые рассказы о Литве и Курляндии с зарисовками монет.¹⁷⁶ Один из наиболее значимых итогов его путешествия — эпиграфические заметки и зарисовки; всего им было скопировано 160 надписей, из них более половины греческих, в значительной степени опубликованных до него, остальные грузинские и армянские, как правило неизданные.¹⁷⁷

Лишь в 1836 г. Дюбуа вернулся в Берлин, затем до 1838 г. жил в Париже, где занялся обработкой и изданием собранных материалов. Он неоднократно выступал с докладами на общих собраниях Географического и Геологического обществ и Парижской Академии надписей и словесности. Широкую образованность и эрудицию Дюбуа де Монпере, качественный состав и редкость собранных им коллекций (включая археологические) высоко ценили А. фон Гумбольдт, К. Риттер и многие другие выдающиеся ученые, являвшиеся его учителями, друзьями и корреспондентами.¹⁷⁸ В 1838 г. Географическое общество в Париже присудило ему первую премию за его путешествие на Кавказ и в Крым, что было редким явлением во Франции, так как он являлся иностранцем. Впоследствии Дюбуа был избран членом-корреспондентом географических обществ в Лондоне, Берлине, Санкт-Петербурге, а общество изящных искусств в Париже удостоило его медали. Император Николай I наградил ученого орденом Св. Станислава и 20 тыс. лиров, а также взял на себя финансирование издания атласа путешествия.

Коллеги в России — Х. Х. Стевен и П. И. Кёппен — пытались добиться для Дюбуа места на русской службе. Так, летом 1836 г. Кёппен, а в январе 1837 г. геолог барон А. Х. Мейендорф и неперемный секретарь Академии наук П. Н. Фус убеждали ученого принять предложение Петербургской Академии наук, располагавшей вакантным местом адъюнкта по кафедре природоведения, но в тот момент Дюбуа отказался ехать в Россию из-за растянувшегося на многие годы редактирования собственных записей и дорогостоящего печатания шести томов и атласа его путешествия.¹⁷⁹ Рассматривая вопрос о языке публикации материалов путешествия Дюбуа, Кёппен предлагал издавать труд не только на французском языке в Париже, но и на немецком в Берлине и на русском в Петербурге, используя одни и те же клише для иллюстраций, что, к сожалению, в части русского издания не было осуществлено. Благодаря субсидиям правительств России и Пруссии был издан роскошный атлас его путешествия из 200 таблиц in folio, включавший географические карты, виды местности, архитектурные планы, рисунки древностей, геологические разрезы и т. п. Издание атласа осталось незаконченным из-за смерти автора. Судя по переписке, один том путешествия Дюбуа в год выхода из печати в

¹⁷⁶ Материалы по археологии западных губерний России обобщены в труде: *Dubois de Montpéroux F. Des tumulus, des forts et des remparts de la Russie occidentale / Annuaire des voyages et de la géographie / Ed. Lacroix. Paris, 1846.*

¹⁷⁷ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 83, л. 17: письмо П. И. Кёппену от 9 апреля 1835 г. Об эпиграфических работах ученого и его переписке с А. Бёком см.: *Knoepfler D. Misit DuBois Neuburgensis. La contribution du Neuchâtelois Fr. DuBois de Montpéroux à l'épigraphie de la côte septentrionale de la Mer Noire // Actes du VIIe congrès international d'épigraphie grecque et latine. Bucarest; Paris, 1979. P. 391—392.*

¹⁷⁸ Среди корреспондентов Дюбуа де Монпере: ориенталисты барон А. И. Сильвестр де Сасси, М. И. Броссе, Х. Д. Френ, Р. А. Jaubert, антиковеды, историки и археологи E. Boré, E. Gerhard, Mafile, D. Pauly-Posnett, президент Швейцарского исторического общества L. Vulliamin, географы и геологи Ed. Jomar, Ch. L. von Buch (1831—1834), C. Ritter (1832—1833) и др.

¹⁷⁹ *Dubois de Montpéroux F. 1) Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie, en Crimée. Paris, 1839—1843. Vol. 1—6 (нем. перевод: Reise um den Kaukasus... und in die Krim. Darmstadt, 1842—1846. Bd 1—3); 2) Voyage au Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Atlas. Neuchâtel; Paris, 1843 (размер листов 38 × 52 см). I Série de géographie ancienne et moderne (1843. 3 л., 4 с., 20 л. карт и планов); II Série Pittoresque (1843. 1 л., 9 с., 69 л. ил.); III Série d'architecture (1840. 1 л., 5 с., 37 л. ил.); IV Série d'archéologie (1843. 1 л., 5 с., 40 л. планов и ил.); V Série de géologie (1843. 1 л., 3 с., 30 л. карт, планов и ил.).*

Еще в 1875 г. Е. Е. Люценко составил перевод фрагментов путешествия Дюбуа по Крыму с описанием «местоположения Дии, Тиритакы, Нимфеона, Акры и Киммериона» (РА ИИМК, ф. 28, д. 10/21). В начале 1920-х гг., по предложению Н. И. Репникова и А. И. Маркевича, для предпринятой ТУАК—ТОИАЭ серии «Классики краеведения в русских переводах» был выполнен перевод пятого (КРКМ, КП-24592, Д-9524) и шестого (КРКМ, КП-23139, Д-8839) томов, касающихся памятников Северного Причерноморья, который остался неизданным. В 1937 г. Институт абхазской культуры им. Н. Я. Марра издал сокращенный перевод первого тома: Путешествие вокруг Кавказа Фредерика Дюбуа де Монпере. Сухум, 1937. 175 с. (Тр. Ин-та абхазской культуры им. акад. Н. Я. Марра. Вып. 6).

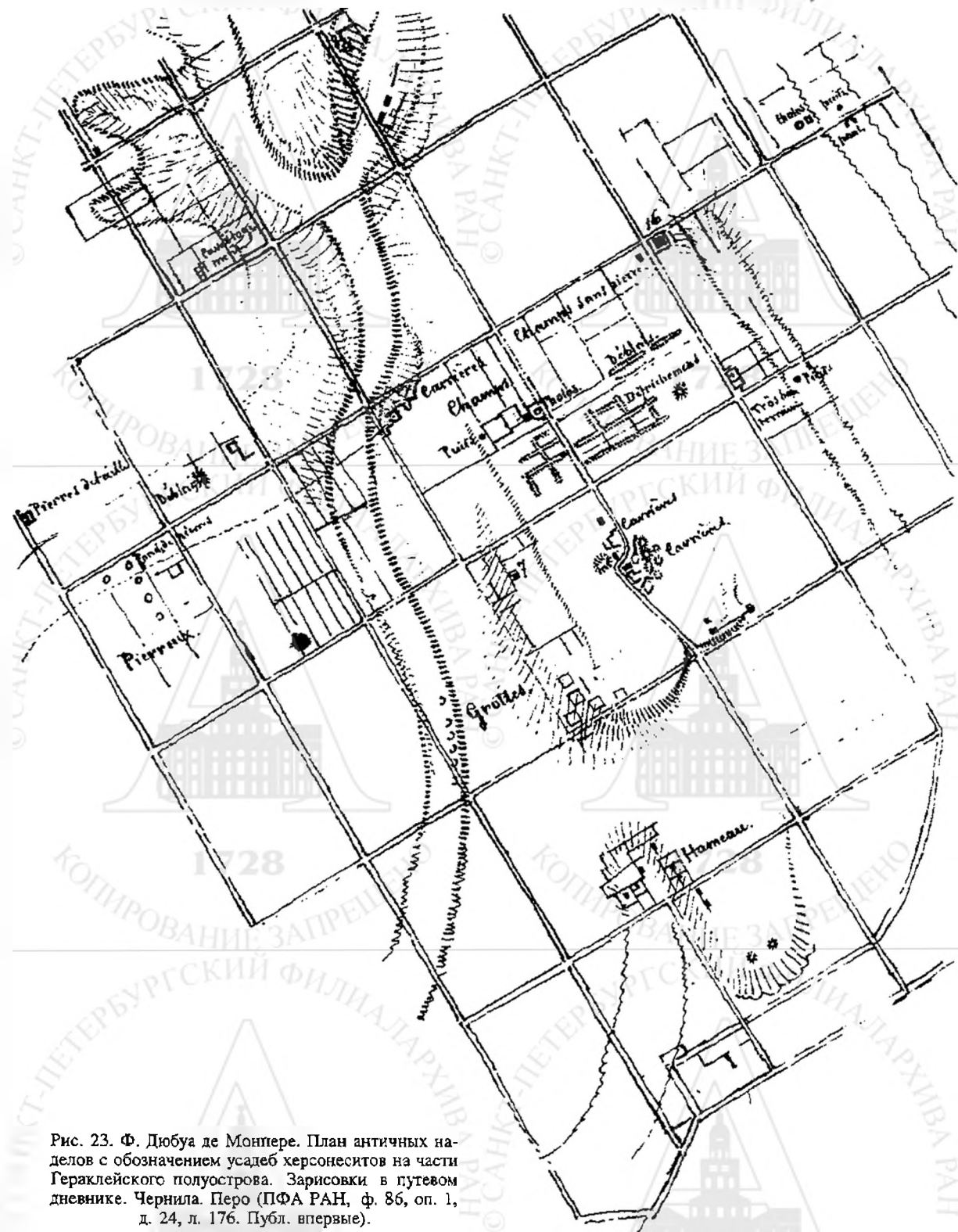

Рис. 23. Ф. Дюбуа де Монпере. План античных наделов с обозначением усадеб херсонеситов на части Гераклейского полуострова. Зарисовки в путевом дневнике. Чернила. Перо (ПФА РАН, ф. 86, оп. 1, д. 24, л. 176. Публ. впервые).

г. Дюбуа, при всей их пользе и обширности, оказываются недоделанными».¹⁸¹ В наступавшей эпохе специализации и дифференциации научных дисциплин не все разделы колоссального по объему труда швейцарского энциклопедиста выглядели равноценными. Тем не менее исследования Дюбуа де Монпере были высоко оценены современниками, его труд до сих пор остается одним из самых цитируемых и используется многими специалистами в области археологии Причерноморья как первоисточник, зафиксировавший состояние ряда исчезнувших или полуразрушенных памятников в начале 1830-х гг. Значительно больший объем информации представляют рукописные материалы обладавшего острым глазом и ясным умом путешественника, прежде всего его рисунки, не искаженные последующим литографированием или гравированием, лишь частично использованные в опубликованных томах и еще ждущие своих исследователей.¹⁸²

¹⁸¹ Леонтьев П. М. Обзор исследований... С. 84—85.

¹⁸² См., например: ПФА РАН, ф. 86, оп. 1, д. 2, 3, 4, 8, 13, 15, 16, 24, 28, 29.

ГЛАВА 3

СЛОЖЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА В НОВОРОССИИ (первая треть XIX в.)

3.1. ОДЕССА

К началу XIX в. столица Новороссии, интернациональная и многоязычная Одесса постепенно превратилась не только в административный, но и в научный и культурный центр юга России. Благоприятную атмосферу для занятий прошлым этого «классического края» создавали просвещенные администраторы — генерал-губернаторы А. Э. де Ришелье, А. Ф. де Ланжерон, М. С. Воронцов.

Арман Эмануэль Софи (Эммануил Осипович) дю Плесси, граф Шикон, герцог де Ришелье (*du Plessis de Richelieu*, 1766—1822), французский и русский государственный деятель; генерал-лейтенант. Во время революции 1789 г. как ярый роялист бежал в Россию и поступил на военную службу в 1791 г., жил в России с 1795 г., но русское подданство не принимал. Участник штурма Измаила (1790) и коалиционной войны (1793—1794) против революционной Франции; херсонский военный губернатор с подчинением ему Екатеринославской и Таврической губерний, войск крымской инспекции (1805—1814), одновременно градоначальник Одессы (1803—1814). Много сделал для экономического развития и хозяйственного освоения Северного Причерноморья. В 1814 г. после реставрации Бурбонов вернулся во Францию и стал первым министром (1815—1818, 1820—1821) и министром иностранных дел в правительстве короля Людовика XVIII.¹

Граф Луи-Александр (Александр Федорович) д'Андро де Ланжерон (*Langeron Andrault*, 1763—1831), военный, государственный и общественный деятель, писатель-драматург; генерал от инфантерии (1811). Принадлежал к древнему и знатному, но малоимущему французскому дворянскому роду. Ланжерон начал службу в 1779 г. в чине подпоручика пехотного полка французской армии, был близок ко двору Людовика XVI; принимал участие в войне за независимость США (1782—1783), в конце 1789 г. лишился титула и всех родовых привилегий и вскоре эмигрировал в Россию, с 1790 г. на русской службе, генерал-майор, с 1798 г. генерал-лейтенант, шеф Уфимского (1797—1799) и Рязского (1799—1806) мушкетерского полков, участвовал в осаде Очакова, отличился в 1790 г. при взятии Измаила, а в 1810 г. — Силистрии; участвовал в русско-шведской 1788—1790 гг., русско-французской 1805 г. и Отечественной войнах, освободительном походе в Европу 1813—1814 гг., русско-турецких 1787—1791 гг., 1806—1812 гг. и 1828—1829 гг. войнах. В 1799 г. принял русское подданство. В 1812—1814 гг. командовал корпусом. Новороссийский генерал-губернатор (1815—1822), одесский градоначальник (1815—1820), одновременно главный начальник бугских и черноморских казаков и всей пограничной линии. Мастер стула масонской ложи «Евксинский Понт» в Одессе (1817—1822). С 1822 г. в отставке, с 1825 г. вновь на службе, с 1831 г. в отставке. Умер от холеры в Петербурге, погребен в Одессе в нижнем склепе Успенского католического собора (в 1949 г. захоронение уничтожено).²

Их начинания поддерживали главные командиры Черноморского флота и портов И. И. де Траверсе и А. С. Грейг (см. гл. 4.1). Своего расцвета просветительская деятельность достигла

¹ См. о нем: Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800—1825 гг. М., 1970. С. 187—202.

² О влиянии иностранной, главным образом французской, эмиграции при Ришелье и Ланжероне на общественную жизнь Одессы см.: Скальковский А. А. Первое тридцатилетие истории города Одессы, 1793—1823. Одесса, 1837 (репринтное переизд.: Одесса, 1995); Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France. Paris, 1886; Naumant E. La culture française en Russie. Paris, 1910; Де-Рибас А. М. Старая Одесса: Исторические очерки и воспоминания. Одесса, 1913 (репринтное переизд.: Одесса, 1990); Herlihy P. Odessa: A History, 1794—1914. Cambridge, Mass., 1986 (украин. перевод: Київ, 1999); Палесская-Зебольд Э. Г. Одесские немцы, 1803—1920. Одесса, 1999.

при руководстве краем М. С. Воронцова и А. С. Грейга, отличавшихся «любовью к наукам и приязнью к ученым» и «неуклонно трудившихся для распространения наук и знаний». Об исследовательском духе, царившем в Южной Пальмире и во всем Новороссийском крае в первой трети XIX в., подробные свидетельства оставили иностранные негодянты и путешественники.³

В 1810—1820-х гг. в Одессе сложился кружок любителей древней истории и археологии Причерноморья, в который входили А. Ф. Панагиолор-Никовул, И. П. Бларамберг, И. А. Стемпковский, Я. Г. Пиципио, Г. И. Соколов, Э. В. Тетбу де Мариньи, А. Ф. Спада, М. М. Кирьяков, А. И. Лёвшин, А. Я. Фабр, В. Г. Тепляков, З. С. Херхеулидзе, И. П. Липранди, Е. В. Зонтаг, Н. С. Алексеев, А. Коллен, К. Монталон, Ш. Сикар — чиновники администрации новороссийского генерал-губернатора, коммерсанты, «вольные художники», преподаватели и смотрители основанного в 1817 г. Ришельевского лицея (в 1865 г. преобразован в Новороссийский университет), консулы иностранных государств, офицеры-гидрографы Черноморского флота и др.⁴ Один из членов кружка, суперинтендант всех евангелических церквей Южной России и член Попечительного комитета Новороссии пастор Карл-Август Бёттигер (Böttiger, 1779—1848) 25 февраля 1819 г. подал через министра народного просвещения князя А. Н. Голицына прошение императору Александру I с предложением об открытии в Одессе музея (музыкальных инструментов, эстампов, рисунков, картин и статуй) с публичной библиотекой и типографией при нем, а также семинарии для бедных сирот, оставшееся без внимания властей.⁵ И музей, и городская публичная библиотека были открыты несколько лет спустя при руководстве краем М. С. Воронцова.⁶

³ См. напр.: *Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noir, pendant l'année 1803, suivi d'un Mémoire sur le Commerce de cette Mer, et de Notes sur les principaux ports commerçans*. Paris, 1806 (сочинение помощника префекта Безансона, члена Госсовета и кавалера ордена Почетного Легиона Ж. Рейи, по поручению Наполеона I с политическими целями выехавшего в феврале 1803 г. из Петербурга вместе с герцогом Ришелье на юг России. Он посетил Одессу, Николаев, Херсон, Крым, где встречался с Палласом и заимствовал у него множество сведений о Тавриде. В исторической части это компиляция трудов Л. Лангле, С. Сестреневича-Богуща и И. Э. Тунмана. К книге приложены исследования французских нумизматов И. Лангле (L. Langlé) и Мийна (или Миллена, Milin), первого — об арабских и татарских монетах (р. 215—222, pl. I), второго — об античных, византийских и генуэзских монетах, привезенных из Крыма (р. 223—232, pl. 2). Любопытна таблица с изображением мрамора из Пантикапея (р. 231, pl. 3). Между с. 198—199 помещен план Севастополя с окрестностями, с обозначением руин Херсонеса); [*Sicard Ch.*] 1) *Lettres sur la Crimée, Odessa et la Mer d'Azof*. Moscou, 1810 (без указания автора; параллельный русский несовершенный перевод: Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море. М., 1810); 2) *Lettres sur Odessa / Par Sicard aîné, négociant établi dans cette ville*. SPb., 1812 (рус. перевод: Сикар К. Письма об Одессе / Пер. с франц. Николая Трегубова. СПб., 1818). Шарль (Карл Яковлевич) Сикар (1773—1830), выходец из Марселя, поселился в Одессе в 1804 г., вел обширную торговлю с Францией и Италией, был близок к Ришелье. В доме Сикара (современный адрес: Пушкинская ул., д. 13, ныне музей А. С. Пушкина) в 1823—1824 гг. любил обедать Пушкин; они познакомились еще в Кишиневе в 1821 г.; *Gamba [G.F.] Voyage dans la Russie méridionale, et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1810 jusqu'à 1824* : 2 vols. Paris, 1826. Французский консул в Тифлисе (1821—1824, 1826—1833) шеваляе Жак Франсуа Гамба (1763—1833) дважды путешествовал по югу империи (1817—1818, 1819—1820). На родине он издал книгу, первый том которой посвящен Одессе, Крыму, Северо-Восточному Причерноморью, второй — описанию Грузии и берегов Каспийского моря от Баку до Астрахани. Критические замечания И. А. Стемпковского см.: «Несколько замечаний о книге: Путешествие кавалера Гамбы в Южную Россию» (ОБ. 1827. II мая. № 36. С. 143—144); «Взгляд на путешествие Гамбы в Южную Россию» (ОЗ. 1827. Ч. 30. Кн. 84. С. 156—158); «Известие о Каспийском море из путешествия Гамбы (перевод с франц. яз. Стемпковского)» (ОЗ. 1827. Ч. 30. Кн. 86. С. 496—499); *Morton E. Travels in Russia and a Residence at St. Petersburg and Odessa*. London, 1830 (англичанин Э. Мортон побывал в России в 1827—1829 гг.); *Montandon C. H. Guide du voyageur en Crimée*. Odessa, 1834 (швейцарский путешественник Шарль (Карл) Монтандон при содействии М. С. Воронцова издал путеводитель («дорожник») с картами, планами, видами и виньетками, включающий сведения «о разных способах переезда из Одессы в Крым»; критические заметки анонимных авторов см.: *Quelques observations sur le guide du voyageur en Crimée, par M. Montandon // Journal d'Odessa*. 1834. 31 juil./12 août. № 61. P. 234—244; *Lettre au rédacteur // Journal d'Odessa*. 1834. 31 août/12 sept. № 70. P. 279—280); *Vanzetti T. Excursion en Crimée faite dans l'automne de l'année 1835*. Odessa, 1836 (само путешествие и издание книги предприняты при содействии Воронцова и посвящены генерал-губернатору Новороссии), и многие другие.

⁴ *Губарь О. И.* Одесские антиквари (первая четверть XIX ст.): Социальный портрет // Древнее Причерноморье: Ист. чт. памяти проф. П. О. Карышковского: Тез. докл. юбил. конф. 9—11 марта 1991 г. Одесса, 1991. С. 115—117.

⁵ РО ИРЛИ, ф. 288, оп. 2, л. 23, л. 1—29 об. О Бёттигере см.: *Плесская-Зембольд Э. Г.* Одесские немцы. С. 171, 174, 176, 178—179, 238—240.

⁶ См.: *Музыкаевич Н. Н.* Очерк заслуг, сделанных наукам светлейшим князем Михаилом Семеновичем Воронцовым: Читан секретарем ООИД в заседании онго 29 ноября 1856 г. Одесса, 1860. С. 31—33.

Граф (с 1852 г. светлейший князь) *Михаил Семенович Воронцов* (1782—1856), военачальник и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1856), генерал-адъютант (1815), член Государственного совета (1826), почетный член Петербургской АН (1826). Один из крупнейших русских помещиков. Воспитывался в традициях европейского консерватизма, получил блестящее образование в Англии в доме отца, полномочного министра в Лондоне гр. С. Р. Воронцова, хорошо знал не только основные европейские языки, но и латинский. Службу начал в 1801 г. поручиком в лейб-гвардии Преображенском полку, участник войн с горами на Кавказе (1803, 1845—1847), с Францией (1805, 1806—1807), русско-турецких войн (1806—1812, 1828—1829); в Отечественной войне 1812 г. начальником сводно-гренадерской дивизии, участник битвы при Бородине, в ходе которой получил пулевое ранение, и заграничного похода русской армии; генерал-адъютант (1814), командир оккупационного корпуса во Франции (1815—1818), затем третьего пехотного корпуса в России (1819—1823). Неоднократно отмечен наградами за отвагу. Генерал от инфантерии (1825). С 1823 г. генерал-губернатор Новороссии и полномочный наместник (с 1828 г. генерал-губернатор) Бессарабии, одновременно наместник и главнокомандующий войсками на Кавказе (1844—1854). 6 марта 1845 г. Воронцов переселился из Одессы в Тифлис, где находилась резиденция наместника на Кавказе. Умер и погребен в Одессе в Спасо-Преображенском соборе (в 1936 г. могила осквернена и ограблена, прах вывезен на городскую окраину и позже перезахоронен).

Граф М. С. Воронцов много сделал не только для экономического, но и для культурного развития подвластных ему земель. Он искренне заботился о сохранении и научном изучении историко-культурного наследия прошлого — при нем были приняты распоряжения об охране и изучении архитектурно-археологических и эпиграфических памятников Новороссии, на средства казны начаты систематические раскопки в Причерноморье, организована целая серия научных поездок и экспедиций, в том числе акад. Г. В. Абиha, И. А. Бартоломея, М. И. Броссе по Кавказу, В. Г. Теплякова в Болгарию и Румелию (гл. 9), П. И. Кёппена, Н. Н. Мурзакевича, А. С. Фирковича по Крыму и Тамани, А. А. Скальковского по Новороссии и Бессарабии и др.,⁷ издана целая серия историко-археологических трудов И. П. Бларамберга, И. А. Стемповского, А. Б. Ашика, открыты музеи древностей в Одессе и Керчи (см. гл. 4.4—5) и первое историко-археологическое общество на юге России — Одесское общество истории и древностей (гл. 6). Граф контролировал реставрацию ханского дворца в Бахчисарае (1822—1832), добился выделения средств на ремонт древних крепостных ворот в Евпатории (1837), дюрбе Ненекеджан-ханым в Чуфут-кале (1845), поддержал идею архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова) «о восстановлении древних памятников христианства» (1850, гл. 12.2—3) и т. п.⁸ По убеждению историка Н. Н. Мурзакевича, близко знавшего М. С. Воронцова, «следствием... ясного взгляда на дело и теплого сочувствия ко всему полезному было то, что весь Новороссийский край, Крым и отчасти Бессарабия в четверть века, а труднодоступный Кавказ в девять лет исследованы, описаны, иллюстрированы гораздо точнее и подробнее многих внутренних, составных частей пространнейшей России».⁹

М. С. Воронцов и его жена Елизавета Ксавьеревна (урожд. графиня Браницкая, 1792—1880) сами являлись коллекционерами древностей. Воронцовы составили значительное собрание античных памятников, хранившееся в их одесском доме и Алупкинском дворце. Среди них были древности Северного Причерноморья (о-в Тендра, Ольвия, Херсонес, Пантикапей, памятники, найденные на землях Воронцовых в Ялтинском и Симферопольском уездах и пр.), Италии и Греции. По описаниям современников, обломки мраморных рельефов, надгробий и античные саркофаги украшали фонтаны и служили вазонами в Алупкинском парке.¹⁰ В коллекцию Воронцовых скорее всего вошли также вещи, найденные при раскопках 1849 г. графа П. А. Шувалова на мысе Ай-Тодор (римское укрепление Харакс): римская копия статуи Артемиды, статуя римлянина в тоге, торс нимфы с раковиной, надгробие Луция Фурия Севта и др. (ныне в ГМИИ им. А. С. Пушкина).¹¹ Часть древностей Воронцов передал в музей нахо-

⁷ Там же. С. 31—33 (перечень поездок и экспедиций).

⁸ Андрасов С. А. Документы Государственного архива Автономной Республики Крым о жизни и деятельности М. С. Воронцова // *Россия и Крым в судьбе Воронцовых: Матер. Вторых крымских воронцовских чтений 18—19 октября 1999 г. Симферополь, 2000. С. 8—9.*

⁹ Мурзакевич Н. Н. Очерк заслуг... С. 31.

¹⁰ В 1889 г. путешествовавший по Крыму студент Петербургского университета, будущий акад. Я. И. Смирнов осмотрел и сфотографировал в Алупке во дворе дворца Воронцовых большое количество архитектурных и скульптурных обломков античных и христианских саркофагов, статуй, капителей и других памятников «из разных местностей», а также разбитые амфоры и кувшинчик (РА ИИМК, ф. 1, оп. 1-1889, д. 44, л. 15—18).

¹¹ Античное искусство: Каталог / ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 1963. С. 74—76; Пинхасова Г. А. Семантика рельефа древней усыпальницы из античного собрания князей Воронцовых // *Россия и Крым в судьбе Воронцовых. С. 74—75.* Как установила Г. А. Пинхасова, впоследствии часть коллекции была продана с аукциона М. В. Ворон-

дивящегося под его покровительством Одесского общества истории и древностей (гл. 6; 7.1): в 1844 г., по возвращении из Италии, граф подарил музею коллекцию помпейских и ноланских расписных ваз и других сосудов, в 1852 г. — два золотых пантикапейских статера и один кизик из Пуленцовского клада (гл. 15),¹² карты Южной России 1781 г. и 1788 г., а его жена — медный медальон из Кучук-Ламбата (1843), пантикапейские сосуды, «лампадки» и др.¹³

Развитию интереса к древностям среди образованных слоев населения края способствовало издание газет¹⁴ — «*Messenger de la Russie Méridionale*» и «*Journal d'Odessa*» («Одесский вестник»); последний, по словам А. А. Скальковского, являлся «едва ли не лучшим журналом в России».¹⁵ К сотрудничеству в этих периодических изданиях активно привлекались местные антиквари — И. П. Бларамберг, И. А. Стемпковский, А. Ф. Спада, Э. В. Тетбу де Мариньи, А. С. Стурдза, В. Г. Тепляков, Н. Н. Мурзакевич, Д. В. Карейша, А. Б. Ашик и др., публиковавшие статьи под рубриками «Древности», «Древняя география», «История», «Материалы для истории Новороссийского края».¹⁶ Ежегодная подписка на «Одесский вестник» с пересылкой стоила около 30 р. в год.¹⁷ Большую известность получил издававшийся с 1835 г. при канцелярии генерал-губернатора «Новороссийский календарь».¹⁸ Этот содержательный справочник одновременно являлся и сборником научных и литературных статей, так как редактировался администрацией и педагогами Ришельевского лицея — Н. Н. Мурзакевичем (гл. 6), И. Г. Михневичем, А. М. Богдановским, Н. И. Максимовым, Н. И. Ленцем и пр.¹⁹ Одесскую периодику первой половины XIX в. с полным правом можно назвать не только общественно-политической и экономической, но и историко-археологической.

Старейший одесский антикварий *Александр Федорович Панагидор-Никовулос*, или *Никовул* (1764?—1848) был сыном константинопольского грека-полиглота, служившего драгоманом (переводчиком) при дворе Фридриха II в Пруссии, а затем на русской службе советником при князе Г. А. Потемкине-Таврическом, впоследствии — первым начальником таврических училищ. По воспоминаниям Н. Н. Мурзакевича, именно по совету старшего Никовула князь «решился некоторым новозаводимым городам Новороссийского края исходатайствовать у императрицы Екатерины II прежние классические названия, как то Херсона, Ольвиополя, Овидиополя».²⁰ Ф. Панагидору было пожаловано 10 тыс. десятин земли в Очаковской земле

цовой (1882), другая была увезена в Нишу. Остатки античной коллекции в Алушке (в 1938 г. — 78 экспонатов) в количестве 71 экз. по приказу Л. П. Берия в 1945 г. были переданы в ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москву, в Алушке остался боспорский саркофаг III в. н. э. и несколько античных реплик.

¹² ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 30, л. 194.

¹³ Там же, д. 174, л. 9; оп. 2, д. 1, л. 56, 95—96 об.: «Помпейские и ноланские вазы и сосуды из Неаполя за королевскими печатями, подаренные обществу в 184... графом М. С. Воронцовым. Составлен 9 мая 1844 г.». Автограф Н. Н. Мурзакевича.

¹⁴ «*Messenger de la Russie Méridionale*» издавался дважды в неделю под редакцией Ж. Даваллона (Davallon) при А. Ф. Ланжероне (1 апреля 1820 г.—16 октября 1823 г.). При М. С. Воронцове печатались «*Journal d'Odessa*» под редакцией К. Сейтца (с 17 ноября 1823 г. до конца 1826 г.) и сменявший его двуязычный «*Journal d'Odessa*» («Одесский вестник»), который выходил с января 1827 г. до 1831 г. на французском и русском языках дважды в неделю. Русский отдел газеты редактировали А. И. Лёвшин, с 1827 г. поэт В. И. Туманский, с 1828 г. П. М. Морозов; французский — барон Ф. И. Брунов, с 1828 г. — П. Я. Марини. После возвращения из-за границы А. И. Лёвшин взял на себя редактирование обоих отделов. В 1831 г. «Одесский вестник» был разделен на две самостоятельные газеты — русскую и французскую. Редактором русской стал преподаватель Ришельевского лицея М. П. Розберг, издавший вместе с П. М. Морозовым журнал «Одесский альманах на 1831 год», а также прибавление к «Одесскому вестнику» — «Литературные листки» (1833—1834), с 1834 г. по 1857 г. газету редактировал статистик, педагог и публицист А. Г. Тройницкий.

¹⁵ ОРИР ОГНБ, ркп. 62/6, л. 15—15 об.

¹⁶ Мурзакевич Н. Н. Очерк заслуг... С. 10—11; Гребцова И. С. Пресса южных губерний Украины первой половины XIX в. как источник по истории Новороссийского края // ЗИФ ОГУ. Одесса, 1995. Вып. 1. С. 172—175.

¹⁷ И. А. Стемпковский настоятельно советовал Кёппену выписать это издание, регулярно публикующее статьи о новых археологических открытиях в Новороссии (ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 282, л. 22).

¹⁸ «Новороссийский календарь» в 1838 г. был передан в собственность Ришельевскому лицейу, в 1865 г. преобразованному в Новороссийский университет. См.: Рибас Л. М. де. Библиографические материалы по истории Новороссии: Указатель статей, заметок и разных материалов, помещенных в «Календарях», «Новороссийском календаре», «Памятной книжке» и «Адрес-календаре» Одесского градоначальства, а также в «Трудах Одесского статистического комитета» с 1832 по 1914 год // ЗООИД. 1915. Т. 32. Разд. 2. С. 1—25.

¹⁹ ОРИР ОГНБ, ркп. 63/1, л. 54—55.

²⁰ Соколов Г. И. Александр Федорович Панагидор-Никовул: Некролог // ЗООИД. 1853. Т. 3. Отд. 3. С. 518—521 (с редакторскими подстрочными примечаниями Н. Н. Мурзакевича).

при п. Буг. По воле Г. А. Потемкина, А. Ф. Панагиодор-Никовул в 1785 г. был записан в Ека-
теринославский легкоконный полк офицером с бессрочным отпуском «для обучения наукам»;
в 1789 г. он являлся уже майором греческого легиона. В мае 1789 г. майор Никовул обратился
в Новороссийское губернское правление «о спешествовании ему от казны при разрытии
и вынуги из земли немалого количества различной монеты и других вещей» в разных местах
Новороссийской губернии, т. е. с просьбой о проведении раскопок, но получил отказ.²¹ При
Павле I в 1797 г. он был отправлен в отставку и начал гражданскую службу в русском по-
сольстве в Константинополе в качестве переводчика (помимо классических, Александр Фе-
дорович знал несколько европейских, арабский и татарский языки). По возвращении в Россию
он служил при таврическом губернаторе А. М. Бороздине.²² Окруженный классическими мес-
тами Крыма, Панагиодор-Никовул «получил склонность к археологии». Впоследствии анти-
кварий переселился в Одессу и здесь привлекался как переводчик одесской полицией и ма-
гистратом.²³ Он жил в постоянной бедности, изолированно от окружающего мира, посвящая
досу науке и ни на минуту не оставляя ученых занятий.

«Панагиодор-Никовул был явлением замечательным в нашем веке, — вспоминал
Г. И. Соколов, — он обладал познаниями, без преувеличения громадными: он знал древних
так близко, так подробно, что, углубляясь в чтение какого-нибудь древнего историка, он со-
вершенно сливался с тою эпохою, переносился в нее и воображал себя очевидцем-свидетелем
отдаленных событий... Он... перечитывал, изучал все, что только появилось в свет; читая,
делал комментарии тотчас же на листах читаемого сочинения».²⁴ По словам Н. Н. Мурзаке-
вича, А. Ф. Панагиодор-Никовул «изъяснял греческих авторов с подлинников, а не с француз-
ских и немецких переводов», которым пользовалось большинство антиквариев, регулярно кон-
сультировал И. П. Бламбергера, И. А. Стемпковского, А. Б. Ашика и А. Я. Фабра.²⁵ «Обшир-
ные и глубокие познания сего достойного мужа, не только в классической литературе, но и
в восточной истории и этнографии современных нам народов, все сии сокровища, накоплен-
ные уединенною жизнью и скромным любознательством, все без изъятия принадлежали друзьям и
почитателям его и, никогда не истощаясь расточительностью, постоянно служили им опорой,
святилищем и руководством», — говорил о Никовуле его друг А. С. Стурдза.²⁶

Жан (Иван Павлович) Море де Бламберг (Jean Moret de Blaramberg, Blaramberg, 1772—1831),²⁷ фландрский дворянин, «полунемец, полуфранцуз», 18 марта 1830 г. избранный
членом-корреспондентом Берлинской Академии наук по представлению основателя научной
эпиграфики Августа Бёка,²⁸ широко известен как один из первых русских археологов и кол-
лекционеров древностей (рис. 25).

²¹ Негри А. Ф., Соколов Г. И., Михневич И. и др. Записка о содержании старых письменных актов Новорос-
сийского края // ЗООИД. 1850. Т. 2. Отд. 2—3. С. 783.

²² Бороздин Андрей Михайлович (1765—1838), генерал-лейтенант, сенатор (назначен в 1833 г.), таврический
гражданский губернатор (1807—1816), в 1812 г. начальник всех сухопутных войск на Крымском полуострове; был
женат на Софье Львовне, урожденной Давыдовой, сестре генерала Н. Н. Раевского; знакомый А. С. Пушкина. Вла-
делец имений в Крыму (Сабли в 15 верстах от Симферополя, татарских деревень Кучук-Ламбат, в которой жил
А. Ф. Панагиодор-Никовул, и Бюк-Ламбат в Симферопольском уезде).

²³ ОР РГБ, кн. 62/6, л. 28.

²⁴ Соколов Г. И. Александр Федорович Панагиодор-Никовул. С. 519.

²⁵ Там же. Примеч. Н. Н. Мурзакевича.

²⁶ Речь тайного советника А. С. Стурдзы, произнесенная по открытии Одесского общества истории и дре-
вностей 25 апреля 1839 г. Одесса, 1839. С. 9—10 (отд. оттиск из «Одесского вестника»); ИР ЦНБ, V, 1525, л. 44—
44 об.

²⁷ См. о нем: [Соколов Г. И.] Бламберг Иван Павлович // Энциклопедический лексикон [Плюшара]. СПб.,
1836. Т. 6: Бин—Бра. С. 102—103; Зеленецкий К. П. Жизнь и ученая деятельность Бламберга // ЗООИД. 1848.
Т. 2. С. 220—228; Юргевич В. Н. Исторический очерк Имп. Одесского общества истории и древностей. Одесса,
1889. С. 32—33; Яковлев В. Де Бламберг Иван Павлович // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь рус-
ских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1892. Т. 3. С. 375—377 (с
использованием рукописей проф. К. П. Зеленецкого и автобиографической записки И. П. Бламберга); Островер-
ов А. С., Черняков И. Т. Засновник Одесского Археологического музея: (До 200-річчя від дня народження І. П. Бла-
мберга) // Український іст. журн. 1972. № 8. С. 127—128.

²⁸ Hartkopf W. Die Akademie der Wissenschaften der DDR: Ein Beitrag zu ihrer Geschichte: Biographischer Index.
Berlin, 1983. S. 72. См. фотокопии протоколов, представления и бюллетеней об избрании Бламберга по исто-
рико-филологическому классу, из архива Берлинско-Бранденбургской АН: ПФА РАН, р. IV, оп. 41, д. 60, л. 2, 4,
5, 8.

Рис. 25. И. П. Бларамберг. Портрет с рисунка Михаила Бларамберга, литографированного Кригубери в 1837 г. Одесский краеведческий музей (ранее хранился в музее ООИД, куда в 1839 г. был подарен М. С. Воронцовым).

По семейному преданию, род Moret de Blaramberg, когда-то имевший графский титул, происходил из французской Фландрии и вел свое начало как побочная ветвь от Генриха IV Бурбона (фамильный герб — на щите три лилии, из которых две верхние отделены полосой от нижней), однако генеалогическое исследование С. А. Сапожникова и его французских коллег не дало подтверждения этой легенде. По другим данным, семья Бларамбергов происходила из Фландрии и принимала активное участие в борьбе за независимость Нидерландов. В XVIII в. из нее вышло несколько художников-миниатюристов, работавших во Франции и Нидерландах.

Получив домашнее воспитание, И. П. Бларамберг 24 мая 1786 г. начал военную службу в голландской армии прапорщиком в Гессен-Дармштадском полку, через два месяца был произведен в офицеры с назначением в генеральный штаб, в январе следующего года награжден за храбрость серебряным знаком отличия. Участвовал в походах и сражениях «против мятежников» (1787) в войне за штатгальтера принца Вильгельма V Оранского, «против патриотов и против французов» в Нидерландской кампании 1793 г. С 22 января 1792 г. поручик, с 18 мая 1794 г. капитан. На протяжении нескольких лет Бларамберг находился в плену во Франции (с 1792 г.?), в 1795 г. освобожден после учреждения Батавской республики на территории Нидерландов. Впоследствии, 4 января 1821 г. «за отличие» награжден королем Нидерландов голландским военным орденом Вильгельма 3-го класса. В 1795 г. «по случаю революции» в чине капитана перешел на службу в английскую армию и получал ежегодное содержание (allowance) от английского «правления».

В 1797 г. Бларамберг прибыл в Петербург, вскоре переехал в Москву, где оставался вплоть до 1804 г., получая жалованье от английского правительства. Благодаря своему шурину барону Густаву Андреевичу Розенкампу (1764—1832), известному юристу, в то время главному секретарю и первому редактору Комиссии составления законов, женатому на родной сестре Бларамберга Марии Павловне (Марии-Франциске-Вильгельмине, 1780—1834), Иван Павлович вернулся в Петербург и 6 августа 1804 г. перешел на русскую службу помощником редактора при Комиссии составления законов. 6 ноября 1804 г. указом императора он был определен в помощники рефендария и 28 декабря того же года получил «монаршее благоволение» за свои труды по «систематическому изучению из иностранных законодательств статей по гражданскому праву»; 20 июня 1805 г. произведен коллежским ассессором, 23 ноября 1806 г. из-за болезни по прошению уволен из Комиссии составления законов с чином надворного советника.

16 марта 1808 г. по представлению герцога Ришелье Бларамберг был определен в Одесский коммерческий суд прокурором и переселился в Одессу, где прожил до конца жизни. Одновременно по высочайшему указу с 18 июня 1809 г. он работал в Комиссии по делам нейтрального мореплавания. В 1809 г. русским правительством Бларамберг был признан потомственным дворянином «по собственным заслугам». С 31 января 1810 г. он служил по одесскому градоначальству, затем по собственному желанию был переведен в ведомство государственного канц-

лера гр. Н. П. Румянцева и 9 июня 1810 г. определен таможенным инспектором Херсонской губернии. «По случаю преобразования таможенного управления и общего упразднения таможенных по губерниям инспекций причислен к герольдии с произведением полного жалования до определения по высочайшему повелению к соответственной чину и способностям его должности по усмотрению господина министра финансов». 19 марта 1812 г., по представлению министра внутренних дел, Бларамберг был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, а 8 апреля того же года назначен начальником Одесского таможенного округа с чином коллежского советника. 10 марта 1816 г. он удостоен монаршего благоволения «по случаю содействия... прекращения в Одессе моровой язвы... в 1812 г.» и награжден бронзовой медалью за 1812 г. С 25 января 1818 г. Бларамберг — статский советник; 5 февраля 1818 г. удостоен диплома на звание корреспондента Комиссии составления законов; 23 января того же года получил денежную награду в 3 тыс. р. по Министерству финансов. Одновременно по указу царя он являлся членом «Комиссии для рассмотрения корабельных документов при привозе к Одесскому порту запрещенных товаров и в Комитете по устройству Одесского порто-франко». За хорошую службу по таможенному ведомству 9 февраля 1824 г. Бларамберг был удостоен ордена Св. Анны 2-й степени. 15 июня 1824 г. «высочайшим указом Сенату за слабостью здоровья от службы уволен». 20 июня 1825 г. Бларамберг был назначен чиновником особых поручений при новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе гр. М. С. Воронцове, причем «за усердие к службе» в марте 1828 г. был удостоен подарка от императора, а 18 июля 1830 г. — чина действительного статского советника. По данным формулярного списка 1825 г., Бларамберг не имел во владении ни крестьян, ни земель.²⁹

Еще в годы пребывания в обеих столицах Бларамберг познакомился с хранителем Эрмитажа Е. Е. Кёлером, а также с государственным канцлером графом Н. П. Румянцевым и другими антиквариями. Вероятно, именно тогда проснулась его страсть к собиранию монет. После переселения в Одессу он посвящал свой досуг исключительно археологии и примерно с 1811 г. стал собирать свою знаменитую коллекцию древностей, основу которой составили ольвийские памятники (гл. 10.2—4).³⁰ В 1818 г. коллекционер подарил Минц-кабинету Ришельевского лицея 362 ольвийские и 350 римских монет, найденных в Ольвии, а в 1825 г. пожертвованием и продажей археологических памятников и книг положил начало собранию Одесского городского музея древностей. В 1842 г. оттуда его коллекция частью поступила в музей Одесского общества истории и древностей (гл. 7.1—2).³¹

Состав собрания Бларамберга известен по литературе: 1) лапидарные памятники, мраморы и барельефы, в том числе «мраморное изображение по весь рост философа Потамоана Александрийского, учредителя школы эклектической... Драгоценный сей памятник, превос-

²⁹ К 1825 г. И. П. Бларамберг был вдовцом (его жена, урожд. де Куртуне или Куртнер, из французской семьи, «издавна поселившейся в Москве», скончалась в 1818 г.), от брака имел 12 детей, но выжили девять, к 1848 г. — семеро (три дочери и четыре сына). Старшие дети — сын Арден (Александр Иванович, 1802—1859), впоследствии генерал-майор, управляющий Петергофским дворцовым управлением, дочь Наталья, замужем за испанским консулом в Одессе Людвигом де Кастельо, или Кастилио. Сыновья (по данным формулярного списка 1825 г.) — Ипполит 23 лет, находился на военной службе, впоследствии полковник, петербургский полицмейстер (1841—1849); Владимир 17 лет, впоследствии полковник, адъютант господара Валахии (в 1841 г.), женился на родственнице «бывшего владетельного господара Валахии Александра Гики и служил при нем» в Бухаресте (Румыния); Арсений 9 лет; Михаил 14 лет, с того же возраста «находился в статской службе» без получения жалования, как хороший рисовальщик и чертежник был помощником отца в его археологических исследованиях (Керчь, Симферополь, 1826—1827); впоследствии смотритель Бахчисарайского ханского дворца, подпоручик Кавказского саперного батальона (в 1841 г.), чиновник по особым поручениям керчь-еникальского градоначальства по Азовскому береговому надзору в чине губернского секретаря (в 1843 г.), одновременно исполнял обязанности директора Керченского музея древностей (1843—1844), в том же чине в 1845 г. командирован в Бахчисарай, где готовил ханский дворец к посещению вел. кн. Константина Николаевича, в 1846 г. служил при наместнике Кавказа М. С. Воронцове в Тифлисе; член-корреспондент Одесского общества истории и древностей. 1 ноября 1868 г. обратился к председателю Имп. Археологической комиссии гр. С. Г. Строганову с просьбой поручить ему «что-либо по археологии Новороссийского края» (РА ИИМК, ф. 1, оп. 1—1868, л. 43, л. 29). Дочери Бларамберга (на 1825 г.) — Елена 19 лет, Зинаида 18 лет, Елизавета 11 лет. См.: ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 13—16: формулярный список И. П. Бларамберга за 1825 г.; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 40; *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1799—1826* / Сост. М. А. Цявловский. Л., 1991. С. 353, 359; *Смирнова-Россет А. О.* Автобиографические записки. Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 75—76 (Литературные памятники); *Саложников С. А.* Бларамберги — русский дворянский род фландрского происхождения // *Изв. Русского генеалогического общества*. СПб., 1997. Вып. 8. С. 93—95; *Тункина И. В.* А. С. Пушкин и археологи юга России // *Пушкин и классические древности*. СПб., 1999. С. 20—23.

³⁰ *Тункина И. В.* Новые материалы о коллекции древностей И. П. Бларамберга // *Проблемы истории и археологии Нижнего Поднепровья: Тез. докл. науч. конф. Белгород-Днестровский, 1995*. С. 66—67.

³¹ Археологические открытия в полуденной России // *Сын Отечества*. 1818. Ч. 44. № 8. С. 82; ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 110, 126—126 об.; V, 1548—1561, л. 12—12 об., 42: Опись различным предметам древности из кабинета покойного Бларамберга, приобретенным для Одесского музея, а из него переданных Одесскому обществу истории и древностей. Составлена 27 ноября 1842 г. Н. Н. Мурзакевичем.

Рис. 26. Собрание И. П. Бламберга (ныне в ОАМ). Надгробие Потамона. Рисунок Карло Боссоли (НА ОАМ, инв. № 83179, табл. LXXI, № 98. Публ. впервые).

ходной греческой работы, найден в развалинах Халкидона, против Константинополя, где вероятно Потамон кончил дни свои и был погребен»³² (рис. 26), надписи и барельефы из Неаполя Скифского (гл. 13) и других мест Причерноморья; 2) керамика и терракоты: амфоры, керамические клейма, расписные и чернолаковые вазы, светильники, статуэтки; 3) предметы декоративно-прикладного искусства и быта из металла; 4) богатейшая коллекция монет из Причерноморья, которое собиратель называл «Нумизматическим Периплом Понта Эвксинского», из них ольвийских около 500—600 экз. (частью пожертвована самим собирателем и продана его потомками в Одесский музей, частью после смерти владельца приобретена бароном С. И. де Шодуаром³³); 5) мраморы и фрагменты керамики, найденные при раскопках святилища Ахилла на Тендровской косе (гл. 10.4); 6) памятники из Геркуланума и Помпей; 7) египетские древности.³⁴ Описание части собрания сохранилось в неизданных трудах Бламберга «*Antiquités découvertes en différents tems dans les ruines d'Olbia et conservées dans le Cabinet du Conseiller d'état de Blamber à Odessa*»,³⁵ «*Catalogues de différents antiquités du*

³² Свинын П. П. Обзорение путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 г., относительно археологии // ОЗ. 1826. Ч. 26. Кн. 72. С. 440—441. Надпись опубли.: *Journal d'Odessa*. 1826. № 19; СГБ, IV, 6978. Паспортизация этого памятника, поступившего в Одесский городской музей древностей (ныне в ОАМ, инв. № 50044), была искажена Н. Н. Мурзакевичем — в более поздних каталогах он ошибочно атрибутировался как найденный в Ольвии в 1828—1829 гг. (ИР ЦНБ, V, 1548—1561, л. 27 об. № 100) либо как происходящий из Константинополя или Кизика. См.: Мурзакевич Н. Н. О надгробном памятнике Потамоновом // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 283—285; *Laischew B.* Die in Russland befindlichen griechischen Inschriften // MDAI AA. 1885. Bd 10. S. 123—124; Одесский археологический музей АН УССР. Киев, 1983. С. 124, 185. № 233.

³³ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 475, л. 31.

³⁴ Свинын П. П. Взгляд на Одессу: (Из живописного путешествия по России издателя «Отечественных записок» 1825 г.) // ОЗ. 1830. Ч. 41. Кн. 117. С. 16—22.

³⁵ ИР ЦНБ, V, 1017, л. 16 об.—21 об. См. также рукописи в собрании М. С. Воронцова: РСА СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 1, д. 783 (иллюстрации см.: д. 779, табл. 1—7).

Рис. 27. Собрание И. П. Бларамберга (ныне в ГЭ). Чернофигурный килик из гробниц Нолы (область Кампания, Италия) с изображениями Геракла с конем Диомеда на внутренней стороне чаши, Персея и Гермеса — на внешней, работы мастера Псиакса. Рисунок М. И. Бларамберга (?) (ИР ЦНБ, V, 1061, л. 15. Публ. впервые).

Cabinet de Blaramberg»,³⁶ «Monuments antiques découverts dans la Nouvelle Russie, en partie dans l'ancienne Sarmatie Européenne et en partie dans le Chersonnese Taurique, publiés et accompagnés d'un texte explicatif» (1825) и др.³⁷

Среди работ Бларамберга следует отметить статью «Description de six vases antiques en terre cuite, découverts dans des tombeaux grecs, aux environs de Nola en Campanie»,³⁸ в сопровождении альбома рисунков.³⁹ Эти рукописи подробно описывают вазы, по современным датировкам и атрибуциям примерно одного времени — 520 г. до н. э., ставшие шедеврами его коллекции: чернофигурный килик красно-кораллового лака с изображениями на внутренней поверхности чаши Геракла с конем Диомеда, на внешней — с бегущими фигурами Персея и Гермеса, работы известного рисовальщика Псиакса (рис. 27);⁴⁰ краснофигурный алабастр того же мастера с изображением обнаженного атлета в коринфском шлеме, кнemiдах, со щитом и с амазонками (рис. 28), на котором поставлены подписи рисовальщика и владельца мастер-

³⁶ ИР ЦНБ, V, 1517; V, 1045, л. 1—7 об.

³⁷ Там же, V, 1041—1042. См. также: ОР РГБ, ф. 203, папка 193, № 4, л. 1—4 об. (текст без рисунков).

³⁸ ИР ЦНБ, V, 1029, л. 1—7 об. Другой вариант той же статьи в виде черновой рукописи см.: V, 1028, л. 1—8а: De treize vases antiques en terre cuite, accompagnés de deux flacons, ou vases à parfums, en albâtre, découverts dans des anciens tombeaux grecs, aux environs de Capoue. Памятники, привезенные из Афин и пожертвованные коллекционером городскому музею в начале 1826 г., описаны в статье без заглавия: ИР ЦНБ, V, 1027, л. 1—4 об. Ср.: ГАОО, ф. 93, оп. 2, д. 1, л. 66—67 об. (здесь же описание мраморных «обломка статуи Дианы» и коринфской капители, найденных в Пантикапее).

³⁹ ИР ЦНБ, V, 1061, л. 1—15: Dessins coloriés représentant différents sujets figurés sur six vases de terre cuite découverts en Campanie dans des tombeaux antiques.

⁴⁰ С 1930 г. в собрании ГЭ. См.: Горбунова К. С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983. № 56. С. 80—82.

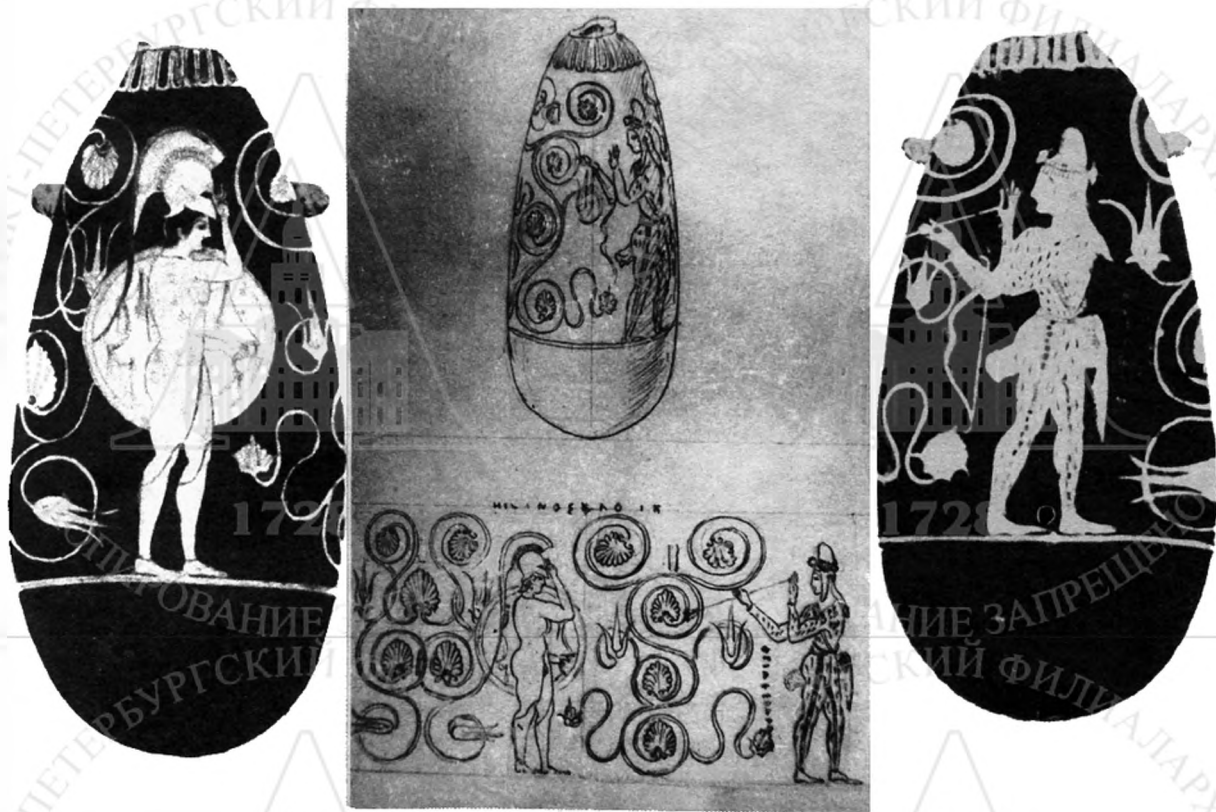

Рис. 28. Собрание И. П. Бларамберга (ныне в ОАМ). Краснофигурный алабастр из гробниц Ноля (область Кампания, Италия) с изображением атлета и амазонок, рисовальщика Псиакса и гончара Гилина. Рисунки М. И. Бларамберга (?) и К. Боссоли (в центре) (ИР ЦНБ, V, 1061, л. 12; НА ОАМ, № 83179, табл. LXXX. Публ. впервые).

ской гончара Гилина,⁴¹ белофонный чернофигурный лекиф (с отбитым горлом и венчиком), на мой взгляд, работы мастера Лисиппида или его мастерской (рис. 29), с изображением сидящих Аполлона, Геракла, Афины, Гермеса и Тезея (?),⁴² чернофигурный лекиф мастера Антимена с изображением квадриги и четырех воинов (рис. 30).⁴³ К тому же собранию принад-

⁴¹ Штерн Э. Р. Алабастр Псиакса и Гилина // ЗООИД. 1894. Т. 17. Отд. 1. С. 37—62. Место находки, как и принадлежность к коллекции Бларамберга, были автору неизвестны (см. с. 38). По сведениям Штерна, алабастр поступил в музей ООИД в 1842 г., ныне в ОАМ, инв. № 26602, см.: Одесский археологический музей... № 222. С. 113, 184). В «Описи Одесского городского музея древностей, переданного в 1858 г. в Одесское общество истории и древностей» он значится под № 120: «Расписной алавастрон с изображением воина и амазонки (шейка отломана, из Ноля)» (ИР ЦНБ, V, 1548—1561, л. 28 об.). Его рисунок имеется в альбоме К. Боссоли (НА ОАМ, инв. № 83179, табл. LXXX, № 235). Покойный Г. И. Соколов ошибочно отнес его к ольвийским памятникам. См.: Соколов Г. И. Ольвия и Херсонес: (Ионическое и дорическое искусство). М., 1999. С. 69—71. Рис. 41—42.

⁴² ОАМ, инв. № 26623. В альбоме «Одесский археологический музей...» (№ 226. С. 117, 184) лекиф определен как происходящий из коллекции М. С. и Е. К. Воронцовых и как якобы поступивший в музей в 1880 г. Дата поступления опровергается тем, что его рисунок присутствует не только в рукописях самого Бларамберга, но и в альбоме К. Боссоли начала 1840-х гг. с изображениями памятников Одесского городского музея древностей, куда поступила коллекция Бларамберга (НА ОАМ, инв. № 83179, табл. LXXIX, № 234). Возможно, после смерти антиквара вазы были приобретены М. С. Воронцовым и поступили в музей не позднее 9 мая 1844 г. в составе коллекции Воронцова, так как их описание присутствует в упомянутом перечне «помпейских и ноланских ваз и сосудов из Неаполя...» (ГАОО, ф. 93, оп. 2, д. 1, л. 95—96 об.). В «Описи Одесского городского музея древностей, переданного в 1858 г. в Одесское общество истории и древностей» лекиф значится под № 119: «Расписной сосуд с изображением 5 фигур черных по красному полю (шейка отломана, из Ноля)» (ИР ЦНБ, V, 1548—1561, л. 28 об.). О работах Лисиппида см.: Beazley J. D. The Development of Attic Black-Figure. London, 1986. P. 70—72, 85, 104.

⁴³ ОАМ, инв. № 23967. В альбоме «Одесский археологический музей...» (№ 228. С. 119, 184—185) и в статье А. М. Тарадаш «Несколько аттических чернофигурных ваз из собрания Одесского археологического музея» (МАСП. Киев, 1983. С. 143—145, рис. 2) лекиф также ошибочно отнесен к коллекции Воронцовых. См. указанный альбом

Рис. 29. Собрание И. П. Бларамберга (ныне в ОАМ). Белофонный чернофигурный лекиф из гробниц Нолы (область Кампания, Италия) с изображением Аполлона, Геракла, Афины, Гермеса и Тесея (?). Мастерская Лисиппида (?). Рисунок К. Боссоли (НА ОАМ, № 83179, табл. 112, № 234. Публ. впервые).

лежали чернофигурный скифос и краснофигурная пелика (рис. 31).⁴⁴ Судя по письмам Бларамберга к М. С. Воронцову, коллекция ваз, открытая в греческих гробницах Кампании в окрестностях Нолы, была выменена одесским антикварием у их прежнего владельца, грека-торговца, в доме которого они были «позабыты в углу» в течение десятилетия. Бларамберг, помня о том, что еще до восшествия на престол Николая I он подносил ему в дар различные археологические находки, направил императору рисунки ваз с объяснениями сюжетов и просил разрешения «положить к его ногам» эти «экзотические» древности. В феврале 1827 г. антикварию ответил министр Имп. двора князь П. М. Волконский, с благодарностью за подношение, но с извещением, что император повелел передать 11 ваз и 2 стеклянных «унгвентария» Одесскому музею, что вызвало недоумение Бларамберга, так как музей предназначался для собирания причерноморских памятников.⁴⁵

Несмотря на обострившуюся с 1823 г. болезнь,⁴⁶ Бларамберг продолжил активную научную и научно-организационную деятельность — по ходатайству М. С. Воронцова указом Александра I Сенату 19 июня 1825 г. антиквари был назначен чиновником по особым поручениям при новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе с окладом 3 тыс. р. серебром в год из средств государственного казначейства для «производства работ по отысканию

К. Боссоли (НА ОАМ, № 83179, № 112). В «Описи Одесского городского музея древностей...» он значится под № 122: «Расписная ваза с ручкою с изображением двух воинов в квадриге и сопровождающих их двух воинов» (ИР ЦНБ, V, 1548—1561, л. 28 об.).

⁴⁴ См. альбом К. Боссоли: НА ОАМ, № 83179, табл. LXXXI, № 120 (пелика); табл. LXXXVIII (скифос).

⁴⁵ РСА СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 2, д. 253, л. 5—6; Одесса, 10 марта / ОВ. 1827. 16 марта. № 21. С. 81.

⁴⁶ В письме к П. И. Кёппену от 12 мая 1823 г. Бларамберг сетует, что он вынужден не только «полностью отказаться от занятий древностями, но и исключить даже всякое длительное чтение» из-за угрозы полной потери зрения (ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 23, л. 3 об.).

*Voix de Saint Pierre
 Le sage chrétien
 No 2 de l'explication*

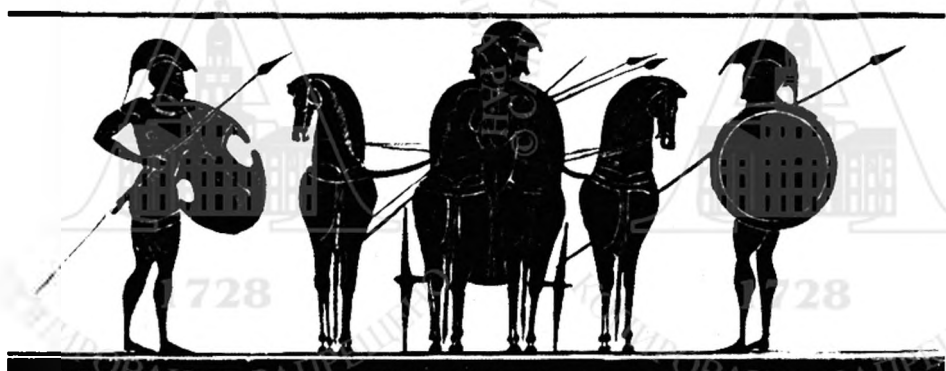

Рис. 30. Собрание И. П. Бламбергера (ныне в ОАМ). Чернофигурный белогонный лекиф мастера Антимена с изображением квадриги и четырех воинов из гробниц Ноли (область Кампания, Италия). Рисунки И. П. Бламберга (?) (ИР ЦНБ, V, 1061, л. 9. Публ. впервые).

древностей в Новороссийском крае и учреждения музеев в Одессе и Керчи».⁴⁷ Став директором создаваемых Одесского (1825) и Керченского (1826) музеев древностей, он через несколько месяцев подчинил себе и Феодосийский городской музей древностей (гл. 4. 4—6). Таким образом, в ведении антиквария оказались все государственные археологические коллекции Новороссийского края, за исключением Кабинета редкостей Черноморского депо карт в Николаеве.

Чрезвычайно плодотворной была научная деятельность археолога, посвятившего себя исключительно античной археологии Причерноморья. Его труды стали первыми попытками «со-

⁴⁷ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 26—27.

Рис. 31. Собрание И. П. Бларамберга (ныне в ОАМ?). Краснофигурная пелика с изображением Париса и Афродиты (?) из гробниц Нофы (область Кампания, Италия). Слева рисунок К. Боссоли (НА ОАМ, № 83179, табл. 112, № 234. Публ. впервые), справа — И. П. Бларамберга (ИР ЦНБ, V, 1061, л. 7. Публ. впервые).

вокупить многие рассеянные свидетельства и облегчить местные розыски». Он проводил раскопки в Ольвии (гл. 10.3),⁴⁸ Неаполе Скифском (гл. 13),⁴⁹ в окрестностях Керчи (гл. 14). Планы своих будущих археологических исследований Бларамберг утверждал у Воронцова, предполагая не превышать сумму в 1—1.5 тыс. р. в год, и впоследствии представлял детальные финансовые и научные отчеты. На оплату труда одного рабочего в Керчи уходило за сезон в среднем 1 р. 30 к. в день, что Бларамберг считал слишком накладным для казны и предлагал свой план удешевления раскопок.⁵⁰

⁴⁸ B[ларамберг J.]. Antiquités: (Article communiqué par Mr. de B.) // Journal d'Odessa. 1827. 24 déc./5 janv. № 100. P. 403—405 (сокращенный пересказ на рус. яз.: Бларамберг И. Древности // ОВ. 1828. 21 янв. № 6. С. 21—22).

⁴⁹ Blaramberg J. De la position des trois forteresses Tauro-scythes, dont parle Strabon. Odessa, 1831 (черновые рукописи см.: ИР ЦНБ. V, 1021, л. 1—8 об.; V, 1032, л. 1а—13 об.). Предварительные публикации и сокращенные рус. переводы см.: [Blaramberg J.] 1) Symphéropol, 9 juin // Journal d'Odessa. 1827. 18/30 juin. № 47. P. 187—188; 2) Antiquités: Article communiqué par Mr. le conseiller d'état de Blaramberg // Ibid. 5/15 sept. № 69. P. 275—277. То же на рус. яз.: Древности: Открытие признаков древней крепости близ Симферополя (извлечение из известий, сообщенных г. статским советником Бларамбергом и напечатанных на французском языке в № 47 и 48 сего вестника) // ОВ. 1827. 7 сент. № 70. С. 280—281; 10 сент. № 71. С. 284—285; 3) [Antiquités]: (Article communiqué par M. de B.) // Ibid. 17/29 sept. № 73. P. 291—292. То же на рус. яз.: Древности (дополнение к статье, помещенной в № 70 и 71) // ОВ. 1827. 24 сент. № 75. С. 301. См. также карту Симферополя с окрестностями, план городища и рисунки находок: «Cartes et dessins se rapportant à la découverte récente de différentes antiquités, trouvées près de la ville de Symphéropol en 1827» (ОР РГБ, ф. 203, п. 193, № 1, л. 1—13; ГАРФ, ф. 1463, оп. 2, л. 1217, л. 13—21).

⁵⁰ РСА СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 2, д. 253, л. 1 об., 5 об., 8, 9, 18—18 об.

В 1827 г. в сотрудничестве с Дюбрюксом (см. гл. 3.2) и своими сыновьями Михайлом и Владимиром директор музея составил планы руин городов Европейского Босфора, собранных им в конволюте «Tracés approximatifs des vestiges de l'ancien Cimerium, d'Acra, de Nymphée, de Mirmesium et de Tiritase», где попытался локализовать античные города и поселения от мыса Фонари и Еникале до «древнего порта Киммериум» и соленого озера Элькен (рис. 32—36).⁵¹

Бларамбергом написано несколько десятков статей, многие из которых остались неизданными.⁵² Значительное число его мелких заметок рассеяно в иностранных и русских газетах.⁵³ Бларамберг установил широкие контакты с западноевропейскими специалистами. И. А. Стемпковский предоставлял материалы Бларамберга для публикации французскому антиковеду Д. Рауль-Рошетту, П. И. Кёппен — берлинскому профессору А. Бёку.⁵⁴ Благодарядействию того же И. А. Стемпковского Бларамберг издал в Париже два исследования: первое об Ольвии и ее монетах⁵⁵ (см. гл. 10.3), второе — описание находок из кургана Н. Ю. Патиньоти близ Керчи, с посвящением герцогу Ришелье (гл. 14).⁵⁶ Находившийся с января 1827 г. в Лондоне М. С. Воронцов ознакомил с сочинениями И. П. Бларамберга мужа своей родной сестры лорда Георга-Августа 11-го графа Пемброка (Pembroke), графа Мюнстера (Munster) и других английских антиквариев, а также сотрудников Британского и Ганноверского музеев, Азиатского общества Великобритании и Ирландии, Общества древностей Калькутты, членом-корреспондентом которых был избран одесский археолог.⁵⁷

В круг интересов антиквария входили античные эпиграфика,⁵⁸ нумизматика,⁵⁹ искусство (круглая и рельефная скульптура, изделия из металла, терракоты, вазопись и керамика).⁶⁰

⁵¹ ИР ЦНБ, V, 1030, л. 1—4: *Blaramberg J. Géographie ancienne: Notice sur la position du Parthénium, et de l'Achilléum de Strabon, considérés comme points de trajet, d'une rive du Bosphore Cimmérien à l'autre.* Ср. также: ГАРФ, ф. 1463, оп. 2, л. 1217, л. 2 об.—3. Вырезка из: *Journal d'Odessa*. 1828. 18/30 janv. № 5. P. 17—19, на которую наклеены рукописные планы северной части Керченского пролива, а также северной части Тендровской косы и Кинбурнского полуострова.

⁵² Мурзакевич Н. Н. Приобретение обществом неизданных сочинений Бларамберга // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 652.

⁵³ Неполный перечень см.: Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с XVII столетия по 1892 г. на русском и иностранных языках. С прибавлением за 1893, 1894 и 1895 годы / Сост. П. И. Прохоров. СПб., 1898 (по указат.). К сожалению, в библиотеках Петербурга отсутствуют полные комплекты французского и русского изданий одесской газеты «*Journal d'Odessa*» («Одесский вестник»), поэтому ссылки на конкретные страницы здесь и далее в ряде случаев не указаны.

⁵⁴ По свидетельству Дюбрюкса, Бларамберг посредственно знал древнегреческий язык и «переводил самые короткие и обыкновенные фразы с большим усилием и трудом». См.: *Дюбрюкс П.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море / Пер. с франц. А. Дюбрюкса // ЗООИД. 1858. Т. 4. Отд. 1. С. 46. Примеч.

⁵⁵ *Choix des médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia faisant partie du cabinet de Blaramberg à Odessa.* Paris, 1822.

⁵⁶ *Blaramberg J.* Notices sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride dans un Tumulus, près du site de l'ancienne Panticapée. Paris, 1822. 31 p., pl. Экземпляр французского издания с карандашными пометами и рисунком пером сохранился в архиве А. С. Норова (ОР РНБ, ф. 531, д. 811). Пересказ на рус. яз. см.: Древности, найденные в Тавриде: Извлечение из книжки: Notices sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride, etc. Par Mr. de Blaramberg // Новости литературы, изданные А. Воейковым и В. Козловым: Прибавление к «Русскому инвалиду» на 1822 г. СПб., 1822. Кн. 2. № 17. С. 54—57; № 18. С. 73—75.

⁵⁷ РСА СПбФ ИРи, ф. 36, оп. 2, д. 253, л. 1, 2.

⁵⁸ *Бларамберг И. П.* [Blaramberg J.] 1) Article communiqué par Mr. de B[lar]amberg // *Journal d'Odessa*. 1827. 19/31 mars. № 22. P. 85—86 (о двух надгробиях из Рени); 2) Du culte de Vénus sur les rives du Bosphore Cimmérien // Ibid. 1828. 2/14 juin. № 44. P. 195—196 (КБН 35); 3) Antiquité // Ibid. 1828. 15/27 déc. № 100. P. 424—425 (КБН 63, 73) (рус. перевод: Древности // ОВ. 1828. 22 дек. № 102. С. 432—434); 4) Antiquités // Ibid. 1829. 13 mai. № 35. P. 137—138 (надписи, привезенные из Варны); 5) Antiquités // Ibid. № 86. С. 372 (КБН 35); 6) Paléographie // Ibid. № 88. С. 381—382 (ИРЕ, 12, 418); 7) Antiquité // Ibid. № 91. P. 393—394 (о надгробии, привезенном из Созополя); 8) Antiquité // Ibid. № 95. P. 416—417 (надпись агораномов); 9) Antiquité // Ibid. № 98. P. 428 (две надписи из Месембри); 10) Древность // ОВ. 1830. № 29. С. 114 (надписи из Херсонеса: в честь императора Зенона и ИРЕ, 12, 435).

⁵⁹ Помимо указанной брошюры об ольвийских монетах его собрания, изданной в Париже в 1822 г., см.: *B[lar]amberg J.* *Odessa*, 6 août. // *Journal d'Odessa*. 1830. № 63. P. 249—250 (о монетах, найденных в Крыму).

⁶⁰ *Бларамберг И. П.* [Blaramberg J.] 1) Объяснительная записка о сюжете рисунка на древней терракотовой вазе, найденной в Одессе в 1826 г. // *Journal d'Odessa*. 1826. № 76, 78, 82 (то же: *Journ. de St-Petersbourg politique et littéraire*. 1826. № 125, 130); 2) Antiquités: Article communiqué par Mr. de B[lar]amberg // Ibid. 1827. 30 mars/11 avr. № 25. P. 97—98 (о сюжете вазы, найденной у одесского театра); 3) Vase à une anse, en terre cuite, orné d'un tableau dont les figures sont noires, sur un fond de couleur rougeâtre, tirant sur l'orange // Ibid.

План развалинам г. Мирмекнона

Масштаб в Английском дюйме 25 сажен

1" = 25 саж.

Рис. 33. И. П. Бларамберг. «План развалинам г. Мирмекнона. Масштаб в английском дюйме 25 саж. [1:2100]. Копировал 6 февраля 1834 П. Кёппен» (ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 475, л. 212).

изучение древних культов, историческая география Северного Причерноморья (рис. 37).⁶¹ В статье о древностях Аккермана и Овидиополя, основываясь на находках двух медных монет Тиря из собственного собрания (одна с погрудным изображением Александра Севера

27 avr./9 mai. № 32. P. 128; 4) Antiquités: Article communiqué par Mr. de B[ларамберг] // Ibid. 1827/28. 24 déc./ 5 janv. № 100. P. 403—405 (рус. перевод: Древности // ОВ. 1828. 21 янв. № 6. С. 21—22); 5) Мнение г. Бларамберга о двух вазах, открытых в Одессе в 1823 и 1826 годах // Русский инвалид. 1827. № 18. С. 70—72.

⁶¹ Бларамберг И. П. [Blaramberg J.] 1) Рассуждение о ристалище Ахилла // Северный архив. 1825. Ч. 18. С. 349—364; 2) Géographie ancienne // Journal d'Odessa. 1828. 1/13 août. № 61. P. 269—270. Рус. перевод: Древняя география // ОВ. 1828. 11 авг. № 64. С. 280—282; Замечания на статьи в «Московском телеграфе», № 4, и в «Северной пчеле», № 77 за 1828 г., о величине о-ва Певка и местоположении Истрии; 3) Géographie ancienne: Notice sur la position du Parthénium, et de l'Achilleum de Strabon, considérés comme points de trajet d'une rive du Bosphore Cimmérien à l'autre // Ibid. 1828. 18/30 janv. № 5. P. 17—19; 4) De l'existence d'un établissement grec sur une partie de l'emplacement qu'occupe aujourd'hui la ville et le port d'Odessa, et de la découverte faite récemment, près du nouveau boulevard de cette ville, de l'os fémur fossile d'un animal, selon toute apparence, antédiluvien // Ibid. 1828. 19/31 mai. № 40. P. 175—176; 5) Géographie ancienne: Recherches sur la position de l'ancienne Théodosie et sur celle du port des Tauro-Scythes // Ibid. 1829. № 7. P. 25—27; 6) Antiquité: Observations et conjectures sur la position de l'ancienne colonie grecque de Cytée (Kytas ou Kydaia), en Tauride // Ibid. 1830. 21 juin/3juil. № 50. P. 198—199; 7) О предполагаемом местоположении Дианина храма в Тавриде: Рассмотрение сведений, сообщенных нам знаменитейшими писателями древности касательно места, где, как думают, приносили Тавры в жертву Диане, или Ифигении, людей // Одесский альманах на 1831 год, изданный П. Морозовым и М. Розбергом. Одесса, 1831. С. 298—307; 8) De la position des trois forteresses Tauro-Scythes dont parle Strabon, avec carte, plans, copies d'inscriptions et dessins d'après des marbres antiques. Odessa, 1831 (неполный нем. перевод: Untersuchungen über die Lage der Burg Palakion des Strabo und über den Ursprung des Namens Balaklava // Die Quatember, herausg. von Dr. Trautvetter. Mitau, 1829. Bd 1. Hf. 2. S. 26—33; рус. перевод А. Л. Бертье-Деллагарда: ИТУАК. 1889. № 7. С. 56—69). См. рецензию: Московский телеграф. 1831. Ч. 40. № 16. С. 510—511; 9) Замечания на некоторые места древней географии Тавриды // Пер. с франц. Г. И. Соколова // ЗООИД. 1848. Т. 2. Отд. 1. С. 1—19.

была до тех пор неизвестна, другая — времени императора Геты, обе монеты с надписями ΤΥΡΑΝΩΝ), открытой в 1823 г. «мраморной натуральной величины головы превосходной греческой работы» (по мнению Бларамберга, принадлежавшей статуе или бюсту Дианы), археолог доказывал, что древняя Тира, отождествляемая им с Офиуссой, локализуется на месте Аккермана (ныне Белгород Днестровский), а Никоний — в районе Овидиополя, близ которого была найдена «монета Александра Македонского» (голова Геракла — лук, колчан и палица).⁶² Одним из первых Бларамберг обратил внимание на важность изучения не только лапидарных памятников, но и керамической эпиграфики (гл. 8.3). Анализируя надписи, привезенные В. Г. Тепляковым из Болгарии и Румелии (гл. 9), он «открыл существование пятисоюзия» городов Западного Причерноморья — античных Том (ныне Констанца), Каллатиса (ныне Мангалия) Одесса (ныне Варна), Месембрии (ныне Несебыр), Аполлонии (ныне Созополь).⁶³

Имя *Ивана Алексеевича Стемпковского* (1788—1832), одного из создателей классической археологии в России, сегодня практически забыто и малоизвестно даже в кругах специалистов. Между тем современные археологи-классики работают над решением тех задач, которые были поставлены им перед отечественным антиковедением около 180 лет тому назад.⁶⁴

Биографические сведения о И. А. Стемпковском в литературе достаточно скупы и грешат многочисленными ошибками. Достоверными источниками об основных вехах его жизненного пути остаются архивные документы, до сих пор не привлекавшие внимания исследователей. Даже точную дату и место рождения ученого мне удалось установить сравнительно недавно благодаря его записи, сохранившейся в альбоме акад. П. И. Кёппена в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Запись для Кёппена сделана И. А. Стемпковским в Вене в октябре 1822 г. «Исполняя желание любезного хранителя сих листов, присоединяю время и место моего рождения: 14 июня 1788 года, в с. Никольском на Волге близ Царицына, в Саратовской губернии».⁶⁵ В обстоятельной биографии И. А. Стемпковского, тепло написанной А. Б. Ашиком, указаны другой год — 1789, без числа и месяца, и место рождения — село Рязановка Петровского уезда, Саратовской губернии.⁶⁶ Здесь местом рождения ошибочно названо родовое имение, которое унаследовал Иван Алексеевич после смерти отца. По данным формулярного списка на 1831 г. И. А. Стемпковский владел 32 душами крестьян мужского пола.⁶⁷ Неверные сведения о дате и месте рождения Ивана Алексеевича перешли в другие статьи о нем.⁶⁸

Род Стемпковских, по сообщению его двоюродной праправнучки Э. В. Журомской (Москва), имеет польские корни. Прадед Ивана Алексеевича Якоб (Яков), польский шляхтич, троюродный брат мстиславского помещика и воеводы Иосифа, с которым Якоб имел один герб, бежал в Великороссию, затем в Малороссию, спасаясь от преследований римско-католической церкви, так как был «греческого» (т. е. православного) вероисповедания, и умер в Смоленске

⁶² *Blaramberg J.* Одесса, 1 января [статья без названия на франц. яз. о древностях Аккермана и Овидиополя] // *Journal d'Odessa*. 1827. 1/17 janv. № 1. Р. 1—3; 8/20 janv. № 2. Р. 6—8. Сокращенный рус. перевод: *Бларамберг И. П.* Одесса, 20 января // *ОВ*. 1827. 22 янв. № 6. С. 21—22. Позднее в Аккермане были найдены монеты эмиссии Тиры с именами Юлии Домны, Септимия Севера и Геты, золотая монета Лисимаха, римские серебряные монеты «Веспасиана, Домициана, Траяна, Адриана, Антонина Пия, Марка Антонина, Фаустины и Криспины». В кургане близ местечка Татарбунары Аккерманского уезда около 1821 г. были вырыты римские монеты. См.: *AB* СПбФ ИВ, ф. 52, оп. 1, д. 10, л. 1; *Беккер П. В.* Берег Понта Евксинского от Истра до Борисфена, в отношении к древним его колониям // *ЗОИИД*. 1853. Т. 3. Отд. 3. С. 183—185.

⁶³ *Скоков Г. И.* Бларамберг Иван Павлович. С. 103.

⁶⁴ См.: *Тункина И. В.* Иван Алексеевич Стемпковский: Материалы к биографии // *ΣΥΣΤΙΤΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева*. СПб., 2000. С. 357—379.

⁶⁵ *РО ИРЛИ*, отд. пост., № 10102, л. 31 об.; *Тункина И. В.* Автографы археологов в альбоме П. И. Кёппена // *СА*. 1987. № 4. С. 225.

⁶⁶ *Ашик А. Б.* И. А. Стемпковский: [Некролог] // *ЗОИИД*. 1863. Т. 5. С. 907 (с редакторскими подстрочными примечаниями Н. Н. Мурзакевича). См. также: *[Aschik A.] Nécrologie: (Article communiqué) // Journal d'Odessa*. 1833. 13/25 janv. № 4. Р. 13—14; рус. перевод: *[Ашик А. Б.] Некрология: Иван Алексеевич Стемпковский // ОВ*. 1833. 21 янв. № 6. С. 21—22.

⁶⁷ *РГИА*, ф. 1349, оп. 4—1831, д. 105, л. 109 об.

⁶⁸ *Юргевич В. Н.* Исторический очерк... С. 37. Примеч. 1; *Ф. К. Стемпковский Иван Александрович [sic! ошибка, правильно Алексеевич] // РБС*. СПб., 1909. Т. Смеловский—Суворова. С. 377; *Веселовский Н. И.* О приобретении для Императорского Эрмитажа нумизматической коллекции И. А. Стемпковского // *ИТУАК*. 1915. № 52. С. 186; *Szetyho Z. Paul Dubrux — «ojciec archeologii bosporańskiej» // Meander*. 1969. Rok 24. Sl. S. 44.

Планъ развалинамъ укрѣпленія Акры

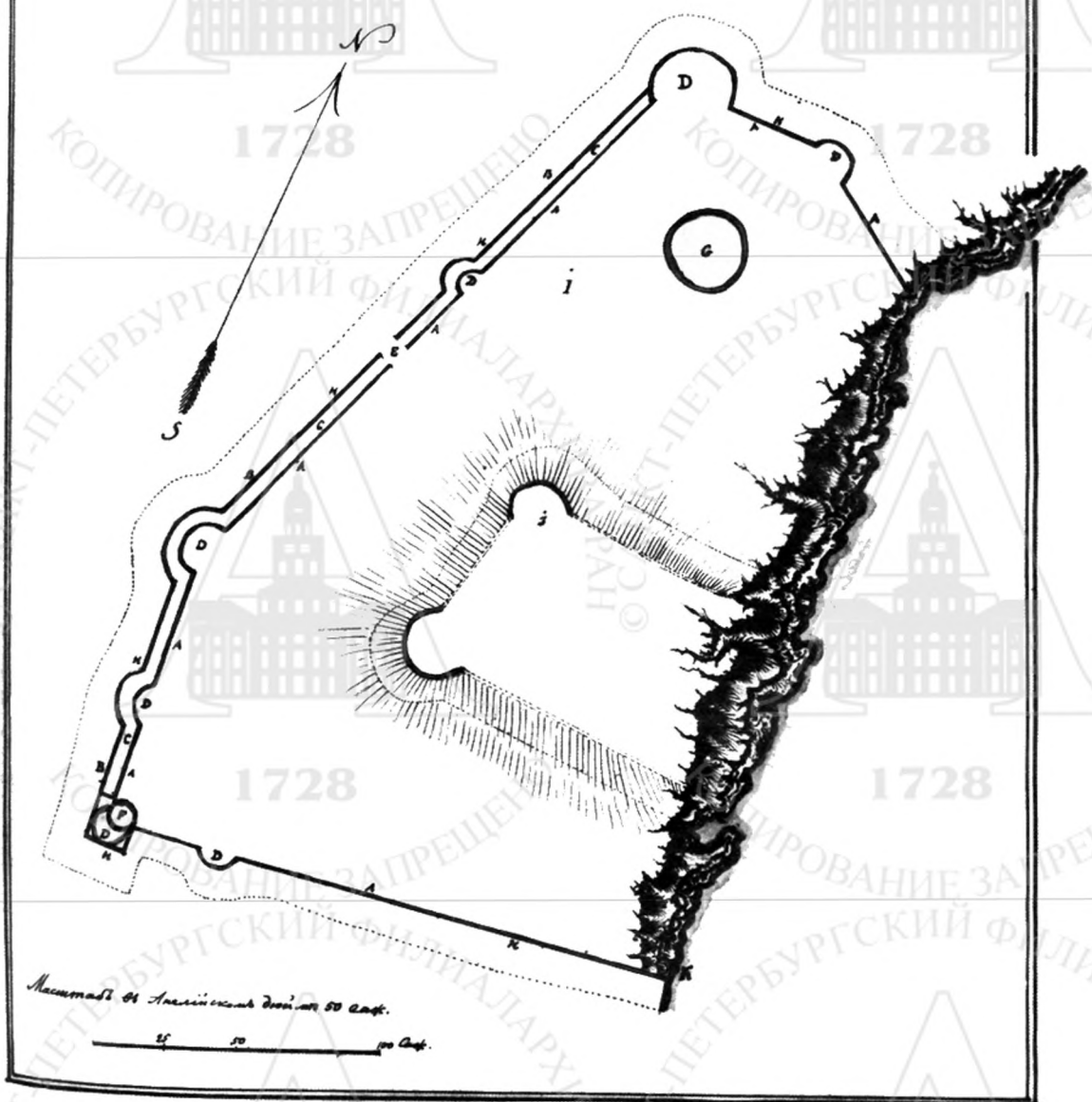

Рис. 35. И. П. Бларамберг. «План развалинамъ укрѣпленія Акры (Китей). Масштабъ в англійскомъ дюйме 50 саж. [1 : 4200]. Копировалъ 4 февраля 1834 г. П. Кёппен» (ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 475, л. 210).

Планъ развалинамъ города Киты (Cytae):

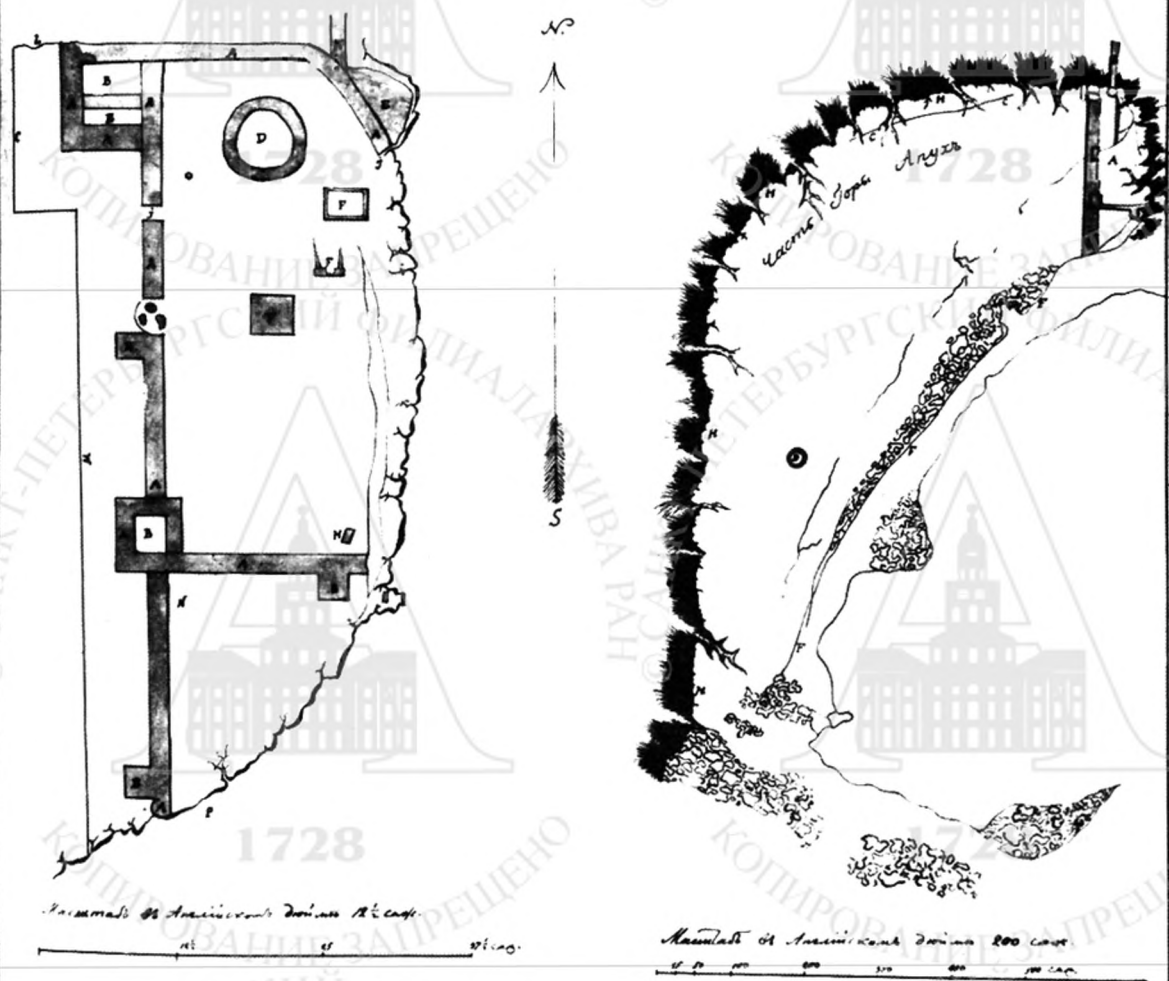

Рис. 36. И. П. Бларамберг. «Планъ развалинамъ города Киты (Cytae) (холм «А» на восточномъ краю плато Опух). Копировалъ 6 февраля 1834. П. Кёппен». Слева: «Масштабъ въ Английскихъ дюймахъ 12.5 саж. [1 : 1050]». Справа: «Масштабъ въ Английскихъ дюймахъ 200 саж. [1 : 16800]» (ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 475, л. 211).

в 1734 г. Сын Якоба Ерофеев в 1762 г. принял российскийское подданство; один из сыновей последнего Алексей, дослужившийся до чина статского советника, стал отцом четырех сыновей и четырех дочерей, старшим из которых был Иван Алексеевич Стемпковский. О его матери известно лишь то, что она была дочерью казачьего полковника, остановившего войска Е. Пугачева. Современница Стемпковского А. О. Смирнова-Россет, писавшая свои мемуары по памяти, в разных случаях называет его то как Цветогоров, то как Цыпленков (правильно — Цыплетев).⁶⁹ В переписке императрицы Екатерины II с Г. А. Потемкиным упоминается полковник Иван Еремеевич Цыплетев, комендант Царицына, сумевший с рекрутами-новобранцами и местными купцами отбить два жестоких штурма, предпринятых Е. Пугачевым 21—22 августа 1774 г. незадолго до прибытия туда А. В. Суворова. Полковник был жив еще в 1788 г., в 1782 г. он писал Потемкину из Саратова, прося продлить срок службы.⁷⁰ И. Е. Цыплетев являлся дедом Стемпковского со стороны матери, и скорее всего мальчик был назван Иваном именно в его честь.

Рано осиротевший мелкопоместный дворянин И. А. Стемпковский получил первоначальное образование в Саратовском народном училище, которое закончил в 1804 г. и в 16-летнем возрасте 14 сентября того же года поступил на военную службу под начальство своего дяди Ф. А. Кобле⁷¹ подпрапорщиком в Ладужский пехотный полк (25 мая 1806 г. был произведен в прапорщики). «Сын бедного дворянина и племянник жены коменданта (Одессы. — И. Т.) Кобле, он находился при ней в Одессе, когда Ришелье приехал начальствовать в этот город. Дюку мальчик полюбился, он воспитал его, определил в службу, взял к себе в адъютанты и деятельно употреблял по службе. Можно сказать, что Стемпковский выросал вместе с Одессой и принимал участие в устройстве нового портового города. Светская образованность была в нем отличная, а ученость его по археологической части простиралась до того, что он был избран членом Французского института», — вспоминал известный мемуарист Ф. Ф. Вигель.⁷² Обстоятельства знакомства Ивана Алексеевича с херсонским военным губернатором и градоначальником Одессы иначе вспоминал керченский археолог А. Б. Ашик — на одном из смотров Ладужского пехотного полка молодого офицера заметил герцог,⁷³ что оказало решающее влияние на последующую судьбу и быструю служебную карьеру Стемпковского: 30 августа 1808 г. он назначается дивизионным адъютантом и личным секретарем Ришелье (официально был им вплоть до 1815 г., а фактически продолжал состоять до конца 1819 г.).

Ришелье сделал удачный выбор, обратив внимание не только на «приятную наружность» и светскость молодого человека, но и на его обширные познания в различных науках, полученных главным образом путем самообразования: по данным формулярного списка, Стемп-

⁶⁹ Смирнова-Россет А. О. Автобиографические записки. С. 145, 412.

⁷⁰ Екатерина II и Г. А. Потемкин: Личная переписка, 1769—1791 гг. / Изд. подгот. В. С. Лопатин. М., 1997. С. 40, 592, 594—595 (Литературные памятники).

⁷¹ Фома Александрович Кобле, Коблен или Коблей (Cobley, 1761—1828), генерал-майор. Родом шотландец, сын английского консула в Ливорно, на русской службе с 1788 г., был адъютантом у М. И. Кутузова, шеф Царицынского гарнизонного полка (08. 01. 1799—08. 06. 1799), затем служил в Николаеве, с 1801 г. одесский комендант и шеф Ладужского мушкетерского (с 22. 02. 1811 — пехотного) полка (27. 12. 1801—22. 02. 1811), градоначальник Одессы после отъезда Ришелье во Францию (с конца 1814 г. по 18 ноября 1815 г.). Фамилия Кобле сохранилась в топонимике окрестностей Одессы в названии имени Коблевка в 45 верстах к востоку от города (в первой половине XIX в. — почтовая станция; другое название Троицкое, ныне п. Коблево Николаевского обл. Украины). Кобле был женат на родной сестре матери И. А. Стемпковского. Прибыв в Поволжье в составе комиссии по приказу Екатерины II, Кобле тайком увез девушку из Царицына верхом на лошади и обвенчался с ней на первой почтовой станции. Дети Кобле приходились Стемпковскому кузинами и кузенами: дочь Клавдия Фоминична (р. 1801) была замужем за маркизом Филиппом Осиповичем Пауллучи (1779—1849), в 1812—1829 гг. генерал-губернатором Остзейских провинций (Эстляндии с 1819 г., потом Курляндии и Лифляндии); сын Аполлон Фомич (р. 1811) управлял имением Коблевка. Родная сестра генерала Ф. А. Кобле Генриетта Александровна (1764/1765—1843) с 1784 г. была замужем за адмиралом, морским министром Николаем Семеновичем Мордвиновым (1754—1845), а одна из их дочерей Вера Николаевна (1790—1834) была женой обер-прокурора Сената Аркадия Алексеевича Столыпина (1773—1825). См.: Смирнова-Россет А. О. Автобиографические записки. С. 145, 412, 663; Мордвинова Н. Н. Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о семействе его: (Записки его дочери) // Записки русских женщин XVIII—первой половины XIX века / Сост., вступ. ст. и коммент. Г. Н. Моисеевой. М., 1990. С. 412—413. Военный историк А. И. Михайловский-Данилевский, со стороны жены — Анны Павловны Чемодановой, также являлся дальним родственником И. А. Стемпковского через саратовских помещиков Яковлевых, Жуковых и Стемпковских. Этот факт я установила, изучая переписку историка, хранящуюся в РО ИРЛИ.

⁷² Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1893. Ч. 7. С. 210.

⁷³ Ашик А. Б. И. А. Стемпковский. С. 907.

русский владел французским, немецким, итальянским языками, изучал арифметику, геометрию, историю, географию, умел чертить и рисовать. По словам Ашика, он «обладал в высшей степени даром языков... говорил на многих живых языках в совершенстве и знал языки греческий и латинский... Его разговор был блестящ и душевен...». Мемуаристы (А. Б. Ашик, Ф. Ф. Вигель, П. Дюбрюкс и др.) единодушно отмечают редкие душевные качества и открытость характера Стемповского, заслужившего к себе «отеческую любовь и искреннее уважение» Ришелье: благородство, редкое бескорыстие, способность к самопожертвованию, ясность ума, исключительное трудолюбие и ответственность за порученное дело, которые были высоко ценимы всеми, с кем ему довелось общаться. Стемповский перенимал от своего покровителя склонность к пуританскому образу жизни, отсутствие стремления к роскоши, демократизм в общении.

Совершая частые поездки по служебным делам, Стемповский увлекся классической археологией Северного Причерноморья, главным образом нумизматикой, эпиграфикой и исторической географией. По свидетельству его друга И. Мефреди, с 1809 г. Иван Алексеевич стал собирать коллекцию античных монет. Ашик пишет, что Стемповский еще с 14-летнего возраста увлекся наукой о древностях. Нумизматические памятники он приобретал у торговцев (евреев, греков и армян), покупал случайные находки, клады и целые коллекции. В Одессе тогда ходило «множество разных древних монет, которые сбывались денежным менялам. Ящики с разномною ходячею монетою изобиловали и древнею».⁷⁴ Известно, что в середине 1820-х гг. за несколько тысяч рублей Стемповский приобрел небольшое собрание одесского цензора А. Ф. Спады (о нем см. гл. 4.4).

Везде и всюду Стемповский сопровождал своего покровителя Ришелье, не упуская возможности отличиться на военном поприще. В июне—августе 1809 г. он принимал участие во взятии крепости Анапы, причем за «отличное усердие к службе и труды» был награжден орденом Св. князя Владимира 4-й степени (4 октября 1809). За отличие в сражениях 11—22 декабря 1810 г. с черкесами за рекой Кубанью, близ крепости Анапы, на вершинах Чоголеза, при реке Чемезе и при занятии батарей и крепости Сулжук-Кале 8 февраля 1811 г. он был произведен в поручики. 29 октября—13 ноября 1811 г. участвовал в военной экспедиции против шапсугов («сапсугов»), в сражениях в ущельях Афиписких и при реке Шепсе.⁷⁵ 1 февраля 1812 г. И. А. Стемповского перевели из Ладожского пехотного полка в элитное подразделение тогдашней армии — лейб-гвардии Измайловский полк, причем 18 февраля 1816 г. он был произведен в штабс-капитаны, а 22 октября того же года — в капитаны.

27 сентября 1814 г. Ришелье в сопровождении Стемповского выехал из Одессы в Вену, а затем в Париж. В июне 1815 г. на исходе заграничных походов русской армии в Германию и Францию Иван Алексеевич был причислен к штату офицеров Главной квартиры императора. С июня 1816 г. по ноябрь 1818 г. офицер находился при штабе отдельного корпуса во Франции, состоявшего под командованием генерал-адъютанта М. С. Воронцова.⁷⁶ Знакомство с графом положило начало доброжелательным отношениям между ними.

До нас дошел литографированный портрет Ивана Алексеевича, тогда адъютанта Ришелье, выполненный в Париже Э. Бушарди между 1816 г. и 1818 г., в форме капитана лейб-гвардии Измайловского полка (рис. 38). «Наружность имел он приятную, а характер кроткий и твердый, т. е. истинно благородный», — вспоминал Вигель.⁷⁷ Подлинник портрета был подарен князем З. А. Херхеулидзевым⁷⁸ музею Одесского общества истории и древностей.

23 сентября 1818 г. Стемповский был произведен в полковники с переводом в 43-й егерский полк «с отданием старшинства противу сверстников с 31 генваря того же 1818 года», причем по документам полка он «показывался всегда в командировке при... герцоге Ришелье». Вигель вспоминал о своем знакомстве со Стемповским в Париже в 1818 г.: «В чине полковника числился он тогда по армии и из особой любви и уважения государя к состоящему также по армии генералу Ришелье оставлен был при нем».⁷⁹

⁷⁴ Записки Н. Н. Мурзакевича / Публ. В. М. Дабижи // РА. 1887. Т. 55. № 3. С. 656.

⁷⁵ РГВИА, ф. 395, оп. 14—1825, д. 64, л. 3 об.—4.

⁷⁶ Там же, л. 4.

⁷⁷ Вигель Ф. Ф. Записки. Ч. 7. С. 211.

⁷⁸ О портрете имеется запись Н. Н. Мурзакевича в картотеке иллюстративного материала ООИД. См.: РО ИРЛИ, ф. 603, оп. 1, д. 20, л. 73.

⁷⁹ Вигель Ф. Ф. Записки. Ч. 7. С. 210.

Рис. 38. И. А. Стемпковский. Литография с портрета Э. Бушарди (Париж).

Благодаря своему покровителю Стемпковский получил возможность вести научные занятия в Парижской Академии надписей и изящной словесности, где сблизился с известным антиковедом Дезире Рауль-Рошеттом, посвятившим ряд книг античной истории Северного Причерноморья. Живя в Париже в 1815—1819 гг., Иван Алексеевич трудолюбиво пополнял свое образование. Все свободное время он посвящал изучению античных и средневековых авторов, из которых сделал 6 толстых томов выписок в формате *in quarto*.⁸⁰ Вероятно, ко времени пребывания во Франции относятся его первые научные опыты — год спустя, в 1820 г. в Париже была опубликована книга маркиза де Кастельно⁸¹ о древнейшей и современной истории Новороссии, включающая ряд написанных И. А. Стемпковским глав.

Но вернемся к служебной карьере Стемпковского. 13 января 1820 г. он был переведен в 38-й егерский полк, причем из-за болезни «находился большей частью в отпуску, состоя при полку на лицо не более трех с половиною месяцев» и «по слабости здоровья своего никакой особенной частию... не командовал в оном».⁸² 16 января 1821 г. офицер был «назначен состоять по армии», хотя фактически в течение 4 лет оставался без должности. С 16 февраля 1820 г. был «уволен на 4 месяца» в отпуск, но по болезни в полк явиться вовремя не смог. По заключению дивизионного доктора Мещерского, Стемпковский страдал «после продолжительной лихорадки завалами внутренностей, а от сего ипохондрическими и геморроидальными припадками».⁸³

С 17 сентября 1821 г. по 25 ноября 1822 г. Иван Алексеевич находился в заграничном отпуске в надежде на избавление от мучавшей его долгие годы чахотки. Встреча Стемпковс-

⁸⁰ Ашик А. Б. И. А. Стемпковский. С. 909.

⁸¹ Маркиз *Габриэль де Кастельно* (*de Castelnau*, 1756/1757—1827), французский роялист, бежал из Франции во время Великой Французской революции и прибыл в Россию при Павле I. В 1803 г. вместе с герцогом Ришелье приехал в Одессу и состоял при нем чиновником по особым поручениям (1803—1814), затем вернулся на родину. Автор сочинения «*Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie*» (Paris, 1820. Vol. 1—3, с посвящением имп. Александру I; 2-е изд. Paris, 1827). В этом труде И. А. Стемпковскому принадлежат следующие главы: в первом томе «*Coup d'oeil sur quelques restes d'antiquités dans la Nouvelle Russie*», во втором томе «*Des Ménonistes colons et voisins des Nogaïs*» и «*Des Kozaks de la mer Noire*». В первом томе на с. 206—212 Кастельно пишет, что сведения о древних монетах предоставлены ему Стемпковским. Сам Иван Алексеевич очень критично относился к поверхностной книге Кастельно. В письме к Кёппену от 7 октября 1825 г. из Одессы он писал: «Без справок (т. е. без опоры на источники. — И. Т.) трудно что дельное написать, если не хочешь выдать что-либо подобное древней истории Новороссийского края маркиза Кастельно» (ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 282, л. 14). Некролог Г. де Кастельно см.: *Nécrologie // Journal d'Odessa*. 1827. 12/24 févr. № 12. Р. 46—47.

⁸² РГВИА, ф. 395, оп. 14-1825, д. 2, л. 8.

⁸³ Там же, л. 2 об., 3, 5.

кого в Ришелье в Париже оказалась последней. После смерти герцога Стемпковский написал о нем панегирическую статью для «Journal asiatique», позднее изданную в русском переводе в «Вестнике Европы» и в «Записках» Одесского общества истории и древностей.⁸⁴ Стемпковский представил Академии надписей ряд своих работ о новейших эпиграфических и нумизматических находках в Причерноморье и тогда же был избран ее иностранным членом-корреспондентом (1821).⁸⁵ Он привез во Францию и все свое значительное собрание монет, «чтобы показать оное ученым нумизматам». ⁸⁶ В Париже Стемпковский интересовался возможностями публикации не только собственных научных работ, но и исследований о южнорусских древностях своего друга и коллеги, одесского антиквара И. П. Бларамберга. По взаимной договоренности с жившими в России археологами,⁸⁷ Д. Рауль-Рошетт в 1822 г. впервые ввел в научный оборот ряд памятников Северного Причерноморья,⁸⁸ в том числе из Ольвии, Херсонеса и Боспора, предоставленных автору Стемпковским, Бларамбергом и Дюбрюксом. Парижские публикации одесских антиквариев познакомили западноевропейских ученых с великолепием археологических памятников юга России.

Зиму 1823/24 г. Стемпковский провел или скорее «пролежал... по нездоровью» в Саратове. Прослужив свыше 20 лет в армии, в том числе 18 с лишним лет офицером, 15 декабря 1824 г. из-за прогрессирующей болезни легких Стемпковский подал прошение об отставке без пенсии, «на собственное пропитание». Уже 6 марта 1825 г. Иван Алексеевич был уволен от службы, но без права ношения мундира, причиной чему послужило то, что «болезненное и почти чахоточное состояние здоровья» по возвращении из Франции не позволило ему вовремя явиться в полк. Это, по-видимому, и сказалось на аттестации со стороны начальства. Для положительного решения дела понадобились неоднократные ходатайства графа М. С. Воронцова, убеждавшего начальника Главного штаба барона И. И. Дибича, что И. А. Стемпковского следует по положению наградить за более чем 6-летнюю службу в чине полковника погонями генерал-майора, мундиром и за 20-летнюю службу в армии «инвалидным содержанием», от которого отставной офицер категорически отказался. «Не знаю причины, — писал М. С. Воронцов, — по которой случилось сие, но знаю отличную нравственность г. Стемпковского, примерное поведение его и усердие, с которым он исполнял во время службы разные поручения начальства [...] Честь сию полковник Стемпковский действительно заслуживает, в чем свидетельствуют привязанность и уважение к нему герцога Ришелье, которые до того простирались, что покойный сделал его наследником всего имения своего в России».⁸⁹ Действительно, Ришелье завещал Стемпковскому 150 тыс. р.⁹⁰ дачу («хутор») в Одессе, которую Иван Алексеевич впоследствии подарил городу, и имение Гурзуф, где останавливался Пушкин вместе с Раевскими в августе 1820 г., в 1824 г. проданное им графу М. С. Воронцову.⁹¹ Новый паспорт об отставке с правом ношения общепармеевского мундира был подписан 15 декабря 1826 г. Согласно ошибочному утверждению Вигеля, после отставки Стемпковский перешел на гражданскую службу, но долгое время «не имел места».⁹² В действительности на гражданскую службу Стемпковский был приглашен лишь в 1828 г.

Иван Алексеевич отличался неплохими организаторскими способностями. С 1812 г. по январь 1814 г. он активно руководил мероприятиями по прекращению чумы в Херсонской

⁸⁴ Стемпковский И. А. О трудах дюка Ришелье по части управления в полуценной России / Пер. с франц. А. Зиновьева // ВЕ. 1824. Ч. 136. № 16 (перевод с франц. из: Journal Asiatique. 1822); переизд.: ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 391—406. Отд. оттиск: Одесса, 1877.

⁸⁵ Тилло А. А. Институт Франции, по поводу столетия его существования. СПб., 1897. С. 35.

⁸⁶ Веселовский Н. И. О приобретении для Императорского Эрмитажа... С. 191.

⁸⁷ Стемпковский И. А. Письмо редактору: Саратов, 11 февр. 1824 г. // ВЕ. 1824. Ч. 134 (февр.). № 3. С. 230—235.

⁸⁸ Raoul-Rochette D. Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien publiées et expliquées. Paris, 1822.

⁸⁹ РГВИА, ф. 395, оп. 14—1825, д. 2, л. 11—11 об., 15, 18—18 об., 23—23 об.

⁹⁰ Скальковский А. А. Первое тридцатилетие истории города Одессы... С. 222; Смирнова-Россет А. О. Автобиографические записки. С. 83.

⁹¹ Ашик А. Б. И. А. Стемпковский. С. 909; Вигель Ф. Ф. Записки. Ч. 7. С. 210. В конце декабря 1824 г. М. С. Воронцов за 45 тыс. р. приобрел у И. А. Стемпковского землю с домом и угодьями в Гурзуфе (279 десятин 1681 сажень), доставшуюся ему по духовному завещанию от Ришелье: ЦГААРК, ф. 8, оп. 1, д. 13, л. 33—39; Андросов С. А. Документы Государственного архива Автономной Республики Крым о жизни и деятельности М. С. Воронцова // Россия и Крым в судьбе Воронцовых. С. 4—5; Пальчикова А. А. Из истории Алуэтинского майората Воронцовых // Там же. С. 66. Примеч. 1.

⁹² Вигель Ф. Ф. Записки. Ч. 7. С. 211.

губернии и Бессарабской области и за «отличные труды» и «особенное усердие» был удостоен монаршего благоволения (1816). В мае 1818 г. Стемпковский получил письмо от Саратовского губернского предводителя дворянства князя М. Чеголаева с извещением о награждении бронзовой дворянской медалью за войну 1812 г. для ношения на владимирской ленте в петлице.⁹³ После смерти Ришелье испытывавший к предшественнику искреннее уважение генерал И. Н. Инзов, год исполнявший обязанности новороссийского генерал-губернатора, открыл по всему краю подписку для сбора пожертвований на памятник в его честь. Руководство комиссией по сооружению монумента в 1822—1827 гг. возложили на Стемпковского.⁹⁴ Известный бронзовый памятник герцогу А. Э. де Ришелье скульптора И. П. Мартоса по сей день остается истинным украшением художественного ансамбля Приморского бульвара в Одессе. В 1822—1825 гг. по поручению генерал-лейтенанта графа И. О. де Витта, с 1823 г. председателя правления первого высшего учебного заведения в Новороссийском крае — Ришельевского лицея, Стемпковский был назначен членом, а с 24 января 1824 г. — председателем комиссии счетных и других дел лицея.⁹⁵ Административные поручения постоянно отвлекали Стемпковского от близких его сердцу научных занятий: «Думал пожертвовать на время ими, — писал он Кёппену 7 августа 1825 г., — чтобы оказать какую-либо пользу заведению, в коем не могу не принимать сердечного участия; к несчастью, труды остаются бесполезными, заботы вознаграждаются неприятностями; и сколько ни больно мне видеть, что Лицей день ото дня становится ближе к падению, но не вида средств помочь ему в нынешнем положении дел, принужденным нахожу удалиться».⁹⁶

Одной из загадок одесского периода жизни И. А. Стемпковского является его знакомство с находившимся в южной ссылке А. С. Пушкиным.⁹⁷ Служивший в провинциальном Кишиневе, при председателе комитета о колонистах южной России и наместнике Бессарабской области генерале И. Н. Инзове, поэт чувствовал себя одиноко и в 1821 г. неоднократно отлучался в столицу Новороссийского края Одессу. Указом Александра I от 7 мая 1823 г. новороссийским и бессарабским генерал-губернатором был назначен граф М. С. Воронцов, в штат чиновников которого Пушкин стремился перевестись на постоянную службу. Его желание осуществилось уже в июле того же года, так как Бессарабская наместническая канцелярия из Кишинева была переведена в Одессу.⁹⁸

О встречах И. А. Стемпковского с А. С. Пушкиным в Одессе достоверных сведений не сохранилось, хотя мы имеем все основания утверждать, что они были знакомы.⁹⁹ В 1823 г. ссыльный поэт часто бывал у И. П. Бларамберга, где осматривал коллекцию древностей и рукописные материалы библиотеки антиквара.¹⁰⁰ Гостеприимный дом Ивана Павловича в Одессе на Канатной улице, д. 2 (ул. Свердлова, д. 6, не сохранился¹⁰¹) являлся своего рода археологическим музеем и центром общественной и научной жизни города, где по воскресеньям собиралось «французское общество». Помимо вкусного обеда, хозяин, интереснейший собеседник, весельчак и остро слов, угощал гостей дождем каламбуров, за что его прозвали *Благаньером* (от франц. *blague en l'air*, т. е. выпускающим свои остроты в воздух). «Гости старались подражать хозяину; непрестанно сыпался огонь каламбуров на всех языках [...]». Кроме каламбуров и радушного гостеприимства на обеды к Бларамбергу привлекали две дочери его, которые считались первыми красавицами в Одессе. Однажды на бале у гр. Воронцова Туман-

⁹³ РГВИА, ф. 395, оп. 14—1825, д. 3, л. 5—6.

⁹⁴ Стемпковский И. А. 1) Выписка из письма: Одесса, 13 июля 1826 г. // ОЗ. 1826. Ч. 28. Кн. 78. С. 141—144 (об открытии Керченского музея, об археологических находках в Одессе, о памятнике герцогу Ришелье в Одессе); 2) Письмо из Одессы от 8 августа 1827 г.: О заложении основания памятника дюку Ришелье // ОЗ. 1827. Ч. 31. С. 485—487.

⁹⁵ ГАОО, ф. 44, оп. 4, д. 794.

⁹⁶ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 282, л. 8—8 об.

⁹⁷ Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. С. 418—419.

⁹⁸ Бартеев П. И. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М., 1992. С. 231.

⁹⁹ Тункина И. В. 1) Забытый археолог — знакомый Пушкина (об Иване Алексеевиче Стемпковском) // *Gazeta Petersburgskaya*. 1999. № 5(6). С. 8—9; 2) А. С. Пушкин и археологи юга России. С. 22—23; 3) Иван Алексеевич Стемпковский: Материалы к биографии. С. 357—379.

¹⁰⁰ Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина, 1799—1826. С. 353, 359; Пушкинские места: Путеводитель. М., 1999. С. 340—341.

¹⁰¹ Константинов В. В. Загадка особняка Бларамберга // Фрагменты старины одесской: Очерки по истории Одессы. Симферополь, 1990. С. 30—39.

ский сказал Пушкину: «Ну придумай какой-нибудь экспромт». — «Изволь», — отвечал Пушкин и импровизировал следующие стихи:

Так, вы над всеми взяли верх;¹⁰²
Пред вами преклоню колена,
О величаяя Елена,
О Зинаида Бларамберг».¹⁰³

Речь идет о 17-летней Елене и 16-летней Зинаиде — «пикантной брюнетке, внушившей оду поэту В. И. Туманскому».¹⁰⁴ Одесский пушкинист Н. О. Лернер допускал, что определенное знакомство с испанской и португальской литературой поэт мог получить в беседах со старшей дочерью Бларамберга Натальей де Кастильо, женой испанского консула в Одессе, обладавшей хорошим голосом и свободно говорившей по-испански.¹⁰⁵

Завсегдатаем дома Бларамберга был и Стемповский, тем более что в те годы он строил «близ крепости в новоразбитом квартале Одессы»¹⁰⁶ на участке, выделенном ему в 1823 г., на противоположной стороне той же улицы (в советское время ул. Свердлова, 15), собственный двухэтажный дом «со службами» и с большим садом, который был закончен в августе 1826 г. (впоследствии дом английского консула Йемса, затем Вассала).¹⁰⁷ Известно также, что, согласно изысканиям историка Одессы А. М. Дерибаса, на загородной даче Ришелье, возведенной на участке площадью 15 десятин (так называемый Дюковский сад на Водяной балке, ныне ул. Фрунзе), позднее разделявшей два городских предместья — Молдаванку и Слободку (сегодня парк Победы), зачастую проходили пикники, в которых мог принимать участие и Пушкин не позднее июля 1824 г., так как 1 августа того же года поэт навсегда покинул Одессу, отправившись в ссылку в Михайловское. Напомню, что Ришельевская дача перешла к Стемповскому по завещанию, т. е. после смерти герцога в 1822 г. Как известно, Ришелье уехал во Францию в 1814 г., и ко времени пребывания Пушкина в Одессе сад и дача долгое время находились без присмотра. Приняв пост керчь-еникальского градоначальника в марте 1828 г., Стемповский преподнес дачу в дар Одесскому городскому управлению с обязательством сохранить в неприкосновенности домик Ришелье и его сад для устройства гостиницы,¹⁰⁸ но «дума не сумела уделить достаточно заботливости наследию Стемповского, и любимое детище Ришелье пришло... в состояние полного запустения».¹⁰⁹ Возможно, Стемповский делился с поэтом семейными преданиями времен восстания Е. Пугачева, так как его дед по материнской линии полковник Цыплетев упоминается в «Истории Пугачева».¹¹⁰ На мой взгляд, вряд ли случайно, что уже в октябре 1824 г. поэт просил брата Льва прислать ему книгу о жизни Пугачева. Рассказывая об истории замысла «Капитанской дочки», Пушкин позднее признавался, что толчком к ее созданию послужило предание, когда-то слышанное им.

Три года спустя И. А. Стемповский в письме к московскому историку М. П. Погодину из Одессы от 20 мая 1827 г. особо подчеркнул: «Покорнейше прошу напомнить обо мне почтен-

¹⁰² По воспоминаниям Ксении Михайловны Соколовой (урожд. Кирьяковой), дочери херсонского предводителя дворянства М. М. Кирьякова и родной сестры основателя Одесского общества истории и древностей М. М. Кирьякова, жившей по соседству с Бларамбергом и Стемповским, в их доме каждый понедельник проводились танцевальные вечера, посещаемые Пушкиным. Этот экспромт якобы был сочинен Пушкиным в доме Кирьяковых, когда однажды вечером, подойдя к обеим сестрам, он быстро и решительным тоном продекламировал стихи, начинавшиеся словами «Вы перед всеми взяли верх...» (НА ОАМ, № 59372, л. 36).

¹⁰³ Морозов П. Т. Из одесских воспоминаний // РА. 1877. Кн. 3. С. 325. Этот экспромт, приписываемый Пушкину, отсутствует в его академическом Полном собрании сочинений в 10 томах (М., 1962—1965).

¹⁰⁴ НА ОАМ, № 59335, л. 37—38; № 59372, л. 36; Зеленецкий К. П. Записи рассказов одесских старожилов // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 1. С. 370.

¹⁰⁵ НА ОАМ, № 59372, л. 35. Некоторые исследователи ошибочно атрибутируют четыре женских портрета на листе с черновиками романа «Евгений Онегин» и автопортретом Пушкина за ноябрь—декабрь 1823 г. как рисунки с изображениями младшей дочери Бларамберга — Елизаветы, которой тогда было всего лишь 9 лет. См.: Эфрос А. М. Рисунки поэта. М., 1933. С. 183 (воспр.), 276—278; Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 47 (воспр.), 87, № 142.

¹⁰⁶ ОРИР ОГНБ, ркп. 62/6, л. 34.

¹⁰⁷ Чарнецкий В. Заметки о пушкинских местах // Есть город у моря: Краеведческий сборник. Одесса, 1990. С. 119—120.

¹⁰⁸ Веселовский Н. И. О приобретении для Императорского Эрмитажа... С. 194.

¹⁰⁹ НА ОАМ, № 59335, л. 44—48.

¹¹⁰ Пушкин А. С. История Пугачева // Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1964. Т. 8. С. 263.

нейшему сотруднику вашему Александру Сергеевичу Пушкину и принесть ему равномерно мою истинную благодарность».¹¹¹ Литературоведы обычно интерпретируют этот пассаж как благодарность за приглашение участвовать в «Московском вестнике» (1827—1830), издателем которого являлся М. П. Погодин.¹¹² Так ли это, документы умалчивают. Надеюсь, что новые архивные находки помогут окончательно разрешить вопрос о личном знакомстве Стемпковского с Пушкиным.

Стемпковский общался со многими известными людьми своего времени, литераторами и учеными. В их числе П. П. Свиньин (гл. 2, 17), знаменитый переводчик «Илиады» Гомера Н. И. Гнедич, который с августа 1827 г. по август 1828 г. по болезни жил в Южной России. В письме к Свиньину от 26 октября 1828 г. из Керчи Стемпковский просит: «Сообщите мне пожалуйста сведение о почтеннейшем Николае Ивановиче Гнедиче. Благополучно ли он доехал до столицы, и здоровье его каково?».¹¹³ До нас дошло письмо Стемпковского от 25 июля 1832 г. из Симферополя одесскому знакомому, поэту пушкинского круга В. Г. Теплякову с благодарностью за присланное издание его стихотворений.¹¹⁴ И сам Иван Алексеевич не был чужд литературным опытам — в 1825 г. он написал достаточно наивный сентиментальный рассказ «Радаис и Индар» об идиллической дружбе и смерти двух скифских юношей, влюбившихся в одну греческую девушку. Рассказ включает описание 5-дневного путешествия из Ольвии вверх по Борисфену в стан «скифского царя Индафарна», причем подробности быта древних греков и скифов приведены автором по сочинениям Геродота, Лукиана и Овидия.¹¹⁵

Стемпковский, несомненно, был одним из самых ярких и способных русских археологов первой трети XIX в. Школа кабинетной работы, пройденная им во Франции, благоприятно сказалась на качестве его научных публикаций. За сравнительно короткий срок Стемпковский успел написать более 40 научных трудов.¹¹⁶ В них видны «добросовестность, терпение, здравый смысл и šťastливое изложение предмета, чуждое всех риторических вычур».¹¹⁷ Как вспоминают современники, осознавая неотвратимость близкого конца, Стемпковский занимался наукой с какой-то лихорадочной жадностью, посвящая ей редкие часы досуга. Он напутствовал будущего директора Керченского музея Ашика: «Почва Греции и Рима отошала, а богатства нашей ученой Новороссийской почвы неисчислимы».¹¹⁸ В своих исследованиях Стемпковский пытался выйти за узкие рамки филологического или антиковедно-художественного анализа различных категорий археологического материала, используя его прежде всего в качестве полноценного исторического источника. Основной страстью ученого, несомненно, являлась нумизматика, прежде всего изучение монет Боспорского царства (гл. 8.4). Уступая профессиональным антиковедам в знании классических языков,¹¹⁹ он вместе с тем обладал и неоспоримым преимуществом — Иван Алексеевич хорошо знал те места Северного Причерноморья, откуда поступали надписи, монеты и другие находки. Природная наблюдательность и хорошее знание древней письменной традиции позволили Стемпковскому верно локализовать ряд античных пунктов: вместе с П. Дюбрюксом в 1820 г. он снял план городища Мирмекия, впоследствии помогал «отцу боспорской археологии» в съемке плана Пантикапея, правильно указав направление ряда древних улиц, верно локализовал Нимфей на плато у мы-

¹¹¹ ОР РГБ, Пог. II, п. 46, № 53, л. 1—1 об.

¹¹² Пушкин по документам архива М. П. Погодина / Комментар. М. Цявловского // Литературное наследство. 1934. Т. 16—18. С. 692.

¹¹³ ОР РНБ, ф. 679, л. 115, л. 10 об.

¹¹⁴ РО ИРЛИ, 9256. ЛЦ6. 79.

¹¹⁵ Стемпковский И. А. Радаис и Индар: Скифский рассказ (отрывок из древней греческой рукописи) // Одесский альманах на 1831 год, изданный П. Морозовым и М. Розбергом. Одесса, 1831. С. 194—219.

¹¹⁶ Неполный перечень статей Стемпковского см.: Ашик А. Б. И. А. Стемпковский. С. 901—915 (с подстрочными примечаниями Н. Н. Мурзакевича, главным образом в библиографической части); Прозоров П. И. Систематический указатель книг и статей по греческой филологии... (по указат.). Требуют отдельного выявления работы, опубликованные Стемпковским во Франции. Стемпковский подписывал иногда свои корреспонденции как 1) Ст., И. 2) St., J. См.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. 4. С. 453. См. также «Список рукописей действительного статского советника И. А. Стемпковского» (РГАДА, ф. 1261 (М. С. Воронцов), оп. 1, д. 3163, 1 л.).

¹¹⁷ Ашик А. Б. И. А. Стемпковский. С. 911.

¹¹⁸ Там же. С. 910.

¹¹⁹ По утверждению Н. Н. Мурзакевича, который не был лично знаком со Стемпковским, Иван Алексеевич не знал классических языков, что опровергается свидетельством А. Б. Ашика, письмами Стемпковского к Кёппену и многочисленными публикациями надписей и монет. Определенные познания в греческом и латинском языках Стемпковский скорее всего приобрел во время пятилетнего пребывания в Париже.

Кара-бурун,¹²⁰ Танаис на Недвиговском городище (гл. 17). После возвращения из Европы в 1822 г. Стемпковский принял участие в раскопках Бларамберга в Ольвии. На материалах лапидарного архива полиса он опубликовал исследование об ольвийском календаре.¹²¹ Ему принадлежит одна из первых в русской науке работ по древней географии Северо-Западного Причерноморья,¹²² основанная на натурном исследовании местности, которая вызывает оживленные споры до сих пор.¹²³ В журнале «Le Philologie» (1824. Т. 16), издаваемом Гайлем (J. F. Gail), Стемпковский поместил историко-географический и археологический комментарий к переводу ряда мест из географии Страбона, касающихся Херсонеса и Боспора Киммерийского. Исторические выводы антиквариата базируются на сопоставительном анализе нарративных, эпиграфических, нумизматических и археологических источников, т. е. метода, являющегося наиболее эффективным и использующегося специалистами и по сей день.

«Вот и Одесса наша делается классической землею, — писал Стемпковский Кёппену 18/30 апреля 1823 г. — На днях открыли здесь кости человеческие и вместе с ними прекрасную этрусскую вазу с фигурами, которую, к сожалению, разбили: но я собрал черепки и склею их. Это доказывает, что г-н Бларамберг прав в предположении своем о существовании древнего греческого поселения тут, где ныне Одесса».¹²⁴ Случайные находки античной расписной керамики в 1823 г.¹²⁵ и 1826—1827 гг.¹²⁶ привели его и И. П. Бларамберга к выводу о лока-

¹²⁰ Исследователи и путешественники конца XVIII—первой половины XIX в. неверно определяли местоположение Нимфея, так как использовали дефектное издание текста перипла Анонима (*Гайдукевич В. Ф. О местоположении древней Тиритики // МИА. 1941. № 4. С. 87*). П. Дюбрюкс (*Дюбрюкс П. Описание развалин и следов... С. 13, 34*) и И. П. Бларамберг (*Бларамберг И. П. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды. С. 11*) считали, что Нимфей находился близ Павловской батареи; выдающийся в пролив мыс Кара-бурун (Черный мыс), на плато которого и находится античный Нимфей, Дюбрюкс определял как древний военный наблюдательный пост. Стемпковский, первоначально разделявший гипотезу Бларамберга, впоследствии от нее отказался и правильно локализовал город на плато мыса Кара-бурун. А. Б. Ашик считал, что Нимфей находится в 6 верстах от деревни Чурубаш, на земле помещика Гурьева, у берега пролива, примыкавшего к Чурубашскому озеру (*Ашик А. Б. Воспорское царство. Одесса, 1848. Ч. 1. С. 9. Примеч. 1*). Точная локализация Нимфея у селения Эльтиген (ныне Героевское) на плато мыса Кара-бурун стала окончательно ясна лишь в конце XIX—начале XX в. Раскопки городища и некрополя были начаты в 1876 г. Н. П. Кондаковым, продолжены С. И. Веребрюсовым в 1878—1879 гг., систематические раскопки осуществляются с 1939 г. экспедицией Государственного Эрмитажа. См.: *Худяк М. М. Из истории Нимфея. Л., 1962. С. 5—11; Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.*

¹²¹ *Стемпковский И. А. О названиях месяцев у древних ольвиополитов // Московский вестник. 1827. Ч. 3. С. 338—347.*

¹²² *Стемпковский И. А. Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Евксинского, между Тирасом и Борисфеном, учиненные по случаю найденных в 1823 году остатков древности в Одессе // ОЗ. 1826. Ч. 26. Кн. 73. С. 192—228; Кн. 74. С. 335—377 (между С. 300—301: «Карта сравнительная древней и новой географии берегов Понта Евксинского между Тирасом и Борисфеном, составленная полковником И. Стемпковским 1825 года»).* Отд. оттиск: СПб., 1826. См. краткое изложение на франц. яз: *Géographie ancienne // Journal d'Odessa. 1827. 2/14 juil. № 51. P. 204—205.*

¹²³ См., например: *Агбунов М. В. 1) Загадки Понта Евксинского: (Античная география Северо-Западного Причерноморья). М., 1985; 2) Античная лоция Черного моря. М., 1987; 3) Античная география Северного Причерноморья. М., 1992; ГИПАЗ.*

¹²⁴ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 282, л. 3 об.

¹²⁵ *Messenger de la Russie Méridionale. 1823. 10 août. № 63; Revue Encyclopédique. 1823. Sept. P. 723; BE. 1824. Март. № 6. С. 159.* Граф де Сен-При, приобретший участок земли на Театральной площади, начал строить дом (впоследствии дом генерал-майора Нилуса). При возведении фундамента были найдены «обломки ваз вроде амфор ольвийских», в том числе краснофигурная пелика, попавшая в коллекцию Стемпковского, а при постройке дома де Лавоса (затем дом России) — «гробница с другими остатками древности, именно сосудом с изображением женщины этрусской живописи, сидящей на почетном кресле, и пр.» (ОРИР ОГНБ, ркп. 62/6, л. 34—34 об.).

¹²⁶ ИР ЦНБ, V, 1037, 4 л.: о случайном открытии погребения античного времени близ лютеранской церкви в Одессе в 1826 г. На глубине 1 аршин (0,7 м) были открыты «три земляные ступеньки», которые вели в «углубление»: в головах скелета стоял сосуд с ручкой в форме кувшина (рис. на л. 1), покрытый «темными пятнами» (передан в Одесский музей древностей), рядом находился фрагментированный обломанный железный меч; кости погребенного оказались перемешаны с обломками разложившегося дерева. Проведенные раскопки в другом месте обнаружили два скелета и бронзовые украшения, стекло или стекловидную массу голубоватого цвета с маленькими украшениями белого цвета (бусы или подвески серег?). В исследованных трех погребениях раскопщиками отмечено полное отсутствие каменных конструкций. Об античных находках в Одессе см.: *B[ларамберг J.] 1) Odessa, 13 février // Journal d'Odessa. 1827. 16/28 févr. № 13. P. 49—50; 19 févr./3 mars. № 14. P. 53—54; 2) Odessa, 10 mars // Ibid. 12/24 mars. № 20. P. 77; 3) Antiquités // Ibid. 30 mars/11 avr. № 25. P. 97—98; 4) Antiquités // Ibid. 1827/28. 24 déc./5 janv. № 100. P. 403—405 (рус. перевод: Древности // ОВ. 1828. 21 янв. № 6. С. 21—22); 5) De l'existence d'un établissement grec sur une partie de l'emplacement qu' occupe aujourd'hui la ville et le port d'Odessa, et de la découverte faite récemment, près du nouveau boulevard de cette ville, de l'os fémur fossile d'un animal, selon toute*

лизации на месте Приморского бульвара Гавани Истриан (Авт., ПРР, 32 (20Н); Анол. ПРР, 97 (61Н)). С таким заключением, остающимся, однако, дискуссионным,¹²⁷ соглашаются и некоторые современные исследователи.¹²⁸

В феврале 1828 г. новороссийский генерал-губернатор граф М. С. Воронцов, оценивший деловые и личные качества Стемпковского, предложил ему должность градоначальника в Керчи (рис. 39). Современник назвал выбор Воронцова «действительно счастливым».¹²⁹ 12 марта «отставному полковнику Стемпковскому всемиловитейше повелено исправлять должность керчь-еникальского градоначальника», — сообщил «Русский инвалид» в № 76 от 21 марта 1828 г. (именным указом императора утвержден в должности 13 ноября 1828 г.¹³⁰). Иван Алексеевич занял этот пост во время русско-турецкой войны: попечению нового градоначальника сразу были доверены «до 4 тысяч пленных турок», находившихся в карантине, и организация погрузки «пропасти судов для отправления продовольствия» в зону боевых действий в Варну.¹³¹ Стемпковский развил активную деятельность по благоустройству Керчи: по его ходатайству были основано уездное училище, открыта подписка на сооружение православного храма Св. Троицы, освящена католическая церковь. Градоначальник исходатайствовал из казны 50 тыс. р. ежегодных субсидий на строительство общественных зданий, заложил городской сад, посадив в нем своими руками первые деревья.¹³²

При письме А. И. Лёвшина к А. Н. Оленину от 30 апреля 1831 г. приложена записка И. А. Стемпковского с предложениями о переименовании городов Керчи и Еникале на древнегреческие.¹³³ Вспоминая эпоху Екатерины II, Стемпковский сетует, что лишь один уголок Тавриды «остался забытым среди обломков древнего своего величия... Одно название Митридата, которое каким-то неведомым случаем предание сохранило.., отзывалось и отзывается донные среди варварских звуков Керчи, Еникале, Карабуруна, заменивших прославленные в истории веков названия Пантикапей, Ираклии, Нимфеи и других... Город Керчь... должен... воскреснуть и именем, которое, напоминая древнюю славу здешних мест, более бы говорило уму и воображению, нежели носимое им теперь варварское название... Посему желательно, чтобы керчь-еникальское градоначальство, лежащее по обоим берегам Востора, получило название воспорского градоначальства, городу Керчи было возвращено имя Пантикапей, на развалинах коей он построен; а город и крепость Еникале, в замену сего турецкого названия, были наименованы Ираклией, по лежавшему неподалеку отсюда в древности храму Иракла, или Геркулеса. Учреждения, принадлежащие вообще городам Керчи и Еникале, могут при сем случае быть названы Воспорскими, подобно как во времена блаженные памяти государыни императрицы Екатерины II здешний магистрат носил уже название Воспорского магистрата,¹³⁴ а учреждения, собственно каждому городу принадлежащие, могут называться пантикапейскими или ираклийскими».¹³⁵

6 декабря 1829 г. Стемпковский был произведен в статские, а незадолго до смерти в 1832 г. — в действительные статские советники, чин IV класса, что соответствовало генерал-майору в армии; 21 апреля 1830 г. он был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.¹³⁶

Административные обязанности занимали почти все время Стемпковского, и науке он смог уделять лишь редкие часы досуга. Обострилась и болезнь легких. «Сильная боль в груди,

appearance, antédiluvien // Ibid. 1828. 19/31 mai. № 40. P. 175—176. См.: *Диамант Э. И.* Поселение и могильник V—III вв. до н. э. на месте Приморского бульвара в Одессе // МАСП. Киев, 1976. Вып. 8. С. 204—212.

¹²⁷ Буйских С. Б. Еще раз о так называемой «одесской» Истрии // Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 1999. С. 84—91.

¹²⁸ Добролюбовский А. О., Красножон А. В. Блуждающие гавани истриан и исиаков // Древнее Причерноморье: IV чтения памяти проф. П. О. Карышковского. Одесса, 1998. С. 51—56; Добролюбовский А. О. В поисках античной Одессы // Stratum plus. 1999. № 3. С. 241 и след.

¹²⁹ Вигель Ф. Ф. Записки. Ч. 7. С. 211.

¹³⁰ РГИА, ф. 1349, оп. 4-1831, д. 105, л. 111 об.—112.

¹³¹ ОР РНБ, ф. 679, д. 115, л. 9 об.

¹³² Ашик А. Е. И. А. Стемпковский. С. 912—913.

¹³³ ОР РНБ, ф. 542, оп. 1, д. 238, л. 1.

¹³⁴ В 1784 г. вместо Керчи и Еникале предполагалось построить на месте Павловской батареи большую крепость под названием Боспор. См.: Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1730—1823. Одесса, 1838. Ч. 2: 1796—1823. С. 169—170.

¹³⁵ РА ИИМК, ф. 7, оп. 1, д. 11, л. 15—16 об.

¹³⁶ РГИА, ф. 1349, оп. 4-1831, д. 105, л. 111 об.—112.

Генеральный план Керченской крепости с окололежащим местом. Чисто-полосное
 нумб-1.

Скопирован при Еникальской инженерной команде октября 23 дня 1824 года

Рис. 39. «Генеральный план Керченской крепости с окололежащим местоположением. Скопирован при Еникальской инженерной команде октября 23 дня 1824 года. Масштаб дюйм нормальной меры разделен на 100 частей, из коих каждая принята за сажень. С подлинным верно инженер-подпоручик...» (РГВИА, ф. ВУА, № 22017, л. 1. Публ. впервые).

к коей присоединилась и пруду, — жаловался он Кёппену в письме от 15 февраля 1829 г., — лишает меня на некоторое время возможности много заниматься письмом. А так как *бумаги* не уменьшаются — то едва остаются силы и возможности для *бумаг по сердцу*».¹³⁷ Стемповский постоянно был погружен «в омут дел и забот». Мечты о совместной археологической поездке с Кёппеном по Крыму, в том числе по Южному берегу, «исчезли, улетели. Мое градоначальство разрушило все воздушные замки, которые я созидал, живши на свободе. Когда-то возвратится она ко мне? Я начинаю тяжело вздыхать по ней».¹³⁸

Научные заслуги Стемповского были отмечены избранием в члены-корреспонденты Академии надписей и Азиатского общества в Париже (1821), в действительные члены Общества истории и древностей при Московском университете (16 октября 1825 г., по предложению П. П. Свиньиного¹³⁹) и Общества сельского хозяйства Южной России в Одессе (с 1828 г.).

В 1830 г. И. А. Стемповский принял личное участие в борьбе с эпидемией холеры («чумой»), проверяя надежность санитарных кордонов. Это окончательно подорвало его здоровье. Болезнь легких прогрессировала: «Я собираюсь в мае к кавказским водам; здоровье мое того требует. Иначе надо будет распрощаться со службою», — писал он Кёппену.¹⁴⁰ Но шестимесячный отпуск (с 10 июня 1831 г.), использованный для поездки на кавказские минеральные воды и на Южный берег Крыма, не помог.¹⁴¹ Предчувствуя кончину, Стемповский составил завещание, в котором есть такие слова: «Если умру в Керчи, то желал бы, чтобы похоронили меня на вершине горы Митридат и там устроили часовню; книги мои жертвую Одесской публичной библиотеке». Все остальное имущество он завещал родным, которые, по словам Ашика, «мало этого заслуживали».¹⁴² В ночь на 6—7 декабря 1832 г. этот удивительный человек скончался от мучавшего его туберкулеза, в расцвете творческих сил, не оставив семьи.¹⁴³ Во время похорон Д. В. Карейша, которому Стемповский явно благоволил и покровительствовал, произнес «надгробное слово».¹⁴⁴ Стемповский вошел в историю Новороссийского края как светлая личность, образованный и проникательный ученый и администратор, память о котором долго хранилась в сердцах жителей Керчи: одна из больших улиц города была названа его именем, над его могилой на вершине горы Митридат в 1834—1835 гг. была возведена часовня (рис. 40), «с которой открывается вид на город и страну, составлявшие предмет постоянной его заботливости» (рис. 41).¹⁴⁵ Дюбрюк так говорил о памятнике другу: «Здесь покоятся останки заслуженного и доброго Стемповского, человека благодетельного без хвастовства, ученого без тщеславия, служившего украшением человечества и положившего основание Керчи... Да простят меня в том, что я мимоходом бросил цветок на его могилу; двадцатидвухлетняя тесная связь послужит мне в том извинением».¹⁴⁶ К стыду потомков, в 1940-х гг. при строительстве обелиска Славы часовня вместе с могилой Стемповского была снесена.

Согласно духовному завещанию Ивана Алексеевича от 18 сентября 1830 г., вся его коллекция древних монет должна была перейти к его другу детства, воспитаннику А. де Ришелье, сначала русскому офицеру, а затем французскому вице-консулу в Риге Иосифу Мефреди (Méf-rédy, или Maiffredy), чтобы он продал их «в свою пользу» Парижскому кабинету медалей и древностей. Об этом узнал недоброхот Стемповского акад. Е. Е. Кёлер, выступивший с предложением о присоединении столь полной и редкой коллекции причерноморских монет к собранию Эрмитажа, мотивировав это ложной посылкой, что она была «значительно умножена» за время градоначальства Стемповского, т. е. в первые годы систематических раскопок на средства казны. Николай I по докладной записке акад. Е. Е. Кёлера запретил ее вывоз за рубеж и приказал присоединить монеты к коллекции Эрмитажа. Не помогло и разъяснение Д. Ка-

¹³⁷ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 282, л. 23—23 об.

¹³⁸ Там же, л. 27 (письмо Кёппену от 26 сентября 1830 г.).

¹³⁹ ОР РГБ, ф. 203, л. 2, л. 438 об.

¹⁴⁰ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 282, л. 31 (письмо от 9 марта 1831 г.).

¹⁴¹ РГИА, ф. 1349, оп. 4-1831, л. 105, л. 111.

¹⁴² Ашик А. Б. И. А. Стемповский. С. 913.

¹⁴³ [Aschik A.] Nécrologie: (Article communiqué). Р. 13—14; [Ашик А. Б.] Некрология: Иван Алексеевич Стемповский. С. 21—22.

¹⁴⁴ Некрология за 1832 и 1833 гг. // Московский телеграф. 1834. Ч. 55. № 1. Смесь. С. 192.

¹⁴⁵ Жиль Ф. А. Введение // ДБК. Т. 1. С. VIII.

¹⁴⁶ Там же. С. XII, XIV.

Рис. 40. Часовня на могиле И. А. Стемповского на вершине горы Митридат в Керчи. Рисунок архитекторского помощника Шмакова, сентябрь 1853 г. (РА ИИМК, р. 1, № 1118, л. 12, табл. XIX).

рейши Кёлеру, что коллекция была собрана Стемповским задолго до переезда в Керчь, и т. д. Предупрежденный о решении императора М. С. Воронцов приказал монеты доставить запечатанными в Одессу «под адресом г. Мефреди для оставления здесь впредь до высочайшего разрешения». Мефреди неоднократно писал императору, что собрание Стемповского «приобретено законным образом», и взамен просил денежной компенсации. В январе 1834 г. Николай I распорядился «объявить г-ну Мефреди, что медали Стемповского истребованы были к высочайшему двору потому, что он не имел права располагать такими предметами, которые, быв найдены в недрах земли российских владений, принадлежат посему правительству, и хотя оно имело полное право взять те медали без всякого за оных вознаграждения, но Его Имп. Величество, не желая заводить по сему случаю процесса, приказал заплатить ему 10 тыс. р. из кабинета». Мефреди, которому первоначально обещали выплатить компенсацию в большем размере, опять остался недоволен и повторными просьбами добился своего — в декабре того же года он получил 25 тыс. р.¹⁴⁷

Под давлением министра внутренних дел Д. Н. Блудова приказом М. С. Воронцова в Одессе была создана специальная комиссия, руководствовавшаяся известным каталогом Т. Мионне и оценившая коллекцию в 34 468 франков.¹⁴⁸ В ее состав вошло 2568 монет: 33 монеты Фанатории, 185 — Пантикапея, 494 — боспорских царей, 109 — Херсонеса, 253 — Ольвии, 18 —

¹⁴⁷ РГИА, ф. 472, оп. 13-1833, д. 440, л. 2—2 об., 4: письма Кёлера гофмаршалу К. А. Нарышкину от 3 февр. 1833 г. и министру двора кн. П. М. Волконскому от 7 февр. 1833 г.; л. 5—7: письмо Д. Карейши (D. Kareyscha) на имя Кёлера от 16 янв. 1833 г. из Керчи; л. 20—21 об., 27—28: копии прошений и письмо Мефреди императору; л. 32—33, 39—40, 46.

¹⁴⁸ АГЭ, ф. 1, оп. I-1833, д. 3; ИР ЦНБ, V, 1189, 36 л.: Соколов Г. И. Список монет, принадлежавших И. А. Стемповскому, составленный Одесской комиссией.

Рис. 41. Панорама Керчи с вершины горы Митридат. С цветной литографии Карло Боссолли из альбома «The Beautiful Scenery Chief Places of Interest Throughout the Crimea from Paintings by Carlo Bossoli» (London, 1856).

Тиры, а также еще около 2000 монет других древнегреческих и римских центров.¹⁴⁹ Администрация Новороссийского края безуспешно просила разделить дублетные монеты между Одесским и Керченским музеями.¹⁵⁰ После доставки собрания в Петербург Е. Е. Кёлер и Х. Ф. Грефе занялись разбором коллекции в Эрмитаже и остались очень недовольны деятельностью Одесской комиссии.

«Рассмотрение сих медалей стоило мне и помощнику моему статскому советнику Грефе великих трудов потому, что они все были разбросаны; самые лучшие редкие и любопытные уложены были вместе с самыми худшими и бездостоянными, а нередко и с ошибочными надписями, — докладывал Кёлер министру двора кн. П. М. Волконскому 2 декабря 1833 г. — У покойного владельца отменной коллекции сей она, конечно, расположена была в лучшем порядке; но верно для умножения количества медалей прибавлены к ним дурно сохранные и такие, которые оказались по смерти владельца, — им, конечно, отложены были для [упо]требления. Непосредственно после кончины г. Стемповского отправлен каталог его с описанием медалей в Одессу на имя его сиятельства гр. Воронцова. Если бы рассуждено было доставить каталог в Санкт-Петербург, то рассмотрение коллекции не было бы затруднительно, не требовалось бы столько времени и легче и вернее было бы судить о достоинстве всей коллекции, напротив чего теперь по смешении дурных медалей с лучшими и редкими, коих в сем собрании находится немалое количество, составляет важное затруднение. По сей-то причине весьма бы полезно для меня было, когда я приступлю к рассмотрению (так в документе. — И. Т.) сего собрания, доставлен ко мне был весь каталог.

Одесская комиссия, сочинившая опись медалям, доставленным из Одессы в Санкт-Петербург, оценила оные по правилам, в сем случае недопустительным, а именно: в 1-х. Она в оценке основывалась на книге, изданной Мионне, но в сем сочинении нередко цена положена весьма высокая и самопроизвольная. Впрочем, не подлежит никакому сомнению, что знатоки в России должны быть более в состоянии ценить медали, выбитые в Крыму и в Босфоре, нежели обыватели Парижа, никогда не бывшие в тех странах; во 2-х. Одесской комиссии надлежало

¹⁴⁹ АГЭ, ф. 1, оп. I-1833, д. 3, л. 108—155 об.: каталог монет, автограф Е. Е. Кёлера; Ашик А. Б. И. А. Стемповский. С. 910.

¹⁵⁰ РА ИИМК, ф. 6, д. 14, л. 39 об.—40.

также принять в соображение, что медаль, оцененная Миюне в 100 или в 50 р., может столько стоить в таком случае, если она исправно сохранена, тогда как та же медаль может быть ценою гораздо ниже, если она стерта и дурно сохранена».¹⁵¹

Оценочная сумма всей коллекции в Петербурге была пересмотрена и занижена до 9312 франков, а самая ценная часть, отобранная для Эрмитажа, вместо 21 102 франков была оценена в 7813 франков.¹⁵² В результате основная часть собрания была приобретена Имп. Эрмитажем за 25 тыс. р. ассигнациями. В 1835 г. Кёлер включил в эрмитажную коллекцию лишь 865 монет из коллекции Стемповского — 22 золотые, 10 электровых, 127 серебряных, 706 медных,¹⁵³ остальные, по утверждению И. Г. Спасского, были переданы в обменный дублетный фонд, хотя из документов следует, что они были возвращены Воронцову: «медали, большей частью подделанные и истертые», решено было возвратить Одесской комиссии, «ибо они без всякой пользы для Эрмитажной коллекции послужили б только в теснение места, и без того в Эрмитаже не лишнего».¹⁵⁴

Значительное книжное собрание Стемповского, включавшее ценные книги по истории, археологии и нумизматике, произведения античных авторов на французском, латинском и русском языках, согласно его завещанию, поступило в Одесскую городскую публичную библиотеку, открытую в 1830 г., одним из инициаторов создания которой он являлся.¹⁵⁵

Архив Стемповского, к сожалению, до нас не дошел. Одесское общество истории и древностей сразу же после своего основания обратилось к чиновнику канцелярии М. С. Воронцова, коллежскому секретарю Будищеву, племяннику И. А. Стемповского, с просьбой «сообщить» оставшиеся от археолога бумаги и портрет для составления биографии покойного.¹⁵⁶ Однако, судя по записям историка А. А. Скальковского, в те годы близкого приятеля Н. Н. Мурзакевича, неприязненно относившегося к А. Б. Ашику, какая-то часть либо весь архив Стемповского перешел к новому директору Керченского музея,¹⁵⁷ как и бумаги Дюбрюкса, на основе которых якобы и были составлены отдельные главы известного сочинения Антона Балтазаровича «Воспорское царство».¹⁵⁸

В августе 1823 г., через три месяца после вступления М. С. Воронцова в должность новороссийского генерал-губернатора, И. А. Стемповский представил ему свою знаменитую записку на французском языке «*Note sur les recherches d'antiquités qu'il y aurait à faire dans la Russie Méridionale*», ставшую своего рода археологическим кредо неформальных объединений любителей древностей на юге России. Ее автограф обнаружен мною среди материалов Канцелярии новороссийского генерал-губернатора, хранившихся в ООИД.¹⁵⁹ Записка И. А. Стемповского впервые была опубликована автором на русском языке в расширенном и несколько переработанном виде в журнале П. П. Свинына «Отечественные записки», после смерти автора на французском, по архивному подлиннику, — А. А. Скальковским.¹⁶⁰ Результатом иници-

¹⁵¹ РГИА, ф. 469, оп. 8, д. 207, л. 8—9. Из записки статского советника Шретера от 10 октября 1834 г. выясняется, что «Кёлер с помощью г. Грефе, приняв и разобрав привезенные из Одессы медали, в реестре своем дал им другое против реестра комиссии наименование; следовательно теперь, в случае какого-либо сомнения, можно поверить одно только количество медалей; точное же их достоинство и правильное или ошибочное наименование оных могут определить и разрешить одни только сведущие и опытные по части археологии лица, в присутствии коих гг. Кёлер и Грефе, с одной стороны, а члены одесской комиссии или поверенные их, с другой стороны, могли б изложить, на чем основываются противуречия их» (там же, л. 11—11 об.).

¹⁵² Веселовский Н. И. О приобретении для Императорского Эрмитажа... С. 195; Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже: Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики // ИЭ. 1970. Т. 8. С. 142.

¹⁵³ АГЭ, ф. 1, оп. I-1833, д. 3, л. 5—5 об.; РГИА, ф. 469, оп. 8, д. 207, л. 8.

¹⁵⁴ РГИА, ф. 469, оп. 8, д. 207, л. 11.

¹⁵⁵ Попруженко М. Г. Одесская городская публичная библиотека, 1830—1910: Исторический очерк. Одесса, 1911. С. 4 и след.; Фельдман В. На заре одесской книжности // Есть город у моря: Краеведческий сборник. Одесса, 1990. С. 143, 145.

¹⁵⁶ ГАОД, ф. 93, оп. 1, д. 55, л. 13.

¹⁵⁷ ОРИР ОГНЕ, ркп. 62/6, л. 21.

¹⁵⁸ Ашик А. Б. Воспорское царство: В 3 ч. Одесса, 1848—1849.

¹⁵⁹ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 1—4.

¹⁶⁰ Стемповский И. А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // ОЗ. 1827. Ч. 29. Кн. 81. С. 40—72. Отд. оттиск: СПб., 1827. Сокращенное изложение на франц. языке под измененным названием: *Stempkovsky J. Quelques idées sur les recherches d'antiquités dans le Bosphore: (Fragment d'un mémoire, écrit en russe et lu à la société historique de Moscou, le 27 Octobre 1826) // Journal d'Odessa. 1827. 14/26 mai. № 37. P. 147—149; франц. оригинал опубл.: Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края... Ч. 2. С. 334—338.*

циативы Стемпковского стало открытием на счет казны двух археологических музеев — в Одессе (1825) и Керчи (1826), первым директором которых был назначен И. П. Бларамберг.

Обращая внимание на постоянное использование руин древних зданий в качестве каменоломен для нового строительства, И. А. Стемпковский сетовал, что «следы сии, по мере заселения края, ежедневно более и более изглаживаются». Многие поселения, упоминаемые древними географами, уже невозможно найти на местности. Задача образованных людей — спасти от гибели многочисленные археологические памятники, которые «могут дать самые достоверные свидетельства религии и правления, наук и художеств, деяний и нравов поколений, столь давно угасших». Многие причерноморские памятники, описанные П. С. Палласом, Л. С. Васелем и другими путешественниками, уже не существуют в тех местах, где они были найдены, — часть древностей попала в частные руки или увезена за границу. Такие вещи оказались «навсегда... потеряны для науки», становясь беспаспортными.

По мысли автора, антикварию должны объединиться в научное общество с единой программой полезных и кабинетных исследований, способствовать созданию сети специализированных археологических музеев. Поодиночке занимаясь археологическими штудиями, ученые и любители никогда не добьются тех успехов, которых можно достичь сообща, имея общую программу действий и необходимые средства для раскопок и издания своих трудов. «Как часто случается, — писал Стемпковский, — что ученый, не имея кому сообщить родившейся в уме его мысли, предается ей с пристрастием и созидает систему, тем более увлекательную и опасную, чем более он имеет ума и познаний; как часто ослепленный ложным блеском сей мысли, он не примечает слабых сторон оной, а стараясь подкрепить ее обширною ученостью и обольстительными доводами, он невинно обманывает публику, обманывая самого себя!».¹⁶¹ Атмосфера строгой научной критики и «благородного соревнования» между антиквариями должна способствовать скорейшему прогрессу науки и поиску истины. Основная цель археологического общества — «разыскивать, собирать и хранить, описывать и объяснять все памятники древности, на северных берегах Черного моря разновременно найденные и впредь находимые». В 1839 г., уже после смерти Стемпковского, было открыто Одесское общество истории и древностей, в своей деятельности следовавшее заветам Ивана Алексеевича.

Следующие направления деятельности научного общества должны стать основными.

1. Составление свода известий древних авторов по истории и географии края. Впоследствии ту же задачу ставили перед собой Одесское общество истории и древностей,¹⁶² а затем Русское археологическое общество.¹⁶³

2. Составление полных сводов уже опубликованных эпиграфических, нумизматических и археологических памятников. Необходимо «распределить оные по порядку городов и народов, коим они некогда принадлежали; извлечь наилучшие об оных суждения тех ученых мужей, коими они были изданы и описаны, и дополнить сии суждения новыми объяснениями».

3. Описание всех находок, попавших в частные собрания, как и археологических памятников, находящихся на местности, главным образом руин городов.

4. Проведение «под надзором членов» общества археологических раскопок в развалинах городов и древних «гробницах». Особое внимание уделять поиску древних надписей и монет, «сих надежнейших исторических свидетельств, которые могут послужить к дополнению большей частью утраченных летописей царств, городов и народов, на берегах Понта Эвксинского существовавших». Одно из направлений деятельности общества — охрана памятников с целью «поддержания от совершенного разрушения остатков» тех древних зданий, кои еще заметны, собрание и бережное хранение найденных вещей в музеях.

5. Составление планов всех древних городов и поселений, следы которых еще видны на поверхности. Составление архитектурно-археологических обмерных чертежей (планы и профили сохранившихся древних зданий).

6. Составление карты древних поселений Северного Причерноморья на основе сопоставительного анализа нарративной традиции с реальными археологическими остатками на местности с целью локализовать «местоположение многих знатных городов, коих следы счита-

¹⁶¹ Стемпковский И. А. Мысли относительно изыскания древностей... С. 45—47.

¹⁶² ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 1, л. 22.

¹⁶³ Перечень заседаний Императорского археологического общества за 1853 и 1854 гг. // ЗИАО. 1856. Т. 8. Отд. 2. С. 18.

которые ныне потерянным». Далее автор перечисляет пункты, которые, по его мнению, необходимо исследовать в археологическом отношении (уделяя основное внимание поселениям, а не могильникам), от Аккермана (древней Тир) на западе до Таманского полуострова на востоке.

Записку И. А. Стемповского «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае» (1823) с полным основанием можно расценить как *первую научно-исследовательскую программу русской науки о классических древностях юга России*, где впервые были названы стратегические цели и тактические задачи развития науки. Как ни парадоксально, программа была выработана дилетантом, а не профессиональным ученым. Дилетантизм (в данном случае без уничижительного оттенка) в период становления классической археологии был неизбежен, так как фонд собственно научных знаний и принципов только формировался. Объектами научного исследования, по Стемповскому, должны стать все без исключения древности, независимо от их материальной и художественной ценности: «Мы должны тщательно собирать и хранить каждый отрывок древних рукописей, надписей на камнях, каждую медаль, каждый обломок статуй, барельефов: самая незначительная вещь может иногда объяснить древние предания и разогнать мрак, их покрывающий».¹⁶⁴ Он безоговорочно осуждает тех любителей, которые «из любопытства» собирают древности, не зная их подлинной исторической ценности и значения для науки.¹⁶⁵ Исходя из этого научного credo, я не могу в полной мере принять вывод А. А. Формозова, что Иван Алексеевич понимал задачи археологии прежде всего с эстетических позиций, т. е. в русле художественной археологии.¹⁶⁶ Во многом благодаря записке Стемповского в русское общество «постепенно, хотя и очень медленными шагами, стало проникать сознание необходимости сохранять древние памятники и относиться к ним с надлежащим вниманием и уважением».¹⁶⁷

И. А. Стемповский и И. П. Бларамберг прекрасно осознавали, что только силами антиквариес Одессы и Керчи претворить в жизнь столь глобальные задачи просто невозможно, прежде всего из-за отсутствия у дилетантов должной историко-филологической подготовки, поэтому они искали единомышленников в обеих столицах. Иван Алексеевич неустанно убеждал отечественных антиквариес в необходимости изучения не только славяно-русских, но и классических древностей, находящихся на территории России. Одесские антиквариес установили тесные контакты с П. И. Кёппеном, их труды обратили на себя внимание графа Н. П. Румянцева, путешествовавшего в 1823 г. по Новороссии. Канцлер стал переписываться со Стемповским, главным образом о пополнении своего собрания античных монет и древностей, о проведении П. Дюбрюксом раскопок в Керчи на предоставленные им средства.

Оба археолога пытались заинтересовать древностями Южной России членов *Общества истории и древностей российских при Московском университете* (МОИДР).

МОИДР — первое научно-историческое общество в России, созданное в 1804 г. с целью изучения и публикации документов по русской истории. В него вошли преподаватели университета, а также историки, архивисты и археографы (Н. М. Карамзин, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, К. Ф. Калайдович, А. И. Мусин-Пушкин и др.). Общество руководствовалось уставом, одобренным Александром I в 1811 г., который ограничивал состав МОИДР не более чем 30 членами с условием, что большая их часть должна быть жителями Москвы «для вящего успеха в делах». Параграф 3-й устава 1811 г. гласил: «Общество постарается собирать древние рукописи, медали, монеты и другие памятники, служившие к объяснению происшествий в русской истории, для чего войдет в переписку с особами в разных местах России живущими, которые могут доставлять ему вещи или сведения такого рода».¹⁶⁸ Научная деятельность общества фактически началась лишь после военных событий 1812—1814 гг. В

¹⁶⁴ Тункина И. В. Автографы археологов в альбоме П. И. Кёппена. С. 225.

¹⁶⁵ Стемповский И. А. Мысли относительно изыскания древностей... С. 43—44.

¹⁶⁶ Формозов А. А. 1) Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 46; 2) Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 41.

¹⁶⁷ Новосадский Н. И. Греческая эпиграфика. М., 1915. Ч. 1. С. 159—160.

¹⁶⁸ См.: Устав Общества истории и древностей российских, утвержденный февраля 11 дня 1811. М., 1811. То же: Зап. и тр. ОИДР. 1815. Ч. 1. С. I—XXIV. Ср.: ОР РГБ, ф. 203, оп. 1, д. 1, л. 196 об., 197 об., 199. Об обществе см.: Попов Н. А. История Имп. Московского общества истории и древностей российских. М., 1884. Ч. 1: 1804—1812; Материалы для истории Имп. Общества истории и древностей российских: Переписка гг. действительных членов общества (1830—1876) / Сообщ. А. А. Титовым. М., 1887; 80-летие Имп. Общества истории и древностей российских // ЖМНП. 1884. № 5. Отд. 4. С. 1—11; Забелин И. Е. Список и указатель трудов, исследований и материалов, напечатанных в повременных изданиях Имп. Общества истории и древностей российских при Московском университете за 1815—1888 гг. С присовокуплением исторического очерка деятельности общества с 1804 по 1884 гг. М., 1889; Павлов П. Е. Столетие первого русского исторического общества // ИВ. 1904. № 3. С. 1045—1054.

Интерес к памятникам античной археологии появился лишь с приходом на место председателя МОИДР (1823—1830) генерал-майора Александра Александровича Писарева (1780—1846), заслуга которого состоит в привлечении к сотрудничеству с обществом антиквариев и любителей, интересовавшихся классическими древностями. В 1823 г. действительными членами общества были избраны создатель Феодосийского музея С. М. Броневский (гл. 4.3), Е. Е. Келлер, П. И. Кёппен, И. П. Бларамберг, почетными членами А. Н. Оленин и С. С. Уваров, в 1825 г. — действительным членом И. А. Стемпковский, почетным — А. С. Грейг, в 1829 г. — действительным членом А. И. Лёвшин, в 1836 г. — Н. Н. Мурзакевич.¹⁶⁹

Став в 1820-х гг. членами МОИДР, Стемпковский и Бларамберг отправили в Москву ряд своих статей на французском языке, часть которых была издана на средства общества в русском переводе.¹⁷⁰ 27 октября 1826 г. «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае» были зачитаны на заседании МОИДР.¹⁷¹ Идеи И. А. Стемпковского поддержал председатель А. А. Писарев, сам опубликовавший ряд исследований по классической археологии и нумизматике.¹⁷² Иван Алексеевич призывал московское общество организовать археологическую экспедицию для изучения древностей Новороссии (документ № 15). Однако подавляющее большинство членов МОИДР не одобряли такое расширение задач общества. Секретарь МОИДР И. М. Снегирев писал П. И. Кёппену в январе 1824 г.: «Господа члены наши Бларамберг и Стемпковский, мужи почтенные, сообщают нам сведения о древностях Новороссийского края, но они не вполне соответствуют предложенной цели общества, посвященной русской истории и русским древностям».¹⁷³ Предложения одесских археологов по расширению проблематики исследований не встретили поддержки и из-за недостатка у общества материальных средств. Между тем мы должны быть благодарны МОИДР за его деятельность по переводу малодоступных статей по классической археологии с иностранных языков на русский, за ознакомление общественности с лучшими научными исследованиями отечественных ученых в этой области знаний. После ухода А. А. Писарева с поста председателя связи общества с археологами-антикварами прекратились.

Активными членами одесского археологического кружка были А. И. Лёвшин, А. Я. Фабр и Э. В. Тетбу де Мариньи.

Алексей Ираклиевич Лёвшин (1798 или 1799—1879), литератор, археолог-любитель, этнограф и общественный деятель, происходил из дворян, учился в Воронежской гимназии и Харьковском университете, где был удостоен степени магистра (11 октября 1816), с 1816 г. публиковал статьи в «Украинском вестнике» (см., напр.: Греки и римляне на поприще наук и искусств // Украинский вестник на 1817 г. Ч. 7. С. 139—151). С 8 апреля 1818 г.

¹⁶⁹ См.: ОР РГБ, ф. 203, оп. 1, д. 2, л. 33 об., 107, 418, 438 об.; д. 3, л. 23 об.; д. 5, л. 361.

¹⁷⁰ Описание древних медалей Ольвии или Ольвиополя, находящихся в Одессе, в кабинете г. Бларамберга, с историческим известием о древнем городе Ольвии, с планом оного, и с изображением 225 медалей и монет, гравированных в Париже Сент-Анжем / Пер. с франц. А. П[исарева]. М., 1828. Бларамберг предоставил обществу гравированные медные доски для печатания таблиц (ОР РГБ, ф. 203, оп. 1, д. 2, л. 70, 418, 446). В том же году на средства общества был напечатан безграмотный перевод работы Кёппена «Древности северного берега Понта» (М., 1828; см.: ОР РГБ, ф. 203, оп. 1, д. 3, л. 9). Иллюстрированное гравюрами соревнования Афанасьева «Историческое описание об учреждении в Николаеве Черноморского депо карт с имеющимися при нем музеем и библиотекою» (1826), составленное Н. М. Кумани (гл. 4.1), и записки С. М. Броневского о древностях Южной России (гл. 4.3), планировавшиеся к публикации в трудах МОИДР, так и не были изданы. См.: ОР РГБ, ф. 203, оп. 1, д. 4, л. 2 об., 10—11, 78 об., 109. В ноябре 1846 г. действительный член МОИДР Г. И. Спасский доложил обществу свое мнение о записках С. М. Броневского, которое было решено препроводить «в свое время в Одесское общество истории и древностей» (ОР РГБ, ф. 203, оп. 1, д. 8, л. 337). Однако среди бумаг ООИД и МОИДР рукописи Кумани и Броневского мне обнаружить не удалось.

¹⁷¹ ОР РГБ, ф. 203, оп. 1, д. 3, л. 9. Письма одесских антиквариев А. А. Писареву опубликованы: *Стемпковский И. А. 1) Письма А. А. Писареву (о медалях Радамеадиса) // Тр. и зап. МОИДР. 1827. Ч. 3. Кн. 2. С. 35—37; 2) Письмо А. А. Писареву с представлением статьи «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае» // Там же. С. 198—200; Бларамберг И. П. Письмо к А. А. Писареву, 16 мая 1825 (об издании медалей древней Ольвии) // Там же. С. 118—119.*

¹⁷² *Писарев А. А. 1) Замечание о медали, найденной близ Азовского моря в 1823 г. // Тр. и зап. МОИДР. 1826. Ч. 3. Кн. 1. С. 138—142; 2) Речь о пользе отечественной археологии, произнесенная в торжественном заседании Общества марта 11 1827 г. // Тр. и летописи МОИДР. 1828. Ч. 4. Кн. 1. С. 1—20; 3) О древностях Новороссийского края // Там же. 1830. Ч. 5. Кн. 1. С. 192—214.*

¹⁷³ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 258, л. 12.

Лёвшин служил в Коллегии иностранных дел: титулярный советник с 16 декабря 1818 г., перемещен в Азиатский департамент МИД 15 июля 1819 г., 22 июня 1820 г. прикомандирован в чине коллежского асессора к исправляющему должности председателю Оренбургской пограничной комиссии. В Оренбурге Лёвшин заинтересовался историей и этнографией уральских народов, опубликовал ряд историко-этнографических сочинений о Зауральском крае. С 1823 г. он переехал в столицу Новороссийского края, был секретарем и близким помощником М. С. Воронцова, а впоследствии и градоначальником Одессы (1831—1839), в историю которой вошел основанием газеты «Одесский вестник» (1827, редактор до 1832 г.) и первой в российской глубинке Городской публичной библиотеки (1830). Лёвшин был знаком с А. С. Пушкиным еще по совместной службе в Петербурге, их знакомство продолжилось и в Одессе (поэт использовал его книги об уральских казаках при работе над «Историей Пугачева»). В Одессе А. И. Лёвшин являлся директором театра и председателем множества комитетов и комиссий при генерал-губернаторе, был попечителем Института благородных девиц, созданного Ришелье в 1806 г., активно содействовал благоустройству города, составил подробное его описание (не опубликовано). Однако в 1837 г. он был удален с должности градоначальника из-за административных ошибок во время эпидемии чумы и в 1838 г. назначен иркутским гражданским губернатором, но по болезни отказался ехать в Сибирь и был причислен к МВД, затем уехал за границу в отпуск. В 1844—1845 гг. Лёвшин служил в Министерстве государственных имуществ, возглавлял Департамент сельского хозяйства и Ученый комитет, впоследствии стал товарищем министра внутренних дел (1856—1859), разрабатывал основные принципы крестьянской реформы, был сенатором (1859), членом Государственного совета (1868).¹⁷⁴

Еще в 1826 г. и 1828 г. Лёвшин совершил поездки по городам Франции, Италии, Австрии для знакомства с карантинными учреждениями и использовал их для осмотра исторических достопримечательностей. Его перу принадлежит первая попытка «систематического обозрения» древностей Помпей на русском языке с приложением рисунков — описание быта и культурной жизни римлян I в. н. э.¹⁷⁵ За свои заслуги перед наукой, в том числе археологией, А. И. Лёвшин был избран действительным членом Парижского географического и Парижского азиатского обществ, МОИДР (1829), Королевского датского общества северных антиквариев (1836). Он являлся членом-учредителем (1845) и помощником председателя (с 1854 г.) РГО.

Другой высокопоставленный чиновник, увлекшийся археологией, — *Андрей Яковлевич (Янович) Фабр* (1789—1863).

Фабр родился в дворянской семье, в имении родителей в д. Сууксу Феодосийского уезда Таврической губернии. Его отец Ян (Яков) Фабр, или Фабер (ум. в 1792 г.), в 1789 г. при Г. А. Потемкине был садовником, разводившим сады в Николаеве (так называемая Фаберова дача, позднее известная как Спасское), затем был директором казенных виноградных садов в Судачской долине, мать — уроженка Гамбурга Мария, в девичестве Гроскрейтц (ум. в 1843 г.), в 1793 г. повторно вышла замуж за крымского помещика подполковника А. С. Таранова. Фабр получил хорошее домашнее образование, выучил русский, немецкий и французский языки, обучился рисованию. Службу начал 25 мая 1804 г. канцеляристом, а с 9 августа того же года уже губернским регистратором в Таврической казенной экспедиции, уволен по прошению в декабре 1807 г., в 1808 г. стал форштмейстером крымских лесов (сверх штата, в штате с июля 1809 г.). Губернский секретарь (1810), коллежский секретарь (1813), титулярный советник (1816). В 1812 г. во время эпидемии чумы Фабр был смотрителем чумного лазарета на р. Яндоле. С 1819 г. он служил в канцелярии таврического гражданского губернатора и в том же году сдал в Харьковском университете экзамен на получение асессорского чина: коллежский асессор (1823), советник Таврического губернского правления по исполнительной экспедиции (1823) и чиновник по особым поручениям при таврическом гражданском губернаторе, с октября 1825 г. таврический губернский прокурор; надворный советник (1827), коллежский советник (1829); член следственной комиссии о Севастопольском бунте (1830), статский советник (1833), действительный статский советник с причислением к МВД (1837), член Совета Министерства внутренних дел (с 1841 г.), одновременно состоял при М. С. Воронцове; екатеринославский губернатор (1847—1857), тайный советник (1848); в июне 1848 г. принял подданство России; с 1856 г. сенатор; по прошению уволен от службы в ноябре 1857 г. Несмотря на отмеченную современниками крайнюю скупость и скромность в обыденной жизни, свой сборник «Достопамятнейшие древности Крыма и соединенные с ними воспоминания» (Одесса, 1859) Фабр бесплатно разослал по библиотекам русских академий и университетов. В 1857 г. он переехал в Симферополь, стал «членом от правительства Таврического губернского присутствия по крестьянскому делу». Свободное время Фабр посвящал работе над статьями по сельскому хозяйству и животноводству Крыма. Около 200 тыс. р. он завещал на учреждение в Симферополе сиротского дома своего имени. Фабр являлся действительным членом РГО, почетным членом Эстонского ученого общества.¹⁷⁶

¹⁷⁴ См. о нем: РГИА, ф. 1349, оп. 4-1821, д. 13, л. 109—110: формулярный список; Лёвшин Алексей Ираклиевич // РБС. 1914. Т.: Лабзина—Ляшенко. С. 159—160; Евсеева М. К. Лёвшин Алексей Ираклиевич // Русские писатели, 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 307—308.

¹⁷⁵ Лёвшин А. И. Прогулка русского в Помпеи. СПб., 1843.

¹⁷⁶ Архив А. Я. Фабра хранится в ЦГААРК: ф. 458, оп. 1, д. 1, л. 1—20: формулярный список за 1857 г.; д. 2: документы о службе, личные документы. См. также: ГАОО, ф. 1, оп. 200-1834, д. 70: личная переписка А. Я. Фабра, 1834 г.; ф. 1, оп. 200-1838, д. 26: формулярный список за 1838 г.; ф. 1, оп. 173-1856, д. 44: О назначении тайного советника Фабра сенатором, 1856 г. «Документы, относящиеся к археологии Новороссийского края, представлен-

По роду службы А. Я. Фабр много ездил по Крыму и Тамани, завел знакомства с местными антиквариями и коллекционерами, с которыми поддерживал научную переписку, в частности с И. П. Бларамбергом (гл. 13). Во время поездки на Тамань в июне 1815 г. под влиянием Х. Х. Стевена он заинтересовался исторической топографией полуострова,¹⁷⁷ которому много лет спустя он посвятил компилятивный труд «Древний быт Эионы, нынешнего полуострова Тамани» (Одесса, 1861). Став в феврале 1833 г. правителем канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова (1833—1837), Фабр, по уверению Н. Н. Мурзакевича, не гнушался подарками Ашика и Карейши в виде древностей, найденных в ходе раскопок. В 1845 г. собиратель продал за 1200 р. серебром (а не передал в дар) свою коллекцию из 134 предметов древностей, «которые, за исключением только малой части, все найдены в пантикапейских курганах», Одесскому обществу истории и древностей членом-основателем которого он являлся (гл. 6, 7.1). При открытии общества 4 мая 1839 г. Фабр подарил ему многочисленные документы по археологии Новороссийского края, включающие письма, рисунки, списки надписей, планы городов и т. п. Неприязненно относившийся к нему Мурзакевич тем не менее писал, что Фабра отличали «замечательная начитанность римскими классиками, относящимися к Крыму и Кавказу», и «живой интерес к древностям». Желая отличаться перед просвещенным вельможей М. С. Воронцовым, А. Я. Фабр занялся переводом с французского перипла Понта Евксинского Арриана, «сличенного» с помощью А. Ф. Панагидора-Никовула и Н. Н. Мурзакевича с греческим подлинником. Текст этого редкого в то время источника изучался по изданию И. О. Потockого.¹⁷⁸ Н. Н. Мурзакевич утверждал, что фактически весь перевод был выполнен заново помощниками Фабра. Книгу дополняют примечания, именной указатель и литографированная «Карта древних эллинических поселений по берегам Черного и Азовского морей», составленные Н. Н. Мурзакевичем. Перевод, посвященный гр. М. С. Воронцову, встретил благоприятный отзыв современников.¹⁷⁹

Эдуард Викторович (Яков Виктор Эдуард) Тетбу де Мариньи (*Taitbout de Marigny*, 1793—1852),¹⁸⁰ сын аристократа-роялиста, генерального консула в Морее, бежавшего во время Великой Французской революции вместе с семьей в Грецию и Турцию. После смерти близких, оставшись без средств к существованию, в 17-летнем возрасте он поступил на русскую службу коллежским регистратором. С юности Тетбу проявил страсть к морским путешествиям, в 1813 г. впервые побывал на Кавказе, в 1818 г. был прикомандирован А. Ф. Ланжероном к попечителю по торговле с горцами Рафаилу Скасси для поездки на восточный берег Кавказа, часто бывал в Феодосии и Керчи.¹⁸¹ Он являлся членом одесской масонской ложи «Евксинский Понт», возглавляемой Ланжероном.¹⁸² В Керчи Тетбу сблизился с П. Дюбрюком, членом той же ложи, и поддерживал с ним дружеские отношения, в Феодосии — с масонами градоначальником С. М. Броневским, хранителями местного музея А. Галлерой и И. И. Грапероном. В 1820-х гг. Тетбу де Мариньи помог С. М. Броневскому составить описание Феодосийского музея, предназначенное для Московского общества истории древностей российских, и сопроводил его своими рисунками, «очень верными и точными», с масштабом во французских дюй-

ные Одесскому обществу истории и древностей в 1839 г., собранные Фабром, хранятся в НА ОАМ (№ 83181, 32 л.). Рукопись книги «Древний быт Эионы, нынешнего полуострова Тамани» см.: КРКМ, фонд ГУАК, КП-23143, Д-8843, д. 75, 95 л. См. о нем: Мурзакевич Н. Н. 1) Андрей Яковлевич Фабр: Некролог // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 485—487; 2) Записки Н. Н. Мурзакевича // РС. 1889. Т. 59. С. 587, 591; РБС. 1901. Т.: Фабр—Цявловский. С. 4.

¹⁷⁷ Четыре письма И. П. Бларамберга А. Я. Фабру за 1827—1828 гг. о чтении и переводе надписей из Неаполя Скифского см.: НА ОАМ, № 83181, л. 1—10; Из переписки местных деятелей: Письмо А. Я. Фабра к Х. Х. Стевену / Публ. А. Х. Стевена // ИТУАК. 1894. № 21. С. 107—113 (об археологической топографии Таманского полуострова).

¹⁷⁸ Potocki J. Fragment historiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves. Brunswick, 1796.

¹⁷⁹ Арриана Перипл Понта Евксинского / Пер. А. Фабр. Одесса, 1836. См. рецензии М. М. Кирьякова (ЖМНП. 1837. Ч. 13. Отд. 4. С. 430—439), А. Заблoцкого (ЖМВД. 1837. Ч. 23. С. 122—138), а также восторженный отзыв В. Н. Каразина (Письмо Каразина о Перипле Арриана // Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина / Сост. и ред. проф. Д. И. Багалей. Харьков, 1910. С. 591—593). Рукопись перевода сохранилась в составе «Сборника статей А. Я. Фабра» в архиве ООИД (ИР ЦНБ, V, 662—665, л. 1—16).

¹⁸⁰ См.: Брун Ф. Я. В. Э. Тетбу де Мариньи: Некролог // ЗООИД. 1858. Т. 4. Отд. 1. С. 417—419.

¹⁸¹ Taitbout de Marigny E. Voyage en Circassie, fait en 1818. Bruxelles, 1821 (2 éd. Moscou, 1835; 3 éd. Odessa, 1836).

¹⁸² Серков А. И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000. С. 20.

мах и футлах (гл. 4.3).¹⁸³ Он был блестящим рисовальщиком и акварелистом: ему принадлежат литографированный «Вид крепости Керчи» (1820) и целая серия акварелей, рассеянных по различным музеям России и Украины.

В 1820-х гг. правительство Нидерландов назначило Тетбу де Мариньи вице-консулом сначала в Феодосии, затем в Одессе с целью возглавить «ученое и коммерческое предприятие», в котором был заинтересован богатый купеческий дом в Брюгге; в 1830 г. он был уже консулом, а в 1848 г. стал генеральным консулом Нидерландов в портах черноморских и азовских. В 1821, 1823—1825, 1829—1851 гг. Тетбу де Мариньи неоднократно обследовал побережье Азовского, Черного и Средиземного морей, везде обращал внимание на остатки древностей (гл. 8.5, 16),¹⁸⁴ изучал историю, быт и культуру прибрежных народов.¹⁸⁵ Общению с местным населением помогало совершенное знание им новогреческого языка. В 1843 и 1845 гг. по предложениям Тетбу де Мариньи были построены маяки — на оконечности Одесского карантин и в устье Сулинских гирл Дуная — на о-ве Фидониси. Опубликованные описания его морских путешествий, своего рода гидрографические руководства шкиперам, затрагивали историю побережья Понта Евксинского и включали локализацию упоминаемых в нарративной традиции городов и поселений античной эпохи.¹⁸⁶ Важнейший из его трудов «Hydrographie de la mer Noire et de la mer d'Azow, comparée à celle de l'antiquité et du moyen âge» (с атласом из 77 карт, большей частью черноморских, сверенных с известным атласом Е. Манганари¹⁸⁷), к сожалению, не был окончен: сравнительные примечания древних и средневековых названий пунктов побережья остались неизданными. Тетбу де Мариньи был некоторое время активным автором и редактором французского издания «Одесского вестника», как член Одесского общества публиковал статьи в его «Записках» (гл. 6). Издание серии морских путеводителей принесло ему известность еще в середине 1820-х гг. (гл. 8.5), благодаря чему Тетбу де Мариньи был избран членом Парижского географического общества и целого ряда научных обществ в Париже, Амстердаме и Афинах.

¹⁸³ ОР РГБ, ф. 203, оп. 1, л. 2, л. 33 об., 364—365.

¹⁸⁴ *Taitbout de Marigny E.* 1) Bibliographie // *Journal d'Odessa*. 1827. 16/28 avr. № 29. P. 115 (критические заметки по тексту книги Гамбы о черкесах); 2) Article communiqué par E. T. d. M. // *Ibid.* 25 juin/7 juil. № 49. P. 195—197 (о древностях, найденных в Феодосии); 3) Article communiqué // *Ibid.* 1828. 14/26 janv. № 4. P. 15—16 (рус. перевод: Отечественная география // *ОБ.* 1828. 5 сент. № 71. С. 308—309; о транскрипции русских топонимов в европейских языках, включая новогреческий); 4) Extrait d'un voyage inédit, fait sur les côtes de la mer Noire en 1823, 1824 et 1825 // *Ibid.* 4/16 avr. № 27. P. 106—107 (рус. перевод: Извлечение из неизданного путешествия по берегам Черного моря в 1823, 1824 и 1825 годах // *ОБ.* 1828. 14 апр. № 30. С. 136—137); 5) Reflexions sur le mont Caucase, et la côte orientale de la mer Noire // *Ibid.* 14/26 avr. № 30. P. 126—127 (рус. перевод: О Кавказе и восточных берегах Черного моря // *ОБ.* 1828. 12 мая. № 38. С. 167—168); 6) Note des établissemens Génois dans la mer Noire et ouvrages à consulter sur leur histoire // *Ibid.* 1828. 30 mai/11 juin. № 43. P. 189—190; 7) Géographie // *Ibid.* 27 oct./8 nov. № 86. P. 369—370 (о местоположении древнего г. Баты, упоминаемого Страбоном); 8) Le Tchadir-Dag // *Ibid.* 1830. № 65; 9) L'astropolis d'Athènes (Fragment d'un voyage inédit) // *Ibid.* 1833. 9/21 mai. № 37. P. 145—146; 10) Новооткрытые поселения в окрестностях Керчи // *ЗООИД.* 1844. Т. 1. Отд. 3. С. 600 (об остатках древних построек близ деревни Кош-Кой и укрепленной усадьбы (?) к юго-западу от мыса Кара-Бурун, открытых им в июне 1839 г.); 11) Находки древностей на Абхазском берегу и околор Кубани // *Там же.* С. 628—630, и др.

¹⁸⁵ *Taitbout de Marigny E.* 1) Religion des Circassiens // *Journal d'Odessa*. 1828. 30 mai/11 juin. № 43. P. 189 (рус. перевод: *Тетбу де Мариньи Э.* О религии черкесов // *ОБ.* 1828. 13 июня. № 47. С. 206—208); 2) Religion des Circassiens Noutkahtsyt // *Ibid.* 16/28 juin. № 48. P. 210—211; 3) Femmes circassiennes // *Ibid.* 11/23 août. № 64. P. 279—281, и др.

¹⁸⁶ *Taitbout de Marigny E.* 1) Portulan de la mer Noire et de la mer d'Azow, ou description des côtes de ces deux mers à l'usage des navigateurs. Odessa, 1830. 2 vol.; 2) Plans des golfes, baies, ports et rades de la mer Noire et de la mer d'Azow. Odessa, 1830; 3) Pilote de la mer Noire et de la mer d'Azow. Extrait de l'hydrographie de la mer Noire et de la mer d'Azow, comparée à celles de l'antiquité et du moyen-âge. Constantinople, 1850; итал. перевод: Portolano del mar Nero et del mar d'Azof. Livorno, 1832. 2 éd. Constantinople, 1850; англ. перевод: The Pilot of the Black Sea and Sea of Azoff. Constantinople, 1850. Там же и в том же году издан новогреч. перевод; 4) Atlas de la mer Moire et de la mer d'Azow. Odessa, 1850. 36 pls. (выкопировки из атласа Е. Манганари 1841 г.); 5) Hydrographie de la mer Noire et de la mer d'Azow. Description topographique et archéologique de leurs côtes depuis les temps ancien jusqu'à nos jours. Trieste, 1856.

¹⁸⁷ Атлас Черного и Азовского морей капитан-лейтенанта Егора Манганари, гравированный по высочайшему повелению в Санкт-Петербурге / Изд. Гидрографического Черноморского депо карт в Николаеве. Николаев, 1841. 26 л. с картинками и с 16 береговыми видами. См. рецензию Н. Н. Мурзакевича: *ЗООИД.* 1850. Т. 2. С. 722—725.

Керченский полуостров с момента завоевания русским оружием Керчи и Еникале, по словам А. А. Скальковского, привлекал к себе внимание антиквариев как «драгоценный музей, хранитель остатков знаменитого Босфорского царства». При руководстве краем А. Э. де Ришелье, когда административно эта территория входила в Феодосийское градоначальство, основная масса памятников из Керчи поступала в Феодосийский музей древностей, открытый в 1811 г. Этому активно способствовали местные антиквариаты С. М. Броневский, А. Галлера, И. И. Граперон (гл. 4.3) и Э. В. Тетбу де Мариньи.

Но местный патриотизм керчан переломил ситуацию. В 1821 г. здесь было учреждено независимое от Феодосии керчь-еникальское градоначальство, одновременно началось интенсивное строительство порта с новым карантинным, предназначенных для торговли с народами Кавказа. К началу 1820-х гг. в городе было возведено около 200 домов, а население Керчи за 10 лет выросло с 600 человек (в 1810 г.) до 2000.¹⁸⁸ Интенсивное развитие города приводило к массовым археологическим находкам. Не случайно, что именно в Керчи «на пользу наук и просвещения» с разрешения генерал-губернатора А. Ф. Ланжерона было создано неформальное объединение любителей древностей, получивших исключительное право «отыскивать в недрах земли вокруг Керчи хранящиеся там памятники Босфорского древнего царства». В кружок входили П. А. Дюбрюкс, Р. А. Скарси, А. Дигби, позднее А. Б. Ашик, Д. В. Карейша и др.¹⁸⁹ «Я сам принадлежу сему обществу, — писал Н. П. Румянцев А. Ф. Ланжерону 8 марта 1820 г., — но Вам известно, что малый денежный сбор не дает средств достигнуть желаемой цели; слабо наполняется Керченский музей, а науки и искусства повсюду тужат, что небогатая для них собирается жатва на таком для блага их знатном поле. Возделывая его приличным образом, надобно определить побольше денег; я готов сие пожертвование сделать...».¹⁹⁰

Поль Дю Брюкс, Дюбрюкс (*Paul Du Bruch, de Bruch, du Bruch*, в русских источниках также Дюбрукс, Дю-Брукс, де-Брукс, Дебрюкс, Дубрюкс, Брукс, Брюкс Павел Алексеевич (Александрович); 1770¹⁹¹ или 1773/1774(?)—1835), археолог-дилетант, по праву считается зачинателем керченской полевой археологии.¹⁹² Реконструкция полной загадок и «темных мест» биографии Дюбрюкса является темой самостоятельного исследования. В некрологе, опубликованном спустя 13 лет после смерти Дюбрюкса его близким другом, нидерландским консулом в Одессе Э. В. Тетбу де Мариньи, и в повторяющих его статьях содержатся многочисленные ошибки фактического характера, главным образом в датах.¹⁹³ Кратко перескажу основные моменты

¹⁸⁸ Скальковский А. А. Хронологическое обозрение... Ч. 2. С. 300—301, 308. В 1827 г. в Керчи и Еникале насчитывалось 2408 жителей, большей частью греков, 388 домов, 3 церкви. См.: Прогулка по Новороссийскому краю: Керчь, 2 августа // ОВ. 1827. 17 сент. № 73. С. 292.

¹⁸⁹ О собирателях древностей в Керчи см.: Боровакова В. Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь, 1999 (Древности Керчи. Вып. 4).

¹⁹⁰ Скальковский А. А. Хронологическое обозрение... Ч. 2. С. 293; Попруженко М. Г. К отысканию древностей в Новороссийском крае // ЗООИД. 1902. Т. 24. Отд. 3. С. 4.

¹⁹¹ Эту дату рождения по архивным документам установили ученики В. Шильц, французские исследователи Jean-Pierre Savignet (Архивы департамента Ду) и Everardo Ramos (Институт археологии Университета Франш-Конте). К сожалению, мне пока не удалось ознакомиться с их совместной с В. Шильц статьей о Дюбрюксе в «*Journal de Savants*», которая должна была выйти из печати в конце 2000 г.

¹⁹² См. о нем: *Tetbu de Marigny Я. В. Э.* Павел Дюбрюкс // ЗООИД. 1848. Т. 2. Отд. 1. С. 229—231; *Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France*. P. 343—344, 425—426; *В-в В.* Дюбрюкс Павел // РБС. 1905. Т.: Дабелов—Дьяковский. С. 31—33; *Шантырь С. П.* Зачинатель археологии в России // Советский Крым. 1977. 5 апр. № 66 (9069). С. 4; *Брашинский И. Б.* В поисках скифских сокровищ. Л., 1979. С. 29—37; *Шургал И. Г.* У истоков Боспорской археологии // Крымские каникулы. Симферополь, 1981. С. 196; *Власова Е. В.* Поль Дюбрюкс: Раскопки кургана Куль-Оба // Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., 1999. С. 45—48; *Хришановский В. А.* Француз из Петербурга: К 225-летию Поля Дюбрюкса // Звезда. 1999. № 12. С. 160—172; *Тункина И. В.* О судьбе рукописного наследия Павла Дюбрюкса // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира: Матер. Междунар. науч. конф., дек. 1999 г. СПб., 1999. С. 8—35.

¹⁹³ Здесь я ограничусь лишь публикацией краткой черновой справки о Дюбрюксе, с правкой П. И. Кёппена, вероятно составленной со слов самого археолога: «Титулярный советник и военного ордена св. Лудовика кавалер Павел Дюбрюкс (так! — И. Т.) в российскую службу вступил капитаном 1797 года и (далее зачеркнуто: в 1799 г. после похода в 1799 году) в 1800 г. уволился от оной. Состоя потом (зачеркнуто: в 1810 г. поступил) в гражданскую службу, он в 1812 г. во время морового поветрия, господствовавшего в Еникале, деятельно участвовал в спасении Керчи и всего Крыма от пагубной болезни сей, во удостоверение чего имеет и данное ему по сему предмету одоб-

жизни Дюбрюкса, сообщенные Тетбу, требующие, однако, документального подтверждения, так как они входят в явное противоречие с другими сведениями. По происхождению бретонец, уроженец области Франш-Конте на востоке Франции, Дюбрюкс во время Великой Французской революции в чине «младшего лейтенанта пехотной службы» с отцом-полковником и младшим братом сражался на стороне роялистов в Корпусе благородных егерей созданной в 1792 г. армии принца Л. Ж. Конде. За храбрость он был удостоен ордена Св. Людовика¹⁹⁴ и даже издал брошюру о легкой кавалерии.¹⁹⁵ Интерес к древностям проявился у Дюбрюкса еще в молодости. Как он сам позднее писал, во время скитаний по Европе после поражения роялистов он побывал в Мангейме и Мюнхене, и, как ранее в Париже, не упускал возможности осмотреть кабинеты редкости с античными собраниями.¹⁹⁶ В 1797 г. вместе с армией Конде семья Дюбрюксов эмигрировала и осела в пограничной Западной Волыни, с 1795 г. по третьему разделу Речи Посполитой отошедшей к Российской империи (Дюбрюксы были причислены к герольдии как дворяне Волынской губернии Владимирского повета). Семья бедствовала: Поль вынужден был работать домашним учителем, несмотря на то что он не имел никакого образования и на родном языке писал с многочисленными ошибками. Во время консульства, т. е. между 1799 г. и 1804 г., его отец и братья¹⁹⁷ вернулись во Францию, а Дюб-

рительное свидетельство, равномерно получил он и благодарственный отзыв за подписью Его Сиятельства князя Алексея Борисовича Куракина. Г-н Дюбрюкс был представлен к награде как таврическим гражданским губернатором (А. М. Бороздиным. — И. Т.), так и феодосийским градоначальником (С. М. Броневским. — И. Т.). Представления сии, однако, не имели для него никаких выгодных последствий. В 1815 г. г-н Дебрюкс (так! — И. Т.) определен смотрителем по части добывания самосалочной соли из озер, близ Керчи находящихся. Тогда в первом году продано сей соли около 20 000 пудов, постепенно, однако, продажа сия увеличена до того, что в 1819 г. продано сей самосалочной соли уже 230 тысяч пудов. Неустанные попечения г. Дюбрюкса по вверенной ему должности таким образом принесли казне значительную пользу, которую полагать можно в 200 000 рублей, а бескорыстие сего чиновника не позволяло ему заботиться о личных выгодах, почему как он, так и семейство его не могут назваться достаточными. Г-н Дюбрюкс всегда надеялся, и ныне надеется, что усердие его к службе не останется без внимания и что правительство во всяком случае может вознаградить тех, которые общественное благо предпочитали своей собственной пользе» (ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 474, л. 39).

¹⁹⁴ Подтверждение этому я нашла в материалах о французской роялистской эмиграции в России, собранных кн. А. Б. Лобановым-Ростовским (ГАРФ, ф. 728, оп. 2, д. 295, л. 136), где среди эмигрантов, кавалеров ордена Св. Людовика, упомянут некий de Врих, правда, без указания инициалов.

¹⁹⁵ Об этом упомянуто в статье: Из воспоминаний Михайловского-Данилевского: Путешествие с императором Александром I по Южной России в 1818 году // РС. 1897. № 7. С. 92. А. И. Михайловский-Данилевский пишет, что французский эмигрант Брюкс «тридцати лет вступил в военную службу во Франции», а Тетбу, напротив, утверждает, что «по 19-му году жизни». Остается неясным, в каком роде войск служил будущий археолог — в пехоте или в легкой кавалерии?

¹⁹⁶ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 330.

¹⁹⁷ Павла Дюбрюкса часто путают с его двумя сыновьями и младшим братом, также осевшими в Керчи. О брате как о своем помощнике при раскопках упоминает сам П. Дюбрюкс (*Дюбрюкс П.* Описание развалин и следов... С. 73. Примеч.). Вот сведения из формулярного списка от 30 сентября 1831 г. одного из сыновей П. Дюбрюкса — Густава Павловича, родившегося около 1793 г., героя войны 1812 г. и заграничного похода русской армии, также жившего в Керчи: «Капитан Густав Павлов сын Дебрюкс 38 лет, комиссар Еникольской карантинной заставы, ордена Св. Анны 4-й степени кавалер, имеет серебряные медали в память 1812 и за взятие Парижа. Из дворян Волынской губернии Владимирского повета, французской нации, женат, имеет детей — сына Александра 5 и дочь Надежду 4 лет, находящиеся при нем. В службу вступил в 5-й егерский полк унтер-офицером 27 сентября 1806 г., поручиком-юнкером 28 мая 1808 г., прапорщиком 14 февраля 1812 г., за отличие произведен подпоручиком 24 августа 1812 г., за отличие в сражении на острове Вильгельмсбург награжден орденом Св. Анны 4-й степени 5 февраля 1814 г., поручиком 10 апреля 1816 г., штабс-капитаном 24 апреля 1818 г. Высочайшим приказом уволен за ранами от службы капитаном с мундиром и пенсиейном полного жалования 1821 г. января 29. В настоящую должность определен господином управляющим Министерством внутренних дел 19 мая 1824 г. В походах был: 1812 года противу ворвавшихся в российские пределы французов июня 27 и 28 при местечке Мире, июля 9 при местечке Романове, августа 3 при г. Смоленске, 6 близ г. Дорогобужа, и с этого числа в ретирале до с. Бородино, 24, 25 и 26 в сражениях находился, где и ранен левой руки в кость навилет и с левой ноги в берцо ружейными пулями, декабря с 28 за границу в Царство Польское, 1813 г. января 24 при блокаде крепости Люблина, с 25 на 26 мая при бомбардировании оной, 28 июля в походах чрез Царство Польское, Пруссию, Силезию, Богемию и Саксонию, где в сражениях находился 26 сентября при деревне Петерсвиля, 27 при м. Доно, 30 при д. Кейц, 1 октября при д. Плацен, что близ города Дрездена, 6 при г. Лейпциге, 27 при д. Фразе и при блокаде крепости Магдебурга, 1814 г. января 14 в ночной экспедиции при занятии с. (нрзб), 28 и февраля 5 на острове Вильгамбург, мая 19 при вступлении в город Гамбург, в 1815 г. в походе в Царстве Польском, Германии, Франции и обратно в Россию. В штафах и под судом не был, был в отпуску 1816 года октября с 27 на два месяца и на срок явился», недвижимости и крепостных не имел (РГИА, ф. 1349, оп. 4-1831, д. 105, л. 33—34 об.). Его сын Александр Густавович (Августович) Дюбрюкс, или Де-Брюкс (1826?—не позднее 1866), известен переводом труда деда на русский язык по поручению ООИД. В

рюкс в 1797 г. или, по данным Кёппена, в 1799 г. вступил в русскую военную службу капитаном, но уволился в 1800 г. (Тетбу де Мариньи о военной службе Дюбрюкса в России вовсе не упоминает, А. А. Скальковский называет его «французским эмигрантом капитаном», некогда «капитаном французской службы»;¹⁹⁸ в РГВИА его формулярный список о русской военной службе мне найти не удалось).

О жизни Дюбрюкса в первые годы его пребывания в России какими-либо сведениями я не располагаю. Перебравшись в Петербург, через масонские связи, он успел приобрести знакомство с влиятельными людьми — А. Ф. Ланжероном, скорее всего с С. М. Броневским (гл. 4.3) и, возможно, через последнего с М. М. Сперанским и Н. П. Румянцевым. «Ум и любезность облегчили ему знакомство с некоторыми лицами, бывшими тогда в силе», — вспоминал Тетбу. Однако «гнетомый нуждою доставить себе необходимейшие средства к существованию», Дюбрюкс воспользовался первой же предложенной вакансией и переехал в Крым. В конце 1809 г. или начале 1810 г. Дюбрюкс поселился в Еникале и в 1810 г. представил министру финансов Д. А. Гурьеву записку, «доказывающую получаемую пользу от лова сельдей и анчоусов в Керченском проливе и возможность исполнения сего предприятия», которое, однако, было претворено в жизнь лишь при управлении краем М. С. Воронцовым.¹⁹⁹ В 1810 г. или 1811 г. Дюбрюкс переехал в Керчь. «Титулярный советник Дюбрюкс» в июле 1814 г. упомянут в документах как «управитель коллежского советника Гурьева», в имении, расположенном у д. Чурубаш,²⁰⁰ и до 11 января 1815 г. как надзиратель Керченской таможенной заставы.²⁰¹ На этой должности он получал всего около 400 р. ассигнациями в год, даже по тем временам весьма небольшую сумму, что заставило его подать рапорт об увольнении «для прискания службы по другой части». Имея жену и четверых детей (двух сыновей, привезенных из Франции, и двух дочерей, родившихся уже в Керчи²⁰²), Дюбрюкс «привык к бедности» и «сносил ее терпеливо», так как доходы его семьи ограничивались «соленой рыбой, которою по временам снабжали его шкипера».²⁰³

Вплоть до создания собственного градоначальства в Керчи местные чиновники подчинялись феодосийскому градоначальнику, каковым в те годы был близкий друг П. Дюбрюкса С. М. Броневский (гл. 4.3). А. А. Скальковский пишет, что Дюбрюкс являлся «наставником» в археологических изысканиях С. М. Броневского «и они вместе положили основание Феодосийскому музею — первообразу Керченского и Одесского музеев. Впоследствии он был учителем, так сказать, и наставником в этом деле... археолога И. А. Стемповского». Вероятно, не без протекции Броневского с 1815 г. (по Кёппену) или с 1817 г. (согласно Тетбу де Мариньи) Дюбрюкс становится приставом керченских соляных «магазинов» и смотрителем соляных озер. Скорее всего между 1823 и 1825 гг. антикварий оставил государственную службу и полностью посвятил себя обуревавшей его страсти — археологическим исследованиям. В эти годы он жил на средства, выделявшиеся генерал-губернатором Новороссии М. С. Воронцовым на проведение раскопок и разведок с целью пополнения фондов Керченского музея

1844 г. он был принят на казенное иждивение студентом Ришельевского лицея по физико-математическому отделению, и по его окончании в 1847 г. с правом на чин 12-го класса в качестве губернского секретаря определен на службу учителем исторических наук в Николаевское уездное училище, в 1848 г. перемещен младшим учителем математики в гимназию при Ришельевском лицее (ГАОО, ф. 44, оп. 2-1849, д. 133, л. 61—63: формулярный список за 1849 г.). С 9 августа 1855 г. он первый помощник инспектора лицея в чине коллежского асессора (*Михневич И. Г. Исторический обзор сорокалетия Ришельевского лицея с 1817 по 1857 г.* Одесса, 1857. С. 165). О нем, судя по архивной описи, говорили утраченные в годы войны документы Ришельевского лицея: ГАОО, ф. 44, оп. 2-1851, л. 152: Об исходатайствовании учителю Дебрюксу документов о дворянстве. 2 л. Ф. Ф. Вигель упоминает о своей встрече с одним из сыновей Поля Дюбрюкса — чиновником, «сыном одного поганого француза, в Керчи живущего», 29 июня 1827 г. в карантине Бугазского менового двора на Таманском полуострове (*Вигель Ф. Ф. Записки. Ч. 7.* С. 165). Другой сын П. Дюбрюкса — Александр Павлович Дюбрюкс, служил в 1841 г. подпоручиком 5 батальона Подольского егерского полка, квартировавшего в Одессе.

¹⁹⁸ ОРИР ОГНБ, ркп. 62/6, л. 32 об.—33; Скальковский А. А. Хронологическое обозрение... С. 263.

¹⁹⁹ Скальковский А. А. Хронологическое обозрение... С. 156.

²⁰⁰ ЦГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 1142.

²⁰¹ РГИА, ф. 19, оп. 1, д. 1793, л. 2.

²⁰² Одна из дочерей Дюбрюкса Елизавета Павловна во второй половине 1830-х—начале 1840-х гг. учительствовала в подготовительном классе керченского Кушниковского института, по совместительству была преподавательницей танцев (*Хриановский В. А. Француз из Петербурга.* С. 171), в мае 1846 г. она жила в доме смотрителя военного госпиталя в Ростове-на-Дону (ГАОО, ф. 44, оп. 2-1846, д. 93, л. 1 об.).

²⁰³ Тетбу де Мариньи Я. В. Э. Павел Дюбрюкс. С. 229—230.

древностей. Этот вывод позволяет мне сделать отсутствие формульных списков Дюбрюкс среди чиновников Таврической губернии, портовых таможенных застав Керчи и Еникале, соляного отделения Крымского соляного правления за 1810—1830-е гг., хранящихся в РГИА.

Археолог не чуждался и общественной деятельности. В последние годы жизни Дюбрюкс являлся синдиком сооружаемой в Керчи католической церкви. По его просьбе чиновник канцелярии М. С. Воронцова титулярный советник Гехт открыл в Одессе подписку для сбора пожертвований в пользу храма.²⁰⁴

С момента переезда в Крым Дюбрюкс начал следить за случайными находками древностей и эпизодическими раскопками военных и моряков. Постепенно он сам с 1811 г. приступает к раскопкам, правда, первоначально с целью пополнить собственный бюджет продажей найденных вещей путешественникам и вельможным меценатам. Так, в 1811 г. им была открыта городская стена Пантикапея, в 1816—1818 гг. проведены раскопки у подошвы горы Митридат, во рву крепости Керчь, жилых построек Пантикапея, курганов и катакомб к северу и западу от Керчи вдоль Карантинного и Феодосийского шоссе, в д. Булганак в 4 верстах от города, а также пешие разведки на Керченском полуострове от мыса Фонари вплоть до горы Опук. Весной 1817 г. керченская полиция пыталась запретить раскопки под предлогом того, что «титулярный советник Дебрюкс... неизвестно с какого повода раскапывает могилы и разбрасывает гробы, отчего между жителями происходят разные разглашения, в отвращение чего и чтобы не допустить нелепости до распространения» приказала остановить работы, угрожая арестом их участникам. Дюбрюкс вынужден был написать разъяснительное письмо новому таврическому гражданскому губернатору А. С. Лапинскому и объяснить, что работы ведутся с ведома и на субсидии А. Ф. Ланжерона.²⁰⁵ Со временем работы Дюбрюкса стали приобретать не кладоискательский, а научный характер — ход работ фиксировался в дневнике, составлялись чертежи погребальных памятников и рисунки найденных вещей. Несомненно, он обладал врожденной интуицией и острой наблюдательностью, способностью «видеть землю», которая с годами лишь оттачивалась. Неудивительно поэтому, что археолог использовал передовую для того времени методику раскопок курганов — на снос до материка, что, как правило, гарантировало находку погребений.

Должность смотрителя «по части добывания самосадочной соли» предоставила Дюбрюксу возможность совершать поездки по Керченскому полуострову. В 1816 г. исследования проводились с разрешения таврического гражданского губернатора А. М. Бороздина по распоряжению и на пожертвования новороссийского генерал-губернатора графа А. Ф. Ланжерона (100 р.), являвшегося мастером стула одесской масонской ложи «Евксинский Понт», членом которой состоял Дюбрюкс,²⁰⁶ в 1817—1818 гг. на средства государственного канцлера графа Н. П. Румянцева (100 р.), сумму, поступившую из Кабинета императора Александра I (500 р.),²⁰⁷ и субсидии великого князя Михаила Павловича (500 р.). Вел. кн. Николай Павлович, будущий император Николай I, побывал в Керчи 1—2 июля 1816 г.,²⁰⁸ а его брат Михаил Павлович (1798—1849) год спустя во время образовательного путешествия по России. Последний отметил в путевом дневнике, что Керчь стоит на месте древнего Пантикапея, и 26 сентября 1817 г. записал свои впечатления от знакомства с раскопками Дюбрюкса: «Нечто отрывочное, но кроме незначущих вещей ничего ценного не нашли».²⁰⁹ Михаил Павлович приказал Дюбрюксу раскопать один из «огромных каменных курганов, лежащий вблизи города на протяжении горы Митридат», исследованный Д. В. Карейшей в 1832 г., в ходе раскопок которого были открыты два надгробия, позднеэллинистические кадосы с дипинти и известный расписной склеп пигмеев.²¹⁰

Сам император Александр I посетил Керчь 10—11 мая 1818 г., причем Дюбрюкс показывал ему свои раскопки, водил в катакомбы и открытые склепы. Император осмотрел также

²⁰⁴ ОРПР ОГНБ, ркп. 62/6, л. 33; ГАОО, ф. 1, оп. 200, д. 700, л. 33—33 об., 48—48 об., 73—74 об.

²⁰⁵ См.: *Стевен А. Х.* Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 13. С. 36—37.

²⁰⁶ *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. С. 20.

²⁰⁷ Указ Александра I от 7 мая 1817 г. См.: *Скальковский А. А.* Хронологическое обозрение... С. 264.

²⁰⁸ ГАРФ, ф. 728, оп. 1, д. 1017, л. 1—3.

²⁰⁹ Там же, ф. 666, оп. 1, д. 52, л. 35.

²¹⁰ Копию отчета Карейши см.: РА ИИМК, ф. 63, д. 5, л. 13—15, рис. 27; АДЖОР. Текст. С. 137—149. Атлас. Табл. XLV, 5; LXXXII, 1, 2.

дом Дюбрюкса, превратившийся в музей местных древностей, и пожаловал археологу большую часть находок, обнаруженных в ходе раскопок. Монарх поручил ему вести дальнейшие исследования, но средств на их проведение не выделил, ограничившись пожалованием бриллиантового перстня. О своей встрече с Дюбрюксом вспоминал А. И. Михайловский-Данилевский, в то время флигель-адъютант императора, прибывший в Керчь накануне, 10 мая 1818 г.: «Я немедленно познакомился с служившим по соляной части французским эмигрантом Брюксом, который слыл за антиквария и несколько лет открывал гробы древних греков и скифов. Что человек сей не учен, то доказывает самое короткое с ним свидание; он по-латыни не знает, об успехах, сделанных в филологии в новейшие времена, и не слыхал, и даже по-французски говорит дурно, мало учился, тридцати лет вступил в военную службу во Францию и потом сочинил книжку под заглавием "Essai sur la cavalerie légère". Всякий видит, что переход от легкой конницы до глубокой древности немного труден. Не менее того, его старания заслуживают благодарность, ибо до него ни один из наших соотечественников не занимался изысканиями таврических древностей, и надобно жалеть, что ему нет никаких средств к изучению филологии». На следующий день, во время осмотра Керчи и открытых гробниц Дюбрюкс простодушно признался: «Чтение Геродота и Страбона..., а еще более скука заставили меня сим заняться; я открыл уже до двадцати гробниц, но небольших; для пространнейших же потребны средства, которых у меня недостает: мне выдано до сего времени из Кабинета пятьсот и пожаловано великим князем Николаем Павловичем сто, а всего шестьсот рублей». ²¹¹

Ход работ Дюбрюкса фиксировался в дневнике, составлялись чертежи погребальных памятников и рисунки найденных вещей (рис. 42—43). Рукопись отчета о раскопках 1816—1817 гг., где Дюбрюкс пишет о себе в третьем лице, была направлена в Имп. Академию наук и заслушана на заседании Конференции (Общего собрания) в апреле 1818 г. вместе со сдержанными отзывами акад. Ф. И. Круга и австрийского посла в Петербурге гр. Л. Лебцельтерна. Писцовая копия этого труда поступила десятки лет спустя в архив Имп. Археологической комиссии от товарища председателя барона В. Г. Тизенгаузена, готовившего его к публикации, о чем свидетельствует запись на небольшом кусочке ватмана с надписью «Рисунки Дюбрюкса и его собственноручная записка. От барона В. Г. Тизенгаузена. В С.-Петербурге». ²¹² Рукопись была издана в русском переводе лишь в 1959 г. О. И. Бич. ²¹³

Еще в 1889 г. В. В. Латышевым был издан французский текст (с сохранением орфографии) и русский перевод *извлечения* из этого отчета, подлинник которого, написанный рукой Дюбрюкса на 29 страницах по авторской пагинации, сохранился в архиве президента Академии художеств А. Н. Оленина. ²¹⁴ Автограф извлечения был предоставлен Латышеву председателем Отделения классической археологии РАО и издателем «Археологических трудов А. Н. Оленина» Н. И. Стояновским. «Извлечение» о работах 1817 г. и 1818 г. было лишено планов, чертежей и рисунков, но включало сопроводительное письмо Дюбрюкса на имя какой-то княгини (возможно, Е. И. Голицыной) от 21 февраля 1819 г. из Керчи с просьбой организовать подписку для сбора средств на раскопки. В «Извлечении» Дюбрюксом объединены два отчета — о раскопках 1816—1817 гг., дневник которых был представлен в Академию наук, и о раскопках 1818 г., ведшихся на средства, собранные А. Ф. Ланжероном по подписке в 1817 г. ²¹⁵

В бумагах П. И. Кёппена хранится писцовая копия полного текста дневника «Description des fouilles faites à quelques tumulus de Kerche», повествующая о раскопках 1816—1818 гг. Она

²¹¹ Из воспоминаний Михайловского-Данилевского: Путешествие с императором Александром I по Южной России в 1818 году. С. 92—96.

²¹² РА ИИМК, ф. 2, оп. 2, д. 409, л. 8—24. Документ, озаглавленный «Journal des Fouilles faites à quelques Tumulus de Kertch, par ordre de Son Excellence Monsieur le Comte de Langeron, sous la direction du Conseiller Titulaire Dubrucs (sic! — И. Т.)», не имеет подписи в конце текста. Отчет включает переплетенные в тетрадь 31 страницу размером в лист писчей бумаги, с водяными знаками на ней «Гончаров 1815». На первой странице помета рукой постоянного секретаря Академии наук П. Н. Фуса: «Заслушано в Академии 1 апреля 1818 г.». К отчету приложены копии пяти планов раскопок на трех листах, с указанием масштаба в сажнях и аршинах (рис. 42), причем один из планов был обнаружен О. И. Бич в россыпи документов в 1949 г. и присоединен к делу (там же, л. 25—27).

²¹³ Бич О. И. Первые раскопки некрополя Пантикапея: Дневник раскопок П. Дюбрюкса в 1816—1817 гг. // МИА. 1959. № 69. С. 296—321.

²¹⁴ Латышев В. В. Неизданная рукопись Дюбрюкса: Извлечение из дневника раскопок, произведенных в нескольких керченских курганах в 1817 и 1818 годах // ЗООИД. 1889. Т. 15. Отд. 1. С. 116—149.

²¹⁵ РА ИИМК, ф. 11, оп. 1, д. 11, л. 45, 47—60; здесь же на л. 46, 61—81 об. копии.

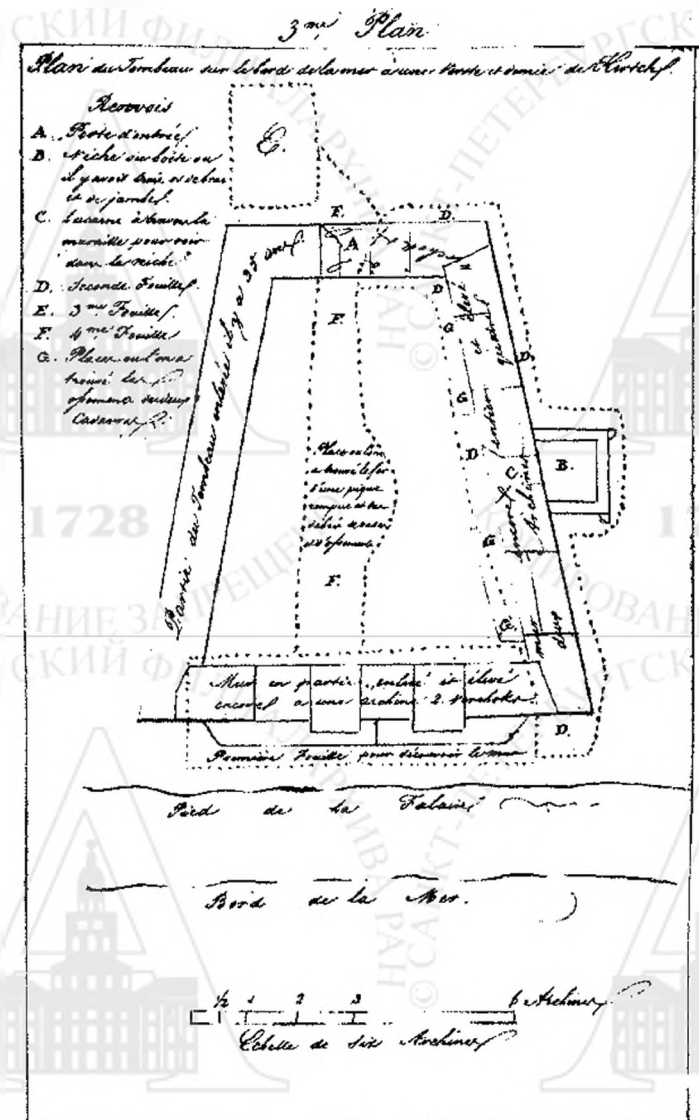

Рис. 42. План могилы на морском берегу в полутора верстах от Керчи (№ 3). Из дневника раскопок Дюбрюкса 1816—1817 гг. курганов близ Керчи. Копия с плана Дюбрюкса. Не позднее 1818 г. (РА ИИМК, ф. 2, оп. 2, д. 409, л. 27).

снабжена подлинными рисунками и планами Дюбрюкса, а также позднейшими дополнениями автора, причем здесь он пишет о себе от первого лица.²¹⁶ Кёппен писал о своем знакомстве с Дюбрюксом в путевом дневнике 1819 г.: «В Керчи посещал я могилы, разрытые г. Дюбрюксом: в одном месте находятся 16 склепов, в связи между собой состоящие. Склепки эти, однако, по уверению г. Дюбрюкса пред сим уже были кем-то ограблены. Для объяснения привезенного мною плана сих разрытых могил нужно иметь полный, весьма любопытный журнал занятий г. Дюбрюкса, который им мне и обещан. Изображения найденных в могилах вещей доставлены были к его сиятельству г-ну графу Ланжерону, который уверил меня, что оные препроводил к господину министру духовных дел и народного просвещения. Крайне жаль, что все сии редкости не находятся в одном месте, ибо г-н Дюбрюкс, по просьбам путешест-

²¹⁶ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 474, л. 1—36, 48, 50; здесь же на л. 40—47 об. неполный перевод дневника на русский язык: «Описание рытий в некоторых курганах (пригорках) при Керчи».

Рис. 43. П. Дюбрюкс. Рисунки находок из раскопок 1817 г. керченских курганов и курганов у д. Катерлес (ныне с. Войково) в 4 км к СЗ от Керчи, в том числе верхней части надгробной стелы с надписью КБН 747, которая в 1821 г. хранилась у коменданта Керченского порта (адмиралтейства), начальника керченской флотилии В. В. Бурхановского 1-го. Из дневника раскопок 1816—1818 гг. (ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 474, л. 34 об.).

вовавших в Крым особ, большую часть найденных им древностей роздал в частные руки».²¹⁷ Очевидно, Кёппен намеревался опубликовать журнал раскопок Дюбрюкса. Пытаясь проследить судьбу находок, Петр Иванович в июле 1824 г. обратился за помощью к А. Н. Оленину, который предоставил ему «снимки с рисунков» греческих ваз, найденных Дюбрюксом. «Одна из сих ваз принадлежит, кажется, княгине Волконской, а другая графине С. Потоцкой. Когда я о сем старался получить чрез А. И. Ермолаева подробные сведения, то мне 23 июля ответствовано, что А. Н. (Оленин. — И. Т.) сего сказать не хочет, бояся, что я прежде его издам сии древности». В 1841 г. и 1852 г. копия дневника предоставлялась Кёппеном для ознаком-

²¹⁷ Там же, л. 129, л. 26—26 об.

ления Д. В. Карейше и Ф. А. Жилто.²¹⁸ В 1850-х гг. рукописью дневника Дюбрюкса или извлечением из него пользовался Э. Г. фон Муральт — он особо подчеркивал, что пантикапейские катакомбы были впервые раскопаны П. Дюбрюксом в 1816 г.,²¹⁹ а не А. Б. Апиком, пытавшимся приписать приоритет их открытия себе.²²⁰

Во время поездки в Петербург в апреле—мае 1820 г. Дюбрюкс вновь встретился с П. И. Кёппеном и 26 апреля 1820 г. был избран членом-корреспондентом Вольного общества любителей российской словесности, о чем не было известно ни одному из его биографов. Заседания общества Дюбрюкс посетил трижды (3, 10, 24 мая 1820 г.), причем на двух последних присутствовал и покровитель Дюбрюкса А. Ф. Ланжерон, почетный член общества с 29 июля 1818 г. Вероятно, генерал-губернатор Новороссии Ланжерон, гроссмейстер масонской ложи «Эвксинский Понт», ввел Дюбрюкса в круг столичных литераторов декабристской ориентации, многие из которых также являлись членами масонских организаций. Эта протекция, а также неизменное покровительство и финансовая поддержка археологических исследований соотечественника со стороны Ланжерона, как и ряд других данных, подтверждают давно известный историкам факт, что Дюбрюкс являлся масоном.²²¹ Стараниями керченского археолога при петербургском обществе был создан «музей редкостей»: «разные глиняные изделия, как-то статуйки Меркурия и царицы Омфалы, слепки с маски, которые римляне ставили на гробницах и за коими женщины скрываясь плакали о покойниках, лампы и пр. (Сии вещи доставлены обществу членом-корреспондентом его г. де Бруксом (sic! — И. Г.), имеющим поручение от правительства на прискаание древностей в разрываемых могилах Керчи и Еникуля. В непродолжительном времени напечатается любопытный журнал его с приложением разного рода чертежей)».²²²

Во время поездки в Петербург в апреле—мае 1820 г. П. А. Дюбрюкс был принят вел. кн. Михаилом Павловичем, который вновь выделил небольшую субсидию на раскопки в размере 500 р. Михаил Павлович пожелал также получить более подробные сведения об остатках древностей на европейском берегу Боспора Киммерийского, что послужило стимулом для создания главного труда Дюбрюкса, известного как «Описание развалин и следов древних городов и поселений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского...».²²³

По-видимому, в августе 1820 г. Дюбрюкс сопровождал А. С. Пушкина и Раевских при осмотре в Керчи Митридатовой горы, развалин Пантикапея и Золотого кургана, но у поэта увиденные археологические остатки вызвали лишь разочарование.²²⁴ В доме Дюбрюкса, стоящем у въезда в город, несколько месяцев спустя останавливался И. М. Муравьев-Апостол, также осмотревший раскопки. Путешественник являлся сторонником систематических археологических и топографических исследований в Восточном Крыму под руководством специалиста, а не любителя, каковым являлся Дюбрюкс, и пытался доказать необходимость регулярных ассигнований правительства на их проведение:

«Здесь я живу очень спокойно, в хорошем доме, и сверх сей выгоды имею в вежливом хозяине проводника, с которым я уже обошел все места, заслуживающие примечания. [...] Не всякий может, взяв заступ, идти копать могилы. Исклнчительное на это право принадлежит г-ну Дю-Брюксу, и то еще хорошо, что раскапывают курганы с осторожностю. Впрочем, и здесь с открытыми основаниями поступают точно так, как в Ольвии: их отыскивают для употребления на строение, на бут; и таким образом конечно изглазятся и последние следы, по коим бы можно было основать какую-нибудь догадку о топографии Пантикапея и прахом своим еще заслужива-

²¹⁸ Там же, д. 474, л. 49 об., 51.

²¹⁹ См. протокол заседания Петербургского археолого-нумизматического общества от 10 октября 1849 г.: ЗАНО. 1850. Т. 2. Вып. 1. С. 174; Муральт Э. Г. Хронологическое обозрение древних могил, находящихся по обе стороны Босфора Киммерийского: Читано в заседаниях 18 апреля и 16 мая 1849 г. // Там же. 1850. Вып. 2. С. 307. Примеч. 10; С. 327. Примеч.

²²⁰ Апиш А. Б. 1) Керченские катакомбы // ЖМВД. 1845. Ч. 10. № 6. С. 400—408; 2) Керченские древности: О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса, 1845.

²²¹ Серков А. И. История русского масонства XIX в. С. 20.

²²² Цит. по: Публичное собрание в Вольном обществе любителей российской словесности // ОЗ. 1820. Ч. 2. № 3 (Июль). С. 95—96. См. также: Базанов В. Г. Вольное общество любителей российской словесности. Петроград, 1949. С. 333—335, 408, 409.

²²³ Дюбрюкс П. Описание развалин и следов... С. 3—84.

²²⁴ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина... С. 223; Формозов А. А. Пушкин и древности: Наблюдения археолога. М., 1979. С. 28—34; Пушкинские места: Путеводитель. С. 204—210.

цегого внимание археологам. Может быть, и теперь еще не поздно было бы делать изыскания, но если ожидать от них успеха, то надобно, чтобы они были методические. Кто может ручаться в том, что в горах камней, обращаемых на бут или в известь, не случилось надписей, которые бы пояснили весьма темную историю Востора? [...] Чего же не можно ожидать на самом пелищии Пантикапей? Все, однако же, я говорю и повторяю, что надобно быть здесь настоящему археологу и нумисмату, который бы систематически занимался своим делом, знал бы, где он роется и не только что отрывает, но и еще в каком положении одна к другой находились вещи, найденные им в земле». ²²⁵

Раскопки Дюбрюкса продолжались на ассигнования, выделенные вел. кн. Михаилом Павловичем и гр. Н. П. Румянцевым. В марте 1820 г. канцлер получил у Ланжерона разрешение на пожизненное право производить раскопки П. А. Дюбрюкса на огромной территории, где, по его мнению, локализовались Пантикапей: по берегу моря близ Адмиралтейства, от подножия горы Митридат до Алтын-Обы, длиной 5 верст (5.3 км) и шириной полверсты (0.53 км), с единоличным правом собственности на найденные вещи и правом их перевоза внутри империи. ²²⁶ Раскопки на средства Румянцева (1500 р.) были продолжены и в 1821 г. Известно, что Дюбрюкс представил отчет о раскопках и соответствующие планы своих работ 1820 г. близ Золотого кургана. Правда, раскопки оказались малорезультативны — почти все обследованные погребения в «гробницах с земляными насыпями» оказались ограбленными. ²²⁷ Опись находок, отправленных в Петербург, сохранилась. ²²⁸ Обстоятельств проведения работ на средства Румянцева касаются дошедшие до нас письма Дюбрюкса А. И. Михайловскому-Данилевскому ²²⁹ и П. И. Кёппену. ²³⁰ Как свидетельствует последний документ, почти все вещи, украденные моряками Черноморского флота при выемке камня в кургане Н. Ю. Патиноhti 29 декабря 1820 г., Дюбрюксу удалось собрать и отправить Румянцеву (гл. 14).

Отличительной чертой характера керченского археолога было необыкновенное бескорыстие души. Дюбрюкс мог бы продать свое «древлехранилище» коллекционерам за несколько тысяч рублей, но, несмотря на свою крайнюю бедность, этого не сделал. Значительную часть находок он раздаривал своим вельможным покровителям и путешественникам, посещавшим Керчь. Среди лиц, которым были подарены и проданы находки 1816—1818 гг., Дюбрюксом упомянуты А. Н. Оленин, граф Н. П. Румянцев, герцог А. Э. де Ришелье, граф А. Ф. Ланжерон, И. А. Стемковский, императрица Мария Федоровна, князь Гессен-Гомбургский, адъютант императора Саломка, лейб-медик Я. В. Вилье, генералы Потье и А. А. Бетанкур. Одна из ваз, купленная Бетанкуром, была впоследствии продана с аукциона за 4000 р. ассигнациями. ²³¹ Собрание древностей Дюбрюкса было безвозмездно передано им основанному в 1826 г. Керченскому музею древностей (гл. 4.5), до 1833 г. размещавшемуся в одной из комнат его собственного дома, с арендной платой по 400 р. в год. ²³²

Несмотря на обуревавшие Дюбрюкса сомнения в собственных возможностях (он постоянно подчеркивал, что не является ученым), антикварий начал пешие разведки с целью открытия и обследования строительных остатков в Восточном Крыму. В этом начинании его поддержал И. А. Стемковский, которого Дюбрюкс искренне любил и уважал. После назначения Ивана Алексеевича керчь-еникальским градоначальником Дюбрюкс, ставший ему другом, всемерно содействовал отставному полковнику во всех начинаниях. Так, в 1820 г. они совместно снимали план Мирмекия и проводили разведки у Павловской батареи. В том же году Дюбрюкс совершил поездку на Тамань и для Бларамберга снял копии надписей, хранившихся в Покровской церкви. ²³³ В 1820—1821 гг. Дюбрюкс начал описания и съемку плана

²²⁵ Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. С. 259—260, 264—267.

²²⁶ Скальковский А. А. Хронологическое обозрение... С. 293—294; Попруженко М. Г. К отысканию древностей в Новороссийском крае. С. 3—5; Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 88.

²²⁷ РА ИИМК, ф. 63, д. 5, л. 8 об.

²²⁸ Филимонов Г. Д. Граф Н. П. Румянцев как археолог-собираатель // Сборник материалов для истории Румянцева музея. М., 1882. Вып. 1. С. 194—195; ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 129, л. 23: «Вещи, привезенные от г-на Дюбрюкса для его сиятельства гр. Н. П. Румянцева».

²²⁹ РО ИРЛИ, ф. 527, д. 126, л. 285—285 об.: письмо из Керчи от 18 ноября 1820 г.

²³⁰ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 146, л. 63—64: письмо из Керчи от 13 июня 1821 г.

²³¹ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie, en Crimée. Paris, 1843. Vol. 5. P. 153.

²³² ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 131—131 об.

²³³ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 282, л. 3.

городища, расположенного между Кызульским и Такиль-Бурунским мысами (он отождествлял его с Акрой, ныне локализуется как Китей), провел раскопки погребений на горе Опук; в 1822 г. им проведены пешие разведки на Таманском полуострове по берегу от Бугаза до станицы Тамань в поисках следов Ахилия, Азиатского Киммерика, Корокондамы и Фанагории; в 1823—1824 гг. археологом обследовалась система укреплений в районе горы Опук и соляного озера Элькен: развалины на восточном краю плато Опук — холм «А» — Дюбрюкс принял за акрополь Китея, городище на западном склоне считал за развалины Европейского Киммерика; в 1824 г. он провел раскопки погребений из тесаных плит на обрывистом западном склоне горы Опук ниже остатков циклопических стен, на высоте нескольких саженей вблизи моря; описания и раскопки развалин близ Павловской батареи у мыса Ак-Бурун, отождествленных им с Нимфеем, и руин оборонительных сооружений с башнями, воротами, дорогами и остатками жилищ в районе Еникальского маяка и мыса Фонари (Фонарь), идентифицированных с Порфмием.²³⁴ В 1825—1826 гг. Дюбрюкс проводит съемку планов руин у Павловской батареи и вел раскопки под руководством И. П. Бларамберга в районе Золотого кургана, близ Еникале, на хребте горы Митридат и у городских ворот южнее Феодосийского шоссе,²³⁵ в 1827 г. продолжил начатые в 1824 г. раскопки на горе Опук и совместно с Бларамбергом провел раскопки пантикапейских курганов, Узунларского вала и занимался историко-археологическим обследованием Керченского полуострова от мыса Фонари до горы Опук: проверял планы руин у Павловской батареи, Пантикапея, Мирмекия, «Акры», цитадели к западу от Чурубашского озера у д. Кермеш-Келечик (или Керменджик, Джарпар, ныне д. Ивановка). Это городище Дюбрюкс первоначально отождествлял с «дворцом босфорских царей», упоминаемым Диодором Сицилийским (Diod., XX, 22—24) в пассаже о войне за наследство Перисада, где восставший Эвмел вместе с царем фракийцев Арифарном оборонялся против своего брата Сатира (по локализации И. П. Бларамберга и других ученых это Тиритака, по В. Ф. Гайдукевичу, точка зрения которого теперь общепринята, — Илурат). В том же году Дюбрюкс провел раскопки скальных погребений в одной версте от городища Илурат (в 15 верстах от Керчи); в 1828 г. осуществлял проверку планов городища у д. Кермеш-Келечик совместно с И. А. Стемпковским; в 1829 г. проводил раскопки грунтовых погребений и кургана близ Азовского кордона; в 1830 г. продолжил раскопки могильника на горе Опук и провел исследование кургана Куль-Оба; в 1831 г. изучал акрополь Пантикапея; в 1833 г. обследовал руины у Павловской батареи, укрепления у д. Кермеш-Келечик и у д. Куурдак, расположенные на крутом холме в 13 верстах к западу от Керчи, к северу от Феодосийского шоссе и в 8 верстах к северу от Илурата (Андреевка Северная?), которые отождествлялись Дюбрюксом с Дией Плиния и Тиритакой Птолемея.²³⁶

На протяжении 14 лет подряд, за исключением двух особенно ненастных и холодных сезонов, используя планшеты с буссолью для промера углов и веревку для определения расстоя-

²³⁴ Зафиксированные Дюбрюксом значительные строительные остатки на расстоянии около 430 м (200 саженей) к востоку от Еникальского маяка в районе мыса Фонарь к настоящему времени практически уничтожены. Необходимо учитывать не только сильную береговую абразию, но и интенсивную антропогенную деятельность последних полутора веков. Эта территория сильно пострадала во время боевых действий в годы Второй мировой войны. К тому же в 1950-х гг., по наблюдениям керченского краеведа В. В. Веселова, на территории к юго-востоку от Еникальского маяка между пос. Глейки, пос. Жуковка, пос. Предмаячный и мысом Фонарь при строительстве портов «Крым» и «Кавказ» разрабатывались каменные карьеры, уничтожившие культурные напластования ряда поселений от эпохи бронзы вплоть до средневековых. См.: Архив КГИКЗ, ф. 1, оп. 2, д. 726, л. 34—35, 83; Керченская городская библиотека: Рукописные альбомы В. В. Веселова «Крепость Еникале», «Древние боспорские города», «Боспорские поселения на Азовском побережье», «Древние поселения на мысе Фонарь» (см. схему расположения древних поселений на мысе Фонарь); Веселов В. В. Древние городища в районе Сипагино: (К вопросу о местоположении Парфения и Порфмия) // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952. Т. 1. С. 227—237; *Федосеев Н. Ф.* — Еше раз о переправе через Боспор Киммерийский // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Т. 3. С. 61—102.

²³⁵ См.: Тункина И. В. Раскопки И. П. Бларамберга в Керчи в 1826 г. // Боспорское царство как историко-культурный феномен: Матер. науч. конф., дек. 1998 г. СПб., 1998. С. 96—102.

²³⁶ Городище Андреевка Северная, площадью около 0,9 га, частично раскопано И. Т. Крутиковой. Исследовательницей выдвинуто предположение о его тождественности с городом Тароией, упоминаемым Клавдием Птолемеем (Ptol., III, 6,5). Другие ученые колеблются в соотношении Тароии либо с Андреевкой Северной, либо с поселением Багерово Северное. См.: Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. С. 125; Зубарев В. Г. Античная география Европейского Боспора по Клавдию Птолемею // Древности Боспора. М., 1998. Т. 1. С. 116; Крутикова И. Т. Раскопки поселения «Андреевка Северная» // Древности Боспора. М., 2000. Т. 3. С. 78—96.

ний, Дюбрюкс занимался снятием и уточнением каждого своего плана, возвращаясь «как таторжник» на одно и то же место по 20—30 раз, порой отстоящих от Керчи на расстоянии до 60 км.²³⁷ Он занимался разведками и архитектурно-археологическими исследованиями только в холодное время года (с октября до апреля), когда строительные остатки не были покрыты травой. «...Чтобы убедиться в существовании города, от которого теперь почти ничего не остается, надобны самые тщательные разыскания, надобно, так сказать, исследовать каждый камень, каждое возвышение; иногда самые ничтожные следы могут повести к самым любопытным открытиям», — писал Дюбрюкс. Возвращаясь вновь и вновь на уже обследованные памятники, он «всякий раз находил что-нибудь новое».²³⁸ Графическую фиксацию объектов Дюбрюкс осуществлял сначала в черно-белых черновых набросках, а затем в точно выверенных красочных планах и рисунках. Известно также, что чертежи ряда раскопанных или обследованных им памятников с середины 1820-х гг. составлял городской архитектор Керчи Александр Дигби.²³⁹

Направляя списки своих исследований с описанием памятников боспорской археологии членам императорской семьи, известным ученым и меценатам, Дюбрюкс, конечно, надеялся не только на получение новых субсидий на раскопки, но и на публикацию их результатов. Однако ни одна из его работ издана не была, так как из-за крайней бедности автор не имел на это средств. Мне известны лишь три мелкие заметки во французском издании «Одесского вестника», скорее всего представленные в Одессу через Э. В. Тетбу де Мариньи.²⁴⁰ В результате неизданными рукописями и материалами Дюбрюкса, простодушно представляемыми им всем желающим, пользовались многие ученые, прежде всего И. П. Бларамберг и А. Б. Ашик, даже не упоминавшие его имени. Известно, что собственноручно снятые им копии античных надписей Дюбрюкс представлял через Стемповского и Бларамберга таким ученым, как Д. Рауль-Рошетт (Париж), А. Бёк (Берлин) и Е. Е. Кёлер (Петербург). Показательна история конфликта с И. П. Бларамбергом, о которой повествует сам Дюбрюкс: в конце 1827 г., не дождавшись окончания обмеров, директор музея приказал своим сыновьям скопировать планы Дюбрюкса, причем ни один из них, за исключением плана Мирмекия и «Акры», тогда еще не был завершен. Бларамберг представил их в Петербург как свои, намереваясь их «издать от своего имени», за что якобы и был произведен в действительные статские советники. Оскорбленный Дюбрюкс обвинил коллегу в плагиате и даже, под предлогом ненастной погоды, на два года забросил работу по съемке планов. Пытаясь оправдаться перед Дюбрюксом в 1829 г., Иван Павлович клятвенно заверял, что сошлется на керченского археолога как на своего сотрудника в труде, который он собирается адресовать императрице.²⁴¹ «Какова бы ни была заслуга бедного, он почти всегда делается пролетарием богатого», — констатировал Э. В. Тетбу де Мариньи, безусловно, знавший суть конфликта.²⁴² Большая часть работ Дюбрюкса была по достоинству оценена и издана лишь после его смерти.²⁴³

Дюбрюкс имел в виду известную статью Бларамберга «Observations sur quelques points relatifs à la géographie ancienne de la Tauride». Свое обещание автор не выполнил — в тексте опубликованного труда и в его архивном оригинале нет ни слова о работах Дюбрюкса. История статьи такова. 1 декабря 1827 г., находясь в Петербурге, новороссийский генерал-губернатор граф М. С. Воронцов, покровительствовавший Бларамбергу, обратился к А. Н. Оленину с просьбой «рассмотреть рисунки, чертежи, планы и изъяснения к оным археологическим

²³⁷ Schilt V. Histoires de Kourganes la redécouverte de l'or des Scythes. [Paris], 1991. P. 57, 117.

²³⁸ Дюбрюкс П. Описание развалин и следов... С. 50. Примеч.

²³⁹ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 187.

²⁴⁰ Du Brux P. 1) Antiquités: Château royal du Bosphore. Kertche, 25 septembre 1833 // Journal d'Odesa. 1833. 27 oct./8 nov. № 86. P. 341; 2) Antiquités: Découvertes des vestiges de Nymphée. Kertche, 5 Décembre 1833 // Ibid. 1834. 16/28 janv. № 5. P. 17—19; 3) Antiquités: Description détaillée des sarcophages que l'ont vient de découvrir dans l'acropole de Mirmikione. Kertche, le 23 avril 1834 // Ibid. 1834. 15/27 mai. № 39. P. 155—156; 18/30 mai. № 40. P. 159—161.

²⁴¹ Дюбрюкс излагает эту историю, опущенную в опубликованном переводе «Описания развалин и следов...», в тексте рукописи. Ср.: Дюбрюкс П. Описание развалин и следов... С. 4—5; Записка Дюбрюкса: Несколько заметок о различных родах гробниц, находящихся в окрестностях Керчи / Публ. В. Г. Тизенгаузена // Тр. VI АС в Одессе. Одесса, 1886. Т. 2. С. 135. Примеч.

²⁴² Тетбу де Мариньи Я. В. Э. Павел Дюбрюкс. С. 231.

²⁴³ Дюбрюкс П. Описание развалин и следов... С. 3—84; Записка Дюбрюкса: Несколько заметок о различных родах гробниц... С. 135—139.

изысканий», проведенных одесским антиквариарем, и высказать свое авторитетное мнение о них. Оленин ответил 12 января 1828 г. обстоятельным письмом, где высоко оценил труды коллеги, но не удержался от полемики по поводу интерпретации двух находок — стригили и вазы.²⁴⁴ Два года спустя, 17 мая 1829 г. Бларамберг представил М. С. Воронцову рукопись статьи о результатах своих археолого-топографических поисков на западном побережье Боспора Киммерийского, с приложением карты берегов пролива и 5 планов («Киммерик, Акра, Нимфей, Мирмекий, Тиритака»). Автор просил содействия в публикации работы на средства казны и разрешения посвятить труд императрице. Воронцов обратился к министру народного просвещения кн. К. А. Ливену с целью исходатайствовать «высочайшее разрешение» на издание. Министр представил рукопись на рассмотрение Академии наук — рецензировали труд Е. Е. Кёлер и Ф. Б. Грефе. Бларамберг прекрасно понимал, что его выводы диаметрально противоположны гипотезам Кёлера и отзыв академика «не может быть благоприятным», поэтому просил П. И. Кёппена разузнать о судьбе рукописи.²⁴⁵ Несмотря на общую положительную оценку, отзыв Кёлера и Грефе оказался неприемлемым для автора, так как столичные ученые не согласились с предложенной Бларамбергом локализацией ряда городов Европейского Боспора. В рецензии имеются существенные замечания, «клоняющиеся к большему усовершенствованию сего сочинения». Согласие императора на публикацию было получено: стоимость издания с литографированными картами и планами определялась приблизительно в 1150 р. при тираже 1200 экз. В январе 1830 г. рукопись была возвращена Бларамбергу для доработки.²⁴⁶ В итоге этот труд был издан Одесским обществом истории и древностей 20 лет спустя, уже после смерти сочинителя.²⁴⁷ Опубликованная статья иллюстрирована 5 искажающими оригиналы литографированными планами, частью восходящими к черновикам Дюбрюкса (копии выполнены сыновьями автора Михаилом и Владимиром Бларамбергами). К счастью, в фонде Кёппена сохранились снятые им на кальке цветные копии планов Пантикапея, «Нимфея» (руины у Павловской батареи), «Акры», «Китея», Мирмекия с «изъяснениями» (рис. 32—36).²⁴⁸

За 24 года раскопок и разведок Дюбрюкс окончательно подорвал свое здоровье, заработав множество болезней. Чтобы как-то выжить и прокормить семью, по непроверенным сведениям

²⁴⁴ См.: Латышев В. В. К истории археологических исследований в Южной России: Из переписки А. Н. Оленина // ЗООИД. 1889. Т. 15. Отд. 1. С. 65—78.

²⁴⁵ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 23, л. 5—6: письмо Бларамберга Кёппену от 25 ноября 1829 г. из Одессы в Петербург.

²⁴⁶ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 326—326 об., 333—334, 381.

²⁴⁷ См. русский перевод: Бларамберг И. П. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды // ЗООИД. 1848. Т. 2. Отд. 1. С. 1—19. Табл. I, № 1: Приблизительный план древнего порта Киммерии; № 2: Следы города Акры; № 3: Следы древней Тиритаки, по Птолемее; № 4: Следы города Парфения; Табл. II, № 1: Приблизительный план следов древнего Мирмекхона. Отзыв Кёлера и Грефе (черновик: АГЭ, ф. 11, оп. 1, д. 12) в переводе с немецкого на русский с добавлением язвительных замечаний Бларамберга был издан Ф. К. Бруном: Отзыв, представленный С.-Петербургской Императорской Академии наук академиками гг. Кёлером и Грефе о сочинении Бларамберга, под заглавием «Observations sur quelques points relatifs à la géographie ancienne de la Tauride» // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 957—963.

²⁴⁸ Вот любопытная запись П. И. Кёппена: «В начале 1834 г. граф М. С. Воронцов, вследствие желания моего посмотреть все сочинения покойного статского советника Бларамберга, прислал мне следующие рукописи и планы:

I. Observations sur quelques points relatifs à la géographie ancienne de la Tauride, suivies d'un expose sommaire du resultat des investigations locales effectuelles tout recemment... 20 с[траниц] в 2 [долю листа]. С 1 планом или картой Боспора Киммерийского. При сем: 1. Приблизительный план Боспора Киммерийского. Это копия сей части 4-верстной Мухинской карты, от того вала, которого следы видны между соленым озером Атал Алчин и Азовским морем до Фанагории, с указанием на оном нескольких древних мест (см. мои листы Мухинской карты), а именно: Парфений, Гераклий, Мирмекий, Пантикапей, древний порт Нимфей, Тиритака, руины Акры, древний порт Киммерий по Скимну и периплу Анонима, древний вал. Подпись на карте Михаил де Бларамберг, т. е. сын его.

2. Приблизительный план следов акрополя Пантикапея (масштаб в английском дюйме 90 саженей). См. копию.

3. Приблизительный план следов древнего Нимфея (масштаб в английском дюйме 390 шагов/сажень).

II. Article supplémentaire se rapportant à l'exploration des recherches locales effectuelles recemment en Tauride par ordre de son Excellence Mr le Comte Woronzow (без года, 7 с[траниц] в 2 [долю] л[иста]). На последней странице вклеена карточка: Plan particulier d'une partie du Bosph. Cimm. (мухинской карты мыс на конце Еникале, фонарь и фонтан, а с азиатской стороны северная коса и выше оной Ахиллий (подпись Михаил Бларамберг).

III. Article extrait de ma dissertation sur la situation de quelques villes anciennes de la Tauride (статья о древнем киммерийском порте (Киммерик), 3 с[траницы] в 2 [долю] л[иста] с картою — берег самого ЮВ от мыса Такиль-Бурун (древн. Акры) до мыса Елкен-кая — селений Опук и Тузла — и с присовокуплением камней, находящихся в море, которые не показаны на мухинской карте).

он, он вновь начал продавать путешественникам находки из раскопок. Так, Дюбуа де Монпере писал, что во время своего первого посещения Керчи в июле 1832 г. он обратил внимание на три черепа «необыкновенного» размера и формы (с высоким лбом), приписанных Дюбрюксом «макроцефалам», один из которых был целый с верхней челюстью, остальные — в обломках верхней части. Они были найдены при раскопках «гробниц» в стороне Еникале и приписывались Дюбуа де Монпере киммерийцам. Из-за краткосрочности своего двухдневного пребывания в Керчи швейцарский путешественник не успел снять их чертеж с точными размерами и намеревался это сделать в будущем. Путешествовавший в 1832 г. по Крыму профессор анатомии и физиологии Дерптского университета М. Г. Ратке (Rathke), также пораженный величиной черепов, обратился в Имп. Академию наук с просьбой приобрести один из них. В июле 1834 г. Дюбуа де Монпере обнаружил отсутствие черепов и попытался выяснить их судьбу. Оказалось, что два иностранных путешественника всего за 100 р. ассигнациями купили целый череп у Дюбрюкса для мюнхенского собрания. Имп. Академия наук отправила запрос на имя А. Б. Ашика о судьбе черепа, но новый хранитель музея смог найти лишь два фрагмента от других, оставленных им в Керченском музее.²⁴⁹ Эту историю Дюбуа де Монпере скорее всего услышал от Д. В. Карейши, слишком ревниво относившегося к Дюбрюксу (в квартире Карейши путешественник прожил две недели в июле 1834 г.). Имя Ашика в труде Дюбуа де Монпере не упомянуто ни разу. Это задело директора Керченского музея, который в «Воспорском царстве» категорически отверг обвинения в адрес Дюбрюкса, посчитав, что автор путешествия порочит память человека, «известного своею честностью и любовью к древностям», и обвинил в краже черепа самого Дюбуа де Монпере, которому Ашик при посещении им Керчи в 1834 г. доверял ключ от музея. Ашик предположил, что его недоброжелатели в Керчи поставили в известность швейцарца об этом обвинении, почему, несмотря на ряд оказанных ему услуг, Дюбуа принял такие намеки за оскорбление и «написал оправдание» в своем труде. Но факт остается фактом — череп из музея пропал.²⁵⁰

Незадолго до кончины Дюбрюкс писал Э. В. Тетбу де Мариньи: «С начала февраля у меня нет огня в комнате; случается часто, что по два, по три и по четыре дня сряду я не знаю другой пищи, кроме куска дурного хлеба. Давно уже отказался я от моей бедной чашки кофе без сахара, которую пил я по утрам. Солдатский табак покупаю я тогда, когда у меня есть лишние две копейки».²⁵¹ Павел Дюбрюкс умер в полной нищете, ненадолго пережив Бларамберга и Стемповского, пожалуй, единственных специалистов в России того времени, которые понимали важность проводимых им работ. Показательна негативная оценка трудов Дюбрюкса в отзывах столичных ученых антикварного толка — Е. Е. Кёлера и А. Н. Оленина, типичных представителей художественно-эстетического направления в русской археологии, которым малограмотный провинциал не мог показаться серьезным исследователем, и об этом можно только сожалеть.²⁵² До конца своих дней Дюбрюкс за свой счет продолжал археолого-топографические исследования. С необычайной тщательностью им были описаны и зафиксированы на планах городища Восточного Крыма, большая часть которых была использована И. П. Бларамбергом без ссылки на Дюбрюкса. С их помощью современные исследователи смогли проследить конструктивно-планировочные особенности городищ Европейского Боспора, камень из которых растаскивался на строительство новых зданий.²⁵³ Неоцененный современниками скромный труженик науки, первопроходец в изучении археологической топографии Европейского Боспора, через 170 лет своими трудами помогает археологам лучше понять и реконст-

IV. Собрание планов развалин древних городов в Новороссийском крае. Отделение 2-е, содержащее планы Акры, Кыты и Мирмекиона (и при них краткое изъяснение на 4 [страницах] в 2 [доло листа], весьма плохо порусски написанных (см. снятые мною копии)» (ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, л. 474, л. 201—212).

²⁴⁹ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 5. P. 229—231.

²⁵⁰ Ашик А. Б. Воспорское царство. Ч. 3. С. 88—90. Ашик сообщает, что в 1832—1834 гг. он переписывался с находившимися на Кавказе Дюбуа де Монпере, но в личном фонде путешественника в ПФА РАН письма керченского археолога отсутствуют.

²⁵¹ Тетбу де Мариньи Э. В. Э. Павел Дюбрюкс. С. 231.

²⁵² Тункина И. В. А. Н. Оленин и древности Южной России // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историко-археологические очерки. СПб., 1995. С. 23—24.

²⁵³ См.: Гайдукевич В. Ф. Боспорский город Илурад // СА. 1950. Т. 13. С. 173—204; Кругликова И. Т. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1957 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 219—253; Толстиков В. П. О системе обороны акрополя Пантикапея // СГМИИ. 1984. Вып. 7. С. 28—56.

гипотезы исчезнувшие объекты античной эпохи. Задачи, поставленные еще в начале XIX в. Дюбрюксом и Стемповским в области археологического изучения городов и поселений Керченского полуострова, стали актуальными для отечественной археологии лишь с середины XX в.

Членами керченского археологического кружка были также Александр Дигби и Рафаил Скасси. *Александр Дигби* (р. 1758) — итальянский зодчий, возможно, уроженец Тосканы, всю жизнь проработал в России. По предположению М. Б. Михайловой, он скорее всего получил хорошую архитектурную подготовку в Риме, но в 28-летнем возрасте решил поискать счастья на юге России, покинув завоеванную австрийцами родину. В 1786 г. Дигби уже городской архитектор Астрахани, благоустройству которой он посвятил 17 лет, затем работал в Одессе, возможно, в Херсоне и с середины 1820-х гг. в Керчи, где его деятельность продолжалась вплоть до 1843 г.; конец своей жизни мастер встретил в Одессе. С середины 1820-х гг. он являлся городским архитектором Керчи и старался в архитектуре города подчеркнуть неразрывную связь древнего Пантикапея с современным городом.²⁵⁴ Дигби снял план руин Пантикапейского акрополя, существенно дополнивший план П. Дюбрюкса; по заданию М. С. Воронцова выполнял чертежи раскопанных П. Дюбрюксом и И. П. Бларамбергом погребальных памятников.

Несколько иную память о себе оставил одесский негоциант *Рафаил Скасси* (*Scassi*), генуэзец по происхождению. В 1810 г. попал в Одессу, он сблизился с ее градоначальником и генерал-губернатором Новороссийского края, герцогом А. Э. де Ришелье, который стал использовать Скасси для тайных поручений, чтобы получать информацию о горцах Кавказа. После отъезда герцога во Францию Скасси, заручившись рекомендательными письмами, в конце 1816 г. приехал в Петербург и с помощью покровительствовавшего ему министра иностранных дел К. В. Нессельроде и председателя Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета кн. В. П. Кочубея в чине действительного статского советника был назначен комиссаром по торговле с абазинцами при Иностранной коллегии. Местом его жительства была назначена Керчь. Известно, что именно Скасси, Стемповский и Дюбрюкс убедили преемника Ришелье на посту новороссийского генерал-губернатора графа А. Ф. Ланжерона в необходимости учреждения в Керчи градоначальства (1821) и порта (открыт 1 августа 1827 г.). Согласно утвержденному царем 10 октября 1821 г. положению об открытии керченского порта Комитет министров 19 марта 1827 г. постановил принимать «вещи и товары произведения Черкесии и Абазии» в обмен на российские в течение 10 лет без взимания таможенной пошлины только в двух пунктах — в Керчи, куда они доставлялись морем, и в Бугазском меновом дворе на Таманском полуострове, куда они поступали сухопутным путем.²⁵⁵

По утверждению Ф. Ф. Вигеля, одно время занимавшего пост керченского градоначальника (1827), Скасси много лет лелеял мечту самому сесть в это кресло.²⁵⁶ Некоторые современники оставили о Скасси крайне нелестные отзывы — авантюрист, шарлатан, контрабан-

²⁵⁴ См. о нем: *Михайлова М. Б.* Архитектор Дигби — зодчий классицизма на юге России // *Архитектурное наследие*. 1980. № 28. С. 80—88; *Воронцов А. А., Михайлова М. Б.* Боспор Киммерийский. М., 1983. С. 74—79, 84—85.

²⁵⁵ *Скальковский А. А.* 1) О сношениях русских агентов с кавказскими горцами: (Extrait du mémoire sur les affaires de Circassie présenté en 1816 par M. de Scassi; Note sur les relations de commerce avec la Circassie par M. de Scassi; Notes extraits du Mémoire sur le Commerce du Bosphor Cimmérien à Panticapée (maintenant Kertch); Note sur les relations de Circassie et l'établissement du port de Kertch. Petersb. 20 juin 1821); Note sur les Abazes // *ЗОИИД*. 1900. Т. 22. Отд. 2. С. 1—18; 2) Хронологическое обозрение... Ч. 2. С. 301—304, 308; *Stempkovski J.* Mémoire sur l'ouverture du port de Kertch, en Crimée sur la mer Noire. Paris, 1822 (первоначально опублик.: *Annales de l'industrie; перепеч. в: Revue Encyclopédique*. Т. 15. P. 154f.); Об открытии порта в Керчи и восстановлении торговых сношений с черкесами и абазинцами // *ОБ*. 1827. 14 мая. № 37. С. 149.

²⁵⁶ «Иностранец, начавший в России поприще свое с самого низкого ремесла, смелостью, дерзостью, предприимчивостью умел склонить правительство к открытию нового порта и надеялся начальствовать в нем из видов своекорыстия. Имя Скасси должно остаться незабвенным в Керчи, ибо он был главным виновником возрождения сего города. Он поселился в нем, купил небольшой домик и поблизости построил дачу [...] По званию попечителя неуспевающей торговли с абазинцами, пустого места для него созданного, получал он 35 тысяч ассигнациями и имел при себе штат из нескольких чиновников состоящий». Цит. по: *Вигель Ф. Ф.* Записки. Ч. 7. С. 156. См. также: Переписка министра внутренних дел Российской империи А. А. Закревского с графом М. С. Воронцовым (1828—1829) / Публ. М. В. Фалалеевой // *Река времен*. М., 1995. Кн. 1. С. 60.

дист, много лет обманывавший правительство России ради собственной коммерческой выгоды. Яркими противниками финансовых махинаций Скасси были не только Вигель, но и М. С. Воронцов, А. С. Грейг, начальник Главного морского штаба А. С. Меншиков, так как под видом необходимых горцам товаров Скасси доставлял им преимущественно военную контрабанду, следствием чего стала ликвидация руководимой им комиссии в 1829 г. Напротив, судя по архивным документам, к Скасси неплохо относились И. А. Стемповский, знавший его еще со времен Ришелье, и П. И. Кёппен. Последний восхищался великолепным садом и виноградником, разведенным Скасси в трех верстах от Керчи, где были посажены и отлично прижились деревья и лозы, привезенные из южной Франции.²⁵⁷

Скасси сумел расположить к себе командующего войсками на Кавказской линии (с 1826 г.) генерала от кавалерии Г. А. Эммануэля, поэтому несколько иную характеристику negocianta приводит наказной атаман Черноморского казачьего войска Н. С. Завадовский:

«[1816]... По Высочайшему повелению прибыл в Черноморью государственной коллегии иностранных дел надворный советник Де-Скасси, коему поручено при содействии атамана завести и распространить дружественные и торговые сношения с горцами, дабы сим способом мало-помалу отвлекать их от страсти к набегам, грабегам, постепенно сблизить с русскими и, сколько возможно лаская, со временем привести их в совершенную покорность России. Цель правительства благодетельная, но не так исполненная, как бы должно было и потому, кроме бесполезных издержек значительных казенных сумм, никакой пользы в своем последствии не принесшая. Атаман Матвеев и Войсковая Канцелярия старалась всеми мерами способствовать Де-Скасси в действиях. В полное его распоряжение отдано было немаловажное количество крымской соли, все меновые дворы в Черномории приняты от откупщиков в управление Войсковой Канцелярии и немедленно доставлены на оные товары, потребные черкесам, как то: полотна разных сортов, ситцы, шелковые материи, шелк, платки, золотые и серебряные нитки, сафьяны, юрты, табак и соль. [...] Недоверчивые (горцы. — И. Т.) — они только вполнину верили его обещаниям, его ласкам, но вполне его обманывали своим искусным лицемерием и — оставались такими, какими были прежде».²⁵⁸

Коммерсант часто разъезжал по различным районам Новороссии и не мог не обратить внимание на археологические памятники различных исторических эпох. На его глазах проходили исследования П. Дюбрюкса, многочисленные случайные находки древностей. Сам Скасси «весьма усердно» занимался коллекционированием монет, находимых на юге России, и обладал несколькими «поистине редкими и драгоценными». По сведениям П. П. Свиньина, в середине 1820-х гг. попечитель керченской и черкесской торговли приобрел «прекрасный мраморный барельеф в довольно целости, представляющий торжественное шествие Цереры Фесмофоры; жаль только, что он ресторирован».²⁵⁹ Скасси проводил раскопки на акрополе Пантикапея и нашел беломраморный торс статуи Кибелы «колоссальной величины», мраморный фриз и карнизы, половину круглого алтаря, впоследствии пожертвованные им Керченскому музею.²⁶⁰

Среди документов дела Канцелярии новороссийского генерал-губернатора «Об учреждении в Одессе и Керчи музеев для сохранения памятников древности Новороссийского края» (1825—1831) сохранилась записка Скасси на французском языке «Древности Керченского полуострова». К сожалению, документ не датирован, но, вероятнее всего, записка была поднесена М. С. Воронцову не позднее 1823 г. (документ № 12). Основная цель записки — убедить нового генерал-губернатора в необходимости планомерных археологических раскопок и создания музея в Керчи для сохранения и изучения древностей Боспора Киммерийского, причем с коммерческой выгодой для тех частных лиц, кто будет предоставлять деньги на раскопки.²⁶¹

В штате сотрудников попечительства по торговле с горцами состоял и далматинец Антон Балтазарович Ашик (*Aschik*, 4 августа 1801 г., Дубровник — 26 мая 1854 г., Одесса), связанный с начальником полусемейными узами. «...Молодой Ашик, — вспоминал Ф. Ф. Вигель, —

²⁵⁷ Кёппен Ф. П. Биография П. И. Кёппена // Сб. ОРЯС. 1911. Т. 89. Прилож. 5. С. 141.

²⁵⁸ ГАРФ, ф. 728, оп. 1, л. 1809, л. 110 об.

²⁵⁹ Свиньин П. П. Обзорение путешествия... // ОЗ. 1826. Ч. 25. Кн. 71. С. 459.

²⁶⁰ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 5. P. 123. Atlas. IV sér., 1.

²⁶¹ В 1823 г. племянник С. М. Броневского, публицист и мемуарист Владимир Богданович Броневский (1782—1835), автор «Обозрения южного берега Тавриды в 1815 г.» (Тула, 1822), опубликовал основные предложения из записки Скасси: проводить раскопки «посредством складочной суммы, составленной через подписку», получив на это разрешение правительства, определить к раскопкам «знающего человека» и искусного рисовальщика. По окончании раскопок все найденные вещи должны быть разделены между подписчиками и т. п. (ВЕ. 1825. № 8. Апр. С. 288—289).

малый видный собою, вечно улыбающийся и полуэмный. Его Ксасси привез с собой из Рагузы, вместе с сестрой и матерью: а последняя, по званию полу-тещи, была домоправительницей у его начальника».²⁶²

Сведения о происхождении Ашика противоречивы. М. И. Ростовцев пишет о нем как о «левантийце», т. е. выходец из Восточного Средиземноморья. По другим данным, Ашик — сын купца, из далматинских сербов, уроженец Рагузы (латинское название г. Дубровник на Адриатике, Хорватия). Из публикации в публикации говорится, что он является выходцем из знатного дворянского рода, что пока не нашло документального подтверждения. А. О. Смирнова-Россет называет его «барон Ашик», в формулярных списках о службе также указано «из дворян». Известно, что лишь в 1834 г. Ашик получил российское потомственное дворянство. По вероисповеданию Ашик был католиком. В 1812 г. он с отцом — «албанским графом» Балтазаром (Валтазаром) Ашиком (ум. в 1820 г. в Керчи)²⁶³ переселился в Одессу, служил в купеческой конторе, «по окончании наук» 14 мая 1817 г. поступил на службу канцеляристом в канцелярию херсонского военного губернатора гр. А. Ф. Ланжерона, «по знанию иностранных языков занимался разными переводами. и сверх того употреблен был... по делам транспортной флотилии для перевозки провианта в Мингрелию». Впервые посетил Керчь в 1818 г., куда переселился в 1820 или 1821 г. С 14 мая 1822 г. коллежский регистратор, 8 июня того же года «по назначению г-на новороссийского генерал-губернатора откомандирован... для письмоводства к занимавшемуся делами по части сношений с черкесами и абазинцами» Р. Скасси, 14 сентября того же года «управляющим Министерством иностранных дел определен в штат попечителя торговли керченской и бутазской с черкесами и абазинцами помощником правителя канцелярии», 31 августа 1824 г. произведен в губернские секретари, во время отсутствия Р. Скасси с 15 ноября 1823 г. по 1 февраля 1825 г. занимал должность правителя той же канцелярии, 1 марта 1825 г. определен чиновником по особым поручениям при попечителе торговли с черкесами и абазинцами, с 17 сентября 1827 г. коллежский секретарь. «По случаю назначения попечителя торговли по Высочайшему повелению дипломатическим агентом по делам кавказских народов во время открытия войны против Оттоманской порты отправился с ним за Кубань» 5 мая 1828 г. и «состоял при нем во время осады крепости Анапы и во время всех переговоров с черкесскими князьями за Кубанью и в самой крепости Анапе, равно находился при атамане Черноморского войска при трех экспедициях, сделанных против бунтующих горцев» 26—28 июня и 4 июля 1828 г., по делам службы был послан в Главную квартиру императора, находившуюся под турецкой крепостью Шумла, к государственному вице-канцлеру и управляющему МИДом гр. К. В. Нессельроде, при котором состоял 14 июня—23 августа 1829 г. По распоряжению Нессельроде из-за увольнения от службы Р. Скасси принял от него дела попечительства и заведовал ими с 13 января по 19 июля 1830 г., 19 апреля 1830 г. Ашик назначен чиновником для особых поручений при начальнике Кавказской области и командующем войсками на Кавказской линии. 31 декабря 1830 г. произведен в титулярные советники, 4 июня 1832 г. «по ходатайству г-на новороссийского генерал-губернатора и по сношению г-на государственного вице-канцлера отправлен был г-ном командующим войсками на Кавказской линии в Керчь для нахождения в зависимости г-на керчь-еникальского градоначальника по сношениям с закубанцами». 29 ноября 1832 г. награжден бриллиантовым перстнем «за отличное усердие к службе».

В Керчи А. Б. Ашик сблизился с градоначальником И. А. Стемповским и назначенным в 1826 г. директором Керченского музея И. П. Бларамбергом, благодаря которым пристратился к археологии, а после смерти Ивана Павловича по ходатайству М. С. Воронцова 28 мая 1833 г. был утвержден его директором (гл. 4.5). Эту должность он занимал по 2 августа 1852 г. параллельно со службой в МИДе. Еще в то время, когда музеем руководил Бларамберг, Ашик стал помощником одесского антиквара и в его отсутствие, как он сам писал, «заведовал музеем в течение более четырех лет..., совершенно без всякого жалованья, и постоянными трудами своими по части археологии весьма много способствовал г. Бларамбергу к разрешению многих ученых гипотез, к пополнению существующих в истории Воспора промежутков и вообще к обогащению музея и науки разными любопытными памятниками», за что получил от администрации Новороссийского края две формальные благодарности.²⁶⁴ В этом документе Ашик даже не упомянул фактического хранителя Дюбрюкса, в доме которого музей размещался в первые годы своего существования. Претенциозность Ашика, «любившего щеголять своей энергией и поверхностной ученостью», раздражала многих его современников и неоднократно отмечалась М. И. Ростовцевым, считавшим его гораздо «менее точным и менее работоспособным», чем Дюбрюкс.²⁶⁵

Через три года после назначения Ашик пожертвовал музею коллекцию монет, собранную им на протяжении 10 лет, общей стоимостью 3 тыс. р., о чем было доведено до сведения Кабинета министров и императора 6 марта

²⁶² См.: Вигель Ф. Ф. Записки. Ч. 7. С. 157.

²⁶³ Смирнова-Россет О. А. Дневник. Воспоминания. С. 86; Страдания русского археолога // Древняя и новая Россия. 1877. № 2. С. 214.

²⁶⁴ ГАОО, ф. 1, оп. 149-1839, л. 71, л. 10а—11; ф. 46, оп. 2, л. 46, л. 3—28: посмертная копия формулярного списка от 30 ноября 1854 г.; РА ИИМК, ф. 63, д. 7, л. 105 об.—106: формулярный список Ашика за 1840 г.

²⁶⁵ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 177.

1836 г. За ревностную службу на посту директора музея он был награжден подарком (1837), по ходатайству министра иностранных дел за усердную службу пожалован 250 червонцами (1835) и «единовременным награждением 5 тыс. р. за ревностные и отличные труды, оказанные во время прошедшей турецкой войны в 1828 и 1829 гг.» (1837). Ашик — старший член и казначей «Комитета для распоряжения работами, предпринятого для доставления бедным жителям керчь-еникальского градоначальства способов к пропитанию» (1833—1835), в отсутствие председателя в течение 6 месяцев управлял комитетом «с одним только членом от купечества. При производстве этих работ сбережена комитетом в пользу казны более чем 50 % с суммы 36 601 р., ассигнованной по сметам к израсходованию», и «за усердие и бескорыстие чиновников комитета» этот факт по приказу генерал-губернатора Новороссии был включен в формулярный список Ашика. С 27 июля 1840 г. коллежский ассessor. Член-казначей совета Керченского девичьего института (7 июня 1836—13 ноября 1839), заведующий экономическими постройками при керчь-еникальском градоначальстве (июнь 1832—1 декабря 1840), где провел 206 следственных дел. Член-корреспондент Статистического комитета в Керчи (22 октября 1835), действительный член ООИД (24 октября 1839). Со дня открытия в 1835 г. заведовал керченской общественной библиотекой (директор с 3 сентября 1842 г.) и обогатил ее значительным пожертвованием книг. По повелению царя командировался за границу с научными целями (10 августа 1843—25 сентября 1845), лично познакомился с рядом европейских ученых (А. Бек, профессор университета в Берлине доктор И. Франц и др.), через которых предоставлял свои труды иностранным дворам, за что получал ордена и подарки. Надворный советник с 18 сентября 1846 г. В 1852 г., после открытия двух мраморных статуй в Керчи, заслугу которого Ашик приписал себе и своему зятю А. М. Арпе, и вмешательства гр. Л. А. Перовского, уволен от службы в музей (гл. 7.4). Переселившись в Одессу, как чиновник МИДа 24 декабря 1852 г. был причислен к штату канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, с 1 мая 1852 г. — заведующий Одесской городской публичной библиотекой. Награжден медалью в память турецкой войны 1828—1829 гг. (1830), знаками отличия беспорочной службы за XV (1840), XX (1846), XXV (1848) лет; кавалер орденов Св. Владимира 4-й степени (1834 г., за труды при «обеспечении народного продовольствия Новороссийского края по случаю бывшего в оном неурожая»), Св. Станислава 2-й степени (1842) и Св. Анны 2-й степени (1850), иностранных — прусского Красного орла 3-й степени (1832), датского кавалерийского Данеборга (1831) и Баварской золотой медали (1848).²⁶⁶

В первой четверти XIX в. проблемы охраны памятников стали занимать умы образованных людей России. Новороссийский генерал-губернатор гр. М. С. Воронцов приложил немало усилий в этой области. На основе записок И. А. Стемпковского и Р. А. Скасси 1 апреля 1825 г. граф подал Александру I доклад о необходимости создания музеев в Одессе и Керчи, предлагая поручить руководство ими и производство археологических раскопок И. П. Бларамбергу. Император одобрил предложение М. С. Воронцова. В разные концы губернии были отправлены предписания, требовавшие немедленно сообщить «о качестве, количестве и местонахождении» древностей, предложить частным лицам пожертвовать памятники организуемым музеям, наблюдать, чтобы никто не проводил грабительских раскопок на казенных и общественных землях, а при случайных находках препятствовать присвоению вещей частными лицами, отправляя их «под надзором... и с возможной бережливостью» градоначальнику или губернатору,

²⁶⁶ Ашик был женат на дочери полковника Бибикова, Анне Александровне, и имел восемь детей (жена и дети были православного вероисповедания). Их первенец (1819—1838) учился в Ришельевском лицее на казенном содержании, приобрел славу поэта, но вскоре умер от чахотки. Дочери Серафима (р. 1838), Ольга (р. 1840) и Варвара (р. 1852) учились за казенный счет в Одесском институте благородных девиц, остальные — Софья (р. 1845), Александра (р. 1849) воспитывались дома, как и младший сын Николай (р. 1847). Средний сын Владимир (1847—1917) в 1852 г. был принят в пансион при гимназии Ришельевского лицея за казенный счет, закончил Петербургский технологический институт, инженер, историк, коллекционер медалей и монет, начал службу как чиновник по особым поручениям в Министерстве финансов, затем 40 лет служил в Министерстве путей сообщения, действительный член Имп. Русского военно-исторического общества (1913) и Общества ревнителей истории. Сыновья В. А. Ашика — Николай Владимирович Ашик (1870—1932), полковник, инспектор военных кораблей, профессор Ленинградского кораблестроительного института, доктор технических наук, дважды лауреат Государственной премии СССР в области науки и техники. Коллекция трех поколений семьи Ашик ныне хранится в Ярославском художественном музее.

Об А. Б. Ашике см.: ГАОО, ф. 1, оп. 149-1839, л. 71, л. 4—18 (формулярный список за 1839 г.); ф. 46, оп. 2, л. 46, л. 3—28 (формулярный список от 30 ноября 1854 г.); РА ИИМК, ф. 63, л. 7, л. 99—112 (формулярный список за 1840 г.); *Мурзакевич Н. Н.* Антон Балтазарович Ашик: Некролог // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 915—916; *Яковлев В.* Ашик Антон Балтазарович // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1839. Т. 1. С. 889—892. О детях Ашика см.: РГВИА, ф. 970, оп. 2, л. 455, л. 77—78, 155; ГАОО, ф. 46, оп. 2, л. 46; РА ИИМК, ф. 6, л. 166: По отношению гр. Адлерберга о помещении сына надворного советника Ашика в Ришельевский лицей, а двух дочерей в Одесский институт. 5 апреля—12 июля 1851 г. 16 л.

О коллекции Ашиков см.: *Ежелев А.* Судьба одной коллекции, которую собирали полтора века, а растеряли в три дня // Известия. 1986. 11 окт. № 284; 12 окт. № 285; Сыч Т. П. Русские коллекционеры и меценаты Ашики: Дипломаты — историки — военные — ученые // Седьмая Всерос. нумизматич. конф. Ярославль, 19—23 апреля 1999 г.: Тез. докл. и сообщ. М., 1999. С. 256—257.

ведомства о находках самого Воронцова.²⁶⁷ Однако эти правила, как все предыдущие и последующие, не распространялись на земли частных владельцев — право частной собственности на землю было священным.

Ассигнованные на охрану и реставрацию памятников Крыма в 1822 г. 10 тыс. р. М. С. Воронцов использовал для организации музеев. На эти средства были приобретены частные собрания монет, проводились археологические раскопки и разведки И. П. Бларамберга в Керчи (гл. 14) и Симферополе (гл. 13). Последние привели к открытию в 1827 г. ряда надписей и барельефов, на основании которых И. П. Бларамберг локализовал здесь Неаполь Скифский.²⁶⁸ Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. в занятую войсками Болгарию и Румелию был послан В. Г. Тепляков и несколько других чиновников, которые доставили в Одессу древние монеты и лапидарные памятники (гл. 9).

Для специалистов необходимость планомерных, систематических раскопок на Керченском полуострове была очевидна давно, но решить этот вопрос долгие годы не удавалось из-за отсутствия постоянного источника финансирования. И тут помог случай. В 1829 г. в Севастополе началась эпидемия, приведшая к чумному бунту матросов и членов их семей, жестоко подавленному М. С. Воронцовым. Николай I приказал «всех отставных нижних чинов... отправить семьями в Керчь» и отвести им «места для постройки домов».²⁶⁹ 22 сентября 1830 г. при ломке камня для этих построек солдатами Воронежского пехотного полка на кургане Куль-Оба²⁷⁰ близ Керчи был открыт каменный склеп с уникальным комплексом скифского времени — богатым погребением мужчины, женщины и слуги. Описание находок провели П. Дюбрюкс и доктор Таврической врачебной управы П. И. Ланг по поручению и под руководством И. А. Стемповского, хотя их имена в официальной переписке не упоминаются ни разу.

Петр Иванович Ланг, в другом написании *Ланге* (*Lange*, 1779—1863), доктор медицины (1801), коллекционер монет и древностей, приятель И. А. Стемповского. Из разночинцев, уроженец Австро-Венгрии. С 1788 г. студент Венского университета, после окончания которого проходил практику при военном госпитале, в 1801 г. «удостоен доктором и пожалован дипломом от университета», с 1805 г. имел частную медицинскую практику в г. Карлсбаде. По приезде в Россию признан в звании доктора медицины и в апреле 1807 г. назначен акушером Таврической врачебной управы, с 1 августа того же года при учрежденном в Крыму военном госпитале по повелению А. Э. де Ришелье ему поручен главный надзор; с 1809 г. надворный советник, с 1810 г. инспектор Таврической врачебной управы в Симферополе, с 1816 г. коллежский советник, с 1825 г. статский советник. Был женат на дочери австрийского вице-консула Торклер Устинье (Июстинье) Андреевне, в 1820 г. имел троих малолетних детей. Владелец имения (хутора) и татарской деревни Куру-Узен (Улу-Ёзень) в Симферопольском уезде с 15 душами крестьян мужского пола, на 3-й версте по дороге из Симферополя в Бахчисарай. В середине 1820-х гг. первым обратил внимание на руины городища Керменчик (отождествляется с Неаполем Скифским), сообщил об этом таврическому гражданскому губернатору Д. В. Нарышкину, который в свою очередь поставил в известность И. П. Бларамберга, проводившего здесь в 1827 г. первые раскопки (гл. 13).²⁷¹

²⁶⁷ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 11—12 об., 26—27, 51—52 об.

²⁶⁸ *Blaramberg J.* De la position de Trois forteresses Tauro-Scythes, dont parle Strabon. Odessa, 1831.

²⁶⁹ *Огородников С.* Собственноручные резолюции императора Николая I по морскому ведомству // Морской сборник. 1907. Т. 343. № 12. Неофиц. отд. С. 15.

²⁷⁰ Куль-Оба, в переводе с татарского Холм пепла, или Рассыпной холм, после открытия 1830 г. стал называться местными жителями Золотым курганом и заезжими путешественниками часто путался с другим, традиционно называвшимся Золотым, так что всегда приходилось уточнять, о каком из них идет речь — о ближнем или дальнем от Керчи. Чиновник Керченского музея А. С. Ливневич заметил, что Куль-Оба назывался также татарами «Битль-о-ба (неправильно названному Коль-о-ба)». См.: О керченских гробницах: (Из письма чиновника Керченского музея А. Ст. Ливневича к издателю). М., 1854. С. 3 (отд. оттиск из сб.: Пропишай. М., 1854. Т. 4. С. 537—539). Ф. А. Жиль писал, что «по другому недавно найденному преданию» он назывался Батал-Оба, или Курган храброго. См.: Музей Имп. Эрмитажа. СПб., 1861. С. 232.

²⁷¹ См.: *Х. Ш[тур]*. Письмо из Севастополя июня 18 дня 1827 г. // Сын Отечества. 1827. Ч. 114. С. 257; РГИА, ф. 1349, оп. 4-1825, л. 199, л. 51 об.—53: формулярный список за 1825 г.

«П. И. (Ланг. — И. Т.) расскажет вам о важном нашем открытии, — сообщал Стемповский Кёппену 26 сентября 1830 г. в Симферополь, — но, увы, какого времени памятник, кому принадлежат найденные сокровища — ничего неизвестно! Хотя бы мы передали потомству имя ограбленного нами царя! Нет и того утешения. Посылаю Вам голову Ваханки от сей находки» (ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, л. 282, л. 27 об.). См. также письмо Ланга (подпись: *Langue*) Ф. А. Жилу на франц. яз. с воспоминаниями об открытии Куль-Обы, из Симферополя от 28 июня 1851 г.: АГЭ, ф. 1, оп. VI-М, д. 27/10, л. 1—2 об. О том, что Ланг наряду с Дюбрюксом составлял опись находок Куль-Обы, упоминает Дюбуа де Монпер: *Dubois de Montpéroux F.* Voyage autour du Caucase... Vol. 5. P. 196. Е. В. Власова обнаружила аттестат, составленный Лангом, к нижней челюсти «царя» из Куль-Обы, которая была получена им в

Несмотря на то что история открытия Куль-Обы подробно описана в литературе,²⁷² до сих пор не ясны многие обстоятельства. Свидетелями открытия и расчистки склепа, проводившихся три дня, стали Е. Шевелев, А. Б. Ашик и Д. В. Карейша,²⁷³ а также «морской урядник» Дмитрий Семенов, «главный работник» при раскопках Стемповского и Дюбрюкса, впоследствии работавший у Ашика и Карейши, со слов которого много позднее были составлены донесения о раскопках Куль-Обы с обвинениями в адрес Стемповского и Дюбрюкса, якобы не принявших необходимых мер по охране кургана от разграбления (документы № 20, 25).²⁷⁴

Четыре дня спустя после сенсационной находки, 26 сентября Стемповский отправил донесение об открытии М. С. Воронцову. Командир 3-го батальона Воронежского пехотного полка майор Семенцов представил аналогичный рапорт начальству двумя днями позднее, 28 сентября (документ № 17). Стемповский пишет, что он сразу распорядился об охране древностей от расхищения и «по сделании изыскания» приказал перенести находки в Керчь для хранения у себя вплоть до особого распоряжения М. С. Воронцова. Он предлагал главную часть памятников отправить в Эрмитаж, а дублиеты мелких вещей оставить в Керченском музее и просил назначить денежное вознаграждение военным, открывшим гробницу и «объявившим» об этом градоначальнику, «через что оное сохранено от расхищения и истребления. Цены находки сей определить невозможно, и никогда подобной еще не было здесь сделано. Золота разных достоинств полагаю я до 8 фунтов [3.276 кг], но так как многие вещи еще смешаны с землею, то настоящего веса всему определить нельзя». Как одну из возможных мер финансирования раскопок И. А. Стемповский предлагал начать продажу любителям древностей части многочисленных дублиетных золотых бляшек Куль-Обы, чтобы на вырученные деньги продолжить полевые работы,²⁷⁵ но это предложение, к счастью, не получило поддержки начальства. До нас дошла и первая краткая опись «главнейших» находок в кургане.²⁷⁶ 30 октября генерал-губернатор приказал все золотые вещи доставить в Одессу, однако их отправке помешала эпидемия холеры: почтовая экспедиция отказалась принять посылку, о чем Стемповский сообщил в Одессу.²⁷⁷ Напрасно И. Б. Брашинский обвинял Стемповского в лукавстве, считая ссылки на свирепствовавшую холеру смехотворными.²⁷⁸ Эпидемия действительно приняла угрожающий характер и в то время могла привести к катастрофическим для населения Новороссии последствиям, примером чему может красноречиво свидетельствовать приведший к значительным жертвам «чумной бунт» в Севастополе 1829 г. (гл. 12.2), ставший косвенной причиной открытия Куль-Обы.²⁷⁹

ходе раскопок от Стемповского. Челюсть позднее поступила в Эрмитаж. См.: Власова Е. В. Поль Дюбрюкс и археологические исследования в Керчи // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 40.

²⁷² ДБК. Т. 1. С. XIV—XXXIV (выдержки из обширного рапорта Дюбрюкса); *Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase...* Vol. 5. P. 194—227; *Брашинский И. Б.* В поисках скифских сокровищ. С. 38—60.

²⁷³ Внутренние известия: Одесса, октябрь 8-го // ОВ. 1830. 8 окт. № 81. С. 525—526; *Journal d'Odesa*. 1830. 11/23 окт. № 82. P. 329; *К...ша Д. [Карейша Д. В.]* 1) Письмо к издателю «Одесского вестника» о древностях, открытых близ Керчи 22 минувшего сентября: Керчь, 5 октября 1830 г. // ОВ. 1830. 1 ноября. № 88. С. 368—370; 2) О древностях, найденных близ Керчи // ЖМВД. 1831. Ч. 4. Кн. 1. С. 154—156; Кн. 2. С. 199—205; *Ашик А. Б.* Воспорское царство. Ч. 2. С. 29—39; *Шевелев Е.* Реч. на кн.: *Ашик А. Б.* Воспорское царство. Одесса, 1848—1849. Ч. 1—3 // ЗООИД. 1850. Т. 2. Отд. 2—3. С. 736—738.

²⁷⁴ См. письмо Николая Ивановича Угарова, титулярного советника и фармацевта, Ф. А. Жилу из Керчи от 29 июня 1851 г., составленное со слов Дмитрия: «Порядок прочих вещей никем не был замечен, как это всегда было при Дюбрюкса разысканиях» (АГЭ, ф. 1, оп. VI-M, д. 27/11, л. 1—4).

²⁷⁵ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 447 об.

²⁷⁶ Там же, л. 422—424 об. Ср.: АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 4—6; РА ИИМК, ф. 6, д. 10, л. 9—10.

²⁷⁷ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 428—429.

²⁷⁸ *Брашинский И. Б.* В поисках скифских сокровищ. С. 58—59.

²⁷⁹ Стемповский писал Кёппену: «Скаси расскажет вам, сколько я был во все лето и до сих пор озабочен несносною чумою, которая (par parenthèse) была привезена к нам первоначально в самый день встречи нашей в Керчи. С того времени опасения наши не прекращались, потому что по мере потушения зла в Карантине, подвозили нам новые запасы сей ужасной болезни из завоеванных портов; и нам беспрестанно надлежало с нею бороться. Только в декабре очистился наш Карантин, благодарно Бога, без всяких вредных последствий для Края. Но, к несчастью, теперь чума показалась в Севастополе: следствие неизяснимого невежества тамошних морских эскулапов и упрямства морского начальства. А нам новые заботы и опасения» (19 января 1830 г.). В письме от 26 сентября 1830 г. градоначальник жалуется, что «холера, угли, провианты и проч. отнимают время», а 5 января 1831 г. сообщает: «Мы здесь живем в непрестанных опасениях. Холера все распространяется; да и как ей не рас-

Известие об открытии должно до Петербурга почти через два месяца. Император Николай I узнал о нем только 17 ноября, и не от М. С. Воронцова, а от начальника Главного штаба по военным поселениям генерала от инфантерии П. А. Толстого. Разгневанный царь приказал немедленно доставить вещи в Петербург. 18 ноября управляющий Министерством внутренних дел Ф. И. Энгель отправил запрос в Одессу, почему в Петербурге не было получено известие об открытии ни от керчь-еникальского градоначальника, ни от генерал-губернатора Новороссии и какие распоряжения сделаны о древностях. Лишь 3 декабря исполнявший должность генерал-губернатора управляющий Новороссийскими губерниями и Бессарабской областью генерал-лейтенант А. И. Красовский повторно просил Стемповского доставить «золотые и все прочие вещи из гробницы» в Одессу, а 15 и 24 декабря в связи с новыми настоятельными предписаниями из Петербурга «со скоростью», с нарочным отправить их сначала в Одессу, затем к императору в столицу.²⁸⁰ Стемповский первоначально сам намеревался доставить находки в Одессу, «но смутные обстоятельства здешнего края и грозящая нам непрестанно опасность не позволяют мне даже и помышлять о сем удовольствии», так как эпидемия холеры вплотную подошла к Керчи.²⁸¹ 13 февраля 1831 г. Иван Алексеевич не забыл представить рапорт о награждении чинов Воронежского пехотного полка одной сотней рублей из суммы, выделенной генерал-губернатором на приобретение древностей: «штаб-капитану Дорошеву 25 р., унтер-офицеру Петру Новосильцову 10 р., барабанщику Максиму Фролову» и 4 рядовым по 5 р. «за первоначальный вход в гробницу», 4 рядовым по 4 р. «за нахождение караульными при гробнице»; всего были награждены 28 человек суммами «от 1 рубля и выше».²⁸²

7 января 1831 г. И. А. Стемповский послал сначала в Одессу, затем в столицу для представления Николаю I найденных древностей помощника начальника своей канцелярии *Дамиана (Демьяна) Васильевича Карейшу (Корейша, 31 октября 1808 г., Одесса?—21 июля 1878 г. г. Соден близ Висбадена, Германия).*

Возможно, Д. В. Карейша был сыном Василия Федоровича Карейши, в 1821 г. титулярного советника, товарища директора Одесской променной конторы. Вот данные из формулярных списков и справки о службе Д. В. Карейши: из дворян (правда, в послужном списке его родного младшего брата Михаила сказано — «из обер-офицерских детей»), православно вероисповедания, недвижимости и крепостных не имеет (позднее археолог приобрел дом в Керчи). «По окончании курса наук во внутренних классах Ришельевского лицея допущен к исполнению должности бухгалтера и кассира в Ришельевском лицее 21 июля 1828 г., утвержден в чине 12-го класса 12 октября 1828 г., от оных должностей по прошению его уволен 16 апреля 1830 г., в отставке с 16 апреля по 10 июня 1830 г., определен в штат канцелярии керчь-еникальского градоначальника на вакансию помощника правителя канцелярии 10 июня 1830 г., по успешном окончании юридико-политических наук в дополнительном классе Ришельевского лицея министром народного просвещения на основании Высочайше утвержденного устава Ришельевского лицея утвержден в чине 9-го класса» 23 июня 1830 г. Д. В. Карейша принимал участие в борьбе с эпидемией холеры, за что получил благодарность. По поручению градоначальника занимался проведением следствий и был удостоен денежной награды от Департамента внешней торговли; исправлял должность чиновника особых поручений с 15 октября по 18 декабря 1832 г. 29 ноября 1833 г. утвержден правителем канцелярии керчь-еникальского градоначальника; произведен в коллежские асессоры 23 июня 1836 г. «По поручению начальства устроил в г. Керчи городской бульвар, фонтанную площадь и окончил сооружением католическую церковь с весьма значительными издержками; по Высочайшему повелению... 13 мая 1838 г. причислен к Кабинету с жалованием при керчь-еникальском градоначальстве, для продолжения разысканий в Крыму босфорских древностей»; надворный советник с 23 июня 1839 г. высочайшим приказом по гражданскому ведомству 27 января 1852 г. отчислен в МВД, 19 октября 1852 г. вновь причислен к Кабинету императора, 28 октября 1852 г. приказом царя уволен со службы. «По Высочайшим повелениям... увольняем был в отпуск за границу к минеральным водам для излечения от болезни в 1841 г. на 7 месяцев; в 1843 г. — на 8 месяцев с выдачей в пособие 300 р. и срок этого отпуска продолжен еще на 5 месяцев». Награждался в 1831 г. и 1833 г. — бриллиантовыми перстнями «за труды, понесенные при разыскании древностей и за усердие по сему предмету»; в марте 1835 г. — 3 тыс. р. ассигнациями одновременно «за производство археологических разысканий в Керчи и за открытие драгоценных древностей»; в 1834 г. — орденом Св. Анны 3-й степени «во внимание к трудам и усердию... по распоряжениям к обеспечению народного продовольствия в Новороссийском крае по случаю бывшего неурожая», в 1836 г. — орденом Св. Владимира 4-й степени «за труды по разысканию древностей и открытию некоторых босфорских памятников»; в 1838 г. — орденом

хаживать, когда зараженные города не оцепляются и свободное имеют сообщение с окрестностями? С нового года занесена болезнь и в наше близкое соседство, на рыбные заводы Камыш-Бурунские, в 12 верстах от Керчи. Богу одному известно, уберемся ли мы от сего бедствия!» (ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 282, л. 25—25 об., 27 об.—28, 29 об.).

²⁸⁰ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 430, 443, 445; РА ИИМК, ф. 6, д. 10, л. 1—7.

²⁸¹ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 467—467 об.

²⁸² Там же, л. 492—493 об.

Св. Станислава 2-й степени «за открытие в Крыму некоторых драгоценных древностей», в 1840 г. бриллиантовым перстнем за поднесение императору «собрания древних монет», в 1842 г. — орденом Св. Станислава 2-й степени с императорской короной «за труды по разысканию древностей в керченских курганах», в 1847 г. и 1851 г. — дважды знаками отличия за 20-летнюю беспорочную службу.²⁸³

Карейша присутствовал при открытии «большой части» куль-обских древностей и как очевидец мог рассказать царю «обстоятельства и подробности» находки.²⁸⁴ И. А. Стемповский специально оговорился, что «громоздкие вещи» из гробницы он оставляет в Керчи.²⁸⁵ Только 24 января 1831 г. в двух ящиках куль-обские древности в сопровождении Д. Карейши и жандарма из Одессы были отправлены в столицу и благополучно прибыли в Петербург 11 февраля, а через неделю, 18 февраля поступили в Эрмитаж.²⁸⁶ Находки впервые были выставлены в Мальмезонской галерее музея, где их осматривал император.²⁸⁷ По свидетельствам современников, Д. В. Карейша «бойко владел языком» и, обстоятельно охарактеризовав царю условия находки, произвел выгодное впечатление о себе, за что получил в награду бриллиантовый перстень с гранатом стоимостью 496 р., а также 2 тыс. р. ассигнациями от Кабинета Его Имп. Величества на раскопки в окрестностях Керчи под руководством И. А. Стемповского.²⁸⁸ По просьбе начальника I отделения Эрмитажа академика Е. Е. Кёлера Карейша сделал описание привезенных древностей и обстоятельств открытия склепа, причем представил дело так, что «большая часть вещей была найдена им самим».²⁸⁹ Молодой чиновник к тому же первым обнародовал в печати сведения о сенсационной находке.²⁹⁰

Лишь несколько месяцев спустя, 6 февраля 1831 г. Стемповский сообщил Е. Е. Кёлеру обстоятельства вскрытия еще одного погребения в Куль-Обе. После отправки в столицу первой партии древностей до местных властей дошли слухи, что через несколько дней после открытия «частные лица» с риском для жизни (несколько камней упали со свода, почему исследования пришлось прекратить из-за опасений несчастного случая) проникли в склеп и, просеяв землю сквозь решето, нашли множество золотых нашивных бляшек одежды. От Стемповского тщательно скрывали, что грабители, вскрыв пол гробницы, открыли еще одно погребение — на костях скелета находилось множество золотых украшений, «браслетов» с головами львов, «толстое бронзовое кольцо, облицованное золотыми листьями и украшенное по концам головками львов», «толстые золотые листья с фигурами». Стемповский предположил, что последние являлись верхними частями обкладки горита, аналогичного уже отправленному в Петербург. Иван Алексеевич признался, что много позднее узнал о находке и попытался провести несколько «обысков», но безуспешно: все памятники были разрублены или сделаны неузнаваемыми, т. е. переплавлены в слитки. После долгих уговоров у одного из грабителей ему удалось увидеть лишь «странный предмет из золота» или электра. назначение которого антиквариар не смог понять, предположив, что он являлся украшением седла, а именно бляху весом 3/4 фунта (307 г), в виде лежащего оленя, с рельефными изображениями грифона, зайца, льва и борзой собаки. Взяв с хозяина-грека обещание не продавать находку, Стемповский попросил Карейшу сделать с него рисунок в натуральную величину, направленный Кёлеру. Иван Алексеевич спрашивал коллегу, следует ли приобрести и за какую сумму этот памятник для Эрмитажа, покупать ли ему другие похищенные древности из Куль-Обы?

²⁸³ См.: РГИА, ф. 1349, оп. 4-1831, д. 105, л. 116 об.—117 об.: формулярный список за 1831 г.; ф. 468, оп. 2, д. 347: формулярные списки за 1838, 1843 гг.; ф. 1343, оп. 23, д. 1487, л. 9—10 об.; РА ИИМК, ф. 63, оп. 1, д. 18, л. 16 об.—17 об. Точные даты рождения и смерти Д. В. Карейши определены по надгробию. См.: *Вершевская Н. В.* Из истории русского храма и кладбища в Висбадене // *Невский архив*. СПб., 1999. Вып. 4. С. 371. Благодарю за сообщения дополнительных сведений дальнюю родственницу Д. В. Карейши С. В. Зенько (С.-Петербург).

²⁸⁴ РА ИИМК, ф. 63, оп. 1, д. 18, л. 16 об.—17.

²⁸⁵ Среди них «2 больших медных котла, 2 чаши весьма поврежденные, несколько обломков железного оружия, совершенно перержавевших и других маловажных деревянных вещей, которые все не отправлены потому, что чрез перевозку могли бы совершенно истребиться». Часть высланных в Петербург мелких вещей Красовский предлагал оставить для Одесского и Керченского музеев, другую — разослать в «отечественные хранилища древностей» (АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 2—3).

²⁸⁶ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 447, 460, 462—462 об.; АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 14: О составлении по высочайшему повелению описания вещам, найденным близ Керчи 22 сентября 1830 г. (с описанием и описью вещей из Куль-Обы и описью находок из раскопок 1832 г. Карейши).

²⁸⁷ АГЭ, ф. 1, оп. II-1831, д. 9.

²⁸⁸ Там же, оп. I-1831, д. 19, л. 37; РА ИИМК, ф. 6, д. 10, л. 30—31 об.

²⁸⁹ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 30—35.

²⁹⁰ *К...ша Д.* Письмо к издателю «Одесского вестника»... С. 368—370.

Кёлер немедленно поставил об этом в известность министра Имп. двора кн. П. М. Волконского, доложившего о находке императору, который, находясь не в лучшем расположении духа, категорически приказал «все вновь открытые в Керчи вещи, не исключая и выше означенной, изображающей оленя, отобрать от нашедших оные и прислать в Санкт-Петербург, а между тем запретить открывать впредь подобные вещи без особого на то разрешения правительства, ибо разрытие гробниц всегда было воспрещено». Министр внутренних дел Н. Н. Новосильцев сообщил об этом генералу А. И. Красовскому для «истребования» находок в Петербург «при особом реестре».²⁹¹ Стемповский в свою очередь 1 мая 1831 г. смог ответить лишь следующее: «Полиция доносит мне, что по сделанному разысканию оказывается, что те из здешних жителей, которые имели таковые вещи, поспешили оные продать в разные руки как здесь, так и в других городах и на ярмонках», что в городе «продаваемы и вымениваемы многие мелкие вещи» из числа штампованных бляшек Куль-Обы, аналогичных отправленным в Петербург, «кроме цены золота не ценных», другие же находки «тщательно сокрыты и переломаны, переплавлены и уничтожены». Один из грабителей, грек Дмитрий Бавро сохранил золотую бляху в виде лежащего оленя и золотую львиную головку с эмалевыми украшениями, отломанную от шейной бронзовой гривны, обвитой золотым листом, которые и представил градоначальнику, за что Стемповский просил наградить его в соответствии со стоимостью золота.²⁹²

Массивную золотую бляху в виде фигуры лежащего оленя с надписью «ПАΙ» и львиную головку, украшавшую конец витой гривны из Куль-Обы, Стемповский отправил в Петербург. Император сменил гнев на милость: он приказал Кёлеру сначала оценить находки для награждения Бавро, а с львиной головки выполнить две идентичные копии «на маленькие печатки Его Величеству», заказанные золотых дел мастеру Кейбелю. Бавро был награжден значительной по тем временам суммой в 1200 р., а керченским жителям приказали объявить, что «если кто найдет подобные сии вещи, или какие-либо другие древности, и представит оные начальству, то получит за сие должное вознаграждение».²⁹³ Но было уже поздно: страх перед властями оказался сильнее, а перспектива немедленного обогащения за счет незаконных раскопок — более привлекательной. Это послужило стимулом для рождения теневой профессии — керченских счастливиц.

Число разошедшихся «на сувениры» дублетных золотых бляшек и похищенных из Куль-Обы золотых вещей было таким значительным, что еще долгие годы в Керчи велась их подпольная торговля. Вскоре после открытия склепа в честь Стемповского был устроен любительский спектакль «Митридат» по Ж. Расину (1672), рассказывавший о бедствиях понтийского царя,²⁹⁴ во время которого местные дамы шеголяли в золотых украшениях из Куль-Обы. Людская молва быстро разнесла весть об открытии, в несколько раз преувеличив количество и вес найденного: «Грабеж простерли до того, что начальству досталось только 15 фунтов [6.15 кг] золотых вещей, тогда как гробница Куль-Обы заключала более трех пудов [49.141 кг] золота!». Написавший эти строки П. Сабатье заимствовал цифры у Дюбуа де Монпере, который подчеркивал, что в 1832 г. и 1834 г. в Керчи практически не было ни одной гречанки, не носившей какого-нибудь украшения из Куль-Обы, особенно серег.²⁹⁵ А. Б. Ашик в октябре 1842 г. отправил министру Имп. двора «маленькую золотую статульку, представляющую скифского вакха» из Куль-Обы.²⁹⁶ В 1848 г. Сабатье приобрел в Керчи несколько вещей из Куль-Обы, в том числе вторую львиную головку от гривны, аналогичную полученной Эрмитажем в 1831 г. от Дм. Бавро.²⁹⁷ Эта львиная головка с эмалевыми украшениями в 1849 г. также по-

²⁹¹ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 14—18; РА ИИМК, ф. 6, д. 10, л. 22—27 об.

²⁹² ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 531—532.

²⁹³ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 9; д. 19, л. 41—49 об., 53; оп. II-1831, д. 9; РА ИИМК, ф. 6, д. 10, л. 56.

²⁹⁴ Письмо из Керчи, 18 января 1831 г. // ОВ. 1831. № 10. С. 43—44 (см. также № 56. С. 223—224).

²⁹⁵ Dubois de Montpereux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 5. P. 218.

²⁹⁶ РА ИИМК, ф. 63, д. 5, л. 127 об.: рапорт от 8 октября 1842 г. из Одессы.

²⁹⁷ Сабатье П. Керчь и Воспор: Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Веспорского. СПб., 1851. С. 105. «Чтобы избегнуть судейского обыска, похищенная часть была переделана, перелита или продана жидами за границу; другая часть, но очень малая, осталась неприкосновенною в руках нескольких татар менее божливых, и они продают из нее, по малым частям, проезжим любителям, когда уверены, что нет опасности производить эту запрещенную торговлю. Таким образом, во время пребывания моего в Керчи я мог приобрести несколько древностей довольно редких; но владетели этих вещей, постоянно остерегающиеся, всегда представлялись ко мне ночью, поодиночке, так, что мне невозможно было узнать ни имени их, ни жительства» (там же).

ступила в библиотеку Эрмитажа в обмен на выданные «французскому подданному Сабатие» монеты («серебряную Митридата и 25 бронзовых херсонских»);²⁹⁸ В 1865—1866 гг. А. Е. Люценко у Букзеля приобрел еще 5 золотых вещей из Куль-Обы: «большие золотые бляхи, с набивными на них выпукло работанными изображениями»: скифа на коне, вправо (в ДБК отсутствует), двух стреляющих скифов (ДБК, табл. XX, рис. 6), «символического изображения богини» Деметры (ДБК, табл. XX, рис. 8), пляшущей вакханки (ДБК, табл. XX, рис. 5), головы Медузы (ДБК, табл. XXI, рис. 10).²⁹⁹

С момента открытия сокровищ Куль-Обы по заведенному министром Имп. двора П. М. Волконским порядку Е. Е. Кёлер и А. Н. Оленин должны были осматривать в Эрмитаже памятники, доставленные из районов раскопок. В делах архива музея сохранилась записка Оленина, датированная 24 февраля 1831 г., с объяснениями характера, назначения и ценности древностей и замечаниями о литографированных плане и разрезе погребальной камеры, которые были выполнены с рисунка Д. В. Карейши.³⁰⁰ Однако император повелел составить научное описание памятников не А. Н. Оленину, а хранителю I отделения Эрмитажа академику Е. Е. Кёлеру. Уязвленный А. Н. Оленин, независимо от Кёлера, взялся за самостоятельное изучение находок. Его воспитаннику, художнику Ф. Г. Солнцеву разрешили сделать рисунки предметов.³⁰¹

В архиве А. Н. Оленина хранится рукопись в нескольких редакциях «Керченские греко-скифские древности, или краткий разбор вещей, найденных в 1830 г. в древней гробнице близ Керчи».³⁰² Автор собирался издать книгу в 4 тетрадах с 27 литографированными рисунками и сопроводительным текстом. Уже после смерти А. Н. Оленина, в 1853 г. оригинальные рисунки акад. Ф. Г. Солнцева из Комиссии по изданию «Древностей российского государства» поступили в Эрмитаж, в их числе и неизданные «рисунки, относящиеся к керченским и фанаторийским древностям» (108 рисунков, с текстом на 36 больших полулистах, в числе которых 9-й и 10-й с рисунками, и текст на 73 полулистах).³⁰³ «Объяснительный разбор... древностей... требует многих подробных и верных исследований, сопровождаемых основательными соображениями и несомненными доводами. Сии доводы следует прилежно отыскивать в древних авторах, в памятниках искусства отдаленнейших времен и в сохранившихся поныне обычаях у некоторых еще народов всех пяти частей света», — писал А. Н. Оленин в предисловии.³⁰⁴ По его мнению, многочисленные драгоценные вещи, найденные в гробнице Куль-Обы, говорят о ее принадлежности каким-то скифским, парфянским (sic! — влияние работ Кёлера) или понтийским владетелям, а сами древности по форме и отделке, безусловно, греческие «лучших времен искусства».³⁰⁵ Архитектуру склепа и погребальный инвентарь он отнес «ко временам Митридата Евпатора или Дионисия, т. е. за век и более до Р. Х.».³⁰⁶ Исторические построения А. Н. Оленина теперь вызывают лишь улыбку, но их наивность вполне объяснима новизной изучаемого памятника и отсутствием в то время каких бы то ни было хронологических привязок. Автор с удивительной интуицией уловил восточное влияние в произведениях древних мастеров. Культурно-историческая принадлежность кургана Куль-Оба была установлена лишь во второй половине XIX в., а вопрос датировки его погребений дискутируется вплоть до сего дня.³⁰⁷

А. Н. Оленин просил высказаться о способах организации раскопок А. И. Лёвшина, в то время одесского градоначальника, и в 1831 г. обратился к нему с вопросом: «Возможно ли с успехом продолжать отыскивание древностей в Крыму, на тех местах, где некогда существовала Пантикапея, а ныне построен г. Керчь?», на что получил положительный ответ. По мнению А. И. Лёвшина, на раскопки необходимо ежегодно в течение 10 лет отпускать по 2 тыс. р.

²⁹⁸ АГЭ, ф. 1, оп. I-1849, л. 6. 3 л.

²⁹⁹ РА ИИМК, ф. 1, оп. I-1865, л. 9, л. 9 об., 11, 41—42, 50—51; АГЭ, ф. 1, оп. I-1931, л. 14/1, л. 9.

³⁰⁰ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, л. 19, л. 9—10 об.

³⁰¹ Там же, л. 12.

³⁰² РА ИИМК, ф. 7, оп. 1, л. 10, л. 1—481.

³⁰³ АГЭ, ф. 1, оп. I-1853, л. 1, л. 37, № 16.

³⁰⁴ РА ИИМК, ф. 7, оп. 1, л. 10, л. 64—64 об.

³⁰⁵ Там же, л. 25 об.

³⁰⁶ Там же, л. 75 об.

³⁰⁷ Алексеев А. Ю. Скифская хроника: (Скифы в VII—IV вв. до н. э.: Историко-археологический очерк). СПб., 1992. С. 142—143, 156—157. Примеч. 1.

ассигнациями, а руководство работами возложить на известного археолога, керчь-еникольского градоначальника И. А. Стемповского. Для зарисовки находок следует прислать художника из Академии художеств, «ибо в музеях Одесском, Керченском, Николаевском и даже в малом собрании, хранящемся в Феодосии, есть уже многие остатки древности, достойные быть срисованными и даже гравированными для сведения всех европейских археологов».³⁰⁸

Богатейшие погребения в кургане Куль-Оба привлекали внимание правительства к памятникам Керченского полуострова. Это событие открыло новую страницу в истории отечественного антиковедения и археологии — началась эпоха систематических раскопок, финансируемых государством. Проведение полевых работ в Новороссии император поручил Д. В. Карейше под контролем И. А. Стемповского.³⁰⁹ Последний 27 мая 1831 г. составил инструкцию для Карейши: 1) раскопки курганов проводить по указаниям градоначальника, причем в первую очередь раскапывать те курганы, «в коих можно надеяться скоро, и с малыми издержками, найти древние вещи»; 2) экономить средства на раскопки и не нанимать рабочих в то время, когда «плата рабочим людям бывает выше обыкновенной»; 3) при раскопках находиться безотлучно, особенно «в то время, когда можно лыститься вскоре найти свод, и тому подобное»; 4) составлять на месте описи находок и присылать памятники к градоначальнику для хранения; 5) все расходы, проводимые по разрешению градоначальника, заносить в приходно-расходную книгу, «с очисткою статей расписками получателей денег»; 6) выяснять, не занимается ли кто-либо из частных лиц раскопками курганов и других археологических памятников, принимая меры по их задержанию с помощью местной полиции и градоначальника; 7) лиц, случайно нашедших древности, но не поставивших об этом в известность власти, следует задерживать с помощью полиции, а вещи конфисковать и представить градоначальнику.³¹⁰

В феврале 1832 г. Стемповский проверил финансовую и полевую отчетность Д. В. Карейши и был полностью удовлетворен. Градоначальник отправил в Петербург полевую отчет за 1831 г., найденные памятники с приложением их рисунков, спрашивая позволения оставить терракотовые статуэтки и «другие незначущие, от времени много пострадавшие вещи» в Керченском музее.³¹¹ Карейша, с марта 1831 г. из-за отсутствия достаточных средств вынужденный заниматься раскопками небольших курганов, «в коих обыкновенно заключаются незначительные гробницы», в свою очередь поставил в известность Стемповского о необходимости увеличения расходов на раскопки «огромных каменных» курганов, «в которых по предположению сокрыты важные древности». С этой целью он предлагал привлечь около 40 солдат расквартированного в Керчи полка с оплатой по 25 к. в день (по примеру раскопок Куль-Обы, где на эти цели, по словам Карейши, было израсходовано более 800 р.), а также «нанять надежного человека» для надзора за работами, так как сам археолог помимо раскопок был занят своими основными служебными обязанностями и не мог безотлучно находиться при работах.³¹² В марте 1832 г. император распорядился не привлекать для работ военных, предоставив Карейше право найма «вольных людей» и помощника для присмотра за работами, а также дополнительно ассигновал 2 тыс. р. на исследование Хрониевского кургана, и в феврале 1833 г. — еще 2 тыс. р.³¹³ Несколько лет спустя молодой чиновник смог полностью посвятить себя археологии — в 1838 г. он был причислен к штату Министерства Имп. двора,³¹⁴ так как работы проводились из сумм Кабинета императора.

Самолюбие первого исследователя боспорских древностей П. Дюбрюкса было сильно уязвлено тем, что проведение дальнейших исследований было поручено не ему, а Карейше. Таким образом Дюбрюкс лишился права раскопок от имени и по поручению властей. Обиженный Дюбрюкс 7 января 1832 г. направил на имя императора прошение с приложением «описания

³⁰⁸ РА ИИМК, ф. 7, оп. 1, д. 11, л. 10—11.

³⁰⁹ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 38—38 об.

³¹⁰ РА ИИМК, ф. 6, оп. 1, д. 31, л. 47—48 об.

³¹¹ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 55—56 об. На л. 57—59 об.: «Краткая записка о произведенном в прошлом 1831 году раскапывании курганов, находящихся в окрестностях города Керчи Еникаля»; на л. 61—62: рисунки черняковой пелки и терракотовой статуэтки; на л. 65—66: финансовый отчет о раскопках Карейши с 23 марта 1831 г. по 1 января 1832 г. (всего истрачено 973 р. 50 к.); ф. 1, оп. I-1832, д. 1, л. 2: Реестр древним вещам, отправленным в Санкт-Петербург (из раскопок 1831 г.).

³¹² АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 63—64 об.

³¹³ Там же, л. 74—75, 122—122 об.

³¹⁴ РА ИИМК, ф. 6, оп. 1, д. 31, л. 48.

и плана открытой в 1830 г. близ Керчи древней парской гробницы» (рис. 44); «замечания... о различных родах древних гробниц, находящихся в Керчи и в окрестностях сего города, и описание с планами других памятников древности»,³¹⁵ в надежде на награду от правительства за свое участие в открытии склепа Куль-Обы и за свои 14-летние труды по исследованию античных поселений и могильников Европейского Боспора.

Граф П. М. Волконский направил рукопись Дюбрюкса для ознакомления сначала А. Н. Оленину, а затем начальнику I отделения Эрмитажа акад. Е. Е. Кёлеру. Оленин ответил 25 апреля 1832 г.: «Описание г. Дю-Брюкса, хотя весьма сбивчивое и планы его и разрезы весьма неисправные, открыли мне однако ж многие обстоятельства, которые могут служить к лучшей проверке изготовленного мною отчасти толкования предметам, найденным в сей гробнице и здесь нарисованным художником Солнцевым, для надлежащего поднесения государю императору. Жаль, что навыв г. Дю-Брюкса находить и открывать древние гробницы не отвечает его познаниям, не токмо в археологии, но даже в природном его языке. Тому причиною, что он подобными делами случайно токмо занимался, не менее того он, по мнению моему, достоин награждения за его усердие, которое заставляло его презирать и самую видимую опасность...».³¹⁶ А. Н. Оленин все же распорядился снять копию с рукописи «факсимильно, с сохранением содержания и орфографии», которая сохранилась в его бумагах, и красочные копии всех прилагаемых к ней планов.³¹⁷

В июне 1832 г. Е. Е. Кёлер направил свой отзыв о рукописи Дюбрюкса министру Двора: «1) ...замечания сочинителя о наружности разных родов старых гробниц близ Керчи содержат много хорошего и справедливого; он дает при том известие для отыскания тех, которые отчасти заключают в себе достопамятных вещей и отчасти тех, которые до сих пор еще не были открыты; 2) ...и рисунок со стен сих гробниц весьма хороший и точный, потому что он сходствует с теми, которые я сам во время двух моих путешествий в Крым видел; сей рисунок и тем достоин примечания, что строение сих гробниц ни в каком сочинении еще не описано, ни срисовано; 3) его известие об открытии последнего в 1830 г. открытого кургана в Кулобе и тем достойны замечания, потому что из оных узнаем расположение внутренности сей гробницы, где в ней лежали погребенные и где лежали разные золотые вещи, привезенные в Санкт-Петербург, и как они были расположены во внутренности оной; 4) исторические и топографические его замечания о местоположении разных мест в Крыме несправедливы и без пользы.

³¹⁵ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 78—79, 80—81.

³¹⁶ Там же, л. 108.

³¹⁷ РА ИИМК, ф. 7, оп. 1, д. 11, л. 19—37, 39—44, 329—330.

Русский перевод «Описания развалин Портмиона около маяка Еникале» Дюбрюкса (хочу подчеркнуть, что все хранящиеся в архивах рукописи Дюбрюкса на французском языке), имеющий цифровые и буквенные обозначения, соотносящиеся с приложенной к нему копией плана городища из архива А. Н. Оленина, с указанием архивных шифров, во второй половине 1980-х гг. были предоставлены мной одному из авторов проекта зон охраны «Памятники истории и культуры г. Керчи» архитектору И. И. Кроленко, но без права публикации. К моему изумлению, эти материалы были помещены в текст машинописного труда, созданного на правах рукописи, без всякой ссылки на меня. См.: План развалин Портмиона около маяка Еникале; Описание развалин Портмиона около маяка Еникале // Проект зон охраны «Памятники истории и культуры города Керчи: Материалы архивно-библиографических изысканий» / Мин-во культуры СССР. Научно-исслед. проектная мастерская № 3. М., 1991. Т. 4. С. 60—64 (НА КГИКЗ. № 35/151). Те же русские переводы вместе с копиями планов были предоставлены мной Н. Ф. Федосееву для ознакомления. В его недавней статье «Еще раз о переправе через Боспор Киммерийский» (Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Т. 3. С. 83—88. Рис. 9, 10) эти материалы были изданы без моего разрешения и без ссылки на меня и на архивные первоисточники, к тому же с неправильной атрибуцией публикуемых планов. Так, копия Н. Сулова (1895) с плана «Нимфея» (городища у Павловской батареи), якобы составленная Дюбрюксом (рис. 10), на самом деле является копией выкопировки из архива Кёппена, снятой с плана Михаила Бларамберга (РА ИИМК, ф. I, № 1215, л. 5). Там же издана копия, а не подлинник с плана «Парфениона» Дюбрюкса, выполненная для А. Н. Оленина (РА ИИМК, ф. 7, д. 11, л. 43). Н. Ф. Федосеев издал русский перевод описания развалин Портмиона, проведя грубое, чисто механическое соединение двух источников — опубликованного в ЗООИД перевода А. Г. Дюбрюкса и полученного от меня перевода копии рукописи из архива А. Н. Оленина. Публикатор отдал предпочтение переводу внука Дюбрюкса, но вставил в текст цифровые и буквенные обозначения из второго источника, отсутствовавшие в ЗООИД. Не располагая каким-либо другим переводом раздела «Павловская батарея, развалины Нимфея», Федосеев просто перепечатал текст из ЗООИД и также не сделал соответствующей ссылки на первоисточник. Он не только сократил описания Дюбрюкса, но и исправил авторскую орфографию, и к тому же прямо в тексте источника заменил «устаревшие меры длины» на метрические. Не говоря уже об этической стороне вопроса, подобное отношение к публикации документов для археолога, получившего историческое образование, недопустимо.

Plan et coupes du tombeau Royal. Souterrain découvert en 1830 au grand tertre du Kénédia à Ennata, à l'ouest par Sidi Kette

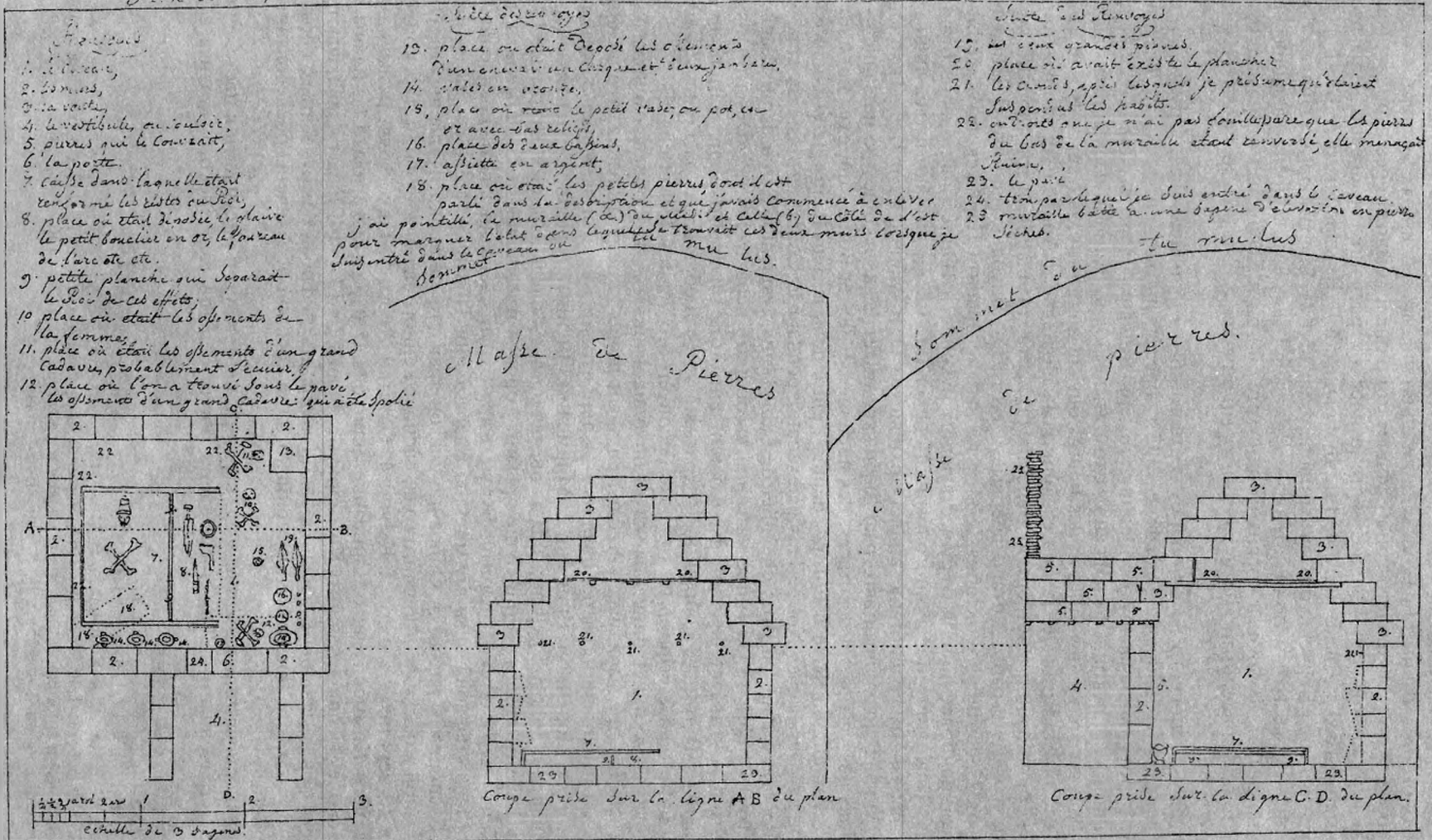

Рис. 44. П. Дюбрюкс. Черновой план и разрез склепа кургана Куль-Оба, открытого в сентябре 1830 г. (ИР ЦНБ, V, 1034, л. 93—93а).

Впрочем, темный слог его сочинения и обстоятельность одного причиняют великие затруднения в понятии ононого.³¹⁸ Таким образом, мнение влиятельных столичных экспертов о рукописи (главным образом об ее археолого-топографическом разделе) было скорее отрицательным, чем положительным, поэтому проведение систематических раскопок на средства правительства, начатых в марте 1831 г., было поручено не Дюбрюксу, а Д. В. Карейше и А. Б. Ашику, занявшему пост директора Керченского музея после смерти И. П. Бларамберга. Однако обращение к императору все же возымело действие — Николай I повелел за представленное описание Куль-Обы наградить Дюбрюкса подарком на сумму 500 р.: в Керчь был отправлен бриллиантовый перстень, украшенный аметистом, который в июле 1832 г. ему вручил И. А. Стемповский.³¹⁹

Лишившись основного источника существования — финансирования раскопок и разведок за счет казны — Дюбрюкс в декабре 1833 г. представил вел. кн. Михаилу Павловичу завершенную работу, включающую описания, обмеры и планы открытых им за 12 лет исследований памятников, в рукописи на французском языке под названием «Descriptions et plans des vestiges encore apparents, des villes et des bourgs qui ont autrefois existé sur le Bosphore Cimmérien, depuis le phare d'Enicalé; jusque et compris la montagne d'Apouch sur la mer Noire» (256 страниц текста описаний в четвертую долю листа, карта, 14 планов, и три таблицы рисунков). О названии и объеме работы стало впервые известно из опубликованного В. Шильц письма Дюбрюкса от 27 сентября/9 октября 1834 г. на имя президента Парижской Академии надписей.³²⁰ С этой наиболее полной из существующих рукописей «Описания...», адресованной вел. кн. Михаилу Павловичу, после многолетних поисков мне удалось ознакомиться лишь в 2000 г. благодаря любезному содействию коллег-архивистов О. В. Маринина и И. С. Тихонова. Хранившийся в Москве подлинный автограф Дюбрюкса имеет несколько другое название — «Plans, et descriptions des vestiges et des traces, des anciennes Villes et Bourgs qui existaient autrefois sur le Bosphore Cimmérien, Rive d'Europe, depuis l'entrée dans le détroit, jusque et compris la montagne d'Apouch, sur la mer Noire. Travail exécuté pendant le Cours de plusieurs années, par le conseiller honoraire Paul Du Brux chevalier de Saint Louis, résident à Kerch depuis l'année 1810. Kerch, le 16 decembre 1833» (иное название на обороте первого листа: «Descriptions et plans des vestiges des villes et des bourgs, existant autrefois sur le Bosphore Cimmérien, Rives d'Européenne»).³²¹ В том же собрании — краткий отчет Дюбрюкса о раскопках Куль-Обы с планом гробницы: «Description du tombeau découvert à 6 verstes de Kertch».³²²

Московская рукопись описания, как и опубликованный А. Г. Дюбрюксом перевод, состоит из двух частей, предваряемых «Préface, ou avant-propos»: первая содержит описание древних городов и укреплений, расположенных на территории Керчи и включает 5 статей: 1. Современный маяк, Портмюн, Еникале; 2. Мирмекий, Змеинный городок; 3. Пантикапей, Керчь, гора Митридат; 4. Золотой курган; 5. Павловская батарея, следы Нимфея, открытые 19 августа 1833 г. и в 1826 г.; вторая — описание древних городов и местечек, расположенных вне территории Керчи из 7 статей: 1. Камыш-Бурун, Кара-Бурун, следы древнего укрепления; 2. Керметчик, согласно первоначальному мнению Бларамберга Тиритака Птолемея, затем принятый за дворец боспорских царей; 3. Описание следов древнего местечка и маленького акрополя, открытого мной в сентябре прошлого года, расположенного неподалеку от татарского селения Куурдак, в 13 верстах к западу от Керчи; 4. Остатки Акры; 5. Гора Апук, развалины Китея и Европейского Киммериама; 6. Описание акрополя D и большого плато C, планы № 13 и 14; 7. Описание следов западного Киммериама, планы № 13 и 14. Работу заключают примечания к тексту и замечания с расшифровкой условных цифровых и буквенных обозначений (А—К, 1—15) к карте Боспора Киммерийского, на которой обозначены обследованные Дюбрюксом районы.

Рукопись иллюстрирована планами, картами, чертежами и рисунками в цвете, считавшимися ранее утраченными. В их числе карта обоих берегов Керченского пролива с обозна-

³¹⁸ АГЭ, ф. 1, оп. I-1832, л. 2, л. 1.

³¹⁹ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, л. 19, л. 110—112, 116.

³²⁰ Schiltz V. Histoires de Kourganès... P. 116—117.

³²¹ ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 534, 140 л. По нумерации Дюбрюкса, текст на с. 1—243, с добавлением Observations на с. 245 (л. 123 об.) и многочисленных карт, планов и рисунков на л. 124—140.

³²² ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 535, л. 1—3 (отчет), л. 4 (план).

чением мест, обследованных Дюбрюксом (№ 1, рис. 45), планы Портмиона у маяка Еникале (№ 2, рис. 46), Мирмекия (№ 3, рис. 47), Пантикапея, с приложением чертежа гробницы, раскопанной у горы Митридат (№ 4—5, рис. 48—49), план и разрез Золотого кургана (№ 6, рис. 50), развалин у Павловской батареи («Нимфея», № 7, рис. 51), у мыса Кара-Бурун на земле Гурьева (по современной локализации Нимфей, № 8, рис. 52), «акрополя» (№ 9, рис. 53) и города (№ 10, рис. 54) у д. Кермеш-Келечик, маленького города с акрополем в 11 верстах от Керчи у д. Куурдак (№ 11, рис. 55), «Акры» (Китей, № 12, рис. 56), укреплений на горе Опук (№ 13, рис. 57) и его акрополя («Китей», № 14, рис. 58), «Киммерика» (№ 15, рис. 59), вид маяка Еникале (к плану № 2, рис. 60), план «круглой постройки Мирмекия, возможно Гераклия Страбона» (к плану № 3, рис. 61), вид руин акведука у Еникале (без номера, рис. 62), виды части стены крепости у д. Куурдак (к плану № 11) и части стены акрополя в Кермеш-Келечике в 16 верстах к ЮЗ от Керчи (к плану № 9, рис. 63). Все виды и план «круглой постройки Мирмекия» выполнены Эдуардом Ниппой (Edouard Nippa), молодым чиновником, преподавателем рисования в керченском училище, ранее служившим в Симферополе, которому покровительствовали И. А. Стемповский и П. И. Кёппен.³²³

В 1834 г. Дюбрюкс вновь подал письмо на высочайшее имя, препроводив с ним новый труд о развалинах близ Керчи и археологических открытиях 1834 г. Автор сообщал, что годом ранее представил вел. кн. Михаилу Павловичу описание и планы существующих доселе остатков древних городов Киммерийского Боспора, но не получил ответа, как воспринято его сочинение. Желая улучшить свой орус, он просил выделить ему через керчь-еникальского градоначальника кн. З. С. Херхеулидзева 200 р. на разведки, а все снятые планы и описания руин представить туда, куда прикажет начальство. В январе 1835 г. кн. П. М. Волконский обратился к А. Н. Оленину с просьбой отрецензировать новый труд Дюбрюкса. На письме сохранилась помета Оленина с уничижительным приговором о необходимости «вывести обстоятельное заключение о бесплодности труда г-на Дюбрюкса». Он посчитал, что «приложенные... планы развалин очень дурны;... если добавить, что г-н Дюбрюкс пишет дурным слогом, даже с разными ошибками против правописания, то при всей скромности нельзя не сказать, что этот труд г. Дюбрюкса не стоит печати и что подносить Его Величеству подобные вещи едва ли можно счесть приличным».³²⁴ Для Оленина было выполнено резюме этой работы — «Выписка из всеподданнейшего письма титулярного советника Дюбрюкса и приложенных к оному описаний развалин близ Керчи и открытых в 1834 г. древностей».³²⁵ Просимые средства на разведки, само собой, правительство не выделило. Дюбрюкса могло порадовать лишь то, что вел. кн. Михаил Павлович вознаградил его за труды бриллиантовым перстнем.

Обе эрмитажные рукописи Дюбрюкса, переплетенные в одно архивное дело, относятся соответственно к концу 1831 г. и к 1834 г. Первая, представленная императору в январе 1832 г., включает описание открытия Куль-Обы,³²⁶ несколько замечаний о разного рода гробницах, находящихся в окрестностях Керчи,³²⁷ описание развалин, расположенных в 4 верстах

³²³ Стемповский писал о нем Кёппену: «Ниппа ведет себя, кажется, хорошо. Он бывает у меня, я ничего худого не вижу и не слышу о нем. Он желает переместиться в Симферополь: и в самом деле, невозможно жить на 200 рублей. Не знаю, писал ли я вам, что 100 рублей получил и ему отдал: он на эти деньги обмундировался» (26 сентября 1830 г.); «С тех пор как он у нас, я ничего о нем кроме хорошего не слышу: он везде принят и любим, ведет себя скромно, танцует на наших балах, дает в домах частные уроки рисования, что доставляет ему небольшое пособие к весьма скудному его жалованью. Все это очень похвально; а потому я без опасения отдал ему все деньги, не удержав ничего, в той уверенности, что не будут употреблены на дурное» (5 января 1831 г.). См.: ПФА РАН, ф. 30, оп. 2, л. 282, л. 27—29.

³²⁴ РА ИИМК, ф. 7, оп. 1, д. 11, л. 132, 151—151 об.

³²⁵ Там же, л. 144—149 об.

³²⁶ См.: АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 82—86 об.: Description du tombeau découvert à six verstes de Kertch, le 19 Septembre 1831, et ouvert en presence et sous la direction de Monsieur de Stempkowski, gouverneur de cette ville, le 22 du même mois; на л. 86 об. вставка рукой Стемповского и на л. 86 об.—90 добавление (suite) Дюбрюкса, написанное в феврале 1831 г. В рукописи из-за описки автора названа неверная дата открытия склепа Куль-Обы (Пепельного холма, имевшего и другое название — Рассыпной курган) — 19 сентября 1831 г., а не 19 сентября 1830 г. В сопроводительном письме Дюбрюкса императору год указан правильно — 1830. Из отчета археолога, изданного Жилем в ДБК, ошибочная дата перекочевала в ряд других публикаций.

³²⁷ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 90—93: Quelques remarques sur les différents espèces de tombeaux qui se trouvent aux environs de Kertch; здесь же на л. 93—94 два позднейших примечания (notes) — А и А2. Десятилетия спустя В. Г. Тизенгаузен написал специальный реферат «Неизданные записки и труды Дюбрюкса», который по его

выше озера Камыш-Бурун, называемого татарами Кермеш-Келечик на земле Джapar.³²⁸ описание руин Порфмия у маяка Еникале.³²⁹ К рукописи приложены шесть планов:³³⁰ план и вид кургана Куль-Оба (№ 1), план и разрез склепа Куль-Обы (№ 2), план верхней части, продольный разрез и рисунок выложенного галькой дна водоема, найденного при раскопках на горе Опук в 1827 г. (№ 3),³³¹ планы «акрополя» (№ 4) и прилегающей к нему местности (№ 5) у д. Кермеш-Келечик (Илурат) и план руин Порфмия у Еникальского маяка (№ 6).

Вторая рукопись, законченная 24 сентября (с добавлениями от 16 ноября) 1834 г., имеет самостоятельную авторскую пагинацию (с. 1—30) и является приложением к московской. Она объединяет описание и план развалин, расположенных неподалеку от татарской деревни Куурдак в 13 верстах к западу от Керчи, обнаруженных 18 сентября 1833 г.,³³² некоторые замечания по поводу трех видов циклопических сооружений, найденных в окрестностях Керчи,³³³ подробное описание саркофагов, открытых в акрополе Мирмекия весной 1833 г.,³³⁴ с прибавлением описаний новых находок, сделанных в Керчи с 12 по 15 октября 1834 г. «официальными гробокопателями» Ашиком и Карейшей.³³⁵ К рукописи приложены планы городища у д. Куурдак (Андреевка Северная?), рисунки типов древних кладок на памятниках Восточного Крыма: Золотой курган, Кермеш-Келечик (Илурат), «циклопическая» стена на горе Опук (древний Киммерик) и вертикальный разрез участка стены городища у д. Куурдак, вертикальный разрез северного участка стены «кольцеобразного сооружения» на акрополе Мирмекия. Таким образом, эта рукопись содержит исправления и дополнения к работе, ранее представленной вел. кн. Михаилу Павловичу, и более точные планы. Это явствует из сравнения планов Кермеш-Келечика и Илурата (ср. рис. 54, 55 и 64, 65).

Из письма Дюбрюкса на имя президента Парижской Академии надписей от 27 сентября/9 октября 1834 г. нам известно, что керченский археолог, по совету состоявшего ее членом-корреспондентом Стемпковского, направил в Париж несколько своих работ, но ни одна из них, как и в России, не была опубликована. Осенью 1834 г. Дюбрюкс отправил на родину копию своего рапорта царю о раскопках Куль-Обы, хранящуюся в Архиве Академии надписей и изящной словесности, из которого В. Шильц воспроизводит фрагменты текста и рисунки (планы и разрезы) кургана. В парижской копии дата открытия склепа исправлена на вер-

просьбе был зачитан И. В. Помяловским на VI Археологическом съезде в Одессе (1884). На том же съезде В. В. Латышев выступил с рефератом о записке Дюбрюкса «Несколько заметок о различных родах гробниц, встречающихся в Керчи» (ГАОО, ф. 275, оп. 1, д. 9, л. 24 об., 25; Бюллетень VI АС в Одессе. 1884. № 4. С. 14, 15; № 14). Текст этого фрагмента, но с купюрами опубликован в русском переводе по копии, хранившейся в Имп. Археологической комиссии, причем без двух очень важных примечаний Дюбрюкса. См.: Тизенгаузен В. Г. Записка Дюбрюкса: Несколько заметок о различных родах гробниц, находящихся в окрестностях Керчи // Тр. VI АС в Одессе (1884). Одесса, 1888. Т. 2. С. 135—139. В примечании А Дюбрюкс рассуждает о местности в окрестностях Кермеш-Келечика (Илурата) и отказывается от своей первоначальной гипотезы о локализации здесь дворца боспорских царей. Автор пишет, что, ознакомившись с неопубликованным трудом И. А. Стемпковского по истории Боспора Киммерийского, написанного «с необычайной глубиной и осведомленностью», он согласился с доводами друга и отказался от своего предположения. В примечании А2 рассказывается о низком методическом уровне раскопок Бламберга 1826, 1827 и 1829 гг., а также о собственных работах Дюбрюкса 1829 г. по поручению И. А. Стемпковского.

³²⁸ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 94—98 об.: Description des vestiges qui se trouvent à 4 verstes en dessus du lac de Kamich broun, nommé par les tartares Kermich Kéléchik, sur la terre de Japare (plan № 4). В. Ф. Гайдукевич использовал рукописный текст и впервые опубликовал два плана Дюбрюкса. См.: Гайдукевич В. Ф. 1) Боспорский город Илурат // СА. 1950. Т. 13. С. 174—204; 2) Илурат: Итоги археологических исследований 1948—1953 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 9—148.

³²⁹ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 98 об.—100: Description des vestiges de Port-mion près du phare d'Yenicalé; здесь же на л. 100—100 об. два примечания (notes; observations).

³³⁰ Там же, л. 101—106.

³³¹ Текст использован, а планы опубликованы в статье: Кругликова И. Т. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1957 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 219—253. Рис. 1—2.

³³² АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 324—326 об.: Description des vestiges qui se trouvent près du village tatar de Kouourdak; à 13 verstes à l'ouest de Kertch.

³³³ Там же, л. 326 об.—328: Quelques observations sur les trois especes de constructions cyclopeennes qu'il y a dans les environs de Kertch.

³³⁴ Там же, л. 328—333 об.: Description détaillée des sarcophages que l'on a découvert ce printemps dans l'acropole de Mirmikion.

³³⁵ Там же, л. 337—338 об.: Description succincte, des nouvelles découvertes que l'on vient de faire ici, de belles antiquités en or.

ную — 19—22 сентября 1830 г.³³⁶ На основе составленного Дюбрюкса отчета о раскопках Д. Рауль-Рошетт издал особую статью, в которой приписал открытую гробницу скифскому царю Порнахо. Извлечение из нее было опубликовано на русском языке с замечаниями и комментариями издателя «Библиотеки для чтения».³³⁷

Дюбрюкс надеялся, что Академией заинтересует полная копия «Описания развалин и следов...», более ранняя версия которого под названием «*Vestiges apparents des villes et bourgs qui existent sur le Bosphore Cimmérien*»³³⁸ была через Стемповского направлена в Париж. Копии хранящихся во Франции работ Дюбрюкса пытался получить еще Н. Н. Мурзакевич, о чем свидетельствуют его письма к предводителю дворянства Херсонской губернии, члену ООИД и известному одесскому коллекционеру древностей Ивану Ираклиевичу Курису (1840—1898). В письме от 23 апреля/5 мая 1867 г. из Одессы в Париж он дает сочлену «серьезное поручение»: «В 1831 г. Дюбрюкс из Керчи препроводил, кажется, в Парижскую публичную библиотеку подробное описание находок в Золотом кургане (имеется в виду Куль-Оба. — И. Т.), и при нем рисунки. Узнайте, где все это находится, и испросите разрешение у кого следует, — снять верную копию, и особенно рисунков». В следующем письме от 3 мая 1867 г. Николай Никифорович еще раз напоминает: «В Париже (как писал) хлопчите о снятии копии с рукописи и чертежей Дюбрюкса...».³³⁹ К сожалению, ответных писем Куриса мне обнаружить не удалось.

Через шесть лет после смерти Дюбрюкса, 7 апреля 1841 г. на заседании Одесского общества истории и древностей действительный член Э. В. Тетбу де Мариньи сообщил о приобретении им у детей Дюбрюкса рукописи с рисунками, содержащей «исследования и описания местоположения нескольких древних эллинских поселений на Керченском полуострове, и об удовлетворении бедного семейства... какою-либо суммою». Общество постановило «рукопись П. Дюбрюкса, известного тем, что он первый начал в Крыму заниматься правильными и постоянными археологическими поисками, передать предварительно на рассмотрение секретаря и Тетбу де Мариньи, и в случае получения от них одобрительного отзыва, поместить в Записках общества, причем редакцию этой статьи просить принять на себя Тетбу. Наследникам Дюбрюкса сделать вознаграждение, за сочинение их отца, в 60 рублей серебром». Полгода спустя, 18 июня 1842 г. секретарь ООИД Н. Н. Мурзакевич получил письмо подпоручика 5-го батальона Подольского егерского полка Александра Павловича Дюбрюкса, старшего сына археолога, который, ссылаясь на финансовые обязательства перед матерью, братом и двумя сестрами, требовал вознаграждения за рукопись, в противном случае он угрожал наложить запрет на ее публикацию в трудах общества и, выполняя волю отца, отправить манускрипт в Париж. 20 июня Дюбрюксу-сыну было вручено 60 р. серебром за то, что он передает рукописи в полное распоряжение общества, о чем сохранилась соответствующая расписка. Таким образом, рукопись известного «Описания развалин и следов...» приобреталась у наследников автора по частям, сначала Тетбу де Мариньи, затем секретарем общества Н. Н. Мурзакевичем.

Рассмотрев рукопись, 29 июля 1842 г. Тетбу сообщил ООИД, что «манускрипты П. дю Брюкса требуют необходимых исправлений как относительно содержания, так и относительно слога, и что он охотно возьмет на себя труд сей, если ему даны будут нужные писцы и копировщики на жалованьи общества». По данным Тетбу де Мариньи, приобретенная рукопись содержала планы и черновые наброски планов Пантикапея, Порфмий, части руин «Нимфея» на Ак-Буруне, «акрополь Нимфея», укрепления на Кара-Буруне (Нимфей), планы «Акры» (Китея), Киммерика (рис. 66) и «Китея», цитадели в Керменчике и небольшой крепости у д. Куурдак, описание Золотого кургана и несколько мелких разного рода замечаний относительно Европейского Боспора.³⁴⁰ Общество постановило передать рукопись в издательский

³³⁶ Schilts V. Histoires de Kourganes... P. 56—57, 60—61, 116—117. Название рукописи: «Description du tombeau découvert à six verstes de Kertch, le 19 septembre 1830, et ouvert le 22 du même mois, par ordre et sous la direction de Monsieur de Stempkowski» (P. 117—119).

³³⁷ Raoul-Rochette D. R. Notice sur un tombeau découvert aux environs de Kertsch, l'ancienne Panticapee // Journ. des Savants. 1835. Juin. P. 333—341; [Сенковский О. И.] Новая сравнительная наука древностей // Библиотека для чтения. 1835. Т. 12. Сент. С. 33—68 (о Куль-Обе см. с. 51—63). Возражения А. Б. Ашика см.: ОВ. 1835. № 96, 97. Ср.: Ашик А. Б. Воспорское царство. Ч. 2. С. 33 и след.

³³⁸ Тетбу де Мариньи Э. В. Павел Дюбрюкс. С. 231; Леонтьев П. М. Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря // Пропилеи. 1851. Кн. 1. С. 75.

³³⁹ ОРИФ ОГНБ, ф. 38, карт. 1, д. 526, л. 4, 5 об.—6.

³⁴⁰ [Мурзакевич Н. Н.] Приобретение обществом сочинений дю-Брюкса // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 652—653.

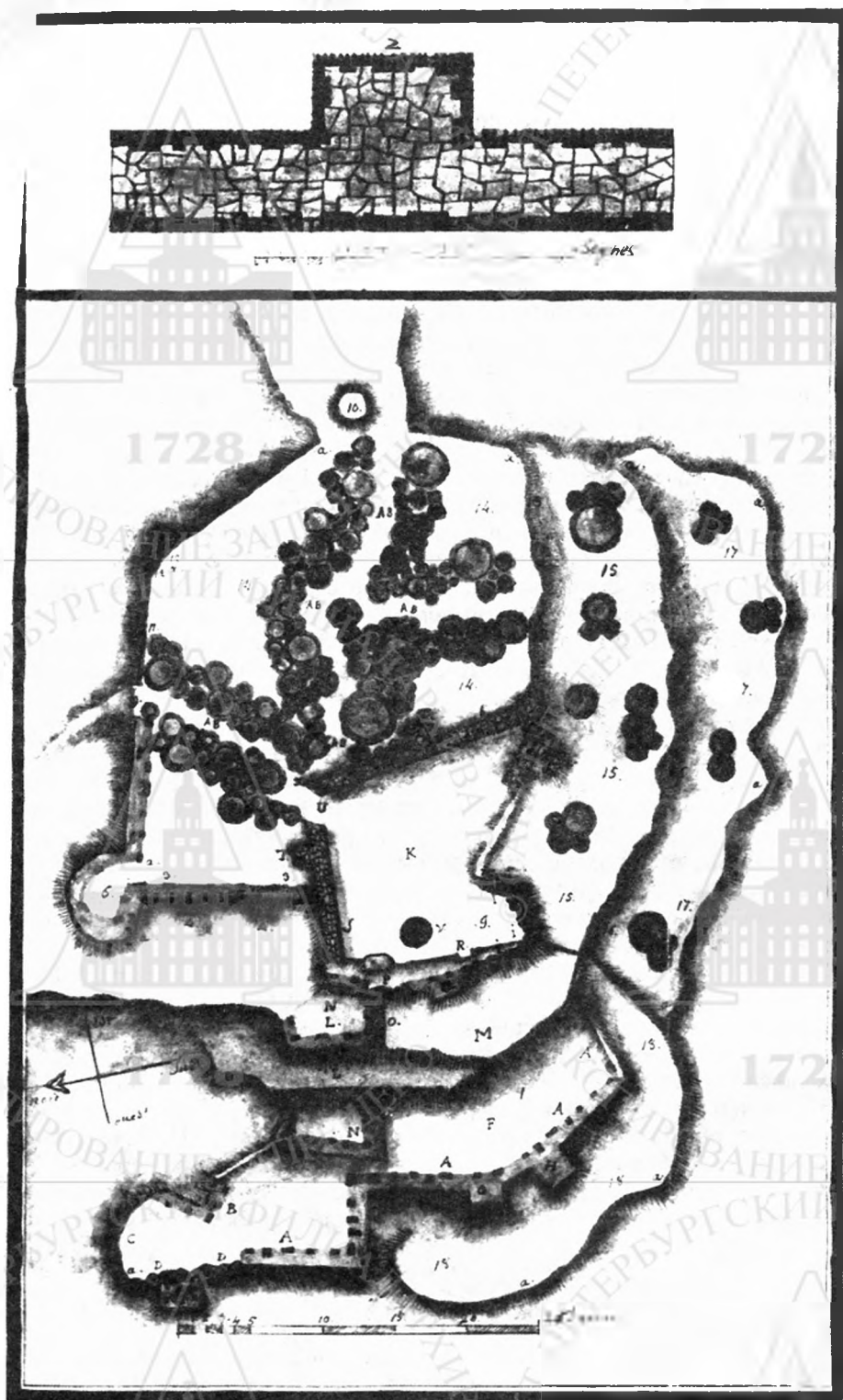

Рис. 64. П. Дюбрюкс. Окончательный план городища Куурдак (Андреевка Северная?). Не позднее 1834 г. (АГЭ, ф. I, оп. I-1831, д. 19, л. 339).

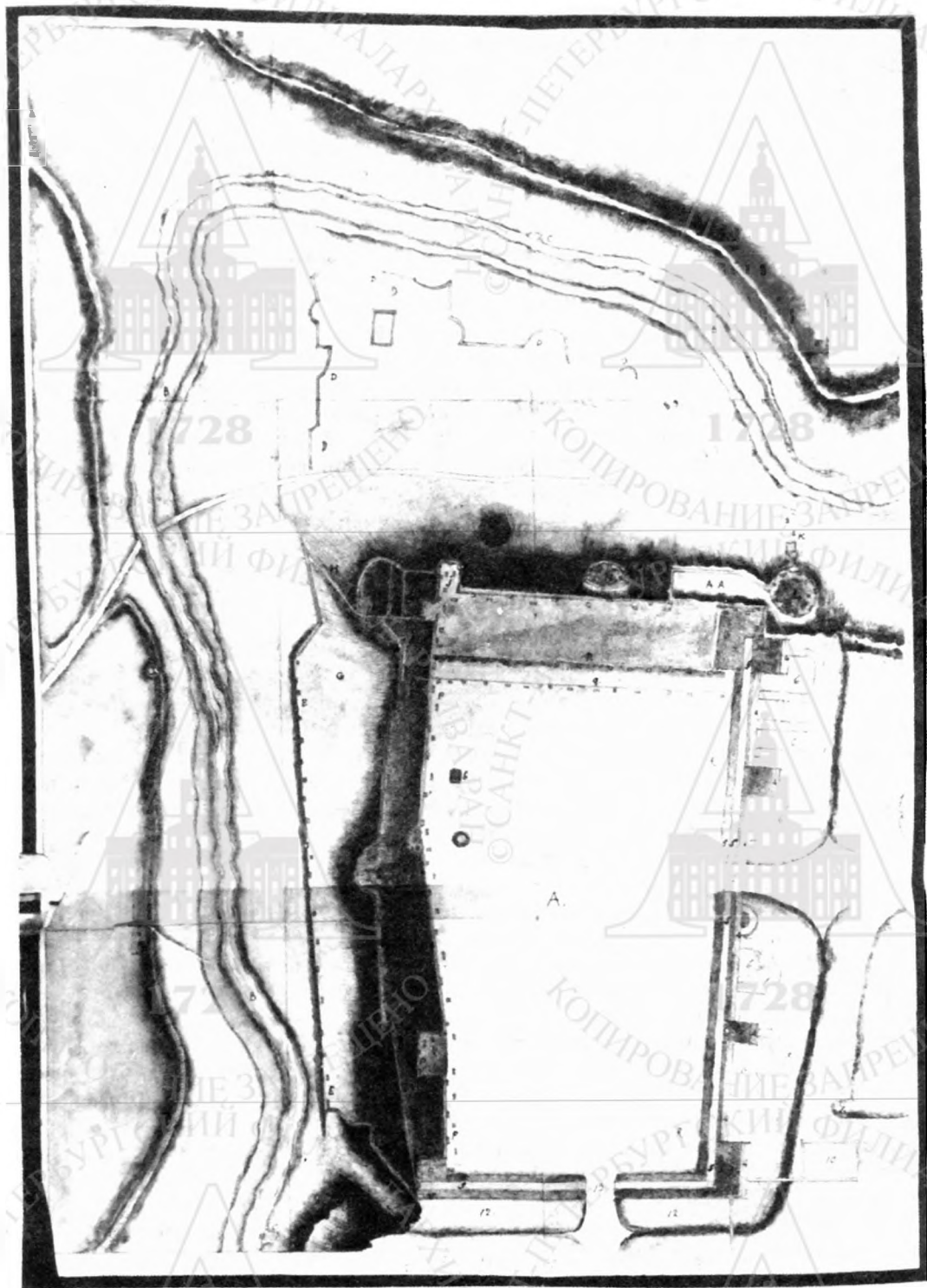

Рис. 65. П. Дюбрюкс. План «акрополя» (№ 4) у д. Кермеш-Келечик (Илурад).
Не позднее 1831 г. (АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 104).

комитет для окончательного решения вопроса об ее публикации.³⁴¹ Но не закончив редактирования французского текста, Тетбу де Мариньи скончался 11 апреля 1852 г. Эта работа была продолжена каким-то другим лицом и доведена до конца. Рукопись французской редакции, написанная несколькими почерками с правой третьей лица, хранилась в переплетенной тетрадке в библиотеке ООИД под шифром 182 23/Д.³⁴²

В апреле 1841 г. преемник Кёлера на посту начальника I отделения Эрмитажа Ф. А. Жиль задумал издавать описания и рисунки керченских древностей, хранящихся в императорском музее. Его план поддержал министр двора П. М. Волконский, а затем одобрил император Николай I. Во «Введении», написанном Жилем, опубликован фрагмент записки Дюбрюкса о раскопках Куль-Обы,³⁴³ причем авторский текст подвергся сокращениям и редакции («...мы исключили, — писал Жиль, — только некоторые подробности и лишние повторения», а также, добавлю от себя, исторические выводы и предположения Дюбрюкса). Рапорт об открытии Куль-Обы был также скопирован и отреферирован Ф. Дюбуа де Монпери по рукописному подлиннику во время его пребывания в Керчи в 1832 г. или 1834 г., причем швейцарский путешественник особо подчеркнул, что он «заимствовал общее описание и местоположение предметов из рукописного доклада г-на Дюбрюкса».³⁴⁴ Этому обстоятельству не поверил Жиль, писавший, что рапорт Дюбрюкса во время пребывания Дюбуа де Монпери в Крыму уже находился в архиве Министерства Имп. двора. Флориан Антонович не подозревал, что Дюбрюкс собственноручно и неоднократно копировал свои работы, раздавал их списки интересующимся путешественникам и ученым, а также постоянно дополнял черновую рукопись новыми сведениями. Жиль предположил, что Дюбуа «пользовался только сокращенной копией» рапорта о раскопках Куль-Обы, так как он «пропустил некоторые подробности» и отступил «от подлинных слов рапорта, которого держаться в точности мы сочли нужным».³⁴⁵ Узнав о приобретении рукописей Дюбрюкса Одесским обществом, Ф. А. Жиль обратился к его секретарю Н. Н. Мурзакевичу с просьбой предоставить их для работы и получил положительный ответ. Судя по письму Мурзакевича Жиллю от 21 декабря 1851 г., у старшего сына Дюбрюкса были приобретены только три черновые тетради (с. 1—94). «Подлежащих к ней (рукописи Дюбрюкса. — И. Т.) объяснительных чертежей сохранилось не много, — пояснял Мурзакевич, — да и те изображают планы укреплений, изданных обществом при статье Бларамберга». Здесь необходимо пояснить, что почти все планы и чертежи, отправленные в Петербург, имели авторские номера таблиц, которые иногда дублируются в разных редакциях рукописи и создают путаницу. С этим столкнулись Жиль, сверявший планы и чертежи с рукописями Дюбрюкса в архиве Министерства Имп. двора, и Мурзакевич. Так, в Петербург было отправлено 8 планов и рисунков, частично являвшихся чертежами Бларамберга, скопированными с оригиналов Дюбрюкса, в том числе план Пантикапея Бларамберга (по утверждению Мурзакевича, выполненный «с бруллионов» Дюбрюкса), три чертежа Дюбрюкса (вид, план и разрез склепа) кургана Куль-Оба, два вида и план курганов и гробниц (близ Золотого кургана, у Еникале и в 1 версте от Керчи), виды кладки камня различных памятников. В апреле 1852 г. Мурзакевич отправил в Петербург окончание записок Дюбрюкса в трех тетрадях (с. 94—151).³⁴⁶ Жиль по частям возвращал рукописные тетради, принадлежащие ООИД, но в результате путаницы в авторской нумерации вернул только 5 из 8 принадлежавших обществу планов. Несмотря на это, 12 сентября 1854 г. Мурзакевич послал в Эрмитаж еще 6 черновых чертежей, приобретенных им «от одного бывшего знакомого покойного археолога» (имя которого нигде не называется), а именно несколько планов руин на горе Опук, близ мыса Фонари, Павловской батареи, вид круглой башни, разрез гробницы и план какого-то укрепления, которые были возвращены в ноябре 1854 г.³⁴⁷

В Эрмитаже хранятся снятые по приказу Ф. А. Жили списки с рукописей Дюбрюкса и цветные копии приложенных к ним некоторых планов и чертежей.³⁴⁸ Таким образом, издатель

³⁴¹ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 54, л. 9—11 об.; д. 1, л. 60 об.—61, 109 об.

³⁴² Современный шифр: ИР ЦНБ, V, 1033, л. 1—57.

³⁴³ ДБК. Т. I. С. X—XXXIV.

³⁴⁴ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 5. P. 195—196. Note 1.

³⁴⁵ ДБК. Т. I. С. X.

³⁴⁶ АГЭ, ф. 1, оп. I-1848, д. 35, л. 246: письмо Мурзакевича Жиллю от апреля 1852 г.

³⁴⁷ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 54, л. 15—24; АГЭ, ф. 1, оп. I-1943, д. 26, л. 246, 269—270, 272—273, 279, 286.

³⁴⁸ АГЭ, ф. 1, оп. VI-M, д. 9; д. 27/8, 15, 16.

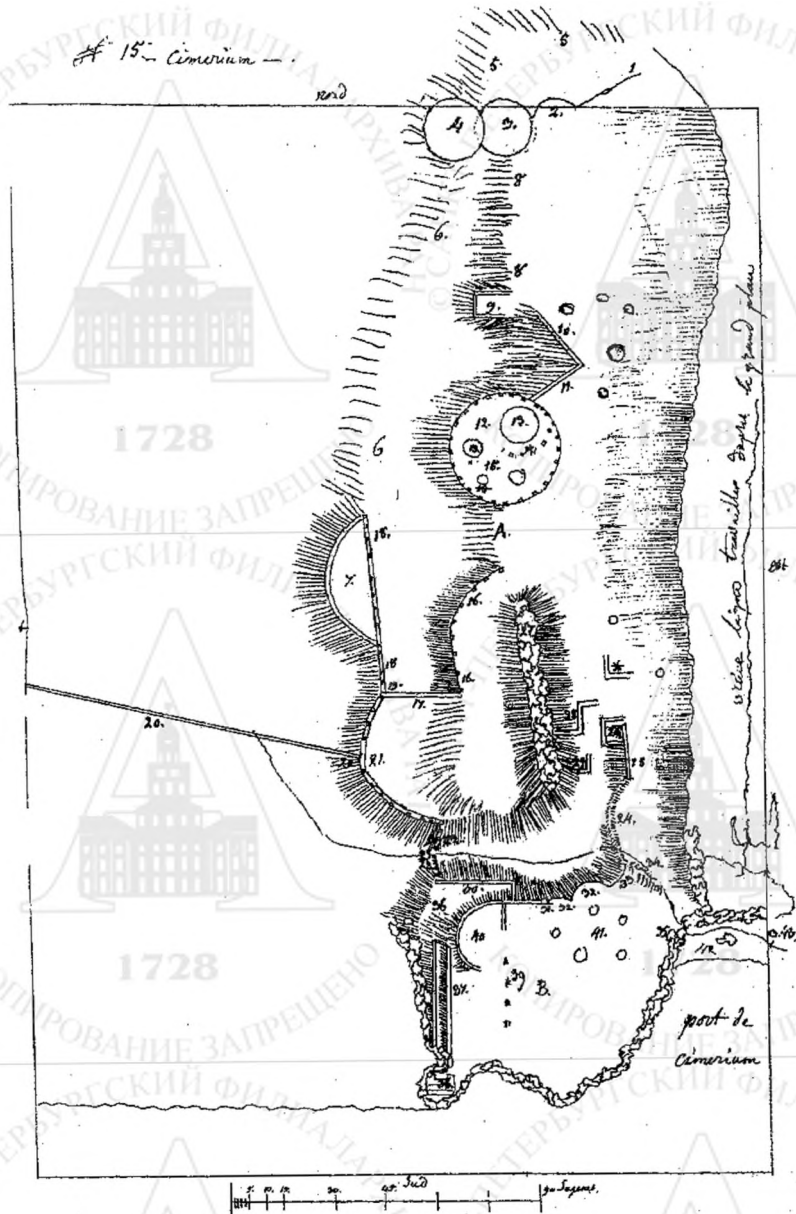

Рис. 66. П. Дюбрюкс. Черновой план руин Киммерика на горе Опух. № 15. Тушь. Перо.
Не позднее 1835 г. (ИР ЦНБ, V, 1034, л. 92 об.—92а).

«ДБК» располагал только планами руин близ Кермеш-Келечика, Куурдак, Еникальское маяка, видами и разрезами Куль-Обы и Золотого кургана, других планов Дюбрюкса ему обнаружить не удалось. Вероятно, по этой причине Жиль не стал издавать текст «Описания развалин и следов...», а ограничился лишь публикацией рапорта о раскопках Куль-Обы и использованием сведений Дюбрюкса о топографии памятников Керченского полуострова. Отдельные копии с планов Дюбрюкса сохранились в бумагах Русского археологического общества и Археологической комиссии.³⁴⁹

Одесское общество истории и древностей стремилось скорее ввести в научный оборот «Описание развалин и следов...» Дюбрюкса, планируя напечатать его в четвертом томе своих записок. В конце октября следующего, 1853 г., в издательский комитет был передан русский перевод, выполненный жившим в Одессе членом-сотрудником ООИД (с 13 ноября 1848 г.) А. Г. Дюбрюксом, но его публикация задержалась из-за Крымской войны (1858). Перевод снабжен всего тремя планами — картой европейской части Боспора с указанием обследованных Дюбрюксом памятников, приблизительным планом следов акрополя Пантикалея, составленным в 1827 г. Бларамбергом, планом и видом Золотого кургана. Переводчик являлся внуком автора: «По смерти П. А. Дюбрюкса бумаги его, по некоторым домашним обстоятельствам, не попали к отцу моему, а переходили через несколько рук и преимущественно таких лиц, которые не знали вовсе ни их содержания, ни их важности, пока наконец не были отысканы дядею моим (А. П. Дюбрюксом. — И. Т.), от которого Общество и приобрело эту рукопись, но без чертежей и планов».³⁵⁰

Все собранные Одесским обществом планы, черновые наброски вместе с текстом рукописи, письмом Дюбрюкса Бларамбергу от 16 марта 1828 г.,³⁵¹ найденным Мурзакевичем среди бумаг покойного директора Одесского музея, были переплетены в отдельную тетрадь и хранились в библиотеке ООИД под шифром 182 22/Д. Мало кому известно, что значительная часть архива Одесского общества, частично вывезенного во время Второй мировой войны из Одессы в Румынию, впоследствии не была возвращена обратно, а оказалась в Киеве, в Институте рукописей Центральной научной библиотеки им. В. И. Вернадского Национальной Академии наук Украины. Именно здесь я и обнаружила черновой автограф Дюбрюкса на французском языке под названием «Descriptions des vestiges et des traces des anciennes villes et bourgs; qui ont existé autrefois sur la rive Européenne du Bosphore Cimmérien, depuis l'entrée du détroit, près du phare d'Enikalé, jusque et compris la montagne d'Apouch, sur la mer noire» (Описание остатков и следов древних городов и местечек, некогда существовавших на Европейской стороне Босфора Киммерийского, от входа в пролив у Еникальского маяка вплоть до горы Олук и включая ее, при Черном море).³⁵² Многие страницы текста перечеркнуты, содержат авторскую правку, вставки в тексте и на полях и т. д. Некоторые приложенные к рукописи планы, чертежи и черновые наброски³⁵³ дублируют рисунки, хранящиеся в Москве и Петербурге, а именно планы Илурата, Куль-Обы и Золотого кургана. Одесская рукопись, ставшая после Второй мировой войны киевской, со времен Мурзакевича не утратила ни одного листа.

Один из списков труда Дюбрюкса я обнаружила в семейном фонде Уваровых в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея.³⁵⁴ Эта чистовая писарская копия, вероятно, была снята во время первого путешествия на юг России в 1848 г. для молодого археолога гр. А. С. Уварова. Архивистом, описывавшим фонд, рукопись была ошибочно принята за труд самого А. С. Уварова с указанием, что она якобы опубликована в известной серии «Древности: Труды Московского археологического общества» (Т. 2. Вып. 1—2. 1869; Вып. 3. 1870. С. 352 и след.).

³⁴⁹ РА ИИМК, р. I, № 614: Куль-Оба; № 892, л. 1: виды кладки керченских курганов; л. 2: Куурдак; № 1216, л. 1—4: крепиды Золотого кургана, оборонительная стена городища Куурдак, кладка «циклопического сооружения» в Мирмекии, археологические остатки в районе мыса Фонари, Илурат; № 892, л. 1—2: Куурдак.

³⁵⁰ Дюбрюкс П. Описание развалин и следов... С. 84.

³⁵¹ Письмо опубликовано с купюрами в русском переводе А. Г. Дюбрюкса: Дюбрюкс П. Описание развалин и следов... С. 73. Примеч.

³⁵² ИР ЦНБ, V, 1034, л. 1—77 об.; по авторской пагинации 151 страница.

³⁵³ Там же, л. 84 об.—98, 17 рис. Всего в тетради под шифром V, 1034 числится 98 листов по архивной нумерации, не считая литературных (90а, 92а, 93а, 94а, 95а, 96а, 97а). Таким образом, в рукописи реально переплетено 105 листов, включая чистые. В заверительной записи библиотекаря ООИД А. Рыстенко от 21 апреля 1906 г. также указано 98 л., из которых л. 87—98 представляют чертежи.

³⁵⁴ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, л. 202, л. 1—62 об.

Московская копия состоит из двух частей, причем последовательность изложения в целом совпадает: сначала идет «Описание древних городов и укреплений, следы коих видны близ Керчи, на городской земле» (Новый маяк, Парфенион, Еникале; Мирмекий, Змеинный городок; Пантикапей, гора Митридат, Керчь; Золотой курган; Павловская батарея, развалины Нимфея), затем «Развалины, встречающиеся вне городской земли города Керчи» (Камыш-Бурун и Кара-Бурун; Кермеш-Келечик, дворец боспорских царей). Первоначально я предполагала, что копия была снята именно с одесской рукописи и, видимо, с разрешения Н. Н. Мурзакевича, хотя вполне возможно, что Уваров приказал скопировать ее в Керчи у каких-либо родственников или друзей Дюбрюкса.³⁵⁵ Второе предположение ближе к истине, так как в московской рукописи отсутствуют описания, помещенные в конце второй части сочинения, — руин у д. Куурдак, «Акры», горы Опук, следов «Китея» и Европейского Киммерика, описание акрополя и главной возвышенности восточного холма г. Опук, развалин западного Киммерика, примечания.

Всякий археолог-античник, пользовавшийся опубликованным переводом А. Г. Дюбрюкса, понимает неполноту, неадекватность и неточность переложения на русский язык топографических описаний Павла Дюбрюкса. Переводчик, не имевший специальной археологической подготовки и плохо знакомый с топографией Восточного Крыма, во многих местах фактически исказил смысл труда деда. Он произвольно сократил текст оригинала, опустил непонятые им места, почти везде снял цифровые обозначения, соотносившиеся с планами. А. Г. Дюбрюксом или редактором перевода (Н. Н. Мурзакевичем?), вероятно с целью сокращения объема публикации, были опущены пассажи, касающиеся свидетельств жизни и археологических работ автора, его взаимоотношений с коллегами (Е. Е. Кёлер, И. П. Бларамберг, И. А. Стемпковский и др.), важные для характеристики личности Дюбрюкса и его современников, детали быта обитателей Керчи и Еникале в первой трети XIX в. и т. п. Впервые это обстоятельство отметил еще в 1927 г. профессор Одесского института народного образования и директор Одесского государственного археологического музея С. С. Дложевский, сравнивший текст рукописи, хранившейся тогда в рукописном отделе музея, с публикацией. Так, на с. 5 в опубликованном переводе после слов «планы древних городов Боспора» опущено 28 строк оригинала, на с. 27 после слов «моими трудами» опущено 14 строк, и т. д.³⁵⁶

Располагая ксеро- и фотокопиями нескольких рукописей Дюбрюкса и цветными слайдами его планов, копиями черновых набросков, часть из которых остается до сих пор неопубликованной, я пришла к выводу о необходимости полной реконструкции *всех без исключения текстов* Дюбрюкса 1810—1830-х гг. по архивным рукописям, хранящимся в Москве, Киеве, Петербурге и Париже, для их соответствующего комментированного издания параллельно на французском и русском языках. Необходимо заново издать полевые отчеты о раскопках 1816—1818 гг., «Описание развалин и следов...», рапорт о раскопках Куль-Обы, мелкие заметки Дюбрюкса по различным археологическим вопросам, включая все позднейшие авторские добавления. Для реконструкции и выяснения истории авторского текста следует провести колляцию всех дошедших до нас рукописей, а также заметок, опубликованных в «Journal d'Odessa», причем в русских переводах отразить купюры опубликованных работ Дюбрюкса. В планируемом издании комментарии должны включать текстологические, исторические, археологические и топографические пояснения. Я совершенно убеждена, что комментирование перевода Дюбрюкса должно осуществляться совместными усилиями французских и русских ученых различных специальностей. Среди них ведущую роль должны играть археологи, хорошо знакомые с памятниками и топографией Восточного Крыма, проводящие раскопки Пантикапея, Мирмекия, Порфмия, Илурата, Китея и др., т. е. тех, кто знает планировку этих городищ, как никто другой. Можно с уверенностью сказать, что новое издание труда Дюбрюкса введет в научный оборот материалы первостепенной важности для специалистов по античной археологии Европейского Боспора. Не дожидаясь подготовки полного комментированного издания наследия Дюбрюкса я решила опубликовать в этой книге планы и чертежи, которые в течение 170 лет безуспешно пытались отыскать в архивах несколько поколений археологов.

³⁵⁵ Тункина И. В. А. С. Уваров и древности Южной России (конец 1840-х—начало 1850-х гг.) // Погибшие святые: Охраняется государством: 4-я российская науч.-практ. конф. СПб., 1996. Ч. 1. С. 163—181.

³⁵⁶ Дложевский С. С. Де кілька невиданих місць з рукопису Павла Дюбрюкса // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1 (58). С. 67—68.

Но вернемся к раскопкам Д. В. Карейши и А. Б. Ашика 1830-х гг. После смерти И. А. Степановского пост градоначальника до 1848 г. занимал полковник, затем генерал-майор князь Захарий (Захария) Семенович Херхеулидзе (в документах того времени — Херхеулидзе),³⁵⁷ продолживший добрые дела Ивана Алексеевича по благоустройству Керчи. Стремясь соответствовать предшественнику, князь по мере своих возможностей покровительствовал керченским археологам, которые представляли ему отчеты о раскопках для последующего представления в Кабинет императора.

В 1831—1832 гг. Д. В. Карейша исследовал Хрониевский курган, составил описания и обмерные чертежи замечательных памятников европейской части Боспора — Золотого кургана³⁵⁸ и риспного склепа пигмеев (рис. 67).³⁵⁹ Если первые его отчеты снабжались рисунками находок и планами гробниц, то с годами, на мой взгляд, их научная информативность все более и более снижалась. Стиль мышления Д. В. Карейши и методика его полевых работ сложились под влиянием определенного «социального заказа» — Министерство Имп. двора совершенно не интересовало конкретный археологический контекст находок. Николай I требовал доставки в Петербург лишь золотых вещей и высокохудожественных памятников античного искусства. Вещи присылались в Петербург согласно реестрам, составленным по материалам, из которых они были выполнены (золото, серебро, бронза, железо, терракота, стекло и т. п.); «непристойные» артефакты по приказу императора высылались отдельной посылкой. Очень часто на рапортах о раскопках записана воля Николая I — «назначено было прислать одни золотые и серебряные вещи». Остальные находки оставались на хранении в Керченском музее, что привело в конечном итоге к разединению объектов из одних археологических комплексов и их депаспортизации.³⁶⁰ Показательна оценка рапортов Карейши М. И. Ростовцевым: «Очень обстоятельны и добросовестны отчеты Карейши, хотя в них часто проглядывают — особенно в рисунках — техническая и научная беспомощность этого симпатичного и увлеченного своей деятельностью человека».³⁶¹ От себя добавлю, что отчеты Д. В. Карейши с марта 1831 г. иллюстрировались как им самим, так и рисунками с натуры А. М. Стефанского, ученика И. К. Айвазовского, бывшего в 1837—1843 гг. художником Керченского музея.

Приход А. Б. Ашика на должность директора Керченского музея (см. гл. 4.5) знаменует собой новый этап в его истории, связанный с проведением широкомасштабных археологических исследований на Керченском полуострове, Тамани и в Херсонесе. На словах Ашик осуждал поиски с целью «искания в курганах золота» и писал, что «открытие древностей приобретает особую важность тогда, когда извлеченные из недр земли вещи ведут нас к истолкованию какой-нибудь исторической истины или когда служат они достоверным свидетельством относительно религии и правления, наук и художеств, деяний и нравов давно утративших времен, иначе археология не имела бы никакой цены».³⁶² В действительности раскопки велись без определенного плана, одновременно в нескольких местах. Под влиянием П. А. Дюбрюкса³⁶³ и на основании собственного полевого опыта, к 1835 г. А. Б. Ашик понял необходимость копать курганы не шурфами или минами, а на снос, до материка. Отчеты А. Б. Ашика, написанные в духе археологических трудов своего времени, более наукообразны, наполнены попытками интерпретации и различными историческими рассуждениями по поводу найденных древностей, часто снабжены рисунками вещей. По оценке М. И. Ростовцева, в отличие от рапортов Карейши они «более поверхностны», так как в них Ашик «старался блеснуть своею призрачною ученостью; их... скрапивают иногда очень хорошие рисунки его помощника, скульптора и рисовальщика при Керченском музее древностей Бегичева, фактически про-

³⁵⁷ «Незабвенный для Керчи» З. С. Херхеулидзе скончался 2 апреля 1856 г., похоронен в Симферополе на Старом кладбище. См.: Русский провинциальный некрополь: Картоотека Н. П. Чулкова из собрания Государственного литературного музея // Река времен. М., 1996. Кн. 4. С. 404. См. о нем: Боровкова В. Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. С. 23—27.

³⁵⁸ Гайдукевич В. Ф. Боспорские погребальные склепы с уступчатым покрытием // Боспорские города. Л., 1981. С. 6—12.

³⁵⁹ АДЖЮР. Текст. С. 137—149.

³⁶⁰ АГЭ, ф. 1, оп. I-1838, д. 31: о раскопках Карейши в Керчи в 1838—1841 гг.; оп. I-1842, д. 14: письма Карейши к Жилу за 1842, 1843, 1845 гг. 17 л.

³⁶¹ АДЖЮР. Текст. С. 7.

³⁶² Люценко Е. Е. Ашик и Карейша // ИТУАК. 1907. № 40. С. 64.

³⁶³ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 93 об.

водящего раскопки ввиду постоянного отсутствия Ашика в 40-х годах.³⁶⁴ В 1830-х гг. А. Б. Ашиком были открыты Царский курган (1833, 1836—1837, рис. 68),³⁶⁵ два мраморных саркофага в кургане с крепидой на Змеином мысу (акрополь Мирмекия, 1834),³⁶⁶ погребение воина близ шоссе, ведущего в Новый Карантин под Керчью (1834, рис. 69, 70),³⁶⁷ уникальное погребение с золотой маской, первоначально атрибутированное раскопщиком как гробница супруги Рискунориды IV начала III в. н. э., а впоследствии как погребение «супруги Рискунориды III, царствовавшего по 229 г. н. э.» (1837),³⁶⁸ склеп на земле Мирзы Кекуватского (1839, рис. 71) и множество других памятников в окрестностях Керчи.³⁶⁹ Как следует из отчетов Ашика и Карейши, они зачастую проводили раскопки на собственный счет, правда, задним числом их расходы покрывались либо за счет средств Кабинета императора, либо из суммы, выделяемой новороссийским генерал-губернатором.

Строительные работы в Керчи использовались официальными археологами как способ для удешевления раскопок. В октябре—ноябре 1834 г. началась прокладка дороги от шоссе Керчь—Еникале к Новому Карантину, проходившая между курганными группами (рис. 72). Подрядчиком выступил Аморетти, а надзор за работами был возложен на А. Б. Ашика. Аморетти просил разрешения брать землю для «уравнения плоскости отделяемой им дороги» из близлежащих курганов, на что получил разрешение Ашика с оговоркой, что «при малейшем признаке гробницы» он обязан остановить работы и сообщить об этом директору музея. В одном из курганов Аморетти нашел гробницу, о чем не уведомил начальство, самовольно и тайно вскрыл ее, а золотые вещи оставил себе, и заявил Ашику, что ничего не нашел, кроме «бронзового венка». Но вскоре рабочие Замостского егерского полка пришли к Ашику требовать награду за найденное золото, и обман Аморетти раскрылся. Градоначальник З. С. Херхеулидзе поручил коллежскому советнику Трегубову провести расследование, которое оказалось безрезультатным.³⁷⁰

Ф. Дюбуа де Монпьер с сожалением описывает обычную в то время практику обращения с ценными археологическими находками. Осенью 1832 г. проводились раскопки во время объезда гр. М. С. Воронцовым подвластных ему земель. В присутствии генерал-губернатора было вскрыто погребение с целыми краснофигурными сосудами. Сопровождавшие графа дамы получили разрешение выбрать себе по вазе на память. Дюбуа де Монпьер осматривал у жены таврического губернатора А. И. Казначеева вазу, которая могла стать украшением Керченского музея.³⁷¹ При посещении Николаем I Керчи 24—25 сентября 1837 г. еще не отправленные к тому времени в Петербург находки из погребения с золотой маской (открыто не ранее 6 апреля 1837 г.) императору представлял градоначальник З. С. Херхеулидзе, а на серебряном блюде из «гробницы царицы Рискунорис» гражданами города «поднесены были его величеству хлеб-

³⁶⁴ АДЖЮР. Текст. С. 7.

³⁶⁵ Гайдукевич В. Ф. Боспорские погребальные склепы... С. 6—25.

³⁶⁶ Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926. С. 11—12; РА ИИМК, ф. 6, оп. 1, д. 38, л. 6—9.

³⁶⁷ Визградов Ю. А. О погребении воина у харантинного шоссе под Керчью // *Stratum plus* + Петербургский археологический вестник. СПб.: Кишинев, 1997. С. 72—80. Отчеты Ашика и рисунки находок см.: РА ИИМК, ф. 63, д. 5, л. 36—39 об.; копия рапорта директора музея керчь-еникальскому градоначальнику от 12 декабря 1834 г., № 140; подлинный рапорт с рисунками гробницы и находок см.: АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19; копии рапорта и рисунков сохранились в архиве А. Н. Оленина: РА ИИМК, ф. 7, д. 11, л. 205 сл., 250—250 об.

³⁶⁸ РА ИИМК, ф. 63, д. 5, л. 52—55 об.; рапорт о раскопках Ашика керчь-еникальскому градоначальнику № 25, от 6 апреля 1837 г. Перечень находок из погребения, хранившихся в Керченском музее, см.: АГЭ, ф. 1, оп. I-1848, д. 35, л. 14 об. (№ 32), 22 (№ 70—71), 25 об.—26 (№ 9) и др. Инвентарь вещей, хранившихся в Эрмитаже, см.: Там же, оп. VI-EI, № 1, ч. 2, л. 1—6; № 13, р. 75; № 15, и др. Анализ комплекса см.: Шаров О. В. 1) Погребения сарматской знати на Боспоре // Боспорское царство как историко-культурный феномен: Матер. науч. конф., декабрь 1998 г. СПб., 1998. С. 12—14; 2) Блюда царя Рискунориды из погребения с Золотой маской // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства: Матер. Междунар. науч. конф. СПб., 2001. Ч. 1. С. 181—185.

³⁶⁹ АГЭ, ф. 1, оп. I-1837, д. 21: О раскопках Ашика в Керчи в 837—1842 гг.; оп. I-1838, д. 9, ч. 1: О керченских древностях, посетивших в Эрмитаж и о награждении Ашика, Карейши и художника Терещенева (находки 1838—1845 гг., с реставрацией). 126 л.; ч. 2: Рапорты Ашика за 1837—1842 гг. 45 л.; оп. I-1839, д. 30: О древностях, находимых в окрестностях Керчи и доставляемых в Петербург и о разыскании таковых же на Таманском полуострове. 502 л.

³⁷⁰ РА ИИМК, ф. 7, д. 11, л. 125—125 об.

³⁷¹ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 5. P. 153.

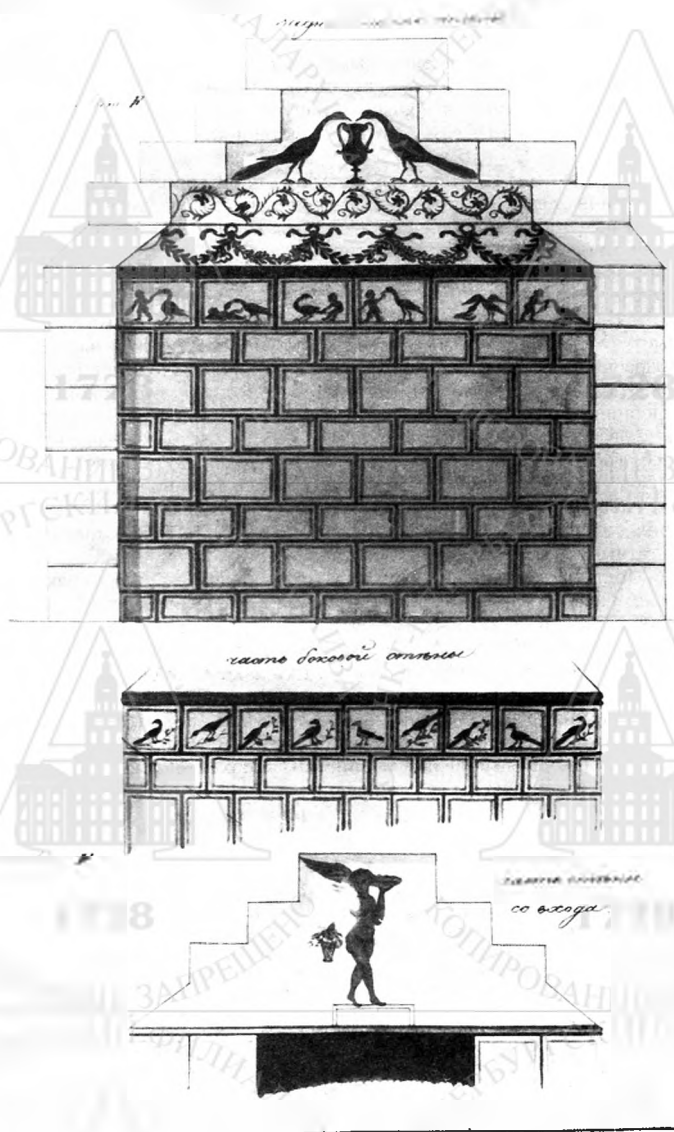

Рис. 67. Иллюстрации к отчету о раскопках Д. В. Карейши 1832 г. близ Керчи: фрагменты росписи склепа пигмеев (АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, л. 19, л. 289).

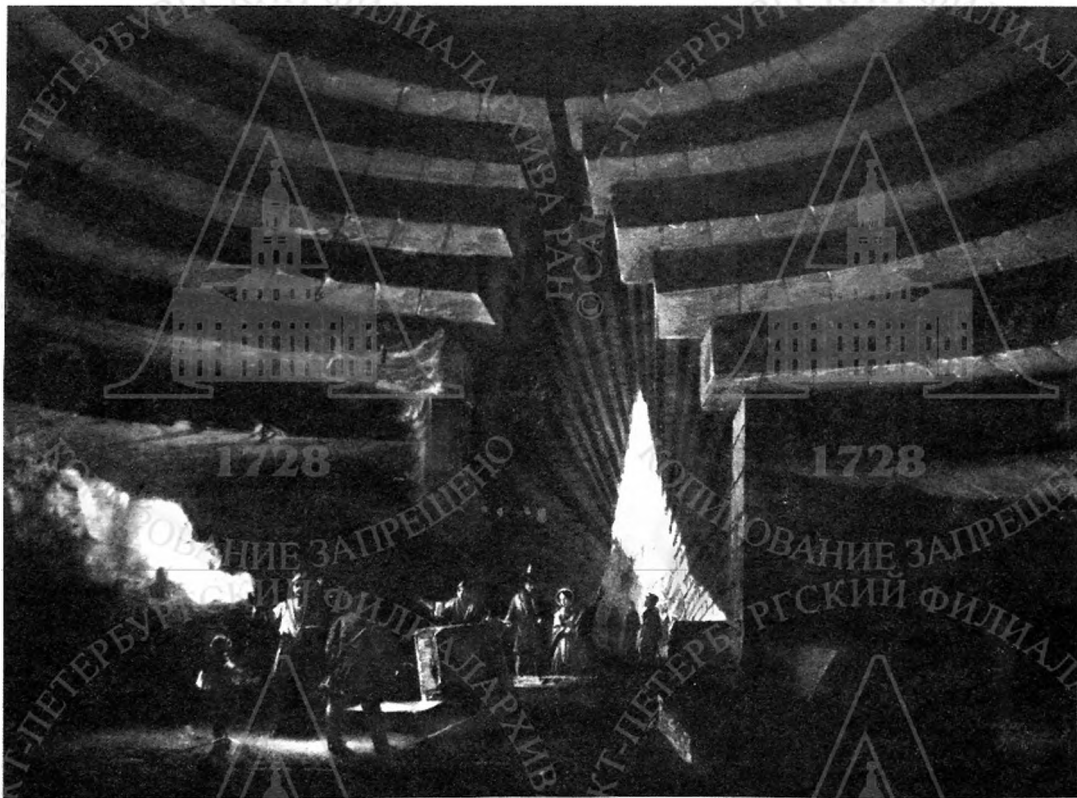

Рис. 68. Склеп и дромос Царского кургана близ Керчи. С цветной литографии Карло Боссолли из альбома «The Beautiful Scenery Chief Places of Interest Throughout the Crimea from Paintings by Carlo Bossoli» (London, 1856).

соль».³⁷² Ашик провел для царя двухчасовую экскурсию по музею: император собственноручно вручил наследнику престола найденную «золотую вазу, украшенную драгоценными камнями, для доставления государыне императрице» из того же комплекса (хранится в Золотой кладовой Эрмитажа).³⁷³

Вероятно, по просьбе А. Б. Ашика в 1834—1835 гг. топограф Симферопольской межевой комиссии Литвиненко занимался съемкой на план курганов, лежащих на городской земле Керчи в масштабе 100 саженей в 1 английском дюйме (1:8400), т. е. в обычном масштабе карт генерального межевания. Эти работы проводились при содействии председателя Симферопольской межевой комиссии и керчь-еникальского градоначальника З. С. Херхеулидзева.³⁷⁴ «Топографическая карта окрестностей Керчи, снятая в 1835 г. с обозначением на оной древних курганов...» съемки топографа 2-го класса Литвиненко до сих пор хранится в Керченском музее, а ее копия, снятая Карейшей для Ф. А. Жилия «с означением на русском и французском языках местностей, упоминаемых в рапортах об исследованиях древностей и которые большей частью не находятся ни на одной карте, изданной для Крыма»,³⁷⁵ — в архиве Государственного Эрмитажа.³⁷⁶ На ней цветом выделены раскопанные к тому времени насыпи.

³⁷² Ашик А. Б. Часы досуга, с присовокуплением писем о керченских древностях. Одесса, 1850. С. V, 137—148.

³⁷³ РА ИИМК, ф. 63, д. 5, л. 90 об.

³⁷⁴ АВ СПбФ ИРИ, ф. 52, оп. 1, д. 82, л. 3.

³⁷⁵ АГЭ, ф. 1, оп. 1-1843, д. 26, л. 179.

³⁷⁶ КГИКЗ, КМТИ-2475; АГЭ, ф. 1, оп. VI-M, д. 27/9 (на франц. яз.).

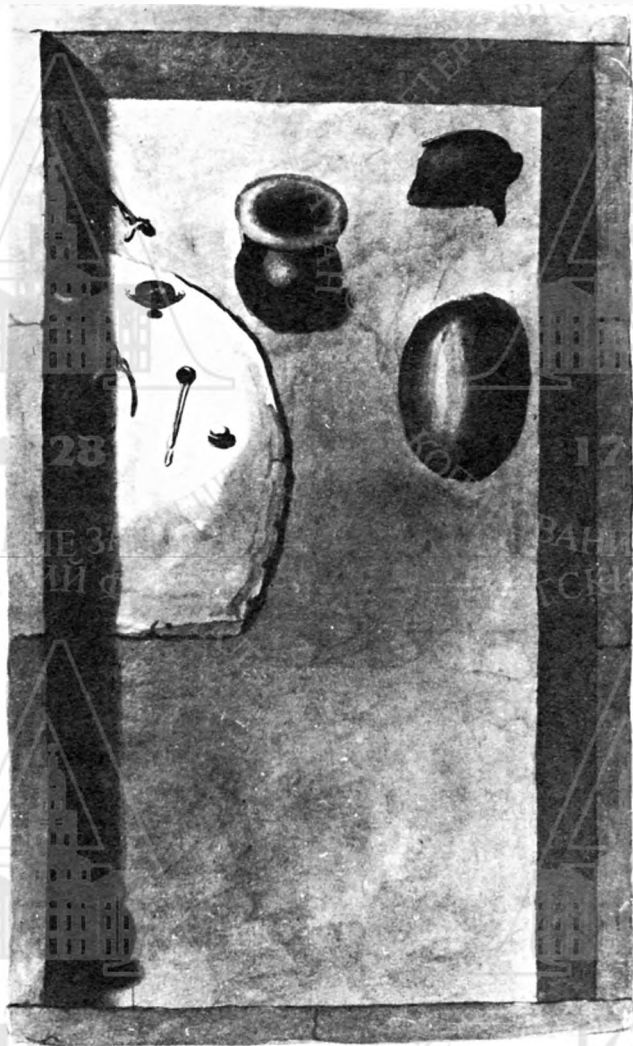

Рис. 69. Иллюстрация к отчету А. Б. Ашика о раскопках близ Керчи в 1834 г.: погребение воина близ шоссе, ведущего в Новый Карантин под Керчью (АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19. Публ. впервые).

В раскопках Ашика и Карейши принимали участие от 25 до 50 «артельщиков», которые с годами приобрели огромный опыт полевой работы. Постоянными участниками и руководителями землекопов в ходе раскопок были отставной унтер-офицер Дмитрий Семенов, керченские мещане Василий Сопин, Алексей Белый, Михаил Щербина, Кирилл Лонский и др.³⁷⁷ П. Сабатье писал, что Д. Семенов имел славу «гадателя» в искусстве раскопок и сам наблюдал, как последний по «признакам почвы» предсказывал появление могилы.³⁷⁸ Зачастую артельщики отказывались работать вдали от города, «где затруднительно доставать продовольствие», и начатые курганы бросались недокопанными.³⁷⁹

³⁷⁷ РА ИИМК, ф. 63, д. 5, л. 22, 98.

³⁷⁸ Сабатье П. Керчь и Воспор. С. 14—15.

³⁷⁹ РА ИИМК, ф. 63, д. 5, л. 110 об.

Рис. 70. Иллюстрация к отчету А. Б. Ашика о раскопках близ Керчи в 1834 г.: погребение воина близ шоссе, ведущего в Новый Карантин под Керчью (АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19. Публ. впервые).

Уже с первого сезона раскопок у директора музея (1833) начались недоразумения с Д. В. Карейшей по поводу раздела территории. Там, где А. Б. Ашик бросал раскопки, наткнувшись на след грабительского лаза, Д. В. Карейша находил богатые погребения, и наоборот, причем Карейша, после трех лет «малоуспешных» раскопок (с 1831 г.), заслужил славу более счастливого археолога. Охватившая Ашика и Карейшу «золотая лихорадка» постепенно переросла в соперничество и прямую вражду, а вместо взаимопомощи возникла конкуренция

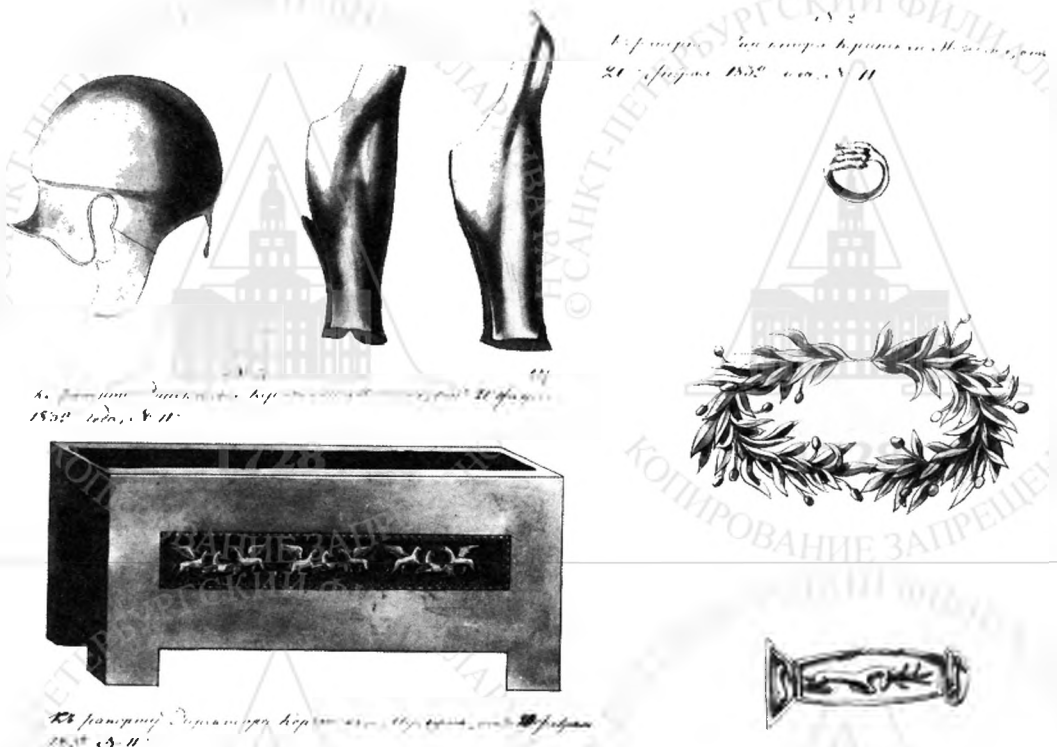

Рис. 71. Иллюстрации к отчету А. Б. Ашика о раскопках близ Керчи в 1839 г.: находки из мужского погребения в склепе на земле Мирзы Кекуватского (РА ИИМК, ф. 7, д. 11, л. 289—291. Публ. впервые).

между двумя официальными кладоискателями, следствием чего стало уничтожение огромного числа беспорядочно раскопанных ими курганов. Обоих чиновников роднила только подлинная страсть к раскопкам. Показательны критические замечания Дюбрюкса о методическом уровне работ И. П. Бларамберга, А. Б. Ашика и Д. В. Карейши. Он подчеркивал необходимость «тщательности и неторопливости при проведении раскопок», иллюстрируя это конкретными примерами. Так, в оставленном И. П. Бларамбергом кургане Дюбрюкс, сняв всего лишь аршин земли (0.711 м), открыл трупосожжение в урне. Ознакомившись с раскопками Карейши в 1834 г., он «обнаружил ту же ошибку, что и у г-на Бларамберга: раскопки не ведутся до материка и курганы раскапываются без всякой системы и отбора. Краткое описание находок Ашика и Карейши в октябре—ноябре 1834 г. Дюбрюкс резюмирует так: «Единственный упрек, который можно сделать гг. Карейше и Ашику, что когда, казалось бы, сама фортуна направляла их раскопки в этом году, они не составили точного описания расположения предметов в погребениях, формы погребений, как размещены останки... и т. д., короче, всех обстоятельств, которые могут навести на выводы и дать какое-то представление о времени и обычаях... древних народов».³⁸⁰

Вина за процветание подобной методики раскопок во многом падает на петербургских ученых, непосредственно изучавших как отчеты Ашика и Карейши, так и сами находки, пересылаемые в столицу, так как с началом систематических археологических исследований в Керчи и на Тамани (с марта 1831 г. по март 1843 г.) все письменные отчеты Д. В. Карейши и А. Б. Ашика обязательно передавались на заключение не только Е. Е. Кёлеру, но и А. Н. Оле-

³⁸⁰ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 93—94, 338 об.

Рис. 72. Панорама Керчи с набережной: вид на новое здание музея, гору Митридат с часовней Стемповского. С цветной литографии Карло Боссоли из альбома «The Beautiful Scenery Chief Places of Interest Throughout the Crimea from Paintings by Carlo Bossoli» (London, 1856).

нину.³⁸¹ В 1833 г. у последнего возникла мысль составить инструкцию для улучшения методики полевых исследований в Новороссии, для «методического сколько можно производства... поисков, с указанием на предметы, требующие особого при сем деле внимания и осторожности, а именно при открытии вещей, угрожающих мгновенным разрушением, которые... должны быть немедленно срисованы на месте, с самою строгою точностью, отчетом и поспешностью».³⁸² К сожалению, это благое намерение так и не было претворено в жизнь из-за многочисленных служебных обязанностей, которые занимали почти все время А. Н. Оленина. Научой ему приходилось заниматься лишь урывками, поэтому так много задуманных, но недописанных исследований осталось в его бумагах. Среди них и уже упомянутый труд о керченских и фанагорийских древностях, планируемый к изданию еще в 1833 г. Находки из раскопок А. Б. Ашика и Д. В. Карейши ежегодно давали новую информацию о жизни древних обитателей Боспора. Свой труд А. Н. Оленин хотел дополнить «исправленными» чертежами Д. В. Карейши, и, возможно, в качестве приложения опубликовать отчеты о раскопках в Керчи и на Тамани, но этот замысел остался неосуществленным. Показательно, что в 1840 г. Карейша сам планировал издать книгу «о разысканиях босфорских древностей», иллюстрированную рисунками древностей из его раскопок, хранившихся в Эрмитаже.³⁸³ Из рапортов, отправляемых Карейшей в Кабинет императора, петербургские чиновники составляли статьи о раскопках, анонимно публиковавшиеся на страницах «Журнала Министерства внутренних дел» и «Журнала Министерства народного просвещения».

³⁸¹ Латышев В. В. К истории археологических исследований в Южной России: Из переписки А. Н. Оленина. С. 61—115; Созинова С. Ф. Общественная и научная деятельность Алексея Николаевича Оленина // Государство, политика и идеология в античном мире: Межвуз. сб. СПб., 1990. С. 188. См., например, замечания Оленина от 12 марта 1832 г. об отчете Карейши за 1831 г.: АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 68—69.

³⁸² РА ИИМК, ф. 7, оп. 1, д. 11, л. 120 об.

³⁸³ Там же, ф. 63, д. 5, л. 168 об.

Линь с 1838 г. началась частная переписка между А. Н. Олениным и А. Б. Ашиком по научным вопросам. Цель археологических исследований в Новороссии А. Н. Оленин видел в том, чтобы показать «просвещенной Европе, какими разнородными богатствами Россия изобилует — даже и в изящных произведениях искусства древних греков!».³⁸⁴ Касаясь содержания отчетов о раскопках, А. Н. Оленин просил А. Б. Ашика при открытии гробниц «означать одними очерками места, где на остовах покойников или подле оных находились... вещи... и в каком порядке все сии предметы были расставлены», показывать «очерком» способ построения склепов «с лицевой их стороны и в разрезе» (1838).³⁸⁵ Многословные, изобилующие наукообразными отступлениями полевые отчеты А. Б. Ашика он хвалил за «осторожные», «основательные» и «скромные» замечания. «Этот молодой человек, — писал А. Н. Оленин, — может далеко идти по сей части, если не возмечтает, что он всеведущ, как то иногда думают многие из недоученных наших соотечественников!».³⁸⁶

О Д. В. Карейше А. Н. Оленин заметил, что археологу «недостает некоторых вспомогательных сведений, как-то общих понятий о зодческом и строительном искусстве, также достаточного умения рисовать». Вместе с тем, по его мнению, в помощь раскопщику в Керчь все же необходимо отправить двух-трех питомцев Академии художеств или учеников Московского дворцового архитектурного училища под руководством Ф. Г. Солнцева для «рисования по части археологической».³⁸⁷ Однако художники из Петербурга и Москвы в Керчи так и не появились.

Регулярные письменные и личные контакты со столичными учеными и хранителями императорского собрания льстили самолюбию керченских археологов. В 1838 г. Карейша принес в дар Эрмитажу свое собрание из 107 боспорских монет.³⁸⁸ Понимая недостаточность своих познаний в классических древностях, А. Б. Ашик интенсивно занялся самообразованием. Он стремился наладить контакты с мэтрами отечественной и мировой археологической науки. Своими друзьями и учителями керченский антикварий считал Д. Рауль-Рошетта в Париже и Э. Герхарда в Берлине.³⁸⁹ Так, в сентябре 1836 г. Ашик сообщал министру внутренних дел Д. Н. Блудову, что Д. Рауль-Рошетт, директор Королевского кабинета древностей в Париже, просил предоставить ему сведения об античной декоративной живописи, которые вскоре были опубликованы в монографии «*Peintures antiques inédites*» (Paris, 1836. P. 444, 452). Не довольствуясь этим, Рауль-Рошетт просил Ашика предоставлять ему сведения об античных памятниках Боспора, суля за это ходатайствовать об избрании Ашика членом-корреспондентом Парижской Академии надписей и изящной словесности. Ашик просил разрешения начальства, можно ли ему выполнить просьбу французского коллеги и принять почетное звание. На заседании Кабинета министров Д. Н. Блудов предложил решить вопрос положительно, но с оговоркой — информацию предоставлять сначала М. С. Воронцову для доставления в МВД «на предварительное рассмотрение», чтобы министерство имело возможность «судить о важности сих сведений и помещать любопытнейшие из них в своем журнале и сообщать Академии наук». Предложение было принято комитетом и утверждено Николаем I.³⁹⁰

Поступавшие в Петербург керченские древности вплоть до открытия публичного музея хранились в Мальмезонской комнате и Овальном кабинете Эрмитажа.³⁹¹ С разрешения императора осенью 1836 г. пробиреры Петербургского монетного двора и лаборатории Департамента горных и соляных дел взяли пробы для установления качества и места производства «могильного» золота. «Редкие и богатые древности из золота, найденные около Керчи и хра-

³⁸⁴ РО ИРЛИ, ф. 615 (Ашик А. Б.), оп. 1, д. 19, л. 1 об.—2.

³⁸⁵ Оленин А. Н. Письма к А. Б. Ашику / Публ. М. И. Семевского // ИРАО. 1877. Т. 8. С. 553—554.

³⁸⁶ РА ИИМК, ф. 7, оп. 1, д. 11, л. 168—168 об.

³⁸⁷ Там же, л. 120 об., 150.

³⁸⁸ АГЭ, ф. 1, оп. I-1838, л. 10, 6 л.

³⁸⁹ РА ИИМК, ф. 6, д. 199, л. 3—9 об.: письмо Ашика гр. Л. А. Перовскому от 12 июня 1852 г. В фонде А. Б. Ашика из собрания журнала «Русская старина», хранящемся в РО ИРЛИ (ф. 615), сохранились 11 писем Э. Герхарда за 1848—1851 гг. (д. 8) и 8 писем Д. Рауль-Рошетта за 1846—1853 гг. (д. 22). Среди его корреспондентов конца 1840-х—середины 1850-х гг.: Адельунг, И. Арнет, Т. Байзе, А. Бёк, В. В. Ганка, А. фон Гумбольдт, Б. В. Кёне, А. М. Миллярини, Дж. Минервини, К. Рафф, П. Сабатье, И. Франц и др. Изданы лишь письма к Ашику А. Н. Оленина, Г. И. Спасского, П. И. Кёппена, А. С. Стурдзы, В. А. Жуковского, В. В. Ганки. См.: Письма к А. Б. Ашику / Публ. М. И. Семевского // ИРАО. 1877. Т. 8. С. 552—571. Отд. оттиск: СПб., 1877.

³⁹⁰ РА ИИМК, ф. 6, д. 46, л. 1—6 об.

³⁹¹ АГЭ, ф. 1, оп. I-1835, д. 1, л. 1.

нящиеся в Эрмитаже, возрождает мысль, что золото получалось от хребта Уральского, или даже Алтайского; потому желательно бы было сделать сим вещам пробы, чтоб узнать, сколько в оных чистого золота, что может привести к разным заключениям».³⁹² Таким образом, еще в первой половине XIX в. в России было положено начало первым физико-химическим анализам артефактов.

Идея создания научного общества, комитета или комиссии по организации археологических исследований на юге России, высказанная еще И. А. Стемповским и Р. А. Скасси, витала в умах, но в те годы не получила своей реализации. В бумагах известного востоковеда и археолога XIX в., барона В. Г. Тизенгаузена, занимавшегося историей российской археологии, имеются сведения, что в 1831 г. А. Н. Оленин предлагал создать общероссийский правительственный орган, ведавший археологическими раскопками в стране.³⁹³ Мне удалось найти более поздние документы, относящиеся к весне 1835 г., подтверждающие этот факт. По замыслу А. Н. Оленина, Археологическая комиссия, Попечительный комитет или Главное управление изыскания древностей в России необходимо организовать с целью «правительственного... производства археологических поисков, для надлежащего и столь нужного для истории наблюдений нравов и обычаев народов, населяющих Россию; для систематического и осторожного производства работ при открытии древностей и для разрешения встречающихся недоумений по части археологической». Обращает на себя внимание широкий спектр задач комиссии, включающий не только археологическое, но и этнографическое изучение России. Правда, территориально он предлагал ограничить ее деятельность только южными районами страны. По проекту А. Н. Оленина, попечительство должно было стать прежде всего научным учреждением, объединившим лучших ученых Петербургской Академии наук в лице Х. Д. Френа, Е. Е. Келера, Х. Ф. Грефе, Ф. И. Круга, А. М. Шегрена, Я. И. Шмидта, т. е. людей, «знающих и любящих трудные, скучные и часто неблагодарные археологические исследования.., а может быть со временем и наших собственных соотечичей».

Среди главных задач комиссии — разведка древностей в Крыму, на Кавказе и прилегающих землях; систематизация и описание памятников, их издание; выработка инструкции «для правильных поисков... по части археологической и исторической»; сосредоточение всех денежных средств, отпускаемых на раскопки; руководство и контроль за работой «исполнителей» на местах; представление полевых отчетов. А. Н. Оленин полагал, что так как А. Б. Ашик и Д. В. Карейша не имели специальной археологической подготовки, то они все равно не получат «желательного полного успеха» в своих работах. Полевым исследователям необходимо содействие художника для зарисовки древностей и составления планов, формовщика для снятия слепков с находок. Одна лишь инструкция раскопщикам, по мнению автора, не может решить всех проблем, поэтому необходимо найти «досужих людей для выполнения преподаваемых в той инструкции правил» и создать специальную Археологическую комиссию.³⁹⁴

Мысли о необходимости создания попечительства над изысканием древностей в России были изложены А. Н. Олениным в письме к министру Имп. двора кн. П. М. Волконскому, который откликнулся на предложение риторическим вопросом, «в чем будут состоять издержки» по учреждению комитета и «до какой суммы могут оные простираются?».³⁹⁵ Однако дело этим и ограничилось — ходатайство А. Н. Оленина не встретило поддержки в правительственных кругах и проект остался не реализован.

Предложение А. Н. Оленина на два десятилетия опередило свое время. Лишь в 1852 г. все археологические раскопки были подчинены министру внутренних дел графу Л. А. Перовскому, после его смерти отданы в ведение Строгановской комиссии, а в 1859 г. — Имп. Археологической комиссии при Министерстве Имп. двора, государственному учреждению, созданному с целью организации раскопок, сбора сведений о памятниках и научного их изучения (гл. 5).³⁹⁶

³⁹² Там же, д. 2, л. 15—18 об.

³⁹³ АВ СПбФ ИВ, ф. 52, оп. 1, д. 11, л. 3.

³⁹⁴ РА ИИМК, ф. 7, оп. 1, д. 11, л. 150—151, 153—154 об.

³⁹⁵ Там же, л. 155.

³⁹⁶ Пескарева К. М., Рябинин Е. А. Первое государственное учреждение отечественной археологии: (К 125-летию создания Археологической комиссии) // СА. 1984. № 4. С. 299—300.

ГЛАВА 4

СОЗДАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ НА ЮГЕ РОССИИ (1803—1838)

4.1. КАБИНЕТ РЕДКОСТЕЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ДЕПО КАРТ— ЧЕРНОМОРСКОЙ ШТУРМАНСКОЙ РОТЫ

Первым государственным хранилищем археологических памятников в Северном Причерноморье стал Кабинет редкостей Черноморского депо карт в Николаеве.¹ Почти во всех публикациях, так или иначе затрагивающих историю археологических исследований в Новорос-сии, как дата его создания ошибочно называются 1806² или 1809³ гг.

Николаев — военно-морской и портовый город Херсонской губернии (ныне областной центр Украины), на левом берегу р. Ингул при впадении его в р. Южный Буг, был основан в 1784 г. как укрепленный пункт, а свое название получил в 1789 г. в память взятия русскими войсками Очакова 6 декабря 1789 г. В 1794 г. сюда из Херсона было переведено главное управление Черноморского флота и портов. В 1802 г. город стал губернским, но в Николаеве не оказалось «помещений для присутственных мест», поэтому губерния была открыта в Херсоне, а в Николаеве осталось административное руководство флотом, в том числе резиденция главного командира.

Депо карт в Николаеве было образовано в 1803 г. главным командиром Черноморского флота и портов маркизом И. И. де Траверсе из временной чертежной при Черноморском правлении с целью производства морской съемки в Черном и Азовском морях.⁴ Сотрудники депо занимались составлением гидрографических карт, метеорологическими наблюдениями, составлением планов и чертежей кораблей и зданий, принадлежавших морскому ведомству, хранением инструментов и моделей, а также вопросами истории Черноморского флота. Первоначально одна, позднее три тысячи рублей ежегодно отпускалось на покупку необходимых книг, инструментов, редкостей и другие расходы.⁵

¹ Тункина И. В. 1) Кабинет редкостей Черноморского депо карт // Проблемы исследований античных городов: Тез. М., 1989. С. 117—119; 2) Кабинет редкостей Черноморского депо карт // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. С. 9—24. Вызывает недоумение бездоказательное утверждение В. Н. Даниленко, что первым музеем на юге России еще в конце XVIII в. стал Бахчисарайский дворец, а николаевское собрание не может считаться «музеем в полном смысле этого слова». См.: Даниленко В. Н. О первом музее на юге России // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. М., 1994. С. 8—19.

² Аренс Е. И. История русского флота: Царствование Александра I. СПб., 1899. С. 79; Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. 2-е изд. Киев, 1914. С. 141; Разгон А. М. Исторические музеи в России (с начала XVIII в. до 1861 г.) // ОИМД. М., 1963. Вып. 5. С. 238—239; Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 92.

³ Бертье-Делагард А. Л. Древности Южной России: Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. № 12. С. 8. Примеч. 3; История коллекции // Античная скульптура Херсонеса / Общ. ред. С. Н. Бибикова. Киев, 1976. С. 10.

⁴ Материалы для истории русского флота. СПб., 1904. Ч. 17. С. 304—305; История городов и сел УССР: Николаевская область. Киев, 1981. С. 81.

⁵ Свинын П. П. Обзорение путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 г., относительно археологии // ОЗ. 1826. Ч. 26. Кн. 75. С. 98—99.

Черноморскому флоту принадлежали земли во многих местах Северного Причерноморья, в том числе близ Николаева, Херсона, Севастополя и Керчи. При проведении хозяйственных, строительных и фортификационных работ моряки постоянно сталкивались с материальными остатками прошлых эпох. Многие офицеры, большинство из которых получили хорошее образование, понимали важность сохранения «антиков», необходимость их охраны, коллекционирования и изучения.

Инициатором создания Кабинета редкостей при депо был адмирал маркиз Жан Батист Прево Сансак (Иван Иванович) де Траверсе (de Traversay, 1754—1831),⁶ французский офицер-роялист, перешедший на русскую службу в 1791 г.

Он родился на острове Мартиника в семье, давшей Франции многих известных моряков, учился в Сарезском королевском военном училище и школе морских офицеров в Рошфоре, которую закончил в чине мичмана. Любимец французского короля Людовика XVI, Траверсе в чине лейтенанта особо отличился в годы американской Войны за независимость, а капитаном 2-го ранга встретил Великую Французскую революцию. Как роялист Ж. Б. де Траверсе приехал в Петербург в июне 1791 г. по приглашению Екатерины II, где был принят на русскую военную службу «капитаном генерал-майорского ранга», стал командиром гребного Балтийского флота и контр-адмиралом, затем командовал гребной флотилией в Роченсальме (ныне Котка, Финляндия); с 1797 г. вице-адмирал. В августе 1791 г. Екатерина II отпустила офицера во Францию для улаживания своих дел. Вероятно, во время четырехлетних скитаний по Европе Траверсе безуспешно пытался найти другое место службы. В 1795 г. он вернулся в Россию и продолжил командование галерным флотом на Балтике — вскоре самая мелководная часть Финского залива получила название Маркизова лужа. Настоящий взлет служебной карьеры де Траверсе начался при воцарении Александра I, в 1801 г. присвоившего маркизу звание полного адмирала. Недоухаживаемые административные способности пригодились Траверсе на посту главного командира Черноморского флота (1802—1809), а с 1805 г. одновременно и военного губернатора Николаева и Севастополя, так как в руках командующего была сосредоточена вся военная и гражданская власть в этих городах.⁷ Траверсе занялся переоборудованием старых и постройкой новых кораблей на Николаевской судовой верфи, впервые в России создал прообраз «морской пехоты», ввел в экипажи кораблей пехотинцев и артиллеристов, укрепил Севастопольский порт. Под его руководством был осуществлен ряд военноморских экспедиций против турок; Траверсе лично участвовал во взятии Анапы (1807). После расширения южных границ России западная часть Новороссийского края была отдана под начало другого француза, герцога Ришелье, восточная, включая Кавказ, — де Траверсе. Наполеон предложил маркизу вернуться во Францию, но получил отказ: «Россия ныне мое отечество, она сохранила меня от несчастий: я всегда должен быть благодарным и преданным ей — и трем государям, от которых я получил много милостей...». Французский консул в Одессе Мюр вспоминал, что Траверсе был «превосходным моряком, человеком со множеством идей, которые мог облечь в ясную форму, имел живой характер и был любим своими подчиненными».⁸ Один из историков Николаева писал, что «просвещенный и любимый государем деятель» имел несомненный авторитет среди жителей города, так как «постоянно словом и делом поднимал в обществе нравственные его силы, втягивал людей в заботу об общих интересах».⁹

Известный историк отечественного флота П. И. Белавенец, характеризуя личность адмирала, подчеркивал мягкость его характера, любезность, вкрадчивый ум и безукоризненное французское обращение, высоко ценимое тогдашним высшим обществом.¹⁰ Маркиз пользовался полным доверием Александра I и вскоре получил русское подданство. Лишенный аристократической спеси, де Траверсе отказался от неоднократно предлагавшегося ему графского титула. Покладистость характера, личная честность, военные и административные способности приобрели И. И. де Траверсе симпатии не только императора, но и веселливого А. А. Аракчеева, что оказало большое влияние на его служебную карьеру — в 1808 г. маркизу поручили управление Морским министерством, в 1811—1828 гг. он являлся морским министром России, в 1810 г. был назначен членом Государственного совета. Во время руководства флотом Траверсе уделял большое внимание развитию науки: им было организовано 13 плаваний к далеким берегам (экспедиции В. М. Головнина, Ф. Ф. Белингузена, братьев М. П. и Ан. П. Лазаревых, Г. С. Шишмарева, М. Н. Васильева, Ф. П. Литке, П. Ф. Анжу, Ф. П. Врангеля), плодами которых стали географические открытия, в частности открытие шестого материка земного шара — Антарктиды. Траверсе считал географические экспедиции государственным делом, способствовавшим укреплению престижа России.

При всем этом имя де Траверсе в России вскоре после смерти было забыто, а его деятельность на военноморском поприще некоторыми историками оценена как неудачная.¹¹ Оставляя задачу объективной оценки жизни

⁶ О нем см.: Крашенинников С. П. Траверсе Иван Иванович // Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1848. Ч. 12. С. 649—650; Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France. Paris, 1886. P. 147, 287, 346—347, 420; Коваленко Ю. На службе у пяти императоров: Как французский маркиз русским министром стал // Неделя. 1991. 28 янв.—3 февр. № 5. С. 10; Письма М. И. Кутузова к Ж. Б. Траверсе / Публ. В. И. Сычева, В. В. Сычевой, Т. С. Федоровой // Российский архив. М., 1995. Т. 6. С. 76—93.

⁷ Болгари П., Зоткин Н., Корниенко Д., Любчиков М., Ляхович А. Черноморский флот: Исторический очерк. М., 1967. С. 26.

⁸ Цит. по: Коваленко Ю. На службе у пяти императоров. С. 10.

⁹ Ге Н. Н. Исторический очерк столетнего существования г. Николаева при устье Ингула (1790—1890). Николаев, 1890. С. 6—8.

¹⁰ Белавенец П. И. Материалы по истории русского флота. М.; Л., 1940. С. 100.

¹¹ Там же. С. 100, 101, 108.

Траверсе в целом историкам военно-морского флота, мы пытаемся восстановить историческую справедливость и объективно осветить роль адмирала в первых попытках организации охраны археологических памятников Причерноморья, так как здесь его заслуги бесспорны.

Первым смотрителем депо в Николаеве был известный военный гидрограф конца XVIII — начала XIX в. *Иван Матвеевич Будищев*.

Приведу данные его формулярного списка: в 1787 г. поступил кадетом в Корпус чужестранных единоверцев, в 1791 г. произведен в сержанты и в знак монаршего благоволения награжден золотыми часами, в 1792 г. был в плавании в Балтийском море, в 1793 г. произведен в мичманы и переведен из Балтийского в Черноморский флот, ежегодно находился в плаваниях по Черному морю (1793—1797, 1799—1800), находился «у описи» берегов от Севастополя до р. Кубани и устья р. Днестр (1797—1799), произведен в лейтенанты (1799), командовал яхтой «Терезия» на одесском рейде (1800), требокой «Константин», плавал в Азовском и Черном морях, описал западный берег от Одессы до Константинополя и составил меркаторскую карту Черного моря (1801—1802); командуя попеременно яхтой «Твердая» и лансоном «Яков», находился при гидрографических работах в Черном море: описал р. Буг с ее порогами, образовал Депо карт Черноморского флота, за что был награжден бриллиантовым перстнем, составил «Атлас Черного моря» (СПб., 1807), и написал две части книги «Ложия, или Морской путеводитель, содержит описание фарватеров и входов в порты, заливы на Азовском, Черном море, в проливах Восточном и Византийском находящихся, с присовокуплением рассуждения о ветрах и о течениях» (СПб., 1808. Ч. 1; вторая часть осталась неизданной), за что был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, состоял смотрителем топографии и Депо карт Черноморского флота, продолжал гидрографические работы (1809—1826); произведен в капитан-лейтенанты (1810), затем в капитаны 2-го ранга (1821). В своих гидрографических работах Будищев фиксировал и археологические памятники. Так, на одной из его карт показаны развалины храма Ахилла на о-ве Фидониси (гл. 10.1).¹²

Командование Черноморского флота обратилось к морякам, чиновникам и частным лицам с просьбой содействовать пополнению Черноморского депо карт «разными предметами по части искусств, точных наук, древностей и прочего» и открыло желающим доступ в библиотеку и кабинеты депо «для распространения своих познаний». Число экспонатов Кабинета редкостей росло год от года благодаря случайным находкам древностей и пожертвованиям моряков. Наряду с картами, планами городов, чертежами и моделями кораблей, коллекциями минералов, раковин, окаменелостей, чучел животных, вещами этнографического характера, в депо стекались античные надписи, скульптура, монеты, керамика. «Антики» привозили не только из районов Северного Причерноморья — Тире, Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, Тамани, Анапы, но и собственно из Греции, прежде всего с островов Архипелага, а также из Малой Азии.

В описях Кабинета редкостей иногда указывались фамилии лиц, пожертвовавших вещи, с датой их поступления: адмирал И. И. де Траверсе (1804, монеты); жена генерал-майора Гаксова (1804, древняя «медаль, изображающая Венеру, выходящую из морской пены»; медное изображение Богоматери, «изображение на апсиде человеческих фигур с греческой надписью», вероятно, из Херсонеса); контора главного командира Черноморского флота (1805, маленькая глиняная ваза из Ольвии, медные дощечки с египетскими иероглифами); трапезундский консул Пантового («антик» из оникса с изображением головы, наклеенный на красном дереве); капитан 4-го морского полка Канторин (1807, железные латы из Пантикапея); действительный статский советник Г. В. Орлов (1809, монеты) и т. д.¹⁴

В «Ведомости общей находящимся при депо Черноморского флота... вещам» (1806) «разные древности» перечислены вместе с раковинами и окаменелостями в количестве 595 штук. К сожалению, из документа невозможно понять, какого рода и откуда привезенные памятники вошли в собрание депо. Коллекция древних и новых золотых, серебряных и медных монет уже тогда состояла из 225 экземпляров.¹⁵

Кабинет редкостей Депо карт не являлся единственным собранием археологических памятников на Черноморском флоте. Е. Е. Кёлер, посетивший Николаев в 1804 г., осмотрел в коридоре Штурманского училища шесть античных мраморов с надписями и барельефами. Он просил И. И. де Траверсе отправить памятники президенту Академии художеств графу А. С. Строганову.¹⁶ Штурманское училище было учреждено в 1798 г. с целью подготовки для

¹² См.: ОМС. СПб., 1890. Ч. 3. С. 221—222.

¹³ *Свингин П. П.* Обзорение путешествия... С. 98—99.

¹⁴ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3486, л. 70—71 об.

¹⁵ Там же, ф. 25, оп. 1, д. 8, л. 32.

¹⁶ Там же, д. 22, л. 85.

службы в Черноморском флоте штурманских офицеров и кондукторов из детей дворян.¹⁷ «Антики», как и другие «курьезные вещи», скорее всего, служили его украшением.

По указанию Е. Е. Кёлера казаки из Ахтиара (Севастополя) отправили в Николаев античный мрамор, который де Траверсе намеревался представить императору Александру I. Судя по архивным документам, адмирал всячески способствовал первой поездке Е. Е. Кёлера по Северному Причерноморью. В благодарность за внимание к своим археологическим штудиям ученый прислал И. И. де Траверсе свою «Диссертацию о памятнике царице Комосарин» (1805) в двух экземплярах, причем один из них настоятельно просил передать в библиотеку Черноморского депо карт.¹⁸

Узнав о том, что Харьковскому университету разрешено собирать археологические памятники, И. И. де Траверсе в августе 1809 г. подал рапорт министру морских сил П. В. Чичагову с обоснованием необходимости сосредоточения древностей в Черноморском депо карт (документ № 3). Александр I утвердил предложения И. И. де Траверсе и П. В. Чичагова, и морское ведомство получило право собирать антики для депо не только на своих землях, но и со всего Новороссийского края, причем Харьковскому университету предоставлялась возможность изучения надписей, хранящихся в Николаеве. Немедленно были разосланы циркуляры с приказом «все помянутые древности доставить в Керчь и Севастополь или к другим черноморским портам по удобности, а оттоль на судах в Николаев, где состоит морское депо».¹⁹

Став морским министром, И. И. де Траверсе в 1811 г. распорядился проводить ежегодные контрольные проверки фондов депо специальным чиновником с целью «обеспечения целостности всех вещей», с обязательным представлением сведений в Петербург.²⁰ В 1815 г. министр повелел выполнить рисунки с «древних и некоторых новых медалей» депо и представил 82 таких рисунка императору, который в январе 1816 г. распорядился доставить их в Миникабинет Эрмитажа в распоряжение хранителя Е. Е. Кёлера.²¹

К сожалению, мне не удалось обнаружить документов о состоянии Черноморского депо карт в годы командования Черноморским флотом вице-адмирала Н. Л. Языкова (1809—1816). Вероятно, он не уделял внимания развитию и пополнению коллекции древностей депо — архивы об этом умалчивают.

Преемником Языкова на посту главного командира флота и портов (1816—1833) был Алексей Самуилович Грейг (1775—1845). Историк русского флота П. И. Белавенец справедливо сказал о нем: «...англичанин (вернее, шотландец. — И. Т.) родом, но по пользе, принесенной России и русскому флоту, более русский, чем многие россияне».²² Энциклопедически образованный человек, почетный член Петербургской Академии наук (1822), Грейг начал энергичную деятельность по совершенствованию Черноморского флота, русского кораблестроения, развитию науки и техники.²³

В отчете о своей деятельности за первые 12 лет пребывания на посту главного командира А. С. Грейг указал 246 различных мероприятий по улучшению флота и его учреждений, в том числе по охране археологических памятников, историческую ценность которых он прекрасно осознавал.²⁴ Акад. Е. Е. Кёлер несколько раз встречался с адмиралом в Николаеве в июне 1821 г.: «Он принял меня очень любезно, — записал Кёлер в дневнике, — много рассказывал о Крыме, древних камнях [...] Адмирал велел показать мне небольшой кусок мраморной надписи из Ольвии; так как этот обломок слишком мал, текст не поддается прочтению. Кёлеру продемонстрировали также клейма на родоской амфорной ручке и плоском куске черепицы. В сопровождении генерала И. Г. Бардака Кёлер побывал в штурманской школе, ее учебных классах и библиотеке, затем в театре. В открытом проходе театра стояли мраморные надписи, в том числе надгробие Стратона (IPE, P, 229) (рис. 73) и «надпись... очевидно, привезенная

¹⁷ РГВИА, ф. ВУА, д. 19159, л. 173.

¹⁸ РГАВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 22, л. 85, 88.

¹⁹ Там же, ф. 166, оп. 1, д. 4221, л. 5—8.

²⁰ Там же, д. 4326, л. 1.

²¹ АГЭ, ф. 1, оп. 1-1816, л. 1в; д. 2, л. 1 (рисунки в делах отсутствуют).

²² Белавенец П. И. Материалы по истории русского флота. С. 96.

²³ Крючков Ю. С. Алексей Самуилович Грейг. М., 1984. С. 86.

²⁴ РГАВМФ, ф. 19, оп. 1, д. 117 б, л. 11—11 об., 14 об., 30 об.

Рис. 73. «Стратонов камень» (ИРЕ, I2, 229). Собрание Кабинета редкостей Черноморского депо карт, затем в музее ООИД, ныне в ОАМ. Карандаш (НА ОАМ, инв. № 83180, л. 13. Публ. впервые).

с Архипелага. Она представляет собой невысокий надгробный камень, на котором изображен стоящий молодой человек. Туника доходит ему до колен. Мантия наброшена на левую руку, а конец ее лежит у него на левом плече. В свешивающейся правой руке у него поводок, а на поводке сидящая собака с поднятой левой лапой. Фигура исполнена рельефно и полностью «утоплена» в углубленном фоне, тем самым выпуклые края обрамляют ее, что весьма способствовало сохранности изображения. Сверху высечена надпись: ΕΠΙΡΕΠΩΝΤΙ». В хранилище Кёлер снял копии новых и сверил по подлинникам тексты ряда надписей, виденных им еще

в 1804 г. (ПРЕ, I, 27, 48, 229, 418; КБН 61). Те же надписи издал в Париже в 1826 г. граф Видуа, путешествовавший по Причерноморью летом 1819 г.²⁵

Весной 1821 г. для строительства Николаевской обсерватории А. С. Грейг выбрал Спасский курган, расположенный западнее молодого города и являвшийся самой высокой точкой в окрестности. Акад. Кёлер не преминул заехать на курган, «недавно срытый адмиралом Грейгом, на котором он возвел обсерваторию».²⁶ Строительство обсерватории по проекту архитектора Вунша в мае 1821 г. было поручено гидротехнику фон дер Флису и закончено в 1827 г.²⁷ При планировке земли на месте строительства были найдены остатки строений, вероятно эпохи греческой колонизации края, и после очистки от песка зарисованы. Кёлер писал, что в центре кургана был «обнаружен удлиненный прямоугольник с ограждением из грубо обработанных камней, образующих четыре окружности». Издатель «Отечественных записок» П. П. Свиньин, посетивший Николаев в 1825 г., отметил, что в Депо карт хранится «любопытный рисунок внутренности кургана, на котором воздвигнута теперь превосходная обсерватория. Основание сего кургана составлено было из каменной толстой стены, веющей наподобие улитки или спирали. По причине отлучки г. архитектора я не мог узнать, были ли пусты промежутки между стенами сими, и не найдено ли тут чего-нибудь замечательно-го?».²⁸

В 1823 г. по инициативе А. С. Грейга мичман А. С. Федорович (в другом написании Федорович) был послан в Керчь для «описи Митридатовой гробницы»²⁹ (вероятно, Золотого кургана). Главный командир Черноморского флота стремился оградить от разрушения и руины Херсонеса (см. гл. 12.3). Кондуктору Кузнецову было поручено составить план городища,³⁰ а плантеру Карлу Крузе — провести раскопки с целью поиска фундамента легендарного храма, в котором крестился князь Владимир. Все найденные при раскопках К. Крузе (1827) древности были доставлены в Кабинет редкостей депо. Сам Грейг в 1825 г. пожертвовал в кабинет редкостей «мраморный бюст древнего рыцаря по поясу».³¹ Другим источником пополнения собрания стала покупка памятников у местных жителей. В документах зафиксировано имя кузнечного мастера 12-го класса Иванова, продавшего в депо барельеф «с изображением овна» (агнца) и две капители из Херсонеса (1824).³²

Рост фондов требовал расширения штата сотрудников. Первоначально депо располагало лишь одним смотрителем, двумя штурманами и восемью учениками Штурманского училища. В июне 1823 г. по приказу А. С. Грейга депо было укомплектовано постоянными чиновниками. «Мера сия, отвратив неудобства, соединенные с отвлечением людей сих от настоящих команд, дала способы довести оные до степени настоящего совершенства»,³³ — писал адмирал в отчете императору. При Кабинете редкостей (музее), входившем в библиотеку депо, состояли один содержатель (физико-математических дел мастер И. Свешников), 2 вахтера и 4 сторожа.³⁴ Обслуживающий персонал депо был весьма далек от научных интересов и вряд ли в полной мере осознавал ценность хранимых памятников.

В целях объединения коллекций редкостей, находящихся в учреждениях флота, в одном месте А. С. Грейг приказал слить собрание библиотеки Штурманского училища и Черноморского депо карт на базе депо, что и было сделано в 1825 г.³⁵ В том же году управляющим Черноморского депо карт стал Николай Михайлович Кумани (1796—1869), находившийся на этом посту в течение 30 лет. Внук контр-адмирала Н. П. Кумани, он «происходил из греческой архонтской фамилии», принадлежал «к образованнейшему классу офицеров Черноморского

²⁵ Vidua C. Inscriptiones antiquae in Turcico itinere collectae. Lutetiae-Parisior, 1826. Tab. I, № 1 (ПРЕ, I, 27, 47—48; поступила в музей ООИД; № 2 (ПРЕ, I, 27, 49).

²⁶ ОР РНБ, Нем. Q 181, л. 245—245 об.

²⁷ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 1360, л. 1; Горель Г. К. Основание Николаевской обсерватории // Историко-астрономические исследования. М., 1975. Вып. 12. С. 139—155.

²⁸ Свиньин П. П. Обзорение путешествия... С. 102.

²⁹ РГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 145, л. 514 об.

³⁰ Там же, ф. 243, оп. 1, д. 1630, л. 6—7 об., 10—11, 14—14 об., 17—18.

³¹ Там же, д. 3486, л. 72 об.

³² Там же.

³³ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 1176, л. 11—11 об.

³⁴ Там же, ф. 1067, оп. 1, д. 27, л. 8 об.

³⁵ Там же, ф. 243, оп. 1, д. 3486, л. 17, 18.

флота и, по свидетельству компетентных людей, в главных европейских языках был совершенный лингвист».³⁶ П. П. Свинын особо отметил, что Н. М. Кумани успешно занимался археологическими и историческими изысканиями.³⁷

Сохранились письма Н. М. Кумани к П. П. Свиныну, в которых офицер обещал отправить издателю «Отечественных записок» сведения об островах Фидониси и Березань, о мысе Айя в Крыму, просил помочь в пополнении библиотеки депо новыми историческими сочинениями, в том числе изданием Страбона на французском языке (для приобретения книг Кумани выслал в столицу 500 р.), а также способствовать увеличению коллекции древностей в Николаеве. «Не встретите ли чего-нибудь любопытного, могущего украсить наше депо, — в таком случае прошу нанубедительнейше, при извещении за какую цену и каким образом можно приобрести ту вещь, взята на себя доставление оной к нам. Извините великодушно за наносимое беспокойство, желание как можно скорее приумножить предметы, в депо хранящиеся, заставляет меня, нарушив некоторым образом учтивость, утруждать вас так много. Впрочем, лестное знакомство ваше подает мне смелость надеяться, что вам не противно будет, если я, воспользовавшись оным, потщусь обратить ваше расположение и на пользу вверенного мне заведения, ибо твердо уверен, что в глазах отечественного нашего мецената (вероятно, А. С. Грейга. — И. Т.) все, относящееся к обогащению человеческих сведений, имеет цену и удостоится его внимания», — писал Н. М. Кумани 27 декабря 1825 г.³⁸

Н. П. Кумани входил в круг офицеров Черноморского флота, занимавшихся раскопками и коллекционированием антиков. Среди них можно упомянуть военного гидрографа, капитан-лейтенанта Н. Д. Критского, проводившего раскопки и описания памятников на островах Фидониси, Березань и Тендровской косе (1823—1824, см. гл. 10.1,2,4).

Николай Дмитриевич Критский (Крицкий), военный гидрограф, контр-адмирал (1832). Из греческой семьи. В 1789 г. поступил кадетом в корпус чужестранных единоверцев; гардемарин (1794), мичман (1796), определен на службу в Черноморский флот; лейтенант (1807), капитан-лейтенант (1811), капитан 2-го ранга (1825). В 1801 г. участвовал в экспедиции И. М. Будищева для описи западных и южных берегов Черного моря от Одессы до Константинопольского пролива, включая о-в Фидониси и берега Румелии, вел дневник «с разными историческими и географическими примечаниями»; в 1803 г. описал побережье Азовского моря от Таганрога до Еникальского пролива вместе с капитан-лейтенантом Влито. В 1804—1807 гг. плавал на торговых судах. В 1807 г., командуя отрядом канонерских лодок, участвовал в боях против крепостей Анапа, Платана и Трапезунд. В 1821 г. капитан-лейтенант Критский сделал опись Сухумского рейда, в 1823 г. провел топографическую съемку островов Березань и Фидониси, в 1824 г. на корвете «Язон» — опись части Черного моря от Одессы до Севастополя, в том числе Тендровской-Джарылгачской косы и Тарханкутского полуострова, и части Азовского моря у Бердянской косы. В 1824 г. за 25 лет службы в офицерских чинах награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1827 г. проводил опись побережья Черного моря от Севастополя до Керченского пролива, награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и назначен командиром 32-го флотского экипажа; в том же году награжден орденом Св. Анны 2-й степени. В 1828 г. в чине капитана 1-го ранга на корабле «Париж», ставшем главной квартирой императора, участвовал во взятии Варны и Анапы, отличился при взятии турецкого лагеря близ Иналы, за храбрость награжден алмазными знаками к ордену Св. Анны 2-й степени, орденом Св. Владимира 3-й степени и золотым оружием. По характеристике А. С. Грейга, отличался «опытностью и благоразумием», однако, по словам другого современника, Критский, имевший властный характер, «был нелюбим на флоте за раздражительность... и грубое обращение с подчиненными» и «нажил себе много врагов... между придворными». Согласно непроверенным мемуарным свидетельствам, Критский якобы состоял в близкой связи с Юлией Михайловной Грейг (1800—1882), тайной женой А. С. Грейга. Еще при А. С. Грейге Критский был назначен обер-интендантом Черноморского флота (1828—1834). В годы командования Черноморским флотом М. П. Лазарева (1834—1851) подозревался в казнокрадстве, постоянно конфликтовал с главным командующим (Лазарев писал, что Критский «полнейший говорун», «вредный для службы человек... во всех отношениях...»). Следствием конфликтов с начальством стало увольнение Критского со службы в 1834 г.³⁹

³⁶ О нем см.: ОМС. СПб., 1893. Ч. 7. С. 349—351; Кумани Н. М. Действия Черноморского флота в царствование императора Александра I, с 1801 по 1826 гг. / Публ. С. А. Скрыгина // Морской сборник. 1900. № 9. Неофиц. отд. С. 44—45.

³⁷ Свинын П. П. Обзор путешествия... С. 102.

³⁸ ОР РНБ, ф. 679, оп. 1, д. 79, л. 1, 3, 5, 7.

³⁹ Н. П. РГАВМФ, ф. 406, оп. 2, д. 178; Кумани Н. М. Обзор гидрографических съемок Черного и Азовского морей // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1844. Ч. 2. С. 380, 397—398; Ботьянов. Пребывание императора Николая Павловича на Черноморском флоте в 1828 г. // Морской сборник. 1869. Т. 103. № 8. Неофиц. отд. С. 13—14; Асланбегов А. Б. Адмирал А. С. Грейг. СПб., 1873. С. 74—75; Лазарев М. П. Документы: В 3 т. М., 1952—1961; Крючков Ю. С. Спутница адмирала // Летопись Причерноморья. Херсон, 2000. № 4. С. 66—67.

В раскопках святилища Ахилла на Тендровской косе участвовал и мичман К. М. Навроцкий. Древностями Пантикапея заинтересовался капитан-лейтенант Н. Ю. Патиный, раскопавший близ Керчи курган (1821), вошедший в литературу под его именем (гл. 14). Плантер К. Крузе (1827) исследовал памятники Гераклеяского полуострова (гл. 12.2). Эти офицеры стали поставщиками экспонатов для коллекции Кабинета редкостей.

В описи Кабинета редкостей упомянуты «мраморный камень, найденный в Аккермане с греческой надписью в трех кругах» (в ИРЭ сведения о нем отсутствуют), «мрамор, найденный в Ольвии с греческой надписью... месяца каламея» (ИРЭ, I, 49), «мрамор отсюда же с надписью коего упоминается месяц гамилион», «кусок мрамора с частью греческой надписи из развалин г. Ольвии», «мраморный надгробный камень, найденный около развалин города Ольвии с греческой надписью», три капители, найденные «в Днепровском лимане около развалин Ольвии», «мрамор, изображающий в виде раковины» (акротерий), «часть колонны дорического ордена» (передана из ликвидированного после восстания декабристов музея Адмиралтейского департамента в Петербурге), «малая мраморная статуя без головы», «малая мраморная статуя, изображающая человеческую фигуру в сидячем положении, из Афин», «часть торса, найденная около развалин Афинских», «барельеф, вывезенный из Греции, изображающий род карнизного украшения», «камень из Аполлонова храма, найденный около Афинских развалин, надпись коего разобрать невозможно» и т. п.⁴⁰

В феврале 1825 г. отставной градоначальник Феодосии С. М. Бронеvский от имени МОИДР обратился к А. С. Грейгу с просьбой послать в Москву точные сведения о Николаевском кабинете, в том числе: «1. Краткое историческое показание о учреждении Николаевского музея; 2. Валовую опись всех достопамятностей, находящихся в... музее; 3. Несколько рисунков с самых лучших вещей, заслуживающих особенного внимания; 4. Краткие объяснения и примечания на сии рисунки». Эти данные общество собиралось опубликовать в своих «Трудах и записках». А. С. Грейг с готовностью откликнулся на пожелание общества и поручил управляющему депо сделать описание собрания.⁴¹ Оно было составлено Н. М. Кумани под названием «Историческое описание об учреждении в Николаеве Черноморского депо карт с имеющимися при нем музеем и библиотекою» и в мае 1826 г. вместе с шестью рисунками размером в лист послано в Москву. В сопроводительном письме Николай Михайлович предложил и в дальнейшем сообщать обществу о новых поступлениях археологических памятников, однако не преминул заметить, что главную цель Черноморского депо карт составляет не археология, а «обширное поприще по части наук и изобретений, относящихся до мореплавания».⁴²

Описание Н. М. Кумани было заслушано на заседании МОИДР 27 октября 1826 г. Общество поручило соревнователю А. Г. Афанасьеву⁴³ выполнить гравюры шести прилагавшихся рисунков мраморов и надписей. Ровно через год председатель МОИДР А. А. Писарев представил сочленам образец гравированного рисунка с изображением «древнего витязя, из собрания достопамятностей Николаевского музея».⁴⁴ Описание фигурирует в числе рукописных сочинений, представленных для помещения в «Труды и летописи» общества, принятых секретарем МОИДР С. П. Шевыревым,⁴⁵ но по неизвестным причинам статья Н. М. Кумани издана не была.

В январе 1835 г. астроном штаба Черноморского флота и портов, первый директор Николаевской обсерватории Карл Христофорович (Карл Фридрих) Кнорре обратился к управляющему Гидрографическим отделением штаба Черноморского флота и портов генерал-майору М. Б. Берху с просьбой сообщить профессору Дерптского университета Клоссиусу сведения о библиотеке Черноморского гидрографического депо и о Севастопольской публичной

⁴⁰ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3486, л. 54, 72—73 об.

⁴¹ Там же, д. 1828, л. 40—40 об., 41 об., 49, 80.

⁴² ОР РГБ, ф. 203, оп. 1, д. 4, л. 10—11; Труды и записки МОИДР. 1827. Т. 3. Кн. 2. С. 196—197.

⁴³ Александр Гаврилович Афанасьев, гравер на меди первой половины XIX в., работал в Москве (1816—1862), исполнял гравюры (виды городов и монастырей, изображения святых, портреты и пр.) для изданий МОИДР и Киево-Печерской лавры (1827—1840), журнала «Московский телеграф» (1825—1834). В 1840—1850 гг. имел в Москве печатную мастерскую. Его работы хранятся в Тульском областном художественном музее.

⁴⁴ ОР РГБ, ф. 203, оп. 1, д. 4, л. 2 об., 78 об.

⁴⁵ Там же, д. 5, л. 107, 109.

библиотеке, а также о всех древностях, хранящихся в них, и о присоединении этих антиков для сочинения о библиотеках Русского государства, над которым тогда трудился профессор.

Немецкий юрист *Вальтер Фридрих Клоссиус* (*Walter Friedrich Clossius*, 1795, Тюбинген—1838, Гессен), избранный в 1824 г. ординарным профессором по кафедре уголовного права, уголовного судопроизводства, истории прав и юридического словесности Дерптского университета, занялся составлением корпуса греческих и латинских рукописей (главным образом юридического содержания), сохранившихся в России. При финансовой поддержке и содействии русского правительства он предпринял ряд поездок по России для осмотра общественных и частных библиотек, в том числе библиотеки духовного ведомства (синодальной, монастырских и пр.), в 1825—1829 гг. посетил Псков, Петербург, Москву, Новгород, Киев. Эта работа навела его на мысль написать историю библиотек Российской империи с древнейших времен, в которой он намеревался затронуть судьбу греческих и латинских рукописей, под названием «*Iter Rossicum*» в трех томах. В 1837 г. к печати был подготовлен первый том; в том же году профессор перешел на службу в Гессен-Дармштадт и «не имел возможности приступить к печатанию». В начале 1838 г. Клоссиус скончался, а начатый им труд со всеми материалами бесследно исчез.⁴⁶

Благодаря этому запросу до нас дошло «Описание Библиотеки Черноморского гидрографического депо с имеющимся при ней музеем и прочими частями», составленное Н. М. Кумани и отправленное Кнорре 14 февраля 1835 г. «Многие ревнители просвещения, — писал Кумани, — как из чиновников морского ведомства, так и частных произвольными пожертвованиями старались снабжать библиотеку предметами, служащими к распространению познания. Сии приношения, соединясь с приобретенными на ассигнованную от казны сумму, в продолжении времени снабдили ее по мере возможности. Она содержит в себе до десяти тысяч книг на российском, французском, английском, немецком, латинском и итальянском языках...; все сие время от времени увеличивается выпискою лучших творений.

При библиотеке находится: 1) физический зал [...]; 2) инструментальная камера [...]; 3) музей, заключающий в себе: 1. Чучела различных животных; 2. Чучела различных птиц; 3. Орудия диких; 4. Изделия диких; 5. Собрания разных руд, минералов и раковин... 6. Несколько российских медалей, из коих лучшая золотая на коронавание императрицы Екатерины I в 1724 году; серия серебряных, на коей изображены портреты французских королей от основателя королевства Фермонта до Людовика XV; 7. Серия чугунных, на коей изображены портреты великих князей и государей российских от Рюрика до Павла Петровича I-го; 8. Собрание медалей, к российской истории относящихся; 9. Собрание медалей на славные в России деяния; 10. Собрание монет царей Киммерийских, города Ольвио, римских херсонесских и босфорских (описание монет по центрам чеканки и их количественные характеристики опускаю. — *И. Т.*); 11. Собрание моделей кораблям и другим судам... 12. Собрание моделей машинам, строениям и прочим вещам, до кораблестроения относящимся; 13. Собрание картин, бюстов и статуй, служащих украшением здания библиотекою занимаемого; 14. Собрание мраморов, отысканных в реке Буге около развалин города Ольвия, Пантикопей, Херсонесе Таврическом и доставленным из Греции, из них некоторые примечательны по изяществу вкуса и отделки следующие:

1. Большая мраморная статуя, найденная в Босфорском проливе, при коем находился город Пантикопей (ныне Керчь). Полагать должно, что она изображает римского консула,⁴⁷ потому что из-под тоги около левой ноги видна связка прутьев. Статуя сия по изящной отделке, невзирая на время, местами ее повредившее, заслуживает быть помещенною в числе образцовых произведений древности, а особливо отлично отделана тога, покрывающая статую. Жаль только, что она без головы и рук (рис. 74).⁴⁸

⁴⁶ Подробнее см.: *Пусторослев П. П.* Клоссиус Вальтер Фридрих // Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802—1902). Юрьев, 1902. Т. 1. С. 518—521; РБС. 1897. Т.: Ибак—Ключарев. С. 748.

⁴⁷ П. П. Свиный описывает ее так: «1. Статуя в тоге, вероятно, какого-нибудь чиновника; превосходной работы. Не достаёт рук и головы. Из Пантикапей» (*Свиный П. П.* Обзорение путешествия... 1826. Ч. 27. Кн. 75. С. 100).

⁴⁸ В этом описании нетрудно узнать «мужскую статую в человеческий рост, превосходной работы, но, к сожалению, с отломанною головою и руками». См.: *Мурзакевич Н. Н.* Коллекция древних памятников, присланная из Николаева // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 636. Скульптура IV в. до н. э. ныне хранится в ОАМ НАНУ (Инв. № 50065, Пантикапей, дар адмирала М. П. Лазарева): «Монументальная статуя мужчины в хитоне и гиматии со свитками у левой ноги». См.: *Тарадаш А. М.* Памятники античного искусства в Одесском археологическом музее АН УССР // МАСП. Киев, 1976. Вып. 8. С. 227. Примеч. 20; Одесский археологический музей АН УССР. Киев, 1983. № 70. С. 43, 171.

Рис. 74. Монументальная статуя мужчины в хитоне и гиматии со свитками у левой ноги, из Пантикалея. Собрание Кабинета редкостей Черноморского депо карт, затем в музее ООИД, ныне в ОАМ. Карандаш (НА ОАМ, инв. № 83180, л. 9. Публ. впервые).

2. Торс, найденный в 1825 г. около Керчи у подошвы так называемой Митридатовой горы, оный, как полагать должно, изображает Геркулеса, ибо на груди видны львиные лапы и на плечах кожа сего зверя.⁴⁹ Образцовое изделие древнего резца, правильность форм, напряжение мускул и натуральность во всем торсе соблюдены удивительно. Статуя сия, если бы была целая, представляла бы собою один из лучших остатков древности.

3. Бюст из прекрасного чистого мрамора, доставлен из Италии, прекрасно отделан, очень не древний и совершенно сохранен, о нем ничего неизвестно, а полагать должно, что он изображает Сигизмунда короля Польского.⁵⁰

4. Надгробный камень, найденный около развалин древнего города Ольвио. Надпись, сколько можно разобрать, содержит следующее:

Гроб сей есть ... сына... который... Он сирот и вдовиц и бедных был покровитель... Посему увы? восплачьте о младости господина и пожалейте о том, здесь погребенном, и все, кои гроб увидите, его помяните и с благоговением о нем Богу молитесь.

⁴⁹ П. П. Свиньин пишет: «9. Часть нагой статуи: плечи покрыты кожей, вероятно, Геркулеса» (*Свиньин П. П. Обзорение путешествия... С. 101*).

⁵⁰ Поступил в музей ООИД как «поясной бюст, по-видимому, Сигизмунда III, короля Польского» (без указания происхождения). См.: *Мурзакевич Н. Н. Коллекция древних памятников, присланных из Николаева. С. 636.*

1523 года месяца августа скончался господин, усопший, дань смерти уплатил и всех покинул.⁵¹

5. Камень с греческой надписью, найден на очаковской степи не в дальнем от Ольвио расстоянии... (ИРЕ, I², 98).

6. Греческая надпись на мраморе, найденная в 1809 г. в Керчи... (КБН 61). Должно полагать, что сия надпись весьма древняя, потому что надпись начинается внизу от правой руки к левой.

7. Большой кувшин совершенно целый, а также целая водопроводная труба из древнего города Ольвио.

8. Барельеф, найденный в 1824 г. г-ном капитан-лейтенантом Берхом на развалинах древнего Херсонеса около Севастополя... (ИРЕ, I², 551).

Есть еще довольно камней, но надписи столь повержены, что их разобрать никак невозможно.⁵²

В дополнение к описанию Н. М. Кумани приведу выдержки из сочинения П. П. Свинына: «Примечательнейшие из камней сих суть: [...]. 3. Две *капители*, найденные близ *Очакова* в самом лимане. [...] 5. Барельеф, представляющий семью за трапезою. Из *Тамани*. 6. Надгробный камень, с надписью и изображением щита, разделенного вдоль полоскою; в щите шесть лилий, употребляемых во французском государственном гербе; щит окружен гирляндой. Из *Ольвио*. 7. Маленькая изящная женская статуя. Не достаёт головы. Из *Афин*. 8. Маленькая женская статуя в длинной одежде; левою рукою держит за рога стоящего на задних ногах козла (Артемиды с ланью. — И. Т.). Из *Пантикапеи*. [...] 10. Голова умирающего Александра (рис. 75).⁵³ 11. Кусок мрамора с надписью. 12. Надгробный камень с надписью. 13. Кусок мрамору, также с греческой надписью, найденный на о-ве *Березань*».⁵⁴

С октября 1833 г. по 1851 г. главным командиром Черноморского флота и портов являлся адмирал Михаил Петрович Лазарев (1788—1851). В 1834 г. он командировал начальника Черноморского гидрографического депо (так с 1832 г. стало называться депо карт) подполковника Н. М. Кумани в Петербург для изучения позитивного опыта в деятельности Гидрографического депо Главного морского штаба России. С целью реорганизации и усовершенствования депо в Николаеве Н. М. Кумани подал ряд докладных записок управляющему Гидрографическим отделением штаба Черноморского флота и портов генерал-майору М. Б. Берху и начальнику Главного морского штаба князю А. С. Меншикову, в которых предложил изъять депо от непрофильных коллекций — древние монеты, мраморы и рельефы передать Одесскому и Керченскому музеям, а остальные экспонаты продать с публичного торга. «Существовавшее доселе Черноморское депо карт, — писал Кумани, — не имея достаточно суммы на снабжение себя нужными предметами, пользовалось произвольными и разнородными приношениями разных лиц, наполнившими оную (библиотеку. — И. Т.) вещами, чуждыми настоящей цели сего заведения, кои составили по частям неполные отрывки коллекции, не заключающих ничего любопытного; например: несколько древних монет, без соблюдения хронологического порядка, несколько минералов без постепенного порядка предметам по царству ископаемых, коллекции птиц, рыб, зверей, раковин; с тем же самым недостатком, разные отысканные на берегах Черного моря мраморы с надписью, рельефами и другими изображениями, дурные копии с картин, произведения школьников, искаживших оригиналы, и наконец, моделей кораблей,

⁵¹ Речь идет о средневековой греческой надгробной надписи, приведенной Н. М. Кумани в неточном русском переводе. Позднее камень утратил свою паспортизацию, так как уже Н. Н. Мурзакевич писал о нем, как о происходящем «из других мест Греции». См.: Мурзакевич Н. Н. Коллекция древних памятников, присланных из Николаева. С. 636. Сведения о камне отсутствуют в «Сборнике греческих надписей христианских времен из Южной России» В. В. Латышева (СПб., 1896).

⁵² РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3485, л. 1—12 об.

⁵³ Поступила в музей ООИД в 1840 г. (ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 39, л. 8, в документах ГАОО и РГАВМФ место находки не указано), ныне атрибутируется как скульптурный портрет мужчины первой половины I в. до н. э., ряд исследователей считают его портретом понтийского царя Митридата VI Евпатора. См.: НА ОАМ. Рисунки Одесского общества истории и древностей. Инв. № 83180 (см. рис. 75); Власов В. Д. Два памятника греческой скульптуры в собрании Одесского археологического музея // ЗОАО. 1960. Т. 1 (34). С. 324—325. Рис. 1; Неверов О. Я. Митридат и Александр: К иконографии Митридата VI // СА. 1971. № 2. С. 92—94. Рис. 8; Одесский археологический музей АН УССР. № 235. С. 125, 185 (с неверными сведениями, что скульптура якобы поступила в музей после 1884 г. Инв. № 50221).

⁵⁴ Свинын П. П. Обзорение путешествия... С. 100—102. В описи добавлено, что камень доставлен капитан-лейтенантом Критским в 1826 г. (РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3486, л. 73 об.).

Рис. 75. Скульптурный портрет мужчины 1-й половины I в. до н. э., возможно, портрет понтийского царя Митридата VI Евпатора, из Пантикалея. Собрание Кабинета редкостей Черноморского депо карт, затем в музее ООИД, ныне в ОАМ. Карандаш (НА ОАМ, инв. № 83180, л. 20. Публ. впервые).

судов и машин; весь этот сбор уподоблен быть может собранию книг, составленному из неполных томов разных сочинений и вообще представляет смешанное разнообразие, не заключающее ни любопытного, ни полезного. Между тем для содержания сих вещей нужно помещение и некоторые издержки. Полагаю все это уничтожить, выбросив все негодное, а монеты, мраморы и рельефы, найденные разновременно на местах древних поселений Черного моря, уступить Одесскому и Керченскому музеям, коих прямая цель есть соби́рание подобных предметов; корабельные модели, по неимению при Депо модельной мастерской, передать в ведение интенданства черноморского Управления, ... и наконец, все остальное продать с публичного торгу».⁵⁵

Начальник Главного морского штаба князь А. С. Меншиков, посетивший Николаев в 1835 г., приказал передать редкости в Ришельевский лицей, Одесский городской музей древностей, Керченский музей и Черноморскую штурманскую роту.⁵⁶

Узнав о реорганизации депо, к М. П. Лазареву обратились директор училищ Херсонской губернии и инспектор Херсонского училища торгового мореплавания с просьбой выделить некоторую часть экспонатов для своих учебных заведений. В марте 1835 г. в Херсонскую гимназию передали 525 экспонатов, главным образом естественнонаучного характера, собра-

⁵⁵ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, л. 3280, л. 2 об.—3.

⁵⁶ Там же, л. 3486, л. 1, 90.

ние античных монет — 67 экз. из трех коллекций депо (вероятно, найденных на Тендре и 5 монет «казанских татар».⁵⁷

В 1837 г. в Черноморскую штурманскую роту (ранее — Штурманское училище) были возвращены редкости, которые по приказанию А. С. Грейга в 1825 г. переместили из училища в депо карт. Среди них мраморные статуи, бюсты, надгробия, надписи (11 экз.), «глиняная урна» и 4 сосуда из Ольвии.⁵⁸

По приказу начальства была создана специальная комиссия «для освидетельствования и уничтожения» попортившихся экспонатов. В комиссию вошли инспектор штурманов Черноморского флота генерал-майор М. Б. Берх, занимавший до Н. М. Кумани должность управляющего депо, полковник Н. М. Кумани и три чиновника штурманской роты. Комиссия составила ведомости раковин, кораллов, минералов, монет, медалей, моделей, картин и т. п. В первой ведомости перечислены редкости, принятые в Кабинет редкостей Черноморской штурманской роты из библиотеки Гидрографического депо. Среди них три коллекции античных монет (третья — «кушленная у флота лейтенанта Навроцкого, а им найденная в разрытом кургане на острове Тендре в 1824 г.») — всего 420 экз.; образцы различных монетных типов (от эпохи античности до Нового времени), подаренные или приобретенные у частных лиц; геммы, керамические и металлические сосуды, оружие, христианские древности из Херсонеса, статуи, барельефы и лапидарные памятники, архитектурные детали (33 экз.), «изделия диких народов», минералы, растения, модели, картины. Среди мест находок древностей указаны острова Березань, Фидониси, Тендровская коса, города Ольвия, Херсонес, Тира (Аккерман), Пантикапей (Керчь), мыс Таклы, Днепровский лиман, Афины, Греция.⁵⁹

Во второй ведомости перечислены редкости, «признанные нестоящими того, чтобы быть в Кабинете редкостей при Штурманской роте». К сожалению, все они погибли для науки. Это резные камни (4 экз.), керамические сосуды (4 экз.) и водопроводная труба (1 экз.) из Ольвии (резолуция — «разбиты, выбросить»); мраморный обломок с греческой надписью, «из коей можно разобрать Семен Гока, найденный на о-ве Фидонисий, доставлен капитан-лейтенантом Критским в 1823 г.»; обломки керамики с граффити, найденные в Керчи у подножия Митридатовой горы, доставленные капитан-лейтенантом Н. Ю. Патиньоти (2 экз.) (резолуция — «разбиты и надписей совсем не видно, а потому выбросить»).⁶⁰

Сведений о том, были ли переданы коллекции депо в Керченский музей, Ришельевский лицей и Одесский городской музей древностей, мне обнаружить не удалось. Осталось неясным, был ли выполнен приказ А. С. Меншикова.

Коллекцию редкостей переместили в Черноморскую штурманскую роту, «как не принадлежащую к прямым занятиям депо». Однако условия хранения вещей из-за этого ухудшились. За ними присматривал только содержатель ротной библиотеки Сапунов, внештатный сотрудник, не получавший «никакого за труды довольствия». Сапунов добился отмены ежегодных ревизий вещей и составления единой описи «за шнуром и печатью».⁶¹ О каком-либо научном изучении памятников в эти годы не могло быть и речи.

Кабинет редкостей Черноморского депо карт, а позднее Черноморской штурманской роты в Николаеве к концу 1830-х гг. составил довольно значительную коллекцию античных памятников, в том числе эпиграфических, нумизматических, археологических. Однако морской музей, с момента основания являвшийся вспомогательным подразделением одного из учреждений Черноморского флота, не имел строгой системы формирования собраний. Несмотря на усилия И. И. де Траверсе и А. С. Грейга хоть как-то упорядочить подбор экспонатов, пополнение коллекций происходило большей частью по воле случая. Для военных моряков сбор, а тем более научное изучение археологических памятников было скорее интересным увлечением или попутным занятием, чем серьезным делом. К сожалению, специалисты-археологи (Е. Е. Кёлер, И. А. Стемковский, И. П. Бларамберг, П. И. Кёппен) не имели непосредственного влияния на формирование музейных фондов. Тем не менее потомки должны быть признательны создателям первого государственного музея в Новороссии, позволившего сохранить от уничтожения значительное число археологических памятников Северного Причерноморья.

⁵⁷ Там же, л. 1—1 об., 4—6 об., 8—11, 14, 90.

⁵⁸ Там же, л. 17—20, 43.

⁵⁹ Там же, л. 43—49, 63, 66, 68—73 об., 81—82 об.

⁶⁰ Там же, л. 84—84 об.

⁶¹ Там же, л. 87—87 об., 90.

Уже в первые годы существования Харьковского университета, основанного в 1805 г. по инициативе общественного деятеля В. Н. Каразина, были созданы Минц-кабинет и Кабинет редкостей, коллекции которых впоследствии составили базу Музея изящных искусств и древностей при университете.⁶²

Василий Назарьевич Каразин (1773—1842), общественный деятель, публицист. Из дворянской семьи, учился в частных пансионах, слушал лекции в Горном корпусе, фактически не служил. При воцарении Александра I предложил свою антикрепостническую программу реформ, написанную в монархическом духе, после чего был приближен к царю как выразитель общественного мнения дворянства, служил в МНП (1801—1804), с 1803 г. в опале, с августа 1804 г. в отставке с чином статского советника, поселился в своем имении под Харьковом и вел частную жизнь; впоследствии резкий критик как действий правительства, так и активный борец с литературой декабристской ориентации. Неоднократно подвергался тайному надзору полиции, в 1820 г. арестован и посажен в Шлиссельбургскую крепость, где без суда и следствия просидел полгода.⁶³

Одной из сторон деятельности вновь открытого учебного заведения являлось изучение природных богатств, древностей и других памятников обширного края, культурным центром которого стал Харьков. В Харьковский учебный округ входили Донская и Черноморская области, Екатеринославская, Воронежская, Курская, Орловская, Полтавская, Николаевская (Херсонская), Слободско-Украинская (Харьковская), Таврическая и Черниговская губернии. С 1802 г. по 1817 г. округ возглавлял польский аристократ, граф *Северин Осипович Потоцкий* (1762—1829), почетный член Петербургской Академии наук (1828), сенатор, камергер, брат И. О. Потоцкого. В 1806 г., по ходатайству С. О. Потоцкого, было принято «высочайшее повеление», по которому «монументы и греческие надписи, отысканные и впредь отыскиваемые» в Новороссии, предоставлялись для изучения Харьковскому университету.⁶⁴ Через три года такое же право сбора редкостей получило морское ведомство, причем университет имел возможность «надписями для извлечения из оных относящегося к истории Новороссийского края с удобностию заимствоваться» (документ № 3).

Совет университета, понимая необходимость сохранения археологических памятников, в 1807 г. обратился с просьбой к директорам училищ подведомственного ему учебного округа, чтобы они «старались отыскивать различные редкости, относящиеся до естественной истории и древностей, доставляли оные в сие правление, покупая их на счет университета».⁶⁵ В Кабинет редкостей стали поступать различные антики от представителей профессорско-преподавательского состава университета, директоров училищ и частных лиц.

В 1807 г. профессор И. С. Рижский совершил поездку по Новороссийскому краю с целью посещения училищ, подведомственных Харьковскому учебному округу. Ему была выдана инструкция, девятый пункт которой предписывал собирать сведения о древностях, а «удобоперевозимые памятники» приобретать для собраний университета. В отчетном докладе по итогам поездки профессор упоминает о покупке у учителя Одесской гимназии протоиерея Куницкого присланного адмиралом О. М. Дерибасом списка древнегреческой надписи на камне с высеченными «грубыми изображениями птиц» (ПРЕ, I², 130; тл. 10.2). По его утверждению, памятник был найден в имении Дерибаса в 35 верстах от Одессы, на берегу Черного моря. Куницкий, неплохо знавший греческий язык, испытывал определенные затруднения в переводе надписи из-за неверности копии и обещал Рижскому съездить в имение О. М. Дерибаса для снятия точного списка надписи.⁶⁶

⁶² Редин Е. К. Музей изящных искусств и древностей Имп. Харьковского университета (1805—1905). Харьков, 1904. С. 1; Тункина И. В. Античные памятники в собраниях Харьковского университета // Древнее Причерноморье: Краткие сообщ. Одесского археол. о-ва. Одесса, 1994. С. 147—152.

⁶³ Подробнее см.: Григорьев Р. Г. Каразин Василий Назарович // Русские писатели, 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 466—468.

⁶⁴ РГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 4221, л. 1 об., 5.

⁶⁵ Редин Е. К. Музей изящных искусств и древностей... С. 6.

⁶⁶ Багалей Д. И. Археографические материалы как источник археологии // Тр. XI АС в Киеве. М., 1902. Т. 2. С. 86—87.

И. С. Рижский побывал на городище древней Ольвии и сделал его описание, скопировал две древние надписи, хранившиеся у местных жителей (гл. 10.3).⁶⁷ Совет университета постановил: списки надписей передать в университетскую библиотеку, профессора греческого языка, библиотекаря Я. Н. Белен-де-Баллю просить перевести их на русский язык; 15 медных и 1 серебряную древние монеты, «из коих на большей части явственно видно оттисненное имя г. Ольвии», поместить в Минц-кабинет; «целый глиняный сосуд, употреблявшийся древними греками при их богослужении и носивший название амфоры, десять отломков от других подобных сосудов, в том числе ручку сосуда с выгесненными на ней греческими словами (амфорное клеймо. — И. Т.), медный кубик с пятью точками на одной стороне, напоминающий игральные кости...» и другие привезенные И. С. Рижским древности и камни передать в Кабинет редкостей университета.

Попечитель Харьковского учебного округа граф С. О. Потоцкий и его сын Лев Северинович Потоцкий владели значительным собранием античных монет,⁶⁸ коллекцией мраморов и надписей, хранившихся в имении Севериновка, в 38 верстах от Одессы на правой стороне реки Большой Куяльник.⁶⁹ Значительное число антиков их собрания, вероятно, происходило из Северо-Западного Причерноморья. Желая способствовать расширению Кабинета редкостей, С. О. Потоцкий подарил университету несколько каменных обломков с древними надписями (IPE, I², 46, 58, 91) из развалин Ольвии.⁷⁰

В собрание Кабинета, видимо, попала и бронзовая древнегреческая статуэтка «Афродиты, или Наяды, вышедшей из воды», найденная после проливного дождя в песчаном берегу близ с. Радьковца в 1808 г. Об этой находке университету сообщил смотритель Прилуцкого уездного училища Белецкий-Носенко.⁷¹

Собрание кабинета имело традиционный для русских музеев XVIII—начала XIX в. «кунсткамерный», смешанный характер, где, как правило, хранились и естественно-исторические, и археологические, и этнографические редкости. К экспонатам относились прежде всего как к учебным пособиям для студентов. Необходимой научной систематизации коллекций, строгого учета и должного порядка в хранении не было. По словам профессора Е. К. Редина, часть археологических находок поступала не в Кабинет редкостей, а в Технический или Естественно-исторический кабинеты. После закрытия Кабинета редкостей в связи с организацией Музея изящных искусств и древностей при университете его собрания распались по другим кабинетам,⁷² причем часть вещей утратила свои паспорта. Об этом красноречиво свидетельствует следующий факт: в декабре 1846 г. ООИД обратился в Совет Харьковского университета с просьбой снять копии с ольвийских надписей, подаренных С. О. Потоцким, для составления полного свода греческих надписей Северного Причерноморья. В ответ была получена копия только одной (!) надписи, снятая профессором А. О. Валицким (IPE, I², 91), так как других просто не оказалось на месте.⁷³

Основой Минц-кабинета университета стали коллекция из 20 золотых и 820 серебряных монет, пожертвованная С. О. Потоцким в 1804 г., и дар доктора Богдана Павловича Гирциуса (в ряде архивных документов — Гиртиуса) — 106 древнегреческих монет и редкостей, большая часть которых, скорее всего, происходила из Херсонеса. Это собрание в 1806 г. было прислано Гирциусом из Крыма.⁷⁴

В 1813 г. адмирал П. В. Чичагов отправил в Харьков с чиновником Касторским огромную коллекцию монет (13 252 экз.), захваченную русской армией в замке князей Радзивиллов в Несвиже. В сопроводительном письме Чичагов писал: «Желая участвовать в доставлении Харьковскому университету вещей, замечания достойных, посылаю при сем значительное собрание древних медалей и монет, взятых в добыче у неприятеля, покорнейше прошу принять их в знак моего уважения к отличному сословию, просвещением юношества занимающемуся.

⁶⁷ Рижский И. С. О городище Ольвии и другие примечания // Технологический журнал. 1808. Т. 5. Ч. 2. С. 161—165.

⁶⁸ Археологические открытия в полуценной России // Сын Отечества. 1818. Ч. 44. № 8. С. 81.

⁶⁹ ГАОО, ф. 270, оп. 1, д. 55, л. 80, 83—85.

⁷⁰ Багалеи Д. И. Опыт истории Харьковского университета. Харьков, 1893. Т. 1. С. 441—442.

⁷¹ Багалеи Д. И. Археологические материалы... С. 89.

⁷² Редин Е. К. Музей изящных искусств и древностей... С. 7.

⁷³ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 55, л. 83—85.

⁷⁴ Редин Е. К. Музей изящных искусств и древностей... С. 8.

Приятно мне будет, когда сбор сих медалей и монет окажется достойным внимания любителей древностей, и послужит в пользу благородному юношеству».⁷⁵ В 1845 г. князь Радзивилл за возвращенные ему шесть фамильных медалей подарил университету 236 монет «по отделу древних городов, народов и царей».⁷⁶

17 июня 1821 г. нумизматический кабинет осмотрел акад. Е. Е. Келер: «Здесь имеются золотые медали, подаренные царей Елизаветой, старые монеты Радзивилла вперемешку с другими. Очень много фальшивых монет, немало также новых; отличные медные монеты XV века».⁷⁷ Другие археологические коллекции университета не заинтересовали академика.

Келер изредка переписывался с В. Н. Каразиным. Так, в июле 1835 г. академик благодарил его за присланную в дар античную монету и просил покупать «медали» для своей коллекции. «Хорошо было бы предпринять раскапывание курганов, находящихся в ваших местностях, — писал Келер, — чтобы узнать, нет ли в них чего-нибудь любопытного. В древних гробницах, открытых в Керчи, и до сих пор еще открываемых, найдено множество золотых вещей, которым все удивляются. Если можно будет достать несколько образчиков того, что находится в ваших курганах, то нет сомнения, что правительство возьмет на себя все необходимые расходы и даже поощрит к разведыванию, как оно сделало в Керчи. Там один очень деятельный и точный чиновник (Карейша. — И. Т.) получил, например, недавно три тысячи вознаграждения».⁷⁸

Каразин в свою очередь еще в 1827 г. и 1839 г. в письмах о местных древностях высказал мысль о необходимости изучения «городищ», под которыми он подразумевал как собственно городища, так и курганы. Первое письмо было написано по просьбе администрации Слободско-Украинской губернии, выполнявшей указ Николая I «о собрании по всем губерниям сведений об остатках древних замков и крепостей или других зданий древности», второе — в связи с проектом В. В. Пассека исследовать «могилы полуденных губерний» (гл. 5.1). Любопытны рассуждения Каразина о времени создания «городищ» и их функциональном назначении: «Некоторые из них, конечно, до Иродотовых времен; и, следовательно, старее всего того, что за исключением берегов Черного моря представляет нам Россия. Но их нужно разрывать: и на сие потребны издержки богатых лордов, которые были бы любители таковых предметов, [их] у нас еще не видно. [...] В 1810 г. (в следующем письме указан 1801 г. — И. Т.), в один из летних месяцев... Богодуховского уезда однодворческой слободы Вольного, Казацкая тож, на правом берегу Ворсклы, в овраге близ... городища, после сильных дождей, найдено древнее... украшение из чистого золота, весом в 4 фунта три четверти [1.94 кг] (по показанию других только в три фунта с четвертью [1.33 кг]). Оно представляло круглый, по краям только расплюснутый четверугольный жезл, который свит в два кольца таким образом, что расплюснутые и в виде змеиных голов изваянные конечности, сходились над внутренним кольцом, лежащим между ними, одна с другою на одной черте. Все это составляет род венца, который можно было накладывать взрослому человеку на голову. Бесpośredственно за каждою из обеих, в виде змеиных головок изваянных конечностей, на плоском еще месте, следовали по три, как бы вытесненные (en relief) изображения: первого оленя, второе рыси, третье вепря. Все занимали около двух вершков вместе [8.89 см]; но за ними следовала еще на столько же чешуя, так же выпукло, а между тем золотой прут, нечувствительно из четырехгранного изменялся в круглый, совершенно гладкий. На внутренней стороне, против упомянутых изображений, обращенных наружу, находились, также вершка на два [8.89 см], какие-то литеры, или знаки. [...] Вот все, что я мог сведать, расспросив у самовидцев, простолюдинов... спустя несколько времени после самого происшествия. Так и довел я тогда до сведения бывшего гражданского губернатора, покойного Ивана Ивановича Бахтина, который и сам тщетно следовал о вещи. Ее уже не было!.. Таким образом невосвратно лишился любопытной и ученый свет редчайшего, единственного, может быть, в своем роде, памятника!...». Речь, видимо, идет о гривне или диадеме, выполненной в скифском зверином стиле. В. Н. Каразин также сообщает, что в губернии зачастую находят римские монеты, причем ему самому встречались ис-

⁷⁵ РГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 2, д. 2866, л. 3—4.

⁷⁶ Редин Е. К. Музей изящных искусств и древностей... С. 8.

⁷⁷ ОР РНБ, Нем. Q 131, л. 244 об.

⁷⁸ Цит. по: Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранные и отредактированные проф. Д. И. Багалеем. Харьков, 1910. С. 896.

ключительно серебряные первые трех веков нашей эры,⁷⁹ т. е. императорской эпохи: «Сколько таковых, под именем Ивановых головок (в предположении, что это голова Иоанна Крестителя) переплавлено уже до сих пор! Вообще сколько исчезло и еще исчезнет сокровищ для ума, если не будут взяты должные меры!.. Но городища почитаю я древнее цесарей и важнее для нас их монет [...] Любопытно было бы раскопать городища, каковыми я разумею не только насыпи, под сим именем собственно в народе известные, но и такое неправильное спеление могил, каково, например, на десятой версте от Ольшаны к Богодухову, или на 24-й от Богодухова к Ахтырке. Это были конечно города или центральные селения. Прочие, меньшие, впали, заровнялись и исчезли, наряду с современными им надгробными насыпями. Высокие курганы гораздо позднейшего происхождения».⁸⁰

Но вернемся к археологическим собраниям Харьковского университета. Кабинет увеличивал свое собрание ежегодными новыми покупками и пожертвованиями монет. Е. К. Редин отмечал, что рост числа нумизматических памятников шел непрерывно, многие из них были довольно редкими и ценными. Какую долю в коллекции занимали античные монеты, мне установить не удалось. Известно лишь, что профессор по кафедре греческой словесности и древностей *Альфонс Осипович Валицкий* (1805—1858), знаток классического мира, заведовал Минц-кабинетом в последние годы его существования (1836—1849) и работал над составлением каталога монет, который так и остался неизданным.⁸¹ По университетскому уставу 1835 г. (§ 167, пункт 11) кабинет вошел в Музей изящных искусств и древностей как самостоятельное подразделение.⁸²

В 1845 г. А. О. Валицкий подал в Совет университета рапорт, в котором доказывал необходимость публикации «ученого каталога монет и медалей». «И долг профессора, — писал Валицкий, — и собственное мое убеждение возлагают на меня нравственную необходимость стараться, чтобы таковое описание кабинета не уронило чести университета и соответствовало настоящему состоянию науки нумизматики. Между нашими монетами находятся некоторые, донныне еще неиздаваемые (sic!), и которых определение, будучи сопряжено с большими трудностями, требовало бы совещания с другими учеными, испытанными в этом деле». Для подготовки «полной ученой описи» и обмена дублетными монетами профессор просил у Совета командировку в Петербург, Дерпт (где он в 1828—1833 гг. учился в Профессорском институте и был удостоен степени доктора философии) и Киев, в лучшие Минц-кабинеты России. Однако из-за бюрократической волокиты его поездка состоялась лишь в 1847 г.⁸³ Преподавательская деятельность постоянно отвлекала А. О. Валицкого от научных штудий, и каталог монет, как большая часть его трудов, так и не увидел свет.

Кабинет редкостей и Минц-кабинет Харьковского университета, оставаясь скромными музейными собраниями, все же внесли определенный вклад в дело охраны археологических памятников Новороссийского края. Тем более невозможно переоценить образовательное значение университетских музеев на юге России для нарождающейся служилой и дворянской интеллигенции России в первой трети XIX в.

⁷⁹ В декабре 1804 г., после первой экспедиции Кёлера в Новороссию, в Эрмитаж поступили 19 римских серебряных монет, найденных в Слободско-Украинской губ. крестьянином Калаником (АГЭ, ф. 1, оп. I-1804, д. 3, л. 1).

⁸⁰ Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина... С. 584—590. См. копию письма В. Н. Каразина гражданскому губернатору Слободско-Украинской губернии В. Г. Муратову от 19 февраля 1827 г. с предложением ассигновать 5 тыс. р. из казны на раскопки им городищ Валковского у. и «насыпных курганов» в разных местах губернии: РА ИИМК, ф. 6, д. 52(1), л. 63—63 об. В. Г. Муратову принадлежит «Топографическое описание Слободско-Украинской губернии»: ГАРФ, ф. 728, оп. 1, д. 1283, 28 л. (тетрадь in folio в зеленом шелковом переплете).

⁸¹ См.: *Маслов М. А.* Валицкий Альфонс Осипович // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905). Харьков, 1908. Ч. 2: Биографический словарь профессоров и преподавателей. С. 177—178; ЭСБЕ: Биографии. М., 1993. Т. 3. С. 19—20.

⁸² *Редин Е. К.* Музей изящных искусств и древностей... С. 8—10.

⁸³ *Маслов М. А.* Валицкий Альфонс Осипович... С. 177—178.

4.3. ФЕОДОСИЙСКИЙ МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ

К числу первых муниципальных собраний античных памятников на юге России относится коллекция Музея древностей в Феодосии, основанного в 1811 г. Сведения по истории музея в литературе довольно скупы. Тем большее значение имеют документы по истории создания музея из архивов Киева, Петербурга, Одессы, Симферополя, частично восполняющие этот пробел.⁸⁴

Инициатором создания музея был *Семен Михайлович Броневский* (1763 или 1768—1830), историк, исследователь Кавказа, военный и гражданский деятель, администратор, градоначальник Феодосии в 1810—1816 гг.⁸⁵ А. А. Скальковский сетовал, что Броневский был так мало известен и что он с трудом смог собрать лишь краткие сведения о жизни этого замечательного человека,⁸⁶ «начальника самого благоразумного, мужа, достойного всякого уважения, известного своею глубокою ученостью и прекрасными качествами души».⁸⁷ Характеристики современников в оценке его личности единодушны: «Отличный человек! [...] Преисполненный познаний, и великий знаток на многих языках писать [...], человек с обширными сведениями, и мастерски излагающий свои мысли»;⁸⁸ «...человек честнейший и просвещеннейший, конечно немного задорный, часто не в ладах с новороссийскими генерал-губернаторами, от коих градоначальства тогда еще не зависели».⁸⁹

Обстоятельства биографии Броневского проясняют архивные документы. Он родился в родовом поместье Маньково (40 км от Смоленска) в семье мелкопоместных дворян, потомков польского шляхтича Станислава Броневского, в с. Супотыне Смоленской губернии владел 17 душами мужского пола (по данным формулярного списка от 21 ноября 1811 г.). Согласно И. К. Павловой, военное образование и знание европейских языков молодой человек получил в Шкловском благородном училище (кадетском корпусе) под Минском, куда поступил в 1778 г. и несколько лет оставался инспектором классов. Об этом, однако, умалчивает его формулярный список. В военную службу Броневский вступил еще при Екатерине II — в гвардию сержантом (1784), вскоре был выпущен в армию капитаном (1789), определен в легкоконный Александрийский полк, участвовал в русско-турецкой войне (взятие Кушан, Паланки, Аккермана и Бендер, завоевание «нового края» в Польше), за отличие пожалован в секунд-майоры (1793), затем в премьер-майоры (1794), переведен из Александрийского в Нижегородский драгунский полк, «с коим был в Персии, при покорении Дербента, Кубы (Кебы), Баки и Новой Шемахи 1796 г.». Под началом командующего войсками в Персии графа В. А. Зубова и генерал-майора М. И. Платова Броневский командовал Гребенским казачьим полком. После 13 лет службы он был уволен с тем же чином (1797), в марте 1801 г. вновь принят на службу подполковником и уволен от воинской службы с переводом в штатскую с чином надворного советника, с сентября 1802 г. по ноябрь 1803 г. служил правителем канцелярии при главноуправляющем Грузии генерале от инфантерии князе П. Д. Цицианове. По долгу службы часто путешествуя по Кавказу, Броневский заинтересовался историей и этнографией горских народов. В Закавказье Броневский был награжден следующим чином — коллежским советником и произведен в кавалеры ордена Св. Анны 2-й степени (1803) за участие в присоединении Имеретии к России и «выручки царевича Константина из заключения».

Однако вскоре Броневский был уволен из-за свирепствовавшей в Грузии «заразительной» болезни (холеры) и уехал в Петербург. По высочайшему именному указу в октябре 1804 г. он был назначен в Коллегию иностранных дел под начало государственного канцлера гр. Н. П. Румянцева и в министерской канцелярии занимался делами по Азиатскому департаменту, причем служил «с похвалою и отличием», выполнял важные дипломатические миссии. Так, во время кампании 1805 г. Броневский находился в свите императора за границей, был отправлен из

⁸⁴ Петрова Э. Б. Феодосийский музей древностей: Античные памятники и их собиратели // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. М., 1994. С. 20—34; Тункина И. В. 1) Создание Феодосийского музея древностей // Древнее Причерноморье: IV чтения памяти проф. П. О. Карышковского (12—14 марта 1998 г.). Одесса, 1998. С. 38—43; 2) А. С. Пушкин и археологи юга России // Пушкин и классические древности. СПб., 1999. С. 21; *Формозов А. А. Пушкин и древности*. М., 2000. С. 45—46.

⁸⁵ См. о нем: Из Одессы, января 17 // *Московские ведомости*. 1831. 7 февр. № 11. С. 453; РБС. 1908. Т. 3: Бетанкур—Бякстер. С. 362—363; *Кончин Е. В.* 1) «Подобно Старiku Вергилия...» // Литературная Россия. 1984. 7 сент. № 36 (1128). С. 22; 2) Тайна «Золотого чемодана». Симферополь, 1989. С. 34—39; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 48; *Павлова И. К.* Семен Михайлович Броневский // Крымские пенаты. 1994. № 1. С. 57—64; *Петрова Э. Б.* 1) «Подобно Старiku Вергилия, разводit сад...» (А. С. Пушкин и С. М. Броневский) // Крымский архив. 1999. № 4. С. 25—34; 2) «Теперь он под судом...»: Феодосийский градоначальник С. М. Броневский // Пилигримы Крыма: Осень 99 (Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме): 4-я Крымская междунар. науч.-практ. конф.: Материалы. Симферополь, 2000. Т. I. С. 201—208.

⁸⁶ Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Одесса, 1838. Ч. 2. С. 157—160, 280.

⁸⁷ Скальковский А. А. Первое тридцатилетие истории города Одессы: 1793—1823. Одесса, 1837. С. 172.

⁸⁸ Гераков Г. В. Путевые записки по многим российским губерниям 1820. Пг., 1828. С. 122, 138.

⁸⁹ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1893. Ч. 7. С. 166.

Ольмица с особым поручением в Константинополь для размена ратификаций заключенного с Портой союзного трактата, за что по возвращении был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени (1806). В том же году Броневский — статский советник с переименованием в экспедиторы Азиатского департамента государственной Коллегии иностранных дел.

Являясь масоном, Броневский был достаточно близок с другим известным масоном, реформатором александровской эпохи графом М. М. Сперанским (1772—1839) и имел с ним религиозно-мистическую переписку.⁹⁰ Какими-то конфликтами с влиятельными сановниками столицы, вероятно, объясняется назначение С. М. Броневского за два года до падения и ссылки Сперанского (1812) на незавидный пост градоначальника провинциального городка Феодосии с населением в 4 тыс. жителей вместо контр-адмирала А. Ф. Клокачева.

Перед назначением на должность феодосийского градоначальника, каковым он являлся с 1 июля 1810 г. по 2 ноября 1816 г., благодаря благосклонности М. М. Сперанского Броневский поднес императору первые три тетради своего труда «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», над которым он работал 14 лет. Александр I повелел напечатать его за счет Кабинета ЕИВ в пользу Броневского. Однако лишь в 1816 г. автор узнал, что рукопись в трех тетрадях была найдена в бумагах М. М. Сперанского и возвращена в Феодосию. 16 сентября того же года Броневский обратился с ходатайством к новому министру духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицыну с просьбой напечатать первую часть своего труда, продолжение которого было им «давно закончено». «Но, к сожалению, — писал он, — занятия мои по службе, сопряженные с многими неприятностями, оставляют очень мало досугов для упражнений, требующих спокойного духа и свободнейшего от забот состояния».⁹¹ В 1823 г. на средства автора, а не казны были опубликованы только две первые части, посвященные географии.⁹²

Прибыв в Феодосию, где недавно был учрежден порт (1805), Броневский развил бурную деятельность по благоустройству города и всего градоначальства: закончил строительство казарм, военного лазарета, фонтанов, татарской мечети, открыл уездное училище, с помощью Рафаила Скасси организовал торговлю с Мингрелией и Абхазией и т. п. При правлении Броневского экономические статьи городских доходов увеличились до 5 тыс. р. в год. Его заслуги были отмечены начальством: 29 января 1812 г. Семен Михайлович стал действительным статским советником.⁹³

Приступив к служебным обязанностям, С. М. Броневский уже в сентябре 1810 г. выступил с инициативой создания городского музея древностей. Он писал в Министерство полиции, что, «обозревая город Феодосию, нашел в городских стенах, в ломку назначенных, надписи и барельефы, в камне и мраморных досках иссеченные, многие таковые же камни из стен выломанные, иные между развалинами лежащие, другие уже вошедшие в новые строения, и хотя сии надписи частью описанные путешественниками, частью вовсе неизвестные и суть остатки глубокой древности, будучи писаны готическими буквами и, следовательно, принадлежат к временам владычествования здесь генуэзцев, он, желая сохранить сии памятники, сделал запрещение употреблять их в строения, а для хранения их назначил одну из пустых мечетей, приказав складывать их в оную по мере как будут отыскиваемы между развалинами». В том же письме С. М. Броневский просил позволить ему «находящиеся в Керчи и Еникале подобные камни с греческими надписями присовокупить к собираемым в Феодосии, дабы составить здесь по времени музей».⁹⁴ Министр полиции доложил записку Броневского императору Александру I, который нашел предложение градоначальника «полезным» и утвердил его 8 ноября 1810 г.

31 мая 1811 г. Феодосийская городская дума постановила создать музей (документ № 4). По утверждению ряда авторов, музей был создан лицами, которых объединяла не только страстная любовь к археологии, но и членство в открытой в мае 1812 г. масонской ложе Иордан

⁹⁰ Письмо Сперанского к С. М. Броневскому // РА. 1870. С. 199—202 (см. также: РА. 1863. С. 47).

⁹¹ ЦГААРК, ф. 246, оп. 1, д. 37, л. 1—2.

⁹² Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823 (стереотипно переиздана: Махачкала, 1990). Книга получила высокую оценку Е. А. Болховитинова, писавшего Н. П. Румянцеву из Киева 7 октября 1823 г.: «Мы доселе не имели еще столь подробного описания о кавказских странах». См.: Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Н. П. Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 г. по 1825 г. включительно). Воронеж, 1885. Вып. 2. С. 77. Третья, историческая, часть опубликована несколько лет назад: Броневский С. М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен царя Иоанна Васильевича донные / Подгот. текста, предисл., словарь малоизв. слов, указатели И. К. Павловой. СПб., 1996 (к сожалению, во вступительной статье «О сочинении Броневского» (с. 7—20) публикатором допущены многочисленные ошибки фактического характера в освещении биографии Броневского).

⁹³ См. о нем: РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 710; ф. 1286, оп. 1-1810, д. 220; оп. 2-1816, д. 34. К 1810 г. Броневский был вдовцом (его покойная жена — дочь актера Померанцева). К ноябрю 1811 г. ему исполнилось 43 года.

⁹⁴ ИР ЦНБ, V, 1264, л. 82—83.

в Феодосии (С. М. Броневский, А. Галлера, И. И. Граперон и др.). Они поддерживали тесные контакты с одесскими и керченскими масонами (А. Ф. Ланжерон, П. Дюбрюкс, Э. В. Тетбу де Мариньи и др.).⁹⁵

Первым приобретением музея стало собрание древностей феодосийского купца Дживарджи (или Джеварджи), купленное думой за 1250 р. Оно включало мраморную женскую голову, женскую терракотовую статуэтку, 13 глиняных головок, 4 глиняных бюста (протомы?), 5 терракот без голов, 5 глиняных барельефов «из базусов», 2 «звериные головки», 1 «отломок головы», 1 светильник, 5 «малых глиняных амфор и разные отломки вазусов», 1 вазу, 34 серебряные греческие и римские «медали», 100 медных римских монет. В записке о своей службе (ноябрь 1811 г.), адресованной министру полиции гр. А. Д. Балашову с надеждой, как писал Броневский, на «извлечение меня из того забвения, в коем я остаюсь погруженным более пяти лет», он сообщал: «Учрежденный по моему представлению музеем для хранения памятников древности обращает уже на себя внимание любопытствующих посетителей. (Опись музеума не представлена еще потому, что многие вещи ожидаются из Керчь-Еникале, Фанагории и Севастополя. Он заключает в себе камней с надписями греческими и генуэзскими, с барельефами, вазов, торсов, надгробных памятников и других огромной величины редкостей числом 42 штуки; глиняных обломков от статуй, вазов, ламп, лакриматорий и проч. 38. Медалей греческих, римских, босфорских и понтийских 231 серебряных и бронзовых. Все это стоит казне не более ста рублей за перевозку вещей)».⁹⁶

Музей разместился в пустующей турецкой мечети, расходы на ремонт которой С. М. Броневский предложил думе «обратить на счет городской суммы». Городским головой Феодосии был в то время дворянин Анжело Галлера,⁹⁷ которому «для собирания и описания разных предметов древности, для составления в Феодосии музеума», на поездку в Керчь и Еникале было отпущено 100 р.⁹⁸ С. М. Броневский в 1811 г. поручил П. Дюбрюксу, в то время надзирателю Керченской таможенной заставы, собрать в Керчи и перевезти в музей мраморы и другие древности.⁹⁹ Таким образом, покупками и пожертвованиями частных лиц было положено начало археологическим коллекциям. Сам С. М. Броневский совершил специальные поездки — в Херсонес, откуда привез обломки нескольких греческих статуй,¹⁰⁰ и в занятую русскими войсками крепость Аналу (древняя Гогриппия), где были найдены две древнегреческие надписи, украсившие музей: мраморная доска с фрагментом перечня имен из 22 строк (КБН 1140) и мраморный пьедестал статуи с посвятителем дочери Ксенокрита (КБН 14) (рис. 76).

Сохранилась «Опись Феодосийского музеума» 1816 г., где упоминаются шесть греческих надписей (две из Керчи, две из Анапы), одна из Феодосии и одна, найденная между Гурзуфом и Никитой (ПРЕ, I, 245), 16 генуэзских надписей из Феодосии, 8 древнегреческих барельефов, около 20 «глиняных отлепков в малом размере» (терракот), фрагменты «этрусских» (расписных и рельефных) ваз, 4 «малые вазы лакриматорные, каковые нередко отыскиваются в крымских курганах», 1 светильник, более 200 античных монет, найденных в Феодосии, Керчи, Херсонесе, Еникале, на Тамани, а также привезенные из Синопы и Анатолии. Упомянутую опись Феодосийского музея впервые опубликовал В. В. Латышев, обнаружив ее копию в бумагах А. Н. Оленина, но без указания точной даты ее составления.¹⁰¹

⁹⁵ Колли Л. П. Иван Иванович Граперон: Биографический очерк // ИТУАК. 1905. № 38. С. 47; Серков А. И. История русского масонства XIX в. СПб., 2000. С. 20, 93.

⁹⁶ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 40, л. 70; РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 710, л. 7—7 об.

⁹⁷ Галлера, или Галера (*Galera, Gallera*) Анжело, савайский (по другим сведениям, генуэзский) дворянин, крымский помещик и negociant, владел землями в Феодосийском уезде, городской голова Феодосии, хранитель местного Музея древностей (1811—1818), коллекционер антиков и монет (свое нумизматическое собрание продал Парижскому королевскому кабинету), проводил раскопки курганов в окрестностях города и других местах Крыма. В 1821 г. посещал Одессу, затем три года проживал в Петербурге, являлся «депутатом» от феодосийских negociant-ов, «присвоивших не открывать порт в Керчи, дабы не лишиться своих преимуществ». Масон, состоял в переписке с «вольнодумцами».

⁹⁸ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 40, л. 70.

⁹⁹ Латышев В. В. Неизданная рукопись Дюбрюкса: Извлечение из дневника раскопок, произведенных в нескольких керченских курганах в 1817 и 1818 годах // ЗООИД. 1889. Т. 15. Отд. 1. С. 136.

¹⁰⁰ Кончин Е. В. «Подобно Старика Вергилия...». С. 22.

¹⁰¹ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 84—87 об; Латышев В. В. К истории археологических исследований в Южной России: Из переписки А. Н. Оленина // ЗООИД. 1889. Т. 15. Отд. 1. С. 110—115.

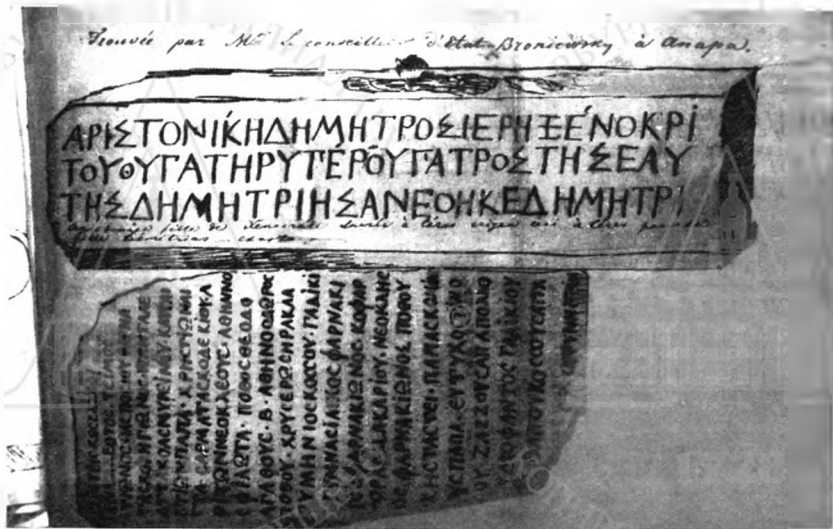

Рис. 76. Надписи из Гортиппии (КБН 14, 1140), вывезенные С. М. Броневским из Анапы в Феодосийский музей древностей («Trouvée par Mr... Broniewsky à Анапа»). Археологический сборник А. Я. Фабра. Чернила. Перо. Не позднее 1839 г. (НА ОАМ, № 83181, л. 21. Публ. впервые).

12 мая 1818 г. Феодосийский музей посетил император Александр I в сопровождении А. И. Михайловского-Данилевского. Военный историк писал, что «музеум можно разделить на две части: в одной хранятся вещи, найденные в Феодосии, а в другой предметы, которые поступили из разных мест. Первые состоят почти все из мраморных досок с надписями и гербами Генуи и различных дворянских фамилий сей республики. Также есть несколько ваз, которые приличнее можно назвать большими кувшинами: они совершенно подобны тем, которые видны в погребках Помпеи. Любопытно, что начальником сего отделения музеума был один генуэзец (Галлера. — И. Т.), которому, таким образом, суждено показывать путешественникам ничтожные обломки, свидетельствующие, что некогда отечество его владычествовало на берегах Босфора. Государь не оставил без внимания этого случая и сказал ему, указывая на генуэзские мраморы: «Вы здесь дома: вы окружены памятниками вашей народной славы». Другая часть музеума состоит из небольших статуек, посредственной работы, подаренных разными лицами, из нескольких десятков медалей и мраморных досок, привезенных из Анапы и взятых в сем городе во время пребывания там русских войск».¹⁰²

Швейцарский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере отметил, что один из феодосийских градоначальников приказал перевести из ст. Тамань (крепости Фанагории) в Феодосию четырех мраморных львов, которые, по его мнению, принадлежали храму Афродиты Апатуры: два украсили вход в музей, а два других — сад градоначальника.¹⁰³ В этом описании нетрудно узнать С. М. Броневского, который в 1816 г. был уволен со своего поста и остаток жизни провел в уединении «в беседе с науками и природою», выращивая сад в окрестностях Феодосии и живя «на прекрасной мызе.., устроенной им на месте старого монетного двора крымских ханов».¹⁰⁴ По анонимному доносу местных чиновников (как уточняет Ф. Ф. Вигель, «греческой партии»)¹⁰⁵ о якобы допущенных им злоупотреблениях при постройке Феодосийского карантина Броневский был уволен с должности «без просьбы, без вины и без копейки пенсионера» и подвергнут допросам со стороны Таврической следственной комиссии под руководством

¹⁰² Из воспоминаний Михайловского-Данилевского: Путешествие с императором Александром I по Южной России в 1818 году // РС. 1897. № 7. С. 96.

¹⁰³ Dubois de Montpereux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie, en Crimée. Paris, 1843. Vol. 5. P. 69.

¹⁰⁴ Свинин П. П. Обзорение путешествия... // ОЗ. 1826. Ч. 25. Кн. 71. С. 464.

¹⁰⁵ Вигель Ф. Ф. Записки. Ч. 7. С. 166.

херсонского военного губернатора, тайного советника Жегулина (следствие закончилось его оправданием Сенатом лишь в 1824 г.). После отставки Семен Михайлович переехал на построенную им дачу из 4—5 комнат «Добрый приют», находившуюся в 2—3 верстах от города на взморье, где на 8—9 десятинах земли развел сад, имевший более 10 тыс. фруктовых деревьев, и вынужден был жить на средства от продажи миндаля и винограда, составлявшие всего 3 тыс. р. в год ассигнациями. «В прекрасном саду сего почтенного мужа, — писал П. П. Свиньин, — есть несколько мраморов и статуй, полученных им из здешних окрестностей и из Фанагории, в том числе и два огромные льва».¹⁰⁶ Поэт, впоследствии министр народного просвещения А. С. Норов писал в путевых заметках, что сад находится «посреди рен-траншементов, где князь Долгорукий-Крымский разбил татар». Сад украшали фонтаны, храмики, горки и пр., на одном из холмов Броневским были помещены фрагменты колонн паросского мрамора «со вкусом поставленные и окруженные другими остатками древности» (камнями с надписями), на другой горке находился надгробный памятник, где была похоронена племянница С. М. Броневского.¹⁰⁷ После смерти владельца, в 1837 г. два мраморных льва, украшавших ворота его сада, были переданы Керченскому музею.¹⁰⁸

Известно, что А. С. Пушкин, проезжая по Крыму вместе с Раевскими, 17—18 августа 1820 г. останавливался на даче С. М. Броневского, где в то время находился и Г. В. Гераков. Поэт писал брату: «Из Керчи приехали мы в Кефу, остановились у Броневского, человека почтенного по непорочной службе и по бедности. Теперь он под судом — и, подобно Старичу Вергилия, разводит сад на берегу моря, недалеко от города. Виноград и миндаль составляют его доход. Он не умный человек, но имеет большие сведения о Крыме, стороне важной и запущенной».¹⁰⁹ С поверхностной оценкой молодого Пушкина, на мой взгляд, согласиться нельзя. Г. В. Гераков записал свои впечатления о записке Броневского «О южном берегу Крыма», представленной таврическому гражданскому губернатору А. Н. Баранову: «Отлично написано, красноречиво, логически, умно, дельно; мало у нас таковых писателей! В конце сих мыслей Броневского сказано почти так: когда все выполнится по его обдуманному предположению, тогда явится фруктовый сад на 250 верстах, достойный величия и славы России».¹¹⁰

12 апреля 1823 г. Броневский был избран действительным членом Московского общества истории и древностей российских, несколько ранее — членом Казанского общества любителей словесности. В одном из писем председателю МОИДР А. А. Писареву, рассуждая о своих возможностях содействовать целям общества, Броневский предложил свои услуги в описании причерноморских музеев (документ № 10). «В то время, когда я находился в отчаянии о моей бесполезности (как действительного члена МОИДР. — И. Т.), — писал Броневский Писареву 16 января 1825 г., — приехавший сюда иностранец г-н Тетбу, любитель изящных искусств, особенно рисованья, привел меня в возможность своею добродушною благосклонностию исполнить хотя некоторую часть моих обязанностей перед обществом, доставлением Вашему Превосходительству прилагаемых рисунков лучших вещей Феодосийского музеума. Они завернуты в трубку вместе с описанием и адресованы на ваше имя в виде посылки. Я должен сказать, что касательно верности и точности рисунков, нельзя достигнуть большего совершенства; они изображают подлинные предметы с таким удачным сходством, как искуснейшая портретная живопись. Г-н Тетбу по просьбе моей назначил размер всех срисованных вещей в французских футах и дюймах, и надписи списал сколько можно вернее, так что ученые люди в отдаленнейших местах могут делать свои догадки и заключения о содержании оных».¹¹¹

¹⁰⁶ Свиньин П. П. Обзорение путешествия... С. 464—465.

¹⁰⁷ ОР РНБ, ф. 531, д. 118; Гераков Г. В. Путевые записки... С. 123.

¹⁰⁸ Дальнейшая судьба скульптур неизвестна. См. выписки В. Г. Тизенгаузена из дел архива Керченского музея: АВ СПбФ ИВ, ф. 52, оп. 1, д. 82, л. 1.

¹⁰⁹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: 1799—1826 / Сост. М. А. Цявловский. Л., 1991. С. 223 (16 августа 1820 г.); *Формозов А. А. Пушкин и древности: Наблюдения археолога*. М., 1979. С. 34—35; Пушкинские места: Путеводитель. М., 1999. С. 210—219; *Медведева И. Н., Томашевский Н. Б.* За Пушкиным по Крыму // *Льюсий А. П. Пушкин. Таврида. Киммерия*. М., 2000. С. 177—180, 182, 231. Примеч. 23.

¹¹⁰ Гераков Г. В. Путевые записки... С. 161.

¹¹¹ Цит. по: ОР РГБ, ф. 226, карт. 2, д. 60, л. 1—1 об. См. также: ф. 203, оп. 1, д. 2, л. 33 об., 364—365. О древностях Феодосии и местном музее см. статьи Э. Тетбу де Мариньи и Феликса Латорио: *E. T. d. M. Article communiqué // Journal d'Odessa*. 1827. 25 juin/7juil. № 49. P. 195—197; *Lagorio F. Antiquités // Ibid*. 1828. 26 sept./ 8 oct. № 77. P. 333—334.

Описания и рисунки, которые должны были быть опубликованы в третьем томе трудов Общества,¹¹² изданы не были и, к сожалению, пока не обнаружены. Броневский хлопотал у Грейга о получении описания собрания древностей в Николаеве для публикации его в трудах МОИДР, и 24 марта 1825 г. предложил А. А. Писареву избрать главного командира Черноморского флота и портов почетным членом общества, а М. Б. Берха его действительным членом.¹¹³

Последние годы жизни Броневский тяжело болел. Дача после его смерти была продана герою кавказской войны генералу П. С. Котляревскому, поэтому архив писателя не сохранился. В протоколе МОИДР от 30 ноября 1846 г. есть упоминание, что действительный член общества Г. И. Спасский зачитал коллегам отзыв «относительно записок г-на Броневского, хранящихся в архиве общества и относящихся до древностей Южной России». Общество постановило «записки г-на Броневского, как вполне относящиеся к древностям Новороссийского края, препроводить в свое время в Одесское общество истории и древностей».¹¹⁴ Были ли отправлены рукописи в Одессу, мне установить не удалось.

Так как Феодосийский музей финансировался городской думой, его фактическим руководителем оставался городской голова А. Галлера. Он был страстным нумизматом и составил значительную коллекцию древностей, которую изучил П. И. Кёппен при работе над «Древностями северного берега Понта». 24 августа 1821 г. с Галлерой встретился акад. Е. Е. Кёлер, прибывший в Феодосию по поручению Петербургской Академии наук: «Утром... явился вызванный мною полицмейстер с человеком небольшого роста, который меня знал и который... оказался любезным маленьким Галерой. Мы отправились первым делом в устроенный г-ном Броневским музей, где в темном и не очень подходящем зале бывшей мечети я увидел следующие памятники: опубликованную мною в "Münchener Abhandlungen" надпись... [КБН 14], привезена из Анапы в Феодосию во время последней экспедиции в названный город... Изданная мною надпись... [КБН 23] также находится здесь, будучи доставлена сюда из Керчи. (...) Надпись, которую я в 1804 г. списал на развалинах Херсона, тоже находится здесь, а коллега г-н Галера заблуждается, полагая, что она происходит из Керчи и оттуда попала в Феодосию. Сохранность ее очень плохая... Еще надпись, которую я несколько лет тому назад получил в недурной копии, я списал сам с хранящегося здесь мраморного оригинала, доставленного из Анапы... [КБН 1140]». Е. Е. Кёлер осмотрел также клейма на амфорных ручках Синопы и Фасоса. Академик вместе с архитектором Э. Паскалем посетил какие-то раскопки: «Затем мы отправились смотреть разрытый курган. Сперва увидели огромную кучу камней, отброшенных в сторону, чтобы можно было посмотреть, есть ли что-нибудь внутри кургана. Потом еще такую же кучу поменьше. Оба у самого города, в западном направлении за городом». В тот же день Галлера продемонстрировал Кёлеру список своего нумизматического собрания, и продал петербургскому ученому 30 амфорных клейм и другие вещи — «все отборное и прекрасной сохранности. Все предметы заслуживают внимания и на всех имеются, кроме надписей, очень красивые небольшие изображения».¹¹⁵ Впоследствии свое нумизматическое собрание Галлера продал Королевскому нумизматическому кабинету в Париже.¹¹⁶

30 июня 1818 г. Галлера по описи сдал вещи Феодосийского музея его новому хранителю и заведующему, карантинному доктору И. И. Граперону.¹¹⁷ Этот французский эмигрант, глава феодосийской масонской ложи Иордан (1812—1848), объединявшей итальянских и французских жителей города,¹¹⁸ был достаточно образованным человеком — он получил известность не только как ученый-медик, но и как коллекционер древностей и «ревностный археолог», который составил план генуэзской Кафы.

Доктор медицины Иван Иванович Граперон (Грапперон, 1774—1848), уроженец Орлеана, дворянин, учился на медицинском факультете Парижской Академии (1791—1796), как врач приобрел добрую репутацию еще на родине. В 1809 г. по рекомендации Наполеона был приглашен на русскую службу по контракту. В Петербурге его диплом был подтвержден «испытанием» в Медико-хирургической академии. Недолгое время прослужив в столице, в 1810 г. Грапе-

¹¹² ОР РГБ, ф. 226, карт. 2, д. 1, л. 22 (письмо А. А. Писарева С. М. Броневскому из Москвы от 1 мая 1825 г.).

¹¹³ Там же, д. 60, л. 1—7.

¹¹⁴ Там же, ф. 203, оп. 1, д. 8, л. 337 (пункт 1).

¹¹⁵ ОР РНБ, Нем. Q 181, л. 259 об.—260 об.

¹¹⁶ Кёппен П. И. Древности северного берега Понта. М., 1828. С. 4—5.

¹¹⁷ ИР ЦНБ, V, 1130—1185, л. 27—27 об.

¹¹⁸ Серков А. И. История русского масонства XIX в. С. 20, 93, 257.

рон по прошению переехал в Крым, работал в воинских лазаретах, в 1821 г. стал главным медицинским чиновником Феодосийского карантинного, затем по роду службы (борьба с чумой, устройство санитарных кордонов и внешних карантинных) много путешествовал по Новороссийскому краю, Бессарабии и даже Румынии. В 1847 г. Граперон был вызван в Петербург «для выработки законоположения о чумной заразе» и на обратном пути, под Курском, зверски убит.¹¹⁹ Среди его бумаг, приобретенных в 1849 г. Одесским обществом истории и древностей, — хронологические таблицы царствований боспорских династов (по Кари и Стемповскому), прориси и списки монет Боспорского царства, планы Феодосии, рисунки античных надгробий и копии надписей, материалы по древней географии Северного Причерноморья, описи Феодосийского музея, инвентарные списки монет, письма Я. В. Э. Тетбу де Мариньи.¹²⁰ В материалах Кёппена сохранился список каталога принадлежавших Граперону монет.¹²¹

В описании музея, составленном П. П. Свиным в 1825 г., подчеркнуто, что главное его богатство составляет коллекция «этруских (т. е. расписных. — И. Т.) вещей, найденных в развалинах цитадели», подтверждающих гипотезу о локализации античной Феодосии на месте средневековой Кафы. «В числе сих вещей я заметил несколько глиняных пенатов, принадлежащих к эпохе совершенства искусств в Греции. Из мраморных досок любопытнее всех две: одна с греческой надписью, упоминающей о Parisates... и в честь коего, заметно, на доске сей была сооружена статуя [КБН 23]; а другая доска с именем и гербом консула Юстиниана 1474 г. [...] Еще замечательна большая доска с изображением грифона, гербом Пантикапеи. Между монетами примечательнейшими могут почесться золотая Лизимаха и серебряная Леандра, подаренные музею его величеством государем императором Николаем Павловичем в бытность его еще великим князем. [...] Собрание сие помещено в небольшой турецкой мечети, у преддверия коей поставлены два мраморных льва, вытасенные в Фанагории из моря».¹²²

Средства, выделяемые думой на музей, были незначительны — с 1811 г. по 1826 г. «на содержание музея и разные в оном поправления» было получено всего 776 р. 43 к. (не считая 1250 р. на покупку коллекции купца Дживарджи в 1811 г.).¹²³ П. И. Кёппен, посетивший Феодосию в ноябре 1827 г., в 1833—1834 гг., также составил опись музея, которая почти не отличается от описи 1816 г. В доме у Граперона Кёппен осмотрел только что купленные в Керчи мрамор с надписью и несколько редких боспорских монет.¹²⁴ Видимо, и Галлера, и Граперон больше думали о пополнении своих собственных коллекций древностей, чем о новых поступлениях в фонды музея. Только благодаря пожертвованиям частных лиц — С. М. Броневского, генерала Тучковина, графа Потоцкого, барона А. К. Боде, графа Л. Кочубея, Л. А. Перовского, А. Ф. Спады¹²⁵ — число экспонатов медленно росло.

В июне 1826 г. И. П. Бларамберг осмотрел Феодосийский музей и проверил наличие вещей по описи. «Я полагаю, — писал он Воронцову, — что с малыми издержками можно бы было дать сему хранилищу вид гораздо пристойнейший, прибавлением в некоторых местах окон для лучшего освещения разных предметов, особливо надписей, которые теперь едва разобрать можно...». Он также предложил переместить пантикапейский барельеф с изображением грифона (рис. 77), ранее украшавший портал Керченской крепости и неизменно вызывавший внимание путешественников,¹²⁶ в Керченский музей в обмен на четыре античные статуи из Таганрога (гл. 17), описанные И. А. Стемповским (документ № 13) и по его же настоянию перевезенные в Керчь.¹²⁷ Это предложение не получило отклика Граперона, поэтому барельеф с грифоном и поныне хранится в Феодосийском краеведческом музее.¹²⁸ Язывительный Ф. Ф. Вигель писал о докторе Грапероне, что он «столь же мало смыслит в архео-

¹¹⁹ Колли Л. П. Иван Иванович Граперон. С. 38—47.

¹²⁰ ИР ЦНБ, V, 1130—1185.

¹²¹ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 475, л. 34—35.

¹²² Свиный П. П. Обзорение путешествия... С. 462—464.

¹²³ ИР ЦНБ, V, 1264, л. 83.

¹²⁴ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 144, л. 78—82; д. 344, л. 162 об. — 165 об., 168 (выписка из письма Платона Ивановича Курсы о феодосийских памятниках).

¹²⁵ ИР ЦНБ, V, 1266, л. 88—89.

¹²⁶ Свиный П. П. Обзорение путешествия... С. 462—464; Мурзакевич Н. Н. Поездка в Крым в 1836 г. // ЖМНП. 1837. Ч. 13. С. 670—673.

¹²⁷ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 135—135 об.

¹²⁸ В литературе утвердилась неверная паспортизация памятника. Так, в книге М. М. Кобылиной «Античная скульптура Северного Причерноморья» (М., 1972. Табл. 12) он описан как «Рельефная плита с изображением грифа из Фанагории. III в. до н. э. Высота 0,70 м, длина 1,75 м. Краеведческий музей Феодосии». Те же данные повторены в кн.: Штительман Ф. М. Античне мистецтво. Київ, 1977. № 127. С. 175. По архивным документам и известиям путешественников конца XVIII—начала XIX в. пантикапейское происхождение рельефа не вызывает сомнений.

Рис. 77. Барельеф с изображением грифона, украшавшего ворота керченской крепости, из Пантикапея («Pierre trouvée dans le Fort de Kertch et transportée dans le Muséum de Théodosie»). Собрание Феодосийского музея древностей. III в. до н. э. Археологический сборник А. Я. Фабра. Чернила. Перо. Не позднее 1839 г. (НА ОАМ, № 83181, л. 20. Публ. впервые).

логии, как и в медицине, а как француз берется за все, и сей музей только богат вещами, похищенными из Керчи, когда сей город был подвластным Феодосии. Большие споры идут о том между гг. Бларамбергом и Грапероном, особливо же за одного грифона,¹²⁹ высеченного на камне. Этот грифон был эмблемою Пантикапея, украшал долго ворота Керченской крепости, и насильственно завладела им Феодосия».¹³⁰

Занятый раскопками и устройством Одесского и Керченского музеев, И. П. Бларамберг не уделял достаточного внимания Феодосийскому музею. В 1826 г. по распоряжению начальства ежегодное финансирование музея (171 р. серебром) было прекращено.¹³¹

Вероятно, в середине 1830-х гг. во время первой поездки на Восток и в Иерусалим город посетил поэт А. С. Норов. Его внимание привлекли два льва при входе в здание старой мечети, где помещался музей, барельеф с грифоном, «голова Юоны аттической красоты, камень, где видны следы двух правых ног, глиняная статулька, изображающая римскую женщину (matrona), другие головки, голова воина босфорского с львиною кожей на оной, с большим выражением (бюст Геракла. — И. Т.)», греческие и генуэзские надписи, «чрезвычайной величины амфора и несколько других».¹³²

Летом 1834 г. в Феодосии побывал Ф. Дюбуа де Монпере. Судя по его описанию, музей к тому времени обогатился вещами из раскопок в районе карантина — античной расписной и чернолаковой керамикой. Дюбуа сетовал на отсутствие в музее должного количества памятников древнегреческой Феодосии и предлагал переместить в Керченский музей пантикапейские, таманские и анапские древности. Позднее он писал, что два льва, украшавшие вход в музей, и мраморные колонны, предназначавшиеся для городского собора, по приказу бывшего феодосийского градоначальника (1828—1829), затем таврического губернатора (1829—1837) А. И. Казначеева были перевезены в его поместье.¹³³

К 1837 г. относится описание музея, составленное сотрудниками экспедиции Анатолия Демидова. В самом городе они обнаружили множество генуэзских гербов, вделанных в стены

¹²⁹ К этому месту Ф. Ф. Вигель сделал следующее примечание: «...г. Бларамберг, столь страстно любящий древность, имеет еще другую страсть: говорить каламбуры и играть словами. В нетерпении своем он говорит: "Il faut absolument que je mette la griffe sur ce griffon", на что ему кто-то отвечал: "Cela sera difficile, parceque m-r Graperon a mis le grappin dessus"» (Вигель Ф. Ф. Записка о Керчи // Вигель Ф. Ф. Записки. Ч. 7. С. 54. Примеч.).

¹³⁰ Там же. С. 54.

¹³¹ ГАОО, ф. 93, оп. 1, л. 40, л. 9—9 об.

¹³² ОР РНБ, ф. 531, № 118, л. 2 об.

¹³³ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 5. P. 292, 298—301. По утверждению П. С. Савельева, посетившего Феодосию в 1854 г., Дюбуа несправедливо обвинял А. И. Казначеева в уничтожении мечети

или использовавшихся в качестве украшения у входа в жилые дома. Меньше чем за час путешествия венники собрали значительное число фрагментов расписной античной керамики, причем «без всякого особенного усилия».¹³⁴ Древние памятники все время попадались на глаза — несмотря на существование музея, большинство их оставалось вне его стен. Русские и иностранные путешественники охотно скупали древности, «через что край российский терял предметы, имеющие для него историческую важность». Один Граперон при полном отсутствии средств на приобретение памятников не мог уследить за всеми случайными открытиями. После трагической гибели хранителя в 1848 г. правление Феодосийского центрального карантинного взяло на себя обязанность надзора за музеем,¹³⁵ из-за чего хранилище древностей пришло в окончательный упадок.

Первый этап деятельности Феодосийского музея связан с именами дилетантов, любителей древностей — С. М. Броневского, А. Галлеры, И. И. Граперона. Сам факт появления подобного хранилища свидетельствовал о распространении любительских изысканий и коллекционирования древностей,¹³⁶ о проявлении интереса у части местных жителей к прошлому своего «классического» края. Показательно, что Феодосийский музей стал первым собранием археологических памятников Северного Причерноморья, возникшим «снизу», по инициативе самих горожан, а не по приказу администрации Новороссийского края.

4.4. ОДЕССКИЙ ГОРОДСКОЙ МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ

Директором созданного по докладу М. С. Воронцова императору Одесского городского музея древностей с окладом 3 тыс. р. серебром в год из сумм Государственного казначейства был назначен состоящий при новороссийском генерал-губернаторе чиновником по особым поручениям И. П. Бламберг. К открытию Одесского музея, состоявшемуся 9 августа 1825 г.,¹³⁷ Иван Павлович подарил ему коллекцию древностей — 14 памятников Древнего Египта, 68 бронзовых вещей из развалин Геркуланума и Помпей, 195 монет римских императоров, 70 древнегреческих монет городов Средиземноморья и Причерноморья, 50 томов книг по языкознанию, истории, археологии, географии на французском, итальянском и русском языках, в том числе издания античных авторов. Подробные списки подаренных вещей и книг сохранились.¹³⁸ В письме к М. С. Воронцову антикварий выражал надежду, что «многие

и бань на Большой площади: «Это было дело В[оронцов]а, в 1833 году, в голод, чтобы дать татарам работу (платили по 25 к. в день), В[оронцов] предписал разобрать эти здания. Жаль, что погибли при этом и камни с надписями; некоторые, впрочем, сохранились в городском музее, например надпись 819 года». Цит. по: Григорьев В. В. Жизнь и труды П. С. Савельева, преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб., 1861. С. 111. Н. Н. Мурзакевич, напротив, обвиняет в этом варварстве именно Казначеева: «Многочисленные генуэзские церкви, с давних лет оставленные, разрушались, и городская дума своевольно продавала их на сломку; камень годился на постройку дворов. Стены, по милости генерала Феньша, давно не существовали, и только некоторые башни да сухие рвы указывали бывшую величину Кафы генуэзской. Армянские и генуэзские церкви, что внутри карантинного, все были обращены в чумные помещения или склад негодных вещей. В них прежде я видел остатки живописи; но к приезду великого князя заботливый инспектор Пекарский все начисто забелил известью. Чудная судьба Феодосии! Ее всегда и все разрушали: воспорцы, татары, турки, русские войска, коменданты и градоначальники! Последний из них, Казначеев, во время голода, бывшего в Крыму в 1833—1834 гг., как таврический губернатор, представил князю Воронцову, чтобы сломать стоявшую на площади старинную великолепную турецкую баню (чудесная мечеть уже давно исчезла), с целью дать неимущим заработок; а из камня мечети и бани построить городской собор. Разумеется, представление местного ближайшего градоначальника было разрешено и здание разрушено. Но ни собора не явилось, ни камня не оказалось. На вопрос Ф. П. Литке: «По какой причине Одесское общество избрало Казначеева действительным членом?» — я отвечал: «По той, что он доставляет обществу развалины, предмет статей и описаний». Казначеева в члены предложили оба Княжевичи». См.: Записки Н. Н. Мурзакевича // РС. 1887. Т. 59. № 9. С. 587—588.

¹³⁴ Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. Анатолием Демидовым. М., 1853. С. 463—465.

¹³⁵ ГАОД, ф. 93, оп. 1, д. 40, л. 26.

¹³⁶ Разгон А. М. Исторические музеи в России (с начала XVIII в. до 1861 г.) // ОИМД. 1963. Вып. 5. С. 239.

¹³⁷ ИР ЦНБ, V, 1224, л. 43.

¹³⁸ Там же, V, 1517: Древности, пожертвованные статским советником Бламбергом для составления Одесского музея, 12 августа 1826 г. Перечень на 13 л.; V, 1045, л. 1—7 об.: Catalogues de differents antiquités du Cabinet de Blamberg.

людей поспешат добровольными приношениями умножить собрание древностей, которое должно соделаться тем важнее, что со временем должны в оном соединены быть многочисленные предметы, с давнего времени рассеянные и забытые в руках частных людей, из коих весьма немногие занимаются наукою древностей, предметы, которые, не принося никакой пользы ни владеющим оными, ни ученому обществу, подвержены тому, что при первом случае могут быть вывезены в чужие земли, вслед за множеством редких вещей, в классическом нашем крае найденных, а ныне украшающих кабинеты общественные и частные в разных странах Европы».¹³⁹

М. С. Воронцов предложил И. П. Бларамбергу завести особую книгу для учета поступлений от частных лиц, с обязательным указанием фамилий дарителей.¹⁴⁰ Генерал-губернатор Новороссии предписал всем военным городским и земским начальникам края предпринять меры по охране памятников и переправить древности, найденные в Херсонской губернии, Бессарабии и на Тендре в Одесский музей. Помня о существовании Кабинета редкостей Черноморского депо карт в Николаеве, М. С. Воронцов в одном из писем А. С. Грейгу высказал мысль о возможности в будущем обмена памятниками между одесским, керченским и николаевским собраниями.¹⁴¹

В первый год в музей поступили древности из коллекций бессарабского помещика князя Е. М. Кантакузина (35 древних монет, в том числе 2 золотые, 7 серебряных и 25 медных, «резное из слоновой кости изображение Клеопатры, несколько рукописей на греческом, молдавском и турецком языках»),¹⁴² графини Е. К. Воронцовой («лампада из глины, недавно отсыканная в развалинах Ольвии», на щитке изображение петуха, обломок терракотовой протомы — «маленького глиняного барельефа» с изображением «фигуры в одежде» из Ольвии, большая «патера глиняная или чаша» из Ольвии, маленькая краснофигурная ваза из Ольвии, т. е. лекиф с изображением пальметки, «надпись на мраморе, столь поврежденная, что едва разобрать можно несколько слов, между которыми имя Зинова и слово ΕΙΚΩΝ, т. е. изображение подает повод к догадке о сооружении статуи сему неизвестному Зинову ольвиополитами или херсонеситами. Камень сей найден недавно в г. Бериславле, куда неизвестно каким образом, когда и откуда он был привезен»¹⁴³ [НО 80?]). Туда же поступили дары И. А. Стемпковского («расписная глиняная ваза с двумя ручками, найденная в 1823 г. в Одессе между театром и новым бульваром в древней гробнице»), графа С. О. Потоцкого («сосуд — лошадиный бюст из Ольвии»), коллежского советника П. Я. Марини (25 монет римских императоров, в том числе 7 серебряных и 18 медных), белевского мещанина Сазонова (13 медных монет, в том числе 9 херсонесских, 1 пантикапейская и 3 Восточной империи), А. И. Лёвшина (10 древнегреческих медных, 2 серебряные и 4 медные Римской империи) и самого графа М. С. Воронцова (99 серебряных и 127 медных греческих и римских монет).¹⁴⁴

И. П. Бларамберг предложил музею приобрести его ольвийскую коллекцию (скульптура, мраморные архитектурные фрагменты, керамика, надписи, монеты) за 1000 червонцев. Получив разрешение от императора Николая I, М. С. Воронцов приказал купить кабинет Бларамберга на счет доходов города Одессы, а бывшему хозяину поручил составить описание собрания с рисунками.¹⁴⁵ Эта статья Бларамберга не была опубликована, но, к счастью, она сохранилась в рукописи¹⁴⁶ и позволяет уточнить происхождение некоторых неверно атрибутированных или депаспортизованных вещей ОАМ НАН Украины. Для приема в музей кабинета Бларамберга была создана комиссия в составе И. А. Стемпковского, А. Ф. Спады и О. И. Рено. В сентябре 1826 г. кабинет поступил в музей с описью, рисунками, каталогами и ведомостями.¹⁴⁷

¹³⁹ Донесение статского советника Бларамберга к господину Новороссийскому генерал-губернатору от 30 июля 1825 г. // Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения. 1827. Кн. 2. С. 189—206 (с перечнем пожертвованных древностей и книг).

¹⁴⁰ ИР ЦНБ, V, 1244, л. 43—43 об.

¹⁴¹ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, л. 1708, л. 3—4; ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 67—67 об.

¹⁴² ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 79—80, 90—97.

¹⁴³ Там же, л. 102—102 об.

¹⁴⁴ Там же, л. 103—106а.

¹⁴⁵ Там же, л. 102—106а, 110—111, 126—126 об., 132.

¹⁴⁶ Там же, V, 1017.

¹⁴⁷ Там же, V, 1224—1516, л. 149, 179; ГАОО, ф. 93, оп. 2, д. 1, л. 66—67 об.

В 1827 г. капитан одесского порта Е. В. Зонтаг заметил случайно между камней, выгруженных как балласт с прибывшего из Архипелага корабля и предназначенных для укрепления осыпавшегося откоса, служившего основанием карантинного мола, несколько мраморных фрагментов и счел нужным изучить их повнимательней. Куски представляли собой великолепно сохранившиеся два надгробных камня с барельефами и надписями, переданными Зонтагом в городской музей. Капитан корабля сообщил, что надгробия были вывезены с побережья о-ва Делос, но Бларамберг посчитал это маловероятным, так как Делос был посвящен Аполлону, а в священном месте хоронить было запрещено. Антикварий полагал, что камни были найдены на каком-нибудь малом пустынном островке, которому современные греки дали такое же имя, возможно, древней Рении Страбона в 4 стадиях от о-ва Делос, где находились памятники усопших делосцев (Strabo., X, V, 5). Сюжеты двух барельефов практически идентичны: «фигура сидящей женщины и молодой человек перед нею, который ей сжимает руку в знак вечного прощания». Надписи были опубликованы И. П. Бларамбергом в «Одесском вестнике» и переизданы А. Бёком (SIG 2314, 2317), а затем В. В. Латышевым.¹⁴⁸

С началом русско-турецкой войны 1828—1829 гг. М. С. Воронцов решил послать в Болгарию и Румелию чиновников специально для поиска древностей и приобретения их для Одесского музея: В. Г. Тепляков отправился в Варну, Анхиал, Созополь и Мессемврию, Гнедич и Соколовский искали памятники в Кюстенджи, сын И. П. Бларамберга Михаил выехал на главную квартиру русских войск. Поручик 19-го егерского полка Должиков по собственной инициативе прислал в музей 171 монету, за что был поощрен 500 р. ассигнованиями. М. И. Бларамберг собрал в Адрианополе 26 древних монет.¹⁴⁹ В отчете В. Г. Теплякова упоминается о приобретении 36 мраморов с барельефами и надписями, 89 монет, 2 ваз из Созополя, бронзового «амура» и мраморного женского бюста из Анхиала.¹⁵⁰ В 1829 г. музей древностей в Одессе значительно пополнил свои собрания античными древностями Западного берега Понта (гл. 9).¹⁵¹

Понимая необходимость увеличения штата сотрудников музея, в 1829 г. М. С. Воронцов обратился в Министерство народного просвещения с просьбой исходатайствовать 1000 р. в год из сумм Государственного казначейства на содержание помощника директора Одесского и Керченского музеев. Последний должен был заниматься снятием планов местности, изготовлением чертежей при раскопках, рисованием найденных вещей и т. п. Однако министерство ответило отказом, так как оба музея не состояли в его подчинении.¹⁵²

С момента основания Одесский музей помещался вместе с собранием директора в саду дома Бларамберга в небольшой беседке, «отделанной в приличном для сего виде». В 1830 г. музей был переведен в помещение правительственных учреждений.¹⁵³

После смерти И. П. Бларамберга (1831) музей объединили с Одесской городской публичной библиотекой; за ним стал присматривать городской библиотечарь, коллежский ассессор Анатолий, или Антон Францевич (Антоний Франциск) Спада (1779?—1843).

Сведения о происхождении Спада весьма противоречивы. По одним данным, он уроженец Ливорно (Италия), был австрийским подданным, до прибытия в мае 1801 г. в Россию состоял домашним секретарем испанского посланника в Швеции. Вигель, неприязненно относившийся к Спаде, сообщает, что он родился в Португалии, мальчиком был привезен во Францию, воспитан капуцинами и посвящен ими в монахи. Во время Великой Французской революции Спада покинул Францию и прибыл в Россию. В Петербурге служил в знатных семьях домашним секретарем и библиотечарем, затем был цензором и библиотечарем в Цензурном комитете. Начал, но не завершил работу по составлению «Историко-биографического словаря замечательных мужей России». 15 ноября 1812 г. «Антуан Шпада» принял российское подданство; с 9 декабря 1812 г. до своей смерти почетный библиотечарь

¹⁴⁸ Article communiqué par M. de B[ларамберг] // Journal d'Odessa. 1827. 19/31 Mars. № 22. P. 85—86 (то же на рус. яз.: Б[ларамберг] И. П.] Одесса, 18 марта // ОВ. 1827. 19 марта. № 22. С. 85—86). Ср.: РСА СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 2, л. 253, л. 7 об., 17—17 об.; Latischew B. Die in Russland befindlichen griechischen Inschriften // MDAI AA. 1885. Bd 10. S. 114—116. № 17—18.

¹⁴⁹ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 287—585 об.

¹⁵⁰ Шидловский А. Ф. Из бумаг В. Г. Теплякова // РС. 1896. Т. 85. С. 659.

¹⁵¹ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 315; Вязарова Ж. Н. Русские учени и болгарские старини: Исследване, материали и документи. София, 1960. С. 5—9, 58—70; Тункина И. В. К истории изучения античных памятников Западного Причерноморья в 1828—1829 гг. // Stratum plus. 1999. № 3: Скифский квадрат. С. 354—358. Подробнее см. гл. 9.

¹⁵² ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 343, 366.

¹⁵³ Свинкин П. П. Обзорение путешествия... Кн. 75. С. 91; Разгон А. М. Исторические музеи... С. 240.

Имп. Публичной библиотеки, в 1819 г. принимал участие в описании и каталогизации богословских книг на итальянском языке. Издал посвященный императору четырехтомный труд «*Ephémérides Russes politiques, littéraires, historiques et péculogiques*» (СПб., 1816), который по дням года давал краткие сведения о персонажах российской истории от Владимира Мономаха до начала XIX в. В 1819 г. переехал в Одессу, служил преподавателем французского языка и словесности в Ришельевском лицее, цензором иностранной литературы; публиковал статьи в «*Messenger de la Russie méridionale*» и «*Journal d'Odessa*». В Одессе Спада познакомился с А. С. Пушкиным. В первые годы пребывания в Одессе собрал коллекцию античных монет, но вскоре продал ее И. А. Стемповскому. В начале 1829 г. Спада поступил на службу в канцелярию одесского градоначальника, где ведал иностранной перепиской, в том же году был назначен библиотекарем (заведующим) Городской публичной библиотекой, занялся ее каталогизацией. Член Одесского общества истории и древностей, Падуанской Академии наук и искусств, Флорентийской Академии художеств, Римской Академии св. Луки и др.¹⁵⁴

В 1833 г. Спада был утвержден директором музея с окладом 1500 р. серебром в год из сумм государственного казначейства.¹⁵⁵ Современники Спады Ф. Ф. Вигель и Н. Н. Мурзакевич дают ему совершенно уничижительную характеристику.¹⁵⁶ Библиотека и музей были постоянно закрыты, так как весьма далекий от научных интересов «дамский потешник» почти не занимался своими прямыми обязанностями, а деньги, получаемые на содержание библиотеки, тратил на подарки сослуживцам и знакомым дамам.¹⁵⁷

В годы директорства Спады музей пополнялся лишь случайными находками и редкими дарами. В 1837 г. туда поступили 22 монеты, открытые при обвале берега лимана близ деревни Ивановки под Очаковым. По распоряжению М. С. Воронцова в 1834 г. у Елены Бларамберг приобрели древности из коллекции ее отца, а в 1842 г. на выделенные Одесской городской думой 310 р. ассигнациями купили древнее кольцо и несколько римских золотых и серебряных монет.¹⁵⁸

Никакой работы по научному изучению и классификации экспонатов хранителем не велось. А. Ф. Спада не только не занимался комплектованием фондов, но даже продавал или просто раздаривал некоторые древности, которые не вносил в инвентарную опись, частным лицам. Впоследствии обнаружилось, что он отправил в Петербург Ф. А. Жилю две бронзовые фигурки, изображающие «Венеру с яблоком и быка», золотую, серебряную и бронзовую консульские монеты с предложением купить эти вещи для Эрмитажа.¹⁵⁹ Вероятно, немалая часть монет музея осела в частной коллекции молодого князя В. В. Кочубея, учителем которого он когда-то был.

После смерти И. П. Бларамберга М. С. Воронцов стал меньше уделять внимания музею. В 1834 г. в составленной им справке для министра внутренних дел он уже не просит о каком-либо улучшении одесского древлехранилища, полагая, что «сторож библиотеки смотрит и за музеем; следовательно, в настоящем положении оного, соответственно местным обстоятельствам, нет надобности увеличивать штат..., ни назначать особых сумм на увеличение и распространение оного, по той причине, что в настоящее время отыскивание древностей случается очень редко; а если бы когда нашлись предметы, заслуживающие особенного внимания, или нужно было бы где-нибудь сделать археологические разыскания, то... издержки на сие можно употребить из городских доходов, отчисляемых на экстраординарные расходы». Вывод генерал-губернатора очевиден: музей может оставаться в том же положении, «без изменения в составе оного, а равно и в способах существования».¹⁶⁰

Опасаясь пропажи лапидарных памятников, М. С. Воронцов приказал одесскому градоначальнику А. И. Лёвшину потребовать у А. Ф. Спады копии надписей, хранившихся в музее. Описание 11 древнегреческих надписей с достаточно безграмотными аннотациями директора на французском языке было представлено графу в феврале 1837 г. Все надписи легко атрибутируются. На полях документа сохранилась красноречивая карандашная запись секретаря

¹⁵⁴ См. о нем: *Шилов Л. А.* Спада Антон Францевич // *Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь.* СПб., 1995. Т. 1. С. 484—486.

¹⁵⁵ РА ИИМК, ф. 6, оп. 1, д. 18, л. 1—1 об., 16, 30 об.

¹⁵⁶ *Вигель Ф. Ф.* Записки. Ч. 7. С. 190—191; Записки Н. Н. Мурзакевича. С. 657—658 («испанский жид, выкrest иезуитский и некогда лектор у князя В. П. Кочубея»). См. также: *Мурзакевич Н. Н.* Антоний Франциск Спада: Некролог // *ЗООИД.* 1844. Т. 1. С. 591—592.

¹⁵⁷ Записки Н. Н. Мурзакевича. С. 658.

¹⁵⁸ ГАОО, ф. 1, оп. 200-1837, д. 44, л. 1—4 об.; ф. 93, оп. 1, д. 172, л. 5—8, 11—11 об.

¹⁵⁹ Там же, ф. 93, оп. 1, д. 172, л. 18; *Разгон А. М.* Исторические музеи... С. 245.

¹⁶⁰ РА ИИМК, ф. 6, оп. 1, д. 18, л. 31. об.—32.

генерал-губернатора, свидетельствующая о том огромном значении, какое придавал М. С. Воронцов эпиграфическим памятникам Причерноморья: «Его сиятельству приказал составить по сему предмету особое дело, а полученные надписи, равно как и ожидаемые из других мест сведения сего рода, хранить в канцелярии как величайшую драгоценность».¹⁶¹

До М. С. Воронцова, вероятно, доходили слухи о недостойном поведении хранителя музея, путавшего государственный и личный карман. Граф понимал неспособность Спады сделать научное описание коллекции, сильно сократившейся в нумизматической части из-за преступного отношения хранителя, раздаривавшего монеты своим знакомым коллекционерам. В 1838 г. генерал-губернатор Новороссии предложил учителю начального училища при Ришельевском лицее в Одессе историку Н. Н. Мурзакевичу классифицировать и описать древности. Не без сопротивления со стороны Спады, Николай Никифорович приступил к систематизации памятников. В делах ООИД сохранилось донесение Н. Н. Мурзакевича М. С. Воронцову от 22 марта 1840 г. с представлением рукописи 1-го отделения I части каталога: «В... 1838 г. Вашему сиятельству угодно было пригласить меня к составлению подробного описания Одесского городского музея древностей. В марте месяце того же года я приступил к описанию одного... Так как городской музей древностей составлен из двух частей — нумизматической и статуй и разных сосудов, то и я счел приличным мое описание разделить также на 2 части: часть I-ю нумизматическую и часть II-ю — собственно археологическую, разделив I-ю часть на 2 отделения. 1-е отделение — монет греческих, т. е. городов греческих вольных и автономных, и 2-е отделение монет римских, начиная с консульских и оканчивая разделением Римской империи надвое: Восточную и Западную [...] Что же касается до второй части, то и она в непродолжительном времени будет кончена, если необходимые при сем ученые пособия будут достаточны. Рисунки с мраморов и сосудов вчерне иностранцем Бассоли уже кончены. Нужно их только еще раз проверить с подлинниками, и тогда можно будет приступить к вылитографированию оных, на что Ваше сиятельство изволили изъявить согласие».¹⁶² В 1841 г. вышло описание первой части научного каталога — нумизматической коллекции, предваряемое предисловием с кратким очерком археологических исследований в Новороссии. Книга была опубликована на латинском языке «как доступном всем антиквариям и особенно нумизматам» тиражом 300 экз. на средства образованного к тому времени Одесского общества истории и древностей.¹⁶³

В архиве Одесского археологического музея хранится альбом «Рисунки предметов, принадлежащих Одесскому городскому музею древностей»,¹⁶⁴ составленный под руководством Н. Н. Мурзакевича известным рисовальщиком *Карло Бассоли* (в другом написании *Бассоли*, *Carlo Bossoli*, 1815—1884) — иллюстрации ко второй части описания музея, так и не вышедшей в свет.

Родился К. Бассоли в швейцарском городе Лугано, спустя 5 лет его семья переехала в Одессу, где проявилось его художественное дарование, обратившее на себя внимание М. С. Воронцова. Художник — автор видов Одессы и Крыма (1837, 1840—1842), частично хранящихся в Эрмитаже. Бассоли сопровождал Е. К. Воронцова в путешествии по Италии (1839—1840). В 1843 г. вместе с престарелой матерью он вернулся на родину, много путешествовал. В 1856 г. в Лондоне вышел литографированный альбом «Пейзажи и достопримечательности Крыма», включающий 52 таблицы его произведений.¹⁶⁵

В альбоме К. Бассоли 92 таблицы с карандашными рисунками египетских древностей, греческих ваз, терракот, бронзовых изделий, скульптуры, рельефов, древнегреческих и латинских надписей, правда, без аннотаций. Каждый рисунок сопровождается масштабом в вер-

¹⁶¹ ГАОО, ф. 1, оп. 200-1837, д. 97, л. 1—14 (№ 1=IPE, I², 129, ныне в ОАМ; № 2=IGBR, I², 76, из Варны (Одессос); коллекция Бларамберга, ныне в ОАМ; № 3=CIG 2056d, из Созополя (Аполлония); № 4=CIG 2056b, из Варны (Одессос); № 5=IPE, I², 96, ныне в ОАМ; № 6=IPE, I², 275; № 7=IPE, I², 230; № 8=IPE, I², 255, ныне в ОАМ; № 9=CIG 2317, привезена в Одессу капитаном Одесского порта Зонтагом в качестве балласта из района о-ва Делос; № 10=IPE, I², 334; № 11=IPE, I², 127).

¹⁶² ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 174, л. 21—21 об.

¹⁶³ Записки Н. Н. Мурзакевича // PC. 1887. Т. 55. № 9. С. 496—497; *Murzakewicz N. Descriptio musei publici Odessani / Sumptibus Societatis Historiae et Antiquitatum Odessanae, cura et labore. Odessae, 1841. Pars I, continens Numophylacium Odessanum.*

¹⁶⁴ НА ОАМ, инв. № 83179.

¹⁶⁵ См. о нем: *Вишневская Е.* Наследие «Русской Италии» // Таврика. Симферополь, 1998. С. 93—94; ГАОО, ф. 1, оп. 200, д. 44, л. 1—1 об.

сках; все они выполняли аккуратно и достаточно профессионально. П. О. Карышковский, внимательно изучивший альбом, обнаружил на его листах рисунки двух утерянных ольвийских надписей с посвящениями Ахиллу Понтарху и Аполлону Простату.¹⁶⁶ Среди архивных материалов ООИД мне удалось обнаружить опись Одесского городского музея с отсылками на номера альбома К. Боссоли,¹⁶⁷ которая позволит атрибутировать или уточнить происхождение ряда памятников ОАМ; правда, литографированные таблицы с рисунков, которые художник обязался выполнить за 400 р. ассигнациями, так и не нашлись. Другой документ — «Опись мраморам городского музея 1855 года» (49 номеров), составленная унтер-офицером Павлом Пороховником, также содержит ссылки на номера рисунков упомянутого альбома.¹⁶⁸

Одесский городской музей древностей стал первым музеем в Северном Причерноморье, специализировавшимся на сборе археологических памятников. Его первый директор И. П. Бларамберг, поддерживаемый М. С. Воронцовым, старался сосредоточить здесь артефакты, случайно найденные на огромном пространстве от Дуная до Днепра. Основой коллекции стало собрание самого И. П. Бларамберга. Следуя его примеру, и другие местные коллекционеры передавали часть вещей из своих собраний в дар музею. С именем Бларамберга связано начало научного изучения памятников археологии в Одессе.¹⁶⁹ Однако пришедший на смену И. П. Бларамбергу А. Ф. Спада не сумел обеспечить дальнейшее развитие музея, а, наоборот, привел его в состояние застоя. Городские власти, периодически выделявшие средства из сумм думы, не проявляли к музею должного внимания. Новый этап деятельности Одесского городского музея древностей связан с приходом в него Н. Н. Мурзакевича.¹⁷⁰

4.5. КЕРЧЕНСКИЙ МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ¹⁷¹

По утвержденному Александром I докладу М. С. Воронцова о необходимости открытия в Одессе и Керчи музеев, последний должен был хранить памятники, найденные в окрестностях Керчи, по берегам Боспорского пролива, на Таманском полуострове и в Крыму.¹⁷²

Генерал-губернатор Новороссийского края направил предписания феодосийскому, керчь-еникальскому, таганрогскому градоначальникам, таврическому губернатору, атаманам Войска Донского и Черноморского казачьего войска об охране памятников и присылке в Керченский музей всех находимых древностей. Из Таганрога привезли античные статуи, обнаруженные И. А. Стемповским (гл. 17).¹⁷³

В письме к И. П. Бларамбергу от 31 марта 1826 г. М. С. Воронцов предписал директору отправиться в Керчь для открытия музея и «для занятия систематического разрытия одного или двух курганов в окрестностях Керчи». 2 июня 1826 г. музей был официально открыт. «Дом нанял я для помещения музея по необходимости, — сообщал И. П. Бларамберг, — и до дальнейшего повеления Вашего Сиятельства, на два месяца у г. Павла Дюбрюкса, за 400 рублей в год, с тем уговором, чтобы все нужные поправки и раскрашения зала, сделаны были на счет его».¹⁷⁴

И. П. Бларамберг сразу же включился в активную деятельность по организации фондов музея. У частных лиц были «собраны» мраморные статуи (рис. 78), надгробия и «другие камни с барельефами и надписями», большое количество амфор. Вещи из первых раскопок директора также поступили в музей (гл. 14). Но Бларамберг очень беспокоился за сохранность

¹⁶⁶ Карышковский П. О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды. 4: Два утерянных ольвийских посвящения римского времени // ВДИ. 1962. № 3. С. 146—152.

¹⁶⁷ ИР ЦНБ, V, 1548—1561, л. 25—32.

¹⁶⁸ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 174, л. 62—66.

¹⁶⁹ Дзис-Райко Г. А. 150 лет Одесскому археологическому музею // МАСП. 1976. Вып. 8. С. 6.

¹⁷⁰ Разгон А. М. Исторические музеи... С. 249. Подробнее см. гл. 7.2.

¹⁷¹ См.: Марин Ю. Ю. Сто лет Керченского музея: (Исторический очерк). Керчь, 1926; Гусаров Ф. Т. Керченскому музею 125 лет // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952. Т. 1. С. 5—17; Лазенкова Л. М. Керченский музей древностей: Основатели. Керчь, 1998; Тункина И. В. Первые годы деятельности Керченского музея древностей // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Т. 3. С. 39—60.

¹⁷² ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 12.

¹⁷³ Там же, л. 25, 51—51 об., 53, 69—71 об.

¹⁷⁴ Там же, л. 112, 127—127 об., 131—131 об.

Рис. 78. «Торс колоссальной мраморной статуи Эскулапа» («боспорского царя»), хранившийся во дворе церкви Иоанна Предтечи, затем в Керченском музее, с 1851 г. в Эрмитаже. Археологический сборник А. Я. Фабра. Чернила. Перо. Не позднее 1839 г. (НА ОАМ, № 83181, л. 18. Публ. впервые).

вещей: «... как воровство здесь дошло до такой степени, что полицмейстер уверял меня, будто в ночное время вломались к нему в дом и успели его самого обокрасть, то полагаю хранение сих вещей не безопасным, ежели не благоугодно будет сделать Вашему Сиятельству распоряжение о учреждении военного поста пред домом музея..; до получения на сей предмет разрешения, я означенные вещи отдал для хранения в керченскую карантинную контору». Воронцов немедленно приказал исполняющему должность градоначальника поставить караул перед домом Дюбрюкса — «ежели за недостатком войск военного корпуса иметь нельзя, то предпшите полиции хранить те вещи под собственную ее ответственность».¹⁷⁵

Так как Бларамберг постоянно жил в Одессе и лишь наездами посещал Керчь для проведения археологических раскопок и проверок состояния хранилища, ключи от дверей музея, по рекомендации Р. Скасси, он оставлял у досмотрщика Керченской таможни, канцеляриста В. П. Дзюбинского,¹⁷⁶ а ключи от ящика с древностями отдавал на хранение коллежскому секретарю А. Б. Ашику, который в то время служил при попечителе Керченской и Бугазской торговли.¹⁷⁷

Среди первых дарителей вещей документы сохранили имена жены генерал-майора Насаккиной (надпись Фаномаха на мраморе, КБН 113), керченского жителя Триполитова и П. Дюбрюкса. В благодарственных письмах М. С. Воронцова выражается пожелание, чтобы «прочие жители Керчи подражали вам, стараясь о пользе и выгоде города, в котором вы живете. Всякий подобный поступок будет принят с признательностью и доведен до сведения высшего правительства». Дюбрюкса граф просил «по охоте и сведениям вашим в археологии вперед, если можно, помогать нам в обогащении [рождающегося] ныне заведения».¹⁷⁸

В марте 1828 г. И. А. Стемповский был назначен керчь-еникальским градоначальником и переехал в Керчь. Он фактически возглавил деятельность керченского археологического кружка, стал всемерно содействовать археологическим разведкам и раскопкам П. А. Дюбрюкса, И. П. Бларамберга, Р. А. Скасси, контролировал открытие склепа Куль-Обы.¹⁷⁹

Переселение И. А. Стемповского в Керчь очень благоприятно отразилось на деятельности Керченского музея древностей. Судя по документам, И. П. Бларамберг оставался директо-

¹⁷⁵ Там же, л. 134 об., 176.

¹⁷⁶ «Канцелярист Вицентий Петров сын Дзюбинский 31 года, цейхвахтер Керченского карантинного дома, из польских шляхтичей, в службу вступил в Керченскую портовую таможенную пахтауэным досмотрщиком 18 сентября 1823 г., досмотрщиком 30 октября 1825 г., из таможни перемещен в Карантин в должность цейхвахтера 12 июня 1830 г.» (из формулярного списка от 30 сентября 1831 г.: РГИА, ф. 1349, оп. 4-1831, д. 105, л. 60 об.—61).

¹⁷⁷ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 134 об.—135.

¹⁷⁸ Там же, л. 147, 175—175 об.

¹⁷⁹ РА ИИМК, ф. 7, оп. 1, д. 11, л. 15—16 об.

ром номинально и крайне редко появлялся в Керчи. Вся переписка о музее велась между И. А. Стемпковским, на которого легла забота о пополнении фондов, и М. С. Воронцовым. Если до приезда Стемпковского в музей хранилось лишь 3 надписи, то через четыре года их было уже 12, а коллекция монет увеличилась до 200 экз.¹⁸⁰

В марте 1829 г. городской архитектор Керчи А. Дигби и олесский купец 1-й гильдии С. Томазини передали в музей древности случайно открытые при добыче глины близ Замостского кордона — 10 терракотовых статуэток, 5 ваз разной величины, множество мелких женских украшений из кости, стекла и перламутра.¹⁸¹

В 1829 г. начали ломать сооружения старой керченской крепости, а камень продавать жителям города. В стенах укреплений были «видны во многих местах куски древних мраморов». Несмотря на предупреждение полиции, невежественные рабочие совершенно не обращали внимания на древности, «в глазах их никакой цены не имеющие», и, как писал И. А. Стемпковский М. С. Воронцову, «недавно случилось, что обломок с надписью едва не был обращен в новую постройку». Чтобы предотвратить утрату памятников, И. А. Стемпковский нанял специального человека, надсмотрщика, который «безотлучно находился при разломке стен старых строений, осматривая все добываемые из оных камни и наблюдая о сбережении и обращении в музей тех, кои окажутся с изображениями, надписями и проч.». В результате в музей поступили несколько мраморных и известняковых «украшений древней архитектуры», хорошо сохранившийся карниз «с вырезками», «прекрасный фриз», украшенный ветвями оливы, часть фронтона, «служившего, вероятно, украшением дверей какого-либо значительного здания».¹⁸² Еще М. И. Ростовцев предположил, что район бывшей турецкой крепости и Предтеченской площади (в советское время пл. Ленина) в древности был центром общественной и религиозной жизни Пантикапея.¹⁸³ Музей пополнился найденными здесь обломками надписей (КБН 17, 37, 41).¹⁸⁴

По инициативе градоначальника у одной «недостаточной вдовы» за 20 р. купили древнегреческий надгробный барельеф с надписью, а у какого-то жителя всего за 30 р. ассигнациями приобрели несколько фрагментов глиняных и мраморных «фигур», небольшие вазы и свечильники, кусок мрамора, «на коем виден отрывок надписи, означающий 499 г. по нонтийскому летоисчислению (что довольно редко на памятниках сего рода)» (КБН 867).

В «Описи приобретенным в течение 1829 г. древностям для Керченского музея...» перечислено более 50 номеров, в каждом из которых учтено несколько однородных памятников — 9 мраморов с надписями, 6 барельефов, около 80 фрагментов мраморных статуй и архитектурных деталей, большое число ваз и терракот, несколько вещей из алебаstra, монеты и т. п.¹⁸⁵

В следующем году И. А. Стемпковский в специальной записке М. С. Воронцову пытался доказать необходимость поступления в музей всех древностей, найденных на Таманском полуострове как «принадлежащих» Боспорскому царству и имеющих неразрывную связь с керченскими. «Ученые и любопытные путешественники, — писал градоначальник, — извлекли бы более пользы, находя все предметы в одном месте и сливая оные один с другим...». Генерал-губернатор обратился к командующему Черноморским казачьим войском Г. А. Эммануэлю с просьбой передать в музей несколько «мраморов с важными историческими надписями», хранящихся в галерее при входе Покровской церкви в ст. Тамань. Однако перевозку древностей удалось осуществить только в 1833 г., когда наказной атаман Н. С. Завадовский разрешил передать в музей «древние памятники и прочие вещи, кроме четырех колонн без надписей».¹⁸⁶

Открытие богатейших погребений в кургане Куль-Оба привлекло внимание правительства к памятникам Восточного Крыма. Из многочисленного погребального инвентаря Куль-Обы император разрешил оставить в Керчи лишь два больших медных котла, две поврежденные чаши, обломки железного оружия и деревянных предметов. В 1832 г. Стемпковский по тре-

¹⁸⁰ Дюбрюк П. А. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море // ЗООИД. 1858. Т. 4. С. 27—28.

¹⁸¹ ИР ЦНБ, V, 1224—1517, л. 305.

¹⁸² Там же, 1224—1517, л. 306—307, 319.

¹⁸³ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 148.

¹⁸⁴ Стемпковский И. А. Надпись, найденная в Керчи // ОВ. 1829. № 39. С. 137—138.

¹⁸⁵ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 306—307 об., 385—387 об.

¹⁸⁶ Там же, л. 394—394 об., 410; АВ СПбИ ИВ, ф. 52, оп. 1, д. 82, л. 4.

бюзовию А. Н. Оленина отправил в Петербург деревянные обломки «музыкального инструмента (лиры?)».¹⁸⁷ Изделия из драгоценных металлов, расписная керамика и другие эффектные находки из раскопок Д. В. Карейши отправлялись в Петербург, а менее ценные в художественном отношении памятники помещались в местном музее. В феврале 1833 г. М. С. Воронцов, воспринимавший местные музеи как свое детище, выступил с предложением, чтобы «в случае отыскания в Керчи или в другом каком-либо месте Новороссийского края древностей, которые будут потребованы и отправлены в Санкт-Петербург, Кабинет Его Имп. Величества высылал в вознаграждение сумму, равняющуюся ценности отправляемых вещей, чтобы также на счет того же Кабинета, или других каких-либо сумм, присылать в музей Одесский и Керченский модели и слепки отсылаемых вещей». Однако Николай I отверг это предложение, заявив, что найденные при археологических исследованиях памятники принадлежат казне, а на раскопки в Новороссии государством отпускается специальная сумма.¹⁸⁸ Министр внутренних дел Д. Н. Блудов так оценивал назначение провинциальных музеев Новороссийского края: «Цель учреждения Одесского и Керченского музеев без сомнения есть та, чтобы сохранить те вещи, открытые на месте, кои по огромности не могут быть доставлены в С.-Петербург или коим здесь уже много подобных, или наконец такие, кои лишь по местным отношениям и воспоминаниям любопытны и достойны замечания».¹⁸⁹

После смерти И. П. Бларамберга (1831) и И. А. Стемпковского (1832) музей некоторое время находился под присмотром П. Дюбрюкса, в доме которого он помещался. В 1832 г. М. С. Воронцов предложил А. Б. Ашику, бывшему в то время при керчь-еникальском градоначальнике князе З. С. Херхеулидзе чиновником «по сношениям с закубанцами»,¹⁹⁰ занять вакантную должность директора. «Я усиленно старался избежать этого, — вспоминал Ашик, — опасаясь, что не смогу достойно выполнять возложенные этим постом обязанности; но князь желал, чтобы я стал директором, и его волю следовало исполнить. Хотя правила музея не накладывают на директора никаких обязанностей, кроме ведения раскопок, *задача, которую может выполнять каждый* (курсив мой. — И. Т.), однако мое собственное увлечение не позволяло мне носить звание директора без того, чтобы дать некоторые доказательства моих скромных познаний в археологии: чтобы достичь этого, я окружил себя книгами и вступил в переписку с крупнейшими знатоками древностей в Европе..., с их помощью я много работал».¹⁹¹

28 мая 1833 г. по распоряжению М. С. Воронцова директором музея с окладом 1500 р. серебром в год был утвержден А. Б. Ашик. В том же году музей переехал в построенный для тауптвахт дом, охраняемый караульным. Первая мебель — шкаф и стол — сделана была из древних «гробовых досточек можжеVELO-кипарисового дерева», найденных при раскопках в керченских склепах,¹⁹² что красноречиво характеризует свойственное даже образованным кругам общества утилитарно-потребительское отношение к древностям. Чтобы избежать этого, в январе 1837 г. М. С. Воронцов специально предписал керчь-еникальскому градоначальнику: «При разрывке близ Керчи курганов находят в них особенной конструкции своды, сложенные насухо из больших каменных плит, а внутри них, в числе других древностей, оказываются иногда деревянные гробы. Оба эти предмета по отдаленной древности их составляют большую редкость в археологическом отношении и потому желательно, чтобы первые оставались в таком виде, в каком найдены при разрывке курганов, и чтобы последние *хранить без употребления на какие-либо поделки* (курсив мой. — И. Т.)».¹⁹³

С назначением А. Б. Ашика встал вопрос об источниках финансирования музея. Во времена И. П. Бларамберга для производства раскопок и покупок древностей М. С. Воронцовым была выделена определенная сумма из средств на охрану памятников Новороссии, ассигнованная Александром I в 1822 г. (в 1826 г. — 541 р. 30 к., в 1827 г. — 1000 р., в 1829 г. — 457 р. 25 к. на раскопки и 500 р. на покупки вещей, в 1830 г. — 500 р. на приобретение

¹⁸⁷ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 2, 116.

¹⁸⁸ Там же, л. 119—120, 122—122 об.; оп. I-1833, д. 5, 1 л.

¹⁸⁹ РА ИИМК, ф. 6, оп. 1, д. 18, л. 16—16 об.

¹⁹⁰ Там же, ф. 63, оп. 1, д. 7, л. 105 об.—106.

¹⁹¹ Там же, ф. 6, д. 199, л. 3—3 об.: письмо Ашика гр. Л. А. Перовскому от 12 июня 1852 г.

¹⁹² Мартин Ю. Ю. Сто лет Керченского музея... С. 17.

¹⁹³ АВ СПбФ ИВ, ф. 52, оп. 1, д. 82, л. 1—1 об.

памятников и т. п.).¹⁹⁴ К началу 1833 г. 10 тыс. р., в счет которых приобретались древности и для Одесского музея, производились раскопки и поездки И. П. Бларамберга, В. Г. Телякова и др., были почти полностью израсходованы. Поэтому М. С. Воронцов обратился в Министерство внутренних дел с предложением компенсировать расходы на раскопки из средств Кабинета Его Императорского Величества и возвращать в Керчь модели и слепки отсылаемых в Петербург древностей. Первое предложение М. С. Воронцова было отвергнуто императором, а на второе последовала оговорка — слепки делать «по возможности», за счет Кабинета, что практически никогда не исполнялось.¹⁹⁵

Министр внутренних дел Д. Н. Блудов поручил М. С. Воронцову составить «устав... для действий в собрании и хранении редкостей» Керченского музея, а генерал-губернатор поручил его керчь-еникальскому градоначальнику. В итоге были составлены правила, в которых подчеркивалась необходимость: проводить археологические раскопки «постоянно и постепенно, по мере преподаваемых к тому способов», начать строительство нового здания музея, включить в штат сторожа, директору докладывать о новых открытиях новороссийскому генерал-губернатору, все «дорогие и заслуживающие особенного внимания древности» отправлять в императорский Кабинет, Д. В. Карейше представлять отчет о расходовании сумм, а остатки передавать в распоряжение директора, ежегодно отпускать 3000 р. из татарского сбора Таврической губернии на раскопки и развитие музея. В 1834 г. император утвердил правила, за исключением пунктов, касающихся работ Д. В. Карейши, который оставался подотчетен лишь Министерству Имп. двора под контролем керчь-еникальского градоначальника.¹⁹⁶

Масштабные полевые работы А. Б. Ашика требовали увеличения ассигнований на раскопки, а также обязательного включения в штат музея художника для зарисовки древностей и изготовления слепков. В следующем году М. С. Воронцов просил увеличить сумму для музея до 5000 р. в год «от казны», что было утверждено Комитетом министров осенью 1835 г.¹⁹⁷ С того же года в штат музея были включены два художника (рисовальщик и лепщик) с жалованьем по 1 тыс. р. в год.

Новое здание музея стали возводить в 1835 г. на горе Митридат. Ф. Дюбуа де Монпере писал: «Эта точная копия храма Тезея в Афинах (рис. 72); можно судить о том, какое впечатление он производит со всех сторон Босфора, особенно, когда эта величественная громада, освещенная снизу фронтона доверху, отражается в волнах...».¹⁹⁸ Однако обширное здание, построенное по проекту одесского городского архитектора (с 1818 г.) Егора Ивановича Торичелли (Toricelli, 1796—1843), было непрактично — через верхний люк, устроенный для лучшего освещения интерьера, проникал дождь, из-за открытой местности крышу часто срывал ветер. Здание не отапливалось, зимой промерзало и требовало постоянного ремонта; для его охраны рядом специально построили караульное помещение. Лишь 24 июня 1841 г. перевод памятников в новое здание музея был завершен.¹⁹⁹

В 1830-е гг. в Керчи побывали Ф. Дюбуа де Монпере (1832—1834), Н. Н. Мурзакевич (1836), участники экспедиции А. Демидова в Южную Россию и Крым (1837) — все они оставили описание собраний музея.²⁰⁰ Однако их оценки состава и ценности фондов значительно разнятся между собой. Если Ф. Дюбуа де Монпере разочаровала нумизматическая коллекция, то Н. Н. Мурзакевичу она показалась любопытной, хотя и неполной. Если Н. Н. Мурзакевич отмечает недостаточную «блистательность» собрания расписных ваз, то спутники А. Демидова констатируют, что музей в Керчи «один из богатейших и замечательнейших музеев, какие мы когда-либо видали», так как «одни этрусские вазы... стоят того, чтобы об них написать целый археологический трактат... и с ними бы хорошо познакомить Европу, сняв их на гравюру». Они же отметили, что музей «содержится превосходно», «в расстановке предметов соблюден, по возможности, хронологический порядок», при каждой надписи, для удобства посетителей, помещен перевод на русском и французском языках. Вещи хранятся в шкафах, снабженных

¹⁹⁴ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 186, 212, 309, 341, 401.

¹⁹⁵ РА ИИМК, ф. 6, оп. 1, д. 18, л. 2—2 об., 7.

¹⁹⁶ Там же, л. 32—35, 53 об., 67—68.

¹⁹⁷ Там же, л. 81—83 об., 100 об.—101, 104—104 об., 105, 106—106 об.

¹⁹⁸ Dubois de Montpèreux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 5. P. 229.

¹⁹⁹ Мартин Ю. Ю. Сто лет Керченского музея... С. 17.

²⁰⁰ Dubois de Montpèreux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 5. P. 228—231; Мурзакевич Н. Н. Поездка в Крым... С. 676—685; Путешествие в Южную Россию и Крым... С. 474—476.

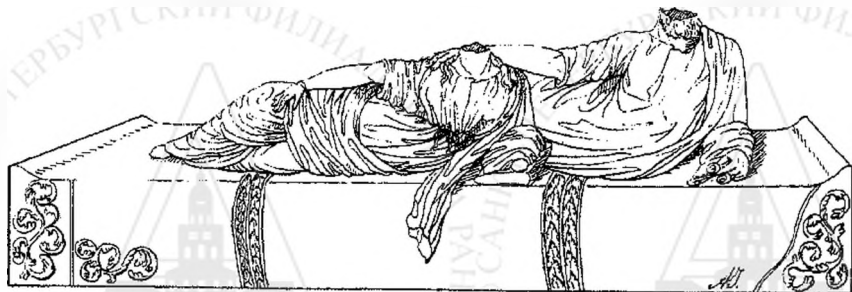

Рис. 79. А. Яворский. Рисунки древностей, хранившихся в Керченском музее древностей: крышка мраморного саркофага, найденного в Мирмекии в 1834 г. Тушь, перо. Не позднее 1836 г. (НА ОАМ, инв. № 83532, № 31. Публ. впервые).

стеклами.²⁰¹ Это важное свидетельство очевидцев о принципах построения экспозиции Керченского музея времени директорства А. Б. Ашика.

1 февраля 1838 г. Н. Н. Мурзакевич ходатайствовал перед М. С. Воронцовым об изготовлении рисунков с золотых вещей с изображениями скифов, хранившихся в Керченском музее, «для объяснения ученого трактата о скифах», составляемого известным ученым-славистом Йозефом Шафариком. Керчь-еникальский градоначальник З. С. Херхеулидзе ответил на этот запрос отпиской, утверждая, что «в Керченском музее нет никаких золотых вещей, на которых были бы изображены скифы; но в числе рисунков с древних памятников, собираемых директором Ашиком для издания... полной коллекции» имелся рисунок золотой вазы из Куль-Обы, хранящейся в Эрмитаже, копия которого была отправлена Воронцову. Однако, по утверждению Мурзакевича, «в Керченском музее древностей... находятся и другие изображения скифов и именно, на золотых вещах (лежащих в ящике, что под стеклом), которые были вынуты из кургана, открытого в 1830 г. и частью поступили после покойного Стемповского. На сих вещах скифы изображены с рисунками в руках, едущими верхом и в других разнообразных положениях. Должны быть рисунки скифов и с тех вещей, которые отосланы в Эрмитаж Его Имп. Величества». Мурзакевич затребовал и рисунки других боспорских древностей, хранившихся в Керченском музее, необходимых ему «при составлении объяснений на разные предметы древностей Одесского музея». В ответ 10 мая 1838 г. градоначальник З. С. Херхеулидзе представил рисунки с изображениями скифов и две тетради, «в которых срисованы древности, найденные в Керчи в последние годы», сообщив при этом, что «состоящий в музее рисовальщик занимается приготовлением новых рисунков, в большем размере, которые будут изданы титулярным советником Ашиком при систематическом описании древностей... сохраняемых в Керченском музее...». В августе Херхеулидзе напомнил Воронцову о необходимости вернуть тетради в Керчь, однако граф ответил, что «в рисунках есть еще надобность, по миновании которой они будут возвращены Вам».²⁰²

Благодаря этой «забывчивости» Мурзакевича и Воронцова до наших дней дошли рисунки памятников из первых раскопок А. Б. Ашика. В ОАМ НАН Украины хранится альбом «Рисунки древностей, найденных в городе Керчи (древней Пантикапей)... Рисовал с натуры А. Яворский. 1836—1837 гг. Керчь». Он состоит из двух переплетенных тетрадей с рисунками пером и тушью (тетрадь первая — за 1836 г., 36 номеров; тетрадь вторая — за 1837 г., 16 номеров). Представлены золотые украшения, скульптура (мирмекийский саркофаг, рис. 79, 80), терракоты, монеты, столовая керамика, большое число чернолаковых и краснофигурных расписных ваз.²⁰³ Автором рисунков являлся «исполняющий должность штатного смотрителя Керченского уездного училища» А. Яворский,²⁰⁴ впоследствии ставший художником музея.

²⁰¹ Путешествие в Южную Россию и Крым... С. 475, 476.

²⁰² ГАОО, ф. 1, оп. 200-1838, д. 27, л. 1, 3—8, 10—12.

²⁰³ НА ОАМ, инв. № 83532.

²⁰⁴ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 55, л. 38—38 об.

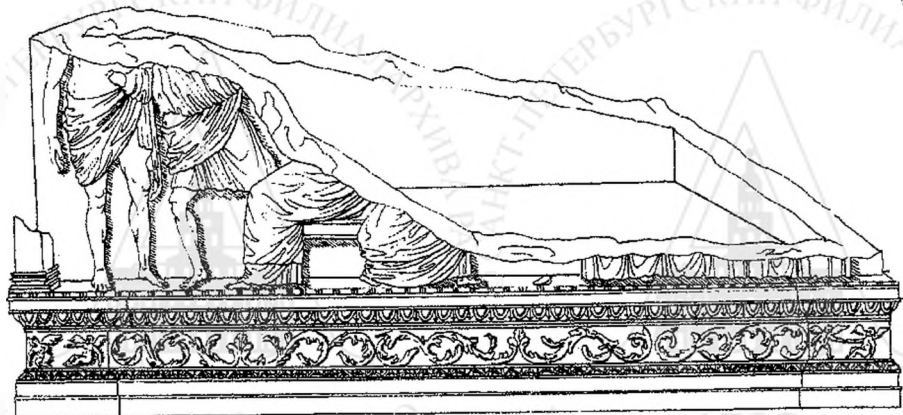

Рис. 80. А. Яворский. Рисунки древностей, хранившихся в Керченском музее древностей: правая сторона мраморного саркофага, найденного в Мирмекии в 1834 г. Тушь, перо. Не позднее 1836 г. (НА ОАМ, инв. № 83532, № 32. Публ. впервые).

В январе 1836 г. директор А. Б. Ашик пожертвовал музею собиравшуюся им в течение 10 лет коллекцию из 170 серебряных и медных монет Ольвии, Пантикапея, Фанагории, боспорских царей от Левкона до «Рискупорида VII» и других стоимостью 3 тыс. р. (свыше 2500 франков), что через министра внутренних дел было доведено до сведения императора.²⁰⁵ В 1837 г. Керченский музей пополнился двумя мраморными львами, стоявшими у ворот сада С. М. Броневского в Феодосии.²⁰⁶ В том же году последовало «Высочайшее соизволение, чтобы из древних вещей, находимых в двух экземплярах, один оставляем был Керченскому музеуму».²⁰⁷ А. Б. Ашик жаловался градоначальнику, что Д. В. Карейша не передает в музей дублеты и рисунки найденных древностей.²⁰⁸ И без того натянутые отношения между двумя чиновниками обострились конкуренцией со стороны местных кладоискателей. А. Б. Ашик предложил ежемесячно публиковать в местной прессе распоряжения городской полиции Керчи со строгим наказом, «чтобы никто из частных лиц не осмеливался прикасаться к открытым гробницам под опасением строжайшей по законам ответственности».²⁰⁹

Керченский музей древностей к концу 30-х гг. XIX в. стал богатейшим собранием античных памятников Северного Причерноморья. Созданный бескорыстными усилиями увлеченных древностью антиквариев (И. А. Стемповский, И. П. Бларамберг, П. Дюбрюкс), которых поддерживали вельможные меценаты (А. Э. Ришелье, А. Ф. Ланжерон, Н. П. Румянцев, М. С. Воронцов), музей уже в первое десятилетие своего существования стал одним из первых исследовательских центров классической археологии на юге России. Открытие кургана Куль-Оба и организация правительством широких раскопок дополнили музей большим количеством памятников, несмотря на то что наиболее ценные находки отправлялись в Эрмитаж. Важное значение для развития музея имело государственное финансирование (с 1835 г.), что дало возможность проводить раскопки и необходимые покупки древностей. Специально для музея отстроили здание — факт, красноречиво свидетельствующий о внимании местной администрации Новороссии к охране памятников «русского Геркуланума», или «русской Помпеи», как называли тогда современники Керчь.

²⁰⁵ Там же, ф. 1, оп. 149-1839, д. 71, л. 13 об.—15; РА ИИМК, ф. 6, д. 40; на л. 7—15 об. — каталог монет на франц. яз.

²⁰⁶ АВ СПбФ ИВ, ф. 52, оп. 1, д. 82, л. 1.

²⁰⁷ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 47, л. 51.

²⁰⁸ Люценко Е. Е. Из архива Керченского музея древностей: Ашик и Карейша / Публ. В. В. Шкорпила // ИТУАК. 1907. № 40. С. 67.

²⁰⁹ АВ СПбФ ИВ, ф. 52, оп. 1, д. 82, л. 2.

ГЛАВА 5

ИЗУЧЕНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ В МОСКВЕ И ПЕТЕРБУРГЕ (1839—1859)

5.1. ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

С 1836 г. ряд исследователей истории МОИДР связывают перелом в его деятельности со сменой административного руководства, так как в этом году секретарем и фактическим руководителем общества¹ стал *Михаил Петрович Погодин* (1800—1875).

М. П. Погодин, историк-славист, коллекционер древностей, писатель, публицист, видный деятель правого крыла славянофильства; магистр (1825), почетный доктор философии Пражского университета; член-корреспондент (1826), адъюнкт (1828), действительный член (1836) Российской Академии, член-корреспондент по разряду истории и древностей (1826), ординарный академик по ОРЯС Петербургской Академии наук (1841), действительный член (1825—1875), секретарь (1836—1845), председатель (1875) Общества истории и древностей российских при Московском университете; член, секретарь (1834), председатель (1860—1866) Общества любителей российской словесности, один из организаторов и председатель (1861) Московского славянского благотворительного комитета; член-корреспондент (9 марта 1848), почетный член (30 октября 1872) РАО. Выпускник Московского университета (1821), преподаватель географии Московского благородного пансиона (1821—1824), преподаватель всеобщей и русской истории, ординарный профессор (с 1833 г.) Московского университета (1826—1844).

Погодин совершал регулярные поездки по России с целью покупки предметов древности. С 1820-х гг. он собирал рукописи, старопечатные и редкие книги, иконы, резные образки, кресты, шитье, монеты, печати, медали, оружие и т. п. (знаменитое «погодинское древлехранилище», которое в 1853 г. было продано государству за 150 тыс. р. серебром; рукописи были переданы в Публичную библиотеку, археологические и нумизматические памятники — в Эрмитаж, церковные древности — в Московский Кремль). С середины 1820-х гг. Погодин занялся литературно-издательской деятельностью, издавал «Московский вестник» (1827—1830) и «Москвитянин» (1841—1856), где публиковал исторические материалы о духовной жизни и быте славянских народов. С 1841 г. служил в Министерстве народного просвещения.²

Вице-президентом МОИДР был избран известный историк, нумизмат и археолог *Александр Дмитриевич Чертков* (1789—1858). Председателем (президентом) МОИДР в 1837 г. стал попечитель Московского учебного округа граф *Сергей Григорьевич Строганов* (1794—1882).

С. Г. Строганов, государственный, военный и общественный деятель, меценат. Брат новороссийского генерал-губернатора, президента ООИД графа А. Г. Строганова. Он родился в семье обер-камергера Г. А. Строганова, одного из богатейших людей России, учился в Институте Корпуса инженеров путей сообщения, с 1811 г. офицер, участвовал в войнах с Францией (1812—1814) и Турцией (1828—1829), в Крымской войне (1853—1856); генерал-лейтенант. В молодости ознакомился с собраниями классических древностей за границей и пристрастился к их собиранию, создал свой общедоступный музей, включавший не только античные, но и русские древности. В 1815 г. поселился в Москве и жил здесь постоянно до 1860 г.; в 1825 г. учредил на свои средства бесплатную художественную школу технического рисования (Строгановское училище). С 1826 г. член Комитета по устройству учебных заведений. Исполнял обязанности военного губернатора в Риге и Минске (1831—1834). Строганов являлся попе-

¹ *Степанский А. Д.* К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 41.

² См. о нем: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1910. Кн. 1—22 (издание не закончено); Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М. П. Погодина (1821—1871). М., 1872 (со списком трудов).

чителем Московского учебного округа (1835—1847), покровительствовал Московскому университету, который в годы его попечительства пережил блестящую эпоху своего развития. Из-за разногласий с министром народного просвещения С. С. Уваровым С. Г. Строганов вышел в отставку. Вплоть до воцарения Александра II он оставался не у дел, занимался археологией, нумизматикой (в том числе причерноморской античной) и собиранием произведений искусства — античной скульптуры, западноевропейской живописи, графики, русских икон и т. п., а также пополнением богатейшей библиотеки (после 1917 г. коллекции национализированы и разошлись по музеям Петербурга и Москвы). После смерти акад. Е. Е. Келера приобрел его собрание серных оттисков с греческих и римских монет (10 111 штук), впоследствии подаренное им Мини-кабинету Московского университета. Член Государственного совета (1856), московский генерал-губернатор (1859—1860), председатель Комитета железных дорог (1863—1865). В 1860—1870-х гг. оказывал значительное влияние на политику правительства в области науки, культуры и образования. В 1860 г. переехал в Петербург как главный воспитатель великих князей Николая, Александра, Владимира и Алексея Александровичей. Основатель и первый председатель Археологической комиссии (1859—1882).³

По докладу министра народного просвещения Николай I 29 апреля 1837 г. «повелел» Обществу истории и древностей российских при Московском университете «именовать Императорским».⁴ В феврале 1837 г. на заседании МОИДР было зачитано письмо дрезденского библиотекаря Густава Клемма с целым рядом вопросов «о курганах, могилах и прочих остатках древности» в России. М. П. Погодин объявил, что бывший кандидат Московского университета *Вадим Васильевич Пассек* (1808—1842) готовит по этой теме обширное исследование.

В. В. Пассек, писатель, историк, археолог, фольклорист, этнограф. Родился в Тобольске в дворянской семье сосланного в Сибирь «за неуважение к трону», получил домашнее образование, учился в Тобольской губернской гимназии (1822), в 1824 г. вместе с семьей переехал в Москву, учился на этико-политическом (юридическом) отделении философского факультета Московского университета (1826—1830), где познакомился с проф. М. П. Погодиным, с 1830 г. начал печататься в «Московском вестнике». Участник кружка А. И. Герцена и Н. П. Огарева (1831—1834), с которыми сблизился еще в университете. В 1834 г. издал книгу «Путевые записки Вадима» (М., 1834), которая в духе романтической историографии Н. А. Полевого ставила задачу изучения внутренней жизни и быта народа. В 1834 г. В. В. Пассек собирался преподавать в Харьковском университете, но не был допущен к лекциям из-за связей с арестованным Герценом, поселился в имении отца, в Харькове сблизился с будущим акад. И. И. Срезневским. С 1836 г. В. В. Пассек внештатный чиновник МВД, по заданию которого проводил статистические исследования, во время многочисленных поездок собирал материалы по археологии, этнографии и истории юга России. В 1837—1838 гг. он жил в Одессе и Крыму, занялся историей, археологией и статистикой Таврической губернии. В 1839 г. Пассек вернулся в Москву, издал научно-популярный сборник по истории, археологии и этнографии «Очерки России» (в 5 кн. СПб.; М., 1838—1842); с 1841 г. стал редактором «Прибавлений» к «Московским губернским ведомостям» и управляющим делами Московского статистического комитета.⁵

Уже в июне 1837 г. в общество было представлено «Рассуждение о городищах и курганах Южной России», в котором В. В. Пассек предлагал «обозреть курганы во всей России от Дуная до Забайкалья».⁶ План Пассека показал широту его исторических воззрений и понимание важности археологических источников, которые могут существенно дополнить письменные свидетельства о древнем населении России. Автор намеревался разобраться в типах курганов в зависимости от этнической принадлежности погребенных, картографировать археологические памятники, чтобы попытаться «открыть новый путь для исторических исследований о тех веках, для которых не существуют и летописи».⁷

«Рассуждение» Пассека было передано на рассмотрение специального комитета (А. Чертков, М. Погодин, С. Шевырев, П. Муханов), который предложил автору сократить свой план и провести исследования только в одной губернии или уезде, с обязательным картографированием памятников. Решение ограничить обследуемую территорию объяснялось отсутствием

³ См.: Речи, говоренные в заседании Имп. Общества истории и древностей российских 4 мая текущего года, посвященном незабвенной памяти бывшего председателя гр. С. Г. Строганова. М., 1882; Мурзакевич Н. Н. Граф Сергей Григорьевич Строганов: [Некролог] // ЗООИД. 1883. Т. 13. Отд. 3. С. 220—222; Вздорнов Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX в. М., 1986. С. 39, 42, 44, 63, 70—71 и др.; Полунина Н., Фролов А. Коллекционеры старой Москвы: Биографический словарь. М., 1997. С. 310—314.

⁴ ОР РГБ, ф. 203, кн. 5, л. 333 (заседание 22 февраля 1836, пункт 1); кн. 6, л. 57 (заседание 12 июня 1837 г., пункт 1).

⁵ См. о нем: Новохатский К. Е. «Прошедшее в настоящем...»: Вадим Васильевич Пассек, 1808—1842 // Краеведы Москвы. М., 1991. Вып. 1. С. 61—76; Афанасий (Гумеров), свящ., Розин Н. П. Пассек Вадим Васильевич // Русские писатели, 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 539—541.

⁶ ОР РГБ, ф. 203, оп. 1, д. 6, л. 2 об.—3, 93.

⁷ Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 66—69.

необходимых денежных средств. «Это описание, быв издано в свет, могло бы послужить как бы образцом для прочих описаний», — сказано в заключении комитета.⁸

В. В. Пассек согласился на предложения общества. В письме к М. П. Погодину он изложил план поездки по трем уездам — Изюмскому, Полтавскому и Харьковскому. На расходы исследователю было выделено 500 р. ассигнациями. М. П. Погодин попросил П. И. Кёппена составить краткую инструкцию для молодого путешественника.⁹

В. В. Пассек обследовал территорию свыше 5 тыс. квадратных верст. В одном из писем М. П. Погодину он констатировал: «Я издержал не одну тысячу своих денег для разъездов от Дона до Днепра и от Харькова... до Черного моря, и все для того, чтоб учиться, чтоб читать в природе, или по следам жизни народов, или вникать в жизнь наших собратий — и передавать мои знания и чувствования, как могу и как умею».¹⁰

На заседании МОИДР 20 октября 1839 г. В. В. Пассек, в тот же день избранный его действительным членом, выступил с докладом о курганах и городищах Валковского, Харьковского и Изюмского уездов Харьковской губернии и затронул вопрос о раскопках в Керчи.¹¹ Он продемонстрировал и передал в дар обществу несколько находок, в том числе «обыкновенный греческий светоч» (светильник), керамику и изделия из металла. К протоколу заседания приложены планы городищ и курганов, карты с обозначениями археологических памятников, рисунки каменных баб (три из них были направлены в Москву), золотых нашивных бляшек с изображениями скифов, скорее всего приобретенных В. В. Пассеком в Керчи, стрел, ножей, а также вид Царского кургана, чертежи «Внутренность гробницы в кургане Царском или Золотом», «План и разрез кургана Кульдаха (Куль-Оба. — И. Т.) близ Керчи. Здесь найдено одних золотых вещей более пуда».¹² Тут же подшито письмо Пассека на имя гр. С. Г. Строганова от 25 августа 1839 г., где он сообщает о составленной им карте с обозначением «урочищ, курганов, городищ и вообще всего, что относится к древностям».

Для завершения исследований в 1841 г. В. В. Пассеку было выдано обществом в долг 1.5 тыс. р. ассигнациями. Ему ставилась задача изучить вопрос «о разительном сходстве некоторых («циклопических» боспорских. — И. Т.) гробниц с внутренним устройством египетских и мексиканских пирамид». Изготовление рисунков было поручено художнику Тромони-ну.¹³ Средства предназначались для издания двух последних томов «Очерков России», в которых должны были быть обобщены все собранные материалы.¹⁴ Но в 1842 г. В. В. Пассек скончался от скоротечной «туберкулезной чахотки» на руках А. И. Герцена. Ранняя смерть В. В. Пассека оборвала его исследования, но русские ученые середины и второй половины XIX в. продолжили изучение степной зоны по сформулированной им программе.¹⁵

Экспертом по древностям Причерноморья в МОИДР многие годы являлся Григорий Иванович Спасский (1783—1864).

Г. И. Спасский, историк, археолог, востоковед, горный инженер, издатель; член-корреспондент Петербургской АН по разряду восточной словесности и древностей (1810), действительный член ООИД, МОИДР, РГО, действительный и почетный (1840) член Московского общества испытателей природы, член-корреспондент Петербургского археолого-нумизматического общества (1848), член-корреспондент и действительный член Вольного общества любителей наук, словесности и художеств; знакомый А. С. Пушкина. Родился в Егорьевске Рязанской губернии, в семье священника, учился в Коломенской духовной семинарии. Без согласия отца уехал в Москву, безуспешно пытался поступить в университет, переехал в Петербург и в феврале 1799 г. поступил на службу копиястом в Кабинет императора по горной экспедиции. Г. И. Спасский занимался самообразованием, слушал лекции в Академии наук, завел знакомство с Н. Я. Озерецковским, А. Х. Востоковым и другими учеными. В 1803—1817 гг. в течение 12 лет он жил в Сибири, в 1806 г. причислен к свите посольства в Китай гр. И. О. Потоцкого «для собрания сведений по ученой части»; с 1809 г. работал горным инженером в штате управления Колывано-Воскресенских заводов, по делам службы совершал многочисленные горно-геологические экспедиции, попутно занимался археологическими, этнографическими и историческими изысканиями. В 1817 г. определен на службу в

⁸ ОР РГБ, ф. 203, оп. 1, д. 6, л. 93—93 об.

⁹ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 220, л. 42, 50—51.

¹⁰ Там же, л. 50 об.—51.

¹¹ Пассек В. В. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов // РИС. 1839. Т. 3. Кн. 2.

¹² ОР РГБ, ф. 203, оп. 1, д. 6, л. 208 об.—235.

¹³ Там же, л. 7, л. 114 об., 127, 129—130.

¹⁴ Очерк о Керчи не был написан. О Тавриде опубл. только: Пассек В. В. Отрывки из путешествия по Крыму // Очерки России. М., 1840. Кн. 2. С. 151—176; Кн. 4. С. 97—120 (о Бахчисарайском дворце, Мангуп-Кале, описание пещер; исторические сведения о Крыме).

¹⁵ Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 54.

Горную экспедицию Кольвано-Воскресенских заводов при Кабинете императора в Петербурге, в том же году стал почетным библиотекарем Имп. Публичной библиотеки. Автор более 70 научных трудов, в том числе книги «Древности Сибири» (1818), где собрал сведения о «загадочных надписях» (тюркских рунических памятниках) и предпринял одну из первых попыток их истолкования. Издатель журналов «Сибирский вестник» (СПб., 1818—1824) и «Азиатский вестник» (СПб., 1825—1827). В 1834 г. по собственному прошению Г. И. Спасский перевелся на должность главного смотрителя соляных озер Таврической губернии в Перекопе (Крым), с 1835 г. начал изучать историю и археологию Новороссийского края, собирать археолого-нумизматическую коллекцию античных памятников. В 1838 г. Г. И. Спасский вышел в отставку с пенсией и переселился в Москву, где прожил до конца жизни.¹⁶

В Москве он сблизился с гр. С. Г. Строгановым, преподавателями Московского университета и членами МОИДР. Здесь Спасский получил возможность полностью посвятить себя науке. Результаты не замедлили сказаться — им была издана монография «Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями» (М., 1846) и «Археолого-нумизматический сборник» исследований по античной нумизматике, включающий русские переводы статей отечественных и зарубежных ученых по проблемам древней истории Северного Причерноморья, где впервые описаны некоторые монетные типы, а также помещены *addenda et corrigenda* к его собственной монографии, относящиеся в основном к нумизматике Боспора.¹⁷ Во время поездок по низовьям Днепра и по Крыму Спасский собрал большой материал о курганах Новороссии, которым посвятил специальную статью.¹⁸ Проведя сравнительный анализ этих археологических памятников, автор пытался доказать, что курганы насыпаны одним народом, первоначально обитавшим в Южной Сибири, который был вытеснен оттуда гуннами сначала в Причерноморье, а затем в Европу.

В феврале 1845 г. Н. П. Погодин покинул пост секретаря МОИДР и его ненадолго занял славист О. М. Бодянский. В ноябре 1848 г. он и президент С. Г. Строганов подали просьбы об отставке. Новым президентом общества был избран А. Д. Чертков (до 1857 г.), а секретарем — Н. Д. Беляев.¹⁹ Деятельностью Пассека и Спасского труды МОИДР в области классической археологии юга России и ограничились. Основной круг интересов МОИДР, как и в первой трети XIX в., не изменился, и изучение классических древностей в отличие от русских и славянских всегда оставалось второстепенной, если не третестепенной его задачей.

5.2. ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

В 1841 г., после присоединения ликвидированной Российской Академии, Академия наук, официально провозглашенная «первенствующим» научным учреждением в стране, была разделена на три отделения: часть ученых, изучавших историю России, вошла во II отделение (Отделение русского языка и словесности, ОРЯС), другие, такие как востоковеды Х. Д. Френ, Я. И. Шмидт, М. И. Броссе, Б. А. Дорн, филолог-классик Ф. Б. Грефе, историки Ф. И. Круг, Н. Г. Устрялов, П. Г. Бутков, А. А. Куник, работали в III Историко-филологическом отделении.²⁰ Задачей последнего стало исследование проблем языкознания, истории, этнографии,

¹⁶ Подробнее см.: Скоблякова А. В. Русский востоковед Г. И. Спасский: Некоторые сведения о научной и публицистической деятельности // Страны Востока в политике России в XIX—начале XX в. Иркутск, 1986. С. 66—83; Биографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период / Сост. А. Н. Кононов. М., 1989. С. 220—221; Шилов Л. А. Спасский Григорий Иванович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1995. Т. 1. С. 486—489 (с биобиблиографией литературы о нем).

¹⁷ Спасский Г. И. 1) Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846. Нем. перевод: *Spasskij G. Der Kimmerische Bosphorus mit seinen Alterthümern und Denkwürdigkeiten. Mit Tafeln, Münzen und Monogramme darstellend.* Moskau, 1846; 2) Археолого-нумизматический сборник, содержащий в себе сочинения и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерийского частно. М., 1850.

¹⁸ Спасский Г. И. О сходстве курганов Южной Сибири с курганами Южной России // ЗООИД. 1853. Т. 3. С. 528—534.

¹⁹ ОР РГБ, ф. 203, оп. 1, д. 8, л. 92 (заседание 6 февраля 1845 г., пункт 9); д. 10, л. II—II об. (заседание 27 ноября 1848 г., пункт II).

²⁰ Уставы Академии наук СССР: 1724—1974 гг. М., 1974. С. 189. Примеч. 51; ПФА РАН, р. IV, оп. 4а, д. 8, л. 2 (высочайший рескрипт 19 октября 1841 г.).

статистики главным образом вновь присоединенных территорий в Азии и на Кавказе,²¹ предопределившее значительное внимание к востоковедческим дисциплинам.

В работах III отделения Академии наук принимал участие выдающийся естествоиспытатель, один из основоположников эмбриологии и сравнительной анатомии *Карл Максимович Бэр* (*Karl Ernst von Baer*, 1792—1876).

К. М. Бэр родился в Эстляндии в дворянской семье, получил домашнее воспитание, с 15 лет учился в *Ritter und Dohtmschule* в Ревеле, затем на медицинском факультете Дерптского университета (1810—1814), где защитил диссертацию на степень доктора медицины (1814), совершенствовал образование в Вене и Вюрцбурге, в 1817 г. уехал в Восточную Пруссию, получил место прозектора и приват-доцента, с 1819 г. профессора зоологии в Кенигсбергском университете. К. М. Бэр получил мировую известность после открытия яйцеклетки млекопитающих (1827). В 1828 г. он был избран ординарным академиком Академии наук по зоологии, но переехал в Петербург лишь в 1834 г., с 1846 г. ординарный академик по анатомии и физиологии Имп. Академии наук (член-корреспондент в 1826—1828 гг., почетный член в 1830—1834 гг., с правом присутствия на заседаниях и с правом голоса с 1862 г.; выбыл в Кенигсбергский университет в октябре 1830 г., вступил вторично в ординарные академики в апреле 1834 г.; библиотекарь иностранного отдела БАН, выбыл в октябре 1862 г., в том же году был причислен к Министерству народного просвещения). Руководитель Анатомического кабинета Академии наук, создатель унифицированной системы измерения черепов и краниологической терминологии. Участник экспедиций по Европейской России (1837, 1839, 1840, 1860—1861, 1870) и к Каспийскому морю (1853—1857), организованных Министерством финансов и Академией наук для изучения полезных ископаемых, гидрологических и гидробиологических исследований; неоднократно путешествовал по Западной Европе (1845, 1858—1859, 1861). Профессор сравнительной анатомии Медико-хирургической академии (1841—1852), где создал Кабинет сравнительной анатомии и вместе с Н. И. Пироговым — Анатомический институт. Член-учредитель и первый вице-президент РГО, председатель его Этнографического отделения (1845—1848), организатор и первый президент Русского антропологического общества, действительный член МАО (1864). Ученый стал инициатором приобретения в Дании матриц альбома и публикации в России Академией наук книги И. Я. Ворсо «Северные древности королевского музея в Копенгагене» (СПб., 1861), в предисловии к ней для русского читателя впервые изложил «систему трех веков». В 1867 г. Бэр переехал в Дерпт, где и скончался.²²

Бэр как антрополог интересовался доисторической археологией и изучал черепной материал из раскопок XVIII—XIX вв.²³ Он призывал коллег заняться древнейшим прошлым России и создать музей древностей, находимых на ее необъятных просторах. Ученый занимался также исследованиями по истории и исторической географии юга России и Кавказа «первобытной» и античной эпохи. Так, он оставил превосходное сочинение о Скифском рассказе Геродота.²⁴ В 1862 г. для установления причин обмеления Азовского моря Бэр был направлен Академией наук и Географическим обществом в предварительную экспедицию: он проехал через Москву, Харьков до Днепра, по реке спустился в Херсон, 9—12 июня осмотрел порты Николаева и Одессы, проехал по Крыму через Севастополь, Балаклаву, Инкерман, затем направился в Керчь и Таганрог, откуда вернулся в Ростов и по Дону спустился обратно. Из Таганрога вместе с ботаником Г. И. Радде он совершал экскурсии на Маныч, ездил в Ейск, Мариуполь, Бердянск, Мелитополь, Геническ, Тамань и др. Затем, вторично посетив Керчь, он объехал весь Южный берег Тавриды, из Одессы отправился вверх по Днепру и через Венгрию и Польшу в сентябре 1862 г. вернулся в Петербург.²⁵ Исходя из натурного обследо-

²¹ Подробнее см.: *Хартанович М. Ф.* 1) Ученое сословие России: Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб., 1999; 2) Имп. Академия наук в системе государственных и общественных научных учреждений (вторая четверть XIX в.) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 56—76.

²² См. о нем: *Райков Б. Е.* Карл Бэр, его жизнь и труды. М.; Л., 1961; Переписка Карла Бэра по проблемам географии. Л., 1970. Очень кратко деятельность К. М. Бэра в области первобытной археологии охарактеризована в кн.: *Формозов А. А.* Начало изучения каменного века в России. М., 1983. С. 15, 17, 18, 24, 37—39; *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии, 1700—1917 гг. СПб., 1992. С. 92—94.

²³ *Бэр К. М., Шифнер А.* О собирании доисторических древностей в России для этнографического музея // ЗАН. 1862. Т. 1. Кн. 1. С. 115—123. См. также рукопись статьи Бэра «Описание черепов, вырытых из Александропольского кургана»: РА ИИМК, ф. 1, оп. 1-1861, д. 21, л. 14—23.

²⁴ *Baer K. E. von.* Historische Fragen mit Hilfe der Naturwissenschaften beantwortet. SPb., 1873. S. 62—111 (Reden gehalten in wissenschaftlichen Versammlungen und kleinere Aussätze vermischten Inhalts. Dritter Theil). Анализ см.: *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 35—36, 121, 138. См. также статью: *Baer K. E. von.* Der alte Lauf des armenischen Araxes // BCSHPH. 1857. T. 14. № 20—22. P. 305—349 (Mélanges russes. T. 3. P. 405—467).

²⁵ Переписка об организации экспедиции: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1860, д. 18, 93 л.; ф. 129, оп. 1, д. 636, 111 л.: «Reise an das Asowsche Meer mit Herrn Radde 1862» (дневник поездки Бэра с 23 мая по 2 октября 1862 г.); *Лущева В. Ф.* Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.; Л., 1940. С. 223—225.

ния местности и описаний Гомера в 10—12-й песнях «Одиссеи», вслед за В. В. Каппенсом, Ф. Дюбуа де Монпере, А. Б. Ашиком Бэр доказывал, что Одиссей странствовал не в Средиземном, а вдоль северных и восточных берегов Черного моря (порт Листригонов отождествлялся им с Балаклавской бухтой).²⁶ Следует отметить, что значительная часть рукописей и зарисовок Бэра по археологии и антропологии до сих пор не востребована специалистами и погребена в академическом архиве.²⁷

П. И. Кёппен, ставший членом-корреспондентом Академии наук по разряду истории и древностей 26 декабря 1826 г., в 1834 г. вернулся в столицу из Крыма, так как был приглашен графом С. С. Уваровым на должность редактора немецких «Санкт-Петербургских ведомостей». На этой должности он пробыл до декабря 1835 г. 27 января 1837 г. Кёппен был избран адъюнктом, 20 декабря 1839 г. экстраординарным академиком, 1 апреля 1843 г. ординарным академиком Имп. Академии наук не по археологии и истории, а совсем по другой специальности — по кафедре статистики, и позднее стал одним из основателей Русского географического общества (1845), где возглавил отделение статистики. В Петербурге Петр Иванович служил сначала при Пятом отделении Собственной Его Имп. Величества Канцелярии, затем начальником отделения Министерства государственных имуществ и к концу жизни дослужился до чина действительного статского советника. На новой должности он практически ежегодно совершал поездки по Европейской России, в том числе в 1838 г. и 1859 г. в Крым, собирал, обрабатывал и издавал материалы по различным отраслям гуманитарного знания. Резкая и желчная рецензия Кёлера сделала свое черное дело, охладив его пыл к археологии, и в зрелом возрасте, к сожалению, ученый практически перестал публиковать работы по классической археологии и эпиграфике Причерноморья, переключившись на занятия библиографией, палеографией, статистикой, этнографией, шелководством и т. п., хотя, как свидетельствуют документы его личного фонда, продолжал собирать сведения об археологических памятниках до конца своих дней, прежде всего о курганных древностях.²⁸ Начиная с 1852 г. из-за болезни ученый проводил большую часть года в Крыму и в 1864 г. в своем имении Карабах близ Алушты скончался.

Тех, кто знаком с материалами архива Кёппена, не может не поразить удивительная разносторонность его трудов, феноменальное трудолюбие и работоспособность, тщательность и скрупулезность в научной работе. В письме к своему старшему коллеге и другу Х. Х. Стевену от 16/28 апреля 1856 г. Петр Иванович признавался: «Мое время, к сожалению, слишком расходуется на мелочи, — как всегда бывает с злосчастными собирателями. Но меня радует, что этим, по крайней мере, воспользуются другие. Только что опять несколько человек мо-

²⁶ Baer K. E. von. 1) Wo ist der Schauplatz der Fahrten des Odysseus zu finden // Historische Fragen mit Hilfe der Naturwissenschaften beantwortet. SPb., 1873. S. 19—61 (Reden gehalten in wissenschaftlichen Versammlungen und kleinere Aussätze vermischten Inhalts. Dritter Theil); 2) Homer's Kenntniz von der Nordküste des Schwarzen Meeres // St. Petersburger Zeitung. 1875. № 184. См. также: Караулов Г. Исторические вопросы, решаемые натуралистом // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 511—534.

²⁷ ПФА РАН, ф. 129 (Бэр К. М.), оп. 1, д. 257 (Craniographia generalia), д. 258 (Messungen an Schädeln), д. 260 (выписки и зарисовки из сочинений по археологии России, включая сведения о курганах, городищах, каменных бабах, [1859], 27 л.), д. 263 (Materialien zur Geschichte der Steppe — выписки из Геродота по этногеографии Скифии, 1839 г., 6 л.), д. 264 (выписки, заметки, библиография по археологии, в том числе о швейцарских свайных поселениях и др., 1864, 1871 гг., 36 л.), д. 274 (о «письменах, изображенных на утесе Переходной горы близ Абакана на Енисее») и др.

²⁸ Koppén P. von. Über Tumuli in Russland // BS. 1836. Т. 1, № 18. P. 137—141 (общие сведения о «могильных» насыпях в России, о происхождении их разных названий — сопках, курганах, могилах и пр.; о каменных бабах; перечень изданных и рукописных сочинений о курганах и погребальном инвентаре, найденном при раскопках некоторых курганов; сведения об известных собраниях курганных древностей). Исправленный и дополненный автором текст см.: ОР РНБ, ф. 347, д. 22. См. также: Кёппен П. И. 1) Список известнейшим курганам в России. СПб., 1837. Отклик на эту работу: Сын Отечества. 1838. № 5. Отд. 6. С. 47; 2) О курганах: Предварительное разыскание Петра Кёппена (1836 г.) / Публ. А. И. Маркевича // ИТУАК. 1908. № 42. С. 1—41; 3) Список курганов, составленный академиком П. И. Кёппеном / Публ. Н. И. Репникова // Там же. С. 42—55. Ср.: ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 44, 46, 473—474.

Расширенный вариант статьи «Список известнейших курганов в России», впервые изданной в 1837 г., по просьбе гр. А. С. Строганова в ноябре 1856 г. П. И. Кёппен намеревался отпрать в Одессу для публикации в 4-м томе ЗООИД: «В продолжение истекших после того двух десятилетий пополнен мною до того, что ныне представляет вдвое большее число данных против прежнего». Общество просило своего сочлена (с 1839 г.) сопроводить статью по мере возможности объяснительными чертежами, однако занятость по службе автора воспрепятствовала этому замыслу. Ни одна из работ Кёппена так и не была издана в ЗООИД. См.: ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 60, л. 131—131 об., 135; оп. 2, д. 1, л. 232 об.—233.

лоды людей работали у меня и воспользовались моими рукописными заметками для предстоящих путешествий на берега Азовского моря... Таким образом, я почти ежедневно состою в пособиях». ²⁹ Архив Кёппена и поныне предстает как кладезь самых разнообразных материалов для исследователей различных специальностей. «При рассмотрении этих богатств, — писал А. И. Маркевич, — больно, что... они не вызвали к себе должного внимания, не вызвали подражания и продолжения трудов замечательного ученого, недостаточно еще оцененного». ³⁰

Богатые материалы о погребальных памятниках на территории Российской империи собрал близкий приятель академика Иван Федорович Штукенберг (Johann Christian Stuckenberg, 1788—1856), выходец из Германии, с 1807 г. живший в России, служил архивариусом Депо карт главного управления путей сообщения и публичных зданий (1828—1842), затем библиотекарем в Румянцевском музее (1851—1856). Он известен как автор пятитомной «Die Hydrographie des Russischen Reichs, etc.» (СПб., 1844—1849) и четырехтомного указателя для изучения России. ³¹

В бумагах Кёппена я обнаружила очень интересный документ. В ноябре 1838 г. Конференцией Имп. АН Петру Ивановичу было поручено представить заключение об описании (в сопровождении рисунков) раскопок поручика Николая Александровича Толстого курганов в с. Верхогрядье Звенигородского уезда Московской губернии (ныне д. Грязь Одинцовского р-на Московской обл.). Рассмотрев присланные материалы, Кёппен не решился вынести заключение о том, «какому народу и времени могли принадлежать сии могилы». ³² В предназначенном для Конференции донесении он пытался обратить внимание коллег на вопиющее бессилие современной ему науки в деле изучения курганных древностей, предлагал составить особое собрание «могильных вещей» при Имп. Академии наук (документ № 18) и издать рисунки археологических памятников, находящихся в академических музеях. ³³

Кёппен призывал начать археологическое изучение курганов Новороссийского края для определения этноисторической принадлежности этих памятников. «... Должно сознаться, — писал Петр Иванович в одной из своих статей, — что мы поднесь о курганах Южной России можем рассудить и заключить более отрицательно, нежели положительно. [...] Согласимся же со знаменитым Риттером в том, что пора, наконец, заняться *дельным* исследованием этих

²⁹ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, л. 42 (Ольвия); л. 45 (Berichte über Antiquitäten); л. 474, 475 (Материалы о древностях Боспора); л. 48, 476 (Нумизматика); л. 67 (Эпиграфика), л. 129—164 (Дневники путешествий и путевые записки); л. 323—332, 467, 469 (Материалы о Крыме), и др. Небольшой личный фонд П. И. Кёппена хранится также в ОР РНБ (ф. 347). Часть собранных Кёппеном материалов «для истории художеств и отечественной палеографии», проданных им Российской Академией, рассредоточены по разным фондам НИОР БАН. Интереснейшие 298 писем Кёппена к Х. Х. Стевену за 1819—1862 гг. в переводе с немецкого Хр. Мецгера были подготовлены к печати ТУАК—ТОАИЭ (КРКМ, фонд ТУАК, № 39—41). Подлинники писем еще в 1914 г. были переданы внуком ученого А. А. Стевеном в ТУАК (ИТУАК. 1914. № 51. С. 329. Протокол заседания от 29 мая 1914 г., § 17). Сохранилось предисловие к публикации, написанное А. И. Маркевичем (КРКМ, КП-24602, Д-9534, л. 12), в начале 1920-х гг. начался набор текста, о чем свидетельствуют сохранившиеся корректуры, но книга в свет не вышла. Ответные письма Стевена за 1821—1863 гг., которыми ТУАК не располагала, хранятся в ПФА РАН (ф. 30, оп. 3, л. 264—281).

³⁰ Маркевич А. И. К биографии академика П. И. Кёппена // ИТУАК. 1914. № 51. С. 223—240.

³¹ Сохранилось «Собрание подлинных рукописных материалов, оставшихся после смерти И. Ф. Штукенберга и подаренных в Библиотеку Имп. Санкт-Петербургской АН сыном автора, корпуса инженеров путей сообщения подполковником Антоном Штукенбергом октября 16 дня 1856 г. Том 2» (ПФА РАН, р. III, оп. 1, л. 265). Рукопись на немецком языке включает сведения по антропологии, данные «о курганах и могилах», а также выписки из газет, журналов, книг по археологии России.

³² При строительных работах в имении Н. А. Толстого на левом берегу Москвы-реки были раскопаны 5 насыпей из группы 16 курганов. Остальные курганы исследованы известным нумизматом, вице-президентом МОИДР, в то время предводителем уездного, затем губернского дворянства А. Д. Чертковым в 1838—1839, 1845 гг.; описание и отчеты опубликованы в сопровождении гравированных рисунков в «Русском историческом сборнике» МОИДР (М., 1839. Т. 3. Кн. 3) и в «Записках Археолого-нумизматического общества» (СПб., 1849. Т. 1. С. 234 и след.). См. также специальную статью П. И. Кёппена: *Köppen P. von. Über einen Gräberfund im Moskauschen Gouvernement* // BS. 1839. Т. 5. № 23—24. Р. 383—384.

Череп а из раскопок, по устной договоренности Черткова с акад. Баром и А. Ф. Миддендорфом, в мае 1846 г. через П. И. Кёппена были представлены в Академию наук (ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, л. 45, л. 13) и тщательно изучены К. М. Баром, по антропологическим данным установившим, что они принадлежат не древним финнам, а какому-то другому народу. Металлические вещи были подвергнуты химическому анализу профессором Московского университета Р. Г. Гейманом. Чертков сначала приписал курганы мере и муроме, потом — «варяго-россам». По современным данным, это типичные древнерусские погребения XI—XIII вв., характерные для подмосковных вятичских курганов. Подробнее см.: *Формозов А. А. Следопыты земли московской*. М., 1988. С. 34—36, 57; Археологическая карта России: Московская область / Под ред. Ю. А. Краснова. М., 1994. Ч. 1. С. 257. № 65.

³³ ПФА РАН, ф. 1, оп. 2-1839, § 194.

столь уважительных памятников первобытных времен, дабы из рассматривания их извлечь пользу для древнейшей истории человеческого рода, пользу, которую, может быть, одни только они в состоянии еще представить исследователям. Пора вспомнить, что прах наших предшественников на земле сей вопиет против тех, которые непростительным образом разрывают курган за курганом, не для того, чтобы познакомить нынешнее поколение с их прародителями, но по одной токмо бессовестной корысти или по любопытству, непростительному и для наук совершенно бесплодному.³⁴ Разрытие могил без обнаружения о внутреннем их устройстве и содержании есть преступление нашего времени пред лицом истории, есть грабительство, причиняющее потомству, и самое хранение отысканных в курганах памятников, без обнаружения о том во всеобщее сведение — *непростительно*».³⁵

Видимо, не без влияния Кёппена в 1840 г. Академия наук признала полезным награждать «находчиков древностей» даже за незначительные находки, представляемые правительству, чтобы «предупредить могущее быть утаение важнейших находок этого рода». Министерство внутренних дел в свою очередь уведомило Имп. Академию наук, что у него отсутствуют средства для этих целей. Правда, 17 февраля 1841 г. Николаем I по докладу министра государственных имуществ Л. А. Перовского были утверждены «особенные правила об археологических находках, делаемых государственными крестьянами»,³⁶ согласно которым «всякий нашедший в земле казенных имений древние монеты, оружие и другие достопримечательные вещи» обязан представить их начальству за особую награду. «Громоздкие» памятники оставались под ответственность местных властей и описывались на месте, их рисунки с объяснительным текстом должны были доставляться в соответствующие департаменты министерства государственных имуществ, а затем — через министра народного просвещения — в Академию наук для научной атрибуции памятников и «определения приличной за них награды». Вознаграждение выплачивалось тем ведомством, в которое поступал памятник. О наиболее ценных древностях министр доводил до сведения императора. После публикации правил Х. Д. Френ составил специальную инструкцию, как изготавливать «снимки с надписей на камнях» для присылки в Академию наук, что способствовало предотвращению гибели для науки многих эпиграфических находок.³⁷ Впоследствии Академия наук признала необходимым «от времени до времени» перепечатывать в губернских ведомостях изданные в 1841 г. правила.³⁸ В 1843 г. министр внутренних дел вновь потребовал от губернаторов прислать сведения о местных древностях.³⁹

15 октября 1843 г. П. И. Кёппен подал специальную записку в Академию наук, где предложил принять экстренные меры к охране уцелевших археологических памятников, в частности «стоящих на могилах (курганах) каменных баб», находящихся «на первоначальных своих местах» как на казенных, так и на частных землях, собрать сведения об этих памятниках (названия курганов и наименования урочищ) для представления в Академию наук. Кёппен подчеркивал, что эти памятники исчезают безвозвратно: снятые со своего места, они используются вместо простых камней «для закладки в фундаменты» ветряных мельниц и других построек, служат «для отягчения гнета в маслобоянях», иногда расставляются по поворотам меж вместо гранитных столбов, ставятся у ворот усадеб или в садах вместо статуй, используются в качестве пугал от птиц и т. п.⁴⁰ Таким образом, подобно ученым предшествующего века Просвещения, Кёппен рассматривал курганы как памятники надгробной архитектуры, как неотъемлемую часть природного и антропогенного ландшафта, варварски разрушаемого современными людьми.

³⁴ Ritter C. Die Vorhalle europäischer Völkergeschichten von Herodotus und an den Kaukasus und an den Gestaden des Pontus. Berlin, 1820. S. 258. *Примеч. П. И. Кёппена*. Ср. последний абзац документа № 18.

³⁵ О курганах: Предварительное разыскание Петра Кёппена (1836 г.) / Публ. А. И. Маркевича // ИТУАК. 1908. № 42. С. 41.

³⁶ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1841, д. 7, л. 36—36 об. Типогр. экз.; ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 14, л. 13—15 об.

³⁷ BS. 1842. Т. 9. P. 126.

³⁸ BCSHP. 1848. Т. 5. P. 64.

³⁹ АВ СПбФ ИВ, ф. 52, оп. 1, д. 11, л. 2, 3 об., 5.

⁴⁰ ПФА РАН, ф. 1, оп. 2-1843, д. 49, л. 2—2 об., 4—4 об. (ИФ, § 135). Прочитирую отрывок из журнала поездки в Крым Е. П. Фадеевой (урожд. кн. Долгорукой), кишиневской и одесской знакомой А. С. Пушкина: «...Выехали мы из Янчокрака (в молочанскую колонию Гринянталь. — И. Т.) и при выезде видели несколько каменных идолов очень грубо высеченных, которые находят в могилах, рассыпанных в пространнх здешних степях [...] От Алыену проезжали мы духоворческую деревню Терпение, в ней почти у каждых ворот стоят древние, вероятно еще скифские истуканы; мы ходили в их общественный сад, в коем стоит один особенно красивый идол...» (ОРИП ОГНБ, ф. 17, карт. 5, ед. хр. 442, л. 3 об., 7).

меченный человеком. К такому пониманию важности контекста археологического памятника наука вернулась совсем недавно, во второй половине XX в.

Месяц спустя после подачи записки Кёппена, получив положительное заключение Отделения истории и филологии, непреременный секретарь Академии наук П. Н. Фус специально обратился к министру внутренних дел Л. А. Перовскому с просьбой выхлопотать высочайшее повеление о сохранении уцелевших памятников с назначением денежной пени примерно в 100 р. серебром «за каждое истребление или расхищение каменного болвана».⁴¹ 25 декабря 1843 г. Л. А. Перовский немедленно предписал исполняющему должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора П. И. Федорову, херсонским военному и гражданскому губернаторам, таврическому и екатеринославскому гражданским губернаторам, керчь-еникальскому и таганрогскому градоначальникам представить подробные сведения о каменных бабах и распорядиться «о совершенной неприкосновенности сказанных памятников» на основе циркуляра МВД от 31 декабря 1826 г. «о сохранении древностей и о воспрещении разрушать оные».⁴²

С академическими учеными, в частности с П. И. Кёппеном и К. М. Бэрм, тесно сотрудничал немецкий колонист менонит *Иоганн (Иван Иванович) Корнис* (1789—1848), доставивший в Академию наук сообщения и отчеты о собственных раскопках курганов в Мелитопольском уезде Таврической губернии (1839)⁴³ и на северном побережье Азовского моря (1842—1844).⁴⁴ Выходец из окрестностей Данцига, Корнис вместе с семьей в 1804 г. переселился в Южную Россию, в Хортицкий округ менонитских поселений. Здесь, занимаясь сельским хозяйством и животноводством, деловитый и сметливый немец быстро разбогател, завел образцовое хозяйство, которое в 1838 г. посетил наследник престола и другие члены императорской семьи. Корнис являлся пожизненным председателем менонитского земледельческого общества, а в 1838 г. стал членом-корреспондентом Ученого комитета Министерства государственных имуществ, действительным членом которого состоял П. И. Кёппен. Не без влияния последнего Корнис заинтересовался полевой археологией. В поисках легендарной страны герров Геродота, где, согласно «отгу истории», находились курганы скифских царей, Корнис по поручению Академии наук провел раскопки курганов близ Мелитополя по берегам рек Молочной, Корсак и Ташенак. Район реки Молочной около Тохмака в Мелитопольском уезде еще графом И. О. Потоцким отождествлялся с рекой Геррос.⁴⁵ Здесь, по мнению П. И. Кёппена, стоило провести раскопки «с надлежащим вниманием, тем более что курганы Южной России вообще так мало еще известны».⁴⁶ Во всех курганах «усопшие» были погребены вместе с лошадами и сбруей, но скудным погребальным инвентарем либо «вовсе без него». Кроме отесанных и простых камней, покрытых слоями щебня, Корнис ничего не обнаружил и посчитал курганы татарскими. Древности, найденные в 1845—1846 гг. при раскопках близ духовборского селения Терпение Мелитопольского уезда, были приобретены для музеев Академии наук.⁴⁷ П. И. Кёппен посвятил раскопкам Корниса специальные публикации.⁴⁸

В среде академических филологов-классиков также произошли кадровые перемены. После смерти Е. Е. Кёлера (1838) академическая кафедра греческих и римских древностей

⁴¹ ПФА РАН, ф. 1, оп. 2-1843, д. 49, л. 3 (ИФ, § 135).

⁴² ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 41, л. 8—8 об.; BCSNPhP. 1844. Т. 1. Р. 300. Переписку по этому вопросу см.: РА ИИМК, ф. 6, д. 89: По отношению непреременного секретаря АН о сделании распоряжения к сохранению каменных баб (17 ноября—12 декабря 1848 г., 88 л.).

⁴³ ПФА РАН, ф. 1, оп. 2-1839, § 437.

⁴⁴ Там же, ф. 129, оп. 1, д. 270; ф. 2, оп. 1-1843, д. 2 (1843—1844); РА ИИМК, ф. 1, оп. 1-1862, д. 1, л. 10.

⁴⁵ *Potocki J. Mémoire sur un nouveau Péryple du Pont Euxin...* Vienne, 1796. P. 39.

⁴⁶ О курганах: Предварительное разыскание Петра Кёппена. С. 40.

⁴⁷ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 45, л. 2—2 об.

⁴⁸ *Köppen P. von. 1) Sur quelques tumulus dans la Russie méridionale / Über einige Tumuli des südlichen Russlands // BS. 1838. T. 4. № 19. P. 277—279* (о курганах Таврической губернии, близ Орехова, в колониях Блюменталь, Нейкирх, Мюнстерберг, Рюкенау, Тиге, Тигангаген; в ходе раскопок курганов по берегам реки Молочной были найдены «человеческие и конские остовы, глиняный просверленный кружок, железные удила, золотые серьги, разноцветные бусы, кусок янтаря»); *2) Über einige im Melitopolischen Kreise des Taurischen Gouvernements veranstaltete Nachgrabungen // St. Petersb. Zeitung. 1839. 2 Aug. № 197. P. 932; 3) Kurze Übersicht der in den Jahren 1842—1844 an der Nordseite des Azowischen Meeres geöffneten Tumuli // BCSNPhP. 1844. T. 2. № 37. P. 193—203.* Эта статья была направлена Кёппеном Одесскому обществу истории и древностей и зачитана на заседании 4 апреля 1845 г., после чего общество просило И. Корниса «доставлять сведения» о раскопках (ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 2, л. 11 об.). Подробнее см. письма И. Корниса к П. И. Кёппену: ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 473; оп. 3, д. 129 (1845—1847 гг.).

12 лет оставалась вакантной. По уставу Имп. Академии наук, утвержденному 8 января 1836 г. и действовавшему вплоть до 1927 г., ее должны были замещать два ordinарных академика.⁴⁹ Одним из них оставался Ф. Б. Грефе, который эпиграфикой Причерноморья занимался попутно. С подробными комментариями он издал ряд греческих надписей, используя материалы П. И. Кёппена, полученные от любителя донской старины А. А. Мартынова (см. гл. 17).⁵⁰ В феврале 1848 г. Министерство народного просвещения обратилось в Академию наук с вопросом, не следует ли переправить из музея Одесского общества истории и древностей в Петербург надпись на мраморной доске, найденную государственным крестьянином Петровым у селения Коротного Херсонской губернии. Бумаги были переданы на заключение Ф. Б. Грефе, мнение которого получило одобрение Историко-филологического отделения. Академик посчитал, что «для памятников сего рода, громоздких, предпочтительнее, кажется, не подвергать их дальнему перевозу, если только вблизи места открытия имеется музей... Для полного извлечения из такого открытия пользы для науки совершенно достаточно иметь верный снимок (не копию) с надписи и такое же верное очертание лицевой стороны камня, если он обломан». Грефе просил выяснить у администрации губернии, «не отыщутся ли вблизи того места, где открыт сей памятник, и обломки с него, которые могли бы служить к пополнению недостающих строк». Академик приветствовал распоряжение императора о концентрации древностей, «легко могущих пересылаться по почте», в столичных музеях: «Сосредоточение всех сокровищ сего рода в столице... представляет вернейшее средство для немедленного обращения их в общее достояние наук». Грефе предложил наградить крестьянина, нашедшего надпись, в пределах от 15 до 20 р. серебром.⁵¹ И все же для большинства специалистов и коллекционеров своего времени Грефе так и остался «неизвестным по археологическим трудам, по крайней мере в отношении к крымским древностям, — трудам, подобным тем, какими отличили себя в ученом свете гг. Бларамберг, Кёлер, Кёппен и некоторые другие».⁵²

Академия пригласила на вакантную после смерти Кёлера кафедру любимого ученика А. Бека, немецкого филолога-классика К. О. Мюллера, тот ответил согласием, но вскоре скончался. В 1845 г. востоковед акад. Б. А. Дорн, находясь за границей, получил «блестательный» отзыв Готфрида Германа о приват-доценте Лейпцигского университета *Людольфе Эдуарде Стефани* (*Stephani*, 1816—1887).

Л. Э. Стефани, антиковед, эпиграфист, историк античного искусства; доктор философии Лейпцигского университета (1842); действительный член РАО (5. 06. 1871), МАО, Восточного общества в Лейпциге, почетный член Археологического института в Риме, Королевской Академии наук в Мюнхене, почетный вольный общник Имп. Академии художеств. Стефани родился в окрестностях Лейпцига в семье пастора, с 1836 г. учился классической филологии и археологии на философском факультете Лейпцигского университета у Г. Германа и И. Беккера, затем при содействии правительства Саксонии четыре года провел за границей: более года работал домашним учителем в Афинах, совершил путешествия в Константинополь, Трою, Смирну и по северной Греции, в конце 1843 г. отправился в Рим и прожил около трех лет в Италии, где был избран членом Римского археологического общества. Вернулся на родину в 1845 г. К тому времени молодой ученый был уже достаточно известен в Европе своими трудами, посвященными обработке материалов его четырехлетнего путешествия. Он получил приглашение Императорской Академии наук, но его на несколько дней опередило предложение Дерптского университета занять кафедру красноречия, классической филологии, эстетики и пр. по рекомендации оставившего ее в 1843 г. Л. Преллера. 31 декабря 1845 г. Стефани был избран ordinарным профессором кафедры классической филологии и археологии Дерптского университета. С осени 1846 г. до конца 1850 г. он читал лекции по мифологии, истории древнего искусства (археологии), эстетике, филологической энциклопедии и методологии, культовым греческим и римским древностям, географии классической древности, спецкурсы по греческой эпиграфике, нумизматике и художественной мифологии, занимался чтением и разбором древних авторов.⁵³

⁴⁹ История Академии наук СССР. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 695; Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 93, 103.

⁵⁰ *Graefe Fr. Inscriptiones aliquot Graecae, nuper repertae, restituuntur et explicantur. Petropoli, 1841. 12 p.* (Отд. оттиск из: BS. 1842. Т. 9. № 15).

⁵¹ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1841, д. 7, л. 32—32 об., 46—47, 54—55. Одесское общество истории и древностей наградило крестьянина Илью Петрова 30 р. серебром (ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 55, л. 115—115 об.).

⁵² *Спаский Г. И.* Евпатория: (Из «Путевых записок о Крыме») // ОЗ. 1850. Т. 73. № 11. Отд. 8. С. 9.

⁵³ См. о нем: *Малмберг В. К.* Стефани Людольф Эдуард // Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802—1902). Юрьев, 1903. Т. 2. С. 469—471; *Зарин А.* Стефани Людольф Эдуардович // РБС. 1909. Т.: Смеловский — Суворина. С. 404—406; *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности. СПб., 1999. С. 140—141.

Чобы закрыть связь с немецким учением, переехавшим на работу в Россию, Академия наук в 1847 г. поручила Стефани редактирование посмертного собрания трудов акад. Е. Е. Кёлера.⁵⁴ Л. Э. Стефани успешно выполнил задание, старательно приготовив для печати многие незавершенные рукописи, и Академия наук издала шесть томов избранных исследований покойного академика. «Издать в свет посмертные рукописи постороннего ученого и совместливо приготовить к печати во многом еще не приведенное в надлежащий порядок и не сплошь обработанное литературное наследие подобного рода, — значит принести науке немаловажную жертву. Сколь ни сроден был бы с нами и не привлекателен сам по себе предмет, но он все-таки требует нередко весьма многотрудного и долговременного вникания в чужой образ наглядности, многочисленных справок с бывшими у покойного автора под рукою источниками, и тот, кто обречет себя на подобного рода подвиг, необходимо должен на время отказаться от своих собственных любимых занятий, иногда не зная даже, не будет ли он этим новым обязательством и вовсе отвлечен от первоначально избранной им стези. Но чем труднее принести такую жертву науке, тем выше, по справедливости, должно быть оценено подобное добровольное самоотречение [...] К этим... прекрасным примерам достойно примкнет... заслуга г-на Стефани, если он, достойно передав потомству оставшиеся после лично ему вовсе незнакомого Кёлера сочинения, увековечит для Академии это знаменитое имя», — писал акад. Ф. Б. Грефе в 1850 г., еще до выхода в свет первого тома «Избранных трудов» Е. Е. Кёлера.⁵⁵ Во многом благодаря этой трудоёмкой работе уже к середине XIX в. немецкий ученый сумел приобщиться к проблематике северопричерноморских классических древностей.

28 июня Историко-филологическое отделение единогласно, а 7 сентября 1850 г. Конференция (Общее собрание) 22 голосами «за», при трех «против» и двух отказавшихся участвовать в баллотировке действительных членов, избрали Л. Э. Стефани ординарным академиком по греческим и римским древностям Императорской Академии наук и директором Археологического музея. 22 декабря 1850 г. он переведен из Дерпта в Петербург.

В представлении Ф. Б. Грефе, подписанном также востоковедом Х. Д. Френем и историком Н. Г. Устряловым, приводится определение объема знаний, необходимых для успешной научной работы археологу-классику: «При выборе археолога необходимы два довольно редко в одинаковой мере соединенные в одном и том же лице условия: с одной стороны, снисканная, по возможности, на самом месте наглядность в произведениях древнего искусства, вместе с артистическим вкусом и некоторою степенью технического навыка и с обширным знакомством сюда относящихся изображений; а с другой — основательное знание обоих классических языков, так как самые памятники древности безмолвствуют на счет своей истории, и объяснение всего их значения и связи с бытом древности только и может благонадежно быть почерпнуто из творений классиков. Без такого критико-филологического основания всякое занятие археологиею необходимо обращается в пустой, суетный дилетантизм, тем более соблазнительный, что и простой любитель искусств считает себя в избытке наделенным способностью и вкусом к созерцанию произведений древности, и нет ничего легче, как, однажды устроив строгую критику при помощи нескольких словарей и указателей на основании двух или трех данных имен, возноситься в заоблачную сферу пустых догадок и предположений. Г-н Стефани принадлежит к тому малому числу избранных, которые, обладая природным умом и ученостью, представляют собою в редком союзе и необыкновенной степени образец соединения обоих сказанных условий».⁵⁶

Основательное знание классических языков и литературы Греции и Рима позволило Стефани с успехом заниматься античным искусством и изданием археологических памятников, поступавших в Эрмитаж, хранителем Отделения классических древностей которого он был назначен в 1851 г.⁵⁷ Именно ему принадлежат издание надписей во втором томе и большая часть объяснительного текста к своду «Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Императорском Музее Эрмитажа» (1854). Как член Имп. Археологической комиссии (1859), с

⁵⁴ ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, л. 8. Л. 7—8 об.

⁵⁵ Köhler H. Gesammelte Schriften / Hrsg. von L. Stefani. SpB., 1850—1853. Bd 1—6; ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, л. 8, л. 8—8 об.

⁵⁶ ПФА РАН, ф. 2, оп. 17, л. 8, л. 8 об.—9, 13.

⁵⁷ Стефани Л. Э. Путеводитель по античному отделению Эрмитажа // Пропилеи: Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. 1856. Кн. 5. С. 257—336.

1860 г. по 1883 г. по поручению графа С. Г. Строганова Стефани ежегодно издавал «Compte Rendu de la Commission Imperiale archéologique pour les années 1859—1881» (21 том, 1860—1883, с атласом) с описанием сокровищ Эрмитажа и находок из раскопок на юге России. Основные труды академика, главным образом обширные исследования с анализом новейших южнорусских находок в «Отчетах» Археологической комиссии, опубликованы после 1859 г. и выходят за рамки настоящего исследования.⁵⁸ «На систематизирование и обработку груды сырого материала, — писал биограф Стефани А. Зарин, — он потратил более 20 лет своей жизни, вложил в это... массу энергии, но зато им он обогатил научный мир целой сокровищницей до тех пор неизвестных древностей, которые имеют ценное значение не только для местной, но и для всемирной истории в ее первоначальном периоде».⁵⁹ Благодаря богатству привлеченного сравнительного археологического материала к работам Стефани и теперь еще обращаются специалисты как к своего рода энциклопедии античной мифологии и древностей.⁶⁰

5.3. ИМПЕРАТОРСКИЙ ЭРМИТАЖ

В 1839 г. началось строительство здания Нового Эрмитажа, завершившееся в 1852 г. В феврале того же года сначала для ограниченного круга посетителей, а в 1863 г. уже для широкой публики Императорский Эрмитаж был открыт как публичный музей. Ко второй половине XIX в. в эпоху специализации научных дисциплин Эрмитаж превратился в богатейший археологический музей Российской империи, во многом благодаря передаче в него коллекций из других собраний, в частности академических. Этот процесс был начат еще в 1827 г.⁶¹ и вскоре приобрел необратимый характер. В 1859 г. император Александр II, осмотрев коллекцию Нумизматического кабинета Академии наук, повелел присоединить к коллекции Имп. Эрмитажа академическое собрание «сибирских древностей», а взамен выплачивать ежегодно по 2 тыс. р. серебром из сумм своего Кабинета в течение 10 лет «на издание тво-

⁵⁸ Перечень его статей, изданных в трудах Имп. АН, см.: *Tableau général méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications Acad. Imp. Sci. St.-Petersbourg depuis sa fondation*. SPb., 1872. Pt. 1: Publications en langues étrangères, P. 336—337. № 5300—5309.

⁵⁹ Зарин А. Стефани Лудольф Эдуардович. С. 405.

⁶⁰ См., однако, язвительную характеристику трудов Стефани в «Археологической оде» Е. Е. Люценко (1875):

В сем сонме виден некий муж,
Горгоны древней воплощенье,
Как пестрый черноморский уж
К себе вселявший отвращенье,
Ценитель (в другом варианте: оценщик. — И. Т.)
золотых вещей,

Ваз расписных, монист, браслетов,
С резными камнями перстней
И прочих древности предметов.
Знатох, куда его ни кинь,
В себе он мудрость всю вмещает:
Богов, полубогов, богинь
По пальцам вам пересчитает.
Их тайны знает наизусть
И скажет, если захотите,
Количество янтарных бус,
Принадлежащих Афродите;
Кто ей точил веретено
И где на чудном ее теле
Большое черное пятно
Амуры в ванне подсмотрели.

В его статьях везде столбцы
Цитат на языках различных,
Стихов и прозы образцы
Из разных авторов античных.
Манера эта пыль пустить
И похвалиться знанием дела
Неведжлу может удивить
И всем ужасно надоела.
Все меряя на свой масштаб
В единоличном Комитете,
Он учредил свой главный штаб
В археологическом отчете
И, пикая из года в год
Отчет тот длинными статьями,
Бранился на казенный счет
С берлинскими профессорами,
Сбивая им киченья рог.
Он туп при всей своей гордыне,
Понеже изучить не мог
Язык российский и поныне.

Цит. по: Стихотворения археологов Е. Е. Люценко и барона В. Г. Тизенгаузена / Публ. А. И. Маркевича // ИТУАК. 1910. № 44. С. 76—77; Маркевич А. И. Примечания к стихотворениям археологов // ИТУАК. 1911. № 45. С. 70.

⁶¹ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1827, д. 1, 35 л.: О передаче греческих медалей в Эрмитаж и о составлении каталога Нумизматического кабинета (1827—1828 гг.); ф. 2, оп. 1-1851, д. 11, 16 л.: О вещах, переданных из музеев Академии наук в Эрмитаж; АГЭ, ф. 1, оп. 1-1827, д. 15, л. 1, 4, 6, 8, 16, 33: О передаче «медалей»; оп. 1-1851, д. 10: О передаче монет; РА ИИМК, ф. 1, оп. 1-1859, д. 4, л. 1—31; оп. 1-1862, д. 10, л. 1—11.

ления полезного».⁶² Созданный еще в 1826 г. при Академии наук Музей египетских древностей на основе коллекции миланского негоданта графа К. О. де Кастильоне, существовавший в 1835—1852 гг. вместе с Нумизматическим кабинетом,⁶³ в марте 1863 г. также был передан в Эрмитаж.⁶⁴ За эти коллекции из Кабинета императора в три года было выплачено Академии 11 500 р. Из остатков музея и из Нумизматического кабинета в Академии наук был образован Музей археологии. Последний, называвшийся в академических протоколах Музеем классической археологии, в октябре 1894 г. был окончательно закрыт и передан в Эрмитаж, за исключением некоторых экспонатов этнографического характера, переданных в Этнографический музей АН (ныне Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН). Император, по всеподданнейшему докладу министра Имп. двора, выделил Академии в вознаграждение за коллекции 15 969 р. для причисления к ее социальным средствам с уплатой в течение первых семи лет по 2 тыс. р., а в восьмой год 1969 р.⁶⁵

Первое отделение Эрмитажа в 1840 г. возглавил *Флориан Антонович (Флориан Антуан) Жиль (Gille Florian Antoine, 1801—1864)*.

Ф. А. Жиль, историк-дилетант, библиотекарь. По непроверенным сведениям, швейцарец, уроженец Женевы. Начал службу приказчиком часового магазина во Флоренции. Затем жил в Женеве, сильно бедствовал, был приглашен пастором И. фон Муральтом учителем французского языка в Петербург в его пансион. По рекомендации пастора, В. А. Жуковский пригласил Жилья учителем к царским детям. Он сумел понравиться Николаю I и вплоть до смерти императора пользовался его расположением. С декабря 1825 г. Ф. Жиль был учителем французского языка и географии цесаревича Александра Николаевича, с 1826 г. состоял в штате Министерства народного просвещения, был репетитором истории великих князю Марии, Ольги и Александры, с 1836 г. — в штате Министерства Имп. двора, с 1840 г. в чине коллежского, затем статского советника начальник I отделения Имп. Эрмитажа и библиотекарь Собственной ЕИВ Библиотеки, заведующий Дворцовым и Царскосельским арсеналами; автор книг «Musée des armes rares anciennes, etc. Collection d'armes au Musée de Tzarsskoe Selo» (SPb., 1835—1853. 2 vol. in folio). В 1843 г. был командирован за границу для изучения собраний оружия; привел в порядок Арсенал, в Эрмитаже принял меры к составлению каталога древностей, в 1845 г. осматривал Оружейную палату в Москве, в 1847 г. подал записку о реорганизации Эрмитажа. Помощник председателя РАО с основания до 3 октября 1850 г. В 1856 г. и 1858 г. был в заграничном отпуске в Париже и Женеве. В 1858—1859 гг. совершил поездку на юг России и на Кавказ, собранную там коллекцию монет и «фотографических рисунков» принес в дар Эрмитажу, вскоре опубликовал книгу «Lettres sur le Caucase et la Crimée. Ouvrage enrichi de trente vignettes dessinées d'après nature et une carte dressée au dépôt topographique de la guerre à St. Pétersbourg» (Paris, 1859. 554 p.) и статью «Керчь и Таманский полуостров» (ИРАО. 1861. Т. 2. С. 53—56). В 1859 г. «за приношение» король Сардинии Виктор Эммануил II пожаловал ему орден Св. Маврикия и Лазаря, что вызвало неудовольствие Александра II и повеление, «чтобы впредь не утруждали иностранных царствующих особ приношениями без разрешения начальства». Из-за интриг Б. В. Кёне положение Жилья окончательно пошатнулось, и 6 мая 1863 г. он подал прошение об отставке. Жиль уехал за границу, в 1863 г. был избран членом-корреспондентом Парижской Академии надписей и изящной словесности. Трагическая гибель Жилья была безусловно инициирована его отставкой и предательством Кёне — в ноябре 1865 г. в Любеке он покончил с собой «в припадке меланхолии».⁶⁶

Хотя Ф. А. Жиль считался «во всем дилетантом»,⁶⁷ он был очень деятельным и добросовестным человеком. В 1851 г. его хлопотами в нижнем этаже нового здания музея был открыт специальный Керченский зал, в котором выставлялись практически все находки античного времени из различных регионов Причерноморья. Жиль понимал необходимость привлечения профессиональных ученых — членов Академии наук для издания сокровищ императорского музея. По его инициативе были взяты на службу в Эрмитаж антиковед акад. Л. Э. Стефани, занявшийся изучением причерноморских памятников, историк России акад. А. А. Куник, востоковед акад. М. Ф. Броссе. Интерес к археологическим богатствам империи проявляли и

⁶² Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до Имп. Академии наук и подведомственных ей учреждений. СПб., 1889. С. 30; ПФА РАН, ф. 2, оп. I-1859, д. 6, 69 л.: О сибирских древностях АН, о передаче их в Эрмитаж и о вознаграждении АН 20 тыс. р. на издание «Русского архива»; АГЭ, ф. I, оп. I-1859, д. 53: О сибирских древностях, переданных из АН в Эрмитаж (1859—1860).

⁶³ Директором Нумизматического кабинета сначала был Ф. Б. Грефе, с 1851 г. — Л. Э. Стефани, хранителями — Ф. Л. Шардиус, с 1856 г. — Г. Ф. Грефе, затем Э. Д. Гримм.

⁶⁴ АГЭ, ф. I, оп. I-1862, д. 29: О передаче в Эрмитаж собрания египетских древностей.

⁶⁵ ПФА РАН, р. IV, оп. 6, д. 86, л. 1—4.

⁶⁶ См.: Веселовский Н. И. История Имп. Русского археологического общества за первое 50-летие его существования. 1846—1896. СПб., 1900. С. 21—23; ГАРФ, ф. 728, оп. 1, д. 1464 (записки и письма Жилья 1826, 1845, 1862 гг.); АГЭ, ф. I, оп. I-1840, д. 17; оп. I-1847, д. 14, ч. 2, с. 134—153; оп. I-1858, д. 55; оп. I-1859, д. 9, л. 1, 5, 6; оп. I-1963, д. 12.

⁶⁷ Пиотровский Б. Б. История Эрмитажа // Эрмитаж: История и современность. Л., 1990. С. 34.

иностранные ученые — в 1843 г. Жиль взял в зарубежную командировку гальванопластические копии кульобской вазы с изображением скифов и знаменитой «черниговской гривны»; позднее в Берлин были направлены гипсовые слепки «достопримечательнейших керченских и других древностей» Эрмитажа.⁶⁸

В апреле 1841 г. Ф. А. Жиль задумал издать описания и рисунки керченских древностей, хранящихся в императорском музее, по сути свод археологических источников из раскопок на территории Боспора с конца XVIII по середину XIX в., и первоначально планировал завершить его за полтора года. Сохранилась его записка министру Имп. двора П. М. Волконскому с планом будущей книги (1843). По расчетам хранителя Эрмитажа, издание тиражом 200 экз. должно было обойтись в 8 тыс. р. серебром, за продажу 100 экз. предполагалось выручить от 3 до 4 тыс. р. серебром.⁶⁹ Его план был поддержан П. М. Волконским, а затем одобрен Николаем I, распорядившимся отнестись расходы на средства своего Кабинета. При подготовке книги были использованы неизданные работы А. Н. Оленина и П. Дюбрюкса, рапорты о раскопках в Керчи и на Тамани Карейши, Ашика и других, затребованы в Эрмитаж 979 рисунков акад. Ф. Г. Солнцева, не вошедшие в издание «Древностей Российского государства». По инициативе Ф. А. Жиль был поднят вопрос о съемке карт, планов и изготовлении рисунков, относящихся к памятникам Азиатского и Европейского Боспора. Располагая рукописями и планами П. А. Дюбрюкса, Ф. А. Жиль и гр. Л. А. Перовский составили список объектов, по которым требовалось производство топографической съемки и архитектурных обмеров. В течение трех недель в сентябре 1853 г. по распоряжению М. С. Воронцова это задание выполняли капитан (с осени 1853 г. подполковник) корпуса топографов Рябов и архитектурский помощник Шмаков (рис. 81) под наблюдением начальника Черноморской береговой линии вице-адмирала Л. М. Серебрякова.⁷⁰ Большая часть составленных ими планов осталась неизданной. Съемку Рябов проверял и исправлял исполнявший обязанности директора Керченского музея К. Р. Бегичев. За карту горы Митридат император пожаловал Рябову бриллиантовый перстень на сумму 50 р. серебром.⁷¹ Проведение «разрывок (раскопок. — И. Т.) для открытия очертания развалин» при изысканиях архитектора было возложено на Михаила Бларамберга.

Ф. А. Жиль предлагал издать ответы на вопросы в качестве прибавления к ДБК несколько позднее, поэтому в основном тексте книги археолого-топографический раздел крайне беден. В архивах сохранились как сами вопросы, так и ответы на них, с рисунками памятников и аннотациями Михаила Бларамберга.⁷² В числе рисунков и планов: «Акосов» вал (профиль, фасад, разрез и план фундамента открытой башни), Царский и Золотой курганы, городища Куурдак, окрестности «Парфениона» у маяка Еникале, места, где Дюбрюкс видел античные колонны в заливе между Северной косой и берегами Таманского полуострова, гора Опук, древние постройки в Керчи, в Кермеш-Келечике (Кармыш-Келечи), в окрестностях Такиль-Бурунского маяка и окрестностях оз. Чурубаш и др., а также «Опись планам, рисункам и описаниям».⁷³ К. Р. Бегичев, занятый раскопками, ограничился составлением нескольких рисунков, остальные выполнил учитель рисования Андрей Стефанский (Стефановский).⁷⁴ Сохранилась копия на кальке плана Пантикалея, составленного И. П. Бларамбергом, выполненная рукой Ф. А. Жиль, с обозначением на ней остатков оборонительных стен и восьми «входов в катакомбы».⁷⁵ Их изучение хранитель Эрмитажа поручил К. Р. Бегичеву, который зимой 1853—осенью 1854 г. занялся проверкой и уточнением плана, сосредоточив основное внимание на следах стен. Однако из-за отсутствия достаточных средств археолог не смог исследовать катакомбы, и вопросы Жиль остались без ответов. Бегичев снял для ДБК несколько рисунков с приложением объяснений: «Вид местности, заключающей катакомбы» на северной покатости горы Митридат, «Вид Керчи с моря», «Вид г. Керчи со стороны Золотого кургана», «Вид Керчи со стороны мыса Ак-Бурун», «Вид г. Керчи с карантинной дороги», «Вид Керченского

⁶⁸ АГЭ, ф. 1, оп. I-1843, д. 16; д. 20, 17 л. (1843—1858 гг.).

⁶⁹ Там же, д. 26, л. 1—12.

⁷⁰ РА ИИМК. ф. 6, оп. 1, д. 197; р. I, № 1118; ф. 9, оп. 1, д. 7, л. 17

⁷¹ АГЭ, ф. 1, оп. I-1848, д. 35, л. 248.

⁷² Несколько лет спустя М. Бларамберг ходатайствовал «об удовлетворении его за труды по изданию сочинения о керченских древностях» (АГЭ, ф. 1, оп. I-1861, д. 25, 3 л.).

⁷³ АГЭ, ф. 1, оп. I-1843, д. 26, л. 360—397; оп. I-1848, д. 35, л. 225—238, 266—267.

музы древнейшей», «Памятник Стемповского», «Кресло Митридатово», «Вид христианского древнего алтаря, иссеченного с западной стороны Кресла Митридатова», «План скалы, составляющей Кресло Митридатово, и христианский алтарь».⁷⁵

Лишь в 1854 г., уже после смерти генерал-фельдмаршала кн. П. М. Волконского, под редакцией Ф. А. Жилия вышло издание «Древностей Босфора Киммерийского» (ДБК) в двух томах, с параллельным текстом на русском и французском языках, в сопровождении роскошного атласа (рис. 82).⁷⁷ На издание было потрачено в три с лишним раза больше средств, чем планировалось, — 29 662 р. 99 к. серебром. Тираж ДБК составил всего 200 экз. (по ошибочным данным Г. Геннади, — 100 экз.). Книга рассылалась в качестве подарков иностранным королевским дворам, музеям, обществам и т. п., причем лишь 140 экземпляров за 60 р. серебром в мае 1855 г. были пущены в свободную продажу.⁷⁸ Неудивительно, что уже в момент выхода в свет книга стала библиографической редкостью. В рисунках Р. Пикара, Ф. Г. Солнцева и других художников тщательно воспроизведены основные находки из раскопок на Европейском и Азиатском Боспоре. Все введение и часть описания находок принадлежат Ф. А. Жилию; Л. Э. Стефани написаны отдел надписей, описания серебряных и бронзовых «вещей с мифологическими изображениями» (табл. XXXIX—XLIII), коллекции расписных ваз (табл. XLV—LXXX) и богатейшего собрания боспорских монет (табл. LXXXV и след.). При общей положительной оценке работы современники упрекали авторов в отсутствии связного изложения истории Боспора, недостаточном внимании к трудным вопросам исторической географии и археологической топографии, которая изложена всего на 9 страницах, и т. п.⁷⁹ И все же как свод археологических источников ДБК не потерял своей научной ценности до сих пор. В конце XIX в. в уменьшенном формате, в одном томе Саломоном Рейнаком был опубликован французский перевод, с некоторыми сокращениями и дополнениями. Книга посвящена издателем Павлу Дюбрюксу: «A la mémoire de Paul Dubrux, créateur de l'archéologie Bosporene».⁸⁰

В 1860 г. и 1861 г. на французском и русском языках под редакцией Ф. А. Жилия был издан путеводитель — «Музей Императорского Эрмитажа: Описание различных собраний, составляющих музей, с историческим введением об Эрмитаже императрицы Екатерины II и о образовании музея Нового Эрмитажа», напечатанный в типографии Имп. Академии наук. Описание охватывало нижний этаж музея, где хранились древности Боспора Киммерийского, в том числе перевезенные в 1852 г. из Керченского музея. К тому времени коллекция Керченского зала насчитывала 1700 предметов из золота, серебра, бронзы, железа, слоновой кости, стекла, глины, дерева, тканей, около 500 расписных ваз, 175 амфорных клейм, 40 ламп, 23 мраморные статуи и их фрагменты, 45 барельефов и надгробий, 37 колонн и архитектурных обломков, 27 надписей на мраморе. Вместе с 2200 предметами того же собрания, хранившимися на втором этаже в Кабинете императрицы, эта коллекция включала около 5000 памятников. В книге также приведена характеристика находок из раскопок на Невдиговском городище, в Ольвии и изложена история Тмутараканского камня. Путеводитель давал

⁷⁴ Там же, оп. I-1850, д. 38: По письму учителя рисования Стефановского об определении его рисовальщиком в Керченский музей, 2 л.

⁷⁵ Там же, оп. I-1848, д. 35. Между л. 257—258 (калька разорвана на две половины); на л. 258—264 (письма Бегичева Жилию от 20 февраля и 14 июля 1853 г.).

⁷⁶ Там же, л. 280—285 об. См. также его рисунки: АГЭ, ф. 1, оп. VI-M, д. 27/6 л. 1—5: виды Керчи, Змеиного городка и Карантинного мыса (подпись: 16 мая 1851, Бегичев), с аннотациями Жилия на франц. яз.; д. 27/17: рисунки находок из керченских курганов, в том числе саркофага из Мирмекия. В том же деле 27/5, л. 1—1 об.: записка Бегичева «Древние земляные гробницы, покрытые штукатуркой», с вопросами и комментариями Жилия на полях на франц. яз.; д. 27/22: записка Бегичева о древних гробницах из черепицы.

⁷⁷ Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа: В 3 т. СПб., 1854 (Antiquités du Bosphore Cimmérien conservées au musée impérial de l'Ermitage. Ouvrage publié par ordre de S. M. l'Empereur. Texte français et russe. Spb., 1854. 3 vol., in folio. CLXXII, 620 p. (с виньетками, двумя картами и 95 литографированными таблицами, частью напечатанными красками)).

⁷⁸ АГЭ, ф. 1, оп. I-1843, д. 26, л. 468—468 об.

⁷⁹ Струве Ф. А. Археологические разыскания в Южной России, по отчетам Имп. Археологической комиссии // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 556.

⁸⁰ Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854). Réédité avec un commentaire nouveau et un index général des Comptes Rendus par Salomon Reinach. Paris, 1892. XVI, 213 p., LXXXVI pl. (Bibliothèque des Monuments Figurés Grecs et Romains).

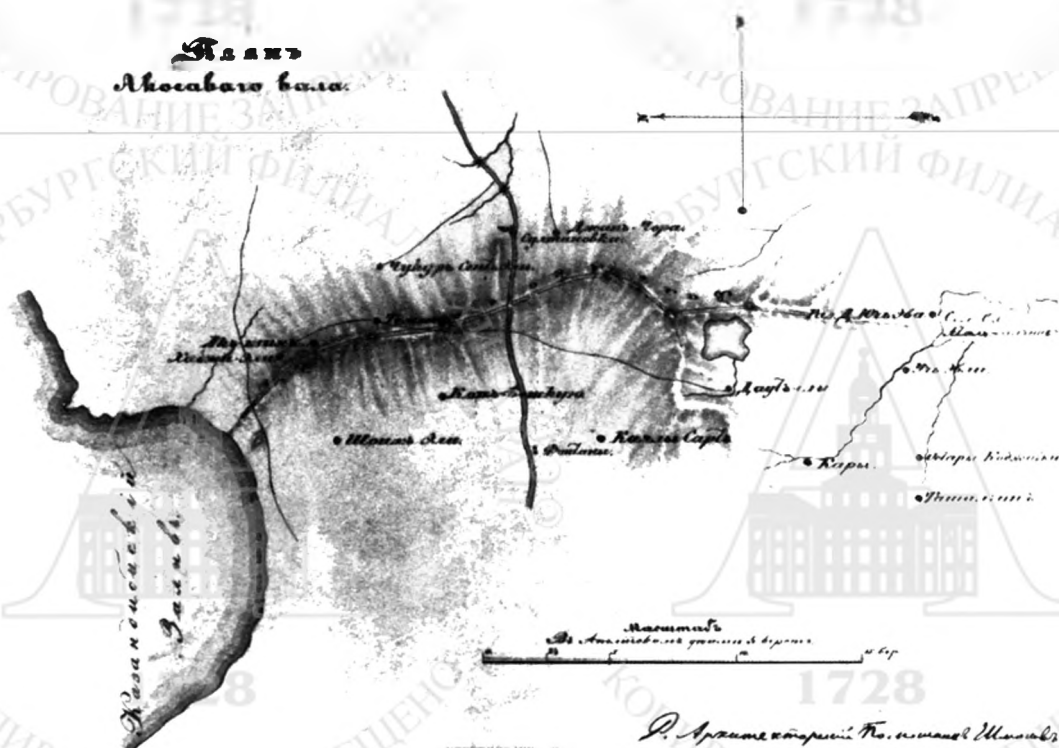

Рис. 81. План и профиль «Акосоваго» вала и рва. Рисунок архитекторского помощника Шмакова, сентябрь 1853 г. (РА ИИМК, р. I, № 1118, л. 10, табл. XVII. Публ. впервые).

краткий обзор каждой части императорского собрания и каталог выставленных в Керченском зале предметов.⁸¹

Другой иностранец на русской службе, Эдуард Гаспарович фон Муральт (Muralt, 1808—1895), в отличие от Ф. А. Жилия заслужил репутацию серьезного ученого.

Эдуард фон Муральт, историк-антиковед и византист, археограф, археолог; член-основатель (6 апреля 1846) и секретарь Классического отделения РАО (март 1851—13 января 1853), действительный член МОИДР (1856), по-

⁸¹ Musée de l'Ermitage Imperiale: Notice sur la formation de ce Musée et description de diverses collections qu'il renferme avec une introduction historique sur l'Ermitage de Catherine II. SPb., 1860; Музей Императорского Эрмитажа: Описание различных собраний, составляющих музей, с историческим введением об Эрмитаже императрицы Екатерины II и о образовании музея Нового Эрмитажа. СПб., 1861. С. 231—301.

четный член Швейцарского общества исторических исследований (1850), член Историко-богословского общества в Лейпциге (1851), почетный член Имп. Публичной библиотеки (1864). Родился в Цюрихе (Швейцария) в семье негошанта, в 1832 г. получил в Цюрихе звание священника или министра святого Евангелия, в том же году степень доктора философии Йенского университета (1832); доктор богословия Цюрихского университета (1849). В 1833 г. Муральт приехал в Петербург, где жил его дядя И. фон Муральт — пастор немецкой реформатской церкви, держатель известного в то время аристократического пансиона. В том же году он сдал экзамены в Петербургском университете на звание классических языков, получил диплом домашнего учителя. В 1838 г., по ходатайству А. Н. Оленина, принят в Имп. Публичную библиотеку на должность библиотекаря в «помощь по рукописям» А. Х. Востокову, подготовил каталог греческих и итальянских рукописей по богословию (1840, 1864); как знаток древних языков в 1840 г. Муральт был принят помощником библиотекаря в Эрмитажную библиотеку. В 1846 г. совершил длительную поездку за границу по Пруссии, Австрии, Турции, Греции, Италии, Швейцарии. С 1851 г. — старший библиотекарь Имп. Публичной Библиотеки. Под влиянием акад. А. А. Куника Муральт принял участие в конкурсе, объявленном Академией наук на лучшее сочинение по византийской хронологии, и свыше 20 лет своей жизни посвятил изучению этой темы. В 1864 г. уволился со службы и уехал в Швейцарию, стал профессором теологии в Лозанне.⁸²

Муральт оставил несколько трудов по эпиграфике, античным и скифским древностям, исторической географии Северного Причерноморья.⁸³ В частности, в 1849 г. он представил статью с «хронологическим обозрением разрытия курганов на берегах Босфора Киммерийского», где попытался установить относительную хронологию погребальных комплексов (гл. 8.1), а в 1853 г. — «очерк древних местностей восточного берега Крыма от Феодосии до Пантикапея».⁸⁴

С марта 1845 г. помощником начальника I отделения Имп. Эрмитажа являлся *Борис Васильевич (Бернгард Карл) Кёне (Koehne, 1817—1886)*, более удачливый соперник Жилия.

Б. В. Кёне, барон (в 1862 г. пожалован княгиней Рейс), нумизмат, генеалог, геральдист, коллекционер; действительный член ООИД (1846), действительный и почетный член около 30 иностранных обществ и академий (Стокгольмской и Мадридской археологических академий, Королевской академии генеалогии и геральдики в Пизе, Римского археологического института, археологических обществ Французского, Бельгийского, Берлинского, Копенгагенского, Британского и др.). Уроженец Берлина, подданный Пруссии, «из патрицианской фамилии вольного г. Бремен». Слушал лекции в университетах Лейпцига и Берлина (А. Бёк), закончил столичный университет в 1840 г. С детства увлекался нумизматикой, в 1837 г. опубликовал первую научную работу о монетном деле Берлина (1840), удостоен степени доктора философии Берлинского университета (1841) за диссертацию о монетах Фридриха II Бранденбургского, с 1841 г. преподавал там же как адъюнкт-профессор (приват-доцент) по кафедре нумизматики и археологии, был членом и секретарем Нумизматического общества в Берлине, издавал и редактировал его нумизматический журнал «Zeitschrift für Münzsiegel und Wappenkunde» (напечатал 6 книг). В 1842 г. в первый раз приехал в Петербург, с надеждой занять вакантную кафедру археологии в Имп. Академии наук, но на академиков должного впечатления не произвел и вернулся на родину. В 1845 г. через посредничество Кёне Эрмитаж приобрел в Берлине коллекцию печатей, медалей и книг. В том же году Кёне переехал в Россию; по непроверенным сведениям, в марте 1845 г. был принят в российское подданство. Он имел влиятельных покровителей и сделал головокружительную карьеру в России. Благодаря рекомендации Я. Я. Рейхеля Кёне 18 мая 1845 г. зачислен на русскую службу в чине коллежского асессора на должность помощника начальника I отделения Эрмитажа Ф. А. Жилия (1845—1850) для занятий «по части антиков и мини-кабинета», 4 апреля 1850 г. переведен во II Отделение Эрмитажа. В 1846 г. по его инициативе создано С.-Петербургское археолого-нумизматическое общество: член-основатель (1846—1853) и первый секретарь с момента основания до 10 декабря 1851 г., редактор его «Записок» (покинул общество в марте 1853 г.). В 1849 г. по поручению Николая I Кёне составил гербы для членов императорской фамилии, что вылилось в пересмотр всей системы российской геральдики, в том числе в изменение

⁸² См. о нем: АГЭ, ф. 1, оп. I-1840, д. 28, 6 л.; *Михеева Г. В.* Муральт Эдуард фон // *Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь.* СПб., 1995. Т. 1: Имп. Публичная библиотека (1795—1917). С. 366—368; *Вольфшун Л. Б.* Э. Г. Муральт и Императорская Публичная библиотека: (По материалам Архива РНБ) // *Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга.* СПб., 1999. С. 36—51.

⁸³ *Muralt Ed.* 1) *Achilles und seine Denkmäler ausser Süd-Russland: Zur Erklärung des vermeinten Grabmals Homer's im Stroganowschen Garten zu St. Petersburg.* SPb.; Leipzig, 1839; 2) *Uebersicht der im Corpus inscriptionum graecorum noch fehlenden Inschriften Sarmatiens* // *BSCHPhP.* 1845. Т. 2. P. 81—85; 3) *Verzeichniss der seit 1844 neu entdeckter Inschriften Sarmatiens* // *Ibid.* 1847. Т. 3. P. 136—145; 4) *Inscriptions inédites de la Sarmatie* // *MSAN.* 1847. Т. 1. P. 373—382 (рус. перевод: *Неизданные надписи Сарматии* // *ЗПАНО.* 1849. Т. 1. С. 136—145); 5) Рецензия на кн. А. Б. Ашика «Воспорское царство» // 18-е присуждение Демидовских наград. 1849. С. 247—266 (на нем. яз.); 6) *Древние поселения на северо-западном берегу Черного моря, от Дуная до Буга* // *ЗПАНО.* 1850. Т. 2. Вып. 1. С. 129—146; 7) *Théodosie et les remparts du Bosphore Cimmérien du côté de la Taunide* // *MSAN.* 1852. Т. 6. P. 194—199; 8) *Памятники древности в Санкт-Петербурге и Павловске* // *ЗПАНО.* 1850. Т. 2. С. 277—305; 9) *Хронологическое обозрение древних могил, находящихся по обе стороны Босфора Киммерийского* // Там же. С. 306—329; 10) *Скифские древности, хранящиеся в Имп. Эрмитаже* // *ЗИАО.* 1853. Т. 5. С. 205—216.

⁸⁴ *ЗИАО.* 1856. Т. 8. Отд. 2. С. 37 (протокол заседания от 5 февраля 1853 г.).

государственного герба Российской империи (с изменениями Александра II утвержден в 1857 г.). В 1857 г. он был назначен управляющим созданного Первого (гербового) отделения Департамента герольдии Правительствующего Сената, с оставлением должности по Эрмитажу. С 1864 г. — советник по ученой части Имп. Эрмитажа. С 1863 г. действительный статский советник, с 1876 г. тайный советник. Владел немецким, латинским, французским, английским, шведским, датским, русским языками. В апреле 1885 г. выехал в заграничный отпуск для лечения, заболел и умер в Вюрцбурге.⁸⁵

Несмотря на большую работоспособность, деловитость и знания, Кёне заслужил дурную репутацию и антипатию многих современников, так как отличался моральной нечистоплотностью и неразборчивостью в средствах для достижения поставленных целей. Кёне много и успешно занимался спекуляциями нумизматических коллекций, поэтому его честности не доверял, в частности, граф С. Г. Строганов. Людская молва даже обвиняла Кёне в краже некоторых редких монет Минц-кабинета Эрмитажа.⁸⁶ Действительно, ученого интересовали главным образом монеты: «Нет области нумизматики и смежных с ней исторических дисциплин, где Кёне не сказал бы своего слова, подчас весьма веского», — констатировали В. М. Потин и Е. С. Щукина.⁸⁷ В числе прочих сюжетов Кёне занялся изучением, систематизацией и публикацией монет Причерноморья (гл. 8.4, 12.2).

К середине XIX в. проявилась явная тенденция к русификации кадров кабинетной науки, порою принимавшая крайние, уродливые формы. На фоне роста национального самосознания засилье иностранцев в научных учреждениях Петербурга — Академии наук, Эрмитаже, Публичной библиотеке, университете и т. п. — не одобрялось отдельными представителями правительства, частью русской общественности того времени (документ № 26) и археологами-провинциалами, теми, кто выполнял черную, полевую работу, и чьими трудами составилось великолепное императорское собрание древностей. Керченский археолог Е. Е. Люценко с открытой неприязнью писал об иностранцах — хранителях Эрмитажа в своей «Археологической оде» (между 1870—1875 гг.):

⁸⁵ См.: АГЭ, ф. I-1842, д. 7: О желании находящегося в Берлине доктора Кёне служить в России по части археологии и нумизматики; ПФА РАН, ф. 1, оп. 2, ИФ. 1843. § 44, 60: отзыв акад. Грефе об археологических работах д-ра Кёне; АГЭ, ф. 1, оп. I-1945, д. 10, 36 л.; ГАРФ, ф. 728, оп. 1, д. 1464, л. 19—24; Некрологи: ИВ. 1886. № 4. С. 261; Древности: Тр. МАО. 1887. Т. 11. Вып. 3. Отд. 3. С. 97—98 (А. В. Орешников); РБС. 1897. Т.: Ибак — Ключарев. С. 614—615; Веселовский Н. И. История Имп. Русского археологического общества... С. 17—21 и след.; ОИЭ. 1996. Т. 2: Д—К. С. 547—548 (Ю. И. Штакельберг).

⁸⁶ Язвительную характеристику Кёне приводит Е. Е. Люценко в «Археологической оде» (1875):

... Достоправный муж в мундире,
С жидовским подвижным лицом,
Известный муж в ученом мире.
Рассеяв Киммерийский мрак
И множество его загадок,
Царей Босфорских кавардак
В возможный он привел порядок;
Но нам не легче оттого,
Клянуса тенью Митридата:
Другие подвиги его
В тупик приводят нумизмата.
Краснея, говорю о том.
Не все, конечно. В три этажа
Соорудил себе он дом
На счет коллекций Эрмитажа.
И тех адептов простоты
Которые ему вверялись,
Различных государств кресты
На шее у него болтались,
Развешанные в три ряда.
Тут было все: медали, знаки
И даже, наконец, звезда
Персидской бешеной собаки.
Повсюду возбуждая смех,
Является он с ними в бани;
Хотя тщеславие есть грех,

Но кто ему не отдал дани?
Как прирожденный паразит,
На все чужое очень падкий,
Он в этом сонмище стоит,
Томим стяжания лихорадкой.
Берлинский партикулярлист,
Шпион по иностранной части;
Как самозванный геральдист
Добылся он на службе власти.
И неумелою рукой
Исказил славный герб России,
Завещанный нам стариной
В наследие от Византии.
Ему сей кунштюк с рук сошел,
И вот в гербовник всероссийский
Внесен растрепанный орел,
Орел монархии австрийской.
Не он ли где-то отыскал
Монету мнимую Олега
И с ней нечаянно попал
В болото топкое с разбега.
Откуда выбраться не мог,
Свое отстаивая мнение.
Хвала тебе, археолог,
Науки русской утешенье!

Цит. по: Стихотворения археологов Е. Е. Люценко и барона В. Г. Тизенгаузена. С. 77—78; Маркевич А. И. Примечания к стихотворениям археологов. С. 70—71.

⁸⁷ Потин В. М., Щукина Е. С. Отдел нумизматики // Эрмитаж: История и современность. Л., 1990. С. 201.

... Можно с пользою служить
Витрин в спокойном созерцании,
Зевать, чихать, баклуши бить
Иль важно соблюдать молчанье.
Музея редкости меж тем,
Без описи и без итога,
Не проверяемы никем,
Ждут не дождутся каталога.
Со всей России много лет
Все древности сюда стекались:
Из них уж некоторых нет,
Другие где-то затерялись...
Сей пантеон веков былых,
Сие святилище науки,
Ученых обойдя своих,
Досталось иноземцам в руки!⁸⁸

5.4. САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ АРХЕОЛОГО-НУМИЗМАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО— ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО⁸⁹

В мае 1846 г. было образовано Петербургское археолого-нумизматическое общество, ставившее своей целью изучение классических древностей и нумизматики.⁹⁰ Его история подробно освещена в известной книге Н. И. Веселовского,⁹¹ поэтому я лишь тезисно отмечу некоторые важные для изучаемой темы моменты.

⁸⁸ Цит. по: Стихотворения археологов Е. Е. Люценко и барона В. Г. Тизенгаузена. С. 79—80. Поразительно, но почти теми же самыми словами ситуацию в Эрмитаже полвека спустя, в 1920-х гг., оценивали крупнейшие русские ученые-антиковеды — С. А. Жебелёв и Г. Ф. Церетели. Свое негативное отношение к «немецкой партии», властвовавшей в Эрмитаже, Г. Ф. Церетели облек в стихотворные строки, названные им «Эрмитаж»:

Есть здание пыльное на стогнах Петрограда.
То — Эрмитаж, немецких душ приют,
Где балты «верные», Германии отрада,
Плоды ее теллиц, и зреют, и гниют.

Внезапно вихрь подул могучий, несдержимый,
И мощь царя рассеялась, как тень,
И балтов совы шептал: «да идет чаша мимо!»
Да не коснется нас великий судный день».

В том здании сказочном, где блеск царят волшебный,
Где всюду золото, и яшма, и порфир,
Они лишь царствуют, Вильгельму гимн квалейный
Срыва с струн своих немецких лир.

Но их не выдали твердыни Эрмитажа...
Оплот Германии остался на местах...
Стихает вихрь... Так дальнего миража
Блещет краской в ясных небесах!

Была пора: под сенью самодержавной власти
Росли они, на Запад обратясь,
И к злату русскому не сдерживали страсти,
На имя русское с презрением косясь.

И вот уже под сенью всенародной власти
Растут они, на Запад обратясь,
И к злату русскому не сдерживают страсти,
На имя русское с презрением косясь.

ПФА РАН, ф. 729, оп. 2, д. 133, л. 302—302 об. Автограф Г. Ф. Церетели с пометой С. А. Жебелёва на обороте: «Всем! Всем! Всем!».

⁸⁹ О деятельности общества см.: Статуты Археолого-нумизматического общества в С.-Петербурге // ЗПАНО. 1849. Т. 1. С. 52—54; Устав Имп. Археологического общества // ЗПАНО. 1850. Т. 2. С. IV—XII. Отд. оттиск: СПб., 1850; Археолого-нумизматическое общество в 1846 г. // ЖМНП. 1847. № 3. С. 53—59; Археолого-нумизматическое общество в 1849 г. // ЖМНП. 1850. № 8. С. 29—38; Первый отчет Археологическо-нумизматического общества. СПб., 1847; Перечень трудов и действий Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества с половины 1846 г. по 1 января 1849 г. // ЖМНП. 1849. № 8. Отд. 3. С. 21—30; Петербургское археологическое общество // Москвитин. 1851. № 23 (декабрь). Кн. 1. Отд. 2. С. 177—183; Отчет секретаря общества А. Попова о деятельности общества в 1852 г. // ЗИАО. 1853. Т. 5. Отд. 2. С. 73—83 (с изложением истории общества с момента основания); Рудаков В. Е. 50-летие Археологического общества // ИВ. 1896. № 5. С. 648—658; Миронов А. Императорское археологическое общество и его деятельность // Вестник всемирной истории. 1900. № 10. С. 223—225. Библиографию изданий, составленную Д. Поленовым, см.: Библиографическое обозрение трудов Императорского археологического общества: К празднованию 25-летнего существования общества. СПб., 1871.

⁹⁰ Члены-основатели общества: князь М. П. Баратаев, И. А. Бартоломей, князь Ф. Г. Гагарин, П. И. Демезон, князь С. В. Долгоруков, Ф. А. Жиль, князь Р. И. Кантакузин, В. Е. Кёлер (сын акад. Е. Е. Кёлера), Б. В. Кенне, А. А. Куник, Э. Г. Муральт, А. Ф. Прейс, Я. Я. Рейхель, П. Сабатье, Л. Сабатье, П. С. Савельев, Ф. Ф. Сеген, князь А. А. Сибирский, граф А. С. Строганов, мирза Д. Топчибашев, граф А. С. Уваров, Х. Д. Френ.

⁹¹ Веселовский Н. И. История Императорского русского археологического общества...

Одним из членов-основателей общества был молодой граф Алексей Сергеевич Уваров (1825—1884), сыгравший огромную роль в истории отечественной археологии. Мне хотелось остановиться на начальном, петербургском периоде жизни А. С. Уварова, когда он сформировался как специалист-археолог. Внук А. К. Разумовского⁹² и единственный сын министра народного просвещения, президента Петербургской Академии наук (1818—1855) С. С. Уварова (1786—1855), Алексей с детских лет был окружен историко-художественными коллекциями и мог пользоваться огромной библиотекой отца,⁹³ имел возможность общаться с представителями научного и художественного мира Петербурга. Сергей Семенович в молодости сам увлекался античностью, под руководством Ф. Б. Грефе изучил древнегреческий язык и написал несколько сочинений по древней истории и литературе.⁹⁴

Первоначально получив домашнее воспитание, А. С. Уваров в 1845 г. закончил историко-филологический факультет Петербургского университета, где учился классическим языкам у акад. Ф. Б. Грефе, римским древностям у Э. Е. Шлиттера, русской истории у Н. Г. Устрялова.⁹⁵ Не довольствуясь этим и воспользовавшись получением должности при Министерстве иностранных дел, молодой граф завершил образование в Геттингенском и Берлинском университетах.⁹⁶ А. С. Уваров пренебрег открывавшейся перед ним возможностью быстрой дипломатической карьеры, хотя и числился чиновником МИДа до 1850 г., так как с каждым годом его все более и более затягивала новая страсть — любовь к археологии.

В Петербурге А. С. Уваров, начавший собирать монеты и другие антики, сблизился с кружком столичных коллекционеров-нумизматов в лице Я. Я. Рейхеля, И. А. Бартоломея, Б. В. Кёне и П. Сабатье, наряду с которыми вошел в число учредителей Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества, официально открытого весной 1846 г. Душой этого кружка был медальер и нумизмат Яков Яковлевич Рейхель (1780—1856).

Рейхель родился в семье медальера Варшавского монетного двора, получил высшее образование в Варшаве и одновременно обучился медальерному делу у отца, с 1802 г. жил в России: с 1802 г. медальерный ученик, с 1811 г. штатный медальер на Монетном дворе в Петербурге (до 1846 г., уволен с сохранением содержания); одновременно привлекался как художник-реставратор для работы в Эрмитаже. С 1818 г. — управляющий 2-м (техническим) отделением Экспедиции заготовления государственных бумаг, где организовал особую типографию, печатавшую «Записки» Петербургского археолого-нумизматического общества. Совершенствовал технические навыки и знания за границей (1810—1811, 1823, 1830, 1837, 1856), с 1837 г. чиновник Министерства финансов и член Археографической комиссии, дослужился до чина действительного статского советника. Составил значительное собрание древнеримских монет, обменное у герцога Мекленбург-Шверинского на собрание картин (в 1839 г. «65 золотых, 2421 серебряную, 3292 бронзовые и 57 ассов» продал Милиц-кабинету Московского университета), а также одну из лучших в Европе коллекций европейских и русских монет и медалей — около 45 тыс. экз. Большая часть монет поступила в Эрмитаж: в 1838 г. продал 163 античные монеты, в 1851 г. у собирателя куплена русская часть, почти 5 тыс. экз., остальные монеты в 1857—1858 (1496 античных монет) и 1859—1861 гг. приобретены у его наследников. Рейхель обладал собранием манускриптов, рукописей и автографов. Автор каталога монет собственного собрания «Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg» (SPb., 1842—1856. Th. 1—9, рукопись 10-го тома хранится в ОНТЭ), где систематизированы европейские монеты; в книгу не вошла античная часть, так как автор опасался фальсификации этих монет. Член-корреспондент Имп. Академии наук по разряду восточной литературы и древностей (1839). Член-основатель Петербургского археолого-нумизматического общества и помощник председателя общества с момента создания до 10 декабря 1851 г. Скончался в Брюсселе, где находился в командировке.⁹⁷

Используя придворные связи и помощь отца, А. С. Уваров помог быстро утвердить статут общества.⁹⁸ С момента своего открытия общество получило характер кастово-замкнутого ари-

⁹² Куприяшина Т. Б. Родословное древо Уваровых // Уваровские чтения: Тез. докл. Муром, 1990. Прилож.

⁹³ Куприяшина Т. Б. Коллекция из имения А. С. и П. С. Уваровых Карачарово в Муромском музее // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. С. 52.

⁹⁴ Фролов Э. Д. 1) Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967. С. 100, 110—111; 2) Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм // Петербургская Академия наук в истории Академий мира: К 275-летию Академии наук: Матер. Междунар. конф. (28 июня—4 июля 1999 г.). СПб., 1999. Т. 2. С. 257—285.

⁹⁵ Стрижова Н. Б. Архив А. С. и П. С. Уваровых в Отделе письменных источников Государственного исторического музея // Уваровские чтения: Тез. докл. Муром, 1990. С. 14.

⁹⁶ См.: Яковлев В. А. Граф А. С. Уваров: Некролог // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 807; Граф Алексей Сергеевич Уваров // Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890. С. 88—91.

⁹⁷ См. о нем: Гинзбург Г. И. Я. Я. Рейхель и каталог его коллекции // Нумизматика в Эрмитаже. Л., 1987. С. 10—18; Smekalova T., Jensen J. S. Jacob Reichel i Skt. Petersburg — en skitse af en matador blandt møntsamlerne // Nulla dies sine linea. Stockholm, 2001. S. 153—166 (Communications Numismatiques. № 41).

⁹⁸ Веселовский Н. И. История Имп. Русского археологического общества... С. 36, 41, 48.

когратическое объединение, находившегося под покровительством Имп. двора, куда входили в основном коллекционеры-нумизматы и сановные любители древностей, немногие ученые Петербургской Академии наук, служащие Эрмитажа и Публичной библиотеки, большей частью иностранцы на русской службе.

Первоначально заседания общества проводились ежемесячно, за исключением летних месяцев, во дворце его председателя, затем президента герцога Максимилиана Лейхтенбергского.⁹⁹ В выходивших периодических изданиях общества «*Mémoires de la société d'archéologie et de numismatique de St.-Petersbourg*» (1847—1852, 6 томов) и в печатавшихся на русском языке «Записках» Санкт-Петербургского археолого-нумизматического—Имп. археологического общества (1849—1858, 14 томов) большинство статей было посвящено различным разделам нумизматики. Статьи и монографии издавались главным образом на немецком и французском языках, причем русский язык сознательно игнорировался под предлогом незнакомства с ним некоторых членов. Таким образом, изначально труды общества были ориентированы не на русскую, а на зарубежную научную общественность.

С момента основания в деятельности общества именно нумизматика, а не археология, занимала главенствующее положение: из 20 членов-основателей изучением монет занимались 13 человек.¹⁰⁰ В первом, программном параграфе его статута констатируется, что «цель общества будет состоять не только в изучении классической археологии, в собственном ее смысле, но и в особенности археологии и нумизматики новейших времен стран Западных и Восточных. Оно будет иметь в виду ознакомление с существованием монет, медалей и изящных произведений древности, еще не известных в ученом свете, которые бы могли открыты быть в России».¹⁰¹ Примерно так же звучала цель общества и по уставу 1849 г.,¹⁰² что способствовало активному изучению различных разделов нумизматики, в том числе античной, и в меньшей степени классических древностей юга России.¹⁰³ 13 декабря 1849 г. указом Сената № 46330 название общества было изменено на «Императорское археологическое общество».¹⁰⁴

Интерес к античной археологии и нумизматике проявляли А. С. Уваров, Б. В. Кёне, П. Сабатье, Александр Александрович Сибирский (1824—1879).

Потомок сибирского Магмет-Кула, А. А. Сибирский учился в кадетском корпусе, с 1842 г. прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка, с 1844 г. подпоручик, с 1846 г. поручик, в 1848 г. уволен в отставку по болезни с чином штабс-капитана. В 1852 г. перешел на службу в МВД с переименованием в титулярные советники, в ноябре переведен на службу в Кабинет ЕИВ, с апреля 1854 г. камер-юнкер. В 1852 г. сопровождал Л. А. Перовского во время поездки в Керчь, проводил раскопки в Феодосии и в Анапе. В 1855 г. во время Крымской войны — капитан Стрелкового полка Императорской фамилии, где служил до конца марта 1856 г., в октябре того же года перешел на гражданскую службу с чином надворного советника и званием камер-юнкера и был причислен к Кабинету ЕИВ. В декабре 1857 г. «по болезни» вышел в отставку. Составил превосходную коллекцию боспорских монет. Научный каталог коллекции намеревался издать параллельно на русском (1855) и французском (1854) языках (издан только 1-й том). К середине века Сибирский разорился и не смог выкупить в Экспедиции заготовления государственных бумаг тиражи 2-го и 3-го тома; они погибли в подвалах экспедиции во время наводнения (сохранилось три экземпляра из всего тиража 2-го тома, за который в 1860 г. автор удостоен половинной Демидовской премии, и один полный экземпляр 3-го тома, оба на франц. яз.). Скончался он в родовом имении в Орловской губернии. Его коллекция была продана с аукциона и разошлась по рукам коллекционеров — С. Г. Строганова, Х. Х. Гиля (последняя вошла в состав коллекции вел. кн. Александра Михайловича) и др.¹⁰⁵

⁹⁹ Лейхтенбергский герцог Максимилиан (1817—1852), сын Евгения Богарнэ, с 1837 г. муж вел. кн. Марии Николаевны; учредитель Петербургского археолого-нумизматического общества (1846) и его председатель до 20 августа 1852 г. Коллекционер русских монет.

¹⁰⁰ Подробнее см.: *Избаш Т. А.* Нумизматика в Русском археологическом обществе // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историкографические очерки. СПб., 1995. С. 36—45.

¹⁰¹ ЗПАНО. 1849. Т. 1. С. 52. Ср.: РА ИИМК, ф. 3, д. 1 (основание общества и утверждение его статута 15 февраля 1846 г.).

¹⁰² РА ИИМК, ф. 3, д. 2.

¹⁰³ Кёне Б. В. Отчет о сочинении А. Б. Ашика, под заглавием «Керченские древности: О пантикапейской катакомбе...» // ЗПАНО. 1849. Т. 1. С. 89—124; Спасский Г. И. Описание монет Фареансеса и Ареансеса, босфорских царей // Там же. С. 125—132; Сабатье П. Неизданная монета Эвпатора II царя босфорского // Там же. 1850. Т. 2. С. 340—355.

¹⁰⁴ РА ИИМК, ф. 3, л. 2.

¹⁰⁵ См. о нем: АГЭ, ф. 1, оп. I-1857, д. 30: О древних монетах и надписях на мраморе, вымененных у кн. Сибирского на дубликаты древних монет из Эрмитажного собрания. 1857—1858 гг., 20 л.; Веселовский Н. И. История Имп. Русского археологического общества... С. 34—36, 426.

Петр Петрович или Иванович (Петр Иустин) Сабатье (Sabatier, 1792—1869). Нумизмат, действительный член ООИД (1848). Уроженец Тулузы, «единственный сын зажиточных родителей», воспитывался в Сен-Сирской военной школе, которую окончил в 1812 г. подпоручиком. Участник похода войск Наполеона на Россию 1812 г. Впоследствии жил в Тулузе, являлся биржевым маклером; был причастен к заговору с целью восстановления власти Наполеона и приговорен роялистами к смертной казни, но бежал в Голландию. Неудачные коммерческие предприятия привели его в 1827 г. в Испанию, а в 1834 г. в Россию, где Сабатье стал управляющим недвижимых имений А. Н. Демидова. В Петербурге к 1844 г. он приобрел известность коллекционера-нумизмата римских и византийских монет, сблизился с будущими основателями Петербургского археолого-нумизматического общества — Я. Я. Рейхелем, графами С. С. и А. С. Уваровыми, Ф. А. Жилем, П. И. Демезоном, С. Г. Строгановым. Основу его собрания римских монет составила коллекция Ф. П. Аделунга. Неудачные спекуляции заставили его продать древнейшие монеты Роллену, после чего он начал коллекционировать византийские монеты (описание с комментариями и прорисовками более полутора тысяч монет и 109 печатей издал в 1847 г.). В 1853 г. вышел из РАО, мотивируя это отъездом за границу; продал гр. С. Г. Строганову за пожизненную ренту в 1 тыс. р. серебром свою коллекцию византийских монет из более чем 2 тыс. экз. В 1856 г. уехал из России навсегда. По возвращении на родину издавал исследования по нумизматике в Брюсселе и Париже, стал сотрудником «*Revue Numismatique*». С 1865 г. учредитель и вице-президент Парижского нумизматико-археологического общества; в Париже издал двухтомный труд по византийским монетам.¹⁰⁶

Одним из ведущих специалистов в области античной нумизматики в то время считался **Б. В. Кёне**, который напечатал роскошное двухтомное исследование о нумизматической коллекции князя В. В. Кочубея, предваряемое общим историко-археологическим очерком, ставшее сводом известных науке монет греческих колоний Северного и Восточного Причерноморья (гл. 8.4),¹⁰⁷ и монографию о Херсонесе, ранее опубликованную в виде серии статей в мемуарах общества (гл. 12.2).¹⁰⁸

С обществом были связаны москвичи — члены-корреспонденты **Г. И. Спасский** и **Павел Михайлович Леонтьев** (1822—1875).

П. М. Леонтьев — Историк-антиковед, археолог, издатель, публицист; магистр римской словесности (1850, Московский университет); член-корреспондент Петербургской АН (1856) и РАО (3 октября 1850 г.). Учился в Московском дворянском институте и Московском университете, который закончил со степенью кандидата, ученик Д. Л. Крюкова, с августа 1843 г. совершенствовал знания в университетах Германии, слушал лекции А. Бёка и К. Лахмана. С 1847 г. преподаватель, с 1851 г. по 1872 г. исполняющий должность экстраординарного профессора, затем экстраординарный профессор Московского университета по кафедре римской словесности и древностей, с 1850 г. заведующий Минц-кабинетом университета. В середине века начал издание сборника научных и научно-популярных статей по классической древности «*Пропаиен*» (М., 1851—1856. Кн. 1—5; 2-е изд. М., 1869). Автор исследований по античной религии, искусству и архитектуре, археологии Северного Причерноморья, социально-экономическому развитию Рима, историографии античности. В 1860—1870-х гг. отошел от научной деятельности и занялся публицистикой как ближайший помощник М. Н. Каткова по редактированию «*Московских ведомостей*».¹⁰⁹

В 1847 г. на одном из заседаний общества был рассмотрен вопрос: «Каким образом пополнить сведения о памятниках древности, сохранившихся на берегах Черного моря и доселе еще так мало исследованных?». Для его решения была образована специальная комиссия, которая составила список «примечательных в археологическом отношении» мест, связанных с нерешенными вопросами исторической географии и археологической топографии Причерноморья. Комиссия решила послать в южные районы страны одного из членов общества, но для такой поездки требовались значительные денежные средства, которые у общества отсутствовали. Тогда 22-летний граф А. С. Уваров обратился к председателю общества, герцогу

¹⁰⁶ См. о нем: РА ИИМК, ф. 3, д. 66: Доставка сведений о члене общества Сабатье, имеющем прусский орден Красного Орла 3-й степени: переписка с МИДом о переменах в местожительстве и занятиях Сабатье со времени получения им прусского ордена. 27 апреля—19 мая 1857 г. 2 л.; Кёне Б. В. Петр Иустин Сабатье: [Некролог] // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 354—356; Веселовский Н. И. История Имп. Русского археологического общества.... С. 28—30; Гурулева В. В. Византийская нумизматика // Византиноведение в Эрмитаже. СПб., 1991. С. 88.

¹⁰⁷ Köhne B. Musée de feu le prince Basile Kotchubey et recherches sur l'histoire des colonies grecques en Russie. SPb., 1856. 3 vol. (тираж 100 экз.). Рус. перевод: Кёне Б. В. Описание музея покойного князя Василия Викторовича Кочубея (составлено по его рукописному каталогу) и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, равно как царств: Понтийского и Босфора Киммерийского: В 2 ч. СПб., 1857. Ч. 1. 451 с., VII табл.; Ч. 2. 418 с., 21 табл. См. рецензии П. С. Савельева (ИИАО. 1861. Т. 2. С. 263—266) и Н. Н. Мурзакевича (ЗООИД. 1863. Т. 5. Отд. 3. С. 974—977).

¹⁰⁸ Köhne B. Beiträge zur Geschichte und Archaeologie von Chersonesos in Taurien. SPb., 1848. 253 S., X Kupfertafeln. Рус. перевод: Кёне Б. В. Исследования об истории и древностях города Херсониса Таврического. СПб., 1848. 289 с., VIII табл., 2 плана и виньетки в тексте.

¹⁰⁹ См. о нем: Катков М. (подпись: М. К.). Памяти П. М. Леонтьева. М., 1875; Фролов Э. Д. Русская наука об античности. СПб., 1999. С. 154—156.

Максимилиану Лейхтенбергскому, с просьбой поручить ему это ученое путешествие, которое он был готов выполнить за собственный счет.

19 апреля 1848 г. министр народного просвещения граф С. С. Уваров уведомил председателя, что разрешение Николая I на археологическую экспедицию общества с правом проведения раскопок в Причерноморье получено, но с оговоркой, запрещающей проведение раскопок в Керчи, где этим занимались чиновник Министерства Имп. двора Д. В. Карейша и директор Керченского музея древностей А. Б. Ашик.¹¹⁰

4 мая 1848 г. от лица комиссии А. С. Уварову была вручена инструкция (предписание) из 11 пунктов с указанием целей ученого путешествия, которые можно свести к следующим задачам: 1) осмотреть все места по берегу Черного моря (от Дуная до Кавказа), упоминаемые в античной письменной традиции, где наиболее заметны «следы древности»; 2) провести археологические исследования курганов, подсчитать их число, определить величину и положение на местности, установить, были ли они раскопаны и что в них найдено; 3) сообщить обществу сведения о различных методиках раскопок курганов, установив сумму, требуемую на археологические раскопки; 4) снять археолого-топографические планы руин античных городов и поселений в Новороссийском крае, Крыму, на Таманском полуострове и на побережье Кавказа, в Области Войска Донского; 5) помимо классических древностей, обратить внимание на памятники скифские, византийские, татарские, генуэзские и русские; 6) сделать копии или эстампы с неизвестных и неизданных надписей; 7) осмотреть музеи в Николаеве, Феодосии и Одессе, а также памятники, собранные у церкви в Тамани; 8) проверить информацию о могилах скифских царей на северном берегу Гнилого моря; 9) регулярно извещать общество о ходе исследований.¹¹¹ Наряду с А. С. Уваровым в поездку отправился художник М. Б. Вебель, позднее получивший звание академика Академии художеств (1859).

Очевидно, что столь обширная исследовательская программа при всем старании путешественников в полном виде не могла быть претворена в жизнь. Летом и осенью 1848 г. А. С. Уваров сумел объехать территорию от Дуная до Таманского полуострова, однако Нижнее Подонье и Северо-Восточное Причерноморье (до Сухума) обследовать не успел. Материалы путешествия вошли в первый археологический труд А. С. Уварова, посвященный им герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому — два выпуска «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря» (СПб., 1851—1856). Отдельно был издан роскошный литографированный атлас с 40 таблицами in folio — «Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря» (СПб., 1853), с гравюрами И. Медведева, выполненными с рисунков М. Вебеля. Карты к нему были сняты военным топографом унтер-офицером А. Алексеевым,¹¹² состоявшим при чертежной 5-го пехотного корпуса Минского пехотного полка.

Однако книга и атлас остались незавершенными. П. М. Леонтьев оставил рецензию, посвященную первому выпуску труда А. С. Уварова. Из нее следует, что исследование должно было состоять из трех выпусков, включающих 7 глав.¹¹³ Это подтверждают и архивные материалы. Третий, неизданный выпуск «Исследований» посвящен памятникам Крыма и Тамани, а вторая часть атласа рисунков и карт, возможно, должна была включать еще 53 таблицы.¹¹⁴

В Отделе письменных источников ГИМ в составе семейного архива Уваровых сохранились подготовительные материалы к неизданному выпуску труда о древностях Южной России, в том числе 4—7-я главы третьей части, путевые заметки 1848 г., отпуски писем герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому о ходе исследований,¹¹⁵ карты берегов Черного моря и т. п. Изданные выпуски имеют единую нумерацию глав: первая и вторая (вып. 1) посвящены соот-

¹¹⁰ РА ИИМК, ф. 3, оп. 1, д. 30, л. 3—3 об. Оpubл.: Веселовский Н. И. История Имп. Русского археологического общества... С. 208.

¹¹¹ РА ИИМК, ф. 3, оп. 1, д. 30, л. 5—6. Оpubл.: Уваров А. С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1851. Вып. 1. С. III—IV (примеч.).

¹¹² РА ИИМК, ф. 3, оп. 1, д. 30, л. 22—22 об.; ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 193, л. 12.

¹¹³ См.: ОЗ. 1852. Т. 83. № 7. Отд. 5. С. 5.

¹¹⁴ РА ИИМК, ф. 3, оп. 1, д. 30, л. 1—2.

¹¹⁵ Три подлинных письма А. С. Уварова герцогу из Одессы (26 июля 1848 г.), Севастополя (13 сентября 1848 г.) и Петербурга (13 декабря 1848 г.) отложились в бумагах РАО. См.: РА ИИМК, ф. 3, оп. 1, д. 30, л. 13—16, 18—25.

ветственно древностям в районе Днепровских порогов и древностям по побережью Бугского лимана, античной Ольвии и поселениям ее периферии, третья (вып. 2) — описанию памятников от Бугского лимана до Дуная, включая сведения об о-ве Березань, об античных и средневековых поселениях в районе Одессы и Днестровского лимана, о древностях Бессарабии. Неопубликованные 4—7-я главы книги А. С. Уварова не были полностью написаны автором. В тексте он оставлял чистые листы, чтобы впоследствии дописать отдельные разделы, но по каким-то причинам ему не удалось это сделать. Глава 4-я посвящена описанию памятников «От Днепра до Таврических гор», в том числе на Тендровской косе, в Северо-Западном и Центральном Крыму (часть, посвященная окрестностям Симферополя, осталась ненаписанной). Сохранился текст о Бахчисарае, о пещерных городах и монастырях Тавриды (Мангуп, Инкерман, Чуфут-Кале, Черкес-Кермен, Тепе-Кермен и др.). Вероятно, глава 5-я должна была описывать археологические памятники Южного берега Крыма: в архиве сохранились заметки, содержащие характеристику пути от Демирджи до Эски-Крыма. Фрагменты 6-й главы посвящены Судаку, Феодосии и Керчи. Древности Таманского полуострова освещает 7-я глава, фрагмент которой с анализом античной письменной традиции об Азиатском Боспоре также представлен в архиве ученого.¹¹⁶ Попытки А. С. Уварова решить спорные вопросы исторической географии оказались большей частью неудачными — они не соответствуют общепринятой современной локализации ряда античных и средневековых городов Северного Причерноморья.

В какой-то мере восстановить содержание ненаписанных разделов 4—7-й глав книги А. С. Уварова помогают его путевые заметки 1848 г.,¹¹⁷ которые велись на протяжении всего путешествия, с точными указаниями дат и населенных пунктов, через которые он проезжал. В них приведены сведения о встречах с антикварами, о составе коллекций провинциальных музеев и частных собраний, данные о раскопках и т. п. Для истории археологии путевые заметки и материалы к неизданным главам «Исследования» А. С. Уварова обладают ценностью первоисточника, так как содержат не только информацию о забытых раскопках, но и неизвестные ранее описания, планы, рисунки, чертежи археологических памятников, списки коллекций, позволяющие проследить происхождение и перемещение вещей (многие из которых утратили свои паспорта или сейчас неверно атрибутированы) из одного собрания в другое.

А. С. Уваров первым из членов Петербургского археолого-нумизматического общества занялся описанием памятников, съемкой планов древних городищ и курганов на местности. Граф начал свои исследования на берегах Днепра у Днепровских порогов, т. е. в местах, не предусмотренных инструкцией Археолого-нумизматического общества. Его внимание привлекли многочисленные курганы, сведения о которых он собирал из разных источников. Так, инженерные офицеры сообщили молодому путешественнику о курганах с крепидами на берегу Днепра и Синюхи, которые, как предполагал граф, могли оказаться скифскими царскими гробницами в месте, описанном у Геродота под именем области герров (Herod. Hist., IV, 53, 5; 56). На левом берегу Днепра в окрестностях Никополя А. С. Уваров обследовал Кучугуры (Каменское городище), которое «на расстоянии почти шести верст [6.4 км] в длину и около трех [3.2 км] или более верст в ширину, усеяно черепками разбитых амфор и стеклянных сосудов, обломками кирпичей, железными гвоздями и пр.». По подъемному материалу (монеты Ольвии, Пантикапея, Херсонеса и т. п., фрагменты амфор, чернолаковых и красноглиняных сосудов, лепной керамики) А. С. Уваров пришел к выводу, что на этом месте находилось греческое поселение, которое позднее было занято племенем «азиатского происхождения». С помощью астронома Д. М. Перевошикова, попытавшегося вычислить погрешность в определении широты и долготы у Птолемея, А. С. Уваров локализовал здесь город Серимон (Ptol. Geogr., III, 5, 28).¹¹⁸ До сих пор вопрос идентификации городищ Нижнего Днепра с населенными пунктами, о которых писал Птолемей, в современной науке остается дискуссионным.¹²⁰

Наиболее интересным объектом для А. С. Уварова оказались руины античных Ольвии (гл. 10.3) и Херсонеса (гл. 12). Из дневника известно, что в Одессе А. С. Уваров познакомился

¹¹⁶ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 196, л. 2—104; д. 206.

¹¹⁷ Там же, д. 192, л. 1—74.

¹¹⁸ Уваров А. С. Исследования о древностях... Вып. 1. С. 14.

¹¹⁹ Там же. С. 20—30.

¹²⁰ Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 2. С. 223—227.

с секретарем Одесского общества истории и древностей Н. Н. Мурзакевичем, который снабдил его памятной запиской под названием «Memorandum», где обратил внимание молодого путешественника на наиболее примечательные археологические объекты Крыма и Тамани.¹²¹ В документе даны указания о необходимости графической фиксации важнейших памятников Севастополя, Инкермана, Бахчисарая, Черкес-Кермена, Мангупа, Чуфут-Кале, Георгиевского монастыря, Балаклавы, Алушки, Ялты, Алушты, Симферополя, Судака, Эски-Крыма, Феодосии, Керчи, Еникале, ст. Тамань. Н. Н. Мурзакевич перечислил лиц, занимавшихся раскопками или коллекционированием древностей, у которых А. С. Уваров мог срисовать или приобрести древности.¹²²

Судя по дневнику, А. С. Уваров посетил Керчь лишь проездом, направляясь в Тамань. Скорее всего это объясняется тем, что другой член-основатель Петербургского археолого-нумизматического общества, француз П. Сабатье, интересовавшийся нумизматикой Боспора, в 1848 г. долгое время пробыл в Керчи, где при покровительстве градоначальника З. С. Херхулидзева скупал монеты и подпольно — древности из грабительских раскопок. Он побывал также на Таманском полуострове и проехал вдоль течения Кубани. В известной книге Н. И. Веселовского по истории РАО утверждается, что А. С. Уваров и П. И. Сабатье путешествовали вместе,¹²³ но это не подтверждается архивными документами. Ни в изданных выпусках книги, ни в путевых заметках А. С. Уварова имя П. И. Сабатье не упоминается. 19 апреля 1849 г. П. И. Сабатье сделал доклад в Археолого-нумизматическом обществе о летней поездке в Крым, где сообщил о приобретении в Керчи неизданных монет и древностей для собственной коллекции, а также о подготовке им книги, которая «будет заключать в себе полное обозрение истории царства босфорского и опыт нового хронологического распределения его царей, основанное на медалях и надписях».¹²⁴ Труд П. И. Сабатье был издан на средства общества в 1849 г. на французском языке под наблюдением Я. Я. Рейхеля,¹²⁵ а в 1851 г. — в русском переводе.¹²⁶

А. С. Уваров вернулся из первого путешествия на юг в Петербург 9 ноября 1848 г., переполненный впечатлениями от увиденных памятников. Материалы, собранные в поездке, он решил издать в виде книги с приложением атласа, на что требовалось не менее 5—6 тыс. р. На заседании общества 13 декабря 1848 г. он предложил издать этот труд за собственный счет. Как следует из предисловия, рукопись первого выпуска закончена автором 10 июля 1850 г. в его имении Карачарово под Муромом. После выхода русского издания текст и атлас были изданы во французском переводе в Париже.¹²⁷

Русофобия многих членов-основателей Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества, выходцев из Германии, Швейцарии, Франции и Польши, встретила сопротивление постепенно возникшей в нем «русской патриотической партии», которая с помощью придворных связей постепенно сумела переломить ситуацию и добиться удаления из общества иностранцев. Наиболее ярким выразителем ксенофобских настроений оказался *Иван Петрович Сахаров* (1807—1863).

И. П. Сахаров, историк-славист, этнограф, фольклорист, археолог. Из семьи тульского священника, выпускник медицинского факультета Московского университета (1835), в области гуманитарных дисциплин самоучка; с 1830-х гг. публиковал материалы по славянскому фольклору (в том числе фальсифицированные в самодержавно-православном духе) и русской иконописи; член-сотрудник (12 января 1848 г.), действительный член (14 февраля 1849 г.), секретарь Русского отделения Петербургского археолого-нумизматического общества—РАО с 21 февраля 1851 г. до 23 декабря 1853 г., член РГО (1847). Автор «Записки для обозрения русских древностей» (СПб., 1851), предлагавшей выявление всех русских археологических памятников и публикацию их перечня по губерниям и

¹²¹ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 196, л. 105—109.

¹²² Там же, л. 108 об.—109.

¹²³ *Веселовский Н. И.* История Имп. Русского археологического общества... С. 208—209.

¹²⁴ Заседания 1849 г. // ЗИАО. 1850. Т. 2. Вып. 1. С. 170.

¹²⁵ *Sabatier J.* Souvenirs de Kertsch et chronologie du royaume de Bosphore. SPb., 1849. 131 p., 8 tabl. См. рецензию: ОЗ. 1850. Т. 73. № 12. Отд. 6. С. 80—84.

¹²⁶ *Сабатье П.* Керчь и Восторг: Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Восторгского, изданный и живением Имп. Археологического общества. СПб., 1851. 128 с., 8 рис., табл. (книга издана тиражом 300 экз.).

¹²⁷ *Ouvraro A.* Recherches sur les antiquités de la Russie Méridionale et des côtes de la Mer Noire. Paris, 1855—1860. Vol. 1—2. Atlas.

Борьба партий (документ № 26) ознаменовалась коренной реорганизацией общества: в феврале 1851 г. по предложению президента оно было преобразовано в Имп. Русское археологическое общество с тремя отделениями — русской и славянской археологии, восточной археологии, древней и западной археологии (последнее занималось вопросами классической археологии, нумизматики и эпиграфики), причем многие его члены состояли не в одном, а сразу в двух-трех отделениях.¹²⁹ После реорганизации некоторые иностранные подданные, являвшиеся членами-основателями общества, его покинули, в частности Б. В. Кёне и Ф. Ф. Сеген в 1853 г., Л. П. Сабатье в 1854 г. и др.,¹³⁰ что привело к снижению научного уровня исследований в области классической археологии и нумизматики, так как основное внимание стало уделяться изучению собственно русских и восточных древностей.

С 1852 г., после смерти герцога Лейхтенбергского, общество вплоть до 1892 г. возглавлял великий князь *Константин Николаевич* (1827—1892).¹³¹ При нем в 1857 г. был выработан новый проект устава, который в переработанном виде утвержден только в 1866 г. По новому уставу общество «имело предметом своих занятий исследование, по памятникам древности и старины, преимущественно отечественным, и распространение в России археологических сведений вообще».¹³²

А. С. Уваров, несомненно, вынес определенный урок из раскола петербургского общества. Открывая созданное им в 1864 г. Московское археологическое общество, председатель сказал: «Обыкновенная замкнутость наших ученых обществ не существует в нашем уставе».¹³³ МАО, ориентированное в основном на русские древности, отличала демократичность состава, его заседания были открыты для публики, а организация археологических съездов способствовала привлечению к изучению историко-археологической проблематики не только ученых, но и широких масс археологов-любителей и краеведов по всей стране.

5.5. КОМИССИЯ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ — СТРОГАНОВСКАЯ КОМИССИЯ — ОРГАНИЗАЦИЯ ИМП. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

К середине XIX в. появились объективные предпосылки для организации правительственного органа, который должен был сосредоточить в своих руках надзор и управление над археологической деятельностью в стране. Инициатором его создания стал почетный член Имп. Академии наук (1852) граф *Лев Алексеевич Перовский* (1792—1856), побочный сын графа А. К. Разумовского, дядя А. С. Уварова.¹³⁴

Л. А. Перовский, брат Алексея Алексеевича Перовского (писатель, псевдоним Антоний Погорельский, 1787—1836), Василия Алексеевича Перовского (1795—1857), адъютанта вел. кн. Николая Павловича, и Бориса Алексеевича Перовского (1815—1881), члена Государственного совета. В службу вступил «из уволенных Московского университета кандидатов» колонновожатым в свиту по квартирмейстерской части (1811), прапорщик (1812), участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, подпоручик (за Бородино, 1812), неоднократно награждался за храбрость, поручик (1813), штабс-капитан (1814), капитан (1816), полковник (1818), уволен от военной службы в 1823 г. с производством в действительные статские советники и назначен камергером с при-

¹²⁸ См. о нем: Для биографии П. И. Сахарова / Сообщено П. И. Савваитовым // РА. 1873. Кн. I. Стб. 897—1017.

¹²⁹ ЗИАО. 1852. Т. 4. С. 158; РА ИИМК, ф. 3, д. 4.

¹³⁰ *Веселовский Н. И.* История Имп. Русского археологического общества... С. 60—64, 428; *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. С. 80—86.

¹³¹ Константин Николаевич, второй сын императора Николая I, генерал-адмирал, с 1852 г. товарищ начальника Главного морского штаба, с 1853 г. исполняющий обязанности, а с 1855 г. по 1881 г. управляющий Морским министерством; председатель РАО (27. 11. 1852—13. 01. 1892).

¹³² Устав Императорского Русского археологического общества. СПб., 1866.

¹³³ Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890. С. 4.

¹³⁴ *Формозов А. А.* А. С. Уваров и его место в истории русской археологии // РА. 1993. № 3. С. 232.

числением к Коллегии иностранных дел. Декабрист, член Союза благоденствия (1818—1821) и Военного общества («высочайше повелено оставить без внимания»). В 1826 г. перешел на службу в Департамент уделов Министерства Имп. двора и уделов, член Совета Департамента уделов (1826), вице-президент Департамента уделов (1828—1840), товарищ министра уделов (1841—1852), министр внутренних дел (1841—1852), министр уделов, управляющий кабинетом и Академией художеств (август 1852—ноябрь 1856). За службу 3 апреля 1849 г. возведен в графское достоинство. В 1854 г. переименован в генералы от инфантерии и пожалован в генерал-адъютанты. Выступал за ограничение и постепенную отмену крепостного права. Одной из главных задач считал ограждение русского общества от западного влияния.¹³⁵

Большой знаток и страстный любитель археологии, коллекционер античных монет и старинного русского серебра, Л. А. Перовский с 1850 г. заведовал созданной по его инициативе *Комиссией для исследования древностей* и участвовал в проведении раскопок под Новгородом, в Суздале и в Северном Причерноморье. Он сумел создать небольшой коллектив сотрудников из 11 человек, занимавшихся только археологической деятельностью.¹³⁶ Среди них был и А. С. Уваров, который в 1850 г. перешел из МИДа в МВД.¹³⁷

27 октября 1851 г. Л. А. Перовский представил императору доклад «О проводимых близ Керчи археологических разысканиях» с проектом дополнительных правил о производстве раскопок. «Издавна производимые от правительства работы для разыскания древностей в г. Керчи и его окрестностях до сих пор ведены были без всякого плана, связи и единства, отрывочно и так сказать наугад [...], — писал министр. — К тому же многие из произведенных уже разрытий в курганах не могут быть признаны вполне окончательными: весьма часто работы сии были оставляемы после лишь поверхностного разыскания, при котором довольствовались незначительными находками и затем заключали, что исследуемая местность ничего более не содержит. В доказательство такого образа действий можно привести тот курган, в котором найдены, в минувшем году, две превосходные мраморные статуи; курган сей был за 20 пред сим лет разрыт и признан совершенно пустым. [...] Личный обзор местностей удостоверил меня, что если сим работам дать надлежащее направление и развитие, то жатва открытий на сей богатой почве могла бы сделаться и обильнее, и полезнее для науки. [...] Предлагаемые правила с пользою могли бы быть применены и к другим местностям, принадлежащим казне, где, по каким-либо признакам, можно предполагать открытия примечательных древностей». Перовский просил, помимо выделенных из государственного казначейства 1428 р. на производство раскопок близ Керчи, дополнительно 1500 р. серебром. С проектом правил министр ознакомил кн. М. С. Воронцова для каких-либо изменений и дополнений,¹³⁸ и вскоре «дополнительные правила для археологических разысканий в Керчи» были утверждены императором, выделившим также на таманские раскопки до 1000 р. в год.¹³⁹ В тот же день царем были одобрены и утверждены «Общие правила предъявления правительству древних вещей, найденных в Керченском градоначальстве и его окрестностях» (документы № 21, 23).

Значительное внимание Л. А. Перовский уделял методике раскопок — в обязательном порядке он приказал раскопщикам вести ежедневные записи хода работ в журнале (полевым

¹³⁵ См. о нем: *Савельев П. С.* Старинное русское серебро собрания гр. Л. А. Перовского. СПб., 1857; *Майков П.* Перовский Лев Алексеевич // РБС. 1902. Т.: Павел — Петр (Илейка). С. 541—550; *Декабристы: Биографический справочник* / Изд. подгот. С. В. Мироненко. М., 1988. С. 140—141.

¹³⁶ *Пескарева К. М., Рябинин Е. А.* Первое государственное учреждение отечественной археологии // СА. 1984. № 4. С. 229.

¹³⁷ В 1851—1852 гг. по поручению министра А. С. Уваровым и П. С. Савельевым было раскопано 3075 древнерусских курганов во Владимирской губернии. В 1851 г. работы продолжались пять месяцев, с середины мая по середину октября. К ним был прикомандирован грамотный землемер, художник Сергеев и коллежский советник Пескарев; в раскопках было задействовано примерно 150 рабочих. Здесь А. С. Уваров приобрел необходимый полевой опыт: насыпи раскапывались не колодом или гробницей, а на снос, до материка. Уже в наши дни В. А. Лапшин убедительно опроверг обвинения А. А. Спицына в адрес А. С. Уварова, опираясь на найденные им в архиве ГИМ дневники тех лет. При раскопках составлялась необходимая полевая документация — в дневниках фиксировались как размеры насыпей, так и обряд погребения, приводились описания комплексов с характеристикой сопровождающего инвентаря и его места относительно тела погребенного; составлялись описи находок, а вещи паковались по комплексам. Графическая документация велась землемером В. Алеевым и художником Н. Медведевым. Подробнее см.: *Лапшин В. А.* О методике раскопок Владимирских курганов // Уваровские чтения: Тез. докл. Муром, 1990. С. 7—9; *Формозов А. А.* А. С. Уваров и его место в истории русской археологии. С. 233. См. также выдержки из писем П. С. Савельева в кн.: *Григорьев В. В.* Жизнь и труды П. С. Савельева, преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб., 1861. С. 95—101.

¹³⁸ РА ИИМК, ф. 6, оп. 1, д. 179, л. 1—2 об.

¹³⁹ АВ СПбФ ИВ, ф. 52, оп. 1, д. 11, л. 6.

дневнике), причем с трезованием предварительной характеристики исследуемой местности, описанием находок, съемки планов и графической фиксации объектов, составления подробных отчетов о полевых исследованиях. Погребения предписывалось вскрывать в присутствии не менее трех человек с составлением подробного протокола: «Работы сии, даже... когда они не сопровождаются примечательными находками», не должны были «пропадать даром для науки» и проходить под жестким контролем местной администрации и МВД. Как и ранее, вещи из археологических комплексов разъединялись — наиболее ценные отправлялись в Эрмитаж, остальные передавались в местные музеи древностей. Наместник Кавказа кн. М. С. Воронцов, ознакомившийся с проектом правил, настойчиво просил: «в случае, [если] какие-либо вещи найдены будут в двойне или в более, ...один экземпляр оставляем был в Керчи, для тамошнего музея».¹⁴⁰ Это предложение было поддержано императором. При утверждении правил Николай I повелел Перовскому, чтобы «все без исключения древности, открываемые при разрытиях» (кроме двойных, тройных), препровождались бы к министру для представления императору.¹⁴¹

В мае 1852 г. Л. А. Перовский в сопровождении Н. И. Надеждина отправился на юг России с инспекционной поездкой. Обезжая Крым и Тамань, министр предписал местной администрации, в частности новороссийскому генерал-губернатору П. И. Федорову, усилить контроль за охраной древностей: «Находящиеся здесь многочисленные памятники старины, в том числе остатки целых городов, более или менее сохранившиеся в продолжение веков, ныне год от году приходят в большее разрушение, так что наконец могут вовсе уничтожиться и исчезнуть бесследно. Это происходит не от действия времени или других естественных причин, а от невежественного своевольничанья окрестных жителей», разрушающих укрепления Балаклавы при полустительстве городского начальства. «Предмет сей обращает на себя особенное внимание государя императора, — писал Перовский, — и Его Величество неоднократно изволил изъявлять мне Высочайшую свою волю о возможно бдительном охранении подобных памятников древности, которые, независимо от ученого их интереса, служат видимо к украшению края, где они находятся».¹⁴² Керчь-еникальскому градоначальнику предписывалось «в случае какого-либо замечательного открытия» принять меры «против расхищения», потому не допускать посторонних лиц к осмотру находок, «пока не будут описаны и приняты под надлежащий надзор». Перовский особо подчеркивал, что «так как Его Императорскому Величеству угодно, чтобы в случае отыскания какой-либо достопримечательной гробницы можно было перенести ее в Музеум Эрмитажа в том самом виде, в каком она была найдена, со всеми заключающимися в ней предметами и сохраняя все внутреннее размещение сих последних», следует сделать распоряжение о составлении подробного плана и рисунка гробницы «в надлежащем масштабе, с верным изображением общего расположения и вида могилы, кладки склепа и мест, где лежала каждая из вещей, и чтобы вместе с ними сохранен был непременно и самый саркофаг с находящимся в нем костяком».¹⁴³

Л. А. Перовский возглавлял Министерство уделов и Кабинет ЕИВ, где с 30 августа 1852 г. по его инициативе, утвержденной Николаем I, было сосредоточено руководство всеми раскопками в стране. С участием графа была выработана «широкая строго научная программа систематического исследования... юга России путем планомерного раскапывания руин греческих городов и их некрополей — Керчи, Херсонеса, Фанагории, Ольвии и всей массы рассеянных по южнорусской степи курганов».¹⁴⁴ Итоговому документом всех археологических работ в России должен был стать представляемый императору сводный ежегодный отчет о раскопках, к сожалению, изданный лишь однажды. Керченский музей был передан в ведение Министерства уделов, Ашик и Карейша в августе 1852 г. уволены в отставку (гл. 6, 7.4).

Оставаясь одним из ближайших сотрудников Л. А. Перовского, в 1853 г. А. С. Уваров, перейдя в штат Кабинета императора камер-юнкером, занялся археологическими исследованиями на юге России.¹⁴⁵ По распоряжению царя и в соответствии с намерением Перовским

¹⁴⁰ РА ИИМК, ф. 6, оп. 1, д. 179, л. 13.

¹⁴¹ Там же, л. 22.

¹⁴² Там же, л. 37—37 об.

¹⁴³ Там же, л. 35—36.

¹⁴⁴ Ростовцев М. И. Классические и скифские древности северного побережья Черного моря / Публ. и коммент. И. В. Тункиной // ИАВ. 1993. № 5. С. 26—27.

¹⁴⁵ Яковлев В. А. Граф А. С. Уваров... С. 807—808.

планом было начато изучение скифских курганов Причерноморья, проведены масштабные археологические раскопки в различных регионах Причерноморья — в Екатеринославской губернии (Александропольский курган и др.), в окрестностях древнего Танаиса, в Ольвии, близ Феодосии, Симферополя и Севастополя, в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове. Так, Уваров провел раскопки в Ольвии (гл. 10.3), Неаполе Скифском (гл. 13) и в Херсонесе (гл. 12.2). Л. А. Перовский привлек к полевым работам московского профессора П. М. Леонтьева, работавшего в Нижнем Подонье (гл. 17). Другим его сотрудником стал страстный коллекционер-нумизмат князь А. А. Сибирский, посвятивший всю свою жизнь изучению монет Боспорского царства. В 1852—1853 гг. вместе с членами Одесского общества истории и древностей Е. Ф. де Вильневим, И. К. Айвазовским и И. Карамурзой А. А. Сибирский провел раскопки в Феодосии, продолженные в 1856 г., а затем на некрополе Горгиныи. Итоги раскопок 1853 г. подведены в специально изданной книге,¹⁴⁶ где содержатся данные о древностях, найденных в России и приобретенных покупкой, а также извлечения из отчетов о раскопках.

После смерти Л. А. Перовского руководство археологическими раскопками в стране перешло в ведение С. Г. Строганова. Его ближайшим помощником был известный археолог, востоковед, нумизмат *Павел Степанович Савельев* (1814—1859), секретарь Восточного отделения РАО. 24 декабря 1856 г. он писал А. Е. Люценко из Петербурга в Керчь: «...Спешу... успокоить Вас насчет будущности археологических разысканий вообще и Керченского музея в особенности. Начальником археологических в России разысканий... назначен граф Сергей Григорьевич Строганов, страстный археолог и владелец одного из богатейших частных музеев. Он хочет усердно приняться за эту часть и устроить ее на прочных основаниях. Тяжкая болезнь его отца до сих пор препятствовала ему приняться за дело; ждем также ассигнования сумм на раскопки на будущий год. [...] Надеюсь, что дела пойдут хорошо; лиха беда начинать! Музей Ваш наверное останется на прежнем положении. Во всяком случае, надобно будет подождать немного, пока утвердятся штаты государем».¹⁴⁷

Строгановская комиссия 2 февраля 1859 г. была реорганизована в *Императорскую Археологическую комиссию* с подведомственным ей Керченским музеем, подчиненную Министерству Имп. двора.¹⁴⁸ В ее задачи входили: производство раскопок на всей территории страны, соби́рание сведений о памятниках, «ученая разработка и оценка» найденных древностей. Положением 1859 г. комиссии было предоставлено право контроля за всеми «другими попытками» раскопок, причем все добываемые частными лицами древности должны были, по возможности, представляться через местное начальство на рассмотрение комиссии.¹⁴⁹

Таким образом, в середине XIX в. в России была создана организационная структура классической археологии в виде археологических обществ и специальной правительственной комиссии, которые наряду со столичными и провинциальными музеями функционировали практически в неизменном виде вплоть до 1919 г.

¹⁴⁶ Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 году. СПб., 1855. 193 с., 3 карты. Недоумение рецензента вызвало то, что в издании греческие надписи были изданы «без всякой критики». См.: *Струве Ф. А.* Археологические разыскания в Южной России, по отчетам Имп. Археологической комиссии // *ЗООИД*. 1867. Т. 6. С. 557.

¹⁴⁷ АВ СПбФ ИВ, р. III, оп. 3, д. 54, л. 2, 3.

¹⁴⁸ *Пескарева К. М., Рябинин Е. А.* Первое государственное учреждение... С. 300. О деятельности Имп. Археологической комиссии см.: Положение об Имп. Археологической комиссии [утвержд. 2 февраля 1859 г.] // *ПСЗ*. Собр. 2-е. СПб., 1861. Т. 34. Отд. 1. С. 70—72; *Яковлев П. С.* Имп. Археологическая комиссия // *Вестник археологии и истории*. 1888. Вып. 7. Отд. 3. С. 20—22; *Миронов А.* Первые годы деятельности Имп. Археологической комиссии. 1859—1860 гг. // *Вестник всемирной истории*. 1900. № 4. С. 240—245; *Спицын А. А.* Археологическая Имп. комиссия // *НЭСБЕ*. Т. 3. Стб. 847—848; *Фармаковский Б. В.* К истории учреждения Российской Академии истории материальной культуры. [Пг.], 1921 (с кратким изложением истории создания Археологической комиссии).

¹⁴⁹ ПСЗ. 1861. Т. 34. Отд. 1. № 34109.

ГЛАВА 6

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОДЕССКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ (1839—1859)

23 апреля 1839 г. группа любителей истории и археологии — тайный советник А. С. Стурдза, действительные статские советники Д. М. Княжевич и А. Я. Фабр, коллежский ассессор, член Парижского Азиатского общества М. М. Кирьяков, адъютант Ришельевского лицея Н. Н. Мурзакевич — образовала Одесское общество истории и древностей (ООИД), много лет спустя, в 1872 г. получившее наименование Императорского.¹

Одним из инициаторов создания ООИД являлся *Николай Никифорович Мурзакевич* (1806—1883),² ставший секретарем (1839—1875), а впоследствии вице-президентом (1875—1883) общества (рис. 83). Уроженец Смоленска, сын священника, историка Н. А. Мурзакевича, он воспитывался в Смоленской духовной семинарии (1817—1825), учился на философском факультете Московского университета по отделению нравственно-политических наук (1825—1828), а затем учительствовал в Москве. В столице Мурзакевич сдружился с молодым херсонским помещиком Михаилом Михайловичем Кирьяковым, по приглашению которого в 1830 г. на-

¹ О деятельности общества см.: Устав Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1839 (см. также: Одесса, 1842); Торжественное собрание Одесского общества любителей истории и древностей 4 февраля 1840 г. Одесса, 1840; Летопись общества // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 565—578; Брун Ф. К. 1) Одесское общество истории и древностей, его записки и археологические собрания. Одесса, 1870; 2) 30-летие Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1872. Т. 8. Отд. 3. С. 328—351; Марков А. К. Имп. Одесское общество истории и древностей: Обзор его деятельности за 1839—1888 гг. // Вестник археологии и истории. 1888. Вып. 7. Отд. 3. С. 22—33. Оттиск: СПб., 1888; Юргевич В. Н. Исторический очерк 50-летия Одесского общества истории и древностей, 1839—1889. Одесса, 1889 (см. рец.: П. Г. // Киевская старина. 1890. № 6. С. 571—572); 50-летие Имп. Одесского общества истории и древностей // ЖМНП. 1890. № 1. Отд. 4. С. 1—4; Б. В. [Варнеке Б. В.] Имп. Одесское общество истории и древностей (1839—1914) // ЖМНП. 1914. № 12. Отд. 4. С. 46—61; Попруженко М. Г. Имп. Одесское общество истории и древностей: (По поводу 75-летия его существования) // ИВ. 1914. № 11. С. 544—555; Лисоченко І. Д. Архів Одеського товариства історії і старожитностей // 36. оглядів фондів відділу рукописів / АН УРСР. Держ. публ. б-ка. Київ, 1962. С. 49—61; Міжнародні наукові зв'язки Одеського товариства історії і старожитностей (40-і роки XIX ст.) // Вступ. стаття, публ. Л. П. Латышевой // Наук.-інформ. бюл. Архів. упр. УРСР. Київ, 1963. № 5. С. 35—42.

² См. о нем: Мурзакевич Н. Н. Автобиография (1806—1883) / Примеч. и биогр. очерк В. Д. Дабижа. СПб., 1889; Письма Н. Н. Мурзакевича, вице-президента Имп. Одесского общества истории и древностей, к О. М. Бодянскому, 1838—1866 / Предисл. А. Титова // ЧМОИДР. 1887. Кн. 1. С. 182—213; Н. Н. Мурзакевич: Некролог // ЖМНП. 1883. № 12. Отд. 3. С. 81—89; То же // ИВ. 1883. № 12. С. 646—647; То же // Древности: Тр. МАО. 1885. Т. 10. Отчет. Отд. 3. С. 2—3; Историческая записка о деятельности Имп. Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М., 1890. С. 158—163; Имп. Московское археологическое общество в первое 50-летие его существования (1864—1914). М., 1915. Т. 2. С. 240—241. Доп. С. 130; Коциевский А. С. Из истории Одесского археологического музея: Н. Н. Мурзакевич (1806—1883) // Северное Причерноморье: (Материалы по археологии). Киев, 1984. С. 80—88; Левина Р. Ш. Митрополит Евгений и Н. Н. Мурзакевич // Археологические вести. 1999. № 6. С. 479—488; Тункина И. В. Мурзакевич Николай Никифорович // Российская музейная энциклопедия: В 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 411. Архивные материалы Мурзакевича хранятся в ГАОО (ф. 148), РО ИРЛИ РАН (ф. 603), ИР ЦНБ (отдельные документы среди материалов ООИД).

Рис. 83. Н. Н. Мурзакевич. С фотографии. Мюнхен.

всегда переселился в Одессу. Жизнь в Новороссии повлияла на выбор научных интересов Мурзакевича, увлекшегося историей и археологией Северного Причерноморья.³ Осенью 1833 г., вспоминал Николай Никифорович, «в вечерних беседах, Кирьяков, Скальковский и я положили между собою, по силам и возможности каждого, выяснить доселе темную историю Новороссийского края. Кирьяков брал на себя обработать хозяйственно-естественную часть, Скальковский — новую историю, а мне присудили древнюю. С этого решения беседы наши о крае сделались почти главными: все, что попадалось в мои руки интересное для края: книги, карты, я покупал у букинистов. К радости моей и Кирьякова, поиски мои всегда были успешны, приобретения недороги».⁴ Стимулом к началу коллекционирования античных монет послужила первая поездка Мурзакевича в Ольвию в самом начале 1830-х гг. В то время в Одессе древние монеты в изобилии предлагались менялами, поэтому их коллекцию Мурзакевич собрал всего за пять лет и уже в 1835 г. опубликовал каталог своего нумизматического собрания.⁵

Непродолжительное время прослужив в Одесской таможне, Н. Н. Мурзакевич перешел в Ришельевский лицей, где в течение 27 лет был помощником учителя в начальном училище при лицее (1831—1836), учителем истории и географии и инспектором в том же училище (1835—1838), а после защиты в 1838 г. в Московском университете диссертации на степень магистра философии «История генуэзских поселений в Крыму» (Одесса, 1837) последовательно занимал должности адъюнкта (1838—1840), затем профессора (1840—1853) по кафедре российской истории и статистики, а в середине века — директора (1853—1857) Ришельевского лицея и всех одесских частных учебных заведений (с 7 декабря 1854 г. в чине действительного статского советника). Следует отметить, что в лицее Мурзакевич одно время читал специальный курс русских древностей (1840—1844). В 1854—1855 и 1856 гг. Мурзакевич управлял Одесским учебным округом, заведовал городской публичной библиотекой (1843—1853) и городским музеем древностей (1843—1858, гл. 7.2),⁶ причем издал описание антиков и первый нумизматический каталог на латинском языке.⁷

³ Мурзакевич Н. Н. Поездка в Крым в 1836 г. // ЖМНП. 1837. Ч. 13. № 3. С. 635—691.

⁴ Записки Н. Н. Мурзакевича // PC. 1887. Т. 53. № 3. С. 659.

⁵ *Descriptio nummorum veterum Graecorum atque Romanorum, qui inveniuntur in museo N. M[urzakewicz], ordine geographico et chronologico disposita tabulisque lithographicis ornata. Odessae, 1835* (с 4 табл. монет Ольвии, Херсонеса Таврического, Пантикалея и Боспора).

⁶ РО ИРЛИ, ф. 603, л. 234, л. 36, 47 об., 70, 72, 76; л. 235, л. 1—1 об., 9, 11; л. 237, л. 19.

⁷ *Murzakewicz N. Descriptio musei publici Odessani. Odessae, 1841. Pars I, continens Numophylacium Odessanum. Sumptibus Societatis Historia et Antiquitatum Odessanae, cura et labore.*

Для знакомства с древностями на протяжении всей жизни Н. Н. Мурзакевич неоднократно путешествовал по России, летом 1837 г. и 1838 г. на два месяца командировывался в Петербург «для описания древних российских памятников» и изучения фондов столичных музеев и библиотек,⁸ много раз объезжал Северное и Восточное Причерноморье, в частности в 1837, 1840, 1852, 1860 гг. посетил Крым, в сентябре 1841 г. — Бессарабию, в 1845 г. сопровождал вел. кн. Константина Николаевича в путешествии по Новороссийскому краю и землям Войска Донского, в 1847 г. по поручению ООИД совершил поездку по восточному берегу Черного моря, Закавказью, землям черноморских казаков и Крыму, летом 1850 г. путешествовал по соседним с Новороссийским краем губерниям, впоследствии побывал в Турции, Палестине, путешествовал по Египту, Италии, Испании, Франции, Швейцарии, Германии, Австро-Венгрии. Мурзакевич являлся действительным членом (1838) и секретарем (1838—1839) Общества сельского хозяйства Южной России, действительным членом МОИДР (1836), МАО (1865) Курляндского общества литературы и искусств, Русского географического общества, Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества (корреспондент, 1848), Копенгагенского общества северных антиквариев, Тиберийской и Аркадской академий в Риме (1835), Афинского археологического общества, Бельгийской археологической Академии, Белградского общества сербской словесности и пр.⁹

По свидетельствам ряда современников, Николай Никифорович выделялся среди профессуры независимостью, резкостью и ершистостью характера, бескорыстной любовью к науке, чрезвычайной энергией и необыкновенной работоспособностью, а также честностью, прямой убежденностью, требовательностью к себе и к коллегам. Близость к М. С. Воронцову, собиравшему книги, рукописи, произведения искусства и древности,¹⁰ обеспечила Мурзакевичу одно из ведущих мест в кружке одесской интеллигенции, объединившейся в Одесское общество истории и древностей. Еще до официального открытия общества, на средства, выделенные М. С. Воронцовым, была издана магистерская диссертация Н. Н. Мурзакевича о генуэзских поселениях в Крыму, где поднят вопрос о необходимости охраны древностей юга России. В мае 1838 г. историк подал генерал-губернатору особую записку, получившую благожелательный отклик Воронцова, с предложением поставить специального надсмотрщика при разборе камня в старой Перекопской крепости, о скорейшем снятии планов и фасадов, копировании и издании мусульманских и генуэзских архитектурно-археологических и эпиграфических памятников Крыма. «Время не шадит памятников, и потому должно спешить их спасти», — резюмировал антикварий.¹¹

Идея организации историко-археологического общества в столице Новороссии встретила поддержку М. С. Воронцова, который на первом же заседании 23 апреля 1839 г. был избран почетным президентом ООИД и оставался им до своей кончины, хотя уставом общества такое звание установлено не было.¹² В благодарственном письме генерал-губернатор признался, что мысль об учреждении подобного общества «давно его занимала... Вы меня предупредили; и я не могу довольно выразить вам благодарности своей, за ревностное стремление к отысканию и распространению исторических и археологических сведений о Новороссийском крае и Бессарабии».¹³

Первым единогласно избранным президентом общества стал филолог, археолог, этнограф, журналист, тайный советник (с 1840 г.) *Дмитрий Максимович Княжевич* (1788—1844).

Выходец из русского дворянского среднепоместного рода сербского происхождения, Д. М. Княжевич был старшим братом министра финансов А. М. Княжевича (1792—1872). Учился в Казанской гимназии, участвовал в рукописных журналах и в эти годы сблизился с С. Т. Аксаковым. С 1802 г. служил по Министерству финансов (в 1814—1820 гг. — в Праге и в Вене). Печатался с 1809 г., сотрудничал в журналах «Цветник», «Благонамеренный», «Санкт-Петербургский вестник», «Соревнователь» и др. Член Вольного общества любителей российской словесности (1818), куда рекомендовал А. С. Грибоедова (1824), член Российской Академии (1837). Составитель «Полного собрания русских пословиц и поговорок...» (СПб., 1822); вместе с братьями издавал «Литературное

⁸ ГАОО, ф. 1, оп. 191-1837, д. 39, л. 1—2; оп. 200-1838, д. 44, л. 1—5 об.

⁹ См.: РО ИРЛИ, ф. 603, д. 234, л. 72, 76; д. 237, л. 19.

¹⁰ Мурзакевич Н. Н. Очерк заслуг, оказанных наукам М. С. Воронцовым // ЗООИД. 1858. Т. 4. С. 395—413.

¹¹ ГАОО, ф. 1, оп. 191-1837, д. 39, л. 6—7 об.

¹² Маркевич А. И. Состав Имп. Одесского общества истории и древностей в 1839—1901 гг. // ЗООИД. 1902.

Т. 24. Ч. 5 (Протоколы). С. 95.

¹³ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 17, л. 5—5 об.: письмо М. С. Воронцова Д. М. Княжевичу от 23 июня 1839 г.

прибавление к журналу «Сын Отечества» (1822—1823). С 1821 г. Д. М. Княжевич являлся начальником отделения в Департаменте государственного казначейства Министерства финансов; с 1824 г. — петербургский вице-губернатор, с 1827 г. вице-директор, с 1831 г. директор Департамента государственных имуществ, с июля 1837 г. попечитель Одесского учебного округа. В Одессе занимался активной административной, общественной и литературно-просветительной деятельностью. По его инициативе в Ришельевском лицее были организованы новые кафедры, восстановлен камеральный факультет, введено преподавание «русских древностей». Княжевич пытался привлечь к сотрудничеству с ООИД профессиональных ученых, ходатайствовал о передаче обществу документов крепости Св. Дмитрия (Ростов-на-Дону), приобретал древности и монеты, которые приносил обществу в дар, способствовал организации «археологических командировок» и был «душой общества в начале его деятельности». Автор проекта преобразования Ришельевского лицея в Новороссийский университет, с которым выехал в Петербург, но по дороге в столицу скоропостижно скончался на 57-м году жизни.¹⁴

Первым вице-президентом был избран «филэллин» *Александр Скарлатович Стурдза* (1791—1854).

Сын бывшего правителя Молдавии, Стурдза попал с родителями в Одессу годовалым ребенком. Он получил домашнее образование, учился в Германии, затем жил в Вене и Флоренции, служил офицером у князя Константина Мургузы, впоследствии переселился в Константинополь, вскоре переехал в Россию. Стурдза говорил и писал на 6 языках — греческом, латинском, русском, немецком, французском, молдавском. С 1808 г. писец, с 1811 г. драгоман, т. е. переводчик Министерства иностранных дел, с 1812 г. секретарь при главнокомандующем Дунайской армией П. В. Чичагове, с 1814 г. служил при посольстве в Вене, с 1815 г. секретарь И. А. Каподистрия в Париже. С 1816 г. в Петербурге Стурдза служил при МНП, являлся членом Ученого комитета, цензором. Он — автор нечленистых реакционных проектов цензурного устава и перестройки преподавания в средних учебных заведениях. Стурдза получил известность и как религиозно-политический публицист — с клерикально-монархических позиций он, например, критиковал немецкие университеты, считая их рассадниками революционного духа и атеизма (1818). С 1821 г. жил в Одессе. Стурдза — первый попечитель Одесской богадельни сиротных сестер, вице-президент Общества сельского хозяйства Южной России, член Афинского общества изящных искусств, Афинского археологического общества, Мадридской Академии истории. Стурдза и его родная сестра графиня Роксандра Скарлатовна Эдлинг (1786—1844), которая была замужем за бывшим министром иностранных дел и маршалом при дворе герцога Веймарского, были одесскими знакомыми А. С. Пушкина.¹⁵

В своей речи при открытии общества, выдержанной в духе охранительных идей министра народного просвещения С. С. Уварова, А. С. Стурдза высказал мысль, что «для человека нет умственного занятия, которое столько бы благоприятствовало религии, нравственности и питанию народного духа, сколько добросовестное и дружное исследование и хранение памятников истории, гласных и немых». Напротив, по Стурдзе, во времена «упадка» государств и «нравственного растрепывания народов» исторические корни забываются, примером чего являются последствия Великой Французской революции.¹⁶ Уже при разработке устава общества, написанного М. М. Кирьяковым и Н. Н. Мурзакевичем, дополненного и исправленного Д. М. Княжевичем,¹⁷ ряд членов высказали несогласие с некоторыми предложениями Стурдзы. В ответ А. С. Стурдза под предлогом «расстроеного здоровья и слабости зрения» 25 апреля 1842 г. отказался от должности вице-президента, а 2 июня того же года снял с себя звание действительного члена и основателя общества.¹⁸ На вакансию вице-президента был избран статский советник С. В. Сафонов; в 1844 г. это место занял А. Ф. Негри, а в 1857 г. — попечитель Одесского учебного округа Н. И. Пирогов.¹⁹

Действительным членом ООИД некоторое время состоял *Николай Иванович Надеждин* (1804—1856), критик, журналист, историк, этнограф, археолог.

Н. И. Надеждин происходил из духовной семьи, учился в Рязанском уездном духовном училище и семинарии, затем в Московской духовной академии (1820—1824), закончил ее со званием магистра, приобрел знание древних (древнегреческий, латинский, еврейский) и основных европейских языков, впоследствии изучал славянские языки.

¹⁴ См. о нем: [Сафонов С. В., Надеждин Н. И., Григорьев В. В.] Д. М. Княжевич: Некролог. СПб., 1844 (оттиск см.: ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 58, л. 41—51 об.); А. К. [Княжевич М. Д.] Д. М. Княжевич, основатель и первый президент Одесского общества истории и древностей // РС. 1888. № 4. С. 125—142; Яковлев Я. Княжевич Дмитрий Максимович // РБС. 1903. Т. 1: Книппе—Кюхельбекер. С. 10—12; Кошелев В. А., Зленко Г. Д. Княжевич Дмитрий Максимович // Русские писатели, 1800—1917. Биографический словарь. М., 1992. Т. 2: Г—К. С. 567—568.

¹⁵ См. о нем: РБС. 1909. Т. 1: Смеловский—Суворина. С. 602—606; Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 423—424, 510.

¹⁶ ИР ЦНБ, V, 1525, л. 41 об.—42.

¹⁷ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 2, л. 8.

¹⁸ Там же, д. 1, л. 92, 95, 98—103 об.; д. 17, л. 7; Синицын М. С. Развитие археологии в Одессе // ЗОАО. 1960. Т. 1 (34). С. 9.

¹⁹ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 17, л. 10, 11—15, 22.

Надеждин служил профессором словесности и немецкого (позднее и латинского) языка Рязанской семинарии (1824—1826), в октябре 1826 г. уволился из духовного звания и переселился в Москву, был домашним учителем у Самариных. С 1828 г. начал печататься в «Вестнике Европы» М. Т. Каченовского и других журналах. Член-соправитель (1829), действительный член (1847) МОИДР. Доктор словесных наук (1830) Московского университета (минуя степень магистра), с 1831 г. преподаватель логики, российской словесности и мифологии в Московской театральной школе, с декабря 1831 г. по февраль 1835 г. ординарный профессор теории изящных искусств и археологии Московского университета. С 1831 г. стал издавать журнал «Телескоп» и газету «Молва». В июне 1835 г. уехал за границу, посетил Германию, Францию, Швейцарию, Италию, Австрию, в Геттингене слушал лекции филолога-классика К. О. Мюллера. За публикацию в «Телескопе» первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева (1836) журнал был закрыт, Надеждин препровожден для допроса в Петербург и сослан в Усть-Сысольск, в 1838 г. переведен в Вологду (в апреле того же года прошен царем). В 1838—1842 гг. жил в Одессе, куда его пригласил Д. М. Князевич, редактировал «Одесский альманах», стал действительным членом ООИД, в 1842 г. переселился в Петербург, с марта 1842 г. на службе в МВД, с 1845 г. статский советник, чиновник по особым поручениям при Л. А. Перовском; действительный статский советник (1851), по поручению министерства занимался изучением раскола. С 1837 г. Надеждин активно писал для «Энциклопедического лексикона» А. Плюшара, издавал статьи по славяноведению, этнографии и фольклору народов России, исторической географии, в том числе о Геродотовой Скифии. Член совета и председатель Отделения этнографии (с 1848 г.) РГО, редактор «Географических известий» (1848—1851); корреспондент РАО (11 февраля 1850). Редактор «Журнала МВД» (1842—1856, с 1845 г. вместе с В. В. Григорьевым).²⁰

Близким приятелем Надеждина был *Василий Васильевич Григорьев* (1816—1881), также член общества, востоковед-лингвист, историк Средней Азии, нумизмат.

Григорьев — выпускник Петербургского университета по отделению восточных языков филологического факультета (1831—1834), по окончании которого поступил в Институт восточных языков при МИДа для подготовки к дипломатической карьере, но оставил его в 1836 г. и перешел в Профессорский институт; одновременно преподавал в Петербургском университете персидский язык (1835—1838). Закрытие института заставило его принять предложение Ришельевского лицея о переезде в Одессу исполняющим должность профессора по кафедре восточных языков (1838—1844). В первые годы пребывания в Одессе В. В. Григорьев ездил в Константинополь для совершенствования в турецком языке, написал диссертацию «О достоверности ярыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству» (М., 1842), за что удостоен степени магистра истории. Активно сотрудничал с Одесским обществом истории и древностей, был избран его действительным членом (1839; вышел из общества в 1845 г.) и членом издательского комитета, публиковался в ЗОИИД, «Новороссийском календаре», «Одесском альманахе» и пр. С 1844 г. Григорьев переехал в столицу, где служил в Департаменте духовных дел иностранных вероисповеданий МВД, совместно с В. В. Дерикером издавал журнал «Северное обозрение»; активно сотрудничал в РГО. Член-корреспондент (9 ноября 1848), действительный член (10 января 1867), секретарь (13 апреля 1851 — 22 декабря 1851), затем управляющий (10 января 1867—9 декабря 1881) Восточным отделением РАО. В 1851 г. Григорьев переехал в Оренбургский край на должность начальника пограничной экспедиции, где велся дела по управлению киргизами и сношениям с ханствами, затем являлся управляющим Областью оренбургских киргизов (1854—1862). Выйдя в отставку, переселился в Петербург. После введения устава 1863 г. в том же году был приглашен Петербургским университетом занять кафедру истории Востока, где был профессором и деканом факультета восточных языков до 1878 г. В 1863 г. удостоен степени доктора восточной словесности honoris causa Петербургского университета. Одновременно являлся главным редактором «Правительственного вестника» (1869—1870), был начальником Главного управления по делам печати (1878—1880). Активно участвовал в организации III Международного съезда ориенталистов в Петербурге (1876).²¹

Из-за конфликта с Н. Н. Мурзакевичем 14 апреля 1845 г. Н. И. Надеждин и В. В. Григорьев вышли из общества — формальным поводом послужил их отказ подчиниться требованию большинства членов ООИД заменить «некоторые места и выражения в некрологе Князевича», предназначенном для первого тома «Записок». ²²

Согласно первому уставу общества, утвержденному министром народного просвещения С. С. Уваровым 25 марта 1839 г., оно ставило своей целью «распространение исторических и археологических сведений о Южной России, преимущественно о Новороссийском крае и Бессарабии». В обязанности ООИД входили сбор, описание, хранение всех остатков древностей на этих территориях, а также критическое изучение известий древних авторов о Северном Причерноморье и его «достопримечательностях», «отыскивание следов их в настоящем времени». Его задачей стало не только издание результатов собственных «занятий» для всеобщего

²⁰ См. о нем: Манн Ю. В. Надеждин // Русские писатели, 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4: М.—П. С. 206—213.

²¹ См. о нем: Василий Васильевич Григорьев, по его письмам и трудам / Сост. Н. И. Веселовский. СПб., 1881.

²² Некролог не был включен Н. Н. Мурзакевичем в 1-й том ЗОИИД, так как был опубликован авторами отдельным оттиском в Петербурге 15 ноября 1844 г. без одобрения остальных членов общества, что послужило причиной скандала. См.: ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 2, л. 9—10 об.; д. 58, л. 38—81.

сведения, но и анализ «выходящих на русском и иностранных языках сочинений, имеющих тот же предмет» для определения «степени их достоверности». Помимо археологических изысканий, ООИД должно было заниматься и чисто историческими, археографическими, географическими, этнографическими, статистическими исследованиями.²³ Параграф 47 устава гласит: «Если общество получит сведения, что какой-либо древний памятник, находящийся в пределах Южной России, подвергается разрушению, или от небрежения, или от неимения средств к поддержанию, то оно, или само, буде иметь средства, поставит себе в обязанность принять оный под свое попечение, или будет ходатайствовать о вспоможении и содействии, где следует, чрез своих президентов». Общество ориентировалось на развитие исторических и археологических знаний среди соотечественников, «любителей древности» — каждый действительный член, с согласия президента, мог привести на собрание постороннего посетителя. В уставе было особо закреплено положение, что на собраниях общества «все суждения бывают и протоколы ведутся на русском языке».²⁴

Комитет «для составления предварительного плана будущих изданий общества», состоящий из Д. М. Княжевича, Н. Н. Мурзакевича, Н. И. Надеждина, В. В. Григорьева, 31 мая 1840 г. представил сочленам план будущих «Записок». На том же заседании был избран «редакционный для Записок комитет» в составе Д. М. Княжевича, Н. Н. Мурзакевича, А. С. Стурдзы, Н. И. Надеждина, В. В. Григорьева.²⁵ Огромное значение этого печатного органа в развитии отечественной археологии известно всем специалистам. С 1844 г. по 1860 г. вышло 4 тома (6 книг) трудов ООИД. В первом разделе печатались статьи по археологии, истории, географии, статистике Новороссии, во втором («Сборник материалов») публиковались сведения о новых находках археологических памятников, надписей, монет, грамот, документов, актов и пр., в третьем («Смесь») — разнобразные известия, корреспонденции, некрологи и т. п. Первые тома стоили в пределах 2—3 р. серебром (24 р. ассигнациями).

В апреле 1842 г. перед ООИД встал вопрос, на каком языке должны быть напечатаны статьи в его «Записках», представленные на иностранных языках. Общество постановило «статьи на языках латинском, французском и немецком, как общеизвестных в ученом свете, печатать в подлинниках, если они будут назначены к помещению в целости; извлечения же из них, равно как и статьи на других иностранных языках, буде таковые поступят в общество, печатать в русских переводах».²⁶ 1 февраля 1851 г. А. Б. Ашик предложил ООИД «принять за правило» археологические вопросы предлагать на обсуждение и заключение членов, занимающихся обсуждаемым вопросом; бесплатно рассылать членам «Записки»; издавать труды общества отдельными ежемесячными книжками, причем не только на русском, но и в переводе на один из иностранных языков; печатать протоколы заседаний не только в газетах («Одесском вестнике», «Московских ведомостях», херсонских, екатеринославских и таврических «Губернских ведомостях»), но и отдельными оттисками и рассылать членам общества бесплатно. Обсудив предложение, общество отвергло обвинения в недемократичности решения научных проблем. Отсутствие материальных средств (в том числе и на оплату труда опытного переводчика) заставило ООИД отказаться от предложения Ашика «до будущего более удобного времени»²⁷ и продолжить издание «Записок» только на русском языке.

Примечательно внимание общества к трудам пионеров классической археологии Причерноморья, стремление приобрести и опубликовать рукописи Стемпковского (гл. 3.1), Дюбрюкса (гл. 3.2), И. П. Бларамберга, И. И. Граперона. Так, манускрипты и рисунки И. П. Бларамберга в 1841 г. были приобретены за 1150 р. ассигнациями у сына одесского антиквара, полковника Владимира Ивановича Бларамберга, в то время адъютанта «Владельца Господаря Валахии» в Бухаресте, с которым проживали и его сестры. Последний сообщил, что большая часть архива отца должна была находиться у старшего брата, петербургского полицмейстера полковника Ипполита Ивановича Бларамберга, у служившего в Грузии младшего брата, подпоручика Кавказского саперного батальона Михаила Ивановича Бларамберга или у частных лиц. Общество получило официальное разрешение детей Бларамберга на публикацию в своих

²³ ИР ЦНБ, V, 1518—1533, л. 15—24: Устав ООИД. Одесса, 1839. 19 с.; Юргевич В. Н. Исторический очерк 50-летия Имп. Одесского общества история и древностей. С. 46—47.

²⁴ ИР ЦНБ, V, 1518—1533, л. 21—21 об.

²⁵ ГАОО, ф. 93, оп. 1, л. 1, л. 33—34 об.; д. 58, л. 147; д. 59.

²⁶ Там же, л. 1, л. 91.

²⁷ Там же, д. 3, л. 27—28 об.

записках неизданных трудов антиквариата,²⁸ но издало лишь одну его работу «Замечания на некоторые места древней географии Тавриды» в русском переводе, выполненном инспектором Ришельевского лицея Г. И. Соколовым.²⁹ Ординатор керчь-еникальского госпиталя Дубицкий, купивший часть библиотеки и архива И. И. Граперона, через градоначальника З. С. Херхеулидзева передал в дар обществу «несколько рукописей и чертежей..., относящихся до истории, статистики и древностей Крыма».³⁰

К работе в обществе были привлечены, помимо 5 учредителей (членов-основателей) и почетного президента, 49 действительных членов, которые должны были ежегодно представлять «хоть одну статью, относящуюся до предметов его занятий» (из числа основателей и действительных членов на срок до 2—3 лет избирались президент, вице-президент, секретарь, библиотекарь и казначей), 6 почетных (с правами совещательного голоса), 20 корреспондентов в России и 3 за границей (содействовали целям общества и могли «подать свое мнение» по какому-либо вопросу), 1 соревнователь («оказывали денежные взносы» или приносили дары обществу в виде книг и т. п., имели право высказывать свое мнение по обсуждаемым вопросам). Среди действительных членов следует назвать П. И. Кёппена, Э. В. Тетбу де Мариньи, З. С. Херхеулидзева, А. Б. Ашика,³¹ Д. В. Карейшу, А. Ф. Панагидор-Никовула, преподавателей и профессоров Ришельевского лицея В. В. Григорьева, Н. И. Надеждина, М. Г. Палеолога, Ф. К. Бруна, П. В. Беккера.

Филипп Карлович Брун (1804—1880), историк, археолог. Родился в Фридрихсгаме (Финляндия) в купеческой семье, учился в петербургском пансионе пастора И. фон Муральта и в Дерптском университете (1821—1825), служил в особой канцелярии «по кредитной части» в Министерстве финансов, в 1825 г. вышел в отставку и 2,5 года провел в университетах Германии (в Веймаре познакомился с Гёте) и Франции, в феврале 1829 г. вновь поступил на службу в Департамент мануфактур и внутренней торговли; с 1830 г. учитель немецкого языка в Витебской, а с 1831 г. в Динабургской гимназиях, в апреле 1832 г. переведен в Одессу библиотекарем, а с мая 1832 г. назначен афюнктом Ришельевского лицея (преподавал историю с сентября 1834 г.). 31 декабря 1835 г. удостоен звания доктора философии Йенского университета. Действительный член ООИД (5 ноября 1840), публиковал статьи по эпиграфике и исторической географии Причерноморья, в 1862 г. совершил по поручению общества поездку к устьям Буга и Днепра. Профессор истории и статистики (с 1836 г.), одновременно преподавал политическую экономию и коммерцию (1849—1851), являлся советником правления лицея (1850—1853), в августе 1854 г. вышел в отставку за выслугой лет, занимался преподаванием в средних учебных заведениях Одессы. Действительный член РГО (1846). С 1860 г. Имп. Академия наук стала печатать результаты его исследований в своих «Записках», а Имп. Археологическая комиссия давала ему различные поручения, например в 1864 г. проверить исследованиями на местности сведения Геродота о Скифии. В мае 1866 г. историко-филологический факультет и совет Новороссийского университета избрали его на 5 лет доцентом по кафедре всеобщей истории, однако Министерство народного просвещения из-за отсутствия у Бруна ученой степени русского университета разрешило допустить его временно к исполнению должности доцента. В 1868 г. совет Новороссийского университета возвел Ф. К. Бруна в степень доктора всеобщей истории *honoris causa*, а с 1869 г. — в экстраординарные профессора. Он читал курсы истории древнего Востока и истории средних веков, по истории географических открытий до конца XVIII в., исторической географии юга России, этногеографии Скифии, истории народов, обитавших на юге России до расселения славян. В 1871 г. по истечении контракта перешел на частное преподавание в университете с содержанием экстраординарного профессора (1871—1880). В 1872 г. Брун побывал в Ольвии во время раскопок В. Г. Тизенгаузена, в 1874 г. совершил поездку на Кавказ для изучения восточного берега Черного моря, в 1876 г. ездил за границу. Действительный член МАО (1869), участник 1-го в Москве (1872), 3-го в Киеве (1874), 4-го в Казани (1877) археологических съездов. Основные его статьи переизданы в книге «Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852—1877)» (Одесса, 1879—1880. Ч. 1—2 — вторая часть издана посмертно; первая удостоена Уваровской премии Академии наук по отзыву проф. В. Г. Васильевского в 1879 г.).³²

²⁸ Там же, д. 54, л. 2—8.

²⁹ Бларамберг И. П. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды / Пер. с франц. Г. И. Соколова // ЗООИД. 1848. Т. 2. Отд. 1. С. 1—19.

³⁰ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 54, л. 13—14. Сборник И. И. Граперона хранится в ИР ЦНБ (V, 1130—1185), где находятся также рукописи Дюбрюкса и Бларамберга.

³¹ З. С. Херхеулидзе и А. Б. Ашик были избраны большинством в две трети голосов (при трех черных шарах) в число действительных членов по предложению бывшего таврического губернатора А. И. Казначеева 24 октября 1839 г. (ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 1, л. 19, 22 об., 29 об.).

³² См. о нем: ГАОО, ф. 44, оп. 2-1849, л. 133, л. 29—32; ф. 45, оп. 7-1871, л. 14, л. 365—386: формулярный список и аттестат о службе проф. Ф. К. Бруна, 1870—1872 гг.; оп. 7-1872, д. 66, л. 7, 16, 36: списки трудов Ф. К. Бруна; ф. 42, оп. 35, л. 11, л. 55—56: формулярный список проф. Ф. К. Бруна; Маркевич А. И. 25-летие Имп. Новороссийского университета. Одесса, 1890. С. 187—197 (биография со списком трудов).

Е. Е. Люценко писал о нем:

Ура! Сюда явился Брун,
Бытописатель славный юга,
Неутомимый говорун,

Старик, не знающий досуга.
Готовый всякому служить,
По мере сил своих советом,

Павел Васильевич Беккер (1807—1881), филолог-классик, историк-антиковед, археолог. Подданный Саксонии. Родился и учился в гимназии в Ревеле, затем в Дерптском университете по кафедре классической филологии (1823—1829), совершенствовал образование в Германии (2 года занимался греческими древностями у Г. Германа в Лейпциге, затем около двух лет изучал латинский язык и римскую литературу в Берлинском университете). Доктор философии Йенского университета (1834). После многолетнего пребывания за границей и занятий классической археологией в 1837 г. вернулся в Россию и в том же году назначен адъюнктом латинской и греческой словесности в Ришельевский лицей в Одессе; после защиты магистерской диссертации (1839) в университете св. Владимира в Киеве утвержден в должности профессора, а в 1857 г. — директора лицея. Одновременно был преподавателем латинского языка в гимназических классах лицея, являлся директором Второй одесской гимназии (1848—1852). В 1862 г. уволен из лицея с причислением к Министерству народного просвещения. В 1863 г. вышел в отставку и переехал в Дрезден, где и умер. Действительный член ООИД, член-корреспондент РАО (11 апреля 1850 г.). В 1852—1853 гг. активно сотрудничал с РАО, проводил археолого-топографические исследования на средствах гр. А. С. Строганова в Северо-Западном Причерноморье (Тира—Офиусса, Никоний, поиски башни Нептолема и т. п.). Основные труды Беккера посвящены истории, археологии, эпиграфике (в том числе керамической) и исторической географии и топографии Северного Причерноморья античной эпохи.³³

После смерти первого президента ООИД Д. М. Княжевича (1844) эта должность целых 12 лет оставалась вакантной, пока вторым президентом общества 14 июня 1856 г. не был избран новый генерал-губернатор Новороссии граф А. Г. Строганов.

Граф Александр Григорьевич Строганов (1795—1891), государственный, военный и общественный деятель, меценат; генерал-адъютант (1834), генерал от артиллерии (1856). Учился в Корпусе инженеров путей сообщения, начал службу в лейб-гвардии артиллерийской бригаде, с 1812 г. офицер. Принимал участие в освободительном походе в Европу и в подавлении польского восстания 1831 г., служил в лейб-гвардии Преображенском полку (1829—1830). Товарищ министра внутренних дел (1834—1836), черниговский, подольский и харьковский генерал-губернатор (1836—1838), управляющий МВД (1839—1841), член Государственного совета (1841—1891), инспектор запасной артиллерии (1850—1851), военный губернатор Петербурга (1854), затем новороссийский и бессарабский генерал-губернатор (1855—1862). Президент ООИД с 14 июня 1856 г., обогатил археологический музей рядом пожертвований (отказался от президентства 23 ноября 1877 г. и тогда же был избран почетным членом общества); первый почетный («вечный») гражданин Одессы. Свою обширную библиотеку завещал Томскому университету, хотя часть его рукописного собрания, вероятно из музея ООИД, попала в ОРИР ОНБ.³⁴

Первоначально финансирование общества осуществлялось пожертвованиями и ежегодными взносами членов — действительные члены вносили в кассу общества по 30 р., корреспонденты по 15 р. в год, а также небольшими средствами, вырученными за дипломы и продажу трудов ООИД. Среди первых жертвователей указаны М. С. Воронцов, А. Ф. Спада, В. В. Григорьев. С помощью М. С. Воронцова с 1 января 1840 г. ООИД удалось добиться выделения обществу 1428 р. 57 к. серебром, или 5 тыс. р. ассигнациями, в год на «пособие» от казны, получаемое через Херсонскую казенную палату и Одесское уездное казначейство, покровительства наследника цесаревича вел. кн. Александра Николаевича и права производства археологических исследований на всей территории Южной России, причем на государственных землях с разрешения местного начальства, на частных — с согласия владельцев (утверждено с разрешения императора Комитетом министров 14 ноября 1839 г.).³⁵ Общество имело две печати — большую и малую, обе с изображением щита, разделенного на 4 части, с гербами губерний: Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Бессарабской области, и надписью

В Одессе он успеть прослыть
Идеалистом и поэтом.
Хотя стихов он не писал,
Но часто от большой натури
Фантазиями украшал
Свои сказания о юге.
В колодезе мудрости его
В старинном хламе материала
Почти не видно ничего,

Чтобы ему принадлежало.
Суда он прибыл с целью той,
Чтобы проверить текст Страбона
И, ознакомившись с страной,
Найти следы Киммерииона,
А также городов других,
Когда-то бывших в сей пустыне.
(Мы видим городища их
На нынешних брегах доньяне).

Цит. по: Стихотворения археологов Е. Е. Люценко и барона В. Г. Тизенгаузена / Публ. А. И. Маркевича // ИТУАК. 1910. № 44. С. 72—73; *Маркевич А. И.* Примечания к стихотворениям археологов // ИТУАК. 1911. № 45. С. 70.

³³ См.: *Юргевич В. Н.* Исторический очерк...; ГАОО, ф. 44, оп. 2-1849, д. 133, л. 33—37: формулярный список за 1849 г.

³⁴ См.: ЗООИД. Т. 16. С. 5 (некролог, написанный В. Яковлевым); *Дивный И. В.* Страницы военного некрополя старой Одессы. Киев, 1996. С. 135—136.

³⁵ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 14, л. 3—6; л. 174, л. 17 об.—18; л. 158, л. 7.

«Печать Одесского общества история и древностей». Большая печать удостоверяла дипломы членов, малой пользовались для запечатывания пакетов.³⁶

Еще на торжественном заседании ООИД 4 февраля 1840 г. первый президент Д. М. Княжевич в речи «О способах к достижению цели, предложенной уставом общества», изложил программу работ на ближайшие годы.³⁷ Он подчеркнул важность картографирования курганов Новороссийского края, необходимость «съемки положения и взаимного между собою отношения курганов», предлагая начать ее с Аккерманского и Ясского уездов Бессарабии, «из коих первый лежит в окрестностях древней... Тыры, а второй идет вдоль Днестра, где находились древнейшие дакийские города...».

Президент отметил важность контактов общества с руководителями археологических исследований в Керчи и призывал обратиться к ним с просьбой о тщательном наблюдении и «записывании... как слоев земли, на которых курганы составлены, так и всего в них открываемого, с подробным обозначением: в какой части кургана, что и в каком положении найдено».

Третьей задачей стало снятие планов городищ, «окопов», «верхнего и нижнего» Трояновых валов, «вала Азандрова», вала и рва, идущих по Перекопскому перешейку; четвертой — снятие планов, фасадов, обмерных чертежей древних зданий, городских стен, башен, крепостей, городов и т. п. Д. М. Княжевич особо подчеркивал необходимость приступить «поспешнее» к снятию на план развалин Херсонеса, Инкерманских пещер и Мангул-Кале с обязательным копированием сохранившихся на стенах изображений в некоторых пещерах Мангула.

Еще одна задача — создание музея общества «для хранения в подлиннике разных материальных остатков древнего быта... как-то: сосудов, оружия, сбруи, даже простейших домашних орудий и утвари, в особенности же пластических произведений искусства, хотя бы и самого грубого». В случае невозможности получения или приобретения подлинников отмечалась необходимость «снятия изображений в рисунках» (гл. 7.1).

Д. М. Княжевич предложил обществу приобрести несколько каменных баб разных типов и снять с них рисунки, «в особенности... черт их лица, оружия и прочих находящихся при них принадлежностей».

Президент просил всех членов немедленно сообщать в общество о всех надписях, «как бы новы по времени ни были», независимо от их языка (гл. 8.2). Помимо собирания древних документов, официальных актов, рукописей, фольклора, сбора сведений об обычаях и других этнографических особенностях местного населения, статистических и географических данных, ставилась задача составления «*metopieae porologum*» из античных и средневековых письменных источников, перевода на русский язык древних «классиков, посвященных исключительно нашему краю, и издания с подлинниками, сопровождаая приличными комментариями и истолкованиями» (гл. 8.1).

Общество поддержало план своего президента. Всем действительным членам и членам-корреспондентам были разосланы письма с просьбой содействовать выполнению программы — при проведении каких-либо раскопок «наблюдать» за ними и немедленно ставить в известность ООИД, уведомлять о находках древностей с целью либо приобретения для общества, либо «снятия с них верных рисунков».³⁸

Члены общества энергично принялись за выполнение намеченной программы. По предложению Д. М. Княжевича, Н. И. Надеждину было поручено путешествие вокруг Карпат по Молдавии, Валахии, Сербии, Венгрии, Моравии, Галиции, где ученый должен был исследовать античные памятники римского времени — «урочища», руины зданий, надписи, монеты и т. п., а важнейшие из них описать для общества. На поездку ассигновали 572 р. серебром. Надеждину вменялось в обязанность установить научные контакты с зарубежными учеными-антикварами, филологами и любителями истории,³⁹ что было им с успехом выполнено.⁴⁰

³⁶ ИР ЦНБ, V, 1518—1533, л. 22—22 об.

³⁷ ГАО, ф. 93, оп. 1, д. 1, л. 21—22.

³⁸ Там же, л. 23—23 об.; л. 158, л. 4.

³⁹ Там же, д. 158, л. 8 об.

⁴⁰ Надеждин Н. И. Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южно-славянским землям // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 518—548.

Выполняя указания Д. М. Княжевича о необходимости «снятия местности курганов», ООИД обратилось к инспектору резервной кавалерии, командиру 2-го резервного и сводного кавалерийских корпусов и в 1848 г. получило 19 планов топографической съемки земель Украинских и Новороссийских округов военных поселений. С помощью карт общество пыталось найти ответ на вопрос — «кем, когда и для чего насыпаны те бесчисленные курганы, которые покрывают всю Южную Россию». Командир 2-го резервного кавалерийского корпуса генерал от кавалерии барон Д. Е. Остен-Сакен даже прислал в ООИД особую записку с предположениями о времени и «причинах устройства» курганов Новороссии. 14 марта 1840 г. общество просило керчь-еникальского градоначальника «о точном и подробном снятии на план вала Азандрова» и других древних земляных валов в Восточном Крыму, но тот сослался на отсутствие средств, поэтому 14 мая того же года действительный член С. В. Сафонов «вызвался взять сие поручение на себя».⁴¹

Постепенно обрисовался круг вопросов, изучаемых отдельными членами общества. С момента основания на плечи Н. Н. Мурзакевича легла основная тяжесть научно-организационной деятельности, и в истории ООИД, он, безусловно, сыграл выдающуюся роль.⁴² Николай Никифорович вел всю текущую переписку, редактировал «Записки»⁴³ (первые 12 томов), регулярно публиковал в них свои исследования о новых эпиграфических, нумизматических и археологических памятниках юга России, заведовал музеем общества. В Одессе он считался главным экспертом по нумизматике. Так, в 1841 г. военный поселенин 1-го кавалерийского округа Новороссийского военного поселения Андрей Карлашенко, копая ров в Новороссийске (гл. 16.2), нашел 16 древних монет и, в надежде на вознаграждение, представил их по начальству. Инспектор резервной кавалерии отправил находки к попечителю Одесского учебного округа, который поручил их определение Н. Н. Мурзакевичу. Монеты оказались древнеримскими серебряными: 8 чеканки Антонина, 2 Коммода, 1 Аврелия Вера, 3 Фаустины, 1 Юлии Домны, 1 неизвестная. По указанию Николая I монеты были направлены к министру двора кн. П. М. Волконскому, передавшему их для оценки специалистам Эрмитажа. По заключению

⁴¹ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 1, л. 19, 22 об., 29 об.; д. 2, л. 56 об., 62 об.; д. 158, л. 54 об., 65.

⁴² Саркастическая характеристика Н. Н. Мурзакевича приведена в «Археологической оде» (1870—1875) Е. Е. Люценко, относящаяся, правда, к последним десятилетиям жизни ученого:

... Пыхтя и весь в поту,
Изнемогающий от жира,
Стоит с сигарою во рту
На маковке горы — Сатира
Тот одессит-археолог,
Любитель пива и комфорта,
Который к ближним очень строг
И переспорит даже черта;
Но к каменным он бабам слаб:
Трудов и денег не жалея,
Он целый полк из этих баб
Поставил на дворе музея.
Пылая нежной страстью к сим
Мифологическим уродам,
Он не решил еще, каким
Принадлежат они народам.
Его пылливый занят ум
Лишь сими бабами — и только;
Конечно, из подобных дум
Не выйдет никакого толка.
Чужим заслугам не впопад
Усердно подводя итоги,
Теперь он пишет зауряд
Коротенькие некрологи
И прославляет тех особ
Интеллигентного застоя,
Которые попали в гроб
От старости и геморроя.

Когда-то в пользу убежден
Монетных и других собраний,
Музей в Одессе создал он
Из добродетельных подаяний.
Он не смущается, когда,
Выпрашивая вещи, книги,
Ему иные господа
В лицо показывают фиги.
Чего в музее этом нет!
В нем видны вазы и картины,
Статуи, книги и монеты
Истертых полные витрины.
«Записки Общества», меж тем,
В сравнении с прошлыми годами,
Давно уж наделели всем
Своими тощими статьями.
Хвала тебе, археолог!
Когда умрешь ты от удара,
Тебе напишут некролог
По выпискам из формуляра,
Исчислит все твои чины,
Кресты, мундирные нашивки,
Которые тебе даны
По недосмотру и ошибке,
Прибавя только на конце,
Что под корой семинариста
Ты совмещал в своем лице
Доносчика и карьериста.

Цит. по: ИТУАК. 1910. № 44. С. 71—72 (публикация А. И. Маркевича), с добавлениями из статьи А. И. Маркевича «Примечания к стихотворениям археологов» (ИТУАК. 1911. № 45. С. 70).

⁴³ Указатель статей, помещенных в I—XX томах Записок Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1898; Указатель статей, помещенных в I—XXX томах Записок Императорского Одесского общества истории и древностей / Сост. М. Г. Попруженко. Одесса, 1914.

столычных нумизматов памятник «оказались не имеющими нумизматического достоинства и потому не заслуживающими быть сохраняемыми в Эрмитажной коллекции». Волконский отправил монеты к министру финансов «для переплавки на Монетном дворе и употребления по его усмотрению», оставив просьбу о вознаграждении А. Карлашенко без внимания.⁴⁴ Такая практика отношения к дублетным нумизматическим памятникам была в то время обычной.

А. С. Стурдза представил список нарративных источников античной эпохи по истории Северного Причерноморья, перевод и издание которых был необходим в первую очередь. За переводы взялись младший учитель новогреческого языка гимназии при Ришельевском лицее, цензор Одесского цензурного комитета, впоследствии директор Одесского греческого коммерческого училища Михаил Григорьевич Палеолог (1800—1861), опубликовавший перипл Скилака и отрывки из Скимна Хиосского, и А. Ф. Панагидор-Никовул, издавший перипл Анонима⁴⁵ (последнему «по крайней бедности» общество периодически выделяло средства на существование).⁴⁶ Вопросы исторической географии Северного Причерноморья занимали А. Я. Фабра, интересовавшегося древностями Крыма и Тамани, нидерландского консула Я. В. Э. Тетбу де Мариньи, Ф. К. Бруна и П. В. Беккера.⁴⁷ Так, Тетбу де Мариньи в 1839 г. и 1846 г. предложил провести археологические исследования в Крыму «при с. Кошкой и Карабурну», у с. Джалар «в даче» г-на Шатилова, где, по его наблюдениям, сохранились остатки древних укреплений. Общество просило своих действительных членов Ашика и Карейшу проверить сведения на местности. В следующем году нидерландский консул выступил с предложением снять на план развалины Херсонеса и провести в них археологические поиски, но общество решило оставить его инициативу «без дальнейших последствий». В 1843 г. и 1845 г. Э. В. Тетбу де Мариньи обратил внимание общества на древности восточного побережья Черного моря (гл. 16.1—2).⁴⁸ П. В. Беккер, как профессор латинской словесности и римских древностей Ришельевского лицея, издал ряд ольвийских надписей и занялся разработкой истории Тиры. Живший в Севастополе З. А. Аркас составил описание древностей Херсонеса и памятников Гераклеяского полуострова (гл. 12.1—2).⁴⁹

Одесское общество проводило большую работу по охране памятников Новороссии. В апреле 1840 г. в специальной записке Тетбу де Мариньи и Мурзакевич впервые поставили вопрос о керченских склепах, в частности о сохранении монументальных погребальных склепов Куль-Обы и Царского кургана, стоявших «без всякого присмотра» и охраны со времен раскопок 1830 г. и 1837 г. Авторы записки обратили внимание сочленов, что стены склепов размываются дождями, от постоянной сырости осыпаются и разваливаются. «Например, у Золотого кургана (Куль-Оба. — И. Т.) окраины, обложенные прочною и в архитектурном отношении чрезвычайно любопытною каменною одеждою, составленную из огромных каменных масс, с 1831 г. быв нарочно обваливаема неизвестными искателями кладов, повреждается с каждым годом более и более. Отверстие, через которое в 1831 г. в первый раз проникли искатели кладов, быв оставлено незамкнутым, с того времени увеличилось, а через него открылся свободный ток воды, которая, снося с собою землю, наполняет ею внутренность гробницы до такой степени, что теперь занесена до половины». В Царском кургане, склеп которого был исследован Карейшей в 1837 г., жители зачастую держат скот, а дромос постепенно разбирают на камень. «Искатели древностей делали по сторонам этого кургана разновременно многократные поиски в надежде сделать новые открытия, но попытки их кончились нанесением кургану значительного вреда. Тронутые бока кургана, осыпаясь с каждым годом больше и больше, скоро обнажат вершину и бока гробницы, а чрез это камни..., держась тяготением насыпанной на них большой массы земли, лишась ее, могут развалиться. Тогда и местная археология, и Керчь лишатся лучшего своего ученого достоинства и достопримечательности». Тетбу де Мариньи и Мурзакевич выступили с предложением «починить» каменные своды и

⁴⁴ РГВИА, ф. 405, оп. 4, д. 3281, л. 1—4.

⁴⁵ Перипл Скилакса Кариандского (греческий текст с русским переводом) / Пер. М. Г. Палеолога // ЗООИД. 1853. Т. 3. С. 130—134; Скимна Хиосского отрывки / Пер. М. Г. Палеолога // Там же. С. 135—143; Безымянного перипл Понта Евксинского и Меотийского озера / Пер. А. Ф. Панагидор-Никовула // ЗООИД. 1848. Т. 2. Отд. 1. С. 232—244.

⁴⁶ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 1, л. 23 об., 74.

⁴⁷ Там же, л. 11 об., 37, 46.

⁴⁸ Там же, л. 11 об., 52 (протокол от 14 марта 1840 г., п. 13), 126 об.; д. 2, л. 7—7 об., 41.

⁴⁹ Там же, д. 44, л. 4—4 об.

«назужную каменную службу» Куль-Обы, поставить у входа обитые железом двери и привлечь к этой работе керченскую арестантскую полуроту, а также обеспечить частые объезды памятников директором Керченского музея древностей, который на эти цели с ноября 1839 г. получал по 25 р. ассигнованиями в месяц.⁵⁰ Но ситуация не улучшалась, поэтому общество вновь и вновь ходатайствовало об охране склепов в 1841, 1846, 1860, 1864—1865 гг.⁵¹

По запросу ООИД 3 мая 1841 г. М. С. Воронцов распорядился «строжайше» наблюдать за «целостным сохранением остатков древностей» в Керчи, Феодосии и Судаке керченскому градоначальнику, членам феодосийской полиции и земскому исправнику под их личную ответственность. В письме З. С. Херхеулидзева генерал-губернатору подчеркнуто, что, несмотря на запреты, памятники, главным образом гробницы, «разрушаются людьми невежественными и алчными к добычам» и что градоначальник не в состоянии «решительно придумать надежного средства к охранению их» от повреждений, хотя и приказал полиции «усугубить надзор за целостным сохранением древностей» в окрестностях Керчи: «Полиция принимает всевозможные меры к открытию и преследованию нарушителей закона, но поиски ее... остались безуспешными, как по тому, что курганы разбросаны на довольно большом пространстве, так и потому, что расхищение гробниц производится в ночное время и с большою осторожностью. [...] Если делать двери или железные решетки при входах хотя важнейших гробниц, то и это непрочно: ибо дерево, железо и даже камень — все расхищается. Части свода кургана Царского повреждены не жителями окрестных хуторов..., а через него вошли в эту гробницу при открытии ее. Для воспрепятствования входа скота в сию гробницу другого средства нет, как построить при начале галереи особый вход, по которому скот не мог бы пробираться вовнутрь гробницы; но я не исполнил сего и не могу исполнить этого за неизмением на сей предмет сумм».⁵² В 1859 г. ООИД вновь обратилось к керченскому градоначальнику и директору музея с просьбой принять меры к охране уникальной гробницы на Глиннице, откуда местные жители добывали глину и ломали камень для своих нужд.⁵³ Аналогичные просьбы общество неоднократно направляло главному командиру Черноморского флота М. П. Лазареву об охране руин Херсонеса и запрещении грабительских раскопок на его городище (1845, 1851; см. гл. 12). Однако, несмотря на все усилия ООИД, положение практически не менялось к лучшему.

Хотя общество имело право производства раскопок по всему югу России, из-за нехватки средств его раскопачная деятельность оставалась ограниченной. С целью проведения раскопок в общество привлекались новые действительные члены и члены-корреспонденты — чиновники местной администрации, помещики, военные, зачастую проводившие работы на собственный счет. Обществом были проведены исследования на о-ве Фидониси (гл. 10.1), в Ольвии (1846 г., Н. Н. Мурзакевич, см. гл. 10.3), Феодосии (1852—1853 гг., Е. Ф. де Вильнев, И. Карамурза, И. К. Айвазовский),⁵⁴ Керчи (1843—1844 гг., М. А. Кологривов, М. И. Бларамберг).⁵⁵ Корреспондент ООИД М. И. Бларамберг в 1844—1845 гг. намеревался провести раскопки в Чуфут-Кале и Херсонесе, но из-за отъезда на Кавказ свое намерение не осуществил. Раскопки зачастую проводили совершенно случайные люди. Так, немецкий колонист Иоганн Генрих Зондереттер в мае 1849 г. обратился в ООИД с просьбой содействовать его раскопкам курганов, находящихся на земле колонии Петерсталь. В окрестностях Одессы по течению ручья Бараба, втекающего в Черное море, Зондереттер заметил раскопанные колонистами несколько курганов, в которых были обнаружены вещи и монеты римского времени. Общество ходатайствовало о разрешении раскопок в Попечительном комитете об иностранных поселениях для южного края России, чиновники которого ответили, что «препятствий для разрытия курганов нет». ООИД ограничилось просьбой Зондереттеру уведомить о ходе раскопок и пожеланием, что «точки разысканий могут указать местные соображения и показания колонистов».⁵⁶ Большинство археологов-любителей не утруждали себя составлением необходимой полевой доку-

⁵⁰ Там же, д. 52, л. 4—8 об.

⁵¹ Там же, л. 4—8 об., 62—62 об., 106—120.

⁵² Там же, ф. 1, оп. 151-1841, д. 72, л. 1—2 об.

⁵³ Юргевич В. Н. Исторический очерк... С. 58.

⁵⁴ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 3, л. 67, 74. Переписку и отчеты о раскопках см.: там же, л. 46.

⁵⁵ Бларамберг М. И. Археологические разыскания в Керчи // ЗООИД. 1850. Т. 2. Отд. 2—3. С. 815—820; ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 20, л. 20—50 об. Копию отчета о раскопках М. И. Бларамберга за вторую половину 1843 г. с перечнем находок см.: РА ИИМК, ф. 63, д. 5, л. 146—152.

⁵⁶ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 55, л. 123—124 об., 128, 130—131 об.

ментации, поэтому перед руководством общества с неизбежностью встал вопрос о выработке инструкции для раскопок.

М. С. Воронцов поручил обществу составить специальную инструкцию «для разрытия курганов и способа описания открываемых в них древностей». ООИД предложило А. Я. Фабру и Н. Н. Мурзакевичу написать проект этого важнейшего документа.⁵⁷ В октябре 1842 г. комитет в составе Д. М. Княжевича, Н. Н. Мурзакевича и действительного члена В. В. Григорьева начал заниматься составлением «правил для разрытия курганов». К тому времени ни один из членов комитета не имел опыта полевой археологической работы, поэтому «усмотрена была необходимость, прежде нежели что-нибудь в сем отношении постановлено будет, осмотреть производимые разрытия на месте, в натуре, чтобы тем с большею основательностью можно было об них судить». Летом 1843 г. В. В. Григорьев совершил поездку в Крым с поручением осмотреть производство раскопок на Керченском полуострове. Собранные сведения он представил комитету, и готовая инструкция была передана обществу на рассмотрение.⁵⁸

В архиве ООИД хранится перевод, выполненный Ф. К. Бруном, немецкой «Инструкции для раскопок», опубликованной Обществом истории и древностей мекленбургских (1840).⁵⁹ Несомненно, ее текст был использован при составлении «правил» Одесским обществом. Впервые правила были применены при раскопках поручика М. А. Кологривова в Керчи летом 1843 г., реально проводившихся М. И. Бларамбергом (см. документ № 19).⁶⁰ Дополнением к правилам может служить «Наставление, как надлежит поступать при открытии древностей» (1851), составленное Н. Н. Мурзакевичем для смотрителя училищ Тираспольского уезда Титгоновича, которого общество просило присутствовать при поисках «кладов» помещиком П. В. Вадиевым в урочище Гетманский колодезь близ Дубоссар (см. документ № 22).⁶¹

«Правила» и «наставление» — одни из первых образцов инструкций по производству археологических раскопок с научными целями. Ряд их требований сохранил значение и поныне, найдя отражение в позднейших руководствах. В обоих документах речь идет только о раскопках погребальных сооружений, так как внимание археологов того времени больше привлекали курганы как источники эффектных находок для пополнения музея общества. Обе инструкции написаны рукой Н. Н. Мурзакевича, которому принадлежала основная заслуга в их составлении. Среди задач археолога подчеркиваются необходимость топографической привязки к местности, составление обмерных чертежей, рисунков, планов, ведение дневника, фиксация стратиграфических разрезов, консервация и создание условий для хранения находок. Если в «Правилах» (1843) еще не регламентируется методика раскопок насыпи (п. 1), то в «Наставлении» (1851) дается совет небольшие курганы копать на снос, а большие — траншеей или миной (п. 1). Идея сноса насыпи кургана, безусловно, была заимствована Н. Н. Мурзакевичем у П. Дюбрюка и А. Б. Ашика (последний ссылался на эту методику как наиболее продуктивную еще в 1835 г.).⁶²

Однако сам составитель правил, секретарь ООИД Н. Н. Мурзакевич не посчитал нужным написать отчеты о собственных раскопках на о-ве Фидониси (1841) и в Ольвии (1846). В последующие годы общество не задавало мыслью о раскопках, но посылало своих членов в археологические поездки разведочного характера. Их проводили З. А. Аркас на Геракльском полуострове (1840—1850-е гг.), Я. В. Э. Тетбу де Мариньи на Боспоре и в Северо-Восточном Причерноморье.⁶³ С 30 августа 1852 г. «по всем предметам, относящимся до самого производства археологических розысканий и до находимых древних монет, оружия, сосудов и других вещей» ООИД обязано было согласовывать свои действия с гр. Л. А. Перовским.⁶⁴

Руководство обществом пыталось оказать влияние на А. Б. Ашика и Д. В. Карейшу с целью улучшения методики их раскопок, но безуспешно. Н. Н. Мурзакевич, заехав в Керчь в 1847 г. по дороге на Кавказ, со свойственной ему резкостью сказал керченским археологам, что они

⁵⁷ Там же, л. 158, л. 16 об., 24 об.

⁵⁸ Там же, л. 14 об.

⁵⁹ ИР ЦНБ, V, 622, л. 112—124 об.

⁶⁰ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 20, л. 20—21 об., 45.

⁶¹ Там же, л. 55, л. 171, 174—174 об., 177, 178—179.

⁶² РА ИИМК, ф. 6, оп. 1, д. 18, л. 82.

⁶³ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 44, л. 4—4 об., 10—10 об., 14, 20, 25—26 об.; д. 1, л. 11 об.; д. 2, л. 7—7 об., 9, 41.

⁶⁴ Там же, л. 55, л. 215.

«роются, как свиньи».⁶⁵ С неприязнью относившийся к Ашику и Карейша секретарь Одесского общества писал: «Занимающиеся официально этим серьезным делом Ашик и Карейша, не имея никакого понятия о систематических ученых раскопках древних гробниц и не получив необходимых для них инструкций от эрмитажного начальства, куда все керченские находки представлялись, дело это исполняли отвратительнейшим способом. Желая получить подарок или крест за находку, оба ретивые соперника наперерыв старались раскопать побольше курганов или, по крайней мере, начать раскопку и ею закрепить за собою права продолжения работ на месте. Лично они не присутствовали почти никогда, разве только в случае находки гробниц с вещами. Описания и рисунков на месте не делали, хотя при керченском музее имелся штатный рисовщик. Вещи двойные, тройные, четверные, по произволу помянутых господ, раздавались, кому им нравилось, или сбывались за границу. Так, у Фабра собралась большая коллекция ваз и разных керченских древностей и монет, одновременно поднесенных ему Ашиком. [...] Множество монет и золотых вещей Ашиком передавалось за границу, а частью мастерами золотых дел растоплялись в плавильном мешке. Множество глиняных предметов разбивалось на месте находок, когда оные не соответствовали видам кладоискателей. Руководителем всех курганных работ был отставной матрос Дмитрий и несколько других землекопов, усвоивших практический взгляд на нетронутые курганы. Курганные гробницы, образцы древнего архитектурного искусства, не только не сохранялись и не поддерживались, но, вследствие неизъяснимого равнодушия официальных кладоискателей, разбрасывались на городские постройки. Много мне труда стоило уговорить Ашика делать, по крайней мере, рисунки гробниц. Карейша не внимал ничему. У него и у Ашика я заметил большие запасы ваз, сосудов, вещей, монет, которые, лежа все в куче, служили магазином, из которого ежегодно отправляли в Эрмитаж вещи, сказывая в рапорте, что такие и такие-то вещи были в сем году отысканы там и там. Вазы, виденные мною в 1836 г., Ашиком представлялись в 1838 г., и т. д. Общество одесское попросило было попросить Ашика и Карейшу подумать о правильном способе вскрытия курганов; но они словесно, как истые чиновники, отвечали: «они не подчинены обществу (хотя и втерлись в число действительных членов) и потому не дадут никакого ответа». Только в этот раз керченские Эфеокл и Полиник и были единодушны в ответе. Князь Воронцов был завален военными делами на Кавказе, да и жалобы к нему мог парализовать гарпагон Фабр, керченский же градоначальник князь Херхеулидзе был в это время в руках сестры Ашика как адоратор».⁶⁶

Утверждение Н. Н. Мурзакевича и К. К. Герца, что Ашик и Карейша злоупотребляли доверием правительства, отпускавшего крупные суммы на раскопки, и продавали древности за границу, встретило возражение ряда исследователей.⁶⁷ Многие обвинения коллег, ревниво относившихся к керченским археологам, опровергаются сохранившимися в архивах документами, прежде всего иллюстрированными рапортами Ашика и Карейши, которые в 1840-х гг. поступали для изучения к Ф. А. Жило. Вопрос об охране от разрушения керченских склепов Ашик поднимал неоднократно в рапортах градоначальнику от 12 мая 1840 г. и 1 декабря 1842 г. Рассказ о «магазине» древностей, откуда якобы представлялись находки, просто фантастичен, так как работы Ашика и Карейши, помимо петербургских чиновников, постоянно контролировали керчь-еникальский градоначальник и администрация Новороссийской губернии, через которых осуществлялось их финансирование. Однотипные формы погребального инвентаря, в частности чернолаковой посуды, и неоднократно повторяющиеся сюжеты расписных ваз керченского стиля ставят под сомнение утверждение Мурзакевича. По протоколам заседаний Одесского общества известно, что и Карейша, и Ашик направляли в Одессу записки об открытых памятниках и отчеты о своих раскопках, которые осели в делах издательского комитета и большей частью остались неопубликованными.⁶⁸ В. В. Григорьев, командирован-

⁶⁵ Записки Н. Н. Мурзакевича // РС. 1888. Т. 59. № 9. С. 592.

⁶⁶ Там же. С. 586—587.

⁶⁷ Там же. С. 586; Герц К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. // Собр. соч. СПб., 1898. Вып. 2. С. 15; Люценко Е. Е. Ашик и Карейша // ИТУАК. 1907. № 40. С. 72—73; Кирилин Д. С. О роли и месте А. Б. Ашика в развитии отечественной скифо-античной археологии / Ин-т археологии АН СССР // Тез. докл. на сессиях, посвящ. итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972. С. 344—345.

⁶⁸ См., например: ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 1, л. 32 об. (протокол от 13 мая 1840 г., п. 4: Ашик ответил согласием присылать обществу рапорты о раскопках); л. 140 об. (протокол от 12 ноября 1843 г., п. 4: в общество поступили

ный ООИД в Керчь летом 1843 г. с целью «познакомиться с местностью керченских курганов и употребительными способами их разрытия», написал статью «О ходе и результатах керченских разрытий», зачитанную на заседании 19 декабря 1843 г., также оставшуюся неизданной из-за конфликта автора с Н. Н. Мурзакевичем.⁶⁹ Ни одна из работ Ашика так и не была напечатана на страницах «Записок» общества. Естественно, такое пренебрежительное отношение к исследованиям керченских археологов отбilo у них всякое желание направлять свои материалы в Одессу. Ашик, переехав в конце 1840-х гг. в столицу Новороссии, принимал активное участие в заседаниях общества, выступал с различными предложениями, которые, правда, большей частью были отвергнуты сочленами. Дистанцировавшийся от ООИД Д. В. Карейша не удостоился даже некролога на страницах его «Записок».

Да и сам образ жизни Ашика и Карейши вплоть до середины 1840-х гг. опровергает утверждение об их обогащении за счет казны и регулярной продажи ими древностей за границу. Многочисленные письма Ашика к М. С. Воронцову и к петербургским покровителям полны жалоб на плохое материальное положение и невозможность прокормить его многочисленную семью из-за скудного жалования директора. По свидетельству современников, непритязательный в быту Д. В. Карейша жил аскетом. Первые годы пребывания в Керчи он снимал комнату в доме чиновника по особым поручениям керчь-еникальского градоначальника Е. С. Коваленко и лишь много позднее приобрел собственный дом. «Карейша имел весьма красивую и представительную наружность, хорошо говорил и владел отлично пером, — писал Е. Е. Люценко. — Когда в Керчь приезжали граф Воронцов или другие высокопоставленные лица, Ашик и Карейша обыкновенно являлись к ним и, представляя найденные ими в курганах вещи, объясняли их историческое или научное значение, причем последний был так увлекателен в своих объяснениях, что эти лица только и обращались к нему с разными вопросами: Ашик же совершенно ступшеывался и принужден был молчать». Карейша «жил совершенным философом: в квартире его, из которой едва ли когда-нибудь выметался сор, были только: кровать, стол и стул, так что знакомые его или являющиеся к нему по надобности лица усаживались на его кровати или на подоконниках. Платье его никогда не чистилось, и он нередко являлся в общество в разорванных сапогах; но в то же время он не отказывал ни одному бедному в помощи, чем мог [...] Пылкий и неутомимый от природы Ашик, имевший большое семейство и получавший, по званию директора музея, самое ограниченное содержание, должен был прибегать постоянно к занятиям на стороне и даже, при случае, входить в небольшие казенные подряды и, следовательно, сталкиваться с разными темными личностями, которые... втихомолку распускали о нем разные небывлицы и в том числе, будто бы он в одной из гробниц горы Митридата нашел золотые курульные кресла какого-то босфорского царя и продал их за границу. Нашлись люди и даже одно высокопоставленное лицо, которое поверило этой нелепице и наводило справки об означенных креслах по разным заграницным музеям. Конечно, Ашик не был изъят от недостатков и слабостей, свойственных всякому человеку... но он был честный человек, и напрасно г-н Герц, основываясь на лживых рассказах рабочих и местных жителей, упрекает его в бездеятельности, небрежности и нечестности. [...] Интересно знать, чем руководствовался... почтеннейший профессор, желанием ли умалить заслуги этого труженика науки, посвятившего всю жизнь свою специальному изучению древностей здешнего края, или просто известным изречением, что суд простого народа есть суд Божий».⁷⁰

Весной 1848 г. начальник I Отделения Эрмитажа Ф. А. Жиль вместе с Д. В. Карейшей изучали рапорты последнего о раскопках 1830—1847 гг., сверяя их с подлинными вещами. «Я удостоверился, — писал Ф. А. Жиль, — что образ речи его, всегда простой, точный, основан на том, что он или сам видел, или в земле находил, и потому рапорты его о разысканиях керченских древностей, суть на моих глазах достоверные документы, которые будут весьма

две записки Д. В. Карейши, в том числе рапорт «о разрытии курганов возле Керчи и Тамани в 1842 и в начале 1843 г.» — единственная его работа, опубликованная в трудах общества: *Карейша Д. В.* Разрытия курганов возле Керчи и Тамани в 1842 и в начале 1843 года // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 609—620). В портфеле издательского комитета хранились статья Д. В. Карейши «Краткая записка о древних гробницах возле Керчи и о способе их отыскания», и перевод 19 гл. о генуэзцах в Крыму из труда аббата Одерико «Lettre Ligustiche», выполненный А. Б. Ашиком (ГАО, ф. 93, оп. 2, д. 1, л. 233, № 40, 42).

⁶⁹ ГАО, ф. 93, оп. 1, д. 1, л. 149.

⁷⁰ Люценко Е. Е. Ашик и Карейша. С. 70—71.

трапопценны для... подготавливаемого нами сочинения».⁷¹ В 1843—1844 гг. Ф. А. Жиль посетил большинство европейских музеев с античными собраниями и ни в одном из них не обнаружил «золотых вещей, которые... могли бы принадлежать Куль-Обскому или другим курганам окрестностей Керчи».⁷² В 1850-х гг. Л. А. Перовский разослал запросы в музеи Европы о находящихся там керченских древностях из раскопок А. Б. Ашика, но получил отрицательный ответ. Таким образом, утверждения Н. Н. Мурзакевича и К. К. Гёрца не могут служить доказательством продажи памятников боспорской археологии за границу, во всяком случае от лица официальных археологов.

Мурзакевич прав в том, что ни Кёлер, ни Оленин, ни Жиль так и не составили инструкцию для раскопок на юге России, поэтому методический уровень работ Ашика и Карейши не выдерживает критики. Жажда быстрых успехов заставляла керченских археологов постоянно перемещать раскопки с одного места на другое и вести их в нескольких пунктах одновременно. Недооценка «официальными гробокопателями» топографической привязки к местности изученных памятников привела к тому, что многие первоклассные погребения впоследствии оказались затерянными. Однако в том же можно упрекнуть и последователей Ашика и Карейши, в частности М. И. Бларамберга, К. Р. Бегичева и А. Е. Люценко. Отчеты о раскопках в Керчи в 1850-х гг., публиковавшиеся на страницах «Записок» Одесского общества, хотя и содержат полные записи работ, не дают точных указаний на место раскопок, что обесценивает их результаты.

По моему твердому убеждению дошедшие до нас *все без исключения* рукописные полевые отчеты (и иллюстрации к ним) Д. В. Карейши, А. Б. Ашика, М. И. Бларамберга, К. Р. Бегичева и др., несмотря на несовершенство методики их раскопок, дают возможность современным исследователям провести ретроспективные реконструкции ряда археологических комплексов первостепенной важности.⁷³ По количеству рапортов о раскопках можно представить интенсивность и масштабность работ на Европейском и Азиатском Боспоре в 1830—1840-х гг. Несмотря на то что ежедневные дневники работ не велись, отчеты предоставлялись Ашиком и Карейшей, как правило, за каждый месяц, треть или половину года. Только к концу 1840-х гг. рапорты стали поступать реже, что послужило поводом для упреков со стороны петербургского начальства. В отсутствие Карейши, периодически отлучавшегося в Петербург для доставки в Эрмитаж древностей, раскопки проводил его родственник, губернский секретарь Случановский (осень 1840—январь 1841) под надзором А. Б. Ашика.⁷⁴ На европейском берегу Боспора в конце 1830—1840-х гг. были открыты: подкурганный склеп на земле мирзы Кекуватского (Ашик, 1839, см. рис. 71),⁷⁵ двойной расписной склеп (Ашик, 1841, впоследствии затерян),⁷⁶ исследован Царский курган (Ашик, 1842; М. И. Бларамберг, 1844).⁷⁷ Если первоначально археологи сосредоточили свое внимание на раскопках некрополей Пантикапея, Нимфея, Мирмекия, то со временем в сферу их интересов попал Таманский полуостров, где глав-

⁷¹ АГЭ, ф. 1, оп. I-1848, л. 8, л. 35—35 об.

⁷² ДБК. Т. I. С. XXXIV.

⁷³ См., например: АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, л. 19: Дело о древних гробницах, открытых близ Керчи, и о вещах, найденных в оных. 10 февраля 1831—14 декабря 1837 гг. 575 л. (подлинники); оп. I-1838, л. 9, ч. 1, 2: рапорты Ашика за 1837—1842 гг.; оп. I-1848, л. 8, л. 3—5, 8—15 об.: копии рапортов Карейши о раскопках 1846—1847 гг. на Тамани, близ Керчи, в Херсонесе, и др.; РА ИИМК, ф. 6, л. 17: отчеты Ашика за 1833 г.; ф. 63 (3-е отделение Министерства Имп. двора), д. 5, 13: Приложение к делу о керченских древностях, содержащее в себе копии с донесений об археологических разысканиях в курганах в окрестностях Керчи (1830—1853); л. 9—11: Дела об издании ДБК (1841—1868); ф. 7, д. 11: копии отчетов, планов, чертежей и рисунков о раскопках 1830—1843 гг. в архиве А. Н. Оленина. См. также документы: РА ИИМК, ф. 14 (Строгановская комиссия), ф. 9 (Канцелярия Министерства уделов), ф. 6 (3-й стол Первого отделения Департамента общих дел МВД); ГАОС, ф. 150, оп. 1, л. 24, л. 91—94 об.: рапорт Ашика от 25 апреля 1838 г. о раскопках в Керчи, и др. См. также: Спасский Г. И. Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846. С. 127—138 (извлечения из отчетов Ашика за 1833—1838 гг.), 139—148 (извлечения из отчетов Карейши за 1842—начало 1843 г.).

⁷⁴ РА ИИМК, ф. 63, д. 5, л. 123, 169—169 об.

⁷⁵ Отчет см.: Там же, л. 95—98: список с рапорта директора Керченского музея керчь-еникальскому градоначальнику от 20 февраля 1839 г. № 11; ф. 7, д. 11, л. 286—293: то же, с рисунками находок; Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 192—193.

⁷⁶ АДЖОР. Текст. С. 346—375.

⁷⁷ Гайдукевич В. Ф. Боспорские погребальные склепы с уступчатым покрытием // Боспорские города. Л., 1981. С. 25—29.

ными объектами раскопок стали крупные курганы, как правило оказавшиеся ограбленными (гл. 15).⁷⁸

Огорченный бедным характером находок в окрестностях Керчи и на Тамани, Д. В. Карейша перенес раскопки в Херсонес (гл. 12), но ничего «замечательного» не нашел. Поэтому 2 июня 1848 г. он подал в Министерство Имп. двора подробную записку «О дальнейшем разыскании древностей на юге России» с предложением плана археологического обследования Новороссийских губерний.⁷⁹ Подчеркнув важность раскопок для пополнения Эрмитажа новыми нумизматическими находками и памятниками «древних искусств», Карейша с сожалением констатирует, что 17-летние раскопки привели «к иссяканию» таких античных центров, как Херсонес, Фанагория, Пантикапей: «Даже самая Пантикопея (Керчь), столь богатая прежде своими сокровищами, теперь, видимо, оскудела. Большая часть главных ее курганов разрыта уже, а в остальных нельзя ожидать ничего порядочного, за исключением находок случайных». Он обращает внимание на большое количество насыпей, которых еще не трогала рука археолога, — в Бессарабии возле реки Реут, в районах нижнего течения Днестра и Днепра, прежде всего в Мелитопольском и Александровском уездах, в степном Крыму и на о-ве Фидониси. Карейша являлся сторонником гипотезы, согласно которой Геррос Геродота находился в приднепровских степях между Никополем, Мелитополем и Екатеринославом — «там можно иметь большую надежду на открытие весьма любопытных и ученых предметов древностей, тем более что туда не проникали в XIII и XIV столетиях гекузцы, которые на побережьях Босфорского пролива расхищали древние гробницы...». Карейша призвал распространить раскопки на весь юг России, «ибо для правительства важно не то, чтоб разработки производились в одном или двух пунктах, но чтоб они были успешнее, обильнее и интереснее по значению отыскиваемых древностей».

Несомненно, мысль о расширении географии раскопок, необходимости проведения исследований в приднепровских степях и на Фидониси была навеяна Карейше публикациями в «Записках» ООИД. Идея покинуть Керчь возникла у Карейши и в связи с личными обстоятельствами — 15 февраля 1848 г. он женился на помещице Полтавской губернии, вдове штаб-ротмистра Анне Сергеевне Магденко (урожд. Голенищевой-Кутузовой) и таким способом приобрел довольно значительное состояние.⁸⁰ Но официальным предлогом для отъезда из Керчи археолог назвал ухудшение здоровья.⁸¹ В июне 1848 г. Николай I утвердил предложения Д. В. Карейши о переносе раскопок в Северо-Западное Причерноморье, а объем их финансирования определил в 1700 р. серебром в год из сумм Кабинета Его Имп. Величества. Местом жительства археолога была назначена Одесса, «находящаяся в середине курганов Бессарабских, Приднепровских и Крымских». В помощники ему был дан родной брат, губернский секретарь Николай Васильевич Карейша (р. 1822), выпускник Ришельевского лицея.⁸² Археологические исследования предписывалось начать прежде всего в Приднепровье, между Никополем и Екатеринославом, и на о-ве Фидониси, причем археологу предоставлялось право заключать условия с владельцами земель, которые представлялись на утверждение царя. При каждом откры-

⁷⁸ Герц К. К. Исторический обзор... С. 14—36.

⁷⁹ АГЭ, ф. 1, оп. I-1848, д. 8, л. 32—34.

⁸⁰ А. С. Магденко владела 2-этажным каменным домом в Полтаве стоимостью 12 тыс. р. серебром, с Сухоробковой в Хорольском уезде Полтавской губернии (613 ревизских душ крепостных, крупчатые мельницы на р. Поле, свеклосахарные и винокурные заводы), капиталом в сумме 14 280 р. Ее матери к тому же принадлежало родовое имение Голенищевых-Кутузовых в с. Куяновке Харьковской губернии (175 ревизских душ крепостных, селитряный завод). К моменту замужества у А. С. Магденко была дочь от первого брака Елизавета Ивановна (р. 1844). От брака с А. С. Магденко Д. В. Карейша имел детей: дочерей Софию (1849—1853, умерла от холеры), Ольгу (р. 1852), сына Сергея Демьяновича (1854—1934), с 1896 г. профессора Петербургского-Петроградского-Ленинградского института инженеров путей сообщения по кафедре железных дорог, который в свою очередь также имел сына Сергея (р. 1882). См.: РГИА, ф. 468, оп. 2, д. 347, л. 47, 53, 55—56, 60, 89 (благодарю за уточнения С. В. Зенько).

⁸¹ В своих донесениях П. М. Волконскому 1848 г. Карейша хлопотал о производстве его в следующий чин на должность «чиновника по особым поручениям 5-го разряда при Кабинете с наименованием вторым старшим чиновником особых поручений, или розыскателем древностей при Кабинете Его Императорского Величества». Из-за сырого климата столицы Карейша не стремился перевестись в Петербург, так как врачи запретили ему выезжать за пределы Южной России. Свои профессиональные болезни археолог приобрел во время раскопок — «иногда по несколько сот часов работал в древних гробницах среди сырого, наполненного зловредными миазмами воздуха», в 1841 г. и 1843—1844 гг. лечился более года за границей на минеральных водах, «прибегал к искусству парижских хирургов». См.: РА ИИМК, ф. 63, оп. 1, д. 18, л. 10—10 об., 35.

⁸² РА ИИМК, ф. 63, оп. 1, д. 18, л. 1—8, 23.

ти Карейше следовало составлять «верные снимки с гробниц и рисунки, в каком виде будут находиться в них древности», и их подробное описание; все находки отправлять в Петербург, «за исключением тех, которые Министерство двора признает не нужными».⁸³

В рапорте П. М. Волконскому от 20 декабря 1849 г. Карейша сетовал на невозможность получить от владельцев имений согласия на проведение раскопок курганов на их землях. В 1849 г. он перенес раскопки на казенные земли в Кучугурах близ Днепра у с. Каменки (Каменское городище), Большой Знаменки и Нижних Серогоз, в район Никополя, но ожидаемых «богатых» вещей не нашел. Им были обнаружены скифские «гробницы и катакомбы» с трупоположениями, а также «грубой работы глиняные урны» (в их числе клейменная амфора), что дало ему повод к предположению о родстве скифов со славянами.⁸⁴ Карейша заключил договор с 1 сентября 1849 г. на 10 лет с управляющим имением в Екатеринославской губернии надворным советником К. Э. Марком, согласно которому при находке золотых и серебряных вещей владелец получал за каждый предмет треть доли металла «стоимостью его вдвое», все прочие древности из железа, стекла, глины должны были доставляться в Петербург.⁸⁵ В 1851 г. археолог сообщил П. М. Волконскому, что предводитель дворянства Херсонского уезда отставной поручик Николай Васильевич Вертильях первым из местных помещиков предоставил ему право производства раскопок курганов на своих землях «без всякого в пользу его возмездия» и даже предложил своих рабочих. Для производства работ местными властями Карейше предоставлялись «неисправные в платеже государственных податей и повинностей... мещане».⁸⁶

В октябре 1852 г. министр уделов Л. А. Перовский направил разгневанное письмо в Кабинет императора о проведенной археологом и этнографом А. В. Терещенко ревизии деятельности Карейши, по результатам которой вывел заключение о «совершенной безуспешности археологических раскопок, производившихся на юге России с 1840 г. под наблюдением надворного советника Карейши». Ревизия показала, что «подведомственные ему работы производились без всякого порядка, оставались без надзора или прекращались вовсе, между тем как производитель их проживал в Одессе или у себя в деревне. Отпускаявшиеся на изыскания суммы расходовал он без соблюдения правил счетного устава, так что в течение 5 лет (с 1847 г. по 1852 г.) не представлял никакой отчетности, хотя доносил неоднократно, что отчеты будут своевременно доставляемы, выдавая деньги состоявшему при нем помощнику коллежскому секретарю Карейше, он не снабжал его шнуровыми книгами, почему сей последний предоставил при ревизии расходную тетрадь в значительном беспорядке». Император приказал немедленно уволить Карейшу со службы (указ об отставке от 28 октября 1852 г.). Но археолог пытался оправдаться, ссылаясь на тяжкую болезнь, полученную в 1852 г. при раскопках курганов на берегах Днепра и продолжавшуюся 1,5 года, которая «не позволила ему ни о чем заботиться», поэтому на основе двух медицинских заключений в сентябре 1852 г. он направил рапорт об отставке «по расстроенному здоровью». В феврале 1854 г. Карейша просил выдать ему аттестат о прошлой службе. Так как деньги на раскопки он получал из Кабинета ЕИВ, а выделенные на это средства за 1852 г. в сумме 233 р. 30 к. не вернул, петербургское начальство предписало керчь-еникальскому градоначальнику изыскать их «с имени Карейши, заключающегося в доме, состоящем в городе Керчи». Карейша писал, что прекратил раскопки «по неимению у меня денег на оплату землекопам и даже на покупку им продовольствия», просил позволить возместить задолженность из причитавшегося ему жалованья за 1852 г. и выслать 440 р. серебром для оплаты долга 20 рабочим. Он в конце концов добился своего: управляющий Кабинетом распорядился зачесть долг, выдать Карейше аттестат о службе и остаток жалованья в 393 р. 6 к. (выданы 19 марта 1855 г.). Но зарплата рабочим так и не была выплачена — согласно рапорту А. В. Терещенко, Карейша использовал при раскопках «несколько человек собственных крестьян, не способных к работе и даже не снабженных надлежащими орудиями».⁸⁷ Так бесславно закончилась блестяще начатая карьера Карейши, кото-

⁸³ ГАОО, ф. 1, оп. 216-1848, д. 71, л. 1—1 об.

⁸⁴ АГЭ, ф. 1, оп. I-1848, л. 8, л. 32—41 об.; РА ИИМК, ф. 63, оп. 1, д. 18, л. 39—41.

⁸⁵ РА ИИМК, ф. 1, оп. I-1859, д. 12, л. 7—8 (договор от 6 октября 1849 г.).

⁸⁶ Там же, ф. 63, оп. 1, д. 18, л. 39—40, 52—56, 70—75 об.; АГЭ, ф. 1, оп. I-1848, д. 8, 50 л.: О древних вещах, найденных в окрестностях Керчи и поступивших в Эрмитаж (включает опись памятников, найденных при раскопках Карейши «в городищах пантикапейских, фанаторийских, херсонесских, а также в Кучугурах близ Днепра», 1848—1853 гг.).

⁸⁷ РГИА, ф. 468, оп. 2, д. 347, л. 82—83, 89, 90, 95—96, 120, 122.

рый в ходе многолетних раскопок раскопав за счет казны в конце своей археологической деятельности все же не удержался от искушения спутать государственный и личный карман.

Переселившийся в Одессу А. Б. Ашик занялся научной обработкой результатов своих раскопок в Керчи и на Таманском полуострове. Археолог хотя и не имел специальной исторической подготовки, но приобрел значительный опыт полевой археологической работы и своими раскопками открыл замечательные памятники боспорской археологии, украсившие музеи Петербурга, Керчи и Одессы. С целью «углубить свои познания» в классических древностях А. Б. Ашик в 1841, 1842 и 1843—1845 гг. путешествовал по Италии и Австрии, где видел «некоторые мелочи, принадлежавшие бесспорно керченским курганам». Он поддерживал научную переписку как с отечественными, так и с зарубежными учеными, консультируясь с ними по вопросам художественно-исторической интерпретации и функционального назначения находок.⁸⁸

Еще в 1841 г. Ашик написал труд о керченских древностях «Отчет об археологических разысканиях, произведенных в 1828, 1829, 1834, 1837, 1840 и 1841 годах в Киммерийском Воспоре, с присоединением краткой истории города Керчи и известиях о керченских курганах, гробницах и древних развалинах, с планами, картами и рисунками», на 198 рукописных страницах в формате in folio. Рукопись была представлена автором по начальству с просьбой разрешить посвятить книгу императору и напечатать на счет казны. П. М. Волконский приказал рассмотреть рукопись Жилю, который положительно ее оценил, но высказал ряд критических замечаний, и в июне 1841 г. возвратил ее автору. С тех пор Ашик и Жиль поддерживали переписку, продолжавшуюся до 1852 г.⁸⁹ О своем намерении представить свою рукопись с рисунками в Одесское общество истории и древностей Ашик поставил в известность сочленов еще в сентябре 1841 г.⁹⁰

В октябре того же года М. С. Воронцов вновь обратился к министру двора с просьбой поддержать публикацию исправленного текста Ашика, одновременно ходатайствовал о производстве автора в следующий чин и денежном вознаграждении за археологические труды. Рукопись была направлена министру народного просвещения, затем препровождена для заключения о целесообразности ее публикации в Академию наук. Рецензентами были назначены академики Ф. Б. Грефе и П. И. Кёппен. В архиве последнего сохранились постраничные рукописные замечания и критические отзывы двух академиков от 6 апреля 1842 г.⁹¹ Из них известно, что очерк Ашика включал предисловие, главу 1 «Краткая история г. Керчи», главу 2 «Краткое исследование о местоположении древних греческих колоний на Таманском полуострове», главу 3 «О древних развалинах и валах, существующих на Керченском полуострове», главу 4 «О керченских курганах» со сведениями о раскопках Куль-Обы и работах 1828, 1829, 1834, 1837, 1840 и 1841 гг.

В своем отзыве Грефе упрекнул археолога в недостаточном знании классических языков, искажении цитат из античных авторов, ошибках в воспроизведении надписей, плохом знании древней истории и, как следствие, в поверхностных и неверных историко-археологических интерпретациях. Кёппен отнесся к этому труду значительно снисходительнее, представив лишь постраничные замечания. И все же оба академика высказались за издание рукописи на счет казны с учетом высказанной критики, отметив, что «самая слабая» часть труда — археологическая и автору следует поработать над поправками и сокращениями текста. Но ни у Академии наук, ни у Кабинета ЕИВ, ни у новороссийского генерал-губернатора не нашлось средств на издание труда, и рукопись в 1842 г. вновь была возвращена автору. Вскоре Ашик уже напрямую обратился к императору, напомнив Николаю I о посещении им Керчи в 1837 г. По приказу царя рукопись в октябре 1842 г. опять попала к Ф. А. Жилю, который с апреля 1841 г. начал работу над «Древностями Боспора Киммерийского» и планировал завершить работу всего за полтора года. На эти цели из казны было выделено 5000 р. ассигнациями. П. М. Волконский интересовался, не может ли труд Ашика войти в это описание. Жиль ответил пространной рецензией, в которой указал, что археологические диссертации Ашика «не

⁸⁸ РО ИРЛИ, ф. 615 (А. Б. Ашик), д. 1-28; Письма к А. Б. Ашику / Публ. М. И. Семевского // ИРАО. 1877. Т. 8. С. 552—571.

⁸⁹ АГЭ, ф. 1, оп. 1-1841, д. 19: письма Ашика к Жилю о его раскопках в Керчи. ⁹¹ письмо за 1841—1852 гг.

⁹⁰ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 1, л. 66 об.

⁹¹ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 45, л. 35—38 об.

имеют достоинства в ученом отношении и сверх того наполнены ошибками», слишком полемичны по отношению к гипотезам Карейши, требуют значительного сокращения как минимум наполовину за счет «неверных объяснений». Жиль предлагал разместить описание раскопок по хронологии, начиная с 1821 г., и дополнить брошюру полевыми отчетами за 1833—1838 гг., в том числе Д. В. Карейши за 1831—1832, 1834, 1837, 1839—1841 гг. На прилагаемых планах он просил обозначить местные топонимы, упоминаемые в рапортах керченских археологов (Глинище, Булганак, Хаджи-Мошпай и т. п.), и места, занимаемые курганами. Таким образом, труд Ашика «составит полное историческое обозрение этих разысканий» и послужит дополнением к сочинению, которое готовит Эрмитаж. Сочинение Ашика, по мнению Жиль, «изобилует любопытными и поэтическими подробностями» и заслуживает быть изданным за счет казны с посвящением императору. «Наше сочинение (т. е. ДБК. — И. Т.), — писал Жиль, — должно иметь целью: объяснение систематического, исторического и археологического описания керченских древностей; следовательно... два сочинения, появясь вместе в свет, послужили бы одно объяснением другого и составили бы каждое нечто отдельное».⁹²

В марте 1843 г. исправленный текст был представлен Ашиком П. М. Волконскому. Рукопись Ашика состояла из 222 страниц «крупного письма» и составляла 7—8 печатных листов текста.⁹³ Она также была благоприятно оценена Жилем, который ходатайствовал об издании на счет казны (на публикацию, по оценке рецензента, требовалось не более 300 р. серебром). Хранитель Эрмитажа просил отпустить сумму непосредственно Ашику, чтобы автор сам издал книгу. Жиль направил новые критические замечания по тексту, обратив внимание на то, что в рукописи говорится о некоторых предметах, не упоминавшихся в официальных отчетах, приводятся противоречивые сведения о местах отдельных находок и т. п. Он просил уточнить местонахождение ряда погребений — «в которой стороне от города и в каком расстоянии».⁹⁴ Однако средств на издание в казне не нашлось, и в июне того же года Ашик представил дополненную рукопись в полное распоряжение Одесского общества истории и древностей вместе с планами и рисунками («А — с развалин, находящихся на земле помещика Гурьева, близ Камышбуруна: развалины эти принадлежат, вероятно, к древней колонии Нимфеи; Б — с развалин Акры близ горы Опук, № 1—5 — с древностей, открытых в 1842 г.; от буквы *a* до *p*, 15 рис. с разных древностей, находящихся в Керченском музее, как то: надгробных камней, ваз, статуй и пр.»). Труд был передан на рассмотрение издательского комитета ООИД,⁹⁵ но его рукопись мне обнаружить не удалось.

В мае 1844 г. Жиль вновь обратился к министру двора: «...Буде Ваша светлость изволите находить полезным, чтобы сочинение г-на Ашика не было издано особо..., то сочинение сие можно будет включить в состав изготавливаемого Эрмитажем описания керченских древностей и в предисловии к оному упомянуть об участии г. Ашика в сем издании... и поместить в сем последнем известие и о разысканиях, сделанных под руководством г. Карейши». П. М. Волконский сообщил Ашику, что его труд не может быть издан за казенный счет, но предложил включить его в состав ДБК. В письме от 8/20 ноября из Вены Ашик принял предложение министра двора, но просил возместить убытки за издержки на переписку сочинения, рисунки и т. п. в сумме 250 р. серебром: «Книга моя три раза была рассматриваема и три раза одобрена; три раза переделана, убавлена и дополнена... Если бы сочинение возвращено мне было при первом и даже при втором его разборе, то я не затруднялся бы в его издании: я мог уступить его журналистам за 750 р. серебром; но теперь, когда оно совершенно изменило свой первоначальный вид, когда все рисунки выкинуты и когда наконец оно может только служить по-

⁹² РА ИИМК, ф. 63, д. 7, л. 1—28 об.

⁹³ Французский перевод см.: АГЭ, ф. 1, оп. VI-M, д. 6: *Ouvrage de Mr Aschik traduit du russe en français: Histoire abrégée de la ville de Kertch* (p. 1—16); *Recherches sur l'emplacement des anciennes colonies grecques dans la presque île de Taman* (p. 17—36); *Notice sur les tumulus près de Kertch* (p. 37—45); *Notice sur les ruines d'anciens batiments et d'anciens remparts sur la prequ île de Kertch* (p. 46—56); *Relation historiques des fouilles 1821—1842* (p. 1—162). Французская рукопись по сравнению с русской, текст которой мне обнаружить так и не удалось, содержит добавления — сведения о раскопках кургана Патиньоти 1821 г. и раскопках 1833, 1835—1836, 1838—1839, 1842 гг., с указанием чисел начала работ. На полях рукописи — пометы рукой Жиль со ссылками на таблицы ДБК, где изображены находки.

⁹⁴ РА ИИМК, ф. 63, д. 7, л. 37—40.

⁹⁵ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 1, л. 135; д. 36, л. 3—3 об.

⁹⁶ РА ИИМК, ф. 63, д. 7, л. 44 об., 47, 50—51, 56.

собираю описание древностей Керченского музея под руководством статского советника Жилия, то сочинение мое не может уже принести мне той выгоды, которой я от него ожидал». В декабре 1844 г. затребованная автором сумма была выплачена.⁹⁶

По возвращении из-за границы осенью 1845 г. в Одессе Ашик издал небольшую брошюру о пантикапейской расписной катакомбе с литографированными рисунками А. Стефанского и посвятил ее М. С. Воронцову, оказавшему финансовую поддержку публикации.⁹⁷ Первоначально Воронцов приказал напечатать брошюру бесплатно, но по каким-то причинам этого сделать не удалось, и Ашику пришлось обратиться в частную типографию и издать книгу за собственный счет. Автор ходатайствовал перед петербургским начальством и ООИД в надежде получить субсидию,⁹⁸ и в феврале 1846 г. из Кабинета ЕИВ по распоряжению царя ему было перечислено 1000 р. серебром «на издание описания с рисунками открытой в Керчи катакомбы».⁹⁹

В том же году Ашик предложил градоначальнику З. С. Херхеулидзеву издать описания памятников Керченского музея с рисунками, причем расходы на книгу возложить на казну, а прибавить от продажи передать автору, т. е. директору музея. Князь посчитал инициативу полезной, но оговорился, что подготовка такого труда «не выходит из круга обязанностей» директора и рисовальщика музея, поэтому посчитал несправедливым продажу издания «обращать в пользу директора музеума».¹⁰⁰ Дело в том, что после 10 лет тесного знакомства отношения Ашика и Херхеулидзева резко испортились «из-за разногласий по вопросам чести», возможно связанных с сестрой Ашика, так что Антон Балтазарович в начале 1846 г. подал прошение об отставке с поста директора музея, которая, однако, не была принята М. С. Воронцовым (см. гл. 7.4).

Тогда Ашик представил императору «Записку об издании древних памятников, хранящихся в Керченском музеуме» от 2 марта 1846 г. «Чем ближе знакомимся мы с нашим отечеством, тем более видим, как мало знаем его, — писал Ашик. — Мы ездим в Италию и Грецию наслаждаться открытыми там памятниками; все более или менее имеют понятие о тамошних разрытиях и открытиях, а многим ли у нас известно, что все те памятники добываются и в почве земли русской; что и у нас есть свой Геркуланум, своя подземная Этрурия, свой музеум, богатый сокровищами древности. Результаты керченских открытий, несмотря на значение их в области истории и археологии, мало еще известны... Всякое сочинение о керченских древностях любопытно не только для записных антиквариев, но и для всякого образованного человека». Ашик подчеркнул, что среди памятников Керченского музея есть множество неизданных, «единственных в своем роде», описание которых не войдет в ДБК. Отдельное издание описания таких памятников было бы крайне полезно для науки. Не менее интересной была бы сводная публикация «палеографических» (эпиграфических) находок на Боспоре. При условии своей отставки с поста директора музея и перевода на службу за границу по дипломатической части (см. гл. 7.4) Ашик планировал закончить эти два труда за три года, а также завершить начатое им за границей сочинение «Прогулка русского по древним развалинам Италии». Он был уверен, что «никто лучше его не может издать... два сочинения о древностях Керчи, потому что он заведывает музеумом со дня его открытия, т. е. с 1826 г., и потому, что ему одному известно, где и как памятники были открыты — условие, необходимое при подобных описаниях».¹⁰¹

Не найдя поддержки в Петербурге, Ашик решил за свой счет издать трехтомный иллюстрированный труд о керченских древностях «Воспорское царство» в Одессе и разослал печатный лист с подпиской на него по России и за границу. Монография, стоившая 12 р. серебром, была призвана «исполнить» существенный недостаток исторических сведений о Веспоре, с приложением описания хранящихся в Керченском музее памятников, между ко-

⁹⁷ Ашик А. Б. Керченские древности: О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса, 1845. 47 с., 12 табл. (отрывок см.: Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1845. № 222. С. 175—182). Рецензия: Кёне Б. В. Отчет о сочинении А. Б. Ашика, под заглавием «Керченские древности: О пантикапейской катакомбе» // ЗПАНЮ. 1849. Т. 1. С. 89—124. См. также: Ашик А. Б. Керченские катакомбы // ЖМВД. 1845. Ч. 10. № 6. С. 400—408.

⁹⁸ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 36, л. 5.

⁹⁹ РА ИИМК, ф. 63, л. 7, л. 64.

¹⁰⁰ РГВИА, ф. 970, оп. 2, д. 455, л. 79—79 об.

¹⁰¹ Там же, л. 84—85 об.

торыми есть единственные в своем роде».¹⁰² В июне 1847 г. Ашик направил подписной лист известному поэту и мемуаристу, директору канцелярии Министерства Имп. двора В. И. Панаеву, который не мог взять в толк, как Ашик решился печатать книгу, если он согласился включить свою рукопись в состав ДБК. Автор разъяснил, что его труд является «совершенно новым сочинением» и издается по повелению М. С. Воронцова, что он «не имеет никакого сходства» с представленным Жилю, тем более что книга издается на русском и для русских, а не на французском языке и не предназначена для иностранных антиквариев. Изданные две первые части своего труда Ашик представил в Министерство Имп. двора в надежде на пособие от казны для издания третьей, так как в ней должно быть помещено около 200 литографий. П. М. Волконский предоставил книги Ф. А. Жилю с просьбой сверить их с рукописью, переданной в 1844 г. Ашиком в Эрмитаж. Жиль и Э. Г. фон Муральт пришли к заключению, что добавления сделаны только в 1-й, 3-й, 5-й, 7-й главах, остальной текст представляет собой выписки из рапортов Ашика о раскопках; многие рисунки заимствованы у Дюбуа де Монпере: «Все, что означено в тексте нового, может быть подвержено большому сомнению», — заключили рецензенты, тем не менее отметившие, что труд следует приобрести для библиотеки Эрмитажа. На основании этого отзыва П. М. Волконский и Л. А. Перовский, несмотря на ходатайство М. С. Воронцова, отказались просить императора «о пособии» Ашику на издание 3-й части книги.¹⁰³

Одновременно в марте 1848 г. Ашик обратился за содействием к Одесскому обществу истории и древностей: «Мне осталось окончить мое предприятие собственными средствами, но этого недостаточно. Литографирование рисунков, приложенных к 3-й части, производится довольно удовлетворительно в литографии Брауна. Работа эта обходится дорого, а все рисунки 3-й части будут стоить более 2 тыс. р. серебром... Без постороннего пособия я не могу окончить 3-й части, потому что не имею более никаких на это средств». Общество подписалось на 32 экз. сочинения, заплатив за них 320 р. серебром, но несмотря на это Ашик совершенно разорился, так как труд обошелся ему более чем в 6 тыс. р. серебром — на переписку текста, изготовление рисунков и пр.; только на издательские расходы к декабрю 1848 г. автор потратил 1200 р. серебром — «сумма, огромная для чиновника, живущего одним жалованьем», но книга расходилась «плохо» и крайне медленно. Однако в дополнительном пособии общество Ашику отказало.¹⁰⁴

«Без покровителей трудно подвизаться на археологическом поприще, — писал Ашик Кёпшену 5 декабря 1847 г., — у меня не только их нет, но, напротив, есть люди, которые, вместо того чтобы одобрить стремление человека к труду полезному, бескорыстному, — готовы на всяком шагу ставить преграды и утверждать, что все дурно и превратно. Однако не утратили меня их... действия. Думая, что каждый верный слуга своему отечеству обязан сделать то, что может, я принялся за сочинение, коего издание будет стоить около 6 тыс. рублей серебром. Я не имел в виду частной выгоды; но надеялся, что книга моя, по новизне своей на отечественном языке, найдет по крайней мере столько подписчиков, сколько нужно для покрытия расходов, на ее издание нужных. Ожидания мои не осуществились. Несмотря на все мои усилия, я едва успел собрать подписчиков на 126 экземпляров.¹⁰⁵ Число это никак не дойдет до 150. Между тем я обязан издать все три части сочинения. Таким образом я поставлен в самое крайнее положение».¹⁰⁶

После выхода третьей части «Воспорского царства» (1849) Ашик представил ее П. М. Волконскому и вновь безуспешно просил выделить компенсацию из казны, так как, по его словам, во время печатания влез в долги. В мае 1850 г. он опять просил 1500 р. на издание очередного своего опуса «Мои досуги», надеясь, что оно принесет ему «какую-нибудь выгоду, потому что оно относится к таким предметам, которые для публики вообще более интересны, чем сочинения

¹⁰² ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 158, л. 64 об.

¹⁰³ РА ИИМК, ф. 63, д. 7, л. 70—95.

¹⁰⁴ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 36, л. 12—12 об., 15, 23—25.

¹⁰⁵ В более позднем письме от 31 марта 1848 г. число подписчиков названо еще меньшим: «Подписка на это сочинение совершенно остановилась. Я едва успел иметь 113 подписчиков, а между тем издание вышедших двух частей стоило более 2 тыс. рублей серебром. На издание 3-й части я имею нужду по крайней мере в раздаче 300 экземпляров» (ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 6, л. 26 об.).

¹⁰⁶ Там же, л. 14—14 об.

о древностях». Только последняя, 14-я глава книги, была посвящена археологическим памятникам Новороссии, в частности описанию погребения с золотой маской 1837 г. Волконский написал на письме раздраженную резолюцию: «Как сие до меня не касается, то относился бы к министру народного просвещения». Назойливый Ашик вновь обратился к министру двора, ходатайствуя о распространении подписки на эту книгу в сумме 3 р. 50 к. серебром за экземпляр среди подчиненных Волконскому сотрудников, но Волконский резко отказал.¹⁰⁷

Тогда Ашик представил «Воспорское царство» на конкурс по присуждению одной из наиболее почетных научных наград своего времени — Демидовской премии, присуждаемой Имп. Академией наук (1832—1865). Несмотря на то что в литературных журналах мнение о сочинениях Ашика было положительным, автор безуспешно ждал одобрения столичных столпов археологии.¹⁰⁸ В письме Кёппену от 9 марта 1848 г. он не скрывал своего недовольства критическими рецензиями на его труды Б. В. Кёне и Ф. А. Жилия, гораздо позднее его занявшихся классической древностью юга России:

«Он (Кёне. — И. Т.) меня жестоко оскорбил своею критикою. Советы и поправки готов всегда принять от людей более или менее сведущих; но его критика сущая брань. Постараюсь полатиться с ним, коль скоро буду посвободнее. В наше время неприлично писать таким тоном, как он написал. Он еще очень мало известен в кругу ученых, чтобы позволить себе писать о ... предметах, которые не вполне ему известны. Я понимаю очень, отчего эти господа меня презирают. Я иду, однако, по своей дорожке спокойно. Найдутся люди, которые защитят меня. Я заслуживаю поощрения, а не порицания. Бог с ними. Посмотрим, кто из нас прав».¹⁰⁹

Очень скоро спекулятивный характер публикаций самого критика вскрыл академик А. А. Куник, который обвинил Кёне в отсутствии научного метода.¹¹⁰

В своем стремлении издать как можно больше изображений неизданных памятников в «Воспорском царстве» Ашик планировал увеличить число рисунков третьей части книги до 250—300 и в результате довел свое финансовое состояние до грани банкротства. Он просил Кёппена содействовать в получении одобрительного отзыва на книгу от Академии наук: его составление было поручено Ф. Б. Грефе, который, однако, от этого уклонился и переложил ответственность на близкого к Жилию Э. Г. фон Муральта.

«Вообразите..., что ходатайство князя Воронцова у министров о даче мне пособия для окончания моего сочинения не имело никакого успеха, — сообщал Ашик Кёппену. — Вместо того, чтобы обратиться в Академию для узнания о пользе сочинения, князь Волконский обратился с этим вопросом к известному приятелю моему г. Жилию, который отвечал, что мое сочинение есть не что иное, как повторение того, что написано в рукописи моей, которая имеет быть присоединена к сочинению, издаваемому Эрмитажем, под руководством г. Жилия, — и потому мне и отказано было в пособии. Всякая несправедливость оскорбительна, — но отзыв г. Жилия выходит даже из черты несправедливости — это просто желание сделать зло. Мое сочинение не имеет ничего общего с рукописью моею; кроме того, сочинение мое издается на русском языке, а сочинение г. Жилия на французском. Как бы то ни было, спорить бесполезно; надобно покориться судьбе. Горе в том, что моя 3-я часть, украшенная множеством рисунков, почти готова, — но для выручки его и для доплаты моих долгов мне нужно более 3 тыс. рублей серебром: все мое состояние не станет на это. Жду еще милости от князя Воронцова, — если и эта надежда не исполнится, то мне придется объявить себя несостоятельным. Пособите, если можете; пособие по крайней мере одобрительным отзывом — это дало бы мне право на пособие».¹¹¹

¹⁰⁷ РА ИИМК, ф. 63, д. 7, л. 113—121.

¹⁰⁸ См., например, рецензии на труды Ашика: 1) на брошюру «Керченские древности: О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками» (Одесса, 1845): Иллюстрация. 1846. Т. 3. № 36 (71). С. 569—570 (подпись: В. Ш.); ОЗ. 1846. Т. 49. № 11. Отд. 6. С. 19—23; Современник. 1846. Т. 44. С. 328—329; ОВ. 1847. № 8 (К. Зеленецкий); ЗПАНО. 1849. Т. 1. С. 89—96 (Б. В. Кёне); 2) на монографию «Воспорское царство» (В 3 ч. Одесса, 1848—1849): ОВ. 1848. № 8, 24 (о ч. 1); 1849. № 10 (о ч. 3, подпись К. Зеленецкий); ОЗ. 1848. Т. 57. № 4. Отд. 6. С. 67—68; Т. 58. № 5. С. 23—26; 1849. Т. 63. С. 1—8; Северная пчела. 1848. № 95, 115 (А. Сухарев, о ч. 1); 1849. № 42 (В. Класковский); С.-Петербургские ведомости. 1848. № 168 (Н. Савельев-Ростиславич); 1849. № 78; Москвитин. 1849. Ч. 2. № 5. С. 11—12; Современник. 1849. Т. 15. Отд. 3. С. 111—113; XVIII присуждение Демидовских наград. СПб., 1849. С. 247—266 (Э. Г. фон Муральт, на нем. яз.); Библиотека для чтения. 1850. Т. 104. № 11. Отд. 5. С. 1—44; ЗООИД. 1850. Т. 2. Отд. 2—3. С. 725—738 (Е. Шевелёв); 3) на книгу «Часы досуга, с присовокуплением писем о керченских древностях» (Одесса, 1851, откровенно компилятивное публицистическое сочинение, с посвящением кн. М. С. Воронцову): Современник. 1851. Т. 27. Отд. 5. С. 63—66; Сын Отечества. 1851. Т. 3. Кн. 5. Отд. 6. С. 8—9; Библиотека для чтения. 1851. Т. 109. Отд. 6. С. 1—9; ОЗ. 1851. Т. 76. № 5. Отд. 6. С. 14—17; Северная пчела. 1851. № 119.

¹⁰⁹ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 6, л. 27—27 об.

¹¹⁰ Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже: Очерк истории Мини-кабинета — Отдела нумизматики // НЭ. 1970. Т. 8. С. 153.

¹¹¹ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 6, л. 34—35: письмо от 2 августа 1848 г.

Доведенный до отчаяния Ашик писал Кёппену:

«Умоляю Вас самым горячим образом, спасите меня от банкротства, испросите от Академии пособие, если не существует, то по крайней мере письменное. Не заблуждаясь несколько насчет достоинства моей книги, скажу, однако, что она не хуже многих других подобных, и как после Вашего (Крыского. — И. Т.) сборника, она составляет первое явление в русской литературе, — то мне кажется, что по одному этому заслуживает поощрения».¹¹²

В итоге, по представлению рецензента Э. Г. фон Муральта, «Воспорское царство» не было удостоено Демидовской премии, а лишь почетного отзыва (1849).¹¹³

В книгах и статьях Ашика¹¹⁴ встречаются многочисленные ошибки, подмеченные еще современниками.¹¹⁵ К последним «по долгу критики надобно отнести все догадки и предположения автора, неподкрепленные никакими доводами, чего никак не терпят науки исторические».¹¹⁶ Все рецензенты сочинений Ашика отмечали их главный недостаток — многословие. Так, Жиль, Кёне и Муральт советовали ему ограничиться изданием точных рисунков и описанием обстоятельств находок древностей, не вдаваясь в исторические интерпретации, что позволило бы сократить текст на две трети объема. Биограф Ашика В. Яковлев, явно находившийся под влиянием только что изданных мемуаров Н. Н. Мурзакевича, книг К. К. Гёрца и разгромных рецензий столичных специалистов, спустя почти сорок лет после его смерти констатировал:

«Все сочинения Ашика представляют две совершенно противоположные стороны. Одна — обнародование памятников древности с довольно тщательно составленными рисунками, вполне заслуживает уважения и доставила автору справедливую признательность ученых... Если бы наш автор и ограничился только изданием открытых им и вообще проходивших через его руки древних памятников (как это советовали ему самые серьезные рецензенты его трудов гг. Кёне и Муральт), обращая все свое внимание на точность рисунков и ограничиваясь их простым описанием, труды Ашика, потеряв две трети своего объема, значительно бы выиграли в своем содержании. Но Ашик желал... дать вместе с изданием и научное толкование, определить значение издаваемых им памятников, для чего у него вовсе не было подготовки. Не зная классического греческого языка (новогреческий он, по-видимому, знал), совершенно не знакомый с научной литературой по классической археологии и вообще, можно сказать, без всякого научного образования, он с крайнею беспереборностью брался за решение историко-географических, нумизматических, эпиграфических и мифологических вопросов, встречавшихся при объяснении издаваемых памятников, причем делал целую массу самых непростительных ошибок, так что все объяснения его теряют всякое значение. Но мало этого, — Ашик во всех трудах своих не ограничивался только одним предметом исследования, т. е. керченскими памятниками, но прибавлял к ним еще обширные рассуждения и трактаты более общего содержания, например в сочинении «Керченские древности» мы находим очерк живописи древних, о древних языческих катакомбах вообще, о римских христианских катакомбах, а в «Часах досуга» он трактует о преимуществе гражданского образования новейших народов пред древними, об обществе в средние века... об упадке нравственности в западной Европе, о воспитании и т. д. Все рассуждения эти, представляя собою самую бесцеремонную компиляцию, а иногда почти дословные выписки... с фактической стороны переполненную непростительными ошибками, — поражают вместе с тем читателя большою претенциозностью и вместе с тем крайне ребяческими, а иногда совершенно непонятными воззрениями».¹¹⁷

Хотя критика современников во многом справедлива, в частности отмеченная склонность Ашика к графоманству и компиляциям без ссылок на источники заимствования, мы все же

¹¹² Там же, л. 36—36 об.: письмо от 24 августа 1848 г. См. также: Страдания русского археолога // Древняя и новая Россия. 1877. № 2. С. 214—215.

¹¹³ См.: Роспись отчетам о присуждениях наград и премий Имп. Академии наук, присужденных с основания конкурсов при ней по 1908 г. // Сборник отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Имп. Академией наук. СПб., 1912. Т. 3. С. 146; Мезенин Н. А. Лауреаты Демидовских премий Петербургской Академии наук. Л., 1907. С. 133.

¹¹⁴ Ашик А. Б. 1) Керченские древности // ОВ. 1838. № 47. С. 272—275; № 48. С. 584—586; № 50. С. 607—609; 1840. № 58. С. 255; № 59. С. 258—259; № 60. С. 263—264; 2) О новых открытиях древностей в Керчи // ЖМВД. 1838. Ч. 29. № 8. С. 44—57; 3) О вновь найденных древностях близ Керчи // ЖМВД. 1839. Ч. 31. № 1. С. 60—90; 4) Часы досуга, с присовокуплением писем о керченских древностях. Одесса, 1851; 5) Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазями, планами, картами и видами: В 3 ч. Одесса, 1848—1849. Нем. перевод: *Aschik A. Das Bosporische Kaiserreich mit seinen palaeographischen und Grabdenkmälern, bemalten Vasen, Plänen und Ansichten. Mit zahlreichen lithographischen Tafeln: 3 Bd. Odessa, 1848—1849.*

¹¹⁵ Кёне Б. В. Рец. на кн.: Ашик А. Б. Керченские древности... // ЗПАНО. 1849. Т. 1. С. 89—96; Шевелёв Е. Рец. на кн.: Ашик А. Б. Воспорское царство... // ЗООИД. 1850. Т. 2. Отд. 2—3. С. 725—738.

¹¹⁶ См. рецензию на кн.: Ашик А. Б. Воспорское царство... // Библиотека для чтения. 1850. Т. 104. № 11. Отд. 5. С. 43.

¹¹⁷ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1889. Т. 1. С. 891—892.

должны отдать ему должное за его усилия в области популяризации античных древностей Причерноморья, за вполне понятное стремление сократить разрыв во времени между археологическим открытием и его введением в научный оборот. Стоит напомнить, что книгами керченского археолога ученые пользуются до сих пор как первоисточником (хотя во многом несовершенным) сведений о многих раскопанных в то время памятниках. Современник Ашика профессор П. М. Леонтьев призывал к снисхождению в оценке трудов керченского антиквара: «Мы благодарим за то, что нам дают, и не требуем достоинств, невозможных в данном случае; благодарим же за сообщаемое тем более, что знаем, насколько больше заслуги в труде, совершаемом без необходимо нужных условий, перед обладанием познаниями, приобретенными без особенных усилий при правильном классическом образовании».¹¹⁸ Это высказывание с полным правом можно отнести ко всем трудам краеведов, объединившихся в ООИД.

Одесское общество истории и древностей стало достойным преемником Одесского археологического кружка. За 50 лет усилиями двух поколений исследователей в Одессе был создан крупный научный центр в области классической археологии Северного Причерноморья, а также первоклассное собрание античных памятников (см. гл. 7.1—2).

¹¹⁸ Леонтьев П. М. Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря // Пропаг.-лен. 1851. Кн. 1. С. 96.

ГЛАВА 7

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЮЖНОРУССКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ (1839—1861)

7.1. МУЗЕЙ ОДЕССКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ

Музей ООИД был создан одновременно с обществом, т. е. в 1839 г. В литературе приводились неверные даты его основания — 1843 г. и 1846 г.¹ Первыми экспонатами музея стали пожертвования членов-основателей общества — А. С. Стурдзы (47 греческих и римских монет, 2 статуэтки и 8 сосудов), Д. М. Княжевича (коллекция слепков с древних камней — около 400 экз.), М. М. Кирьякова (посвятительная надпись Ахиллу Понтарху на мраморе в 13 строк, найденная в 1833 г. в окрестностях Очакова, «на урочище Бейкуш», IPE, I², 137), Н. Н. Мурзакевича (торс Геракла из окрестностей Очакова, амфора, алабастр, 2 светильника и 1 сосуд из Ольвии), городского библиотекаря А. Ф. Спалы (49 древнегреческих и древнеримских монет). Эти памятники были представлены для обозрения членам общества на заседании ООИД 24 октября 1839 г.²

В соответствии с уставом общества 1839 г. одной из его целей являлось собирание, научное описание, хранение всех остатков древностей, «открывающихся в Южной России или имеющих к оной отношение».³ В речи президента Д. М. Княжевича 4 февраля 1840 г. ясно говорилось «об учреждении музея для хранения в подлиннике разных материальных остатков... Начало этому сделано (курсив мой. — И. Т.), но недостает помещения, где бы все это могло быть выставлено для пользы археологов».⁴ Помещение, остававшееся в собственности Одессы, было получено в том же году с помощью М. С. Воронцова — в центре города, «возле биржевого дома, неподалеку от Приморского бульвара». Проводились специальные работы по перестройке одноэтажного здания и его приспособлению для размещения коллекций. Общество использовало под музей арочную галерею, находившуюся между биржевым домом и таможенным спуском. На переделку дома в 1842 г. была получена ссуда в государственном заемном банке в размере 3950 р. и развернуто строительство по проекту одесского городского архи-

¹ Синицын М. С. Развитие археологии в Одессе // ЗОАО. 1960. Т. 1 (34). С. 10; Дзис-Райко Г. А. 150 лет Одесскому археологическому музею // МАСП. 1976. Вып. 8. С. 6. О музее см.: Григорьев В. В. [Заметка] // Москвитянин. 1842. № 1. С. 258—266; Юргевич В. Н. Краткий указатель музеев Имп. Одесского общества истории и древностей, 2-е изд., доп. и испр. Одесса, 1890 (на с. 1—11 — история музея); Данилов В. Одесский музей // ИВ. 1909. № 1. С. 264—267; Тураев Б. А. Описание египетского отдела музея Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1912. Т. 30. С. 72—90; Цомакион Г. К. столетию Одесского и Керченского археологических музеев // Висн. Одес. коміс. краєзнавства при Укр. АН. Одесса, 1925. Ч. 2—3. С. 81—84; Длажевський С. С. Одеський державний історико-археологічний музей // Український музей. Київ, 1927. Зб. 1. С. 195—211; Латышева Л. П. К истории египетской коллекции Одесского археологического музея // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского археологического музея, 1961 г. Одесса, 1963. С. 123—129; Одесский археологический музей АН УССР. [Альбом]. Киев, 1983.

² ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 1, л. 8 об.—9; оп. 2, д. 1, л. 19, 37, 69 об. (№ 1), 120.

³ Брун Ф. К. Одесское общество истории и древностей, его записки и археологические собрания. Одесса, 1870. С. 10.

⁴ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 1, л. 21 об.

татора Е. И. Торичелли (Torricelli). В 1843 г. строительство было завершено, и общество переехало в новое помещение, карнизы которого были расписаны художником Ковшаровым «по рисункам, снятым с керченских древностей».⁵

Уже 13 ноября 1839 г. общество обратилось к своему корреспонденту, штатному смотрителю Керченского уездного училища Афанасию Ивановичу Смоленскому с просьбой содействовать пополнению нумизматической коллекции монетами Пантикапея: «Монеты сии частью попадают в руках людей, совершенно не знающих им цену, приобретением оных для общества за весьма сходную цену, вы окажете оному особенную услугу. Вероятно, найдутся и такие ревнители просвещения, которые согласятся их пожертвовать обществу безвозмездно». Аналогичное обращение о приобретении греческих и римских монет было направлено в Бессарабию корреспонденту Ивану Александровичу Нелидову, с предложением выслать также сведения и рисунки «старинных зданий, крепостей, развалин, Трояновых валов» и т. п.⁶ За 1839—1840 гг. при ООИД был составлен целый Минц-кабинет, включивший 1586 нумизматических памятников, разделенных на 5 отделений: 1) греческие монеты, в том числе античных городов Причерноморья, — 453 экз.; 2) римские (республиканские и императорские) — 584; 3) русские — 140; 4) восточные — 217, а также 53 крымских; 5) новейшие европейские — 107 экз.⁷

Еще до переезда ООИД удалось заполучить в свой музей коллекции древностей, находившиеся в распоряжении морского ведомства в Николаеве. В 1840 г. в «Записке о монетах и древних мраморах, находящихся в Черноморской штурманской роте в Николаеве», секретарь общества Н. Н. Мурзакевич писал М. С. Воронцову, что «монеты сберегаются внимательно, но статуи и камни с древними надписями, не имея приличного и удобного помещения, от воздушных перемен сильно страдают». Н. Н. Мурзакевич предложил своим сочленам ходатайствовать о передаче николаевской коллекции в музей общества. М. С. Воронцов, как почетный президент ООИД, обратился с такой просьбой к главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу М. П. Лазареву и получил благожелательный ответ.

При посредстве Н. М. Кумани, избранного действительным членом ООИД, в 1840—1843 гг. в музей общества поступило 36 «статуй, барельефов и камней с древними надписями», в их числе IPE, I², 47, 98, 193, 229, 551.⁸ Правда, на ведомости памятников, отправляемых из Николаева, сохранилась карандашная помета Н. Н. Мурзакевича: «Все ли получено?.. Камни присланы без номеров, все перемешано в кучу».⁹ Не удовлетворившись этим, в 1846 г. общество просило о передаче в Одессу древних монет. «Монеты сии с большою пользою для ученых и любителей могут находиться в обществе, которое им непременно составит подробный ученый каталог, в копии могущий храниться при делах Штурманской роты», — писал Н. Н. Мурзакевич. По распоряжению управляющего Черноморской штурманской роты генерал-майора Ф. М. Шмелева, была создана комиссия из 5 человек для рассмотрения вопроса — «какие монеты, из хранящихся в ротном кабинете, не нужны для роты.., и.. какие можно передать в Одесское общество истории и древностей». Всего было передано 489 экземпляров античных монет — 1-я, 2-я, 3-я коллекции и «разные древние монеты, найденные в развалинах города (Херсонеса. — И. Т.)». ¹⁰ Таким образом, в Музей ООИД поступило практически все античное собрание Кабинета редкостей Черноморского депо карт и Черноморской штурманской роты в Николаеве.¹¹ Оно стало ядром, важнейшей составной частью одесского собрания.

⁵ Там же, л. 11 об.; *Разгон А. М.* Исторические музеи в России (с начала XVIII в. до 1861 г.) // ОИМД. 1963. Вып. 5. С. 241—242.

⁶ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 20, л. 4, 6—6 об.

⁷ Там же, л. 158, л. 9 об.—10.

⁸ Там же, д. 39, л. 2—2 об., 3—4, 5—7, 8—9; *Мурзакевич Н. Н.* Коллекция древних памятников, присланных из Николаева // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 636; *Тункина И. В.* Кабинет редкостей Черноморского депо карт // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991. С. 18—19.

⁹ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 39, л. 5.

¹⁰ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 4719, л. 1 об., 3, 4—8; ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 30, л. 26—29: «Каталог древним монетам, которые по мнению комиссии можно передать в Одесское общество истории и древностей» из Черноморской штурманской роты за подписью М. Б. Берха (монет серебряных — 29, медных — 394, свинцовых — 2, всего 425 экз.).

¹¹ Монеты нового времени остались в Николаеве. В 1859 г. управляющий Черноморской штурманской роты генерал-майор М. П. Манганарий поставил в известность ООИД, что из ящиков, где хранились золотые и серебряные монеты и медали, 20 июня 1859 г. было украдено 106 экз. монет и просил это учесть, если их будут предлагать к покупке обществу. В деле сохранилась ведомость похищенных монет (ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 55, л. 281—281 об.).

Рис. 84. Статуя римского военачальника II в. н. э. из собрания И. А. Стемпковского—А. Ф. Кобле; в 1840 г. или 1841 г. подарена музею ООИД майором А. А. Шостаком, ныне в ОАМ. Карандаш (НА ОАМ, инв. № 83180, л. 6. Публ. впервые).

Музейные коллекции общества пополнялись благодаря раскопкам. С о-ва Фидониси в 1839—1852 гг. было вывезено все, что только возможно, — мраморы с надписями, карнизы, черепица, расписная керамика, граффити, статуэтки, терракоты, 65 резных камней и т. п. (гл. 10.1).¹² Памятники поступали также из Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, Тамани, Анапы и других мест Причерноморья.

В 1847 г. общество добилось официального разрешения Министерства государственных имуществ о передаче ему древностей, найденных на казенных землях Новороссийского края, «которые не поступят в Санкт-Петербургские подобные хранилища»,¹³ а годом раньше — право получать дубликаты керченских древностей.¹⁴

Намереваясь издать свод всех античных надписей Северного Причерноморья, общество уделяло большое внимание сбору эпиграфических памятников (гл. 8.2). Местные помещики М. М. Кирьяков и А. Ф. Кобле передали в музей несколько ольвийских посвячительных надписей Ахиллу Понтарху (IPE, I², 137, 138, 142), а последний передал также известную статую римского военачальника (рис. 84);¹⁵ ольвийские лапидарные памятники подарили также хер-

¹² ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 174, л. 19 об.—20 об., 5—6; См.: Тункина И. В. К истории изучения острова Фидониси (Змеиный) в конце XVIII—середине XIX в. // ПАВ. 1992. № 2. С. 23—62.

¹³ Отчет ООИД с 14. 11. 1846 по 14. 11. 1847. Одесса, 1848. С. 10.

¹⁴ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 2, л. 36 об.

¹⁵ Там же, д. 174, л. 9 об.; ОАМ. Инв. № 50066. По другим данным, статуя ранее принадлежала И. А. Стемпковскому и в 1840 г. или 1841 г. была подарена обществу майором А. А. Шостаком (ГАОО, ф. 93, оп. 2, д. 1, л. 55 об., 69, № 3). Она не упомянута ни в одной из статей Стемпковского, поэтому ее причерноморское происхождение маловероятно. В литературе этот памятник неверно атрибутируется как найденный на берегу Днестровского лимана у Тирь и поступивший в музей около 1884 г. (Одесский археологический музей АН УССР. Киев, 1983. С. 57,

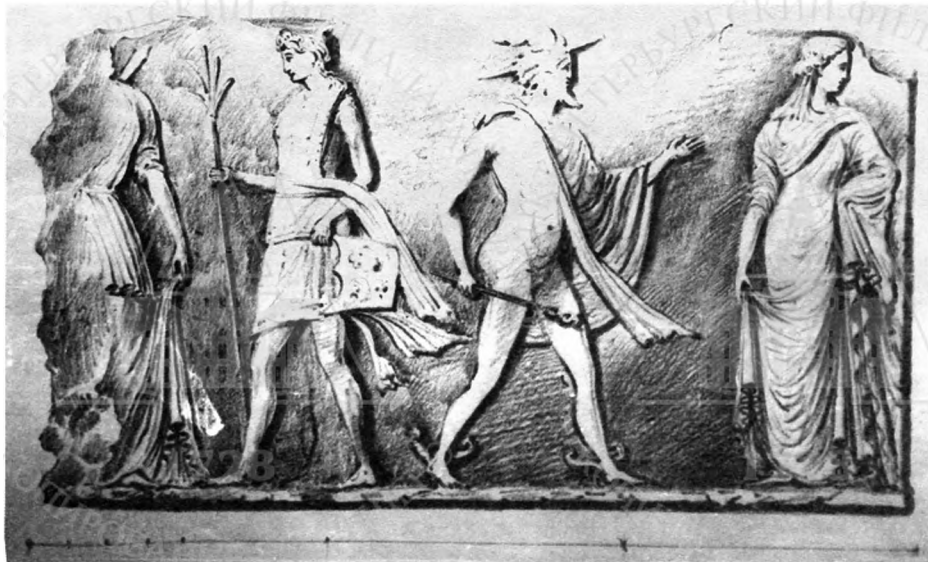

Рис. 85. Храмовый фриз с изображением шествия богов (Артемида, Аполлон, Гермес, нимфа Киллена (?), из Пантикапея. Дар керченского протоиерея Д. Карлича музею ООИД в 1840 г. Карандаш (НА ОАМ, инв. № 83180, л. 4. Публ. впервые).

сонский помещик, впоследствии известный коллекционер И. И. Курис, Е. А. Касинов, маркиз А. Ф. Паулуччи,¹⁶ а керченский протоиерей Д. Карлич и архиепископ Херсонский Гавриил — мраморную «колонну» с латинской надписью¹⁷ боспорского происхождения (КБН 46), хранившуюся при церкви Иоанна Предтечи в Керчи, и известный пантикапейский храмовый фриз (рис. 85).¹⁸ В 1846 г. через Попечительский комитет о колонистах южного края России в музей поступили шесть камней с латинскими надписями (IPE, I², 1), найденными в 1840 г. в Бессарабии близ с. Карсталь (Картал, ныне Орловка, Измаильского района Одесской обл.), изданные Н. Н. Мурзакевичем.¹⁹

В апреле 1840 г. генеральный консул России в Валахии и Молдавии В. Титов через М. С. Воронцова передал в дар ООИД «описание разных золотых вещей, приобретенных недавно Бухарестским музеем», среди которых выделялись «чаша с изваяниями и кольцо с надписью, доселе неразобранною, откопаны близ старинного укрепления Истрицы», записку о них, составленную директором Валахских училищ и музея г-ном Поенака с литографиями, и рисунки найденных в Валахии «двух медных досок, памятник римских легионов».²⁰

Целые серии вещей поступали от частных лиц. В 1840 г. музей пополнился коллекцией древностей, собранной русским консулом в Смирне С. Ю. Дестунисом и подаренной им обществу, а также собранием гипсовых оттисков с резных камней (около 3000 экз.), поднесенных камер-юнкером Имп. двора В. Н. Репниным. В декабре 1841 г. за 86 р. серебром была

173—174. № 100). Дата находки опровергается тем, что изображение этой статуи II в. н. э. имеется в альбоме древностей, принадлежащих ООИД (НА ОАМ, инв. № 83180, л. 6), который был составлен в 1846—1850 гг. Неверные сведения о месте и времени находки перекочевывают из публикации в публикацию, см. например: *Фурманская А. И. Античный город Тира // Античный город. М., 1963. С. 50; Соколов Г. И. 1) Античное Причерноморье. Л., 1973. С. 158. № 173; 2) Ольвия и Херсонес (ионическое и дорическое искусство). М., 1999. С. 221—223. Ил. 141—142; Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 115, 120—121. Рис. 37; Сон Н. А. Тира римского времени. Киев, 1993. С. 120.*

¹⁶ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 1, л. 10 об.; д. 174, л. 9 об.—10; оп. 2, д. 1, л. 49—59, 63—64.

¹⁷ Там же, д. 1, л. 27 об.

¹⁸ Там же, д. 174, л. 9 об.; ОАМ, инв. № 50037.

¹⁹ Мурзакевич Н. Н. Открытие древностей близ селения Картал // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 627—628.

²⁰ ГАОО, ф. 1, оп. 150-1840, д. 28, л. 1—3.

приобретена коллекция из 300 монет полковника И. П. Псомаса.²¹ Не менее ценными оказались вещи из коллекции И. П. Бларамберга, переданные в ноябре 1842 г. из Одесского городского музея древностей — 9 древнегреческих надписей, 5 скульптур и «гранитный столб для причала судов». В мае 1845 г. вдова А. Ф. Ланжерона графиня Елизавета Адольфовна (урожд. фон Бриммер) передала в дар ООИД «две золотые статуйки и такую же маленькую вещицу, найденную в 1823 г. при разрытии тюмюлуса (кургана. — И. Т.) близ Керчи в бытность мою там» (речь идет о кургане Патиньоти 1821 г.).²² Остатки коллекции П. А. Дюбрюкса были приобретены у его сына; за 200 р. куплено собрание древностей керченского купца 1-й гильдии Федора Сазонова, и в мае 1845 г. за 1200 р. серебром с рассрочкой на 6 лет — большая коллекция ваз и других древностей у анонима (первоначальная цена составляла 1700 р. серебром).²³ В воспоминаниях Н. Н. Мурзакевича продавец указан — это «гарпагон» А. Я. Фабр, член-основатель общества. Его собрание в основном состояло из древностей, разновременно подаренных А. Б. Ашиком и, по утверждению Мурзакевича, происходивших из раскопок директора Керченского музея.²⁴ 14 февраля и 18 августа 1844 г. Фабр передал в дар обществу «древнеегипетского бальзамированного ибиса» и «камень из кургана». В октябре 1846 г. музей пополнился коллекцией дублетных боспорских древностей из Керченского музея.²⁶

Фактическим руководителем музея общества с самого начала стал секретарь ООИД Н. Н. Мурзакевич. В 1842 г. на него было возложено описание всех поступающих в музей древностей и монет, «заведование миш-кабинетом», а в 1846 г. — составление каталога музея с рисунками и «очерками». Он должен был состоять из 6 разделов: 1. Древнегреческие памятники, найденные в развалинах Ольвии, Алектора, Херсонеса, Феодосии, Пантикапея и др.; 2. Римские памятники из Бессарабии; 3. Генуэзские древности; 4. Турецко-татарские памятники; 5. Запорожские памятники; 6. «Собранные в разных странах, у разных народов».²⁷ 17 октября 1847 г. Мурзакевич представил сочлаенное описание музея и 9 рисунков древностей. Общество постановило издать каталог в количестве 300 экземпляров форматом в 8-ю долю листа. 31 марта 1850 г. автор продемонстрировал еще 12 «очерков с древностей, хранящихся в музее общества, описание которых он составляет... Означенные рисунки... будут содержать очерки всех находящихся в обществе статуй, барельефов, ваз, некоторых вещей и портретов», а также «краткий объяснительный текст».²⁸ В фондах Одесского археологического музея НАН Украины хранится альбом «Рисунки Одесского общества древностей» в несколько иной манере исполнения, чем уже упомянутый альбом К. Боссоли с изображениями древностей городского музея. Здесь представлены карандашные рисунки мраморов, надписей и других памятников с указанием масштаба (всего 26 листов рисунков, остальные листы вырезаны).²⁹ Автором рисунков, по утверждению А. Л. Бертъе-Делагарда, был Карл Боссоли.³⁰ Однако в путевых записках А. С. Уварова 1848 г. говорится, что Н. Н. Мурзакевич в то время готовил к изданию «полное описание музея с рисунками, делаемыми г-ном Попандопуло»,³¹ которое так и не вышло в свет. Вопрос об авторе рисунков — Попандопуло или К. Боссоли — скорее всего решается в пользу первого. Составляя по памяти в 1881 г. первое издание каталога карт и рисунков ООИД, позднее использованное А. Л. Бертъе-Делагардом, Н. Н. Мурзакевич, вероятно, перепутал даты создания и авторов рисунков двух похожих альбомов — памятников городского музея и музея ООИД, что и послужило причиной позднейших ошибок.

²¹ Там же, ф. 93, оп. 1, д. 1, л. 69 об.—70; оп. 2, д. 1, л. 268—273 об.: «Роспись древностям, полученным от г-на Дестуни, которые доставлены чрез г-на Рафтопуло... октября 1840 г.». Автограф А. Ф. Панагидор-Никомула.

²² Там же, д. 2, л. 17; д. 30, л. 14.

²³ Там же, д. 2, л. 13, 15 об.

²⁴ Там же, д. 174, л. 8; д. 2, л. 13—13 об., 15 об.—16; Записки Н. Н. Мурзакевича // РС. 1888. Т. 59. Кн. 9. С. 586.

²⁵ ГАОО, ф. 1, оп. 154-1844, д. 94; ф. 93, оп. 1, л. 172, л. 21, 23.

²⁶ Там же, ф. 93, оп. 1, д. 30, л. 31—32: «Опись древним вещам, отправляемым из Керченского музея древностей в Одесское общество истории и древностей» (1 октября 1846 г., за подписью К. Р. Бегичева).

²⁷ Там же, д. 158, л. 53.

²⁸ Там же, д. 2, л. 65 об.; д. 3, л. 3; оп. 2, д. 1, л. 215, 223—229: литографированные таблицы к каталогу музея.

²⁹ НА ОАМ, № 83180.

³⁰ Бертъе-Делагард А. Л. Каталог карт, планов, чертежей, рисунков, хранящихся в музее Имп. Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1888. С. 44.

³¹ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 192, л. 19 об.

Насколько быстро пополнились музейные фонды, свидетельствуют такие цифры: в 1841 г. в музее числилось 10 камней с надписями, 10 статуй, 22 керамических сосуда, включая амфоры, 8 «лампы», 10 небольших статуек (терракот?), 19 «прочих мелких вещей», 4 барельефа; в Минц-кабинете находились 453 древнегреческие и 584 римские монеты;³² в 1852 г. — 16 греческих и 4 римские надписи, 3 статуи, 9 горшков, 132 глиняных и стеклянных сосуда, 36 ваз из Геркуланума и Помпей, сосуды из Пантикапея — 71, Ольвии — 17, Херсонеса — 2 экз.; различных мелких предметов из металла, кости и глины — 123 экз., до 3000 слепков с гемм, коллекция древностей с о-ва Левки — 50 «резных камней из колец», 65 мелких вещей, а в Минц-кабинете 10 288 монет (32 золотые, 2961 серебряная, 7295 медных и свинцовых).³³

Краткая характеристика музея дана Н. Н. Мурзакевичем в статье, опубликованной анонимно в «Новороссийском календаре на 1851 год».³⁴ Иллюстрированный каталог музея ООИД так и не был издан. Мурзакевич описывал «разнородные памятники по частям», причем к описанию планировалось приложить «очерки самих памятников». К 1850 г. были изготовлены 18 литографированных таблиц.³⁵

Общество не ограничивалось сбором исключительно античных памятников, хотя они составляли наиболее ценную часть его коллекции, и стремилось получить египетские, литовские, славянские и другие древности.³⁶ Усилиями Н. Н. Мурзакевича в общество поступило множество «каменных баб»: сначала две (1848), затем пять статуй (1849) прислал директор Таганрогской гимназии Я. С. Флоренсов (1848); четыре (1849) и две (1850) каменные бабы отправил в Одессу екатеринославский гражданский губернатор А. Я. Фабр.³⁷ Общество просило приложить «краткое уведомление о том, где именно они найдены, на каких курганах, в каком точно положении, не были ли разрыты такие курганы и что в них оказалось», а также при- слать копию сведений о каменных бабах, представляемых в МВД по запросу Академии наук (1844).³⁸

Как и в 1840-е гг., общество стремилось включить в свое собрание памятники, найденные в Новороссии и хранившиеся в других учреждениях юга страны. В 1849 г. библиотека при кавказском наместнике князе М. С. Воронцове передала 29 древних монет. В 1852 г. действительный член Н. Вертильяк передал в дар обществу медные и серебряные монеты из Ольвии и найденные в разных местах на левом берегу Буга и Бугского лимана, одну серебряную и три медные, обнаруженные на левом берегу Днепра близ с. Знаменка Таврической губ.³⁹

После передачи руководства всех археологических исследований в России гр. Л. А. Перовскому на заседании 28 ноября 1852 г. общество постановило: «Для возведения Музеума общества на подлежащую ему степень важности, испросить, чрез посредство М. С. Воронцова у министра уделов гр. Л. А. Перовского разрешение, чтобы впредь все древние вещи, монеты и пр., находящиеся в керченских курганах в двойном, тройном и иногда большем числе, были передаваемы для хранения, кроме Керчи, в Музеум общества».⁴⁰ В результате в 1853 г. целая серия вещей из золота, бронзы, железа, кости, стекла, алебаstra поступила из Керченского музея. В том же году из Ришельевского лицея в музей была передана коллекция древних монет. Крупным пополнением фонда стала передача в ведение ООИД Одесского городского музея древностей в 1858 г.⁴¹ С объединением двух собраний музей общества стал одним из крупнейших археологических музеев России, который «по богатству предметов, происходящих из греческих колоний на северном побережье Черного моря, занимал первое место после Эрмитажа».⁴²

³² ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 155, л. 18—19.

³³ Там же, л. 104 об.—105.

³⁴ [Мурзакевич Н. Н.] Музеум Одесского общества истории и древностей. Отд. оттиск из «Новороссийского календаря на 1851 г.». Одесса, 1851.

³⁵ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 158, л. 89 об.—90.

³⁶ Разгон А. М. Археологические музеи в России (1861—1917 гг.) // ОИМД. 1961. Вып. 3. С. 196.

³⁷ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 41, л. 3—29; д. 20, л. 712—74 об.; Веселовский Н. И. 1) Каменные бабы музея Имп. Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1915. Т. 32. Отд. 1. С. 441; 2) Как составилось собрание «каменных баб» Музея Одесского общества истории и древностей // Там же. Отд. 2. С. 65—74.

³⁸ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 41, л. 3—3 об., 9—9 об.

³⁹ Там же, д. 30, л. 197.

⁴⁰ Там же, д. 3, л. 72.

⁴¹ Разгон А. М. Исторические музеи... С. 248, 249.

⁴² Жебелёв С. А. Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. 1: История археологического знания. С. 117.

Во время Крымской войны деятельность Одесского общества приостановилась. С 10 апреля 1854 г. в городе было объявлено военное положение. Н. Н. Мурзакевич с помощью смотрителя здания музея унтер-офицера Павла Пороховнина подготовил памятники к эвакуации — все монеты собрал в один ящик, в результате чего они оказались депаспортизованы; статуи, надписи и барельефы, чтобы «не подверглись разрушению или хищению неприятельскому, как в Керчи», были глубоко зарыты в землю в саду общества.⁴³ При этом часть древностей или погибла, или утратила свои паспорта.⁴⁴ Протоколы заседаний, статьи для 4-го тома «Записок», редкие манускрипты, собрание карт и рисунков, древние вазы и пр. были уложены в ящики и приготовлены к вывозу. В 1855 г. часть фондов была сложена в подвале Ришельевского лицея. Реваквакуация экспозиции осуществлялась с июня 1856 г.

14 августа 1855 г. в музее произошло ограбление: были похищены вещи смотрителя и личное оружие генерала И. Н. Инзова («две пороховницы»), о чем общество уведомило городскую полицию.⁴⁵

Музей ООИД являлся составной частью научного общества, что существенно отличало его от остальных археологических собраний Южной России. Основой фонда музея стали коллекции древностей Черноморского депо карт и Черноморской штурманской роты в Николаеве и личные собрания членов общества. Комплектование музея шло главным образом тремя путями — пожертвованиями частных лиц, покупками памятников и археологическими раскопками. Однако случайный характер поступлений не мог удовлетворить сотрудников ООИД.⁴⁶ Музей общества был открытым учреждением — не только члены ООИД могли осматривать и использовать его коллекции для научной работы, но и все «любопытствующие». Другой вопрос, насколько широким являлся этот круг? В одном из документов читаем: «Музей для обозрения открыт ежедневно и бесплатно, под условием не трогать руками предметов. Посетителей всегда сопровождает смотритель».⁴⁷ «Сторонние любители» имели возможность «обозревать их (древности. — И. Т.) во всякое время. Доступность осмотра музея известна всем, и там бывают ежедневно посетители и здешние, и приезжие. С этой стороны никому пожаловаться нельзя», — писал Н. Н. Мурзакевич.⁴⁸ Поэтому вызывает возражение тезис А. М. Разгона, что музей общества «рассматривался в основном как хранилище памятников и лаборатория для специалиста-исследователя», а «массовый посетитель вообще не принимался во внимание».⁴⁹ Сам факт публикации первого научного описания собраний музея ООИД в таком широко известном издании, каким был в свое время «Новороссийский календарь», говорит сам за себя.

Вероятно, посетители легко ориентировались в музее, так как коллекции были четко разделены на отделы по хронологическому и территориальному принципам. Бессменный хранитель музея Н. Н. Мурзакевич основное внимание уделял изучению эпиграфических и нумизматических источников, понимая их первостепенную важность для истории Северного Причерноморья античной эпохи и необходимость быстрого введения этих памятников в научный оборот.

Между тем, вполне оправданное слияние музея ООИД с городским музеем привело и к определенным издержкам. Дело в том, что Н. Н. Мурзакевич, занимавшийся хранительской работой урывками, составил лишь краткие описи фондов обоих музеев, как правило, без обозначения размеров памятников и зачастую без указания места находки, источника и года поступления. В дошедших до нас рукописных каталогах аннотации, составлявшиеся хранителем по памяти, во многом противоречат друг другу. Это внесло серьезную путаницу в депортизацию памятников, последствия которой наука пожинает до сих пор.

⁴³ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 52, л. 38—39.

⁴⁴ Карышковский П. О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1962. № 3. С. 147.

⁴⁵ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 55, л. 232.

⁴⁶ Разгон А. М. Исторические музеи... С. 241, 242, 249.

⁴⁷ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 174, л. 19 об.

⁴⁸ Там же, д. 3, л. 27 об.

⁴⁹ Разгон А. М. Археологические музеи... С. 200.

В 1842 г. по распоряжению генерал-губернатора М. С. Воронцова в Одесский городской музей древностей был командирован секретарь ООИД Н. Н. Мурзакевич, составивший вместе с А. Ф. Спадой и Смольяниновым опись вещей. Несколько ранее, летом 1841 г. через М. С. Воронцова наследнику престола вел. кн. Александру Николаевичу была представлена первая часть описания Одесского музея древностей.⁵⁰ В апреле 1843 г. умер А. Ф. Спада, и М. С. Воронцов предложил Н. Н. Мурзакевичу занять должность библиотекаря Одесской городской публичной библиотеки и хранителя музея древностей. Для инвентаризации фондов была назначена комиссия, которая «без всякого отлагательства» должна была «проверить подробнейшим образом и привести в положительную известность все имущество...»⁵¹ Усилиями Н. Н. Мурзакевича уже в августе 1843 г. библиотека и музей открылись для посетителей.⁵²

Начав описание коллекций, Н. Н. Мурзакевич первоначально разделил их на две части (1. Нумизматика; 2. Статуи и разные сосуды). К 1844 г. музей был структурирован на четыре отделения («разных сосудов, бронзовых вещей, остатков камней с эллинскими надписями, а также статуи и барельефов, эллинских и римских монет»).⁵³ В марте 1844 г. А. Я. Фабр предложил музею приобрести его собрание древностей за 1700 р. серебром. Оно состояло из ваз, глиняных и стеклянных сосудов, амфор, статуэток, рельефов и нескольких золотых вещей, происходящих из Пантикапея и Херсонеса. Однако исполняющий должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора П. И. Федоров отказался просить требуемую сумму в Министерстве внутренних дел,⁵⁴ и вскоре коллекция А. Я. Фабра была приобретена Одесским обществом истории и древностей.

Н. Н. Мурзакевич прекрасно понимал, что для нормального функционирования музея нужны средства для приобретения памятников и проведения археологических исследований. С момента основания музей не имел никаких постоянно выделенных целевых сумм. Древности покупали по специальным приказам М. С. Воронцова из средств, отпущенных в 1822 г. императором Александром I на охрану памятников Новороссии, затем на небольшие субсидии городской думы. В сентябре 1844 г. Н. Н. Мурзакевич обратился к М. С. Воронцову со специальной запиской, в которой писал, что «Одесский городской музей древностей... с давнего времени не имеет никаких приращений не от того, чтобы не находилось в Одессе достойных в него предметов..., но от недостатка денежных... средств. На приращение Керченского музея ежегодно отпускается из казны значительная сумма денег, но на Одесский музей на этот предмет ничего не назначено. Чтобы поставить... музей в хорошее состояние, которого легко можно достигнуть приращением через покупку, необходимо из доходов г. Одессы назначить ежегодно по 100 р. серебром». Это ходатайство было удовлетворено. М. С. Воронцов добился в Министерстве внутренних дел разрешения отчислять на развитие музея 100 р. ежегодно из доходов одесской городской думы.⁵⁵

Н. Н. Мурзакевич энергично приступил к наведению порядка. С помощью столяров, плотников и других солдат одесской арестантской роты были изготовлены ящики для хранения монет, pedestals для статуи и надписей, большой стол. Ранее древности «не имели ни pedestals, ни особых помещений, в которых бы они находились в сохранности и безопасности, но просто лежали разбросанные по полу в углах комнаты».⁵⁶

С приходом нового хранителя формирование коллекций активизировалось.⁵⁷ В 1844—1845 гг. были приобретены «очень хорошее собрание редких вещей, отысканных в развалинах Ольвии, Пантикапея и др.» и 114 античных монет. Среди ольвийских находок указаны 7 святильников, мегарская чаша, 2 геммы, скарабей, 10 амфорных клейм, 1 терракота; среди пантикапейских — 2 алабастра, 4 «лакриматория», 1 «инфундибула», «гипсовая лежащая Вене-

⁵⁰ ГАО, ф. 1, оп. 151-1841, д. 74, 11 л.

⁵¹ Там же, ф. 93, оп. 1, д. 172, л. 14—14 об.

⁵² Записки Н. Н. Мурзакевича // РС. 1887. Т. 56. Кн. 12. С. 658.

⁵³ ГАО, ф. 93, оп. 1, д. 174, л. 58—61: опись музея 1844 г.

⁵⁴ Там же, л. 172, л. 19—19 об., 25—25 об.

⁵⁵ Там же, л. 27—27 об., 30; АВ СПб ИВ, ф. 52, оп. 1, л. 11, л. 5.

⁵⁶ ГАО, ф. 93, оп. 1, д. 172, л. 31—31 об.

⁵⁷ Разгон А. М. Исторические музеи... С. 246.

«а», «известковое полное изображение фавна», «дитя сияющее, зеленой массой»,⁵⁸ В 1845 г. у прибывшего из Молдавии иностранца всего за 50 р. музей купил 4 мраморных барельефа римского времени, найденных в Бессарабии у реки Дунай, с изображениями «охоты даков на диких зверей» (из 6 фигур), «жертвоприношения по обряду римскому языческому» (из 10 фигур), «портретов каких-то римских граждан» и статуэтку «Меркурия, сделанную с большим совершенством из красной меди».⁵⁹

В том же году Н. Н. Мурзакевич выпросил разрешение у военного губернатора Одессы, чтобы чиновник, «заведующий аукционной частью» в городе, предварительно извещал директора музея и библиотеки о всех продаваемых древностях — книгах, монетах, медалях, «антиках» и других предметах старины.⁶⁰

В справке о фондах музея, составленной Н. Н. Мурзакевичем для министра внутренних дел Л. А. Перовского в сентябре 1851 г., значится 215 греческих древностей: 16 барельефов, 15 надписей, 10 статуй, 60 ваз, амфор и сосудов разной величины, 13 светильников, 100 обломков амфорных ручек с клеймами, 1 фрагмент женской статуэтки; 150 римских древностей: 2 фрагмента скульптур, 22 медные «статуйки разной величины», 120 «медных вещей», 2 медных светильника, 4 мраморных барельефа; 1042 греческие и 662 римские монеты.⁶¹ Страстный нумизмат, Н. Н. Мурзакевич основную часть средств музея тратил на приобретение монет — с 1845 г. по 1853 г. и в 1857 г. было приобретено 875 монет, что сразу увеличило собрание вдвое, тогда как после смерти А. Ф. Спалды нумизматическая коллекция состояла из 847 экз.⁶²

В 1853 г. Н. Н. Мурзакевич был назначен директором Ришельевского лицея. А. Б. Ашик подал прошение о предоставлении ему места библиотекаря и заведующего музеем древностей в Одессе. Однако М. С. Воронцов отклонил его ходатайство и оставил должность хранителя за Н. Н. Мурзакевичем. Директор получал жалованье в размере 428 р. из сумм одесского уездного казначейства.⁶³

Положение Н. Н. Мурзакевича с самого начала заведования музеем было двойственным — с 1839 г. в городе находилось два однопрофильных музея древностей. Второй был создан при ООИД, привлек к сотрудничеству все научные силы, поэтому оказался в более выгодных условиях. Будучи секретарем ООИД, Н. Н. Мурзакевич выступал как фактический руководитель обоих музеев.⁶⁴ Идея о слиянии музеев возникла у М. С. Воронцова еще в 1842 г., когда одесский военный губернатор Ахлестышев доложил, что «в доме одесских присутственных мест находятся разной величины куски мраморов, камней, и обломки статуй, и прочие археологические древности без всякого надзора, и, по неимению места, помещены в коридоре, где они легко могут быть испорчены и затеряны», предлагая передать их в ООИД.

В 1854 г. из-за опасности, угрожавшей Одессе во время Крымской войны, музей был закрыт и больше не открывался.⁶⁵

В 1855 г. сам Н. Н. Мурзакевич стал просить одесского военного губернатора Н. И. Круzenshterna о передаче музея в ведение ООИД. «Общество..., имея собственное помещение, с большим удобством может сохранить у себя предметы древностей, принадлежащие г. Одессе. Музей общества древностей как учреждение, служащее на пользу города и всего Новороссийского края, основателями общества основан именно с целью собирать находимые древности в одно место, хранить их и объяснять, печатая сии объяснения в Записках общества. Сверх сего, сохранение государственного музея в здании... общества на будущее время потребует особенных издержек. Предметы древние, монеты, с ящиками и шкафами им принадлежащими, быв переданы в общество по описи, будут сберегаться наравне с прочими вещами, принадлежащими обществу... Состоя в качестве хранителя сего музея, я готов продолжать наблюдение по-прежнему за предметами, составляющими городской музей».⁶⁶

⁵⁸ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 174, л. 36—38 об., 40.

⁵⁹ Там же, л. 46.

⁶⁰ Там же, л. 41.

⁶¹ Там же, д. 172, л. 70—71.

⁶² Там же, л. 120.

⁶³ Там же, л. 81—82.

⁶⁴ Разгон А. М. Исторические музеи... С. 247.

⁶⁵ Там же. С. 249.

⁶⁶ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 172, л. 106—107 об.

Передача городского музея обществу осуществилась только в декабре 1858 г. В том же году было прекращено финансирование музея из средств города Одессы. Н. Н. Мурзакевич представил обществу опись монет (золотых 19, серебряных 205, медных 738, всего 962 экз.), «Опись Одесского городского музея древностей, переданного в 1858 г. в ООИД» со ссылками на номера рисунков (196 номеров) и альбом с изображениями памятников.⁶⁷ Коллекция городского музея в полном составе влилась в музей Одесского общества истории и древностей.

К 1850-м гг. музей хотя и преодолел период стагнации, связанный с деятельностью А. Ф. Спады, но все же оставался структурным подразделением городской библиотеки и находился в стороне от интенсивной научной жизни, центром которой стало Одесское общество истории и древностей. Передача городского музея в ведение ООИД явилась объективно необходимым и вполне оправданным шагом.

7.3. ФЕОДОСИЙСКИЙ МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ

Феодосийский музей древностей, не получая постоянных субсидий, необходимых для его «благополучия и приращения», к концу 1830-х гг. постепенно превратился лишь в хранилище памятников, собранных ранее. Администрация Таврической губернии возлагала заведение музеем на чиновников феодосийского карантинного. Так, на февраль 1849 г. им ведал член карантинного коллежского советника Иван Михайлович Коцанли.⁶⁸

Новый этап в судьбе Феодосийского музея связан с деятельностью Одесского общества истории и древностей. С 5 августа 1849 г. по 17 октября 1864 г. корреспондент ООИД (с 1848 г., действительный член с 1 марта 1851 г.),⁶⁹ член правления феодосийского центрального карантинного *Евгений Францевич де Вильнев (de Villeneuve)* являлся хранителем музея.⁷⁰ В январе 1850 г. он обратился в ООИД с письмом, в котором просил общество добиться у М. С. Воронцова средств «для приращения» фондов, а у администрации Таврической губернии — мер по охране генуэзских башен в Феодосии. В марте того же года общество выделило из своего бюджета для пополнения музея 25 р. Письменные запросы властям все же возымели действие — 31 мая 1850 г. распоряжением кавказского наместника князя М. С. Воронцова обществу был предоставлен «главный надзор» над Феодосийским музеем, причем на первоначальные расходы было выделено 50 р. серебром.⁷¹ Этой мизерной суммы было явно недостаточно. Зная бедственное финансовое положение музея, в апреле 1850 г. ООИД вновь обратился к М. С. Воронцову с просьбой разрешить отпуск по 100 р. серебром ежегодно на его содержание за счет сумм татарского сбора. Министр внутренних дел граф Л. А. Перовский утвердил предложение общества и разрешил отпуск указанной суммы из татарского сбора, так как музей был признан «ученым достоянием Таврической губернии».⁷² Эта небольшая сумма использовалась на наем сторожа и приобретение древностей. Средства поступали в распоряжение хранителя Е. Ф. де Вильнева, которому предписывалось завести приходно-расходную тетрадь, и по окончании каждого года представлять ее «на усмотрение общества». Лишь в 1864 г. музей перестал получать это пособие, так как предполагалась его передача в Одесский или Керченский музей, которая, к счастью, не состоялась.

С помощью учителя рисования уездного училища Руссена и настоятеля армяно-католической церкви священника Иосифа Карамурзы (избран корреспондентом ООИД 30 ноября 1851 г.),⁷³ по собственной инициативе и заданиям общества де Вильнев скопировал в Старом Крыму и Феодосии древние надписи («греческие, арабские, армянские и еврейские»), выпол-

⁶⁷ ИР ЦНБ, V, 1548—1561, л. 13—22, 25—32.

⁶⁸ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 55, л. 114.

⁶⁹ *Ляликов Ф. И.* Обзор действий общества с 14 ноября 1843 по 14 ноября 1849 г. // ЗООИД. 1850. Т. 2. Отд. 2—3. С. 792; ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 3, л. 30 об.

⁷⁰ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 46, л. 71 об., 79; *Маркевич А. И.* Состав Импер. Одесского общества истории и древностей в 1839—1901 гг. // ЗООИД. 1902. Т. 24. Ч. 5. С. 106.

⁷¹ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 3, л. 5—5 об.; *Летопись общества с 14 ноября 1862 по 14 ноября 1866 года* // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 481.

⁷² ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 3, л. 37 об.; д. 40, л. 9—13, 19—19 об., 22, 36—36 об.

⁷³ Там же, л. 25 об.

нии три рисунка турецкой мечети в Феодосии, собирав монеты и составлял план местности в районе Эски-Крыма. Благодаря его усилиям за счет средств феодосийского купца Шебете-Хаджи-Симовича в июле 1850 г. был произведен ремонт мечети, в которой находился музей. На де Вильнева был возложен «надзор за сбережением изящного памятника XIV в., какова есть генуэзская цитадель» Феодосии. Общество просило его представить в Одессу подробные сведения о надписях и монетах, хранящихся в Феодосийском музее, что и было им исполнено в январе 1850 г.⁷⁴ К октябрю 1851 г. де Вильнев выполнил большое количество рисунков с изображением крымских древностей — византийских, генуэзских, татарских и пр., и намеревался издать «Исторический и живописный альбом Тавриды» с кратким объяснительным текстом.⁷⁵ Общество подписалось на 2 экз. будущего издания из расчета 50 р. серебром за экземпляр.⁷⁶ Среди жителей города появились и другие любители древностей — 19 сентября 1851 г. корреспондентом общества был избран штатный смотритель училищ Феодосийского уезда Илья Петрович Белимов.⁷⁷ Еще в феврале 1849 г. он представил ООИД рисунок с барельефа, находящегося в ограде музея, и с помощью бывшего учителя Карамурзы, тогда служившего в Новороссийском карантине, принял меры для копирования древних армянских и других надписей. Белимов регулярно, начиная с октября 1850 г., присылал в Одессу древние монеты: в 1850 г. — 120 (20 серебряных, остальные медные), найденных им самим и его учениками в городе и его окрестностях во время строительных и сельскохозяйственных работ, в 1851 г. — 100 медных и 50 серебряных восточных монет из Феодосии и Старого Крыма, в 1852 г. — 155 медных и 40 серебряных древних монет «из разных мест» Феодосийского уезда.⁷⁸

В архиве А. С. Уварова сохранилось описание феодосийского собрания на французском языке, вероятно составленное Е. Ф. де Вильневым по просьбе молодого археолога в 1848 г., где ошибочно сказано, что музей основан в 1813 г. Документ включает перечень мраморов, греческих и генуэзских надписей (всего 50 номеров), а также описание 39 экспонатов, выставленных в витрине, в том числе ваз, терракот и других небольших предметов, золотой «медали» и 38 серебряных монет.⁷⁹ Н. Н. Мурзакевич просил Уварова снять рисунки с памятников музея, среди которых большинство неизданных, и разузнать, «куда девались монеты Граперона».⁸⁰ В путевых заметках графа отмечено, что в музее имеется «каталог вещам, оставшимся после Граперона, но, кроме того, есть несколько других».⁸¹

Со времени подчинения музея Одесскому обществу оно стало активно способствовать научному описанию и комплектованию его коллекций. К началу 1850-х гг. относится разбор фондов и попытка их научной классификации.⁸² После гибели Граперона в музее хранились: 46 надписей, барельефов, гербов и т. п. греческого, генуэзского и турецкого периодов, монет золотых — 1, серебряных — 38, медных — 227. В «Описи Феодосийского музея древностей» (1858), составленной де Вильневым, уже значилось 78 мраморов, 49 единиц «небольших вещей» (мрамор, глина и т. п.), 4 золотых и 8 серебряных предметов, бронзовые, медные и железные изделия, значительная коллекция монет.⁸³

Общество предприняло меры для получения древностей, случайно найденных при ведении строительных работ. В мае 1858 г. руководство ООИД обратилось к таврическому гражданскому губернатору Г. В. Жуковскому с письмом, где, в частности, сказано: «По случаю возникающих новых построек и разламывании старых в г. Феодосии, весьма часто могут попадаться среди строительного материала плиты мраморные и каменные с древними греческими, латинскими и турецкими и армянскими надписями. Памятники старины могут снова поступить в строевой материал, и таким образом местная история и археология лишится замечательных предметов, по сему общество, во избежание важной для науки потери, просит

⁷⁴ Там же, л. 6, 14 об., 19—19 об.; л. 40, л. 7—8 об.; л. 46, л. 2—11, 5.

⁷⁵ См. его альбом видов Крыма: *Album historique et pittoresque de la Tauride*, par E. de Villeneuve. Paris, 1853—1856 (in folio, состоит из 9 тетрадей). См. также: АГЭ, ф. 1, оп. I-1854, л. 11: Об издании иностранца Вильнева..., поступившем в Эрмитажную библиотеку. 1854—1855 г. 4 л.

⁷⁶ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 3, л. 45 об.—46.

⁷⁷ Там же, л. 42 об.

⁷⁸ Там же, л. 30, л. 155—155 об., 179, 205; л. 55, л. 114—114 об.

⁷⁹ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, л. 196, л. 99—100 об.

⁸⁰ Там же, л. 108.

⁸¹ Там же, л. 192, л. 69 об.

⁸² *Колли Л. П.* Указатель Феодосийского музея древностей. Феодосия, 1903. С. 4.

⁸³ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 40, л. 44—57, 71 об.—72.

пригласить феодосийских жителей..., копающих землю и рвы, чтобы они открывающиеся камнями с надписями, или обломки статуй или архитектурных украшений, не заделывали бы вновь в постройки, но передавали бы в распоряжение общества для хранения в Феодосийском музее древностей».⁸⁴ В связи со строительством в 1858 г. железной дороги от Феодосии общество поручило Е. Ф. де Вильневу составлять в специальной тетради планы «могущих открыться древних зданий». Через А. И. Лёвшина, который к тому времени стал товарищем министра внутренних дел, ООИД добились от Совета Управления железных дорог согласия на проведение таких работ и права на сбор древностей.⁸⁵

Музей пополнялся и вещами из раскопок античного некрополя в окрестностях Феодосии 1852—1853 и 1855—1858 гг., проводившихся сотрудником Л. А. Перовского князем А. А. Сибирским, Е. Ф. де Вильневым, И. Карамурзой, художником-маринистом И. К. Айвазовским, А. Е. Люценко, полевые отчеты которых не были востребованы следующими поколениями археологов.⁸⁶ В июле 1852 г. на возвышенности, находящейся у г. Феодосии и залива Текие, были обнаружены остатки генуэзских стен и башен, план которых был составлен архитектором Людерицем и направлен в Одессу.⁸⁷ При исследовании одного из курганов на горе был найден деревянный саркофаг с терракотовыми медальонами. Общество разрешило де Вильневу потратить на раскопки часть суммы, предназначенной «на приращение Феодосийского музея местными древностями». Получив первые известия о ярких находках, в письме от 2 сентября 1852 г. на имя де Вильнева руководство ООИД выразило надежду, что «начатые раскопки будут произведены отчетливо, т. е. сопровождены подробным описанием того, что, как и где было найдено и в каком положении. Короче сказать: Вами будет веден подробный журнал открытиям. 50 р. серебром из суммы, Вам из Казначейства отпущенной, общество полагает достаточным для раскрытия следов стен. Что же касается до вскрытия курганов, имеющих в окрестностях Феодосии, то общество просит Вас сообщить ему Ваши соображения на счет суммы, которая была бы достаточна для раскрытия двух или трех курганов в этот год. Остальные курганы могут быть раскрываемы по порядку, систематически, на следующий год. Нет нужды торопиться. Лучше вскрыть три кургана, но ученым образом, чем разрыть десятки, с пользой для топографии и истории».⁸⁸ За два года на присланные ООИД еще 50 р. серебром было исследовано около 30 курганов средней величины и несколько больших курганов с крепидами в окрестностях Феодосии, окружавших город с СЗ полукругом. Один из курганов, еще не доследованный де Вильневым, в ночное время был расхищен местными «счастливицами», и в марте 1853 г. общество обратилось к таврическому гражданскому губернатору В. И. Пестелю с просьбой «о предложении феодосийской местной полиции, чтобы она на будущее время наблюдала за целостью предметов, находимых в курганах, а также и за тем, чтобы курганы никаким частным лицам, без разрешения высшего начальства, не были бы раскапываемы».⁸⁹ Из раскопок 1853 г. происходят знаменитые серги «роскошного стиля», ныне украшающие Золотую кладовую Эрмитажа.⁹⁰

⁸⁴ Там же, л. 58—58 об.

⁸⁵ Там же, д. 46, л. 37—41 об.

⁸⁶ М. И. Ростовцев ошибочно утверждал, что подробного отчета об исследовании некрополя Феодосии мы не имеем (*Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 251—252*). Подробные рапорты де Вильнева с описанием комплексов и найденных в них вещей (на французском языке), как и переписка об организации раскопок, погребена в архивах, в материалах ООИД и др. На мой взгляд, эти документы требуют скорейшего изучения и публикации, так как помогут реконструировать состав комплексов, из которых происходят выдающиеся памятники декоративно-прикладного искусства античности, частично попавшие в Эрмитаж. См.: ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 3, л. 67, 74; д. 46, л. 17—42 об.: Археологические изыскания, произведенные в Феодосии; д. 52, л. 34—40: рапорты де Вильнева ООИД о положении музея в годы Крымской войны; л. 45—47: рапорты де Вильнева 1858 г. и перечень находок из раскопок А. Е. Люценко в феодосийских курганах; ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 203: отчет министра уделов гр. Л. А. Перовского императору об археологических раскопках в России за 1853 г. 15 апреля 1854 г. Ср.: Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб., 1855. С. 121—128. См. также: РА ИИМК, ф. 9, д. 17а: о раскопках в Феодосии в 1852 г.; д. 29 (1855 г.); ф. 1, оп. 1-1859, д. 10, л. 16—17: опись вещам, найденным при разысканиях Айвазовского в Феодосии в 1853 г., поступившим в 1859 г. в Эрмитаж, и др.

⁸⁷ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 3, л. 62 об.—63.

⁸⁸ Там же, д. 46, л. 15—16 об.

⁸⁹ Там же, л. 23—24.

⁹⁰ Рогов Е. Я. О месте производства феодосийских и херсонесских серг роскошного стиля // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства: Матер. Междунар. науч. конф. СПб., 2001. Ч. 2. С. 66—73.

Большую тревогу Н. Н. Мурзакевич вызывало звание музея, размещавшегося со дня основания в полуразрушенной турецкой мечети. Хозяин одного из домов, находившегося рядом с мечетью, пристроил к ней стену и таким образом закрыл одно из четырех верхних окон, дававших необходимый свет. На средства общества была проведена починка помещений. Н. Н. Мурзакевич описал интерьер музея того времени: «Хранящиеся древние обломки и надписи поставлены на деревянных скамейках, частью стоят на полу, что крайне неудобно не только для чтения надписей, но и для простого осмотра». Коллекция монет из-за отсутствия специальных ящиков и угрозы похищения, хранилась на квартире у заведующего Е. Ф. де Вильнева. Н. Н. Мурзакевич в своих донесениях начальству постоянно пропагандировал создание провинциальных музеев: «Чем больше будет в государстве частных музеев, тем легче и скорее разовьются в народе научные сведения и изысканный вкус. Необходимо только, чтобы музеи были в порядке, заведующие оными были знающими свое дело и не тяготящиеся частым посещением публики», — писал он в 1864 г.⁹¹ Он предлагал открыть Феодосийский музей для посещения в определенные дни и часы, выполнить необходимые «переделки», классифицировать основной фонд по отделам и т. п., что было осуществлено только в 60—70-х гг. XIX в.⁹²

Влияние Одесского общества истории и древностей явилось решающим во всей деятельности музея. В 40—60-х гг. его заведующим был сначала корреспондент, а затем действительный член ООИД надворный советник Е. Ф. де Вильнев. Он не был специалистом, но, судя по документам, достаточно добросовестно относился к своим обязанностям, в годы Крымской войны принял энергичные меры для спасения его фондов, провел раскопки некрополя Феодосии, обогатившие местный музей и императорское собрание замечательными памятниками античного искусства. За несколько лет де Вильнев пополнил коллекцию музея 3 золотыми, 22 серебряными и 573 медными монетами, 32 лапидарными памятниками с надписями (генуэзскими, арабскими, турецкими, еврейскими).⁹³ При ревизии работы хранителя в 1864 г. Н. Н. Мурзакевич писал, что «все предметы древности и монеты, по описи, доставленной обществу в 1858 г., находятся в наличности».⁹⁴ Однако превратить музей в своеобразный научный центр Феодосии тех лет обществу так и не удалось.

7.4. КЕРЧЕНСКИЙ МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ

С образованием Одесского общества истории и древностей его руководство стало искать пути к установлению контроля за деятельностью причерноморских археологических музеев. 7 апреля 1841 г. Э. В. Тетбу де Мариньи поднял вопрос «о замеченном им небрежном сохранении в Керчи древних статуй, мраморов и гробниц, а также стен в Феодосии и Судак».⁹⁵ Многие древности Керченского музея, до завершения строительства нового здания, «по невозможности поместиться где-либо под крышей» хранились на открытом воздухе и подвергались интенсивному разрушению. Дирекция музея не принимала мер по охране монументальных погребальных склепов Куль-Обы и Царского кургана, открытых в 1830-х гг. Поэтому общество выступило с предложением разработать особые правила для хранения древностей и инструкцию «для разрытия курганов и способа описания открываемых в них древностей». Н. Н. Мурзакевич писал, что ряд членов ООИД «своими познаниями, опытностью готовы руководить своими указаниями и наставлениями тех чиновников, на прямые обязанности коих лежит надзор за хранением отыскиваемых древностей» и предлагал «во избежание обременения местного начальства проверку и наблюдение за всеми музеями Новороссийского края» возложить на ООИД.⁹⁶ Это предложение поддержал М. С. Воронцов, но оно больно ударило по

⁹¹ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 40, л. 72 об.

⁹² Разгон А. М. Археологические музеи... С. 207—209.

⁹³ Летопись общества с 14 ноября 1862 по 14 ноября 1866 года. С. 481.

⁹⁴ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 40, л. 29—33 об., 44—57, 63—69, 72, 88—91 об.; справки о состоянии музея и описи экспонатов, составленные де Вильневым.

⁹⁵ Там же, д. 1, л. 60 об.

⁹⁶ Там же, д. 52, л. 4—7 об.

самолюбью З. С. Херхеулидзева, А. Б. Ашика и Д. В. Карейши, воспринимавших контроль со стороны ООИД как дополнительную обузу.

Общество обратилось к М. С. Воронцову с просьбой ходатайствовать перед Министерством Имп. двора о присылке в ООИД рисунков керченских находок, хранившихся в Эрмитаже, с краткими аннотациями об их происхождении (времени и месте находки); распорядиться о предоставлении ему рисунков всех древностей Керченского музея с указанием сведений о месте и времени находок; постоянно сообщать в копиях отчеты А. Б. Ашика и Д. В. Карейши об археологических исследованиях. На первое предложение министр Имп. двора князь П. М. Волконский ответил, что готовится к изданию фундаментальный труд по итогам археологических исследований Боспора — издание «Древностей Боспора Киммерийского», хранящихся в Эрмитаже, и обществу обязательно предоставят экземпляр книги. Остальные ходатайства общества через керчь-еникальского градоначальника князя З. С. Херхеулидзева довели до сведения керченских чиновников-археологов.⁹⁷ С тех пор А. Б. Ашик стал регулярно присылать в Одессу отчеты о раскопках в отличие от Д. В. Карейши, который делал это от случая к случаю.

19 мая 1841 г. по просьбе Карейши, адресованной министру двора П. М. Волконскому, для предупреждения взаимных обвинений территорию раскопок между Ашиком и Карейшей планировалось разделить пополам «по соображению с местностью». При согласовании этого решения с М. С. Воронцовым генерал-губернатор уклончиво сообщил, что ответ Министерству двора он сможет дать «после личного обозрения местности».⁹⁸ Ашик выступил категорически против, посчитав это прихотью Карейши. В марте 1843 г. М. С. Воронцов принял соломоново решение: он предписал определить границу участков по реке Мелек-Чесме, делявшей земли градоначальства почти на две равные части — северную и южную, с тем чтобы археологи обменивались ими каждые три года.⁹⁹ Однако это «разделение» осталось на бумаге из-за отъезда Ашика из Керчи.

Между 29 августа 1841 г. и 1 апреля 1842 г. на северной покатости горы Митридат, в 1,5 верстах от Керчи Ашик провел раскопки катакомб, перекрытых «обыкновенными гробницами». Из 15 катакомб 14 оказались разграбленными, но последняя полностью вознаградила надежды археолога — был открыт расписной двухкамерный склеп, фрески которого на взгляд археолога были похожи на декоративную живопись в гробницах Тарквинии.¹⁰⁰ Узнав об открытии, М. С. Воронцов в марте 1842 г. просил Ашика представить в ООИД рисунки с фресок, «раскрашенные теми же самыми красками, как подлинник, и план открытой Вами катакомбы с подробным описанием» (планы и рисунки выполнены А. Стефанским). Одновременно генерал-губернатор предписал керчь-еникальскому градоначальнику сохранить памятник «в целости». Однако местная полиция уведомила З. С. Херхеулидзева, что она «не имеет возможности наблюдать с должною исправностью за целостию памятников древностей, разбросанных на земле градоначальства». Директор музея также сообщил, что в Керчи, «невзирая на строгие меры, ничто не может уцелеть от поисков искателей золота», что он в течение двух недель во время снятия рисунков с фресок держал у входа в катакомбу сторожа, нанятого за свой счет, но когда часовой был снят, «катакомба не избежала руки разрушителей, и рисунки уже во многих местах повреждены», а «стеречь» памятник он не имеет возможности. Выделявшаяся директору музея по распоряжению новороссийского генерал-губернатора с ноября 1839 г. сумма в размере 25 р. ассигнованиями в месяц на обезд памятников была явно недостаточна. Градоначальник повторил свою просьбу Воронцову от 23 сентября 1841 г. об ассигновании средств на содержание двух «объезчиков», но денег на это так и не нашлось.¹⁰¹

В Керчи и на Тамани постоянно орудовала группа кладонскателей, проводившая варварские грабительские раскопки древних могильников, находившихся на общественных и частных землях. Этот промысел приносил значительные доходы. Многие найденные ими памятники переплавлялись, либо сбывались перекупщикам и коллекционерам, причем зачастую

⁹⁷ Там же, д. 47, л. 2—5.

⁹⁸ АГЭ, ф. 1, оп. I-1840, л. 9; оп. I-1841, л. 7; РА ИИМК, ф. 63, д. 7, л. 35.

⁹⁹ Люценко Е. Е. Ашик и Карейша / Публ. В. В. Шкорпила // ИТУАК. 1907. № 40. С. 68—69.

¹⁰⁰ РА ИИМК, ф. 63, д. 5, л. 129 об.—130; АДЖЮР. Текст. С. 346—375; Атлас. Табл. LXXXVII—XCI; рис. 65—66.

¹⁰¹ ИР ЦНБ, V, 1219—1223, л. 4—5, 9—10.

уходили за границу. В меморандуме, которым Н. Н. Мурзакевич снабдил путешествовавшего в 1848 г. по Причерноморью молодого графа А. С. Уварова, о Керчи и Тамани имеется любопытная запись с указанием лиц, «полезных» археологу, и памятников, на которые необходимо обратить особое внимание: «По дороге в Керчь у ст. Сулановской древний воспорский пограничный вал. Озеро Ах-Алчин и предполагаемый тут порт Киммерийон. Иметь в виду статуи Бларамберга. Кн. Херхеулидзе. Керчь. Церковь греческая. Музеум, в нем: саркофаг, горс, золотые перстни. Снять рисунки. Золотой и Царский курганы. Из-под руки спрашивать монет и вещей. У г-на Гурьева можно купить за 50 р. ассигнациями право на раскрытие кургана; и у него же попадутся золотые монеты воспорские. У одного аптекаря есть воспорские золотые монеты, с осторожностью разведать о сем от г-на Черкасова, члена карантин, и через него же познакомиться с теми собирателями, которые укрываются от явных антиквариев официальных. Лекарь Арпа. Учитель училища Залого укажет остальные достопримечательности. Еникале, осмотреть тщательно всю крепостную стену: может быть, встретится надпись. За маяком, далее к морю, я не был: нужно обозреть, что-нибудь встретится. Тамань — купец Саонов, у которого много керченских древностей, много невидимых. Срисовать их, буде он позволит».¹⁰² Однако, судя по путевым запискам, в Керчи А. С. Уваров останавливался лишь проездом по дороге на Таманский полуостров и не последовал указаниям Н. Н. Мурзакевича.¹⁰³

В отсутствие А. Б. Ашика, который в начале 1840-х гг. неоднократно отлучался в Одессу и путешествовал за границу (10 августа 1843 г.—25 сентября 1845 г.), раскопки проводили в общем-то случайные люди — чиновник Люлье, замещавший директора (1842—1843), с июня 1843 г. его сменил губернский секретарь Михаил Иванович Бларамберг (иногда в документах Бларанберг), сын первого директора музея, в то время чиновник по особым поручениям керчь-еникальского градоначальства по Азовскому береговому надзору. С апреля 1845 г. до возвращения Ашика из-за границы исполнение обязанностей директора взял на себя чиновник Яковенко. В конце 1840-х—начале 1850-х гг. (постоянно с июня 1850 г.) раскопки проводил главный медик керченского карантин Антон Михайлович Арпа, зять А. Б. Ашика, в 1850-х гг. главный медицинский чиновник одесского карантин.

В 1843 г. М. И. Бларамберг по просьбе соревнователя ООИД, отставного поручика М. А. Кологривова, который в июне прибыл в Керчь на собственной яхте «для собирания древностей» в пользу Одесского общества истории и древностей, провел раскопки 8 небольших курганов, израсходовав на это 60 р. серебром.¹⁰⁴ Для раскопок Кологривова обществом была составлена специальная инструкция, написанная рукой Н. Н. Мурзакевича (документ № 19). По итогам раскопок М. А. Кологривов представил в Одессу 40 «разных предметов древности».¹⁰⁵ Градоначальник З. С. Херхеулидзе просил ООИД выполнить рисунки находок, отсутствующих в Керченском музее, а из двойных вещей выделить экземпляры для передачи в музей или отправки в Эрмитаж.¹⁰⁶

30 июня 1843 г. М. И. Бларамберг представил в ООИД записку о керченских погребальных памятниках, в которой предлагал начать раскопки большого кургана, причем «составить подписку, и предложить всем членам общества сделать добровольное пожертвование для археологических изысканий в пользу общества; и если общество примет предложение мое, то прошу покорно начать с меня, записавши 15 р. серебром на мой счет». Бларамберг полагал, что курганы в окрестностях Керчи «все совершенно были рыты», за исключением находящихся на частных землях или на земле Черноморского войска на азиатском берегу Боспора. По его мнению, целых курганов не осталось, а «частные... лица продают свои курганы, — или же позволяют их разрывать с условиями, довольно невыгодными для общества», так как правительство выплачивает за золотые находки двойную цену по их весу, а остальное — по договоренности с владельцем земли. Поэтому остается «рыть в подножиях курганов, в которых середина и даже часто многие стороны были тронуты; но это не мешает часто находить золотые вещи», причем «иногда гробница находится на один аршин [0.71 м] и даже менее по

¹⁰² ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 196, л. 108 об.— 109.

¹⁰³ Там же, д. 192, л. 69 об.

¹⁰⁴ РА. ИИМК, ф. 63, л. 5, л. 147 об.—148; Бларамберг М. И. Археологические разыскания в Керчи // ЗООИД. 1850. Т. 2. Отд. 2—3. С. 815—820.

¹⁰⁵ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 158, л. 25; оп. 2, д. 1, л. 89—89 об.

¹⁰⁶ Там же, д. 20, л. 52—52 об.

землю, и часто... в глубину от 2-х до 4-х сажень [4.26—8.53 м]». Платить за земляные работы принято было поденно из расчета 45—50 к. серебром летом, в осеннее время 30 к. серебром «с поденщика» в день, либо за 1 куб. сажень земли [9.71 м³] — 1 р. серебром летом или 3 р. ассигнациями осенью. Исходя из этих соображений, Бларамберг писал, что смету на работы пока составить невозможно, так как «это изыскания, которые на счастье». Экономию можно соблюсти при умении «отбирать курганы», полагаясь на «чутье практикованного гробокопателя», которого имеет Керчь — «чудесного» Дмитрия Семенова: «он работал с покойным Дюбрюксом, со мною в 1826 г. и далее, все время до нашего 1843 г.». Бларамберг предлагал обществу приобрести за 500 р. (или за двойную цену золота, с условием раздела будущих находок с помещиком пополам) право на раскопки целого кургана на земле «гишпанского» (т. е. испанского) консула Багера (Baguer, отсюда современный топоним Багерово). «Разрытие... до основания этой могилы будет стоить недешево, потому что в ней, примерно, более 1000 кубических сажень [9713 м³]». Он предлагал исследовать сначала середину, потом полы и подножие кургана в надежде найти склеп и несколько «малых гробов». Бларамберг просил общество выслать ему английский инструмент (5 железных лопат, в том числе 3 штыковых и 2 совковые; 2 мотыги или кирки), отдавая им предпочтение перед «хрупкими» отечественными. Имея на раскопки от 200 до 300 р. в год, Бларамберг ручался, что за два года смог бы составить «хорошенький кабинет» для музея общества. Он предупредил, что до начала работ необходимо получить разрешение на раскопки у Министерства Имп. двора.¹⁰⁷ Однако предложение Бларамберга было отвергнуто обществом из-за отсутствия средств на раскопки. Бларамберг планировал также «разрытие курганов в Камыш-Буруне, даче, принадлежавшей генерату Шатилову», и общество начало переговоры с владельцем земли. В июле 1843 г. Бларамберг препроводил в общество копии с двух надписей, найденных в Керчи на месте бывшей турецкой крепости в развалинах фундамента какого-то здания (по сведениям Ашика, бывшей турецкой бани) с просьбой прислать их перевод, но, видимо, ответа не удостоился, поэтому в апреле 1844 г., уже находясь в Симферополе, повторил свою просьбу, сообщив обществу, что он отправил копии трех надписей «ученому Гумбольдту» в Берлин.¹⁰⁸

После возвращения А. Б. Ашика в 1845 г. из-за границы директор приступил к составлению каталогов древностей и имущества музея, которые были рассмотрены З. С. Херхеулидзе-вым и возвращены в музей 15 января 1846 г.¹⁰⁹ Еще находясь в Одессе, в сентябре 1845 г. Антон Балтазарович встретился с государственным канцлером гр. К. В. Нессельроде, просив «устроить» его дальнейшую судьбу в качестве дипломата при каком-либо из русских посольств на юге Европы (в Италии, Франции или Австрии). Помню, что в то время Ашик являлся чиновником Азиатского департамента МИДА для особых поручений при командующем войсками на Кавказской линии и числился в командировке в Керчи «для сношения с горцами», а должность директора музея с самого начала исполнял по совместительству. 1 января 1846 г. Ашик подал в Азиатский департамент МИД официальный рапорт с ходатайством о переводе на другое место службы в том же департаменте и сообщением об отставке с поста директора музея «по слабости здоровья». «Приехав в Керчь, я нашел множество упущений по части музеума и принялся за свое дело с усердием; привел музеум в порядок, разобрал некоторые найденные древние надписи, написал каталог музеума и приступил к разысканию древностей в большем объеме», — сообщал он директору Азиатского департамента МИДа Л. Г. Сенявину, ходатайствуя о скорейшем переводе на новое место службы, причем на любую должность, «даже певчим при посольской церкви». Однако все обещания петербургского начальства оказались фикцией. Тогда Ашик стал забрасывать жалобными письмами гр. В. Ф. Адлерберга и кн. М. С. Воронцова, но ничего, кроме раздраженных резолюций, не добился (так, Адлерберг оставил на его письме вопрос: «Что он опять хочет?...»). Свое решение об отставке с поста директора музея Ашик мотивировал тяжелым материальным положением (получал из МИДа всего 800 р. в год жалованья, забыв указать при этом, что как директор он получал 1500 р. в год), подорванным на раскопках здоровьем и рекомендацией врачей, запретивших ему жизнь в «тяжелом климате два или три года сряду»: «Я... ничего не достиг, потерял здоровье, едва имею насущный хлеб, состою уже более 25 лет в одной и той же должности, и теперь, когда

¹⁰⁷ Там же, л. 20—23 об.

¹⁰⁸ Там же, л. 53, 56—57; д. 158, л. 35 об.

¹⁰⁹ РГИА, ф. 970, оп. 2, д. 455, л. 79.

место великой награды, ищу назначения за границу, как спасения — встречаю в этом затруднение... Не составит разницы, если я, в ожидании вакансии, буду жить в Керчи или в Одессе и ничего не делать, или в каком-нибудь месте Южной Европы, где я прожил бы не без пользы...; но если мне дана будет квартира и самое ничтожное пособие от министерства, то можно прожить в каком-нибудь уголку, не нуждаясь в пропитании... У меня приготовлено много материалов на три сочинения, но здесь я не могу и подумать заняться ими, потому что слабость моя так велика, что отнимает возможность заниматься делом столь отвлеченным».¹¹⁰

Одновременно Ашик обратился к кн. М. С. Воронцову с просьбой о переводе в Тифлис как чиновника Азиатского департамента МИДА. В письме к директору канцелярии кавказского наместника С. В. Сафонову от 18 февраля 1846 г. из Керчи Ашик вновь жалуется на тяжелое материальное положение своей семьи, на то, что он в ожидании перевода в Европу или на Кавказ на последние деньги четвертый месяц вместе с семьей живет в местном трактире, на несправедливость и «гонения» со стороны градоначальника З. С. Херхеулидзева, но уже не просит об отставке с поста директора музея, возложив окончательное решение своей судьбы на Воронцова. «Остаюсь в этой должности, я желал бы, чтобы директору дано было право, как было уже решено князем, разыскивать древности, где ему кажется более полезным, чтобы он зависел непосредственно от г-на новороссийского генерал-губернатора и чтобы ему дозволено было иметь пребывание в Одессе вместо Керчи: это я желал бы потому более, что в Одессе содержание семейства стоило бы мне вполтину дешевле противу керченского, а для службы это все равно. Я могу быть в Керчи несколько раз в течение года и по несколько месяцев, если нужно. Здесь же директору решительно делать нечего; а так как он должен быть непрерывно в отсутствии, то жить ли ему в Керчи, или в Одессе — это все равно для музеума, а для службы пребывание в Одессе гораздо полезнее, потому что при описании древностей там все под рукою, и книги, и советы ученых, а это не мало в таком деле, как описание древностей. [...] Я испытываю теперь в Керчи мучения ада, и... как бы дело не решило, прощу позволения приехать в Тифлис, или отправиться в Днепровский уезд, или в Черноморию для разыскания древностей».¹¹¹

15 марта 1846 г. М. С. Воронцов предписал Ашику отправиться в Черноморию и «заняться разысканием и описанием как самой местности, так и находимых древностей», причем последние надлежало отправлять в Тифлис в канцелярию кавказского наместника, где в 1846 г. было положено начало нумизматической коллекции. На раскопки ему было ассигновано 50 р. серебром, а всего — 112 р. 76 к. серебром, включая прогонные деньги и расходы на работы.¹¹² Ашик, охарактеризовавший Таманский полуостров как «настоящий археологический клад», не найдя рабочих на Тамани, нанял до 50 артельщиков в Керчи и приступил к широкомасштабным раскопкам в районе Фанагории и в других местах полуострова, выдав рабочим 112 р. серебром и добавив к ним своих собственных 50 р., так как «денег музеума на лицо нет, а если бы и были, то градоначальник не позволил бы их употребить на разыскания в Черномории». Он просил Воронцова выслать как минимум 500 р. серебром для продолжения раскопок — 45 человек рабочих были «договорены по 1 р. серебром за каждую кубическую сажень»; в случае находки двойных вещей один экземпляр Ашик просил оставлять для Керченского музея. Такая самостоятельность вызвала отповедь тифлисского начальства: «Отвечать, что никто ему не поручал проводить разыскания в Фанагории и что денег на это тоже нет. Невыносимо иметь дело с г-м Ашиком. Кто дал ему разрешение нанимать рабочих? Откуда мы возмем 500 р. серебром?». В официальном ответе от 14/18 июля 1846 г. М. С. Воронцов выговаривал Ашику, что в разных письмах он сообщает разное количество нанятых рабочих, что свободные суммы на раскопки у наместника Кавказа отсутствуют. Князь предлагал немедленно прекратить разыскания в Фанагории, а рабочих распустил и представить в Тифлис финансовый отчет. 4 июля Ашик вновь искал заступничества у С. В. Сафонова, крестника одной из его дочерей: «Сознаюсь, что я дурно сделал, приступивши к раскопкам в Тамани в большом масштабе. Поистине, никто, кроме меня, этого бы не сделал: копать на свои деньги, — это верх неблагоразумия». Он просил разрешения доследовать пять больших курганов

¹¹⁰ Там же, л. 81—83: письмо Ашика гр. В. Ф. Адлербергу из Керчи от 2 марта 1846 г., л. 90—90 об.: ответ Адлерберга Ашику о невозможности «быть ему полезным», 12 апреля 1846 г.

¹¹¹ ГАОО, ф. 1, оп. 249, л. 350, л. 14—17.

¹¹² Там же, л. 20—20 об.

на собственный счет и выделить средства для поездки в Усть-Лабинскую крепость, где были найдены золотые монеты (гл. 15). «Даю слово... что впредь буду осторожнее и что стану придерживаться *буквально* смыслу предписания». Согласно рапорту Ашика, он потратил на раскопки 1009 р. 74 к. серебром собственных средств, которые были ему возмещены по приказу Воронцова.¹¹³

Ежегодно каталог Керченского музея дополнялся сведениями о новых находках. Копия «Краткого каталога древностям Керченского музеума по 1 января 1848 г.» сохранилась в архиве Государственного Эрмитажа. Каталог состоит из 12 отделений и заключается оглавлением.¹¹⁴ В первом описаны «медали» (12 золотых, 10 серебряных, 2 электровые, 209 медных, «худо сохранившихся» 305, а также, вероятно, клад — «медали херсонисские, найденные близ Керчи, чрезвычайно мелкие и почти все дурно сохранившиеся, числом более 600»); во втором «памятники палеографические» (25 надписей, изданных Ашиком в первых двух частях «Воспорского царства»); в третьем — «памятники мраморные» с указанием места находки, в том числе мирмекийский саркофаг, скульптура и архитектурные детали, найденные в Пантикапее и «в стене одной землянки на горе Митридат», четыре мраморных торса, поступившие из Таганрога, памятники, найденные «при разрытии фундамента для еврейской синагоги», при проведении водопровода и при сломе старой турецкой крепости и т. п.; в четвертом — «расписные вазы и палеры» (в 44 номерах учтены 279 сосудов, в том числе расписных, черно- и краснотерракотовых, 50 амфор, из которых на 11 «находятся надписи»); в пятом — «глиняные статульки, лампы и другие вещицы из глины» (23 номера, в некоторых учтено по несколько памятников); в шестом — «вещи золотые и серебряные» (103 номера, из которых первые 24 представляют памятники из Куль-Обы, причем с № 3 по № 24, по утверждению Ашика, «служили украшением царской одежды», здесь же под № 70—71 обозначены памятники из погребения с золотой маской 1837 г. — «серебряные удила с остатками кожаных узд, украшенные серебряными позолоченными бляхами, в середине коих вставлен сердолик — всего 22 штуки» и «24 серебряные пряжки, принадлежащие к уздам»); в седьмом — «памятники каменные, костяные и из разной массы» 20 номеров, в том числе 60 надгробий «с надписями, украшениями и барельефами разной величины», частично изданные во второй части «Воспорского царства»; в восьмом — «памятники деревянные» из 22 номеров, в том числе под № 16 «бюст, почти изгнивший, но позволяющий заключить, что он представляет Помону с корзиною в руках, зрачки вставлены из стекла»; в девятом — «вещи бронзовые» из 26 номеров (под № 9 из погребения с золотой маской 1837 г. «сосуд с ручкою, наподобие ведра, называвшийся греками *καλπη*, по-латыни *situla*»); в десятом — «вещи стеклянные» из 12 номеров; в одиннадцатом — «вещи оловянные и железные» из 13 номеров; в двенадцатом — «вещи из ткани и волос» из 5 номеров.

В декабре 1848 г. копию каталога министр двора П. М. Волконский представил Ф. А. Жилу с просьбой отобрать памятники для присоединения к коллекции Эрмитажа. Рассмотрением каталога занимались Ф. А. Жиль, Б. В. Кёне и Э. Г. фон Муральт: они предлагали перевезти в Петербург практически всю коллекцию vaz, 905 монет, в том числе «дурно сохранившихся», в надежде, что среди них обнаружатся неизданные, часть глиняных предметов, золотых и серебряных вещей, деревянных саркофагов и т. п. Взамен Жиль предложил передать Керчи часть дублетных монет из Эрмитажа, но Николай I повелел провести передачу «без всякого за то вознаграждения». Надписи и мраморы предполагалось оставить на время в Керчи «впредь до открытия императорского музеума».¹¹⁵ Ашик, живший в то время в Одессе «по расстроенному здоровью», просил разрешения доставить памятники в Петербург лично. В июле 1850 г. и июле—августе 1851 г. «палеографические», мраморные и известняковые памятники отправлялись из Керчи по «водяному внутреннему сообщению» под присмотром А. Б. Ашика и А. М. Арпы. В 1851 г. постоянно нуждавшийся в средствах директор музея продал Эрмитажу три расписные вазы.¹¹⁶ В столицу был также направлен рисовальщик музея

¹¹³ Там же, л. 32—51 об., 86—87 об., 108—109. Здесь же рапорт Ашика об археологических разысканиях, произведенных в Черномории с 12 апреля по 1 июня 1846 г. (л. 60—85 об., см. также копию в материалах ООИД: ф. 93, оп. 1, д. 47, л. 23—50).

¹¹⁴ АГЭ, ф. 1, оп. I-1848, л. 35, л. 2, 10 об.—28.

¹¹⁵ Там же, л. 1, 29—37.

¹¹⁶ Там же, оп. I-1851, л. 35, л. 1—7.

Кирилл Родионович Бегичев (1819—1863), который перевозил в Петербург хрупкие вещи на «покойном рессорном экипаже».

Бегичев происходил из дворян.¹¹⁷ По окончании курса наук в Дворянском полку он был выпущен прапорщиком в Минский пехотный полк 27 июля 1837 г., переведен в 1-й учебный карабинерный полк 29 декабря 1838 г., произведен в подпоручики 1 августа 1839 г., в поручики — 8 августа 1841 г., переведен в Виленский егерский полк 3 мая 1843 г., был в походе со 2 февраля по 11 марта 1844 г., следуя с полком из Севастополя в крепость Владикавказ (в сражениях не был). «По причине слабого здоровья» Бегичев подал прошение об отставке из армии и 4-месячный отпуск провел в Керчи, где по распоряжению керченского градоначальника кн. З. С. Херхеулидзева, был «допущен к исправлению должности скульптора и рисовальщика При Керченском музее» с 10 января 1845 г.; высочайшим приказом уволен от службы за болезнью штабс-капитаном 22 марта 1845 г. (числился в отставке с 22 марта 1845 г. по 8 апреля 1853 г.). По распоряжению новороссийского и бессарабского генерал-губернатора утвержден в должности скульптора и рисовальщика Керченского музея 17 июня 1846 г., сверх своих обязанностей активно проводил раскопки,¹¹⁸ исполнял должность директора музея с 7 марта 1846 г. по 31 мая 1850 г. и с 4 октября 1851 г.¹¹⁹ Бегичев получил чин титулярного советника 8 апреля 1853 г. По распоряжению министра Имп. двора археолог неоднократно сопровождал памятники в Эрмитаж, за что был награжден бриллиантовым перстнем (1851) и часами (1853). По высочайшему повелению назначен помощником директора Керченского музея с 8 апреля 1853 г. Служил в музее до 1862 г., когда его сменил художник, впоследствии директор Федор Иванович (Франц Иоганн) Гросс (Gross, 1822—1897).

В июле—августе 1850 г. А. Б. Ашик при поддержке нового керчь-еникальского градоначальника контр-адмирала Алексея Петровича Лазарева (Лазарева 2-го) обратился к бессарабскому генерал-губернатору П. И. Федорову с просьбой разрешить ему провести археологические исследования по обоим берегам Днестровского лимана. Он планировал обратить основное внимание на курганы близ Акхермана (древняя Тира) с целью определить местоположение находившихся здесь греческих городов-колоний, но получил отказ по причине того, что проведение раскопок на юге России император поручил Д. В. Карейше. Генерал-губернатор ответил, что он не считает себя вправе «разрешать подобные разведывания прежде исполнения Карейшей своего поручения».¹²⁰

С самого начала службы в музее у К. Б. Бегичева не сложились отношения с его непосредственным начальником А. Б. Ашиком. Еще в августе 1846 г. Ашик предлагал упразднить должности живописца и скульптора и за этот счет увеличить жалованье и прибавить средства на расходы, подведомственные самому директору, что не было утверждено начальством.¹²¹ По свидетельствам современников, К. Р. Бегичев был хорошим рисовальщиком и неплохим полевым археологом. Он являлся «правой рукой» Д. В. Карейши и не лучшим образом относился к А. Б. Ашику, поэтому приложил немало усилий, чтобы устроить последнего от должности директора музея.

По ходатайству ООИД, К. Р. Бегичеву было поручено снять копии всех надписей Керченского музея (с указанием высоты, длины и ширины камней) для планировавшегося обществом каталога античных надписей Северного Причерноморья. Из-за незнания классических языков он не смог успешно выполнить задание. В делах общества сохранилось письмо К. Р. Бегичева с просьбой «объяснить» надпись на пьедестале статуи, случайно найденной возле арестантской казармы в Керчи.¹²² С целью пополнения собственного музея ООИД просило М. С. Воронцова распорядиться, «чтобы вещи Керченского музея, имеющиеся в двух-трех экземплярах, передавались по одному экземпляру в общество», так как оно не имеет средств для производства раскопок своими силами. Эта мера «никаким образом не может ослабить Керченского музея, и по тесноте его, еще даст простор для помещения в нем новонайденных древностей». Князь З. С. Херхеулидзе в 1846 г. приказал отправить в Одессу часть экспонатов Керченского

¹¹⁷ По данным Н. П. Чулкова, Бегичев родился 12 марта 1812 г., умер 14 марта 1852 г., похоронен в Керчи на Старом кладбище. См.: Русский провинциальный некрополь: Картотека Н. П. Чулкова из собрания Государственного литературного музея // Река времен. М., 1996. Кн. 4. С. 28. Как следует из формулярного списка Бегичева от апреля 1853 г., обе даты ошибочны: он родился в 1819 г., так как на момент составления документа ему было 34 года. Дата смерти — 7 марта 1862 г. (РА ИИМК, ф. 1, оп. 1-1862, д. 9, л. 1—3).

¹¹⁸ РА ИИМК, ф. 9, оп. 1, д. 222, л. 6 об.—8 об.

¹¹⁹ АГЭ, ф. 1, оп. I-1846, д. 34: отчеты о раскопках за 1846—1850 гг., письма к Жилию, реестры древностей, отправленных в Эрмитаж, с указанием мест находок, рисунки; оп. I-1848, д. 35 (1848—1855); оп. I-1843, д. 26, л. 179 и след.; оп. I-1851, л. 22: видовые рисунки и рисунки находок, переписка об их гравировании.

¹²⁰ ГАОО, ф. 1, оп. 216-1848, д. 71, л. 3—6.

¹²¹ РА ИИМК, ф. 6, д. 103/2.

¹²² ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 20, л. 70—70 об.; д. 47, л. 76—76 об.

Музея. К сожалению, в описи этих вещей, составленной К. Р. Бегичевым, нет сведений о времени и месте находок.¹²³

Отчеты о раскопках в Керчи Одесское общество получало настолько нерегулярно, что вынуждено было обратиться к наместнику Кавказа кн. М. С. Воронцову с просьбой приказать новороссийскому генерал-губернатору и керчь-еникальскому градоначальнику немедленно ставить в известность ООИД о всех новых открытиях древностей. «Только предполагаемого мерою общество будет поставлено в возможность следить за открытиями и об оных сообщать свои заключения». Вскоре в Одессу стали поступать описи вновь найденных вещей, но без указания места и времени находки. Это не могло удовлетворить ученое сообщество, и К. Р. Бегичева настоятельно просили выполнять все требования Одесского общества.¹²⁴

В ноябре 1850 г. К. Р. Бегичев подал Ф. А. Жилю специальную записку «О неудобствах здания Керченского музея для постоянного сохранения в нем древностей и о средствах к вернейшему их сохранению», с просьбой довести ее до сведения министра двора. Здание в зимнее время не отапливалось и подвергалось разрушительному влиянию температурных перемен. Оно освещалось через стеклянную крышу, и в зимние дни яркий солнечный свет, «нагревая внутренний воздух через верхние люки, производит испарину, которая, охлаждаясь в ночное время, садится инеем на все предметы и сообщает им постоянную сырость». Музей не имел специальных помещений для сторожа и кабинета для директора. Он находился на высокой горе, вдали от жилых строений, где в холодное время года «никто не ходит», и таким образом был малодоступен и для посетителей, и для доставления в него древностей. На взгляд Бегичева, это здание «всегда будет неудобным для музея». Исполняющий обязанности директора предлагал переместить музей «в одно из отделений предполагаемого к постройке в Керчи биржевого здания и присутственных мест», а также перевести в Эрмитаж все памятники, «не исключая даже самых ветхих, и по несколько экземпляров каждого рода вещей простой плины, стеклянных, бронзовых и других, имевших археологическое значение». «Очевидно, музей в Керчи должен почти уничтожиться, но оставленный в настоящем его виде, через несколько лет он может уничтожиться сам собой. Почему во всяком случае полезнее жертвовать местным интересом для интереса общего — в пользу науки». Здание музея Бегичев предлагал передать церкви, так как в Керчи при населении 10—15 тыс. человек имелась лишь одна православная церковь. В разрез с мнением А. Б. Ашика, Д. В. Карейши, М. И. Бламберга, посчитавших дальнейшие раскопки курганов на Керченском полуострове малоперспективными, Бегичев писал, что исследования последних лет «в курганах самых малых и большею частью раскопанных» доказывают обратное — в них открыто более 300 гробниц, где «найлены такие вещи, которые по формам своим и содержанию составляют новое открытие в Керчи». Он обратил внимание петербургского начальства на курганы у Павловского мыса, у Старого и Нового Карантина, которые обещают «гораздо более важнейшие находки, но по величине своей требуют больших издержек и потому остаются не расследованными вполне». Для проведения исследований больших курганов Бегичев предлагал удвоить или утроить сумму на раскопки, обычно составлявшую 1428 р. серебром в год, обещая закончить работы за 3 или 4 года.¹²⁵

В 1851 г. были приняты «Общие правила для предъявления правительству древних вещей, находимых в Керченском градоначальстве и его окрестностях» (документ № 21), которые по просьбе М. С. Воронцова дополнили пунктом о необходимости оставлять в Керченском музее по одному экземпляру двойных-тройных вещей (утверждены императором 12 января 1852 г.). На раскопки дополнительно ассигновали 1500 р. серебром в год.¹²⁶ 23 января 1852 г. гр. Л. А. Перовский разъяснил исполнявшему должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора содержание 3-го пункта правил о поощрении добровольного представления властям археологических находок частными лицами, требуя предписать керчь-еникальскому градоначальнику, чтобы он «при доставлении к нему частными лицами каких бы то ни было

¹²³ Там же, л. 47, л. 21—22 об., 51—54.

¹²⁴ Там же, л. 79, 81—81 об., 83, 102—105 об. Здесь же отчеты Ашика и Бегичева о раскопках (л. 6—16: отчет Ашика о раскопках в Керчи с 10 ноября 1845 г. по 12 января 1846 г.; л. 17—20 об.: отчет Ашика о раскопках в Керчи с 4 февраля по 15 апреля 1846 г.; л. 23—50: отчет Ашика о раскопках на Таманском полуострове с 12 апреля по 1 июня 1846 г.; л. 88—139: копии рапортов Бегичева о раскопках в Керчи за 1850—1852 гг.).

¹²⁵ АГЦ, ф. 1, оп. 1-1848, л. 35, л. 67—71.

¹²⁶ ИР ЦНБ, V, 1199—1218, л. 22, 29—29 об., 38.

древних вещей принимал и записывал их в книгу, довольствуясь теми показаниями, какие будут даны добровольно самими предъявителями вещей, и ни в каком случае не прибегал бы ни к каким по сему предмету вынудительным расспросам, тем более к исследованиям о том, каким образом представляемые вещи достались в руки их предъявителям».¹²⁷ К. Р. Бегичев просил керченского градоначальника распорядиться о переводе «Правил» на греческий и татарский языки, чтобы сделать их содержание доступным для жителей и торжественно обозначить во всех уголках градоначальства. «Правила» предусматривали возможность «сбывать честным и законным образом» принадлежащие частным лицам древности за цену, которую они сами могут назначить. Вслед за Ашиком К. Р. Бегичев предлагал включить в штат музея одного или двух конных объездчиков, которые должны были в любое время суток обезопасить места раскопок, наблюдать за всеми «домашними» земляными работами, под чем подразумевалось сооружение фундаментов, рытье канав, возделывание плантаций с целью предупреждения со стороны хозяев «расхищения» при случайном открытии древностей. На дальнюю перспективу он предлагал ввести правило для всех жителей керчь-еникальского градоначальства, чтобы без ведома директора музея никто не мог бы начинать никаких земляных работ, т. е. предупредить любую возможность «добывания» древностей посторонними лицами.¹²⁸ Однако его предложения не нашли поддержки местных властей.

С переходом в ведение Министерства внутренних дел всех археологических работ в России (1852) министр Л. А. Перовский стал искать пути улучшения деятельности Керченского музея древностей.¹²⁹ Для выполнения новой программы исследований и внедрения в практику новых правил раскопок необходимо было обновить состав служащих музея, и случай к этому скоро представился. О ситуации в Керчи министр узнавал через комиссионера по приобретению боспорских монет для своего прекрасного собрания — К. Р. Бегичева.¹³⁰ Понимавший это Ашик весной 1851 г. просил керчь-еникальского градоначальника А. П. Лазарева уволить Бегичева из музея «как чиновника совершенно бесполезного», а раскопки возложить на своего родственника, главного медицинского чиновника карантина А. М. Арпу, у которого хранились ключи от музея. Вернувшийся из Петербурга 5 апреля 1851 г. Бегичев столкнулся с предвзятым отношением к себе градоначальника. А. П. Лазарев запретил Арпе допускать Бегичева в музей, несмотря на то что тот занимался рисованием статуи для издания «Древностей Боспора Киммерийского». Бегичев немедленно пожаловался Ф. А. Жилко и вскоре подал градоначальнику рапорт об отставке, но вмешательство петербургских покровителей и известный скандал с находкой двух статуй изменили ситуацию в его пользу.¹³¹

В октябре 1850 г. мещанин М. Щербина, живший на Глинище, пришел в музей, которым в то время ведал А. М. Арпа, и сообщил о находке статуи при рытье ямы у подошвы кургана, находившегося во дворе его дома. А. М. Арпа продолжил раскопки и обнаружил еще одну статую (рис. 82). А. Б. Ашик в то время находился в Одессе, а К. Р. Бегичев — в Петербурге. Узнав о блестящем открытии своего зятя Арпы, директор музея тут же составил инструкцию, датировал ее задним числом и отправил в Керчь. Ни в донесении А. М. Арпы градоначальнику, ни в инструкции А. Б. Ашика ни словом не упоминалось о М. Щербине. Очевидно, А. Б. Ашик хотел подчеркнуть свое непосредственное участие в важном открытии, показать свою дальновидность и получить правительственные награды себе и своему родственнику А. М. Арпе.¹³² В книге «Часы досуга, с присовокуплением писем о керченских древностях» и специальной статье¹³³ заслугу находки он приписал Арпе. М. Щербина напрасно обивал пороги градоначаль-

¹²⁷ Там же, л. 25 об., 40.

¹²⁸ АВ СПбФ ИВ, ф. 52, оп. 1, л. 82, л. 2 об.

¹²⁹ Марту И. Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926. С. 19—21.

¹³⁰ См. примечания Е. Е. Люценко к сатирической «Археологической оде», посвященной В. Г. Тизенгаузену (см.: Стихотворения археологов Е. Е. Люценко и барона В. Г. Тизенгаузена / Публ. А. И. Маркевича // ИТУАК. 1910. № 44. С. 79. Примеч. 1).

¹³¹ АГЭ, ф. 1, оп. I-1848, д. 35, л. 112—115: письмо Бегичева Жилко из Керчи от 1 мая 1851 г., л. 128—138 об.: письма Бегичева Жилко, копия рапорта градоначальнику об отставке, подробные сведения о находке двух статуй Щербиной.

¹³² Щербин В. В. Из архива Керченского музея древностей. III: О находке двух древних статуй в 1850 г. // ИТУАК. 1908. № 42. С. 56—60; Бич О. И. Архивные данные о статуях, найденных в Керчи в 1850 г. // СА. 1958. Т. 28. С. 87—90.

¹³³ Ашик А. Б. Часы досуга, с присовокуплением писем о керченских древностях. Одесса, 1851. С. 167—173. Франц. перевод: Aschik A. De la découverte de deux statues antiques à Kertsch. Odessa, 1851.

чальства, надеясь получить хоть какое-нибудь поощрение. Только в 1851 г., когда министр Л. А. Перовский от К. Р. Бегичева узнал подлинную историю открытия статуй, М. Щербина получил серебряную медаль на Анненской ленте и 300 р. серебром.¹³⁴ До Перовского дошли также слухи, распространяемые Н. Н. Мурзакевичем, о продаже боспорских древностей за границу. Возмущенный Перовский, даже не удостоив Ашика аудиенции в Петербурге, приказал ему подать в отставку.

В своем частном письме Л. А. Перовскому от 12 июня 1852 г. Ашик пытался отвести обвинения в свой адрес, считая их необоснованными: «Да будет мне позволено сказать, что никого не осуждают, не поставив в известность об ошибках, им совершенных и не дав возможности оправдаться. Вспоминая все свои действия с момента вступления на службу, я могу лишь тешить себя уверенностью, что среди самых различных соблазнов я сохранил свою совесть чистой и совершенно незапятнанной. [...] Я предполагаю, что меня оклеветали в глазах Вашей светлости, хотя моя совесть спокойна, а лучшим доказательством моей добродетели может служить то, что мне недостает необходимого, что я обездолил своих детей, потратив то небольшое состояние, которое принадлежало моей жене; одним словом, у меня нет ничего, ничего в полном смысле слова. Однако, если судить по тем суммам денег, которые прошли через мои руки, по числу важных исследований, которые я провел, по золоту, которое я нашел, можно обоснованно считать мою службу не безрезультатной [...] Публикация, которую я совершил как автор, не имеет отношения к службе». В этом эмоциональном, полном горечи письме Ашик приводит краткий обзор своей службы, полезный для реконструкции его биографии, а именно то, что он: 1) пожертвовал 3128 р. ассигнациями для завершения строительства набережной в Керчи; 2) подарил Керченскому музею коллекцию золотых предметов из кургана Куль-Оба («в это время большое количество золотых предметов, происходящих из кургана, стало предметом дележа среди жителей Керчи, и даже сегодня нетрудно было бы найти их у них»); 3) передал в дар Керченскому музею составленную им в 1820-х гг. коллекцию боспорских монет, за которую Французская Академия предлагала ему 3 тыс. франков, «и она до сего дня остается единственной, которой он владеет»; 4) основал городскую библиотеку, пожертвовав ей почти все свои книги, и т. п. Причиной своего переезда в Одессу Ашик называет конфликт с градоначальником З. С. Херхеулидзе: «после дружеской, осмелюсь сказать, связи, продолжавшейся более 10 лет, мы не могли более служить вместе. Я просил отставки, но князь Воронцов приказал мне вернуться в Одессу и, чтобы воспользоваться моим удалением из Керчи, поручил мне публикацию трудов, которые Вам известны... Во время моего пребывания в Одессе я работал гораздо больше, чем мог бы, если бы оставался в Керчи. Мои разногласия с князем Херхеулидзем относятся к вопросам чести. [...] После своего возвращения из-за границы я не занимался раскопками более, чем всего несколько месяцев». Ашик пишет, что, покидая место директора с расстроенным здоровьем (он жалуется на неизлечимую «ипохондрию» и вывих ноги, полученный им при упаковке мраморов для Эрмитажа), он лишает свою семью средств к существованию и просит покровительства в поисках другого места службы.¹³⁵ Однако все аргументы Ашика были отвергнуты Перовским — министр сделал строгий выговор градоначальнику Керчи за то, что Ашик посмел обратиться к нему с частным письмом, да еще на французском языке, и уведомил, что все подобные письма будут оставлены адресатом без внимания. Ашик был уволен с поста директора 2 августа 1852 г. якобы по собственной просьбе «по расстроенному здоровью». Однако в связи с «уважением его недостаточного положения» Антон Балтазарович все же был «оставлен» в ведомстве МИДа «до определения к штатному месту, с получаемым им жалованьем по 800 р. серебром в год».¹³⁶ После отставки 24 декабря 1852 г. Ашик был причислен к штату канце-

¹³⁴ Шкорниль В. В. Из архива Керченского музея древностей. С. 61.

¹³⁵ РА ИИМК, ф. 6, д. 199, л. 3—9 об.: письмо Ашика гр. Л. А. Перовскому от 12 июня 1852 г.

¹³⁶ Там же, л. 11—15; ГАОО, ф. 46, оп. 2, д. 46, л. 26 об.—28. См. также оценку инцидента в «Археологической оде» Е. Е. Люценко, который об обвинениях К. К. Герца в адрес Ашика, писал:

Ты Ашика оклеветал,
Распространивши небывлицу,
Что будто бы тот вешь крал
И продалвал их за границу.
А сей ученый, как на грех,
Был человек честнейших правил

И память добрую у всех
По смерти по себе оставил.
Интрига в гроб его свела.
Перовский, Бегичеву веря,
Ему наделал пропальсть зла
И затравил его как зверя.

лярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора с выдачей единовременного пособия в размере годового оклада. По собственной просьбе 1 мая 1852 г. он был назначен заведующим Одесской городской публичной библиотекой. Но состояние его подорванного раскопками здоровья еще более ухудшилось из-за стрессов, связанных с потерей места директора Керченского музея, а затем с блокадой Одессы в годы Крымской войны, и 26 мая 1854 г. Ашик скончался.

В августе 1852 г. во время пребывания в Керчи Л. А. Перовский добился увеличения ассигнований на раскопки в размере 1000 р. серебром, направленных им керчь-еникальскому градоначальнику. Из этих средств министр предписал приобретать у местных жителей открываемые «мраморные изваяния, надписи и т. п.» и время от времени командировать специального чиновника в Петербург, пользуясь пароходным сообщением, для их доставки в Эрмитаж.¹³⁷ Перовский приказал вести «подробный и отчетливый журнал» археологическим работам. Новый керчь-еникальский градоначальник кн. Д. Н. Гагарин отправил в Одесское общество истории и древностей «журнал, заведенный по распоряжению г-на министра внутренних дел, содержащий в себе обстоятельное описание всех находок, сделанных в керченских курганах, идущих по направлению от горы Митридат до Золотого кургана». Согласно журналу, опубликованному в «Записках» ООИД, за один июль 1852 г. был раскопан 61 курган. Поступившие в общество несколько позднее рисунки и чертежи к этому журналу изданы не были.¹³⁸

К. Р. Бегичев в 1852 г. частично перенес работы на Тамань. По приказу министра в 1853—1860 гг. близ ст. Сенной, «в центре всех раскопок на Таманском полуострове», был построен и меблирован специальный дом «со службами» — археологическая база для проживания археологов, первичной камеральной обработки и хранения находок.¹³⁹ В своих рапортах в Петербург, используя выданную ему крупномасштабную 8-листную карту Таманского полуострова в масштабе 2 версты в английском дюйме (1: 84000), Бегичев должен был обозначать «номер и букву квадрата той местности», где проводил раскопки, чтобы петербургские власти могли определить место проводимых работ. Ни к месту раскопок вплоть до их окончания, ни к осмотру находок посторонние лица не допускались. Все памятники следовало подробно описывать и каталогизировать.

30 марта 1853 г. новым директором музея был назначен инженер путей сообщения Александр Ефимович Люценко, или Луценко (1807—1884),¹⁴⁰ а его помощником К. Р. Бегичев. В штат музея были также включены в 1854 г. «чиновник для раскопок» Яков Матвеевич Лазаревский, А. С. Линевиц,¹⁴¹ впоследствии производитель дел Археологической комиссии, с 1862 г., как упоминалось, художник Ф. И. Гросс.¹⁴² Страстный любитель древностей, служив-

Он ясным обладал умом,
Не кланялся и в правду верил,

Владел недюжинным пером
И никогда не лицемерил...

См.: Стихотворения археологов Е. Е. Люценко и барона В. Г. Тизенгаузена. С. 78—79.

¹³⁷ РА ИИМК, ф. 6, л. 179, л. 28, 39—39 об.

¹³⁸ Археологические разыскания в Керчи, произведенные в 1852 г. по северному наклону, идущему от горы Митридата к Золотому кургану / Сообщ. кн. Д. Гагарин // ЗООИД. 1853. Т. 3. С. 540—552; ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 3, л. 66—66 об., 84 об.

¹³⁹ Герб К. К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. // Собр. соч. СПб., 1898. Вып. 2. С. 55—61; Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. С. 20—21.

¹⁴⁰ А. Е. Люценко, сын Ефима Петровича Люценко (1776—1854/1855), поэта и переводчика, члена Вольного общества любителей российской словесности, знакомого А. С. Пушкина (о нем см. статью Е. С. Лямина и С. И. Панова в кн.: Русские писатели, 1800—1917: Биографический словарь. Т. 3: К—М. С. 440—441). В 1878 г. А. Е. Люценко вышел в отставку с поста директора музея в чине действительного статского советника из-за преклонного возраста и «по расстроенному здоровью» (ревматизм и слабость зрения), поселился в Петербурге, где жил вплоть до своей смерти 28 января 1884 г. См.: РА ИИМК, ф. 1, оп. 1-1877, д. 9, л. 1—45: Об увольнении директора Керченского музея д. с. с. Люценко от службы с пенсией и мундиром (л. 19—28: формулярный список); Власова Е. В. А. Е. Люценко и боспорские древности в Эрмитаже // Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга (1893—1972): Краткое содержание докл. СПб., 2000. С. 49—53; Лазенкова Л. М. Керченский музей древности: Исследователи: «Почтенный» археолог А. Е. Люценко // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства: Матер. Междунар. науч. конф. СПб., 2001. Ч. 2. С. 287—292.

¹⁴¹ О керченских гробницах: (Из письма чиновника Керченского музея А. Ст. Линевица к П. М. Леонтьеву) // Прошлые. М., 1854. Т. 4. С. 537—539.

¹⁴² Лазаревский Я. М. 1) Курганы Таманского полуострова // ИРАО. 1861. Т. 2. С. 28—32; 2) Александропольский курган: Могила Скифского царя // ЗРАО НС. 1895. Т. 7. Вып. 1—2. С. 24—46.

ший до этого в Тифлисе, А. Е. Люценко обратился на себя внимание гр. Л. А. Перовского своей нумизматической коллекцией. Новый директор был причислен сначала к Кабинету ЕИВ, а с образованием Археологической комиссии в 1859 г. переведен в ее штат.¹⁴³ Ему помогал родной брат, унаследовавший поэтические способности отца,¹⁴⁴ *Ефим Ефимович Люценко*,¹⁴⁵ выполнявший функции лаборанта при музее.¹⁴⁶ Систематические раскопки на Керченском полуострове и Тамани были продолжены. Основное внимание уделялось, как и раньше, курганам, но методика исследований заметно улучшилась — А. Е. Люценко ввел съемку планов, а его отчеты отличались подробностью и обстоятельностью: «они очень обильны рисунками, планами и чертежами», выполненными К. Р. Бегичевым и Ф. И. Гроссом.¹⁴⁷ Много лет спустя М. И. Ростовцев, однако, упрекал Люценко в том, что «к памятникам... он относился небрежно, и на его совести лежит гибель склепов Большой Близницы, Васюриной горы и пр.»¹⁴⁸

В июле 1852 г. Керчь посетил действительный член ООИД П. В. Беккер, оставивший описание музея. Это последнее обстоятельное свидетельство современника о состоянии хранилища перед Крымской войной. «При обозрении разнообразных предметов» путешественник не смог ни от кого узнать «ни места, ни образа находки и прочих подробностей». П. В. Беккер одобрил нововведения — составление «точного журнала» раскопок и описей находок, паспортизацию вещей, снятие рисунков с памятников, отправляемых в Петербург, съемку топографической карты с обозначением буквами и цифрами отдельно каждого кургана, отправку Одесскому обществу отчетов о раскопках.¹⁴⁹

Часть древностей была размещена под колоннами у внешних стен здания музея, в том числе фрагменты мраморного фриза, капители, колонны, надгробия с барельефами и надписями, пьедестал статуи (КБН 59), два льва при входе. Внутри большого зала, освещаемого солнцем через стеклянную крышу, по периметру стояли шкафы с расписными вазами, «простой» гончарной посудой, алебастровыми и глиняными «унгвентариями», «слезницами», стеклянными сосудами и различной утварью. В застекленных столиках хранились монеты, деревянные ларцы и «полный банный прибор, с губкой, щеткой и деревянным гребешком». В центре зала находилась витрина с золотыми украшениями. На стенах были закреплены надгробия с барельефами и надписями, вырезанные из местного известняка. П. В. Беккер обратил внимание на почти полное отсутствие в собрании амфорных и черепичных клейм, что вызвало у него крайнее удивление. Это могло объясняться только тем, что ими либо просто пренебрегали при раскопках,¹⁵⁰ либо тем, что все памятники подобного рода были вывезены в Петербург.

А. М. Разгон высказал мнение, что собственно научной организации и экспозициям Керченского музея древностей не уделялось должного внимания, так как в литературе отсутствуют данные о научной классификации памятников.¹⁵¹ С этим выводом согласиться нельзя. Судя по описанию П. В. Беккера, древности были систематизированы по материалу и назначению — утварь, керамика, монеты, надгробия, причем по возможности соблюдался и хронологический принцип.

С началом Крымской войны были приняты меры по эвакуации памятников музея. В апреле 1854 г. вещи упаковали в 7 ящиков и отправили в Бердянск, а затем в немецкую колонию

¹⁴³ РА ИИМК, ф. 1, оп. 1-1859, д. 2, л. 3—12; д. 3, л. 1—91.

¹⁴⁴ Е. Е. Люценко — автор «Археологической оды», посвященной В. Г. Тизенгаузену. См.: ЗООИД. 1902. Т. 24. Ч. 3. С. 14—18 (публ. А. И. Маркевича).

¹⁴⁵ О братьях Люценко см.: *Боровкова В. Н.* Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь, 1999. С. 41—46.

¹⁴⁶ См. его научные публикации и воспоминания: *Люценко Е. Е.* 1) Описание пепельной урны с рисунками, найденной в марте 1872 г. в Керчи // ЗООИД. 1872. Отд. 3. С. 474—478; 2) Способ подделки древних босфорских монет М. Сазоновым, рассказанный им самим; Ашик и Карейша / Публ. В. В. Шкорпила // ИТУАК. 1907. № 40. С. 61—73; 3) О находке двух древних статуй в 1850 г. / Публ. В. В. Шкорпила // ИТУАК. 1908. № 42. С. 56—63; *Люценко Е. Е., Юргевич В. Н.* О двух мраморах с эллинскими надписями, открытых в 1874 г. в Керчи // ЗООИД. 1875. Т. 9. Отд. 3. С. 375—377; *Брун Ф. К.* Восточный берег Черного моря по древним периплам и по компасовым картам. С примеч. Е. Е. Люценко // Там же. С. 410—432. Большинство трудов Е. Е. Люценко осталось в рукописи (РА ИИМК, ф. 28, 23 дела за 1860—1880 гг.).

¹⁴⁷ *Гусаров Ф. Т.* Керченскому музею — 125 лет // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952. С. 9.

¹⁴⁸ АДЖЮР. Текст. С. 7.

¹⁴⁹ *Беккер П. В.* Керчь и Тамань в июле 1852 года // Прописи. 1853. Т. 3. С. 352, 354.

¹⁵⁰ Там же. С. 354—359.

¹⁵¹ *Разгон А. М.* Археологические музеи... С. 211.

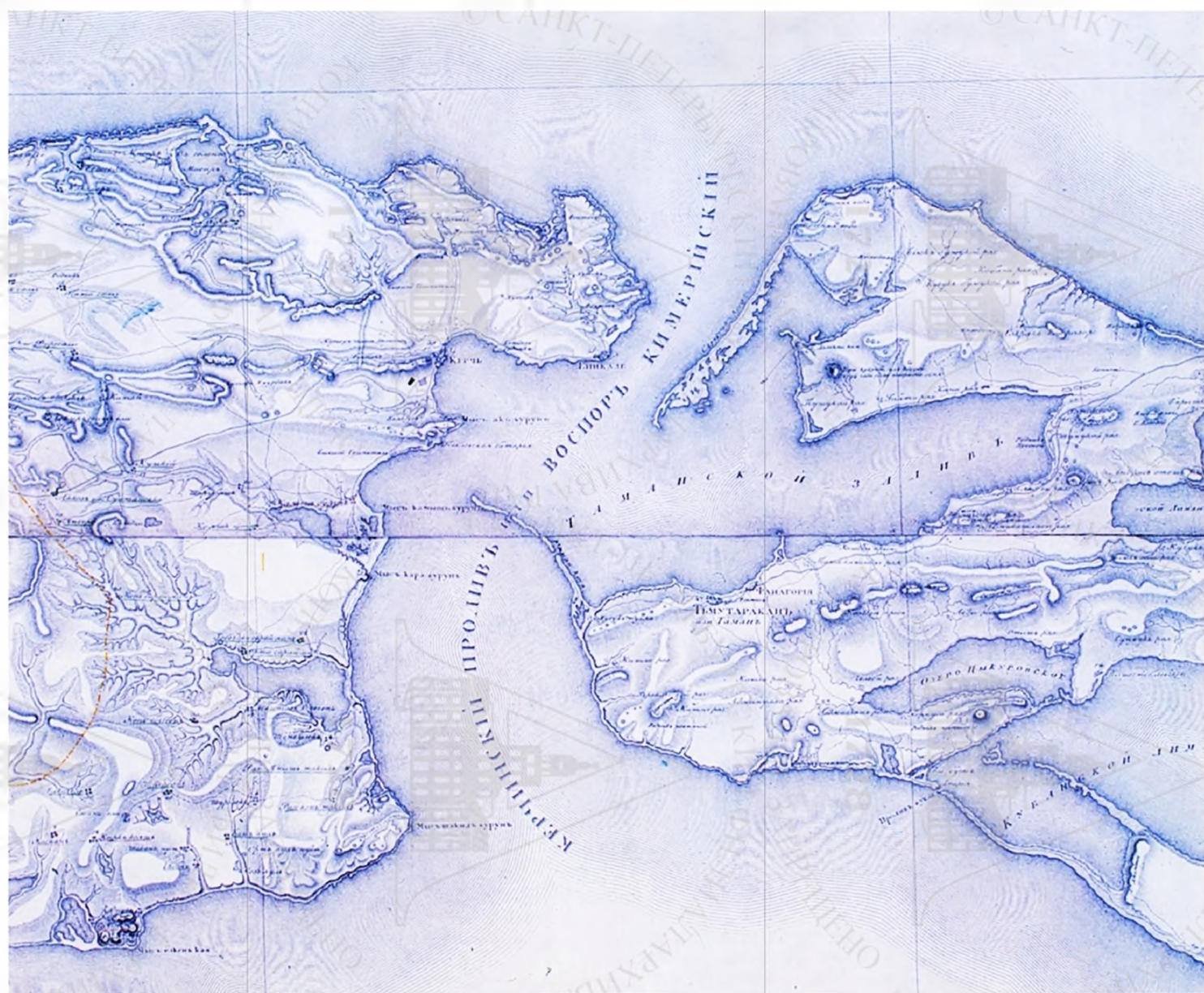

Рис. 19. Фрагмент военной топографической карты полуострова Крым (Керченский и Таманский п-ов) съемки генерал-майора С. А. Мухина. 1816 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 19071, ч. 1, л. 5).

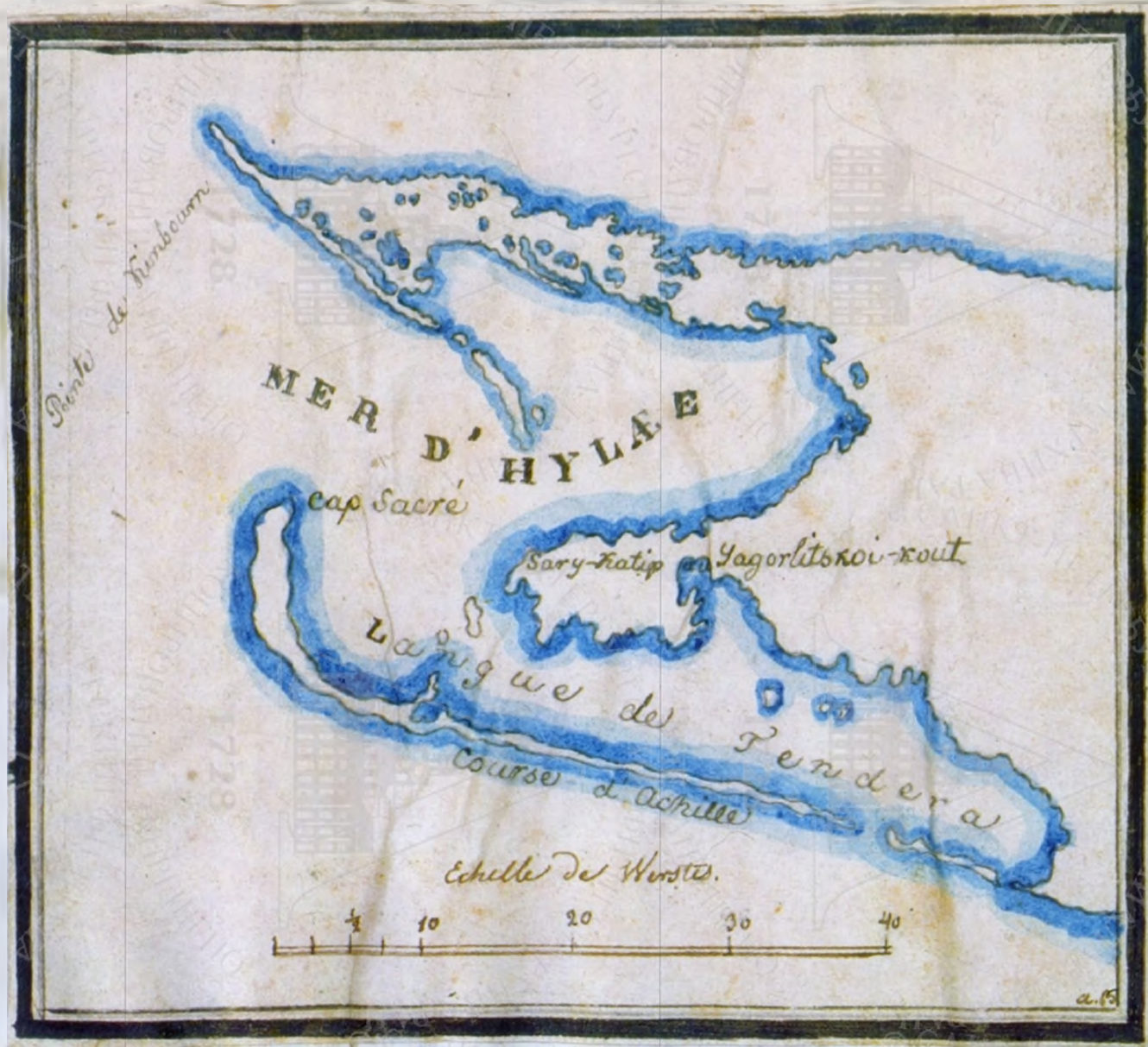

Рис. 37. И. П. Бларамберг. План Кинбурнского полуострова и северной части Ахиллова дрома—Тендровской косы. 1828 г. (ГАРФ, ф. 1463, оп. 2, д. 1217, л. 3).

Рис. 45. П. Дюбрюкс. «Карта Боспора Киммерийского (Керченского пролива) и прилегающих территорий», с обозначением обследованных Дюбрюксом мест. № 1. Расшифровка условных обозначений: «А — Портмион; В — Мирмекий; С — Пантикапей; D — Нимфей; E — Высокие стены; F — Мыс Кара-Бурун; G — Царский замок; Y — Тиритака; I — Акра; J — Китей; K — Киммериум; l — Гераклий Страбона по Бларамбергу; 2 — Дом и сад г-на Скасси; 3 — Золотой курган и сооружение к востоку от него; 4 — Болото; 5 — Мраморные колонны, выступающие на аршин (0.71 м) над поверхностью воды; 6 — Руины Корокондамы; 7 — Руины Ахиллеума; 8 — Руины, которые, должно быть, являются Азиатским Киммериумом; 9 — Руины храма Венеры (Афродиты) Апатуры; 10 — Руины под водой, которые, должно быть, являются древней Фанагорией; 11 — Мели под водой; 12 — Устье Гипаниса, или Кубани; 13 — Переправа (проход) глубиной 3 сажени (6.40 м); 14 — Руины, древние названия которых неизвестны (сомнительны); 15 — Гора Апук». Не позднее 1833 г. (ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 534, л. 123, 123 об. Публ. впервые).

Рис. 46. П. Дюбрюкс. «План развалин городка Портмиона рядом с маяком Еникале. Окружность городка около 350 саженей. № 2». Не позднее 1833 г. (ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 534, л.124. Публ. впервые).

Рис. 47. П. Дюбрюкс. «План развалин Мирмекия. № 3. Окружность городка около 520 саженей». Не позднее 1833 г. (ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 534, л. 125. Публ. впервые).

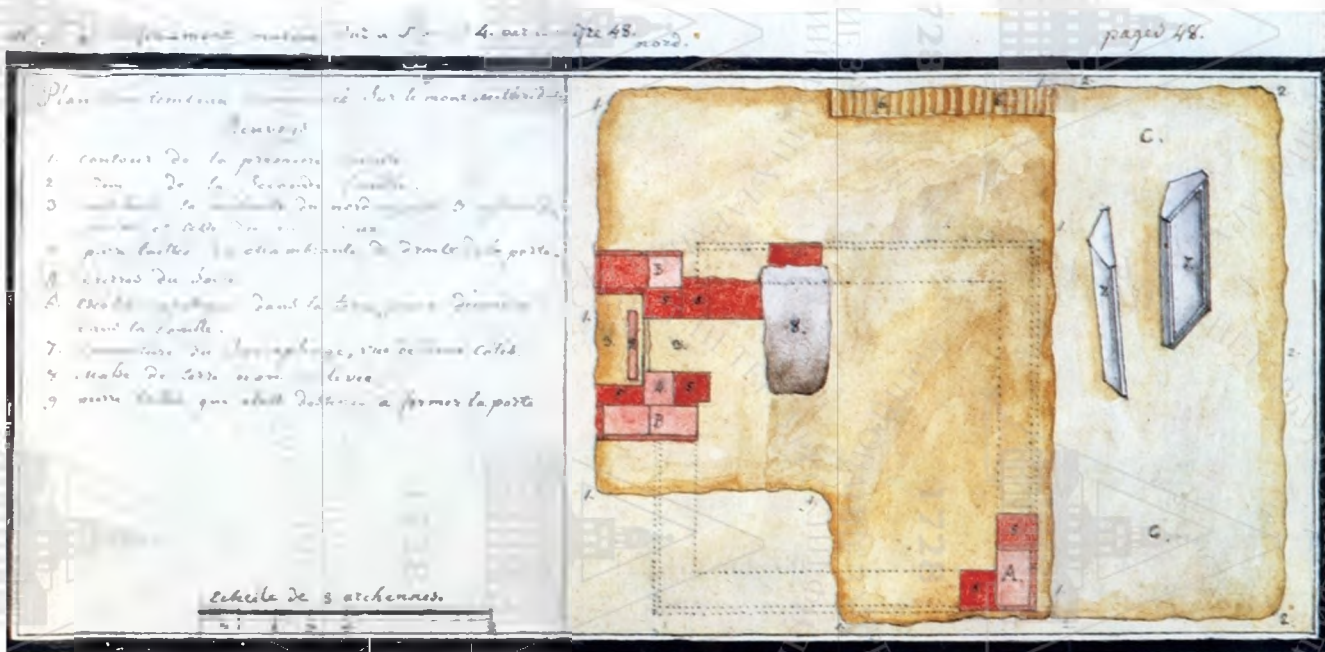

Рис. 49. П. Дюбрюкс. «План погребения в начале горы Митридат». № 5 (к плану № 4). Не позднее 1833 г. (ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 534, л. 126а. Публ. впервые).

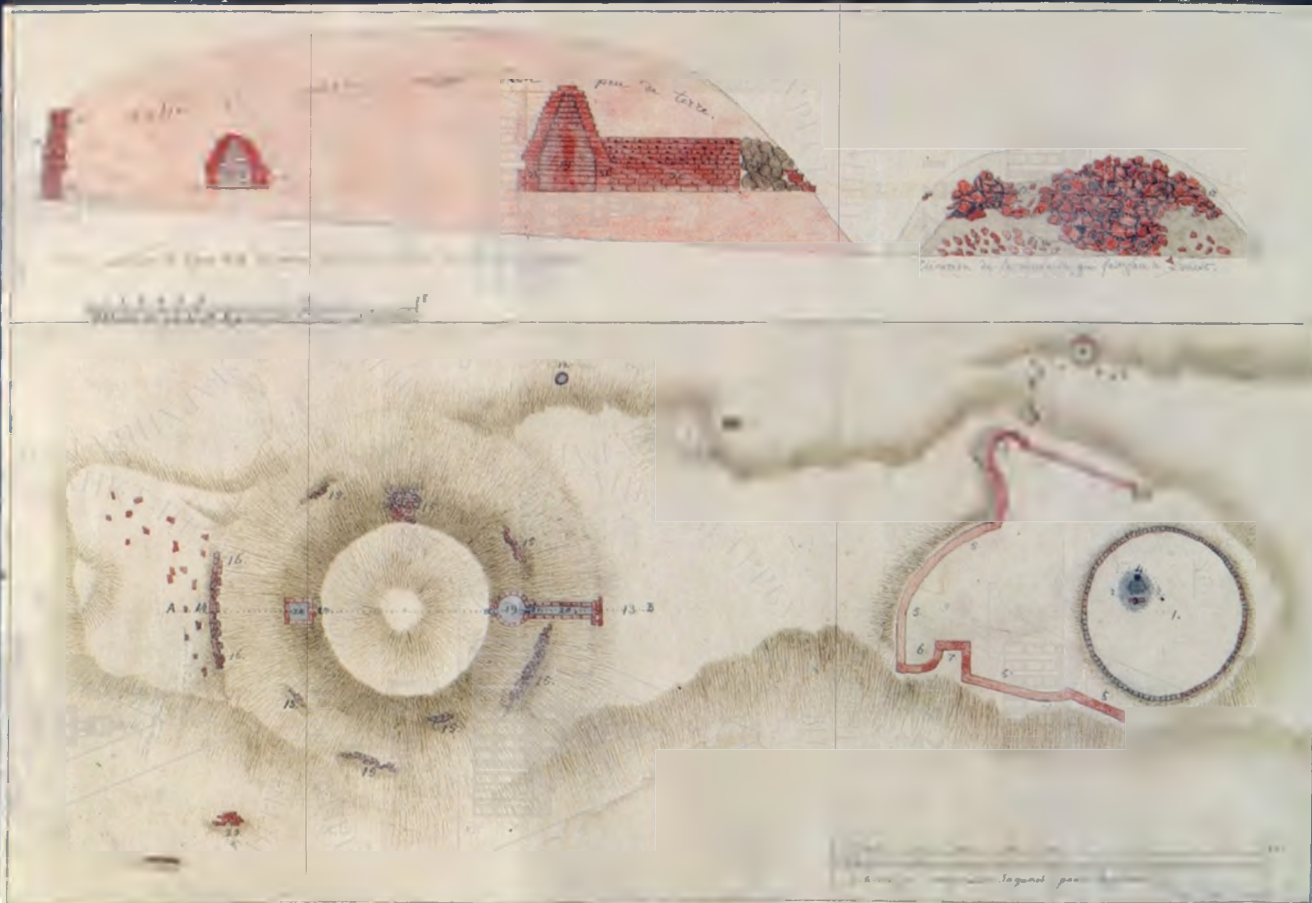
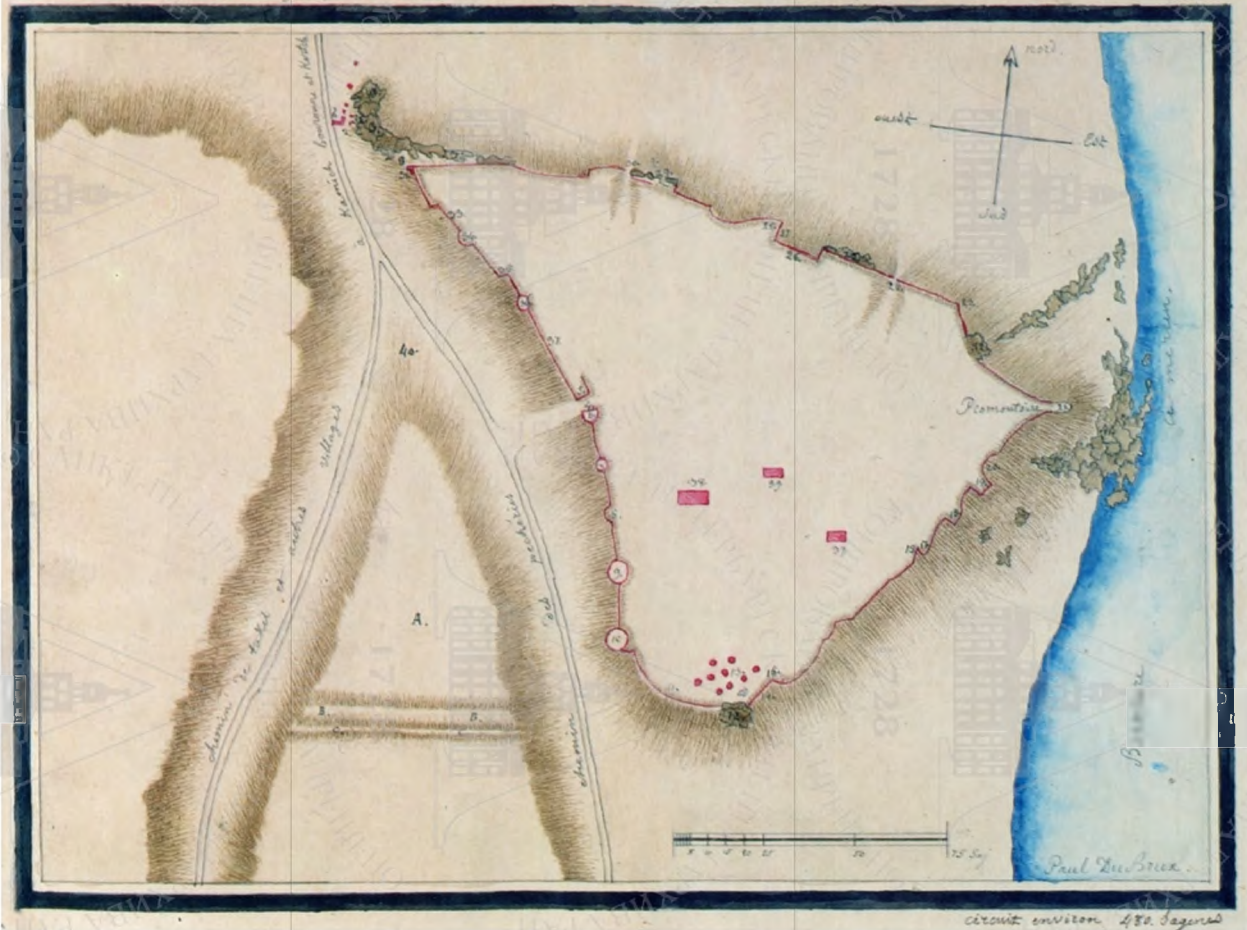

Рис. 50. П. Дюбрюкс. «План и разрез Золотого кургана с профилем остатка северной стены». № 6. Не позднее 1833 г. (ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 534, л. 127. Публ. впервые).

Рис. 51. П. Дюбрюкс. «План развалин города Нимфея, согласно Периплу Анонима, и больших крепостных стен, которые ведут к порту» (Павловская батарея). № 7. Не позднее 1833 г. (ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 534, л. 128. Публ. впервые).

circuit environ 480 toises

Рис. 52. П. Дюбрюкс. «План развалин, найденных на мысу Кара-Бурун на земле г-на Гурьева (Нимфей)». № 8. Не позднее 1833 г. (ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 534, л. 129. Публ. впервые).

Рис. 53. П. Дюбрюкс. «План развалин акрополя в Кермеш-Келечике, по г-ну Бларамбергу Тиритаки Птолемея, но впоследствии, согласно описанию Диодора Сицилийского, принятого за замок Боспорский» (Илурат). № 9. Не позднее 1833 г. (ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 534, л. 130. Публ. впервые).

Рис. 54. П. Дюбрюкс. «План городка или города, защищаемого акрополем Кермеш-Келечик, по абрису 650 на 660 сажений» (Илурат). № 10. Не позднее 1833 г. (ГАРФ, ф. 666, оп. 1, л. 534, л. 131. Публ. впервые).

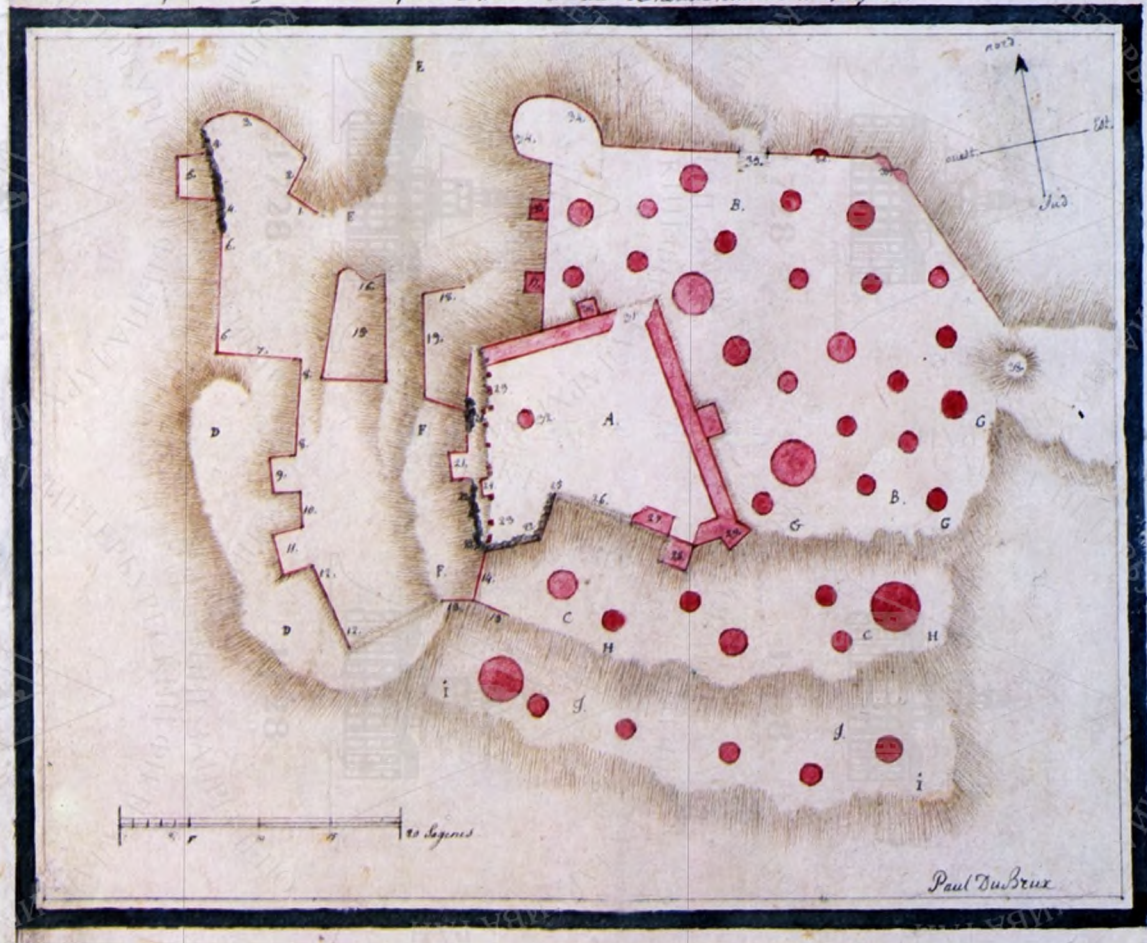

Рис. 55. П. Дюбрюкс. «План маленького городка с акрополем в 11 верстах к западу от Керчи, по абрису 200 саженей» (Андреевка Северная?). № 11. Не позднее 1833 г. (ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 534, л. 132. Публ. впервые).

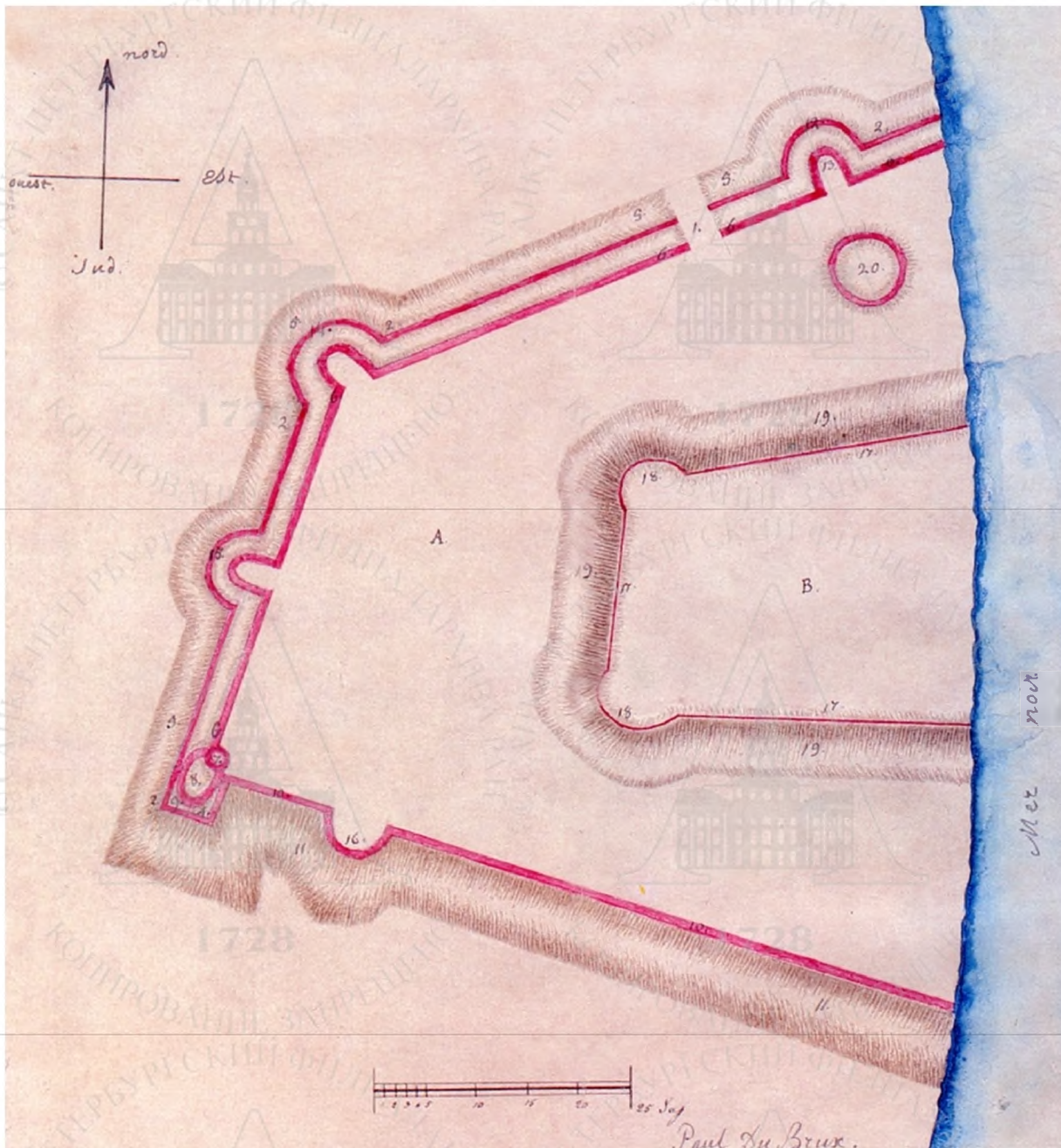

Рис. 56. П. Дюбрюкс. «План развалин городка Акра» (Китей). № 12. Не позднее 1833 г. (ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 534, л. 133. Публ. впервые).

Рис. 57. П. Дюбрюкс. «План горы Апук и руин Китея» (Киммерик). № 13. Не позднее 1833 г.
(ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 534, л. 134. Публ. впервые).

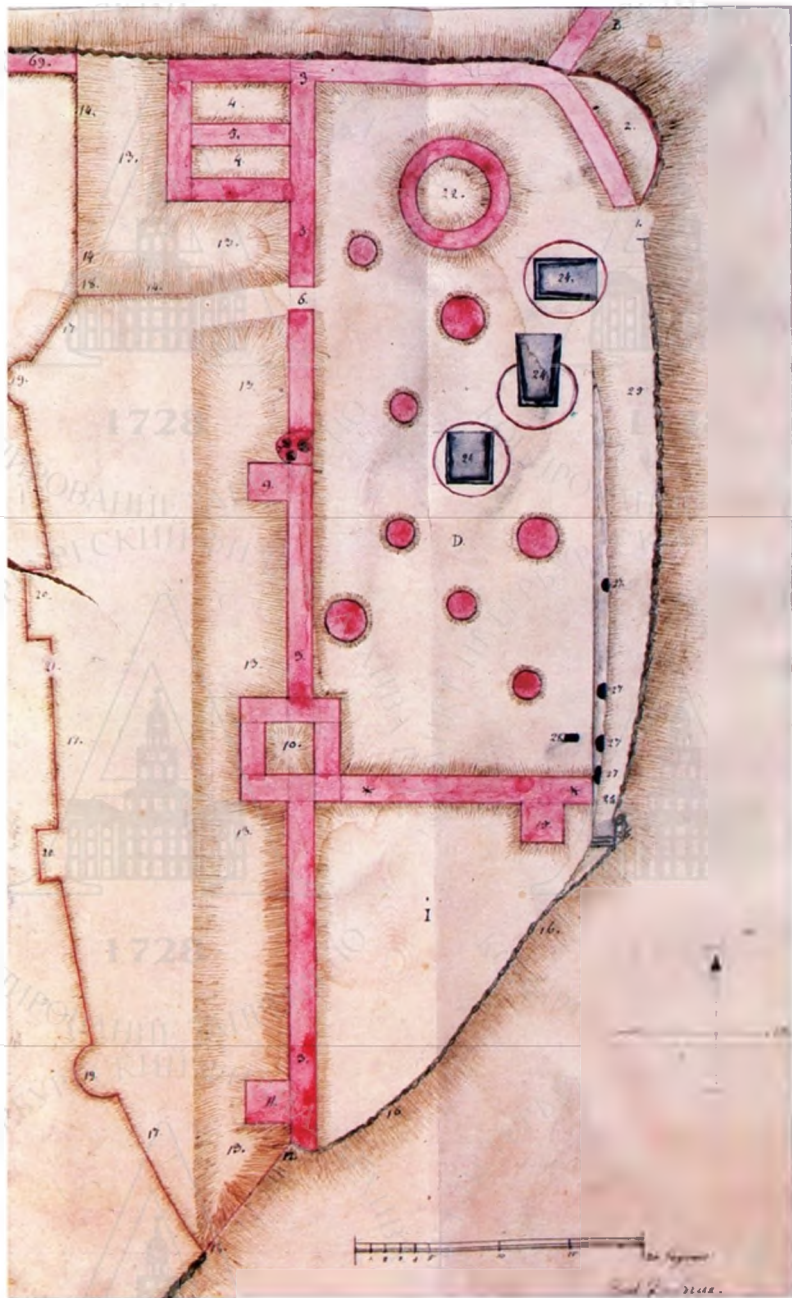

Рис. 58. П. Дюбрикс. «План акрополя Китея к востоку от горы Апук, по контуру 115 саженьей» (Киммерик, «холм А»). № 14. Не позднее 1833 г. (ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 534, л. 135. Публ. впервые).

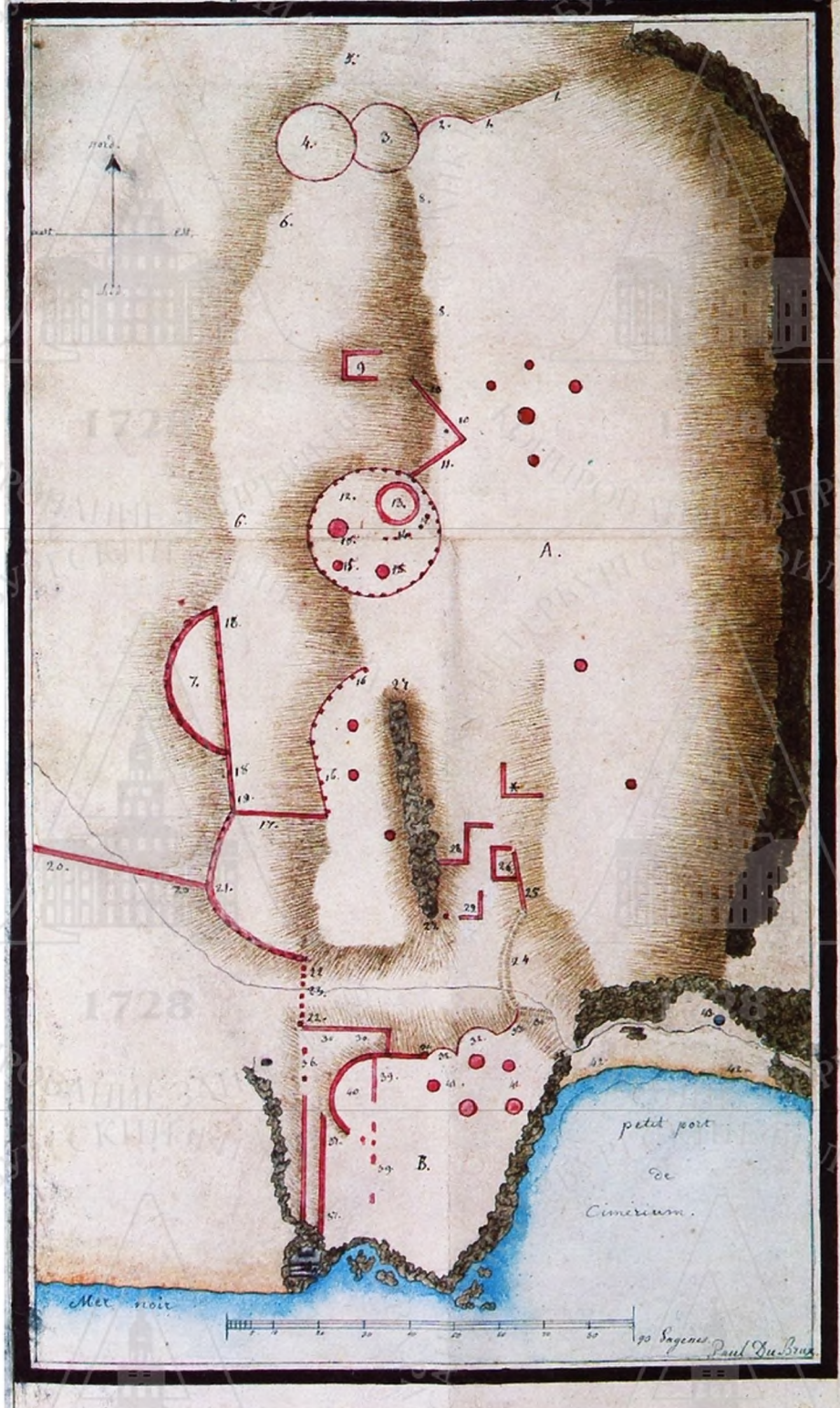

Рис. 59. П. Дюбрюкс. «План городка Киммериум, по контуру до разделяющей скалы 720 сажений» (плато горы Олук). № 15. Не позднее 1833 г. (ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 534, л. 136. Публ. впервые).

Рис. 61. П. Дюбрюкс. «План круглого сооружения в Мирмекии, возможно относящегося к Гераклию Страбона». Не позднее 1833 г. (ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 534, л. 138. Публ. впервые).

Рис. 60. Эдуард Ниппа. 1) «Вид остатков круглого сооружения на акрополе Мирмекии» (к плану Дюбрюкса № 3); 2) «Вид маяка в 5 верстах к северу от Еникале у Азовского моря» (к плану Дюбрюкса № 2). Не позднее 1833 г. (ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 534, л. 137. Публ. впервые).

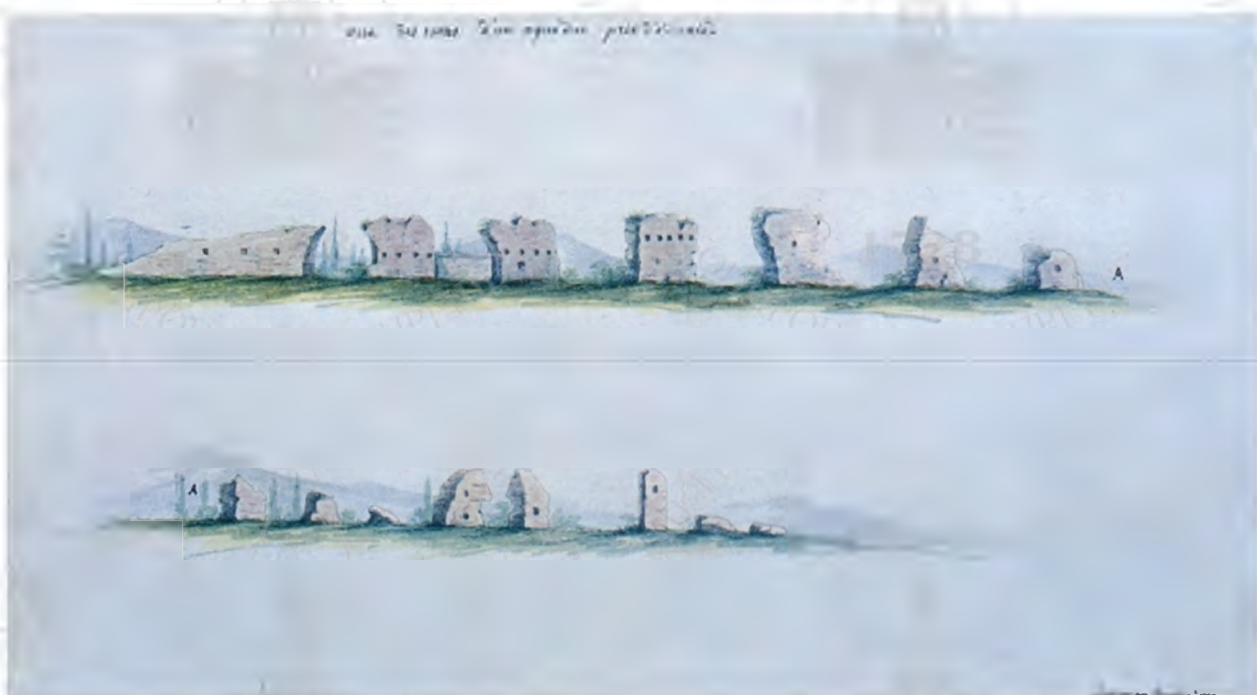
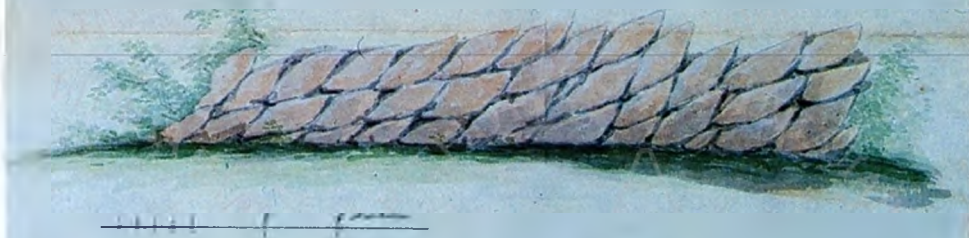

Рис. 62. Эдуард Ниппа. «Вид руин акведука около Еникале». Не позднее 1833 г. (ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 534, л. 139. Публ. впервые).

vue d'une partie de mur de l'enceinte d'un ancien bourg découvert près du village tatar de Koudoufnek à 12 verstes à l'ouest de Kertch. Plan n° 11.

vue d'une partie de mur et du terre-plain de l'acropole située à Kermetchik à 16 verstes au sud-ouest de Kertch. Plan n° 9.

Рис. 63. Эдуард Ниппа. 1) «Вид части древней стены древнего городка, открытого около татарского селения Курдак в 12 верстах к западу от Керчи» (к плану Дюбрюкса № 11); 2) «Часть стены акрополя, расположенного в Кермечике в 16 верстах к юго-западу от Керчи» (к плану Дюбрюкса № 9). Не позднее 1833 г. (ГАРФ, ф. 666, оп. 1, д. 534, л. 140. Публ. впервые).

Рис. 82. Титульный лист книги «Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа» (СПб., 1854) с рисунками мраморов и надгробий, поступивших в Эрмитаж из Керченского музея.

Рис. 87. К. Бегичев. «Вид кургана на Солончаке между городом Керчью и предместьем Глинище, в котором открыта большая каменная гробница с египетским сводом (расхищенная) [Мелек-Чесменский курган]. 1 — Кургan Сопинский; 2 — Кетерлеский монастырь; 3 — Кургan, в котором найдены две статуи в 1850 г.; 4 — Мельница, бывшая Аморети; 5 — Мост и канал Мелек-Чесме. 15 декабря 1858 г.» (РА ИИМК, р. I, № 562, л. 9).

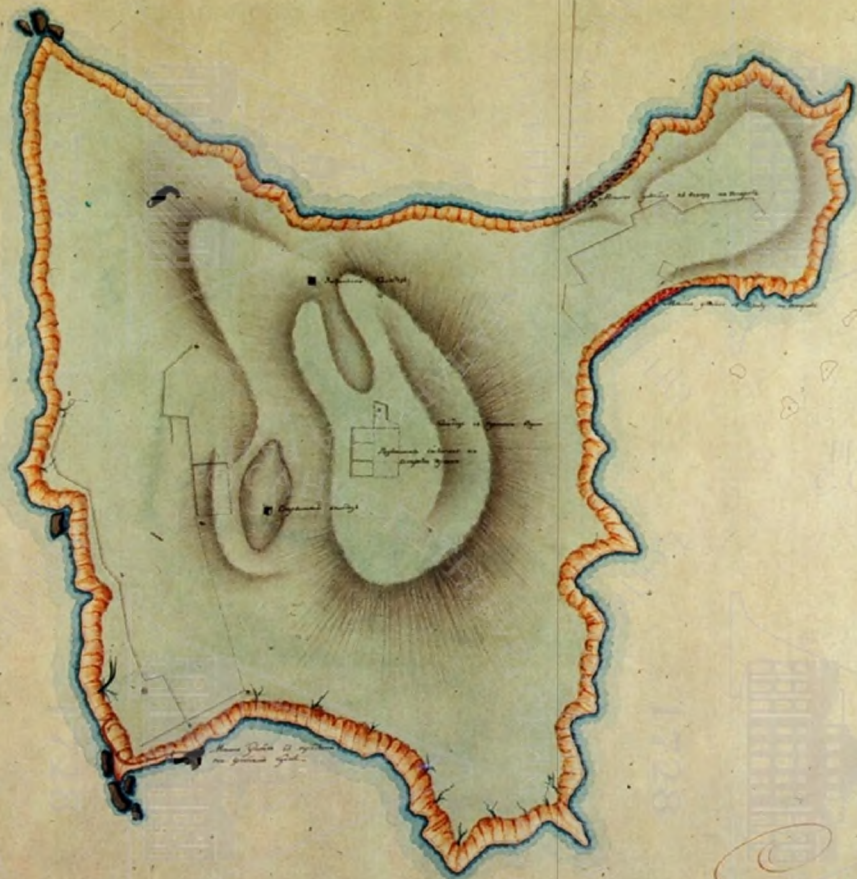
Рис. 89. Ф. И. Гросс. Иллюстрации к рапортам о раскопках
А. Е. Люценко в Керчи 1859—1862 гг.
(РА ИИМК, р. I, № 691, л. 30).

Рис. 90. Ф. И. Гросс. Вид склепа кургана на Юз-Обе (?). Иллюстрации
к рапортам о раскопках А. Е. Люценко в Керчи 1859—1862 гг.
(РА ИИМК, р. I, № 691, л. 34).

Планъ

Острова Фидонисия съ показаніемъ
на немъ древнихъ развалинъ
Составленъ въ 1823 году по плану
Генерала М. М. Критскаго, съ приложеніемъ № 103.

Примечаніе

Карты сего № 103. съ составленіемъ Генерала
М. М. Критскаго, для показанія древнихъ
развалинъ, находящихся на немъ, и для
указанія на нихъ.

Составленъ въ 1823 году по плану
Генерала М. М. Критскаго, съ приложеніемъ
№ 103.

Составленъ въ 1823 году по плану
Генерала М. М. Критскаго, съ приложеніемъ
№ 103.

Рис. 99. Н. Д. Критский. «План острова Фидонисий с показанием на нем древних развалин». 1823 г.
(ПФА РАН, р. IX, оп. 1, д. 516, л. 1).

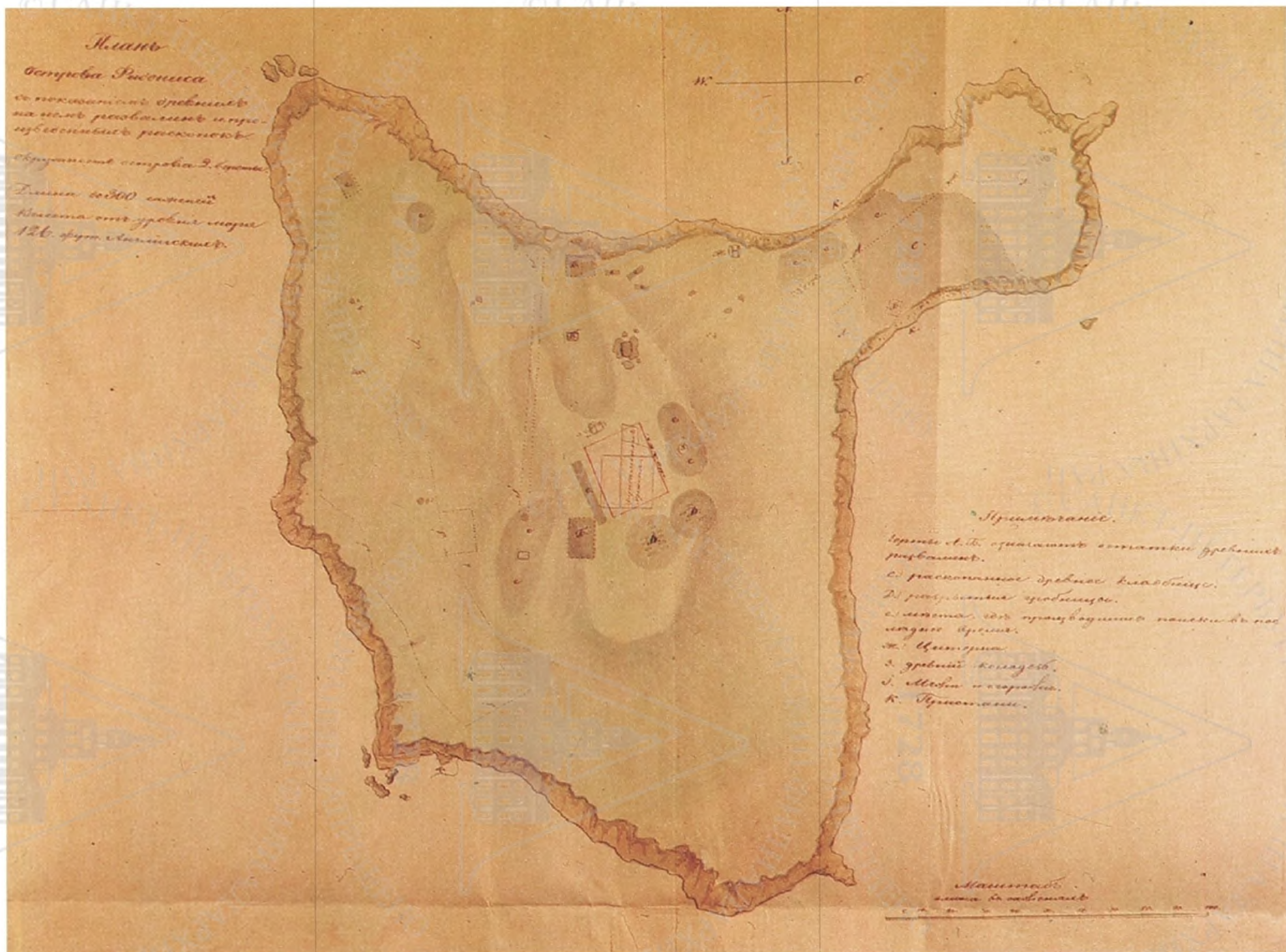

Рис. 101. П. Ситников. «План острова Фидониса с показанием древних на нем развалин и произведенных раскопок. Окружность острова 2 версты. Длина до 300 сажень. Высота от уровня моря 126 фут. английских. Масштаб: длина в сажень. Примечания: черты А—Б означают остатки древних развалин; С — Раскопанное древнее кладбище; Д — Разрытые гробницы; Е — Места, где производились раскопки в последнее время; Ж — Цитерна; З — Древний колодезь; И — Межи и огорожи; К — Пристань». 1852 г. (РА ИИМК, ф. 3, л. 620, л. 7).

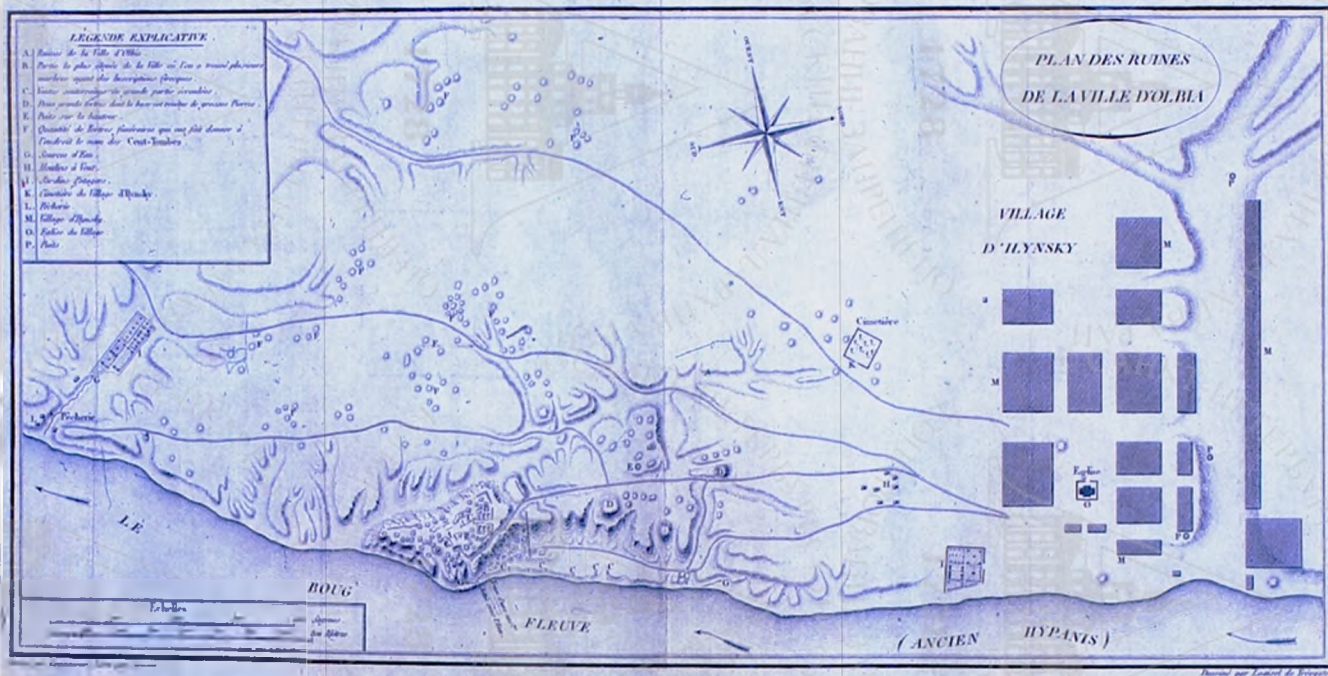

Рис. 106. И. П. Бларамберг. Гравированный план развалин Ольвин, опубликованный в 1822 г. в Париже (РГВИА, ф. 418, оп. 1, д. 663, л. 1).

Рис. 108. И. С. Бориславский. «План развалинам бывшему городу Ольбию». Заверен инженер-капитаном Ф. С. фон Муцлем. Между 1809—1811 гг. (РГВИА, ф. 349, оп. 27, д. 946, л. 1. Публ. впервые).

Планъ развалинъ бывшаго города Ольбио
Изъ чертежа

- А Курганы
- Б Развалины каменнаго храма
- В Развалины каменнаго храма
- Г Развалины каменнаго храма
- Д Развалины каменнаго храма
- Е Развалины каменнаго храма
- Ж Развалины каменнаго храма
- З Развалины каменнаго храма
- И Развалины каменнаго храма
- К Развалины каменнаго храма
- Л Развалины каменнаго храма
- М Развалины каменнаго храма
- Н Развалины каменнаго храма
- О Развалины каменнаго храма
- П Развалины каменнаго храма
- Р Развалины каменнаго храма
- С Развалины каменнаго храма
- Т Развалины каменнаго храма
- У Развалины каменнаго храма
- Ф Развалины каменнаго храма
- Х Развалины каменнаго храма
- Ц Развалины каменнаго храма
- Ч Развалины каменнаго храма
- Ш Развалины каменнаго храма
- Щ Развалины каменнаго храма
- Ъ Развалины каменнаго храма
- Ы Развалины каменнаго храма
- Ь Развалины каменнаго храма
- Э Развалины каменнаго храма
- Ю Развалины каменнаго храма
- Я Развалины каменнаго храма

Рис. 109. И. С. Бориславский. «План развалинам бывшему городу Ольбию». Не ранее 1809 г.
(РГВИА, ф. 349, оп. 27, д. 947, л. 1. Публ. впервые).

Рис. 110. И. С. Бориславский. «План развалинам бывшему городу Ольбию» (фрагмент — городище)
(РГВИА, ф. 349, оп. 27, д. 947, л. 1. Публ. впервые).

Рис. 111. И. С. Бориславский. «План развалинам бывшему городу Ольбию». Не ранее 1809 г.
 (РГВИА, ф. 418, оп. 1, д. 615, л. 1. Публ. впервые).

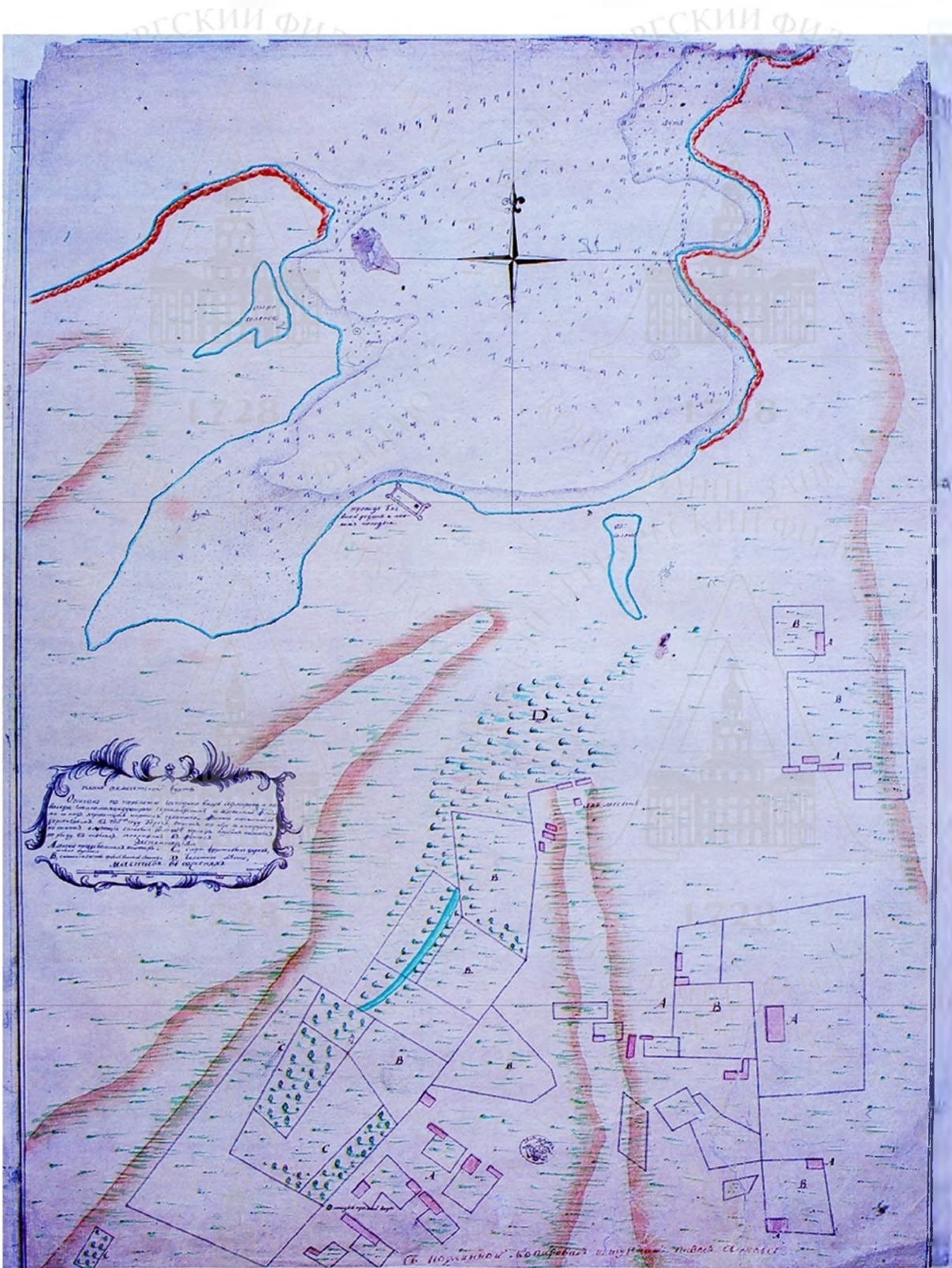

Рис. 119. «План Ахметчесской бухты... флота капитана Берсенева. Копировал штурман П. Алексеев». Конец XVIII в. (РГВИА, ф. 846, оп. 11, д. 23565, л. 1. Публ. впервые).

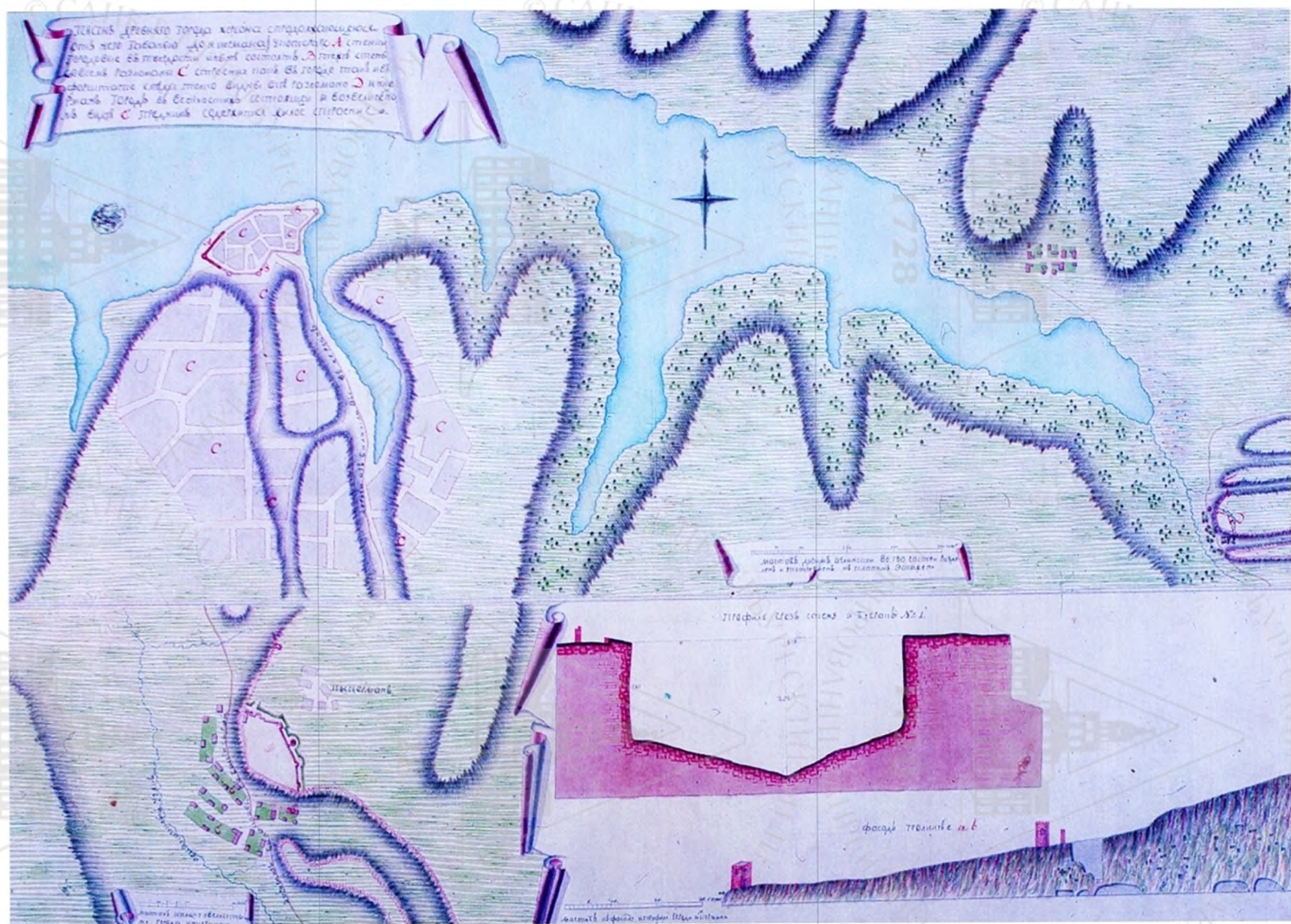

Рис. 121. «План древнего города Херсона с продолжающею от него гаванью до Иермана. У которого А — стенки городовые в твердости и ныне состоят; В — те же стены совсем разломаны; С — строения как в городе, так и в форштате следы только видны, все разломано; Д — Иерман город в ветхости; Ж — состоящие и во увеличенном виде; Е — пред ним содержится жилое строение». 1775 г. (РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 22742, л. 1. Публ. впервые).

Рис. 122. «Развалины Херсона древнего в Крыме города 1778. 1 — Развалившиеся башни и бугры на местах разсыпавшихся башень; 2 — Городовые ворота; 3 — Херсонская пристань; 4 — Ахтырская пристань; 5 — Гора Чедыртау [Чатырдаг. — И. Т.] славная высотой в крымском полуострове что близ Ак-мечети [Симферополя. — И. Т.]; 6 — Фрегат российской случившейся при снятии сего города на рейде, и 7 — Стоявшие в пристане купеческие судны». Рисунок (РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 22740, л. 1. Публ. впервые).

Рис. 124. «Карта Ахтырской гавани... от мыса Херсонеса до устья р. Бельбека». Заверена Ф. А. Клокачевым. 1783 г. (РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, л. 23551, л. 1. Публ. впервые).

Рис. 125. «План в Крымском полуострове Ахтырской гавани с оной лежащим местоположением»
 обер-квартирмейстера подполковника Александра Патреева. 1785 г.
 (РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 23569, л. 1. Публ. впервые).

Рис. 126. «План развалинам древнего Херсона. С показанием бывших прямых улиц земляною и кварталов красною краскою означенных. Сочинен 1786 года. Чертил топограф 2 класса Пепелев». Заверен подписью К. И. Габлица (РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 1, д. 22741, л. 1. Публ. впервые).

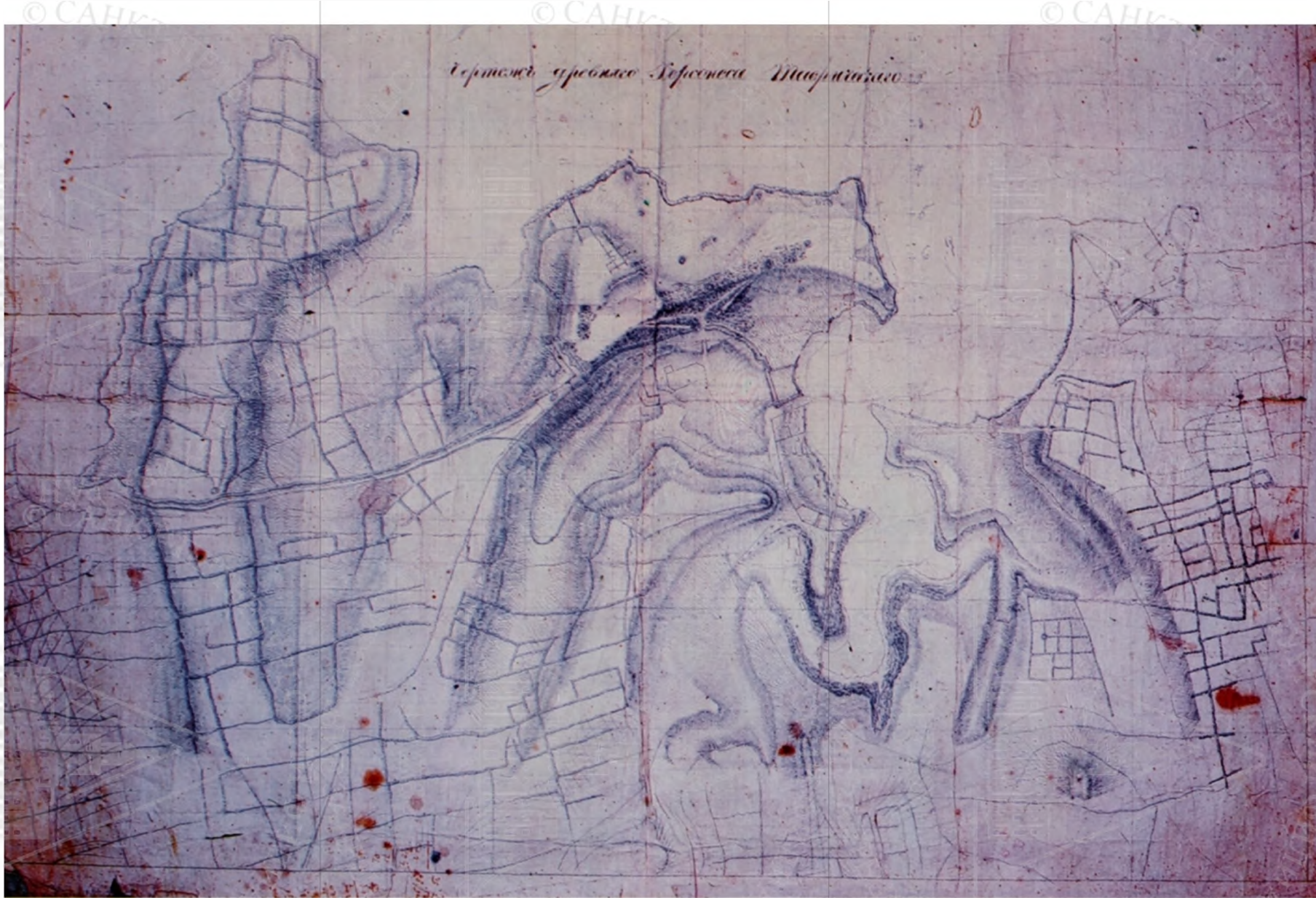

Рис. 127. Черновой «Чертеж древняго Херсонеса Таврическаго». Не позднее 1811 г.
(РГВИА, ф. 349, оп. 41, д. 6130, л. 1. Публ. впервые).

Рис. 136. Печатный «План Севастополя и его окрестностей». Съёмка Тапина и др. 1886 г. (РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 748. Л. 1).

Рис. 139. Черновой «План г. Ахмечети с окрестностями». Конец XVIII в.
(РГВИА, ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 21615, л. 1. Публ. впервые).

N^o I.

NORD

Erreurs de Numération

№ 2.

PLAN
d'une forteresse antique située à une verste
de la ville de Symmachopol

A) Sillones de aluminio.
B) Sillones de madera.
C) Sillones de plástico.
D) Sillones de hierro.
E) Sillones de acero.

Брунау. Другая часть древностей в тюках была отправлена в Екатеринослав, где рядом со старой для музейных вещей квартиры случился пожар, обхвативший весь квартал. При этом часть тюков была спасена, другая погибла.¹⁵² Служащие выехали в Тамань и Ставрополь, а Люценко и Бегичев — в Екатеринослав, затем в Александрополь для исследования после работ А. В. Терешенко Александропольского кургана (Луговой могилы).¹⁵³ В 1856 г. Люценко принял участие в раскопках близ Феодосии.¹⁵⁴ Не все древности музея успели вывезти вовремя — Керчь заняли неприятельские войска, которые, опустившись до обыкновенного мародерства, совершенно разорили музей, превратили его в пороховой склад и расхитили оставшиеся коллекции. Не удовлетворившись этим, иностранные войска предприняли серию раскопок на хребте горы Митридат и в курганах Павловской батареи (рис. 86).¹⁵⁵ О древностях Керчи, получивших широкую известность в Европе после открытия Куль-Обы, написал специальное исследование Данкан Макферсон, английский военный врач, доктор медицины, генерал-инспектор, член Королевского географического общества и Археологического института Великобритании и Ирландии, автор книги «Two Years in China».¹⁵⁶ Через все его сочинение рефреном проходит мысль о «русском вандализме» по отношению к археологическим памятникам. Вещи, найденные англичанами в ходе раскопок 1855 г., в частности в курганах близ Павловской батареи, были переданы в Британский музей.

Вот как описывал К. Р. Бегичев картину разгрома музея оккупантами: «Дверь музеума выломана и вместо нее вставлена другая из простых досок, пол мраморный выломан, каминны выломаны, стекла в люках выбиты, мебель и шкафы в нишах уничтожены. Древние вещи, хранившиеся в музеуме, расхищены». Иностранцы вывезли и мраморных львов, фланкировавших вход в музей, и надгробия из-под колоннады. По некоторым сведениям, пол здания был устлан на несколько вершков слоем битой античной посуды и стекла.¹⁵⁷

После смерти Л. А. Перовского (1856) руководство археологическими раскопками в стране взяла на себя Строгановская комиссия (см. гл. 5.5). Ее заведующий, граф С. Г. Строганов, в личном письме от 27 сентября 1857 г. просил А. Е. Люценко поделиться своими мыслями о путях дальнейшего развития музея — его штатах, помещении, раскопках и т. п. Крымская война и смерть Л. А. Перовского «остановили на время археологические разыскания, которым теперь необходимо дать ход и при том, по возможности, такой, чтоб они могли ему следовать на будущее время неизменно». Строганов просил Люценко откровенно высказать свое мнение по следующим вопросам: 1) следует ли сотрудникам Керченского музея ограничить территорию раскопок только Европейским Боспором, или распространить их на другие места, «заслуживающие археологических разысканий»; 2) определить «размер разысканий, при котором они могли бы производиться без затруднений как в надзоре за ними, так и в приискании нужных для них рабочих», и приблизительно определить размер финансирования раскопок; 3) «сколько и каких лиц» следует включить в штат музея; 4) стоит ли «возобновлять прежнее здание» музея и какие средства для этого необходимо выделить, или следует переместить музей

¹⁵² Григорьев В. В. Жизнь и труды П. С. Савельева, преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб., 1861. С. 104—105.

¹⁵³ В работах принял участие П. С. Савельев. См.: Там же. С. 104—109.

¹⁵⁴ Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. С. 21.

¹⁵⁵ Разгон А. М. Исторические музеи... С. 244—245.

¹⁵⁶ Macpherson D. Antiquities of Kertch, and Researches in the Cimmeric Bosphorus, with Remarks on the Ethnological and Physical History of the Crimea. London, 1857. XVII, 130 p., 12 pl., 2 maps.

¹⁵⁷ Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. С. 22. Представляю перед ним картину разгрома города красноречиво описывает П. С. Савельев: «В Керчи истреблено неприятелем едва ли не 3/4 домов: одни стоят без крыш, стропил, балок и рам, разобранных на топливо, и покравившихся; другие сожжены были в то время, когда разнесся слух, что подступают русские: в них хранилась пшеница, которую приказали было сжечь, чтобы не доставалась русским; третьи разобраны на батареи; четвертые сломаны, чтобы очистить площадь перед батареями. Уцелели более других Феодосийская и Воронцовская улицы. Истреблены дома по набережной, сломана часть самой набережной, дома по Митридатовой горе, где стояли турки. Они разрывали даже кладбища. Татары грабили больше всех. Вырублены сады городской и Гушина. Уцелели те дома, где стояли власти, или где остались прежние обыватели. На Митридаде устроена батарея. Музей цел, но гол. Лестница, ведущая на Митридат, испорчена: разбиты каменные балюстрады. Из памятника Стемповскому вынут позолоченный крест. Вскоре по занятии города неприятель приступил к укреплению его — обвел валом и рвом, которые идут от Соланой пристани с одной стороны до бывшей таможни с другой, через Золотой курган, который совершенно разрушен: камни разобраны на устроенную на нем батарею. На стоящей за ним горе еще батарея. Так же укреплен и Ениколь». Цит. по: Григорьев В. В. Жизнь и труды П. С. Савельева. С. 112—113.

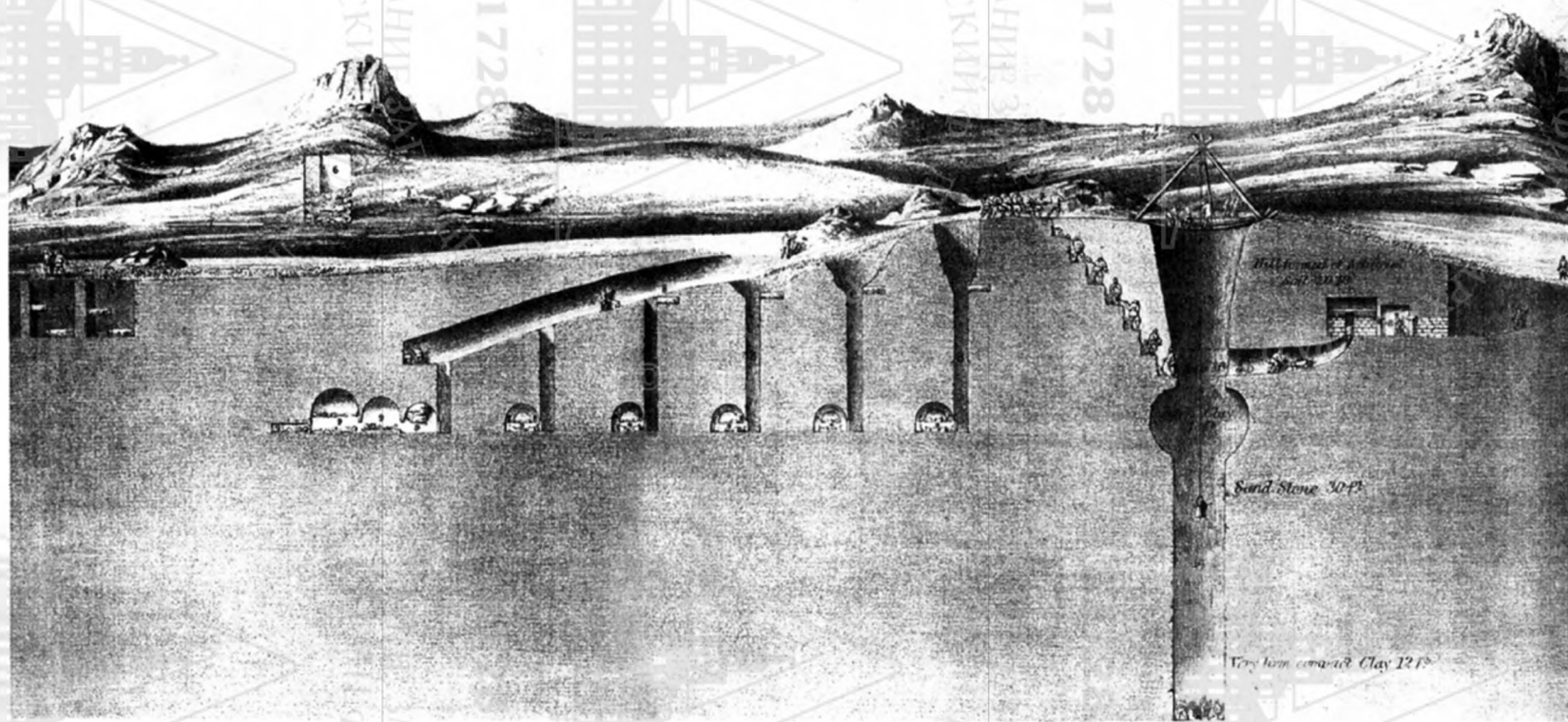

Рис. 86. «Вид с горы Митридат, с местоположения древнего Пантикапея, на Золотой курган, с показанием профилей каменных гробниц и погребальных камер, проходов, варяжских могил и больших шахт». С литографии на фронтиспise книги: *Macpherson D. Antiquities of Kertch, and Researches in the Cimmerian Bosphorus, with Remarks on the Ethnological and Physical History of the Crimea*. London, 1857.

в другое место.¹⁵⁸ За дирекцией музея граф оставлял право «первенства в России в распространении точных и полезных сведений по части археологических разысканий».¹⁵⁹

После окончания Крымской войны на первых порах дирекция музея разместилась в квартире А. Е. Люценко, так как средств на восстановление здания на Митридате не нашлось (вскоре в нем была открыта Александровская церковь).¹⁶⁰ План восстановления археологической деятельности был изложен А. Е. Люценко в обширной записке «О продолжении занятий Керченского музея, прерванных событиями минувшей войны» (ноябрь 1857 г.).¹⁶¹ Основное внимание директор предлагал сосредоточить на изучении памятников Европейского и Азиатского Боспора, провести исследования курганов, ранее раскопанных Ашиком и Карейшей, обратить внимание на насыпи горы Митридат, «состоящие буквально из черепков древней посуды», и катакомбы близ Карантинной слободки, на цепь курганов близ Павловской батареи, курганы Феодосии, а также на земли частных владельцев. На Таманском полуострове Люценко предлагал сосредоточить основное внимание на местности древней Фанагории, курганах близ с. Фонтан, курганах Большой и Малой Близнищах и на так называемом Киммерийском вале. Большая часть плана Люценко была претворена в жизнь в 1858—1870-х гг., когда музей вместе с Имп. Археологической комиссией провел масштабные раскопки, в результате которых заново начали формироваться его собрания. С. Г. Строганов настоятельно просил директора «на имеющемся при музее плане керченского градоначальства означать места, на которых производятся разыскания, чтобы сохранить их таким образом навсегда от забвения».¹⁶² В 1857—1860 гг. Люценко провел изыскания у подошвы первого скалистого холма на продолжении горы Митридат и земляных катакомб на Глинище (1857), исследовал Павловский курган, Мелек-Чесменский курган и склепы за Глинищем (1858), Кара-Обу (1859, 1861), курганный некрополь на Юз-Обе (1859—1863) (рис. 87—90), начал раскопки Фанагории (1859).¹⁶³ Впоследствии Люценко провел исследования Золотого кургана и Куль-Обы (1875), которые, однако, по современным представлениям о методике раскопок, не могут считаться исчерпывающими, так как курганные насыпи не были снесены до материка.

Строгановская комиссия разработала «Правила производства археологических изысканий в Керчи», ставившие во главу угла точность фиксации и инвентаризации находок. Они дополнялись «Руководством для составления описей находок». Категорически запрещалось вести одновременно работы в разных, удаленных друг от друга местах — предписывалось сначала завершить работу на одном участке, затем приступить к изучению следующего. На каждой находке следовало прикреплять этикетку («билет») с обозначением года раскопок и номера погребения на одной стороне, а также номера в общей описи находок — на другой. При возникновении сомнений у чиновников музея, к какому именно захоронению относится памятник, предписывалось ставить знак вопроса, чтобы не вводить в заблуждение специалистов.¹⁶⁴ В 1859 г. в правила были внесены дополнения по технике раскопок и разведок. Предписывалось использовать шуп, имеющий «во всю длину от одного конца до другого ложбину с круто загнутыми боками, для того, чтобы при вытягивании его оставшаяся в ней земля показывала, через какие слои он проходит».¹⁶⁵

В октябре 1860 г., после командировки в Крым Н. Н. Мурзакевича, Одесское общество обратилось к новому керчь-еникальскому градоначальнику контр-адмиралу Александру Петровичу Спицыну, избранному действительным членом ООИД, с просьбой проследить за возможными находками памятников при возведении укреплений на керченских высотах и на горе Митридат. В случае открытия погребений необходимо было составить план гробницы, а найденные памятники собрать и отправить в музей общества. А. П. Спицын договорился с инженер-полковником Натом, возводившим укрепления, чтобы при земляных работах были «на-

¹⁵⁸ РА ИИМК, ф. 14, оп. 1, д. 6, л. 1—2.

¹⁵⁹ Там же, ф. 6, д. 18, л. 16—16 об.: письмо С. Г. Строганова к А. Е. Люценко, 1859 г.

¹⁶⁰ НА КГИКЗ, ф. 444, оп. 2, д. 177, л. 2 об.

¹⁶¹ Мартин Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. С. 23.

¹⁶² РА ИИМК, ф. 14, д. 6, л. 20 об.

¹⁶³ Из архива Керченского музея древностей / Публ. В. В. Шкорпила // ИТУАК. 1918. № 55. С. 97—134; Мартин Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. С. 65—67. См. также: РА ИИМК, ф. 1, оп. 1-1859, д. 12: Об археологических исследованиях близ Керчи в 1859 г.

¹⁶⁴ РА ИИМК, ф. 14, д. 6, л. 21—21 об.

¹⁶⁵ Там же, л. 30.

- Изъяснение
- А Сады Старого Карантина
 - Б Такильский маяк
 - В Бухта Камыш-Бурунская (в которой произведена была высадка неприятеля)
 - Д Местность предполагаемого Нимфеона
 - Е Селение Камыш-Бурун

Вид с песчаного кургана со стороны его раскопки от 1859 г. году

К. Бегичев

Рис. 88. К. Бегичев. «Вид песчаного кургана с северной его стороны, по раскопке его в 1859 году. Изъяснение: А — Сады Старого Карантина; В — Такильский маяк; С — Бухта Камыш-Бурунская (в которой произведена была высадка неприятеля); D — местность предполагаемого Нимфеона; Е — Селение Камыш-Бурун» (РА ИИМК, р. I, № 691, л. 1).

значены особые досматривающие, которым вменено в обязанность точчас давать знать о всех могущих быть открытыми древностях». ¹⁶⁶ Получили ли в Одессе какие-либо древности, неизвестно. В отчетной записке обществу по итогам поездки Мурзакевич писал, что положение с охраной склепов Куль-Обы и Царского кургана ухудшается год от года, несмотря на неоднократные ходатайства ООИД, что раскопками А. Е. Люценко 1858 г., между городом и Глинцем, был исследован Мелек-Чесменский курган с прекрасной гробницей, ограбленной еще в древности. «Постройка ее, сохранившаяся во всей целости, представляет замечательный образец пирамидальных склепов. По размерам ее, она может считаться третьей, после гробниц в курганах Царском и Золотом [...]». К прискорбию, и на это открытие керченские жители наложили свою всеистребляющую руку: делают в кургане рывины, под предлогом братья глины для построек, хотя такая имеется неподалеку в раскопанном кургане, но на самом деле портят курган для того, чтобы добравшись до самой гробницы тамошний прекрасный пиленный камень разобрать для своих построек. В присутствии г. Люценко и моем разрывали курган люди, посланные от капитана Афанасьева и купца Аверкиева». На взгляд Мурзакевича, «публикации к керченским жителям о неприкосновенности означенных древнейших памятников края, как достояния науки и как государственных памятников, полагаю, будет достаточно. Меры эти необходимы для того, чтобы спасти хотя несколько памятников для образца и для удовлетворения путешественников, которые за передачею всего замечательного из здешнего музея в Санкт-Петербургский Эрмитаж и за истреблением неприятелями большей части остатков, в теперешнем музее могут видеть лишь предметы маловажные, и притом в незначительном количестве. Прежнее здание Керченского музея, построенное на полуторе Митридадовой, в форме Тезеева храма, ныне обращается в православную церковь, а самый музей помещен там, где с 1830 г. складывались керченские древности в доме достопочтенного археолога Павла Дюбрюкса». ¹⁶⁷

О предложениях ООИД директор поставил в известность петербургское начальство. В 1861 г. А. Е. Люценко жаловался С. Г. Строганову на неудобства помещения музея и недостаточный уровень его охраны в ночное время, предлагал приобрести для музея продающийся дом, сообщал о предложении Одесского общества принять меры к охране гробниц Золотого (Куль-Обы), Царского курганов и кургана на Глинце и невозможности их реализовать из-за отсутствия средств. ¹⁶⁸ В наше время, по прошествии 150 лет, положение практически не изменилось — финансирование науки, культуры, охраны памятников традиционно осуществляется по остаточному принципу, а разграбление памятников археологии продолжается еще интенсивнее.

1840—1850-е гг. в истории Керченского музея связаны с именами А. Б. Ашика, К. Р. Бегичева, А. Е. Люценко, А. Б. Ашик занялся изучением боспорских древностей — в своих книгах и статьях он одним из первых ввел в научный оборот хранившиеся в музее памятники. К. Р. Бегичев и А. Е. Люценко не были кабинетными учеными. Первый остался в памяти последующих поколений археологов как великолепный рисовальщик, умевший мастерски передавать оттенки цвета, фактуру и форму вещей. В архиве ИИМК хранятся альбомы К. Р. Бегичева с карандашными и акварельными рисунками раскопок Скалистого кургана на Павловской батарее, кургана на Солончаке между Керчью и Глинцем: виды, планы, детальные изображения золотых вещей, фрагментов декора деревянного саркофага и т. п. ¹⁶⁹ А. Е. Люценко получил известность как прекрасный археолог-полевик, поднявший методику раскопок курганов на новый уровень.

Положительное влияние на развитие и укрепление научных основ в деятельности музея оказало Одесское общество истории и древностей. Хотя поручение М. С. Воронцова о выработке правил для музеев Новороссийского края так и не было выполнено, общество пыталось поставить работу музея под свой контроль. Однако кардинально повлиять на улучшение методики полевых исследований ему так и не удалось. ¹⁷⁰ Только Л. А. Перовский путем административного нажима смог добиться реальных сдвигов в этой области.

¹⁶⁶ ГАОО, ф. 93, оп. 1, л. 52, л. 63 и след.

¹⁶⁷ Там же, д. 44, л. 58—58 об.

¹⁶⁸ РА ИИМК, ф. 1, оп. 1-1859, д. 7, л. 10—10 об.; оп. 1-1861, д. 6, л. 2—4 об.; письмо А. Е. Люценко к С. Г. Строганову от 3 марта 1861 г. В 1859—1861 гг. материальное положение К. Р. Бегичева и самого Люценко оставляло желать лучшего, что заставляло их обращаться за денежными пособиями в Петербург.

¹⁶⁹ РА ИИМК, р. 1, оп. 1, д. 562.

¹⁷⁰ Записки Н. Н. Мурзакевича // РС. 1888. Т. 59. Кн. 9. С. 587.

Большие потери понесли фонды музея в годы Крымской войны, но усилиями сотрудников они достаточно быстро были восстановлены. Однако собственное помещение музей утратил. После окончания военных действий музей некоторое время размещался в доме покойного П. А. Дюбрюкса, а затем, вплоть до 1922 г., переезжал с места на место и ютился на наемной площади.¹⁷¹

¹⁷¹ Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. С. 23.

ЧАСТЬ 2

**ФОРМИРОВАНИЕ И СТРУКТУРА
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ
РУССКОЙ НАУКИ
О КЛАССИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЯХ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
(XVIII—середина XIX в.)**

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ НАУКИ О КЛАССИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЯХ ЮГА РОССИИ (XVIII—середина XIX в.)

8.1. ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ И ВЫРАБОТКА МЕТОДОВ ПОЛЕВЫХ И КАБИНЕТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КЛАССИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

В результате преобразований Петра I Россия была окончательно включена в общий процесс развития европейской цивилизации, обязательной частью которого был интенсивный обмен идей и методов в области различных отраслей науки и практики. Очевидно, что прогресс любой отрасли науки обеспечивается в результате использования совокупного опыта различных стран и народов. Благодаря иному характеру исторического процесса, другим условиям социально-экономического, культурно-исторического и политического развития в России интерес к древностям возник гораздо позже, чем в Европе. Тем не менее отечественная археология сумела сформироваться и пройти те же этапы научного развития и «болезни роста» ускоренными темпами,¹ всего за полтора века, с петровских времен вплоть до отмены крепостного права в 1861 г., т. е. в период, который определяется современными историками России как эпоха становления новой русской культуры как культуры складывающейся нации.²

В небогатой литературе по истории русской археологии приверженцами науковедческой теории развития науки Т. Куна стали В. Ф. Генинг, В. Н. Левченко³ и Г. С. Лебедев,⁴ рассмотревшие историю археологии как цепь научных революций, открывающих качественно новые периоды ее развития.

В. Ф. Генинг и В. Н. Левченко определили первый период развития археологии — «археологию древностей», с конца XVIII в. до 70-х годов XIX в., как период зарождения и становления научного археологического знания, первоначального накопления источников и конституирования науки. Источниками познания прошлого в тот период считались *древности*: летописи, этнографические описания, данные фольклора, лингвистики, геологии, палеозоологии и собственно археологические памятники. По убеждению киевских исследователей, несмотря на процветание античной археологии, выступающей в роли истории искусств, «ведущую роль занимает в силу социального заказа первобытная тематика, особенно занятая вопросами происхождения человека и древнейших этапов его развития».⁵ С последним утверждением, однако, я согласиться не могу. Весь XVIII и частично «XIX век может быть назван веком классической археологии с таким же правом, с каким называют его веком естествознания, техники и т. п., — писал еще акад. С. А. Жебелёв. — Все остальные отделы археологии обособились и выделились в самостоятельные научные дисциплины лишь тогда, когда классическая архео-

¹ Клейн Л. С. Археологические источники. Л., 1978. С. 6—7.

² Краснова Б. И. Русская культура XVIII века: Предмет и задачи изучения // История СССР. 1976. № 6. С. 33—34, 38.

³ Генинг В. Ф., Левченко В. Н. Археология древностей — период зарождения науки (конец XVIII—70-е годы XIX в.). Киев, 1992.

⁴ Лебедев Г. С. История отечественной археологии: 1700—1917 гг. СПб., 1992.

⁵ Генинг В. Ф., Левченко В. Н. Археология древностей... С. 4.

логия могла считать себя уже вполне созревшей; все эти отдели вырабатывались на ее основе».⁶

Г. С. Лебедев также выделяет антикварную парадигму (первичное накопление древностей), ставшую составной частью энциклопедической парадигмы — первого опыта создания рационально построенной «научной» картины мира, эволюционистскую, основанную на идее последовательного и закономерного развития природы и общества, этнологическую, социоструктурную и системно-экологическую парадигмы.⁷ Период «ученых путешествий» — зарождение отечественной археологии и выделение ее начальных разделов — классический и славянской археологии — он датирует 1700—1825 гг.; его сменяет «оленинский» период — становление отечественной археологии (1826—1846), затем следует «уваровский» период (1846—1884), разделенный на ранний (1846—1864), зрелый (1864—1872) и поздний (1872—1884) этапы, характеризующий развитие науки на основе «бытописательской» парадигмы, создание системы научных центров археологии в Петербурге и Москве, развитие основных разделов археологии, расширение объема и диапазона археологических знаний, направляемое деятельностью Всероссийских археологических съездов.⁸ Эта «парадигмальная» периодизация, однако, встретила резонные возражения Л. С. Клейна.⁹

С науковедческих позиций, но не впадая в крайности и не поддаваясь в полной мере интеллектуальной моде, попытаемся взглянуть на историю отечественной классической археологии XVIII—середины XIX в.¹⁰ Становление классической археологии в России прежде всего связано с изучением материальной культуры античных государств Северного Причерноморья. Основными видами источников по истории этого региона античной эпохи являются нарративные, а также эпиграфические (гл. 8.2—3), нумизматические (гл. 8.4) и археологические, которые добываются в ходе археологических изысканий. Характер изучаемых источников обусловил разграничение этого раздела антиковедения на историко-филологическое и археологическое, каждый из которых имеет свою методику изучения источников. Главными компонентами собственно археологических источников в античной археологии, в современном понимании, согласно А. Н. Щеглову, являются поселения разных типов (под ними понимаются остатки населенных пунктов, в том числе городов, небольших поселений и отдельно стоящих построек, например, сельских усадеб), территориально привязанные к ним некрополи, святилища (храмовые постройки, зольники и пр.), а также следы древней системы землепользования, включая дороги и сельскохозяйственные угодья. В процессе развития науки главное внимание исследователей переключалось с одной группы источников на другую, поэтому в XVIII—XIX вв. изучались они далеко неравномерно.

Становление русского научного знания об античных памятниках Северного Причерноморья в XVIII—середине XIX в. распадается на три условно выделяемых мной этапа.¹¹

Первый этап (1724—1802), фактически полностью связанный с деятельностью основанной по указу Петра I Петербургской Академии наук и любопытствующим путешественников века Просвещения, стал временем первоначального ознакомления с древностями северного побережья Понта и связанной с ними проблематикой. В самом конце петровских реформ были сформированы социокультурные основы для развития под жестким государственным контролем «чистой» фундаментальной науки и соответствующих ей общественных институтов — Академии наук, университетов, музеев.

⁶ Жебелев С. А. Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. 1: История археологического знания. С. 32.

⁷ Лебедев Г. С. История отечественной археологии... С. 4.

⁸ Там же. С. 395.

⁹ Клейн Л. С. Парадигмы и периоды в истории отечественной археологии. Рец. на кн.: Лебедев Г. С. История отечественной археологии: 1700—1917 г. СПб., 1992 // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историко-эпиграфические очерки. СПб., 1995. С. 175—176.

¹⁰ См. также: Тункина И. В. 1) Классическая археология: Академики и дилетанты (первая треть XIX в.) // Петербургская Академия наук в истории Академий мира: К 275-летию Академии наук : Матер. Междунар. конф. (28 июня—4 июля 1999 г.). СПб., 1999. Т. 2. С. 245—256; 2) Становление классической археологии в России (XVIII—середина XIX в.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2000. № 1. С. 44—50; 3) Споры о путях развития русской классической археологии в первой трети XIX в. // Антиковедение на рубеже тысячелетий: Междисциплинарные исследования и новые методики (информатика, подводная археология и создание компьютерной базы данных): Тез. докл. конф. 29—30 июня 2000 г. М., 2000. С. 100—104.

¹¹ Тункина И. В. Становление классической археологии в России (XVIII—середина XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 15—16.

Аналогичный свод по произведениям авторов античной эпохи в XVIII—середина XIX в. так и не был подготовлен, хотя начало сопоставлению свидетельств античных писателей по истории и географии греческих колоний и обитавших здесь варварских племен своими многочисленными статьями положил еще акад. Г. З. Байер.

С присоединением к России Северного Причерноморья русская наука эпохи энциклопедизма получила новый объект исследования в виде остатков предметного мира античной эпохи на самой глухой, малодоступной, а потому и неизученной территории Европы. Знания об этом регионе основывались преимущественно на свидетельствах античных, византийских и западноевропейских средневековых авторов, поэтому в литературе XVII—XVIII вв. Причерноморье традиционно именовалось Скифией или Сарматией.

Параллельно с налаживанием системы управления обширным, но малонаселенным степным краем¹⁶ началось широкомасштабное комплексное естественнонаучное и географическое изучение его территории. Существенную часть землеописания составляла топографическая фиксация археологических памятников в контексте определенного природного и антропогенного ландшафта. Составивший топографическое описание Кинбурнского полуострова, Очаковской степи и местности между Керчью и Еникале в 1775 г. инженер-подполковник Томилов обратил особое внимание на цепочки многочисленных курганов, зафиксированных на русских картах XVIII—начала XIX в.¹⁷ (рис. 91), и правильно атрибутировал курганы как погребальные памятники язычников-кочевников. Лишь незначительная часть текстовых, графических и картографических материалов конца XVIII—первой трети XIX в., как например описания Томилова, была опубликована полностью или частично, подавляющее большинство осталось неизданным и погребено в архивах России и Украины, поэтому и неизвестно современным исследователям (см., например, гл. 12.1). Так, князь Г. А. Потемкин в 1784 г. поручил провести работы по обмежеванию и составлению карт Таврической области военным топографам Генерального штаба обер-квартирмейстерам Афанасию Федорову, фон Тизенгаузену, капитану Андрею Шостаку, поручикам Семену Тюремникову, Христофору Саковичу, Ивану Казарину (работы проводились до июля 1786 г.).¹⁸ Генерал-майору А. Г. Розенбергу было поручено составить описания крепостей Керчь, Еникале «и принадлежностей к оным» (составлено инженер-капитаном Кармановым в апреле 1784 г.); полковнику А. М. Селиверстову — г. Козлова, Инкермана, Старого Херсонеса, греческого монастыря Св. Георгия, Балаклавы, ц. Св. Петра, ц. Св. Феодора; полковнику князю П. М. Дашкову — «жидовского Мангупа», г. Бахчисарая, «жидовского Чуфут-Кале», «дворца ханского Аштамы»; кавалеру Дмитрию — г. Старого Крыма, местечка Карагоз; подполковнику И. В. Боуверу (Боверу) — г. Кефы, Ташлыка; подполковнику П. И. Фишеру — г. Судака, крепости Арабат, г. Енича; подполковнику Патрекееву — Карасу-базара, премьер-майору П. М. Глазову — г. Ялты, замка Гурзуф, Ак-мечети, замка Алушты, местечка Ламбада; секунд-майору Антешану — крепости Ор, Перекопской линии, «Калангаз, которые были по линии», «Базара Старого, Базара Нового, по обе стороны Перекопской линии».

До нас дошли рапорты и письма 1784 г. обер-квартирмейстера подполковника Патрекеева командирующему сухопутными войсками, расположенными в Крыму и южных губерниях, и флотами Черного и Каспийского морей генерал-поручику барону И. А. Игельстрому о ходе описания крымских «дорог с окололежащих по ним мостов, колодцев, фонтанов» и об описаниях «назначений или мест Крымского полуострова с приобщением исторических примечаний здешних стариков и ученых», каждое из которых иллюстрировалось «планами и фасадами». Подполковник Петр Фишер составил описание Судака с приложениями плана города и четырьмя копиями латинских надписей на каменных плитах, канцелярии советник Я. И. Рудзевич — исторические очерки «О начале Темирлена», «О начальном вступлении ханов в подданство Порты Оттоманской», «Перевод из старинной Крымской истории», полковник И. В. Боувер (Бувер) — «описание Кефы и древней монеты малова чекана серебряной», пол-

¹⁶ К примеру, в 1775 г. в Керчи, оставленной бежавшими от русских войск турками и татарами, проживали главным образом торговцы: «греков мужска полу 70, грузин 2, армян 38, гречанок и с детьми 5, грузинок 1, армянок и детей их 25». См.: Томилов. Топографическое описание достигавших по мирному трактату от Оттоманской порты во владение Российской империи землям, 1774 года // ЗООИД. 1868. Т. 7. С. 192.

¹⁷ Томилов. Топографическое описание... С. 166—198.

¹⁸ Ордера князя Потемкина за 1786 г. / Публ. Г. К. Кирсенко // ИТУАК. 1888. № 4. С. 2. № 64.

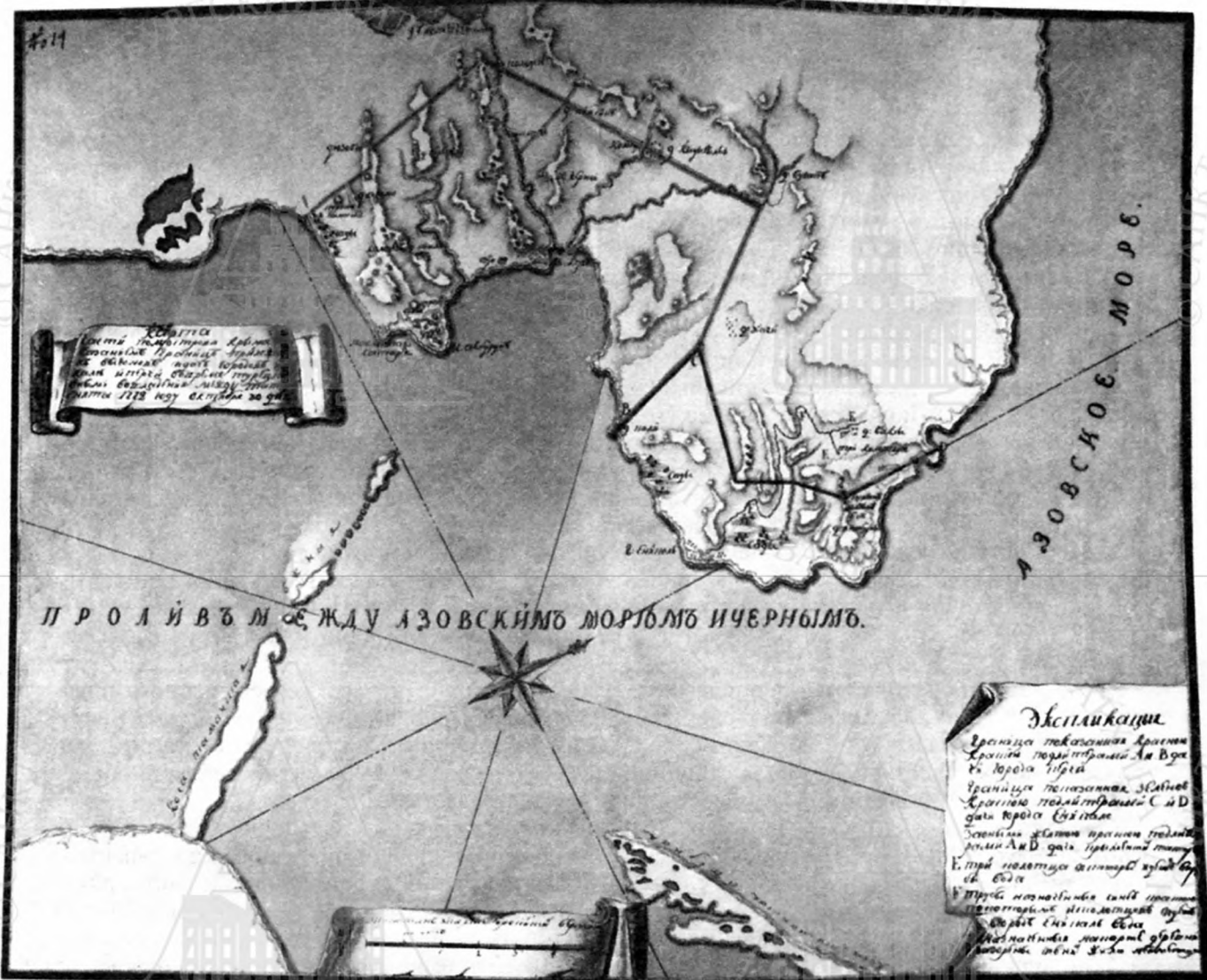

Рис. 91. «Карта части полуострова Крыма с показанием границ прилежащих выгонов и дач города Эникале и Керчи, во время турецкого оным владения между татар. Снята 1772 году октября 30 дня. Экспликация. Граница, показанная красною краскою под литерами А и В дачи города Керчи. Граница, показанная зеленою краскою под литерами С и D, дачи города Эникале. За оными желтою краскою под литерами А и D дачи крымских татар. Е — три колодца из которых идет вода; F — трубы, назначенные синею краскою, по которым из колодцев идет в город Эникале вода. Назначенные на карте деревни разорены и в них жилья не имеетца». Масштаб приблизительно 1:63000 (ОР РНБ, ф. 885 (Эрм. собр.), д. 232, л. 13 об.—14. Публ. впервые).

ковник Дмитриев — «описание городу Старому Крыму, местечку Карагозу, и имеющимся в них фонтанам и мостам фасад с особливим при нем описанием».¹⁹

Еще в годы проведения знаменитых «ученых путешествий» Петербургской Академией наук XVIII в. была выработана комплексная программа исследовательских задач, успешно примененная и в Причерноморье, направленная на изучение материальных остатков прошлого в целом, независимо от культурно-исторической принадлежности артефактов, базирующаяся на осознании значения памятников археологии как объективных источников сведений о прошлом.²⁰ Ученые-энциклопедисты Имп. Академии наук проводили точные, детальные описания находок, научились идентифицировать орудия труда и кости животных и даже пытались клас-

¹⁹ ЦГААРК, ф. 802, оп. 1, д. 9, л. 3—21.

²⁰ Лебедев Г. С. История отечественной археологии... С. 58—59.

сифицировать во времени относительно друг друга типы памятников. Особое внимание обращалось на методику исследований — необходимость при раскопках и разведках тотальной фиксации всех объектов (независимо от их «понятности» для исследователя и «важности» для науки того времени), составление рисунков, ландшафтов, словарей местных терминов, привлечение этнографических параллелей, сопоставительного анализа письменных и археологических источников. Детальное изложение академической программы представлено в инструкции акад. Г. Ф. Миллера адъютанту И. Э. Фишеру (1740). Используя современную научную терминологию, такие исследования с полным правом можно называть междисциплинарными. Применявшийся учеными комплексно-географический (экосистемный) подход привел к результатам, не утратившим своего научного значения до сих пор. Наиболее адекватно эта методика реализована в трудах обладавших «острым глазом» ученых-натуралистов, сумевших детально описать и графически зафиксировать античные руины оборонительных сооружений, городов, поселений, систем землепользования и некрополей, которые еще не были затронуты раскопками. В числе подобных исследований следует в первую очередь назвать начало фиксации К. И. Габлицем и П. С. Палласом уникального по сохранности древнего культурного ландшафта на Герacleйском полуострове Крыма (гл. 12).²¹ Другой натуралист Ф. К. Маршал фон Биберштейн оставил свидетельства о видимых на поверхности земли монументальных сооружениях Керченского полуострова — земляных рвах и валах, оборонительных башнях в районе Золотого кургана, «циклопическом сооружении» на акрополе Мирмекия, укреплениях на горе Апук (Опук), позднее описанных и графически зафиксированных Дюбрюксом (гл. 3.2, 14), а также составил первую археологическую карту Таманского полуострова (гл. 15).²² Сейчас во многом забытые, составленные тогда описания и планы имеют колоссальную историкокультурную ценность как единственные документы о частично разрушенных или даже несуществующих ныне памятниках, которые могут быть обнаружены случайно или с помощью аэрофотосъемки.

Сам характер изучаемого периода, хотя и фрагментарно, но все же освещенного письменными источниками, определил специфику подхода к археологическим остаткам. Еще с XVIII в. использовался комплексный подход — для распознавания и интерпретации памятников привлекались все доступные виды источников. Это отражало стремление исследовать объект в его целостности, получить о нем всестороннее представление.²³

Однако выработка собственно «археологических практик» исследования находилась на зачаточном уровне. В XVIII в. раскопки в Причерноморье носили эпизодический характер, открытия, как правило, совершались случайно при проведении строительных и фортификационных работ. Основными «раскопщиками» оставались военные — А. П. Мельгунов (Литой курган, 1763 г.), Ван дер Вейде (некрополь Фанагории, не позднее 1793 г.), Ф. П. Девоштан (Овидиополь, 1795 г.). Раскопки преследовали чисто антикварные цели; лишь некоторые из плодов работ документированы — увлеченные античностью военные направляли рапорты в столицу и специальные доклады о находках в научные общества Европы.

Антикварию XVIII в. пытались отождествить конкретные пункты и видимые следы древности с городами и поселениями, упомянутыми в трудах античных авторов. Для продолжения этой работы сведения письменной традиции о Причерноморье необходимо было собрать воедино. По этому пути пошел польский археолог граф И. О. Потопский,²⁴ который наряду с публикацией ставших известными надписей и монет начал изучение отдельных групп письменных источников о Северном Причерноморье. В традициях изданий основоположников исторической географии фламандского географа второй половины XVI в. А. Ортелиуса и предста-

²¹ Подробнее см.: *Шеглов А. Н., Тункина И. В.* Из истории изучения античного культурного ландшафта в Крыму (конец XVIII—первая половина XX в.) // *Традиции российской археологии: Матер. методол. семинара ИИМК РАН. СПб., 1996. С. 27—32.*

²² АГЭ, ф. 11, оп. 1, л. 20, л. 6а—6а об.

²³ *Генинг В. Ф.* Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982. С. 64—65.

²⁴ *Potocki J.* *Mémoire sur un Nouveau Péryple du Pont Euxin, ainsi que sur la plus ancienne histoire des peuples du Taurus, du Caucase et de la Scythie.* Vienne, 1796. См. рус. перевод: *Потопский И. О.* Записка о новом перипле Понта Евксинского, равно как и о древнейшей истории народов Тавриды, Кавказа и Скифии // *Археолого-нумизматический сборник...*, изданный Г. Спасским. М., 1850. С. 39—97; 2) *Fragment historiques et géographiques sur la Scythie, la Samatie et les Slaves.* Brunswick, 1796; 3) *Histoire primitive des peuples de la Russie.* SPb., 1802; 4) *Histoire ancienne du gouvernement de Cherson.* SPb., 1804.

вителя французской так называемой эрудитской школы XVIII в. картографа Ж. Б. д'Анвиля И. О. Потоцким был издан первый историко-географический атлас территории Восточной Европы, в том числе Северного Причерноморья, составленный по данным античных и средневековых письменных источников.²⁵

Первые попытки написать связную историю Северного Причерноморья в античную эпоху в контексте истории России и всеобщей истории принадлежали А. Нарушевичу и С. Сестренцевич-Богущу.²⁶ Широко известная книга последнего явилась сводным пересказом свидетельств разновременных письменных источников о Тавриде, которой, однако, по заключению П. М. Леонтьева, «совершенно недостает критики».²⁷

В XVIII в. вещественные памятники истории обобщенно определялись как «древности», воспринимавшиеся различными кругами русского общества далеко неоднозначно. В массовом историческом сознании преобладающим был обыденный подход, не изжитый в кругах обывателей и в наши дни. *Обыденно-эмпирический* подход к материальным остаткам прошлого зачастую принимал крайние формы, когда их добыча велась с целью кладоискательства или проводилась с утилитарными целями. Нередко древности просто уничтожались — мраморы пережигались на известь, камни использовались при новом строительстве, золото переплавлялось и т. п. Среди образованных слоев общества век Просвещения культивировал отношение к древностям как к «куриозам», «раритетам», что проявилось в собирательстве «антиков» в одних и тех же музеях и частных собраниях вместе с естественноисторическими редкостями. Второй, *художественно-эстетический* подход, в согласии с эстетикой И. Винкельмана, видел в них воплощение идеала античности, недостижимый образец для подражания, изящные произведения древнего искусства. Он стал предвестником целого направления в науке, развивающегося и в наши дни на стыке истории искусств и археологии, а именно художественной археологии. Он дал импульс первым разработкам в области иконографической (типологической) и стилистической классификации, а также изучению развития форм предметов, прежде всего античных сосудов. Третий, *научно-теоретический*, подход нашел отражение в исследованиях ученых Петербургской Академии наук и узкого круга высокообразованных любителей, рассматривавших известные тогда памятники прежде всего как исторические источники. Прошло почти два столетия, прежде чем ученые осознали специфику археологического источника, его отличие от других видов источников.²⁸

Начальный этап становления российской классической археологии организационно во многом выходит за рамки «нормальной науки» Т. Куна. Археология, как и другие науки, фактически выросла из «географической практики».²⁹ Землеописанием (и в его контексте археологическими, картографическими и топографическими исследованиями, тл. 8.5) в самых различных целях занимались натуралисты, морские офицеры, военные инженеры, государственные деятели, дипломаты, землеустроители, миссионеры и колонисты. Получение научных результатов и их интерпретация происходили не только по правилам «нормальной науки», внутри научного сообщества (Академии наук, университетов в Петербурге и Москве), но и вне его. Последнее обстоятельство позволяет констатировать специфику развития научных институтов в России в отличие от стран Западной Европы в силу их изначальной подчиненности государству.

Второй этап (1803—1838) становления классической археологии в России характеризуется процессом ее самоосознания как специальной научной дисциплины. Новая общественно-политическая ситуация в стране, вступив в противоречие с догматами традиционного, насаждавшегося официальной идеологией неоклассицизма,³⁰ привела к появлению и новых

²⁵ *Потоцкий И. О.* Археологический атлас Европейской России, вновь напечатанный с издания 2-го (когого тиснуто было 12 экземпляров), с прибавлением к греческому и французскому текстам русского перевода [П. Дейриарда]. СПб., 1823.

²⁶ *Нарушевич А.* Таврикия, или известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших времен. Киев, 1788; *Сестренцевич-Богущ С.* История царства Херсонеса Таврийского. СПб., 1806. Т. 1—2.

²⁷ *Леонтьев П. М.* Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря // *Прописи*. 1851. Кн. I. С. 71.

²⁸ *Клейн Л. С.* Археологические источники.

²⁹ *Шоу Д.* Географическая практика и ее значение в эпоху реформ Петра Великого // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1999. № 3. С. 13—29.

³⁰ *Фролов Э. Д.* Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967. С. 89—90.

литературно-художественных направлений — сентиментализма и романтизма, которые изменили взгляд на античный мир и его культуру, поставив в центр внимания человека, его чувства, идеалы, мечты о свободном и гармонично развитом обществе. Широко переводимые на новые европейские языки античная литература и философия постепенно стали восприниматься с других позиций. Развитие романтических идей и настроений отчетливо прослеживается в обширной литературе о «путешествиях» в «полуденные страны» России, авторов которой искренне волновали события и образы античной древности. В романах-путешествиях и путевых дневниках того времени описание бытовых подробностей сочетается с рассказами об увиденных памятниках и приобретенных антиках.³¹ При этом рельефно выступает «контраст между мечтой и реальностью, нескрываемое разочарование»³² от невыразительности археологических реалий — жалких остатков некогда богатой древней культуры. Тем не менее заметки об этих поездках, в том числе неизданные, с описаниями местности, памятников, прорисовками надписей, монет, керамики, являются ценными источниками по археологии Северного Причерноморья.

Попытки дать определение археологии как науки, обозначить содержание и направление ее исследований в России относятся к самому началу XIX в. В это время под влиянием западноевропейской литературы термин «археология» прочно вошел в русскую лексику. Археология расширенно трактовалась как наука о материальных (вещественных) объектах, связанных с человеческой деятельностью, включая как письменные источники (рукописи и эпиграфические памятники), так и произведения древнего искусства, архитектуры и быта. В русле эстетики Винкельмана отечественная профессура придерживалась взглядов, согласно которым объектом изучения археологии признавались только художественные памятники высокоразвитых цивилизаций Древнего Египта,³³ Греции и Италии,³⁴ а их эстетическо-созерцательное восприятие возводилось в абсолют.

Подавляющее большинство антиквариев того времени не были свободны от неоклассицистических предубеждений и догматов. Как и в XVIII в. античные древности эпохи расцвета греческого искусства традиционно именовались *антиками*, другие категории памятников не считались достойными изучения.

«Под именем *антиков* вообще разумеют художественные произведения, как целые, так и поврежденные, дошедшие до нас от древних народов, у которых некогда процветали искусства. Оные суть: вырезные камни, монеты, статуи, вещи ваятельной и лепной работы, здания с их развалинами, и вообще памятники от всех времен... Антики, оставшиеся от прекраснейшего времени Греции... почитаются образцами совершенными. Когда художник, или ученый любитель и знаток с удивлением говорит об антиках, то под сим именем разуметь надобно только *немногие памятники древних художеств* (курсив мой. — И. Т.); ибо наибольшая часть их относится к векам позднейшим и служит очевидным доказательством упадка вкуса».³⁵

Древности «варварских» народов и славяно-русские памятники в самом начале XIX в. вообще не принимались во внимание. Постепенный рост интереса к овековеченным памятникам отечественной истории связан с общественным подъемом после войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, а затем с движением декабристов.³⁶ В путевом дневнике П. И. Кёппена 1829 г. представляют интерес размышления автора об эволюции отношения к древностям в русском обществе за 19 лет его поездок по стране (1810—1829): «Везде, в более крупных городах, можно уже встретить людей, занимающихся собиранием и сохранением местных предметов, цена их иногда слишком высока. Вследствие этого, приобретение древностей становится более затруднительным. Встречаются уже объяснители и указатели, но пока только словесные».³⁷

³¹ Помимо уже упомянутых произведений см. также: Броневский В. Обзор Южного берега Тавриды в 1815 году. Тула, 1822. 192 с.

³² Виноградов Ю. А. Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus. 2000. № 3. С. 100.

³³ С. О древних египтянах и об искусствах у сего народа // ВЕ. 1813. № 19 (октябрь). С. 183—197.

³⁴ Каченовский М. Т. О художественных произведениях, как памятниках древних народов, которые более или менее известны потомству по мере успехов их в изящных искусствах. М., 1819. С. 24.

³⁵ Антики, или памятники древних художеств // ВЕ. 1813. № 20 (октябрь). С. 281—282.

³⁶ Формозов А. А. Когда и как складывались современные представления о памятниках русской истории // ВИ. 1976. № 10. С. 207.

³⁷ Кёппен Ф. П. Биография П. И. Кёппена // Сб. ОРЯС. 1911. Т. 89. Прилож. 5. С. 149.

В Московском университете с 1809 г. читались курсы «археологии и истории изящных искусств» и «греческих и римских древностей»³⁸ преподавателями — выходцами из Германии или русскими учеными, стажировавшимися в немецких вузах. Занятия вели сначала ученик Х. Г. Гейне И. Ф. Буле, затем М. Т. Каченовский, И. А. Гейм, М. Г. Гаврилов, Н. И. Надеждин.

Филолог-классик, философ, историк, историк искусства, археолог *Иоанн Феофилов Буле* (Buhle, 1763—1821), уроженец Брауншвейга, племянник проф. И. А. Гейма, учился в Каролинском коллегииуме и Геттингенском университете, специализировался по классической древности в семинарии при университете под руководством Х. Г. Гейне. С 1785 г. он служил наставником принца Карла фон Фирстенберга, в 1786—1791 г. учителем классических языков у трех английских принцев, затем профессором философии Геттингенского университета (1787—1804). Буле стал известен как издатель 5-томного собрания сочинений Аристотеля на греческом языке с латинским переводом (1791—1798). Вскоре он был приглашен в Россию и стал ординарным профессором естественного права и теории изящных искусств в Московском университете (1804—1811), одновременно директором Педагогического института (1808—1811). Буле являлся редактором «Журнала изящных искусств» (с 1807 г.) и «Московских ученых ведомостей» (1805—1807); его частные лекции слушал А. С. Грибоедов. В 1811 г. Буле был причислен к штату двора великой княгини Екатерины Павловны в Твери (1811—1814), в августе 1814 г. вернулся в Брауншвейг и получил кафедру в Каролинском коллегииуме.³⁹

Гораздо более известен крупный общественный деятель, историк, представитель скептической школы в русской историографии, переводчик, критик, издатель *Михаил Трофимович Каченовский* (1775—1842). Он родился в Харькове в небогатой мещанской греческой семье Качони, учился в Харьковском коллегииуме, с 1788 г. начал службу урядником в Екатеринославском казачьем ополчении, в Харьковском магистрате (1793—1795), затем в Таврическом гренадерском и Ярославском пехотном полках (последний квартировал в Москве). В 1801 г. Каченовский вышел в отставку, поступил библиотекарем к А. К. Разумовскому. Он активно занимался самообразованием, знал греческий, латинский и основные европейские языки. Начал печататься с 1799 г., с 1804 г. сотрудничал в «Вестнике Европы» (редактор в 1805—1830, с перерывами). Магистр философии (1805), преподаватель риторики и русского языка в академической гимназии, доктор философии и изящных наук (1806), в 1808 г. адъюнкт и правитель канцелярии А. К. Разумовского, с 1807 г. являвшегося попечителем Московского учебного округа; с 1810 г. экстраординарный, с 1811 г. ординарный профессор кафедры теории изящных наук и археологии, с 1821 г. кафедры истории, статистики и географии, с 1835 г. заслуженный профессор кафедры истории и литературы славянских наречий, с 1837 г. ректор Московского университета. Статский советник (1824), действительный статский советник (1840), в 1833 г. назначен цензором. Член (1811) и секретарь (1811—1821) Общества любителей российской словесности при Московском университете; действительный член Российской Академии (1819), при избрании прочитал «Речь о художественных произведениях как памятниках древних народов»; член-корреспондент (1833), ординарный академик (1841) Императорской Академии наук по ОРИС.⁴⁰

Иван Андреевич Гейм (Geim, 1758—1821), историк, нумизмат, языковед, специалист в области статистики, уроженец Брауншвейга (Нижняя Саксония), родной дядя И. Ф. Буле. Он учился в Гельмштедтском и Геттингенском университетах, был членом философского семинария и секретарем Геттингенской библиотеки; с 1779 г. жил в России, в 1786 г. принял российское подданство; был наставником сына А. А. Лопухина, с 1781 г. публичный лектор немецкого языка и классических древностей, суббиблиотекарь, с 1784 г. экстраординарный, с 1796 г. ординарный профессор всеобщей и российской истории, статистики, коммерческих наук, декан отделения словесных наук (1804—1807; 1819—1821), ректор (1808—1819), библиотекарь (с 1815 г.) Московского университета, действительный член МОИДР; статский советник (1809). С 1803 г. Гейм читал в университете публичные лекции «Систематическое обозрение торговли с приобщением подробных сведений о монетах». Они сопровождались демонстрацией монет из Кабинета древностей Московского университета, которые были им систематизированы и описаны. Гейм был страстным нумизматом; до конца жизни являлся хранителем нумизматической коллекции университета. Он — автор описания Российской империи на немецком языке, многочисленных словарей и «лексиконов».⁴¹

Место и задачи науки о древностях в структуре других гуманитарных дисциплин, вычленивание основного содержания, которое вкладывалось в понятие «археология», цели исследований *антиквариев* определены в анонимной заметке «Об археологии и о различных способах заниматься художественными произведениями древности», написанной, вероятно, одним из преподавателей Московского университета, где читался курс «археологии и истории изящных искусств».

³⁸ Формозов А. А. История термина «археология» // ВИ. 1975. № 8. С. 215—216.

³⁹ См. о нем: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, за истекшее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по алфавитному порядку. М., 1855. Ч. 1. С. 112—128.

⁴⁰ См. о нем: Песков А. М. Каченовский Михаил Трофимович // Русские писатели, 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2: Г—К. С. 516—519.

⁴¹ См. о нем: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... Ч. 1. С. 188—191; РГИА, ф. 1349, оп. 4-1821, л. 56, л. 21 об.—27 (формулярный список за 1821 г.); Харко Л. П. Муниципальный кабинет Московского университета // Тр. ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 1960. С. 348—351.

«Древностями заниматься можно с двояким намерением: *во-первых*, чтобы приобрести сведения о нравах, общественных учреждениях, гражданском составе, обрядах веры, законах, публичной и домашней жизни древних народов: сии предметы содержатся в так называемой науке о древностях. *Во-вторых*, чтобы узнать об оставшихся памятниках древних народов; сему особливо учит археология.

Итак археология... есть руководство к познанию памятников древности. Оные суть или письменные памятники, или художественные произведения. Под *письменными памятниками* разуметь должно: 1) *рукописи* на египетском папирусе и на пергаменте; 2) *надписи* на камнях и на металлах. *Художественные произведения суть: остатки* общественных и частных зданий, живописного, ваятельного и резного художеств.

Следственно, сия наука состоит из двух частей, из которых в одной преподаются сведения о письменных памятниках, а в другой о художественных произведениях древности и об истории художеств у древних народов. Первая называется палеографией и составляет часть дипломатики; вторая есть собственно археология в теснейшем знаменовании.

Древними произведениями художеств заниматься можно, рассматривая их или просто как памятники, или же как художественные произведения. [...] Ученые люди наиболее рассматривали те памятники, на которых находились надписи, не обращая внимания на их достоинство, и прекраснейшие произведения древности, не имеющие надписей, предоставляли художникам... Известный Монтфокон при сочинении своей книги *Antiquité expliquée* единственно имел намерение *объяснить древние обыкновения памятниками художеств*. Ученые итальянцы нынешнего времени точно с таким же намерением занимаются *древностями*. В рассматриваемых ими художественных произведениях они *не стараются замечать изящности в расположении и отделке*. При столь ограниченном рассмотрении не требуется ни строгий вкус, ни чувство изящного.

Во втором случае художественными произведениями древности занимаются *любители, художники, ученые знатоки и любители*. [...] Ученый знаток и любитель занимается древними художественными произведениями не только как антикварий, или художник, или обыкновенный любитель, но он при рассматривании соединяет в себе *намерения всех упомянутых наблюдателей*. Художественные произведения служат для него, как для любителя, *предметом удовольствия*; как знаток, он замечает, соблюдаемы ли художниками правила, или нарушены; как ученый, он старается проникнуть в самую мысль, какою одушевлен был древний художник, работая над своим произведением. Желая таким образом заниматься древними памятниками художеств должен иметь правильный вкус, нежное чувство изящности и сверх того знания в рисовальном искусстве, живописи и ваянии, также обширные сведения по части науки о древности. Ученый знаток и объяснитель древних художественных произведений должен быть *искусен в истории и мифологии* и напитан творениями греческих пиитов и философов. Таких людей было очень мало. Знаменитейшими в числе их почитаются кардинал Албани, Винкельман и Гейне.

В первом случае наблюдатель рассматривает их как *памятники древних событий, людей, мыслей, нравов и обыкновений*. Таким образом занимаются ими единственно *антиквари* или *испытатели древностей*. В сих произведениях художеств они ищут изображения древних нравов и обычаев, объясняют их древними сочинениями и пользуются ими же для истолкования трудных мест у писателей. Изящность и достоинство не принадлежат к их рассмотрению; они стараются узнать только смысл памятника и намерение художника.⁴²

В бумагах президента Академии художеств А. Н. Оленина сохранилось несколько его рукописей, посвященных учебным курсам по археологии, с определением ее задач.⁴³ Так, в «Программе систематического разделения курса истории, археологии и этнографии для питомцев Императорской Академии художеств» (1834) автор пишет о трех «побуждениях», которые «могут нас заставить древности любить»: «Первое, врожденное человеку любопытство и некоторое тщеславие иметь все то, что в старину употребляли или водилось, и все что из дальних стран привозится; второе, любовь к изящным искусствам и вкус ко всякой вещи, находящий что-либо хорошее; третье, историческое любопытство знать, что в старину делалось, памятниками поверять предания, сравнивать древнее искусство и обряды с настоящим временем и делать из того философические заключения».⁴⁴

Разработанный А. Н. Олениным курс археологии включал в себя изучение памятников политической, военной, религиозной и бытовой истории, а также давал «самые краткие ясные понятия об обычаях, обрядах... и степени просвещения» древних народов. Он охватывал несколько хронологических периодов и тематических разделов: «первобытные» и «баснослов-

⁴² С. Об археологии и о различных способах заниматься художественными произведениями древности // ВЕ. 1812. Ч. 62. № 5 (март). С. 15—18, 20. В рукописном журнале литературы, критики, наук и художеств «Ареопаг» (1828. Июнь. Ч. 2. № 4), издаваемом учащимися Ришельевского лицея в Одессе, антикварий шутливо охарактеризован как «сотрудник червей», а историк как «эхо». См.: ОРИР ОГНБ, ф. 17, карт. 13, ед. хр. 450, л. 16 об., 17.

⁴³ См. также: Оленин А. Н. Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян от времени Траяна и русских до нашествия татар. Период первый. Письма к г. академику в должности профессора Басину, или опыт к составлению подного курса истории, археологии и этнографии для питомцев Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств. СПб., 1832.

⁴⁴ РА ИИМК, ф. 7, оп. 1, д. 36, л. 4.

древних» времена, и «составленной древности, заключающейся в преданиях и памятниках искусства древних». Задачу художника А. Н. Оленин видел лишь «в верном механическом подражании всем формам, в природе существующим», для чего воспитанникам Академии художеств, по его мнению, были просто необходимы твердые знания в области истории и географии.

Преподавание основ археологических знаний базировалось на памятниках древнего искусства и «верных сведениях» ученых, «ибо ничто не может быть столь неприятно для образованного любителя художеств, как видеть в превосходно механически исполненной картине нелепое и невежественное смещение обычаев, обрядов, одеяний, оружия, архитектуры и скарба, совершенно несвойственных народу и времени, к которому изображенное живописцем или ваятелем происшествие... принадлежит». Учебными пособиями для художников должны стать «гравированные картины, представляющие в лицах... главные обычаи, обряды и объяснения по разным эпохам знаменитейших народов древности, средних и новейших времен».

С нескрываемым презрением А. Н. Оленин высмеивал встречавшиеся ему художественные произведения, символы «невежества и малой образованности», где, например, был изображен Авраам, приносящий в жертву сына «выстрелом из винтовки», или «Дидона, входящая на костер и закаляющая себя жерстью предлинною гишпанскою шпагою в присутствии телохранителей, одетых в швейцарское платье и вооруженных алебардами».⁴⁵ В издаваемом для художников с 1807 г. «Журнале изящных искусств» был создан специальный раздел «обычаев, обрядов и костюма древних и новых народов», в трех тетрадах было опубликовано «Собрание гравированных рисунков с древних вещей и памятников...» с целью «облегчить... художникам способы к приобретению некоторого понятия о costume, не вводя их в лабиринт науки о древностях, и для самих ученых мужей не совершенно еще известной».⁴⁶ Сам неплохой рисовальщик и гравер, президент Академии художеств учил своих воспитанников разбираться в бытовых реалиях древних египтян, вавилонян, греков, персов, евреев, римлян, устроил манекенный класс для рисования костюмов, значительно обогатил археологические собрания пожертвованием собственной коллекции древнего оружия.⁴⁷ Не случайно именно с фигурой А. Н. Оленина Г. С. Лебедев связывает «выделение в художественно-историческом спектре энциклопедической эпистемемы предпосылок "бытописательской парадигмы" ("древний быт")», назвав его именем особый оленинский период (1826—1846) в истории русской археологии.⁴⁸

В русле традиции «академического» подхода XVIII в. археологические памятники считали не только произведениями искусства, но и ценнейшими историческими источниками, которые могут пролить свет «на нравы, обыкновения и происшествия» прошедших эпох. Оторочность письменных свидетельств о древней истории населявших Россию народов заставила задуматься об информативности археологических источников и возможности сопоставления их с нарративными. «Надобно слышать, объяснять одно место другим, рыться в истлевших памятниках древности или под обломками развалин, чтобы отыскать хотя слабые следы к вероятным только догадкам. Но все сие не в силах остановить любопытства нашего: мы чувствуем в себе потребность знать, что было такое до нас на том месте, которое мы теперь занимаем, и вопросы о сем делаем всему, что сколько-нибудь отвечать нам может, — и часто бываем довольны, когда и слабое получим понятие, или другим подадим повод к лучшему разысканию».⁴⁹

Ясное осознание того, что «вся культура нынешних времен сооружена на развалинах культуры древних народов», привело к пониманию необходимости «отыскивать остатки искусственных произведений и исторгать их для нашей пользы из мрака забвения».⁵⁰ Инженер-

⁴⁵ Там же, л. 4, 21; д. 37, л. 2 об.—4, 16 об.; д. 40, л. 2 об, 12—13 об., 18 об.—20 об.

⁴⁶ См.: Собрание гравированных рисунков с древних вещей и памятников в пользу художников. СПб., 1825—1826. Тетр. 1—3: Древности греческие (в каждой тетради по 12 таблиц гравированных рисунков с объяснительным текстом — одежда, обувь, прически, керамика, утварь, скульптура и т. п.; римские древности планировалось поместить в последующие тетради, которые в свет не вышли).

⁴⁷ Оленин А. Н. Краткое историческое сведение о состоянии Императорской Академии художеств: С 1764 по 1829 гг. СПб., 1829. С. 63.

⁴⁸ Лебедев Г. С. Опыт периодизации истории отечественной археологии // Проблемы истории отечественной археологии: Тез. докл. конф. (11—13 декабря 1990 г.). СПб., 1993. С. 2.

⁴⁹ Догадки о херсонесском канале // Казанский вестник. 1829. Ч. 27. Кн. 9—10. С. 140—141.

⁵⁰ О предметах, относящихся к археологии, а особливо о саркофаге Александра Великого // Аврора. 1805. Т. 1. Ч. 1. С. 42—43.

ный офицер Христиан Штир, осматривая руины Херсонеса, прямо ставит вопрос: «Почему же по камешкам и черепкам не вывести, в каком состоянии находился прежде Херсон?».⁵¹ Примечательно, что признание артефактов системообразующим компонентом, позволяющим реконструировать всю систему в целом, полтора века спустя стало краеугольным камнем теоретических представлений лидера «новой археологии» Л. Бинфорда.

Значительные изменения произошли и в организационной структуре русской науки. На протяжении первой трети XIX в. образовалось два научных центра классической археологии Причерноморья — в Санкт-Петербурге и Новороссии (Одесса и Керчь). В первой трети XIX в. Академия наук потеряла монополизм в изучении античности. Специалисты в области изучения древностей появились в Имп. Академии художеств, Имп. Публичной библиотеке Имп. Эрмитаже. По всей стране было основано несколько университетов — в Дерпте (1802), Вильно (1803—1832), Казани (1804), Харькове (1805), открыт университет св. Владимира в Киеве (1834), на базе Главного педагогического института был воссоздан университет в Петербурге (1819). В высших учебных заведениях читались курсы археологии и истории искусств, греческих и римских древностей, создавались минц-кабинеты и кабинеты редкостей. В общеуниверситетском уставе 1835 г. в числе учебных и вспомогательных «пособий» названы и музеи древностей, которые собирали археологические, эпиграфические и нумизматические памятники. Аналогичные собрания формировались при училищах, гимназиях, лицеях, учебных округах по всей стране. Античные редкости, добываемые с немалыми трудностями в поездках по трясинам российским дорогам, в ходе военных действий и морских путешествий, стали аккумулироваться в государственных и частных музейных собраниях. Первые мероприятия правительства и местных военных и гражданских властей по охране древностей (1805, 1822, 1826 и др.) привели к созданию разветвленной сети специализированных археологических музеев на юге России — в Николаеве (1803), Харькове (1805), Феодосии (1811), Одессе (1825) и Керчи (1826). Их появление отразило тенденцию организации хранилищ непосредственно вблизи районов массовых находок античных древностей еще до начала в 1831 г. систематических раскопок на средства казны.⁵²

Противовесом петербургской академической науке стали неформальные объединения столичных и провинциальных антиквариев — кружки неспециалистов, спонтанно возникшие в разных губерниях страны. Эти неформальные общественные организации объединяли как историков-профессионалов, так и любителей древностей, меценатов, коллекционеров, представителей аристократии и местной бюрократической верхушки, затем в разные годы оформившиеся в научно-исторические общества. Очевидно, что на начальных этапах развития науки преобладали дилетантов в подобных структурах неизбежно ввиду отсутствия еще только формирующегося корпуса собственно научных знаний и принципов. Одной из тем занятий столичных историко-археологических кружков (кружок А. И. Мусина-Пушкина, кружок Н. П. Румянцева и др.) и историко-литературных обществ являлась археология в расширенном понимании как наука о древностях, включающая археографию, эпиграфику, нумизматику и собственно археологию. В 1804 г. было основано Общество истории и древностей российских при Московском университете (закрыто в 1810 г., «возобновлено» под тем же названием в 1811 г., просуществовало до 1929 г.), в 1815 г. Курляндское общество литературы и искусства (Kurländische Gesellschaft für Literatur und Kunst) в Митаве с целью изучения истории, исторической географии и археологии края, в 1834 г. Общество истории и древностей Остзейских губерний (Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands) в Риге, в 1838 г. Ученое эстонское общество (Gelehrte estnische Gesellschaft) в Дерпте (просуществовало до 1950 г.), в 1861 г. Нарвское археологическое общество (Narwasche Alterthums-Gesellschaft), которые занимались в основном исследованием региональных древностей.⁵³

Неформальный кружок антиквариев, своего рода «незримый колледж», возник и в Новороссийском крае, объединив в своих рядах любителей древностей из Одессы и Керчи, посвя-

⁵¹ Ш[тир] Х. Письмо из Севастополя июня 18 дня 1827 // Сын Отечества. 1827. Ч. 114. С. 248.

⁵² Разгон А. М. 1) Исторические музеи в России (с начала XVIII в. до 1861 г.) // ОИМД. 1963. Вып. 5. С. 216; 2) Археологические музеи в России (1861—1917) // ОИМД. 1961. Вып. 3. С. 190.

⁵³ Степанский А. Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 39—42.

тивших десятилетия конкретным археологическим изысканиям на местности. Офицеры, дипломаты, натуралисты, медики, чиновники, образованные помещики и путешественники зачастую оказывались тонкими наблюдателями археологических объектов. Ведущую роль в Новороссийском кружке играли лица, превосходившие по уровню интеллектуального и научного развития обычных дилетантов (в данном случае без пренебрежительного оттенка), которые выросли в серьезных исследователей. Это член-корреспондент Парижской Академии надписей и изящной словесности И. А. Стемпковский, член-корреспондент Берлинской Академии наук И. П. Бларамберг и зачинатель керченской полевой археологии Поль Дюбрюк.

Показательно, что именно в среде провинциальных, а не столичных археологов была разработана *первая исследовательская программа русской науки о классических древностях Северного Причерноморья*, сформулированная И. А. Стемпковским в 1823 г. под названием «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае».⁵⁴ В ней впервые были названы как стратегические цели, так и тактические задачи развития науки: составление сводов нарративной традиции о Причерноморье, полных корпусов эпиграфических, нумизматических и археологических источников, тотальная фиксация и изучение всех без исключения памятников, прежде всего городищ, проведение раскопок с научными целями, принятие мер по консервации, реставрации и охране древностей, составление планов и обмерных чертежей архитектурно-археологических остатков, картографирование памятников. По мысли автора, антиквари должны объединиться в научное общество с единой программой полевых и кабинетных исследований, способствовать созданию сети специализированных археологических музеев. Согласно И. А. Стемпковскому, объектами исследования археологии должны стать все без исключения древности, независимо от их материальной и художественной ценности: «Мы должны тщательно собирать и хранить каждый отрывок древних рукописей, надписей на камнях, каждую медаль, каждый обломок статуй, барельефов: самая незначительная вещь может иногда объяснить древние предания и разогнать мрак, их покрывающий».⁵⁵

Если говорить о результатах кабинетной практики, то характернейшей особенностью подавляющего большинства исследований первой половины XIX в. является художественно-археологический (историко-искусствоведческий или эстетический) акцент в интерпретации и описании «антиков». Он четко прослеживается в трудах Е. Б. Кёлера, А. Н. Оленина, И. П. Бларамберга, А. Б. Ашика. Характерно, что к находкам из кургана Куль-Оба А. Н. Оленин подходил с точки зрения канонов классического искусства. Описывая знаменитую бляху в виде фигуры лежащего оленя, выполненную в традициях скифского звериного стиля, «неверную», по его мнению, трактовку рогов и копыт он объяснял «неумением ваятеля».⁵⁶

Гегемония художественной археологии оказала и определенное положительное влияние в виде совершенствования методов графической фиксации находок как в полевых, так и в кабинетных условиях, главным образом при их публикации. При невозможности знакомства с подлинными артефактами рекомендовалось изучать их по «отливам и рисункам». К черчению планов и зарисовкам древностей стали привлекать профессиональных архитекторов и рисовальщиков — керченского городского архитектора А. Дигби, петербургских художников акад. Ф. Г. Солнцева, Р. Пикара, Афанасьева, Чесского, Андрузского, Семечкина и др.⁵⁷ А. Н. Оленин считал, что большинство европейских трудов по археологии, в частности иллюстрированные гравюрами своды Б. Монфокона и А. К. Ф. Кейлюса, не дают читателю, не знакомому с подлинниками, адекватного представления об оригиналах. Президент Академии художеств был неумолим в своих требованиях к информативности и качеству археологических публикаций — они должны быть снабжены точными и четкими, без упущения малейших деталей, рисунками древностей.⁵⁸ А. Н. Оленин изобрел способ факсимильных изображений для чтения надписей и сформулировал четкие правила для выполнения археологических рисунков. В одном из писем к А. И. Тургеневу он объяснял свои принципы изучения археологических

⁵⁴ Стемпковский И. А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // ОЗ. 1827. Ч. 29. Кн. 81. С. 49—52.

⁵⁵ Тункина И. В. Автографы археологов в альбоме П. И. Кёппена // СА. 1987. № 4. С. 225.

⁵⁶ РА ИИМК, ф. 7, оп. 1, д. 10, л. 109—109 об. Подробнее см.: Тункина И. В. А. Н. Оленин и древности Южной России // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историографические очерки. СПб., 1995. С. 21.

⁵⁷ ДБК. Т. 1. С. [8—9].

⁵⁸ См.: Vasilleva N. About the History of Sir Robert Ker Porter's Album with his Sketches of Achaemenid and Sassanian Monuments // Archaeologische Mitteilungen aus Iran. 1994. Bd 27. S. 339—348. Taf. 104—111.

памятников: «Сам смотри и разбирай, помяту всегда стих Н. А. Крылова "А ларчик просто открывался!"... Памятники искусства древних, подлежащие археологическому разбору, должны быть мне представлены, при ученых толкованиях об оных... не иначе... как с приложением подлинных памятников, или по крайней мере с самыми верными и подробными противными (это старинное русское слово) вместо иностранного Facsimile. Вот мой символ веры археологический, филологический и технический».⁵⁹ Для первой трети XIX в., когда еще не существовало фотографии, предложенная Олениным методика способна была предоставить в распоряжение исследователей и широкой публики недоступный ранее археологический материал.⁶⁰

На протяжении второго этапа в Северном Причерноморье местными археологами-дилетантами эмпирически вырабатывались *полевые приемы* раскопок поселений и могильников. От простого коллекционирования антиков и перекапывания культурного слоя с целью поиска высокохудожественных произведений археологи-эмпирики перешли к раскопкам с научными целями. Они пришли к пониманию важности фиксации конструктивных особенностей остатков древних сооружений, осознали необходимость составления полевой документации и топографической фиксации памятников. Ими самими или под их руководством были выполнены первые планы античных городищ Боспора, архитектурные обмеры погребальных сооружений — склепов и катакомб. Поль Дюбрюкс практиковал оригинальную методику раскопок курганов — на снос до материка,⁶¹ составлял дневники своих работ, выполнял масштабные схемы, рисунки, чертежи и подробные текстовые описания открытых памятников. К фронтальному разведочному исследованию археологических остатков Восточного Крыма Дюбрюкс приступил под влиянием И. А. Стемповского с четко поставленной научной задачей и планом — собрать подробные сведения о недвижимых памятниках древности на европейском берегу Боспора Киммерийского. Этим исследованиям, проводившимся с необычайной тщательностью и кропотливостью, он посвятил 14 лет жизни и ими навечно воздвиг себе памятник в истории мировой археологии. Дюбрюкс обращал внимание на руины городов, поселений, крупные курганы в связи с окружающим антропогенным и природным ландшафтом, т. е. параллельно изучал прилегающую территорию в русле землеиспытательных традиций XVIII в. Равное внимание он уделял всем остаткам древности, в том числе святилищам, некрополям, укреплениям, террасам, валам, рвам, древним дорогам, акведукам, водопроводам, колодцам, следам землепользования и т. п. Обследованные памятники были им описаны, промерены и нанесены на планы и карту.

Изучение археологических памятников Юго-Западного Крыма ведет свое начало от первых работ К. И. Габлица и П. С. Палласа, продолженных в начале 1830-х гг. XIX в. Ф. Дюбуа де Монпере, но в то время лишь частично введенных в научный оборот. Гораздо меньшей тщательностью графической фиксации отличаются работы 1827 г. И. П. Бларамберга и его сына Владимира в Восточном Крыму, опиравшиеся на разведочные исследования Дюбрюкса. Вместо детального описания археологических остатков директор Керченского музея оставил сочинения чисто антикварного характера, наполненные историческими размышлениями и гипотезами об обследованных им памятниках. Петербургские академики Е. Е. Кёлер и Х. Ф. Грефе в своем отзыве о статье Бларамберга «Замечания на некоторые места древней географии Тавриды» справедливо заключили, что «его рассуждение сделалось бы более поучительным, если бы, вместо лишних цитат из древних писателей, он сообщил точнейшее описание этих остатков, с планами большого размера, и следовательно, более точными».⁶²

И все же подавляющее большинство «полевых практик» того времени носило чисто антикварный характер. Раскопки были призваны удовлетворять любопытство военных и чиновников, стремившихся найти памятники монументальной греческой архитектуры и эффектные антики — золотые украшения, древнегреческую скульптуру, расписную керамику («этрус-

⁵⁹ ОР РНБ, ф. 542, оп. 1, д. 143, л. 1—1 об.

⁶⁰ Васильева Н. Е. «...Вот как пишется история»: (Вклад А. Н. Оленина (1764—1843) в развитие теории и истории искусства первой половины 19 в.) // Чужая вещь в культуре: Тез. докл. конф. СПб., 1995. С. 62—64.

⁶¹ АГЗ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 93 об.

⁶² Отзыв, представленный С.-Петербургской Имп. Академией наук академиками гг. Кёлером и Грефе о сочинении Бларамберга, под заглавием: «Observations sur quelques points relatifs à la géographie ancienne de la Tauride» // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 957.

ские» вазы), геммы, монеты и т. п. При этом красивые или ценные вещи вырывались из археологического контекста, а массовому археологическому материалу не придавалось должного значения. Примером подобных исследований на городищах могут служить раскопки Карла Крузе в Херсонесе (1827), раскопавшего видимые на поверхности земли руины средневековых храмов методом выемки грунта без фиксации. Основная их задача состояла в открытии архитектуры древних зданий (гл. 12.2). На снос, но не до материка, раскапывалось античное святилище Ахилла на Тендровской косе (1824), имевшее форму земляного холма в виде «опрокинутого чайного блюдечка», причем вскрытую землю военные моряки просеивали через решето, чтобы не пропустить монеты и граффити (гл. 10.4).

Расплывчато-неопределенный, недифференцированный подход к определению объекта познания отрицательно сказался на формировании собственно археологических методов. Большинство исследователей, до конца не осознавая специфику археологического источника, приходили к выработке методических приемов эмпирическим путем. Соотнесение сведений античных авторов о Причерноморье с данными эпиграфических и нумизматических источников, обнаруженных непосредственно в слое памятника, стало первым ориентиром для хронологических определений в классической археологии. Например, в работах И. П. Бламбергера и А. Б. Ашика,⁶³ обративших внимание на эволюцию стандартов вещевого материала во времени, используются элементы методов типологической и морфологической классификаций, предприняты попытки установления хронологии погребальных комплексов через корреляцию отдельных вещей, прежде всего монет и надписей (гл. 14).

Начало широкомасштабных раскопок древних некрополей в Новороссийском крае связано с открытием кургана Куль-Оба под Керчью в 1830 г. Это событие с полным правом называют поворотным пунктом в истории русской археологии. С тех пор правительство стало рассматривать земли юга России как источник пополнения Эрмитажа произведениями античного искусства большой художественной и материальной ценности и начало регулярно ассигновать значительные средства на раскопки. Исследовательские задачи и методика полевых работ Д. В. Карейши и А. Б. Ашика, которым были поручены полевые исследования от имени и по поручению властей, сложились под влиянием определенного «социального» заказа — петербургское начальство требовало доставки в столицу все большего числа золотых вещей и высокохудожественных произведений античного ремесла, оставляя без внимания «бедные» находки, оседавшие в Керченском музее. Поэтому «официальными гробокопателями» основное внимание уделялось раскопкам могильников, по сути носившим кладонисательский характер. Практиковались выборочные раскопки единичных курганов или групп (кустов) курганных насыпей в могильниках античных городов Крыма и Таманского полуострова. Раскопки одновременно проводились в разных местах, и зачастую начатые курганы бросались недоследованными (судя по рапортам, к одним и тем же курганам оба археолога возвращались на протяжении нескольких лет). К пониманию необходимости планомерных исследований античных городищ и некрополей русская наука пришла только в первой четверти XX в.

Полевые работы Ашика и Карейши документировались рапортами на имя керчь-еникальского градоначальника, который осуществлял контроль и над финансовой отчетностью. Подлинники рапортов отправлялись в Петербург и изучались столичными экспертами — Е. Е. Кёлером, А. Н. Олениным, впоследствии Ф. А. Жилем, Б. В. Кёне, Э. Г. фон Муральтом, Л. Э. Стефани. К сожалению, выработка специализированных методов исследования археологических остатков не нашла отражения в специальных правилах проведения раскопок, необходимость составления которых отмечал еще в 1833 г. А. Н. Оленин.⁶⁴ По требованию петербургских антиквариев отчеты Ашика и Карейши зачастую иллюстрировались рисунками находок и очень редко планами, чертежами и разрезами погребальных сооружений. Картографированию исследованных памятников внимание практически не уделялось.

В Керчи сложилась собственная полевая терминология в «курганографии». Эмпирически выработанная техника раскопок менялась в зависимости от размера, характера и состояния курганный насыпи. Во время снятия насыпи работали «на перевал», т. е. засыпали места, вскрытые до материка, землей, выкопанной в ходе раскопок. Выброс материка из боковых погребений кургана назывался «присыть» («малые возвышения, примыкающие к кургану

⁶³ Ашик А. Б. Воспорское царство. Одесса, 1849. Ч. 3. С. 12—50.

⁶⁴ Тункина И. В. А. Н. Оленин и древности Южной России. С. 22—23.

«бук») ; слой материковой земли, выкошенный при сооружении могильной ямы, именовавшийся «начином». Курганы небольших размеров раскапывались «ямами» или «минами» (шахтами или колодцами), реже исследовались кольцевыми траншеями от подошвы по всей его окружности до уровня материка. Минами раскапывались и большие курганы, которые также прорезались глухими траншеями (редко сквозными, иногда с подбоем) по разным направлениям, так называемыми продольными «разрезами» до материка, направляемыми «по хребту присыпи от подошвы к центру», причем количество траншей определялось числом «присыпей» (рис. 88), либо насыпь исследовалась сегментами, с целью минимальных затрат энергии и времени. В случае находок богатых погребений обязательно практиковалась «промывка» через решето погребенной почвы и «дна гробницы», чтобы не пропустить монеты и мелкие украшения.⁶⁵

При проведении раскопок на средства правительства нанятым артельщикам-землекопам выплачивалось вознаграждение от 80 к. до 1 р. 20 к. в день в зависимости от сезона работ.⁶⁶ Основными инструментами являлись железный лом, топор, железные мотыги, кирки («заступы»), железные и деревянные «лопатки», носилки, тупые длинные прямые ножи для расчистки погребений. Ножом искали череп, но исследование скелета всегда начинали от ног, где, как правило, находили сопутствующий инвентарь, прежде всего керамику. Популярным инструментом являлся «железный шуп» в 1,5 сажени длиной [3,2 м], с стальным на конце буравом. Последний использовали для поиска «отрезов» (т. е. «спуска, идущего вниз от поверхности материка и составляющего стенку земляной гробницы»).⁶⁷ Шуп, однако, позволял обнаружить, да и то с большими погрешностями, лишь гробницы, вырытые в материке, а не в лежащей над ним насыпи.⁶⁸

А. Б. Ашик, в начале своей археологической практики не считавший нужным следовать советам Дюбрюкса, уже через два года после начала раскопок пришел к тому же выводу, что и предшественник, — курганы нужно копать не траншеями или минами, а сносить их полностью до материка, для датировки памятника и изучения особенностей погребального ритуала при вскрытии могил обязательно фиксировать положение погребального инвентаря. «...При раскопке курганов не должно следовать никакой системе, — писал Ашик, — нужно сносить их совершенно, и тогда только можно наверное знать, что в кургане нет более гробницы [...] Для определения времени, к которому относятся... памятники, очень важно знать — какие именно вещи найдены в гробнице и в каких именно местах. Нужно обращать внимание на все мелочи и даже на вещи, поврежденные временем».⁶⁹ В 1837 г. Ашик призывал «с тщанием... производить разыскания в ... курганах, где гробницы находятся гораздо глубже материка»,⁷⁰ а в октябре 1838 г. констатировал: «В течение 6-летних занятий моих... мне случилось под одним и тем же курганом находить по две, по три и более гробниц, устроенных в разных направлениях и в разном одна от другой расстоянии. Опыт этот убедил меня, что теория разрытия курганов, начертанная покойным археологом Потоцким и другими, большею частью неверна; по крайней мере в отношении к пантикапейским курганам. Чтобы с уверенностью сказать, что в кургане нет ничего, необходимо... срыть его до основания: вот, по-моему, самое верное правило. Но разработка кургана, особенно большого, сопряжена с большими издержками... Все те, которые занимались разрытием курганов, в том числе и я, всегда искали для раскопки курган, который бы представлял по своей наружности какую-нибудь вероятность на открытие».⁷¹

С 1831 г. раскопки траншеями как поселений, так и могильников стали традиционными для русской классической археологии вплоть до рубежа XIX—XX вв. О методике, применявшейся Ашником и Карейшей, сегодня принято говорить как о варварской, но мы должны помнить, что она вырабатывалась эмпирическим путем, учителей и наставников (за исключением Дюбрюкса) у первопроходцев не было. Тем не менее материалы раскопок тех лет играют

⁶⁵ РА ИИМК, ф. 63, д. 5, л. 28 об. : рапорт Карейши о раскопках в 1834 г.

⁶⁶ АГЭ, ф. 1, оп. 1-1831, д. 19, л. 127, 133, 136.

⁶⁷ Леонтьев П. М. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Пропилеи. 1854. Кн. 4. С. 400—404.

⁶⁸ Блаватский В. Д. Античная полевая археология. М., 1967. С. 133.

⁶⁹ Ашик А. Б. Часы досуга, с присовокуплением писем о керченских древностях. Одесса, 1850. С. 172, 149.

⁷⁰ РА ИИМК, ф. 63, д. 5, л. 49—49 об. : рапорт Ашика о раскопках 1837 г.

⁷¹ Там же, л. 74—74 об.: рапорт Ашика о раскопках 1838 г.

огромную роль в современных научных исследованиях, поскольку археологами XIX в. была собрана значительная и уникальная часть курганных коллекций античной эпохи, хранящихся в музеях России и Украины. Истина, что «все исторично», достаточно банальна — методические приемы полевых археологических исследований совершенствуются постоянно, и практикуемые сегодня значительной частью археологов методы полевой работы уже кажутся анахронизмами. В ходе многолетних полевых исследований античных памятников близ Керчи были выработаны многие правила и приемы раскопок, в середине XIX в. применявшиеся в других регионах Причерноморья — в Ольвии, Неаполе Скифском, Херсонесе, в Нижнем Подонье, а также при раскопках скифских курганов Поднепровья. Эта полевая методика впоследствии была воспринята представителями других разделов археологии.

Негативную оценку полевых работ Ашика и Карейши давали уже их современники. Так, в 1852 г. обозревая старые раскопки группы курганов к северу от хребта горы Митридат в Керчи, П. В. Беккер писал: «Кучи земли, еще не поросшей травой, доказывают, что раскопки были деланы по всем направлениям, но я не видел ни системы, ни плана в этом хаосе. Кажется, что при раскапывании больше обращали внимания на величину курганов и работали то там, то сям. Эта непоследовательность при работе не могла способствовать ни к познанию местности древней Пантикапеи, ни к научнообразному изучению найденных предметов. Поэтому можно радоваться, что при новейших раскопках следуют уже правильной схеме. Несмотря ни на величину, ни на наружный вид курганов, их разрывают один за другим, и нет сомнения, что при этом способе разрытия и при ведении журнала о каждой раскопке достигнут результатов самых удовлетворительных».⁷²

Таким образом, методические приемы полевой работы, выработанные в 1810—1820-х гг. Дюбрюксом, к началу 1830-х гг. были забыты и научный уровень раскопок и разведок существенно снизился. Раскопки многослойных античных городов и поселений, оборонительных сооружений, святилищ, изучение системы древнего землепользования без четкой исследовательской программы, разносторонних знаний в области антиковедения, отсутствие полевого опыта, постоянных источников финансирования и пр. не могли дать столько эффектных находок, как раскопки курганов. В 1830—1850-х гг. основное направление исследований было сдвинуто от главных задач, поставленных И. А. Стемпковским, и наметившаяся в первой четверти XIX в. гармония в изучении всех групп памятников в более позднее время закреплена не была.⁷³

Академическое антиковедение первой трети XIX в., представленное сугубо кабинетными учеными, основное внимание уделяло изучению не собственно археологических, а письменных, эпиграфических, нумизматических источников и произведений античного искусства. В силу специфики источниковой базы классическая археология рассматривалась, с одной стороны, как раздел искусствознания, с другой — как одна из частных дисциплин антиковедения, главным образом как придаток древней истории, «которая с факелом критики проникает во мрак прошедшего».⁷⁴

Большинство конкретно-научных исследований еще с XVIII в. традиционно было посвящено истории и археологии Боспорского царства. Монография Д. Рауль-Рометта о греческих древностях Боспора Киммерийского (1822), хотя и не дала связного очерка истории Боспора, представила на суд ученых Европы ряд критических и исторических замечаний о многих впервые опубликованных надписях и монетах, ставших известными французскому ученому от одесских археологов. В критических рецензиях на эту книгу П. И. Кёппен и В. Е. Кёлер дали свои поправки к ряду надписей и монет, осмотренных ими *de visu* в южнорусских музеях и частных собраниях. Первый связный очерк истории Северного Причерноморья на основе критического разбора всех видов источников спустя два десятилетия дал Август Бёк (гл. 8.2). Хотя обобщающие труды П. И. Кёппена и И. А. Стемпковского остались неизданными, первыми исследователями были высказаны многие гипотезы, остающиеся дискуссионными и по сей день.⁷⁵ Так,

⁷² Беккер П. В. Керчь и Тамань в июле месяце 1852 г. // Прописи. 1853. Кн. 3. С. 362—363.

⁷³ Шуряев И. Г. У истоков боспорской археологии // Крымские каникулы. Симферополь, 1981. С. 202.

⁷⁴ Ашик А. Б. Часы досуга... С. 158.

⁷⁵ Васильев А. Н. К вопросу о дисконтинуитете историографии Боспора // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Матер. Междунар. науч. конф. СПб., 2001. Ч. 2. С. 297—305.

вопросы политический и экономический истории Боспора и Нимфея и эволюции их контактов с Афинами затронуты в совершенно забытом историческом исследовании И. А. Стемпковского о Нимфее.⁷⁶ Благодаря надписям стала известна титулатура правителей Боспора, а также названия подчиненных им местных племен и греческих полисов на берегах Понта, и соответственно поставлен вопрос об изменении с течением времени границ царства.

Одной из основных задач науки стало выяснение имен и хронологии царствований правителей и тиранов Боспора. По надписям и монетам были установлены имена более десятка боспорских династов, неизвестных по письменной традиции — Комосария, Спарток III, Перисад II, Спарток IV, Левкон II, Рискупорид I, Савромат I, Гепепирия, Рискупорид II, Римиталк, Евпатор, Савромат II и т. п. Вся хронология правителей Боспора III в. н. э. прояснилась на основе изучения монет. К числу боспорских правителей принадлежит Эвмел, отец Спартока III (по современной хронологии), имя которого известно из надписи КБН 19, неверно списанной и опубликованной еще Вакселем и Палласом.⁷⁷ Первыми издателями имя царя было ошибочно восстановлено как Эвмен — EYMEÑOY. Согласно с текстом Диодора Сицилийского, Д. Рауль-Рошетт исправил его на Эвмела (EYMHΛOY),⁷⁸ что подтвердила находка 1824 г. в Пантикапее надписи с посвящением Деметре Фесмофоре (КБН 18), которую впервые издал И. А. Стемпковский по копии П. Дюбрюкса.⁷⁹ Так, шаг за шагом наука, коррелируя данные письменной традиции, эпиграфики и нумизматики, проясняла многие «темные места» политической истории Боспора. Напротив, экономическая, религиозная и культурная история царства оставались практически не исследованными — культовым памятникам посвящены лишь несколько статей Е. Е. Кёлера, П. И. Кёппена (не издана, см. гл. 15), отдельные пассажи в книгах Ф. Дюбуа де Монпере и А. Б. Ашика.

Таким образом, на протяжении второго этапа в первой трети XIX в. формируется осознанный научный интерес к археологическим памятникам Северного Причерноморья, предопределивший возможность их использования в качестве важного исторического источника. Хотя провинциальные антиквариаты стремились объединить усилия для решения насущных задач молодой науки, но и Одесский, и Керченский археологические кружки не являлись формальными организациями. После смерти их лидера — И. А. Стемпковского — они практически распались, но через несколько лет возродились в форме специализированного историко-археологического общества.

На мой взгляд, нельзя согласиться с заключением Г. С. Лебедева, что формирование основных разделов, направлений, местных центров и школ российской археологии происходило только в пост-уваровский период (1884—1899).⁸⁰ Первый провинциальный археологический центр в России был создан археологами-любителями Новороссийского края еще в начале XIX в. Пионеры классической археологии сумели на русской почве привить интерес к классической древности, выработали методiku проведения исследований и определили на перспективу приоритетные задачи полевой и кабинетной работы.

На третьем этапе (1839—1859) происходило становление организационной структуры классической археологии в России, в рамках которой проходило ее сложение как самостоятельной научной дисциплины. Если массовое открытие южнорусских музеев относится ко второму этапу, то создание археологических обществ, занимавшихся классической археологией, уже к третьему.

С прогрессом русской науки и культуры, ростом исторических знаний, проникновением принципа историзма в умственную жизнь общества и углублением на этой основе исторического самосознания нации крепло понимание важности археологического изучения собственной страны. Эта тенденция нашла проявление в создании специализированных историко-археологических обществ в Москве, Одессе, Петербурге — уже к середине XIX в. русская клас-

⁷⁶ *Stempkowsky J.* Notice historique sur la ville de Nymphée // *Journal d'Odessa*. 1828. 6/18 juin. № 45. P. 199—200; 9/21 juin. № 46. P. 203—204.

⁷⁷ *Waxel L.* Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la Mer Noire appartenans à l'Empire de Russie, dessinées d'après les originaux en 1797 et 1798. Berlin, 1803. № 13; *Pallas P. S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801. Bd 2. S. 278. Pl. 17, 2.

⁷⁸ *Raoul-Rochette D.* Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien. Paris, 1822. P. 54. Note 1.

⁷⁹ *Стемпковский И. А.* Известия о новых открытиях по части древностей в Южной России, 1824 года // Библиографические листы. 1825. 20 сент. № 24. С. 335—336.

⁸⁰ *Лебедев Г. С.* Опыт периодизации истории отечественной археологии... С. 3.

сическая археология как составная часть отечественного антиковедения стала фактом, но лишь немногие археологи смогли всецело посвятить себя профессиональной научной деятельности.

В конце 1830—1840-х гг. сложились благоприятные условия для возникновения в России общественных организаций, формально не входящих в государственные институты, — археологических обществ, сеть которых в основном сформировалась уже во второй половине века. В 1839 г. было основано Одесское общество истории и древностей (ООИД, существовало до 1922 г., его преемником стало основанное в 1959 г. Одесское археологическое общество), в 1846 г. — Петербургское археолого-нумизматическое общество (с 1851 г. и по уставу 1866 г. — Имп. Русское археологическое общество, ликвидировано в 1924 г.), тесно связанное не только со столичными аристократическими и чиновничьими кругами, но и с научными центрами — Академией наук, Эрмитажем, Публичной библиотекой, университетом. Следует также упомянуть, что в 1843 г. в Киеве была открыта Временная комиссия для разбора древних актов при киевском генерал-губернаторе, тесно связанная с профессурой университета св. Владимира. Члены комиссии занялись археологическим изучением не только славяно-русских древностей древней столицы, но и раскопками курганов Юго-Западного края, в том числе скифских.⁸¹

Археологические общества как новая для страны форма организации науки стали своеобразными методическими центрами, инициировавшими разработку проблем классической археологии. Несмотря на отсутствие твердой материальной базы и оплачиваемого штата сотрудников, общества выработали собственные научные программы, сумели организовать исследования в области причерноморских древностей, заслушать, обсудить и издать научные труды в собственных периодических изданиях или в качестве отдельных монографий — первые обобщающие книги об античных древностях различных регионов Северного Причерноморья. Они организовали археологические экспедиции, начали сбор коллекций археологических памятников, создали собственные музеи и библиотеки, широко практиковали обмен научной литературой и дублетными памятниками с другими учреждениями, наладили научные контакты с учреждениями и отдельными учеными-коллегами в России и за рубежом.

Необходимость более совершенной организации археологической деятельности, упрочения материальной базы и расширения числа ученых для изучения материальных остатков прошлого осознавалась и в правительственных кругах. Создание в 1850 г. Комиссии для исследования древностей, затем Строгановской комиссии и ее преобразование в 1859 г. в Имп. Археологическую комиссию при Министерстве Имп. двора, финансировавшихся за счет казны, стали закономерным итогом этого процесса. Комиссия, объединявшая квалифицированных штатных специалистов (председатель и три члена), почетных членов и членов-корреспондентов по всей стране, стала общегосударственным центром, координирующим археологические раскопки. Ей был подчинен Керченский музей древностей и Римская комиссия археологических разысканий.⁸² В ведении комиссии находились охрана, учет, научная экспертиза и систематизация древностей,⁸³ кабинетные исследования и публикации памятников, организация и проведение раскопок. В Археологическую комиссию должны были поступать все находки, сделанные на казенных и общественных землях, которые затем распределялись в Эрмитаж и другие музейные хранилища.⁸⁴ Почти два десятилетия спустя после основания ко-

⁸¹ *Левицкий О. И.* Пятидесятилетие Киевской комиссии для разбора древних актов: Историческая записка о ее деятельности. Киев, 1893; *Антонович В. Б.* Музей древностей // Историко-статистические записки об ученых и учебно-вспомогательных учреждениях Имп. университета св. Владимира (1834—1884). Киев, 1884. С. 68—69.

⁸² В 1846 г. русское правительство приобрело участок земли на Палагинском холме в Риме с целью проведения раскопок для пополнения коллекции Эрмитажа (участок продан папскому правительству в 1851 г. в обмен на несколько скульптур, поступивших в императорское собрание). С 1847 г. раскопки проводил итальянец Весковала. Для наблюдения над работами была создана Археологическая комиссия для присмотра и приобретения древностей в Риме, возглавляемая Г. П. Волконским. Руководитель комиссии одновременно осуществлял наблюдение над пенсионерами Академии художеств, направленными в Италию. С 1848 г. помощником заведующего, а с 1861 г. заведующим комиссией стал Степан Александрович Геденов (1816—1877), с 1863 г. до своей смерти бывший директором Имп. Эрмитажа.

⁸³ Исторический очерк мер, принятых в России для сохранения и исследования древностей // Журнал общепольз. сведений. 1858. № 5. С. 180—182; № 6. С. 227—229.

⁸⁴ См. «Положение об императорской Археологической комиссии» и ее первый штат от 2 февраля 1859 г. в кн.: Охрана памятников истории и культуры в России, XVIII—начало XX в.: Сб. документов. М., 1978. С. 63—68. Документ № 33.

миссия добилась распоряжений Министрства государственных имуществ (1883), МВД (1882, 1883, 1886) и Синода (1884) о запрещении раскопок без ее разрешения. В ходе реорганизации 1889 г. комиссии было предоставлено исключительное право разрешать и контролировать полевые археологические исследования по всей стране с помощью открытых листов и с обязательным требованием предоставления полевого отчета о работах на государственных, городских и крестьянских землях. Таким образом, в 1840—1850-х гг. была создана организационная структура науки, не претерпевшая существенных изменений вплоть до советских времен.

Внимание археологов того времени фокусировалось на объектах, вещественных древностях, понимаемых как любые древние источники — письменные, эпиграфические, нумизматические, археологические, причем последние изучались в русле антиквариата и эстетствующей археологии. Различие между историей и археологией виделось не в объекте изучения, а в методике исследований соответствующих источников. Предметом исследования являлась история, исторический процесс, воплощенный в вещественных древностях, являвшихся материальным продуктом жизнедеятельности античного общества.

Программа исследований Одесского общества включала: распространение исторических и археологических знаний о Южной России путем сбора, описания и хранения древностей Новороссии, а также критическое изучение письменной традиции о Северном Причерноморье. Помимо археологических исследований, общество занималось и чисто историческими, археографическими, географическими, этнографическими, статистическими изысканиями.⁸⁵ В речи, произнесенной при открытии Одесского общества истории и древностей 25 апреля 1839 г., А. С. Стурдза прямо говорил, что «археология, лишенная содействия и света прочих наук, не может достигнуть своей цели; одинокая, она блуждает в волшебном кругу бесплодных и произвольных догадок...», но в тесном взаимодействии с историей, эпиграфикой, нумизматикой и филологией может достигнуть выдающихся успехов.⁸⁶ Говоря современным языком, Стурдза пропагандировал междисциплинарный подход к изучению прошлого юга России. Часть задач, поставленных ранее И. А. Стемпковским, нашла отражение в программной речи президента ООИД Д. М. Княжевича «О способах к достижению цели, предложенной уставом общества» (1840), где акцент смещен в сторону археологии — подчеркивалась необходимость картографирования курганов, улучшения методики их раскопок, снятие планов городищ и обмерных чертежей архитектурных остатков, копирование фресок, создание музея общества, а также составление свода известий древних авторов о Северном Причерноморье.⁸⁷ Однако столь широкие задачи в практической деятельности привели к распылению интеллектуальных сил и ограниченных денежных средств, что в конечном итоге затормозило углубленную разработку общественным problem классической археологии и древней истории Причерноморья.

Несмотря на утверждение «Правил для разрытия курганов» (1843)⁸⁸ и «Наставлений, как надлежит поступать при открытии древностей» (1851),⁸⁹ на практике основные их положения не находили должного применения. Так, опубликованная Н. Н. Мурзакевичем в ЗООИД информация о собственных работах на о-ве Фидониси (1841) и в Ольвии (1846) ни в коей мере даже по меркам того времени не может рассматриваться как полноценный полевой отчет. Не случайно настойчивое стремление Мурзакевича получить «дублеты» памятников, главным образом пополнявших Эрмитаж и Керченский музей. Мысль о том, что таким образом разъединяются находки из одних археологических комплексов, большинству антиквариетов даже не приходила в голову — такая практика в то время была общепринятой. На очередной запрос ООИД в Министерство Имп. двора о передаче эрмитажных дублетов в Одесский музей новый директор Эрмитажа С. А. Гедесов, понимавший пагубность дробления коллекций для науки, в 1865 г. ответил категорическим отказом: «Все музеумы дорожат полнотой своих собраний, здесь, где дело идет о единственной в мире коллекции древностей Киммерийского Босфора, Эрмитаж почитает неприкосновенность ее жизненным для себя вопросом, себя же, в той мере, какая подлежит влиянию его, ответственным в этой неприкосновенности перед всей Россией.

⁸⁵ Юргевич В. Н. Исторический очерк 50-летия Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1889. С. 46—47.

⁸⁶ ИР ЦНБ, V, 1518—1533, л. 45.

⁸⁷ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 1, л. 21—22.

⁸⁸ Там же, д. 2, л. 45—47.

⁸⁹ Там же, д. 55, л. 175—176 об.

Каждый из предметов, входящих в состав керченских древностей, принадлежит как часть одного отдельного целого той или другой знаменитой и в археологическом мире всеизвестной находке. От сохранения в нерушимой целости даже ничтожнейших, к таким находкам относящихся мелочей зависит и само значение императорского музея, как единственного обладателя единственными на свете археологическими сокровищами».⁹⁰

Невосполнимые утраты коллекций южнорусских археологических музеев, подвергшихся разграблению в ходе многочисленных войн и революций XIX—XX столетий, общеизвестны. При этом, несмотря на все исторические катаклизмы прошедших веков, Эрмитаж сумел сохранить подавляющее большинство памятников из раскопок XVIII—XIX вв. в неприкосновенности — во время Второй мировой войны погибли лишь археологические комплексы, в 1932 г. переданные Эрмитажем в провинциальные музеи Украины, например, часть погребального инвентаря Александропольского кургана, попавшая в Харьков, вещи из Мельгуновского кладя, комплекс Чмырева кургана и др. (в Эрмитаже сохранилось лишь небольшое число подлинных образцов и гальванокopies).⁹¹

П. И. Кёппен призвал соотечественников начать изучение памятников археологии в контексте древнего культурного ландшафта, исследовать структуру степных курганов Южной России как памятников надгробной архитектуры, прекратить их грабительские раскопки.⁹²

Значительное влияние на развитие специфических черт отечественной классической археологии оказало то, что раскопками была открыта своеобразная, варваризованная культура греческих городов-колоний, дающих материал по исторической этнологии Северного Причерноморья. В поле зрения антиквариетов еще с XVIII в. попадали не только греческие, но и скифские древности (Литой курган, курган Патиньоти, Куль-Оба, курган на земле мирзы Кекуватского и др.). «Почти все памятники, найденные в Тавриде, носят на себе несомненный отпечаток греческого происхождения, — констатирует анонимный автор 1822 г., скорее всего И. П. Бларамберг. — Но с другой стороны, оные тем не менее доказывают, что пантикапейцы, по близкому соседству и непрестанным сношениям со скифами, заимствовали многие обычаи у сих последних. Сие в особенности доказывается тем, что в некоторых могилах найдены лошадиные кости: странное обыкновение, существовавшее, как известно, у одних скифов».⁹³ Восточный Крым и Таманский полуостров стали «прочно ассоциироваться с курганной культурой, с уникальными находками из погребальных комплексов, которые часто имели своеобразный смешанный греко-варварский характер».⁹⁴

К середине XIX столетия антиквариет Новороссии осознали важность изучения синхронных культур комадов и оседлого населения на территориях, сопредельных с античными государствами Причерноморья, что в конечном итоге привело к выделению *скифологии* в самостоятельный раздел археологии. «Вникая в отношения народа к народу, — писал Аппик, — нельзя не убедиться, что памятники древности, какой бы то ни было страны, имеют между собою неразрывную связь и что не иначе могут быть поясняемы, как при взаимном их сличении. К сожалению, классические древности греко-римские, которые по справедливости должны занимать первое место в области археологии, поглощали до сих пор все способности и труды антиквариетов. Едва прошло несколько лет с тех пор, как археологи обратили внимание на древности других народов, и уже труды этих ученых приносят обильные плоды. У нас в России... сокрыт еще неистощимый запас археологических сокровищ. Кроме Керчи, вся Новая Россия, Бессарабия и Кавказ ждут заступа, который бы открыл то, что в их недрах скрывается драгоценного».⁹⁵

В научной литературе середины XIX в. были предприняты попытки разработать хронологию, этническую и типологическую классификацию погребальных комплексов Боспора. Еще П. Дюбрюкс распределил боспорские погребальные сооружения на шесть типов (видов). К древнейшим он относил вырубленные в скале склепы (некрополи Илурата и Киммерика, мо-

⁹⁰ Цит. по: Левинсон-Лессинг В. Ф. История Картинной галереи Эрмитажа (1764—1917). Л., 1985. С. 199.

⁹¹ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Ленинград, 1966. С. 55. Примеч. 1; Смирнова Г. И. Отдел археологии // Эрмитаж: История и современность. М., 1990. С. 237. Примеч. 1.

⁹² Кёппен П. И. О курганах: Предварительное разыскание // ИТУАК. 1908. № 42. С. 41.

⁹³ Древности, найденные в Тавриде // Новости литературы. 1822. Кн. 2. № 18. С. 75.

⁹⁴ Виноградов Ю. А. Феномен Боспорского государства... С. 102.

⁹⁵ Аппик А. Б. Часы досуга... С. 132—133.

гильник у д. Бултанак в 2 верстах от Керчи), которые археолог приписывал киммерийцам или более древним народам. В греко-скифской эпохе он отнес вырубленные в скале катакомбы на северной покатости горы Митридат (некрополь Пантикапея) как с трупосожжениями, так и с трупоположениями, входы в которые зачастую перекрывали курганные насыпи; подкурганные катакомбы Дюбрюкс ошибочно относил к скифам, а кремации в урнах считал греческими захоронениями. Уступчатые подкурганные склепы, аналогичные склепу кургана Патиныоти и склепу Куль-Обы, он отнес к четвертому типу погребальных сооружений; к пятому — склепы по величине аналогичные куль-обскому, но с дугообразным сводом и с «преддверием», оштукатуренные известью или красным цементом; к шестому — греческие могилы на равнине к северу от Керчи, сооруженные из тесаных камней, «заложённые более или менее глубоко», как в небольших курганах, так и бескурганные, открытые в межкурганном пространстве; бескурганные погребения Дюбрюкс считал более поздними, чем катакомбы с трупосожжениями.⁹⁶

Знакомый с неизданными рукописями Дюбрюкса Э. Г. фон Муральт пытался обосновать хронологические критерии для погребальных сооружений, используя как датирующие элементы данные нумизматики (монеты, находимые в погребениях); наличие или отсутствие стекла в погребальном инвентаре, которое обычно встречалось в комплексах римского времени; «стиль ваз и украшений, находимых вместе с остатками погребённых», так как расписные вазы обнаруживали в более ранних, чем римские, погребениях.⁹⁷ Муральт представил членам ПАНО «хронологическое обозрение разрытых курганов на берегах Босфора Киммерийского»: древнейшим погребальным обрядом он посчитал кремацию («сжигание на кострах») и «пепельные урны» (кремация в бронзовых, каменных, свинцовых, серебряных и керамических сосудах), которые предшествуют римской эпохе; «египетские склепы» (Царский курган, Куль-Оба), т. е. склепы с уступчатым перекрытием камеры; гробницы с круглым, или «римским», сводом; могилы из кирпича; могильные ямы, перекрытые камнем или досками; катакомбы и «разные роды гробов и саркофагов». Надгробные плиты с надписями он предположительно отнес к римской эпохе.⁹⁸

Ф. А. Жиль, опираясь на классификацию Дюбрюкса, выделил и попытался определить хронологические рамки бытования шести типов погребальных сооружений Боспора: 1) подкурганные гробницы с «египетским» сводом (VI—IV вв. до н. э.); 2) подкурганные грунтовые могилы с перекрытием каменными плитами или черепицей, плитовые или черепичные гробницы с трупосожжениями и трупоположениями, кремации, или «простые пепельные гробницы, означающие место, где был костер», относимые им к IV в. до н. э. — I в. н. э.; 3) подкурганные гробницы с круглыми, или «римскими» сводами, с трупоположениями, датируемые «эпохой римского владычества», по крайней мере II в. н. э.; 4) погребения в надгробиями, украшенными рельефами и надписями, относимые ко II—III вв. н. э. и позднее; 5) гробницы, высеченные в скале; 6) погребения в катакомбах.⁹⁹

Чиновник Керченского музея древностей А. С. Линевиц систематизировал свои 4-месячные наблюдения в специальной статье «О керченских гробницах».¹⁰⁰ Он выделил семь типов погребальных сооружений: 1) склепы с уступчатым перекрытием; 2) земляные катакомбы; 3) каменные гробницы (склепы без уступчатых сводов из мелких плит пиленого известняка и без отверсия для входа, либо сложенные из отесанных, иногда целых, плит); 4) «земляные гробницы» на поверхности материка (с каменной обкладкой в виде плит, либо не покрытые плитами, причем непокрытые погребения автор считал древнейшими); 5) грунтовые могилы, впушенные в материк на различную глубину, иногда перекрытые каменными плитами; непокрытые погребения он отнес «к лучшим и... более древним временам Греции»; 6) трупосожжения всех разновидностей («жженные гробницы»); 7) «черепичные гробницы». Как подметил Ю. А. Виноградов, археолог обратил внимание на погребения, прорезавшие друг друга, т. е. на горизонтальную стратиграфию некрополей, верно посчитав, что именно таким путем можно решить вопросы хронологии по-

⁹⁶ Записка Дюбрюкса «Несколько заметок о различных родах гробниц, находящихся в окрестностях Керчи» / Публ. В. Г. Тизенгаузена // Тр. VI АС в Олессе (1884 г.). Одесса, 1888. Т. 2. С. 135—138.

⁹⁷ Муральт Э. Г. Хронологическое обозрение древних могил, находящихся по обе стороны Босфора Киммерийского: Читано в заседаниях 18 апреля и 16 мая 1849 г. // ЗПАНО. 1850. Т. 2. С. 309—329.

⁹⁸ ЗПАНО. 1850. Т. 2. Вып. 1. С. 165 (протокол 28 заседания от 18 апреля 1849 г.), с. 169 (протокол 29 заседания от 16 мая 1849 г.).

⁹⁹ Жиль Ф. А. Введение // ДБК. Т. 1. С. LXXXVI.

¹⁰⁰ Линевиц А. С. О керченских гробницах // Пропилеи. 1854. Кн. 4. С. 537—550.

гробных ямных комплексов. Линейный принцип к выводу, что скелеты, «каменные и земляные гробницы», находящиеся на поверхности материка и перекрытые плитами, «не принадлежат исключительно какому-нибудь периоду времени». Хронологическую последовательность остальных памятников он распределил так: «земляные гробницы, находящиеся на поверхности материка и не покрытые плитами»; «жженные гробницы»; неглубокие грунтовые могилы без перекрытий каменными плитами; «черепичные гробницы»; глубоко врезанные в материк грунтовые погребения, перекрытые плитами; неглубокие грунтовые могилы, перекрытые плитами.

Дискуссию вызвал вопрос об этнической принадлежности погребений Куль-Обы, ныне определяемых как скифские. И. А. Стемпковский, П. Дюбрюкс и Д. Рауль-Рошетт приписали основное захоронение скифскому царю, А. Н. Оленин осторожно посчитал его принадлежащим либо скифскому, либо парфянскому, либо понтийскому владельцу, жившему «за век и более до Р.Х.». Дюбуа де Монпере, напротив, считал его принадлежащим боспорскому царю — либо Левкону I, либо Перисаду II. С последним заключением не согласился Г. И. Спасский, писавший, что погребенный боспорский царь, «как видно по сохранившемуся его черепу, умер в молодых летах, а Левкон и Перисад, по всем историческим указаниям, кончили свою жизнь в глубокой старости».¹⁰¹ Ашик, признавая погребение скорее скифским по инвентарю, все же склонялся к мнению Спасского. Жиль приписывал памятник боспорскому царю Сатиру I или его сыну Левкону I. Ю. А. Виноградов даже высказал удивление радикальностью и смелостью выводов ученых того времени в оценке уровня развития греко-варварских связей на Боспоре.¹⁰²

Существенные сдвиги к лучшему фиксируются в области методики «полевых практик». Пагубность методических приемов полевой работы официальных керченских археологов, проводивших исследования без определенного плана, осознавалась как в ученых, так и в правительственных кругах. «Донесения, представленные ныне лицами, на которых возложено было произведение раскопок при Босфоре, — писал Э. Г. фон Муральт, — погружают нас в нераспутываемый хаос. Читая их, как будто находишься среди лабиринта, в котором подвергаешься опасности заблудиться, без надежды найти Ариаднину нить, чтобы из него выпутаться».¹⁰³ С приходом к общему руководству археологическими исследованиями в России министра уделов Л. А. Перовского были возобновлены раскопки античных городов и поселений Причерноморья, которые, однако, не приняли систематический характер, а также некрополей греческих городов и курганов в глубине степей, что дало толчок к развитию скифской археологии. Год от года количество пунктов на территории распространения греческой культуры, где велись полевые археологические исследования, возрастало; раскопки непрерывно приводили к новым, зачастую весьма важным открытиям. Безусловная заслуга Л. А. Перовского перед отечественной наукой состоит в том, что он стремился упорядочить раскопки и жестко регламентировать методику полевых исследований. В обязательном порядке археологам предписывалось вести поденные записи работ, съемку планов, изготовление рисунков находок, составление подробных полевых отчетов.¹⁰⁴ П. В. Беккер так описывал методику раскопок курганов, внедряемую Л. А. Перовским в Керчи: «Прежде обыкновенно старались проникнуть во внутренность кургана, то делая отверстия с одной стороны, то разрывая его в прямом или крестообразном направлении. Теперь же стараются срезать по возможности весь курган, чтобы исследовать его во всех направлениях. Работа начинается сверху, где делают четвероугольное углубление в несколько саженъ. Не выходя из границ верхнего квадрата, насыпь, образующую курган, выбрасывают до тех пор, пока не достигнут материка, таким образом или прямо попадают на гроб, или проникают до бокового его входа. Когда гроб найден, его очищают с величайшею осторожностью; тогда кто-нибудь спускается вниз, и по останкам и по другим признакам, заметя положение мертвого, начинается исследование с ног и мало-помалу доходит до головы. При этом он перебирает прах и землю ножом, ищет зарытых вещей и вынимает найденное без всякого повреждения».¹⁰⁵

¹⁰¹ Спасский Г. И. Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846. С. 120.

¹⁰² Виноградов Ю. А. Феномен Боспорского государства... С. 102—103.

¹⁰³ Муральт Э. Г. Хронологическое обозрение древних могил... С. 306.

¹⁰⁴ ИР ЦНБ, V, 1198—1218, л. 2—4 об.

¹⁰⁵ Беккер П. В. Керчь и Тамань в июле месяце 1852 г. ... С. 365—366.

Сотрудником Л. А. Перовского и впоследствии старшим членом Имп. Археологической комиссии являлся ученик акад. Х. Д. Френа, ориенталист П. С. Савельев, издававший не только в научной, но и в губернской периодике инструкции, как проводить раскопки и описания курганов с целью представить «исследователям курганов примерные описи курганов и журнала раскопок» — два важнейших методических ориентира для будущих археологов на поприще «курганологии». ¹⁰⁶ В годы Крымской войны П. С. Савельев принимал участие в исследовании разграбленного в древности Большого Александропольского кургана (Пуговой могилы) в 80 верстах от Екатеринослава (ныне г. Днепропетровск, Украина), в районе предполагаемого Герроса Геродота. Главным методистом и основным экспертом при раскопках был керченский археолог А. Е. Люценко, ¹⁰⁷ раскопавший курган путем снятия всей насыпи — «единственно правильный путь, по которому, однако, последующие поколения не пошли». ¹⁰⁸

Методика полевых работ, проводившихся по распоряжению Перовского, определялась спецификой исследуемого памятника. Так, первые масштабные раскопки античного города были проведены П. М. Леонтьевым на прекрасно сохранившемся Недвиговском городище (1853), которое к тому времени было лишь минимально затронуто выборками камня. Перед раскопками профессор и архитектор А. А. Авдеев специально ездили в Керчь для знакомства с практикой и методикой раскопок. Оттуда они привезли на Нижний Дон керчь-еникальскаго мецциана Сурикова — «малороссы и казаки, работавшие у нас, получили почтение к „русскому“, как они его звали, великому мастеру замечать обрезы и открывать гробницы». ¹⁰⁹ Леонтьев заложил траншею («канаву») по диагонали через все Недвиговское городище шириной 3 сажени (около 6 м), сделав поперечные ответвления; раскопками было затронуто менее 1/20 площади городища, и тем не менее они позволили впервые выявить крепостные сооружения Танаиса. Начальник экспедиции прекрасно понимал пагубность раскопок траншеями и рекомендовал будущим археологам проводить исследования большими площадями. Московский профессор нашел восемь надписей (из них шесть датированных), давших принципиально важную информацию о жизни города в эпоху его упадка и окончательно подтвердивших локализацию города на Недвиговском городище. Фиксации и стратиграфических наблюдений (в современном понимании) при раскопках не велось, а добытый материал не мог быть должным образом осмыслен из-за несовершенства и неразработанности хронологических определений. Относительная «бедность» находок и невыразительность архитектурных остатков заставила Леонтьева переключить внимание на могильник, исследовавшийся параллельно с городищем, причем раскопки больших курганов проводились несколькими продольными траншеями (отдельными сегментами от подошвы к центру), небольших — минами в средней части или на снос до материка. Леонтьев уделял внимание не только археологиче-

¹⁰⁶ Известия о курганах и городищах / Предисл. и примеч. П. С. Савельева // ИАО. 1858. Т. 1. Вып. 3. Ст. 148—151 (извлечение: ЖМНП. 1858. Ч. 98. Отд. 7. С. 184—187; Владимирские губернские ведомости. 1858. № 21. С. 81—83; Черниговские губернские ведомости. 1858. № 41); Савельев П. С. Курганы у села Городище, Переславского уезда // Владимирские губернские ведомости. 1858. № 22. С. 85—87 (выдержки из дневника раскопок).

¹⁰⁷ Поводом для раскопок послужила случайная находка Бухтеевым в 1851 г. в южной поле и в различных местах насыпи кургана всемирно известных блях и наварший с изображениями Владычицы зверей и других предметов. Раскопки были начаты в 1852 г. еще А. В. Терещенко (1806—1865) по приказу Л. А. Перовского. В частном письме от 3 июля 1856 г. П. С. Савельев сообщал В. В. Григорьеву из Александрополя: «[Терещенко] копал его три года и не дошел до материка, хотя донес, что дошел. Тогда керченским археологам поручено было переисследовать раскопки [Терещенко]. Оказалось, что он не докопался до материка только на два аршина [...] Нынешним летом найдено несколько неограбленных костяков лошадей [...] Всего открыто теперь фунтов десять золотых вещей. А это ведь крохи, уцелевшие от грабежа! Что же здесь было?! Геродотово сказание вполне подтверждается. Геррос отыскан. Следует непременно раскопать и другие большие курганы царские; верно, хоть один найдется цельный, — и тогда сколько света прольется на Скифию! В Эрмитаже откроется скифский музей, как в British museum — Ниневийский! Сколько еще работы для наших археологов, сколько может открыться новых материалов для науки! Я бы охотно посвятил лет пять на эти расследования, если бы умели ценить их и не стесняли предписаниями “иметь в виду, что раскопки производятся лишь для доставления золотых вещей Эрмитажу”». Не менее любопытна характеристика участников раскопок: «Официальные археологи здешние... не умеют отличить урны от амфоры, и грифона от дракона, не говоря о совершенной невинности в делах археологии и мифологии; описывают “гениев с хвостами” (сатиров) и “каких-то вооруженных женщин на коне” (амазонок); а впрочем, честные и добрые люди». Цит. по: Григорьев В. В. Жизнь и труды П. С. Савельева, преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб., 1861. С. 105—108.

¹⁰⁸ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 428. Примеч. 2.

¹⁰⁹ Леонтьев П. М. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса... С. 496. Примеч. 1.

скому, но и антропологическому материалу, ценность которого он понимал как «историческое определение расы» (гл. 17).

В том же 1853 г. А. С. Уваров провел раскопки на городище и некрополе Ольвии по одинаковой методике — траншеями («канавами») в разных направлениях. Из-за многочисленных выборов камня местными жителями и традиционной для Ольвии сырцово-каменной архитектуры, о чем исследователь знать в то время не мог, на поверхности земли планы зданий не читались (гл. 10.3). По той же методике он провел раскопки на городище Керменчик под Симферополем (Неаполь Скифский, гл. 13). Напротив, столкнувшись в Херсонесе с остатками каменной, а не сырцово-каменной архитектуры, он полностью, широкой площадью вскрыл комплекс Уваровской базилики, так как ее план читался на поверхности земли (гл. 12.2).

Много лет спустя А. А. Спицын поставил вопрос о низком методическом уровне полевых работ и соответственно недостоверности исторических выводов в трудах А. С. Уварова.¹¹⁰ В советской историографии взгляд на А. С. Уварова как на барина-дилетанта, принесшего больше вреда, чем пользы, науке, под влиянием работ В. И. Равдоникаса и А. В. Архиповского стал традиционным.¹¹¹ И лишь сравнительно недавно почти сорокалетняя научная и организационная деятельность А. С. Уварова на благо отечественной археологии получила объективную оценку.¹¹² Обвинения в бесполезности раскопок А. С. Уварова в связи с несовершенством их методики, на мой взгляд, бесосновательны, так как он соответственно их документировал: сохранились его полевые отчеты и описи находок,¹¹³ где погребальный инвентарь разделен по комплексам. Другое дело, что эти материалы не были востребованы ни им самим, ни исследователями последующих поколений и остались неизданными и забытыми. Еще раз повторю, что с современных позиций говорить о «правильности» подобных раскопок смысла не имеет, ведь по прошествии почти 150 лет любые полевые исследования выглядят методически слабыми.

Черед аффектных находок в Северном Причерноморье привела и к негативным для науки последствиям, косвенно стимулировав разграбление «счастливчиками» курганов и к широкому распространению грабительских раскопок. Нанимая в качестве артельщиков местных крестьян и мешан, официальные археологи постоянно обращались к одним и тем же опытным раскопщикам. Получив представление о методике и практике работ, многие из артельщиков тайно от властей проводили собственные раскопки. Этот доходный промысел привел во многих местах — в Парутино, Севастополе, Керчи, на Таманском полуострове — к настоящей эпидемии кладоискательства. Местные власти и население также внесли свою лепту в разрушение памятников — после официальных раскопок окрестные жители извлекали камень сначала из траншей, а затем и по всей площади городищ, разбирали курганные крениды и насыпи, подкурганые склепы и т. п. для собственных построек и других хозяйственных нужд. Несмотря на все административные запреты, эта практика процветает до сих пор.

Тенденция приоритетности художественной археологии, развивавшейся исключительно на гуманитарной основе, закрепляется на третьем этапе. Попытки натуралиста акад. К. М. Бэра в середине столетия континентализировать гуманитарное знание с естественнонаучным в то время не нашли должного отклика среди русских историков и археологов. Ученый пытался внедрить антропологический подход к изучению культуры и этноса независимо от исторической эпохи, привить на русской почве «систему трех веков» (1836), изложенную им в предисловии к русскому переводу книги И. Я. Ворсо «Северные древности королевского музея в Копенга-

¹¹⁰ Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК. 1905. Вып. 15. С. 84—90.

¹¹¹ Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. 1930. Т. 7. Вып. 3—4. С. 35—38; Архиповский А. В. Развитие археологии и этнографии до середины XIX в. : Археология // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 530—531, 533; см. также: Лапиш В. А. Оценка деятельности А. С. Уварова в русской и советской археологической литературе (динамика критики) // Финно-угры и славяне : (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986. С. 75—79.

¹¹² См., например: Формозов А. А. 1) Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 85—88; 2) Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 67—68; 3) К столетию «Археологии России» А. С. Уварова // Природа. 1981. № 12. С. 61—69; 4) А. С. Уваров и его место в истории русской археологии // РА. 1993. № 3. С. 228—245; Вздорнов Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. М., 1986. С. 138—145; Лебедев Г. С. История отечественной археологии... С. 94—101; Тункина И. В. А. С. Уваров и древности Южной России (конец 1840-х—начало 1850-х гг.) // Погибшие святые : Охраняется государством : 4-я Российская науч.-практ. конф. СПб., 1996. Ч. 1. С. 163—181.

¹¹³ ОДИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 199.

гене» (1861). Большинство специалистов были отвергнуты и гипотезы самого Бэра в области исторической географии Причерноморья античной эпохи.

Систематизация и обобщение всего известного науке материала, накопленного в ходе раскопок с конца XVIII в., стали ярким показателем третьего этапа становления классической археологии. Замечательные археологические открытия в Восточном Крыму и на Таманском полуострове стимулировали издание целой серии отдельных монографий по истории и археологии Боспорского царства.¹¹⁴ В отличие от предыдущего этапа, когда издавались практически только надписи и монеты, с работы Ашика о расписной пантикапейской катакомбе (1845) началась публикация собственно археологического материала, главным образом произведений древнего искусства и быта. В «Журнале Министерства внутренних дел» и в «Записках» Одесского общества стала регулярно появляться подробная информация о раскопках в Новороссийском крае. Скорейший ввод в научный оборот археологического материала В. В. Григорьев определил как одно из основных условий прогресса науки: «Чтобы извлечь из найденных памятников, что заключают они в себе для объяснения прошлого, надо, чтобы эти памятники были доступны: были срисованы и описаны, а описания и рисунки изданы». Он же сформулировал целую программу изучения античных государств Причерноморья:

«В деле разъяснения... памятников, в деле превращения... сырого материала в плоть и кровь истории, сделано, сравнительно с обширностью поставленных задач, еще весьма мало. Не видим мы, например, чтобы выяснено было удовлетворительно: в чем заключались особенности греческой жизни, развивавшейся на берегах Киммерийского Востора, тогда как греческое население этого края необходимо должно было представлять эти особенности, как в устройстве и управлении политическом, так и в религиозных верованиях и обрядах, в обычаях семейных и общественных, в искусстве и других сторонах жизни; не видим, чтобы хотя на шаг продвинулось вперед разрешение вопросов: к каким племенам человечества принадлежало туземное население Привосторского края, среди которого основали эллины свои колонии; кто в особенности были эти знаменитые скифы и другие родственные им народы, царей которых видим мы занимающими престол Востора; в каких отношениях находились династии эти к греческим подданным своим; в какой мере сильно было воздействие греческой цивилизации на господствовавших «варваров», и так далее... Между тем... последние вопросы суть самые любопытные для нас. Только к разрешению их... надо приступать с обширной и разнообразною ученостью. Мало для этого знать по-гречески и быть знакомым с писателями классической древности: надо знать также древний Восток, надо быть хорошим лингвистом, надо изучать дело сравнительно (курсив мой. — И. Т.)... Сколько знаем, таким сравнительным изучением обоего рода древностей не занимался еще никто».¹¹⁵

Эпохальным событием в истории русской археологии, подведшим своеобразную черту под многолетними изысканиями на территории Боспора, стал выход в свет сводного труда «Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа» (1854) Ф. А. Жилия и Л. Э. Стефани. Текст книги составлен на основании извлечений из рукописей П. Дюбрюкса, полевых отчетов А. Б. Ашика, Д. В. Карейши, М. И. Бларамберга, К. Р. Бегичева, и в результате непосредственного изучения памятников, украсивших столичный музей. В роскошном атласе помещены таблицы литографий с гравюр на меди и камне, выполненные с карандашных и акварельных рисунков находок. В тексте Л. Э. Стефани к таблицам ДБК артефакты классифицированы не по типам вещей, не по археологическим комплексам, которые вполне поддаются выделению по рукописным отчетам керченских археологов, а по материалу, из которого выполнен погребальный инвентарь (золото, серебро, бронза, керамика и т. п.). По справедливому заключению М. И. Ростовцева, все исследования Стефани носили преимущественно антикварный характер с уклоном в сторону мифологических и историко-религиозных штудий. При анализе находок в то время традиционно ставилась художественная и историческая, а не собственно археологическая интерпретация памятника.¹¹⁶ Эти «родимые пятна» антикваризма, главным образом в среде музейных хранителей, в полной мере не изжиты до настоящего времени, причем не только в России, но и во всем мире — классическая

¹¹⁴ Спасский Г. И. Босфор Киммерийский... М., 1846; Ашик А. Б. Восторское царство; Сабатье П. Керчь и Востор: Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Восторского. СПб., 1851; Григорьев В. В. Цари Востора Киммерийского, преимущественно по современным им памятникам и монетам. СПб., 1851; Кёне Б. В. Описание музея покойного князя Василия Викторовича Кочубя (составлено по его рукописному каталогу) и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, равно как царств: Понтийского и Босфора Киммерийского: В 2 ч. СПб., 1857.

¹¹⁵ Григорьев В. В. Цари Востора Киммерийского... С. 3, 5—7.

¹¹⁶ Ростовцев М. И. Классические и скифские древности северного побережья Черного моря / Публ. и коммент. И. В. Тукиной // ПАВ. 1993. № 5. С. 31—32.

археология в западноевропейской и американской науке XX в. до сих пор зачастую рассматривается как часть Kunstgeschichte.¹¹⁷ Показательно, что Стефани мало интересовали «варварские» (скифо-сарматские) древности, к которым он подходил с точки зрения канонов греческого искусства. В соответствии с эстетикой Винкельмана главное внимание академик посвящал произведениям эпохи классики в ущерб архаическим, эллинистическим и римским памятникам. Однако именно труды Л. Э. Стефани положили основу научной классификации, датировке и интерпретации шедевров античного искусства, найденных в Северном Причерноморье. Работы петербургского ученого стояли в одном ряду с исследованиями его западноевропейских коллег и вполне соответствовали уровню развития мирового антиковедения середины XIX в.

Исследователи первой половины XIX в. понимали важность сбора и сопоставления всех античных письменных свидетельств о Северном Причерноморье. Еще в 1823 г. такой полный свод предлагал издать И. А. Стемпковский, а в 1840—1845 гг. — Одесское общество истории и древностей.¹¹⁸ Действительный член ООИД, учитель греческого языка гимназии при Ришельевском лицее М. Г. Палеолог, происходивший из «константинопольских греков», занялся «извлечением из древних эллинских поэтов и прозаиков тех мест, кои относятся к истории, географии или топографии Новороссийского края. Из сих сведений, со временем, общество намерено издать извлечение — вроде известного извлечения Стриттерова *memoriae populi* — преимущественно приспособленное к южному краю России».¹¹⁹ Однако этот замысел не был реализован. Русское археологическое общество также обратилось к изучению свидетельств античных авторов о Причерноморье. Секретарь Третьего отделения Р. И. Минцлов на Общем собрании 28 ноября 1853 г. поставил вопрос о необходимости публикации «Сборника извлечений из классических писателей о странах, находящихся ныне в пределах империи Российской, особенно же о северных и восточных берегах Черного моря» (вплоть до византийских авторов) в подлиннике и с русским переводом, объяснительными примечаниями и биографическими известиями о самих писателях, с приложением «в виде образца такого извлечения из Трифиодора». Общество постановило печатать извлечения в своих записках и «из отдельных оттисков составлять постепенно особые собрания». Ранее, на заседании классического отделения РАО 14 мая 1853 г. Р. И. Минцлов представил план этого труда.¹²⁰ Однако на тот момент отечественная историко-филологическая наука еще не располагала необходимыми научными силами для проведения критического анализа огромного массива письменных источников, поэтому и не смогла выполнить поставленную задачу. Лишь на качественно новом этапе развития русского антиковедения был подготовлен тщательный двухтомный труд В. В. Латышева, представляющий сводку греческих и латинских поэтических и прозаических текстов с русским переводом.¹²¹

На мой взгляд, следует согласиться с Б. Триттером, что антикваризм (или антикварианизм) в Европе XV—начала XIX в. не был косным, тормозящим развитие археологии явлением, как это зачастую представляют в исследованиях по истории археологии. Именно антикварианты начали коллекционирование памятников, провели первые раскопки с научными целями, создали научные общества и сеть музеев по всему континенту. Пионеры археологии научились описывать и классифицировать памятники и произведения искусства, проводить раскопки и фиксировать находки, применять различные датировки, в том числе используя стратиграфические наблюдения. Историческая ограниченность антикваризма заключается в том, что древности зачастую рассматривались лишь как иллюстрации к древней истории человечества. Уче-

¹¹⁷ См.: Pouilloux J. *Archaeology Today* // Amer. Journ. Archaeology. 1980. Vol. 84. № 3. P. 311.

¹¹⁸ Стемпковский И. А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // ОЗ. 1827. Ч. 29. Кн. 81. С. 49—50; ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 1, л. 22.

¹¹⁹ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 158, л. 9 (см.: Отчет о состоянии и действиях Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1841. С. 17).

¹²⁰ ЗРАО. 1856. Т. 8. С. 18 (п. VI); С. 37 (п. II).

¹²¹ *Scythica et Caucasica e veteribus scriptoribus Graecis et Latinis collegit et cum versione Rossica edidit Basilius Latyschew. Vol. 1: Scriptores Graeci. Fasc. 1—3* (Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1: Греческие писатели. СПб., 1893—1900. Вып. 1—3); *Vol. 2: Scriptores Latini. Fasc. 1—2* (Т. 2: Латинские писатели. СПб., 1904—1906. Вып. 1—2). Переиздание русских переводов, сверенных С. П. Кондратьевым и О. В. Кудрявцевым, см.: ВДИ. 1947—1949. Указатели. М., Л., 1950. 88 с. (Приложение к ВДИ. 1950. № 4). Русский перевод excerpts из греческих авторов по изданию в ВДИ частично переиздан: Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вып. 1—4. СПб., 1992—1993. Т. 1—2.

ные этого направления, главным образом археологи-классики, были убеждены, что истинное историческое знание может быть получено только при анализе письменных источников.¹²² Не имея специальной филологической подготовки, большинство антиквариев некритически следовали письменной традиции, оставляя артефактам роль вспомогательного материала. Вывод Б. Триггера о значимости периода антикваризма в археологии Западной Европы справедлив и в отношении археологии Российской империи. Однако период антикваризма отечественная наука сумела пережить не за четыре, а всего за полтора века своего развития. Уже в первой половине—середине XIX в. отдельные ученые пришли к пониманию приоритетности археологических данных перед кабинетным толкованием отрывочных и зачастую противоречивых письменных свидетельств о северном берегу Понта: «Не с книгою, не с древним писателем в руках надо изучать эти страны, а раскапывая места, уже определенные, мы подтвердим или опровергнем наши предположения», — писал А. С. Уваров в 1856 г.¹²³

За полтора века в России была создана систематическая и непрерывная культурная традиция в области археологического изучения классической древности, внесшая существенный вклад в мировую археологию и антиковедение открытием неповторимой, яркой и своеобразной материальной культуры древней контактной зоны между греческими городами-колониями Северного Причерноморья и окружавшими их варварскими племенами. Зародившись как деятельность увлеченных древностью дилетантов, классическая археология стала своего рода «испытательным полигоном» структурообразующих характеристик археологической науки, сферой подготовки первых археологов-профессионалов, объединенных специализированными научными центрами. К середине XIX в. отечественная классическая археология сформировалась в самостоятельную научную дисциплину, тесно связанную с другими антиковедческими дисциплинами. Возникнув намного позднее, чем западноевропейская классическая археология, отечественная наука взаимодействовала с более развитым зарубежным антиковедением как внутри страны (Е. Е. Кёлер, Ф. И. Круг, Х. Ф. Грефе, Л. Э. Стефани), так и за ее пределами (Д. Рауль-Рошетт, А. Бёк и др.). Специфика объекта познания классической археологии привела к формированию и господству художественно-эстетического подхода в восприятии и изучении античных памятников, когда массовому археологическому материалу не уделялось должного внимания. С другой стороны, исследователи XIX в. осознали, что раскопки, открывающие не только собственно археологические, но и эпиграфические и нумизматические памятники, служат пополнению источниковой базы исторической науки. Они пришли к закономерному выводу, что археологические источники увеличивают познавательные возможности других видов источников — служат критерием достоверности античных письменных свидетельств, дополняют информацию и взаимно датируются с эпиграфическими и нумизматическими источниками. Закономерно, что в этот период археологическое знание оказалось слабо дифференцированным от исторического. Памятники археологии (в том числе эпиграфические и нумизматические) были призваны дополнять и иллюстрировать историю античных государств Северного Причерноморья, рассматривавшуюся как история династий, политических событий, войн и их последствий для границ государств.

Очевиден и факт преемственности проблематики, запавшей ученых конца XVIII—первой половины XIX в. и современных исследователей, проявившийся в общности многих исследовательских задач. В этот период был поставлен ряд вопросов (прежде всего в области исторической географии Северного Причерноморья), ответы на которые не найдены до сих пор.

На новом этапе развития науки, с конца XIX в. отечественное антиковедение приступило к реализации ряда задач исследовательской программы И. А. Сتمпковского, обнаруженной еще в первой четверти столетия: создание сводных фундаментальных корпусов письменных, эпиграфических, нумизматических и археологических источников.¹²⁴ Идеи И. А. Сتمпковского получили дальнейшее развитие в детализированной исследовательской программе академика М. И. Ростовцева, сформулированной им в статье «Классические и скифские древности северного побережья Черного моря» (1918).¹²⁵ Как в этой, так и в других его работах дается

¹²² Trigger B. G. A History of Archaeological Thought. Cambridge, 1989. P. 70—72.

¹²³ Уваров А. С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1856. Вып. 2. С. 139.

¹²⁴ Тункина И. В. Неизданная работа М. И. Ростовцева... С. 23.

¹²⁵ Ростовцев М. И. Классические и скифские древности... С. 28.

высокая оценка исследований археологов-любителей первой трети XIX в., сумевших правильно понять главные задачи научного изучения античных памятников Причерноморья. По сути программа И. А. Стемковского—М. И. Ростовцева носит исчерпывающий характер и сегодня. Ей следуют современные ученые, даже не подозревая, что «говорят прозой».¹²⁶

Здесь мы сталкиваемся с до сих пор неосознанным феноменом. Программа, выработанная на начальном этапе развития науки не профессиональным ученым, а дилетантом, остается актуальной и по сей день. Н. Г. Чернышевский верно подметил: «Новая эпоха в науке создается чаще всего не специалистом, который слишком привык к рутине и обыкновенно отличается от своих сотоварищей только большим или меньшим объемом, но не существенным различием в *содержании* знания, — преобразователями науки являются обыкновенные люди первоначально занимавшиеся другой отраслью знания... Причина тому очень проста: человек, приступающий к глубокому исследованию с запасом знаний, чуждых другим ученым, легче замечает в новом предмете стороны, ускользающие от их внимания».¹²⁷ Этот парадокс, как представляется, наглядно демонстрирует представленный краткий обзор первых исследовательских программ отечественной классической археологии на первых трех этапах ее развития.

8.2. ИЗУЧЕНИЕ ЛАПИДАРНЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Лапидарные памятники, совмещающие в себе достоинства письменных и археологических источников, первыми привлекли к себе внимание исследователей, что определило их главенствующее место в источниковой базе русского антиковедения. Возникнув в эпоху Возрождения, эпиграфика призвана была решать вопросы сбора, фиксации, публикации и истолкования древних текстов на камне, металле, керамике и т. п., а также изучать по ним ход развития языка и письма. Чтобы прочитать и правильно интерпретировать античные надписи, недостаточно хорошо знать классические языки — специалистам нужны широкие историко-филологические знания. В первой трети XIX в. эпиграфику отчасти относили к числу филологических дисциплин («литературной филологии»), отчасти — к археологии («монументальной филологии»), лишь к 1840-м гг. она оформилась в особую науку. В XIX в. ученые разных стран Европы пытались выработать методику определения подлинности надписей, их датировки и относительной хронологии по характеру письма, т. е. палеографическим признакам и другим датирующим элементам, сформулировать правила чтения и восстановления недостающих частей текста путем сопоставления аналогичных, но полнее сохранившихся стереотипных по содержанию и формулировкам надписей, расшифровать сокращения и т. п. Рост источниковой базы, появление еще с XVII в. значительного числа эпиграфических сводов и сборников греческих и латинских надписей (найденных в какой-либо стране, на определенной территории, тематических сборников, сборников избранных надписей и пр.), трудности, связанные с их одновременным использованием, привели к осознанию необходимости издания сводов античных надписей, начиная с древнегреческих.

Значение данных эпиграфики для античной истории юга России трудно переоценить. Как правило не искаженные позднейшими изменениями, надписи являются важнейшим первоисточником для реконструкции различных аспектов истории Северного Причерноморья, скудно освещенного нарративной традицией. Различные категории надписей содержат огромный материал историко-культурного характера. По надписям появилась возможность изучать ономастику и проводить этнолингвистическую атрибуцию имен населения Причерноморья античной эпохи. Тексты эпиграфических документов северного берега Понта выделяются и местной терминологией, и наличием до конца не расшифрованных знаков — так называемых сарматских. Для того чтобы прийти к этой сумме знаний, мировой эпиграфике пришлось пройти

¹²⁶ Тункина И. В. Формирование исследовательских программ в классической археологии Северного Причерноморья (XVIII—середина XIX в.) // Проблемы истории отечественной археологии: Тез. докл. конф. (11—13 декабря 1990 г.). СПб., 1993. С. 54—55.

¹²⁷ Цит. по: Родный Н. И. Проблемы научного творчества и организации науки в трудах естествоиспытателей // Очерки истории и теории развития науки. М., 1969. С. 173.

долгий путь становления и развития, причем русская наука сыграла в ее истории далеко не последнюю роль.

Первыми собирателями, копиистами и издателями надписей Северного Причерноморья были ученые-натуралисты и путешественники — П. С. Паллас, Ф. К. Маршал фон Биберштейн, И. О. Потоцкий, Л. Ваксель, П. И. Сумароков, Э. Д. Кларк и др. Они не были подготовлены к эпиграфическим исследованиям, зачастую составляли неточные копии текстов,¹²⁸ так как знание классических языков у многих из них оставляло желать лучшего, а из-за неразвитости эпиграфики в то время они не могли быть знакомы с формулярами надписей. К счастью, копии десятков впервые найденных, зачастую сильно поврежденных надписей сохранились в рукописных материалах XVIII—первой половины XIX в. Эти копии в ряде случаев полезны для реконструкции текстов надписей, так как многие из них отличаются от воспроизведений, опубликованных в позднейших сводах, лучшей сохранностью. Они передают более точную форму букв, чем в искаженных при изданиях литографиях и гравюрах. Рукописные материалы нередко дают более точные сведения о местах и времени находок лапидарных памятников. Ряд надписей с тех пор был утрачен, поэтому, по моему твердому убеждению, знакомство с архивными документами должно быть неременным условием при любых переизданиях сводов античных и средневековых надписей Причерноморья. Рукописные копии XVIII—середины XIX в. имеют значительную ценность и при реконструкции и комментировании эпиграфических текстов.

Приоритет в деле научного изучения и издания эпиграфических памятников по строго научным критическим методам в России принадлежит Е. Е. Кёлеру, использовавшему одновременно приемы филологической и исторической интерпретации.¹²⁹ Его суровые, но зачастую справедливые замечания порицали ошибки в изданиях других исследователей, способствуя очищению эпиграфического материала путем строгой критики: Кёлер не оставлял без внимания ни одну надпись, неудачно объясненную или неточно прочитанную другими. Статьи академика об античном Причерноморье пестрят уничтожающими критическими выпадами против эпиграфических штудий Д. Рауль-Рошетта, П. И. Кёппена, И. А. Стемпковского, И. П. Бларамберга. Язвительные рецензии Кёлера¹³⁰ в определенной мере способствовали повышению научного уровня изданий эпиграфических памятников. При издании надписей после первого путешествия на юг России (1804) Кёлер сетовал: «Знаю, в какой степени, для совершенного понимания надписи, необходима отчетливость в копиях подобного рода, тем более, что надпись (царицы Комосарии. — И. Т.) относится к столь отдаленным временам, и что наш обыкновенный типографский шрифт не может передать с точностью подлинную форму древних букв. Но этот... недостаток совершенно вознаградится в полном сочинении, которое я намерен издать об этом предмете».¹³¹ В коротком вступлении к статье с изданием двух ольвийских надписей, в том числе декрета в честь Протогена (IPE, I², 32), с посвящением исследования владельцу Ильинского графу А. Г. Кушелеву-Безбородко, Кёлер с ревностью и раздражением в адрес непрофессиональных антиквариев писал, что с тех же памятников «ходило несколько ошибочных копий, изготовленных людьми без знаний, которых можно назвать литературными сводниками, или литературными сплетниками, поэтому я сообщаю здесь правильные оттиски с обоих».¹³² С категорической оценкой профессионального ученого в полной мере согласиться нельзя — к трудам дилетантов «следует относиться не с суровым и холодным осуждением, а с благодарностью. Они обратили внимание на те памятники, на которые в России еще долго смотрели как на строительный материал».¹³³

¹²⁸ Новосадский Н. И. Греческая эпиграфика. М., 1915. Ч. I. С. 167.

¹²⁹ Материалы по эпиграфике сохранились в личном фонде Е. Е. Кёлера: АГЭ, ф. 11, д. 83: Inscriptionen. 50 л.; д. 91: Monumenta. 417 л.; д. 96: Protogen. 254 л.; д. 111: Bosporus. № 9: Inscriptiones Regg. Bospori. 732 л., и др.

¹³⁰ Köhler H. K. E. 1) Remarques sur un ouvrage intitulé: Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien // Serapis. SPb., 1823. Th. 1. S. 232—234. Перепеч.: Н. К. Е. Köhler's gesammelte Schriften. SPb., 1850. Bd 1. S. 81—234; 2) Beurtheilung einer Schrift: Alterthümer am Nordgestade des Pontus // H. K. E. Köhler's gesammelte Schriften. SPb., 1850. Bd 2. S. 5—44.

¹³¹ Кёлер Е. Е. Рассуждение о памятнике царицы Комосарии // Археолого-нумизматический сборник..., изданный Г. Спасским. М., 1850. С. 105—106.

¹³² См.: Köhler H. K. E. Zwei Aufschriften der Stadt Olbia. SPb., 1822. 27 S. (8 гравюр). Перепеч.: Н. К. Е. Köhler's gesammelte Schriften. SPb., 1850. Bd 1. S. 59—80.

¹³³ Новосадский Н. И. Греческая эпиграфика. С. 167.

Занятия наукой в то время были достаточно дорогими, их могли себе позволить лишь антиквари, рассчитывавшие на финансовую помощь государства или меценатов, таких как граф Н. П. Румянцев. П. И. Кёппен, независимо от Кёлера издавший в Вене декрет в честь Протогена, констатировал дороговизну издательских расходов и обратил внимание на неспособность даже западноевропейских типографий того времени обеспечить точное воспроизведение надписей (они в то время традиционно издавались строчными буквами): «Печатанием я вообще был доволен, но зато же взыскали с меня и хорошие деньги. Двести экземпляров особо напечатанных *Über Alterthum und Kunst in Rußland*, 200 экземпляров *Nordgestade* («*Altterthümer am Nordgestade des Pontus*». — И. Т.), и 100 экз. ольвийского псефизма стоили мне более 600 гульденов или рублей государственным ассигнациями, так что... к 45 червонцам я должен был приложить еще и свои деньги. [...] Псефизму, или определению ольвийского народа и Совета в честь Протогена... напечатал особо еще 100 оттисков, это в трех типографиях... не было довольно заглавных греческих букв».¹³⁴ Сам П. И. Кёппен публиковал надписи исключительно по собственным копиям, что значительно повышает ценность его исследования.

Неразработанность в ту эпоху вопросов палеографических особенностей шрифта и хронологии греческих надписей приводила к расхождениям среди ученых-антиковедов в их датировке. Это в полной мере относится к жемчужине ольвийской эпиграфики — Протогеновскому декрету: «Время иссечения этой достопримечательной надписи...», — писал Кёппен, — разные ученые определяли различно. Так например: Малте-Брен относит оное к III веку до Р. Хр., Рауль-Рошетт ко II или I веку до Р. Хр., Летронн к I столетию до Р. Хр., Кёлер ко временам имп. Тиверия, к I веку по Р. Хр., а Газе к первому или даже ко II веку нашего летоисчисления. — Безделица! Всего сотни четыре лет разницы».¹³⁵ Следует отметить, что и в наши дни датировка и исторический контекст появления декрета в честь Протогена, относимого Ю. Г. Виноградовым к 20—10-м гг. III в. до н. э., вызывает оживленные споры среди антиковедов-эпиграфистов и археологов.¹³⁶

Первыми публикаторами целой серии причерноморских надписей выступили провинциальные антиквари И. А. Стемпковский,¹³⁷ И. П. Бларамберг,¹³⁸ В. Г. Тепляков (гл. 9), А. Б. Аппик, Д. В. Карейша и др., которые не получили специального образования в области классической филологии и археологии. Их ошибки в чтении и интерпретации надписей были неизбежны. Стемпковский и Бларамберг частую консультировались с одесским греком А. Ф. Панагио-

¹³⁴ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 139 (путевые записки Кёппена 1823 г.), л. 5 об.—б.

¹³⁵ Кёппен П. И. О курганах. С. 38. Примеч. 145.

¹³⁶ Подробнее литературу вопроса см.: Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VI—I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 181—182. Примеч. 16.

¹³⁷ Стемпковский И. А. 1) Известия о новых открытиях по части древностей в Южной России, 1824 года // Библиографические листы. 1825. 20 сент. № 24. С. 335—336 (КБН 18, по копии П. Дюбрюкса); 2) Выписка из письма. Одесса, 11 марта 1827 г.: О новой находке в Керчи // ОЗ. 1827. Кн. 30. С. 150 (о надгробии с греческой надписью КБН 801); 3) Древности: Тамань, 28 ноября // ОВ. 1828. 15 дек. С. 425 (о надписях КБН 73, 1036); 4) Надпись, найденная в Керчи // ОВ. 1829. № 39. С. 153—155 (переиздано: Санкт-Петербургские ведомости. 1829. № 69: о надписи КБН 17); 5) Археология // ОВ. 1829. № 79; 6) Древности // ОВ. 1832. № 63 (КНБ 24); *Stempkovsky J.* 1) *Antiquités // Journal d'Odessa*. 1829. № 29 (о надписи КБН 1036); № 39 (о надписях КБН 50, 61); 2) *Decrèt des Arcadiens en faveur de Leuson, prince du Bosphore // Ibid.* № 44. P. 179—180 (о декрете в честь Левкона: КБН 37); 3) *Palimpseste, découvert dans le Bosphore // Ibid.* № 75. P. 327—328 (о греческой надписи с именем боспорского царя Радамсада: КБН 65); 4) *Monument élevé à l'empereur Adrien par Rhœmêtalcès, roi du Bosphore // Ibid.* 1830. № 93 (о надписи из Керчи, выброшенной морем в 1830 г.: КБН 47); 5) *Inscription grecque découverte dans l'île de Taman // Ibid.* № 101 (о надписи КБН 1051, найденной у ст. Тамань); 6) *Nouveau Journal Asiatique*. 1831. T. 7. P. 231—233 (о найденной в феврале 1830 г. вблизи ст. Тамань стеле с почетной надписью архонтов агриппийцев кесарийцев: IPE, II, 363=КБН 1051).

¹³⁸ *Blaramberg J. de* 1) Article communiqué par M. de Blaramberg // *Journal d'Odessa*. 1827. 19/31 mars. № 22. P. 85—86 (о надписях, привезенных с островов Архипелага: CIG 2314, 2317); 2) Du culte de Vénus sur les rives du Bosphore Cimmérien // *Ibid.* 1828. 2/14 juin. № 44. P. 195—196 (о культе Афродиты Анагуры по надписи КБН 35); 3) Antiquité / Древности // *Ibid.* 15/27 déc. № 100. P. 424—425; 22 déc./3 janv. № 102. P. 432—434 (пантикапейская манумиссия с упоминанием еврейской синагоги КБН 73 и строительная надпись КБН 63); 4) *Ibid.* 1829. № 35. P. 137—138 (статья без заглавия, описание мраморов с греч. надписями); 5) *Antiquités // Ibid.* № 86. P. 372 (о надписи КБН 35, описанной в № 44 за 1828 г.); 6) *Paleographie // Ibid.* № 88. P. 381—382 (транскрипция херсонесской надписи в честь Агасикла: IPE, I, 418); 7) *Antiquité // Ibid.* № 91. P. 393—394 (надгробие с надписью на греч. и лат. яз.); 8) *Antiquité // Ibid.* № 95. P. 416—417 (надпись агораномов на греч. яз.); 9) *Antiquité // Ibid.* № 98. P. 428 (надпись из Месемврии), и др.

Николюмов о правильности чтения и перевода новых лапидарных памятников. Они издавали надписи не только по собственным копиям, но и по спискам, которые передавали им антиквари, вообще не знавшие классических языков, такие как П. А. Дюбрюкс, А. Галлера и др. Следует отметить и определенные достоинства работ дилетантов — провинциальные антиквари стремились передавать в рисунках с наибольшей точностью все особенности копируемых лапидарных памятников, не допуская произвольных восстановлений надписей в поврежденных или слабочитаемых текстах, чем зачастую грешили филологи-классики. Благодаря трудам любителей археологии год от года накапливался и вводился в оборот новый эпиграфический материал, причем копирование надписей с каждым десятилетием становилось точнее, совершенствовались приемы и навыки научного исследования, издание и комментирование текстов постепенно приобретало научные черты.

Понимая ограниченность своих познаний в античной эпиграфике, одесские археологи регулярно общались с профессиональными учеными на Западе, предоставляя собранные ими материалы для публикации за границей. Знакомство П. И. Кёппена с Августом Бёком во время заграничного путешествия в марте—апреле 1824 г. оказалось очень плодотворным для науки.

Август Бёк (*Böckh*, 1785—1867), немецкий филолог-классик и историк Древней Греции, основатель греческой эпиграфики; действительный член Берлинской (1814) и ряда европейских Академий наук; действительный член ООИД (16 октября 1844), иностранный член-корреспондент РАО (24 ноября 1847). Родился в Карлсруе, после окончания местной гимназии учился богословским наукам и филологии у Ф. А. Вольфа в университете г. Галле, затем в университетском семинаре в Берлине (1805). С 1807 г. экстраординарный, с 1809 г. ординарный профессор Гейдельбергского университета. В 1810 г. был приглашен занять кафедру красноречия и древней литературы в Берлинском университете, где преподавал до своей смерти. Автор исследований о Платоне, о метрическом размере од Пиндара и критического издания его произведений (1811—1821), о греческих трагиках Эскиле, Софокле, Эврипиде, о Манефоне (1845), о лунных циклах и календаре у греков (1855, 1859), издатель и переводчик «Антигоны» Софокла (1843), эпиграфико-хронологических этюдов (1856), «Энциклопедии и методологии филологических наук» (1877), а также монографий «*Staatshaushaltung der Athener*» (1817, в 3 т.), «*Metrologische Untersuchungen über Gewichte, Münzfusse und Maasse des Altertums*» (1838) и др. По его инициативе в 1815 г. Берлинской АН предпринято издание свода греческих надписей «*Corpus inscriptionum Graecarum*» (Berolini, 1824—1862. Vol. 1—4), первые два тома которого изданы самим Бёком, к остальным он успел собрать материал.

Бёк просил у Кёппена разрешения «воспользоваться снимками надписей», снятых в Южной России, и продемонстрировал гостю первые листы корректуры корпуса греческих надписей. «Печать очень хороша; из надписей многие гравированы, — записал Кёппен в дневнике. — Есть и особые литые буквы, большая часть букв... как у Кларка, употребленная им для надписей. [...] По приглашению Бёка, который просил меня сообщить ему мои греческие надписи, ольвийские и воспорийские, чтобы с моих первоначальных списков издать оные, я отправился к профессору Бутману. И ему Бёк сказывал, что он находит несправедливым нападения Кёлера; между тем, однако, Бутман советовал в Санкт-Петербурге иметь свидание с Кёлером. Кёлер на его возражения писал ему, что и он уже отступает от своего предположения на счет опущенного места (в декрете в честь Протогена. — *И. Т.*), где из слова ΣΑΙΩΝ он первые буквы почитал началом слова ΣΑΙΤΑΦΑΡΝΗΣ».¹³⁹

Через Кёппена связи с Бёком наладили и члены Новороссийского археологического кружка. Встретившись в июле 1829 г. с И. П. Бларамбергом в Керчи, П. И. Кёппен отметил в путевых записках: «Свиданием с одесским археологом я воспользовался для исполнения поручения берлинского ученого филолога..., который, возвращая мне мои списки с разных ольвийских надписей, служивших ему руководством при напечатании сих памятников в издаваемом королевской академией своде греческих надписей, просил о сообщении точных копий со вновь открываемых в Южной России надписей. Сей просьбу конечно никто удобнее г. Бларамберга, директора археологических музеев в Одессе, Феодосии и Керчи, исполнить не может».¹⁴⁰ Бларамберг регулярно отправлял списки надписей в Берлин А. Бёку. Последний был очень признателен своему корреспонденту и увековечил имя одесского антиквара в предисловии и в комментариях к многим надписям свода («*Blarambergius missit*» etc.). Ученик Бёка Ф. Дюбуа

¹³⁹ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 140 (путевые записки Кёппена 1824 г.), л. 119 об. (15/27 марта 1824 г.), л. 128 (20 марта / 1 апреля 1824 г.).

¹⁴⁰ Там же, оп. 3, д. 145, л. 45 об.

де Монпере, издавший последние два тома и атлас путешествия на юг России и Кавказ одновременно с выходом второго тома «Корпуса греческих надписей», предоставил составителю более точные копии многих причерноморских надписей.

Связи с маститым берлинским коллегой пытался наладить и Стемпковский, прекрасно понимавший важность и значение античного эпиграфического материала: «Я все надеялся улучшить время, — сообщал Иван Алексеевич Кёппену 19 января 1830 г., — чтобы составить записку о здешних надписях, и до сих пор не мог еще сего сделать... Мне хотелось бы послать г-ну Бёку что-нибудь основательное, тем более что проведши, в прошлом ноябре, несколько дней в Тамани, я имел случай с особенным вниманием рассмотреть хранящиеся при тамошней церкви надписи и открыть в оных новые обстоятельства, упущенные г-м Кёлером в издании оных (Mon[ument] de Comosar[ye]). Я прочитал целые слова, коих г-н К[ёлер] и не заметил; многие другие мною поправлены, и я нашел, что в надписи Динамисы (КБН 1046. — И. Т.) Висконти, хотя и за глаза, но лучше видел, нежели наш почтенный академик. Теперь надеюсь иметь несколько досуга, и если только боли не положат препятствия, соберу все что можно будет, напишу письмо к г-ну Бёку, и все к вам доставлю».¹⁴¹

Четырехтомный свод древнегреческих надписей в формате in folio был напечатан по инициативе А. Бёка Берлинской Академией наук в 1824—1862 гг. Здесь надписи, вырезанные на камне, а также на керамике, монетах и других изделиях из металла, были расположены по географо-хронологическому принципу. Во 2-й том «Corpus inscriptionum Graecarum» (1843) вошло всего около 140 лапидарных памятников, найденных в Южной России (1 надпись из Тиры, 46 из Ольвии и ее окружи, 7 из Херсонеса, 78 с территории Боспора). В историческом введении и первой главе Бёк привел очерк истории греческих колоний на северных берегах Понта Эвксинского, их политического устройства, религии, обычаев, взаимоотношений с варварами (скифами, сарматами, фиссагетами, галатами, меотами и другими племенами), изложил историю Ольвии, Херсонеса Таврического и Боспорского царства на основе анализа, корреляции и взаимопроверки всех доступных видов источников. Таким образом, очерк Бёка стал первым строго научным обобщающим изложением истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Во второй главе автор подверг исследованию формы языка причерноморских памятников и дал классификацию имен собственных по их происхождению. Тексты эпиграфических документов «получили в этом издании вполне научную разработку и надлежащее объяснение, стоявшее на высоте тогдашней науки».¹⁴² Недостатком свода явился факт публикации причерноморских надписей не на основе их изучения de visu, а по другим изданиям (И. О. Потоцкого, Е. Е. Кёлера, Ф. Б. Грефе и др.), по копиям корреспондентов автора (И. П. Бламберга, П. И. Кёппена, Ф. Дюбуа де Монпере и др.), что неизбежно приводило к ошибкам в восстановлении и интерпретации надписей.¹⁴³ Однако «обширная эрудиция и критический талант гениального ученого подсказывали ему такие объяснения и поправки, которые впоследствии совершенно оправдывались», — констатировал В. В. Латышев, высоко ценивший глубокое знание древностей и необыкновенную филологическую проницательность создателя греческой эпиграфики.¹⁴⁴ Своими трудами А. Бёк содействовал созданию кадров эпиграфистов по всей Европе, в том числе и в России: антиквари, работавшие с опубликованным им сводом, знакомились с методикой работы над эпиграфическими документами, следовали показанным им приемам критики текстов, перенимая опыт научного издания и исследования эпиграфических источников.

В 1847 г. немецкий антиковед Т. Моммзен представил Берлинской Академии наук проект издания свода латинских надписей — «Corpus inscriptionum Latinarum» в 15 томах, который стал выходить лишь с 1863 г. Развитие латинской эпиграфики в России тормозилось единичным числом известных науке памятников. И. А. Стемпковский в одном из писем к П. И. Кёппену настоятельно просил выяснить судьбу одного камня: «Лет двадцать тому назад, в начале уп-

¹⁴¹ Там же, д. 282, л. 25 об.—26.

¹⁴² Новосадский Н. И. Греческая эпиграфика. С. 182.

¹⁴³ CIG. 1843. Vol. 2 (Pars Udemica: Inscriptiones Sarmatiae cum Chersoneso Taurica et Bosporo Cimmerio. S. 80—170. № 2057—2134b; см. также addenda с. 996—1010). Памятники причерноморской керамической эпиграфики, граффити на металле и керамике и пр. вошли в четвертый том корпуса, изданный лишь в 1862 г.

¹⁴⁴ Латышев В. В. Сообщение о ходе работ по изданию общего сборника греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря // Тр. VI АС в Одессе. Одесса, 1888. Т. 2. С. 45.

различные здешним краем Дюка де Риншель, был найден на Днестре, около селения Чобручей,¹⁴⁵ кажется только не на левом, а на правом берегу (так по крайней мере уверял меня генерал Ферстер), мрамор с латинской надписью. Сей памятник был тогда же отослан в Петербург, и находится ныне, как уверяют, в Эрмитаже, а может быть, в Академии наук. Вы знаете, как редки здесь латинские надписи: любопытно бы знать, что говорит упоминаемая мною, которая, кажется, никогда не была издана. Нельзя ли разведать о сем, найти надпись, и списать ее: но так, что Старшина (акад. Е. Е. Кёлер. — И. Т.) не знал о сем; ибо в противном случае он не позволит. Есть ли отыщете, то хорошо сделаете, напечатав ее в ваших *Библиографических листах*, так как вы напечатали надпись *Аврелия Сальвиана* (IPE, I², 551. — И. Т.).¹⁴⁶ Есть ли же не заблагорассудите, то, ради Бога, пришлите мне копию, чем меня премного обяжете».¹⁴⁷ Вероятно, поиски Кёппена оказались безрезультатными, так как эта надпись, видимо, утратила свою паспортизацию и не фигурирует в корпусе В. В. Латышева. Позднее, в 1881 г. во дворе крестьянина с. Чобручи, находящемся на Левобережье Днестра (ныне Слободзейский район Приднестровья, Молдова), был найден декрет г. Тиры 181 г. (IPE, I², 2). В. И. Гошкевич высказал предположение о локализации в районе Чобручей Офиуссы Птолемея (Ptol. III, 10, 8); тот же город искал Ф. К. Брун в окрестностях с. Коротного, где в 1846 г. был найден римский императорский декрет 201 г. с подтверждением права граждан Тиры на беспошлинную торговлю (IPE, I², 4).¹⁴⁸ Обе гипотезы ныне отвергнуты большинством специалистов.

Русское антиковедение первой половины XIX в. было еще не подготовлено к созданию такого обобщающего фундаментального труда, как корпус причерноморских надписей. Напомню, что еще в 1823 г. И. А. Стемпковский высказал мысль о необходимости создания полного свода всех «палеографических» (т. е. эпиграфических) памятников Северного Причерноморья.¹⁴⁹ Первой задачей стал учет всех известных на то время лапидарных надписей. Необходимость принятия мер к охране и копированию эпиграфических памятников Тавриды осознавалась и в Петербурге — в 1839 г. министр финансов Е. Ф. Канкрин поручил советнику Таврической казенной палаты И. С. Андреевскому собрать сведения относительно «древних письменных памятников» в Крыму.¹⁵⁰

Идею создания свода надписей поддержало и Одесское общество истории и древностей. 18 декабря 1846 г. его члены постановили издать на средства ООИД на русском языке «полное собрание» греческих и латинских надписей, открытых в Ольвии, Херсонесе, Феодосии, Керчи и других местах юга России, «распределив оные, буде можно, хронологически».¹⁵¹ Копированием известных надписей занялся Н. Н. Мурзакевич. В отчете ООИД за 1846—1847 гг. объяснены побудительные мотивы для подготовки свода: «Значительная часть эллинских надписей, одновременно открытых в Новороссийском крае, хотя и помещена в известном издании ученого Августа Бёкка... *Corpus inscriptionum Graecarum*, edit. A. Boeckhii. Berolini, 1823, 4 vol. in fol., однако ж книги сии, по дороговизне и отдаленности места, не для всякого любителя доступны; потому они по большей части неизвестны. Общество, желая облегчить и доставить как любителю древностей, так и всякому образованному путешественнику возможность пользоваться подобным собранием, предположило сделать небольшое по формату и недорогое в цене издание, и для сей цели определило: списав и собрав все известные в Новороссийском крае эллинские надписи, издать для употребления желающих. Списки 49 надписей, хранящихся в музеумах Феодосийском, Керченском, а также и в Одесском, уже доставлены общес-

¹⁴⁵ На подробной карте — Чобручи. *Примеч. П. И. Кёппена*.

¹⁴⁶ См.: Библиографические листы. 1825. 15 марта. № 9. С. 122—123 (письмо от 7 августа 1825 г., из Одессы в Петербург).

¹⁴⁷ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 282, л. 9—9 об.

¹⁴⁸ *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951. Вып. 1. С. 15—18; Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья: Матер. полевого семинара. Тирасполь, 2000.

¹⁴⁹ *Стемпковский И. А.* Мысли относительно изыскания древностей... Кн. 81. С. 50.

¹⁵⁰ ЖМНП. 1839. Ч. 21. Отд. 7. С. 39. См.: ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 20, л. 11: сообщение об открытии греческой надписи в развалинах крепости Мангул-Кале корреспондентом ООИД И. С. Андреевским, ноябрь 1839 г. Сведения об этой находке отсутствуют в «Сборнике греческих надписей христианских времен из Южной России» В. В. Латышева (СПб., 1896).

¹⁵¹ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 2, л. 47 об.—48.

тву секретарем. По собрании всех надписей сполна, общество приступит к изданию». ¹⁵² Среди документов общества, по заключению С. Р. Тохтасева, определенную ценность представляли материалы к этому неосуществленному изданию, прежде всего копии утраченных и до сих пор неизданных античных и средневековых лапидарных памятников, а также альбомы рисунков экспонатов Одесского городского музея древностей и музея ООИД, из которых небольшая часть «забытых» и пропавших после Крымской войны надписей была впервые опубликована П. О. Карышковским. ¹⁵³

20 февраля 1847 г. А. Б. Ашик известил сочленов по Одесскому обществу, что по поручению М. С. Воронцова он занимается «составлением полного и систематического собрания палеографических памятников Восточного Киммерийского». Керченский археолог просил разрешения посвятить свой труд ООИД и «не отказать в содействии» при его издании. Общество постановило «оказать пособие» в этом начинании. Практически все боспорские надписи, известные на момент издания, вошли в книгу Ашика «Восточное царство» — часть переиздана из корпуса А. Бека, из публикаций и рукописей И. А. Стемпковского и И. П. Бламбаха, часть издана впервые. Усилиями Н. Н. Мурзакевича, П. В. Беккера, Ф. К. Бруна на страницах «Записок» ООИД было издано большое число вновь открытых в Причерноморье лапидарных памятников, как правило, с научным комментарием. ¹⁵⁴ Однако поставленную задачу издания полного свода надписей Одесское общество было выполнить не в силах из-за недостаточного уровня развития эпиграфики в то время и отсутствия кадров подготовленных специалистов. ¹⁵⁵

Столичные ученые второй трети XIX в. также не остались в стороне от эпиграфических штудий. Публикации вновь найденных надписей появляются на страницах изданий Императорской Академии наук ¹⁵⁶ и в трудах Императорского археологического общества. Последнее даже опубликовало специальную инструкцию о копировании эпиграфических документов. ¹⁵⁷ А. С. Уваров и профессор П. М. Леонтьев уделяли значительное внимание эпиграфическому материалу, собранному ими во время раскопок и разведок. ¹⁵⁸ Другой издатель надписей акад. Х. Ф. Грефе, как правило, публиковал памятники по снимкам, копиям и эстампам других лиц, в частности П. И. Кёппена и А. А. Мартынова. ¹⁵⁹ Акад. Л. Э. Стефани вошел в историю отечественной эпиграфики критическим изданием и восстановлением всех известных на то время надписей Боспорского царства во втором томе «Древностей Боспора Киммерийского».

Во второй половине XIX в. вопрос подготовки корпуса античных надписей Причерноморья был поставлен вновь. Он обсуждался на заседаниях РАО и на нескольких всероссийских археологических съездах, созываемых МАО. Инициатором создания свода в 1876 г. выступил востоковед А. Я. Гаркави, подавший в РАО соответствующую записку. Автор подчеркнул, что потребность в таком сборнике назрела давно, так как ученые, краеведы и коллекционеры,

¹⁵² Там же, д. 158, л. 52 об.—53 (ср.: Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1846 г. по 14 ноября 1847 г. Читан 25 апреля 1848 г. Одесса, 1848. С. 8—9). Следует, однако, отметить небрежность многих списков к корпусу надписей, выполненных Н. Н. Мурзакевичем и другими лицами, в которых зачастую неправильно поняты или пропущены целые строки. Материалы к корпусу надписей см.: ГАОО, ф. 93, оп. 2, д. 1, л. 170—239 об.

¹⁵³ Карышковский П. О. 1) Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды, 3—5 // ВДИ. 1962. № 3. С. 146—152; 2) Из истории Тиры в I—II вв. н. э. // МАСП. 1971. Вып. 7. С. 149—158.

¹⁵⁴ Мурзакевич Н. Н. Эллинические памятники, найденные в Новороссийском крае // ЗООИД. 1850. Т. 2. Отд. 2—3. С. 405—413; Беккер П. В. 1) Гражданский быт тиритов при римских императорах. Одесса, 1849; 2) Тирас и тириты // ЗООИД. 1850. Т. 2. Отд. 2—3. С. 416—469; 3) О двух ольвийских надписях // ЗООИД. 1858. Т. 4. С. 119—130 (см. также: Becker P. Neue Aufschlüsse über zwei oblianische Inschriften. (Lu le 7 août 1857) // MGR. Т. 2. P. 51—64); 4) О заслугах Каллиника, по надписи ольвийской // ЗООИД. 1858. Т. 4. С. 131—133; Брун Ф. К. О местоположении Тираса // ЗООИД. 1853. Т. 3. С. 47—67.

¹⁵⁵ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 2, л. 47 об.—48, 53 об.

¹⁵⁶ Muralt Ed. 1) Uebersicht der im Corpus inscriptionum graecarum noch fehlenden Inschriften Sarmatiens. (Lu le 26 avril 1844) // BCSHPH. 1845. Т. 2. P. 81—85; 2) Verzeichniss der seit 1844 neu entdeckten Inschriften Sarmatiens. (Lu le 2 octobre 1846) // Ibid. 1847. Т. 3. P. 351—352.

¹⁵⁷ Способы к снятию копий с надписей на камнях // ИИАО. 1858. Т. 1. Вып. 5. Стб. 335—336.

¹⁵⁸ Уваров А. С. 1) Исследования о древностях Южной России. СПб., 1851. Вып. 1. С. 60—61; 2) Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя // Пропилеи. 1854. Кн. 4. С. 525—526, 533—537; Леонтьев П. М. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Пропилеи. 1854. Кн. 4. С. 418—428.

¹⁵⁹ Graefe F. 1) Inscriptiones aliquot graecae, nuper repertae, restituuntur et explicantur. Petropoli, 1844. P. 28, 34, 40, 42; 2) Steinschrift aus der Zeit des Bosphorischen Königs Ninithimaios mitgetheilt von dem Hrn. Akad. v. Köppen // MGR. 1851. Т. 1. S. 97—101.

занимающиеся древностями Южной России, «испытывали неудобства» из-за отсутствия такого издания. В РАО была образована комиссия из А. Я. Гаркави, И. В. Помяловского и Ф. Ф. Соколова, выработавшая подробный план и принципы издания. В 1878 г. А. Я. Гаркави вновь поднял вопрос о сборнике и предложил поручить его составление И. В. Помяловскому и Ф. Ф. Соколову. Соколов, занятый тогда собственными научными исследованиями, обещал приступить к работе не раньше, чем через два года, а в 1882 г. выступил с инициативой поручить подготовку труда В. В. Латышеву.¹⁶⁰ Таким образом, только во второй половине века, с созданием собственной эпиграфической школы, отцом которой по праву считается профессор Петербургского университета и Петербургского историко-филологического института Ф. Ф. Соколов,¹⁶¹ отечественная наука в лице его ученика В. В. Латышева смогла приступить к изданию полного свода античных (древнегреческих и латинских) и греческих надписей византийской эпохи Северного Причерноморья.¹⁶² Эти труды принесли автору заслуженный авторитет и признание в мировом антиковедении.

8.3. ЗАРОЖДЕНИЕ КЕРАМИЧЕСКОЙ ЭПИГРАФИКИ В РОССИИ

Керамическая эпиграфика — одна из отраслей античного источниковедения, занимающаяся в первую очередь изучением самой многочисленной группы эпиграфического материала, встречаемого на памятниках поздней классики и эллинизма, — клейм с легендами на сосудах, главным образом амфорах, кровельной черепице и кирпичках. Клейма, имеющие датирующие признаки и определяющие места изготовления керамики, дают прекрасный материал для изучения хронологии и географии античной торговли.

Традиционно основоположниками керамической эпиграфики как науки считаются Л. Э. Стефани и П. В. Беккер,¹⁶³ активно публиковавшие с середины XIX в. большие коллекции клейм, происходящих главным образом из античных поселений Северного Причерноморья.¹⁶⁴ Не умаляя заслуг этих ученых-первооткрывателей (достаточно сказать, что в Западной Европе работы аналогичного характера появились лишь в 1860—1890-е гг.¹⁶⁵), следует отметить, что имеются прямые доказательства того, что в России интерес к керамическим клеймам возник за несколько десятилетий до появления трудов Л. Э. Стефани и П. В. Беккера. Эти наблюдения полностью подтверждаются архивными материалами Г. К. Э. Кёлера, И. П. Бларамберга и П. И. Кёппена (первые два являлись коллекционерами памятников керамической эпиграфики).

¹⁶⁰ Подробнее см.: Веселовский Н. И. История Имп. Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования: 1846—1896. СПб., 1900. С. 132—133; Новосадский Н. И. Греческая эпиграфика. С. 200—202.

¹⁶¹ Фролов Э. Д. 1) Ф. Ф. Соколов и начало историко-филологического направления в русском антиковедении // ВДИ. 1977. № 1. С. 213—225; 2) Развитие историко-филологического направления в русском антиковедении // Проблемы историографии и источниковедения отечественной и всеобщей истории. Л., 1978. С. 113—126.

¹⁶² Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit Basilius Latyschev. Petropoli, 1885—1916. Vol. primum: 1885; Vol. secundum, inscriptiones regni Bosphorani continens. Accedunt tabulae duae geographicae: 1890. Vol. quartum, supplementa continens per annos 1885—1900 collecta. Accedit tabula zyncotypica: 1901; Vol. 1 (2 ed.). 1916; Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. Подробнее о подготовке первого и второго изданий обоих сводов см.: Тункина И. В. В. В. Латышев: Жизнь и ученые труды... С. 172—288.

¹⁶³ Sztetuho Z. Grecka epigrafica ceramiczna. Warszawa, 1971. S. 11; Selov-Kovedjaev Th. Histoire et état actuel de l'épigraphie céramique grecque (amphores et tuiles) en Union Soviétique // Bul. de correspondance hellénique. 1986. Suppl. 13. P. 9—10.

¹⁶⁴ Stephani L. 1) Titulorum graecorum particulae. Dorpati, 1848. P. 3; 2) Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854. С. 32 и след.; Becker P. 1) Ueber die im südlichen Russland gefundenen Henkelinschriften auf griechischen Thongefässen // MGR. 1850. Vol. 1. P. 416—522; 2) Ueber eine Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland. Leipzig, 1862. S. 453—502 (Supplementbande der Jahrbücher für classische Philologie. Bd 4); 3) Ueber eine zweite Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland. Leipzig, 1869. S. 447—536 (Ibid. Bd 5); 4) Ueber eine dritte Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland, und über Dumont's inscriptions céramiques de Grèce (Paris 1871). Leipzig, 1878. 117 S. (Ibid. Bd 10); 5) Ueber eine neue Sammlung unedierter Henkelinschriften aus dem südlichen Russland. (Nachtrag) // Ibid. Bd 10. S. 209—231.

¹⁶⁵ CIG. 1862. Vol. 4 (в том числе клейма, найденные в Северном Причерноморье); Dumont A. Inscriptions céramiques de Grèce. Paris, 1871; Schuchardt C. Die Inschriften von Pergamon. Berlin, 1895.

Особый интерес представляет дневник путешественника Е. Е. Кёлера в Новороссии 1821 г., в который он заносил данные о встреченных им наиболее интересных древностях. В первую очередь академик обращал внимание на неизвестные эпиграфические документы, которые стремился быстрее ввести в научный оборот. Сбором и копированием греческих надписей занимались многие и до Кёлера, но он один из первых обратил внимание и включил в дневник не только списки с лапидарных памятников, но и копии сорока амфорных и одного черепичного клейма, встреченных им при посещении Николаева, с. Ильинского (Ольвии), Одессы, Севастополя, Феодосии и Харькова в местных музеях и частных собраниях, в том числе в коллекции И. П. Бларамберга.¹⁶⁶ Однако качество прорисей оставляет желать лучшего. Не указан масштаб, надписи выполнены заглавным шрифтом, не передающим палеографических особенностей оригинала, рисунки с эмблем, содержащихся в клеймах, слишком схематичны, да и приводятся они далеко не во всех случаях. Чувствуется отсутствие навыков при работе со столь сложным видом письменных источников. Ошибки особенно заметны в копиях, выполненных с поврежденных или плохо читаемых клейм. Здесь нередко пропуски или замена букв, некоторые надписи переданы бессмысленным набором знаков, что только затрудняет их правильное восстановление и зачастую не позволяет провести надежную локализацию клейм. Правда, следует иметь в виду, что в отдельных случаях, как это было, например, в Севастополе, Кёлер видел не сами клейма, а лишь их копии, предоставленные в его распоряжение коллекционером И. П. Псомасом.

Дальнейшая судьба значительной части этих штемпелей неизвестна. Большинство из них не учтено в третьем томе ИРЭ и, видимо, утеряно. Однако клейма, виденные Кёлером в Одессе, в дальнейшем поступили в фонды Одесского городского музея древностей в составе собрания И. П. Бларамберга и были опубликованы Н. Н. Мурзакевичем.¹⁶⁷ В описи Одесского городского музея древностей (1858) под № 118 альбома рисунков фигурирует 88 «обломков амфорных руцек с клеймами (из Ольвии)», а под № 183 — 10 «амфорных глиняных руцек с буквами из Ольвии».¹⁶⁸ При личных встречах, судя по дневнику, Кёлер затрагивал вопросы, касающиеся керамических клейм, в изучении которых И. П. Бларамберг пошел значительно дальше своего маститого коллеги.

И. П. Бларамберг приступил к изучению собственной коллекции древностей, пополняемой главным образом ольвийскими находками, приобретаемыми у крестьян с. Ильинское (Ольвия). Несколько неопубликованных, но подготовленных к печати исследований Бларамберга было представлено М. С. Воронцову, другая их часть поступила после его смерти в архив Одесского общества истории и древностей.¹⁶⁹ Среди них особого внимания заслуживает рукопись, озаглавленная «Древности, обнаруженные в разное время в развалинах Ольвии и хранящиеся в кабинете статского советника Бларамберга в Одессе».¹⁷⁰ В предисловии автор отмечает, что, вдохновленный положительными отзывами, пришедшими из Франции и Германии на изданный им каталог ольвийских «медалей», он решил опубликовать остальные древности своей коллекции, происходящие из Ольвии. К сочинению прилагалась таблица с изображением 12 астиномных клейм его собрания, выполненная сыном собирателя Владимиром Бларамбергом (рис. 92).¹⁷¹ Получить представление о характере коллекции мы также можем по двум черновым таблицам, содержащим рисунки 22 клейм и одной металлической пластинки, находящихся среди бумаг И. П. Бларамберга, переданных А. Я. Фабром Одесскому обществу (рис. 93).¹⁷² Оба рисунка выполнены с большой точностью, они передают все палеографические особенности надписей и общие очертания эмблем. Это позволяет не только осуществить уверенную локализацию штемпелей на черновом рисунке (20 экземпляров оказалось синопского и 2 родосского происхождения), но и восстановить правильное чтение надписей практически во всех представленных в таблице клеймах. Сверка показала, что они ранее не пуб-

¹⁶⁶ ОР РНБ, Нем. Q. IV. № 181, л. 246, 249 об., 254 об., 260, 270.

¹⁶⁷ Мурзакевич Н. Н. Эллинические памятники, найденные в Новороссийском крае. С. 407—411.

¹⁶⁸ ИР ПНБ, V, 1548—1561, л. 28 об., 31 об.

¹⁶⁹ См.: Леонтьев П. М. Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря // Приписки. 1856. Кн. 1. Отд. 2. С. 74.

¹⁷⁰ ИР ПНБ, V, 1017: *Blaramberg J. Antiquités découvertes en différent tems dans les ruines d'Olbia et conservées dans le Cabinet du conseiller d'état de Blaramberg à Odessa.*

¹⁷¹ PCA СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 1, л. 779, л. 2.

¹⁷² НА ОАМ, № 83181, л. 22 об.— 23.

Рис. 92. Керамические клейма собрания И. П. Бларамберга. Рисунок Владимира Бларамберга в «Mélanges Archéologiques. I Cahier. Pl. II. № 1—12» (СПбФ ИРИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 779, л. 2. Публ. впервые).

Рис. 93. Прориси греческих надписей с керамических клейм и пинакиона дикаста из Ольвии, из собрания И. П. Бларамберга. Археологический сборник А. Я. Фабра. Чернила. Перо. Не позднее 1839 г. (НА ОАМ, № 83181, л. 22—23).

ликовались и не учтены в рукописи третьего тома IPE. Показательно, что три синописных клейма этой небольшой коллекции (рис. 93 № 3, 7, 22), по утверждению В. И. Каца, являются уникальными, не имеющими аналогий.¹⁷³

Ольвийское происхождение этой коллекции не может вызывать сомнения. Во-первых, в 20—30-х гг. XIX в. именно ольвийское городище являлось основным источником пополнения частных коллекций. Во-вторых, наряду с клеймами в ней находилась табличка с надписью, единственной полной аналогией которой является бронзовый пинакион дикаста из Эрмитажного собрания. Этот памятник был опубликован Ю. Г. Виноградовым, которому удалось доказать его северопричерноморское происхождение. Наиболее вероятным, по мнению автора публикации, местом находки является Ольвия.¹⁷⁴ Табличка из рукописного сборника А. Я. Фабра служит дополнительным аргументом, подтверждающим предложенную локализацию.

Скорее всего, неидентифицированные рисунки клейм, выполненные Бларамбергом, хранятся в Архиве Берлинско-Бранденбургской Академии наук в фонде А. Бека (Inscriptiones Graecae) среди черновых материалов второго тома «Свода греческих надписей», в котором было издано несколько десятков штемпелей, происходящих с юга России.¹⁷⁵ Известно, что именно Бларамберг поставлял копии с лапидарных памятников и керамических клейм издателью корпуса. Клейма в своде изданы не вполне удачно, имеются ошибки в восстановлении надписей в поврежденных экземплярах. Считается, что основная причина этого — «посредственные копии Бларамберга».¹⁷⁶ Однако, располагая рисунками клейм из собрания одесского антиквара, сомневаться в качестве копий нет оснований. Надежность и доброкачественность копий Бларамберга подтверждает и история переиздания одной клейменной черепицы, обнаруженной им при раскопках Неаполя Скифского (гл. 13). В 1831 г. была опубликована работа одесского антиквара, в которой разбирается вопрос о местонахождении в Крыму трех скифских крепостей, упомянутых Страбоном, и впервые издана плоская херсонесская черепица с клеймом.¹⁷⁷

В ходе работы по уточнению списка херсонесских магистратов, контролировавших керамическое производство в городе, у В. И. Каца появились сомнения в правомерности включения в него астинома Аполлы. Проведенная им сверка амфорных клейм, на которые ссылались предшествующие составители списков и сводов,¹⁷⁸ показала, что во всех случаях мы имеем дело не с именем, а с отчеством хорошо известного херсонесского магистрата Формиона, сына Аполлы. Зачастую в его трехстрочных клеймах первая строка, в которой находится имя астинома, либо вообще оказывалась смазанной, либо оттискивалась не полностью.¹⁷⁹

Однако сохранялись определенные сомнения в правомерности предложенного объяснения, так как оставалась непроверенной клейменная черепица, обнаруженная Бларамбергом при раскопках Неаполя Скифского и утерянная к настоящему времени. Между тем рисунок черепицы, приложенный к русскому переводу его статьи,¹⁸⁰ четко воспроизводит неизвестный по другим экземплярам, амфорным и черепичным, отпечаток двухстрочного клейма, в первой строке которого уверенно читается имя Аполлы, а во второй — название магистратуры, выполненное в полной форме генетива существительного. Кроме того, рядом с основным штемпелем изображено квадратное дополнительное клеймо, не имеющее аналогий среди других херсонесских фабрикантских оттисков.

¹⁷³ Кац В. И., Тункина И. В. Зарождение керамической эпиграфики в России // Античный мир и археология: Проблемы античной государственности, материальной и духовной культуры. Саратов, 1990. Вып. 8. С. 116.

¹⁷⁴ Виноградов Ю. Г. Табличка дикаста из Эрмитажного собрания // Античная балканистика. М., 1987. С. 13—14.

¹⁷⁵ SIG. 1843. Vol. 2. No 2085—2134b.

¹⁷⁶ Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929. С. 11.

¹⁷⁷ Blaramberg J. De la position de Trois forteresses Tauro-Scythes, dont parle Strabon. Odessa, 1831. См. также рус. перевод А. Л. Бертье-Деларпа: ИТУАК. 1889. № 7. С. 56—69.

¹⁷⁸ Pridik E. M. Die Astynomennamen auf Amforen und Ziegelstempeln aus Südrussland. Berlin, 1928. P. 28. № 14; Ахмеров Р. Б. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса // ВДИ. 1949. № 4. С. 113. № 10; Борисова В. В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор // НЭ. 1974. Т. 11. С. 112. № 11.

¹⁷⁹ Кац В. И. Уточненный список имен магистратов, контролировавших керамическое производство в Херсонесе Таврическом // ВДИ. 1979. № 3. С. 135.

¹⁸⁰ Бларамберг И. П. О местонахождении трех тавро-скифских крепостей // ИТУАК. 1889. Вып. 7. С. 48. Рис. 3. Этот рисунок был переиздан Р. Б. Ахмеровым (см.: Ахмеров Р. Б. Клейменная черепица древнегреческого Херсонеса // ВДИ. 1948. № 1. С. 164. № 2).

Окончательного задания разрезались относительно недавно, когда в бумагах Бларамберга мною был найден первоначальный рисунок черепицы (рис. 141). Изображено несомненно трехстрочное астиномное клеймо, прорись которого позволяет при наличии лучше сохранившихся оттисков на черепице, выполненных тем же штампом,¹⁸¹ уверенно отнести и его к магистрату Формиону, сыну Аполлы. В рисунке же дополнительного клейма точно передана хорошо известная в керамической эпиграфике Херсонеса фабрикантская монограмма.

Клейма из коллекции Бларамберга использовал в своей работе над ольвийскими памятниками и П. И. Кёппен. К рукописи его неизданной статьи «Ольвия. Древний город на реке Буге» приложены прорисы амфорных клейм.¹⁸² Эти же клейма были изданы им в развернутой рецензии на сочинение Д. Рауль-Рошетта.¹⁸³ Несмотря на то что надписи в клеймах переданы прописными буквами и содержат ряд ошибочных восстановлений, работа Кёппена может считаться одним из первых в европейской керамической эпиграфике изданием керамических штампов.

Свидетельством возникшего среди ученых и коллекционеров России интереса к керамическим клеймам является и тот отмеченный Н. Н. Мурзакевичем факт, что с 20-х гг. XIX в. жители Парутино «от найденных амфор стараются оберегать лишь одни ручки, на которых приметят какие-либо изображения или буквы». Сами же амфоры «по неудобству к доставке» поселяне разбивали, а клейменные ручки продавали коллекционерам.¹⁸⁴

Вряд ли можно безоговорочно согласиться с подобным объяснением сложившейся в Парутино варварской практики обращения с амфорами. Причины заключались не только и не столько в «неудобстве к доставке» целых сосудов, а в том, что исследователи в то время, да и значительно позже, вплоть до начала следующего столетия, смотрели на амфоры как на бросовый, не заслуживающий внимания материал. Клейма, напротив, вызывали интерес как эпиграфические памятники.¹⁸⁵

То, что амфорные и черепичные штампы первоначально попали в руки филологов-классиков, в первую очередь эпиграфистов, таких как Е. Е. Кёлер, наложило отпечаток на формулировку первоочередных задач в их изучении. Главные вопросы, которые пытались разрешить исследователи, — это место производства и назначение клейм. Кёлер и Кёппен стали пионерами в правильной атрибуции клейм, содержащих эмблему в виде цветка граната, как принадлежащих продукции Родоса.¹⁸⁶ Несомненно, их наблюдения послужили отправной точкой для Л. Стефани, продолжившего в середине столетия работу по выделению родосских штампов. Скорее всего с подачи Бларамберга, который пересылал А. Бёку копии надписей, последним была осуществлена правильная атрибуция одного херсонесского клейма.¹⁸⁷

Не ограничиваясь описанием и комментированием клейм, Бларамберг стал первым исследователем, заинтересовавшимся возможностями их использования в качестве полноценного источника. Первая попытка атрибуции так называемых астиномных клейм была предпринята именно им. Отметив большую концентрацию подобных штампов в Ольвии и обратив внимание на присутствие в некоторых из них типичной для ольвийских монет эмблемы — оред, ключющий дельфина, — Бларамберг высказался за их местное происхождение.¹⁸⁸ Он пришел к выводу, что подобные находки свидетельствуют о развитом керамическом производстве в Ольвии. При этом, как предположил Бларамберг, «проверка качества изготовленных ремесленных изделий входила в обязанность... астиномов», ставивших по этой причине клейма на амфорах и черепицах.¹⁸⁹ Так впервые был поставлен традиционный для русской керамической эпиграфики вопрос о цели клеймения гончарных изделий. Идея Бларамберга об ольвийском происхождении астиномных клейм была подхвачена и получила дальнейшее развитие в середине

¹⁸¹ Херсонесский музей, инв. № 35975; Евпаторийский краеведческий музей, инв. № А-872, А-1936.

¹⁸² ИР ЦНБ, V, 715, л. 225—226.

¹⁸³ Köppen P. Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien, 1823. Рус. перевод: Кёппен П. И. Древности северного берега Понта. М., 1828. Табл. № 15.

¹⁸⁴ Мурзакевич Н. Н. Эллинические памятники, найденные в Новороссийском крае. С. 407.

¹⁸⁵ Латышев В. В. Сообщение о ходе работ... С. 49.

¹⁸⁶ ОР РНБ, Нем. Q. IV. № 181, л. 246, 249 об., 254 об., 260, 270; Кёппен П. И. Древности северного берега Понта. С. 74. № 15.

¹⁸⁷ SIG. 1843. Vol. 2. P. 140—141. № 2085f.; Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма... С. 12.

¹⁸⁸ ИР ЦНБ, V, 1017, л. 21—23.

¹⁸⁹ Там же, л. 6—8.

столетия в работах П. В. Беккера.¹⁹⁰ Ошибочность подобной локализации стала окончательно ясна лишь в 20-е гг. XX в.¹⁹¹

Бларамберг пытался выйти за узкие рамки филологического анализа клейм и первым обратил внимание на возможности их использования в качестве полноценного исторического источника. Он понимал и необходимость разработки хронологии клейм путем корреляции с другими видами источников — эпиграфическими и нумизматическими. Уточнив время правления чиновников, чьи имена указаны в клеймах, и, следовательно, «историческую эпоху», мы сможем, как правомерно он полагал, надежно определить время сооружения зданий, покрытых клейменной черепицей, время изготовления сосудов и т. п.

Закономерным в этой связи выглядит использование Бларамбергом клейм, наряду с лапидарными памятниками и монетами, при составлении им «Ономастического списка граждан Ольвии», к сожалению, оставшегося неизданным.¹⁹² И хотя основные посылки, из которых исходил Бларамберг в локализации астиномных клейм, как теперь очевидно, были ошибочны, а многие его выводы в настоящее время выглядят бездоказательными, а зачастую просто наивными, заслуги этого исследователя в деле не только собирания, но и осмысления клейменого керамического материала бесспорны. Поэтому вряд ли можно согласиться с той в известной степени пренебрежительной оценкой вклада Бларамберга в зарождение эпиграфики в России, которую мы встречаем у Н. И. Новосадского. Отдавая дань сложившемуся стереотипу, последний противопоставляет исследования Кёлера и Грефе, ученых, обладавших основательной филологической подготовкой, работам таких археологов-любителей, как Стемцковский и Бларамберг, которые, на его взгляд, являлись не более чем полезными собирателями и издателями надписей.¹⁹³

Ошибки в чтении и истолковании клейм у пионеров отечественной классической археологии легко объясняются незначительным количеством известных науке памятников, так как они могут быть правильно освещены только при наличии большой выборки. Перефразируя известное изречение Конфуция, здесь надо рыбачить не удочкой, а неводом.

Итак, имеются все основания отнести зарождение керамической эпиграфики в России к началу XIX в. Появившийся интерес к надписям, выполненным на керамической таре и черепице, усилился с началом систематических раскопок на античных северопричерноморских поселениях. В 1840—1850-х гг. классифицированные и неклассифицированные по происхождению клейма публикуются А. Б. Ашиком, Н. Н. Мурзакевичем, П. Сабатье, Л. Э. Стефани, П. М. Леонтьевым, Б. В. Кёне, А. С. Уваровым.¹⁹⁴ В отчетах о проводимых археологических исследованиях традиционно издаются обнаруженные керамические клейма. Правда, качество публикуемых копий обычно невысоко. Чаше надписи в клеймах печатаются строчными буквами, реже — в эпиграфическом наборе, транскрибированном минускулами. Точные рисунки штампов, позволяющие проверить предложенное чтение и восстановление надписей в клеймах, приводятся крайне редко. Можно упомянуть только таблицу с прекрасными копиями клейм из Ольвии, приведенную в работе А. С. Уварова (рис. 94).¹⁹⁵

К середине XIX столетия в музеях и частных коллекциях накапливаются уже сотни отливок, а их отсутствие или малочисленность в ряде собраний вызывает недоумение специалистов. П. В. Беккер, посетивший Керченский музей в 1852 г., писал: «Мне показалось странным, отчего в Керченском музее так мало находится ручек от глиняных сосудов с надписями. Происходит ли это от того, что их мало попадалось при разрытии, или что ими пренебрегали, считая их неважными? Последнее мне кажется вероятнее, потому что в Ольвии

¹⁹⁰ П. Беккер, долгое время проживавший в Одессе, несомненно, был хорошо знаком с рукописным наследием Бларамберга, хранившимся в архиве Одесского общества истории и древностей.

¹⁹¹ Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма... С. 12—13.

¹⁹² ИР ЦНБ, V, 1018, л. 1—7.

¹⁹³ Новосадский Н. И. Греческая эпиграфика. С. 167.

¹⁹⁴ Ашик А. Б. Восторское царство. Одесса, 1848. Ч. 2. С. 84—87; Мурзакевич Н. Н. Эллинические памятники, найденные в Новороссийском крае. С. 405—413; Сабатье П. Керчь и Боспор. СПб., 1851. С. 4. Табл. I (17 амфорных клейм); Stephani L. Titulorum... P. 16; Леонтьев П. М. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса... С. 434—435; Кёне Б. В. Описание музеума... князя В. В. Кочубя. СПб., 1857. Т. 2. С. 397—399. Табл. XXVII—XXVIII; Уваров А. С. 1) Исследования о древностях Южной России. Вып. 1. С. 128—132; 2) Несколько слов об археологических разысканиях... С. 525—526.

¹⁹⁵ Уваров А. С. Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России. СПб., 1853. Вып. 2. Табл. 12.

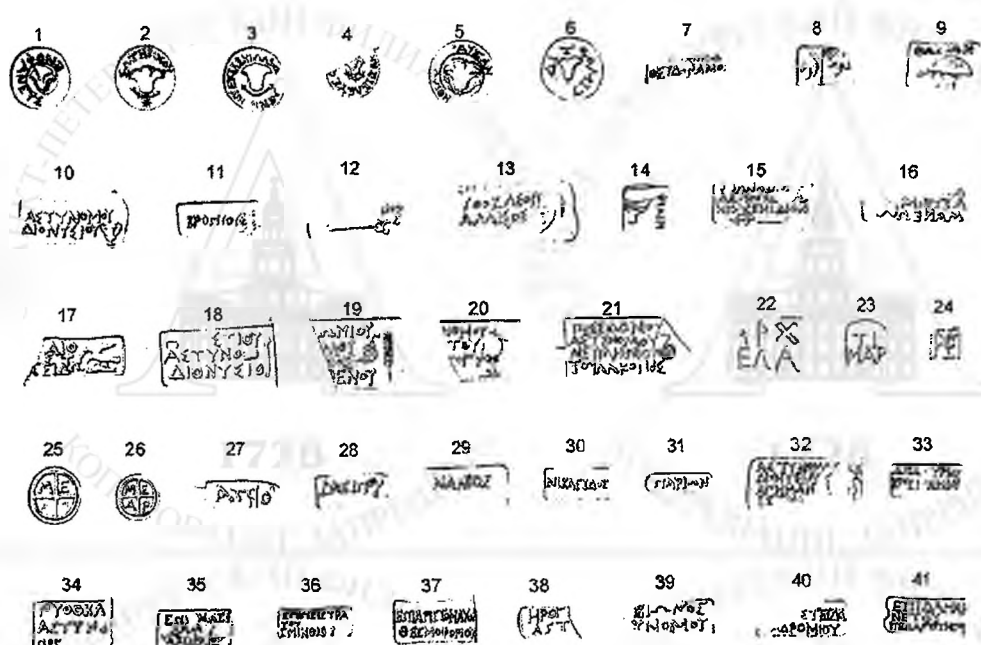

Рис. 94. Керамические клейма коллекции А. С. Уварова (находки 1848 и 1851 гг.). Из «Собрания карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря» (СПб., 1853. Табл. XII. № 1—40).

и в других местах они встречаются во множестве. Почему же их нет в Керчи?». ¹⁹⁶ В 1855 г. и 1858 г. с подачи Э. Л. Стефани Имп. Эрмитаж приобретает у коллежского секретаря Линевича сначала 52 «глиняные ручки от сосудов с греческими надписями» за 100 р. серебром, затем 40 амфорных клейм, помещенных в зал керченских древностей. ¹⁹⁷

Уже в 1850-х гг. появилась потребность в группировке и классификации материала, в продолжении работы по атрибуции и хронологическому определению отдельных групп клейм. Именно эти вопросы и стали ведущими в русской керамической эпиграфике с середины XIX в.

8.4. ФОРМИРОВАНИЕ ФОНДА АНТИЧНЫХ МОНЕТ И СТАНОВЛЕНИЕ ПРИЧЕРНОМОРСКОЙ НУМИЗМАТИКИ

Монеты, или медали, как в XVIII—XIX вв. зачастую именовались древнегреческие и римские монеты, являются одновременно и вещественными, и письменными, и иконографическими памятниками, дающими ценнейшую историческую информацию о прошлом. Вплоть до начала XX в. нумизматика зачастую рассматривалась (а некоторыми специалистами определяется так до сих пор) как часть археологии, а не как специальная историческая дисциплина. ¹⁹⁸ Не вдаваясь в дискуссию о сути научного понимания нумизматики, кратко охарактеризуем этапы изучения античных монет Северного Причерноморья в XVIII—сердине XIX в.

В дореволюционной науке формулировка основных задач изучения античных монет в контексте проблематики отечественного антиковедения и классической археологии начала XX в.

¹⁹⁶ Беккер П. В. Керчь и Тамань в июле месяце 1852 г. С. 358.

¹⁹⁷ АГЭ, ф. 1, оп. VI-ЕГ, л. 17, № 220, 227, л. 109 об.

¹⁹⁸ Подробнее см.: Потин В. М. Монеты. Клады. Коллекции : Очерки нумизматики. СПб., 1993. С. 18—25.

принадлежит М. И. Ростовцеву.¹⁹⁹ Обозначенные им приоритеты сохраняют свою актуальность и по сей день. Тезисный обзор истории античной нумизматики в России дан А. Н. Зографом.²⁰⁰ И. Г. Спасским написан ряд фундаментальных очерков по истории отечественной нумизматики и истории формирования фондов крупнейших нумизматических собраний страны — Кунсткамеры и Государственного Эрмитажа.²⁰¹ В последнее время появились работы по истории античной нумизматики в России одесской исследовательницы Т. А. Избаш, базирующиеся на изучении не только обширной нумизматической литературы XIX в., но и архивных материалов, что повышает историко-научную ценность ее публикаций.²⁰² За более подробными сведениями по этой теме отсылаю к последним заинтересованного читателя.

В первой половине XVIII в. в Минц-кабинет Кунсткамеры — старейшей государственной нумизматической коллекции России — стали поступать частные нумизматические собрания, включавшие и античные монеты. Среди них коллекции И. Людера из Гамбурга (1721, 1738),²⁰³ Петра I (1728), графа Я. В. Брюса (не ранее 1735 г.), А. П. Волынского и П. И. Мусина-Пушкина (1740), гр. А. И. Остермана (не ранее 1741 г.). В числе монет петровского собрания О. Я. Неверову удалось атрибутировать одну золотую монету боспорского царя Евпатора (154—171), в каталоге 1741 г. ошибочно приписанную Митридату Евпатору: «Это, видимо, вообще первая боспорская монета, попавшая в Россию до присоединения Крыма».²⁰⁴

Первый петербургский академик «греческих и римских антиквитетов» Г. З. Байер был прекрасным знатоком нумизматики, написал ряд статей об античных монетах классической и эллинистической эпох различных регионов античного мира и часто консультировал маститых саванников-коллекционеров по составу и качеству их собраний.²⁰⁵ Однако среди статей академика не было ни одной, где изучались бы монеты античных полисов Северного Причерноморья.²⁰⁶ Дело в том, что к Байеру очень ревниво относился И. Д. Шумахер, о чем вспоминал акад. Г. Ф. Миллер: «Поверят ли, что Байера не допускали описывать находившиеся в академической библиотеке древние греческие и римские монеты, особливо те, которые были еще неизвестны ни одному нумизмату? Однако это справедливо. Байер никогда не мог достать из библиотеки или кунсткамеры ни одной монеты. Некоторые, им описанные в Комментариях..., были ему сообщены, как сам указывает, Буксбаумом и Делилем».²⁰⁷ Ботаник И. Х. Буксбаум (1693—1730) начал собирать коллекцию античных монет (до 400 экз.) и других древностей во время поездки с посольской миссией графа А. И. Румянцева в Константинополь в 1724 г. (позднее его собрание поступило в Кунсткамеру).²⁰⁸ К кругу академиков-коллекционеров греческих и римских монет принадлежали также астроном И. Н. Делиль²⁰⁹ и сам Г. З. Байер.

¹⁹⁹ Ростовцев М. И. Классические и скифские древности... С. 28—29, 32, 35.

²⁰⁰ Зограф А. Н. Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 21—22. См. также: Казаменова Л. Н. Введение в античную нумизматику. М., 1969.

²⁰¹ Спасский И. Г. 1) Очерки по истории русской нумизматики // Нумизматический сборник. М., 1955. Ч. 1. С. 34—108 (Тр. ГИМ. Вып. 25); 2) Нумизматика в Эрмитаже: Очерк истории Минц-кабинета — Отдела нумизматики // НЭ. 1970. Т. 8. С. 123—234.

²⁰² См., например: Избаш Т. А. 1) Этапы становления античной нумизматики в России // Древнее Причерноморье: П чтения памяти проф. П. О. Карышковского: Тез. докл. юбил. конф. (9—11 марта 1991 г.). Одесса, 1991. С. 41—43; 2) Античная нумизматика в исследованиях Одесского общества истории и древностей // Проблемы истории отечественной археологии: Тез. докл. конф. (11—13 дек. 1990 г.). СПб., 1993. С. 56—58; 3) Нумизматика в Русском археологическом обществе // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историко-геогр. очерки. СПб., 1995. Вып. 1. С. 36—45; 4) Нумизматика — «светило археологических наук» // Древнее Причерноморье: III чтения памяти проф. П. О. Карышковского: Тез. докл. юбил. конф. (12—14 марта 1996 г.). Одесса, 1996. С. 49—51; 5) Основные этапы изучения монетного дела античных городов Северного Причерноморья в России в XVIII—начале XX в. // Археология и этнология Восточной Европы: Материалы и исследования: Сб. науч. работ, посвященный 60-летию В. Н. Станко. Одесса, 1997. С. 206—217.

²⁰³ Гримм А. И. Минц-кабинет // Очерк истории музеев Имп. Академии наук. СПб., 1865. С. 87; Неверов О. Я. Памятники античного искусства в России петровского времени // Культура и искусство петровского времени. Л., 1977. С. 42.

²⁰⁴ Неверов О. Я. Памятники античного искусства... С. 44.

²⁰⁵ Северова М. Б. Нумизматическая литература в России XVIII в. Л., 1982. С. 4, 12—14; Неверов О. Я. Памятники античного искусства... С. 45.

²⁰⁶ Северова М. Б. Нумизматическая литература... С. 12—14.

²⁰⁷ Пекарский П. П. История Имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 191.

²⁰⁸ Материалы для истории Имп. Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 149; Неверов О. Я. Памятники античного искусства... С. 43, 45.

²⁰⁹ Пекарский П. П. История Имп. Академии наук... Т. 1. 144.

Спуска несколько лет после смерти Г. З. Байера в Петербург из Галле приехал профессор медицины Иоганн Генрих Шульце (Schultze, 1687—1744), с 1739 г. иностранный почетный член Петербургской Академии наук, занявшийся античной нумизматикой и за оплату 100 р. в год публиковавший статьи об античных монетах собственной коллекции.²¹⁰ Как и Байер, он не оставил исследований по античной нумизматике Причерноморья, что свидетельствует о почти полном отсутствии в отечественных собраниях монет северного берега Понта.²¹¹

Кунсткамера стала «первым очагом научных нумизматических исследований в России».²¹² За музеем было законодательно закреплено право на получение кладов. К 1730-м гг. относится указ о централизованном собирании и описании «старинных денег по несколько для курьезности» с целью их последующего хранения «в удобном месте».²¹³ Сохранились рукописные каталоги нумизматического собрания Кунсткамеры, начиная со второй четверти XVIII в.,²¹⁴ к середине того же века был издан первый музейный каталог — во второй части второго тома он содержал сведения о поступлении около 140 греческих и римских монет с их перечнем,²¹⁵ подготовленный академическим профессором Х. Крузиусом. Как отмечает Т. А. Избаш, среди них нет ни одной северопричерноморской, лишь одна монета из западнопричерноморской Истрии. Большая часть экземпляров тиража этой книги погибла в пожаре Кунсткамеры 1747 г. Хотя нумизматическая коллекция тогда не пострадала, многие редкие монеты впоследствии были раздарены частным лицам советником канцелярии Академии наук и затем И. Д. Шумахера И. Таубертом (1717—1771) и скорее всего вывезены за границу.²¹⁶

С экспонатами Кунсткамеры зарубежного и русского читателя знакомила книга подбиблотекаря Имп. Академии наук Иоганна Бакмейстера «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Академии наук», изданная в 1776—1780 гг. сначала на французском, затем на немецком и русском языках. Помимо истории поступлений отдельных экспонатов здесь приведена краткая характеристика 7200 экземпляров «медалей» (т. е. монет), из которых около 300 греческих, остальные римские.²¹⁷ Судя по документам ревизии Минц-кабинета в 1770 г. по отделу «древних римских фамилий и цесарей, славных мужей, городов и народов» числилось золотых 255, серебряных 2312, медных 2072; дублетов: золотых 30, серебряных 1571, медных 802 монеты.²¹⁸ Новое описание нумизматического собрания Академии наук было предпринято почти четверть века спустя унтер-библиотекарем Осипом Беляевым; в его труде помещены таблицы с изображениями античных монет, среди которых нет ни одной северопричерноморской.²¹⁹ К тому же времени относятся рукописные реестры и описи вещам, поступившим в Кунсткамеру начиная с 1783 г., позволяющие проследить происхождение ряда экспонатов, где наряду с минералами, раковинами и прочими естественноисторическими редкостями встречаются и монеты.²²⁰

²¹⁰ Перечень статей И. Г. Шульце см.: *Tableau général méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications de l'Académie impériale des Sciences de St.-Petersbourg depuis sa fondation*. SPb., 1872. Pt. 1: Publications en langues étrangères. P. 336. № 5294—5299.

²¹¹ Избаш Т. А. Основные этапы изучения монетного дела... С. 206.

²¹² Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже. С. 128.

²¹³ ПСЗ. Сер. 1. Т. 9. № 6875.

²¹⁴ НИОР БАН, F292—F295; ОР РНБ, ф. 885 (Эрм. собр.), № 83 (1770 г.). Подробнее о рукописных каталогах Минц-кабинета Кунсткамеры см.: Лепехина Е. В. Материалы по истории Минц-кабинета Кунсткамеры в архивах Санкт-Петербурга // Третья Всерос. нумизматическая конф. в г. Владимире 17—21 апреля 1995 г. : Тез. докл. М., 1995. С. 101—103.

²¹⁵ *Musei Imperialis Petropolitani*. Petropoli, 1745. Vol. 2, p. 2 qua continentur nummi antiqui. P. 213—796 (p. 214—280: Familiae Romanae; p. 281—740: Imperatores; p. 743—764: Reges et viri illustres; p. 767—790: urbes et populi).

²¹⁶ Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже. С. 128.

²¹⁷ *Bacmeister J.* Essai sur la Bibliothèque et le Cabinet de curiosité et d'histoire naturelle de l'Académie des Sciences de Saint Pétersbourg. SPb., 1776. P. 242—254. Нем. издание: *Versuch über die Bibliothek und das Naturalien- und Kunst-Kabinet der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg*. SPb., 1777. Рус. перевод: Бакмейстер И. Г. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Академии наук. СПб., 1779. С. 182—191.

²¹⁸ ПФА РАН, р. III, оп. 1, д. 150, л. 4—15, 74.

²¹⁹ Беляев О. П. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Отд. 3. С. 111—124, 141—146. См. также: Северова М. Б. Нумизматическая литература... С. 20.

²²⁰ ПФА РАН, р. III, оп. 1, д. 111 (за 1783—1787 гг., 7 л.); д. 112 (за 1783—1788 гг.). Оба документа имеют одинаковое название: «Verzeichnis der Fachen womit das Kaiserliche Kunst und Naturalien Kabinet seit dem Jahre 1783 ist vermehret worden».

На фоне подполья нумизматического коллекционирования и в Европе, и в России с 1764 г. античными монетами начинает комплектоваться личное собрание Екатерины II — Минц-кабинет Имп. Эрмитажа,²²¹ который первоначально входил в структуру императорской библиотеки. Сюда в 1775 г. из Ливорно были доставлены антики и 474 древние монеты. Это собрание эпизодически пополнялось подношениями отдельных монет и приобретением минц-кабинетов частных лиц, и к 1780-м гг. уже включало два шкафа древнегреческих и римских монет. Нумизматической коллекцией и собранием резных камней с 1773 г. по 1797 г. ведал Александр Иванович Лужков (1754—1808), работавший над каталогом и успевший составить опись денариев римской республики.²²² В январе 1798 г. его сменил будущий академик Е. Е. Кёлер, заведовавший Минц-кабинетом Эрмитажа до середины 1837 г. С 1804 г. в Минц-кабинете работали также библиотекарь акад. Ф. И. Круг, ведавший русской коллекцией, а с 1817 г. — помощником библиотекаря акад. Ф. Б. Грефе, занимавшийся западноевропейскими монетами и в 1821 г. ставший хранителем. Кёлера ненадолго сменил новый начальник I отделения Эрмитажа Карл Седжер (о нем см. гл. 9), а с 1840 г. — Ф. А. Жиль, при котором место помощника хранителя античного собрания с 1845 г. перешло к Б. В. Кёне. Кёне был удален из Минц-кабинета в 1850 г. по непонятным причинам: либо по подозрению в воровстве монет, либо из-за конкуренции с акад. Л. Э. Стефани, который в 1851 г. занял место хранителя классических древностей и монет. Многие эрмитажные хранители сами являлись коллекционерами монет, что для XIX в. было обычным явлением.

Основное внимание Кёлер уделял пополнению эрмитажного собрания именно античными монетами, причем главным образом недостаточно известными в то время северопрichernоморскими, составившими предмет его исследований и страсти как коллекционера. В 1803—1804 гг. эрмитажное собрание включало 225 золотых, 1549 серебряных и 2562 бронзовых античные и византийские монеты.²²³ В 1805 г. в ходе реорганизации Минц-кабинет вошел в состав I отделения императорского музея. Годом ранее, в 1804 г. Кёлером было положено начало учетной документации — заведена книга для регистрации новых поступлений в основную коллекцию. Дублеты по сложившейся практике поступали в обменный фонд и выменялись сановными коллекционерами.

В 1817 г.²²⁴ и не позднее 1830 г. академик составил подробные каталоги (инвентарные описи) античных монет, куда, однако, не вносились новые поступления. В более позднем каталоге записано 10 738 монет основного собрания и 4736 дублетов, включающих 1681 экземпляров северопрichernоморских.²²⁵ По заключению И. Г. Спасского, при Е. Е. Кёлере каталогизация основной коллекции оставалась неудовлетворительной, а «состояние дублетов с каждым годом приобретало все более запущенный характер».²²⁶ Следует отметить, что современники, в частности Н. Н. Мурзакевич и Е. Е. Люценко, обвиняли Кёлера и его преемников (Б. В. Кёне и др.) в расхищении эрмитажного Минц-кабинета.²²⁷ Незадолго до смерти Кёлера в 1835—1836 гг. его личная коллекция античных монет Северного Причерноморья была приобретена казной для Эрмитажа. Она оценивалась в 6496 р. и состояла из 2 электровых, 53 серебряных и 761 бронзовой монеты.²²⁸

В первой трети XIX в. Минц-кабинет Кунсткамеры постепенно утратил свои лидирующие позиции крупнейшего собрания монет в России в пользу Минц-кабинета Эрмитажа. Последний в 1821 г. по настоянию Кёлера ежегодно получал из казны по 3 тыс. р. на приобретение монет, а Академия наук могла рассчитывать только на добровольные пожертвования.²²⁹ Единственный крупным пополнением академического собрания стала покупка с высочайшего

²²¹ Потин В. М., Шукина Е. С. Отдел нумизматики // Эрмитаж: История и современность. М., 1990. С. 199; Лепехина Е. В. Материалы по истории Минц-кабинета Кунсткамеры... С. 101—103.

²²² Потин В. М., Шукина Е. С. Отдел нумизматики. С. 199.

²²³ Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже. С. 132—133.

²²⁴ АГЭ, ф. 1, оп. I-1816, д. 10, л. 2.

²²⁵ Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже. С. 138, 150.

²²⁶ Там же. С. 138.

²²⁷ Спасский И. Г. 1) Очерки по истории русской нумизматики. С. 81; 2) Нумизматика в Эрмитаже. С. 140.

²²⁸ АГЭ, ф. 1, оп. I-1835, д. 4, л. 1: О внесении в каталог коллекции медалей и монет, собранных Кёлером в Крыму и других местах; ф. 1, оп. I-1836, д. 22: Опись собрания древних медалей, проданных Эрмитажу Кёлером в 1836 г. 44 л.; Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже. С. 142.

²²⁹ Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже. С. 136.

соизволения за счет экономических сумм Имп. Академии наук за 50 тыс. р. в 1823 г. богатейшего античного собрания генералов П. К. Сухтелена (1751—1836) и П. П. Сухтелена (1788—1833): оно состояло из 12 тыс. монет, в том числе 183 золотых и 3758 серебряных.²³⁰ В январе 1826 г. в Кунсткамеру была передана нумизматическая коллекция музея Адмиралтейского департамента, ликвидированного по приказу Николая I сразу после восстания декабристов. Она включала небольшое собрание римских монет — 88 серебряных и 284 медные (100 «первой величины больших», 98 «второй величины средних» и 86 «третьей величины малых»).²³¹

В неумном, но вполне понятном стремлении сделать очередное нумизматическое открытие Кёлер через официальные каналы пытался получить сведения о большинстве нумизматических собраний империи. По инициативе Кёлера в 1828 г. Николай I повелел «из всех приобретаемых для музеев в Одессе и Керчи медалей, которые вдвойне находиться будут, доставлять по одному экземпляру к министру Имп. двора» для присоединения к собранию Эрмитажа.²³² Несклько ранее, 1 августа 1827 г., по просьбе хранителя, подтвержденной ходатайством Министерства Имп. двора и повелением Николая I, Министерство народного просвещения разослало циркуляр по всем подведомственным учреждениям, в том числе в Академию наук, Академию художеств, Публичную библиотеку, в учебные округа и заведения, с предписанием доставить в Эрмитаж на рассмотрение Е. Е. Кёлера каталоги «медалей» (за исключением наградных) с подробным их описанием — указанием металла, «по какому случаю учреждены, что изображено, какие имеются надписи; чтобы при надписях на азиатских языках находились и русские переводы»), причем с оговоркой, «чтобы списки составлены были в таком виде, чтобы могли быть представлены в подлинниках на благоусмотрение» царя. Главной целью распоряжения являлись отбор и передача в Эрмитаж монет, отсутствовавших в императорском собрании. Благодаря этому указу до нас дошли сведения о составе ряда нумизматических коллекций не только в обеих столицах, но и в провинции.²³³

Даже в академическом Минц-кабинете, которым ведал акад. Х. Ф. Грефе, затребованных Кёлером полных каталогов не существовало. Вопрос о каталогах был рассмотрен на Конференции (Общем собрании) АН, где выступил акад. Грефе, оговорившийся, что в повелении царя «речь идет только о медалях, а не о древних монетах и что составление каталога сим последним потребовало бы несколько лет». Грефе предложил отправить Кёлеру старый печатный каталог Кунсткамеры и копию каталога собрания графа П. К. Сухтелена. В декабре того же года Кёлер через С. С. Уварова настоял на своем допуске «к осмотру по очереди всех отделений монет Академии... для составления... каталога», при этом обязуясь «каждую монету по рассмотрении... и по внесении оной в каталог» вернуть на свое место, чтобы не нарушить устройство академического Минц-кабинета. Судя по жалобам Академии С. С. Уварову на «беспорядки» в Минц-кабинете, Кёлер встретил ревностное сопротивление академиков, понимавших, что значительная часть собрания будет передана в Эрмитаж. Кёлер, по его утверждению, в течение нескольких месяцев описывал только те монеты, которые отсутствовали в Эрмитаже, сверяя их с эрмитажными подлинниками, и составил две части планируемого каталога. В ноябре 1828 г. он подал рапорт министру Имп. двора, в котором жаловался на препятствия,

²³⁰ Recueil des Actes. 1827. S. 37.

²³¹ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1827, д. 4, л. 40; РГАВМФ, ф. 215, оп. 1, д. 769, л. 28—34; ф. 402, оп. 1, д. 127, л. 23 об.—24; Разгон А. М. Исторические музеи... С. 273.

²³² ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 283.

²³³ АГЭ, ф. 1, оп. I-1827, д. 15: О рассмотрении каталогов медалей и монет в учебных заведениях Российской империи, с выписками из означенных каталогов. 179 л. Учреждения, представившие каталоги: Академия наук, Академия художеств (л. 61—76 об., каталог «медалей» и фрагмент каталога римских монет), Имп. Публичная библиотека, Барское уездное училище, гимназия высших наук кн. Безбородко, Белостокская гимназия (л. 126—139, каталог русских монет) и Датновские гимназия и училище, библиотека Имп. Виленского университета (л. 79—107 — каталог русских и европейских монет, отобранных Кёлером для Эрмитажа), Волынский лицей, Гродненская гимназия в Свислоче и Барское, Любарское и Несвижское уездные училища, Дерптский университет, Казанский учебный округ и Казанский университет, Калужская гимназия, Крожская гимназия, Курская гимназия, Московский учебный округ и Московский университет (л. 118—125, каталог русских и европейских монет, отобранных для Эрмитажа), Олонечкая гимназия, Орловская гимназия, Санкт-Петербургский учебный округ, Санкт-Петербургский университет, Ришельевский лицей в Одессе, Рязанская губернская гимназия, Уманское поветовое училище, Харьковский учебный округ и Харьковский университет, Хвалойнская гимназия и Кальварийское, Теофильпольское уездные училища, Ярославское Демидовское училище высших наук). В 1830 г. каталоги были возвращены Кёлером в Канцелярию министра Имп. двора (скорее всего, они должны храниться в РГИА в ф. 472).

цинные его работы по сторонам Академии наук. Хранитель Эрмитажа писал, что если бы ему было поручено составить полные каталоги Минц-кабинетов Имп. Академии наук и Публичной библиотеки, то для создания каждого из них потребовалось бы три или четыре года.²³⁴

Связи Кёлера при дворе оказали решающее влияние на судьбу академического Минц-кабинета, который с 1828 г. регулярно передавал части своих коллекций в Эрмитаж. Особенно интенсивно передачи монет из Академии наук в императорское собрание осуществлялись с открытием Нового Эрмитажа в 1852 г. К середине века Минц-кабинет Академии наук, с 1836 г. называвшийся также Нумизматическим музеем, включал собрание древнегреческих монет, довольно богатую коллекцию древних римских монет, а также западноевропейские, русские и восточные монеты и медали новейших времен. В 1836 г. и 1841 г. акад. Ф. И. Круг выступил перед сочленами по Академии с предложением поддержать растущий общественный интерес к нумизматике путем передачи дублетов в учебные заведения страны, чтобы «находимые русские монетные клады, которые оказались бы ненужными для существующих уже минц-кабинетов, рассылались по гимназиям империи и чтобы, таким образом, положено было основание при каждой из них небольшого собрания русских монет».²³⁵ В 1851 г. Академия наук вновь «указывала на пользу устройства при гимназиях собраний русских монет».²³⁶

Значительными коллекциями монет обладали университеты: сравнительно богатыми, по сведениям на 1849 г., были собрания минц-кабинетов Казанского (14 352 экз.), Харьковского (21 869 экз.), Петербургского (2775 экз.), Московского (740 экз.), св. Владимира в Киеве (10 308 экз.), Дертского (5790 экз.) университетов и Ришельевского лицея в Одессе (1302 экз.), большую часть которых составляли античные монеты. Так, в созданном в 1819 г. Минц-кабинете Казанского университета, куда поступила библиотека кн. Г. А. Потемкина-Таврического, помимо монет хранилась собранная светлейшим князем коллекция из более чем 1500 слепков с древних «хамеев и медалей», которую дополнили аналогичными 3607 экспонатами, выписанными из Берлина. Для Минц-кабинета Казанского университета в 1819 г. по рекомендации Е. Е. Кёлера в Петербурге было приобретено собрание действительного статского советника Ефимовича, по большей части состоявшее из древнегреческих и римских монет,²³⁷ а в 1821 г. — коллекция коллежского советника Яковлева.²³⁸

В 1854 г. у Имп. Публичной библиотеки Академией наук было приобретено «весьма полезное для изучения древней нумизматики, составленное известным французским ученым Мионне, собрание серных оттисков с греческих и римских монет» и шесть греческих ваз.²³⁹ В 1880-е гг. Минц-кабинет Имп. Академии наук именовался уже Русским нумизматическим кабинетом, что доказывает количественное преобладание в нем монет отечественной чеканки. В 1894 г. около 35 тыс. монет упраздненного Музея археологии Имп. Академии наук были переданы Эрмитажу, а в 1908 г. остатки фондов Нумизматического кабинета были присоединены к академической библиотеке и впоследствии также вплоть до 1931 г. поступали в Эрмитаж.²⁴⁰

Помимо коллекций Эрмитажа, Минц-кабинета Имп. Академии наук, южнорусских музеев, Одесского общества истории и древностей в первой половине XIX в. сформировался целый ряд частных собраний причерноморских монет. Нумизматическое коллекционирование по всей России в первой половине — середине XIX в. приобрело характер модного увлечения. Нумизматическое собирательство настолько захватило чиновников, купцов, помещиков, аристократов и даже духовных лиц, что многие коллекционеры не жалели средств на увеличение своих минц-кабинетов. Порой, как князь А. А. Сибирский, они вкладывали все свое состояние в коллекцию и издание ее каталога и в конечном счете разорялись, закладывая монеты в Ссудной кассе или распродавали их за бесценок.²⁴¹ Аристократы, богатые любители, ученые

²³⁴ ПФА РАН. ф. 2, оп. 1-1827, д. 1, л. 3, 10—10 об., 12—12 об., 14—15, 20—21. См. также протоколы Общих собраний АН за 1827 г.: 12 сентября § 340, 3 октября § 394, 31 октября § 448; за 1828 г.: 3 сентября § 441, 26 ноября § 570, 12 декабря § 621.

²³⁵ BS. 1842. Т. 10. Р. 386.

²³⁶ BCSNPH. 1852. Т. 9. Р. 15.

²³⁷ Артемьев А. Минц-кабинет Имп. Казанского университета // ЗИАО. 1851. Т. 3. С. 112—113.

²³⁸ ЖДНП. 1821. Ч. 3. С. 252—256.

²³⁹ Гримм А. И. Минц-кабинет. С. 88.

²⁴⁰ ПФА РАН, р. IV, оп. 6, д. 86; Русский нумизматический кабинет // Имп. Академия наук, 1889—1914. Пг., 1917. Ч. 1. С. 293 (Матер. для истории академических учреждений. Т. 2).

²⁴¹ Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже. С. 163.

были неотлечимы в общей страсти к монетам. Многие коллекционеры являлись не только крупнейшими собирателями, но и ведущими специалистами в этой области — это международный феномен нумизматики, присущий не только России, но и всему миру. В системе жизненных ценностей коллекционеров монеты приобретали не только материальную и научную, но и эстетическую значимость. Такой «жизненный мир» вырабатывал у коллекционеров определенные научные воззрения, базирующиеся на типологическом мышлении.²⁴²

Количественным и качественным составом особо выделялись личные нумизматические коллекции императрицы Марии Федоровны (1759—1828), вдовы Павла I (после 1917 г. поступила в собрание Эрмитажа), графов П. К. Сухтелена и П. П. Сухтелена (в 1823 г. по решению царя приобретена Академией наук,²⁴³ затем передана в Эрмитаж), графа Н. П. Румянцева (из Румянцевского музея поступила в ГИМ), графа С. О. Потоцкого, И. П. Бларамберга (поступила частью в Одесский городской музей древностей, частью в собрание барона С. И. де Шодуара, а из коллекции последнего в Эрмитаж), И. А. Стемповского (приобретена казной и в 1835 г. поступила в Эрмитаж²⁴⁴), кн. М. П. Голицына, А. Ф. Ланжерона, З. П. Зосимы (все три, по сведениям П. И. Кёппена, приобретены Кёлером²⁴⁵ и в составе его собрания поступили в Эрмитаж), И. П. Псомаса (в декабре 1841 г. частично приобретена ООИД), генерала Е. Х. Ферстера (Форстера), А. Галлеры (продана Парижскому королевскому нумизматическому кабинету), И. И. Граперона, князя М. С. Воронцова, барона С. И. де Шодуара (приобретена Эрмитажем²⁴⁶), графа Л. А. Перовского (в 1857 г. приобретена Эрмитажем²⁴⁷), князя А. А. Сибирского (приобретена Х. Х. Гилем, от которого частично поступила в Эрмитаж; впоследствии в собрании вел. кн. Александра Михайловича, с 1917 г. частично за рубежом), князя М. П. Баратаева, генерала А. А. Бетанкура, графа А. Г. Кушелева-Безбородко, князя С. Г. Строганова, графа А. С. Уварова, Я. Я. Рейхеля (римские монеты и медали, включавшие 65 золотых, 2421 серебряную, 3292 бронзовые и 57 ассов, в 1839 г. продана собирателем Минц-кабинету Московского университета,²⁴⁸ остальная часть собрания приобретена Эрмитажем по частям в 1838,²⁴⁹ 1851—1857 гг.).

Известным коллекционером произведений искусства, античных монет и древностей Причерноморья был барон *Станислав Иванович Шодуар* (*Chaudoir*, 1790—1858), избранный в 1836 г. членом-корреспондентом Имп. Академии наук по разряду истории и древностей. Сын «махновского 1-й гильдии купца», он родился в имении Ивница близ Житомира, получил домашнее образование, вскоре перебрался в Киев, служил в ведомстве народного просвещения — почетным смотрителем Киево-Подольского уездного училища (1834—1836, 1837—1838), затем почетным смотрителем Киево-Подольского уездного дворянского и приходских Киевского уезда училищ (1838—1851), членом Совета Киевского института благородных девиц по хозяйственной части (1841—1846). Войдя в круг киевских антиквариев, он в 1843 г. стал первым помощником председателя Киевской временной комиссии для разбора древних актов²⁵⁰ (в 1851 г. по прошению уволен от службы в чине коллежского советника). Шодуара интересовала не только античная, но и русская нумизматика: он много путешествовал по России, знакомился с нумизматическими кабинетами учреждений и частных лиц, и в ноябре 1847 г. был избран действительным членом Петербургского археолого-нумизматического общества. Шодуар поддерживал оживленную переписку с известным нумизматом, итальянским аббатом *Доменико Сестини* (*Sestini*, 1750—1832), членом *Academia della Crusca* и иностранным почетным членом Имп. Академии наук (1826), который оставил ряд нумизматических трудов ярко вы-

²⁴² См. аналогичные наблюдения Д. А. Александрова о «жизненных мирах» любителей-энтомологов XIX—начала XX в.: Александров Д. А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 20—21.

²⁴³ *Recueil des Actes*. 1827. P. 37.

²⁴⁴ АГЭ, ф. 1, оп. I-1833, д. 3, 155 л.: О приобретении... монет из коллекции керчь-еникальского градоначальника Стемповского (в деле 3 каталога монет); оп. I-1835, д. 1: О внесении в каталог коллекции монет и медалей Стемповского.

²⁴⁵ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 475, л. 32—32 об. (сведения заимствованы П. И. Кёппеном у барона С. И. де Шодуара).

²⁴⁶ АГЭ, ф. 1, оп. I-1838, д. 27, 19 л.: О купленных у барона Шодуара коллекциях греческих и римских монет за 80 тыс. р.

²⁴⁷ Новое приобретение музея Имп. Эрмитажа // ЖМНП. 1857. Ч. 94. Отд. 7. С. 104 (о приобретении собрания гр. Л. А. Перовского).

²⁴⁸ *Шевырев С. П.* История Имп. Московского университета, написанная к столетнему его юбилею, 1755—1855. М., 1855 (репринт. переизд.: М., 1998). С. 542.

²⁴⁹ АГЭ, ф. 1, оп. I-1838, д. 17, 24 л.: О покупке у г-на коллежского советника Рейхеля собрания древних греческих медалей Гейдекена и от других лиц.

²⁵⁰ *Левицкий О. И.* Пятидесятилетие Киевской комиссии для разбора древних актов... С. 9, 10, 23, 29, 83, 136.

раженного антикварного характера.²⁵¹ Показательно, что Шодуар «унаследовал» рукописи многих научных трудов Сестини по нумизматике. Итальянский аббат издал каталог греческих монет собрания Шодуара, в том числе причерноморских, к которому коллекционер сделал дополнения и поправки.²⁵² Эти издания принесли ему известность в нумизматических кругах, а за труд «Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен» (СПб., 1837—1841. Ч. 1—3; ранее изд. на франц. яз.: СПб., 1835) Шодуар был удостоен Имп. Академией наук полной Демидовской премии по отзыву акад. Ф. И. Круга, Х. Д. Френа, Ф. Б. Грефе. Шодуар собрал богатейшую коллекцию книг, русских и иностранных монет, гравюр, картин, портретов, древностей, находившихся в его имении Ивнице Житомирского уезда Волынской губернии (впоследствии часть древностей продана им в Эрмитаж, часть в Великобританию). Нумизматический кабинет Шодуара из 5132 монет в 1838 г. был приобретен за 80 тыс. р. ассигнациями для Эрмитажа.²⁵³

Крупнейшей после собрания монет Имп. Эрмитажа во второй трети XIX в. признавалась коллекция князя *Василия Викторовича Кочубея* (1812—1850), биография которого типична для аристократа-собирателя древностей. Второй сын государственного канцлера, председателя Государственного совета князя В. П. Кочубея, он с детства страдал слабым здоровьем, поэтому был отправлен на юг России: в 1824 г. он сопровождал отца в путешествии по Волге и Дону до Таганрога, посетил Керчь, Феодосию и другие города Крыма, и с тех пор увлекся древностями Новороссии, главным образом монетами. С марта 1825 г. по 7 июля 1826 г. молодой князь жил в Одессе и под влиянием А. Ф. Спалы начал собирать различные монеты, но позднее ограничился лишь одними древнегреческими, не жалея средств на их приобретение. В Петербурге князь познакомился с Кёлером, который, по словам Б. В. Кёне, «доставил ему множество хороших монет и был полезен советами». В 1827 г. В. В. Кочубей начал службу в МИДе, с 1828 г. в чине камер-юнкера, а с 1836 г. камергера двора Его Имп. Величества, находясь на дипломатической службе, посетил многие страны Европы, побывал в Константинополе. В 1834 г. после кончины отца он вместе с матерью поселился в Москве, в 1843 г. вышел в отставку и до 1844 г. сопровождал ее в путешествии по Швейцарии, Италии и Франции, попутно изучая нумизматические кабинеты Европы и пополняя свое собрание. В мае 1844 г., после смерти матери, Кочубей был причислен к канцелярии заместника Кавказского М. С. Воронцова, попеременно жил в Одессе и Тифлисе и здесь наладил контакты с крымскими собирателями и торговцами древностями, которые стали его «корреспондентами» в качестве поставщиков древнегреческих монет. В 1846 г. В. В. Кочубей был произведен в статские советники, вскоре вернулся в Петербург, уже в январе 1847 г. был избран действительным членом только что созданного Петербургского археолого-нумизматического общества. В столице он занялся научным изучением и классификацией собственной коллекции. Кочубей ограничил свое собрание только северо-причерноморскими монетами и «старался довести этот отдел... до возможной полноты посредством выменивания других принадлежащих ему монет», приобрел несколько редких экземпляров у графа А. С. Уварова, П. Сабатье, зимой 1847/48 г. в Париже у Роллена. Задумав опубликовать собрание, князь заказал в Париже 20 гравированных таблиц самых редких своих монет, но служебные обязанности постоянно отвлекали его от подготовки и издания каталога, так как в 1848 г. он был назначен помощником попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. Поэтому подготовку описания монет Кочубей поручил своему коллеге по обществу Б. В. Кёне. Внезапно князь скончался от «гортанной чахотки».²⁵⁴ Его великолепное собрание было описано и опубликовано Б. В. Кёне на средства вдовы В. В. Кочубея.²⁵⁵ Только некоторые экземпляры этой уникальной коллекции попали в Эрмитаж, судьба подавляющего большинства монет специалистам неизвестна.²⁵⁶

В изучении монет Причерноморья за полтора века наука достигла значительного прогресса. В западноевропейские мини-кабинеты единичные экземпляры монет античных городов Причерноморья попадали через путешественников, объезжавших владения Османской Порты и вассального ей Крымского ханства. При этом монеты Боспора стали «едва ли не первой категорией материальных памятников античной культуры Северного Причерноморья, привлекавшей к себе внимание исследователей».²⁵⁷ Боспорское царство, войдя в состав державы

²⁵¹ Sestini D. 1) Lettere e dissertazione numismatiche. Livorno; Berlino, 1789—1806; 2) Classes generales, seu monetae urbium, populorum et regum, ordine geographico et chronologico dispositae. Lipsiae, 1797 (2 ed. Florentiae, 1821); 3) Descrizione delle medaglie antiche greche del Museo Hedervariano. Firenze, 1828—1830.

²⁵² Sestini D. Description d'alcune medaglie greche del Museo B. di Chaudoir. Firenze, 1831. 126 p., VI Pl.; Chaudoir S. de. Corrections et additions à l'ouvrage du chévailler D. Sestini, intitulé Description d'alcune medaglie greche del Museo B. di Chaudoir, imprimé à Florence, 1831. Paris, 1835.

²⁵³ См. о нем: Савельев П. С. [Некролог С. И. Шодуара] // ИИАО. 1859. Т. 1. Вып. 6. Стб. 392—393; Трутовский В. К. Барон С. И. де Шодуар (к портрету) // Тр. Московского нумизматического общества. 1898. Т. 1. Полутом 2. С. 213—216; Горский В. Шодуар, барон Станислав Иванович // РБС. СПб., 1911. Т.: Шебанов—Шютц. С. 360—361; Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже. С. 152.

²⁵⁴ См. о нем: Кёне Б. В. Известие о жизни и ученых трудах князя Василия Викторовича Кочубея // ЗИАО. 1851. Т. 3. С. 158—164; ЖМНП. 1851. Ч. 71. С. 40—42 (некролог).

²⁵⁵ Köhne B. de. Description du Musée de feu le prince Basile Kotchoubey et recherches sur l'histoire des colonies grecques en Russie : 3 vol. Spb., 1856—1857. Рус. перевод: Кёне Б. В. Описание музея покойного князя Василия Викторовича Кочубея (составлено по его рукописному каталогу) и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, равно как царств: Понтийского и Босфора Киммерийского : В 2 ч. СПб., 1857. Ч. 1. 451 с., VII табл.; Ч. 2. 418 с., XXI табл.

²⁵⁶ Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже. С. 163.

²⁵⁷ Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956. С. 6.

Метридата Евпатора, приняло пантийскую эру и использовало ее почти четыре столетия. На монетах Боспора в эллинистическое и римское время встречаются даты местной пантийско-боспорской эры, дающие хронологические ориентиры в сложной и запутанной династической истории Боспорского царства. Такие монеты имеют изображение современного им римского императора, позволяя исследователю определить начальный год эры, так как из письменных источников время начала и конца правления императоров I в. известно с точностью до дней.²⁵⁸

Первое из исторических сочинений о династах Боспорского царства было издано еще в 1570 г.²⁵⁹ Изучение истории Боспора продолжили западноевропейские ученые XVIII в. Особую известность приобрел труд академика (с 1701 г.) Парижской Академии надписей и словесности *Жана Фуа Вайяна* (или *Вальяна*, *Jan-Foi Vaillant*, 1632—1706), автора ряда работ по эллинистической и римской нумизматике, лично побывавшего во многих странах Европы, Северной Африке и Иране с целью изучения коллекций и покупки монет для Королевского Кабинета медалей Людовика XIV.²⁶⁰ Он издал биографии царей Понта, Боспора и Вифинии, известные по письменным и нумизматическим источникам, и привел портреты царей по монетам. Французский археолог и нумизмат, академик (с 1706 г.) и непререкаемый секретарь Парижской Академии надписей и словесности *Клод Грос де Боз* (*Claude Gros de Boze*, 1680—1753) первым издал золотую пантикапейскую монету с именем царя Перисада, доставленную из Леванта Павлом Лукою в Королевский нумизматический кабинет,²⁶¹ а «до того полагали, что или никогда не было медалей в Веспоре, или оне все исчезли».²⁶² Из-за единичности известных тогда монет де Боз выдвинул фантастическое предположение, что монеты на Боспоре чеканились только после смерти царей «вследствие их обоготворения».

К середине XVIII в. появились фундаментальные труды французского нумизмата и коллекционера *Феликса Кари* (*Cary*, 1699—1754),²⁶³ венского библиотекаря *Эразма Фрелиха* (*Froelich*)²⁶⁴ и «отца античной нумизматики», австрийского аббата, директора Императорского юнги-кабинета в Вене, профессора классической археологии Венского университета *Йозефа Хилиария Эккеля* (*Eckhel*, 1737—1798), автора восьмитомного труда «Учение о древних монетах».²⁶⁵ И. Х. Эккель заложил основы научной нумизматики — ввел критическую проверку материала и систематизацию монет по историко-географическому и хронологическому принципам, которая не потеряла своего значения до настоящего времени, описал металл, затронул вопросы весовых систем, типологии монет и техники монетного дела, предпринял попытку применить монетные данные для реконструкции политической и культурной истории древнего мира.

После присоединения Северного Причерноморья к России фонд античных нумизматических источников стал стремительно расти благодаря путешественникам, собиравшим основные, часто встречающиеся типы монет. Еще в начале XVIII в. вышло описание путешествия Обри де Ла Мотре, иллюстрированное гравированными рисунками кулленных им в Кирке (Керчи) в 1711 г. монет пантикапейской чеканки.²⁶⁶ Анонимный автор «Исторического описания Таврической области от древнейших до нынешних времен», возможно К. И. Габлиц, при реконструкции хронологии и порядка царствования боспорских династов, некритично

²⁵⁸ Еще в XVIII в. были атрибутированы две монеты Савромата I (по современной хронологии) — одна с датой 413 г. по пантийской эре и портретом Траяна, другая — с той же датой и портретом Адриана, что позволило установить дату по современному летоисчислению — 116/117 г. н. э. Начало боспорской эры, являющейся продолжением пантийской, большинство исследователей соответственно относит к октябрю 297 г. до н. э. Подробнее см.: *Перл Г.* Эры Вифинского, Пантийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3. С. 39—69.

²⁵⁹ *Reineccius R.* Familiae rerum Ponticorum et Bosporanorum. Leipzig, 1570.

²⁶⁰ *Vaillant J. F.* Achaemenidarum imperium, sive regum Ponti, Bosphori et Bythiniae historia ad fidem numismatum accommodata. Parisiis, 1728. 186 p. (Achaemenidarum imperium. T. 2).

²⁶¹ *Boze Cl. G. de.* Des Rois du Bosphore Cimmérien // Mém. Acad. Roy. des Inscriptions et belles lettres. 1725. T. 4. P. 549 suiv. Рус. перевод: *Де Боз.* О царях Босфора Киммерийского // Археолого-нумизматический сборник., изданный Григорием Спасским. М., 1850. С. 7—26 (примеч. Спасского на с. 27—30).

²⁶² *Муравьев-Анатолий И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. С. 265.

²⁶³ *Cary F.* Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore Cimmérien, éclaircie par les médailles. Paris, 1752.

²⁶⁴ *Khevenhuller F. A. [Froelich E.]* Regum veterum numismata anecdota aut pertrata notis illustrata. Vindobonae (Wien), 1752.

²⁶⁵ *Eckhel J. H.* Doctrina numorum veterum. Vindobonae, 1752 (8 vols. Wien, 1792—1798).

²⁶⁶ *Voyages du Sr. Aubry de la Motraye en l'Europe, Asie et Afrique.* La Haye, 1727—1732. См.: Vol. 2. 1727.

следовал выводом де Боза и Ф. Кари, так как не был специалистом в области античной истории и нумизматики: «Для отвращения... недостатков и несовершенств в сей части истории новейшие писатели принуждены были, собрав все древние рассеянные известия, соображать их с найденными по сие время от оных царей монетами, и посредством их вывести порядок тот, в коем один за другим следовал, и таким образом составили толико возможно обстоятельное об них повествование, хотя во многих местах основывались и на одних догадках и воображениях в рассуждении того, чтоб означить порядок наследия царей босфорских. Г-да Дебос и Кари учинили оное с великим тщанием и совершенством».²⁶⁷ Автор этого труда сообщает, что «в недавних временах», т. е. не позднее 1787 г., в Бериславе (Кизикермене) на Днепре в земле была найдена золотая монета величиной с червонец с изображением на одной стороне головы в венце боспорского царя «Римиталкиса», «и в окресте ее надпись ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΟΥ» и на оборотной — головы Антонина Пия, «лаврами увенчанная и под нею буквы Μ. Υ.», что, на его взгляд, соответствовало 440 г. боспорской эры, или 144 г. н. э. (если ΜΥ, то 434 г. боспорской эры, т. е. 138 г. н. э.).²⁶⁸

К началу XIX в. в поле зрения исследователей и коллекционеров стали попадать и античные клады. Так, в 1804 г. недалеко от слободы Жигайловки в Ахтырском уезде Харьковской губернии крестьянин Каленик при возделывании нивы нашел «медную вазу» с серебряными римскими денариями от Юлия Цезаря до Луция Вера и Коммода. Из клада, состоящего примерно из 1460 монет, в Эрмитаж попали лишь 19 денариев, остальные разошлись по рукам коллекционеров.²⁶⁹ Только из архивных материалов известно о кладе 1844 г., найденном на Гераклейском полуострове Крыма (гл. 12.2).²⁷⁰ В архивах сохранилась интереснейшая информация об известном Пуленцовском кладе золотых монет на Таманском полуострове (гл. 15). Прогрессирующему росту фонда нумизматических источников способствовали раскопки, проведенные в первой половине XIX в., прежде всего на о-ве Фидониси, Ольвии, Тендровской косе, а также в Херсонесе, на Европейском и Азиатском Боспоре, которые открыли значительное количество неизвестных ранее монетных типов. О неподдельном интересе к античной нумизматике Причерноморья свидетельствует изготовление фальшивых монет для сбыта многочисленным коллекционерам, принявшее значительные масштабы к середине столетия.

К рубежу XVIII—XIX вв. общее число известных науке античных монет превысило несколько десятков тысяч экземпляров. В шеститомном труде французского нумизмата Теодора Эдма Мионне, в традиционной транскрипции Мионне (*Mionnet*, 1770—1842), хранителя Кабинета медалей в Париже, и в девятитомном дополнении к нему было описано 52 тыс. греческих монет (в их числе лишь 230 северопричерноморских), расположенных по экклеусской системе. Мионне была введена градуированная шкала для измерения монет, которую взяли на вооружение русские ученые XIX в.²⁷¹ В приложении к своему труду Мионне «отступил от завета Эккеля описывать лишь строго проверенный материал», привнеся в него памятники из предшествующих публикаций.²⁷² На редкость причерноморских монет в то время указывает и их цена, приведенная в своде Т. Мионне, — чеканка Перисада и Лисимаха оценивалась в 1000 франков, или 250 р. серебром.²⁷³

С начала XIX в. появляются и отечественные ученые-нумизматы, публиковавшие свои исследования не только на западноевропейских языках, но и на русском. Они ввели в научный оборот значительные объемы источников, неизвестных их западноевропейским коллегам, пытались осмыслить и обработать новый нумизматический материал. Результаты их исследований не замедлили сказаться: с 1840—1850-х гг. «русская наука бесспорно завоевывает первое

²⁶⁷ ОР РНБ, ф. 885 (Эрм. собр.), № 368, л. 53—53 об. Ср.: Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э.—середина IV в. н. э.). М., 1997. Ч. 1. С. 278. В своде В. В. Кропоткина «Клады римских монет на территории СССР» (М., 1961. САИ Г4-4) сведения об этой находке отсутствуют.

²⁶⁸ ОР РНБ, ф. 885 (Эрм. собр.), № 368, л. 72 об. Примеч.

²⁶⁹ ВЕ. 1804. Ч. 18 (ноябрь). № 22. С. 127—128; АГЭ, ф. 1, оп. I-1804, д. 3; АВ СПбФ ИВ, ф. 52, оп. 1, д. 10, л. 3; Кропоткин В. В. Клады римских монет... С. 78. № 952.

²⁷⁰ Тункина И. В. Неизвестный клад херсонесских монет 1844 г. // ПАВ. 1993. № 6: Скифы, сарматы, славяне, русь : Сб. археологических статей в честь 56-летия Д. А. Мачинского. С. 76—78.

²⁷¹ Mionnet T. E. Description de médailles antiques, grecques et romaines, etc.: 6 vols. Paris, 1806—1813; Suppl. : 9 vols. Paris, 1819—1829.

²⁷² Зограф А. Н. Античные монеты. С. 18—19.

²⁷³ Археолого-нумизматический сборник... изданный Г. Спасским. С. 27. Примеч. 3.

место в изучении боспорских древностей вообще и боспорской нумизматики в частности.²⁷⁴ Накопление нового материала требовало разработки принципов систематизации и методики изучения нумизматических памятников. В течение первой половины—середины XIX в. пространственные и временные рамки исследований значительно расширились благодаря стремительному росту фонда источников. Если в XVIII—начале XIX в. публикации монет во многом носили иллюстративный характер при изложении политической истории античного Причерноморья, то со временем внимание исследователей стала привлекать, во-первых, атрибуция монет (тип, легенда, надчеканки), изучение их типологии и хронологии, во-вторых, издание каталогов собраний и отдельных, неизвестных ранее монетных типов.

Для подавляющего большинства собирателей монета прежде всего оставалась историческим источником. «Монета, — писал в 1840 г. епископ Саратовский Иаков, — не своим штемпелем, не своею грубою или красивою формою, дающей понятие о металлургических знаниях народа, важна для собирателя, но теми выгодами, какие может она дать в историческом отношении. Может быть, этот заржавевший металл, отысканный в недрах земли, своим потемневшим клеймом, своею надписью в уме вопрошающего древность родит светлую мысль, которая на большое пространство осветит мрак, облегший со многих стороны историю человечества. Есть надежда, что медальоны частных кабинетов, соображенные между собою, откроют факт прошедшего, который ускользнул из-под пера наблюдательного современника и которого не перестает доискиваться любознательность».²⁷⁵

Боспорской нумизматикой, ставшей приоритетной темой для большинства русских антиквариев, занялись Е. Е. Кёлер,²⁷⁶ И. А. Стемповский,²⁷⁷ Г. И. Спасский, А. Б. Ашик, П. Сабатье, В. В. Григорьев, Б. В. Кёне, князь А. А. Сибирский.²⁷⁸ Каждый из них пытался по-своему восполнить пробелы в генеалогическом древе боспорских царей. Предметами оживленной дискуссии исследователей первой половины XIX в. стали вопросы установления хронологии отдельных царствований на Боспоре, правильность имен правителей, не упоминавшихся в нарративных источниках, выделение монетных серий и их датировка. В начале XIX в. определе-

²⁷⁴ Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. С. 6.

²⁷⁵ ИР ЦНБ, V, 613—636, л. 32—32 об. (V, 617, л. 32—49: Записка по мини-кабинету, находящемуся в Саратовской семинарии, Иакова, епископа Саратовского. 16 декабря 1840 г.).

²⁷⁶ Koehler H. K. E. 1) Médailles Grecques // *Gesammelte Schriften*. SPb., 1850. Bd 1. P. 1—29; 2) D'un roi inconnu du Bosphore-Cimmériens // *Ibid.* P. 30—43; 3) Notice des médailles de Mithradate VI Eupator Dionysus, roi du Pont // *Ibid.* P. 50—58; 4) Médailles des premiers rois de la dynastie au Bosphore // *Ibid.* P. 219—231; 5) Description d'une médaille de Spartocus, roi du Bosphore-Cimmérien // *Ibid.* Bd 2. P. 45—70; 6) Suite des médailles d'Asandre, d'abord archonte, après roi du Bosphore-Cimmérien // *Ibid.* P. 71—85; 7) Médailles de Pharnace II, roi du Bosphore-Cimmérien // *Ibid.* P. 218—224. См. также его рукописи в академическом архиве «Numi Regum Bosphori» (ПФА РАН, р. III, оп. 1, л. 337, л. 1—50, 173), «Sarmatie d'Europe: Phanagorie» (там же, л. 76—88), «Sarmatie d'Asie: Gorgippie» (там же, л. 55—59) и многочисленные рукописные материалы по нумизматике Северного Причерноморья в личном фонде Кёлера (ф. 11) в АГЭ.

²⁷⁷ Стемповский И. А. 1) О древнейших монетах царей Востора Киммерийского (письмо от 24 мая 1826 г.) // ОЗ. 1826. Ч. 27. Кн. 75. С. 129—136 (о монетах Левкона); 2) Письмо А. А. Писареву (о монетах Радамсада) // Тр. и зап. МОИДР. 1827. Ч. 3. Кн. 2. С. 35—37; *Stempkovsky J. de.* 1) Notice sur les médailles de Rhadaméadis, roi inconnu du Bosphore-Cimmérien, découvertes en Tauride en 1820 // *Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien publiées et expliquées par M. Raoul-Rochette*. Paris, 1822. P. 218—235. Отд. оттиск: Paris, 1822; 2) Médaille de Mithradate III, roi du Bosphore-Cimmérien et de la reine Gépaeiris // *Journal d'Odessa*. 1827. 9/21 févr. № 11. P. 41—42; 23 févr./7 mars. № 15. P. 57—58; 26 févr./10 mars. № 16. P. 61—64; 16/28 mars. № 21. P. 81—82; 19/31 mars. № 22. P. 85—86; 23 mars/4 avr. № 23. P. 89—90. Отд. оттиск: Odessa, 1827; 3) Problèmes numismatiques // *Journal d'Odessa*. 1827. 3/15 août. № 60. P. 240—241; 6/18 août. № 61. P. 243—244; 1830. № 21 (о боспорских монетах с монограммой BAE); 4) Médaille de Pharéantzès, ancien roi du Bosphore-Cimmérien // *Ibid.* 1829. № 75. P. 328 (то же: *Journ. de St.-Petersbourg*. 1829. № 138. P. 550 — о монетах боспорского царя Фарсанза); 5) Nouvelles découvertes numismatiques // *Journal d'Odessa*. 1829. № 77 (рус. перевод: ОВ. 1829. № 79. С. 344—345); 6) Nouveau Journal Asiatique. 1831. T. 7. P. 231—233. Неполный перечень статей Стемповского по нумизматике см.: Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с XVII столетия по 1892 г. ... / Сост. П. И. Прохоров. СПб., 1898 (по указателю). Краткую характеристику работ Стемповского по нумизматике см.: Юргевич В. Н. Исторический очерк 50-летия Имп. Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1889. С. 36—37. Примеч. 1; *Избаш Т. А.* Основные этапы изучения монетного дела... С. 208.

²⁷⁸ Спасский Г. И. Босфор Киммерийский... С. 37—108; Ашик А. Б. Боспорское царство. Одесса, 1848. Ч. 1. С. 26—43; Sabatier J. Souvenirs de Kertsch et chronologie du royaume de Bosphore. SPb., 1849; Григорьев В. В. Цари Востора Киммерийского...; Сибирский А. А. Каталог монет Боспора Киммерийского и исследования об истории и древностях Восторского государства. СПб., 1860. Т. 1. Ч. 1.

царские монеты Боспора, в соответствии со сводом Т. Мионне, разительно отличались от современных атрибуций — считали, например, восемь Рискупоридов и шесть Савроматов.

Почти любая находка монеты, открывавшая новое имя царя, комментировалась каждым ученым по-своему, монета приписывалась то одному правителю, то другому, промежутки правления между которыми порой составлял 200 лет.²⁷⁹ К середине века только по монетам стали известны имена 15 парей и одной царицы Боспора, и 9 новых имен — по надписям, найденным в Крыму и на Таманском полуострове. Разногласия нумизматов того времени вполне объяснимы новизной объекта изучения, фрагментарностью сведений письменных и эпиграфических источников, относительно небольшим (по сравнению с сегодняшним днем) количеством известных науке того времени северопричерноморских материалов. По поводу нумизматических споров В. В. Григорьев призывал коллег освободиться от абсолютизации возможностей нумизматических источников: «Для истории монеты имеют значение тогда только, когда служат ей указанием или подтверждением, а не от нее же требуют объяснений. В последнем случае историку нет до них дела; что же касается нумизматов, упрежняющих остроумие свое над... монетами, то... основания, ими принимаемые, для приурочения монеты к тому или другому месту, времени, царствованию, большею частью крайне шатки и произвольны».²⁸⁰ Очевидно, что столичные нумизматы находились в более выгодных условиях, так как они имели возможность использовать в качестве сравнительного материала крупнейшие государственные и частные собрания Петербурга. Неточность описаний провинциальных любителей нумизматики вполне объяснима плохой сохранностью единичных монет неизвестных ранее типов и невозможностью сличения с им подобными.

Главный авторитет в области античной нумизматики Г. К. Э. Кёлер изучал монеты всех регионов Северного Причерноморья, но приоритетной темой для него всегда оставался Боспор. Некоторые боспорские монеты Кёлер упорно приписывал то парфянским, то селевкидским династам, что вызывало недоумение его научных оппонентов. Хранитель Эрмитажа исследовал также чеканку Феодосии и монеты, принятые им за выпуски городов Гермисия и Гераклия.²⁸¹ Занимаясь главным образом царскими боспорскими монетами, петербургский академик первым опубликовал редчайшую пантикапейскую серебряную дирахму царя Спартока из собрания Н. П. Румянцева (сейчас в ГИМ), оцененную им в 1200 р. и до недавнего времени являвшуюся уникальной. Кёлер приписал монету, «сводившую его с ума»,²⁸² либо пятому, либо шестому, либо седьмому царю с таким именем по существовавшей в то время хронологии (монета весом 7.78 г с изображением на лицевой стороне головы царя в диадеме вправо, на оборотной стороне — лук в горите, надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ [Σ]ΠΑΡΤΟΚΟΥ, монограмма $\tau\psi$).²⁸³ В той же работе академик опубликовал пять неизвестных боспорских монет и одиннадцать очень редких из собрания Румянцева. Позднее Кёне приписал единственную монету Спартоку IV,²⁸⁴ но с его выводом не согласились большинство нумизматов. Еще одна монета с именем Спартока, с той же монограммой, но с добавлением изображения трезубца на оборотной стороне, имеющая чуть больший вес — 8.37 г, стала недавно известна по публикации К. В. Голенко. Она происходит из собрания Американского нумизматического общества.²⁸⁵ Если А. Н. Зограф датировал дирахму Спартока обобщенно II в. до н. э. Д. Б. Шелов

²⁷⁹ Орешников А. В. Боспор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам // Тр. VI АС в Одессе. Одесса, 1888. Т. 2. С. 80—81.

²⁸⁰ Григорьев В. В. Цари Восточного Киммерийского... С. 20—21.

²⁸¹ См. рукописи Кёлера «Chersonèse Taurique. Theodosie», «Chersonèse Taurique. Heraclium», «Chersonèse Taurique. Hermisium» (ИФА РАН, р. III, оп. 1, д. 337, л. 51—54, 60—66, 67—75).

²⁸² Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 г. по 1825 г. включительно). Воронеж, 1885. Вып. 2. С. 81 (письмо Н. П. Румянцева митрополиту Евгению от 6 ноября 1823 г. из Киева).

²⁸³ Koehler H. K. E. Description d'une médaille de Spartocus roi du Bosphore-Cimmérien du cabinet de Mr. le Chancelier de l'empire Comte de Romanzoff. Avec un supplément, contenant la description de plusieurs médailles grecques, rares et inédites, qui se trouvent dans le même cabinet // Serapis. SPb., 1824. Th. 2. P. 45—70 (Gesammelte Schriften. SPb., 1850. Bd 2. P. 45—70). Рус. перевод: Кёлер Е. Е. Описание медали Спартока, царя Боспора Киммерийского, находящейся в кабинете государственного канцлера гр. Румянцева // Археолого-нумизматический сборник... изданный Г. Спасским. М., 1850. С. 137—160.

²⁸⁴ Кёне Б. В. Описание музея покойного князя Василия Викторовича Кочубея... Ч. 2. С. 31.

²⁸⁵ Голенко К. В. Новая монета царя Спартока // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982. С. 50—55. Табл. III, 2.

и К. В. Голенко — серединой того же столетия,²⁸⁶ то В. А. Анохин приписал ее Спартоку V, отнеса выпуск к периоду около 200—190 гг. до н. э.²⁸⁷

Об истории публикации монеты Спартока И. А. Стемпковский сообщал П. И. Кёппену в письме от 27 июня 1824 г. из Одессы в Петербург: «На сих днях получил я от достопочтенного нашего канцлера графа Румянцева новую книжку г-на Кёлера с описанием медали *Царя Спартока*. Когда канцлер был прошлого года в Одессе и показывал нам собранные им в Крыму монеты, то мы с г-ном Бларамбергом были столь счастливы, что первые узнали сию новую нумисматическую драгоценность. Но мы удерживались как можно разглашать о сем, боясь, чтобы открытие наше не послужило поводом г-ну Кёлеру или к отвержению сего памятника, как подложного, или к признанию на нем изображения и имени какого-нибудь *Сирийского*, а может быть, и *Парфянского* царя!!! Опыт делает людей недоверчивыми и боязливыми! К счастью, теперь уже нечего нам опасаться в рассуждении судьбы бедного Спартока: он пойдет в потомство под эгидою г. Кёлера! И в этом последнем сочинении, написанном кажется, хладнокровно, нельзя было не показать пренебрежения к нам несчастным *младшим детям* Понтийской Клии. Вы заметили конечно, что в статье о монетах *Левкона*, названных *inédites*, ни слова не упомянуто о опубликованных за два года перед сим г-м Бларамбергом таковых же двух монетах, из коих одна принадлежала графу Николаю Петровичу (Румянцеву. — И. Т.); следовательно, есть та самая, которая ныне вновь является *девственницею*. Далее — *напись Фаномаха* (КБН 113) сообщена была г-ну Кёлеру от меня: и об этом ни слова!».²⁸⁸

В этом эмоциональном письме Стемпковский касается и дискуссии 1820-х гг. о монетах Левкона, которого он считал современником Демосфена (384—322 до н. э.). Современная наука знает двух боспорских царей династии Спартокидов с этим именем — Левкона I (389/8—349/8 до н. э.) и Левкона II (около 240—220 до н. э.). Первая медная монета с именем Левкона была найдена французским консулом в Синопе Фуркадом и издана Т. Мионне.²⁸⁹ К 1824 г. были известны лишь четыре экземпляра такого же медного обولا Левкона II, ныне датируемого В. А. Анохиным 240—230 гг. до н. э., на лицевой стороне которого вправо изображен Геракл с кожей немейского льва на голове, на оборотной — лук, палица и имя царя ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΛΕΥΚΟΝΟΣ.²⁹⁰ Первая монета, принадлежавшая Бларамбергу, была издана одновременно Д. Рауль-Рошеттом и И. П. Бларамбергом;²⁹¹ вторая, найденная при раскопках кургана Патиньоти 1821 г., была отослана Дюбрюксом к гр. Н. П. Румянцеву и опубликована сначала Бларамбергом в 1822 г. в Париже, затем Кёлером, добавившим описание еще одной монеты, также принадлежавшей Румянцеву.²⁹² Рауль-Рошетт издал сильно поврежденные две монеты с другими изображениями, приписанные им Левкону, из собрания Бларамберга и Стемпковского — первая со «следами головы» на лицевой и «громовыми стрелами» на оборотной стороне, вторая — с «овальным щитом и копьем» и изображением «столпа с поставленной на нем фигурой».²⁹³ Догадку французского антиквара относительно первого типа подтвердил П. И. Кёппен, издавший описание лучше сохранившейся монеты, с лицом Афины Паллады в шлеме на аверсе, изображением «пуга громовых стрел» (молний) и неполной надписью на реверсе, купленной им в Крыму.²⁹⁴ В ней нетрудно узнать лихалк Левкона II, чеканившийся в 240—230 гг. до н. э.²⁹⁵ Кёлер безапелляционно отверг утверждения Рауль-Рожетта и Кёппена, ошибочно посчитав последнюю обыкновенной монетой одного из сирийских Селев-

²⁸⁶ Зограф А. Н. Античные монеты. Табл. XLII, 26; Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора. С. 186—187. Табл. IX, 106.

²⁸⁷ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 62—63, 142. № 152. Табл. 40, 3.

²⁸⁸ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 282, л. 6—6 об.

²⁸⁹ Mionnet T. E. Description de médailles antiques, grecques et romaines. Paris, 1807. T. 2. P. 358.

²⁹⁰ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. С. 56, 141. № 134.

²⁹¹ Raoul-Rochette D. R. Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien. Paris, 1822. § 5. P. 61. Pl. 1. № 3; Bларамберг J. Notices sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride dans un Tumulus, près du site de l'ancienne Fanticapée. Paris, 1822. P. 7, 27—30.

²⁹² Koehler H. K. E. Description d'une médaille de Spartocus roi du Bosphore-Cimmérien... // Serapis. SPb., 1824. Th. 2. P. 11—22. Pl. 1. № 1—2.

²⁹³ Raoul-Rochette D. R. Antiquités Grecques... § 5. P. 62. Pl. 1. № 5; Pl. 2 № 4.

²⁹⁴ Köppen P. Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien, 1823. P. 32—33. Taf. 1. № 1.

²⁹⁵ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. С. 56, 141. № 135.

ков.²⁹⁶ Однако вскоре Э. В. Тетбу де Мариньи нашел в Феодосии монету, аналогичную опубликованной Кёппеном, с полной надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ, которая была приобретена Стемповским и, на взгляд Кёппена, оправдывала гипотезу Рауль-Рошетта.²⁹⁷ Таким образом, к 1826 г. было уже известно одиннадцать монет, «принадлежащих Левконидам... царям Восточным, жившим прежде Мифрадата Великого» (четыре с Гераклом, три с Афиной, обе Левкона II), три золотые монеты Перисада (лицо царя с диадемой на голове, сидящая Афина Паллада — одна хранилась в Королевском минц-кабинете в Париже, другая в Вене, и позднее, возможно, попала в собрание Гунтера в Глазго, третья была в коллекции гр. С. О. Потоцкого), и лишь одна серебряная монета царя Спартока, «вероятно, сына Евмилова, представляющая... лицо сего царя, на обороте же корит с луком, и монограмму города Панतिकопеи, в коем, без сомнения, она была чеканена».²⁹⁸

И. А. Стемповскому принадлежит приоритет в выделении образцов боспорской чеканки Радамсада, сына Фофорса (он ошибочно читал имя царя как Радамсалис),²⁹⁹ Гепелирии, Фарсанза. Иван Алексеевич попытался воссоздать династическую хронологию Боспорского царства императорской эпохи по данным эпиграфических и нумизматических источников. Составленный им хронологический список монет, где даты по боспорской эре завышены на год, сохранился в бумагах П. И. Кёппена. Считаю нужным воспроизвести этот документ для наглядной характеристики уровня развития исторической науки того времени,³⁰⁰ коррелируя хронологическую таблицу Стемповского с современными данными по двухтомному труду Н. А. Фроловой.³⁰¹

	Date	По восточному летоисчислению (т. е. по годам Боспорской эры)	Что соответствует годам по Р. Хр. (разность 296 лет)	Имя царя	Современная атрибуция монет
Méds. avec le monogr. 	Ϟ Σ, θ Ϟ Σ et ΔΤ	290, 299 и 304	6 г. до Р. Х., 3 и 8 год по Р. Х. (290 г. б. э. = 8/7 г. до н. э.; 299 г. б. э. = 2/3 г. н. э.; 304 г. б. э. = 7/8 г. н. э.)		Монеты Агриппии и с монограммами ΒΑΕ, ΒΑΜ, Δ (12 до н. э.—14 н. э.)
Méds. avec le monogr. et 	ΕΤ	305	9 год по Р. Х. (305 г. б. э. = 8/9 г. н. э.)	Рискупорис	Монеты с монограммой KNE (8/9—9/10 н. э.)
Méds. de Tib. Iul. Rhescuporis I	Sans dates (без дат)			Рискупорис	Аспург (?)
Méds. de Tib. Iul. Sauromates I	it. (то же)			Савромат	Савромат I (?)
Méds. de Rhescuporis II, avec 	ΖΤ à ΔΛΤ	307 до 334	11—38 (307 г. б. э. = 10/11 г. н. э.—334 г. б. э. = 37/38 г. н. э.)		Аспург (14—37), Гепелирия (37—38)

²⁹⁶ Köhler H. K. E. Beurtheilung einer Schrift: Alterthümer am Nordgestade des Pontus, von Peter von Köppen // *Serapis*. SPb., 1823. Th. 2. S. 23.

²⁹⁷ Кёппен П. И. Древности // Библиографические листы. 1826. 31 марта. № 39. С. 572.

²⁹⁸ Стемповский И. А. О древнейших монетах царей Восточного Киммерийского. С. 134—135.

²⁹⁹ Stempkowski J. de. Notice sur les médailles de Rhadamédis, roi inconnu du Bosphore-Cimmérien, découvertes en Tauride en 1820 // Raoul-Rochette D. R. Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien publiées et expliquées. P. 218—235. Отд. оттиск: Paris, 1822. № 1. См. также: Исанчури П. А., Исанчури Е. Р. Монетное дело боспорского царя Радамсада // НЭ. 1989. Т. 15. С. 53—96.

³⁰⁰ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 145, л. 45.

³⁰¹ См.: Фролова Н. А. Монетное дело Боспора... Ч. 1—2.

	Date	По восточному летоисчислению (т. е. по годам Боспорской эры)	Что соответству- ет годам по Р. Хр. (разность 296 лет)	Имя царя	Современная атрибуция монет
Méds. de Mithridate III ³⁰²	Sans dates	— » —	— » —	Мифрадат	Митридат III (39—45(?))
Méds. de Cotys I	BMT à EET	342—365	46—69 (342 г. б. э. = = 45 г. н. э.— 365 г. б. э. = 69 г. н. э.)	Котис	Котис I (45— 68) Рискупорид II, сын Котиса I (69—93)
Méds. de Rhescuporis III	ΠΤ	380	84 (380 г. б. э. = = 83 г. н. э.)		
Méds. de Sauromate II	Ϟ T et EϞ T	390 и 395	94—99 (390 г. б. э. = = 93 г. н. э.— 395 г. б. э. = 98 г. н. э.)		Савромат I (93—123)
Méds. de Sauromate III	Y à KY	400—420	104—124 (400 г. б. э. = = 103 г. н. э.— 420 г. б. э. = 123 г. н. э.)		Савромат I (93—123)
Méds. de Cotys II	KY à HKY	420—428	124—132 (420 г. б. э. = = 123 г. н. э.— 428 г. б. э. = 131 г. н. э.)		Котис II (123—132)
Méds. de Rhométalcès	HKY à NY	428—450	132—154 (428 г. б. э. = = 131 г. н. э.— 450 г. б. э. = 153 г. н. э.)		Римиталк (131—154)
Méds. de Eupator	ANY à ZEY	451—467	155—171 (451 г. б. э. = = 154 г. н. э.— 467 г. б. э. = 170 г. н. э.)	Евпатор	Евпатор (154—170)
Méds. de Sauro- mate IV	BOY à ϞΦ	472—506	176—210 (472 г. б. э. = = 175 г. н. э.— 506 г. б. э. = 209 г. н. э.)		Савромат II (174—210)
Méds. de Rhescuporis IV	ΗΦ à ΕΚΦ	508—525	212—229 (508 г. б. э. = = 211 г. н. э.— 525 г. б. э. = 228 г. н. э.)		Рискупорид III (210—226) Котис III (227—233) Савромат III (229—231)
Méds. de Cotys III	ΔΚΦ à ΖΚΦ	524—527	228—231 (524 г. б. э. = = 227 г. н. э.— 527 г. б. э. = 230 г. н. э.)		
Méds. de Sauro- mate V	ΖΚΦ à ΘΚΦ	527—529	231—233 (527 г. б. э. = = 230 г. н. э.— 529 г. б. э. = 232 г. н. э.)		
Méds. de Cotys IV	ΗΚΦ à ΑΛΦ	528—531	232—235 (528 г. б. э. = = 231 г. н. э.— 531 г. б. э. = 234 г. н. э.)		Рискупорид IV (233—234), Ининфимей (234—238)

³⁰² Что встречающаяся на монетах царица Воспорская Гипегира (или Гипегирис) была супруга Мифрадата III (а не Савромата I) — это доказано г-ном Стемповским в сочинении: *Médaille de Mithridate III, roi du Bosphore Cimmérien et de la reine Géraepiris*. 1827. 8 (т. е. в формате 8-й доли листа. — И. Т.) (из *Journal d'Odessa*. Fevr. et Mars. № 11, 15, 16, 21—23). *Примеч. П. И. Кёппена.*

	Date	По восточному летоисчислению (т. е. по годам Боспорской эры)	Что соответству- ет годам по Р. Хр. (разность 296 лет)	Имя царя	Современная атрибуция монет
Méds. de Rhes- cuporis V	ΛΦ et ΑΛΦ	530 и 531	234 и 235 (530 г. б. э. = = 233 г. н. э. — 531 г. б. э. = 234 г. н. э.)	Ининфи- мий	Рискупорид IV (233—234), Ининфимей (234—238)
Méds. de Inint- himaius	ΑΛΦ à ΕΛΦ	531 до 535	235 до 239 (531 г. б. э. = 234 г. н. э. — 535 г. б. э. = 234 г. н. э.)		Ининфимей (234—238)
Méds. de Rhes- cuporis VI	ϚΛΦ à θΜΦ	536—549	240—253 (536 г. б. э. = = 239 г. н. э. — 549 г. б. э. = 252 г. н. э.)	Фареанцес	Рискупорид V (242—276)
Méds. de Aré- ansès ³⁰³ (Pharé- ansès)	ΝΦ et ΑΝΦ	550 и 551	254 и 255 (550 г. б. э. = = 253 г. н. э. — 551 г. б. э. = 254 г. н. э.?)		Фарсанз (253—254(?))
Méds. de Rhes- cuporis VII	ΒΝΦ à ΔΞΦ	552 до 564	256—268 (552 г. б. э. = = 255 г. н. э. — 564 г. б. э. = 267 г. н. э.)	Савромат IV (275 г. н. э.) Тейран (266, 275—278) Хелосбий (?) (278—285), Фофорс (285—308)	Рискупорид V (242—276)
Méds. de Sauro- mate VI	ΒΟΦ	572	276 (572 г. б. э. = = 275 г. н. э.)		Савромат IV (275 г. н. э.)
Méds. de Teira- nès	ΒΟΦ à ΕΟΦ	572 до 575	276—279 (572 г. б. э. = = 275 г. н. э. — 575 г. б. э. = 278 г. н. э.)		Тейран (266, 275—278)
Méds. de Tho- thorsès	ΕΟΦ à ΔΧ	575—604	279—308 (575 г. б. э. = = 278 г. н. э. — 604 г. б. э. = 307 г. н. э.)		Хелосбий (?) (278—285), Фофорс (285—308)
Méds. de Rha- daméadis ³⁰⁴	ΖΧ à ϚΙΧ	607—616	311—320 (607 г. б. э. = = 310 г. н. э. — 616 г. б. э. = 319 г. н. э.)	Радамса- дис	Радамсад (309—322)
Méds. de Rhes- cuporis VIII	ϚΧ à ΑΛΧ	616—631	320—335 (616 г. б. э. = = 319 г. н. э. — 631 г. б. э. = 334 г. н. э.)		Рискупорид VI (314—341/ 342)

Дискуссии ученых по проблемам хронологии Боспора продолжились и в следующей трети века. Исследователи 1840—1850-х гг. занимались уже не только царскими монетами, но и автономной чеканкой боспорских полисов, прежде всего с точки зрения монетной типологии, и с их помощью пытались решить вопросы религиозной и политической истории

³⁰³ Встречаются фальшивые, в Феодосии чеканенные медные монеты Арсансеса, имеющие на обороте лицо, обращенное вправо, пред коим трезубец; надпись на сей стороне ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΡΕΑΝΣΟΥ; на обороте — чеканщик невежда изобразил другое лицо и ничего не значащие буквы ΦΦΚ и ϘΚ. Один экземпляр сей подложной монеты между прочим видел в Таврической губернии в селении Демирджи у помещика султана Александра Ивановича Крым-Гирея. О сем Арсансесе впервые упомянул г. Келер в сочинении своем: *Médailles Grecques*. СПб., 1822. 8, а г. Стемпковский в № 138 *Journal de St.-Petersbourg*. 1829 (р. 550) доказывает, что имя царя сего не Арсансес (Aréansès), но Pharéansès (ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΦΑΡΕΑΝΖΟΥ). *Примеч. П. И. Кёппена.*

³⁰⁴ Царь сей в список владельцев Боспорских введен И. А. Стемпковским, который в бытность свою в Париже, к сочинению Рауль-Рошетта о Востопе Киммерийском присовокупил статью: *Notice sur les médailles de Rhadaméadis, roi inconnu du Bospore-Cimmérien, découvertes en Tauride en 1820, par M. le Colonel de Stempkovsky*. *Примеч. П. И. Кёппена.*

³⁰⁵ Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. С. 6—7.

Боспора.³⁰⁵ Однако, как верно констатирует Н. А. Фролова, «общее состояние исторической науки в то время не позволяло создать полную картину развития монетного дела и денежного обращения Боспора, и исследователи ограничили свои задачи собранием известных им публикаций еще не изданных типов монет».³⁰⁶

Огромную роль в развитии нумизматики сыграли научные общества — Одесское общество истории и древностей и Петербургское археолого-нумизматическое (Русское археологическое) общество.³⁰⁷ Н. Н. Мурзакевич издал каталоги собственного собрания и Одесского городского музея древностей, регулярно публиковал статьи по различным аспектам античной нумизматики в записках Одесского общества.³⁰⁸ Член-корреспондент Петербургского археолого-нумизматического общества и действительный член МОИДР Г. И. Спасский в своем труде о древностях Боспора Киммерийского ввел в научный оборот монетное собрание графа С. Г. Строганова, причем его книга стала «первым полным руководством по боспорской нумизматике».³⁰⁹ Однако, по отзыву Б. В. Кёне, сопровождавшие ее таблицы содержали «не совсем верные и не изящные» изображения монет. Спасский опубликовал и «Археолого-нумизматический сборник», включивший как собственные переводы иноязычных статей русских и зарубежных ученых, так и оригинальные исследования самого издателя по спорным вопросам боспорской чеканки.³¹⁰ Другой член общества П. Сабатье на основе надписей и монет предложил собственную хронологию 33 боспорских династов за 448 лет от «Митридата VII до Рискупориса VII». Он изучил 492 монеты, из которых 352 хранились в русских собраниях, главным образом в Эрмитаже и Керчи, частных собраниях кн. В. В. Кочубея и гр. А. С. Уварова, остальные в зарубежных. В истории Боспора автор выделил 5 периодов и столько же лакун, составивших 30 лет.³¹¹ «Превосходный», по характеристике М. И. Ростовцева, каталог монет князя А. А. Сибирского, к сожалению, остался незавершенным. В первой части автор подробно рассмотрел нумизматику Боспора VI в. до н. э. — I в. н. э. Тираж второй части, посвященной монетам I—VI вв. н. э., погиб в Петербурге во время наводнения.³¹²

Более сложную задачу по сравнению с Боспором составляло изучение монетного дела Ольвии и Тиры. Известные на первую половину XIX в. монеты Северо-Западного Причерноморья вводились в научный оборот автором первой классификации ольвийских монет Е. Е. Кёлером,³¹³ И. П. Бларамбергом,³¹⁴ И. А. Стемпковским, П. И. Кёппеном, А. С. Уваровым. Достаточно отме-

³⁰⁵ Фролова Н. А. Монетное дело Боспора... Ч. 1. С. 4.

³⁰⁷ Подробнее см.: *Извеш Т. А.* 1) Античная нумизматика в исследованиях Одесского общества истории и древностей... С. 56—57; 2) Нумизматика в Русском археологическом обществе... С. 35—38.

³⁰⁸ *Mursakewicz N.* 1) *Descriptio nummorum veretum Graecorum atque Romanorum, qui inveniantur in museo N. M., ordine geographico et chronologico disposita tabulisque lithographicis ornata.* Odessae, 1835 (с 4 таблицами монет Херсонеса, Пантикапея, Ольвии, Боспора); 2) *Descriptio musei publici Odessani.* Odessae, 1841. Pars I, continens Numophylacium Odessanum. *Sumptibus Societatis Historiae et Antiquitatum Odessanae*; 3) О некоторых малоизвестных монетах, имеющихся в Одессе // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 315—318 (описание монет Понта и Боспора Киммерийского).

³⁰⁹ *Леонтьев П. М.* Обзор исследований о классических древностях... С. 100.

³¹⁰ Археолого-нумизматический сборник, содержащий в себе сочинения и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерийского частно, изданный Григорием Спасским, императорских Санкт-Петербургской Академии наук и Археолого-нумизматического общества членом-корреспондентом, обществ: Императорского Московского истории древностей российских и Одесского истории и древностей действительным членом. М., 1850.

³¹¹ *Sabatier J.* 1) *Souvenirs de Kertsch et chronologie du royaume de Bosphore.* SPb., 1849. Рус. перевод: Керчь и Восторг: Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Восторгского, изданный ижвлением Имп. Археологического общества. СПб., 1851. См. рецензию: ОЗ. 1850. Т. 73. № 12. С. 80—84; 2) О ходе монетного искусства в Риме и Византии // ЗПАНО. 1850. Т. 2. С. 138—159; 3) Неизданная монета Эвпатора II царя босфорского // Там же. С. 340—355; 4) О неизданной золотой монете Рискупориса II и о монограммах на некоторых золотых боспорских монетах // ЗИАО. 1852. Т. 4. С. 115—118.

³¹² *Веселовский Н. И.* История Имп. Русского археологического общества... С. 35.

³¹³ *Koehler H. K. E.* 1) *Lettre sur plusieurs Médailles de la Sarmatie d'Europe et de la Chersonèse Taurique* // *Nova Acta.* 1805. Т. 14. P. 99—130; 2) *Médailles Grecques* // *H. K. E. Koehler's Gesammelte Schriften.* SPb., 1850. Bd 1. P. 1—29; 3) *Tóρυχος* ou recherches sur l'histoire et sur les antiquités des pêcheries de la Russie méridionale // *Mémoires de l'Académie.* VI sér. 1832. Т. 1. Liv. 4—5. P. 347—490. Отд. оттиск: SPb., 1832 (труд, посвященный рыбной торговле и рыбному промыслу на берегах Черного моря, включает попытку классификации и выяснения функционального назначения древнейших медных монет Ольвии в виде рыб, см. с. 425 и след.); 4) Письмо акад. Кёлера к неизвестному нумизмату, писанное из Санкт-Петербурга в 1817 г. // ЗООИД. 1894. Т. 17. С. 3—4. См. также рукопись Кёлера «Sarmatie d'Europe: Тура» (ПФА РАН, р. III, оп. 1, д. 337, л. 89—101).

³¹⁴ Описание древних медалей Ольвии... Из монет Скилура в первой половине XIX в. были известны три типа: Гермес в петасе—капуцей, женская голова в покрывале—повозка, портрет царя (по мнению П. О. Карыш-

тит, что до публикации каталога собрания Бларамберга науке была известна только одна золотая монета Ольвии, серебряные также считались очень редкими (гл. 10.3). И. А. Стемпковскому и И. П. Бларамбергу принадлежит заслуга издания двух типов монет скифского царя Скилура, чеканенных в Ольвии. Следуя Кёлеру и Бларамбергу, Кёппен сравнил ольвийскую и пантикапейскую монетную чеканку (изображения речного божества Борисфена он также принял за Пана) и исходя из архаичности монетных типов пришел к выводу о более ранней чеканке пантикапейских монет.³¹⁵ А. С. Уваров попытался связать антикварно-нумизматический анализ монет с выявлением особенностей денежного обращения Ольвийского полиса в контексте его истории, разделенного им на три периода чеканки — греческий, скифо-греческий, римский.³¹⁶

Нумизматика Херсонеса привлекла внимание Е. Е. Кёлера.³¹⁷ Достаточно сказать, что Эккелю было известно лишь 5 монет, а Мионне в своем «Описании» и «Дополнении» издал лишь 31 монету Херсонеса. Во второй тетради «Сераписа» в качестве «предварительной» публикации Кёлер опубликовал объяснительный каталог 93 монет, распределенных по чеканке. Согласно Кёне, Кёлер ошибочно включил в него монеты других центров, иногда путал аверсную и реверсную стороны монет, и вообще, по его мнению, на чеканку Херсонеса у него не было «ясного взгляда».³¹⁸ Б. В. Кёне по нумизматическим данным попытался восстановить более чем тысячелетнюю историю города с момента основания до царствования Василия II в начале XI в. Автор распределил все известные на его время монетные типы (204 экз., большей частью неизданные) по трем периодам (греческий, римский, византийский), исследовал весовую систему, выделил ошибочно приписываемые Херсонесу Таврическому монеты Смирны и Херсонеса Фракийского, поставил вопрос о штемпелях, монограммах и проанализировал сюжеты изображений с точки зрения религиозных представлений херсонеситов.³¹⁹ За этот труд по представлению А. де Люина, Ф. Ленормана, Деллагранжа и Д. Рауль-Рошетта Кёне был удостоен нумизматической премии по конкурсу 1849 г., объявленному Парижской Академией надписей.³²⁰

В первой трети XIX в. единственным специалистом в России, способным обобщить все известные науке нумизматические материалы Северного Причерноморья античной эпохи, был акад. Е. Е. Кёлер, который впервые ввел в научный оборот целый ряд новых монетных типов. По точности и тщательности описаний, по критической строгости в отборе материала и трезвости в его комментировании исследования Е. Е. Кёлера долгие годы считались образцовыми.³²¹ В Эрмитаже сохранились черновики на французском языке двух томов задуманного им корпуса монет Тиря, Ольвии и царей Боспора, над которыми он работал многие годы, постоянно перерабатывал и вносил исправления, а также «кёлеровский альбом» с многочисленными рисованными таблицами причерноморских монет.³²² Однако обобщающего труда академик так и не создал, а ограничился лишь рядом статей, «не успев оставить по себе такого обширного сочинения, которое бы могло занять место наряду с первоклассными произведениями величайших ученых нового времени. Нет сомнения, что он мог бы сделать это, потому что ученостью он превосходил большую часть и даже едва ли не всех археологов нашего времени. Слава его и так велика, но большая доля славы принадлежит ему за то, что он мог бы сделать, нежели за то, что он сделал».³²³ Первую подобную попытку предпринял представитель следующего поколения ученых Б. В. Кёне в двухтомном описании музея князя В. В. Ко-

ковского, боролатого скифского божества)—лук в горите, колос и палица. На основе анализа лицевой стороны последнего типа Бларамберг пришел к выводу о тождестве портретного изображения Скилура на барельефе Скилура и Палака из Неаполя Скифского с ольвийскими монетами Скилура (см. гл. 13).

³¹⁵ *Избаш Т. А.* Основные этапы изучения монетного дела... С. 209.

³¹⁶ *Уваров А. С.* Исследования о древностях... Вып. 1. С. 104—119; *Карышковский П. О.* Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 5, 19—20.

³¹⁷ *Koehler H. K. E.* 1) *Médailles de Cherson // Gesammelte Schriften.* SPb., 1850. Bd 1. P. 16—24 (описано 26 монет); 2) *Description des médailles de Chersonesus, ville de la Chersonèse-Taurique, auxquelles sont ajoutées deux médailles de Cherson // Ibid.* Bd 2. P. 86—114 (описано 93 монеты). См. также его рукопись «Chersonese Taurique: Chersonèse» (ИФА РАН, р. III, оп. 1, л. 337, л. 112—172, 174—210).

³¹⁸ *Кёне Б. В.* Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического. СПб., 1848. С. 23.

³¹⁹ Там же. С. 23—244. Табл. I—VII.

³²⁰ *ЗОГАН О.* 1850. Т. 2. Вып. 1. С. 172—173 (заседание 10 октября 1849 г.).

³²¹ *Зюграф А. Н.* Античные монеты. С. 21.

³²² *Спаский И. Г.* Нумизматика в Эрмитаже. С. 140, 141.

³²³ *Леонтьев П. М.* Обзор исследований о классических древностях... С. 84.

чубея, явившегося своеобразным корпусом известных на то время монет греческих городов-колоний Северного и Восточного Причерноморья. Книга вышла на русском и французском языках тиражом по 200 экземпляров и стала первым в русской литературе каталожным описанием северопонтийских монет, известных на то время (всего 610 монет). В течение 7 лет Кёне изучал монеты Ольвии, Керкинитиды, Херсонеса Таврического, Боспора (Пантикапей, Фанагория, Горгиппия, Нимфей, Феодосия), Колхиды и Диоскурии. Публикация монет предварялась кратким историческим очерком каждого полиса, базирующимся на изучении письменных источников и данных археологии. Кёне охарактеризовал взгляды своих предшественников, тщательно описал весь доступный нумизматический материал, систематизировал все изданные ранее золотые и медные монеты Боспора в хронологической последовательности смены правителей и попытался представить развитие боспорского монетного дела, а в ряде случаев прояснить происхождение монетных типов.³²⁴ Он, однако, не избежал ошибок — неправильно атрибутировал ряд монет, опубликовал несколько фальшивых монет, принятых им за подлинные.³²⁵ По мнению А. Н. Зографа, рассуждения Б. В. Кёне «иногда лишены системы, объяснения монетных типов и наименования часто случайны и противоречивы».³²⁶

Почти через тридцать лет мизерным тиражом в 150 экземпляров был издан сводный, хотя и несовершенный труд Платона Осиповича Бурачкова (1818—1894) — каталог античных монет Северного Причерноморья, а спустя еще двадцать лет — поправки к нему А. Л. Бертье-Делагарда. Этими каталогами до сих пор продолжают пользоваться специалисты и в нашей стране, и за рубежом.³²⁷ Трудом многих поколений ученых и коллекционеров к 1910-м гг. была подготовлена почва для создания сводного иллюстрированного корпуса монет Причерноморья «Corpus numorum Russiae meridionalis», предпринятого М. И. Ростовцевым и О. Ф. Ретовским, но из-за революционных потрясений оставшегося неизданным.³²⁸ Современные ученые пошли по пути углубленного изучения чекана отдельных греческих регионов и центров, исследуя частные вопросы нумизматики Северного Причерноморья. Таким образом, задача публикации на современном научном уровне сводного корпуса античных монет Северного Причерноморья, поставленная еще И. А. Стемпковским, которую А. Н. Зограф спустя век назвал «непременным долгом... нумизмата-античника»,³²⁹ остается актуальной и по сей день.

8.5. ОРГАНИЗАЦИЯ КАРТОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЮЖНОЙ РОССИИ. ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ

Одним из малоразработанных направлений историко-археологических исследований является *источниковедение тематических археологических карт и планов XVIII—XIX вв.*, в том числе выявление в архивных собраниях и ввод в научный оборот неизвестных ранее материалов. Необходимость использования богатых по содержанию самобытных картографических

³²⁴ Фролова Н. А. Монетное дело Боспора... Ч. 1. С. 4.

³²⁵ Кёне Б. В. Описание музея покойного князя Василия Викторовича Кочубея... Характеристику свода см.: *Избаш Т. А.* Основные этапы изучения монетного дела... С. 211.

³²⁶ Зограф А. Н. Античные монеты. С. 21.

³²⁷ Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней южной России. Одесса, 1884. Ч. 1 (Сборник материалов для изучения искусства и монетного производства у народов, живших в древности на юге нынешней России в период пребывания там эллинов. Ч. 1); Бертье-Делагард А. Л. Поправки общего каталога монет П. О. Бурачкова. М., 1907. См. также: Грандмезон Н. Н. 100 лет «Общему каталогу монет» П. О. Бурачкова // СА. 1984. № 2. С. 273—274.

³²⁸ Ростовцев М. И. Классические и скифские древности... С. 29, 37. Во время научного описания части архива и библиотеки М. И. Ростовцева из коллекции его ученика, американского палеографа Дж. Ф. Гиллиама (J. F. Gilliam, 1915—1989), приобретенной в США в 1990 г. университетом г. Трир (ФРГ) в феврале—марте 2000 г. я неожиданно обнаружила 5 литографированных таблиц к этому неизданному корпусу монет с изображениями нумизматических памятников Боспора. См.: Universität Trier. Arbeitsstelle 'Mare Ponticum'. Nachlass Michael I. Rostovtzeff. Omnibus volume 9. Articles on South Russia (in Russian, 1913—1930). № 17.

³²⁹ Зограф А. Н. Античные монеты. С. 21.

произведенный того времени в качестве источников для изучения истории археологических открытий и исследований очевидна. Существует значительное число общих работ, посвященных истории отечественной картографии и специального (тематического) картографирования,³³⁰ но нет ни одного исследования по истории археологической картографии, которая заслуживает монографического изучения.

Начало пространственному изучению южных окраин страны в картографических целях и первые гидрографические исследования были предприняты в связи с Азовскими походами Петра I еще с 1696 г., в частности, проведены промеры Дона, Азовского и Черного морей экипажем корабля «Крепость», доставившего в Константинополь русского посланника. В 1704 г. в Амстердаме был издан атлас реки Дон, составленный под руководством адмирала Корнелия Крюйса, карты Азовского моря к югу от р. Миус с прилегающими районами, составленные Питером Бергманом, Хр. Отто и Хр. Ругеллем,³³¹ а также «Прямой чертеж Черного моря от города Керчи до Цареграда», исполненный Пикаром (1696—1704).³³² Чрезвычайно ценные для своего времени, но еще несовершенные карты зафиксировали остатки разновременных древностей, в частности цепочки курганов в обследованных районах.

Петр I первоначально сам руководил подобными исследованиями. В 1718 г. была учреждена Адмиралтейств-коллегия под руководством генерал-адмирала, ведавшая гидрографическими работами — съемкой и описью морских берегов, промерами глубин, составлением карт и лодий. Руководство картографическими изысканиями на суше осуществлял Сенат. В регламент петровских коллегий была включена специальная глава «О ландкартах или чертежах государевых» с требованием описывать «все границы, реки, города, местечки, церкви, деревни, леса и прочее».³³³ В 1724 г. под руководством обер-секретаря Сената И. К. Кириллова, к которому поступали материалы геодезистов, были начаты работы по составлению первого атласа Российской империи 1726—1734 гг. В 1726 г. к пространственному изучению территории страны подключилась и Академия наук. Составление Генеральной карты России было поручено академику, астроному И. Н. Делилю, брату известного французского географа Г. Делиля, а с 1739 г. — специально созданному Географическому департаменту Имп. Академии наук. Департамент, который с 1751 г. возглавлял Г. Ф. Миллер, а с 1757 г. по 1765 г. — М. В. Ломоносов, стал организующим центром картографической деятельности и географической науки в России XVIII в. Благодаря участию в его работе академиков И. Делиля и Л. Эйлера значительное внимание уделялось математической основе карт и установлению астрономических координат конкретных пунктов для разработки опорной геодезической сети страны. С целью сбора историко-топографической информации с мест В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов составили ряд инструкций и анкет, рассылавшихся по губерниям и включавших сведения о памятниках старины.³³⁴ В 1757—1760 гг. в обработке ответов на эти запросы для исправления первого печатного «Атласа Российского» (1745 г., из 20 карт), а также в сборе материалов для «Древней российской истории» помогли студенты академического университета И. В. Ав-

³³⁰ Салищев К. А. 1) Основы картоведения: Историческая часть. М., 1943; 2) Основы картоведения: Частная историческая и картографические материалы. М., 1948; 3) Картоведение. М., 1982; Фель С. Е. Картография в России XVIII в. М., 1960; Шибанов Ф. А. Очерки по истории русской картографии. Л., 1970; Новокианова-Соловская З. К. Картографические и геодезические работы в России в XIX—начале XX в. М., 1967; Панковский П. П. Из истории геодезии, топографии и картографии в России. М., 1983; Постников А. В. 1) Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985; 2) Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989; 3) Карты земель Российских: Очерк истории географического изучения и картографирования нашего отечества. М., 1996; Сосса Р. I. История картографування територій України. Київ, 2001.

³³¹ Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в. М.; Л., 1946. С. 17—18. Примеч. 5 (Тр. Архива АН СССР. Вып. 6). К книге приложен «Список картографических изданий Академии наук XVIII в., 1728—1806 гг.», включающий карты, хранящиеся в ПФА РАН, и составленное Б. В. Александровым «Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в Отделе рукописной книги Библиотеки АН СССР». Перечень карт и планов Крыма и Керченского полуострова по фондам РГАДА (ф. 192, 1356), РГВИА (ф. 349, оп. 12, 18; ф. 418; ф. 846), РГИА (ф. 1293), РА ИИМК (р. I; ф. 7), НА КГИКЗ и др. собран в неизданном труде (на правах рукописи): Памятники истории и культуры г. Керчи: Материалы архивно-библиографических изысканий / Мин-во культуры СССР. Архитектурно-планировочная мастерская № 3. Проект зон охраны. Директор НИПМ Г. П. Литвинов, главный архитектор проекта И. И. Крюченко. М., 1991. Т. 4 (один экземпляр хранится в НА КГИКЗ).

³³² Танфильев Г. И. Моря Каспийское, Черное, Балтийское, Ледовитое, Сибирское и восточный океан: История исследования, морфометрия, гидрология, биология. М.; Л., 1931. С. 49.

³³³ ПСЗ. Сер. 1. Т. 6. № 3534. Гл. 48.

³³⁴ См., например: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 195—196, 201—203, 722—725.

рамов (впоследствии геологизист Географического департамента АН), С. И. Веденский, И. С. Барков.³³⁵ Помимо подготовки национальных кадров картографов Географический департамент составил свыше 250 карт и планов: генеральные карты России (1776, 1786), около 30 карт отдельных губерний и провинций, в том числе южных. Департамент разрабатывал маршруты многочисленных академических экспедиций, направлявшихся в разные провинции империи с целью изучения природных богатств страны.³³⁶ В них прошли школу полевой и кабинетной работы многие русские студенты как академического, так и основанного в 1755 г. Московского университета.³³⁷

Сразу же после выхода России к побережью сначала Азовского, а затем и Черного морей продолжилось картографирование южных земель и гидрографическое изучение побережья. На Азовском море с 1768 г. гидрографические съемки были подчинены контр-адмиралу А. Н. Сенявину, под руководством которого была составлена карта Азовского моря и Керченского пролива (1771).³³⁸ На изданной Белленом в Париже французской карте Черного моря 1772 г. некоторые пункты берегов были показаны с ошибками от 20 до 65 миль «от настоящего положения своего»,³³⁹ поэтому составлению правильных карт руководство русским флотом уделяло исключительное внимание. В 1777 г. в Петербурге была создана «чертежная для рисования планов» при Адмиралтейств-коллегии. Главный начальник Херсонского порта и адмиралтейских команд вице-адмирал Я. Ф. Сухотин поручил капитану 2-го ранга И. Берсеневу описать берега Черного моря: в 1785 г. он описывал территорию от Бельбека до Кинбурнской косы, а в 1786 г. — от Севастополя до Азовского моря. Но на его картах «берега Крыма означены от 20 до 30 миль восточнее, Херсон и устье Днепра тоже восточнее, миль на 40».³⁴⁰ В 1796 г. по предложению председателя Черноморского адмиралтейского правления вице-адмирала Н. С. Мордвинова капитану 1-го ранга И. И. Биллингсу, участнику кругосветного плавания Дж. Кука (1776—1780) и несостоявшемуся зятю акад. П. С. Палласа, было приказано составить опись Черного моря и его карту. Наблюдения Биллингса были собраны в рукописи «Описание берегов Черного моря, простирающихся от Ахтиара до Кубани и от Ахтиара до Овидиополя. Приложенное к картам и видам, сочиненное флота капитан-командором Биллингсом 1797 года».³⁴¹ В 1797—1798 гг. на фрегате «Св. Андрей» И. И. Биллингс провел астрономические наблюдения и составил опись северной части побережья, между устьями Днестра и Кубани, в том числе крымских берегов.³⁴² С 1799 г. руководство работами по гидрографии в России было возложено на Комитет для распространения морских наук и усовершенствования художественной части морского искусства, издавший единственный том «Морских записок» (1801).

В конце XVIII в. появились и первые исторические карты с попытками спроецировать на них сведения письменной традиции. К сочинению Карла Габлица 1785 г. (гл. 1) были

³³⁵ Гурвич Д. М. Помоносов и археология // КСИИМК. 1951. Вып. 41. С. 120.

³³⁶ Гмучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологическое обозрение и описания архивных материалов. М.; Л., 1940. С. 44 (Тр. Архива АН СССР. Вып. 4); Тихонов И. Л. У истоков археологической науки в Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1989. Т. 6. С. 209—210.

³³⁷ Академия наук использовала любые возможности для поездок по стране своих сотрудников. В 1759 г. она приказывала выпускника академического университета, переводчика Академии наук А. И. Дубровского (род. в 1732 г.) к графу С. П. Воронцову во время путешествия к Черному и Каспийскому морям, причем Г. Ф. Миллер снабдил его инструкцией из 16 пунктов для проведения историко-географических наблюдений. Правда, какого-либо существенного научного выхода эта экспедиция не имела, потому что главной целью вояжа стало улаживание дел по принадлежавшим семье Воронцовых имениям и фабрикам. См.: Кулябко Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977. С. 65; ПФА РАН, ф. 3, оп. 1, д. 250 : Дело об отправлении А. Дубровского в путешествие с гр. С. П. Воронцовым. Инструкцию Г. Ф. Миллера см.: РГАДА, ф. 199, оп. 2, портфель № 412, ч. 2, д. 19, л. 1—4.

³³⁸ Танфильев Г. И. Моря Каспийское, Черное.... С. 49.

³³⁹ Лоция Черного моря. Николаев, 1851. С. XIV.

³⁴⁰ Там же. С. XIV.

³⁴¹ Там же. С. XVII.

³⁴² Кумани Н. М. Обзор гидрографических съемок Черного и Азовского морей // Зап. Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1844. Ч. 2. С. 378—379. См.: РГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 723 (А); Карты и виды берегов Черного моря, принадлежавших Российской империи. Сочиненные флота капитан-командором И. И. Биллингсом. (Атлас включает: II. Вид Севастополя, или Ахтиара; III. Вид Балаклавской крепости; V. Вид Судакской крепости; VII. Вид города Феодосии; IX. Вид города Козлова; X. Вид пристани мыса Тарханского; XX. Карта Еникульского пролива (л. 34 об.—35, с обозначением курганов).

составлены «Карта полуострова Таврического и окололежащих мест, сочиненная по известиям греческих писателей древних и средних времен»,³⁴³ «Карта полуострова Таврического и окололежащих мест, сочиненная по известиям генуэзских писателей», «Карта полуострова Таврического и окололежащих мест с означением татарских наименований мест, городов, рек, морей и прочего» в 25-верстном масштабе (1 : 1 050 000).³⁴⁴ К 1791 г. относится рукописная «Генеральная карта Таврической области, представляющая древние именованья мест, городов, рек и протчаго. Чертил лейб-гвардии Преображенского полку сержант Николай Жигулин» (рис. 1), с попыткой локализации пунктов, упомянутых античными авторами.³⁴⁵ До нас дошла и недатированная историческая карта России на латинском языке, составленная по Геродоту.³⁴⁶

Во второй половине XVIII в. успехи математики, астрономии и геодезии, в том числе изобретение триангуляции, усовершенствование измерительных инструментов, применение изображений рельефа штрихами по способу И. Лемана (1799), позволившее показывать на картах крутизну склонов, способствовали развитию научного подхода к картографическим задачам. В стране возникла необходимость в постановке масштабных съемочно-картографических работ. К концу XVIII в. Академия наук лишилась руководящего положения в области картографического изучения страны: в 1799 г. Географический департамент Имп. Академии наук был ликвидирован, съемка стала вестись различными учреждениями, разными методами и с разными целями, постепенно отходя от требований чисто научного характера.³⁴⁷

В 1762 г. был учрежден Генеральный штаб, которому год спустя было поручено составление специальных карт империи, главным образом для нужд армии; в 1796 г. создана Чертежная, в 1797 г. преобразованная в Депо карт, которое с 1812 г. стало именоваться Военно-топографическим депо (впоследствии Военно-топографическая часть, затем отдел Главного штаба). В XIX в. военное ведомство выполняло роль главного картографо-геодезического учреждения России. В 1822 г. был основан специальный Корпус военных топографов численностью около 500 человек, офицеры которого выполняли основные геодезические и съемочные работы. Его возглавил известный астроном, геодезист, коллекционер русских монет, почетный член Академии наук (1827) Федор Федорович Шуберт (1789—1865), ставший инициатором издания записок Военно-топографического депо.³⁴⁸ В РГВИА сохранились документы о тригонометрической съемке и составлении карты полуострова Крым.³⁴⁹ Усилиями многих поколений военных топографов были составлены сотни рукописных тематических, в том числе специальных археологических карт и планов (см., например, гл. 10.3; 12.1),³⁵⁰ из которых изучены и введены в научный оборот лишь единицы.

В 1766 г. начались работы по генеральному межеванию земель страны, руководство которыми осуществляла Межевая канцелярия, в 1766—1794 гг. подчинявшаяся Межевой экспедиции Сената, с 1794 г. Межевому департаменту Сената, а с 1802 г. и Министерству юстиции (в 1836—1870 гг. — Межевой корпус, в 1870—1918 гг. — Межевая часть Министерства юстиции). Для реорганизации учета земель в ходе Генерального (1766—1843) и Специального (1839—1917) межеваний вплоть до 1918 г. было проведено картографирование каждого отдельного землевладения в масштабе 1:8400, т. е. в одном английском дюйме 100 саженей. В архивах сохранилось до одного миллиона рукописных межевых карт, их производных в более

343 РГВИА, ф. ВУА, № 20991, л. 3.

344 Там же, л. 1 («татарских наименований»), л. 2 (генуэзских писателей); № 20991а.

345 Там же, № 19056, л. 1. Здесь же на л. 2 копия, снятая «колоновожатым Павлом Емелиановым 1791 году в Керче».

346 ОР РНБ, ф. 885, № 282, л. 1—2.

347 Подробнее см.: Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук...

348 О значении их деятельности см.: Шуберт Ф. Ф. История Военно-топографического депо и геодезических работ Генерального штаба // Записки Военно-топографического депо. СПб., 1837. Ч. 1. С. 1—188; [Тучков П. А.] История Военно-топографического депо и геодезических работ Генерального штаба с 1835 г. по 1847 г. // Там же. СПб., 1847. Ч. 10. Отд. 1. С. 1—26; Иванов П. И. Описание топографических и картографических работ, произведенных в Европейской и Азиатской России Корпусом военных топографов и частью соединенными средствами с межевым ведомством. СПб., 1872; Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822—1872. СПб., 1872; Литвин А. А. Собственное его императорского величества Депо карт и развитие отечественной картографии в 1797—1812 гг. // Документальные реликвии российской истории. М., 1998. С. 37—53 (Тр. РГВИА. Вып. 2: 200-летие Военно-ученого архива); Постников А. В. Значение материалов фонда Военно-ученого архива РГВИА для исследований по истории картографии // Там же. С. 54—71.

349 РГВИА, ф. 40, оп. 1, л. 124, 155, 197 (за 1833—1839 гг.).

350 См. фонды РГВИА, РГАВМФ, РГАДА, НИОР БАН, ПФА РАН, ОР РНБ и др.

мелких масштабах (1:33 600, 1:42 000 и др.), а также несколько десятков неизданных атласов по губерниям,³⁵¹ практически неиспользованных специалистами-археологами.³⁵²

Гидрографические работы на Азовском и Черном морях активизировались в начале XIX в. усилиями офицеров основанного в 1803 г. Черноморского депо карт в Николаеве. В 1805 г. руководство гидрографической частью в столице было возложено на Государственный адмиралтейский департамент. В 1827 г. здесь было создано специальное Управление генерал-гидрографа Г. А. Сарычева (1827—1831), но после его смерти командование службой перешло к начальнику Главного морского штаба кн. А. С. Меншикову. В составе Управления генерал-гидрографа находилось Гидрографическое депо под руководством директора Ф. Ф. Шуберта (1827—1837). Оно издавало «Записки Гидрографического депо» (1835—1837, 5 частей). В 1837 г. был создан Гидрографический департамент Морского министерства, также издававший свои «Записки» (1842—1852). В 1885 г. департамент преобразовали в Главное гидрографическое управление.

Еще в 1801 г. для описи западных и южных берегов Черного моря от Одессы до Константинопольского пролива была организована экспедиция под руководством лейтенанта И. М. Будищева, в которой принял участие будущий контр-адмирал, а тогда мичман Н. Д. Критский. По результатам съемок 1797—1801 гг. была составлена не лишенная грубых погрешностей (до 35 миль) меркаторская карта части Черного моря, изданная Имп. депо карт в 1804 г., «где обводы берега довольно верны», причем берега Азовского моря обозначены западнее до 10 миль.³⁵³ В 1807 г. вышел составленный И. М. Будишевым атлас части Черного моря с планами заливов, рейдов и бухт, где частично использованы материалы съемок французских инженеров Лафита Клаве и Бошама. В следующем году Будишев опубликовал первую часть лоции с описанием Азовского моря, берегов Таманского полуострова и Керченского пролива.³⁵⁴ Вторая часть, посвященная Черному морю, опубликована не была. На страницах «морского путеводителя» И. М. Будишев попытался высказать свою точку зрения на локализацию античных городов Боспора. Так, Нимфей он поместил на мысу Таклы, а Парфений в Еникале.³⁵⁵

В 1803 г. мичманом Н. Д. Критским и капитан-лейтенантом Влиго была предпринята новая опись Азовского моря, основанная на береговой съемке и астрономических наблюдениях, с более тщательным обследованием западных берегов. Ее подытожила карта на русском, французском и греческом языках, напечатанная морской типографией, также не лишенная погрешностей. В 1817 г. по приказу Адмиралтейского департамента была опубликована генеральная карта Черного и Азовского морей на основе описей Будищева и других офицеров, исправленная по астрономическим наблюдениям акад. В. К. Вишневецкого (1781—1855), где главные точки западных и северных берегов Черного моря весьма «близки к истинным», однако у восточных встречаются погрешности до 20 миль, причем Азовское море «сужено более нежели на 5 миль».

В 1820 г. совместной экспедицией французского капитана Готье на габаре «La Chevrette», русских капитан-лейтенанта Берха и штурманского помощника Григорьева была проведена опись Черного моря, по результатам которой во Франции в 1822 г. издана карта Черного и Азовского морей, где Азовское море, Каркинитский залив и берега от устья Днестра до мыса Капиахрия и между мысами Гендже и Керемпе скомпилированы с русских карт и съемок.³⁵⁶ Отводы крымских берегов на ней «отступают» на 2 мили, в районе Дунайских гирл —

³⁵¹ Кусов В. С. Картография в России // ОИЭ. 1996. Т. 2. С. 515.

³⁵² См., например: РГАДА, ф. 1299 (Бессарабская губ., 1432—1917 гг.), ф. 1302 (Область Войска Донского, 1814—1917); ф. 1308 (Екатеринославская губ., 1779—1913 гг.), ф. 1339 (Таврическая губ., 1798—1917 гг.); ф. 1349 (Херсонская губ., 1777—1905 гг.); ф. 1356 (Губернские, уездные и городские карты, планы и атласы Генерального межевания, 1766—1891 гг.); ЦГААРК, ф. 377 (Таврическая губернская чертежная), оп. 1—22, и др. О межевых планах Крыма из ЦГААРК см.: Мыц В. Л. Межевые планы как историко-географический источник // Пилигримы Крыма-98: (Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме): Матер. Междунар. науч. конф. Симферополь, 1998. С. 82—87.

³⁵³ Лоция Черного моря. С. XIV.

³⁵⁴ Будищев И. М. 1) Атлас Черного моря / Издан при государственном Адмиралтейском департаменте. СПб., 1807. (См. также: РГАВМФ, ф. 1331, оп. 3, д. 33); 2) Лоция, или Морской путеводитель, содержит описание фарватеров и входов в порты, заливы на Азовском, Черном море, в проливах Восточном и Византийском находящихся, с присовокуплением рассуждения о ветрах и о течениях. СПб., 1808. Ч. 1.

³⁵⁵ Будищев И. М. Лоция, или Морской путеводитель... С. 42, 43.

³⁵⁶ Cartes réduites de la mer Noire par M. Gautier. Paris, 1822. М. 1 : 123600. Размер 58 × 93 см (РГБИА, ф. 418, оп. 1, д. 231).

на 5 миль. Основной недостаток карты Готье состоит в том, что ряд пунктов по восточному берегу не был обозначен вообще, особенно «неверно» было показано Азовское море.

Картами Готье и атласом Будищева моряки Черноморского флота руководствовались вплоть до 1829 г., когда была издана генеральная карта Черного и Азовского морей, составленная на основе описи Готье и астрономических наблюдений акад. В. К. Вишневского. Капитан-лейтенант Н. Д. Критский в 1821 г. провел опись Сухумского рейда, в 1823 г. выполнил съемку островов Фидониси (ныне Змеиный) и Березань (пл. 10.1—2), в 1824 г. провел опись части Черного моря от Одессы до Севастополя, в том числе Тендры (пл. 10.4), и части Азовского моря у Бердянской косы. На их основе была издана гравированная карта береговой полосы от Очакова до Одессы. В 1827 г. уже в чине капитана 2-го ранга Критский описал берега Крыма от Севастополя до Керченского пролива.³⁵⁷ Брульены (полевые планшеты) и описания берегов, выполненные в ходе этих съемок, отчетные карты по годам, итоговые отчеты и карты являются важнейшим комплексом документов для изучения археологической топографии Северного Причерноморья.

В первой половине XIX в. остро ощущалось отсутствие опубликованной лоции Черного моря — по рукам моряков ходили рукописные тетради с разрозненными гидрографическими сведениями. Единственным печатным руководством шкиперам стал труд Э. В. Тетбу де Мариньи «Portulan de la mer Noire et de la mer d'Azow, ou description des côtes de ces deux mers à l'usage des navigateurs» (Odessa, 1830. 2 vol.), который включал сведения о Черном море, планы различных рейдов, причем автор отчасти использовал гидрографические описания, позднее вошедшие в атлас капитан-лейтенанта Е. Манганари, — лучший атлас черноморских берегов (1841),³⁵⁸ активно использовавшийся несколько десятилетий XIX в. В 1847 г. командирам тендеров Черноморского флота «Поспешный» и «Скорый» было поручено изучить берега Черного моря для составления лоции, которая была опубликована в 1851 г. Черноморским гидрографическим депо. В тексте книги содержатся сведения о городищах, курганах, древних молах и т. п. Одновременно было издано «Описание маяков и знаков Черного и Азовского морей».³⁵⁹ В середине столетия Э. В. Тетбу де Мариньи опубликовал картографический атлас Черного и Азовского морей, скомпилированный с русских гидрографических изданий. Составитель нанес на отдельные карты археологическую нагрузку, обозначив руины памятников. Параллельно Тетбу де Мариньи предпринял попытку увязать археологические реалии со сведениями античных и средневековых нарративных источников — так, на карте Керченского пролива «Парфений» помещен у Еникальского маяка, Нимфей — севернее мыса Ах-Бурун, Акра — близ мыса Кара-Бурун, Китей — южнее Тобечикского озера.³⁶⁰

Стремительный прогресс русской картографии, совершенствование гидрографических изысканий предопределили высокий информативный уровень картографических материалов конца XVIII—середины XIX в. для специалистов-археологов. Они являются первоисточником для культурно-ландшафтного районирования территорий, создания археологических карт конкретных регионов, исторических атласов, номенклатурных географических словарей и т. п. Задачу изучения пространственной организации территорий в античности, систем расселения, древнего культурного ландшафта Северного Причерноморья в контексте определенных природно-климатических условий и рельефа местности, а не отдельных археологических объектов в отрыве от окружающей природной среды и территории поставил еще акад. М. И. Ростовцев.³⁶¹

Выяснение основных вопросов исторической географии, и прежде всего локализация засвидетельствованных нарративными источниками отдельных понтийских городов и населенных пунктов побережья и внутренней Скифии, являлось одной из приоритетных тем русского

³⁵⁷ Кумани Н. М. Обзор гидрографических съемок Черного и Азовского морей. С. 380—389.

³⁵⁸ Атлас Черного и Азовского морей капитан-лейтенанта Е. Манганари, гравированный по высочайшему повелению в Санкт-Петербурге / Изд. Гидрографического Черноморского депо карт в Николаеве. Николаев, 1841. 26 л. с картинками и с 16 береговыми видами. См. рецензию Н. Н. Мурзакевича: ЗООИД. 1850. Т. 2. Отд. 2. С. 722—725.

³⁵⁹ Лоция Черного моря (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 23726); Описание маяков и знаков Черного и Азовского морей. Николаев, 1851 (РГВИА, ф. ВУА, № 23725).

³⁶⁰ *Taitbout de Marigny E.* Atlas de la mer Noire et de la mer d'Azow. Odessa, 1850. Pl. 26 (РГВИА, ф. ВУА, № 23722, л. 26).

³⁶¹ Ростовцев М. И. Классические и скифские древности... С. 30.

антиквения влечет до середины XIX в.³⁶² Для этого следовало сопоставить разрозненные данные нарративной традиции с археологическими реалиями и новейшими картами. Необходимым условием подобных исследований является не только хорошее знание местности, но и ее археолого-топографическое изучение с точной фиксацией архитектурно-археологических остатков для создания специальных археологических карт. Мы должны отдать должное русским администраторам, военным топографам, путешественникам, ученым, чиновникам и просто любителям древностей конца XVIII—первой половины XIX в., много сделавшим для изучения исторической географии и археологической топографии Северного Причерноморья.

Отрывочность и противоречивость данных письменных источников оставляла широкий простор для самых различных, в том числе взаимоисключающих предположений и догадок о локализации конкретных античных пунктов. Как правило, выводы исследователей конца XVIII—первой половины XIX в. основывались на анализе определенного контекста одного или нескольких авторов, а не совокупности данных всех письменных источников. Текстологическое изучение самих письменных источников, круг которых насчитывал лишь несколько десятков античных и средневековых сочинений, в то время находилось на зачаточном уровне — имевшиеся в распоряжении науки того времени публикации основывались на списках, часть которых была искажена позднейшими переписчиками. Неточности вводили в заблуждение странствующих энтузиастов-путешественников, непосредственно изучавших местность. Так, еще Ф. К. Брун и В. Ф. Гайдукевич пришли к выводу, что авторы XVIII—первой трети XIX в. пользовались искаженным текстом перипла Анонима,³⁶³ чем и объясняются ошибки антиквариев того времени в локализации населенных пунктов Европейского и Азиатского Боспора.³⁶⁴ К тому же сообщения нарративной традиции проецировались на современную топооснову и сопоставлялись с новейшими для того времени картами, в то время как в античную эпоху очертания берегов значительно отличались от нынешних, а уровень моря был гораздо ниже.

Противоречия в письменной традиции и отсутствие «исправных» карт Северного Причерноморья в начале и середине XVIII в. привели к тому, что кабинетные ученые и путешественники выдвигали фантастические предположения о локализациях даже крупных населенных пунктов.³⁶⁵ Так, акад. Г. Ф. Миллер помещал Херсонес в Керчи, В. Н. Татищев — «в Кильбуруне», французские историки П. Ш. Левек и граф Н. Г. Леклерк — в Феодосии, а географ Ж. Б. д'Анвиль — в Ак-мечети у Каркинитского залива, Ш. Пейсонель и вслед за ним А. Нарушевич — в Гезлёве (Козлове), немец А. Ф. Бюшинг — в Карасу-базаре; правильная локализация была высказана И. Э. Тунманом,³⁶⁶ К. Габлишем, П. С. Палласом, Л. Вакселем, С. Сестренцевич-Богумом. Французский дипломат О. де ла Мотре, посетивший Крым и Тамань в 1711 г., верно соотнес Пантикапей с городком Кирке (Керчью). К тому же выводу пришел и акад. Г. З. Байер, который отождествил Феодосию с Кафой, Фанагорию поместил у Кизилташского лимана недалеко от крепости Тамань, а Танаис — на месте Азова.³⁶⁷

Более осторожными были анонимные русские авторы, составлявшие компилятивные сводки по исторической географии Причерноморья времен присоединения Крыма к России. В «Сокращенном историческом известии о Тавриде, выбранном из достоверных писателей», ссылаясь на Плиния, один из них обобщенно писал, что древние греки построили в Причерноморье «сперва город Ольвию на Днепре, Танаис на Дону, а Феодосию, Херсон и Пантикапей на Крымском полуострове».³⁶⁸ В «Кратком описании о древних жителях полуострова Тавриды,

³⁶² Там же. С. 29—30.

³⁶³ См.: Отзыв, представленный С.-Петербургской Имп. Академией наук академиками гг. Кёлером и Грефе о сочинении Бларамберга, под заглавием: «Observations sur quelques points relatifs à la géographie ancienne de la Tauride»... // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 960. Примеч. 2; Гайдукевич В. Ф. О местоположении древней Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 85—92.

³⁶⁴ Так, до середины XIX в. были известны только два фрагмента «Перипла Понта Евксинского» анонимного автора — начало и конец. Подробнее см.: Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. С. 69—73; Скржинская М. В. «Перипл Понта Евксинского» анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 115—125.

³⁶⁵ Ростовцев М. И. Классические и скифские древности... С. 29—30.

³⁶⁶ Тунман [И. Э.] Крымское ханство. Симферополь, 1936. С. 32.

³⁶⁷ Bayer G. S. Alte Azowische und Crimische Begebenheit // Sammlung Russischer Geschichte. SPb., 1736. Bd 2. S. 36—80. Рус. перевод: Байер Т. З. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу / Пер. с нем. И. Тауберта. 3-е изд. СПб., 1782.

³⁶⁸ ЦГААРК, ф. 535, оп. 1, д. 2020, л. 1 об.

об образе их жизни и права, также о основании городов и о воследствовавших там до наших времен переменах» локализация античных городов уточнена — Ольвия помещена при устье Ингульца, который отождествлен с Гипанисом, Пантикапей — с Еникале, Нимфей с Керчью, Феодосия с Кафой, Фанагория с Таманью, Гермонасса помещена на восточной стороне Керченского пролива; Херсонес — «на берегу небольшого полуострова..., имея к северу пространную Ктенусовую пристань (Ахтиарскую гавань), а к югу Символов порт (Балуклаву)»; в Северо-Западном Крыму локализованы Евпатория (Помпеополис) в Козлове, «Калос лимин... при устье реки Калантей, называемой ныне Каланчаком, при Каркинитском заливе»; на юге полуострова — «Афиней» отождествлялся с Судакком, «Кримны» с Эски-Крымом.³⁶⁹ В первой части анонимного «Исторического описания Таврической области от древнейших до нынешних времен», составленного не ранее 1786 г. и, возможно, принадлежащего перу К. И. Габлица, местоположение трех тавро-скифских крепостей, упомянутых Страбоном (Strabo., VII, 4, 7), — «Палакион, Хавун и Неаполис» предположительно отнесено к окрестностям Бахчисарая «на тех местах, где теперь находятся остатки древних трех крепостей на самых вершинах гор под названиями Тепе-Кирман, Черкес-Кирман и Эски-Кирман», упомянуты остатки «скифских» рва и вала поблизости от Старого Крыма, который простирался от «Таврийских гор до Мелитийского озера». Автор этого труда вслед за Байером отождествил Танаис с Азовом, Пантикапей с Керчью, Феодосию с одноименным городом в Крыму, Ольвию поместил в устье Буга.³⁷⁰

Многие русские и иностранные путешественники конца XVIII—начала XIX в. объезжали Северное Причерноморье с томиками античных авторов в руках. Серьезные натурные исследования местности проводили натуралисты П. С. Паллас, К. И. Габлиц (гл. 12) и Ф. К. Маршал фон Биберштейн (гл. 15), которые, однако, неправильно локализовали ряд крупных античных городов. Паллас помещал Пантикапей в долине между Керчью и Еникале, ближе к первому пункту, Киммерик — на восточной стороне мыса Елькен, предположив, что одноименное соленое озеро у подножья горы Опук некогда было гаванью этого города, Китей — между Такиль-Буруном и горой Опук, Акру — у мыса Такиль, Нимфей — между Павловской батареей и мысом Камыш-Бурун, т. е. южнее Ак-Буруна. Его выводам, за исключением очевидно ошибочного соотношения Пантикапея, следовали многие ученые, в частности Б. Е. Кёлер и Э. В. Тетбу де Мариньи. Мария Гагри, поверхностно осмотрев Восточный Крым и Таманский полуостров, не сумела локализовать ни одного малого города Боспора — она не обнаружила «ни одной древней достопримечательности» и «никаких развалин». Нимфей путешественница ошибочно поместила на месте Еникале, Парфений — на противоположном мысу, на азиатском побережье пролива, т. е. на Таманском полуострове, Корокондаму — на берегу Кубанского лимана.³⁷¹ П. И. Сумароков соотнес развалины на горе Опук с Нимфеом, Керчь — с Пантикапеем, Мирмекий поместил у урочища Змеинный городок, Парфений — на месте крепости Еникале. И. М. Муравьев-Апостол правильно локализовал Мирмекий в четырех верстах от Керчи на мысу, образующем бухту, к «югу обращенную». Массовые находки монет и надписей с названиями Ольвии, Херсонеса, Пантикапея в руинах этих городов уже к рубежу XVIII—XIX вв. не оставили сомнений в их отождествлении с реальными археологическими остатками.

Более трудной задачей оказалась локализация малых городов, эмпориев, святилищ, мельком упоминавшихся в письменных источниках. Их поисками на местности и топографической фиксацией руин занимались южнорусские антиквари, которые своими трудами положили начало бурным спорам в последующей историографии. Как и предшественники, И. П. Бларамберг и П. Дюбрюкс на основе искаженного издания текста перипла Анонима, ошибочно указывавшего 25, а не 85 стадий как расстояние от Нимфея до Пантикапея, локализовали первый недалеко от мыса Ак-Бурун, немного северо-западнее Павловской батареи и севернее места, где его искали Паллас и Кёлер. Порт древнего города, по их убеждению, был образован окоченностью Ак-Буруна, который некогда выдался дальше в пролив, на большее расстояние, чем в первой трети XIX в. За два тысячелетия сильное течение разрушило значительную часть мыса, обрушив его в море. И. А. Стемповский также отмечал большие каменные плиты на

³⁶⁹ Там же, д. 2021, л. 3 об.—4. Ср. также: д. 1929, л. 2—4: «Древние именованья Крымского полуострова и знатных в оном городов»; л. 5—6: «Древние приморские города Таврического Херсонеса по Птолемею описанию»; л. 11—13: «О реках Таврического Херсонеса или Тавриды».

³⁷⁰ ОР РНБ, Эрм. 368, л. 20 об., 28, 51—51 об.

³⁷¹ Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795—1796, through the Taurida. London, 1802. P. 139, 158, 175, 177, 188.

берегу пролива, следы насыпей и древних укреплений «на соседней возвышенности», которые, на его взгляд, указывали место, где был расположен Нимфей.³⁷² Но вскоре Иван Алексеевич отказался от гипотезы Бларамберга и правильно локализовал город на городище, занимающем плато мыса Кара-Бурун, план которого был снят Дюбрюксом (рис. 52). Ф. Дюбуа де Монпер, А. Б. Ашик, К. Нейман и Ф. К. Брун приписывали Нимфею развалины на южном берегу озера Чурубаш, т. е. у древнего пересохшего морского залива. Лишь к концу столетия локализация Нимфея на земле помещика Гурьева в районе Эльтигена (ныне пос. Героевское) утвердилась окончательно. Если памятники у пос. Героевское сейчас известны достаточно хорошо, то после работ Дюбрюкса, Стемпковского и Бларамберга руины в районе мыса Ак-Бурун (за исключением курганов) не привлекали внимания специалистов — за два века они подверглись значительным разрушениям, доступ к ним всегда был затруднен из-за близости к военной части (в XVIII—XIX вв. — артиллерийской Павловской батарее). Однако именно соседство с последней обеспечило наличие в военных архивах, в частности РГВИА, целой серии крупномасштабных карт, на которых нанесены окрестные курганные группы. Недавно С. А. Шестаков высказал предположение об идентификации одного из поселений близ мыса Ак-Бурун с городом Гермисием (Ромр. Мела, II, 3; Plin., NH, IV, 87).³⁷³

Показательна полемика Стемпковского с Кёлером о том, где располагался театр военных действий за наследство Перисада. В своем специальном исследовании петербургский академик соотнес руины «циклопических» стен и древних построек на горе Опук с упоминаемым Диодором Сицилийским «дворцом боспорских царей», где восставший Эвмел вместе с царем фракийцев Арифарном оборонялся против своего брата Сатира (Diod., XX, 22—24). Древнюю Гартзу, куда были отведены войска после смерти Сатира, ученый локализовал близ позднейшей турецкой крепости Арабат.³⁷⁴ Вслед за С. Сестренцевич-Богушем, К. Маннертом, И. М. Муравьевым-Апостолом Кёлер считал, что события происходили на Евпаторийском Боспоре. Ознакомившись с публикацией академика, Стемпковский сообщил Кёппену 27 июня 1824 г.: «В сей книге много нового и любопытного, много и ложных положений. В самом основании сего сочинения автор, по мнению моему, совершенно ошибается, полагая Керченский полуостров театром войны между трех братьев. Я спрашиваю вас, можно ли принять, чтобы в сем полуострове существовала когда-либо большая и глубокая река? Все напротив показывает нам в рассказе Диодора, что война происходила в Азии, около Кубани, или соседственной какой-либо реки. Самый Замок царский принадлежал не царям Воспорским, а царю Ариофарну,³⁷⁵ который был осажден в столице своей: ничего не может быть яснее! Я издавна много занимался этою статьею, и даже 2 или 3 года тому назад сообщал о сем мысли мои г-ну Рошетту...». А. Бёк, а вслед за ним А. Б. Ашик и В. В. Григорьев также отнесли театр военных действий на азиатскую сторону пролива.

К той же теме Стемпковский вернулся в письме от 7 августа 1825 г.: «... Я думаю, вы уже читали ее (статью Кёлера. — И. Т.) — и верно удивились несообразности системы нашего ученого Старшины. Нужно только при чтении иметь перед глазами карту Керченского полуострова, чтобы на каждом шагу видеть непонятное заблуждение систематического духа. Я прежде кое-что писал о сем предмете, а по прочтении статьи г-на Кёлера решился написать опровержение Системы его, основанное на географических доводах, и проч. Статью мою, состоящую в 100 или более страницах в 4°, давал я читать почтенному Ивану Павловичу (Бларамбергу. — И. Т.), который совершенно остался на моей стороне. При всем том, я ужасно боюсь показаться с произведением моим в свете: оно навлечет мне проклятие Старшины нашего. Чтобы заранее смягчить яд жестокости, я пишу ему, объясняя некоторые статьи, в коих полагаю, что он ошибается; прошу совета его, объяснения и проч. Не знаю, что будет отвечать. Между тем работа моя лежит в портфеле». В письме от 7 октября 1825 г. Стемпковский уточняет: «Мои Замечания на статью... написаны по-французски. Я бы охотно перевел и вам до-

³⁷² Stempkowski J. Notice historique sur la ville de Nymphée // Journal d'Odessa. 1828. 6/18 juin. № 45. P. 199—200; 9/21 juin. № 46. P. 203—204 (отд. оттиск в бумагах Кёппена: ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, л. 475, л. 213).

³⁷³ Шестаков С. А. К вопросу о локализации боспорского города Гермисия // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Вып. 3. С. 103—112.

³⁷⁴ Köhler H. K. E. Du château royal du Bosphore et de la ville Gargaza dans la Chersonèse Taurique // Mémoires de l'Académie. 1824. T. 9. P. 649—692. Нем. перевод: Die königliche Schloss des Bosphorus und die Stadt Gargaza auf der taurischen Halbinsel // Gesammelte Schriften. SPb., 1850. Bd. 2. S. 133—217.

³⁷⁵ В тексте Диодора по современным изданиям — 'Αριφάρνης.

ставил, но статья слишком велика для ваших Листов, издаваемых Кёппеном. — И. Т.)... Нельзя было не распространиться, ибо в *опровержениях* нужны доводы, без которых только один наш Строгий Критик позволяет себе рассматривать сочинения других. Он воображает, что когда уже сказал *falsch*, то больше ничего не нужно. Я еще сам не знаю, что сделаю с сими *Замечаниями*; Бларамберг их читал и очень одобрил. Я писал о них Кёлеру, но он по сие время молчит. При статье сей приложу я Карту Керченского полуострова, взятую из Столистового Атласа:³⁷⁶ это, мне кажется, лучшая из всех у нас существующих». Свою статью Стемпковский направил в Парижскую Академию надписей, где предложил небольшую конъектуру к тексту «Исторической библиотеки» Диодора: «Как можно, в самом деле, чтобы Ариофарн, помогавший Евмилу, был Царем Фракийским? Как бы занесла его нелегкая из Фракии, с столь многочисленным войском, в такую даль — и для чего, для каких выгод — прибавим, и в то самое время, когда Лисимах бушевал во Фракии и рассчитывался со всеми тамошними народами, греками и варварами? Это вещь невозможная — да и сам Диодор называет Ариофарна Царем соседственных Востору Варваров. Но сделайте самую незначущую поправку, вместо $\theta\tau\omega\nu$ $\Theta\rho\alpha\kappa\acute{\omega}\nu$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$ прочитайте $\delta\tau\omega\nu$ $\Sigma\iota\rho\alpha\kappa\acute{\omega}\nu$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$ (ошибка переписчика самая естественная: Θ вместо Σ) и все объяснится, ибо *Сираки* были народ соседственный Востору, довольно могущественный, как видно из Страбона. В письме нельзя объяснить подробно всех моих доводов, подкрепляющих вышеизложенное мнение, но надеюсь при свидании сообщить вам мою рукопись и сделать судьею моим. Копию оной послал я в Париж Академии надписей, в коей она была читана. Все ошибки, все предубеждения г-на Кёлера произошли от того, что он считает Царский замок принадлежавшим Востору... Но сам Диодор говорит, что замок лежал в Стране неприязненной (слова, выпущенные в переводе г. Кёлера) и нет сомнения, что сей Замок принадлежал Ариофарну и был его Столицею, Regia. Сему приведу я неоспоримые доводы. Недавно, некто г. Штир, живущий в Севастополе инженерный офицер, напечатал в «Северной пчеле» письма о Крыме.³⁷⁷ Между прочим, он утверждает, что открытые близ Симферополя следы древнего укрепления (Неаполь Скифский. — И. Т.) принадлежат Диодоровской Гаргазе. Доводы г. Штира доказывают только, что он жалкий антикварий и плохой логик. Против сей статьи напечатано было в 88 № *Одесского вестника* возражение, в коем относящееся до Гаргазы было сообщено мною. «Пчела» перепечатала сие возражение в своем № 141, где вы можете прочитать оное, если не имеете «Одесского вестника»».³⁷⁸

По свидетельству Дюбрюкса, Стемпковский локализовал царскую крепость в районе Екатеринодара (ныне Краснодар), на одной из речек, впадающих в Кубань, древний Гипанис.³⁷⁹ Большинство современных исследователей также полагают, что описанные Диодором Сицилийским события происходили в каком-то районе Прикубанья.³⁸⁰ Показательно, что ту же конъектуру к тексту Диодора, что и Стемпковский ($\Sigma\iota\rho\alpha\kappa\acute{\omega}\nu$ вместо $\Theta\rho\alpha\kappa\acute{\omega}\nu$), много позднее предложил также К. Мюллер.³⁸¹ А. Бёк внес собственную правку — $\Theta\alpha\tau\acute{\epsilon}\omega\nu$ вместо $\Theta\rho\alpha\kappa\acute{\omega}\nu$,³⁸² принятую издателем Страбона Л. Диндорфом³⁸³ и большинством исследователей истории Боспора. Версия об участии сираков в междоусобице сыновей Перисада впоследствии разделялась рядом ученых.³⁸⁴

³⁷⁶ См.: РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 19896, 19897.

³⁷⁷ См.: *Ш[тир]* X. Письма к издателям. Севастополь, 1827 сентября 26 // Северная пчела. 1827. 20 окт. С. 3—4; 22 окт. С. 3—4.

³⁷⁸ См.: *Крымский помещик*. Письмо к издателям // ОВ. 1827. 9 ноября. № 88. С. 351—353. Цит. по: ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 282, л. 6, 8 об., 12 об., 15, 21—22.

³⁷⁹ Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерического, от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Олук включительно, при Черном море // ЗООИД. 1858. Т. 4. Отд. I. С. 60—63.

³⁸⁰ ГППАЭ. С. 63—65.

³⁸¹ Brandis C. G. Der Kimmerische Bosphoros // Pauly-Wissowa-Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1899. Bd 3. Col. 759.

³⁸² CIG. 1843. Vol. 2. P. 103—104.

³⁸³ Diodori Siculi Bibliothecae Historicae quae supersunt. Ex nova recensione Ludovici Dindorfii. Parisiis, 1842—1845. Vol. 2. P. 362.

³⁸⁴ Жебелёв С. А. Северное Причерноморье. М.: Л., 1953. С. 178; Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С. 151. Подробнее см.: Десятчиков Ю. М. Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977. С. 45—48.

Пионерами боспорской археологии неправильно были локализованы Акра, Китей, Тиритака.³⁸⁵ Найденные Дюбриком развалины городища в трех верстах к западу от соленого озера Чурубаш, которое в древности было соединено с морем, Бларамберг сперва посчитал Тиритаккой Птолемея, затем, под влиянием статьи Кёлера, принял за дворец боспорских царей. Первый вывод поддержали Ф. Дюбуа де Монпере, А. Б. Ашик, Э. В. Тетбу де Мариньи и К. Нейман; лишь в XX в. городище было отождествлено В. Ф. Гайдукевичем с Илуратом. С Акрой Бларамберг и Дюбрикс соотносили строительные остатки у мыса Ягиче-Таклы (Кызаульского), в нескольких верстах к западу от мыса Таклы, но уже Ф. К. Брун правильно посчитал их Китеем (Ptol., III, 6,5; Ps.-Skyl., 68; Plin., NH, IV, 68; Anon. PPE, 76 (50H)). Точку в дискуссии о локализации Китея поставила находка на городище, принятом Дюбриком за Акру, в 1918 г. посвятившей надписи от имени патриды Кититов (КБН 942).

Кёлер в своем исследовании об островах и бере Ахилла локализовал Ахиллий (Strabo., VIII, 4,5; XI, 2,6; Ptol., V, 8,5; Anon. PPE, 66; Anon., Anamet., 4) немного севернее Северной косы (Чушки) Таманского полуострова, полагая, что и храм, и город находились в одном месте. На азиатской стороне пролива на морском дне между внутренней стороны Северной косы, ближе к южной оконечности, и берегом Таманского полуострова Дюбрикс зафиксировал мраморные колонны, видимые в тихую погоду, место находки которых отмечено им на карте (рис. 45). Основываясь на его наблюдениях, Бларамберг поместил поселение несколько севернее основания косы, а храм Ахилла, по аналогии со святилищем на Тендре (см. гл. 10,4), на самой косе, напротив Парфения — по предположению антиквара, святилище скорее всего одновременно выполняло функцию и храма, и маяка на месте переправы с одного берега пролива на другой, так как Парфений Страбона Дюбрикс и Бларамберг локализовали на плато побережья у Еникальского маяка.³⁸⁶ А. Б. Ашик уверял Ф. А. Жила, что Александр Гаврилович Бибилов, капитан-лейтенант Черноморского флота, впоследствии капитан Керченского карантинного порта, известный своим участием в раскопках кургана Н. Ю. Патиныоти в Керчи 1821 г. (гл. 14), в 1823 г. и 1824 г. пробовал вытащить одну из колонн из воды, но из-за недостатка средств вынужден был отказаться от этой мысли.³⁸⁷

Античную географию Северо-Западного Причерноморья изучали П. С. Паллас, Е. Е. Кёлер, П. И. Кёппен, И. А. Стемковский, И. П. Бларамберг, Я. В. Э. Тетбу де Мариньи, Ф. К. Брун, П. В. Беккер, Э. Г. фон Муральт, А. С. Уваров.³⁸⁸ Многие их исследования и ныне не потеряли своего значения, приведя к отождествлению целого ряда пунктов, до того времени никак не локализованных, и до сих пор вызывают оживленные споры.³⁸⁹ Результаты их работ послужили реальным комментарием к сочинениям древних географов, что не замедлило сказаться на публикациях источников, в частности на изданиях К. Мюллером периплов и географии Птолемея. «Крымский сборник» П. И. Кёппена затронул вопросы топографии Южного побережья — центральной части Тавриды и на протяжении века оставался единственным обобщающим трудом по этой группе памятников.³⁹⁰ Ближайшая округа Херсонеса, прежде всего древности Гераклеянского полуострова, стали предметом изучения Ф. Дюбуа де Монпере, З. А. Аркаса, П. В. Беккера, Ф. К. Бруна³⁹¹ (см. гл. 12,2).

³⁸⁵ Гайдукевич В. Ф. Археологическое изучение Мирмекия // МИА. 1941. № 4. С. 96—109; Марти Ю. Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи — Киммерик, Китей, Акра // ИТОИАЭ. 1928. Т. 2. С. 103—126.

³⁸⁶ ИР ЦНБ, V, 1030; Бларамберг И. П. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды. С. 15—19.

³⁸⁷ Герц К. К. Археологическая топография Таманского полуострова // Собр. соч. СПб., 1898. Вып. 1. С. 144—145.

³⁸⁸ Koehler H. K. E. Mémoire sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin // Mémoires de l'Académie. 1826. Т. 10. P. 531—820; Стемковский И. А. Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Эвксинского, между Тирасом и Борисфеном, учиненные по случаю найденных в 1823 г. остатков древности в Одессе // ОЗ. 1826. Ч. 23. Кн. 73. С. 192—228; Кн. 74. С. 335—377; Муральт Э. Г. Древние поселения на северо-западном берегу Черного моря от Дуная до Буга // ЗПАНО. 1850. Т. 2. С. 121—143; Беккер П. В. Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена, в отношении к древним его колониям // ЗООИД. 1853. Т. 3. Отд. 3. С. 151—209; Брун Ф. К. 1) О местоположении Тираса // ЗООИД. 1853. Т. 3. С. 47—66; 2) Черноморье. Одесса, 1879—1880. Ч. 1—2; Уваров А. С. Исследования о древностях Южной России... Вып. 1—2.

³⁸⁹ Агбунов М. В. 1) Загадки Понта Эвксинского. М., 1985; 2) Античная логия Черного моря. М., 1987; ГПДПЭ.

³⁹⁰ Kёppen П. И. Крымский сборник: О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.

³⁹¹ Pallas P. S. Bemerkungen... P. 54—93; Бларамберг И. П. О предполагаемом местоположении Дианина храма в Тавриде // Одесский альманах на 1831 год. Одесса, 1831. С. 298—307; Аркас З. А. Описание Ираклийского полуострова и древностей его: История Херсонеса // ЗООИД. 1848. Т. 2. Отд. 1. С. 245—271; Брун Ф. К. К вопросу о древней топографии Ираклийского полуострова // Черноморье. Одесса, 1879. Ч. 1. С. 60—71.

Основная заслуга исследователей конца XVIII—первой половины XIX в. заключается в съемке планов и составлении подробнейших описаний археологических памятников, тогда еще видимых на поверхности земли, в частности древних поселений Европейского Боспора. Характерна высокая оценка, данная М. И. Ростовцевым работам археологов-любителей первой трети XIX в.: «...в большинстве вопросов, касающихся юга России, приходится... с сожалением констатировать, как правильно были поняты задачи научного расследования в начале XIX в. чиновниками и любителями и как мало сделало последующее время для разрешения поставленных проблем».³⁹²

К середине XIX в. было точно установлено местоположение крупных греческих центров, таких как Тира (Аккерман, ныне г. Белгород Днестровский, Одесской обл.), Ольвия (ныне с. Парутино Николаевской обл.), Херсонес Таврический (на берегу Карантинной бухты под Севастополем), Неаполь Скифский (Симферополь), Пантикапей (Керчь), Мирмекий (Новый карантин в Керчи), Фанагория (ст. Сенная), Горгиппия (Анапа), Танаис (ст. Недвиговка). В конце концов стало очевидным, что на кабинетном уровне исследований, располагая данными только письменных источников, окончательно решить спорные вопросы исторической географии Северного Причерноморья невозможно — нужны планомерные археологические раскопки как одна из составных частей комплексного изучения античного культурного ландшафта.³⁹³

К сожалению, вопросы исторической географии и археологической топографии почти не поднимались в русской научной литературе второй половины XIX в. Их изучение в 1850—1870-х гг. было задержано тем, что основные усилия направлялись на раскопки сначала некрополей греческих городов, а затем крупных курганов на территории Скифии. К региональным исследованиям наука вернулась лишь в XX столетии. Отступление от проблематики, поставленной еще в статьях И. А. Стемпковского, П. А. Дюбрюкса и И. П. Бламберга, академик М. И. Ростовцев назвал «одним из величайших грехов русской науки».³⁹⁴

8.6. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНТИКВАРИЕВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Любой науке имманентно присущ коллективный характер, иначе она не могла бы существовать и развиваться — интеллектуальный труд обусловливается как использованием труда предшественников, так и кооперацией современников.³⁹⁵ Историю науки в России невозможно изучать, ограничив ее сферу лишь теорией и практикой конкретной научной дисциплины, так как в ней «переплелись приключения и трудолюбие, романтические открытия и духовное самоотречение», — писал К. Керам,³⁹⁶ пожалуй, один из немногих авторов, пытавшихся показать, что история науки — это история людей, ее творивших, история жизни человеческих индивидуальностей. Антикварию XVIII—XIX вв. смотрели на науку о древностях как носители определенных общественных представлений своего времени. На страницах этой книги я попыталась проследить многообразие судеб нескольких поколений работавших в России ученых, показать эволюцию контактов между представителями различных научных центров. Каждый из ее героев имеет собственный субъективный «жизненный мир», он — неповторимая личность со своей биографией, строем чувств, воззрений, установок.

Изучение повседневных отношений антиковедов — научного соперничества, власти и подчинения в науке, дружбы, ученичества и т. п., различий их «жизненных миров» помогают представить работу исследователей в ее внутреннем напряжении, в драматических переплетениях судеб и человеческих отношений. Социально-психологические факторы играют важнейшую роль в историко-научном процессе, а их внимательный анализ на основе изучения архивного, эпистолярного и мемуарного наследия помогает лучше понять и даже переосмыслить

³⁹² Ростовцев М. И. Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 188—189.

³⁹³ Ростовцев М. И. Классические и скифские древности... С. 30.

³⁹⁴ Там же. С. 30; Скифия и Боспор. С. 258.

³⁹⁵ Карцев В. П. Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. М., 1984. С. 29—34.

³⁹⁶ Керам К. Боги, гробницы, ученые: Роман археологии. М., 1986. С. 11.

сложившиеся историографические штампы о роли и месте ряда исследователей в науке. Ниже я хочу ограничиться лишь несколькими общими замечаниями и своими, может быть далеко не бесспорными, выводами о социально-психологическом складе ряда героев повествования, по мере возможности пытаясь избежать ложно-апологетических или пренебрежительно-высокомерных оценок, столь характерных для предшествующей историографической литературы. Тем не менее я придерживаюсь принципа рефлексивности, отдавая себе отчет в том, что мои представления могут быть объяснены моим собственным «жизненным миром».

С петровских реформ интеллектуальный слой в процессе европеизации русской культуры сдвигался сначала в направлении немецкой, затем и французской культур. Реальные потребности государства в квалифицированных научных кадрах вплоть до середины XIX в. значительно опережали возможности российского образовательного потенциала, поэтому иноземцев приглашали на государственную службу и создавали выгодные условия для работы с целью сообщить русской науке начальный импульс для ее дальнейшего самостоятельного развития. Многие иностранцы, признавая Россию своим вторым отечеством, пустили здесь глубокие корни и обрусели, бескорыстно заботились о развитии просвещения и о внедрении на русской почве научных достижений Западной Европы (К. И. Габлиц, П. И. Кёппен и др.); другие, напротив, больше занимались собственной карьерой и материальным процветанием, нередко с презрением относясь ко всему русскому. Некоторые авантюристы, удостоенные признания в России только за факт принадлежности к европейской науке, своей угодливостью перед сильными мира сего, пронырливостью, неразборчивостью в средствах при достижении своерогатых целей вызвали недоумение, раздражение и отторжение как чужаки (А. Ф. Спада, Б. В. Кёне и др.).

Ряд иностранных специалистов первой половины XIX в. — членов Императорской Академии наук, часть научного персонала Эрмитажа, Публичной библиотеки, Румянцевского музея, немецкая профессура Дерптского университета — смотрели на свою научную деятельность в России как на своего рода вынужденный, промежуточный этап и при первой возможности переносили ее в западноевропейские академии, университеты, музеи. Часть ученых даже не удосужилась выучить язык страны, где они были приняты на государственную службу (акад. Ф. Б. Грефе, Л. Э. Стефани и др.), поэтому для русских они всегда оставались инородными элементами. Определенная категория специалистов с высокомерием и чисто потребительски относилась к исследованиям любителей на местах и не стремилась к прочным связям с русскими учеными, и их влияние на отечественную археологическую науку едва ли можно признать значительным. Между тем ученые-иностранцы, обладавшие высоким уровнем историко-филологической подготовки, своими научными публикациями исподволь способствовали европеизации русской науки о классических древностях, показывая образцы изданий различных видов источников и их научной интерпретации.

Содружество профессиональных ученых Петербургской Академии наук с любителями и коллекционерами антиков (Л. Ваксель, Ф. П. Деволянн, П. К. Сухтелен, И. О. Потоцкий и др.) благотворно повлияло на развитие антиковедения XVIII в., однако оно оказалось недолгим и со второй четверти XIX в. сменилось ревнивым научным соперничеством. Именно тогда в русской классической археологии начали сосуществовать и конкурировать два научных центра, различавшиеся стилем работы и подходом к изучению археологических источников. Первый из них — Петербургский — находился в более выгодных условиях, чем Новороссийский, своими профессионально подготовленными научными кадрами, полнотой античных коллекций, книжных собраний, условиями финансирования, издательскими возможностями и т. п. Как и двести лет спустя, представители столицы всегда стремились к монополизму в науке, перераспределению средств в пользу центра, к установлению жесткого централизованного контроля на государственном уровне за проведением раскопок по всей стране, что удалось претворить в жизнь с созданием Императорской Археологической комиссии. Представители Новороссийского центра, краеведы, археологи-самоучки, хотя и не имели специальной подготовки в области антиковедения, были гораздо «ближе к земле» — активно занимались практической деятельностью в области полевой археологии, эмпирически вырабатывали приемы раскопок и методику исследования памятников, хорошо знали древности Новороссии и, на мой взгляд, яснее осознавали стратегические и тактические задачи формирующейся науки. Они, а не петербургские ученые-теоретики и любители художеств, являлись лучшими специалистами — археологами-практиками, у которых, образно говоря, был «хороший глаз». Со временем к

двум названным добавились третий археологический центр, находившийся в Москве и объединивший ученых университета, МОИДР, МАО и других археологических обществ. В середине XIX—начале XX в. в России появились неформальные кружки краеведов, занимавшихся археологией, позднее оформившиеся в научно-исторические общества, комиссии, комитеты в административных и университетских центрах юга России — Киеве, Харькове, Симферополе, Херсоне, Кишиневе и т. п. Таким образом, наряду с официальными государственными структурами в дореволюционной русской археологии успешно функционировала разветвленная сеть общественных организаций.

Но вернемся к первой половине XIX в. Противостояние Петербурга и провинции наглядно проявилось еще в первой трети столетия. Показательным является отрицательное отношение А. Н. Оленина и Е. Е. Кёлера к самоотверженной археологической деятельности Поля Дюбрюкса, который энтузиазмом, научной добросовестностью, скрупулезностью и природной наблюдательностью компенсировал недостаток общего образования и специальных знаний в области античности. Современного специалиста могут лишь обескуражить уничижительные отзывы столичных антиквариев на известную рукопись зачинателя керченской полевой археологии с описанием городищ и курганов Европейского Боспора. «Я должен откровенно сказать, — резюмировал А. Н. Оленин, — что труд сей ни в каком отношении не заслуживает особенного внимания. Господин Дюбрюкс, как полагают можно, не приготовился предварительным изучением к предпринимаемым им трудам. Сверх того, что он, кажется, не имеет обширных сведений в науках, г. Дюбрюкс пишет на родном своем языке дурным слогом, даже с разными ошибками против правописания... Описание... не имеет системы и самые предметы описаний собраны... без надлежащей осмотрительности». Приложенные к рукописи планы и чертежи, до сих пор сохранившие свою ценность как важнейший источник по археологической топографии Боспора, А. Н. Оленин посчитал несовершенными и «во всех отношениях недостаточными».³⁹⁷ Но беда в том, что «достаточных» планов в то время так и не было составлено, многие памятники с тех пор погибли безвозвратно, так как были разобраны на камень или раскопаны без должной фиксации.

Высокообразованному любителю А. Н. Оленину (как он сам себя характеризовал в письмах к акад. Е. Е. Кёлеру)³⁹⁸ малограмотный Поль Дюбрюкс, писавший сухим, не вычурным слогом, резко отличавшимся по стилю от большинства антикварно-археологических трудов того времени, не мог показаться серьезным исследователем, и об этом можно только сожалеть. Основополагающий труд П. Дюбрюкса был по достоинству оценен и впервые опубликован только после его смерти.³⁹⁹ Напротив, не случайно внимание А. Н. Оленина к раскопкам могильников, проводившимся А. Б. Ашиком и Д. В. Карейшей, к ярким находкам в курганах Европейского Боспора и полное равнодушие к деятельности П. Дюбрюкса, главным образом занимавшегося изучением археологических остатков поселений.⁴⁰⁰

Наиболее яркой фигурой среди профессиональных ученых первой трети XIX в. был петербургский академик Е. Е. Кёлер, признанный не только в отечественной, но и в европейской науке своего времени чуть ли не «живым классиком». Егор Егорович считал себя монопольным хозяином в области древней истории Северного Причерноморья, причем к своему первенству в науке относился очень «ревниво» и «ретиво». Более склонный к историко-филологическим и искусствоведческим штудиям, основное внимание он, как типичный антикварий своего времени, уделял изучению античной скульптуры, глиптики, нумизматики и эпиграфики, в чем, безусловно, заслуги его как крупнейшего специалиста бесспорны.

Ученый с ярко выраженными чертами критика и эрудита, критические потенции которого значительно превосходили творческие возможности, Е. Е. Кёлер обладал «прикладным» стилем мышления, имеющим сильную разрешающую способность в узкой области античного искусствознания, но отнюдь не в археологии в современном ее понимании. Пороку академик не принимал артефакты такими, какие они есть: многие его исторические построения опираются на насильственно истолкованные источники в угоду презумптивно созданным концепци-

³⁹⁷ РА ИИМК, ф. 7, оп. 1, л. 11, л. 134—134 об.

³⁹⁸ Оленин А. Н. Археологические труды / Изд. Императорского русского археологического общества. СПб., 1882. Т. 2. С. 79, 9.

³⁹⁹ Дюбрюкс П. Описание развалин и следов ... С. 3—83.

⁴⁰⁰ Подробнее см.: Тункина И. В. А. Н. Оленин и древности Южной России... С. 18—27.

ам, гипотезам, отвлеченным рассуждениям (см., например, гл. 10.4). При изучении трудов Кёлера и внимательном чтении его биографии, составленной его коллегой и другом, дерптским профессором Карлом Симоном Моргенштерном (1770—1852), выясняется, что многие из планировавшихся академиком обобщающих работ не были завершены или остались не написаны вообще. Отличаясь острым природным умом, подкрепленным чрезмерным честолюбием и чувством собственного достоинства, Кёлер представлял собой «нередкое среди выдающихся умов беспримерное сочетание резкого скепсиса к другим и решительного догматизма в своей области». Даже дерптского профессора смущал полемический накал сочинений Кёлера при оспаривании взглядов и гипотез других исследователей, категорически отвергавшихся столичным академиком. «Полемика, которую он использовал без меры, стала одной из характерных, ярко выраженных черт» его характера и основной доминантой научных трудов Кёлера.⁴⁰¹ Во многом благодаря профессиональному снобизму столичной знаменитости, присвоившей себе право единоличного обладания научной истиной, взаимоотношения между представителями академической науки и провинциальными антиквариями в конечном счете не сложились.

Историю контактов ученых Петербурга в лице Е. Е. Кёлера и Ф. Б. Грефе с археологами-любителями И. А. Стемпковским, И. П. Бларамбергом, П. Дюбрюксом, П. И. Кёппеном можно условно разделить на два этапа, рубежом которых стали 1822—1823 гг. — тогда в Париже и Вене дилетанты опубликовали свои первые авторские труды научного характера. До этого момента отношение Кёлера к провинциалам было снисходительно-покровительственным — они обменивались монетами, амфорными и черепичными клеймами, одесситы и керчане, с неизменным почтением относившиеся к маститому коллеге, бескорыстно высылали в Петербург списки вновь найденных эпиграфических памятников, неизвестные ранее монетные типы, керамические клейма, а также информировали его о новых находках древностей в Причерноморье. В 1822 г. одесские антикварии сами, в обход петербургского авторитета, посмели издать за границей новый археологический материал, да еще предоставили его для публикации французскому ученому Д. Рауль-Рошетту. Бларамберг в своей парижской брошюре об Ольвии как бы оправдывается перед Кёлером за то, что сам вводит в научный оборот целую серию памятников: «Что касается до палеографической части древностей Ольвии, у меня находящихся, то многие из оных описал с переводом надписей на немецкий язык *мой ученый друг г. Кёлер*... и только в случае какого-либо нечаянного препятствия, могущего встретиться *сему отличному археологу* (курсив мой. — И. Т.) в издании остальных надписей Ольвии, я осмелюсь сам издать, что имею, с описанием и изображением сих предметов древности. [...] Издание в свет медалей царей Воспорских в лучшем порядке (над чем трудится вышепоименованный ученый) распространит новый свет на историю Пантикапеи и Фанагории и озарит отчасти историю древней Феодосии, которой доныне известна одна только собственная монета. Надеемся, что кто-нибудь из любопытных, поселившись в окрестностях древнего Херсонеса-Ираклеота, посвятит свой досуг и познания на разыскание и собрание медалей сего знаменитого города: это представило бы нам более совокупности и любопытства».⁴⁰² В 1823 г. молодой П. И. Кёппен издал в Вене целый труд о причерноморских древностях, а год спустя бескорыстно предоставил А. Бёку свои копии причерноморских надписей. Богатые находки в причерноморских курганах, в частности в кургане Патинофти 1821 г., получили широкий общественный резонанс как в России, так и за рубежом. «Приятно видеть, — писал Стемпковский Кёппену 27 июня 1824 г., — что в просвещенной Европе начинают узнавать наконец труды русских в науке, о которой еще за несколько лет перед сим никто у нас не думал».⁴⁰³

И разразилась буря: Кёлер не смог простить дилетантам вторжения в монополизированную им область научного знания. Резкий тон рецензий академика на труды провинциалов зачастую переходил допустимые границы научной этики. Вместо спокойной конструктивной критики на первый план вышла капризная раздражительность и мелочные придири, которые стали объективным тормозом развития науки на периферии. Академик вскрывал неизбежные ошибки и недостатки в трудах своих оппонентов, давая при этом понять, что дилетанты — «невежественные пришельцы», «варяги» в храме антиковедения, чьи публикации пестрят

⁴⁰¹ *Morgenstern K. H. K. E. Koehler: Zur Erinnerung an den Verewigten // Recueil des Actes. 1839. S. 81.*

⁴⁰² Бларамберг И. П. Описание древних медалей Ольвии или Ольвиополя. М., 1828. С. V—VII.

⁴⁰³ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, л. 282, л. 5.

«фальшивыми, выданными нами утверждениями».⁴⁰⁴ Пренебрежительное высокомерие Кёлера к работам «несчастных младших детей Понтийской Клии», объясняемое стремлением сохранить первенство в науке, дополнялось как открытым игнорированием других исследований провинциалов, так и приписыванием себе приоритета первого издания неизвестных ранее памятников. Ряд монет, впервые введенных в научный оборот И. А. Стемповским и И. П. Бларамбергом, Е. Е. Кёлер либо объявлял фальшивками, хотя они были подлинными, либо ошибочно приписывал парфянским или селевкидским владетелям. К тому же петербургский академик явно недооценивал конкретные полевые исследования провинциалов и гиперкритически относился к их историческим построениям.

Уже в 1824 г. И. А. Стемповский публично встал на защиту своих единомышленников, пытаясь доказать важность и значимость международных контактов для отечественной науки. В открытом письме редактору «Вестника Европы» по случаю выхода книги Д. Рауль-Рошетта о древностях Северного Причерноморья он писал: «Смело могу уверить, что важнейшие из надписей и медалей, изданных Рошеттом, давно известны были многим у нас в России; но публика ничего о них не знала, и сокровища сии, незначачие ничего, доколе сокрыты в пыли кабинетов, были потеряны для ученого света... Направление дано, и мы теперь можем надеяться, что мало-помалу... несовершенства исправятся благоразумною критикою, темные места объяснятся, и новые любопытные сведения и материалы для истории не будут более тлеть в портфелях и кабинетах. Вот истинная польза, доставленная благонамеренным предприятием г. Рошетта, и мы должны быть ему благодарны, несмотря на то, что он иностранец. Науки не равно ли принадлежат всем просвещенным людям без различия лиц и наций?».⁴⁰⁵

После серии резких публикаций Е. Е. Кёлера в адрес И. А. Стемповского, И. П. Бларамберга и П. И. Кёппена издательская активность провинциальных антиквариев резко упала. Большинство созданных дилетантами исследований 1820—начала 1830-х гг. остались неизданными, хотя их публикация существенно бы обогатила науку. Среди них труд П. И. Кёппена «Ольвия, древний город на реке Буге»,⁴⁰⁶ монографическое исследование И. А. Стемповского по истории Боспора, основанное на критическом анализе всех известных на то время письменных, нумизматических, эпиграфических и археологических источников (рукопись была направлена автором в Парижскую Академию надписей), и целая серия статей И. П. Бларамберга по различным археологическим вопросам. П. И. Кёппен, обвиненный в научной неосновательности, оставил археологические штудии и переключился на занятия статистикой, этнографией и географией России, хотя интересовался древностями до последних дней жизни. Сложившееся противостояние провинциалов с Кёлером очень метко обрисовал И. А. Стемповский в одном из писем П. И. Кёппену: «Жаль, что чрез сие история здешнего края, и без того довольно темная, еще более затемняется и запутывается, что многие памятники, в достоверности которых нет никакого сомнения, одним словом г. Кёлера выписываются в число подложных. Судя по знаниям его и опытности, многие поверят ему более, нежели кому-либо. Зло, нанесенное им чрез сие науке, коей посвятил он жизнь своею, исчислить невозможно, и я не понимаю никак чувств его и намерений в сем случае».⁴⁰⁷ Недооценка официальными антиквариями работ провинциалов — плата дилетантов за право самостоятельного поиска путей развития науки, за их попытки выйти за пределы господствующей научной методологии.

Различие стилей мышления и психологического облика дилетантов и столичных ученых наиболее ярко сфокусировано в противостоянии Е. Е. Кёлера и И. А. Стемповского. По классификации ученых, предложенной В. Оствальдом, первый относился к типу классиков, второй — к типу романтиков. Классики, согласно Оствальду, работают в тиши уединения, не имеют учеников и не создают школы, в их деятельности преобладают элементы индивидуального творчества. Напротив, романтики много времени отдают научно-организационной деятельности, пропаганде своих взглядов, популяризации их для общества; их творчество тесно переплетается с деятельностью научного коллектива.⁴⁰⁸

⁴⁰⁴ См., например: Kohler H. K. E. *Mémoire sur les îles ...* P. 771.

⁴⁰⁵ Стемповский И. А. Письмо редактору. Саратов, 11 февраля 1824 г. // ВЕ. 1824. Февр. № 3. С. 233—235.

⁴⁰⁶ Тункина И. В. П. И. Кёппен как исследователь Ольвии: (Становление археолога) // Археологические вести. 2000. № 7. С. 357—372.

⁴⁰⁷ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 282, л. 5 об.

⁴⁰⁸ Родный Н. И. Проблемы научного творчества... С. 163—164.

Открытый характер И. А. Стемпковского предопределил и стиль его научной деятельности. Его работы напрямую увязаны с полевыми и кабинетными исследованиями его друзей в Одессе и Керчи, коллег в Петербурге (П. И. Кёппен), Париже (Д. Рауль-Рошетт), Берлине (А. Бёк). Являясь членом Общества истории и древностей российских при Московском университете, он неустанно убеждал отечественных антиквариев в необходимости изучения не только славяно-русских, но и классических древностей, находящихся на территории России. Если Е. Е. Кёлер публиковал свои работы в сугубо академических изданиях на французском и немецком языках, а отдельные монографии издавал крайне малыми тиражами, не поступавшими в свободную продажу и распространявшимися в узком кругу профессионалов и коллекционеров по выбору автора, то И. А. Стемпковский оставил множество научных и научно-популярных статей и заметок в стольких и периферийных изданиях как на русском, так и на французском языках — он являлся постоянным корреспондентом газет «Одесский вестник» и «Библиографических листов» П. И. Кёппена, журнала «Отечественные записки» и др., где регулярно информировал широкую читательскую аудиторию об археологических находках в Новороссийском крае.

Очевидно, что творческие дискуссии в науке необходимы. Другое дело, когда представители одних научных взглядов не дают и слова сказать приверженцам других точек зрения, всячески препятствуя вливанию «новой крови» в науку. Е. Е. Кёлер пытался сохранить «монопольную ситуацию», сложившуюся в русском антиковедении его времени. Высокомерие и профессиональный снобизм столичного академика на какое-то время стали тормозом для появления и новых идей, и новых людей в науке. Положение не изменилось и десятилетие спустя. Так, в 1835 г. Академия наук даже не посчитала нужным ответить Н. Н. Мурзакевичу, который направил ей печатное описание своего собрания монет на латинском языке: «В это время представитель археологии и нумизматики, академик Кёлер, уже обретался в действительном умопомешательстве. Недаром И. П. Бларамберг, автор описания монет, часто удачный остряк, Кёлера называл “M-г Colège” и “конфузионным советником”. Хроника скандальная разносила одно время слухи, что консерватор эрмитажного мини-кабинета Кёлер обличался в присвоении эрмитажных монет. Академическое заблуждение ума и воли нарекли сумасшествием».⁴⁰⁹

И. А. Стемпковский, смотревший на археологию с более широких позиций, чем столичные ученые, сумел определить дальнейшие пути развития науки на столетия вперед, сформулировав первую исследовательскую программу русской науки о классических древностях юга России, не потерявшую своей актуальности до сих пор. Для современной археологии как историко-научной дисциплины гораздо большее значение имеют кропотливые натурные исследования дилетантов (материалы их раскопок, описания и планы архитектурно-археологических остатков античного времени), нежели труды акад. Е. Е. Кёлера, стоявшие на высоте современного ему научного знания, но сегодня вызывающие лишь чисто историографический интерес. Известный науковедческий постулат о том, что на начальных этапах развития науки дилетантизм играет немаловажную роль, но его эффективность резко падает на уровне развитой, расчлененной науки, при анализе ситуации, сложившейся в русской классической археологии первой трети XIX в., полностью себя оправдывает.

Тем не менее в историко-научной литературе заслуги петербургского академика традиционно подчеркивались,⁴¹⁰ а его ошибки и недостатки просто оказались забыты. По отношению к личности Е. Е. Кёлера сработал так называемый «эффект Матфея», открытый Р. Мёртоном и заключающийся в том, что распределение признания и забвения в научном сообществе соответствует высказыванию, содержащемуся в «Евангелии от Матфея»: «Имущему да умножится, у немущего да отнимется». Другими словами, известные ученые получают непропорциональное научное признание, в то время как малоизвестные постепенно забываются. При оценке деятельности провинциалов из Одессы и Керчи сложился своего рода историографический штамп — как правило, подчеркивается ее непрофессиональный, дилетантский характер (недостаточный уровень научной подготовки, небрежность при проведении раскопок и т. п.),⁴¹¹ а не заслуги археологов-любителей перед наукой о древностях как первооткрывателей ряда ее направлений.

⁴⁰⁹ Записки Н. Н. Мурзакевича // РС. 1887. Т. 53. № 3. С. 651—666.

⁴¹⁰ Фролов Э. Д. Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967. С. 104—105, 111; *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 26—27.

⁴¹¹ Фролов Э. Д. Русская историография античности... С. 102, 107; *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота... С. 27.

Неразвитость организационных форм науки о классических древностях Причерноморья стала тормозить процессы ее дальнейшего развития. Соперничество и разногласия между антиквариями столицы и провинции, разница подходов как в постановке насущных проблем и приоритетов, так и в изучении различных групп памятников в конце концов привели к печальному результату: одесский археологический кружок фактически потерял связь с Петербургской Академией наук, а его члены предпочитали отправлять свои исследования и материалы о новых находках не в Петербург, а в Париж, Вену и Берлин, где ученые оказались более благожелательны к представителям русской провинциальной науки. Уход из жизни в 1830-х гг. И. П. Бларамберга (1831), И. А. Стемковского (1832), П. Дюбрюкса (1835) привел к потере преемственности в полевой практике и забыванию заветов И. А. Стемковского, призванного изучать все группы памятников, прежде всего поселения. С другой стороны, живший в столице Е. Е. Кёлер в отличие от своего коллеги по Академии наук ориенталиста акад. Х. Д. Френа, не смог привить свою науку на русской почве — он не имел учеников и не оставил школы. Его кафедра в Петербургской Академии наук оказалась вакантной 12 лет, вплоть до 1850 г., когда ее занял другой выходец из Германии, акад. Л. Э. Стефани.

Наметившееся ранее противостояние ученых северной столицы и археологов-провинциалов получило развитие и во второй трети XIX столетия. Оно было усугублено склоками, научной ревностью и конкуренцией среди представителей Новороссийского археологического центра — А. Б. Ашика с Д. В. Карейшей и К. Р. Бегичевым — с одной стороны, А. Б. Ашика, Д. В. Карейши с Н. Н. Мурзакевичем, с другой. Секретарь ООИД Н. Н. Мурзакевич с открытой неприязнью относился к керченским археологам, пытался настроить против них руководство Одесского общества истории и древностей, самого наместника Кавказа М. С. Воронцова и графа Л. А. Перовского. С подачи Мурзакевича мнение об Ашике и Карейше как о карьеристах, думавших исключительно о крестах и наградах за находки и своими раскопками нанесших больше вреда, чем пользы, археологии, в отечественной историографии стало традиционным. На мой взгляд, только негативная оценка их деятельности во многом несправедлива и однобока — нельзя их фигуры представлять исключительно в черном цвете, так как по мере своих сил, способностей, знаний они работали над решением археологических задач, понимаемых ими с позиций своего времени и строго следуя требованиям петербургского начальства. Несмотря на ряд неблагоприятных поступков в конце их археологической деятельности, зафиксированных документально (история с находкой двух статуй в Керчи, связанная с отставкой Ашика, обвинения Карейши в казнокрадстве в последние годы археологических раскопок и т. п.), многие тяжкие обвинения в их адрес, по моему мнению, несостоятельны. Сам Н. Н. Мурзакевич, отличавшийся суровым нравом, безапелляционностью взглядов и научной ревностью, «приложил руку» к вытеснению из Одесского общества истории и древностей таких известных ученых, как Н. И. Надеждин, В. В. Григорьев, А. А. Скальковский и др. Из-за конфликта с вице-президентом ООИД (1857—1858), попечителем Одесского учебного округа Н. И. Пироговым в 1857 г. Н. Н. Мурзакевич вышел в отставку с поста директора Ришельевского лицея, а известный русский хирург отказался от своего поста в ООИД и покинул общество. На страницах мемуаров Мурзакевича, охватывающих период с 1806 г. по 1852 г., пристрастная позиция в оценке коллег по научному цеху говорит сама за себя — здесь приведены отрицательные характеристики А. Ф. Малиновского, А. Я. Фабра, А. Д. Нордмана, Ф. К. Бруна, А. С. Фирковича и др.⁴¹²

Показательны резкие критические, хотя во многом справедливые отзывы и рецензии Ф. Б. Грефе, Ф. А. Жилия, Э. Г. фон Муральта и Б. В. Кёне⁴¹³ на труды самоучки А. Б. Ашика, также иностранца по происхождению, который сам, в обход столичных знатоков античности, осмелился обнародовать результаты археологических исследований на Боспоре на русском языке и для русской читающей публики. Вполне объяснимо желание Ашика как автора раскопок издать добытые им материалы от своего имени. Импульсивный и честолюбивый Ашик наивно мечтал об избрании его в члены-корреспонденты Императорской Академии наук, о чем безуспешно просил похлопотать П. И. Кёппена и А. Н. Оленина в начале 1840-х гг. Но все надежды на научное признание, на понимание и содействие в обнародовании его монографических

⁴¹² См.: Записки Н. Н. Мурзакевича // РС. 1887—1889. Т. 53—56, 59, 61.

⁴¹³ Печатную рецензию Б. В. Кёне на брошюру Ашика «Керченские древности: О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками» (Одесса, 1845) см.: ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 6, л. 19—22.

публикаций разблизился, натолкнувшись на высокомерие и научную ревность стилистических учеников, не пускавших в свою среду инородные элементы. Реальную финансовую помощь при изданиях антикварных трудов Апику оказывал только патрон южнорусского антиковедения князь М. С. Воронцов.

В процессе становления русской национальной науки противостояние различных научных центров к середине XIX столетия приобрело откровенно националистическую окраску. Интриги и разногласия в научной среде подпитывались спорами западников и славянофилов, которые усугубились на фоне болезненного поражения России в Крымской войне. Многие не знавшие и не стремившиеся знать русский язык специалисты-иностранцы, занимавшие высокие посты в правительственных, научных и музейных учреждениях, своими руками воздвигли непреодолимый барьер между собой и основной массой русских ученых. В отношении к «онемеченной» Академии наук эти чувства преломлялись через личные амбиции русских ученых и государственных деятелей почвеннического толка, стремившихся к скорейшему развитию национальной науки (документ № 26).⁴¹⁴ Вполне объяснимо стремление Одесского общества истории и древностей, а после реорганизации и Русского археологического общества, в пике франко- и немецкоязычным изданиям Академии наук печатать свои записки исключительно по-русски.⁴¹⁵ Многие ксенофобски настроенные специалисты, несмотря на несопоставимость научного веса по сравнению с членами Академии наук, осознали значимость своей деятельности в области «полевых и кабинетных практик» и начали бороться за законное место в научной иерархии. Сохранить объективность и профессиональную корректность в отношениях с представителями других научных группировок и центров удавалось далеко не всем ученым.

Лишь в новых исторических условиях, когда научные кадры для гуманитарных дисциплин стали поставлять гимназии и высшие учебные заведения России, в стране появилась своя, национальная историко-филологическая школа, представители которой имели возможность совершенствовать знания в западноевропейских университетах, положение в русской науке в целом и в Академии наук в частности коренным образом изменилось. К концу XIX—началу XX столетия наука о классических древностях Северного Причерноморья сформировалась в значительный отдел окончательно «обрусевшего» отечественного антиковедения, полнокровно синтезировавшего достижения мировой классической филологии, античной истории, археологии, эпиграфики, нумизматики, истории искусств. Трудом нескольких поколений специалистов, таких как В. В. Латышев, М. И. Ростовцев и многих других, русское антиковедение добилось небывалого расцвета и мировой известности. Трагедия русской науки состоит в том, что ее поступательное развитие было насильственно прервано историческими катаклизмами XX столетия.

⁴¹⁴ См. размышления на эту тему: Романовский С. И. «Обрусение» российской науки как национальная проблема // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 3. С. 43—56.

⁴¹⁵ Наиболее метко сложная ситуация той эпохи обрисована в книге В. В. Григорьева о П. С. Савельеве, который, будучи членом РАО, РГО и сотрудником Л. А. Перовского, чуждался всякой узости и национальной исключительности, испытывал отвращение к восхвалению своего «кружка» и старался сохранить научную и человеческую независимость. «Он сочувствовал и готов был помогать по мере сил всякому работнику на ниве знания, — вспоминал В. В. Григорьев, — не различая русский он или поляк, немец или еврей... Если же Савельев желал и домогался постоянно, чтобы русские ученые писали прежде всего для России и по-русски, так это по той же причине и с той же целью, по каким ученые Франции, Англии, Германии пишут ныне не по-латыни, а каждый для своей земли и на языке своего народа. Точно то же беспристрастие обнаруживал он и в порицании: невежество, недобросовестность, шарлатанство были ему одинаково противны и в иностранце, и в соотечественнике; встретить их в русском было для него, впрочем, еще тяжелее, нежели в чужом человеке. Так, если случалось ему вооружаться против Академии, когда находил он, что она увлекается пристрастием к германизму, то с не меньшей горячностью восставал он и против ура-русизма, которым страдало одно время Археологическое общество. Вследствие этого вассные патриоты наши упрекали его в немцелюбии, тогда как немцы петербургские считали его своим врагом. Понимали достоинство такого образа действия и ценили его только люди столь же беспристрастные, как и сам Савельев; к сожалению, их немного на свете и у нас, и везде. Не понимал также Савельев, каким образом в дело науки можно замешивать интересы личные или интересы партий, как подымается у людей рука, чтобы защищать и прославлять негодяя или невежу своего прихода, а честного и достойного человека из чужого лагеря унижать и чернить. Такая разбойничья... тактика была ненавистна Савельеву: он охотнее протягивал руку уважаемому противнику, нежели бездарному сопернику. Впрочем, при антипатии своей к односторонности он не мог принадлежать и не принадлежал ни к какой из литературных наших котерий, ни к западникам, ни к славянофилам, а держался всегда особняком, дружил с чистыми и дельными людьми всех цветов и оттенков, не жалуя шарлатанов и пройдох ни там, ни тут, высказывая правду, где считал полезным, одинаково друзьям и недругам, и презирая всею полнотою презрения людей, обращающих науку в средство к достижению эгоистических целей и ради того кланяющихся и вашим, и нашим». Цит. по: Григорьев В. В. Жизнь и труды П. С. Савельева... С. 140—141.

ЧАСТЬ 3

**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

ГЛАВА 9

ЗАПАДНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. на Дунай была отправлена 95-тысячная армия фельдмаршала П. Х. Витгенштейна с задачей взять Молдову, Валахию, Добруджу, овладеть Шумлой и Варной. В течение 1828 г. русские войска заняли Дунайские княжества и блокировали многие крепости за Дунаем, овладели Варной, а в 1829 г. Силистрией и Адрианополем. В начале второго года войны командующий П. Х. Витгенштейн был смещен графом И. И. Дибичем.

Военные действия были использованы русским правительством для поиска античных древностей. По согласованию с И. П. Бларамбергом М. С. Воронцов поручил отставному поручику Павлоградского гусарского полка В. Г. Теплякову отправиться в Варну и другие завоеванные места для «разыскания к открытию разных памятников древности».

Виктор Григорьевич Тепляков (1805—1842), известный в свое время поэт пушкинского круга и друг А. С. Пушкина, родился в Твери, первоначальное образование получил дома, затем учился в благородном пансионе при Московском университете. В 1820 г. поступил конюшером в Павлоградский гусарский полк (корнет с 1822 г., поручик с 1824 г.). П. П. Каверин ввел Теплякова в масонскую ложу. В 1824 г. (по другим данным, в марте 1825 г.) он оставил службу и переехал в Петербург, где познакомился с членами Северного общества декабристов. За уклонение от присяги Николаю I он был обвинен в политической неблагонадежности, в апреле 1826 г. арестован и заключен в Петропавловскую крепость, где заболел и в июне того же года отправлен в военный госпиталь. По распоряжению императора 2 июля 1826 г. его освободили и перевели в Александро-Невскую лавру на церковное покаяние. В сентябре 1826 г. Тепляков обратился к Николаю I с прошением о переводе из Лавры и о разрешении переселиться на юг в связи с плохим состоянием здоровья. Местом его жительства (под надзором полиции) был определен Херсон, куда его перевезли под конвоем жандармов в январе 1827 г. Здесь его дважды ограбили, ранили, после чего он обратился с покаянным письмом к императору. Николай I простил его, приказал возратить Теплякову права, принять на государственную службу и прислал 2 тыс. р. Он был определен в Таганрогскую таможню, но прослужил там недолго; с 1827 г. (по другим данным, с 1829 г.) по 1835 г. состоял в штате канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора гр. М. С. Воронцова как чиновник по особым поручениям в Одессе. В 1828 г. вместе с семьей своего московского знакомого Г. А. Римского-Корсакова путешествовал по Кавказу. В Одессе являлся одним из деятельных сотрудников «Одесского вестника», печатался в «Одесском альманахе». Со времени путешествия по Болгарии (1829) стал заниматься изучением Востока, выучил турецкий язык. В 1834 г. командирован в Константинополь и Смирну, в октябре 1834—апреле 1835 г. предпринял научное путешествие в Константинополь, Грецию и Малую Азию. В 1835 г. уехал из Одессы в Петербург хлопотать о переводе на службу при русском посольстве в Константинополе, сблизился с ведущими русскими литераторами. Как чиновник МИДа состоял при русской миссии в Константинополе, в 1837 г. в качестве дипломатического курьера ездил в Афины, в начале 1838 г. отправился в путешествие по Египту, Сирии и Палестине. Вернувшись, просил перевода в одно из западноевропейских посольств, но получил отказ и вышел в отставку. В мае 1840 г. за собственный счет ездил в Западную Европу (Франция, Швейцария, Италия). Из-за многочисленных путешествий Тепляков получил прозвище «Мельмот-Скиталец». В 1842 г. он скончался «от удара» в Париже.¹

¹ См. о нем: Тепляков А. Воспоминания о В. Г. Теплякове // ОЗ. 1843. Т. 28; Бычков Ф. А. Виктор Григорьевич Тепляков // ИВ. 1877. № 7. С. 5—23; Шидловский А. Ф. Из бумаг В. Г. Теплякова // РС. 1896. Т. 85. № 1. С. 178; Н. Л[ернер]. Тепляков Виктор Григорьевич // РБС. 1912. Т.: Суворова—Ткачев. С. 479—484; Вацуро В. Э. К био-

Знакомству с И. П. Бларамбергом В. Г. Тепляков обязан своей командировкой в Болгарию и Румелию. В марте 1829 г. Тепляков начинает энергично готовиться к выполнению поручения, в течение пяти дней проводит долгие беседы с директором Одесского музея, которые, однако, «возбуждают его внутреннюю усмешку», читает французский перевод Страбона.² С иронией он говорит о себе, что «импровизированный антикварий» покидает Одессу, «будучи столь безусловно чужд точных и основательных сведений о странах, в коих почти каждый шаг освещен каким-нибудь славным историческим событием».³

Бларамберг снабдил его инструкцией, в которой советовал по прибытии в Варну запросить у военного губернатора Румелии генерал-адъютанта Е. А. Головина сведения о возможности приобретения древних монет у частных лиц, попросить «смышленного и знающего страну» проводника. «Так как изыскание барельефов и других мраморных античных фрагментов а главное остатков греческих и... латинских надписей представляет не меньший интерес, чем предметы, относящиеся к нумизматике, г. Тепляков, познакомившись с кем-нибудь из офицеров флота, приобрел бы более возможности открыть остатки древностей, найденные во время последней кампании, так же как и их употребление, будь то в стенах крепостей, или по другую сторону. Необходимо сделать последовательные розыски в домах, церквях и в хижинах жителей, с целью найти какие-либо медали для покупки или какие-либо мраморные фрагменты, вделанные в стены упомянутых построек и жилищ. То, что будет возможно приобрести, можно будет переправить морем, а остальное скопировать так точно, как возможно, в соответствии с наставлениями, которые я имел честь устно сообщить г-ну Теплякову, касающиеся точных измерений промежутков между стертыми буквами, как это встречается в античных надписях. Указание места, где находятся эти фрагменты, является необходимым пунктом в сообщении г-на Теплякова, которые будут представлены в конце его поездки».

И. П. Бларамберг просил В. Г. Теплякова не покупать монеты с латинскими надписями (позднеримские серебряные денарии, медь римских императоров) и уделить особое внимание поиску монет автономной чеканки и императорских — за медные платить в пределах от 2 до 5 р., за серебряные от 5 до 10 р., за «медальон Одиссос» от 50 до 75 р.⁴

В. Г. Теплякову выделили 1 тыс. р., и 20 марта он отправился в путь с заданием посетить Варну (Одесс), Анхиало (ныне Поморие), Созополь (Аполлонию) и Месембрию (ныне Несебур). Проплывая на корабле близ мыса Калиакрия, путешественник вспоминает рассказ адмирала А. С. Грейга об остатках древности, сохранившихся на вершине мыса. Две найденные там греческие надписи на мраморе по приказу Грейга были доставлены в Кабинет редкостей Черноморского депо карт в Николаеве. 27 марта 1829 г. Тепляков уже прибыл в Варну.⁵ Для достижения успеха своей миссии он стал искать содействия высших военных чинов русской армии. Попутно путешественник начал скупку у купцов античных монет, цены на которые порой доходили до 800—1000 левов за экземпляр. Наиболее часто встречались серебряные монеты Истрии. Стены крепости в Варне по приказу военных властей были украшены «обломками мраморных карнизов, великолепных капителей и резных других украшений изящного греческого зодчества». Законы войны и законы науки оказались противоположны. «Война не наперстница археологии», — цитирует Тепляков высказывание генерала Е. А. Головина.⁶

Местные жители суеверно верили в магическую силу «писаных камней» (эпиграфических памятников), хранили их как талисманы от несчастий, поэтому с неохотой расставались с ними.⁷ Несмотря на противодействие, Тепляков все же сумел собрать и отправить в Одессу первую партию древностей — «9 или 10 кусков мрамора с разными изображениями», при-

графии В. Г. Теплякова // Пушкин. Исследования и материалы. 1983. Т. 11. С. 192—212; Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 431—432; Булатович С. А. К истории формирования фондов Одесского археологического музея: В. Г. Тепляков // ЗИФ ОГУ. 1997. Вып. 5. С. 17—23.

² Бруханский А. Н. «Письма из Болгарии» В. Г. Теплякова // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. М.; Л., 1963. С. 314.

³ Тепляков В. Г. Письма из Болгарии (писаны во время кампании 1829 года). М., 1833. С. 3.

⁴ РО ИРЛИ, № 9201, ЛПб. 67, л. 3—3 об.; Шидловский А. Ф. Из бумаг В. Г. Теплякова // РС. 1896. Т. 85. № 3. С. 441—443.

⁵ Тепляков В. Г. Письма из Болгарии. С. 23.

⁶ Там же. С. 28.

⁷ Там же. С. 60—61.

былшину 12 апреля.⁸ И. П. Бларамберг исследованию поставил об этом в известность М. С. Воронцова⁹ и приступил к их изучению (рис. 95).¹⁰ М. С. Воронцов был доволен результатами поисков В. Г. Теплякова и, вдохновленный быстрым успехом, возложил аналогичное задание на чиновников Гнедича и Соколовского, находившихся в Кюстендже (ныне Констанца, Румыния).¹¹

Первые письма В. Г. Теплякова к брату красноречиво свидетельствуют, что воображение поэта целиком было занято картинами классической древности.¹² В инструкции И. П. Бларамберга ему поручалось обратить особое внимание на местности Варны (древний Одесс), Мегалии (Каллатии) и Кюстендже (Томы), где антикварии локализовали легендарную гробницу Овидия. В одном из писем к директору Одесского музея Виктор Григорьевич выразил сомнение, сумеет ли он добраться до Кюстендже. Бларамберг же настойчиво советовал не пренебрегать возможностью открыть гробницу автора «Науки любви». «Если эти соображения не проникнут до глубины вашего сердца, — писал он Теплякову, — мне остается только сожалеть, что вы были так близко к цели, не достигнув ее».¹³

В июне 1829 г. В. Г. Тепляков переправил в Одессу еще 10 кусков мрамора с греческими надписями, найденными в Варне и Созополе (рис. 96). «Кроме того, успел я открыть в сем последнем городе древнюю могилу, как по двум находившимся в ней урнам заключать должно. Разные же другие следы и остатки древности, замеченные мною в Созополе, требуют особого описания, которое вместе с отчетом о путешествии своем в Гебеджи, Девно и Проводы буду иметь честь представить в свое время лично Вашему Сиятельству», — докладывал он М. С. Воронцову.¹⁴

Русские офицеры также обращали внимание на древности и приобретали их для собственных коллекций. Тепляков пишет, что командир 38-го егерского полка при строительстве укреплений в Девно обнаружил огромное число монет (возможно, клад), большая часть которых была отправлена бригадному командиру, остатки розданы офицерам и отправлены к жене полковника в его имение.¹⁵ Генерал М. И. Понсе скупал монеты и платил дороже Теплякова, поручик Должиков приобрел 171 античную монету и представил свое собрание Воронцову, а главнокомандующий Второй армией И. И. Дибич-Забалканский предложил новороссийскому генерал-губернатору откомандировать еще одного человека для поиска древностей. В августе на место боевых действий был командирован сын И. П. Бларамберга, Михаил, получивший 1 тыс. р. на покупку памятников и привезший из Адрианополя 26 монет, которые также поступили в Одесский музей.¹⁶

Вернувшись из поездки, 2 сентября 1829 г. В. Г. Тепляков представил М. С. Воронцову опись древностей, «с коих сняты копии, по невозможности обогатиться подлинниками» — 13 памятников, найденных им в Анхиало (Поморие) и Месембрии (Несебыр). Среди них великолепный мраморный саркофаг из Анхиало, четыре мраморных фрагмента с надписями и барельефами и т. п.¹⁷ Всего за время путешествия В. Г. Тепляков собрал 36 мраморов с надпи-

⁸ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 287, 288—289 об., 302, 313; ОВ. 1829. 20 апр.; Journal d'Odessa. 1829. 2 mai. № 31—32. С. 123 (от редактора).

⁹ РСА СПб ИР, ф. 36, оп. 2, д. 253, л. 13; Journal d'Odessa. 1829. 13 mai. № 35. Р. 137—138 (замечка Бларамберга без заглавия: перечень мраморов и надписей, привезенных из Варны); *De Blaramberg*. Antiquité // Journal d'Odessa. 1829. 25 nov. № 91. Р. 393—394; № 95. Р. 416—417; № 98. Р. 428; 1830. № 72 (мраморы и надписи, привезенные Тепляковым из Созополя, Месембрии и др.).

¹⁰ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 315.

¹¹ Там же, л. 316—316 об.

¹² Тепляков В. Г. 1) Письмо русского путешественника из Варны // Литературная газета. 1830. 26 янв. Т. I. № 6. С. 41—43; 2) Письмо второе из Варны // Там же. № 29. С. 227—232.

¹³ Шиловский А. Ф. Из бумаг В. Г. Теплякова. С. 443—444.

¹⁴ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 334. См. также: Fragment d'une lettre écrite de Mesembria, par Mr. Tépiaïkoff, envoyé par S. E. Mr. le comte Vorontzoff, dans les provinces conquises par nos troupes, à la recherche des monuments de l'antiquité // Journal d'Odessa. 1829. № 71. Р. 306—307 (на рус. яз.: ОВ. 1829. № 72. С. 310—311).

¹⁵ Тепляков В. Г. Письма из Болгарии. С. 128.

¹⁶ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 347, 360, 415.

¹⁷ Там же, л. 367—368 об. См. также: Mémoires sur divers monuments d'antiquité, découverts sur différents points de la Bulgarie et de la Roumélie, présenté à S. E. Mr. le gouverneur-général de la Nouvelle Russie et de la Bessarabie par Mr. V. Tépiaïkoff // Journal d'Odessa. 1830. № 19 (рус. перевод: Тепляков В. Г. Отчет о разных памятниках древности, открытых и приобретенных в некоторых местах Болгарии и Румелии. Одесса, 1829. 13 с. (Прибавление к Одесскому вестнику. 1829. 21 дек.); Album d'un voyage en Turquie fait par ordre de sa majesté l'Empereur en 1829 et 1830 par C. Sayger et A. Desarnod, Paris, [1834]. Livr. 1. Pl. 47.

Рис. 95. Мраморное надгробие, привезенное В. Г. Тепляковым из Варны (в IGBulg 12 отсутствует, Πόσις Εὐνωτος упомянут в числе жертвователей в надписи 2—3 гг. н. э. из Варны IGBulg 12 4635). Рисунок И. П. Бла-рамберга (СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 1, д. 779, л. 8. Публ. впервые).

сями и барельефами, 89 монет (из них более 50 древнегреческих), две вазы, найденные в Созополе (Аполлонии), небольшую бронзовую статую «амура» и мраморный женский бюст, купленные в Анхиало. Им были срисованы виды некоторых мест и составлена карта Фаросского залива. Почти все приобретенные памятники поступили в Одесский городской музей древностей.¹⁸ После возвращения поэта из поездки М. С. Воронцов добился у царя разрешения Теплякову проживать в Одессе.

С. А. Булатович недавно попыталась выделить в фондах ОАМ НАНУ греческие монеты, приобретенные В. Г. Тепляковым. Это небольшая группа крупных серебряных тетрадрахм, выпущенных западнопонтийскими городами в подражание монетам Александра Македонского

¹⁸ Тепляков В. Г. 1) Письма из Болгарии. С. VIII; 2) Отчет о разных памятниках древности...; Шидлов-ский А. Ф. Из бумаг В. Г. Теплякова. С. 659—660.

Рис. 96. Надгробие, привезенное В. Г. Тепляковым из Созополя [IGBulg I² 186 — Varna, со ссылкой на В. В. Латышева: *Latischew B. Die in Russland befindlichen griechischen Inschriften* // MDAI AA. 1884. Bd 9. S. 230f. № 15]. Рисунок И. П. Бларамберга (СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 2, д. 253, л. 15. Публ. впервые).

и фракийского царя Лисимаха.¹⁹ Надписи, привезенные В. Г. Тепляковым в Одессу, впоследствии частично утратили свою паспортизацию, но она легко восстанавливается по сохранившимся в архивах рисункам с аннотациями Бларамберга (рис. 97).²⁰ Многие надписи были изданы А. Бёком по копиям Бларамберга, а шестьдесят лет спустя В. В. Латышевым, нередко с ошибочными указаниями их происхождения,²¹ в наши дни они вошли в корпус греческих надписей Болгарии Г. Михайлова также частью с неверными указаниями на места находок.²² Но эту тему я затрону в самостоятельном исследовании.

На мой взгляд, не следует преувеличивать научное значение путешествия В. Г. Теплякова, так как специальными знаниями он не обладал и, судя по тексту книги, древнегреческого языка не знал, а латынью владел слабо.²³ Основной итог его путешествия скорее литературный, чем археологический, — знаменитые «Фракийские элегии», получившие благожелательный отзыв А. С. Пушкина, и прозаические «Письма из Болгарии», которые он сам охарактеризовал как «очерки впечатлений, возбужденных в его сердце ярким разнообразием предметов», как

¹⁹ Булатович С. А. К истории формирования фондов... С. 21.

²⁰ См. например: PCA СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 1, д. 779, л. 8; оп. 2, д. 253, л. 13—16 (IPE, I² 333—336=IGBulg, I², 476—479 и др.).

²¹ *Latischew B. Die in Russland befindlichen griechischen Inschriften* // MDAI AA. 1884. Bd 9. S. 209—231; 1885. Bd 10 S. 113—130.

²² IGBulg, I².

²³ РО ИРЛИ, № 9276/1, л. 10.

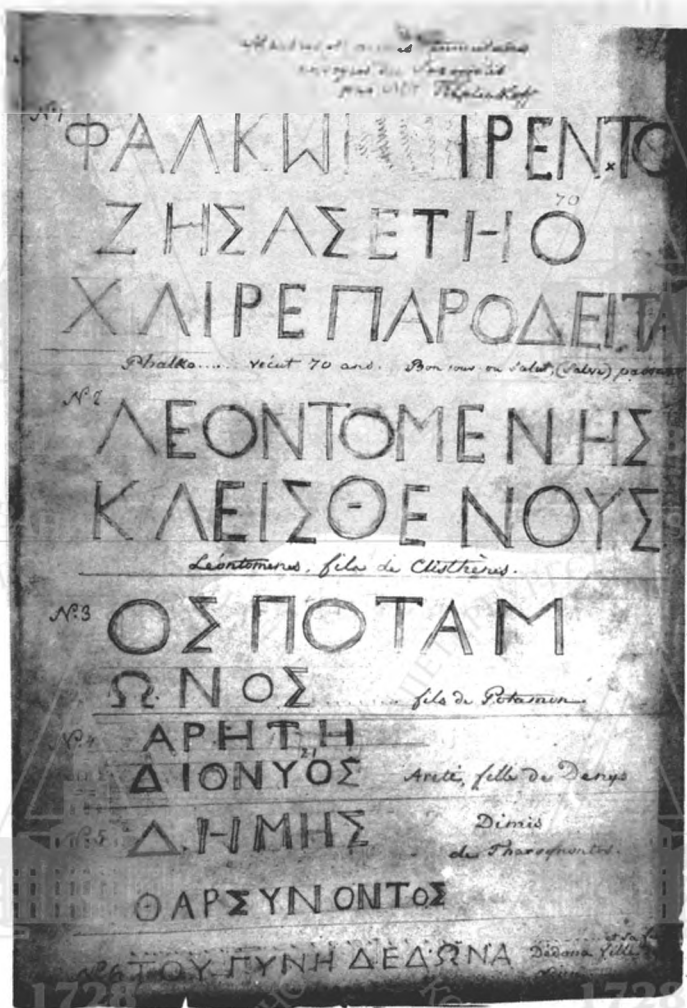

Рис. 97. Копии надписей, привезенных В. Г. Тепляковым для Одесского городского музея древностей из Созополя (Болгария) (№ 1: публ. впервые; № 2: IPE, I², 334 = IGBulg, I², 477, Apollonia; № 3: IPE, I², 335 = IGBulg, I², 478, Apollonia; № 4: IPE, I², 336 = IGBulg, I², 479, Apollonia; № 5: IPE, I², 333 = IGBulg, I², 476, Apollonia; № 6: IPE, I², 230). Рисунок И. П. Бларамберга (РСА СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 2, д. 253, л. 16. Публ. впервые).

«поэтические воспоминания перед грудой вековых развалин».²⁴ Касаясь вопроса о локализации древних Том, «импровизированный антикварий» ссылается на античных авторов — Страбона, Аполлодора, Помпония Мелу и Овидия, разбирает гипотезы современных ему иностранных ученых,²⁵ однако все его размышления носят компилятивный, вторичный характер. В этом он признавался сам: «Я вменяю себе между прочим в обязанность объявить, что ученое руководство г. Бларамберга, почтенного моего вожатая в деле археологии, есть главнейший

²⁴ Тепляков В. Г. Письма из Болгарии. С. III.

²⁵ Тепляков В. Г. 1) Стихотворения. СПб., 1836. Т. 2. С. 11—21, 85—87; 2) Письма из Болгарии. С. 12—18.

источник предлагаемой компиляции».²⁶ Вывезенные из Болгарии древности он призывал изучать «почтенным адептам археологии», «что же касается до меня, то смиренный профан может только пожелать сим господам счастливых успехов в их ученых трудах...».²⁷ Главным информатором Теплякова в вопросах античной истории Причерноморья являлся И. П. Бларамберг. Беспристрастная позиция ученого была чужда Теплякову-поэту, любознательному, пытли- вому, но слишком восторженному человеку. Этим, вероятно, и объясняются его археологи- ческие ошибки, подмеченные А. А. Формозовым.²⁸ Результат игры природы — Гебеджинские «развалины» — он принял за сооружение рук человеческих, безуспешно пытаясь откопать основание одной из «колонн». «Совершенное отсутствие капителей, правильных карнизов и разных других украшений зодчества уничтожает, по крайней мере для меня, всякую возмож- ность рассуждать об архитектурном ордене, по коему бы можно было загадывать о начале сих исполниских развалин», — писал поэт.²⁹

Спустя почти 10 лет, в путевом дневнике по Сирии и Египту, В. Г. Тепляков с раздраже- нием напишет о себе: «Чума и варварство, лишения и развалины Малой Азии и Греции до того мне наскучили, что право нет [большой] охоты тащиться за тридевять земель на зна- комство с новой чумой, с новым варварством, ... с новыми развалинами. И на какой ... вся эта возня и скитания? Я не химик, я не ботаник, я не археолог и, надеюсь, не сентименталь- ный шарлатан с пошлым энтузиазмом и пустоцветами, ради почтеннейшей публики, фразе- ми».³⁰

25 июля 1829 г. главнокомандующий Второй армией генерал-адъютант граф И. И. Дибич-Забалканский обратился к управляющему Главным штабом графу А. И. Чернышеву с просьбой прислать «сведующего по части древностей... человека, который мог бы исследовать, описать или даже вывести находящиеся ныне в нашем владении памятники». Император Николай I одобрил идею и командировал на место боевых действий библиотекаря Эрмитажной библио- теки Карла Седжера,³¹ академика живописи А. О. Дезарно³² и унтер-офицера Нозерева, ас- сигновав на расходы 1500 червонцев серебром. В обязанности К. Седжера входили: 1) поиск и подробное описание различных предметов искусства и древностей, снятие рисунков с тех из них, перевозка которых в Россию была бы затруднительна или невозможна; 2) соби- рание древнего оружия и медалей (монет) для arsenалов и личных коллекций императорской семьи, а также сбор рукописей, книг и других «любопытных» предметов; 3) составление рисунков достопримечательных мест и исторических памятников с подробным их описанием.³³

При содействии М. С. Воронцова экспедиция из Одессы была отправлена морем на место дислокации русских войск и подчинена непосредственно главнокомандующему. Участник со- бытий А. И. Михайловский-Данилевский в сентябре 1829 г. записал в своем дневнике: «По- явление Седжера в нашей главной квартире с подобным поручением было для меня радостно, ибо такого рода поручение есть конечно первое в российской армии. Где не бывали наши войска? Но для ученого света от беспрерывных войн наших не произошло никакой выгоды. Теперь впервые мы являемся на поприще [науки и искусства]; не спорю, успех не будет блис- тательным, но мы скажем в извинении, что это нам первый опыт. И при сем обстоятельстве

²⁶ Тепляков В. Г. Письма из Болгарии. С. 45.

²⁷ Там же. С. 52.

²⁸ Формозов А. А. Две страницы из истории формирования представлений о первобытном обществе в России // Природа. 1977. № 5. С. 158.

²⁹ Тепляков В. Г. Письма из Болгарии. С. 107.

³⁰ РО ИРЛИ, № 9274/2, л. 4—4 об.

³¹ Седжер Карл Иванович (Carles Sagger, 1777—1840), действительный статский советник, управляющий библиотекой и начальник I Отделения Имп. Эрмитажа (1837—1840). Начал карьеру в России в качестве придворного учителя английского языка, затем служил библиотекарем при царскосельских библиотеках и библиотекарем Имп. Эрмитажа. После смерти его коллекция «медалей и камеев» была приобретена Эрмитажем за 5714 р. серебром (АГЭ, ф. 1, оп. I-1840, д. 31, л. 1).

³² Дезарно Август Осипович (August Joseph Desarnod, 1788—1840), французский художник-баталист и гравер; ученик А. Гро. Участвовал в походе армии Наполеона 1812 г. на Россию, взят в плен. Живя в России, снова обра- тился к живописи. С 1815 г. назначенный в академики, в 1827 г. удостоен звания академика Академии художеств. В 1829—1830 гг. находился при войсках Дибича-Забалканского в Европейской Турции. Пользовался расположе- нием императоров Александра I и Николая I, вел. кн. Михаила Павловича. См. о нем: Греков Вл. Дезарно Август Осипович // РБС. 1905. Т.: Дабелов—Дядьковский. С. 166—167.

³³ РГВИА, ф. 35, оп. 3/246, св. 332, д. 2843, л. 1—9.

виден ход просвещения нашего века. Давно ли были войны Александровы? Но тогда не находилось с нами художников».³⁴

Спустя семь дней после приезда Седжера и Дезарно война закончилась подписанием Адрианопольского мирного договора с Турцией. Успехи экспедиции были бы не велики, не помог случай. Через посредство А. И. Лёвшина М. С. Воронцов поручил одесскому купцу, греку Константину Коккиносу, отправлявшемуся в Месембрию по торговым делам, заняться поиском древностей. Свои донесения с описанием памятников и рисунками купец отправил А. И. Лёвшину и военному губернатору Румелии генерал-адъютанту Е. А. Головину. Представители военной администрации познакомили К. Коккиноса с К. Седжером. Помимо монет, из Месембрии были доставлены мраморные барельефы, постаменты статуй, 4 псефизмы и ряд других надписей. За содействие в приобретении древностей К. Коккинос был награжден бриллиантовым перстнем из Кабинета императора.³⁵

В Эрмитаж поступили античные монеты, купленные К. Седжером в Бургасе и Адрианополе, а также перечисленные выше памятники из Месембрии.³⁶ По приказу Николая I Академии художеств были «пожалованы» 22 мрамора, «взятых по праву войны» в «Демотике, Неолохосе, Айдосе, Месембрии и Ахиоле». В отчете Академии за 1831 г. как самые «замечательные» отмечены лежащий Силен,³⁷ какая-то «потерпевшая» (т. е. поврежденная) «небольшая фигура» и две капители.³⁸ Николай I предложил издать исследования Седжера с рисунками Дезарно в Лондоне или Париже «со всею возможною типографическою роскошью». Атлас вышел в Париже в 1834 г.³⁹ В Отделе гравюр Государственного Эрмитажа хранится альбом с рисунками А. Дезарно, выполненными в Варне, Браиле и Балчике в 1828 г. Болгарская исследовательница Живка Выжарова опубликовала значительное число документов из российских и болгарских архивов о собирании древностей в Болгарии во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг., в том числе переписку о командировании Седжера и Дезарно, списки древностей, привезенные из Болгарии, а также выдержки из сочинения В. Г. Теплякова «Письма из Болгарии», из составленного полковником И. П. Липранди «Краткого извлечения из составляющегося исторического и географического описания болгарского царства в Мизии»⁴⁰ и др., к которым я и отсылаю заинтересованного читателя за более подробной информацией.⁴¹

³⁴ ОР РНБ, ф. 488, оп. 1, д. 25, л. 110 об.—111 об.

³⁵ РГВИА, ф. 35, оп. 2/243, св. 98, л. 1361, л. 1—8.

³⁶ АГЭ, ф. 1, оп. 1-1829, д. 14, 15 (Адрианополь), 17, 18 (Бургас); ф. 1, оп. 1-1830, д. 4 (Бургас).

³⁷ Изображение статуи силенки из Адрианополя см.: *Album d'un voyage en Turquie... Livr. 1. Pl. 5.*

³⁸ Отчет Имп. Академии художеств за 1831 год. СПб., 1831. С. 15—16.

³⁹ *Album d'un voyage en Turquie... Livr. 1—8. 50 Pl.*

⁴⁰ Рукописные картографические материалы И. П. Липранди, иллюстрирующие рукопись, как и другие карты Западного Причерноморья времен русско-турецкой войны 1828—1829 гг., хранятся в НИОР БАН (ф. 35).

⁴¹ *Выжарова Ж. Н. Русские учени и болгарские старини: Исследване, материали и документи. София, 1960. С. 37—98.*

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

10.1. ОСТРОВ ЗМЕИНЫЙ (ЛЕВКА, ФИДОНИСИ)

Согласно античной литературной традиции, наиболее важным центром культа Ахилла в Причерноморье был остров Левка (Белый), в средневековье называвшийся Илан-Ада, Фидониси, ныне — Змеиный (Украина). «Об острове этом древность передала так много баснословного, что нельзя не удивляться, как могла такая ничтожная точка сохранить в себе столько преданий и поверий», — писали военные гидрографы середины XIX в.¹

Остров Фидониси на русских картах впервые встречается в рукописном «Атласе Черного и Азовского морей» описи лейтенанта П. В. Пустошкина (1775), на одной из частных карт небольшого масштаба (отдельной карты острова в атласе нет).

В 1784 г. во время морского путешествия от берегов Днепра в Константинополь граф И. О. Потоцкий интересовался у попутчиков, нет ли на острове остатков храма или какого-либо другого здания. Ответ моряков говорил об опасности посещения Фидониси — к острову трудно пристать, на нем много ядовитых змей и т. п. Между тем Потоцкий первым поставил вопрос о необходимости проведения раскопок на Левке: «...было бы легко посетить остров во время больших жаров, когда траву удобно выжечь. Предав ее пламени, избавимся опасных пресмыкающихся, и тогда разрыть землю, которая, может быть, скрывает драгоценные остатки для науки [...] Ученый свет имеет право надеяться, что экспедиция, умно и с знанием дела снаряженная, разрешит все сомнения по этому предмету».²

В 1801 г. на Фидониси высадились русские военные моряки под руководством И. М. Будищева, проводившие на судне «Красноселье» опись побережья Северо-Западного Причерноморья. Моряки, в число которых входил и мичман Н. Д. Критский, составили береговую опись части острова и провели астрономические наблюдения. Внешне «скалистый, обрубый и в середине возвышенный» остров имел неудобную якорную стоянку, причем суда, идущие в Сулин, при СВ ветре становились в 12—13 саженьях (25,6—27,74 м) «по южную сторону, хотя остров, по ничтожному объему своему», мало мог защитить их от «волнения».³

Иван Матвеевич Будищев вошел в историю русской гидрографии как автор «Атласа Черного моря» и «Морского путеводителя» в двух частях.⁴ Первая часть лощи описывала берега

¹ Лоща Черного моря. Николаев, 1851. С. 431. Примеч. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 23726). Подробнее литературу вопроса см.: ГПНАЭ. С. 151—153; Охотников С. Б., Островерхов А. С. 1) Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993; 2) Остров Змеиный в античное время и средние века // ЗИФ ОГУ. 1996. Вып. 3. С. 46—59.

² Потоцкий И. О. Записка о новом Перипле Понта Евксинского, равно как и о древнейшей истории народов Таврии, Кавказа и Скифии // Археолого-нумизматический сборник..., изданный Г. Спасским. М., 1850. С. 44.

³ Лоща Черного моря. С. 431.

⁴ Будищев И. М. 1) Атлас Черного моря. Издан при государственном Адмиралтейском департаменте. СПб., 1807. См. также: РГАВМФ, ф. 1331, оп. 3, д. 33; 2) Лоща, или Морской путеводитель, содержит описание фарватеров и входов в порты, заливы на Азовском, Черном море, в проливах Восточном и Византийском находящихся, с присовокуплением рассуждения о ветрах и о течениях. СПб., 1808. Ч. 1.

Острова Фидониси

Аннотация на Черном море против устья Сунийского —
Составлена с точной картою, полученной по Высочайшему Его
Императорскому Величеству повелению, с описи на кото-
рой были собраны все древние описи, а именно: Будищевский,
и утверждения с наблюдений широты и долготы, взятых по астро-
ному на Астрономическом хронометре в 1801 году —
Карта составлена на неправый компас, который и рисовал Будищев.

Рис. 98. «Карта острова Фидониси... Сочинена с описи... лейтенанта Будищева... в 1801 году. Сочинил и рисовал л[ейтенант] Будишев» (М. 25 саженей в 1 английском дюйме [1:2100]) (НИОР БАН, ф. 35, оп. доп. 2, № 331, л. 1. Публ. впервые).

Азовского моря и Керченского пролива, интересующая нас вторая часть осталась неопубликованной.⁵ К сожалению, ни гидрографической описи острова 1801 г., ни записок И. М. Будищева обнаружить в архивах не удалось, хотя известно, что в середине XIX в. они хранились в Черноморском депо карт в Николаеве.⁶

В записках И. М. Будищева упоминалось, что «на острове находится колодезь и возле развалины древнего строения».⁷ Моряками была составлена «Карта острова Фидониси, лежащего на Черном море против устья Сунийского. Сочинена с описи нарочно посылаемых по Высочайшему Его Императорского Величества повелению судов, на которой берег положен с береговой описи лейтенанта Будищева и утвержден с наблюдений широты и долготы, взятых на острове по астрономическому хронометру в 1801 году. Карта сочинена на неправый ком-

⁵ Будищев И. М. Лоция... С. XVII.

⁶ РГАВМФ, ф. 1067, оп. 1, д. 1, л. 144 об.

⁷ Там же, ф. 402, оп. 2, д. 188, л. 4—6 об., 12—12 об., 14—15 об.

Сосинил и рисовал л[ейтенант] Будищев». Подлинник этой карты обнаружен мною в 1997 г. в собрании рукописных карт Научно-исследовательского отдела рукописей Библиотеки Российской Академии наук (рис. 98).⁸ На ней обозначен не только рельеф местности, «вход на остров» в западной части, «место к пристанищу на гребном судне удобное» в восточной части острова, но и «колодезь» в центре, и «развалины строения» к юго-западу от него. Размер карты 38 × 58 (46.5 × 66.5) см, масштаб указан «в саженьях, полагая в дюйме 25 саж.» (М. 1:2100).

С рукописной карты Фидониси для атласа И. М. Будищева была выполнена гравюра, несколько искажающая рукописный подлинник.⁹ При публикации статьи по истории изучения памятников Левки, принимая во внимание только гравированную карту, я высказала предположение, что «развалины строений» можно разделить на три здания, протянувшиеся по линии СЮ, и что храмом, скорее всего, являлось центральное здание прямоугольной формы, ориентированное по оси ЗВ, с приблизительными размерами 26.5 м с юга на север и 52.5 м с запада на восток.¹⁰ Однако внимательное изучение подлинника — рукописной карты Будищева — заставило отказаться от такой гипотезы. Строительные развалы правильной прямоугольной формы на подлиннике обозначены примыкающими друг к другу квадратами и прямоугольниками, образующими причудливую геометрическую фигуру неправильной формы. Этот факт подтверждает мое убеждение, что при работе с картографическими материалами XVIII—XIX вв. предпосылает отдавать рукописным подлинникам, а не гравюрам и литографиям, существенно искажающим первоисточники. Карта И. М. Будищева была «забыта» еще в XIX в. и ранее никогда не привлекалась как источник для изучения археологических памятников Левки.

В начале 1820-х гг. к главному командиру Черноморского флота и портов А. С. Грейгу обратился профессор Круг с рядом вопросов о топографии Фидониси и Березани «для археологических изысканий, над которыми он тогда трудился».¹¹ Академик Петербургской Академии наук Ф. И. Круг изучал преимущественно византийскую и русскую историю. Занимаясь составлением примечаний к путешествию Ибн Фадлана,¹² он решил разобраться в противоречивых свидетельствах письменной традиции о Белом острове, так как часть авторов помещала его близ Дунайских гирл, другая — близ Днепра.¹³ 3 октября 1821 г. на заседании Конференции Петербургской АН им была зачитана первая часть мемуара «Untersuchungen über die Insel Leuke im Pontus Euxinus». Незаконченная статья была взята автором на доработку, однако довести исследование до конца по каким-то причинам Ф. И. Кругу не удалось. Первый раздел мемуара имел заголовок «Внешнее положение островов перед устьем Днепра и Дуная. А: Остров перед [устьем] Днепра». Немногие страницы, касающиеся Фидониси, Березани и вопроса локализации Белобережья русских летописей, были напечатаны А. А. Куником после смерти ученого.¹⁴ Спустя годы, независимо от Круга, к мысли о тождестве Левки и Белобережья пришел А. Д. Чертков.¹⁵

Рукопись мемуара хранится в личном фонде Ф. И. Круга в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.¹⁶ Интерес вызывает не само исследование, а неизданные подготовительные материалы к нему. Из документов выясняется, что благодаря содействию почетного члена Петербургской Академии наук адмирала И. Ф. Крузенштерна, Ф. И. Круг представил А. С. Грейгу

⁸ НИОР БАН, ф. 35, оп. доп. 2, № 331.

⁹ РГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 725, л. 18 об.

¹⁰ Тункина И. В. К истории изучения острова Фидониси (Змеинный) в конце XVIII—середине XIX в. // ПАН. 1992. № 2. С. 23—62. См. также предварительную публикацию: Тункина И. В. К истории изучения острова Фидониси в конце XVIII—первой четверти XIX в. // История и археология Нижнего Подунавья: Вторые чтения памяти проф. А. И. Доватура : Тез. докл. конф. Рени, 1991. С. 30—32.

¹¹ РГАВМФ, ф. 402, оп. 2, д. 188, л. 12 об.

¹² *Krug Ph. Bemerkungen zu Achmed Ibn-Foszlans's Gesandtschaftsbericht, über Sprache, Religion, Sitte und Gebäude der heidnischen Russen zu Anfange des X Jahrhunderts // Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. SPb., 1848. Th. 2. S. 463—535.*

¹³ *Kunik A. Über Krug's handschriftlichen Nachlass // Krug Ph. Bemerkungen... SPb.; Leipzig, 1848. Th. 1. S. CCXIV—CCXV.*

¹⁴ *Krug Ph. Bemerkungen... S. 476—481.*

¹⁵ Чертков А. Д. О Белобережье и семи островах, на которых жили, по словам Димешки, руссы-разбойники // ЖМНП. 1845. Ч. 97. № 8. Отд. 2. С. 84—90; № 9. С. 136.

¹⁶ ПФА РАН, ф. 88, оп. 1, д. 19, л. 1—4.

вопросов о точных географических координатах, природных условиях, этимологии названий островов Фидониси и Березань, о находящихся на них древностях.¹⁷ «По хронологическому соображению всех сведений, достигших нас от древних писателей, касательно острова Левке, я буду в состоянии... объяснить, каким образом остров Березань смещен был с Змеиным островом. В сочинении, которое я намерен представить Академии наук о сем предмете, желаю не токмо отделить все то, что принадлежит до одного острова, и что касается до другого, но и сколь возможно лучше определить все о сем острове дошедшие до нас сведения. Весьма важно для меня иметь точное топографическое описание обоих островов, которое я до сих пор тщетно старался получить», — писал Круг.¹⁸ А. С. Грейг поручил составить подробные описания и карты островов гидрографу, капитан-лейтенанту Н. Д. Критскому, участвовавшему в гидрографической описи Фидониси 1801 г. под руководством И. М. Будищева.¹⁹

Съемка Фидониси производилась 5—7 мая 1823 г. экипажем шхуны «Севастополь». В материалах Ф. И. Круга сохранились «Топографическое описание острова Фидонисия», «Гедезический журнал острова Фидонисия», «Обсервации, учиненные на острове Фидонисий» для проверки и установления часов и «Объяснения на вопросы» академика, составленные Н. Д. Критским.²⁰ Копии некоторых документов о Фидониси и Березани сохранились в делах Одесского общества истории и древностей.²¹

Ф. И. Кругу была представлена и копия рукописной карты Фидониси, заверенная И. М. Будищевым, — «План острова Фидонисий с показанием на нем древних развалин. Сочиненный в 1823 году на шхуне Севастополь...» (рис. 99).²² В центральной части острова, на ровном плато, к юго-западу от колодца с пресной водой, нанесены контуры квадратного в плане храма размерами 30 × 30 м, ориентированного стенами по странам света, по линии СЮ внутреннее пространство разделено на две почти равные части. Западная половина состояла из трех помещений, центральное из которых ненамного больше боковых, восточная — из двух помещений, неодинаковых по площади. С северо-восточной стороны к храму примыкал ряд стен с обозначенной Н. Д. Критским буквой X цистерной.²³ Ряд условных обозначений раскрываются Н. Д. Критским в примечаниях: «Черты aa, vv, ss означают остатки стен; те места, кои означены одним пунктиром, означают части, кои сравнялись с поверхностью острова. Строение X, примкнутое к храму, должно быть систерна. Литеры У означают вход на остров по крутости». На южной части острова автор отметил «место, удобное к пристани на гребном судне», на северо-восточной обозначил два места, «удобные к входу на остров», а также «заваленный колодезь» к северу от храма и «отрытый колодезь» к юго-западу от него.

В «Топографическом описании острова Фидонисия» Н. Д. Критский подробно отвечает на вопросы Ф. И. Круга обо всех особенностях острова (документ № 11). Из текста ясно, что Н. Д. Критский не сомневался в принадлежности описанных им древних фундаментов «капищу» какого-то божества.²⁴ Отмеченная им техника кладки из крупного тесаного камня без извести и сравнение ее с памятниками ближайшей хоры Херсонеса на Гераклеийском полуострове подтверждают гипотезу о принадлежности строительных остатков на острове античному времени. Однако и естественные выходы местных коренных пород в других частях острова Критский принял за остатки древних стен.²⁵

Н. Д. Критский не удовлетворился находкой пяти архитектурных фрагментов, «окарниженных хорошим карнизом», и приказал матросам провести раскопки «во многих местах около стен» храма. К сожалению, места раскопок ни в описании, ни на плане не отмечены. Культурный слой оказался насыщен фрагментами керамики, в том числе клейменых амфор и черепиц. Помимо двух архитектурных деталей капитан-лейтенант привез в Николаев и передал в Кабинет редкостей Черноморского депо карт «обломок мраморный с греческой над-

¹⁷ Там же, л. 8—9; ИР ЦНБ, V, 716—718, л. 6—6 об.

¹⁸ ИР ЦНБ, V, 716—718, л. 5—6.

¹⁹ Кумани Н. М. Обзор гидрографических съемок Черного и Азовского морей // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1844. Ч. 2. С. 380, 397.

²⁰ ПФА РАН, ф. 88, оп. 1, д. 19, л. 60—61, 68—75 об.

²¹ ИР ЦНБ, V, 716—718, л. 1—10.

²² ПФА РАН, р. IX, оп. 1, д. 516, л. 1.

²³ АГСП. С. 31.

²⁴ ПФА РАН, ф. 88, оп. 1, д. 19, л. 60.

²⁵ Охотников С. Б. Островерхов А. С. Святилище Ахилла... С. 5.

писью, на коей можно разобратъ Семен Гока». К сожалению, при передаче древностей из депо карт в Черноморскую штурманскую роту в 1838 г. камень был разбит, надпись почти не читалась, и решением специальной комиссии памятник постановили «выбросить».²⁶ Н. Д. Критский, грек по национальности, охарактеризовал не дошедшую до нас надпись как «весьма древнюю».

Точность снятого Н. Д. Критским плана Фидониси подтверждается современными археологическими исследованиями. В августе 1968 г. на острове работала экспедиция Одесского музея под руководством С. А. Булатович. В низменной восточной части острова, где, по мнению большинства исследователей, находился священный участок, у спуска к морю с южной стороны, на месте большого скопления фрагментов амфор, расписной и чернолаковой керамики V—III вв. до н. э. был заложен шурф и обнаружены остатки кладки, сложенной насухо (два ряда по горизонтали, один ряд по вертикали, направление СЮ и ВЗ со слабым отклонением).²⁷ Вероятно, раскопками С. А. Булатович оказался открыт угол здания, квадратного в плане, отмеченного на карте Н. Д. Критского буквой С.

Ф. И. Круг, так и не закончивший свои исследования о Белом острове, предоставил полученные от А. С. Грейга материалы акад. Е. Е. Кёлеру. Последний цитатно использовал «Топографическое описание острова Фидонисия» Н. Д. Критского в своем «Мемуаре об островах и Беге, посвященных Ахиллу в Понте Евксинском», где впервые опубликовал гравюру с плана 1823 г.²⁸ Согласно Кёлеру, основная часть святилища находилась с западной стороны постройки; внутренние стены возведены в более позднюю эпоху, когда культ Ахилла оказался забытым, а в античное время облик храма был иным.²⁹

Работа была представлена Конференции Петербургской АН 31 августа 1825 г., а в июне следующего года А. С. Грейг отправил Е. Е. Кёлеру рисунок камня с надписью, открытого Н. Д. Критским на Фидониси.³⁰ Исследование академика уже вышло к тому времени из печати и надпись тогда осталась неопубликованной. Возможно, ее копия хранится в бумагах Кёлера в Архиве Государственного Эрмитажа.

В своем фундаментальном исследовании Е. Е. Кёлер тщательно собрал и проанализировал все упоминания о Левке в античной письменной традиции и пришел к выводу о наличии двух островов Ахилла в Причерноморье, так как первая группа авторов помещала его в море напротив дельты Дуная (о-в Фидониси), а вторая — у устья Борисфена (о-в Березань). Независимо от Е. Е. Кёлера, к такому же заключению пришел и И. П. Бларамберг в своей неизданной статье «*Antiquités découvertes en différens tems dans les ruines d'Olbia et conservées dans le Cabinet du Conseiller d'état de Blaramberg à Odessa*».³¹ Исследование одесского антиквара было написано, вероятно, в 1823—1825 гг. и, как следует из предисловия, должно было стать своего рода продолжением публикации ольвийских древностей, начатых изданием каталога монет его кабинета.³² Целью своего исследования он считал снятие разногласий из-за путаницы в работах древних историков и географов по поводу названия «остров Левка»: одни давали его острову, расположенному около Борисфена, другие Змеиному острову, расположенному недалеко от устья Дуная.³³ Главную задачу Бларамберг видел в доказательстве присутствия культа Ахилла на Березани в античную эпоху, поэтому древней истории Левки он коснулся лишь вскользь.

Весной 1834 г. нидерландский консул в Одессе, известный антикварий, впоследствии действительный член ООИД Я. В. Э. Тетбу де Мариньи подал новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору М. С. Воронцову проект «Об учреждении маяков при Константинопольском проливе», где обосновывал необходимость постройки маяка на о-ве Фидониси. «Место сие, мимо которого должны проходить все суда, входящие в Одесский залив или вы-

²⁶ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 516, л. 84 об.

²⁷ НА ОАМ, инв. № 83361, л. 8—12.

²⁸ Köhler H. K. E. Mémoire sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin // *Mémoires de l'Académie*. 1826. Т. 10. Р. 602—607. Pl. XXIV. Подготовительные материалы см.: АГЭ, ф. 11, д. 38: «Dromos et Leuce» (рукописные выписки Кёлера из произведений античных авторов); д. 86: «Leuce».

²⁹ Köhler H. K. E. Mémoire sur les îles... Р. 603—604.

³⁰ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3486.

³¹ ИР ЦНБ, V, 1017, л. 16 об.— 21 об.

³² Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia faisant partie de Blaramberg à Odessa. Paris, 1822.

³³ ИР ЦНБ, V, 1017, л. 17 об.

ходили из него, может служить указанием всем судам, противившим ветром или волнами возвращенным с настоящего пути. Одно сие обстоятельство делает оный пункт весьма важным и тем более, что остров сей находится недалеко от устья Дуная, опасного по плоскости берегов и по малой глубине моря в том месте... Почти все суда, намеревающиеся входить в устье Сулинское, приближаются сперва к Фидониси, и остров сей делается потому весьма важным для судов, принужденных при сильном восточном ветре подаваться назад и приближаться к Дунаю, дабы найти убежище в Сулине. На острове Фидониси однако же есть со всех четырех сторон отличные якорные места и он по сему служить может убежищем от четырех главных ветров. Все сии выгоды могут служить побудительными причинами для учреждения маяка, важность которого соделалась бы с каждым днем чувствительнее...».³⁴

М. С. Воронцов и члены Одесского отделения Коммерческого совета поддержали проект Я. В. Э. Тетбу де Мариньи. Генерал-губернатор обратился к главному командиру Черноморского флота и портов М. П. Лазареву с просьбой сообщить свое мнение по этому вопросу. Последний представил начальнику Главного морского штаба докладную записку с обоснованием необходимости постройки на Фидониси маяка, которая была высочайше утверждена 24 апреля 1835 г. Лазарев пишет: «А как в 23 милях к О от Сулинского устья находится небольшой остров Фидониси, который мореходцы плавающие между Одессою и Константинополем также портами Румельских берегов хотя и стараются всегда оставить к W для избежания опасности, но течение и низменность Дунайских берегов, и самая незначительная величина острова делают старания их в ночное время иногда бесполезными». Для удешевления работ Лазарев предлагал при строительстве маяка использовать «камень от развалин строений, бывших в древние времена на оном».³⁵

В газетах Петербурга, Москвы и Одессы напечатали объявление «о вызове всех желающих» на сооружение маяка, и в марте 1837 г. Черноморское интендантство заключило контракт с почетным гражданином Николаева, купцом первой гильдии Николаем Бухтеевым. По условиям контракта, Н. Бухтеев за 56 тыс. р. ассигнациями обязался построить на острове кирпичный маяк по утвержденным планам и сметам, «из собственных его по сметам положенных лесов, материалов, его же мастеровыми, рабочими людьми, посуду, инструментами, подмостками и подвозкою к месту строения материалов».³⁶

В октябре 1836 г. на Фидониси был командирован штабс-капитан П. А. Дрозжин «для предварительного обозрения камня, из коего предположено построение там маяка, равно и самого местоположения» и составления сметы. В донесении офицера подчеркнуто, что для строительства выбрана самая высокая точка острова, которую необходимо «очистить под всю площадь строения от находящихся там руин, едва приметных, и других груд камней с насыпью». П. А. Дрозжин заметил, что, «хотя на острове все скалы составлены как бы нарочито из правильных брусчатых камней, огромной величины штук, но вообще камень кремнистый, красноватого и синеватого цветов, крепкий и на построение маяка совершенно негодный».³⁷ Строительное отделение флота были доставлены образцы камня, и специалисты пришли к выводу о невозможности его использования для постройки фундаментов маяка, жилого дома и сарая.³⁸

Строительство началось в 1837 г. и закончилось освящением маяка в сентябре 1843 г. (рис. 100). Маяк был построен по проекту архитектора Акройда из кирпича, на каменном фундаменте, в забутовке которого использовались архитектурные остатки античного святилища.³⁹ Н. Бухтеев приказал раскопать и «разрыть порохом» два затопленных колодца, практически не дававших воды. «В каменном обрыве» острова во время строительства маяка были обнаружены два небольших водоносных источника.⁴⁰

Работы по расчистке площади под строительство по плану Н. Бухтеева велись под руководством П. А. Дрозжина. Об их ходе вспоминал сулинский житель Иваниц, участвовавший в строительстве маяка с 1837 г. В то время развалины храма представляли собой «род кургана,

³⁴ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3296, л. 27 об.—29.

³⁵ Там же, ф. 402, оп. 2, л. 188, л. 7—9.

³⁶ Там же, ф. 243, оп. 1, д. 4280, л. 2—2 об.

³⁷ Там же, л. 3815, л. 2—4.

³⁸ Там же, л. 4.

³⁹ Там же, ф. 402, оп. 1, д. 875, л. 1, 25—27.

⁴⁰ Там же, ф. 243, оп. 1, д. 3815, л. 35 об.—36.

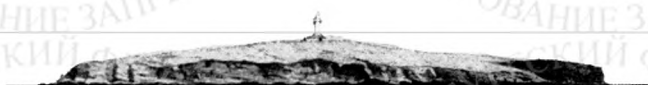
ОСТРОВЪ ЗМѢИНЫЙ

(ФЕДОНИСИ).

1728

1728

Видъ на О. Змѣиный съ моря.

Видъ на О. Змѣиный съ моря.

Рисованъ лейтенантомъ Федоровымъ

Рис. 100. Остров Змеинный (Фидониси). Рисовал с натуры лейтенант Федоров (РГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 727, л. 3).

оброшного травой». При его расчистке выяснилось, что «верхняя часть кургана была засыпана землею; по снятии оной оказались большие дикие камни, по разобратии же оных... опять насыпная земля, по расчищении которой открылись... обделанные, род белого мрамора, камни, бывшие в строении, но все они лежали в беспорядке». Во «взрытой» земле Иваниц нашел 7 медных монет и бусину из зеленоватого камня, которые были отобраны у него П. А. Дрозжиным с обещанием награды за находки. Некто кондуктор Г. А. Петров вывез с острова «один из числа камней подобно белого мрамора, который величиною был во все стороны по три четверти примерно». Была ли на нем надпись, Иваниц не помнил. Попытки ООИД получить эти древности для собственного музея успехом не увенчались.⁴¹

За шесть дней до открытия Одесского общества истории и древностей, 17 апреля 1839 г. преподаватель Ришельевского лицея Н. Н. Мурзакевич обратился к исправляющему должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора П. И. Федорову с просьбой поручить «внимательному человеку» надзор за строительством фундамента маяка для сбора и сохранения находимых древностей и надписей.⁴² Это задание было дано временному сулинскому полицмейстеру Петру Соловьеву. В рапорте П. И. Федорову от 7 сентября 1839 г. Соловьев сообщал, что, прибыв на остров, увидел расчищенное под строительство маяка место — «в одну сторону до 33 сажень [70.4 м], а в другую до 27 сажень [57.6 м]», где были сложены приготовленные «труды больших простых камней, вырытых, как полагать можно, из земли». Среди них оказалось 20 камней белого мраморовидного известняка, хорошо обработанных, но большей частью разбитых. К счастью, Соловьев привел описание некоторых из них. На постаменте со следами «человеческих следов» от статуи оказалась надпись с посвящением ольвинопольца сына Димострата Ахиллу владыке Левки (IRE, I, 326). Другой постамент был без надписи, третий камень — четырехугольной формы со стертой надписью, «род столба» высотой до 2.5 аршин (около 177 см), толщиной до 12 вершков (53 см), а также два каменных обломка с русскими надписями — «Григорий Попович Зин[к]овски Ануфрий Попович» и «Кто будет на сем месте и помолит бога за меня грешного», которые, по мнению Н. В. Пятисевой, оставлены казаками XVII—XVIII вв.⁴³ «Прочие камни, плитами отделанные, имеют величину — в ширину от 2 до 2.5 аршин [от 142 до 178 см], а в высоту до 1.5 аршин [106 см]. Полагать должно, что из оных были устроены стены в давнее время какого-либо величественного храма или другого здания. Ибо из них есть с карнизами, весьма хорошо выделанными. Камни сии толщиною примерно до 4 вершков [17.8 см] и более, а в карнизах верхние части до 7 [31 см] и более вершков», — писал П. В. Соловьев.

Из-за больших размеров и тяжести он смог вывезти с острова лишь несколько архитектурных фрагментов. В Сулин были отправлены: надпись Димострата; «угол карниза... вышиною в 6 1/4 вершков [27.8 см], а с боковых частей с одной 9 1/4 [41.1 см], а с другой 9 вершков [40 см]»; круглая колонна «с продольными высеченными полосами, временем испорченная, вышиною 10 вершков [44.5 см], толщиною 3.5 вершка [15.5 см]»; обломок камня, «выделанного наподобие подноса»; ручные каменные жернова «толщиною в 1 вершок [4.45 см]... диаметром 12 вершков [53.4 см]»; две разбитые черепицы, одна из которых шириной 8.5 [37.8 см], высотой 12.5 вершков [55.5 см]; 11 медных монет, 3 медных гвоздя и 2 медные стрелы, судя по рисункам, скифского типа; «разные черепки глиняной посуды, которыми меньшая часть острова в разных местах наполнена».⁴⁴ Эти памятники выхлопотало для своего музея Одесское общество истории и древностей. На судне шкипера Андреа Пьеро в августе 1840 г. они были перевезены в Одессу и получены Н. Н. Мурзакевичем.⁴⁵ В сентябре 1839 г. П. И. Федоров приказал П. В. Соловьеву доставить в Сулин вторую партию древностей, описанных в его рапорте, но оставленных на Фидониси, и в их числе «обломки плит, заложенных в бутовом простом камне, приготовленном для маяка», а также продолжить поиски и сообщить свои предложения о возможности «произвестъ... общее разыскание остатков древности».⁴⁶

⁴¹ НА ОАМ, инв. № 59182, л. 7—8 об., 10—12; ИР ЦНБ, V, 1534—1547, л. 3—3 об., 5—6 об.

⁴² НА ОАМ, инв. № 59182, л. 3—3 об.

⁴³ Пятисева Н. В. Археологическое обследование острова Левки (о. Змеинный) осенью 1964 г. // Археологический сборник. 1966. Вып. 40. С. 68 (Тр. ГИМ).

⁴⁴ НА ОАМ, инв. № 59182, л. 4—7

⁴⁵ Там же, л. 13; ИР ЦНБ, V, 1534—1547, л. 18.

⁴⁶ ИР ЦНБ, V, 1534—1547, л. 4—4 об.

О благосклонном внимании губернаторского начальства к археологическим поискам на Левке узнал измаильский купец Дмитрий Афанасьевич Сидери, чем и объясняется его желание «попытаться в земле на острове». Летом 1840 г. Д. А. Сидери в сопровождении 28 матросов отправился на Фидониси и провел раскопки за собственный счет. Он доставил в Сулин 13 камней «в обломках и целых редкой величины, от храма», найденных в 1839 г. П. В. Соловьевым, 8 медных монет, серебряное кольцо с резным изображением погони борзой собаки за зайцем, две геммы, крупную бусину, обломок серпы, гвоздь, кольцо и две стрелы. Для музея ООИД П. В. Соловьев приобрел у моряков 105 монет.⁴⁷ Мелкие вещи были отправлены в Одессу по почте, а 13 архитектурных фрагментов из-за большого веса и объема оставались в Сулине «до удобного случая».⁴⁸ Попали ли эти памятники в музей ООИД, неизвестно, скорее всего, нет.⁴⁹

Одесское общество истории и древностей не могло остаться в стороне от поиска древностей на Левке. На заседании 5 ноября 1840 г. ООИД постановило командировать на остров секретаря и заведующего музеем общества Н. Н. Мурзакевича для проведения раскопок и описания «сего классического, не довольно известного острова».⁵⁰ Воспользовавшись предложением бессарабского губернатора П. И. Федорова составить статистическое описание Бессарабии, Н. Н. Мурзакевич в сопровождении профессора естественных наук Ришельевского лицея А. Д. Нордмана, художника К. Боссоли, П. В. Соловьева, директора бессарабских училищ И. А. Нелидова и капитана В. С. Тихонова на лодке «Цецилия» отправился на остров.⁵¹ С 3 по 5 июня 1841 г. Н. Н. Мурзакевич занимался проверкой «прекрасно и верно» составленного плана Н. Д. Критского на местности.⁵² Он с сожалением констатировал, что от храма Ахилла почти ничего не осталось: «Стояли одни груды камня, сложенного в кубические сажени... Большие четырехугольные камни и плиты, выкопанные из земли, сложены, а карнизы разбиты на куски. Этот вандализм совершен с таким усердием, что от Ахиллова храма не осталось, как говорится, камня на камне... От всего фундамента, стен и карнизов уцелело лишь несколько отдельных кусков».⁵³

Из надписей Н. Н. Мурзакевич отмечает только одну древнегреческую, почти совершенно стертую, вероятно упомянутую в рапорте 1839 г. П. В. Соловьева надпись Димострата, ранее поступившую в музей ООИД. «В разных местах» острова, но где именно, неизвестно, был заложен ряд шурфов. Находки — битая плоская черепица, фрагменты керамики (поддоны, амфорные ручки, горла). «На месте вхождения на остров», на его южном склоне, Н. Н. Мурзакевич приказал заложить раскоп площадью 10 кв. сажень (около 45 м²), глубиной 0.5 аршина (около 35 см). Раскопками был обнаружен культурный слой, землю из которого просеивали через решето. За два с половиной дня работы было найдено около 120 древнегреческих и римских монет, 8 гемм, медные наконечники стрел, металлические кольца, рыболовные крючки, гвозди, фибулы, обломки стеклянных сосудов и бус, фрагменты расписной и чернолаковой керамики, в том числе с граффити.⁵⁴ Отсутствие пресной воды и трудно переносимая жара заставили путешественников поспешить с отплытием.

На судне «Цецилия» купца Д. А. Сидери в Одессу было переправлено «все, что имело архитектурную форму»: фрагменты «верхнего и нижнего карнизов», 6 кусков плит, «служивших стенами Ахиллесову храму», а также терракотовая статуэтка «младенца, державшего правую руку на приподнятом колене, а левую опущенную к левой ноге» и множество мелких предметов.⁵⁵ Благодаря содействию Д. А. Сидери и П. В. Соловьева, на организацию и проведение экспедиции Н. Н. Мурзакевича оказалось истрачено всего 10 р. серебром.⁵⁶ Через М. С. Воронцова общество выхлопотало у Министерства внутренних дел награду для купца

⁴⁷ НА ОАМ, инв. № 59182, л. 17—18, 21—21 об.

⁴⁸ Там же, л. 20—21.

⁴⁹ *Пятишева Н. В.* Археологическое обследование острова Левки... С. 59.

⁵⁰ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 1, л. 40—40 об.

⁵¹ Записки Н. Н. Мурзакевича // РС. 1887. Т. 56. № 12. С. 650—651.

⁵² *Мурзакевич Н. Н.* Поездка на остров Левки, или Фидониси, в 1841 г. Одесса, 1844. С. 30 (отд. оттиск из: ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 549—562).

⁵³ Там же. С. 21.

⁵⁴ Там же. С. 25—30; Записки Н. Н. Мурзакевича. С. 651.

⁵⁵ ГАОО, ф. 93, оп. 1, л. 174, л. 20—20 об.

⁵⁶ Там же, л. 1, л. 66 об.—67.

Д. А. Сидера за безвозмездную поддержку в археологических исследованиях на Фидониси — серебряную медаль на аннинской ленте с надписью «За полезное» для ношения на шее.⁵⁷

В 1841 г. по приказу М. С. Воронцова на Фидониси были командированы карантинный комиссар, унтер-офицер и 12 рядовых «для наблюдения правил карантинной осторожности».⁵⁸ Перед прибытием на остров комиссар Измайловского центрального карантина Александр Алексеев был лично проинструктирован П. И. Федоровым о необходимости сбора и охраны древностей. В своем рапорте Одесскому обществу А. Алексеев писал о своих усилиях собрать все случайно найденные памятники, «поощряя отыскивавших платежом из собственных денег». Им были приобретены инструменты и наняты рабочие для раскопок, в ходе которых был обнаружен некрополь, оставшийся недоисследованным. Алексеев неплохо разбирался в античной нумизматике и, вероятно, сам был коллекционером — в своем рапорте он привел приблизительные определения более 150 монет.⁵⁹ По какой-то причине раскопщик совершенно не обращал внимания на фрагменты керамики с граффити. Так, преемник А. Алексеева на посту карантинного комиссара П. Ситников, просеивая прежде раскопанную землю, буквально в каждом решете обнаруживал черепки с греческими надписями, разбитыми в мелкие куски, «так что на некоторых осталось только несколько букв».⁶⁰

Первый «сезон» раскопок А. Алексеева (21 мая—1 ноября 1842 г.) пополнил музей ООИД 53 греческими и 22 римскими монетами, 4 сердоликовыми геммами, резным сердоликовым скарабеем, 2 медными кольцами, медной статуэткой, 3 медными наконечниками стрел.⁶¹ Второй «сезон» (1 мая—1 ноября 1843 г.), во время которого и был обнаружен могильник, оказался более богат на находки. Среди них отмечены 295 монет, фрагменты расписной вазы «с рисунками и частью эллинской надписи» (известный обломок вазы с подписью мастеров Эпиктета и Никосфена), «урночка с эллинской надписью на пьедестале» (сосуд с надписью Главка), 2 кувшинчика (лекифа?), 1 чашечка, 4 маленькие глиняные «баночки (пущырьки)», теракотовая статуэтка кабира, 8 гемм, медное кольцо, медная «запонка, представляющая бегущего зайца», «глиняная фигурка в виде еловой шишки».⁶² В бумагах общества помечено, что «значительная часть весьма хороших монет удержана у себя Алексеевым» и о присылке им в Одессу «совершенно невнятных и малогодных». Часть находок была отнята у солдат, искавших монеты, и присвоена полковником Торкези.⁶³

Раскопочная лихорадка захватила не только чиновников карантинного поста, но и строителей маяка, а также матросов и офицеров морских судов, пристававших к острову. Карантинный комиссар П. Ситников в мае 1844 г. отправил обществу 50 монет, «приобретенных разновременно в Измаиле от чиновников и нижних чинов карантинной стражи, содержавших в прежние время на Фидониси карантинный пост». А в июне того же года он просил у П. И. Федорова «о предоставлении ему права воспрещать как находящимся на острове при маяке нижним чинам флотского ведомства, так и прибывающим туда по делам службы разным лицам добывать... древности, которые они оставляют у себя». Проводя хищнические раскопки, они, как правило, «утаивали» найденные вещи, несмотря на предлагаемую плату, и увозили их с Фидониси при смене с поста или продавали на месте за бесценок посещающим остров морякам. По сведениям Платона Ситникова, команда нижних чинов, сменившая карантинный пост А. Алексеева, «разрыв последнее место недокопанного им кладбища, отыскала до 600 монет... а также до 40 камушков с перстней... в числе их некоторые были с надписями. Часть этих древностей нижние чины продали командирам военных судов, посещавших остров, или выменяли матросам на водку и табак, готовя им, вероятно, такую же будущность в Измаиле». Смотритель маяка купил у них часть гемм и раздарил их разным лицам, правда, предварительно сняв слепки, которые П. Ситников переправил в общество.⁶⁴

П. И. Федоров благосклонно отнесся к предложению П. Ситникова и приказал командиру Сулинской брандвахты и заведующему Фидонисским маяком распорядиться, чтобы «найден-

⁵⁷ НА ОАМ, инв. № 59182, л. 24—25.

⁵⁸ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 4280, л. 133.

⁵⁹ НА ОАМ, инв. № 59182, л. 31—32.

⁶⁰ Там же, л. 35.

⁶¹ Там же, л. 26—29.

⁶² Там же, л. 31 об.—32.

⁶³ Там же, л. 66 об.

⁶⁴ Там же, л. 34—34 об.; ИР ЦНБ, V, 1534—1547, л. 13—13 об.

ные нижними чинами древности не были удерживаемы у себя, а доставлялись бы... чиновнику Ситникову, от которого уже будут представляемы обществу».⁶⁵

В рапорте о раскопках с августа 1844 г. по май 1845 г. Ситников сетовал, что ему достался «горький удел отыскивать древности на той почве, которая пересеяна уже два раза». При помощи решета собственной конструкции он заново стал просеивать землю из раскопок А. Алексеева на месте древнего некрополя и обнаружил 675 монет, 40 «камушков с перстней» (16 с «изяшной» резьбой), более 30 медных и железных стрел, 1 золотой, 2 медные резные и около 60 железных перстней, более пуда железных и медных гвоздей и разных металлических обломков, в том числе «маленьких колючек, отдельно и в кусках, жалких остатков кольчуг». По мнению Ситникова, некоторые из древностей были повреждены «при существовавшем у древних сожигании тел». Из фрагментов керамики с граффити он собирал только наиболее «уцелевшие».⁶⁶

В ходе раскопок Ситников наткнулся на нетронутый «нижний слой, отделяющийся от просеянной Алексеевым насыпной в 1 аршин [71.1 см] глиной, с наброшенными сверху камнями», заключавший «много жженных человеческих костей, перемешанных с землей, черепками, угольями и известью». В слое была найдена поврежденная «мраморная крышка урны или другого сосуда» с греческой надписью, клеймо на ручке родосской амфоры ΑΡΙΣΤΟΚΛΕΥΣ, терракоты («глиняные изваяния в малом виде ручки и головы человека»), несколько кусков свинца, свинцовая праща и много других мелких вещей.

Для продолжения раскопок «нетронутой еще земли» Ситников просил общество определить к нему двух-трех арестантов «гражданского ведомства из находящейся в Измаиле полуроты», так как пять «дряхлых ветеранов» нижних чинов, находившихся в его подчинении, несли еще и ежедневные прямые служебные обязанности по карантину. На отпущенные ООИД 25 р. ассигнациями раскопщик приобрел землекопные инструменты, однако для покупки тачек и кирок денег не хватило, поэтому Ситников запросил у общества еще 90 р. серебром.⁶⁷

Узнав о потере для науки значительного числа древностей, разошедшихся по разным рукам, Одесское общество обратилось к П. И. Федорову с просьбой предоставить ему исключительное право проведения раскопок на острове «по праву первого занятия», а все найденные вещи обязательно передавать в музей ООИД. Ситникову еще раз было предписано «не дозволять решительно никому брать и свозить с собою каких-либо предметов древности», а все найденные памятники тщательно упаковать и представить губернатору.⁶⁸

Крайне ограниченное в средствах, общество выслало Ситникову лишь 30 р. серебром, высказав пожелание о представлении им в музей всех без исключения найденных монет и других вещей. Такая мизерная сумма, видимо, не смогла удовлетворить запросы Ситникова и, судя по документам, часть древностей он все же присвоил. Так, на описи высылаемых в общество находок с перечислением 1195 монет, 40 сердоликовых, 5 стеклянных, 5 «искусственных», 2 металлических и 8 «половинок камушков», медного петуха, 2 медных «истуканчиков», серебряного и медного топорики, серебряной печати, 4 «человеческих головок, из коих 1 стеклянная, 1 костяная и 2 глиняных», 5 игральные кости, 5 медных и 2 серебряных перстней, медной иглы, 65 бусин, рассыпавшейся кольчуги, 26 железных перстней, 40 медных стрел и т. п., рукой Н. Н. Мурзакевича написано: «К сожалению, и половины не доставлено обществу».⁶⁹

Большая часть этих древностей была найдена в 1846 г. во время просеивания ранее раскопанной погребенной почвы древнего могильника. Стремление Ситникова найти непо потревоженный культурный слой успехом не увенчалось. После нескольких попыток выйти за черту места, где ранее производились раскопки, «обозначенного положенными в круг камнями», он ничего не нашел и перенес работы ближе к маяку, где на возвышенной части могильника на глубине 7 футов (около 2.1 м) был обнаружен «выложенный местным камнем склеп с истлевшим человеческим скелетом» вместе с распавшейся от времени кольчугой. Ситников писал, что на этом месте раскопки следует проводить «со значительным углублением, на довольно твердой земле, заваленной большими камнями».⁷⁰

⁶⁵ ИР ЦНБ, V, 1534—1547, л. 13 об.

⁶⁶ НА ОАМ, инв. № 59182, л. 34—35 об.

⁶⁷ Там же, л. 35 об.

⁶⁸ ГАОО, ф. 1, оп. 166-1845, л. 71, л. 1—3.

⁶⁹ НА ОАМ, инв. № 59182, л. 37—38, 40—41 об., 43—43 об., 46.

⁷⁰ Там же, л. 41 об.—42 об.

В сентябре 1846 г. общество отправило Ситникову еще 50 р. серебром с просьбой продолжить работы, но в 1847 г. он был отозван с острова и сменил карантинным комиссаром Охремовским.⁷¹ Грабительские раскопки оставшихся без наблюдения смотрителей маяка и карантинного поста возобновились с новой силой. Видимо, в Одессу доходили слухи о них, в том числе о находке камня с древнегреческой надписью.⁷² В мае 1849 г. ООИД обратилось к бессарабскому губернатору П. И. Федорову с просьбой поручить руководство археологическими раскопками на Фидониси карантинному комиссару и смотрителю маяка, «обоим совместно, с тем, чтобы отысканные ими монеты, вещи и проч. при списке за печатями обоих, через посредство начальника карантина были препровождаемы в общество». Этой мерой общество хотело повысить контроль за руководителями раскопок и предотвратить дальнейшую утечку древностей в частные руки. Но пожелание ООИД осталось неосуществленным, так как чиновники карантина подчинялись генерал-губернатору Бессарабии, а смотрители маяка — командованию Черноморского флота. П. И. Федоров распорядился вести раскопки карантинному комиссару, который был обязан присылать находки запечатанными в Одессу через Измаильский центральный карантин.⁷³ Однако эти меры не смогли предотвратить дальнейшее разграбление археологических памятников Левки.

С 1847 г. по 1850 г. хищнические раскопки на острове проводили служители маяка — они «совершенно разрыли» недокопанную П. Ситниковым часть древнего могильника (рис. 101, лит. С) и обнаружили «значительное количество» серебряных и медных монет, а также несколько золотых весом в 4 золотника каждая (17 г) и 2 серебряные статуэтки высотой в 6 дюймов (15,2 см). Все эти находки были вывезены с острова или проданы на месте.⁷⁴ В августе 1847 г. одна золотая монета, оказавшаяся статером Александра Великого, была «препровождена» для атрибуции в Петербургское археолого-нумизматическое общество неким г-ном Леви.⁷⁵

С осени 1849 г. по июнь 1850 г. на Фидониси проводил раскопки за собственный счет карантинный чиновник Илья Петренченко и «четыре человека нижних чинов морского ведомства», которые за просеивание каждой квадратной сажени земли получали по 1 р. 42 к. серебром. И. Петренченко отправил обществу всего 9 монет, 4 медные стрелы и «камушек светло-зеленого прозрачного цвета, с одной стороны выпуклый, а с другой плоский».⁷⁶ Остальные находки он, скорее всего, присвоил.

В апреле 1849 г. ООИД получило известие о находке на Фидониси камня с древнегреческой надписью. При содействии П. И. Федорова и М. П. Лазарева к острову была направлена пхуна «Ласточка» с поручением доставить камень в Одессу. Осмотрев камень, командир корабля капитан-лейтенант Воеводский заявил, что из-за больших размеров и веса целиком его транспортировать невозможно, и предложил отпилить надпись. Общество категорически отвергло это предложение и решило оставить камень на месте до следующей навигации, однако переправить памятник в Одессу так и не удалось, так как 28 февраля 1851 г. приказом губернского начальства карантинный пост был упразднен и суда стали заходить на остров значительно реже.⁷⁷

В бумагах Имп. Русского археологического общества сохранился неточный список этой надписи, выполненный П. Ситниковым на Левке в 1852 г., с указанием размеров камня — длина 1 аршин 1,5 вершка (77,7 см), ширина 14 вершков (62,3 см). Ситников утверждал, что камень был найден при постройке маяка,⁷⁸ но это не подтверждается архивными документами. В отчете Н. Н. Мурзакевича 1841 г. сведений о нем еще нет. Вероятно, камень был найден в 1848—1849 гг. В настоящее время надпись хранится в Национальном археологическом музее в Бухаресте (IRE, I², 325).

При закрытии карантинного поста на Фидониси в 1851 г. Измаильское карантинное правление передало принадлежавшие обществу две лопаты, два лома и два решета «заведующему

⁷¹ Там же, л. 44—45; РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 4566, л. 4—129.

⁷² НА ОАМ, инв. № 59182, л. 53—54; РА ИИМК, ф. 3, оп. 1, д. 620.

⁷³ НА ОАМ, инв. № 59182, л. 498—52.

⁷⁴ РА ИИМК, ф. 3, оп. 1, д. 620, л. 3.

⁷⁵ ЗПАНО. 1850. Т. 2. Вып. 2. С. 416.

⁷⁶ НА ОАМ, инв. № 59182, л. 55—56 об.

⁷⁷ Там же, л. 49 об., 54, 57—59 об.; РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 4566, л. 165.

⁷⁸ РА ИИМК, ф. 3, оп. 1, д. 620, л. 2.

островом... исправляющемуся должностному капитану Сулинского порта капитану 2 ранга Морозову для разыскания древностей».⁷⁹ Сведения о проведении им раскопок в документах отсутствуют.

Летом 1852 г. на острове вновь работал Ситников, возможно, по поручению Имп. Археологического общества. Сохранился его отчет о раскопках (документ № 24). После безуспешных поисков вокруг древнего могильника и окружающих его развалин, он перенес раскопки к маяку и открыл на глубине около 1,8 м, в глинистом грунте 8 погребений, обложенных плитами местного камня. Копая по направлению уцелевшего фундамента храма, на глубине около 90 см он наткнулся на сохранившийся *in situ* пол здания, вымощенный квадратной черепицей толщиной около 5 см.

Безусловная заслуга Ситникова состоит в том, что он на основе плана Н. Д. Критского 1823 г. составил подробный «План острова Фидониси с показанием древних на нем развалин и произведенных раскопок» (рис. 101). План позволяет уточнить места раскопок карантинных чиновников 1839—1852 гг. и дает общее представление об археологической топографии острова. Условные обозначения плана раскрыты в легенде: «Черты А.Б. означают остатки древних развалин. С — раскопанное древнее кладбище. Д — разрытые гробницы. е — места, где производились поиски в последнее время. Ж — цистерна (т. е. цистерна. — И. Т.). 3 — древний колодезь. j — межи и огорожи. К — пристани. Окружность острова 2 версты. Длина до 300 саженей. Высота от урвня моря 126 фут. английских».⁸⁰

Осмотрев на юго-западной стороне острова огромные камни, сложенные наподобие стен, П. Ситников пришел к выводу, что это «межи или огорожи» для раздела территории, служившие для «удерживания на покатиистых местах острова земли, удобной для возделывания». Те же стены зафиксированы и на плане Н. Д. Критского 1823 г. (отмечены буквами *aa*, *ee*). В 1964 г., во время посещения острова экспедицией под руководством Н. В. Пяттшевой этих стен уже не было. По ее мнению, гребенчатые выходы пород на юго-западном и западном склонах в древности, вероятно, дополнялись «циклопической кладкой из огромных полуобработанных глыб той же породы».⁸¹

Раскопки Ситникова с марта по июль 1852 г. обнаружили 2 золотые, 28 серебряных и 409 медных монет, 60 «незначительных камушков с перстней», 45 «каменных», стеклянных и прочих бусин, 3 медных и 1 серебряное кольцо, медную статуэтку, 14 стрел и «глиняное изображение дельфина». Сохранился список монет с определениями по центрам чеканки, однако прилагавшиеся к отчету рисунки гемм в архивном деле отсутствуют.⁸² На заседании ООИД 2 октября 1852 г. Н. Н. Мурзакевич представил для Минц-кабинета общества приобретенные им 2 серебряные и 7 медных древних монет, найденных на о-ве Фидониси.⁸³

Еще одна карта Фидониси была опубликована Я. В. Э. Тербу де Мариньи в его «Атласе Азовского и Черного морей», изданном в Одессе в 1850 г. на французском языке. На 8-й литографированной таблице имеется врезка с картой острова, восходящей к какому-то другому источнику, а не к карте Н. Д. Критского, где отмечены маяк, колодезь и «руины» двух квадратных построек — первая к юго-западу, вторая к северу от маяка. Те же строительные остатки зафиксированы и на плане П. Ситникова 1852 г.⁸⁴

После поражения России в Крымской войне 1853—1856 гг. по Парижскому мирному договору о-в Фидониси, устье Дуная и Южная Бессарабия отошли к автономной в рамках Османской империи Молдове, а затем к Румынскому княжеству. Находившиеся на острове офицер и 7 человек нижних чинов морского ведомства вместе со всем имуществом, машиной и фонарем маяка на пароходе «Тамань» были сняты с острова 30 декабря 1856 г. и доставлены в Одессу.⁸⁵ Почти сто лет спустя, в 1945 г. остров был возвращен СССР, и в том же году на Змеином побывал научный сотрудник Института археологии АН УССР Л. Д. Дмитриев, но результаты его поездки не опубликованы. В 1964 г. на острове работала комплексная экспедиция во главе с Н. В. Пяттшевой, в 1968 г. — экспедиция Одесского археологического музея

⁷⁹ НА ОАМ, инв. № 59182, л. 61, 63—64.

⁸⁰ РА ИИМК, ф. 3, оп. 1, д. 620.

⁸¹ Пяттшева Н. В. Археологическое обследование острова Левки... С. 62.

⁸² РА ИИМК, ф. 3, оп. 1, д. 620, л. 4 об.—5 об.

⁸³ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 3, л. 68.

⁸⁴ *Taibout de Marigny E. Atlas de la mer Noire et de la mer d'Azow. Odessa, 1850. Pl. 8* (РГБИА, ф. ВУА, д. 23722, л. 18).

⁸⁵ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 5610, л. 1—1 об.; д. 5903, л. 1—4.

под руководством С. А. Булатович,⁸⁶ а в 1988—1990 гг. — под руководством С. Б. Охотникова. Были проведены разведочные шурфовки в разных местах Змеиног и поиски в прибрежной подводной части. Исследования последних десятилетий показали отсутствие на острове ненарушенного культурного слоя. Невосполнимый урон культурным остаткам был нанесен строительством маяка, румынских и советских военных сооружений, расположенных на наиболее удобных местах, использовавшихся и в древности. Так, весь почвенный слой в низменной части острова был снят бульдозером.⁸⁷

Изучив архивные материалы первой половины XIX в., можно с полной определенностью заключить, что раскопки чиновников карантинной службы, строителей и смотрителей маяка хотя и проводились с ведением и на средства ООИД носили кладоискательский характер. Общество можно упрекнуть в отсутствии попыток выработать специальную инструкцию для раскопок, пренебрежение к составлению планов и чертежей. Даже исследования Н. Н. Мурзакевича проходили без всякой научной фиксации объектов. Общество было заинтересовано в быстром пополнении археологического собрания своего музея и почти не обращало внимания на методическую сторону работ. Культурный слой на Фидониси оказался перетолчен в результате хищнических, непрофессиональных раскопок. По рапортам чиновников очень трудно, а порой и вовсе невозможно понять, в каких местах проводились работы. Некоторые донесения о раскопках сводятся к простому перечислению найденных вещей. Часть раскопщиков была не прочь скрыть, присвоить себе или продать открытые древности. Даже трудно представить, какая масса археологических источников навсегда потеряна для науки.

Корабли, пристававшие к острову, забирали камни из развалин святилища в качестве балласта.⁸⁸ Так, в 1845 г. транспорт «Ингул» дважды вывозил с острова каменный балласт по 1 тыс. пудов (16,38 т).⁸⁹ Н. Д. Критский привел рассказ шкипера Пападаки о том, что в 1814 г. один итальянский моряк, остановившись на Фидониси, приватил с собой 6 архитектурных фрагментов, включая одну колонну (документ № 11).

Неиспользовавшиеся ранее исследователями планы И. М. Будищева 1801 г. и П. Ситникова 1852 г. существенно дополняют опубликованный Е. Е. Кёлером план Н. Д. Критского 1823 г. Судя по отчету П. Ситникова, найденный им *in situ* пол храма был вымощен плоской черепицей. Здание было построено из белого мраморного известняка, причем не местного, как полагал И. И. Толстой, а привозного.⁹⁰ Хранящийся в ОАМ НАН Украины фрагмент ионийской колонны высотой 0,92 м, диаметром 0,88—0,92 м, опубликованный И. Р. Пичикьяном как происходящий с Левки,⁹¹ скорее всего таковым не является. Во всяком случае, ни в одном дореволюционном каталоге музея ООИД, включая неизданные описания,⁹² среди памятников, вывезенных с Фидониси, фрагмент колонны не значится. Его размеры не совпадают и с параметрами круглой колонны «с продольными высеченными полосами» (высота 4,45 м, диаметр 1,55 м), найденной П. Соловьевым в 1839 г. и переправленной в августе 1840 г. в Одессу.⁹³ Скорее всего, эта колонна поступила в Николаев из расформированного собрания Кабинета редкостей Адмиралтейского департамента.

Архивные источники позволяют уточнить происхождение многих беспаспортных вещей ОАМ, происходящих с Левки. Это касается прежде всего монет, первым издателем которых был Н. Н. Мурзакевич.⁹⁴ Судя по краткости описания, его нумизматические заметки носили предварительный характер и должны были стать основой большой работы, которая так и не

⁸⁶ НА ОАМ, инв. № 83361.

⁸⁷ Там же, л. 39.

⁸⁸ Мурзакевич Н. Н. Поездка на остров Левки... С. 22—23.

⁸⁹ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 4712, л. 82 об.—83 об.

⁹⁰ Толстой И. И. Остров Белый и Таврика на Евксинском ponte. Пг., 1918. С. 27; Пятыхева Н. В. Археологическое обследование острова Левки... С. 62.

⁹¹ Пичикян И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье: Античные традиции и влияния. М., 1984. С. 154. Рис. 55.

⁹² ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 174, л. 19 об.—20 об.; оп. 2, д. 1, л. 142—144 об.

⁹³ НА ОАМ, инв. № 59182, л. 6 об.—7, 13—14.

⁹⁴ Мурзакевич Н. Н. 1) Поездка на остров Левки...; 2) О некоторых малоизвестных монетах, имеющихся в Одессе // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 316—318; 3) Монеты, отысканные на острове Фидониси // ЗООИД. 1848. Т. 2. С. 838—839; 4) Эллинические памятники, найденные в Новороссийском крае // Там же. С. 405—416; 5) Монеты, отысканные на острове Левки или Фидониси // ЗООИД. 1853. Т. 3. С. 237—246; 6) О некоторых малоизвестных монетах // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 475—476.

увидела свет. 30 ноября 1851 г. он представил обществу «описание монет, разновременные найденных на острове Фидониси», которые были еще «нумизматикам неизвестны».⁹⁵ К счастью, сохранились неизданные таблицы с прорисями найденных монет, ольвийскую часть которых опубликовал П. О. Карышковский,⁹⁶ а также неиспользованные ранее исследователями списки монет, принадлежавших музею ООИД. На острове обнаружено не менее 2387 монет, упоминаемых в рапортах чиновников за 1839—1852 гг., однако в музей ООИД попало чуть более тысячи. Корреспондент общества, смотритель Измаильского уездного училища Афанасьев 12 марта 1854 г. передал ООИД «8 медных монет боспорских, 1 серебряную греческую с изображением на одной стороне двух лиц, а на другой птицы, держащей рыбу с надписью ΣΤΡΙΞ и 1 серебряную татарскую с острова Фидониси».⁹⁷

В марте 1859 г. Н. Н. Мурзакевич подал обществу донесение об общем числе и составе нумизматического собрания: «Монеты, собранные на острове Левки или Фидониси: всех вообще 1 золотая, 53 серебряных, 455 медных; на руках действительного члена Беккера 6 серебряных, 561 медная», а также список рукой П. В. Беккера с определениями монет по центрам чеканки с припиской Н. Н. Мурзакевича: «Всех монет с острова Фидониси золотых 1, серебряных 59, медных 1016; [итого] 1076 монет».⁹⁸ Полная публикация таблиц Мурзакевича позволит дать точные определения и датировки 228 монетам. Важность и необходимость распределения монет не только по месту чеканки, но и по времени их эмиссии показали еще М. И. Ростовцев и А. Н. Зограф.⁹⁹ Эту кропотливую работу первой начала С. А. Булатович¹⁰⁰ и продолжила Е. С. Столярик.¹⁰¹

По свидетельству Арриана (Агр., РРЕ., 32(21Н)) в храме находилось множество даров — посвященных надписей, драгоценных камней, перстней, дорогих сосудов, приносимых древними мореплавателями Ахиллу владыке Левки в благодарность за спасение и благополучное плавание. Раскопки первой половины XIX в. это подтвердили. Найденны декрет ольвиополитов и посвящение Ахиллу IV в. до н. э., множество граффити с именем героя,¹⁰² фрагмент краснофигурного кратера с именами Эпиктета и Никосфена,¹⁰³ большое число колец, перстней, бус, металлических и терракотовых статуэток,¹⁰⁴ более двухсот гемм.¹⁰⁵

Количество и разнообразие даров говорят об общегреческом характере культа Ахилла владыки Левки.¹⁰⁶ Находки не менее 84 стрел скифских типов¹⁰⁷ свидетельствуют о беспокойной жизни святилища и подтверждают сведения письменных и эпиграфических источников о попытках нападения на остров.¹⁰⁸

Открытый чиновниками древний могильник из урн с трупосожжениями в северо-восточной низменной части острова и грунтовых ям с каменной обкладкой юго-восточнее храма входит в явное противоречие со свидетельствами античных авторов, писавших, что на Левке селиться запрещено. Ряд исследователей не сомневаются в наличии на Фидониси древнего

⁹⁵ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 3, л. 23—23 об.

⁹⁶ Карышковский П. О. Ольвийские монеты, найденные на острове Левке // МАСП. Киев, 1983. С. 158—167.

⁹⁷ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 30, л. 178.

⁹⁸ ИР ЦНБ, V, 1572—1577, л. 5 об.—8. Ср.: ГАОО, ф. 93, оп. 2, д. 1, л. 289—290.

⁹⁹ Ростовцев М. И. Новая книга о Белом острове и Таврике // ИАК. 1818. Вып. 65. С. 183; Зограф А. Н. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье // СА. 1941. Т. 7. С. 152.

¹⁰⁰ Булатович С. А. Монетные находки на острове Левке // МАСП. 1971. Вып. 7. С. 212—225.

¹⁰¹ Столярик Е. С. Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеантичное и византийское время (конец III—начало XIII в.). Киев, 1992; Столярик Е. С., Тункина И. В. Позднеантичные и византийские монеты с Левки по неизданным рисункам Н. Н. Мурзакевича // Охотников С. Б., Островерхов А. С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). Киев, 1993. С. 125—126.

¹⁰² Штерн Э. Р. Граффити на античных южнорусских сосудах // ЗООИД. 1897. Т. 20. С. 169—172; Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2. С. 72—99. № 3. С. 75—116.

¹⁰³ Фармаковский Б. В. Три керамических фрагмента Одесского музея Имп. Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. 1893. Т. 16. С. 39—44.

¹⁰⁴ Клейман И. Б. Терракоты с о. Левки (Белого острова) из святилища Ахилла Понтарха // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. С. 24 (САИ. Вып. Г1-П).

¹⁰⁵ Охотников С. Б., Островерхов А. С. Геммы и перстни из святилища на Левке // Древнее Причерноморье: II чтения памяти проф. П. О. Карышковского: Тез. докл. юбил. конф. 9—11 марта 1991 г. Одесса, 1991. С. 69—71.

¹⁰⁶ Толстой И. И. Остров Белый... С. 42, 85; Русаева А. С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 127.

¹⁰⁷ Пятыева Н. В. Археологическое обследование острова Левки... С. 67.

¹⁰⁸ Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 164—168.

поселения,¹⁰⁹ другие полагают, что остров не мог быть заселен «скольким-нибудь стабильным населением в полном смысле этого слова», но признают присутствие на нем немногочисленного культового персонала.¹¹⁰ С. А. Булатович высказала предположение, что остров в римское время мог использоваться и в военных целях и помимо жрецов на нем могли находиться римские моряки и солдаты.¹¹¹

Всесторонняя интерпретация памятника и анализ вещевого материала не входили в задачу моего исследования.¹¹² В заключение подчеркну лишь следующее. Святилище Ахилла на Левке, существовавшее почти тысячу лет, является одним из ключевых памятников Северного Причерноморья античной эпохи. Его судьбу в последние два века нельзя считать счастливой — по ряду причин значительный объем научной информации о нем невосполнимо утрачен. Несмотря на печальное состояние памятника в наши дни, из архивных материалов можно извлечь принципиально важную информацию о нем.

10.2. ОСТРОВ БЕРЕЗАНЬ

В 1788 г. в результате русско-турецкой войны о-в Березань отошел к России.¹¹³ В его северной и южной частях оставались два турецких укрепления (на южной оконечности и в северо-восточном углу при единственном месте причала к острову), возведенных после заключения Кучук-Кайнарджийского мирного договора с Турцией (1774). После капитуляции турецкого гарнизона Г. А. Потемкин приказал вывезти все военное имущество, а укрепления взорвать. Первый план строительства русских укреплений на острове, впрочем неосуществленный, подписан в 1737 г. инженер-полковником Николасом фон Брадке и относится к периоду осады и взятия Очакова войсками Б. К. Миниха. План хранился когда-то в Научном архиве ОАМ, но впоследствии поступил в Одесский историко-краеведческий музей.¹¹⁴

Ко второй половине XVIII в. относится рукописный «Вид укрепления острова Березани, снятого из вышины одного бастиона в Кинбурне расстоянием в 15-ти верстах», подписанный подполковником бароном В. И. фон Розеном (размер 20 × 28,5 см).¹¹⁵ До нас дошли два неподписанных рукописных иллюминированных плана Березани с экспликацией на французском языке, которые датируются 1784 г. и представляют общий вид острова с проектируемыми, но, к счастью, не возведенными русской крепостью и батареей (масштаб соответственно 150 туазов, т. е. 1:1950, и 20 туазов, т. е. 1:312), рельеф показан отмывкой, размеры листов 43 × 68 см и 22 × 34 см. К началу XIX в. относится достаточно схематичный рукописный «План части очаковской крепости, расположенной на острове Березани», масштаб 1:4200 (в 1 английский дюйм 50 саж.), рельеф отмывкой, размер листа 17,5 × 26 см.¹¹⁶ На нем в красках показаны детали рельефа, турецкая мечеть, «магазин» и пороховой погреб. Более точен недатированный красочный план «île de Berezen» с экспликацией на французском языке в масштабе 10 туазов (1:1950), рельеф отмывкой, размер листа по рамке 32 × 50 см.¹¹⁷ (рис. 102), где зафиксированы все турецкие постройки. В РГАВМФ¹¹⁸ также хранятся несколько планов о-ва

¹⁰⁹ Пятыхева Н. В. Археологическое обследование острова Левки... С. 65—66; Лейпунська Н. О. Про культ Ахілла в Північному Причорномор'ї // Археологія. 1970. Т. 23. С. 66.

¹¹⁰ Виноградов Ю. Г. Политическая история... С. 168. Примеч. 104.

¹¹¹ Булатович С. А. Античные находки на о. Змеиный // Проблемы археологии Северного Причерноморья: (К 100-летию основания Херсонского музея древностей) : Тез. докл. юбил. конф. Херсон, 1990. Ч. 2. С. 56—57.

¹¹² См.: Охотников С. Б., Островерхов А. С. Святилище Ахилла...

¹¹³ В составе «Атласа, содержащего карты и планы последней турецкой войны, верно снятых полковником комендантом и кавалером бароном фон Тизенгаузенем» (1793) находится «План десанта и взятия о-ва Березани Черноморскими казаками. Сентября 8 дня 1788 г.» в масштабе 1 см=20 саж. (ОР РНБ, ф. 885 (Эрмитажное собрание), л. 287, л. XVIII). Среди других картографических материалов см. копию плана «Остров Ада, или Березань, на запад от Кинбурнской косы», подписан инженером фон Ликневским (РГАВМФ, ф. 326, оп. 1, д. 7977). История взятия о-ва освещена в кн.: Сапожников И. В. Остров Березань и его штурм 7 ноября 1788 г. Ильичевск, 2000.

¹¹⁴ Болтенко М. Ф. Исторические судьбы острова Березани // ЗОАО. 1960. Т. 1. С. 45; Сапожников И. В. Остров Березань... С. 17. Примеч. 1.

¹¹⁵ РГВИА, ф. 418, оп. 1, д. 614, л. 1.

¹¹⁶ Там же, д. 596, л. 1—2; д. 640, л. 1.

¹¹⁷ Там же, д. 665, л. 1.

¹¹⁸ РГАВМФ, ф. 3/Л, оп. 23, д. 1323—1337 (за 1788—1911 гг.).

Березани, в их числе красочный «Чертеж плана и профиля острова, с показанием укрепления, занятого русскими войсками» (М. 1:1680) от 7 ноября 1788 г.,¹¹⁹ «Чертеж плана и профиля укреплений на острове» (1788),¹²⁰ «Чертеж плана и профиля острова» (1821),¹²¹ иллюминированный «Генеральный план острова с показанием морских глубин» (1817),¹²² и целая серия разномасштабных планов под названием «Генеральный план острова с показанием работ, произведенных по укреплению его...» в 1806—1811, 1817, 1821 гг.¹²³

Упоминание о Березани я нашла в недатированном «Рапорте о географическом и топографическом положении провинции Озу или Едизан, обыкновенно называемой Очаковской степью, для прояснения карт и планов, снятых по Высочайшему повелению инженер-майором Деволланом», написанном на французском языке. Франц Павлович Деволла (de Wollant, 1752—1818), брабантский дворянин, перешедший на русскую службу в 1787 г., вошел в историю Новороссии как автор планов и руководитель строительства крепостей Фанагорийской, Кинбурнской, Перекопской, Тираспольской, Овидиопольской, городов Севастополя, Николаева, Одессы, Новочеркасска и др. Вероятно, рапорт был составлен в начале 1792 г., вскоре после заключения Ясского мирного договора с Турцией 29 декабря 1791 г. и присоединения Очаковской области к России, так как в том же году Ф. П. Деволла получил чин подполковника.¹²⁴ Донесение состоит из шести разделов, включая географический, гидрографический и топографический. К описанию была приложена «Карта географическая, изображающая область Озу¹²⁵ или Едизан¹²⁶ иначе называемую Очаковскою землею и присоединенную ныне к Российскому государству в силу заключенного в Яссах декабря 1791 года мирного договора. Инженер-майор и кавалер Деволла».¹²⁷ В рапорте отмечено, что на Березани нет пресной воды, а имеются лишь один или два колодца с солоноватой водой. «Мы принципиально избегаем в наших описаниях вступать в лабиринт древней истории...», — писал Деволла. — Здесь следует только заметить, что этот остров уже в то время, когда древние греки владели нашим побережьем и берегами рек, был пунктом в их системе оборон». Военный инженер отождествил Березань с Ахилловым островом, упоминаемым в античных источниках, полагая, что на нем не было других обитателей, кроме оборонявшего его военного отряда, а также обслуживающего персонала храма, посвященного Ахиллу.¹²⁸

В 1800 г. император Павел I приказал восстановить на Березани маленький гарнизон из артиллерийской команды численностью в 20—25 человек. К первой четверти XIX в. относится военное строительство в южной и северной частях острова, зафиксированное на упомянутых выше планах из РГАВМФ. Березанский гарнизон был окончательно упразднен по распоряжению А. С. Грейга лишь в 1825 г., в 1826 г. казенное имущество перевезли в Очаков и Кинбурн, а каменную солдатскую казарму, «сарай для поклажи провианта и печь для каления ядер» разобрали.¹²⁹ Таким образом, начиная с XVIII в. культурный слой античного по-

¹¹⁹ Там же, д. 1330.

¹²⁰ Там же, д. 1337.

¹²¹ Там же, д. 1336.

¹²² Там же, д. 1324.

¹²³ Там же, д. 1328 (в 1806 г.); д. 1329 (в 1807 г.); д. 1323 (в 1808 г., М. 1:1680); д. 1331 (в 1809 г.); д. 1332 (в 1810 г.); д. 1333 (в 1811 г.); д. 1325 (в 1817 г., М. 1:2100); д. 1336 (1821 г.). Здесь же хранятся красочная калька «Генеральный план острова с показанием устройства пристани и рельсового пути для доставки броневых башен» от 26 мая 1911 г. в масштабе 1:840 (там же, д. 1326) и чертеж плана и профиля острова за 1911 г. (д. 1334).

¹²⁴ См. о нем: Справочный энциклопедический словарь / Под ред. А. Старчевского. СПб., 1855. Т. 4. С. 45; Жерве В. Деволла Франц Павлович // РБС. 1905. Т.: Дабелов—Дядьковский. С. 155—158; Мурзакевич Н. Н. Деятели Новороссийского края: Вице-адмирал И. де Рибас и инженер-полковник Ф. де Волан // ЗООИД. 1875. Т. 9. С. 338; Фриман Л. История крепости в России. СПб., 1895. Ч. 1: До начала XIX столетия. С. 150, 152, 155; Скальковский А. А. Первое тридцатилетие города Одессы: 1793—1823. Одесса, 1837. С. 27, 54, 91, 108, 109; Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. Киев, 1984; Гусевич Д. Ю. Деволла // ОИЗ. 1994. Т. 1. С. 687; Де-Воллан Ж. Ф. Очерк моей службы в России, 1787—1811 гг. Одесса, 1999.

¹²⁵ Озу, ози, озю, т. е. «река» — название Днепра у турок и татар.

¹²⁶ Едизан, Едисан — территория между Бугом и Днестром, входившая в Западный Ногай.

¹²⁷ Сведения о документе впервые опубли. Григорovich В. И. Записка о пособиях к изучению южно-русской земли, находящейся в военно-ученом архиве Главного штаба. Одесса, 1876 (Записки Новороссийского университета. Т. 20. Ч. 2. С. 9—37).

¹²⁸ РГВИА, ф. ВУА, д. 18364, л. 165—166.

¹²⁹ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, л. 1757, л. 2—3, 6 об.

селения на Березани были местами переложения в результате перемещения грунта во время возведения турецких и русских оборонительных сооружений.

В июне 1821 г. в поисках следов храма Ахилла остров посетил акад. Е. Е. Кёлер.¹³⁰ Он пришел к выводу, что в Понте Эвксинском Ахиллу были посвящены два острова — Левка и Березань. Свидетельства ряда античных авторов и находки надписей, по его мнению, неопровержимо доказывали тождество Ахиллова острова и Борисфениды (Березани) в римское время.¹³¹

Во время посещения Кёлера на острове в казарме на западном берегу жило всего 8 артиллеристов. Здесь имелось несколько колодезь с солоноватой водой, которые ранее использовались турками, причем один из них был глубиной 7 саженей (около 16 м). После поверхностного осмотра местности Кёлер отметил: «В настоящее время на этом острове нельзя увидеть никаких античных развалин; все, что сохранилось в течение нескольких тысячелетий, вероятно, было разрушено турками».¹³²

В 1823 г. по просьбе Е. Е. Кёлера Н. Д. Критский составил описание и карту (рис. 103) острова. «В древние времена остров был населен, но южная его часть была необитаема, — писал военный гидрограф. — Нет никаких следов, чтобы можно было сказать, что здесь было жительство. Берега его на сем месте не заключают в себе ничего такого, чтобы можно было в том увериться; нет никаких остатков и признаков, они состоят из чистой земли и ни с чем не смешаны. На сем месте есть колодезь глубиной в 7 саженей, но оный выкопан турками, кои имели под крутостью, у подошвы острова горизонтальную батарею, обложенную с морской стороны тесаными камнем и хорошо построенную. Она существует еще в том же виде и положении, и во всей исправности. Северная часть острова была древними населена, но уже не видать никаких развалин. Турки, когда строили свои шанцы, перенесли весь камень и сравняли всю поверхность так, что едва бугорка два или три видеть можно. По над берегом набросано фута на три [около 0.9 м] в толщину множество черепков, кувшинных ручек, горлушков и поддонков, золы и уголья. На сем месте у самого берега нашел я две монеты, принадлежащие городу Ольвии, и отломок дикого камня, на котором иссечена греческая надпись».¹³³ Последнюю находку Критский передал в Кабинет редкостей Черноморского депо карт, а копию надписи в 1826 г. предоставил Кёлеру.¹³⁴ Об этой надписи И. А. Стемпковский писал П. И. Кёппену: «В Николаеве нашел я одну надпись греческую, привезенную с острова Березани, где был храм Ахиллу посвященный: на ней, в передней, люди точили ножи!!!».¹³⁵ В составе николаевского археологического собрания этот лапидарный памятник попал в музей Одесского общества истории и древностей, но, вероятно, утратил свою паспортизацию.¹³⁶

Н. Н. Мурзакевич упоминает единственную надпись, якобы найденную на Березани, поступившую из Кабинета редкостей Черноморского депо карт — посвятельную надпись «Папия Праксианактова» и других стратегов Аполлону Простату (IPE, I², 98).¹³⁷ В более позднем описании названы уже две надписи — IPE, I², 98 и IPE, I², 130.¹³⁸ Первая надпись не могла быть найдена на Березани, так как и у П. С. Палласа, и у Л. Вакселя (см. ниже, гл. 10.3), и в описании древностей Депо карт она обозначена, как найденная еще в конце XVIII в. в «очаковской степи не в дальнем от Ольвии расстоянии».¹³⁹ Вторая надпись (IPE, I², 130), попавшая в собрание Бларамберга, а оттуда в Одесский городской музей древностей, была известна Кёлеру как березанская, поэтому определить, копию какой именно надписи отправил Критский в Петербург, мне установить не удалось.

¹³⁰ ОР РНБ, Нем. Q IV, № 181, л. 245 об.—247.

¹³¹ Köhler H. K. E. Mémoire sur les îles... P. 543, 632 suiv.

¹³² Ibid. P. 628.

¹³³ АГЭ, ф. 1, оп. I-1826, д. 16, л. 66 об.—67; ПФА РАН, ф. 88, оп. 1, д. 19, л. 63—63 об.

¹³⁴ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3486, л. 73 об.; д. 1927, л. 34—34 об.

¹³⁵ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, л. 282, л. 7 об. (письмо без даты, получено адресатом 1 июня 1824 г.).

¹³⁶ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 39, л. 9.

¹³⁷ Мурзакевич Н. Н. Коллекция древних памятников, присланных из Николаева // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 636.

¹³⁸ [Мурзакевич Н. Н.] Музеум Одесского общества истории и древностей. Отд. оттиск из Новороссийского календаря на 1851 г. Одесса, 1851. С. 4. Ср.: ГАОО, ф. 93, оп. 2, д. 1, л. 138 об.

¹³⁹ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3485, л. 14 об.

И. И. А. Стемповский,¹⁴⁰ и И. П. Бларамберг¹⁴¹ не сомневались в наличии на Березани (Борисфениде, отождествляемой ими со средневековым о-вом Св. Эферия) культа и храма Ахилла, наряду с другим островом Ахилла — Фидониси, о чем красноречиво свидетельствовали привлеченные одесскими археологами нарративные источники. В надписях, найденных на острове, герой назван Ахиллом Понтархом, т. е. «покровителем Понта Эвксинского, и плававшие в сем море греки считали его путеводителем своим в опасных водах Эвксинских».¹⁴² В своей неизданной диссертации об островах и беге Ахилла И. П. Бларамберг писал: «Вне всякого сомнения, что территория, принадлежавшая ольвиополитам... должна была простирается по суше далеко за пределы города... Нынешний остров Березань составлял часть владения греческой колонии».¹⁴³ На приложенной к тексту его сочинения табл. V изображены березанские памятники из собрания Бларамберга — две надписи с посвящениями Ахиллу Понтарху (№ 1 — IPE, I², 130, опубликована Латышевым с отличиями с точки зрения сохранности текста; № 2 — надпись с первыми тремя аналогичными строками, в IPE отсутствует), а также № 3 — фрагмент барельефа с правой рукой «дискобола» (по Бларамбергу, на самом деле с изображением фиалы) и левой рукой другого «атлета», опущенной вниз (рис. 104). Этот барельеф скорее всего изображает сцену возлияния у алтаря и по сюжету, возможно, аналогичен известному рельефу ситонов из Ольвии¹⁴⁴ первой половины II в. до н. э. Последние два памятника после смерти Бларамберга исчезли из поля зрения науки.

В «Мемуаре об островах и беге, посвященных Ахиллу...» Е. Е. Кёлер опубликовал три надписи с посвящениями Ахиллу Понтарху, которые, по его сведениям, были найдены на Березани (IPE, I², 130 — 20 строк, 134 — 11 строк, 139 — 7 строк).¹⁴⁵ «На этом острове были в свое время обнаружены три греческие каменные надписи, — записал Кёлер в дневнике 1821 г., — которые, по словам морского офицера, были увезены в Николаев; говорили, что надписи были составлены во славу Ахилла; одна якобы находится в Тульчине (имение графа И. О. Потоцкого. — И. Т.), другая — в Одессе, где третья — мне неизвестно». Одесская надпись оказалась в собрании Бларамберга, где ее собственноручно скопировал петербургский академик в 1821 г.¹⁴⁶ «Многие офицеры, — писал Кёлер, — долгое время жившие в окрестностях Березани, рассказывали мне., что они видели много лет назад на этом острове три или четыре мраморные доски с надписями. Их рассказ наталкивает на мысль, что и другие надписи в честь Ахилла были найдены также на Березани».¹⁴⁷ В составленной Н. Н. Мурзакевичем «Описи различным предметам древности из кабинета покойного Бларамберга, приобретенных для Одесского музея, а из него переданных Одесскому обществу истории и древностей. 27 ноября 1842 г.» под № 1 значится «Надпись в честь Ахиллеса, воздвигнутая Анаксимеоном сыном Сократовым, мраморная, в 19 строк (сильно по краям повреждена)»,¹⁴⁸ в которой нетрудно узнать IPE, I², 130. В описи Одесского городского музея древностей, составленной по случаю полного слияния с музеем Одесского общества в 1858 г., под № 104 со ссылкой на рисунок из альбома К. Боссоли значится еще одна «мраморная надпись Ахиллесеу Понтарху, в 18 строк (с о. Березани)».¹⁴⁹

Надпись IPE, I², 130, по словам Е. Е. Кёлера, была найдена на Березани Дерибасом.¹⁵⁰ В отчетном докладе по итогам поездки 1807 г. по Новороссии профессор Харьковского университета И. С. Рижский упоминает о покупке у учителя Одесской гимназии протоиерея Куниц-

¹⁴⁰ Стемповский И. А. 1) Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Эвксинского, между Тирасом и Борисфеном // ОЗ. 1826. Ч. 26. Кн. 73. С. 226; Кн. 74. С. 344—345; 2) Известие о новых открытиях по части древностей в Южной России, 1824 года // Библиографические листы. 1825. 20 сент. № 24. С. 337.

¹⁴¹ ИР ЦНБ, V, 1017, л. 18 об.

¹⁴² Стемповский И. А. Известие о новых открытиях... С. 337.

¹⁴³ РСА СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 1, л. 784, л. 16 об.—17.

¹⁴⁴ НО 72. Табл. XXXVII; Штительман Ф. М. Античне мистецтво. Київ, 1977. Табл. 133. Благодарю за консультацию сотрудника Отдела античного мира Государственного Эрмитажа, кандидата искусствоведения А. В. Круглова.

¹⁴⁵ Köhler H. K. E. Mémoire sur les îles... P. 633—634.

¹⁴⁶ ОР РНБ, Нем. Q IV, № 181, л. 247, 249.

¹⁴⁷ Köhler H. K. E. Mémoire sur les îles... P. 633—634.

¹⁴⁸ ИР ЦНБ, V, 1548—1561, л. 12.

¹⁴⁹ Там же, л. 28 об.

¹⁵⁰ Köhler H. K. E. Mémoire sur les îles... P. 633—634.

Рис. 104. Иллюстрации к статье И. Б. Бларамберга «Dissertation sur la course d'Achille [ΔΡΟΜΟΣ ΑΧΙΛΛΕΩΣ] et sur l'île de Bérézan jadis consacrée à ce Héros» («Mélanges Archéologiques. II Cahier»). Памятники, найденные на Березани, из кабинета И. П. Бларамберга. Табл. V: Надписи с посвящениями Ахиллу Понтарху (№ 1 — IPE, I2, 130; № 2 — в IPE отсутствует; № 3 — фрагмент барельефа со сценой возлияния у алтаря). Рисунок Владимира Бларамберга (РСА СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 1, д. 780, л. 6. Публ. впервые).

кого присланного адмиралом О. М. Дерибасом¹⁵¹ списка древнегреческой надписи на камне с высеченными «грубыми изображениями птиц», очевидно, IPE, I², 130. Памятник, по словам Куницкого, был найден в имении Дерибаса в 35 верстах от Одессы, на берегу Черного моря. Куницкий, неплохо знавший греческий язык, испытывал определенные затруднения в переводе надписи из-за неверности копии и обещал Рижскому съезду в имение О. М. Дерибаса для снятия точного списка надписи.¹⁵² В неопубликованной статье И. П. Бларамберга с описанием ольвийских древностей его кабинета имеется пояснение, что эта надпись попала в его собрание от владельца земель в окрестностях Березани в 1830—1840-х гг. генерального консула «Королевства обеих Сицилий для портов Черного и Азовского морей в Одессе господина де Рибаса». Речь идет скорее всего о брате основателя Одессы премьер-майоре Феликсе Михайловиче Дерибасе (1769—1845), а не о его сыне Михаиле Феликсовиче Дерибасе (1808—1882), племяннике О. М. Дерибаса. Бларамберг первоначально полагал, что надпись IPE, I², 130 ольвийского происхождения, о чем сообщил Д. Рауль-Рошетту вместе с не очень точной копией эпиграфического документа, который впервые был опубликован в Париже.¹⁵³ Позднее Дерибас пояснил, что камень был найден незадолго до того, как был подарен Бларамбергу, — на о-ве Березань, так же как и другой фрагмент надписи, найденный там же.¹⁵⁴

Ясность в этот вопрос попытался внести Ф. К. Брун, который от своего тестя Ф. М. Дерибаса якобы «неоднократно слышал, что... надпись, подобно другой, уступленной им графу И. О. Потоцкому, была найдена в окрестностях села Тулзы, между лиманами Тилигульским и Березанским».¹⁵⁵ В рецензии на книгу Д. Рауль-Рощетта, критикуя неточность изданной им копии надписи, Е. Е. Кёлер вслед за И. П. Бларамбергом назвал надпись ольвийской.¹⁵⁶ И. И. Толстой впоследствии полагал, что Кёлер мог допустить ошибку и неумышленно, будучи введен в заблуждение своими информаторами.¹⁵⁷ Изучение трудов одесских антиквариев доказывает, что первоначально и Бларамберг, и Стемпковский были уверены, что эти надписи происходят из Ольвии, а не с Березани, но в последующих своих трудах, в том числе неопубликованных, они попытались исправить эту ошибку. В описании археологического путешествия П. П. Свинына 1825 г. со слов Бларамберга эти надписи также названы березанскими.¹⁵⁸

Полемизируя с Кёлером, В. В. Латышев категорически отрицал наличие на Березани культа Ахилла, опираясь на отсутствие достоверно происходящих с Березани посвящений герою.¹⁵⁹ По его мнению, указание на находки этих памятников на острове всего лишь «уловка, придуманная Кёлером... чтобы иметь лишний довод в пользу своего предвзятого мнения» о тождестве Ахиллова острова с Березанью.¹⁶⁰ Позднее раскопки Э. Р. фон Штерна (1904—1909, 1913) открыли несколько посвященных надписей Ахиллу Понтарху (IPE, I², 131, 135, 154; HO 87, 89). Штерн отметил особенность локализации посвящений Властителю моря вблизи открытого моря, в разных пунктах заселенного ольвиополитами берега, где скорее всего находились святилища Ахилла.¹⁶¹ В своей магистерской диссертации граф И. И. Толстой, в

¹⁵¹ Осип Михайлович Дерибас, или Хосе де Рибас (Ribas, 1749—1800), адмирал русского флота. Испанец, уроженец Неаполя, по приглашению графа А. Г. Орлова-Чесменского с 1772 г. на русской службе в Черноморском флоте. Командовал Мариупольским полком (1780). Участвовал в русско-турецкой войне 1787—1791 гг., отличился при штурме Измаила, при его участии была взята крепость Хаджибей, на месте которой была заложена Одесса. В 1793 г. руководил строительством Одесского порта и в 1794—1797 гг. — Одессы. В 1795 г. Дерибас укрепил о-в Березань и окрестные земли побережья в свое личное владение. С 1799 г. адмирал, управляющий лесным департаментом, в 1800 г. уволен за злоупотребления в лесных доходах, в 1800 г. принят на службу в Адмиралтейств-коллегию в помощь вице-президенту; составил проект укрепления Кронштадта.

¹⁵² Багалей Д. И. Археографические материалы как источник археологии // Тр. XI АС в Киеве. М., 1902. Т. 2. С. 86—87.

¹⁵³ Raoul-Rochette D. Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien. Paris, 1822. P. 15. Pl. V, 2; Pl. VII, 2.

¹⁵⁴ ИР ШНБ, V, 1017, л. 18 об.

¹⁵⁵ Брун Ф. К. О местоположении Тираса // ЗООИД. 1853. Т. 3. С. 64.

¹⁵⁶ Köhler H. K. E. Remarques sur un ouvrage intitulé: Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien // Gesammelte Schriften. SPb., 1850. Bd 1. S. 88.

¹⁵⁷ Толстой И. И. Остров Белый... С. 51. Примеч. 3.

¹⁵⁸ Свинын П. П. Взгляд на Одессу: (Из живописного путешествия по России издателя Отечественных записок 1825 г.) // ОЗ. 1830. Ч. 41. Кн. 117. С. 16—17.

¹⁵⁹ Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 61.

¹⁶⁰ Там же. С. 59. Примеч. 25.

¹⁶¹ Штерн Э. Р. 1) Вновь найденные посвящения Ахиллу Понтарху // ЗООИД. 1907. Т. 27. Прот. № 365. С. 10;

2) По поводу посвященных надписей Ахиллу Понтарху // Там же. Прот. № 368. С. 66.

целом разделявший мнение Латышева о наличии одного острова Ахилла (Левки), не мог проигнорировать эти открытия и писал: «Борисфенида не являлась исключительным местом поклонения Ахиллу Понтарху, а была лишь одним из мест его культа», что явилось следствием религиозного стремления ольвиополитов к служению герою у себя на родине.¹⁶² М. И. Ростовцев в своей рецензии на труд Толстого выдвинул концепцию, ставшую впоследствии общепринятой, что в послегетское время, после утраты Ольвией контроля над святилищем на острове Левка, Березань стала для ольвиополитов священным островом Ахилла. Это логично объясняет путаницу между ними в разных группах письменных источников. М. И. Ростовцев был убежден, что находки надписей определенно свидетельствуют о культе героя, наличии святилища или даже храма в его честь на Березани.¹⁶³

Дальнейшие археологические исследования полностью подтвердили гипотезу о наличии культа Ахилла Понтарха на Березани.¹⁶⁴ Так, в 1988—1989 гг. было найдено несколько надписей с посвящениями Ахиллу, в том числе поэтический гимн острову и герою второй половины—конца I в. н. э., доказывающий, что Березань в это время была островом, а не полуостровом.¹⁶⁵ Ныне некоторыми учеными разделяется мнение, что в послегетское время здесь находилось его основное полисное святилище.¹⁶⁶

В 1848 г. Березань посетил граф А. С. Уваров, так же как и Кёлер, ограничившийся поверхностным осмотром местности. Он отметил, что земля острова была усеяна черепками греческих красноглиняных амфор, обломками белого мрамора и зеленого камня, похожего на яшму. Разделяя мнение Кёлера о возможности существования на острове храма Ахилла, археолог стремился отыскать его руины. «После внимательного осмотра всего острова я заметил, на севере от вихода, следы (d), оставшиеся от древнего здания». Оно имело в ширину около 40 саженей (около 85 м), в длину 78 саженей (около 166 м), главным фасадом было обращено к востоку к лиману. Это сооружение граф принял за развалины храма Ахилла, которое, по его предположению, было разобрано турками при сооружении укреплений. «Любопытно было бы разрыть это пространство по направлению видимых еще канав и ровов...», — писал Уваров.¹⁶⁷ Возможно, что за остатки храма археолог принял заброшенные турецкие оборонительные сооружения. Так, на плане Березани, снятом подпоручиком А. Бестужевым в 1788 г. и изученном С. Л. Соловьевым, одна из турецких батарей показана на месте, где, по мнению Уварова, располагался храм.¹⁶⁸

На северной оконечности острова поблизости от турецкого укрепления, по словам Уварова, находилось шесть некопанных ранее «курганов», причем самый высокий имел в основании 30 саженей (около 53 м). На снятом тогда же плане, помимо остатков турецких укреплений, помечен также древний колодец (с), сложенный из камня насухо. Археолог датировал его временами, «когда руссы приходили на остров св. Айферия».¹⁶⁹

Гипотеза о тождестве Березани с островом Св. Эферия была поддержана Ф. К. Бруном.¹⁷⁰ Он пытался доказать, что обнаруженные на Березани остатки древности могли принадлежать не храму Ахилла Понтарха, «который, может быть, существовал в одном только воображении Кёлера», а памятнику св. Эферия.¹⁷¹ Согласно агиографическим источникам, восходящим к херсонесским легендам, к первой четверти IV в. н. э. относится деятельность епископов-мисионеров Ефрема, Василия, Евгения, Агафодора, Елпидия, Эферия, посланных иерусалимским

¹⁶² Толстой И. И. Остров Белый... С. 54.

¹⁶³ Ростовцев М. И. Новая книга о Белом острове и Таврике... С. 187.

¹⁶⁴ Руслева А. С. Земледельческие культы... С. 137.

¹⁶⁵ Шелов-Коведлев Ф. В. Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. 1990. № 3. С. 49—62.

¹⁶⁶ Горбунова К. С. Древние греки на острове Березань. Л., 1969. С. 18—19, 43.

¹⁶⁷ Уваров А. С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1856. Вып. 2. С. 141.

¹⁶⁸ РА ИИМК, ф. 35, оп. 2, л. 441: Соловьев С. Л. Строительные комплексы архаической Березани (анализ архитектурно-строительной традиции). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 9. Рис. 2; см. также: Solovyov S. Ancient Berezan. Leiden, 1999.

¹⁶⁹ Уваров А. С. 1) Исследования о древностях... Вып. 2. С. 142, 143; 2) Собрание карт и рисунков к исследованию о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1853. Табл. XXV.

¹⁷⁰ Брун Ф. К. Остров св. Эферия // Новороссийский календарь на 1854 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса, 1853. С. 382—405.

¹⁷¹ Брун Ф. К. Остров св. Эферия // Черноморье: Сб. исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1879. Ч. I. С. 27.

епископом Ермоном в Херсонес Таврический в конце царствования Диоклетиана и принявших мученическую смерть от язычников. Один из епископов, Эферий, умер на некоем острове в районе реки Днепр, где над его гробницей был поставлен памятник. Византийские источники называют этот остров островом Св. Эферия (Αἰθέριον) или Алсос (Ἄλσος, т. е. Роща). Со времен Г. З. Байера, А. Л. Шлещера, Н. М. Карамзина его отождествляли с Березанью. В. В. Латышев вслед за Н. Н. Мурзакевичем и П. О. Бурачковым в специальной статье подверг критике традиционную точку зрения, доказывая, что Березань не может быть островом Св. Эферия. Он отождествил Алсос с упоминаемой Птолемеем Рошей Гекаты в западной части Кинбурнского полуострова, который в древности скорее всего являлся островом.¹⁷² Доводы В. В. Латышева недавно получили развитие в исследованиях В. В. Погорелой¹⁷³ и М. В. Агбунова. Основываясь на гипотезе о существовании в римское время в дельте Днепра (Борисфена) на месте Кинбурнского полуострова обширного острова, последний отождествляет его с Ахилловым островом.¹⁷⁴

Находка упомянутого поэтического гимна начала нашей эры свидетельствует, что в начале I тысячелетия Березань была островом. Вопрос о локализации о-ва Св. Эферия до сих пор остается дискуссионным.

10.3. ОЛЬВИЯ И ЕЕ ОКРУГА

Начальный период знакомства отечественной науки с античными памятниками различных регионов Северного Причерноморья изучен далеко неравномерно. Если для Боспора и Херсонеса существуют сводные работы, своего рода летописи истории их археологического изучения в XIX в., то для Ольвии имеются лишь беглые, как правило повторяющиеся краткие обзоры,¹⁷⁵ восходящие к известной книге В. В. Латышева.¹⁷⁶ Основным недостатком подобных исследований — игнорирование архивных материалов, касающихся данной темы. Попытаюсь восполнить этот пробел в истории изучения Ольвии до середины XIX в.¹⁷⁷

Вплоть до конца XVIII в. ученые и путешественники искали Ольвию не там, где она находилась в действительности. В 1578 г. польский посланник при дворе крымского хана Мартин Броневский локализовал Ольвию на месте Очакова.¹⁷⁸ Академик Г. З. Байер, основываясь на сообщении Геродота, поместил ее на правом берегу Днепра у Берислава.¹⁷⁹ В ряде компилятивных исторических сочинений, написанных в эпоху царствования Екатерины II, вопрос о местоположении греческой колонии решается по-разному: одни помещают Ольвию на берегах Днепра,¹⁸⁰ другие — при устье Буга.¹⁸¹ Третьи уточняют: «Славный город Ольвия, или Ольвиополь, имел первых основателей из Милета, почему иногда Милитополис, а иногда и Ворисфенид по положению своему прозывался. Лежал он вверх по Днепру при устье реки Ипаниса, или Ингульца».¹⁸² На «Генеральной карте Таврической области, представляющей древние именованья мест, городов, рек и протчаго» (рис. 1), составленной не ранее 1791 г.

¹⁷² Латышев В. В. Заметки по древней географии северного побережья Черного моря. V: Об острове св. Эферия // ЖМНП. 1899. № 5. Отд. 5. С. 73—87. Переизд.: ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 284—297.

¹⁷³ Погорелая В. В. Остров св. Эферия // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1984 год. М., 1985. С. 188—198.

¹⁷⁴ Агбунов М. В. Загадки Понта Эвксинского: (Античная география Северо-Западного Причерноморья). М., 1985. С. 113—128.

¹⁷⁵ См., например: Славин Л. М. Основные этапы изучения Ольвии // ЗОАО. 1960. Т. 1 (34). С. 47—59; Крыжичкий С. Д. Ольвия. Киев, 1985; Леви Е. И. Ольвия: Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 7—12; Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полуса... С. 7—17.

¹⁷⁶ Латышев В. В. Исследования об истории... С. V—X, 26—47.

¹⁷⁷ См. предварительные публикации: Тункина И. В. 1) К истории изучения Ольвии в конце XVIII—начале XIX в. // Древнее Причерноморье: Чтения памяти проф. П. О. Карышковского : Тез. докл. конф. (9—11 марта 1989 г.). Одесса, 1989. С. 52—54; 2) Начало изучения Ольвии // Археология. 1994. № 2. С. 7—18.

¹⁷⁸ Описание Крыма Мартина Броневского // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 337.

¹⁷⁹ См. карту к статье: Байер Г. З. О местоположении Скифии, каково было в лета Геродотовы // Краткое описание commentaries Академии наук. СПб., 1728. Ч. 1. С. 139—166.

¹⁸⁰ ЦГААРК, ф. 535, оп. 1, д. 1929, л. 5 об.; д. 2020, л. 1 об.

¹⁸¹ ОР РНБ, ф. 885, № 368 (Эрм. 368), л. 51 об.

¹⁸² ЦГААРК, ф. 535, оп. 1, д. 2021, л. 3 об.

сержантом лейб-гвардии Преображенского полка Николаем Жигулиным, показано два города — «Ольвия, или Борисфенис» в районе Аджиголя, «Митрополис» на месте впадения Ингульца в Днепр.¹⁸³

В результате русско-турецкой войны 1787—1791 гг. и Ясского мирного договора к России отошли обширные, но малоплодные земли между Южным Бугом и Днестром, в том числе так называемая Очаковская область. Необходимость освоения новых территорий привела к появлению здесь сначала военных инженеров, землемеров, топографов, а вслед за ними и колонистов. Еще в 1789 г. у Парутинского оврага поселились некрасовцы, давшие своему селу название Парутино. В 1793 г. Екатерина II пожаловала 12 тыс. десятин земли генерал-майору Илье Андреевичу Безбородко (1756—1815), в состав которых вошло и Парутино, вскоре переименованное в честь хозяина в Ильинское. Некрасовцы покинули эти места, когда И. А. Безбородко перевел сюда крестьян из украинских имений.¹⁸⁴ К 1799 г. село стало довольно крупным — здесь жили 208 душ мужского и 116 душ женского пола.¹⁸⁵

Урочище Сто Могил и ряд курганных групп по правому берегу Бугского лимана обозначены на генеральном плане уезда № 9 в рукописном «Атласе новоприобретенной области от Порты Оттоманской и присоединенной к Екатеринославскому наместничеству, состоящему из 4-х уездных и 3-х разным местоположениям планов» (масштаб: в 1 англ. дюйме 5 верст, 1:210000), где Николаев еще отмечен как «проектированный город».¹⁸⁶

В 1791 г. Очаковскую область неоднократно обозначал *Андрей Казимирович Мейер* (1742—1807), служивший в Херсонском гренадерском полку. Являясь членом Вольного экономического общества и автором двухтомного «Ботанического подробного словаря, или Травника» (М., 1781—1783), он интересовался главным образом вопросами землеустройства вновь приобретенных территорий. По итогам поездки А. К. Мейером была издана книга, где большое внимание уделено древней истории края, в том числе вопросам исторической географии. Сегодня кактус наивными попытки автора локализовать некоторые античные и средневековые города. «На месте нынешнего Очакова был город Овлия (так в тексте. — И. Т.), ибо Арриан лежащий наспротив онаго остров Березань именует Овлийским. Многие же в опровержение сего мнения приводят Плиния, говоря, что сей писатель хотя и упоминает о сем острове, однако в позднейшие времена полагает Мидезийский город сего имени, да и то на Ворисфене, но они название Ольвии смешивают с Плиниевым городом Ольвиею, который производил великую торговлю с скифами... Св. Иоанн Златоуст оставил нам в 36 беседе своей довольно ясное описание о последнем городе, который поблизости себя имел еще другой город, называвшийся Ворисфенисом и лежавший над Днепром между Глубокою пристанью и Бугом. Ольвия или славянская Белая Вежа была на месте нынешних Белозерок, при устье Ипаниса или Ингульца, где ныне дача Садовая... Птоломей полагает град Метрополь, называемый от Плиния Милетополем».¹⁸⁷ Упомянувшиеся в письменной традиции разные названия города Ольвии — Борисфен, Метрополь, Ольвиополь — А. К. Мейер принял за разные города. «Найденная при рытии земли в Николаевке над Бугом монета с изображением литовского великого князя Витольты (sic!) и с подписью Ольвии, подтверждает, что и на сем месте был греческий город сего имени... В самом деле, во всем пространстве сем вырывают из земли обтесанные камни, и выкладенные из оных под здания фундаменты».¹⁸⁸

Самое крупное из окрестных городищ в урочище Сто Могил Мейер приписал Озополу, не согласившись с мнением ряда современных ему ученых о локализации здесь Белой Вежи. «Так называемые Сто Могил представляют ныне холмы, покрывающие наподобие многих Валдайских сопок, развалины древних каковых-либо зданий, состоящих ныне из четвероугольных, обширных каменных жилищ с четвероугольными же узкими для света в стенах отверстиями. Положение сих могил заставляет меня догадываться, что на их месте был или город, упоми-

¹⁸³ РГВИА, ф. ВУА, д. 19056, л. 1—2.

¹⁸⁴ Уваров А. С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1851. Вып. I. С. 35.

¹⁸⁵ РГВИА, ф. ВУА, д. 18336, ч. 1, л. 191 об.—192.

¹⁸⁶ ОР РНБ, ф. 885, д. 233, л. 9. Размер 48х62 см (см. квадраты 2 и 3).

¹⁸⁷ Повестное, землемерное и естественное описание Очаковской земли, содержащееся в двух донесениях и сочинении Андреем Мейером, Херсонского гренадерского полку подполковником, и трех ученых в России обществ членом. СПб., 1794. С. 9, 10.

¹⁸⁸ Там же. С. 82.

наемный в Византийских писателях под именем Озопол или Вонючего, разоренного аланами, или, что еще вероятнее, были здесь гробницы вождей которого-либо из жившей в сей земле отрасли скифов. В некоторых подземных сих, так сказать, пещерах находятся отрывки мрамора. Сколь же далеко они простираются под землею, того определить я не могу, по причине опасности в сих местах от кроющихся там в великом числе волков. Печенег и после их татары конечно скрывали в оных богатые свои добычи». Свое описание автор заключает следующими словами: «Как ныне Очаковская земля принадлежит России, то, может быть, и сия часть, привлекающая внимание, не останется без исследования, которое откроет прямое оного начало; ибо невозможно кажется, чтоб в сих развалинах не находились на камнях надписи, а может быть, и старинные монеты, так как и ныне находят последних еще ежегодно в окрестностях Прилук и других малороссийских городов».¹⁸⁹

В ряде деталей пассажа А. К. Мейера об урочище Сто могил совпадает с описанием уже упомянутого «Рапорта о географическом и топографическом положении провинции Озу или Едизан, обыкновенно называемой Очаковской степью, для прояснения карт и планов, снятых по Высочайшему повелению инженер-майором Деволланом». Говоря о памятниках древности, встречавшихся на пути от Днестровского лимана до Николаевки, Деволлан попытался определить положение ряда античных пунктов. Описание окрестностей городища в урочище Сто могил Деволлан начинает с Широкой балки. «При входе в устье Буга первый интересный объект — маленькая долина Широкая поблизости от места, называемого Сто могил, где бесспорно находятся руины древнего города, который должно быть был значительным. Об этом можно судить по фрагментам углубленных в землю фундаментов...». Обратив внимание на разрушения береговой части, Ф. П. Деволлан не понял их причины — изменение уровня моря и, как следствие, эрозию береговой полосы, которая поглотила часть городища. Это обстоятельство инженер объяснял последствиями землетрясения: «Вероятно, в результате какого-то землетрясения часть этих руин оказалась сброшена в реку или подмыта течениями; в лиман постепенно были унесены большие куски. Скорее, в результате землетрясения большая часть этого места поглощена (лиманом. — И. Т.). Это подтверждается множеством обработанных каменных фрагментов, находимых в воде, мраморных, гранитных». Далее идет речь либо о выходах в береговом клифе водосточных каналов,¹⁹⁰ либо об остатках орфостатных кладок, либо о естественных пещерах, вымытых водами лимана:¹⁹¹ «Но особенно на современном берегу находят множество входов в нечто, напоминающее подземелья и пещеры, воздух в которых очень плохой и где живут волки». Хищническую выборку камня и разрушения на городище автор приписал русским солдатам, а не туркам, что вряд ли справедливо, так как и Очаков, и Кинбурн, и село Ильинское были построены из ольвийских материалов. «Эти фундаменты зданий, находящиеся на вершинах холмов, были разрушены нашими солдатами, очевидно, в надежде что-нибудь там обнаружить; обстоятельство, не позволяющее нам судить, какого рода были эти постройки».

Затем Ф. П. Деволлан переходит к описанию некрополя. «Количество холмов, окружающих на расстоянии 4—5 верст эти руины, составляет, по-видимому, от двух до трех сотен, большей частью со склепами различных глубин, высоты и формы, из которых наиболее часто использовалась коническая форма сахарной головы, высотой от 7 футов до 24—28 футов (т. е. от 2.1 до 8.5 м. — И. Т.). Эти холмы полностью соответствуют тем, которые находят в больших количествах стоящими отдельно в степи. Холмы (называемые у русских курганами, а также могилами) имеются повсюду, на всем пространстве степей Европейской Татарии вплоть до земель в Вестфалии, вдоль границ Нидерландов и Арденн, абсолютно той же самой формы». Будучи полностью уверенным в том, что описываемые им «холмы» являются погребальными памятниками, Ф. П. Деволлан предположил, что они были воздвигнуты в гораздо более позднее время, чем греческий город, варварскими племенами скифов или готов, которые впоследствии «вторглись в обитаемую Европу в 5 и 6 веках». Оговорившись, что касаться истории региона не входило в его задачу, автор все же высказал догадку о локализации здесь античного полиса,

¹⁸⁹ Там же. С. 14, 15.

¹⁹⁰ Карасев А. Н. Планы Ольвии XIX в. как источник для исторической топографии города // МИА. 1956. № 50. С. 13, 14.

¹⁹¹ Крыжицкий Д. С. Ольвия: Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985. С. 18.

«приписывание которого теряется в древности», а именно «Борисфенополиса Страбона и Птолемея, который должен был находиться на выдающейся оконечности или мысе, обращенном к востоку, где Гипанис (Буг) и Борисфен (Днепр) сливаются, что вполне соответствует нашему положению». Ф. П. Деволлан различал два города — Ольвию и Борисфен, хотя упоминаемые им античные авторы отождествляют их. Ольвию он соотнес с заброшенной татарской деревушкой Ак-мечеть, лежавшей к северу от Волошской косы и Чертовой балки. «Позади места, где находится Ак-мечеть, есть 5 или 6 заброшенных источников и прекрасный караван-сарай в дикой местности, заполненной камнями и покрытой низким кустарником. Эти кучи камней имеют вид довольно древних руин, позволяющих предположить, что там было столь искомое и столь оспариваемое место Ольвии, уверенно относимое другими к окрестностям нового города Николаевки. Ольвия, по-видимому, была на правом берегу Буга в 200 или 270 стадиях от его устья, что почти соответствует расстоянию от пункта Ак-мечети, находящейся тоже на правом берегу; это место, подходящее для большой колонии. Впрочем, вдоль реки от Ста могил до сего пункта нет ни малейшего следа руин, и даже ни одного места, подходящего для столь значительной колонии, какой была Ольвия».¹⁹²

Ф. П. Деволлан был близок к открытию Ольвии, но прошел мимо него. Причин тому две. Во-первых, полное отсутствие эпиграфических и нумизматических материалов, которые могли бы подтвердить или опровергнуть его догадку. Во-вторых, неверный подход Деволлана и всех его предшественников к отрывочным и противоречивым письменным свидетельствам, на основе которых высказывались взаимоисключающие предположения о локализации города. Мнения ученых XVIII в. в вопросе интерпретации литературных источников расходились, так как каждый из них обосновывал свои выводы на анализе текстов отдельных авторов, а не совокупности данных всех нарративных источников. Окончательно решить вопрос помогло случайное открытие монет с именем полиса, скорее всего клада. Как пишет И. М. Муравьев-Апостол, управляющий с Ильинским, «отрыв урну с медалями», находку не утаил, а отправил ее своему помещику. Потом стали находить надписи, «основания зданий, обломки статуй, урны и бесчисленное множество медалей, — все это служит уже не догадками, а математическими доводами к тому, что Ольвия подлинно стояла на самом том месте, которое здесь называется Стомогильным урочищем».¹⁹³

Скорее всего, эти находки были сделаны уже в начале 1790-х гг., так как акад. П. С. Паллас, возвращаясь из Крыма в столицу в 1794 г., заехал в Николаев и описал хранившиеся там ольвийские памятники. Здесь он встретился с бывшим профессором натуральной истории и земледелия Московского университета *Матвеем Ивановичем Афонинным* (1739—1810), разносторонне образованным человеком, более десяти лет совершенствовавшим знания в университетах Германии и Швеции. В 1777 г. профессор по состоянию здоровья вынужден был переехать на юг, где благодаря дружеским отношениям с князем Г. А. Потемкиным получил землю.¹⁹⁴ М. И. Афонин предоставил П. С. Палласу описание найденных ранее пяти ольвийских монет, правда не очень точное (возможно, из числа тех, что нашел управляющий Ильинским), а также «глиняной погребальной лампы с изображением бегущей собаки» и «куска мрамора с изображением совы, символа Минервы... позади ее два стража с каждой стороны с топорами в правой руке».¹⁹⁵ Не исключено, что именно от М. И. Афонина академик узнал об истинном местонахождении Ольвии. В Ильинское Паллас не ездил — он прибыл в Николаев 25 июля, а 26-го уже отправился в Елизаветград. Это подтверждает и наличие прямых ошибок в тексте книги П. С. Палласа, которые В. В. Латышев принял за опечатки. Так, лежавшую напротив городища Кисляковку академик поместил не на левом, а на правом берегу лимана.¹⁹⁶ «Окрестности Буга ниже города (Николаева. — И. Т.) замечательны по остаткам греческих древностей, — писал Паллас. — В 20 верстах (точнее, в 35 верстах. — И. Т.), спускаясь по реке, против лежащей на правом берегу Кисляковки, где видно маленькое соленое

¹⁹² РГВИА, ф. ВУА, д. 18364, ч. 1, л. 168—171, 181—183.

¹⁹³ *Муравьев-Апостол И. М.* Ольвия: Отрывок из путешествия в Тавриду в 1820 году, с приобщением перевода отрывка из Вористенской речи Диона Хрисостома. СПб., 1821. С. 20, 21.

¹⁹⁴ См. о нем: Афонин Матвей Иванович // РБС. 1900. Т.: Алексинский — Бестужев-Рюмин. С. 358, 359.

¹⁹⁵ *Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах. М., 1999. С. 213. Ср.: *Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des Russischen Reiches in der Jahren 1793 und 1794.* Leipzig, 1801. Bd 2. S. 512—513.

¹⁹⁶ *Латышев В. В.* Исследования об истории... С. 28. Примеч. 10; С. 31.

озеро и где была рыбакая ловля заповоржже, находятя между балками Волошской и Широкой остатки греческого города с еще приметными сводами и развалинами. По найденным здесь монетам, имеющим по большей части на одной стороне голову в лавровом венке, а на оборотной коршуна, причем на некоторых ясно видна надпись Ольвиополис, можно считать это остатками милетской колонии Ольвии. Три из этих монет я поручил изобразить... На этом же месте был найден замковый камень свода, в аршин величиной с греческой надписью..., находящийся теперь в церкви в Николаеве, где также сохраняется большая плита с изображенным... барельефом; она была найдена ниже, спускаясь к селу Заре-Камыши, очень поврежденной, так как проходящие суда хватались за нее иргочьями, чтобы приставать. Ближе к Николаеву, в полутора верстах от Долгой Кошки, должны быть еще остатки древнего населенного места. Живущий в Николаеве, любезный профессор Афонин сообщил мне описание некоторых других древностей, найденных прежде в развалинах Ольвии, я его здесь передаю».¹⁹⁷ Затем Паллас дает подробное описание монет, лампы и мраморного фрагмента, о которых говорилось выше.

Путешествовавший по Новороссии в 1797—1798 гг. военный инженер, тогда лейтенант морской артиллерии Л. С. Ваксель писал, что город Ольвия находился «при стечении рек Буга и Днепра; некоторые развалины оного и поднесь существуют». В его книге помещены изображения тех же ольвийских памятников, что и у П. С. Палласа: посвятительная надпись Аполлону Простату (IRE, P, 98), найденная «на Очаковской степи» (рис. 2), надгробие Стратона (IRE, I², 229), которое «смыскано в реке Буг, близ местечка Богоявленска» (рис. 73), и ряд ольвийских монет.¹⁹⁸

Через несколько лет в городском соборе Николаева те же памятники осмотрел П. И. Сумароков. Он пробыл в Николаеве 4 дня, с 17 по 20 мая 1799 г. Судя по тексту книги, как и Паллас, в Ильинское он не заезжал. Из какого источника П. И. Сумароков получил сведения о местоположении городища, неизвестно. Во всяком случае высказанный Л. М. Славиным тезис, что именно П. И. Сумарокову принадлежит честь «приурочения древнегреческого города Ольвии к ее действительной территории»,¹⁹⁹ вызывает серьезные возражения, так как для ряда образованных жителей Николаева локализация Ольвии в урочище Сто могил была очевидна давно. Вот текст П. И. Сумарокова: «... Я ездил смотреть сохраняемый подле собора камень, заслуживающий древностию и важностию своею немалое внимание. Он нечаянно найден рыбаками верстах в 30 отсюда при урочище Цари Камыши в лимане, и имеет сажень в вышину и аршин поперешнику. Грубовысеченные на нем изображения представляют в первом ярусе человека, сидящего на коне; а внизу лежащий, подобно как на постеле, вынимая из корзины фрукты, подает их предстоящему перед ним отроку, позади коего находится еще женщина. Вверху видна греческая надпись, которую знающий сей язык перевел мне сими словами: Стратон, благий путеводитель воев, радуйся! Почему кажется, что оной камень был некогда воздвигнут в честь Стратону. Внутри алтаря лежит на полу другой камень в 3/4 длиною, и 5 вершков шириною, на коем старинной еллинской надписи никто еще по сие время разобрать не мог. Оной, как думать надобно, служил где-либо замыканием в дуге дверной. Его нашли верстах в 40 отсюда, по ту сторону Буга, на развалинах древнего и известного города Ольвии, что ныне называется урочище Сто могил, и принадлежит графу Безбородке. В сем месте попадались еще древнейшие монеты, отломки карнизов и колонн, служащие к заключению о бытии здесь оного города».²⁰⁰

На этом фоне совершенно фантастической представляется догадка английской путешественницы Марии Гатри о местоположении Ольвии на Правобережье Днепра, при впадении в него Ингульца. В ее книге приведен рассказ генерала И. А. Ганнибала, что 18 лет назад здесь виднелись «благородные» руины, растащенные на постройки в Херсоне, от которых не осталось и следа. М. Гатри поведала также о богатых находках какого-то украинского дворянина

¹⁹⁷ Паллас П. С. Наблюдения.. С. 213; Pallas P. S. Bemerkungen... S. 511—512.

¹⁹⁸ Ваксель Л. С. Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи. Снятые с подлинников в 1797-м и 1798-м годах, с приложением географической карты тех мест, где оные памятники обретенны, с древними наименованиями. СПб., 1801. С. 5, 7. См. также франц. и нем. переводы (Berlin, 1803).

¹⁹⁹ Славин Л. М. Основные этапы изучения Ольвии. С. 47.

²⁰⁰ Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. М., 1800. С. 16, 17.

в древней могиле на берегу Днепра, благодаря раскопкам составившем себе состояние. Судя по упоминающимся золотым украшениям и «изваяниям», речь, скорее всего, шла о богатом скифском погребении. Показательно, что путешественница, проезжавшая в 1795 г. по берегу Бугского лимана из Очакова в Николаев, отметила лишь развалины поселения в 8 верстах выше его устья, ни словом не упомянув об урочище Сто могил.²⁰¹

В августе 1798 г. Ольвию посетил генерал-лейтенант Инженерного корпуса П. К. Сухтелен, командированный Павлом I для осмотра пограничных крепостей от Херсона до Риги и Ревеля.²⁰²

Петр Корнилович Сухтелен (*van Suchtelen*, 1751—1836) был образованнейшим человеком своего времени. Голландский дворянин, перешедший на русскую службу в 1783 г. в чине инженер-подполковника, он был известен как автор ряда трудов по военной истории, библиофил, коллекционер рукописей, картин, эстампов и монет. Современники отмечали его исключительную эрудицию и «страсть к учению».²⁰³ Сухтелен прекрасно знал классические и новые европейские языки, «имел обширные познания в военных и математических науках, в нумизматике и истории литературы; поддерживал постоянные сношения со многими учеными и с известными библиографами Европы».²⁰⁴ Среди его корреспондентов были Л. Ваксель, Е. Е. Кёлер, И. О. Потонский, с которыми он обсуждал историко-археологические и нумизматические вопросы. Л. С. Ваксель, находясь в Лондоне, содействовал генералу в приобретении античных монет и других древностей.²⁰⁵ Нумизматическая коллекция П. К. Сухтелена считалась крупнейшей в мире — она насчитывала 11 433 греческие и римские монеты на общую сумму 78 805 франков. В 1823 г. собиратель продал ее Нумизматическому кабинету Петербургской Академии наук. Огромную библиотеку П. К. Сухтелена приобрела казна и большая ее часть поступила в Императорскую Публичную библиотеку (ныне РНБ). 149 томов книг и гравюр по античному искусству, в том числе сочинения о древностях Италии, Греции, Малой Азии, Сирии, Египта, поступили в библиотеку Императорского Эрмитажа.²⁰⁶

В. В. Латышев писал о нем: «Около самого начала нынешнего века в ольвийских развалинах производил розыски инженер-генерал Сухтелен, нумизматические открытия которого окончательно подтвердили открытие Палласа».²⁰⁷ Опираясь на это свидетельство, Л. М. Славин и вслед за ним А. А. Формозов говорят уже не о «розысках», а о раскопках П. К. Сухтелена как о непреложном факте, называя их точные даты: первый — 1801 г., второй — 1800 г.²⁰⁸ Однако утверждение Л. М. Славина опровергается фактами биографии Сухтелена. Обратимся к его формулярному списку: в 1789 г. он получает чин генерал-майора, в январе 1797 г. — генерал-лейтенанта, а в июне 1799 г. — инженер-генерала. С 1794 г. по 1797 г. Сухтелену поручается осмотр пограничных крепостей и «сочинение прожектов», с 1797 г. по 1800 г. он служил в Киеве командиром инженерного департамента. В марте 1800 г. Сухтелен был отозван в Петербург и назначен членом департамента водяных коммуникаций, в том же году переведен в Архангельск главнокомандующим корпуса, расположенного по берегам Белого моря. 30 июня 1801 г. вступивший на престол Александр I возвращает Сухтелена в столицу и определяет управляющим свитой Его Величества по квартирмейстерской части.²⁰⁹ Следовательно, в 1801 г. П. К. Сухтелен не мог оказаться в Ольвии и проводить раскопки. В. В. Латышев верно подметил, что в Ольвию Сухтелена привели его нумизматические интересы. Для Латышева источником информации послужила фраза в статье Г. К. Э. Кёлера об ольвийских монетах (1805). Касаясь места находки одного из «медальонов» (ольвийского асса), антикварий пишет, что оно расположено у Ста могил, деревни «в 35 верстах от Херсона» (вернее, от Николаева). Этот «медальон» инженер-генерал Сухтелен «нашел сам вместе с другими медалями, ныне украшающими прекрасную коллекцию этого знаменитого ученого знатока, лю-

²⁰¹ Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795—1796, through the Taurida, or Crimea, the Ancient Kingdom of Bosphorus, the Once-Powerful Countries on the North of the Euxin etc. London, 1802. P. 30—31, 34—35, 38, 43. Map.

²⁰² РГВИА, ф. 93, оп. 1, д. 140; Сухтелен Петр Корнилович // РБС. 1912. Т. 20: Суворов — Ткачев. С. 211.

²⁰³ См. о нем: Зедделер Л. И. Сухтелен Петр Корнилович // Военный энциклопедический лексикон. 1850. Ч. 14. Прибавление. С. 156—157; Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892. Ч. 2. С. 43—44.

²⁰⁴ Фабрициус И. Г. Столетие военного министерства, 1802—1902. Главное инженерное управление: Ист. очерк. СПб., 1902. Т. 7. Ч. 1. С. 58—59. Примеч. 2; Прилож. 27. С. 78—79 (послужной список).

²⁰⁵ РГВИА, ф. 93, оп. 1, д. 330.

²⁰⁶ АГЭ, ф. 1, оп. I-1836, д. 26/1, л. 2—19 об.

²⁰⁷ Латышев В. В. Исследование об истории... С. 32.

²⁰⁸ Славин Л. М. 1) Древний город Ольвия. Киев, 1951. С. 20; 2) Основные этапы изучения Ольвии. С. 48; Формозов А. А. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. // СА. 1975. № 1. С. 171—172.

²⁰⁹ Зедделер Л. И. Сухтелен Петр Корнилович. С. 156—157.

безно предоставившего нам большое число (монет) из тех, которые мы публикуем».²¹⁰ Для Кёлера имел важное значение тот факт, что П. К. Сухтелен лично нашел шесть издаваемых монет. Как человек, посвятивший собственные труды изучению классических древностей, он чувствовал неловкость, из-за того что к тому времени сам еще ни разу не был в Причерноморье — первое путешествие в Новороссию он совершил лишь летом 1804 г.

В бумагах архива П. К. Сухтелена, хранящихся в РГВИА, представлены путевые записки 1798 г. на голландском языке, в которых генерал упоминает об Ольвии. Урочищу Сто могил, однозначно отождествляемому им с Ольвией, здесь отведено всего 8 строк, где автор пишет о найденных им монетах и фрагментах керамики.²¹¹ Л. Ваксель издал мраморную головку, светильник и монеты (рис. 6), найденные П. К. Сухтеленом в Ольвии в 1798 г. Скорее всего, это были случайные находки, а не вещи, полученные путем раскопок. Через год П. К. Сухтелен снова побывал в Причерноморье: в феврале и начале марта 1800 г. по повелению Павла I объехал крепости Херсон, Очаков, Кинбурн, Одессу, Овдиполь и Тирасполь, представив рапорт об их состоянии.²¹² Заехал ли он в урочище Сто могил, неизвестно. Тем более мы не имеем никаких оснований вслед за А. А. Формозовым говорить о раскопках П. К. Сухтелена 1800 г. в Ольвии. Чтобы окончательно прояснить этот вопрос, необходимо изучение эпистолярного наследия Сухтелена.

Какие-то раскопки грабительского характера на городище и некрополе Ольвии все же проводились. Так, в 1802 г. императору Александру I генералом Титовым была поднесена сергия, «представляющая фигуру Сирены», из числа найденных в Ольвии золотых вещей «превосходной работы».²¹³ Вероятно, в 1800 г. в Фанагорийскую крепость на Тамани был перевезен постамент статуи Залсии, найденный в Ольвии, позднее попавший в музей Одесского общества истории и древностей (ИРЕ, I, 200). Рисунок камня, выполненный на бумаге с филигранью североголландской бумажной фабрики Яна Кооля конца XVIII—начала XIX в., с изображением надписи и указанием размеров постамента в дюймах, сохранился в РГВИА (рис. 105).²¹⁴ С 1803 г. ольвийские древности стали поступать в Кабинет редкостей Черноморского депо карт в Николаеве. Туда были перенесены памятники, хранившиеся ранее в городском соборе, в том числе описанный Палласом, Вакселем и Сумароковым «Стратонов камень». Здесь же хранились вазы, амфоры, барельефы, надписи, капители, водопроводные трубы и собрание монет, найденных в Ольвии.²¹⁵

В 1804 г. графом И. О. Потоцким были опубликованы три ольвийских надписи (ИРЕ, I, 54, 134, 203), хранившиеся в родовом имении магнатов в Тульчине, в Брацлавском уезде Подольской губернии (с 1793 г., ныне в составе Польши).²¹⁶ Во время своих частых поездок по Причерноморью граф неоднократно бывал и в Ольвии, откуда вывез эти лапидарные памятники. Его брат С. О. Потоцкий и племянник Л. С. Потоцкий составили значительное собрание причерноморских античных монет и других древностей.

Начало научному изучению нумизматических памятников Ольвии в России положил Е. Е. Кёлер. 8 февраля 1804 г. он представил академической Конференции (Общему собранию) исследование о монетах Европейской Сарматии. В статье упомянуто всего 37 ольвийских монет, известных тогда науке. Часть типов автор воспроизвел по публикациям Д. Сестини, Й. Х. Эккеля и других нумизматов, остальные монеты — по подлинным памятникам, хранившимся в частных собраниях П. К. Сухтелена (всего 6 экз.), Веселовского, барона Г. Т. д'Аша

²¹⁰ Köhler H. K. E. Lettre sur plusieurs médailles de la Sarmatie d'Europe et de la Chersonèse Taurique // Nova Acta. 1805. T. 14. P. 108, 109.

²¹¹ РГВИА, ф. 93, оп. 1, д. 140, л. 5.

²¹² Там же, ф. 349, оп. 2, д. 7; д. 327.

²¹³ ДБК. Т. I. С. VI. Атлас. Табл. 7. Рис. 14.

²¹⁴ РГВИА, ф. 349, оп. 40, л. 4391.

²¹⁵ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3486, л. 6, 18 об., 68, 71 об., 72 об., 73, 83.

²¹⁶ Potocki J. Histoire ancienne du gouvernement de Cherson. Pour servir de suite de l'histoire primitive des peuples de la Russie. Spb., 1804. P. 29—31. Надписи ИРЕ, I, 203 (СГД, 2, 2090), из собрания Яна (Ивана) Потоцкого (1761—1815) и Станислава-Феликса (Станислав-Щенный, или Феликс Францевич) Потоцкого (1753—1805) в Тульчине, после смерти С. Ф. Потоцкого попала к управляющему имением графини Браницкой в Белой Церкви Яну Шваньскому. На закате жизни последний поселился близ Вильно (совр. Вильнюс, Литва) и вместе с другими древностями подарил эту надпись Обществу друзей науки в Вильно. См.: Dzikowski N. The Olbian Inscription CIG 2080 Rediscovered // Journ. of Hellenic Studies. 1939. T. 59. P. 84—91.

ΔΑΔΟΣΣΩΣΙΒΙΟΥΤΗΝΕΛΥΤΟΥ.
 ΓΥΝΑΙΚΑΝΖΑΛΣΙΝΤΗΝΑΡΣΗΝΟΑ
 ΧΟΥΘΥΓΑΤΕΡΑΝΑΓΑΛΜΑΤΙΑΝΕΣ
 ΤΗΣΕΝΤΕΙΜΗΣΧΑΡΙΝΚΑΙΕΥΣΕ
 ΒΕΙΑΣ...

— 852 —

Рис. 105. Постамент статуи Залсии (ΙΡΕ, Ι2, 200), найденный в Ольвии, хранившийся в Фанагорийской крепости на Тамани, позднее в музее ООИД (РГВИА, ф. 349, оп. 40, д. 4391, л. 1. Публ. впервые).

и своей собственной, а также в Национальном минц-кабинете Франции и музее Геттингенского университета.²¹⁷ Через несколько месяцев Кёлер отправился в Крым на счет средств Кабинета Александра I и по дороге заехал в Николаев. В коридоре Штурманского училища антикварий увидел шесть античных мраморов с барельефами и надписями, в том числе ольвийского происхождения. Для предотвращения гибели памятников Е. Е. Кёлер просил И. И. де Траверсе отправить их президенту Академии художеств графу А. С. Строганову.²¹⁸ В 1804 г. ученый впервые побывал в Ольвии и провел раскопки в надежде найти надписи и монеты. Пораженный варварским отношением местных властей к археологическим памятникам, Кёлер в 1805 г. добился распоряжения Министерства внутренних дел,²¹⁹ которое запрещало иностранцам вывоз антиков за границу. Той же цели способствовало основание в начале XIX в. местных музеев в Николаеве, Харькове, Одессе. Если в николаевском собрании ольвийские древности были представлены довольно широко, то в харьковском они появились лишь после поездки профессора, действительного члена Российской Академии *Ивана Степановича Рижского* (1759—1811).

И. С. Рижский учился в Псковской, затем в Троице-Лаврской семинарии, в которой потом преподавал риторику, пиитику, историю, римские древности и философию. Он автор работ «О богослужении древних римлян» (1784), «О политическом состоянии древнего Рима» (1788), которые являлись популярными, но обстоятельными обзорами различных сторон жизни Рима. Переселившись в Петербург, он преподавал в Горном училище латинский язык, логику, риторику, историю и географию. По поручению горного ведомства перевел с французского «Физическое и топографическое описание Тавриды» П. С. Палласа. В 1803 г., получив приглашение С. О. Потоцкого, переехал в Харьков, где был назначен профессором российской словесности и красноречия, деканом отделения словесных наук и ректором университета.²²⁰

Совершая поездку по Новороссии с целью посещения училищ, подведомственных Харьковскому учебному округу, И. С. Рижский обращал внимание на памятники археологии, во множестве встречавшиеся на его пути, в соответствии с выданной ему инструкцией Совета университета.²²¹ Профессор принял все пространство урочища Ста могил, т. е. ольвийский некрополь, за остатки древнего города. «Городище начинается близ полуверсты ниже села Ильинского, иначе называемого Порутена, и на пространстве от востока к западу версты на три, а от севера к югу несколько менее усеяно разной высоты и объятности холмами, находящимися друг от друга в различном расстоянии. Холмы сии, между коими инде находятся

²¹⁷ Köhler H. K. E. Lettre sur plusieurs médailles... P. 101—121.

²¹⁸ РГАВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 22, л. 85.

²¹⁹ *Стевен* А. Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 13. С. 35.

²²⁰ О трудах И. С. Рижского в области антиковедения см.: *Фролов Э. Д.* 1) Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967. С. 84; 2) Русская наука об античности. СПб., 1999. С. 107.

²²¹ *Багалей Д. И.* Археографические материалы как источник археологии // Тр. XI АС в Киеве. М., 1902. Т. 2. С. 86—88.

углубления подобные ямам, суть, кажется, не что иное, как кучи составившиеся из разрушившихся зданий. В сих холмах и углублениях, из коих некоторые были рыты любопытствующими, находят отломки обработанных искусством с надписями и без оных, бывших в употреблении у древних греков, камней, изредка целые глиняные кувшины, а более куски сих сосудов, и иногда древние монеты».

По мнению И. С. Рижского, самое интересное место по числу находимых древностей, называвшееся местными жителями Городком, находится ниже Ильинского в полутора верстах от села, т. е. собственно городище Ольвии. «Весь берег, на котором городище, глинист и довольно высок; но там, где городок, он имеет прямо возстающей высоты до 8 сажень (около 17 м. — И. Т.)». Несомненно, здесь имеется в виду Верхний город с цитаделью. «В утесах той части берега, на которой Городок, явственно видны в бесчисленном количестве куски разбитых глиняных сосудов, как бы нарочно воткнутые в разном положении в берег... О происхождении же их вероятно, что они суть остатки глиняных сосудов, которые в древние времена в великом множестве хранились в бывших в сем месте под зданиями погребях, и тяжестью разрушившихся строений разбиты на части, после смешавшиеся с землей».

Далее Рижский описывает находки на территории Нижнего города, на берегу Бутского лимана и в самом лимане, где «валяется также бесконечное количество упомянутых глиняных, и иногда мраморных отломков» и даже монет. И. С. Рижский описал способы сбора древностей местными жителями. Как правило, они ходят к Городку для поиска редкостей «после бывшей в Буте большой воды», которая вымывает вещи из берега. «В другое же время из валяющихся в великом множестве по берегу камней делают небольшие полукруглые в реке запруды и, вымывая из них лопатами на берег воду, ищут и сыскивают разные бывшие дотоле под водою небольшие вещицы, особливо медные, серебряные и даже изредка золотые монеты». Свой рассказ профессор заключает такими словами: «Вообще о сем месте можно сказать, что оно по всем отношениям достойно рачительнейшего и долговременнейшего разыскания, могущего открыть какие-либо древние исторические сведения или по крайней мере пояснения».²²² Описание И. С. Рижского является первым в отечественной литературе достаточно подробным свидетельством о виде городища Ольвии в начале XIX в. Характерен и тот отмеченный профессором факт, что местное население уже стало добывать древности с целью продажи их путешественникам.

Описание Ольвийского городища предполагалось напечатать в университетском журнале, но, видимо, какие-то обстоятельства помешали этому, и И. С. Рижский отправил рукопись в издаваемый Академией наук «Технологический журнал». Не зная о первой публикации, Д. И. Багалей вторично издал статью И. С. Рижского в одной из своих работ.²²³ Эпиграфические, нумизматические и археологические памятники, привезенные Рижским, были помещены в собрании Харьковского университета (см. гл. 4.2).

И. П. Бларамберг обратил внимание на ольвийские памятники в начале 1810-х гг.²²⁴ За многие годы он собрал значительную коллекцию ольвийских древностей, куда вошли ланитарные памятники, круглая и рельефная скульптура, керамика, мелкая пластика, амфорные ручки с клеймами, изделия из металла, украшения.²²⁵ И все же основное внимание коллекционер уделял своему богатейшему собранию монет Ольвии.²²⁶ Одним из источников поступления новых памятников в его коллекцию стали раскопки на городище и некрополе Ольвии. Точных сведений о них мы не имеем. А. А. Скалковский, говоря о посещении великим князем Николаем Павловичем (будущим императором Николаем I) Новороссийского края в 1816 г., писал, что последний приехал на развалины Ольвии и «присутствовал при разрытии многих курганов», а найденную серебряную «медаль» подарил Бларамбергу «в знак уважения к его

²²² Рижский И. С. О городище Ольвии и другие примечания // Технологический журнал. 1808. Т. 6. Ч. 2. С. 161—166.

²²³ Багалей Д. И. Археографические материалы... С. 87—88.

²²⁴ Описание древних медалей Ольвии или Ольвиополя, находящихся в Одессе, в кабинете г. Бларамберга, с историческим известием о древнем городе Ольвии, с планом оного, и с изображением 225 медалей и монет, гравированных в Париже Сент-Анжем / Пер. с франц. А. П. [Сисарева]. М., 1828. С. IV.

²²⁵ ИР ЦНБ, V, 1017, л. 1а—1а об.: [Blaramberg J.] Odessa, le 5 Fevrier // *Moniteur universelle*. 1818. 9 mars. № 68 (писцовая копия с исправлениями рукой Бларамберга).

²²⁶ Описание древних медалей Ольвии... С. VI; Свиньин П. П. Обзорение путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 г., относительно археологии // ОЗ. 1826. Ч. 26. Кн. 72. С. 435—439.

археологическим трудом в этой местности.²²⁷ Николай Павлович посетил Ольвию проездом, выехав из Николаева 11 июня 1816 г. и прибыв в Одессу на следующий день.²²⁸ Тем же маршрутом осенью 1817 г. путешествовал вел. кн. Михаил Павлович, ранее осмотревший собрание редкостей Черноморского депо карт в Николаеве.²²⁹

Непоколебимый интерес к Ольвии проявил поэт *Константин Николаевич Батюшков* (1787—1855), который летом 1818 г. в качестве почетного библиотекаря Имп. Публичной библиотеки во время отпуска для поездки на юг России «с целью отыскания рукописей и остатков русских и греческих памятников» посетил городище, собрал ряд находок, снял план и черне написал «Замечания об Ольвии». Во время работы над очерком поэт читал произведения античных авторов, прежде всего Геродота, пытался достать малотиражные и потому редкие труды Кёлера, изучал ольвийский кабинет Бларамберга.²³⁰ В письме от 19 октября 1818 г. он уговаривал Н. П. Румянцева приобрести коллекцию Бларамберга: «Я с моей стороны священным долгом почел уведомить вас о сем собрании, которое, легко может статься, перейдет в руки поляков или англичан, ибо г. Бларамберг, по напечатании каталогов, намеревается продать свой кабинет. В бытность мою в Одессе его уже торговали».²³¹ К счастью, все же большая часть собрания Бларамберга впоследствии поступила в Одесский городской музей древностей.

17 июля 1818 г. Батюшков писал А. Н. Оленину из Одессы: «Отдохнув в Николаеве, я отправился в Ильинское, поместье Кушелева-Безбородки, т. е. в древнюю Ольвию, и осмотрел любопытные остатки или могилу сего города [...]. Я снял план с развалин или, лучше сказать, с урочища, и вид с Буга. Рисовать я не мастер, но сии виды для меня будут полезны: они пояснят мое описание, если когда-нибудь вздумается мне привести в порядок мои записки... Для вас сохранил урну, найденную в развалинах рыбаком. Вот ее история. Один из рыбаков селения рыл яму и заступом ударил по черепице; продолжал рыть и вынул из земли большой сосуд покрытый. Полагая, что в нем монеты, разбил его. В первом сосуде был прах на дне и другой сосуд, во втором третий. Все три грубой работы и глины. Сей последний доставляю Вам на память обо мне. В нем управитель Ильинского подносил вино рабочим людям; лучше же ему быть в кабинете Вашем. Но такие сосуды здесь не редкость: их находят повсюду, даже в полях, где, конечно, римляне стояли лагерем. Притом сохранил для вас две медали: одну из них подарил мне г. Бларамберг, у которого прекрасное, единственное в своем роде собрание медалей, обломков и статуй... Здесь в Одессе я пользуюсь его благосклонностью и кабинетом. Жаль, что он не публикует его! — В Ольвии отрыли трубу, которая более двух тысяч лет лежала в земле. Она служила водопроводом, и странное дело! из нее еще струится вода в Буг. Адмирал Грейг послал из Николаева чиновника осмотреть ее форму, меру и положение. Одно колено сей трубы я взял с собою и постараюсь привезти; не угодно ли Вам будет поставить ее в библиотеку или в Ваш кабинет?».²³² В конце июля 1818 г. Батюшков сообщал Н. И. Гнедичу: «Я кое-что написал об Ольвии. В Петербурге на досуге переправлю и сообщу твоему просвещению [...] всем надело здесь медалями и вопросами об Ольвии».²³³ Эта тематика настолько захватила воображение Батюшкова, что 10 сентября 1818 г. он писал А. И. Тургеневу из Москвы: «Я с ума схожу на Ольвию».²³⁴ К несчастью, из-за душевной болезни в припадке депрессии весной 1822 г. в Симферополе поэт сжег свою библиотеку и все рукописи, в том числе черновой очерк об Ольвии со всеми видами и планами.²³⁵

Результатом археологических исследований И. П. Бларамберга явилась серия статей об Ольвии, из которых наиболее известна одна — о монетах из его собрания, вышедшая в 1822 г.

²²⁷ ОРИР ОГНБ, ркп. 62/6, л. 33 об.; Ср.: Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1730—1823. Одесса, 1838. Ч. 2. С. 254.

²²⁸ ГАРФ, ф. 728, оп. 1, д. 1017, л. 42 об. (Путешествие вел. кн. Николая Павловича по России в 1816 г.: Маршрут путешествия).

²²⁹ Там же, ф. 666, оп. 1, д. 52, л. 42 об. (Журнал-дневник путешествия великого князя Михаила Павловича по России. 1817 г.).

²³⁰ Батюшков К. Н. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 2: Из записных книжек. Письма. С. 484, 513, 517.

²³¹ Там же. С. 518.

²³² Там же. С. 505—506.

²³³ Там же. С. 509.

²³⁴ Там же. С. 517.

²³⁵ Кошелев В. А. «Приятный стихотворец и добрый человек...» // Батюшков К. Н. Сочинения. Т. 1. С. 26—27, 492.

Париже при содействии И. А. Стемпковского и скорее всего под редакцией Д. Рауль-Рошета.²³⁶ С согласия одесских антиквариев французский академик издал ряд неизвестных ранее эпиграфических памятников Ольвии, предоставленных ему Стемпковским и Бларамбергом.²³⁷ В 1828 г. на средства Общества истории и древностей российских при Московском университете был издан «неудовлетворительный» русский перевод статьи Бларамберга об ольвийских монетах его собрания, выполненный А. А. Писаревым.²³⁸ Это исследование представляет собой краткий исторический очерк Ольвии с приложением рисунков 225 монет и плана местности у села Ильинского (рис. 106).²³⁹ За 12 лет коллекционирования через руки Ивана Павловича прошло несколько тысяч ольвийских монет, о чем он сообщал в письме к П. И. Кёппену от 12 мая 1823 г.²⁴⁰

Все известные ему ольвийские монеты Бларамберг разбил на несколько групп, специально оговорившись, что «в расположении медалей... не принят порядок хронологический потому, что невозможно положительно определить время или эпоху битья монеты, исключая малого числа медалей, дошедших до нас с изображением римских императоров и чеканенных в упомянутом городе, вероятно, в продолжение только сорока лет», т. е., как он считал, от Септимия Севера до Александра Севера включительно.²⁴¹ Систематизация автономных монет из-за отсутствия обозначения местной эры могла быть в то время произведена только по нумизматическим признакам. Помимо привлечения свидетельств древних авторов Бларамберг попытался извлечь историческую информацию из надписей и монет Ольвии. Автор реконструирует элементы государственного устройства (по надписям, в том числе декрету в честь Протогена), прослеживает характер торговли, рассматривает основные культы полиса, устанавливает, что город несколько раз был данником варварских племен. Иван Павлович правильно определил время прекращения ольвийской монетной чеканки, которая «оканчивается Александром Севером и матерью его Юлией Маммеею».²⁴² Этот вывод полностью согласуется с данными современных исследований.²⁴³ Конец девятивековой истории города Бларамберг связывал с «эпохой разорения гетами или даками».²⁴⁴

Одесский антикварий впервые ввел в научный оборот три золотых, одну электровую, несколько десятков серебряных и медных монет. К первой группе автор отнес литые ольвийские ассы, которые он назвал тессерами. Вторую группу составили монеты автономного периода — три из золота и одна из электра. Из этих четырех монет только одна ольвийская, три приписаны Ольвии ошибочно — две кизикские гекты и одна полутекта.²⁴⁵ Следующая группа также автономного периода — серебряные монеты, причем, как установила Т. А. Избаш, из 11 описанных две — явно не ольвийские. Самая многочисленная группа бронзовых монет — 186, из которых семь точно не ольвийские и одна (№ 179) под сомнением. Затем следуют бронзовые монеты императорской эпохи (14 монет) и три монеты варварских царей, одна неизвестного басилевса; две монеты справедливо отнесены Бларамбергом к чеканке скифского

²³⁶ Choix des médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia faisant partie du cabinet de Blaramberg à Odessa. Paris, 1822. См. рецензии: *Arneth J.* (Archiv für Geographie, Historie, Staats- und Kriegskunst. 1822. № 141, 142); Начало археологических розысков в Ольвии [Перевод рецензии проф. Крейцера (Creucer) в: *Heidelberger Jahrbücher der Literatur*. 1822. № 78. S. 1235f.] / Пер. с нем. В. Н. Юргевича, коммент. Н. Н. Мурзакевича // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 407—414.

²³⁷ *Raoul-Rochette D.* Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien. Paris, 1822. О его связях с Бларамбергом и Стемпковским см.: Об Ольвии // ВЕ. 1823. Дек. № 23—24. С. 307—308; *Стемпковский И. А.* Письмо редактору. Саратов, 11 февраля 1824 г. // ВЕ. 1824. Февр. № 3. С. 230—235.

²³⁸ Описание древних медалей Ольвии...

²³⁹ План мною републикуется по оттиску, хранящемуся в РГВИА (ф. 418, оп. 1, д. 663, л. 1: Plan des ruines de la ville d'Olbia. Gravé par Legaigneur, Ecrit par Arnoul. Dessiné par Loaisel de Tréogat. Размер по рамке 17 × 37 см, М.: 1:10 000, рельеф в штрихах).

²⁴⁰ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 23, л. 3 об.

²⁴¹ Описание древних медалей Ольвии... С. 39.

²⁴² Там же. С. 36, 39.

²⁴³ *Карышковский П. О.* Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 126—127; *Крапивина В. В.* Ольвия: Материальная культура I—IV вв. н. э. Киев, 1993. С. 152—153.

²⁴⁴ Описание древних медалей Ольвии... С. 36—37.

²⁴⁵ Choix des médailles antiques d'Olbiopolis... Р. 37. Pl. 2. № b, c, d. См.: *Булатович С. А.* Электровая монета Кизика, найденная на Левке // МАСП. Одесса, 1971. Вып. 7. С. 215. Примеч. 32. Н. Н. Мурзакевич приписывал одну из этих монет Абиодосу (см. его примеч. 3 к статье: Начало археологических розысков в Ольвии // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 409).

царя Скилура.²⁴⁶ Внутри каждой из этих групп Бларамберг ввел разбивку по типам изображений. Кроме металла указан также размер монет по шкале Й. Х. Эккеля и монограммы, изображенные на приложенной таблице. Таким образом, Бларамберг не просто издал описание ольвийских монет своей коллекции, но и попытался классифицировать их.

Безусловно, в своих исторических выводах статья Бларамберга очень скоро устарела, однако категоричная оценка В. В. Латышева, посчитавшего ее «крайне слабой и поверхностной»,²⁴⁷ не может быть принята. Достаточно сказать, что у европейских ученых первой четверти XIX в. она вызвала огромный интерес и одобрение.²⁴⁸ Несмотря на неизбежные погрешности, работа Бларамберга имела важное научное значение — она явилась одной из первых достаточно полных публикаций не только монет Ольвии,²⁴⁹ но и северопричерноморских монет вообще.

Среди рукописей Бларамберга хранится также статья «Notice sur Olbiopolis ou Olbia», возможно относящаяся к 1818—1822 гг., так как она заканчивается анализом декрета в честь Протогена.²⁵⁰ Собирателем был составлен и «Ономастический список граждан Ольвии» с перечнем имен и должностей, занимаемых ими в городском управлении, составленный по надписям, монетам и другим источникам.²⁵¹ Еще одна неопубликованная рукопись на французском языке «Antiquités découvertes en différens tems dans les ruines d'Olbia et conservées dans le Cabinet du Conseiller d'état de Blaramberg à Odessa» (Древности, обнаруженные в разное время на развалинах Ольвии и хранящиеся в кабинете статского советника Бларамберга в Одессе).²⁵² Это своего рода продолжение парижской статьи 1822 г., написанное под влиянием положительных откликов в европейских журналах. Первая часть посвящена рассмотрению светильников и фрагментов «дисков глиняных светильников», вторая — памятникам керамической эпиграфики (астинным клеймам на амфорах), третья — описанию статуи «Юноны или Изиды», четвертая — terracottовой головке, пятая и шестая — мраморным барельефам с изображениями «Гекаты», «Дианы Охотницы», седьмая — скульптурным бюстам «Вакха и его свиты», девятая — ольвийским монетам (добавление к опубликованной статье 1822 г.). В архиве М. С. Воронцова сохранились графические иллюстрации к этой работе,²⁵³ позволяющие паспортизировать ряд памятников ОАМ НАН Украины из собрания Бларамберга.

Еще одна неопубликованная рукопись Бларамберга «Olbia: Denkmäler und Inschriften von ihr» в двух томах обнаружена в 1993 г. Ю. Г. Виноградовым в архиве А. Бёка в Институте Inscriptiones Graecae в Берлине. Второй ее том целиком посвящен декрету в честь Протогена. Ссылки на издания «едва перешагивают рубеж первой и второй четвертей XIX в.». На этом основании Ю. Г. Виноградов предположил, что автором рукописи могли являться либо П. Кёппен, либо Е. Кёлер.²⁵⁴ Располагая ксерокопиями четырех листов, любезно предоставленных мне Ю. Г. Виноградовым, и сличив почерк этого труда с рукописями Бларамберга, хранящихся в Киеве, Москве и Санкт-Петербурге, я пришла к однозначному выводу, что они принадлежат одному человеку — писцу, переписывавшему с рукописных оригиналов написанные бисерным почерком труды одесского антикаря, возможно, кому-то из его сыновей или дочерей. Это подтверждается наличием ряда несурозностей в воспроизведении ординарного текста 17-строчной надписи из Очакова с посвящением Аполлону Простату, вероятно, второй четверти II в. до н. э.,²⁵⁵ которые вряд ли могли допустить специалисты. Известно, что именно Бларамберг был информатором А. Бёка об ольвийских лапидарных памятниках при подготовке свода греческих надписей, за что и был избран членом-корреспондентом Берлинской Академии наук (1830).

²⁴⁶ Благодарю Т. А. Избаш (Одесса) за консультации.

²⁴⁷ Латышев В. В. Исследования об истории... С. VII.

²⁴⁸ Начало археологических розысков в Ольвии. С. 407—414.

²⁴⁹ Карышковский П. О. Монеты Ольвии. С. 5.

²⁵⁰ ИР ЦНБ, V, 1019, л. 1—16 об.

²⁵¹ Там же, V, 1018, л. 1—7: Liste onomastique des citoyens d'Olbiopolis ou Olbia, dont les inscriptions, les médailles et autres monumens de cette ville célèbre de l'antiquité, nous a transmis les noms, ainsi que les différentes fonctions qu'ils exécutent, tels que celles d'archonte, de prêtre, de stratège, d'astynome, d'agoranome etc.

²⁵² Там же, V, 1017, л. 1—15 об. См. также: PCA СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 1, д. 783, л. 1—20 об.

²⁵³ PCA СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 1, д. 779, табл. 1—7.

²⁵⁴ Виноградов Ю. Г. Уму пылливому наследу... // Древнее Причерноморье: III чтения памяти проф. П. О. Карышковского: Тез. докл. юбил. конф. 12—14 марта 1996 г. Одесса, 1996. С. 27.

²⁵⁵ Там же. С. 27—28.

В архиве Эрмитажа сохранились две рукописи Бларамберга на французском языке, переписанные набело той же рукой, что и берлинская, — «Description de quelques médailles grecques, de quelques Anses d'Amphores, briques, et fragmens de vases de terre cuite, ainsi que de 100 médailles Romaines impériales en argent trouvée dans l'enceinte de l'ancienne ville d'Olbia appartenant à Mr. le Comte Kuschelef-Besborodko»²⁵⁶ и «Description de plusieurs objets trouvés à Olbia».²⁵⁷

Вероятно, в раскопках Бларамберга на городище и некрополе Ольвии принимал участие и И. А. Стемпковский. Известно, что в руинах города им были найдены и идентифицированы две неизвестные ранее монеты с именем скифского царя Скилура,²⁵⁸ медь которого чеканилась в Ольвии между 140/135—115/110 гг. до н. э.²⁵⁹ Как писал об этом «Вестник Европы», «никто даже и не помышлял о существовании какой-либо монеты царей скифских! Открытие, достойное особенного внимания по своей новостности и важности для истории!».²⁶⁰ Стемпковский призывает начать раскопки «Акрополя или Цитадели Ольвийской» и курганов некрополя,²⁶¹ а также изучить окрестности города: «На правом берегу Буга, в трех верстах выше развалин Ольвии, видны признаки небольшого древнего укрепления, очевидно греческого. Тут находят много монет Ольвии с изображением *рогатого Пана*; почему и место сие названо жителями *Чертовой Балкой*. Паллас упоминает о сих развалинах в конце второго тома *Путешествия своего по южным губерниям России*. Весьма вероятно, что ольвиополиты имели тут передовое укрепление противу нашествия скифов, быть может также, что тут было поселение тех *Мекселлинов*, жителей *пограничных*, о коих упоминается в любопытной Ольвийской надписи Протагена, изданной в 1823 г. почтенным П. И. Кёппеном в Вене...».²⁶²

Стемпковский опубликовал информацию о кладе ольвийских монет, найденных в декабре 1824 г. при планировке двора господского дома в деревне Понятавке Херсонской губернии и уезда, в 25 верстах от Херсона вверх по Днепру, принадлежавшей полковнику Баранову. Клад, включавший более 600 монет хорошей сохранности, был найден в «обыкновенном черном горшке» на глубине более аршина (0.71 м). «Все они, без исключения, изображают с одной стороны лицо рогатого Пана (речного бога Борисфена, или Гипанида. — И. Т.) с бордюром, а с другой название города ОΛΒΙΟ, в коем были чеканены, секиру, сайлак (сору́т [горит. — И. Т.]) со вложенным в оный луком, и наконец различные литеры, как то ΑΡ, ΒΟΞ, ΕΠΙ, ΝΙ, и пр., или же монограммы из разных букв составленные, что и должно полагать начальными слогами разных имен градоправителей ольвийских. Подобные монеты отыскиваются во множестве в развалинах Ольвии, и особенно в близ лежащем урочище Чертовой балке, коей дано сие название по причине находимых монет с головою рогатого Пана, почитаемого поселянами за диавола. Изображение таковых монет можно видеть в любопытном каталоге древних ольвийских медалей, изданном г-ном статским советником Бларамбергом в 1822 г.».²⁶³ Таким образом, в современном с. Токаревка (бывш. Понятавка), в 1824 г. случайно был обнаружен большой клад крупной разменной меди с изображениями Борисфена и скифского оружия (так называемых борисфенов), т. е. монет, получивших широкое распространение за пределами Ольвии. Судя по описанию, клад включал образцы ольвийской чеканки с начала последней четверти IV вплоть до конца второй трети III в. до н. э.²⁶⁴ Другой клад с большим количеством монет в «кувшине» из того же с. Понятавка, как указано в документе,

²⁵⁶ АГЭ, ф. 1, оп. VI-М, л. 27/3, л. 1—16 (на: л. 2—4: Médailles d'Olbia en bronze; на л. 4 об.—9 об.: Anses de Vases de terre cuite trouvées dans l'enceinte de l'ancienne ville d'Olbia (описание амфорных клейм); на л. 10 рисунок остродонной амфоры со сбитой ножкой; на л. 11—16 об.: Médailles Romaines impériales en argent).

²⁵⁷ Там же, л. 27/4, л. 1—2. Скорее всего Бларамбергу принадлежат анонимная статья с описанием местности Ольвии: Ruines d'Olbia: Lettre à un ami // Journal d'Odessa. 1827. 29 oct./10 nov. № 82. P. 340—341.

²⁵⁸ О греческих древностях Боспора Киммерийского и Ольвии // ВЕ. 1823. Окт. № 19. С. 204.

²⁵⁹ Карышковский П. О. Монеты Ольвии. С. 102.

²⁶⁰ О греческих древностях... С. 204.

²⁶¹ Стемпковский И. А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // ОЗ. 1827. Ч. 29. Кн. 81. С. 54—55.

²⁶² Стемпковский И. А. Исследование о местоположении... С. 373. Примеч. 81.

²⁶³ Choix des médailles antiques d'Olbiopolis... Pl. 11—12. № 65—77. Цит. по: Стемпковский И. А. Известия о новых открытиях по части древностей в Южной России, 1824 года // Библиографические листы. 1825. 20 сент. № 24. Стб. 336.

²⁶⁴ Карышковский П. О. Монеты Ольвии. С. 80—85. Табл. 4.

в 28 верстах выше Херсона на правом берегу Днепра, был обнаружен в середине XIX в. на древнем городище («древнем городе, обнесенном валом»). Из его состава лишь 5 монет «уче-лили» и были переданы в музей Одесского общества истории и древностей жившим в Херсоне его действительным членом Н. Вертильяком.²⁶⁵

Одним из самых серьезных исследователей Ольвии был П. И. Кёппен.²⁶⁶ Городище у с. Ильинского он посещал несколько раз (1817, 1819). В 1817 г., впервые побывав там, он задумал снять его инструментальный план.²⁶⁷ В 1819 г., проехав Харьков, Ростов, Таманский полуостров, Крым, Херсон и Николаев, Кёппен доехал до села Ильинского на правом берегу Бугского лимана — у урочища Сто могил вновь осмотрел следы древней Ольвии и 26 октября с помощью астролябии снял план ее укреплений (документы № 5, 7, рис. 107). При съемке инструментального плана цитадели Ольвии Кёппену пригодились практические навыки и знания, приобретенные в Харьковской губернской чертежной. Затем он отправился в Одессу, где познакомился с И. П. Бларамбергом, осмотрел его знаменитый кабинет древностей и скопировал ряд ольвийских надписей. Два года спустя, в декабре 1821 г. в имении кн. А. Г. Кушелева-Безбородко с. Стольное Черниговской губернии Кёппен сверил ряд ольвийских надписей, впервые снятых им еще в 1819 г., и скопировал знаменитый декрет в честь Протогена (документ № 9).

На обратном пути из Одессы в 1819 г., остановившись в родном Харькове, П. И. Кёппен занялся сбором сведений о древней Ольвии и написал большую статью о ней «Ольвия. Древний город на реке Буге». Приложив к исследованию план городища и его окрестностей, автор отправил работу на отзывы архиепископу Евгению Болховитинову, который сообщил Петру Ивановичу свои замечания,²⁶⁸ а также неперменному секретарю Петербургской Академии наук П. Н. Фусу и своему будущему тестю Ф. П. Аделунгу.²⁶⁹

В литературе прочно утвердилось ошибочное мнение, что работа П. И. Кёппена об Ольвии или не была написана вообще,²⁷⁰ или просто до нас не дошла.²⁷¹ Однако это не так. Несколько списков не вполне законченного исследования П. И. Кёппена «Ольвия. Древний город на реке Буге», написанного автором в 1819—1820 гг., обнаружены в архивах Санкт-Петербурга и Киева.²⁷² Свое исследование об Ольвии П. И. Кёппен планировал напечатать за счет графа Н. П. Румянцева, который не без влияния одесских антиквариев И. П. Бларамберга и И. А. Стемповского заинтересовался причерноморскими древностями и стал их коллекционировать. Очерк должен был дополняться большим количеством иллюстраций — карт, рисунков надписей и барельефов, без чего он, по словам Кёппена, не мог быть удовлетворительным. Однако по определенным причинам работа осталась неизданной.

Как известно, большую часть своего научного архива Кёппен завещал Академии наук, часть документов о Крыме, составивших 6 коробок, была передана сыном ученого Ф. П. Кёппеном в мае 1907 г. в библиотеки Таврической губернской земской управы и Таврической ученой архивной комиссии.²⁷³ В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранились

²⁶⁵ ГАОО, ф. 93, оп. 1, л. 30, л. 181. О кладе 1824 г. из Понятовки, датированном издателями корпуса 300—250 гг. до н. э., см.: *Thompson M., Markholt O., Kraay M. C. An Inventory of Greek Coin Hoards*. New York, 1973. P. 142. № 1082. Клад середины XIX в. в этом труде не учтен.

²⁶⁶ Тункина И. В. П. И. Кёппен как исследователь Ольвии : (Становление археолога) // Археологические вести. 2000. № 7. С. 357—372.

²⁶⁷ Путевые заметки П. И. Кёппена 1817 г. в виде двух писем неизвестному адресату от 21 февраля 1818 г. и 12 августа 1819 г., вероятно предназначенные автором для публикации в одном из литературно-художественных журналов столицы, недавно опубликованы с обширными комментариями по копии, сохранившейся в «Ольвийском сборнике» Кёппена: *Назарчук В. И.* Ольвийский сборник П. И. Кёппена // Летопись Причерноморья: Археология, история, литература, нумизматика. Херсон, 1999. № 3. С. 19—30.

²⁶⁸ Мурзакевич Н. Н. Митрополит Евгений и академик Кёппен // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 404—411. Подлинники документов см.: ИР ЦНБ, V, 715, л. 1—7.

²⁶⁹ ИР ЦНБ, V, 715, л. 10—11.

²⁷⁰ Латышев В. В. Исследования об истории... С. VII; *Славян Л. М.* Основные этапы изучения Ольвии... С. 48.

²⁷¹ Карасев А. Н. Планы Ольвии XIX в. ... С. 12.

²⁷² Тункина И. В. П. И. Кёппен как исследователь Ольвии // Древнее Причерноморье: III чтения памяти проф. П. О. Карышковского : Тез. докл. юбил. конф. 9—11 марта 1991 г. Одесса, 1991. С. 98—99.

²⁷³ ИТУАК. 1908. № 41. С. 257—261 (протокол заседания от 2 октября 1907 г., § 9); 1914. № 51. С. 317—318 (протокол заседания от 29 мая 1914 г., § 2 — сообщение А. И. Маркевича).

6

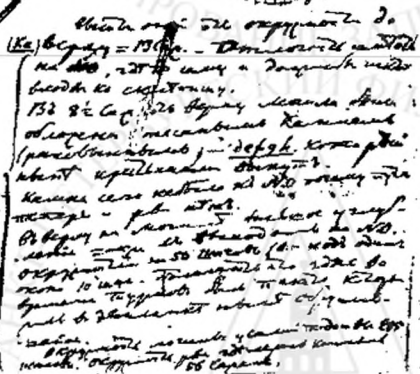

Рис. 11. С. 172. Подлинник: Отдел картографии ЦНБ НАНУ).

пять черновых редакций очерка об Ольвии.²⁷⁴ Включаясь в план его содержания и перечень 16 приложений.²⁷⁵ Рукописный «Ольвийский сборник» П. И. Кёппена, центральную часть которого составляет один из вариантов статьи об Ольвии, по желанию собирателя был передан в архив Одесского общества истории и древностей. Значительная часть архива ООИД, вывезенная во время оккупации Одессы в годы Второй мировой войны в Румынию, впоследствии оказалась в Киеве, в Институте рукописей Центральной научной библиотеки им. В. И. Вернадского Национальной Академии наук Украины.²⁷⁶

Обширная статья П. И. Кёппена (по современным меркам скорее монография) состоит из 14 глав. На одной из редакций работы сохранилось любопытное примечание автора: «По новости предмета нельзя было не входить в подробности, которые в противном случае могли бы оставаться неприкосновенными... Каждая из первых 13 глав имеет быть почитаема особым исследованием, а последняя 14-я содержать будет краткую историю Ольвии, основанную на предшествовавших разысканиях».²⁷⁷

Кратко остановимся на характеристике каждой из 14 глав. Первая глава «О греках, обитавших на берегах Черного моря» является своего рода введением к исследованию об Ольвии. Анализируя античную письменную традицию о Причерноморье, Кёппен приходит к выводу о торговом характере греческой колонизации берегов Понта Эвксинского и ведущей роли Милета в этом процессе. Вторая глава «О времени основания Ольвии» (в более ранней редакции — «Происхождение Ольвии» с добавлением «Кем могла быть основана Ольвия»), третья «О местоположении Ольвии» (в другой редакции: гл. 4 — «Местоположение Ольвии») и четвертая «О разных названиях Ольвии» (в другой редакции: гл. 3 — «Название оной») посвящены вопросу о названии города и привязке памятника к современной карте (см. документ № 8). Время основания Ольвии, согласно Псевдо-Скимну (Ps.-Skymn., 804—812) и периплу Анонима (Anon. PPE, 86), Кёппен относит примерно к 655 г. до н.э. Ученый придерживался точки зрения, ранее высказанной Д. Рауль-Рошеттом,²⁷⁸ о двух разных городах — Борисфене и Ольвии. Упомянувшиеся в письменной традиции разные названия полиса П. И. Кёппен принял за разные города. Согласно его ошибочному предположению, Ольвия существовала гораздо раньше своей митрополи Милета и была основана гелонами, которые якобы были потомками древнейших греков, обитавших на берегах Черного моря, от Кавказа переселившихся на запад и потом уже распространившихся по территории Греции. Эти фантастические исторические построения не выдерживают критики, и их ошибочность была отмечена уже современниками автора.

Касаясь вопроса о локализации древнегреческого города Ольвия, Кёппен рассматривает гипотезы ученых XVIII—начала XIX в. На одной из карт акад. Г. З. Байера Ольвия была показана около Берислава на правом берегу Днепра, на месте Очакова или в очаковских степях ее помещал И. Е. Фишер, а Х. Л. Герен локализовал ее на месте Херсона и т. п. «Ученые только в наше время удостоверились, — писал Кёппен, — что Ольвия находилась на правом берегу Буга... близ с. Парутино, теперь по прежнему владельцу графу Илье Андреевичу Безбородко называемое Ильинским».²⁷⁹ Пятая глава «Пространство города» посвящена подробному описанию городища: остатков укреплений, ворот, рвов, пристани, дорог, водостоков. Именно этот фрагмент был издан Н. Н. Мурзакевичем в примечаниях к статье «Митрополит Евгений и академик Кёппен».²⁸⁰ В заключение главы Петр Иванович уточняет: «Но таковые топографические разыскания требуют, чтобы пожить в Ольвии большее время, я же имел случай посещать оную оба раза только на несколько дней».²⁸¹

Шестая глава, носившая название «Могила», или «Могила в Ольвии (Урочище Сто могил)», не была завершена автором и оставлена в виде фрагмента «до времени» для доработки. Ее различные редакции существенно отличаются друг от друга. В одной Кёппен рассуждает о различных названиях (и их этимологии) погребальных сооружений, встречающихся

²⁷⁴ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 42, 112 л.

²⁷⁵ Там же, л. 7—7 об.

²⁷⁶ ИР ЦНБ, V, 715, л. 21—109.

²⁷⁷ Там же, л. 22.

²⁷⁸ Raoul-Rochette D. Histoire critique de l'établissement des colonies grecques. Paris, 1815. Vol. 3. P. 315.

²⁷⁹ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 42, л. 40 об.—41.

²⁸⁰ Мурзакевич Н. Н. Митрополит Евгений и академик Кёппен. С. 405—407.

²⁸¹ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 42, л. 49 об.

в Европейской России, на Урале и в Сибири — курганах, могилах, захоронениях и пр., т. е. о теме, которой впоследствии он посвятил ряд своих работ.²⁸² Лишь в одной из редакций упоминаются особо примечательные погребальные памятники Ольвии (см. документ № 8), а именно нераскопанные курганы с крепидами и каменными склепами — курган над склепом Евресивия и Ареты и большой курган на северо-восточной части верхнего плато, которые отмечены Кёппеном на опубликованном плане.

Глава седьмая «Ближайшие окрестности города» посвящена описанию городищ и курганов, осмотренных Кёппеном при поездках по обоим берегам Бугского и Буго-Днепровского лиманов. Описание одной из поездок он собрался приложить к статье об Ольвии. Автор не сомневался, что жители полиса «близости оного могли иметь загородные свои дома. Может быть, были тут и небольшие деревушки». В путевых записках и дневниках ученого зафиксирована важная археологическая информация о поселениях ольвийской сельскохозяйственной периферии: планы, описания, сведения о случайных находках и размерах городищ и селищ (Станислав, Александровка, Скельки, Семенов Рог, Кисляковка, Чертоватое, Сарыкамши, Корениха и др. — см. документы № 7, 8), которые оставались доселе неизвестными специалистам.²⁸³ Восьмая глава «Дальние окрестности Ольвии. Скифия и соседственные страны» касается локализации упоминаемых в источниках скифских племен и интересна попыткой привязать античные гидронимы к современной автору карте.

Девятая глава (в киевской редакции фрагмент одиннадцатой главы) «О великолепных зданиях Ольвии» (другое название — «Славные здания Ольвии») содержит анализ письменной традиции и эпиграфических памятников, упоминавших о зданиях, существовавших в древнегреческом городе. Среди них Кёппен перечисляет дворец Скила (Hdt., IV, 78—80), храмы Зевса, Аполлона, Асклепия, гимнасий, две башни цитадели на территории города и храм Деметры на Гипполаевом мысу.

В десятой главе «Искусства и искусства, процветавшие в Ольвии», и в одиннадцатой «О надписях, на камнях иссеченных» автор рассматривает 28 барельефов, статуй, надгробий, ряд лапидарных памятников из различных собраний, приводя при этом подробные сведения о местах их находок. Позднее эти материалы Кёппен использовал при публикации брошюры на немецком языке «Alterthümer am Nordgestade des Pontus» (Wien, 1823), где 10 ольвийских надписей были изданы им впервые. Здесь Кёппен поднимает вопрос о цели клеймения керамической тары и, видимо, одним из первых правильно атрибутирует керамические клейма с эмблемой в виде цветка граната как принадлежащие продукции Родоса.²⁸⁴

Двенадцатая глава «О торговле, проводимой Ольвией» разбирает все доступные виды источников, на основании чего Кёппен приходит к выводу о широких торговых связях города с Милетом, Истрией, Томами, Кизиком, Аматрием, Каллатисом, Тирой, Синолой, Гераклеей Понтийской и др., доказывая, что Ольвия являлась крупнейшим торгово-посредническим центром между античным миром и варварскими племенами Причерноморья. «Без сомнения Ольвия... отправляла здешний хлеб в Грецию, как и в наше время из Одессы вывозится арнаутка, которую в Херсонской и других близлежащих губерниях сеют не столько для собственного употребления, как для отпуску за границу». Река Буг «много способствовала к облегчению торговли» с каллипидами и другими скифскими племенами, а ольвиополиты, по его мнению, «езжали» даже за Уральские горы для покупки золота и других товаров. Приложенная к статье карта (к сожалению, в делах отсутствует) была получена Кёппеном от начальника Черноморского депо карт в Николаеве И. М. Будищева (см. документ № 8) и доказывала, что к Ольвии «подходят могилы и большие корабли, ибо глубина Буга на самой середине между Николаевым и самым устьем от 20 до 30 английских футов».²⁸⁵

²⁸² Кёппен П. И. 1) Список известнейшим курганам в России. СПб., 1837 (на с. 27 упоминание об урочище Сто могилах); 2) О курганах: Предварительное разыскание (1836) / Публ. А. И. Маркевича // ИТУАК. 1908. № 42. С. 1—41; 3) Список курганов, составленный академиком П. И. Кёппеном / Публ. Н. И. Репникова // Там же. С. 42—55.

²⁸³ См., например: Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951. Вып. 1; Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Античные поселения Нижнего Побужья: (Археологическая карта). Киев, 1990.

²⁸⁴ Кац В. И., Тункина И. В. Зарождение керамической эпиграфики в России // Античный мир и археология: Проблемы античной государственности, материальной и духовной культуры: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1990. Вып. 8. С. 111—122.

²⁸⁵ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 42, л. 22—25.

Следующая, тринадцатая глава «О монетах города Ольвии» касается вопросов монетной чеканки полиса. Во времена Кёппена золотых ольвийских монет, известных науке, насчитывалось несколько штук, серебряные также считались очень редкими. Время начала монетной чеканки, по мнению автора, «едва ли с точностью определить можно». Большинство сведений, приведенных в этой главе, заимствованы им из материалов, предоставленных ему И. П. Бларамбергом и И. А. Стемповским, поэтому самостоятельного значения не имеют. Кёппеном повторена классификация монет одесского антиквара по типам изображений, причем вслед за ним и акад. Кёлером монеты с Борисфеном он ошибочно определял как изображения Пана. Время окончания чеканки, как и саму гибель города, автор относил предположительно к первой трети III в. н. э. Тому же вопросу посвящена последняя глава «О времени разрушения Ольвии». «Думать должно, — писал Кёппен, — что Ольвия разорена не гуннами в IV в. н. э., но уже готами именно тогда, когда Филипп, римский император, около 244 г. по Р. Хр. не стал уже платить им дань... То, что, может, еще уцелело при нападении гетов, вероятно, погребено гуннами, около 376 г. вытеснившими их из мест сих».²⁸⁶

Текст очерка должен был иллюстрироваться двумя планами, помещенными в приложение: «План крепости Ольвии» и «План всего города и ближайших окрестностей онога».²⁸⁷ Первый, представляющий цитадель позднейшей Ольвии, был снят самим П. И. Кёппеном при помощи астролябии. Этот план был опубликован в виде отдельной вставки в левом нижнем углу общего плана городища и урочища Сто могил (1821). Недавно обнаружены снятый П. И. Кёппеном 26 октября 1819 г. подлинный черновой план ольвийской цитадели, хранящийся в Отделе картографии ЦНБ НАН Украины (рис. 107),²⁸⁸ и его позднейшая копия в архиве Национального заповедника «Херсонес Таврический».²⁸⁹ Приписываемые Петру Ивановичу недостатки в реконструкции оборонительных сооружений поздней Ольвии опровергаются данными современных раскопок.

В основу второго плана был положен план Ольвии, полученный в Одессе от И. П. Бларамберга. 7 декабря 1821 г. И. П. Бларамберг благодарил жившего в Одессе брата П. И. Кёппена Карла Ивановича за присылку опубликованного плана руин древнего города и его окрестностей, и подчеркнул, что в его распоряжении имеется три плана Ольвии разных размеров, но абсолютно подобных.²⁹⁰ В поисках этих планов я в 1988 г. обратилась к богатейшим фондам Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ныне Российский государственный военно-исторический архив) в Москве. Архивные разыскания оказались успешными — мною были обнаружены три ранее неизвестных и никогда не издававшихся плана Ольвии и ее окрестностей (рис. 108—111).²⁹¹ Все они имеют одинаковое название «План развалинам бывшему городу Ольвию», один масштаб (в 1 англ. дюйме 50 саж.; 1:4200), рельеф передан в аналогичной технике отмычки акварелью, надписи, экспликация и буквенные обозначения — черной тушью. Все планы имеют пояснение «Снимал с натуры инженер-поручик Бориславский», у третьего плана есть вторая подпись «инженер-капитан фон Мучель».

Иван Степанович Бориславский (в другом написании *Бериславский*, 1787—1866), военный инженер. Из польского шляхетства, сын титулярного советника, в 1803 г. поступил на службу в Инженерный корпус кондуктором 2-го класса с переименованием в инженер-подпоручики, в том же году командирован из Одессы в Тирасполь, в 1804 г. — из Херсона в Очаковскую инженерную команду, в 1805 г. — в Кинбурн, затем из крепости св. Дмитрия в Таганрог, в 1807 г. вернулся в крепость св. Дмитрия, с 10 мая 1808 г. в Таганроге при гидравлических и других строениях, с 13 марта по 26 января 1809 г. занимался съемкой местности рек «о соединении Волги с Доном», с 27 ноября 1809 г. — поручик, в 1810 г. переведен в Очаковскую инженерную команду, находился «при черчении планов», в 1811 г. командирован в Очаков, в 1814 г. работал на Березани, в марте 1819 г. и в 1820—1821 гг. инженер-капитан, адъютант генерал-майора С. С. Федорова 1-го, окружного командира Херсонского инженерного округа. В 1846—1847 гг. в чине инженер-полковника служил помощником управляющего Херсонского окружного

²⁸⁶ Там же, л. 28 об.

²⁸⁷ Там же, л. 7 об.

²⁸⁸ Папанова В. А. Маловідомі матеріали з архівів П. І. Кёппена // Мир Ольвии : Матер. юбилейних чтений, посвященных 90-летию со дня рождения проф. Л. М. Славина. Киев, 1996. С. 171—173.

²⁸⁹ Золотарев М. И., Буйский С. Б. 1) Неизвестный план Ольвии П. И. Кёппена // РА. 1997. № 2. С. 241—244; 2) «Ольвийская крепость» П. И. Кёппена // Ольвия-200 : Тез. докл. Междунар. науч. конф. 5—9 сент. 1994 г. Николаев, 1994. С. 49.

²⁹⁰ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 23, л. 2.

²⁹¹ Тункина И. В. К истории изучения Ольвии... С. 54.

инженерного управления. Скончался в чине инженер-генерал-майора 10 июня 1866 г., на 80-м году жизни, похоронен в Нежине при церкви Иоанна Милостивого.²⁹²

Франц Самойлович фон Муцель (1764—?), «из офицерских детей» немецкого происхождения, начал службу в Орловском пехотном полку сержантом (1779), затем прапорщик (1786), подпоручик (1787), участвовал в походе на Крым 1782 г., в боевых действиях на флотилии в Черном море (1790), в 1793 г. привлекался «к строению Кинбурнской крепости», в 1798 г. командировался из Херсона в Очаков, в марте 1799 г. переведен в Инженерный корпус в том же чине, поручик (1803), в 1805 г. служил в Очакове, в 1805 г. в Кинбурне, в 1807 г. вновь в Очакове, упоминается в «выписке об инженерных командах, находящихся в приморских крепостях» (декабрь 1807) как командир в Николаевском укреплении при Очакове; капитан (1809), в чине «инженера-капитана армии майорских чинов» Ф. С. фон Муцель числится в списке чиновников Инженерного корпуса 11 января 1811 г., с 20 сентября 1811 г. — подполковник. Франц Самойлович фон Муцель как командир Очаковской инженерной команды продолжал служить по крайней мере до января 1816 г.²⁹³

На двух из этих планов,²⁹⁴ один из которых — с автографом Муцеля,²⁹⁵ представлена одинаковая экспликация, расположенная с левой стороны листа: отмечены «городище Ольбю» (А), «разрытые фундаменты, в коих найдено множество с надписями камней» (В), «завалившие подземные ходы» (С), два больших кургана с крепидами — «два большие кургана, кругом каждого обложено при основании большими камнями» (D), «на высоте колодец» (Е), некрополь — «Прочие курганы под названием Сто могил» (F), «Родники» (G). Оба плана имеют одинаковые подписи, различающиеся лишь в деталях «Кладбище из села Ильинска», «Мельницы», «Рыбная ловля», «Виноградной сад», «Колодец» (на другом плане Бориславского отсутствует), «Огородный плантаж» (на плане, подписанном Муцелем, отсутствует). Экспликация еще одного плана Бориславского²⁹⁶ расположена с правой стороны листа и имеет более обширную расшифровку буквенных обозначений. Здесь добавлены «Рыбная ловля» (H), «Огородные плантажи» (I), «Колодезь» (K), «Мельницы» (L), «Кладбище из селения Парутиной» (M). Сравнительный анализ этих планов составит предмет самостоятельного исследования. Отмечу лишь следующее.

В описях РГВИА, включающих коллекцию Военно-ученого архива Главного штаба, эти рукописные планы в красках ошибочно датированы второй половиной XVIII в. На всех трех планах отмечены места находок надписей, «разрытые» фундаменты построек и т. п., свидетельствующие о их составлении позднее рубежа веков. Изучение послужных списков авторов съемки также доказывает неточность архивной датировки. Судя по формулярам автора съемки, планы были составлены не ранее 1809 г., а план, заверенный подписью фон Муцеля, между 1809 г. и сентябрем 1811 г. Проанализировав все известные ему планы Ольвии первой четверти XIX в., А. Н. Карасев пришел к выводу, что при изготовлении каждого из них авторы пользовались одним и тем же первоисточником, который, по его мнению, был выполнен в начале XIX в. топографами военно-морского ведомства.²⁹⁷

Согласно П. И. Кёппену, получившему план Ольвии от Бларамберга в Одессе, он был снят «как-им-то инженером» для государя и на нем показан «город и все пространство, на коем приметно еще прежнее жилие». Как известно, император Александр I впервые посетил

²⁹² См.: РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 4940, л. 11 об.—12, 121 об.—122, 190; Савельев А. И. Исторический очерк инженерного управления в России. СПб., 1887—1897. Ч. 1. С. 162; Ч. 2. С. 324; Ч. 3. С. 244; Общий состав военного министерства на 1847 г. СПб., 1846. С. 80; Ратнер И. Д. Старейший план Ольвии и его автор // Проблемы археологии Северного Причерноморья: (К 100-летию основания Херсонского музея древностей) : Тез. докл. конф. Херсон, 1990. Ч. 3. С. 76—78; Русский провинциальный некрополь: Картотека Н. П. Чулкова из собрания Государственного литературного музея // Река времен. М., 1996. Кн. 4. С. 39.

²⁹³ См.: РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 4940, л. 11 об.—12, 121 об.—122, 189—190 (более поздние формулярные списки мной не обнаружены); Фабрициус И. Г. Столетие военного министерства. 1802—1903: Главное инженерное управление: Ист. очерк. СПб., 1902. Т. 7. Ч. 1. Прилож. 9. С. 31; К прилож. 62. С. 181; Савельев А. И. Исторический очерк инженерного управления в России. СПб., 1894. Ч. 3. С. 235.

²⁹⁴ РГВИА, ф. 349, оп. 27, д. 947, л. 1. Размер по рамке 52 × 69 см. В отличие от других планов этот в большей части листа не расцвечен акварельной отмывкой. На обороте листа помета: «Получен 11 июня 1827 г.». См. рис. 109, 110.

²⁹⁵ Там же, д. 946, л. 1. Размер по рамке 49 × 69 см. На обороте листа помета: «Получен 11 июня 1827 г.». См. рис. 108.

²⁹⁶ Там же, ф. 418, оп. 1, д. 615, л. 1. Размер по рамке 56 × 82 см (рис. 111). Справедливости ради, следует отметить, что в листе использования архивного дела имеется расписка о знакомстве с этим планом еще в апреле 1966 г. сотрудника Херсонского краеведческого музея И. Д. Ратнера, ныне покойного, успевшего опубликовать о нем лишь тезисы. См.: Ратнер И. Д. Старейший план Ольвии и его автор. С. 76—78.

²⁹⁷ Карасев А. Н. Планы Ольвии XIX в. как источник исторической топографии города // МИА. 1956. № 50. С. 30.

Одессу, Николаев и Херсон лишь в апреле—мае 1818 г.,²⁹⁸ следовательно, планы Бориславского не могли быть выполнены к приезду царя. Один из снятых военными инженерами планов стал основой для гравированного на меди плана Ольвии, опубликованного П. И. Кёппеном в 1821 г. на средства графа А. Г. Кушелева-Безбородко. Кёппеновский план стал первым в мировой науке опубликованным планом городища и его окрестностей, который, как полагал А. Н. Карасев, «поражает точностью в передаче основных, решающих элементов рельефа».²⁹⁹ Его главное достоинство заключается в указании на нем археологических объектов. Топографическая подготовка помогла автору отделить главное от второстепенного, осмыслить и запечатлеть видимые на поверхности следы древних сооружений. Как показывают современные исследования, планы Кёппена не потеряли своей информативности и ценности до сих пор. Очевидно, что топооснова хранящихся в РГВИА планов стала источником и для других известных опубликованных планов Ольвии — И. М. Муравьева-Апостола и И. П. Бларамберга (рис. 106), дополненных каждым из издателей.

В 1822 г. вышло в свет сразу несколько работ об античных памятниках Северного Причерноморья — в Париже монография Дезире Рауль-Рошетта «*Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien*», где широко использованы археологические материалы и изданы две статьи И. А. Стемповского, брошюра И. П. Бларамберга с описанием монет Ольвии из его кабинета, а в Петербурге — первая публикация важнейшего документа лапидарного архива Ольвии — декрета в честь Протогена, подготовленная акад. Е. Е. Кёлером.³⁰⁰

Часть материалов, собранных для статьи об Ольвии, Кёппен включил в свою рецензию на монографию Д. Рауль-Рошетта о греческих древностях Боспора Киммерийского (1822) под названием «*Alterthümer am Nordgestade des Pontus*», вышедшую на немецком языке в Вене в 1823 г. во время его пребывания в Западной Европе.³⁰¹ В книгу Кёппена вошли 10 неизданных надписей из Ольвии, неизвестных ни Кёлеру, ни Рауль-Рошетту, ни А. Бёку, которому посылали свои материалы И. П. Бларамберг и И. А. Стемповский. Здесь же издан декрет в честь Протогена по собственной копии Кёппена, текст которого был отпечатан также отдельно с немецким переводом австрийского ученого доктора Эйхенфельда.³⁰² Появление серии публикаций о причерноморских древностях вызвало жесткую, язвительную и не всегда объективную критику со стороны акад. Е. Е. Кёлера.³⁰³ Кёппен искусно отпарировал большинство замечаний в особой статье, в которой указал своему строгому критику, что он сам далеко не столь непогрешим, как ему представляется.³⁰⁴

Е. Болюховитинов так отреагировал на эту полемику в письмах к П. И. Кёппену от 19 декабря 1823 г. и 22 июня 1824 г.: «Но вот что у нас замечательно: иностранцы вас хвалят в журналах, а наш академик Кёлер при своей книжке на Raoul-Rochette... на конце приписал

²⁹⁸ Шильдер Н. 1) Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 98—99; 2) Александр I // РБС. 1896. Т.: Аарон—Император Александр II. С. 359.

²⁹⁹ Карасев А. Н. Планы Ольвии XIX в. ... С. 10.

³⁰⁰ Köhler H. K. E. Zwei Aufschriften der Stadt Olbia. SPb., 1822 (H. K. E. Köhler's gesammelte Schriften. SPb., 1850. Bd 1. S. 59—80).

³⁰¹ Köppen P. Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien, 1823. 108 S. (впервые опубли.: Wiener Jahrbücher der Literatur. 1822. Т. 20. S. 259—351). См. рецензию: Heidelberger Jahrbücher der Literatur. 1823. Nov. № 70—71. S. 1130—1134.

Местами искажающий смысл оригинала посредственный русский перевод Средне-Камашева с дополнениями автора, изданный на средства Московского общества истории и древностей российских, см.: Кёппен П. И. Древности северного берега Понта. М., 1828. Рецензия: Московский телеграф. 1828. Ч. 23. № 19. С. 475—477.

³⁰² Köppen P. Olbisches Psephisma zu Ehren des Protogenes. Wien, 1823. 14 p. Во франц. переводе К. Мальте-Брена опубли.: Nouvelles Annales des Voyages. 1823. Т. 19. Juil. P. 132—142. См. также отклики во французской печати: Lettre de Mr. Raoul-Rochette sur l'inscription d'Olbia à Mr. Malte-Brun // Nouvelles Annales des Voyages. 1823. Т. 19. Pt. 1. Août. P. 274—282; Lettre à Mr. Malte-Brun sur quelques locutions relatives à l'expression des comptes monétaires, dans le décret des habitants d'Olbie par Mr. Lettronne // Ibid. P. 282—289; Т. 20. Pt. 2. P. 136—138; Bul. de Sciences etc. par Mr. le B-n de Ferussas. 1824. № 2. P. 109—110.

³⁰³ Köhler H. K. E. Remarques sur un ouvrage intitulé: Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien // Serapis. SPb., 1823. Th. 1 (H. K. E. Köhler's gesammelte Schriften. Bd 1. P. 81—234: о трудах Рауль-Рошетта 1822 г., p. 81—218; Стемповского 1822 г., p. 218—235; Кёппена 1823 г., p. 232—234). См. также отдельную брошюру Кёлера с рецензией на сочинение П. И. Кёппена: Köhler H. K. E. Beurtheilung einer Schrift: Alterthümer am Nordgestade des Pontus // Serapis. SPb., 1823. Th. 2 (H. K. E. Köhler's gesammelte Schriften. Bd 2. S. 5—44).

³⁰⁴ Köppen P. Nachhall vom Nordgestade des Pontus. Wien, 1823. 16 S. Этот ответ перепечатан в собрании сочинений Е. Е. Кёлера: H. K. E. Köhler's gesammelte Schriften. Bd 2: Serapis. Th. 2. S. 225—246. См. также отклик А. Бёка: Allgemeines Repertorium der neuesten in- und ausländischen Literatur. 1824. Bd 1. S. 55—56.

и странички и на ваш счет, и сим не удовольствовавшись, издал еще особую же года там же на Вас книжку *Beurtheilung einer Schrift: Alterthümer am Nordgestade des Pontus*. Ученые завистливы сверстникам в своем мастерстве»; прочитав ответ Кёппена, отметил: «Завистливому и гордому нумизматику Вы хорошо отвечали».³⁰⁵ Известно, что мастера не любят славы подмастерьев и учеников», — резюмировал митрополит Евгений в письме к Н. П. Румянцеву от 25 ноября 1823 г.³⁰⁶

Из переписки митрополита Евгения с Н. П. Румянцевым очевиден их интерес к археологическим богатствам Ольвии. «Вам конечно известно, — писал Румянцев из Гомеля 3 декабря 1822 г., — что славная Ольбия есть ныне одна из деревень графа Кушелева-Безбородки и поныне продолжает быть неисчерпаемым дном самых редких древностей. Кажется с год тому назад, сей молодой помещик, возвращаясь из нее в Петербург, заехал ко мне в Гомель отобедать и велел, удовлетворяя мое любопытство, вынуть из кареты большой мешок единственно наполненный самыми древнейшими медалями». В ответном письме от 17 декабря 1822 г. киевский иерарх сообщил своему адресату: «Много списков с монет, найденных в Ольвии, видел я у Кёппена, который пишет огромное историческое разыскание о сем бывшем городе. А граф Кушелев-Безбородко напечатал уже и план сих развалин, который и у меня есть».³⁰⁷

В благодарственном письме графа Н. П. Румянцева П. И. Кёппену за посвящение ему «Древностей северного берега Понта» меценат тем не менее выразил желание, чтобы молодой ученый переключился с изучения греческих древностей на славянские: «... Искренне напрашиваюсь, милостивый государь мой, на посвящение мне какого-либо труда Вашего до российских или вообще до славянских древностей относящихся. Не отстраняйте от себя сие приятное занятие предметами ему чуждыми. С тщанием обзоревайте библиотеки и все памятники российской словесности, рассеянные во владениях австрийских и доныне неизвестных» (письмо от 26 марта 1823 г.).³⁰⁸ Ревнивая критика со стороны Кёлера и призыв Н. П. Румянцева сменить сферу научных интересов существенно повлияли на тематику дальнейших исследований Кёппена. Во время пребывания в Вене П. И. Кёппен получил письмо из Дрездена от немецкого ученого К. А. Бёттигера с высокой оценкой его статей и предложением заняться историей Митридата VI Евпатора. 26 мая 1823 г. Петр Иванович записал в дневнике: «Преклоняю чело и выю неповинну. Да не узнает сего знаменитый философ Кёлер, а то и Бёттигеру и мне молния и гром! Нет, пора приняться за другое».³⁰⁹ В итоге, к сожалению, Кёппен перестал публиковать работы по классической археологии и эпиграфике Причерноморья, переключившись на занятия другими науками.

Огромную важность для исследователей представляет так называемый «Ольвийский сборник» П. И. Кёппена.³¹⁰ Здесь сохранились перечни ольвийских древностей, представленных графом А. Г. Кушелевым-Безбородко императрице Марии Федоровне, которые находились в библиотеке Павловского дворца,³¹¹ монет из коллекции И. А. Стемповского, изученные П. И. Кёппеном в Вене,³¹² копии надписей, рисунки барельефов и других памятников из Ольвии.³¹³ Монеты и надписи ученый осматривал в ряде частных и государственных собраний — в имении Кушелева-Безбородко в Стольном, в музее Бларамберга в Одессе, Николаевском депо карт, у полковника А. Н. Раевского в Киеве, Харьковском университете, собраниях Петербурга, минц-кабинетах многих западноевропейских стран.³¹⁴ В сборник включено письмо

³⁰⁵ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 84, л. 7—7 об., 9.

³⁰⁶ Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 г. по 1825 г. включительно). Воронеж, 1885. Вып. 2. С. 83.

³⁰⁷ Там же. С. 67, 68.

³⁰⁸ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 247, л. 6.

³⁰⁹ Там же, оп. 1, д. 139, л. 52 об.

³¹⁰ Назарчук В. И. Ольвийский сборник Кёппена. С. 14—30.

³¹¹ ИР ЦНБ, V, 715, л. 179, 183—187 об.

³¹² Там же, л. 203—206 об.

³¹³ Там же, л. 222—242, 245—257, 261.

³¹⁴ Там же, л. 189—190 об.; ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 135, л. 68: музей древностей Дерптского университета, осмотренный в июле 1821 г.; д. 137, л. 31 об.—32: кабинет древностей полковника А. Н. Раевского в Киеве, л. 52—55: нумизматический кабинет и собрание древностей лицей в г. Кременец, январь 1822 г.; д. 138, л. 131 об.—134: кабинет древностей, встречи с И. А. Стемповским в Вене в сентябре—октябре 1822 г.; д. 139, л. 4 об.—6, 40 об.: Вена, май 1823 г., работа над рецензией на книгу Рауль-Рошетта; д. 140, л. 23—23 об., 34, 38 об., 44 об., 49 об.,

посетителя юного барона С. И. де Шодуара, швейцарца Адольфа Вавра (Wavre) из Кременца Волинской губернии от 28 декабря 1827 г., с астампажами трех ольвийских надписей (№ 1 — IPE, P, 203, впервые издана И. Потоцким, хранилась в Тульчине, затем попала в университет св. Владимира в Киеве; № 2 — IPE, P, 162, из Тульчина, впервые издана Кёлером в работе об островах и беге Ахилла, впоследствии хранилась в Киевском университете; № 3 — IPE, P, 116, из лицея в Кременце поступила в Киевский университет и впервые издана много лет спустя В. И. Модестовым).³¹⁵

Неизданные материалы П. И. Кёппена об Ольвии и ее памятниках, зачастую снабженные рисунками древностей, являющиеся ценнейшими источниками сведений о городище и его окрестностях, местах находок надписей и других памятников, позволяют уточнить паспортизацию многих из них. Его очерк «Ольвия. Древний город на реке Буге» явился первой в мировой науке попыткой «систематического изложения» результатов анализа всей совокупности источников (нарративных, эпиграфических, нумизматических, археологических) с целью реконструкции истории древнего города, который, к сожалению, так и не увидел света. Хотя некоторые исторические построения автора по прошествии 180 лет выглядят наивными, устаревшими и мало аргументированными, собранные Кёппеном материалы с фактологической точки зрения ценны до сих пор, особенно в разделе описаний и топографической фиксации видимых следов строительной деятельности в древности.

В сентябре 1820 г. Ольвию посетил И. М. Муравьев-Апостол, изложивший свои впечатления от увиденного в форме сновидения.³¹⁶ Страстный поклонник античности, он романтически перенесся в город, населенный персонажами из Диона Хризостома (Dio Chrys., Or. Romish., XXXVI, 11, 48). Автор с грустью писал «о печальном впечатлении», произведенном на него реальными археологическими остатками. «Вместо того, чтобы следуя методу, систематически делать ископания (курсив мой. — И. Т.),... здесь мужик с заступом идет куда ему заблагорассудится добывать денежек и горшков...».³¹⁷ И. М. Муравьев-Апостол обратился к А. С. Грейгу с просьбой оказать содействие в топографической съемке городища.³¹⁸ Снятый военными специалистами план, приложенный к описанию путешествия И. А. Муравьева-Апостола, по мнению А. Н. Карасева, менее точен, чем план П. И. Кёппена, но ценен попыткой восстановить пределы береговой части города в древности.³¹⁹

Ольвийские нумизматические и эпиграфические памятники занимали и акад. Кёлера. В письме к анонимному нумизмату в Одессу, скорее всего, И. П. Бларамбергу, в 1817 г. ученый попытался дать первичную классификацию ольвийских монет, разделив их на 11 классов, при этом не учитывая ни металлы, ни вес монет. В основу своей классификации он положил изображения, правда не всегда верно идентифицированные, — так, речного бога Борисфена он ошибочно атрибутировал как Пана.³²⁰

24 июня 1821 г. петербургский академик вновь посетил Ольвию. На страницах путевого дневника Кёлера — копии надписей, рисунки амфор, описания монет и керамических клейм, хранившихся в Ильинском у управляющего имением графа А. Г. Кушелева-Безбородко Д. Д. Юргенса и в имении Стольное в Черниговской губернии.³²¹ Часть из них была опубликована петербургским ученым, в том числе впервые — знаменитый декрет в честь Протогена (IPE, P, 32).³²² По просьбе Кёлера к управляющему имением 30 июня 1821 г. крестьяне Ильинского приступили к раскопкам городища: «Собралось много крестьян, они копали в нескольких местах, в том числе и на том выступе, где в прошлый раз были найдены надписи

60 и др.: встречи с проф. Крейцером в Гейдельберге, изучение ольвийских монет, кабинеты антиков и монет в Майнце, Касселе, Готе, Веймаре, Йене, Дрездене, Берлине, Данциге, встречи с немецкими учеными; д. 142, л. 50 об. — 51, 53, 54, 57, 60 об.: посещение Кабинета антиков в Вене в сентябре—октябре 1823 г., встречи с австрийскими учеными и дискуссии о чтении декрета в честь Протогена.

³¹⁵ ИР ЦНБ, V, 715, л. 243—249.

³¹⁶ *Муравьев-Апостол И. М.* Ольвия: Отырок из путешествия в Тавриду в 1820 году. С прибавлением перевода отрывка Бористенской речи Диона Хризостома. СПб., 1821.

³¹⁷ Там же. С. 28—29.

³¹⁸ *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. С. X.

³¹⁹ *Карасев А. Н.* Планы Ольвии XIX в. ... С. 16.

³²⁰ Письмо академика Кёлера к неизвестному нумизмату, писанное из С.-Петербурга в 1817 году, 2-го марта / Публ. А. А. Скальковского, перевод с нем. В. Н. Юргевича // ЗООИД. 1894. Т. 17. Отд. 4. С. 3—4.

³²¹ ОР РНБ, Нем. IV Q 181, л. 245 об.—246, 248.

³²² Köhler H. 1) Mémoire... P. 646—649, 651—659, 779—780; 2) Zwei Aufschriften der Stadt Olbia. SPb., 1822.

(декрет в честь Протогена. — И. Т.). Тем временем я осматривал местность, вернее территорию древнего, обнесенного стенами акрополя. Была найдена одна монета с довольно большой сидячей фигурой на аверсе и надписью *Abundantia* (изобилие (лат.)). — И. Т.) на реверсе».

Кёлер попытался проверить на местности план Кёппена и высказал сомнения в его точности.

«Я отправился от южной оконечности укреплений, следуя севернее цитадели, некогда окруженной стеной и башнями и граничившей на западе с балкой, в которой расположена гавань; из обозначенных на карте Кёппена башен я не нашел ни одной, зато обнаружил с самого северного края, ближе к западной оконечности, башню, которой на этой карте нет.

Из-за того что жители выкопали камни, из которых были сложены стены, местность стала совершенно неузнаваемой. Если бы это не случилось повсюду, очертания древних общественных зданий, находившихся внутри акрополя, а также расположенных поблизости строений, вероятно, принадлежавших городской знати, были бы отчетливо видны и ныне. Но в настоящее время все это стало настолько нечетким, что почти невозможно определить ни толщину стены, окружавшей цитадель, ни положение ее оборонительных башен.

Чертеж города, принадлежащий Кёппену, был сделан в 1819 г.; на некоторых из планов, снятых ранее, стена и башни крепости не показаны, не потому, что, как сказал автор одного из этих планов (как следует из текста дневника, имеется в виду Бориславский. — И. Т.), осыпь на ливии [укреплений] еще не была убрана, но по той причине, что тогда камни стены еще из нее не выламывали.

Башни, показанные на плане Кёппена круглыми, были все на самом деле скорей всего прямоугольными. К сожалению, следы, еще заметные в 1819 г., теперь стали едва различимы.

Вся внешняя и северная часть города была некогда также обнесена стеной, не указанной на плане Кёппена. Эта часть города (простиралась) до большого кургана, прежде имевшего каменное ограждение вокруг подошвы; вершина кургана, как я отмечал выше, осела либо из-за провала внутреннего свода, либо вследствие того, что раскопки вели, начиная с нижнего края кургана к его центру. [...] В полуверсте от берега старого города в реке сохранились следы древнего города, простиравшегося до этого места, а, может быть, и дальше. И теперь здесь видят лежащие под водой лестничные ступени из крупных камней. Река время от времени выносит куски свинца, некогда скреплявшего эти камни».

Академик обратил внимание на ряд поселений ольвийской хоры — Чертоватское, Кротова балка, Козырка, Аджиголь.

«Самым замечательным из того, что я осмотрел сперва, начав с мыса, где заканчивается Бутский и начинается Днепровский лиман, были две заметных возвышенности, или два холма, расположенных в 6 верстах от мыса, у самого лимана. На первом холме, называемом местными жителями Большой городок Аджигольский и достигающим около 50 саженей в диаметре, имеются остатки существовавших здесь древних построек, представлявших собой поселение тех, кто принадлежал к этой малой городской части. Рядом с описанной плоской возвышенностью, вплотную к ней, имеется другая, 20 саженей в диаметре, на которой сохранились следы существовавшей здесь некогда крепостной стены. Из сооружений, имевшихся как на первой возвышенности, так и на второй, находящейся к западу от нее, из-за того, что берег постепенно осыпался, многое следует искать в лимане. Сооружения на второй возвышенности представляли собой укрепление и называются теперь Малый городок Аджигольский. Лиман здесь достигает местами глубины 20 саженей.

Эти два связанные между собой сооружения, возможно, представляют собой крепость *Алектор*, которой позже овладели жители Ольвии, вследствие чего здесь, а также внизу, в воде, находят античные монеты Ольвии, хотя и в небольшом числе. Такое кажется мне наиболее вероятным.

Если же это поселение не является крепостью Алектор, то можно считать весьма вероятным, что оно с самого начала было поселением граждан Ольвии, потому что территория или поля, принадлежавшие городу, простирались по всей вероятности очень далеко на запад. [...]

Дальше путь лежал к Очакову. Местные жители полагают, что в 6 верстах от упомянутой выше крепости некогда существовал отдельно еще один небольшой городок. Сейчас на его месте равнина, занимающая 100 саженей вдоль лимана и имеющая 50 саженей в ширину. Нигде нет и следа древних построек, однако почва состоит из бесплодного строительного мусора, кое-где с примесью битой черепицы».

В архиве академика сохранились сотни листов выписок из античных авторов и современной Кёлеру научной литературы, посвященные Ольвии и ее памятникам, в том числе копия рапорта Ф. Деволлана с географическим и топографическим описанием провинции Озу.³²³

На протяжении десятилетий грабительские раскопки городища и некрополя проводили владельцы окрестных земель, крестьяне села Ильинского и даже проезжие путешественники. 25 мая 1826 г. Стемповский сообщал Кёппену о пребывании в Ольвии известного естествоиспытателя, зоолога и ботаника, академика Имп. Академии наук Христиана-Генриха Пан-

³²³ АГЭ, ф. 11, д. 96: «Protogen», 254 л.; д. 114: «Olbia», 14 пачек, 176 л.; д. 115: «Ovidius zu Tomi. Dio zu Olbia», 73 л.; д. 116: «Olbia, Tempia et Bospor», 224 л.; д. 21: «F. de Wollant. Rapport relativement à la situation géographique et topographique de la province Ozou...», 50 л., и др.

дере (1794—1865): «Г-н Пандер был в Ольвии и рылся в развалинах; после чего поехал в Крым. Не знаю, удалось ли ему что-либо найти: но сомневаюсь — он ловит бабочек, а не медали. Скоро ожидают возвращения его сюда (в Одессу. — И. Т.); может быть, узнаем что-либо о его разысканиях!». ³²⁴ А. Н. Карасев подметил, что если в первой четверти XIX в. на самом городище имелось около 20 курганов, то к середине века все они оказались скрытыми грабительскими раскопками. По свидетельству путешественников, все городище было «ископано», так как парутинцы сделали поиск древностей и продажу их путешественникам дополнительным источником дохода. ³²⁵ «Лишь только я вышел из коляски, — вспоминал П. П. Свинын, — как окружен был женщинами и мальчиками, нанесшими ко мне великое множество разного рода вещей и монет из развалин Ольвии... К сожалению, не более как за неделю до моего приезда сюда, мельник продал в Одессе жиду два серебряных голубка за 80 р. Хотя большая часть городка и близлежащих курганов кажутся изрытыми, но я могу удостоверить, что поиски сии были только поверхностные, а потому можно полагать, что важнейшие сокровища сокрыты в глубине, пощажены будучи невежеством и корыстолюбием здешних крестьян, которые разрывают теперь каменную стену, коею окружен один из больших курганов. Они жалуются на великое множество змей и тарантул, кои мешают отыскивать монеты в развалинах... В Коренихе, у почт-содержателя Любовицкого, я видел изрядное собрание монет и вещей, находимых в Ольвии, и любопытнейшее из сих последних есть небольшой серебряный лев». ³²⁶

А. С. Уваров писал, что на его глазах за одни сутки на западном берегу лимана, просеивая песок через решето, местными крестьянами было найдено «более ста медных монет, в том числе и две серебряные, много амфорных ушек, сосудов и других мелочей». ³²⁷ Из книги археолога нам кое-что известно о раскопках курганов, проводившихся на средства графа Кушелева-Безбородко в 1832, 1842 и 1844 гг. Курган 1842 г. имел склеп с мужским погребением и богатым инвентарем — золотой маской, лавровым венком, ожерельем, серьгами, перстнем. А. С. Уваров опубликовал рисунок каменного склепа с уступчатым перекрытием, открытого в 1844 г. ³²⁸

Некоторые ольвийские памятники поступали в собрания дома Романовых. В библиотеке Павловского дворца хранились «небольшая головка Венеры» из белого мрамора и терракотовая «голова Геркулеса юного, с курчавыми волосами», фрагменты надписей на мраморе, а также 19 амфорных ручек с клеймами, найденных в Ольвии. ³²⁹ 12 сентября 1855 г. в Эрмитаж поступили 27 резных камней, обнаруженных «в местности древней Ольвии», приобретенных у губернского секретаря Козелло, которые с разрешения обер-гофмаршала Имп. двора были помещены в зал керченских древностей. ³³⁰ Статский советник Довгалецкий в 1858 г. пожертвовал музею древние монеты и другие памятники из Ольвии. ³³¹ В 1867 г. у графини Кушелевой за 5 тыс. р. серебром для Имп. Эрмитажа было приобретено собрание древностей, открытых в Ольвии, в том числе уникальный комплекс с золотой маской из кургана 1842 г.: «золотая тростинка, золотая маска, золотой браслет, золотой перстень, серебряное ожерелье, 5 коробочек с серебряными изделиями, 6 коробочек с золотыми украшениями для одежды, коробочки с греческими монетами, агатовые, каменные и глиняные сосуды». ³³²

³²⁴ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 283, л. 16.

³²⁵ Муравьев-Апостол И. М. Ольвия. С. 28; Письма с берегов Черного моря // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1852. Т. 96. № 383. С. 310.

³²⁶ Свинын П. П. Обзорение путешествия... Кн. 75. С. 95—96.

³²⁷ Уваров А. С. Исследования о древностях... Вып. 1. С. 40.

³²⁸ Уваров А. С. 1) Исследования о древностях... Вып. 1. С. 42—44; 2) Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1853. Вып. 2. Табл. XI, XIV. Следует упомянуть о рисунке Ольвийского городища со стороны Бугского лимана, выполненном поэтом А. С. Норовым в середине 1830-х гг., сохранившемся в его путевых заметках (ОР РНБ, ф. 531, д. 118, л. 27).

³²⁹ Рисунок женской мраморной головки (№ 11), списки керамических клейм и надписей на мраморе (№ 34 и др.) из Ольвии, хранившиеся в Павловске, имеются в «Ольвийском сборнике» П. И. Кёппена: ИР ЦНБ, V, 715, л. 224—226. См. также: ЗПАНО. 1849. Т. I. С. 136; Мурадь Э. Г. Памятники древности в Санкт-Петербурге и Павловске // ЗПАНО. 1850. Т. 2. Вып. 2. С. 301, 302, 303.

³³⁰ АГЭ, ф. 1, оп. I-1855, д. 31, 3 л.; оп. VI-ЕІ, д. 17, № 219, л. 109 об.

³³¹ Там же, оп. I-1858, д. 17, 4 л.

³³² Там же, оп. V-1867, д. 13, л. 9—10, 12, 15.

На поселение селской округи Ольвии неоднократно происходили случайные находки. В мае 1837 г. очаковский полицмейстер ротмистр Сорочан сообщил управляющему канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернатора А. Я. Фабру, что в «казенном селении» Ивановка близ Очакова на берегу лимана в результате обвала земли на глубине 2,5 сажени (5,33 м) были обнаружены разбитые амфоры, пепел и древесный уголь, а также 20 медных «тариков» (оливийские бронзовые дельфины) и 2 серебряные монеты, которые были направлены в Одесский городской музей.³³³

Первым подлинно научным монографически связным очерком истории Ольвии, по убеждению Ю. Г. Виноградова,³³⁴ является часть вводной главы к надписям Сарматии «Корпуса греческих надписей» А. Бёка,³³⁵ проанализировавшего все доступные на то время эпиграфические источники. С этим заключением можно согласиться, но лишь памятуя о том, что работа П. И. Кёппена осталась неизданной, а все оливийские лапидарные памятники стали известны «отцу греческой эпиграфики» от русских информаторов (И. П. Бларамберга, И. А. Стемпковского, П. И. Кёппена и Е. Е. Кёлера), из их писем, публикаций и неизданных исследований.

Одесское общество истории и древностей также обратило внимание на развалины Ольвии. Секретарь общества Н. Н. Мурзакевич впервые побывал в Ольвии в июле 1831 г. и «провел полдня» в «недавно вскрытой гробнице». Здесь он собрал клейменные амфорные ручки, монеты, светильники и «разную мелочь». Разбирая монеты, археолог «разбудил в себе заглушную было страсть к нумизматике».³³⁶ В Ольвию он впоследствии возвращался не раз. 2 декабря 1841 г. Н. Н. Мурзакевич предложил сочленам по ООИД обратиться с письмами, во-первых, к владельцу Парутино графу А. Г. Кушелеву-Безбородко, «не пожелает ли он для пользы наук по временам сообщать обществу сведения, в случае открытия в его поместье разных древностей», во-вторых, к графу Льву Севериновичу Потоцкому, сыну С. О. Потоцкого, «начавшему делать первые поиски в Ольвии и оставившему после себя значительный мини-кабинет и разные древности» с просьбой сообщить описание собрания отца.³³⁷ Позднее Н. Н. Мурзакевич составил записку о необходимости провести раскопки в Ольвии: «Тут с 1820 г. неправильно делаемые разрытия... открыли бесчисленное множество монет..., а также разных серебряных и золотых вещей, и что для науки древностей драгоценнее, вырыто множество камней с эллинскими надписями. Все сии предметы по праву владения землей принадлежат помещику...». Через М. С. Воронцова общество обратилось к графу А. Г. Кушелеву-Безбородко за разрешением на проведение раскопок. Согласие было получено, но с условием, что половина найденных вещей «по жребию» перейдет в собственность помещика. В письме графа на имя М. С. Воронцова подчеркнуто, что владелец земель со временем собирался устроить в Ольвии музей для хранения древностей. Граф также просил общество при проведении раскопок «не разрушать найденных там стен и других построек» (1843).³³⁸

Однако по каким-то причинам, скорее всего финансовым, раскопки были проведены лишь через два года. 23—24 августа 1845 г. Н. Н. Мурзакевич раскопал один большой курган «для опыта и определения издержек при раскопках», но «ничего замечательного» не обнаружил. 12 марта 1847 г. секретарь известил сочленов «об открытых в 1845 г. в Ольвии в курганах трех каменных гробницах».³³⁹ Судя по документам архива ООИД, никакого отчета о работах, а тем более чертежей, составлено не было. Осмотрев внимательно местность, исследователь пришел к выводу о необходимости систематических раскопок курганов с целью обогащения музея ООИД новыми вещами. На заседании 7 февраля 1846 г. общество поручило Н. Н. Мурзакевичу проведение дальнейших раскопок и постановило ежегодно вносить в смету расходов 100 р. серебром на эти цели.³⁴⁰ В «Записках» ООИД Н. Н. Мурзакевич, а затем и П. В. Беккер регулярно публиковали статьи и заметки о новых случайных находках из Ольвии — об открытии погребений (1841, 1844—1845), вновь найденных лапидарных памятниках, керамических клеймах, монетах (включая «замечания о двух оливийских, неизвестных доселе нумис-

³³³ ГАОО, ф. 1, оп. 1837-200, д. 44, л. 1—4.

³³⁴ Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса... С. 8.

³³⁵ SIG. 1843. Vol. 2. Cap. 1. P. 86—89. § 5—10.

³³⁶ Записки Н. Н. Мурзакевича // РС. 1887. Т. 53. № 3. С. 655.

³³⁷ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 1, л. 69.

³³⁸ Там же, д. 29, л. 40, 49—49 об.

³³⁹ Там же, д. 2, л. 55.

³⁴⁰ Там же, л. 39—39 об.

В 1848 г. по поручению Петербургского археолого-нумизматического общества в Ольвии проводил работы граф А. С. Уваров.³⁴² По дороге из Херсона в Николаев молодой путешественник пытался обнаружить остатки легендарного храма Деметры. Местные жители сообщили А. С. Уварову, что «к ним часто приезжали порыться.., но ... ничего никогда не находили». Лишь на Золотом мысу, расположенном в трех верстах от деревни Широкой и в семи верстах от Станислава, в начале 1830-х гг. херсонский житель Шибинский проводил грабительские раскопки и обнаружил несколько беломраморных плит, остатки постройки с каменным подвалом, заполненным сосудами (амфорами?), о судьбе которых археологу так и не удалось ничего выяснить.³⁴³ 10 июля 1848 г. в Николаеве А. С. Уваров встретился с Н. М. Кумани. В тот же день граф сделал запись в дневнике о выставленной на продажу большой коллекции «греческих и босфорских монет» доктора Кибера. В Янчокраке, имении графа А. Г. Кушелева-Безбородко, он осмотрел памятники античной скульптуры — четырех львов, привезенных из Ольвии, которые были «сделаны из обыкновенного камня, в лежачем положении, и средней величины».³⁴⁴ Тех же львов описал анонимный автор, в начале 1850-х гг. вместе с преподавателями Ришельевского лицея Ф. К. Бруном и П. В. Беккером путешествовавший по берегам Черного моря в поисках следов древнегреческих колоний. Буквально через два-три года после первой поездки Уварова речь шла уже только о двух львах, но из мрамора.

«Львы, украшающие крыльцо управляющего, принадлежат к числу замечательнейших предметов, найденных в земле, хотя до сих пор еще никем не описаны. Они из белого мрамора, натуральной величины и, за исключением морды, вполне уцелели. Оба совершенно сходные между собой, они лежат с приподнятой головою, опущенным хвостом и протанутыми вперед лапами; у каждого в боку находится выточенное углубление диаметром в 4 дюйма, где укреплен был конец соединявшего их мраморного цилиндра (которого теперь уже нет). Стиль резца, кажется мне, может быть отнесен не далее, как за два века до Р. Х.; пропорции неверны, и второстепенные части отделаны не тщательно. Кожу образуют какие-то иероглифические фигуры, несколько похожие и на монограммы ольвийских монет, и на руническое письмо».

По сведениям, полученным путешественниками в Ильинском, львы были найдены при подошве так называемого «Большого кургана, на котором вероятно стоял храм Юпитера», под самой поверхностью земли.³⁴⁵ В 1876 г. графиня Варвара Александровна Кочубей (урожд. графиня Кушелева-Безбородко) передала в дар Эрмитажу двух мраморных львов, принадлежавших ее покойному брату графу Николаю Александровичу Кушелеву-Безбородко.³⁴⁶ Эти памятники, покрытые так называемыми сарматскими знаками, неоднократно привлекали к себе внимание исследователей.³⁴⁷

Тот же анонимный одесский путешественник оставил как описание некрополя Сто могил, где его внимание привлекли хорошо сохранившиеся курганы с уступчатыми склепами, так и самого городища Ольвии. По его сведениям, большая часть находок приходится на расположенный на севере акрополь, ограниченный на юге от остальной части города Городской балкой. Здесь «на каждом пригорке видны следы лопат; иной как будто изрыт кротами, так он во всех направлениях исколот шупами. Разумеется, что для пользы науки и систематических исследований этот род земледелия *запрещен владельцем имения или имений...* Все вещицы, которые мы после приобрели или осматривали, появились на свет этим невинным образом». К дому управляющего имением Кушелева-Безбородко барона М. В. Розена в Ильинском,

³⁴¹ Мурзакевич Н. Н. 1) Древности, открытые в с. Парутине, на развалинах Ольвии // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 623—624; 2) Эллинические памятники, найденные в Новороссийском крае: 1. В Ольвии // ЗООИД. 1850. Т. 2. Отд. 2—3. С. 405—413; 3) Ольвийские древности // ЗООИД. 1853. Т. 3. С. 246; Беккер П. В. 1) О двух ольвийских надписях // ЗООИД. 1858. Т. 4. С. 119—130; 2) О заслугах Калиника, по надписи ольвийской // ЗООИД. 1858. Т. 4. С. 131—133.

³⁴² См.: Тункина И. В. А. С. Уваров и древности Южной России (конец 1840-х—начало 1850-х гг.) // Потгибшие святости : Охраняется государством : 4-я Российская науч.-практ. конф. СПб., 1996. Ч. 1. С. 163—181.

³⁴³ Уваров А. С. Исследования о древностях.... Вып. 1. С. 32—34.

³⁴⁴ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, л. 192, л. 13 об.

³⁴⁵ Письма с берегов Черного моря // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1852. Т. 96. № 383. С. 308—309, 315.

³⁴⁶ АГЭ, ф. 1, оп. V-1876, д. 2, л. 1—3.

³⁴⁷ Подробнее литературу вопроса см.: Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья: Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев, 1975.

где остановились путешественники, местными жителями «нанесено было множество древностей. Особенно живо шел меновой торг монетою, потом сбыт всяких ручек и других обломков и мелочей; всего хуже продавались мраморные изделия, потому что их мы не могли взять с собой, хотя между ними многое стоило бы того. Замечательнее всего... был еще неописанный четырехугольный пьедестал, который я и срисовал с позволения управляющего (пьедестал хранится у него). Это прекрасный мраморный камень..., на верхней стороне его находятся углубления для ног статуи..., лицевая сторона так повреждена, что из 10 еще остающихся строк надписи... можно прочесть последние 4 (издан Уваровым: *ИРЕ*, I², 25. — *И. Т.*) [...]. На дворе, где живет староста, лежит мраморная доска, видом и величиной подобная предыдущей, с такими же выгоченными на изнанке полушариями, но без надписи. Там же вделана в ограду каменная ваза грубой работы, вышиною около полуаршина». Покидая Ольвию, путешественники не без сожаления бросили «прощальный взгляд на прекрасный мраморный обрубок колонны, к которой привязана наша лодка».³⁴⁸

Но вернемся к первой поездке А. С. Уварова по Причерноморью. Наиболее интересным объектом для археолога оказались руины античной Ольвии. Молодой граф поселился в доме главноуправляющего имениями гр. Г. Г. Кушелева К. Д. Станкевича и воспользовался советами жившего там же помощника управляющего, любителя древностей барона Михаила Викентьевича Розена, хорошо знавшего эти места. С его помощью он приобрел у местных крестьян множество монет и «собрал сколько мог черепиц с клеймами, присоединил к рисункам», осмотрел и снял копию лежавшей на дворе дома управляющего «недавно найденной надписи греческой» на постаменте статуи. Традиционным стало утверждение, что в 1848 г. А. С. Уваров провел раскопки на городище и некрополе Ольвии,³⁴⁹ однако, судя по тексту книги и содержанию путевых заметок, это не так. Целью своего исследования А. С. Уваров считал лишь сбор как можно более полных сведений об Ольвии, чтобы показать «быт Ольвии в древние времена... Единственное мое желание издать те древности, которые никем еще не были описаны и которые объясняют нам или внутреннее состояние, или развитие искусств в Ольвии».³⁵⁰

А. С. Уваров понял необходимость картографирования и топографической фиксации памятников Ольвии. По его поручению были сняты два плана — городища и некрополя (по нумерации Собрания карт и рисунков..., табл. VIIA); городища и его окрестности (табл. VIIIB). Первый был сделан при помощи глазомерной, а второй — инструментальной съемки. В архиве ученого сохранился подлинный «Глазомерный план окружности Ольвии, определяемой дальними курганами» (масштаб в 1 англ. дюйме 1500 шагов, или 500 сажень, или 1 верста, т. е. 1:42 000),³⁵¹ который не совпадает по масштабу с опубликованными в атласе: ни с планом VIIIB (50 саж. в дюйме, 1:4200), ни с планом VIIIA (200 саж. в дюйме, 1:16 800).³⁵² Из рецензии П. М. Леонтьева на первый выпуск труда следует, что А. С. Уваров остался недоволен имевшимся у него планом Ольвии, поэтому выход атласа из печати автор задерживал до тех пор, пока военные топографы не завершили инструментальную съемку на местности плана городища большего размера, вероятно, второго.³⁵³ Действительно, в тексте книги даны отсылки лишь на первоначальный план, без указания литерных букв (табл. VIII).

Одной из ближайших задач исследования могильника А. С. Уваров считал топографическую съемку всех курганов с обозначением их величины и указанием, «какие рвы, какие нет». «При разрытии же курганов необходимо отмечать, что откроется в каждом из них. Когда же могила будет разрыта, то поддерживать ее в этом состоянии можно почти без всяких издержек: для этого стоит только прикрывать вход в нее в зимнее и осеннее время. Через несколько лет Ольвия сделалась бы, так сказать, музеем для изучения археологии, и любопытные путешественники стекались бы в нее, как стекаются со всех сторон света любоваться Помпеею и Геркуланумом», — писал А. С. Уваров. По мнению управляющего имением, которое разделял и петербургский археолог, за период с апреля до середины ноября, т. е. за 7 месяцев рас-

³⁴⁸ Письма с берегов Черного моря. С. 314—319.

³⁴⁹ См. например: *Карасев А. Н.* Планы Ольвии XIX в. ... С. 20; *Крыжицкий С. Д.* Ольвия: Историкографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985. С. 19 и след.; *Левы Е. И.* Ольвия... С. 8.

³⁵⁰ *Уваров А. С.* Исследования о древностях... Вып. I. С. 36.

³⁵¹ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, л. 194а, л. 146.

³⁵² *Карасев А. Н.* Планы Ольвии XIX в. ... С. 18—21.

³⁵³ *Леонтьев П. М.* Рецензия на кн.: Уваров А. С. Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря. СПб., 1851. Вып. I // ОЗ. 1852. Т. 83. № 7. Отд. 5. С. 29. Примеч.

копок 10 рабочих могли бы «срыть» не менее 140 курганов, «полагая полтора дня на каждый курган».³⁵⁴

Безусловной заслугой молодого археолога можно считать и то, что он вслед за Кёппеном и Кёлером обратил внимание на многочисленные поселения ольвийской периферии и сообщил сведения о случайных находках на них. Им отмечены поселения у Чертовой и Кротковой балок, Козырка, Малая Дереклея, Долгая Кошка, Аджиголь, Чефутковский городок, Александровка, Кисляковка,³⁵⁵ в атласе изданы планы некоторых из них. Напомню, что сельские поселения Ольвии привлекли к себе внимание археологов лишь век спустя.³⁵⁶

Затем А. С. Уваров проехал по берегу моря на запад до Одессы, отмечая следы греческих поселений. «Кроме случайных находок, или частных попыток отыскать что-нибудь замечательное, по всему этому пространству не было предпринято никаких систематических разысканий. Археология этих местностей много нам обещает; но она еще тайна», — писал автор во введении к 3-й главе.³⁵⁷

Уваров вернулся в Ольвию пять лет спустя, имея право производства раскопок, полученное от графа Л. А. Перовского. На протяжении двух недель с 22 августа по 5 сентября 1853 г. молодой археолог проводил раскопки на городище и некрополе Ольвии. По данным А. Н. Карасева, проанализировавшего ольвийские планы А. С. Уварова из атласа к «Исследованиям о древностях...», якобы в 1848 г. в юго-восточной части городища археолог заложил пять траншей. На некрополе по той же методике им было раскопано 9 курганов у Широкой балки — или узкой траншей до центра, затем выемкой в виде прямоугольника, или радиальными траншеями.³⁵⁸ Однако А. С. Уваров проводил эти раскопки не в 1848 г., а в 1853 г. Инструментальный план Ольвии (VIII), опубликованный в 1853 г. в «Собрании карт и рисунков...», подобрал информацию о раскопках А. С. Уварова за 1853 г. Среди бумаг его личного архива в ГИМ сохранилась расшифровка 22 объектов анонимного плана Ольвии, возможно, снятого унтер-офицером Александром Алексеевым для А. С. Уварова после 1848 г.,³⁵⁹ так как условные обозначения в нем отличны от плана VIIIА и литер, приведенных в тексте 2-й главы «Исследований о древностях...». Автором данного плана была проведена корреляция условных обозначений между первым планом А. С. Уварова и своим. В нем зафиксированы: «а. Акрополь; б. Народная площадь; с. Под водою пристань; d. е. Курганы у Бларамберга; D, D; f. Курган, в коем найдены 2 остова, разрыт в 1832 г.; g. Курган, в коем найдена золотая маска и проч.; h. Курган, разрыт в 1844 г., № 1 в издании Вашем; i. Курган, разрыт Мурзакевичем, в нем гробницы и ничего не найдено, да, кажется, Вами и не упоминаем; k. Курган, разрыт, измерена гробница, у Вас 2-й; l. Курган, разрыт, гробница не измерена, у Вас 3-й; m. Курган “Захусовская могила”, у Вас b;³⁶⁰ n. Курган “Толстая могила”, у Вас c; o. курганы “Четыре могилы”, у Вас d; p. Курган “Софронова могила”, у Вас e; q. Курган “Волошанская могила”, у Вас f; r. Признаки фундамента бывшей стены, у Вас (здесь текст оборван.³⁶¹ — И. Т.); s. Чертов овраг; t. Местечко Ильинск; u. Сельское кладбище; w. Деревня Ольвио; x. Предполагаемая стена, ограждавшая Ольвиополь».

Открытые им стены и фундаменты зданий на городище, так же как «мелкие незначительные вещицы», не заинтересовали А. С. Уварова. «Сначала разрыл часть народной площади, а именно то место, где была лестница, ведущая в здание для выставки товаров, предполагая, что тут находились какие-нибудь произведения греческого ваяния. Действительно, мы нашли мраморные статуи, но они были разбиты и повреждены».

³⁵⁴ Уваров А. С. Исследования о древностях... Вып. 1. С. 41—42. Примеч. 3.

³⁵⁵ Там же. С. 45—48.

³⁵⁶ Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989. С. 5; Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Античные поселения Нижнего Побужья. С. 3—4, 10 и след.

³⁵⁷ Уваров А. С. Исследования о древностях... Вып. 2. С. 139.

³⁵⁸ Карасев А. Н. Планы Ольвии XIX в. ... С. 18—21.

³⁵⁹ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 193, л. 11—11 об.

³⁶⁰ Эти курганы А. С. Уваров посчитал за основания башен (b, c, d, e, f). См.: Уваров А. С. Исследования о древностях... Вып. 1. С. 37.

³⁶¹ «Направление следов городской стены (линия g) подтверждает наше мнение, что эти пять курганов служили основанием пяти башен. По линии g видны еще следы рва и кое-где остатки стены, почти везде развалившейся или разобранной. Самые заметные остатки стены сохранились близ Волошанской могилы (h). От акрополя до башен b и c мы находим около 4 верст; до башен d и e, самых отдаленных, около 5, а до башни f — 3,5 версты. Следовательно, Ольвия имела около 7,5 верст длины, по берегу лимана, и 5 верст ширины» (Уваров А. С. Исследования о древностях... Вып. 1. С. 38).

морного льва аршина полтора [1.06 м] в длину и довольно хорошо еще сохранившегося». Задняя часть отломана, но отбитый кусок был тоже найден. Потом делал я попытку разрывать акрополь, и место, где стоял храм на северной части площади, но кроме стен, оснований здания и мелких незначительных вещей, ничего не открыто», — писал А. С. Уваров в рапорте Л. А. Перовскому от 13 сентября 1853 г. Шесть курганов, раскопанных археологом, оказались ограбленными. «С внешней стороны незаметно было, что курганы эти тронуты, а между тем длинные мины проведены были прямо к гробницам. Похитители посредством их добрались до самих могил и вынули все совершенно». В разных частях насыпи одного из них был обнаружен фрагмент расписной вазы с изображением «Диониса, сидящего возле Ариадны, над ними парит богиня Победы, вокруг стоят жрецы».³⁶²

Результаты изучения свидетельств античной письменной традиции об Ольвии, трудов предшественников, собственных раскопок и наблюдений на местности А. С. Уваров обобщил во второй главе «Исследований о древностях...». Автор попытался воссоздать историю древнего города, реконструировать его топографию на основе анализа известных к тому времени эпиграфических, нумизматических и археологических находок.³⁶³ Он опубликовал ряд новых надписей (IPE, I², 20, 25, 161), монет и керамических клейм, уделил внимание находкам стрел, терракот, украшений, керамики и т. п. Исследователь попытался обобщить сведения о денежном обращении полиса за весь период его существования, в том числе определить номиналы и весовую систему древнейших литых монет, выделить серии, изготовленные по римскому образцу, и т. п.³⁶⁴ Не случайно внимание А. С. Уварова и к керамическим клеймам. Он опубликовал прекрасную таблицу с точными рисунками штемпелей из Ольвии (рис. 94), которая позволяет проверить предложенное им чтение и восстановление надписей в клеймах.³⁶⁵

В исторических разделах своего труда археолог зачастую некритически следовал выводам своих именитых предшественников, в частности главного авторитета по античным древностям Причерноморья акад. Е. Е. Кёлера, к тому времени уже покойного. Крупнейший отечественный антиковед акад. В. В. Латышев, автор вышедшего через 36 лет самого значительного исследования XIX в. по истории Ольвии, в целом высоко оценил книгу А. С. Уварова, но отметил и ее недостатки: «В исторической части [она] оставляет желать много лучшего, страдая недостатком критики и основательного знакомства со свидетельствами древних, как литературными, так и эпиграфическими».³⁶⁶ Таким образом исследование А. С. Уварова, образцовое для своей эпохи в области археологии и нумизматики, в своем историческом разделе являлось наиболее уязвимым для критики. Несмотря на это оно сыграло значительную роль в деле изучения древностей Ольвии.

В 1857 г. вышел первый том описания монет собрания В. В. Кочубея, плод семилетнего труда Б. В. Кёне.³⁶⁷ В этой книге изложена краткая история Ольвии и ее монетной чеканки. В исторической части работа также подверглась резкой критике В. В. Латышева,³⁶⁸ но для своего времени она явилась довольно полной сводкой нумизматических памятников полиса.

В начальный период истории изучения Ольвии была выполнена основная задача — привязка сведений античной письменной традиции к реальной карте. Поиск города на кабинетном уровне исследований в XVIII в. привел лишь к разногласиям в среде ученых, военных и путешественников. Только с появлением достаточно убедительных нумизматических и археологических фактов локализация Ольвии близ села Ильинского (Парутина) стала окончательно очевидной. Заслуга П. С. Палласа, Л. Вакселя и П. И. Сумарокова состоит в том, что, говоря словами Латышева, именно они «первыми поведали миру об этом открытии». Переводы трудов П. С. Палласа на французский, английский (1801, 1803) и П. С. Сумарокова на немецкий и

³⁶² ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 191, л. 16—17. Ср.: РА ИИМК, ф. 9, д. 32.

³⁶³ Уваров А. С. 1) Исследования о древностях... Вып. 1. С. 35—138; 2) Собрание карт и рисунков... Табл. VIIA—XXIV.

³⁶⁴ Карышковский П. О. Монеты Ольвии. С. 5.

³⁶⁵ Уваров А. С. Собрание карт и рисунков... Табл. XII. Подробнее см.: Кац В. И., Тункина И. В. Зарождение керамической эпиграфики в России. С. 121—122.

³⁶⁶ Латышев В. В. Исследования об истории... С. VIII—IX.

³⁶⁷ Кёне Б. В. Описание музея покойного князя Василия Викторовича Кочубея (составлено по его рукописному каталогу) и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, равно как царств: Понтийского и Босфора Киммерийского. СПб., 1857. Ч. 1. С. 1—103.

³⁶⁸ Латышев В. В. Исследования об истории... С. IX.

шведские (1802, 1805) языки ознакомили научную общественность Европы с правильной точкой зрения на местоположение Ольвии и найденными там памятниками. Показательно, что эпиграфические и нумизматические материалы сразу же привлекли к себе пристальное внимание ученых, что выразилось в их немедленной публикации. Однако собственно археологическое изучение Ольвии и ее окрестностей носило эпизодический характер. В отличие от Боспора, где полевая документация составлялась иногда даже не специалистами, о раскопках в Ольвии мы имеем самые скудные сведения, а чаще не имеем никаких.³⁶⁹

10. 4. ТЕНДРОВСКАЯ КОСА (АХИЛЛОВ БЕГ)

Согласно античной нарративной традиции, современная аккумулятивная система кос Тендры-Джарылгач, соединенная небольшим участком коренного берега, в древности называлась Ахиллов бег. О нем повествуют Геродот (Hrd., IV, 55, 76), Псевдо-Скимн (Ps.-Scymn., 820—821), Клавдий Птолемей (Cl. Ptolem. Geogr. III, 5, 2) и ряд других авторов, причем вплоть до Псевдо-Скимна и Страбона «сведения о дромосе Ахилла не отличаются четкостью», что, по мнению В. Д. Блаватского, свидетельствует о «сравнительно небольшой популярности этого урочища в древности» в греческой метрополии.³⁷⁰

Страбон сообщает, что на западном мысу песчаного и низменного Ахиллова дрома есть место, лишенное растительности, но называемое священной рощей, посвященное Ахиллу (Strabo., VII, 3, 19, 307—308). Известно, что «рощей» греки называли любой священный участок земли.³⁷¹ По Страбону, Ахиллов дром на востоке заканчивался неподалеку от мыса Тамираки (предположительно отождествляемого с Бакальской косой), имевшего обращенную к материку якорную стоянку. Анонимный автор Перипла Понта Евксинского упоминает о священной роще Гекаты как о западном мысе Ахиллова дрома (Anon. PPE., 84). Напротив, Клавдием Птолемеем роща Гекаты локализуется между устьем Гипаниса и Ахилловым дромом (Ptol., Geogr., III, 5, 2), т. е. на Кинбурской косе. Последний указывает, что западный мыс Ахиллова бега называется священным и приводит его координаты (Ptol., Geogr., III, 5, 7—8). А. Н. Щеглов предположил, что Полибию (Polyb., IV, 41) западная часть Ахиллова бега была, вероятно, известна под названием «груди», бытовавшим среди моржков. Согласно древним описаниям, наносная коса длиной почти в тысячу стадий была особенно опасна ночью для плывущих мимо кораблей.³⁷²

Форму системы кос Тендра-Джарылгач Помпоний Мела и Дионисий Периегет определяют как узкий и длинный полуостров в виде заостряющегося меча, положенного плашмя, причем Плиний приводит его длину — 8 тысяч шагов (Pomp. Mela, II, 5; Dio. Perieg., 298—320; 303, 306; Plin., NH, IV, 83). По предположению А. Н. Щеглова, вполне возможно, что свое название Ахиллов бег получал в силу своих очертаний, а не потому, что на них проходили обрядовые состязания в беге в честь Ахилла.

Поиски следов на местности святилища Ахилла на северной оконечности Тендровской косы занимали многих исследователей. Еще И. О. Потоцкий поставил перед морскими офицерами, бороздящими воды Понта Евксинского, вопрос, находилось ли ристалище Ахилла на Кинбурском полуострове, или на косе ниже его?³⁷³

Морские путешествия между Севастополем и Одессой, как в античное время, так и в конце XVIII—первой половине XIX в., представляли значительные трудности из-за отсутствия маяка на Тендре. Об этом свидетельствуют не только лоции для парусных судов (документ № 27), но и пресса, и документы того времени.³⁷⁴ По инициативе А. С. Грейга, на Тендре были

³⁶⁹ Тункина И. В. Начало изучения Ольвии... С. 15.

³⁷⁰ Блаватский В. Д. Дионисий Ольвианский // СА. 1978. № 3. С. 82.

³⁷¹ Латышев В. В. Об острове св. Эферия // PONTIKA. СПб., 1909. С. 289.

³⁷² Подробнее см.: Щеглов А. Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. З: К. Polyb., IV, 41 // ВДЛ. 1972. № 2. С. 126—133.

³⁷³ Potocki J. Histoire ancienne du Gouvernement de Cherson. SPb., 1804. P. 21. См. также: Бларамберг И. П. Рассуждение о ристалище Ахилла // Северный архив. 1825. Ч. 18. № 24. С. 349.

³⁷⁴ Journ. de St. Pétersbourg. 1826. 5/17 août. № 95. P. 382; Замечания о бриге Ларше, потонувшем при острове Тендре // ОВ. 1828. 18 апр. № 31. С. 129—130; ГАОО, ф. 1, оп. 16-1866, д. 113: О севших на мель четырех иностранных судах возле острова Тендры.

проводились подготовительные работы для строительства на западной стороне северной оконечности косы каменного маяка с поворачивающимся огнем, возведенного в 1824—1827 гг. Не позднее 18 апреля 1824 г. на Тендру был послан штурман 9-го класса Пантусов, который избрал на местности и отметил на карте место для возведения нового маяка. Заведующим маяком был определен чиновник 8-го класса Кумани, подчинявшийся директору всех черноморских и азовских маяков М. Б. Берху.³⁷⁵

Летом 1824 г. группа военных моряков под командованием капитан-лейтенанта Н. Д. Критского, проводившего на корвете «Язон» гидрографическое описание побережья Черного моря от Одессы до Севастополя,³⁷⁶ раскопала часть невысокого холма на северной оконечности Тендровской косы и обнаружила фрагменты мраморных рельефов, амфору, обломки керамики с граффити и большое количество античных монет.³⁷⁷ Матросы, строившие маяк под руководством мичмана К. М. Навроцкого,³⁷⁸ также приняли участие в раскопках. В течение 1824 г. Н. Д. Критский побывал на Тендре дважды, причем во второй раз был послан туда специально для поиска древностей.

Данные о раскопках 1824 г. святилища на Тендре, как в XIX в.,³⁷⁹ так и в работах наших современников³⁸⁰ берутся из статей 1820-х гг. Но при внимательном изучении первоисточников возникает множество вопросов из-за противоречий в приводимых там сведениях. Найденные в архивах Санкт-Петербурга и Одессы документы первой трети XIX в. помогли ответить на многие из них.³⁸¹

В 1920-х гг. экспедиция Херсонского историко-археологического музея под руководством И. В. Фабрициус провела разведку на Тендре и Бабином острове (местное название), находящемся в самом Тендровском заливе. Археологи практически не обнаружили признаков культурных остатков античного времени. Это дало повод к утверждению, что сообщение о раскопках 1824 г. на Тендровской косе — не более, чем археологическая легенда. И. В. Фабрициус утверждала, что никто из специалистов-археологов, неоднократно писавших о тендровских антиках, не удостоверился в факте находки их именно на Тендре.³⁸² Убеждение скептиков подкрепляется и тем обстоятельством, что, по данным современной археологии, древних поселений на косах Тендра-Джарылгач никогда не существовало. В 1981 г. водолазы-гидробиологи Одесского отделения Института биологии южных морей АН УССР проводили исследования на мелководье юго-восточного участка косы, как на морском побережье, так и внутри Тендровского залива на траверзе острова Бабин, воспользовавшись образовавшейся на косе промоиной. На морской стороне, на глубине около 2 м были обнаружены фрагменты окатанных обломков красноглиняных амфор, рассеянных на площади до 20 тыс. м² вдоль береговой линии. На надводном участке косы, прилегающем к промоине, были обнаружены фрагменты керамики, в том числе два маленьких фрагмента чернолаковой посуды, а также незначительное количество обломков известняка. Р. П. Алексеев, на мой взгляд, преждевременно посчитал

³⁷⁵ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 1637, л. 2, 19.

³⁷⁶ Кумани Н. М. Обзор гидрографических съемок... С. 397.

³⁷⁷ Свиньин П. П. Обзорение путешествия... // ОЗ. 1826. Ч. 26. Кн. 74. 439—440; Ч. 27. Кн. 75. С. 106—108.

³⁷⁸ Константин Михайлович Навроцкий (ум. в 1829 г.), с 1821 г. гардемарин, с 1822 г. мичман, с 1828 г. лейтенант Черноморского флота. В 1824 г. был отправлен из Николаева на Тендру для постройки маяка.

³⁷⁹ Юргевич В. Н. Об археологических разысканиях и открытиях в Южной России, предшествовавших основанию Одесского общества истории и древности // ЗООИД. 1886. Т. 14. С. 37; ПРБ, I, 328—332; Браун Ф. А. Несколько слов о Гилее и Ахилловом беге // Commentationes Philologicae: Сб. статей в честь И. В. Помяловского. СПб., 1898. С. 106—108; Толстой И. И. Остров Белый... С. 55—67; Ростовцев М. И. Новая книга о Белом острове... С. 188—189.

³⁸⁰ См., например: Кубланов М. М. Легенда о ристалище Ахилла и ольвийские агонистические празднества // Ежегодник Музея истории религии и атеизма АН СССР. М.; Л., 1957. Т. 1. С. 221—231; Лейпунська Н. О. Про культ Ахілла... С. 60—73; Русаева А. С. 1) Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. Киев, 1975. С. 174—185; 2) Земледельческие культы в Ольвии... С. 137—138; Блаватский В. Д. Дионисий Ольвий-анский. С. 83; Отрешко В. М. Посвящения Ахиллу Понтарху как один из критериев определения границ Ольвийского государства // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 80—87; Азбунов М. В. Античная логия... С. 122—123; ГППАЭ. С. 38—39.

³⁸¹ Предварительное сообщение см.: Тункина И. В. Раскопки 1824 г. святилища Ахилла на Тендровской косе // Тез. докл. науч. чтений, посвященных 90-летию со дня рождения А. И. Доватура (V Доватуровские чтения). Л., 1987. С. 34—36.

³⁸² Фабрициус І. В. Відчит про діяльність Херсонського історично-археологічного музею: Червоні роки 1917—1927 // Літопис музею. Херсон, 1927. Вип. 8. С. 15.

это открытие неизвестного ранее античного поселения. В 1983 г. Причерноморская экспедиция ИА АН УССР, исследовавшая подводную и надводную северо-западную оконечность косы, собрала лишь фрагменты эллинистических амфор.³⁸³

Первое сообщение об открытии антиков на Тендре 1824 г. обнаружено мною в письме князя А. С. Меншикова (впоследствии адмирала, начальника Главного морского штаба) к новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору графу М. С. Воронцову от 24 августа 1824 г. из Севастополя: «Капитан Критский вернулся в Севастополь с острова Тендра, куда он был отправлен *во второй раз* (курсив мой. — И. Т.) с поручением подтвердить мои предположения о наличии памятников на этом острове. Он обнаружил на мысу напротив Кинбурна, где, по всей видимости, находился храм Ахилла, фундаменты стен и много греческих и понтийских монет. Вспомните, что Бородин утверждал, что он там был, но ничего не нашел».³⁸⁴

Еще через несколько дней М. С. Воронцов получил рапорт одесского градоначальника генерал-майора графа А. Д. Гурьева о том, что «Критский... против Тендерского 1 кордона (дистанции карантинного округа. — И. Т.) близ лимана, где приметно было некогда жилье, вырыл из земли до 200, а мячман Навроцкий при постройке маяка... до 500 штук древней медной монеты и что дальнейшее разыскание оной монеты до разрешения начальства воспрещено и на месте том учрежден караул».³⁸⁵ М. С. Воронцов немедленно отправил на остров коллежского регистратора Бухгольца с целью «собрать все такового рода древности, уже выкопанные, и представить ко мне, а между тем сделать описание места, где оные найдены, не разрывая однако ж оного». Генерал-губернатор предписал командиру Донского казачьего полка полковнику Шамшеву и командующему казачьими кордонами в Кинбурне и на Тендре запретить дальнейшие раскопки этого места. В ответном рапорте Шамшева сообщается, что казаки кордонной стражи на Тендре, «разрывая случайно на оконечности его землю, открыли в углублении оной, не более как фута на два [0.61 м], в грунте, состоящем из песку и ракушек, несколько древних монет, куски глиняных сосудов и небольшой статуи из камня». Все найденные памятники Шамшев отправил М. С. Воронцову.³⁸⁶ Возможно, в этих документах речь идет о раскопках одного и того же «холма».

Находки этих древностей сразу же обратили на себя внимание антиквариев — И. А. Стемковского, И. П. Бларамберга, Е. Е. Кёлера, которые единодушно отождествляли Тендру с упоминаемым античными авторами Ахилловым бегом. Первое печатное сообщение о них принадлежит И. А. Стемковскому. Оно появилось через год после раскопок в одном из сентябрьских номеров 1825 г. газеты П. И. Кёппена «Библиографические листы», а в октябре — уже на французском языке в «Journal de St.-Petersbourg».³⁸⁷ И. А. Стемковский писал, что честь открытия антиков принадлежит капитану 2-го ранга Критскому, который провел на Тендре часть лета 1824 г. для гидрографических исследований. Наибольшее число древностей было найдено в кургане, который срыли при постройке фундамента маяка. Он кратко охарактеризовал найденные антики, обратив особое внимание на уникальность святилища по числу найденных монет. Часть их до того времени была вообще науке неизвестна, прежде всего монеты Тиры времен автономии города, как и чеканка ряда боспорских династов. Значительная часть монет принадлежала полисам, расположенным по берегам Понта Эвксинского, в Малой Азии и на островах Архипелага. Это позволило И. А. Стемковскому предположить, что посланцы различных регионов греческого мира собирались на Тендре для проведения священных

³⁸³ Алексеев Р. П. Следы античных поселений у Тендровской косы // Проблемы охраны и исследования подводных историко-археологических памятников Запорожья: Тез. докл. науч.-практ. семинара (27—28 ноября 1987 г.). Запорожье, 1987. С. 17—18.

³⁸⁴ РГАВМФ, ф. 19, оп. 2, д. 50, л. 26.

³⁸⁵ Понуженко М. Г. К истории археологических разысканий и открытий в Южной России // ЗООИД. 1906. Т. 28. Прилож. Прог. 372. С. 5; ГАОО, ф. 1, оп. 1824-190, д. 61.

³⁸⁶ Понуженко М. Г. К истории... С. 6—7.

³⁸⁷ Стемковский И. А. 1) Известия о новых открытиях по части древностей в Южной России 1824 года // Библиографические листы. 1825. № 24. С. 336—338; 2) Sur les antiquités découvertes pendant l'année 1824 dans le midi de la Russie: (Extrait des Feuilles bibliographiques) // Journ. de St. Pétersbourg politique et littéraire. 1825. 1/13 Oct. № 118. P. 506; 3) Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Эвксинского, между Тирасом и Борисофом, учиненные по случаю найденных в 1823 г. остатков древности в Одессе // ОЗ. 1826. Ч. 26. Кн. 73. С. 208; Кн. 74. С. 367. Примеч. 32; 4) Мысли относительно изыскания древностей... // ОЗ. 1827. Ч. 29. Кн. 81. С. 55—56.

праздников в честь Ахилла. Автор подчеркнул важность нумизматических находок для изучения торговых связей Северного Причерноморья в древности. По Стемповскому, здесь было найдено около 800 монет, самая поздняя из которых — императора Валента — датируется 364 г. н. э. Он высказал предположение, что праздники Ахилла на Тендре прекратились с введением христианства в Готии. «Весьма жаль, — писал он, — что все сии драгоценные остатки рассеяны ныне по разным рукам и что потому не могло быть сделано им полного и подробного описания». ³⁸⁸

О своем намерении вскоре серьезно заняться тендровскими антиками И. А. Стемповский писал в Петербург П. И. Кёппену: «Если время и здоровье позволит, напишу что-нибудь постороннее о *Тендрской* находке: она стоит того, чтобы ученые обратили на нее внимание» (7 августа 1825 г.). Его интересовала интерпретация памятника, предлагаемая Кёлером: «Желательно мне очень знать, что напишет К[ёлер] о находках 1824 года, особливо о *Тендрских*. Нельзя ли будет достать из Академических актов отгиск его сочинения о том? Вы много меня обяжете, доставивши таковой. Я думаю можно тайком согласить типографа сделать несколько особых оттисков как сего сочинения, так и *Сераписа*, который скоро должен быть кончен и появиться в свет и которого я также очень бы желал иметь экземпляр» (7 октября 1825 г.). ³⁸⁹

31 августа 1825 г. Кёлер представил Конференции Имп. АН свое исследование об островах и дrome, посвященных Ахиллу в Понте Эвксинском, который вышел из печати только год спустя. Академик полагал, что священная роща, посвященная Ахиллу, находится не на северной оконечности Тендровской косы, а на Кинбурне, соответственно Тамиракский мыс, против которого заканчивается восточная оконечность Тендры, — у мыса Тарханкут. ³⁹⁰ По убеждению ученого, греческих поселений на самом Ахиллесовом ристалище никогда не существовало, однако на перешейке, соединяющем косу с материком, согласно сообщениям античных и византийских источников, жили ахиллодромиты. ³⁹¹ О раскопках 1824 г. автор сообщает, что вице-адмирал А. С. Грейг в одном из писем дал ему описание найденных предметов и отправил для эрмитажного Минц-кабинета несколько монет. Кёлер был твердо уверен, что вещи были найдены в гробнице тумула (кургана), а не в храме или каком-либо другом сооружении, которых на Ахилловом беге, по его мнению, вообще не существовало. Найденные барельефы он посчитал остатками фриза храма Ахилла на о-ве Левке, случайно завезенными на Тендровскую косу. Кёлер подверг резкой и большей частью необоснованной критике многие положения работы И. А. Стемповского. Он полагал, что никаких праздников в честь Ахилла здесь не проводилось; судить о времени существования раскопанного памятника невозможно, кроме того, что он был воздвигнут не позднее IV в. н. э. «Донесения об этих раскопках не говорят нам, были медали найдены вверху или внизу тумула, или же их извлекли из погребальной камеры», — констатировал академик. Кёлер предложил два возможных объяснения, как представляется ныне, совершенно невероятных: 1) монеты принадлежали человеку, который умер к концу IV в. н. э.; 2) гробница относилась к гораздо более раннему времени, и владелец «медалей» (т. е. монет), своего рода нумизмат-коллекционер античной эпохи, закопал там свою «коллекцию», либо сам был погребен в конце IV в. н. э. ³⁹²

Из этих ошибочных положений Кёлер исходил в письме от 31 января 1826 г., задавая вопросы об обстоятельствах находки А. С. Грейгу (последний переслал их для ответа Н. Д. Критскому): «1. Какую высоту и диаметр имел открытый на косе курган; 2. Не было ли внутри одного свода или каменной гробницы, покрытой большими камнями; 3. Что еще в нем найдено; 4. Не открыто ли в оном золотых или серебряных медалей; 5. Найденные бронзовые медали в металлическом или черепичном сосуде заключались; 6. Свод или гробница, сверху или под находились». ³⁹³

³⁸⁸ Стемповский И. А. Известия о новых открытиях... С. 338.

³⁸⁹ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 282, л. 8, 12 об.

³⁹⁰ Köhler H. K. E. Mémoire sur les îles... P. 614 ff. Впоследствии, опираясь на точное описание Страбона, эту локализацию убедительно опроверг немецкий археолог, профессор из Бреслава К. И. Г. Нейман. См.: Neumann K. Die Hellenen im Skythenlande: Ein Beitrag zur alten Geographie, Ethnographie und Handelsgeschichte. Berlin, 1855. Bd I. S. 368—369.

³⁹¹ Köhler H. K. E. Mémoire sur les îles... P. 619—621.

³⁹² Ibid. P. 623—627.

³⁹³ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 1928, л. 1—1 об.

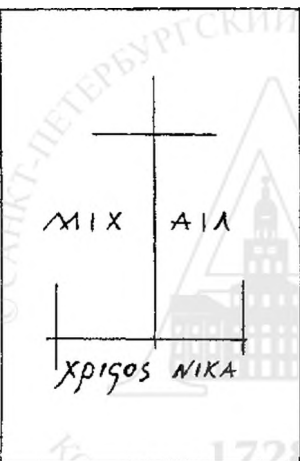

Рис. 112. Н. Д. Критский. Раскопки 1824 г. святилища Ахилла на Тендровской косе (Ахиллов бег). Рисунок черепицы с греческими граффити Михаил и Христос Победитель (АГЭ, ф. 1, оп. I-1826, д. 16, л. 65. Публ. впервые).

Н. Д. Критский ответил 17 марта 1826 г. подробным «Описанием кургана, открытого на Тендре», с приложением рисунка черепицы с надписями (рис. 112), и отправил Е. Е. Кёлеру 12 вещей, найденных в нем.³⁹⁴ Текст описания публикуется полностью (документ № 14).

Следует подчеркнуть, что в работе Кёлера и в его письме к Грейгу место находки ошибочно указано как южный конец языка Джарылгач, а не северная оконечность Тендровской косы.³⁹⁵ Скорее всего, Е. Е. Кёлер получил описание Критского уже после издания его «Мемуара...» или тогда, когда он был уже сдан в печать, поэтому и не смог внести исправления в текст статьи. В архиве академика сохранился перевод «Описания...» Н. Д. Критского на немецкий язык.³⁹⁶

И. П. Бларамберг также занялся изучением тендровских находок и опубликовал несколько работ, одна из которых называется «Рассуждение о ристалище Ахилла».³⁹⁷ Рассмотрев свидетельства Страбона, Помпония Мелы, Птолемея и Безымянного Автора Перипла Понта Эвксинского, он пришел к выводу, что ристалище Ахилла находилось именно на Тендре, а не на Кинбурнской косе, как полагали некоторые ученые. Бларамберг утверждал, что открытие было сделано в 1824 г. морским отрядом, остановившемся на Тендре для строительства маяка, под руководством капитана и нескольких офицеров Черноморского флота, а затем чиновником, посланным из Одессы по приказу генерал-губернатора Новороссии. Этот офицер выкопал древности у подножия холма, состоящего из

пепла, смешанного с землей, большая часть которого к тому времени была уже перерыта моряками. По утверждению Бларамберга, земля была раскопана только на уровне современной дневной поверхности. Он полагал, что холм представлял собой тумулус или курган.³⁹⁸ Найденные здесь монеты и другие антики он рассматривал как жертвоприношения Ахиллу. «Надобно заключить, — писал Иван Павлович, — что поблизости от этой кучи пепла существовал алтарь на открытом воздухе или храм, посвященный Ахиллу, независимо от тех, который ольвиополиты возвели этому герою в своем городе и на острове Березань».³⁹⁹ Бларамберг намеревался опубликовать и более подробное описание открытий на Тендровской косе в «Одесском вестнике».⁴⁰⁰

В «Рассуждении о ристалище Ахилла» И. П. Бларамберг ссылается на готовые, но еще не опубликованные таблицы к сочинению «известного антиквария» о находках на Тендре, которое якобы находилось уже в печати, но так и осталось неизданным. Зная о существовании рисунков, я безуспешно пыталась обнаружить их в течение 15 лет. И вот в 1994 г. в фамильном фонде Воронцовых в Русской секции Архива Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН мне удалось обнаружить подлинные графические изображения находок на Тендре на 5 таблицах с картой Северо-Западного Причерноморья, выполненные сыном И. П. Бларамберга Владимиром. Таблицы переплетены в особой тетрадке под названием «Mélanges Archéologiques. II Cahier» с экслибрисом М. С. Воронцова.⁴⁰¹ Здесь же хранится описание находок на французском языке в особой «Dissertation sur la course d'Achille

³⁹⁴ Там же, д. 1927, л. 20.

³⁹⁵ Там же, д. 1928, л. 1; Köhler H. K. E. Mémoire sur les îles... P. 625.

³⁹⁶ АГЭ, ф. 11, оп. 1, д. 5.

³⁹⁷ Bларамберг J. de. 1) Géographie ancienne : Notice sur la position du Parthénium, et de l'Achilléum de Strabon, considérés comme points de trajet d'une rive du Bosphore Cimmérien à l'autre // Journal d'Odessa. 1828. 18/30 janv. No 5. P. 17—19; 2) Рассуждение о ристалище Ахилла // Северный архив. 1825. ч. 18. № 24. С. 349—364; 3) Замечания на некоторые места древней географии Тавриды // ЗООИД. 1848. Т. 2. С. 18.

³⁹⁸ Бларамберг И. П. Замечания... С. 18.

³⁹⁹ Bларамберг J. Géographie ancienne: Notice sur la position... P. 19.

⁴⁰⁰ Ibid. P. 19. Note «е».

⁴⁰¹ РСА СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 1, д. 780, л. 1—6.

Рис. 113. Иллюстрации к статье И. Б. Бларамберга «Dissertation sur la course d'Achille [ΑΡΟΜΟΣ ΑΧΙΛΛΕΩΣ] et sur l'île de Bérézan jadis consacrée à ce Héros» («Mélanges Archéologiques. II Cahier»). Раскопки 1824 г. святилища Ахилла на Тендровской косе. Табл. I: № 1 — надпись на мраморе с изображениями копыт жертвенных животных перед алтарем (IPE, I², 330, собрание М. С. Воронцова); № 2 — граффито на стенке сосуда (IPE, I², 332, собрания М. С. Воронцова и И. П. Бларамберга); № 3 — фрагмент края краснолаковой чаши или кубка малоазиатского производства с рельефным накладным орнаментом (собрание М. С. Воронцова). Рисунки Владимира Бларамберга. (РСА СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 1, д. 780, л. 1. Публ. впервые).

[ΑΡΟΜΟΣ ΑΧΙΛΛΕΩΣ] et sur l'île de Bérézan jadis consacrée à ce Héros», представляющий собой оригинал статьи И. П. Бларамберга «Рассуждение о ристалище Ахилла» с добавлениями целой главы из оставшегося неизданным описания ольвийских древностей его кабинета.⁴⁰² Представляя список своего труда М. С. Воронцову, автор сообщал в письме от 4 ноября 1827 г.: «Краткость этой заметки (о географических исследованиях в Крыму. — И. Т.) делает ее удобной для помещения в «Одесский вестник», как и статьи, которую наш знаменитый и грозный аристарх⁴⁰³ Эрмитажа (Кёлер. — И. Т.) мне не простит, но которая наконец констатирует открытие памятников, имеющих, несмотря на их фрагментарность, тем не менее исключительный интерес. Их изучение не оставляет никакого сомнения в почестях, воздаваемых Ахиллу на острове или полуострове Тендра, вопреки сочинению — впрочем, полному учености, — которое г-н Кёлер только что опубликовал об островах и беге Ахилла и в котором он утверждает, что эти неопровержимые памятники происходят не с Тендры. Вот образчик солидности его доказательств: «Молчание, — говорит наш автор, — которое г-н адмирал Грейг сохранил обо всех этих предметах, подтверждает мои догадки, и является очевидным, что этот знаменитый любитель античности не преминул бы сообщить об этих фрагментах, если бы они были открыты в этом месте!»».⁴⁰⁴

На табл. I № 1 и 2 (рис. 113) запечатлены надписи о жертвоприношениях Ахиллу — первая на мраморе с изображениями копыт жертвенных животных перед алтарем, римского времени (IPE, I², 330), вторая на стенке амфоры, пифоса или мортария (IPE, I², 332) — граффито боспорского моряка с благодарственным приношением Ахиллу за благополучный исход плавания, из собрания М. С. Воронцова. «Если приложить сей кусок к подобному обломку, у меня находящемуся и составлявшему часть глиняной вазы довольно большой величины, то они сой-

⁴⁰² Там же, д. 784, л. 1—17 об.

⁴⁰³ Аристарх Самофракийский (около 217—145 до н. э.), греческий ученый, глава библиотеки в Александрии, исследователь и издатель произведений античных авторов.

⁴⁰⁴ РСА СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 2, д. 253, л. 11—11 об.

дуга вместе, как показано на табл. I». На той же таблице под № 3 изображен «обломок глиняной вазы, на котором замешана выпуклая кисть винограда, работы, принадлежащей к цветущему времени искусства» (скорее всего, фрагмент края краснолаковой чаши или кубка малоазиатского производства с рельефным накладным и барбатинным орнаментом первой половины I в. н. э.), который также хранился в кабинете М. С. Воронцова. Здесь же найдена амфора («диота»), позднее попавшая в Одесский городской музей древностей (табл. II № 1 — рис. 114).⁴⁰⁵

Найденные на Тендре надписи были изданы А. Бёком (CIG. № 2096, b, c, d, e, f). На двух обломках лапидарных памятников, изображенных на табл. II № 2 и 3 (рис. 114), сохранилось имя Ахилла: надпись № 2 — о благодарственном приношении Ахиллу за полученное спасение (IPE, I², 329) — вырезана на вотивном мраморном рельефе, причем на верхней части фрагмента сохранилось изображение края пеплоса (из собрания М. С. Воронцова), надпись № 3 грубо вырезана на известняковом камне (IPE, I², 328, реопубликована В. В. Латышевым с отличиями).

Судя по описаниям Стемпковского, на одном из мраморов было высечено «изображение самого Ахиллеса, с шишаком на голове и щитом в левой руке».⁴⁰⁶ Критский также описывает «три небольших обломка плоского мрамора: на одном видно было изображение воина с головы до половины туловища и часть щита; на другом остальное тело, но ноги были отбиты, и сии две части кажется составляли одно. Обе половины вместе имели в длину полтора фута (45.7 см. — И. Т.). Третий кусок так же плоский, состоял из лучшего мрамора, но были отбиты голова и ноги; туловище было обернуто в мантию» (в рисунках Бларамберга их изображения отсутствуют).

К собранию Воронцова принадлежал мраморный барельеф с изображением мужского торса (табл. III № 2 — рис. 115). Другой кусок, из кабинета Бларамберга (табл. III № 1 — рис. 115), аналогичен по толщине и качеству мрамора первому, что свидетельствует о принадлежности их одному небольшому барельефу. По мнению Бларамберга, они представляют не Ахилла и Патрокла, а двух победителей на ристалище в честь Ахилла. Если рисунок точно передает пропорции фигур, барельеф, возможно изображающий Ахилла и воина, датируется III в. н. э.⁴⁰⁷ На табл. IV изображен барельеф из музея Пио Клементино (согласно Бларамбергу, его высота около 1.25 пальмы⁴⁰⁸), который «величиною фигур» почти сходен с барельефами из Тендры (рис. 116). В кратком указателе музея ООИД 1867 г. под № 37 упомянуты также «два мраморных обломка с изображением Дианы, охотящейся за оленем. Первый найден в Херсонесе, другой на Тендровской косе»; в рукописном каталоге значится «мраморный обломок с изображением всадника Кастора (?)» с Тендры, переданный из городского музея древностей.⁴⁰⁹

Из монет на табл. II № 4 и 5 (рис. 114) изображены лишь две. Первая — бронзовый «медальон», чеканенный «в Вифинии жителями Тиума в честь Фаустины Младшей с изображением конной статуи императора Марка Аврелия, держащего скипетр с римским орлом». Ю. Л. Дюков и Т. Н. Смекалова высказали догадку, что имеется в виду сестерций г. Тиума из латуни (сплав меди с цинком, установлено анализами Т. Н. Смекаловой), который ныне хранится в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа, инв. № 13835, вес 17.94 г. Вторая монета — большая бронзовая «медаль» с изображением императора Тиберия Клавдия, на ре-

⁴⁰⁵ В описи Одесского городского музея за 1858 г. есть запись со ссылкой на рисунок № 26 альбома К. Боссоли «Глиняная амфора с округленным дном (с о. Тендры)» (ИР ЦНБ, V, 1548—1561, л. 25 об.). На самом деле в альбоме она помещена под № 25 (см.: НА ОАМ, № 83179, табл. XX).

⁴⁰⁶ Стемпковский И. А. Известия о новых открытиях... С. 337; Свинын П. П. Взгляд на Одессу: Из живописного путешествия по России издателя «Отечественных записок» 1825 г. // ОЗ. 1830. Ч. 41. Кн. 117. С. 20. Ср.: ГАОО, ф. 93, оп. 2, д. 1, л. 124, № 158.

⁴⁰⁷ Благодаря за консультацией сотрудника Отдела античного мира Государственного Эрмитажа А. В. Крутова.

⁴⁰⁸ Вот как определяют эту меру длины дореволюционные словари: пальма (-ме, -мо) — от лат. palmus (ладонь, т. е. ширина ее). У римлян пальма составлял 0.5 фута (0.074 м), позднее palmus major в 3/4 фута (0.231 м). Пальмо в Италии несколько различной величины в разных местах (около 0.25 м). В Испании пальма большая равна 0.209 м, пальма малая 0.06966 м. Пальме — нидерландское название дециметра (греческое — пальмо). Пальма — голландская единица меры (3.714 русского дюйма=9.43 см), употреблявшаяся в России при обмере по окружности мачтового леса (отправляемого за границу) на высоте 12 футов от комлевого конца.

⁴⁰⁹ Краткий указатель музея Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1867. С. 24; ГАОО, ф. 93, оп. 2, д. 1, л. 118, № 39.

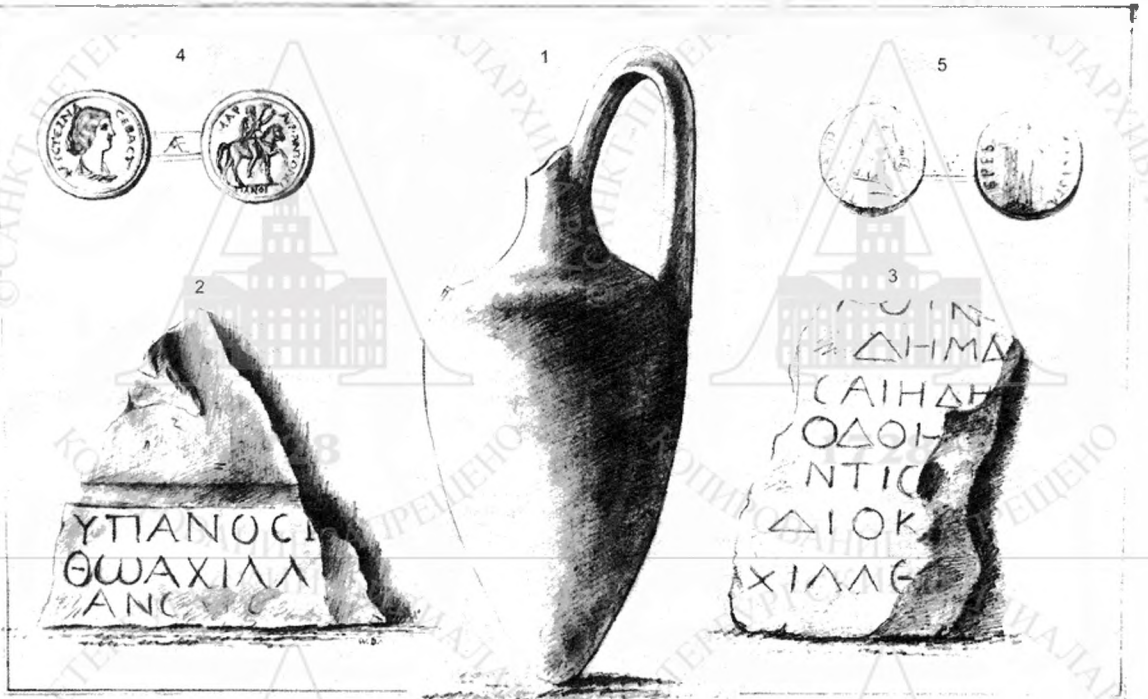

Рис. 114. Иллюстрации к статье И. Б. Бларамберга «Dissertation sur la course d'Achille [ΑΡΟΜΟΣ ΑΧΙΛΛΕΩΣ] et sur l'île de Bérézan jadis consacrée à ce Héros» («Mélanges Archéologiques. II Cahier»). Раскопки 1824 г. святилища Ахилла на Тендровской косе. Табл. II: № 1 — фрагментированная амфора; № 2 — надпись (IRE, I2, 329) на во-
отивном мраморном рельефе с изображением края пеплоса (из собрания М. С. Воронцова); № 3 — надпись на
известняковом камне (IRE, I2, 328); № 4 — сестерций г. Тиума в честь Фаустины Младшей; № 5 — сестерций
Клавдия «с типом богини Надежды» и надчеканенным клеймом г. Тиры. Рисунки Владимира Бларамберга (РСА
СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 1, д. 780, л. 2. Публ. впервые).

версе представлена «Надежда в виде стоящей женщины» и надписью Spes Augusta. На аверсе «два знака, из коих один представляет в сокращении имя жителя древней Тиры..., другой со-
ставлен из двух букв: первая подобна латинскому D, а вторая славянскому Б».⁴¹⁰ Это сестерций
Клавдия с типом «богини Надежды» и надчеканенным тирасским клеймом, из латуни, пред-
положительно также хранится в Эрмитаже, инв. № 25020, вес 17.32 г.⁴¹¹ Оба упомянутых типа
монет представлены в эрмитажной коллекции единственными экземплярами.⁴¹² Несмотря на
то что данные об их происхождении отсутствуют, можно предположить, что монеты найдены
на Тендровской косе. На рис. 117 а, б; 118 а, б представлены фотографии этих нумизмати-
ческих памятников, любезно предоставленные Ю. Л. Дюковым. Сравнение их с прорисовками
монет на таблице Бларамберга (рис. 114) говорит об их идентичности. Скорее всего, эти две
монеты поступили в Эрмитаж в составе коллекции барона С. И. де Шодуара, который в Одессе
приобрел часть нумизматического собрания Бларамберга.

Своего рода дополнением к отчету Н. Д. Критского может служить текст опубликованной
14 марта 1828 г. в «Одесском вестнике» анонимной заметки «Новейшие известия об острове
Тендре», где приводятся интересные данные по топографии северной оконечности косы.⁴¹³

⁴¹⁰ Бларамберг И. П. Рассуждение о ристалище Ахилла... С. 357—361.

⁴¹¹ Карышковский П. О., Клейман И. Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 89 (41—45 гг. н. э.). Датировка
этих монет вызывает споры среди исследователей. Подробнее см.: Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-
Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 97, 117. № 479 (41—54 гг. н. э.).

⁴¹² Благодарю за консультации Ю. Л. Дюкова (ОН ГЭ) и Т. Н. Смекалову (СПбГУ).

⁴¹³ Новейшие известия об острове Тендре // ОВ. 1828. 14 марта. № 21. С. 84—85.

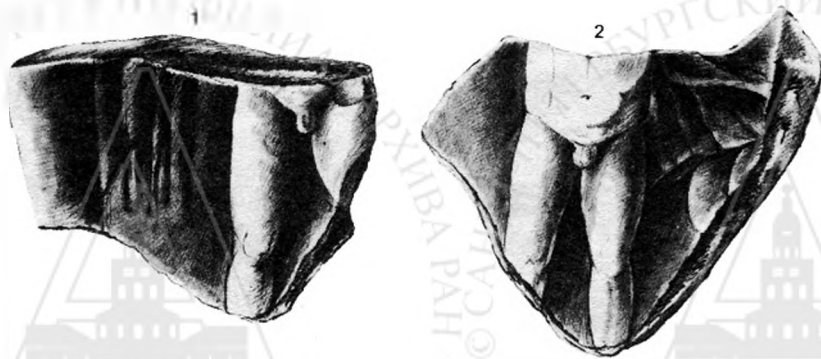

Рис. 115. Иллюстрации к статье И. Б. Бларамберга «Dissertation sur la course d'Achille [ἈΡΟΜΟΣ ΑΧΙΛΛΕΩΣ] et sur l'île de Bérézan jadis consacrée à ce Héros» («Mélanges Archéologiques. II Cahier»). Раскопки 1824 г. святилища Ахилла на Тендровской косе. Табл. III: Фрагменты барельефов, возможно изображающих Ахилла и воина (№ 1 — из кабинета Бларамберга, № 2 — из собрания М. С. Воронцова). Рисунки Владимира Бларамберга. (РСА СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 1, д. 780, л. 3. Публ. впервые).

Рис. 116. Иллюстрации к статье И. Б. Бларамберга «Dissertation sur la course d'Achille [ἈΡΟΜΟΣ ΑΧΙΛΛΕΩΣ] et sur l'île de Bérézan jadis consacrée à ce Héros» («Mélanges Archéologiques. II Cahier»). Барельеф с изображением воинов из музея Пино Клементино. Рисунок Ивана и Владимира Бларамбергов (РСА СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 1, д. 780, л. 4).

Еще И. В. Фабрициус предположила, что ее автором является И. П. Бларамберг.⁴¹⁴ При сравнении текста описания Критского и анонимной заметки становится очевидным, что ее написал некто, использовавший отчет гидрографа о раскопках на Тендре, возможно, действительно Бларамберг, тесно сотрудничавший с этой газетой. В. В. Латышев цитатно повторил его фрагмент при издании надписей, найденных на Тендровской косе (ИРЕ, I², 328—332. С. 277. Note 1). Так как текст анонимной заметки представляет определенный интерес, публикуем его полностью (документ № 16).

Благодаря дошедшим до нас архивным материалам теперь известны два координата для определения места раскопок 1824 г., позволяющие его зафиксировать на местности и на кар-

⁴¹⁴ Фабрициус І. В. Відчит... С. 15.

Рис. 117. Раскопки 1824 г. святилища Ахилла на Тендровской косе. Сестерций г. Тиума в честь Фаустины Младшей с изображением конной статуи императора Марка Аврелия, из латуни (лицевая и оборотная стороны). Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа, инв. № 13835.

Рис. 118. Раскопки 1824 г. святилища Ахилла на Тендровской косе. Сестерций Клавдия с типом богини Надежды и надчеканенным тирасским клеймом, из латуни (лицевая и оборотная стороны). Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа, инв. № 25020.

тах. Первая привязка — на восточной части северной оконечности косы в двух верстах (около 2.1 км) от каменного маяка, построенного в 1824—1827 гг. на западной стороне низменного песчаного полуострова. Маяк в свою очередь находится в четырех верстах или 2.5 милях (4.2 км) от северной оконечности косы (см. документ № 27).⁴¹⁵ Вторая координата — в 20 саженьях (около 43 м) от восточного берега косы.⁴¹⁶

Судьба тендровских находок 1824 г. сложилась печально. Шесть лет спустя В. Г. Тепляков писал одному из своих корреспондентов: «Вам, без сомнения, известен клад, найденный в 1825 г. при построении Тендерского маяка, недалеко от сего места. Я говорю о множестве прекрасных медалей и мраморов, которые тогда же разошлись по разным рукам, и коих только самая малая часть досталась, как говорят, нашему Одесскому музею».⁴¹⁷ Известно, что некоторые из антиков поступили в частные собрания М. С. Воронцова (мраморы, керамические фрагменты с граффити, монеты), И. А. Стемповского (монеты), А. И. Лёвшина (монеты) и И. П. Бларамберга (мраморы, надписи, фрагменты керамики с граффити, монеты).⁴¹⁸

Как известно, большая часть собрания Бларамберга была передана (1825) и продана (1828—1834) в Одесский городской музей древностей (ныне ОАМ НАН Украины), в 1858 г. слитый с музеем ООИД. Действительно, помимо уже упомянутой амфоры, в описи городского музея на 1858 г., содержащей ссылки на рисунки альбома К. Боссоли, сохранились следующие записи: «156. Мраморных обломков от барельефов (с о. Тендры) — 4 экз.; 157. Обломков с эллинскими надписями (с о. Тендры) — 2 экз.».⁴¹⁹ В годы Крымской войны коллекции городского музея были частично подготовлены к эвакуации, а тяжелые плиты и статуи зарыты в землю. При этом часть памятников погибла. Таким образом, некоторые плиты с надписями, находившиеся в городском музее в 1839 г., так и не вошли в состав коллекции объединенного музея.⁴²⁰ Нумизматическая часть коллекции Бларамберга после смерти владельца была при-

⁴¹⁵ Маяк возвышается над поверхностью моря на 94.5 фута, освещает горизонт на 10 миль; широта 46°19'17" N, долгота 1°11'53" O. «К северу от маяка — карантинный дом, а к югу — овчарня; кроме того, есть несколько рыбачьих хижин, которые часто переносят с одного места на другое. У маяка — колодезь с хорошею водою, у карантинного дома и у всех хижин такие же колодези; их в северной части полуострова, и только с морской стороны, иметь не трудно, стоит только вырыть земли на поларшина. По западную сторону маяка глубина постепенная, в 2-х кабельтовых от берега 20 фут; грунт — песок с ракушкой; якорной стоянки здесь нет; по восточную же сторону, за Тендрою, она весьма удобна и безопасна (курсив мой. — И. Т.). При всех вообще ветрах стоять можно на якоре в расстоянии менее одной мили от берега, на глубине 38 и 40 фут; грунт ил с ракушкой». См.: РГВИА, ф. ВУА, № 23725: Описание маяков и знаков Черного и Азовского морей. Николаев, 1851, л. 16—17 об., 19.

⁴¹⁶ Тункина И. В. Раскопки 1824 г. святилища Ахилла... С. 35.

⁴¹⁷ Тепляков В. Письмо из Крыма к М. И. Л. Симферополь, 3 августа 1830 г. // Одесский альманах на 1831 год, изданный П. Морозовым и М. Розбергом. Одесса, 1831. С. 114.

⁴¹⁸ Свинин П. П. 1) Обзорение путешествия... // ОЗ. 1826. Ч. 26. Кн. 74. С. 439, 441; 2) Взгляд на Одессу... С. 23; ГАОО, ф. 93, оп. 2, л. 1, л. 307—308: перечень 9 монет, найденных на Тендре, переданных в августе 1834 г. А. И. Лёвшиным Одесскому городскому музею древностей. Автограф А. Ф. Спады.

⁴¹⁹ ИР ЦНБ, V, 1548—1561, л. 30 об.—31.

⁴²⁰ Карышковский П. О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды, 3—5 // ВДИ. 1962. № 3. С. 147.

обретенная бароном С. И. де Шодуаром,⁴²¹ и впоследствии в составе собрания последнего поступила в Эрмитаж.⁴²²

Монеты собрания И. А. Стемповского были приобретены государством и переданы в Эрмитаж. Вещи и монеты, отправленные Кёлеру Грейгом и Критским, также оказались в Эрмитаже. Часть монет попала в собрание Н. П. Румянцева и ныне должна находиться в ГИМ. Об этом свидетельствует письмо Н. П. Румянцева акад. Ф. И. Кругу от 23 декабря 1824 г., в котором говорится о присылке государственному канцлеру монет из Керчи и с острова Тендры.⁴²³ Из архивных документов следует, что мичман Навроцкий, участвовавший в раскопках на Тендре, продал в Кабинет редкостей Черноморского депо карт в Николаеве 192 монеты,⁴²⁴ которые в составе большей части коллекций депо были переданы в 1840-х гг. музею Одесского общества истории и древностей.⁴²⁵ 60 тендровских монет в мае 1826 г. Навроцкий пожертвовал Имп. Академии наук.⁴²⁶ Собрание академического Минц-кабинета, как известно, вошло в коллекцию монет Эрмитажа. Нумизматическая и археологическая коллекции М. С. Воронцова после 1917 г. разошлись по разным хранилищам — Ялтинскому и Крымскому краеведческим музеям, ГИИИ им. А. С. Пушкина⁴²⁷ и др. Однако выделить среди этих собраний тендровские монеты ныне не представляется возможным, так как в то время монеты описывались по месту их чеканки и металлу, а места находок в рукописных каталогах, как правило, не указывались.

По отчету Н. Д. Критского и статьям 1820-х гг. становится очевидным, что военные моряки раскопали святилище, связанное с культом Ахилла. Об этом свидетельствуют посвященные надписи на мраморных и известняковых плитах, на двух из которых сохранилось имя Ахилла. Однако формулировки надписей отличны от обычных, так как на них не засвидетельствован эпитет Ποντόρχης, возможно, по причине их фрагментарности.⁴²⁸ Среди них запись о благодарственном приношении Ахиллу за спасение (ΙΡΕ, Ρ, 329) и посвящение герою от кормчего судна (ΙΡΕ, Ρ, 331). Найдены также обломки мраморных барельефов с изображениями Ахилла и атлетов, всадника Кастора (?), Артемиды с ланью, около 1200 монет 44 греческих городов, боспорских династов, а также римских императоров — дары божеству, которыми моряки и купцы благодарили покровителя Понта за удачное плавание и спасение.

Теперь становится возможным не только охарактеризовать местоположение памятника, его внешний вид до раскопок, но и размеры, и структуру. Стала ясна методика проводившихся Н. Д. Критским раскопок — высеивание земли через решето. Монеты, сохранившиеся «отменно чисто», находили по всей площади кургана. Исходя из сообщения И. П. Бларамберга, что «курган... не был раскапываем ниже поверхности земли» и что все древности были найдены в насыпи, можно заключить, что святилище было не докопано и целесообразно провести его археологическое исследование. «Большая часть медалей, найденных в сем кургане, — писал Бларамберг, — были покрыты черноватою, мягкой мазью, которая сходя от легкого трения, оставляла монету неповрежденною, и в том же состоянии, в котором она была зарыта в сей курган вместе с пеплом...».⁴²⁹ Судя по описанию, археологическая сохранность памятника была хорошей — никаких следов переотложения материала и окатанности предметов в отчете о раскопках не зафиксировано.

Конструктивно святилище являлось жертвенным местом (герооном⁴³⁰ или алтарем) под открытым небом в виде земляного холма,⁴³¹ описанным как «небольшое строение» из сырцо-

⁴²¹ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 475, л. 32.

⁴²² Потин В. М., Шукина Е. С. Отдел нумизматики // Эрмитаж: История и современность. М., 1990. С. 201.

⁴²³ Корш Е. Ф. Опыт нравственной характеристики Н. П. Румянцева // Сборник материалов для истории Румянцевского музея. М., 1882. С. 61.

⁴²⁴ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3486, л. 69—69 об.

⁴²⁵ Там же, д. 4719, л. 7—7 об.

⁴²⁶ Там же, д. 1945, л. 221—221 об.; ПФА РАН, ф. 1, оп. 1а, д. 37, л. 38 об.; ф. 1, оп. 2-1826, д. 13, § 142, л. 1—2. К сожалению, мне не удалось найти списка монет, представленных в Академию наук.

⁴²⁷ Сидорова Н. А. Римские саркофаги в собрании Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина // Тр. ГИИИ им. А. С. Пушкина. М., 1960. С. 79—102 (на с. 79 автор сообщает о передаче в 1945 г. в ГИИИ 34 саркофагов и их фрагментов от фондов Алупкинского дворца-музея).

⁴²⁸ Карышковский П. О. Материалы к собранию древних надписей... С. 145.

⁴²⁹ Бларамберг И. П. Рассуждение о ристалище Ахилла... С. 360.

⁴³⁰ Блаватский В. Д. Дионисий Ольвианский. С. 83.

⁴³¹ Тункина И. В. Раскопки 1824 г. святилища Ахилла на Тендровской косе. С. 34.

вого кирпича, т. е. представляло собой тип простейшего земляного алтаря. Из «Описания Эллады» Павсания известны алтарь Зевса Ликейского в Аркадии в виде земляной насыпи (Paus., VIII, 38, 7)⁴³² и алтарь из сырцового кирпича на ипподроме в Олимпии (Paus., VI, 20, 11).⁴³³ Раскопки первого открыли почерневшую землю, состоявшую из обожженных костей мелких животных и камней, которая образовывала земляную насыпь до 30 м в диаметре и 1.5 м высотой. По сторонам алтаря нашли основания колонн.⁴³⁴ Это описание удивительно сходно с данными о святилище, приведенными в анонимной заметке, где говорится, что раскопанное «возвышение» имело «фигуру опрокинутого чайного блюдечка, не более аршина с четвертью вышиною [около 95 см] и около 25 саженей в обмере основания [около 53 м]». Следовательно, диаметр насыпи составлял примерно 17 м.

Оговорка Критского, что раскопанная земля «состоит частью из перегнивших веществ и грунта земли» и что «в нем было очень мало пеплу и не только основание оно не состояло из сего вещества, как объявляет г. Бларенберг, но мало было оно приметно, и то на том только месте, где, вероятно, стоял очаг», а также незначительное количество найденных углей свидетельствуют о том, что, по всей вероятности, благодарственные жертвоприношения Ахиллу на Тендре были не животного, а растительного происхождения, т. е. в виде плодов, возлияний и пр., а также монет, являвшихся самым доступным «даром» божеству, которые сбрасывались на холм, находившийся на специальной площадке. Обслуживающий персонал святилища, скорее всего, отсутствовал — обрядовые действия могли совершать сами моряки. Вполне вероятно, что святилище Ахилла в какой-то период могло выполнять функцию маяка.

Заплывы сырца, на которые указывает отчет Н. Д. Критского, возможно, относятся к ограждающей стенке святилища, защищавшей его от осквернения, но последняя могла существовать лишь непродолжительный срок, несоизмеримый с очерченным хронологическим отрезком его жизни. Функционируя несколько веков, алтарь должен был иметь определенное архитектурное оформление, о чем говорят находки у подошвы кургана «двух камней, чисто и гладко отесанных», а также нескольких мраморных барельефов в насыпи. Возможно, барельефы являлись частью жертвенника, украшавшего вершину холма, подобно жертвеннику

⁴³² Paus., VIII, 38: «2. Налево от святилища Владычицы есть гора по имени Ликей [...]. На самой главной вершине горы есть земляная насыпь — это жертвенник Зевса Ликейского, и с нее виден почти весь Пелопоннес. Перед жертвенником с восточной стороны стоят две колонны, а на них позолоченные орлы, сделанные в очень древние времена. На этом жертвеннике приносят жертвы Зевсу Ликейскому втайне» (Павсаний. Описание Эллады / Пер. С. П. Кондратьева. М.; Л., 1940. Т. 2. С. 286—288).

⁴³³ Paus., V, 13: «5. Жертвенник Зевса в Олимпии находится почти на равном расстоянии от Пелопиона и храма Геры, но расположен впереди обоих. [...] Сделан он из пепла бедренных костей тех жертв, которые приносились Зевсу. Точно так же и в Пергаме, где жертвенник Гере Самосской тоже сделан из пепла и не представляет ничего особенного сравнительно с теми обычными очагами, которые афиняне наскоро сооружают в Аттике для жертвоприношений. Первая ступень жертвенника в Олимпии, называемая преджертвием (профисис) имеет в окружности 125 футов, а окружность ступени над преджертвием... 32 фута; высота же всего жертвенника достигает 22 футов. Самые жертвы у них установлено приносить в самом низу, на преджертвии; бедра же они поднимают вверх, на самый верх жертвенника, и там их сжигают. С каждой стороны на преджертвие ведут мраморные ступени, а с преджертвия до верхней части жертвенника ведут ступени из пепла, как и сам алтарь. До преджертвия разрешено подниматься и девушкам, и женщинам, куда им не воспрещается вход в Олимпию, с преджертвия же до самой вершины алтаря разрешено всходить только мужчинам. Жертвы приносятся и тогда, когда нет праздника, приносятся и частными лицами, элейцами же приносятся каждый день. Каждый год приставленные к этому жрецы ровно в 19 день месяца элафия (марта) приносят собранный пепел из притания (государственного совета) и, смешавши его с водой реки Алфея, намазывают его на жертвенник. Смачивать пепел другой водой ни в коем случае не разрешается, и потому считается, что река Алфей из всех рек является наиболее приятной сердцу Зевса Олимпийского. 6. Есть и в Диндимах, Милетской области, жертвенник, соорудил его Геракл Фивский, как рассказывают милетяне, из крови жертвенных животных. Однако в позднейшие времена кровь приносимых в жертву животных не очень прибавила к его величине и не сделала ее чрезвычайной»; Paus., VI, 20: «7. Если выйти из стадиона., то есть место, специально назначенное для бега лошадей и для пуска состязавшихся коней. Это место пуска похоже на переднюю часть корабля, острие которого обращено к дромосу (месту бега) [...]. Как раз на краю острия, на самой оси, находится медное изображение дельфина. [...] Каждую олимпиаду как раз посредине "корабельного носа" воздвигается жертвенник из необожженного кирпича, снаружи обмазанный золой. На жертвеннике сидит медный орел, распутивший крылья во всю ширину. Поставленный для заведывания бегом приводит в движение механизм, скрытый в жертвеннике; и когда он приведен в движение, то заставляет орла высоко подниматься в воздух, так что он становится виден всем пришедшим на это зрелище, а дельфин опускается на землю» (Павсаний. Описание Эллады. С. 37—38, 123).

⁴³⁴ Yavis C. G. Greek Altars. St.-Louis (Missouri), 1949. P. 214.

на атлара Зевса в Олимпии. Критский особо подчеркивает немногочисленность найденных фрагментов черепицы.

По сохранившимся спискам монет К. М. Навроцкого, находившихся в Черноморском депо карт в Николаеве, теперь появилась возможность проанализировать их состав в сравнении с опубликованным списком И. А. Стемковского, а также данными Бларамберга и Критского с целью определения и уточнения хронологических рамок существования жертвенного места, попытаться дать монетам современную атрибуцию. Еще М. И. Ростовцев писал, что «для решения вопроса о времени наибольшего процветания святилища и вопроса о ближайшем отношении к нему того или другого из соседних городов место происхождения и дата монет, а также сравнительное число монет того или другого города по датам имели бы решающее значение».⁴³⁵

Публикуемый ниже список был предоставлен мною профессору Одесского государственного университета П. О. Карышковскому (1921—1988), который со свойственной ему отзывчивостью и щедростью души атрибутировал многие из монет в письме к автору от 1 февраля 1988 г., полученному мной за месяц до его трагической и преждевременной смерти. Петр Осипович особо подчеркнул великолепную сохранность монет, а также то, что либо сам К. М. Навроцкий, либо хранитель Кабинета редкостей Депо карт в Николаеве, либо, по моему небезосновательному предположению, И. А. Стемковский, изучавший монеты в Николаеве и возможно составивший их опись, был очень внимателен в определениях — так, анонимный автор описи монет сумел дифференцировать римские императорские монеты с указаниями на титулы цезаря и августа. Список монет Навроцкого, проданных в Кабинет редкостей Черноморского депо карт, дополняют данные о монетных находках на Тендре, сообщенные Стемковским и Бларамбергом. Список Стемковского, лишенный количественных характеристик, относится ко всем найденным монетам и значительно шире, перечень Навроцкого охватывает только те, которые поступили в Депо карт, но в ряде случаев дает возможность конкретных определений. В различных списках собрания депо количество приобретенных у Навроцкого монет варьируется, но я учитывала большую цифру. Определения в списке Навроцкого даны по самому авторитетному пособию того времени, каталогу античных монет Т. Э. Мионне, автора «Description de médailles antiques, grecques et romaines, etc.» (Paris, 1807. Vol. 2. P. 366 suiv.).⁴³⁶ В начале XIX в. определение царских монет Боспора разительно отличалось от современных атрибуций, поэтому список монет, касающихся Боспора, П. О. Карышковский откорректировал по «Общему каталогу монет» П. О. Бурачкова. Для удобства использования в угловых скобках я привожу также ссылки на последнюю двухтомную публикацию Н. А. Фроловой и монографию В. А. Анохина. Сведения о монетах приведены по документам РГАВМФ, в том числе письму Критского (документ № 14), и упомянутой публикации Стемковского.

Сводная таблица монет, найденных на Тендровской косе в 1824 г.

«Коллекция 3-я, ⁴³⁷ купленные у флота лейтенанта Навроцкого, а им найденные в разрытом кургане на острове Тендре»	Количество монет в Депо карт	Стемковский	Критский	Литература к описи монет ⁴³⁸
Города Ольвио, медн.	19	Сарматия Ольвия	Ольвийские	Сарматия Ольвия

⁴³⁵ Ростовцев М. И. Новая книга... С. 183.

⁴³⁶ Дополнение («Supplément») к нему с северопричерноморскими монетами вышло только в 1829 г.

⁴³⁷ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 4719, л. 7—8; д. 3486, л. 69—70, 52—52 об.

⁴³⁸ Б=Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллиническим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Одесса, 1884; З=Зозраф А. Н. Античные монеты. М.: Л., 1951 (МИА. № 16); Ф=Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э.—середина IV в. н. э.): В 2 ч. М., 1997; А=Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989; В=Bernhart M. Handbuch zur Münzkunde der römische Kaiserzeit. Halle, 1926; BMC=Wroth W. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in British Museum. London, 1808. Vol. 2.

«Коллекция 3-я, купленные у флота лейтенанта Навроцко-го, а им найденные в разрытом кургане на острове Тендре»	Количество монет в Депо карт	Стемпковский	Критский	Литература к описи монет
		Тирас: 3 автономные (лицо Аполлона — лира, ТУРА), 40 императорских ⁴³⁹	Тирас, в память побед римских императоров	Тира [А. XXVI, 460, медь, около 180—170 до н. э.]
Херсонеса Таврического, медн.	18	Таврида Херсонес Таврический	Херсонесские	Таврида Херсонес Таврический
Воспора Киммерийского города Пантикопеи, медн.	1	Воспор Пантикапей		Боспор Пантикапей
Города Кесарии, медн.	4	Вифиния Кесария		Пантикапей, 3. XLV, 12 (обол?, 14—8 до н. э.) [Ф. Ч. I, табл. II—III, 1—7; конец I в. до н. э.]
		Воспор Фанагория	Фанагория, в память побед римских императоров	Фанагория (возможно, городская чеканка времени правления Асандра 21/20 до н. э.) [Ф., Ч. I, IIIa, 16—18]
Города Ахриппии, медн.	5	Вифиния Агриппия	Агриппа, медн.	Боспор Фанагория, 3. XLV, 14 (обол?, 14—8 до н. э.) [Ф. Ч. I, III, 8—25 — IV; 17/16 до н. э. — 13 н. э.]
Императора Тиверия и Рискупорида II, медн.	1	Различным царям воспорским	Босфорские	Аспург (23(?)—37), Б. XXVI, 84—86 [Ф. Ч. I, XIII, 20—21, XIV—XV, 1—13]
Калигулы и Рискупорида II, медн.	1		Рискупорис	Рискупорид II, сын Котиса I (68—93), Б. XXVIII, 132
Митридата III, медн.	1		Митридат III	Митридат III (35—45), Б. XXVI, 89—91; [Ф. Ч. I, XLX, 9—18, XX—XXII, 11]
Царицы Гипопериды, медн.	3		Гипеперида	Гепепирия (37—38), Б. XXVI, 94 [Ф. Ч. I, XVIII—XIX, 1—8]
Котиса I, медн.	5		Котис	Котис I (45—68), Б. XXVII, 107—111 [Ф. Ч. I, XXV—XXVII, 1—7 (49—63)]
Рискупорида I, медн.	1		Босфорские	Аспург (37 г.), Б. XXVI, 84—86 [Ф. Ч. I, XV, 14—20, XVI, XVII, 1—7]
Рискупорида II, медн.	2			Рискупорид II, сын Котиса I (68—93) Б. XXVII, 122—123, 131 [Ф. Ч. I, XXXV, 12—15 (80—93, сестерций)]

439 Стемпковский И. А. Исследования о местоположении... // ОЗ. 1826. Т. 26. Ч. 74. С. 366, 369—370.

«Коллекция 3-я, купленные у флота лейтенанта Навроцкого, а им найденные в разрыгом кургане на острове Генаре»	Количество монет в Депо карт	Стемпковский	Критский	Литература к описи монет
Савромата III, медн.	3		Савромат III	Савромат I (93—121), Б. XXVIII [Ф. Ч. I, XL, 4—19, XLII—L]
Ромиталка, медн.	1		Римиталк	Римиталк (131—154), Б. XXIX, 185—190 [Ф. Ч. I, LX, 7—20—LXI, 1—23 (ок. 131— ок. 134)]
Евпатора, медн.	3		Митридат Евпатор ⁴⁴⁰	Евпатор (154—173/174), Б. XXIX, с. 185—190 [Ф. Ч. I, LXXI, 17—22—LXXII, 1—14, XCVI, 1Л]
Савромата IV, медн.	1		Савромат IV	Савромат II (174—210/211), Б. XXX—XXXI [Ф. Ч. I, LXXXII—XCVI]
Монет, коих трудно распознать Монеты римские	22		Римских императоров до разделения империи	Римские императорские [т. е. с 27 г. до н. э. до 395 г. н. э.]
Юлия Августа, медн.	1		Август, серебр.	Август (27 до н. э.—14 н. э.) Ливия (ум. в 29 г. н. э.), жена имп. Августа, мать имп. Тиберия, сестерций, В., Taf. 4/7
Веспасиана, серебр.	3		Нерон, серебр.	Нерон (54—68)
Домициана, медн.	1		Веспасиан, серебр.	Веспасиан (69—79), любые денарии
Домициана, серебр.	2		Домициан, медн.	Домициан (81—86), любой сестерций, дупондий или асс.
Трояна, серебр.	1		Домициан, серебр.	Домициан (81—86), любой денарий
Адриана, серебр.	2		Троян, серебр.	Траян (98—117), любой денарий
Антонина Кроткого, серебр.	1		Адриан, серебр.	Адриан (117—138), любой денарий
Антонина Кроткого, медн.	1		Антонин, серебр.	Антонин Пий (138—161), любой денарий
Марка Аврелия 2-го консульства, медн.	1			Антонин Пий (138—161), любой сестерций, дупондий или асс
				Марк Аврелий (второй консулат, 145—161), сестерций, монеты чеканились с лег. COS. II

⁴⁴⁰ Скорее всего, ошибка Н. Д. Критского — вместо Митридата VI Евпатора, царя Понта и Боспора (107—63 до н. э.), вероятно, имеется в виду боспорский царь Тиберий Юлий Евпатор, так как во всех описях монет Черноморского депо карт чеканка Митридата VI Евпатора отсутствует.

«Коллекция 3-я, купленные у флота лейтенанта Наврошского, а им найденные в разрытом кургане на острове Тендре»	Количество монет в Депо карт	Стемпковский	Критский	Литература к описи монет
Марка Аврелия, серебр.	1		Марк Аврелий, серебр.	Марк Аврелий (161—180) и его жена Фаустина Младшая (ум. в 175 г. н. э.)
Марка Аврелия, медн.	1		Марк Аврелий, медн.	Марк Аврелий (161—180) и его жена Фаустина Младшая (ум. в 175 г. н. э.)
Фавстины, жены Марка Аврелия, серебр.	2		Фаустина, серебр.	Фаустина Младшая (161—175), любой денарий
Септимия Севера, серебр.	1		Септим Север, серебр.	Септимий Север (193—211), денарий
Кесаря Каракаллы, серебр.	1			Каракалла (цезарь, 196—198)
Императрицы Каракаллы, серебр.	1			Каракалла (198—217), денарий или один из первых антонинианов
Юлии Мамеи, матери Александра Севера, серебр.	1		Александр Север, серебр.	Александр Север (222—235)
			Юлия Месея, серебр.	Юлия Мамея (ум. в 235 г.), мать императора Севера Александра, денарий
			Деций	Деций (249—251)
Эструцилы, жены Трояна Деция, медн.	1			Этрусцилла (249—251)
Валериана, серебр.	1		Валериан, серебр.	Валериан (253—260), антониниан
Императрицы Елены, матери Константина Великого	1			Елена, жена Констанция Хлора (307—328)
Константина Великого, медн.	2		Константин Великий, медн.	Константин I Великий (306—337)
Константина младшего кесаря, медн.	1			Константин II (цезарь, 317—337)
Кесаря Констанция, меди.	4			Констанций II (цезарь, 323—337)
Города Константинополя, времен Константина Великого, медн.	1			Серия Constantinopolis (330—340/347)
Города Рима, с изображением Ромула и Рема, питаемых волчицею, медн.	1		Несколько монет, чисто изображающих Ромула и Рема, питаемых волчицей, медн.	Серия URBS ROMA (330—347), В., Taf. 3/12

«Коллекция 3-я, купленные у флота лейтенанта Навроцкого, а им найденные в разрытом кургане на острове Теидре»	Количество монет в Депо карт	Стемпковский	Критский	Литература к описи монет
Императора Константина Великого после смерти, медн.	1			Чеканилась после смерти Константина Великого его сыновьями в конце 330-х гг.
Константина II, медн.	1		Константин II, медн.	Константин II (337—340)
Императора Констанция, медн.	52		Констанций, медн.	Констанций II (337—361)
Юлиана кесаря Отступника, медн.	4			Юлиан Отступник (цезарь, 355—361)
Валентиниана, медн.	1		Валентиниан, медн.	Валентиниан I (364—375)
Валенса, медн.	12		Валенс, медн.	Валент (364—378) Византийские императорские
Алексея Комнина, серебр.	1			Алексей I Комнин (1081—1118), скифатный биллоновый стамен (1092—1118), <i>ВМС. Вуз. II, № 9—11, 14—21</i>
		Нижняя Мисия (Moesia) Каллатия Истрос Томи	Томи (Томеос) в память побед римских императоров	Нижняя Мезия Каллатия Истрия Томи
		Фракия Анхиал Одиссос Византий Перинф Плотинополь Траянополь Понт		Фракия Анхиал Одесс Византий Перинф Плотинополь Траянополь Понт
Города Амизос, медн.	1	Амизос	Амизос	Амис, скорее всего чеканка времени Митридата VI Евпатора, 3. XVIII, 21, 23 (120—63 до н. э.) Хабакта Пафлагония
		Хавакта Пафлагония		
		Амастрида Помпейнополь Синопа Вифиния	Несколько восточных императоров и городов, в память побед римских императоров вычеканенные	Амастрида Помпейянополь Синопа Вифиния

«Коллекция 3-я, купленные у флота лейтенанта Навроцкого, а им найденные в разрытом кургане на острове Тендре»	Количество монет в Депо карт	Стемпковский	Критский	Литература к описи монет
		<p>Халкидон Ираклия Понтийская</p> <p>Никея Кратий (Флавиополь) Никомидия Тиум</p> <p>Мисия (Mysia) Аполлония на Риндаке Кизик Герма Лампсак Пергам Париум Ассос Троада Илион Эолида Ким Элеса о. Лесвос Мефимна Иония Эфес</p> <p>Милит Смирна о. Самос Лидия Кильвиянам верхним Памфилия Перга Каппадокия Кесария</p>	<p>Ираклия, в память побед римских императоров</p> <p>Эфес, в память побед римских императоров</p>	<p>Халкедон Гераклея Понтийская</p> <p>Никея Кратий (Флавиополь)</p> <p>Никомедия Тий (в т. ч. сестерций в честь Фаустины Младшей, 161—175) Мизия Аполлония на Риндаке</p> <p>Кизик Герме Лампсак Пергам Парий (Парион) Ассос Троада Илион Эолида Кумы Елеса Лесбос Мефимна Иония Эфес</p> <p>Милет Смирна о. Самос Лидия Кильбияны Верхние Памфилия Перга Каппадокия Кесария (Цезария)</p>
Города Александрии Египетской, медн.	1			<p>Египет Александрия (как город чеканила при римлянах от Августа до Диоклетиана, т. е. 30 до н. э.—305 н. э.)</p>

Этот список дополняет найденный мною в августе 2001 г. перечень 9 «медалей», поступивших в Одесский городской музей древностей от А. И. Лёвшина, который был составлен хранителем музея А. Ф. Спадой 5 августа 1834 г. на французском языке. Монеты, по его сведениям, были найдены на Тендре и, скорее всего, доставлены в Одессу профессором ботаники Ришельевского лицея А. Д. Нордманом. Описания Спады довольно сумбурны: «1. Медная медаль, голова императора вправо, бодающийся бык влево, надпись на греческом языке почти

незаметна (возможно, монета Тиря или Херсонеса Таврического, либо Гераклея Понтийской или Халкедона в Вифинии); 2. Медная медаль Восточно-Римской империи, довольно стертая; 3. Бронзовая медаль. Голова императора вправо, стоящая Победа влево. Легенда на латинском языке, нечитаема; 4. Бронзовая медаль. Голова Луция Вера (161—169). Медаль императорская хорошей сохранности, легенда на греческом языке, наполовину стерта; 5. Бронзовая медаль Боспора Киммерийского. Голова Тиберия вправо, голова Савромата I влево, довольно хорошей сохранности (Аспург; 37 г. н. э., Ф. Ч. 1. Табл. XV, 9—13); 6. Медная медаль Восточно-Римской империи, совсем стертая; 7. Бронзовая медаль Боспора Киммерийского, Рискупорида II, довольно хорошей сохранности (Рискупорид II, сын Котиса (68—93), Ф. Ч. 1, Табл. XXXV, 12—15 (80—93 гг. н. э., сестерций); 8. Медная маленькая медаль, стертая; 9. Римская серебряная медаль. Голова Юлия Цезаря, посредственной сохранности».⁴⁴¹

За исключением единичной находки византийской монеты Алексея I Комнина и двух монет Восточно-Римской империи, наиболее поздняя из найденных на косе римских монет чеканена при императоре Валенте и соответственно датируется 364—378 гг. н. э. Наличие монет, распространяющихся по крайней мере на весь императорский период, теперь уже не подлежит сомнению. Из анализа состава монетных находок следует, что святилище на Тендре непрерывно функционировало по крайней мере около 600 лет, со II в. до н. э. по IV в. н. э. включительно. Святилище на Левке существовало и посещалось моряками гораздо дольше, около 800 лет.

Состав монетных находок на Тендре поражает не только своим географическим и хронологическим разнообразием, но и количеством найденных монет — судя по документам, примерно 1200 экз. Еще А. Н. Зограф отметил, что их географический диапазон чрезвычайно близок к списку монет, происходящих из другого культового центра Ахилла — о-ва Левки, и объяснил это широкой популярностью и длительностью процветания святилища.⁴⁴² И Левка, и Тендра служили обязательными этапами на пути плавания по Черному морю, в том числе и для тех, кто направлялся в Ольвию. По предположению А. Н. Щеглова, святилище Ахилла на оконечности Тендры «замыкало особо опасный низкими отмельными берегами, мелями и ветрами участок плавания», и «вряд ли случайно размещение святилища на восточной стороне оконечности Тендровской косы. Обогнув мыс Тендры, суда всегда могли найти здесь убежище».⁴⁴³

П. О. Карышковский вслед за Э. Р. Штерном отмечал, что посвятельные надписи Ахиллу Понтарху сосредоточены не в самой Ольвии, а за ее пределами, на берегах или в непосредственной близости от открытого моря, у самых устьев лиманов, сообщавшихся в древности с водами Черного моря, владыкой которого являлся сын Фетиды.⁴⁴⁴ В качестве надежного критерия для определения границ Ольвийского государства в римское время В. М. Отрешко предложил рассматривать группу посвятельных надписей в честь Ахилла Понтарха, покровителя полиса, найденных там, где в древности на территории от Очакова до Одессы находились его святилища, причем предположил, что каждое из них могло соответствовать определенной территориально-административной единице государства. В. М. Отрешко подметил, что при выборе мест для поклонения еще с архаики древние предпочитали косы и мысы, обращенные к западу (Тендровская коса, Кинбурнский мыс, Бейкушский мыс и т. д.) — он объясняет это мифо-географическими представлениями греков о входе в загробный мир именно на западе.⁴⁴⁵

⁴⁴¹ ГАОО, ф. 93, оп. 2, д. 1, л. 307—307 об.

⁴⁴² Зограф А. Н. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье // СА. 1941. Т. 7. С. 153—154.

⁴⁴³ Щеглов А. Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Таврии. 3: К. Polyb., IV, 41. С. 132.

⁴⁴⁴ Карышковский П. О. Материалы к собранию древних надписей... С. 145—146.

⁴⁴⁵ Отрешко В. М. Посвящения Ахиллу Понтарху как один из критериев определения границ Ольвийского государства. С. 80—87. О культе Ахилла в Северном Причерноморье см.: Bravo B. Une lettre sur plomb de Berezan': Colonisation et modes de contact dans le Pont // Dialogues d'Histoire Ancienne. 1974. № 1. P. 11—187; Wasowicz A. 1) Les lieux de culte des cités pontiques // Religione e città nel mondo antico: Atti Centro ricerca e documentazione sull'antichità classica. Roma, 1984. P. 201 sqq.; 2) Lieux de culte extra-urbains dans le monde colonial grec de la mer Noire // Kwartalnik historii kultury materialnej. 1998. Rok 6. № 1—2. P. 198; Hedreen G. The Cult of Achilles in the Euxine // Hesperia. 1991. Т. 60. № 3. P. 313—330; Руслева А. С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 70 и след.

В 1885 г. рыбки выгнали из моря у западного берега Кинбурнской косы, довольно далеко от берега, жертвенный камень в форме цилиндра с надписью IV—начала III в. до н.э. «Ахиллу посвящается жертвенник и плод дерева кедра» (IRE, I², 327). По мнению ряда исследователей, в древности на Кинбурнском полуострове, заселенность которого подвергалась сомнению,⁴⁴⁶ была роща, посвященная Гекате. Культ Гекаты, известной также под именем Тривия (Amm. Marc., Res. gestae, XXII, 5, 99), был тесно связан с культом Ахилла, причем ее местный культ отождествлялся с черноморской Ифигенией. Согласно легенде, приведенной у Павсания (Paus., I, 43), Ифигения не умерла, а по решению Артемиды стала Гекатой. По представлению греков Ахиллов дром назывался так потому, что здесь Ахилл гнал за Ифигенией.⁴⁴⁷

Судя по описанию Критского, в кургане на Тендре было найдено христианское впускное погребение, черепица с изображением креста и надписями «Христос Победитель» и «Михаил», 5 крестов (1 свинцовый размером около 8,9 см, 3 медных чуть поменьше, 1 янтарный еще меньше). В списке найденных здесь монет фигурируют единичные монеты византийской эпохи — две неопределенные Восточно-Римской империи и одна «серебряная» Алексея I Комнина, т.е. скифатная биллоновая монета (так называемый стамен), чеканившаяся после реформы монетного дела в 1092—1118 гг. Таким образом, святилище на Тендре эпизодически использовалось христианами вплоть до начала XII в. Гипотеза Е. С. Столярик, что до гуннского нашествия оно являлось не только святилищем, но и торжищем местного населения, ныне представляется малоубедительной.⁴⁴⁸

К сожалению, после раскопок Н. Д. Критского о святилище на Тендре надолго забыли. Лишь в 1848 г. косы Тендра-Джарылгач посетил граф А. С. Уваров, оставивший свое описание в неизданной четвертой главе третьего тома «Исследований о древностях Южной России и берегов Черного моря». Он добрался на Тендру не морем, а по суше, через перешеек, соединяющий косы с материком, где тогда находилось имение помещиков Вассаль и Потье. Прежде всего он обратил внимание на морское побережье, лежащее параллельно Ахиллову бегу. «В нескольких верстах от села Каланчака, в направлении к селу Красному и к Тендре высокие и крутые курганы прекращаются. Недалеко от села Красного начинается правильный ряд более широких, чем высоких курганов, который идет параллельно с морским берегом чрез изменения гг. Вассаль и Потье до противоположного залива или древнего Гилейского моря. Помещик Вассаль, рывший многие из этих курганов, сказывал мне, что всегда находил в них много остовов и каждый из них был совершенно обернут камкой (alga marina). Возле человеческих остовов лежали лошадиные костяки. Этот странный способ погребения, совершенно различающийся от всех прочих, принадлежал, вероятно, народу, обитавшему на этом месте и называемому, по словам Стефана Византийского, ахиллодромитами».⁴⁴⁹ По убеждению Уварова, последние являлись мореплавателями и не имели ничего общего с тавро-скифами, о чем свидетельствует специфический обряд погребения.

«Теперь, на всем пустом пространстве Ахиллесова ристалища не встретится много следов древних обитателей, — писал Уваров. — На восточной оконечности, или Джарылгачской косе, находятся несколько курганов, довольно плоских и доселе неразрытых». Путешествие на Тендру для молодого археолога оказалось крайне затруднено. 27 августа 1848 г. он прибыл на западную оконечность Тендровской косы. Им было отмечено полное отсутствие курганов, кроме кучугур (песчаных дюн), движение которых меняло облик косы, периодически превращая ее в ряд островов.⁴⁵⁰ «Ахиллесово ристалище, состоящее из трех частей, Джарылгачской косы и островов Карава и Тендры, почти постоянно изменяется. Иные годы Тендра, Каравай и Джарылгачская коса соединяются в одну и ту же косу; гирлы, разделяющие их, совершенно заносятся песком. В другие годы, напротив того, Тендра отделяется одним или несколькими гирлами от материка. Во время моего пребывания надо было переехать четыре гирла, чтобы добраться до Тендровского острова или косы. До самой западной оконечности, на которой

⁴⁴⁶ Хирст Дж. Ольвийские культы // ИАК. 1908. Вып. 27. С. 135—136.

⁴⁴⁷ Толстой И. И. Остров Белый... С. 63—64.

⁴⁴⁸ Столярик Е. С. Денежное обращение в Северо-Западном Причерноморье в позднеантичное и византийское время (конец III—начало XIII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 8.

⁴⁴⁹ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 196, л. 10—10 об.

⁴⁵⁰ Там же, д. 192, л. 28 об.—29.

теперь стоит маяк, не встречается ни одного дерева. Тут только возвышается несколько дерев, последние остатки священной роши».

Далее Уваров подробно останавливается на обстоятельствах находки древностей в 1824 г., опираясь на публикации Бларамберга и Кёлера, при этом некритично принимая точку зрения последнего. Следов раскопанного «кургана» ему обнаружить не удалось. «На восточной и западной оконечностях Ахиллесова ристалища местность высока и никогда не подвергается наводнениям. Оттого и можно предположить, что на священном мысе, где стоял храм, посвященный Ахиллему, хотя, может быть, посторонние люди и не постоянно обитали, но часто посещали эту местность. По берегам Тендры ловится много рыб, которые могли служить пищею, как и теперь еще ими пользуются солдаты, живущие у маяка и на кордонах».⁴⁵¹ Таким образом, посещение А. С. Уваровым Тендры оказалось малопродуктивным — он не смог обнаружить следов раскопанного святилища, которые безуспешно пытались найти и исследователи XX в.

⁴⁵¹ Там же, д. 196, л. 4—14 об., 15 об.—16.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ

11.1. ЕВПАТОРИЯ (КЕРКИНИТИДА)

Еще в XVIII в. оживленную дискуссию ученых и путешественников вызвал вопрос о локализации Керкинитиды.¹ Отрывочность свидетельств древних авторов о Керкинитиде (Агг. PPE, 19; Anon. PPE, 83 (57H)), Каркинитиде (Hecat. fr. 184; Herod., IV, 55; 99, 2; Ael. Herod. Rath. Pros., IV, 105, 21; Steph. Byz., s. v.) и Каркине (Pomp. Mela, II, 4; Plin., HN, IV, 84; Ptol., III, 5, 13) привела ученых к появлению взаимоисключающих предположений. Если одни исследователи говорили о тождестве этих городов, другие, напротив, считали их разными полисами.

Еще в 1728 г. акад. Г. З. Байер предпринял первую попытку спроецировать сведения Геродота на местность и поместил Каркинитиду на северном берегу Джарылгачского залива, в устье реки Каланчак.² Позднее к такому же выводу пришел французский посол в крымском ханстве, францужско-голландский негодант Ш. Пейсонель.³ С ним не согласился немецкий профессор И. Тунман, писавший, что в Гезлёве, «вероятно... находится древний Керкинитис» (1784).⁴ Правильная локализация Тунмана осталась незамеченной и первая точка зрения, широко распространившаяся благодаря популярности книги Пейсонеля, стала господствующей. Ее, например, повторили Мария Гатри и С. Сестренцевич-Богущ.⁵ Член Парижской Академии надписей и словесности Ж. Б. д'Анвиль полагал, что на месте Гезлёва когда-то была античная Евпатория. Его авторитету последовали другие географы и русские власти, именно под этим именем переименовавшие Гезлёв. Так, в сохранившемся в бумагах генерал-майора В. С. Попова анонимном сочинении «Древние именованья Крымского полуострова и знатных в оном городах» (1781) констатируется тождество античной Евпатории и Козлова — «город с пристанью, Евпатором Мифридатом воеводою построенный, который после того, Помпей, победивший Мифридата, своим именем Помпеюполис назвал».⁶

Взятый русскими войсками в 1771 г. и присоединенный в 1783 г. к России портовый город Козлов (Гезлёв), в 76 верстах к СЗ от Симферополя, на западном берегу Каламитского залива Черного моря, является одним из древнейших городов Крыма. В XVI—XVII вв. здесь находилась турецкая крепость и г. Гезлёв (Гезлёве), в русских источниках упоминавшиеся как

¹ Подробнее историографию вопроса см.: Кутайсов В. А. 1) Античный город Керкинитиды VI—II вв. до н. э. Киев, 1990. С. 6—11; 2) Керкинитиды. Симферополь, 1992. С. 6—16; ГИЦАЭ. С. 126—133.

² Байер Т. З. О местоположении Скифии, каково было в лета Геродотовы // Краткое описание комментариев Академии наук. 1728. Ч. 1. С. 152—154. Карта.

³ Peyssonel Ch. Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube et du Pont-Euxin. Paris, 1765. P. 6.

⁴ Тунманн [И. З.]. Крымское ханство. [Симферополь], 1936. С. 41 (переизд.: Симферополь, 1991. С. 38).

⁵ Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795—1796, through the Taurida, or Crimea. London, 1802. P. 49; Сестренцевич-Богущ С. История о Таврии. СПб., 1806. Т. 1. Карта.

⁶ ЦГААРК, ф. 535, оп. 1, л. 1929, л. 2.

Козлов. По приказу А. В. Суворова в 1777—1779 гг. для защиты побережья рядом с городом на возвышенном холме был возведен прямоугольный в плане шанец, усиленный раскатом со стороны моря.⁷ В 1784 г. город был переименован в Евпаторию, ставшую уездным центром Таврической области и крупнейшим портом.⁸ При Павле I ему было возвращено татарское название, а при Александре I — греческое, данное в эпоху Екатерины II. К александровскому времени относится рукопись «Замечания о городе Козлове, или Евпатории, в Крыму, сделанные гвардейским Генерального штаба полковником Муравьевым 1-м»⁹ (1816). Автор сравнивает Козлов с Кафой, в которой никогда не бывал, сообщает о числе домов в городе — около 1 тыс., пишет, что парусным судном из Константинополя до Евпатории можно доплыть за 32 часа.

Очень скудную информацию дают описания путешественников. 22—23 июля 1821 г. акад. Е. Е. Кёлер и архитектор Э. Паскаль осматривали Козлов, причем их внимание привлекли только турецкие бани и мечеть. К концу 1827 г. мужское население города, по большей части караимов и татар, составляло 3592 человека. В Евпатории было 1173 дома, одна церковь, 21 мечеть и величественная караимская синагога. Эти сведения сообщает анонимный одесский путешественник в письмах, адресованных издателю «Одесского вестника».¹⁴

Дискуссия о локализации Керкинитиды возобновилась в 1820-е гг. И. М. Муравьев-Апостол, анализируя текст Страбона (Strabo., VII, 4, 2), пришел к выводу о «потере места, где Страбон описывал Тарханский кут и весь берег от Козлова до Северной косы», верно подметив отсутствие связи между отдельными параграфами.¹⁰ И. А. Стемпковский, вероятно, разделял взгляды Пейсонеля, но ставил вопрос несколько иначе. Он писал, что на правом берегу близ устья реки Каланчак видны остатки древнего городища — «нужно бы исследовать, какой город существовал тут: Каркина или Тамираки, географами в сих местах полагаемые».¹¹

Таким образом, мнения ученых в вопросе о локализации Керкинитиды начиная с XVIII в. вплоть до сегодняшнего дня¹² разделились между ее размещением на северном побережье Каркинитского залива, т. е. вне пределов Крыма, и на западном побережье Тавриды.¹³ Окончательно решить вопрос могли бы только исследования на местности с проведением раскопок.

Одно из немногих свидетельств о находках древностей в Гезлёве сохранилось в описании путешествия архимандрита братства Мхитаристов, иерария Тавриды отца Минаса Бжешкьяна (1777—1853), осенью 1825 г. объезжавшего места, населенные армянами. Он, в частности, сообщает о находке монеты боспорского царя Евпатора, которую принял за монету Митридата VI Евпатора,¹⁵ и приводит две гипотезы о локализации на месте Гезлёва античного поселения: первая связывала его с древней Евпаторией, вторая — с Помпеполисом. Касаясь оборонительной системы современного ему города, иерарий пишет: «Одна только южная сторона беззащитна. Генуэзцы здесь построили крепость, равно как и на другом конце города, для защиты

⁷ Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII в. Киев, 1984. С. 65; РГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 5471, л. 1.

⁸ Рукописные планы города, относящиеся к концу XVIII—первой трети XIX в., см.: ОР РНБ, ф. 342, № 36 (План г. Казлова, 1794—1795 гг.), № 160 (План города Казлова, 1790-е гг.), № 161 («План городу Козлову с показанием вокруг него каменной стены в плане и фасаде», 1785 г.); РГАВМФ, ф. 3/Л, оп. 23, д. 3242 (План Евпатории. 1811 г. М. 1:8400). Чертежи из архива ООИД под названием «Якубинский И. План Евпатории и древних в ней сооружений» (1836 г., 8 рисунков тушью), включают: л. 4 — план Евпатории; л. 5 — крепостные ворота Одун-базар, л. 6 — главная мечеть в Евпатории (литография); л. 7 — та же мечеть, вид с юга (рисунок); л. 8 — то же, вид с востока; л. 9 — мечеть Хан Джами; л. 10 — южная сторона Сулу хана; л. 11 — татарская мечеть Джума Джами (ИР ЧНБ, V, 714). Подробнее о картографических и изобразительных материалах Евпатории (Козлова) конца XVIII в., хранящихся в РГАДА, РГВИА и РГАВМФ, см.: Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья... С. 179—182.

⁹ РГВИА, ф. 846 (ВУА), д. 19059. Копию см.: КРКМ, фонд ТУАК, КП-23124, Д-8824.

¹⁰ Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. С. 63. Подробнее о лакуне в тексте Страбона см.: Латышев В. В. Заметки по древней географии северного и восточного побережья Черного моря. I: К Страб. VII, 4, 2 // ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 129—137.

¹¹ Стемпковский И. А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // ОЗ. 1827. Ч. 29. Кн. 81. С. 56—57.

¹² См.: Куклина И. В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 99—100.

¹³ Кутайсов В. А. Античный город Керкинитиды VI—II вв. до н. э. С. 7.

¹⁴ Протуга по Новороссийскому краю // ОВ. 1827. 10 дек. № 96. С. 389.

¹⁵ Судя по описанию, это золотая монета Тиберия Юлия Евпатора (154—161). См.: Фролова Н. А. Монетное дело Боспора. М., 1997. Ч. 1. Табл. LXV, 6—27; LXVI, 1—23.

бухты, где лежат громадные извлеченные из земли камни. В наши дни нашли здесь под землей две статуи, из которых одна изображала мужчину в одежде древних эллинов с короной на голове, другая женская в древнеримском одеянии».¹⁶ Современным исследователям памятников Северо-Западного Крыма факт находки боспорских монет римского времени (уже не связанных с жизнью древнего города) и античных скульптур оказался неизвестным.¹⁷ Ко времени поездки в Евпаторию Г. И. Спасского в середине XIX в. от городской крепости остались лишь остатки ворот, стен и рва: «Теперь трудно даже решить, кому обязана была эта крепость своею постройкою: византийцам, гетуэцам или туркам?».¹⁸

Новое поколение ученых не менее бурно обсуждало вопрос о местоположении Керкинитиды. Принципиальными дополнениями к уже высказанным точкам зрения явились гипотеза Н. И. Надеждина¹⁹ о локализации города на Кинбурнской косе, З. А. Аркаса, помещавшего его в Северо-Западном Крыму близ селения Очертай около мыса Кара-Мрун,²⁰ и К. Неймана, относившего памятник к району селения Беляус.²¹ Берлинский нумизмат Ю. Фридлиндер пришел к выводу о существовании в Причерноморье двух соименных пунктов, различающихся в написании одной буквы, — первого на побережье Каркинитского (Тамиракского) залива, второго на западном побережье Крыма. Основанием для последнего послужили не только данные нарративных источников, но и впервые атрибутированные им три монеты полиса с легендами КЕРΚΙ, КЕР из Минц-кабинета Королевского музея в Берлине.²² С ним не согласился Г. И. Спасский, считавший, что упоминаемые античными авторами сведения относятся к одному городу, расположенному в устье Гипакириса—Каланчака. Вслед за И. А. Стемповским он полагал, что окончательно вопрос может решить «только разрытие... курганов», встречающихся там в больших количествах.²³ Гипотезу Г. И. Спасского разделял и А. С. Уваров.²⁴ Впервые археологическое изучение курганов, находившихся в 25 верстах от Евпатории, провел корреспондент Одесского общества истории и древностей А. С. Фиркович в 1849 г.²⁵

Вопрос о локализации Керкинитиды оказался решенным лишь через 70 лет — с началом археологического изучения античного городища на Карантинном мысу в современной Евпатории, открытого Л. А. Моисеевым в марте 1917 г. (раскопки проводились по инициативе М. И. Ростовцева²⁶ с 1916 г.), работы на котором были продолжены в 1918, 1929—1931 гг. и др.²⁷

¹⁶ Путешествие в Польшу и другие страны, населенные армянами, выходцами из города Ани. Сборник сведений, составленный отцом Минасом Бжецкьяни, архимандритом братства Мхитаристов, викарием Тавриды, изданный в вечную память души именитейшего и добродетельнейшего купца Степана Амбарьяна трапезундского, желавшего сего издания. Венеция, в монастыре святого Лазаря, 1830 (на арм. яз.). Рукопись русского перевода, выполненного Александром Мазировым в Феодосии в 1895 г., см.: КРКМ, КП-23130, Д-8830. Перевод недавно опубликован: Бжецкьяни М. Путешествие в Польшу и другие страны, населенные армянами / Пер. с древнеарм. и примеч. В. А. Микаэляна // Сурб-Хач. 1996. № 2. С. 33—36. Из-за отсутствия возможности знакомства с публикацией здесь и далее ссылки приводятся на рукопись, хранящуюся в КРКМ.

¹⁷ О статуях впоследствии упоминается только в кн.: Пьянков В. Справочная книжка города Евпатории и его уезда. Евпатория, 1888. С. 44 (благодарю за уточнение В. А. Кутайсова).

¹⁸ Спасский Г. И. Евпатория: (Из «Путевых записок о Крыме») // ОЗ. 1850. Т. 73. № 11. Отд. 8. С. 13.

¹⁹ Надеждин Н. И. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 53. Примеч. 61. С. 87.

²⁰ Аркас З. А. Сравнительная таблица эллинских поселений по Евксинскому Понту Безымянного автора с местами, назначенными на меркаторской карте Черного моря, последней описи, 1836 года, капитан-лейтенанта Манганари 1-го // ЗООИД. 1853. Т. 3. С. 148. Примеч. 12.

²¹ Neumann K. Die Hellenen im Skythenlande. Berlin, 1855. S. 378.

²² Friedlaender G. Kerkinē citta del Chersoneso Taurica // Annali dell' Instituto di Correspondenza Archeologica. 1845. T. 14. P. 232—234.

²³ Спасский Г. И. О местоположении древнего города Каркиниты и его монетах // ЗООИД. 1848. Т. 2. С. 26—32. Статья переиздана в расширенном и переработанном виде в кн.: Археолого-нумизматический сборник. М., 1850. С. 163—182.

²⁴ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 196, л. 8—9 об.

²⁵ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 20, л. 90—90 об. (рапорт Фирковича от 19 апреля 1849 г. № 13).

²⁶ ИАК. 1918. Прибавл. к вып. 66 (Хроника и библиография. Вып. 32). С. 38.

²⁷ Щеглов А. Н. 1) Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 5; 2) Полис и хора. Симферополь, 1976. С. 79. Подробнее см.: Кутайсов В. А. Античный город Керкинитиды VI—II вв. до н. э. С. 11—17.

Не меньше споров вызывал вопрос о местонахождении остатков древней Прекрасной Гавани (Romp. Mela, II, 3; Алт. PPE, 19—20; Ptol., III, 5, 1; Аноп. PPE, 57). Еще проф. И. Тунман предположил, что она находилась на месте татарской Ак-мечети,²⁸ и эта локализация в настоящее время является общепринятой. И. О. Потоцкий помещал Калос Лимен гораздо западнее, вне пределов Крыма, считая город колонией Херсонеса, который «безымянный перипл называет Херсоном Скифским».²⁹ М. Гатри, пользовавшаяся книгой Пейсонеля, помещала на берегах Акмечетской бухты античную Евпаторию.³⁰ И. М. Муравьев-Апостол связывал Калос Лимен с Севастопольской (Ахтиарской) гаванью.³¹ Акад. Е. Е. Кёлер, напротив, разделял гипотезу Тунмана.³² З. Аркас помещал гавань на северной оконечности Тендровской косы,³³ Э. В. Тетбу де Мариньи и К. Нейман локализовали ее севернее Ак-мечети, у селения Сарыбулат на Сарыбулатской (Бакальской) косе,³⁴ где, по утверждению А. С. Уварова, проведенного разведки на местности, какие-либо остатки древностей отсутствовали.

Начало топографической фиксации памятников этого региона относится к концу XVIII в. На военно-топографической карте окрестностей Ак-мечети того времени городище Прекрасной Гавани не показано, однако отмечены окрестные «курганы».³⁵ Другой «План Ахмечетской бухты, описан по повелению господина вице-адмирала и кавалера главнокомандующего Черноморским и Азовским флотами и над Херсонским портом Сухотина флота капитаном Берсеневым в 1785 году... С подлинного копировал штурман Павел Алексеев» в масштабе 60 саж. в 1 дюйме (1:5040) (рис. 119), размер по рамке 49 × 67 см,³⁶ показывает место заброшенного редута на юго-западном берегу бухты и мечеть. Этот шанец со сложным бастионно-капонирным начертанием был возведен по приказу А. В. Суворова в 1777—1779 гг.³⁷ В экспликации к плану Берсенева помещены объяснения: «А — селения прежде бывших татар, а ныне пустые; Б — скотские загоны, а ныне в оных сенокос». Те же основные топографические привязки упоминаются в рукописном описании, составленном военными гидрографами в середине 1820-х гг.: «В юго-западной части залива на берегу есть развалины бывшей крепости; а к югу от залива в 450 саженьях [960.3 м] на высоте стоит мечеть, по которой и залив название свое получил».³⁸ Эти остатки зафиксированы на морской печатной карте атласа И. М. Будисшева 1807 г. (№ 26).³⁹

В конце 30-х гг. XIX в. с археологическими целями местность впервые обследовал корреспондент ООИД, «питейный объездчик» А. И. Шмаков, в 1842 г. назначенный инспектором симферопольской гимназии.⁴⁰ Он представил обществу записку, в которой отметил в окрестностях бухты «остатки каких-то правильных оград или заборов... различной длины и ширины, от 20 до 60 саженьей» (43.68—128.04 м), по-татарски именуемых «хора». Местные жители принимали следы древнего размежевания за загоны для скота. На сохранившихся полосах из кам-

²⁸ Тунманн [И. Э.] Крымское ханство. С. 42.

²⁹ Потоцкий И. О. Записка о новом перипле Понта Евксинского, равно как и о древнейшей истории народов Тавриды, Кавказа и Скифии // Археолого-нумизматический сборник. М., 1850. С. 46.

³⁰ Peyssonel Ch. Observations historiques...; Guthrie M. A Tour... Map.

³¹ Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде... С. 65.

³² Köhler H. K. E. Mémoire sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin // Mémoires de l'Académie. 1826. T. 10. P. 616. Tab. 23.

³³ Аркас З. А. Сравнительная таблица эллинских поселений... С. 149. Примеч. 13.

³⁴ Taibout de Marygn E. Atlas de la Mer Noire. Odessa, 1850. № 17; Neumann K. Die Hellenen im Skythenlande. Berlin, 1855. S. 372—378.

³⁵ РГВИА, ф. ВУА, д. 21615.

³⁶ Там же, ф. 846, оп. 16, д. 23565 (ВУА. № 23565).

³⁷ Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья... С. 65; РГВИА, ф. 349, оп. 38, д. 670, л. 1.

³⁸ РГАВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 673, л. 5. В анонимной заметке «Об Акмечетской бухте» (ОВ. 1827. 27 апр. № 32. С. 128—129) подчеркнуто, что закрытая от всех ветров бухта, которая может вместить до 15 купеческих судов, с глубинами от трех до девяти саженьей (6.4—19.2 м), по праву считается «одним из лучших приморских убежищ Крымского полуострова». До покорения Крыма здесь существовал «довольно хороший торговый порт... тут заметны еще следы строений, видны завалившиеся колодези и засоренные фонтаны. Есть признаки виноградных и фруктовых садов».

³⁹ РГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 725.

⁴⁰ Записки Н. Н. Мурзакевича // РС. 1887. Т. 56. Кн. 12. С. 656.

ней были видны возвышенности или «бугры» до 1 и более сажени высоты (2,13 м).⁴¹ Очевидно, А. И. Шмаков описывал руины сельских усадеб и следы оград древних земельных участков в окрестностях Калос Лимена.⁴² Среди находок 1837—1838 гг. он перечисляет глиняные грузила, «половину большого кувшина» (пифоса?), наполненного золой и углями, фрагмент венца пифоса с граффито,⁴³ обломки керамики, монету. Найденные древности позволили А. И. Шмакову сделать вывод, что «ограды» и развалины принадлежали не чабанам, а какому-то древнему народу — грекам, генуэзцам или венецианцам, приезжавшим сюда временно из других прибрежных мест для занятия рыболовством.⁴⁴ Автор особо подчеркивает, что в Акмечетской бухте в первой половине XIX в., начиная с июля и вплоть до ноября, ловили кефаль и скумбрию, проходящую здесь косяками «в неимоверном количестве».⁴⁵

Записка А. И. Шмакова была доложена на заседании общества. Рассмотрев присланные глиняные «пирамидки» (два грузила) и монету, ООИД решило обратиться к владельцу 18 тыс. десятин земли в Северо-Западном Крыму, включавших и район Ак-мечети, графу М. С. Воронцову. В письме от 9 ноября 1839 г. содержалась просьба общества провести в этих местах дальнейшие археологические поиски.⁴⁶ М. С. Воронцов поручил архитектору Дево (де Во) проверить сведения А. И. Шмакова.

Из ответного письма архитектора, написанного на французском языке, следует, что он прожил в Ак-мечети долгие годы. При сооружении фундаментов более чем 40 построенных им зданий в районе порта обнаружили «остатки хозяйственных построек и домашней утвари», которые, по его мнению, были не древнее татарских. Во время строительства на землях, не принадлежавших М. С. Воронцову, находили только упоминавшиеся глиняные «конусы» (грузила). По заключению Дево, «в этих местах никогда ничего замечательного не обнаружат», за исключением одного места, расположенного между Карантином и городком, где еще не производились раскопки и ничего не строилось. Там хорошо видны следы древней постройки квадратной формы, окруженной большим, но заплывшим рвом, остатки пристани, вырубленной в скале. Внутри здания много неровностей из обломков, щебень и мусор. Дево полагал, что эти строительные остатки не могли быть возведены местными жителями, так как укрепление рвом отрезано от суши и имеет выход в море.⁴⁷

Вероятно, те же самые развалины описывал и А. И. Шмаков: «На восточном мысу Акмечетской бухты... поныне видимо угловатое укрепление, со рвом, почти совсем засыпавшимся, где валяется множество разбросанного известкового булыжного камня, из которого, вероятно, некогда сложены были стены и здания того укрепления».⁴⁸ На оконечности вала, ближе к морю, была найдена древняя монета и «множество мелких обломков от сосудов из обожженной глины».

Одесское общество, получив с письмом Дево подтверждение, что «это место в древние времена было обитаемо», стало просить М. С. Воронцова, «если на вышесказанных местах будут производиться какие-нибудь постройки, приказать наблюдать, не откроют ли при рытье канав для фундаментов каких-либо монет или древних вещей, которые могли бы дать понятие, или повод к догадке о прежних обитателях сих мест».⁴⁹

В неопубликованных главах труда А. С. Уварова о древностях Южной России автор ограничился пересказом изданного описания Шмакова. Городище Ак-мечети он принял за остатки «Гавани Калон», т. е. Прекрасной Гавани. «Гавань Калон (Безымянный автор) находилась на Каркинитском заливе, вероятно, у самого начала залива и прямо насупротив Тамарского мыса. Эта гавань лежала по прямой линии против мыса Тамирака в расстоянии

⁴¹ Шмаков А. И. Пирамидки из глины, найденные при Акмечетской бухте // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 630—633. Табл. 15.

⁴² Щеглов А. Н. 1) Исследование сельской округи Калос-Лимена // СА. 1967. № 3. С. 234—256; 2) Северо-Западный Крым... С. 86.

⁴³ Несмотря на то что граффито было опубликовано А. И. Шмаковым еще в 1844 г., сведения о нем отсутствуют в кн.: Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. С. 93—94.

⁴⁴ Шмаков А. И. Пирамидки из глины... С. 631.

⁴⁵ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 196, л. 18.

⁴⁶ ГАОО, ф. 1, оп. 150-1840, д. 50, л. 1—1 об.

⁴⁷ Там же, ф. 93, оп. 1, д. 55, л. 18—19.

⁴⁸ Шмаков А. И. Пирамидки из глины... С. 631.

⁴⁹ ГАОО, ф. 1, оп. 150-1840, д. 50, л. 6.

52 верст [55.48 км] или 300 стадий. Этой местности всех лучше соответствует теперешняя Акмечетская гавань [...] Арриан и Безыменный... везде называют это поселение гавань Калон, как бы означая этим главный промысел его жителей». Руководствуясь описанием Страбона (VII, 4, 2), упомянувшего «маленький городок и еще один залив херсонесцев», Уваров локализовал их «между мысом Тархан-Кут и Евпаториею, верстах в 5 [5.33 км] от сего города», близ селения Казобона, где были видны следы древнего поселения.⁵⁰

Археологическое исследование городища Калос Лимена было продолжено почти через сто лет. В 1929 г. Л. А. Моисеев провел первые раскопки города и некрополя, позднее их продолжили П. Н. Шульдц, К. Э. Гриневич, М. А. Наливкина и др.⁵¹ До 1988 г. Черноморское городище было почти не изучено,⁵² и лишь в последние десятилетия Западно-Крымская экспедиция Крымского филиала ИА НАН Украины под руководством В. А. Кутайсова и В. Б. Уженцева ведет планомерные раскопки памятника.⁵³ Тарханкутской экспедицией ЛОИА АН СССР—ИИМК РАН под руководством А. Н. Щеглова изучались сельскохозяйственные поселения, могильники и следы древнего землепользования на примыкающих к Калос Лимену землях Тарханкутского полуострова.

Малая заселенность и удаленность Северо-Западного Крыма от основных магистралей, по которым пролегли дороги путешественников и ученых, объясняют великолепную сохранность археологических памятников этого региона. Они сравнительно поздно привлекли к себе внимание исследователей. «Питейный объездчик» А. И. Шмаков и архитектор Дево не смогли понять назначение описанных ими античных строительных остатков, хотя подобные сооружения были известны в районе Севастополя. Оба любителя не ставили перед собой задачи поиска на местности исчезнувшего города. Впервые это попытался сделать П. О. Бурачков по прошествии нескольких десятилетий.⁵⁴

⁵⁰ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 196, л. 16, 18.

⁵¹ Подробнее литературу см.: ГППАЭ. С. 117—120.

⁵² АГСП. С. 56; Щеглов А. Н. 1) Северо-Западный Крым... С. 8, 79; 2) Полис и хора. С. 87—89.

⁵³ Кутайсов В. А., Уженцев В. Б. 1) Археологическое исследование Калос Лимена // Археологические исследования в Крыму: 1993 год. Симферополь, 1994. С. 171—180; 2) Восточные ворота Калос Лимена // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 44—70; 3) Калос Лимен (раскопки 1988—1995 гг.) // Археология Крыма. Симферополь, 1997. С. 43—58; Кутайсов В. А. и др. Охранные раскопки городища и некрополя Калос Лимена // Археологические исследования в Крыму: 1994 год. Симферополь, 1997. С. 170—184.

⁵⁴ Бурачков П. О. 1) О местоположении древнего города Керкинитиса и монетах, ему принадлежащих // ЗООИД. 1875. Т. 9. С. 1—133; 2) Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природою местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Диофанта, полководца Митридата, со скифами // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 222—248.

ГЛАВА 12

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ (Херсонес и его ближайшая хора)

12.1. КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ И ВИДОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМЕ КОНЦА XVIII—СЕРЕДИНЫ XIX в.

Херсонес Таврический (в средневековые Херсон, в русских летописях Корсунь), основанный по одной гипотезе в конце V в. до н. э. дорийскими колонистами из Гераклеи Понтийской, а по другой в конце VI в. до н. э. как ионийская апойкия, был разрушен на рубеже XIV—XV вв. Таким образом, город существовал около двух тысяч лет. Для русской науки его история была притягательна прежде всего тем, что, согласно ряду письменных источников, после успешного военного похода и взятия города в 989 г. в нем принял христианскую веру князь Владимир, креститель Руси. Средневековый Херсон унаследовал от античного Херсонеса Таврического регулярную систему планировки кварталов, центральную магистральную улицу, идущую от главных городских ворот, и параллельные ей продольные улицы с перпендикулярными поперечными.

Здесь я вынуждена совершить небольшой географо-топографический, отчасти и топонимический, экскурс, объясняемый характером исследуемых разновременных картографических материалов. Южная часть западного берега Тавриды отличается сложным рельефом и входит в состав Горного Крыма. Ахтиарская бухта (возможно, в древности Ктенунт, Strabo., VII, 4, 2—3), называвшаяся также *Большим Ахтиарским заливом* или Севастопольским рейдом, позднее *Северной бухтой*, врезана в материк с запада на восток на расстояние более 6 верст (12 км) и имеет ширину от 600 до 250 саженей (от 1 км 28 м до 532 м). Она образует естественную восточную границу Гераклейского полуострова, где находились земельные участки граждан Херсонеса. Восточнее, между гор, простирается широкая долина, по которой протекает р. Чоргун (Чёрная). При впадении реки Чоргун в Северную бухту сохранились остатки средневековой крепости Каламита. Значительно южнее находится *Балаклавская бухта* (бухта Символов, Strabo., VII, 4, 308—309) с тесным скалистым входом и небольшой акваторией, на берегу которой позднее была построена генуэзская крепость Чембало.¹ Эта бухта фиксирует юго-восточную границу Гераклейского полуострова. Крайняя юго-западная оконечность Крыма — мыс Фанари (ныне мыс Херсонес или Херсонесский), является западной оконечностью маячного (Фанарийского, позднее Херсонесского) полуострова, носившего в древности название Парфений. Маячный полуостров с востока отделен от остальной части Гераклейского полуострова Казачьей бухтой. Имеющееся на перешейке древнее укрепление отождествляется с пунктом, названным Страбоном (VII, 4, 2) «древним» или «старым» Херсонесом, находящимся в 8,5 км к северо-востоку от городища Херсонеса. Пространственная структура Маячного полуострова состояла из крепости, прекратившей свое существование на рубеже IV—III вв. до н. э. и находившейся под ее прикрытием разделенной на участки земледельческой территории с разбросанными по ней сельскими усадьбами, гибель которых датируется началом III в. до н. э.²

¹ Сохранилось неизданное «Описание города Балаклавы» Н. Д. Критского, которое сопровождали рисунки и план, от 17 марта 1826 г. Описание было составлено по просьбе Е. Е. Кёлера. Критский описывает укрепления Чембало такими словами: «... на четырех балнях сохраняются еще гербы владетельных генуэзских домов, но нельзя хорошо разобрать надписи; я снял все что можно было, и, кажется, на первой башне поставлен 1467 год. В крепости остается четыре систерны, из коих две ныне еще существуют невредимо: на первой башне и на самой крайней к морю, которая назначена литерою а. Крепость имела два разделения; в западной части, где видны остатки церкви, было больше жительства, нежеля в восточной; впрочем, все разорено и ничего подробного и достоверного извлечь невозможно» (АГЭ, ф. 1, оп. I-1826, л. 16, л. 72. Подлинник; рисунки и план в деле отсутствуют).

² Подробнее см.: Шеглов А. Н. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 10—11.

Северное побережье Гераклейского полуострова, начиная от мыса Фанари к востоку, изрезано несколькими бухтами, с конца XVIII в. неоднократно менявшими свои названия. Первая из них, уже отмеченная выше, — *Казачья* (*Казакцкая*, ранее *Фанари*) — разделена на две длины по восточной части; она имела со следующей, *Камышевой*, общий выход в море. поэтому эти две бухты иногда назывались *Тройной бухтой*; у западной половины Казачьей бухты в начале расположено соленое озеро, отделенное пересыпью, а Камышевая имела с западной стороны маленький залив; далее *Круглая* (ныне также *Омега*, ранее иногда называлась *Песчаная*), имеющая в начале маленький островок и два соленых озера, отделенных пересыпью; *Стрелецкая*, имеющая посередине с обеих сторон по небольшому заливу; *Песочная* (ранее *Херсонесская*, или *Песчаная*, а также *Шмидта*), в юго-западном углу которой расположено соленое озеро, отделяемое пересыпью. Между Песочной и Карантинной бухтами, частью на мысу св. Владимира, расположено городище Херсонеса, занимающее площадь около 30 га. За Карантинной следуют: маленькая бухта *Мартинова*; *Артиллерийская*; *Южная*, имеющая ответвление в виде *Корабельной*, и *Киленбухта* (*Коленбухта*, *Килебалочная*, *Киленбаночная бухта*), расположенная на расстоянии чуть более трех верст (6 км) от моря.³

Первые русские топографические съемки Херсонеса и его окрестностей, составленные военными моряками, топографами, инженерами, относятся к периоду еще до присоединения Крыма к России (1783). В протоколе Конференции АН от 5 апреля 1738 г. имеется упоминание, что из академической канцелярии в конференц-зал были переданы заключенные в одну черную раму: а) театр военных действий 1737 г.; б) подлинный вид Херсонеса Таврического, или Крымского; в) объяснение двух предшествующих картин.⁴ К сожалению, местонахождение этих рисунков сейчас неизвестно. В 1770—1780-х гг. был снят ряд планов и рисунков руин Херсонеса с показанием крепостных стен.⁵ Эти планы довольно схематичны, очертания системы обороны города показаны недостаточно точно и неодинаково.⁶ Как правило, обозначения зданий и улиц на них отсутствуют.

Самым ранним из виденных мной⁷ является «План развалинам древнево Херсонеса Таврического, снятой геометрически в 772 году во время пребывания российских войск в Крыму московского легиона премьер-майором Бурнашевым», с вензелем императрицы Екатерины II.⁸ Он зафиксировал линию крепостных стен, показанную красной краской, и остатки башен; внутри городища обозначены «основания христианских церквей» — большого прямоугольника на крайнем западе близ берега («Малой гавани» (Карантинной бухты) и двух квадратных поменьше в центре городища. Здесь в восточной части Херсонеса показан большой насыпной холм внутри городских стен, позднее зафиксированный на многих картах и описанный рядом путешественников. Масштаб 10 саж. в 1 англ. дюйме (1:840), размер 57 × 42 см (рис. 120).

В 1772 г. суда из эскадры вице-адмирала А. Н. Сенявина вели топографическую и гидрографическую съемку у берегов Балаклавы и Херсонеса. В 1773 г. капитан 2-го ранга И. Г. Кинсберген отправил на корабле «Модон» в Инкерманскую бухту штурмана прапорщика Ивана Батурина, снявшего первую карту Севастопольского рейда. Это многокрасочная рукописная «Карта Ахтырской гавани с промером... сочиненная штурманом ранга прапорщикьяго Иваном Батуриным в 1773-м году».⁹ На ней обозначены Севастопольская бухта с отметками глу-

³ КРКМ, КП-22959, Д-8674, л. 3—3 об.; РГВИА, ф. 349, оп. 37, л. 3574; *Бертье-Делагард А. Л.* Древний Херсонес по Страбону и раскопкам // ИАК. 1907. Вып. 21. Карта; *Тимофеев В. И.* Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. Киев, 1984. С. 173. Благодарю А. Н. Щеглова за уточнения топографии бухт на Гераклейском полуострове.

⁴ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. СПб., 1897. Т. 1. С. 469.

⁵ Печатные каталоги рукописных картографических материалов, хранящихся ныне в РГАВМФ и РГВИА, см.: Каталог атласов, карт и планов архива Гидрографического департамента Морского министерства: В 2 ч. СПб., 1849—1852; Каталог атласов и карт, хранящихся в Депо морских карт и книг Главного гидрографического управления Морского министерства / Сост. шт.-кап. Б. Эвальд. Пг., 1917; Описание старинных атласов, карт и планов XVI, XVII, XVIII веков и половины XIX века, хранящихся в архиве Центрального картографического производства Военно-морского флота. [Л.], 1958; Каталог Военно-ученого архива Главного управления Генерального штаба: В 4 т. / Сост. М. О. Бендер. СПб., 1905—1914.

⁶ *Бертье-Делагард А. Л.* Древности Южной России: Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. № 12. С. 6.

⁷ В архивных и библиотечных собраниях хранятся сотни карт Севастополя и его окрестностей. См., напр.: РГВИА, ф. 349, оп. 37, д. 3480—6902 (за 1783—1916 гг.); РГАДА, ф. 192, оп. 1 (Картографический отдел библиотеки Московского государственного архива Министерства иностранных дел); РГАВМФ, ф. 3/Л, и др. С документом, обозначенным в описи собрания «Планы и чертежи Министерства Имп. двора» как «Херсонес: План города. 19 в. 1 л.» (РГИА, ф. 485, оп. 1, д. 304), мне ознакомиться не удалось.

⁸ ОР РНБ, ф. 885 (Эрм. собр.), д. 243/2, л. 63.

⁹ РГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 428, л. 1—2.

Рис. 120. «План развалинам древнего Херсонеса Таврикийского, снятой геометрически в 1772 году во время пребывания российских войск в Крыму московского легиона премьер-майором Бурнашевым» (ОР РНБ, ф. 885 (Эрм. собр.), д. 243/2, л. 63. Публ. впервые).

бин, леса, болота, река, «вид в пропекте города Инкермана» с четким обозначением стен и башен средневековой крепости Каламиты, ее предместья, греческих церквей, домов, пещерного монастыря с остатками пещер, вырубленных анфиладами в известняковых обрывах, профиль горы, «где город Инкерман и прежние жилища», «План города Инкермана и около его с форштатами. Положен по мере и по инструменту». Масштаб 160 саж. в 1 англ. дюйме (1:13 440), без картографической сетки, бумага чертежная, наклеена на полотно, размер первого экземпляра 58 × 146 см, второго — 54 × 75 см. Батурин застал хорошо уцелевшие башни и стены крепости, обнаружил множество пещер (некоторые с часовнями), а в окрестностях — бесчисленное количество развалин.¹⁰ Руины Херсонеса на карте не обозначены.

К 1775 г. относится «План древнего города Херсона с продолжающею от него гаванью до Инкермана. У которого А — стенки городовые в твердости и ныне состоят; В — те же стены совсем разломаны; С — строения как в городе, так и в форштате следы только видны, все разломано; Д — Инкерман город в ветхости; Ж — состоящие и во увеличенном виде; Е — пред ним содержится жилое строение», в масштабе 180 саж. в 1 англ. дюйме (1: 15120, «масштаб дюйм английский в 180 частей разделен и употреблен к планам 90 сажени»), размер по рамке 48 × 69 см.¹¹ В верхней части плана обозначены стены Херсонеса, слева внизу — Инкерман в другом, увеличенном масштабе, справа внизу два фасада и профиль Инкермана через стену и буерак № 1 и фасад по линии а. в., тоже в другом масштабе (рис. 121).

¹⁰ Головачев В. Ф. История Севастополя как русского порта. СПб., 1872. С. 27, 36—40.

¹¹ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22742 (ВУА. № 22742).

По повелению князя Г. А. Потемкина генерал-аншеф князь А. А. Прозоровский поручил обер-квартирмейстерам генерального штаба подполковнику Бердяеву и майору Фохту «снять в Крыму все достойные примечания виды и старинные здания с нужною в округе их сетуациею, тож и в фасаде», «только не знаю, — докладывал А. А. Прозоровский 30 июля 1777 г., — в состоянии ли они сие хорошо выполнить, однакож сколько можно предписал я стараться оные показать в проспекте, из чего наитучше видны будут все развалины древностей, которые по окончании и не умедлю вашей светлости представить...».¹² Видимо, с этим распоряжением связано создание рисунка «Развалины Херсона древнего в Крыме города 1778» (рис. 122),¹³ который запечатлел следующие объекты: «1. Развалившиеся башни и бугры на местах разсыпавшихся башен; 2. Городовые ворота; 3. Херсонская пристань; 4. Ахтырская пристань; 5. Гора Чедыртау (Чатырдаг. — И. Т.), славная высотой в Крымском полуострове, что близ Ак-мечети (Симферополя. — И. Т.); 6. Фрегат российской случившейся при снятии сего города на рейде, и 7. Стоявшие в пристане купеческие судны».

В двух несколько отличающихся друг от друга экземплярах до нас дошел недатированный «План древнему городу Херсону, состоящему при Черном море от Балаклавы верстах в 14» (масштаб примерно 100 саж. в 1 англ. дюйме, 1: 8400)¹⁴ с расшифровкой легенд: «А — город Херсон; В — остатки фундаменту стен; С — развалившиеся стены; Д — разваленные башни; Е — ворота; F — вид оставшихся следов прежде бывшего форштата; G — зделанные батареи для защищения Ахь-Ярской гавани». На этом плане зафиксированы следы оборонительных стен, а также большой земляной холм — «куртан» из насыпной земли (рис. 123). Судя по указанным батареям на двух противоположных берегах Севастопольского рейда, план был снят после июня 1778 г., когда они были возведены по приказу А. В. Суворова, но еще до основания Севастополя.¹⁵

В 1782 г. в бухты близ Ахтиара заходили суда эскадры капитана Т. Г. Козлянинова, на зимовку в Киленбухте остались два фрегата под командованием капитана 1-го ранга И. М. Одинцова. Сохранилась многокрасочная «Карта Ахтиарской гавани, сочиненная с описанного журнала по приказанию екскадренного командира флота господина капитана первого ранга Ивана Максимовича Адинцова при зимовании в оной в 1783 году с фрегатами 8 и 11. Берег положен по мере и по инструменту, глубина назначена в сажених, грунт ил, берег имется каменистой, також к от которых мест какая глубина чрез 2.5 сажени в футах простирается...». Масштаб 1 саж. в 1 англ. фута. Под литерой *i* обозначена татарская деревня Ахтиар, под литерой А — «бывший город Херсон, или Чуч, который разобран императором Иустинианом...». Красной краской показаны стены и башни Херсонеса, в том числе со стороны моря, общий их контур обрисован несправильно.¹⁶

7 марта 1783 г. И. М. Одинцов представил начальнику Херсонского порта генерал-цейхмейстеру И. А. Ганинбалу карту первого промера глубин Ахтиарской бухты, с донесением, что на ней отмечен буквой S «старый Херсон на южном берегу, при самом входе в гавань, от стоящих ныне в гавани на якорях фрегатов в расстоянии 6.5 верст» (9.1 км).¹⁷ Командующий Азовской флотилией Ф. А. Клокачев поручил капитан-лейтенанту Ивану Берсеневу выверить уже сделанные промеры и по возможности точно нанести на карту «ситуацию окружных берегов». Результатом гидрографических работ стало создание ряда карт, 13 июля 1783 г. представленных в Адмиралтейств-коллегию.¹⁸

К тому же году принадлежит рукописная «Карта Ахтиарской гавани со внутренними ее и выдавшимися в море гаванями от устья реки Бельбека до выдавшегося в море Херсонского мыса, где разволненной каменной маяк и с некоторою частию берега и в Балаклаве, сочинена по повелению его высокопревосходительства г-на вице-адмирала и кавалера Федота Алексеевича Клокачева с описи флота капитан-лейтенанта Берсенева в 1783 году июня 6 дня».¹⁹

¹² Дубровин Н. Ф. Присоединение Крыма к России: Рескрипты, письма, реляции и донесения. СПб., 1885. Т. 1: 1775—1777. С. 760—761.

¹³ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22740 (ВУА, № 22740).

¹⁴ ОР РНБ, ф. 885 (Эрм. собр.), д. 243/2, л. 58, 59.

¹⁵ Бертье-Делагард А. Л. Древности Южной России. С. 5.

¹⁶ НИОР БАН, ф. 35, доп. оп. 1, № 103 (Сборный атлас), карта № 8.

¹⁷ Головачев В. Ф. История Севастополя... С. 68—69.

¹⁸ Там же. С. 69.

¹⁹ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 23549 (ВУА, № 23549).

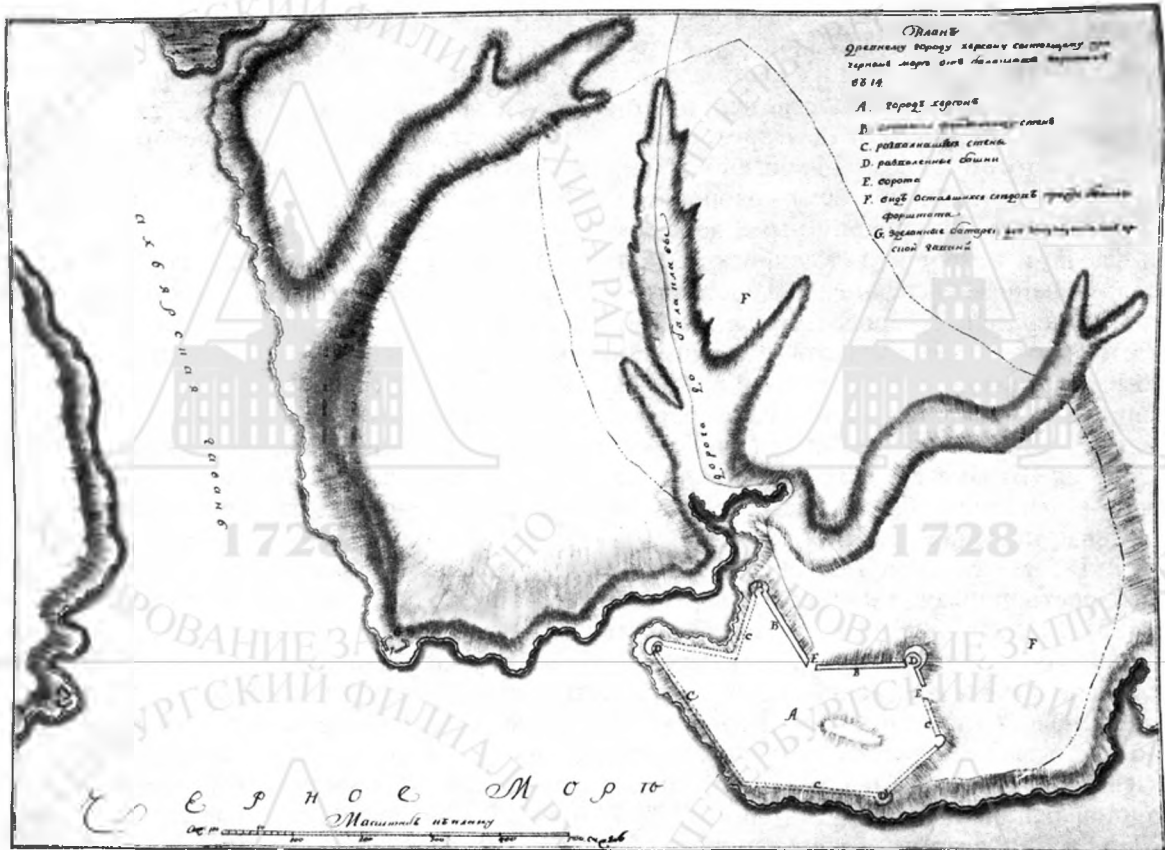

Рис. 123. «План древнему городу Херсону, состоящему при Черном море от Балаклавы верстах в 14. А — город Херсон; В — остатки фундаменту стен; С — развалившиеся стены; Д — разваленные башни; Е — ворота; F — вид оставшихся следов прежде бывшего форштата; G — зделанные батареи для защищения Ахъ-Ярской гавани». Не ранее 1778 г. (ОР РНБ, ф. 885 (Эрм. собр.), д. 243/2, л. 59. Публ. впервые).

Масштаб 200 саж. в 1 англ. дюйме (1:16 800); указаны глубины; буквой S помечен «бывший город Херсон» только в виде контура оборонительных сооружений; остатки археологических памятников на Гераклеюмском полуострове не обозначены.

Примерно в то же время была снята многокрасочная рукописная «Карта Ахтиарской гавани со внутренними гаванями же от устья реки Бельбека до бывшего города Херсонеса. Сочинена по повелению... вице-адмирала и кавалера Федота Алексеевича Клокачева с описи капитан-лейтенанта Берсенева».²⁰ Масштаб 200 саж. в 1 англ. дюйме (1:16 800). На карте, выполненной без картографической сетки, показаны Севастопольская бухта, глубины в сажнях, а на рифах — в футах, укрепления, деревни, сады, болота и схематично стены «бывшего города Херсона» (под литерой S). Пояснения даны в экспликации. Бумага тонкая, наклеена на полотно, размер 50,5 × 63 см.

Еще одна рукописная «Карта лежащим гаваням и озерам по западную сторону Херсонской гавани»,²¹ датированная 2 июня 1783 г. и выполненная в том же масштабе, описи Ивана Берсенева охватывает территорию вплоть до Херсонесского маяка, причем на ней отмечены стены, обозначенные как «скотские загоны».

Рукописный «План Ахтиарской гавани»²² описи И. Берсенева 1783 г., с вензелем Екатерины II, под литерой А зафиксировал остатки оборонительных стен Херсонеса. Масштаб 120 саж. в 1 англ. дюйме (1:10 080). Другая «Карта Ахтырской гавани... от мыса Херсонеса до

²⁰ РГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 430, л. 1.

²¹ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 23550 (ВУА. № 23550).

²² Там же, д. 23547 (ВУА. № 23547).

устья р. Бельбека»²³ то же описание выполнено в масштабе 100 саж. в 1 англ. дюйме (1: 8400), размер по рамке 127 × 127 см (рис. 124). Археологическая нагрузка на ней увеличена — более подробно, чем на предыдущих картах, показаны стены и башни «бывшего города Херсона» (под литерой S). На карте поставлена подпись «Федот Клокачев».

Известно, что в 1783 г. для проверки показаний русских летописей и снятия плана Херсонеса Г. А. Потемкин командировал в Ахтиар подполковника Бальдани, который обнаружил на городище остатки древнего водопровода.²⁴ Через несколько месяцев, в феврале—марте 1784 г. командующий сухопутными войсками, расположенными в Крыму и южных губерниях, и флотами в Черном и Каспийском морях генерал-поручик барон И. А. Игельстром распорядился направить офицеров Генерального штаба для описания дорог, мостов, колодцев, фонтанов, деревень и городов, расположенных в Крыму (гл. 8.1). Офицерам вменялось в обязанность учитывать все «достойные внимания здания», составить планы и чертежи, а также сделать описания с «историческими примечаниями здешних стариков и ученых», касающиеся древностей. Полковнику А. М. Селиверстову и дивизион-квартирмейстеру капитану Лютову было поручено исследовать и описать древний Херсонес, Инкерман, греческий монастырь Св. Георгия, Балаклаву, Козлов, церковь Св. Петра и церковь Св. Феодора с составлением «планов и фасадов», а также встреченные по пути дороги, мосты, фонтаны и пр. Ими были составлены описания и планы руин.²⁵

К 1785 г. относится «План в Крымском полуострове Ахтырской гавани с округе лежащим местоположением»²⁶ обер-квартирмейстера подполковника Александра Патрекеева (рис. 125). Масштаб 250 саж. в 1 англ. дюйме (1:21 000), размер листа по рамке 80 × 113 см, без сетки координат, рельеф берега показан отмывкой, даны отметки глубин. О Херсонесе на плане приведен следующий текст: «При устье гавани лежит древний город Херсон; развалины с башнями стен видна как в плане означено; из обложения оных осталось с наружной стороны во все высоту четверть круглой башни под литерою "К", от "К" до "L" как означенной башни, так и стены половина, в коей и ворота проезжие в городе один, близ наугольной башни целы, под литерой "М". В прочем как стены, так и внутри города под литерой "N". Развалины бывшего пустого строения составляют великие бутры белого камня где опунктировано красной краской значит белой камень также от развалин пространного форштата под литерою "O"».

Другой многокрасочный вариант того же плана под названием «Карта в Крымском полуострове Ахтырской гавани с округе лежащим местоположением» составлен в том же масштабе, но не подписан.²⁷ В аналогичной подробной экспликации приводится описание гавани и «местоположения по сторонам оной», морского берега и «пресных вод, означенных на сем плане», руин Инкермана с описанием колодцев, крепости, вездных башен, форштата и татарского поселения у его стен, высеченных в скалах пещер и христианских церквей, развалин Херсонеса под именем «Чурчи, или Херсон». Довольно точно красной краской обозначены стены Херсонеса, развалины почти квадратного здания, вероятно, храма на крайнем северо-востоке городища у моря, насыпной холм в центре. Обозначена деревня Ахтыр, две русские батареи напротив друг друга на северной и южной сторонах рейда, на Гераклеюском полуострове показаны руины «белые камни» обозначены пунктиром не красной, а желтой краской, так как красной нанесены хутора), а также развалины каменных строений в Инкермане. Идентичный текст экспликации содержит третья недатированная и неподписанная «Карта в Крымском полуострове Ахтырской гавани со круг лежащим местоположением. Стены Херсонеса»,²⁸ имеющая масштаб 250 саж. в 1 англ. дюйме (1:21 000), без сетки координат, рельеф берега показан отмывкой, даны отметки глубин. Скорее всего, все три карты были составлены или до основания Севастополя, или в первые годы его существования.

²³ Там же, д. 23551 (ВУА. № 23551).

²⁴ Иванов Е. Э. Херсонес Таврический // ИТУАК. 1912. № 46. С. 161; Бертъ-Делазард А. Л. Древности Южной России. С. 7.

²⁵ ЦГААРК, ф. 802, оп. 1, л. 9, л. 4, 5, 8, 14—15, 21.

²⁶ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 23569 (ВУА. № 23569).

²⁷ НИОР БАН, ф. 35, доп. оп. 1, № 103 (Сборный атлас), карта № 7.

²⁸ Отдел картографии РГБ. Ко 22/VII-5.

К 1785 г. относится гравированная карта окрестностей Севастопольского порта на французском языке — «Les environs du port de Sevastopole levé l'an 1785» О. де Тизенгаузена, с неверно обозначенными стенами Херсонесского городища.²⁹

22 мая 1787 г. императрица Екатерина II в сопровождении большой свиты посетила Инкерманские развалины, затем села в шлюпку и водой добралась до Севастополя. 23 мая вечером, после литургии в каменной церкви св. Чудотворца Николая, она со шлюпки осматривала «пространство Севастопольской гавани и бухт, к югу лежащих», откуда обозревала и руины Херсонеса. На самом городище императрица так и не побывала и уже на следующий день покинула Севастополь.³⁰ В том же году были выбиты серебряные монеты с вензелем Екатерины II и надписью «Царица Херсониса Таврического» (т. е. Крымского полуострова).

Во время путешествия по Тавриде Екатерине II было поднесено сочиненное К. И. Габлицем и оставшееся неизданным историческое описание Крыма вместе с сопровождавшими текст картами и планами.³¹ Еще в 1783 г. князь Г. А. Потемкин поручил натуралисту-путешественнику К. И. Габлицу составить описание Крыма «по всем трем царствам природы», при этом выделив средства для производства топографических съемок (гл. 1). По распоряжению К. И. Габлица была выполнена широко известная со второй половины XX в. топографическая съемка Гераклейского полуострова с нанесением на нее видимой на поверхности сети древних дорог («улиц») и развалин построек, являющаяся важнейшим документом для изучения земледедия античного Херсонеса.

В РГВИА мною обнаружена поллиная съемка 1786 г. — «План развалинам древнего Херсона. С показанием бывших прямых улиц земляною и кварталов красною краскою означенных. Сочинен 1786 года» (рис. 126). Размер по рамке 60х91 см. В нижнем правом углу за рамкой надпись: «Чертил топограф 2 класса Пепелев». В левом нижнем углу, в рамке: «Масштаб к плану в английском дюйме 250 сажень» (1: 21 000).³² На том же плане внутри рамки с правой стороны две врезки: посередине «Карта Таврической губернии, составляющейся из семи уездов. С означением места развалинам древнего Херсона красною краскою. Между городом Севастополем и монастырем Свят. Георгия» (масштаб в английском дюйме 100 верст, т. е. 1:4 200 000); ниже «Ведомость о разстоянии показанного на сем плане урочища близ лежащего города Севастополю, от каждого города Таврической губернии». Рельеф показан розовой и зеленой отмывкой, расшифровка буквенных обозначений отсутствует. Помимо Севастополя, на плане обозначены дорога из Балаклавы в Севастополь, таможня, остатки оборонительных стен Херсонеса, на перешейке у Маячного полуострова «Хутор 2-го ранга капитана Алексанова», ниже «дорога в Балаклаву», монастырь Св. Георгия. Именно этот экземпляр, скорее всего, и был поднесен императрице, так как в правой верхней части плана четко читается подпись — автограф К. И. Габлица.

Габлиц считал, что вся территория Гераклейского полуострова была занята древним Херсонесом. Следы размежевания — линейные каменные кладки — он принял за остатки «прямых и прямо расположенных улиц».

«Найденные по сие время от оного города развалины, — писал К. И. Габлиц, — состоят на юго-западной стороне Таврического полуострова, между Севастопольскою гаванью и Георгиевским мысом, простираясь в длину и ширину на 10 верст [10.67 км], а окружность их составляет около 35 верст [37.34 км]. На всем оном пространстве не осталось уже никаких зданий в целости, но следы от бывших прямых и правильно расположенных улиц еще во многих местах усматриваются. Улицы сии расположены параллельно на один ромб и градусы, от берега моря во внутренность земли, на десять верст в длину [10.67 км]. Между улицами кварталы все единообразно содержат в длину 300 [640.2 м], а в ширину 200 сажень [426.8 м], и судя по великому их пространству, нельзя думать, чтобы они заняты были одним только строением, а уповательно, что между селениями находились и сады, от которых усматриваются еще со стороны моря некоторые остатки, состоящие из небольших кустарников. Все кварталы вообще наполнены кучами земли и камней, повсюду разбросанных; однакож в некоторых оказываются приметны еще следы больших зданий, выстроенных по сторонам улиц, обозначенных на плане под буквою А. Примечания достойна величина тесаных камней, употребленных на сооружение сих зданий и складенных без помощи подмазки, вместо которой употреблены были железные связи, длиною в фут [0.30 м] и более, для коих выдолблены места в

²⁹ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 23575 (ВУА. № 23575).

³⁰ [Храповицкий А. В.] Журнал высочайшего путешествия ее величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы всероссийской, в полуденные страны России, в 1787 году. М., 1787. С. 77—80.

³¹ Е. [Болховитинов Е. А.] О следах древнего греческого города Херсона, донные видимых в Крыму // *Южн. арх.* 1822. Ч. 9. Кн. 22. С. 155—156.

³² РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22741 (ВУА. № 22741).

камня. 33 Здания сии, может быть, служили в свое время общинам водохранилищами; ибо при каждом из оных находится на одной стороне или при входе один или два колодца, землею засыпанные, при трех зданиях, под буквою В означенные. Они были разрыты от 12-ти до 15-ти аршин [8.5—10.6 м], но глубина их оказалась несравненно больше, и стены выложены с низу до верху камнем. Отверстие их весьма узко, но в глубину расширяются они постепенно покатистыми боками. Самые же те здания, при коих колодцы сии находятся, построены равносторонними четверугольниками, коих бока содержат 14 аршин [9.95 м], и стены их имеют удивительную толщину; внутри сделаны они циркулем, или овалом, а снаружи окружены другою еще стеною, которая имеет в длину 33 [23.46 м], а в ширину 27 аршин [19.19 м].

Под буквами С означены площади, на которых приметны также многие следы от бывшего тут строения, но ныне до основания уже разрушенного.

Под буквою D — крепость. Стены, окружающие оную, в иных местах еще целы, а в других развалились. От крепостных ворот простираются к морю две улицы и огромные развалины кучами лежащие, между которыми нередко попадаются кусками изломанные мраморные карнизы и также большие мраморные камни.

Под буквою E означено место, на коем, по простонародному преданию греков, крестился Владимир; но на нем не находится никаких других примет, кроме небольшой ложины, уподобляющейся заваленному колодцу.

Подле крепости, под буквою F, видно по оврагу множество высеченных в камне подземельных пещер, кои внутри поддерживаются столбами.

Под буквою G видно разрушившееся до основания здание, которое окружено было осмиугольною стеною. В одном углу находится в земле отверстие глубиною в 5 аршин [3.55 м]; внутри оного продолжается весьма узкий проход от востока к западу, высеченный в камне, по коему едва одному человеку свободно боком пролезать можно — на 15 сажень [32.01 м] в длину; и прошедши такое расстояние находится колодезь, глубиною в аршин [0.71 м], с чистою пресною водою, которая истекает из оного и, разливаясь по пещере в обе стороны, скрывается неизвестно куда. От колодца сего простираются еще два прохода, один в сторону совсем заваленной, а другой идет вдаль неизвестно на какое расстояние, потому что далее колодца сего исследовать по сие время не найдено удобства. Местоположение оного колодца от города к востоку заставляет думать, что он тот самый, который Владимир Великий при взятии Херсона приказал завалить, и находящиеся подле оного подземные проходы служили, может быть, для проведения воды в город.³⁴

Под буквою H означены два соленые озера, уповательно те же самые, из которых херсонские жители брали соль.

Под буквою I колодезь с пресною водою, глубиною в 4 аршина с половиною [3.19 м]. Из колодца сего нынешние севастопольские жители пользуются водою.³⁵

План 1786 г. с легкой руки А. Л. Бертъе-Делагарда вошел в литературу под названием плана Анания Струкова (Строкова, Струлова, Стрелова).³⁶ В опубликованной в 1822 г. митрополитом Евгением (Болховитиновым) работе К. И. Габлица, являющейся комментарием к плану и раскрывающей его условные обозначения, автор съемки не указан. Митрополит получил карту с описанием от самого автора в 1808 г. и спустя четверть века опубликовал уменьшенную гравюру с плана 1786 г. в «Отечественных записках» П. П. Свиньина.³⁷

³³ Речь идет об остатках античных усадеб, от большинства которых сохранились только башни. См.: *Стржеleckий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического: К истории древнего земледелия в Крыму. Севастополь, 1961. С. 10 (Херсонесский сборник. Вып. 6).

³⁴ Здесь и ниже в описаниях путешественников (П. С. Паллас, П. И. Сумароков, И. М. Муравьев-Апостол, З. А. Аркас) под остатками здания вне стен Херсонеса подразумевается загородный крестообразный храм, исследованный К. К. Косцюшко-Валюжиничем (1902) и О. И. Домбровским (1951, 1953). См.: *Домбровский О. И.* Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса / Публ. В. А. Кутайсова // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 289—318. Табл. ил. XXI (рис. 1—29. С. 403—426).

³⁵ [Габлиц К. И.] Изъяснение плана развалин древнего Херсона // ОЗ. 1822. Ч. 9. Кн. 22. С. 158—163. Вероятно, одним из списков сочинения Габлица располагал и П. И. Сумароков, в 1803 г. описавший «приметы двух городских ворот, ограды из больших камней, несколько к морю сходов, дороги, пролегавшие из крепости, и основание церкви, в которой крестился Владимир, с лестницею под нею к вырытому колодезю. Там означаются площади, к морю пролегают две улицы, видно основание здания, которое окружалось восьмиугольною стеною, с подземным при нем ходом. Спустясь в оное на 5 аршин глубины и пройдя сажень 20 находят колодезь с чистою, пресною водою, которая, разливаясь по пещере, потом неизвестно где пропадает... Во многих местах видны огромные развалины и попадаются мраморные карнизы и камни. [...] Все проеханное мною сюда пространство от Георгиевского монастыря, верст на 10, усеяно правильно расположенными улицами, между коих заключаются равные отделения по 2000 шагов и валяются удивительной величины тесаные камни, с выдолбленными на иных круговинами. Невозможно, чтоб все есть расстояние занимаемо было одним городом; но надлежит думать, что находился тут еще какой-либо другой город, а промежутки их имели на себе сады...». См.: *Сумароков П. И.* Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803. Ч. 1. С. 205—206.

³⁶ *Бертъе-Делагард А. Л.* Древности Южной России. С. 5, 6. Примеч. 3; *Гриневич К. Э.* Сто лет херсонесских раскопок. Севастополь, 1927. С. 11.

³⁷ *Е. [Болховитинов Е. А.]* О следах древнего греческого города Херсона. С. 145—157. Табл. Перепечатана в кн.: Тр. и летописи МОИДР. 1828. Т. 4. Кн. 1. С. 102—115. 130 лет спустя гравюра с планом Габлица-Пепелева переизд. в кн.: *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 38. Рис. 13 (Причерноморье в античную эпоху. Вып. 5). После публикации В. Д. Блаватского этот источник прочно вошел в мировую антиковедческую литературу.

А. Л. Бертье-Делагард располагал факсимиле с какой-то другой рукописной копии плана 1786 г., снятой А. Струковым, которая хранилась в собрании планов и карт Одесского общества истории и древностей.³⁸ Приведенные Бертье-Делагардом неверные сведения об авторстве плана стали перекочевывать из публикации в публикацию. План из архива ООИД считался подлинным, но был утрачен в годы Второй мировой войны. В архивных документах есть упоминание, что подпоручик Ананий Герасимович Струков был назначен таврическим областным землемером лишь 5 февраля 1788 г., т. е. спустя два года после съемки интересующего нас плана, а уже 19 сентября 1788 г. был переведен на должность провиантмейстера Перекопской провиантской комиссии.³⁹ Таким образом, авторство плана, безусловно, принадлежит Пепелеву, а не Струкову. Известно, что в 1792 г. А. Г. Струкову было пожаловано 7500 десятин земли «в очаковской степи».⁴⁰

План 1786 г. выполнен с высокой точностью в масштабе 1:21 000. Площадь съемки более 100 км². Он является первой в европейской науке тематической археолого-топографической картой, на которой отображены остатки античной межевой системы (*кадастра*) на аграрной территории Херсонеса Таврического — греческого периферийного полиса. Карта 1786 г. — прекрасный образец научной документации «блестящего века Екатерины». В ней видна не только рука очень квалифицированного топографа, но и отражение комплексного, экосистемного подхода инициатора съемки Габлица — пространственные объекты природы и старины картографически зафиксированы как единое целое.⁴¹

Еще две уменьшенные и искаженные копии плана 1786 г. для какого-то несостоявшегося издания (в левом верхнем углу каждого экземпляра римскими цифрами проставлен номер таблицы — V) в масштабе 1:63 000 (1,5 версты в 1 дюйме) хранятся в РГАВМФ — «План развалинам древнего Херсониса сочинен 1786 года».⁴² На красочном плане, выполненном на плотной чертежной бумаге размером 27 × 35,5 см без картографической сетки, рельеф показан штрихами, обозначены юго-западная оконечность Крымского полуострова от Севастополя до Балаклавы, «дороги» и «линии бывших кварталов древнего Херсонеса».⁴³

Точность плана 1786 г. была проверена в XX в. топографической съемкой на площади около 200 га между Стрелецкой бухтой и Маячным полуостровом.⁴⁴ Он послужил ученым незаменимым источником для восстановления общего количества клеров, размежеванных по прямоугольной сетке на Гераклеюмском полуострове. Всемирно известным план 1786 г. стал с середины 1950-х гг. и до сих пор постоянно используется современными исследователями как основной и классический источник для изучения пространственной организации полиса и его хори.

В рапорте секунд-майора Григория Баженова к генерал-майору В. С. Попову от 18 июня 1792 г. «с препровождением описей карт» упомянуты следующие картографические материалы о Юго-Западном Крыме: «Крымские [...] 3. План г. Инкерману с ситуациею; 4. План старому Херсонису; 5. План греческого монастыря Георгия; 6. План Балаклавы и при нем изображения гербов, находящихся на башнях балаклавских; [...] 30. Чертежи мостам и фонтанам; [...] 42. План и фасад галерей при Инкермане. 1785 г.; [...] 55. Вид Севастополя..., от- дана в поход 1786 г.; [...] 62. Два плана Севастопольской гавани с промером, снятые 1785 г.,

³⁸ «План развалинам древнего Херсона, с показанием бывших прямых улиц красною краскою означенных. Сочинен 1786 года ноября дня. (Уменьшенный снимок, печатный, того же плана из Сына Отечества 1821 г.)». Цит. по: Бертье-Делагард А. Л. Каталог карт, планов, чертежей, рисунков, хранящихся в музее Имп. Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1888. С. 40. № 84 (поступил от Н. Н. Мурзакевича).

³⁹ ЦГААРК, ф. 377, оп. 1, д. 150, л. 1—1 об.; Ордера князя Потемкина правителю Таврической области за 1788 и 1789 гг. // ИТУАК. 1891. № 13. С. 4.

⁴⁰ Письма правителя Таврической области Василия Васильевича Коховского правителю канцелярии В. С. Попову для доклада его светлости князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 299.

⁴¹ Щеглов А. Н. Первые археологические карты Гераклеюмского полуострова: (К истории археологической топографии) // Проблемы истории отечественной археологии: Тез. докл. конф. СПб., 1993. С. 52; Щеглов А. Н., Тункина И. В. Из истории изучения античного культурного ландшафта в Крыму (конец XVIII—первая половина XX в.) // Традиции российской археологии: Матер. методол. семинара ИИМК РАН. СПб., 1996. С. 27—29.

⁴² РГАВМФ, ф. 1331, оп. 1, д. 191.

⁴³ См.: Описание старинных атласов, карт и планов... С. 131.

⁴⁴ Стрелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. С. 7. Примеч. 2; Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. С. 36—37. Рис. 13.

из оных один подписан по-французски; [...] 72. План местоположению при Севастополе и Балаклаве; [...] Разные [...] 32. Рисунки гербам, копированные в Канцелярии с присланных из Крыма 1785 г.; Книга берегу Черного моря, от Кинбурна до Севастопольской гавани; [...] Крымские [...] 15. План Ахтиарской гавани с промером снятою вокруг берега от устья Черного моря до города Инкермана; [...] 21. Карта лежащих гаваней и заливов и озерам по западную сторону Херсонской гавани».⁴⁵ Таким образом, далеко не все планы, карты, чертежи, виды, снятые в 1770—1790-х гг., оказались просмотрены мною в архивных собраниях России, и новые исследования принесут еще немало ценных находок.

Ряд русских картографических документов эпохи Александра I, зафиксировавших археологические остатки на Гераклеюм полуострове, заслуживает пристального внимания ученых. Среди них поднесенный императору «План Севастопольского порта или Ахтиара. Снимал с натуры мерою и иллюминировал м[и]чман Афанасий де Палдо».⁴⁶ Документ, к сожалению, не датирован, но, вероятно, он относится либо к самому концу XVIII в., либо к первым годам XIX в., так как именно де Палдо является автором рисунка для гравюры «Развалины второго Херсонеса и Карантина», опубликованной в «Досугах крымского судьи» П. И. Сумарокова.⁴⁷ Эту раскрашенную рукописную карту сопровождают три вида: г. Ахтиара, берега Южной бухты, Ахтиарского рейда и Павловского мыса. Размер 59 × 64 (64 × 69) см, ориентировка на запад, без картографической сетки, рельеф показан штриховкой, масштаб 100 саж. в 1 англ. дюйме (1: 8400). В верхней части карты нечетко обозначены руины Херсонеса. Среди карт и планов российской придворной Эрмитажной библиотеки (каталог 1835 г.) в разделе А, № 168 упомянута «Карта Херсонеса Таврического», в разделе С, № 57 четыре листа планов «Севастопольского порта и Ахтиара с тремя видами, снятыми с натуры крымским фортмейстером де Палдо», а также «План Севастопольского порта или Ахтиара с тремя видами: 1. Города Ахтиара, 2. Ахтиарской рейды и 3. Павловского мыса рисованные... на 4-х листах».⁴⁸ Суммарно показаны стены городища и на более позднем «Генеральном плане порта и города Ахтиар с ситуацией»,⁴⁹ составленном 3 ноября 1808 г. в Ахтиаре при инженерной команде в масштабе 1: 8400.

Еще один красочный «Чертеж города Ахтиара с корабельным рейдом, бухтами и около лежащей ситуацией с назначением батарей и укреплений с показанием глубины вод в саженьях»⁵⁰ в масштабе 200 саж. в 1 англ. дюйме (1:16 800) изображает «Развалины Херсонеса» со стенами и двумя башнями, под буквой М — Карантин, Александровскую батарею на южной и Константиновскую батарею на северной стороне, Николаевское укрепление между Артиллерийской и Южной бухтами, город Ахтиар (А — городская церковь во имя св. Николая Чудотворца, В — греческая церковь во имя святых апостолов Петра и Павла), Коллинбаночную (sic!) бухту. Размер листа по рамке 41 × 65 см. План не датирован и не подписан, возможно, он относится к концу павловской эпохи или к началу царствования Александра.

Другой недатированный большой «Чертеж древнего Херсонеса Таврического»⁵¹ (рис. 127) представляет собой черновой результат глазомерной полевой съемки. Само название прямо указывает, что он составлялся целенаправленно как археолого-топографическая карта. Чертеж размером 59 × 81 см выполнен в черно-серых тонах — топографическая сетка, рельеф и археологические объекты нанесены карандашом, название передано черной тушью. На чертеже зафиксированы стены Херсонеса и следы размежевания в ближайших окрестностях города, а также земляная батарея № 10 при входе в Карантинную бухту на ее восточной стороне, что позволяет отнести документ ко времени не ранее 1806—1810 гг., когда батарея была возведена.⁵² Верность предложенной датировки подтверждает чистовой

⁴⁵ ЦГААРК, ф. 535, оп. 1, л. 1933, л. 2—26.

⁴⁶ ОР РНБ, ф. 885 (Эрм. собр.), л. 272.

⁴⁷ Между с. 202—203 на рис. 20 к первой части сочинения «Досуги крымского судьи» приложена гравюра «Развалины второго Херсонеса и Карантин» (с натуры снимал г-н де Палдо, выправлял г-н Сергеев, гравировал В. Иванов).

⁴⁸ АТЗ, ф. 1, оп. I-1835, л. 27, л. 4 об., 30, 32 об.—33, 41 (№ 57).

⁴⁹ РГАВМФ, ф. 1331, оп. 1, л. 208.

⁵⁰ НИОР БАН, ф. 35, доп. оп. 1, № 96.

⁵¹ РГВИА, ф. 349, оп. 41, л. 6130.

⁵² Там же, оп. 2, л. 349, л. 5 об.—7 об., чертеж III.

красочный вариант той же глазомерной съемки под названием «План древней развалившейся с городовым строением крепости Таврического Херсонеса, с показанием облегающей вокруг ситуации на 1 версту. Сочинен в Ахтиаре 1811 года ноября 1 дня» (рис. 128).⁵³ План, выполненный на чертежной бумаге, наклеен на полотно, размер по рамке 54 × 75 см, подписан инженер-полковником Хапоновым, в то время начальником Ахтиарской инженерной команды, ниже указан и автор съемки — «чертил инженер-поручик Симухин». В экспликации к плану отмечены: «А. Развалившаяся Херсонесская крепость с городовым внутри строением; В. Хрепты и развалины каменных стен; С. Земляной окоп; D. Карантин при порте города Ахтиара; E. Укрепление десятое при входе Ахтиарского рейда; F. Колодцы; G. Кладбище. Масштаб к плану в дюйме английский 50 сажень» (1: 4200). Важность чертежа и созданный на его основе карты заключается не только в их историко-археологической ценности, но и в том, что только на них показаны впоследствии уничтоженные и застроенные остатки античного культурного ландшафта в ближайших окрестностях Херсонесского городища, т. е. на территории, которая не была охвачена съемкой 1786 г. Анализ чертежа и карты 1811 г. съемки инженера-поручика Ахтиарской инженерной команды Ивана Симухина,⁵⁴ проведенный А. Н. Щегловым в сопоставлении с современными материалами аэрофотосъемки, показал высокую степень информативности документа для реконструкции херсонесского кадастра на Гераклеяском полуострове.⁵⁵

В докладе государственному канцлеру графу Н. П. Румянцеву по результатам первой поездки в Тавриду в 1819 г. П. И. Кёппен писал: «Граф Видуа, путешествовавший сего лета по Крыму, и отыскивавший преимущественно генуэзские древности, взял с собою план развалин древней крепости Корсунской. Я говорю крепости, ибо следы и остатки стен и поныне приметные близ Севастополя окружают место, имеющее в длину не более 0.5 версты [0.53 км]. Дабы в собственном своем отечестве предупредить графа Видуа, намеревавшегося тотчас по возвращении в Италию напечатать план сей, я привез с собою снятую с одного копия». ⁵⁶ В путевых записках под 15 октября 1819 г. уточнение: «Поутру у полковника Мишо⁵⁷ в Севастополе копировал план развалин Херсонеса с большего еще плана, на коем видны и ряды камней, ближе к Фанари лежащие». ⁵⁸ Копия плана городища сохранилась в бумагах П. И. Кёппена (рис. 129).

Достаточно интересными представляются картографические и видовые материалы, опубликованные в трудах путешественников. Ко второму тому книги путешествия акад. П. С. Палласа по южным провинциям Российского государства приложены следующие гравюры атласа, представляющие несомненный интерес: «Вид порта и города Ахтиара, или точнее Ак-Яра, ныне Севастополя, с военным флотом, вытянутым в линию на рейде, рисованный с Северной косы», где в отдалении видны развалины Херсонеса, а на берегу города, построенного амфитеатром, матросские казармы и вход в малый порт (л. 4), «Древние надписи и медали, из различных мест Крыма», где центральное место занимает знаменитая надпись в честь императора Зенона,⁵⁹ хранившаяся у Габлица, а также серебряная монета из Херсонеса (л. 5) (рис. 2), «Греческий монастырь Св. Георгия» (л. 7), «Балаклавский порт» (л. 9). На вилньетках в тексте книги изображены «План маленького, очень древней крепости на полуострове Фанари,

⁵³ Там же, оп. 37, д. 3574.

⁵⁴ В документах Ахтиарской инженерной команды за 1812 г. Иван Симухин упоминается как командированный в Евпаторию для наблюдения «при построении казарм». См.: РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 4776, л. 12.

⁵⁵ Щеглов А. Н., Тункина И. В. Из истории изучения античного культурного ландшафта... С. 29 (в этой статье автором съемки ошибочно указан Лимудин вместо Симухина).

⁵⁶ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 129.

⁵⁷ Мишо 2-й (Michaud) Людвиг Францевич, флигель-адъютант, инженер-полковник. Младший брат А. Ф. Мишо де Боретур. Потерял правую руку (оторвало ядром) при осаде Торна. Поступил на русскую службу из сардинских войск, в 1809 г. капитан, с февраля 1811 г. в чине подполковника служил при Молдавской армии, в конце 1818 г. в чине полковника назначен командиром инженерной команды в Севастополе. См.: *Фабрициус И. Г.* Столетие Военного министерства, 1802—1902. Главное инженерное управление: Ист. очерк. СПб., 1902. Т. 7. Ч. 1. С. 426. Примеч. 1; Прилож. 6. С. 9; Прилож. 9. С. 31; *Савельев А. И.* Исторический очерк инженерного управления в России. СПб., 1894. Ч. 3. С. 235.

⁵⁸ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 132, л. 7 об.

⁵⁹ *Латыхев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. № 7. С. 7—15.

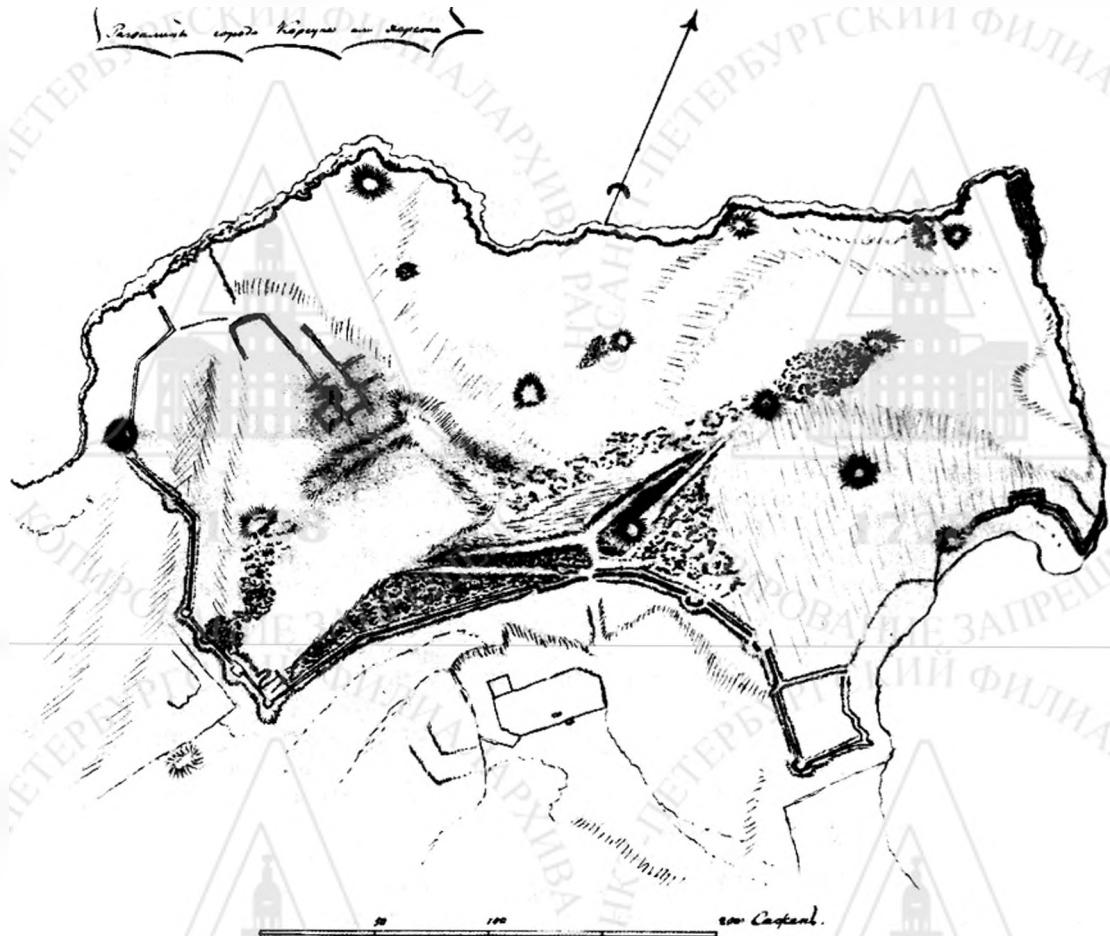

Рис. 129. «Развалины города Корсуна или Херсона». Копия П. И. Кёппена 1819 г. (ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 475, л. 206 об. Публ. впервые).

около развалин древнего Херсонеса» (№ 2, с. 24) и «Белый мрамор с надписью, найденный в Новом Херсонесе» вместе с надписью в честь императора Зенона (№ 3, с. 74).⁶⁰

К сочинению П. И. Сумарокова приложен план Страбонова Херсонеса, снятый в 1803 г.: «Слабые и смешанные признаки древнего или первого Херсониса, еще до Р. Х.».⁶¹ Два картографических документа — «Чертеж Гераклийского полуострова, составленный по описанию Стравона (кн. VII, гл. 4)» и «Чертеж мыса, на коем стоял Херронис, с показанием внутренней города стены как она еще существовала в 1794 и 1820-го» — в сопровождении «изъяснений» опубликовал И. М. Муравьев-Апостол⁶² (последний чертеж был получен путешественником от хранителя Феодосийского музея А. Галлеры).

Как установил А. Н. Щеглов, швейцарский натуралист Ф. Дюбуа де Монпере в начале 1830-х гг. при натурном исследовании Гераклейского полуострова использовал топографическую карту из атласа Е. Манганари, нанесен на нее археологическую нагрузку, выполненную методом глазомерной съемки (рис. 23, 24; 130—133). В письме к П. И. Кёппену от 28 октября 1834 г. Дюбуа де Монпере сообщает, что целый месяц провел в Севастополе в ожидании

⁶⁰ Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801. Bd 2. Atlas (in folio); Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах. М., 1999. С. 217—224 (описание листов гравюр на меди и виньетках, из которых переизданы лишь № 2—3, 5—10; к сожалению, в этом издании воспроизведена лишь одна гравюра — л. 23: татарские и ногайские музыканты).

⁶¹ Сумароков П. И. Досуги крымского судьи. Ч. 2. Рисунок без номера между с. 128—129.

⁶² Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. Чертежи между с. 60—61, 72—73.

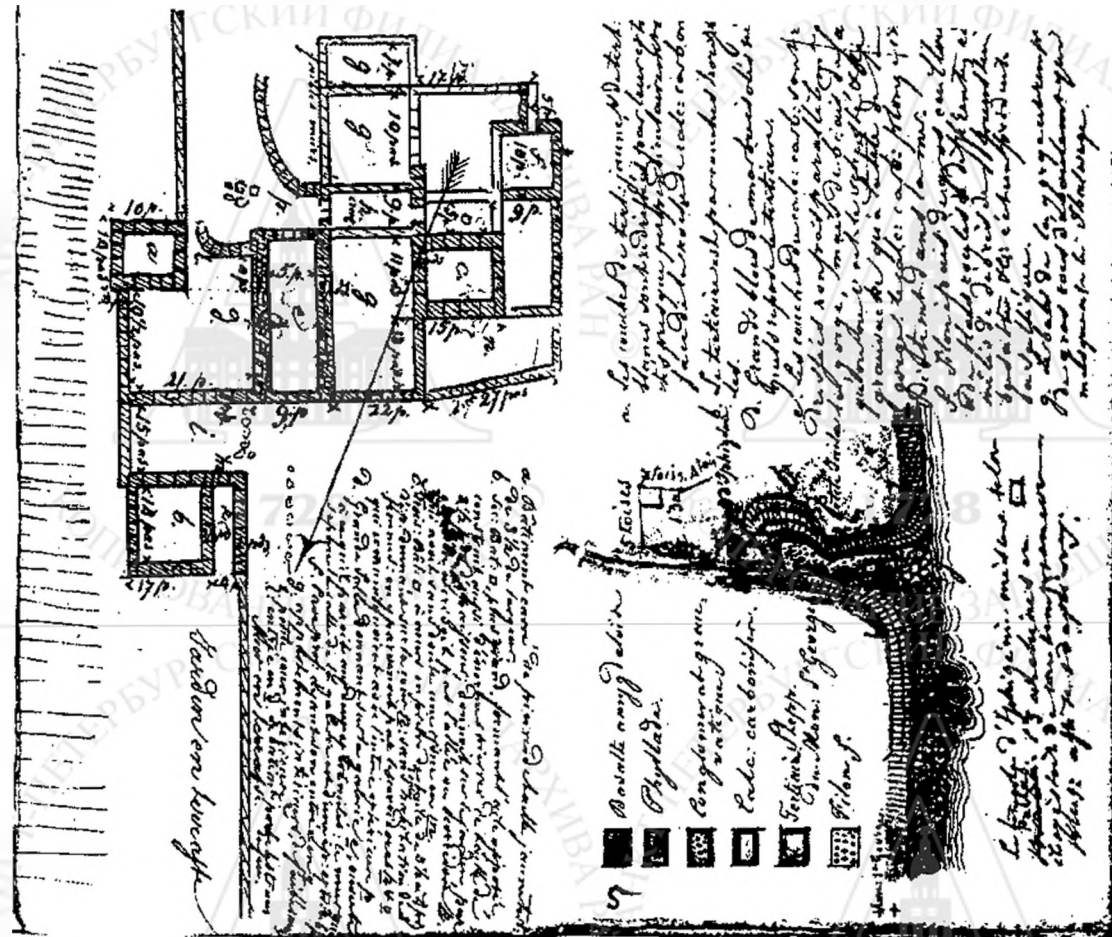

Рис. 131. Ф. Дюбуа де Монпере. Геологическое строение скал у монастыря Св. Георгия на предполагаемом месте храма Ифигении. Зарисовки в путевом дневнике 1833 г. Чернила. Перо (ПФА РАН, ф. 86, оп. 1, д. 4, л. 4 об.—5. Публ. впервые).

ганизацией пространства.⁶⁴ Дневники и графические материалы натуралиста, хранящиеся в Санкт-Петербургском Архиве РАН (рис. 23, 24; 130—133), являются важными фиксирующими документами для понимания хода научной мысли автора и объясняют допущенные им ошибки при формальном наложении дневниковых схем на весьма точную для того времени русскую военно-топографическую основу.

В 1842 г. были изданы черно-белые литографии с видами руин Херсонеса, снятые итальянским художником Карло Боссоли. На 3-м листе изображены руины Херсонеса (рис. 134), на 4-м листе — Георгиевского монастыря (рис. 135). В английском красочном литографированном издании 1856 г. картины имеют более романтический, или скорее даже фантастический, вид. В альбоме помещены виды руин Херсонеса и три вида Инкермана без каких-либо текстовых аннотаций.⁶⁵

8 октября 1853 г. А. С. Уваров, прибывший для проведения раскопок в Севастополь, приступил к съемке плана «всего древнего Херсонеса»,⁶⁶ необходимость составления которого он понял еще в 1843 г. К сожалению, план не был опубликован, хотя с него была выполнена

⁶⁴ Щеглов А. Н. Первые археологические карты Гераклийского полуострова. С. 53.

⁶⁵ Одесское и лондонское издания рисунков Боссоли хранятся в Отделе эстампов РНБ и в библиотеке «Таврица» в КРКМ в Симферополе.

⁶⁶ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, л. 191, л. 20—20 об.

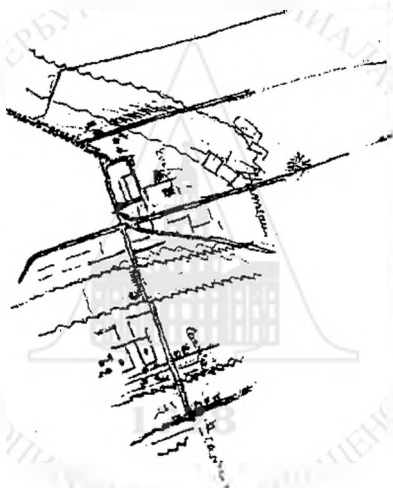

Рис. 133. Ф. Дюбуа де Монпере. Планы античных наделов с обозначением усадеб херсонеситов на части Гераклеяского полуострова. Зарисовки в путевом дневнике, май 1833 г. Чернила. Перо (ПФА РАН, ф. 86, оп. 1, л. 4, л. 21 об.—22. Publ. впервые).

Компилятивны картографические материалы, помещенные в монографии Б. В. Кёне «Исследования об истории и древностях города Херсониса Таврического» (СПб., 1848). На табл. 9 издан «План Гераклеяского полуострова, с означением местоположения древнего и нового Херсонеса, гаваней Ктенус и Символон, и стены, соединявшей их» (с. 3), а на табл. 10 «План г. Херсонеса», восходящие к материалам Дюбуа де Монпере и плану, опубликованному З. А. Аркасом в «Записках» Одесского общества. По тем же источникам были составлены карта «Die Herakleiotische Halbinsel» и «Plan der Stadt Cherronesos nach Dubois und Arkas», опубликованные профессором Ришельевского лицея в Одессе П. В. Беккером.⁷¹ На основе публикаций Э. Д. Кларка и Ф. Дюбуа де Монпере была выполнена карта Гераклеяского полуострова, изданная в известной книге профессора К. Неймана.⁷² В сравнении с трудами К. И. Габлица, П. С. Палласа и Ф. Дюбуа де Монпере эти исследования значительно проигрывают, так как не несут в себе точной информации об археологических реалиях.

Через сто лет после составления карты Габлица—Пепелева (1786), первой специальной археолого-топографической карты Гераклеяского полуострова, в 1886 г. Генеральным штабом

⁷¹ Becker P. Die Herakleiotische Halbinsel in archäologischer Beziehung. Leipzig, 1856. 102 S., 2 Karten.

⁷² Neumann K. Die Hellenen im Skythenlande: Ein Beitrag zur alten Geographie, Ethnographie und Handelsgeschichte. Berlin, 1855. Bd 1. XI, 578 S. Карта «Die Herakleiotische Halbinsel. Nach Clarke und Dubois» помещена между с. 386—387.

Рис. 134. Карло Боссоли. Вид руин Херсонеса. 1842 г. Черно-белая литография.

проводилась новейшая мензульная военно-топографическая съемка Севастополя и его окрестностей в крупном масштабе 250 саж. в 1 англ. дюйме (1:21 000). Знаток археологических памятников Крыма А. Л. Бертъе-Делагард попросил топографа Тяпина, которому была поручена съемка двух планшетов в западной части Гераклейского полуострова, нанести на топооснову все видимые на поверхности следы древних стен, валов и других руин. В результате была создана уникальная археолого-топографическая карта части античного кадастра (межевой системы) Херсонеса. Она была сделана не археологом-профессионалом, а топографом, поэтому, на взгляд А. Л. Бертъе-Делагарда, требовала проверки, детализации и исправления специалистом.⁷³

Карта 1886 г. была издана Генштабом и сначала продавалась свободно, но вскоре получила гриф «секретно». В феврале 1888 г. Военно-топографический отдел Главного штаба Военного министерства представил в Имп. Археологическую комиссию с грифом «для служебного пользования» секретную «фотографическую копию в масштабе 50 сажень в дюйме [1: 4200] с прошлогодней съемки, произведенной на месте древнего Херсонеса» и «два западных листа (ряды 6 и 3, лист 1) из верстовой съемки [1:42 000] окрестностей Севастополя 1886 г.», на которых «впервые проложены на плане древние границы земельных участков, сохранившиеся на местности в виде развалившихся каменных стенок, образующих в одну сторону уступы до 0.4—0.9 сажени [0.85—1.92 м], а в другую до 0.1—0.3 сажени [0.21—0.64 м]. На плане эти стенки изображены рядами штрихов, расположенными перпендикулярно друг другу». Много лет спустя, 12 января 1911 г. Р. Х. Лёпер под расписку принял эти три листа планов «для Херсонесского склада».⁷⁴

⁷³ Подробнее см.: Стрелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. С. 15; Щеглов А. Н. Основные структурные элементы... С. 16.

⁷⁴ РА ИИМК, ф. 1-1887, д. 22, л. 47—48. По утверждению А. Н. Щеглова, в 1960-х гг. эти листы были украдены из Херсонесского музея.

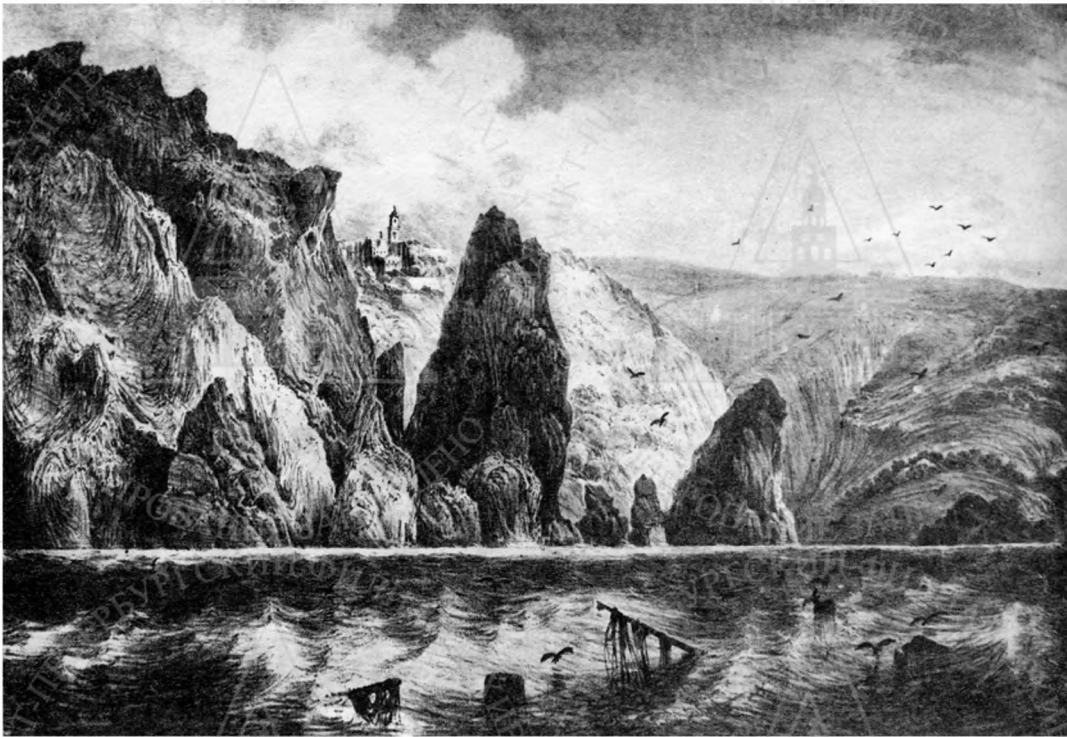

Рис. 135. Карло Боссоли. Вид Георгиевского монастыря с моря. 1842 г. Черно-белая литография.

Один из экземпляров печатного «Плана Севастополя и его окрестностей» (1886) с рукописными карандашными дополнениями от руки (рис. 136, 137) хранится в РГВИА.⁷⁵ Он состоит из нескольких не равных по величине листов (ряды I и II), размеры по рамке соответственно 111 × 132 см и 88 × 111 см, рельеф в горизонталях. Под правым листом (ряд I) со съемкой города Севастополя и его окрестностей к востоку помещено разъяснение: «Снимали в 1886 г. классный военный топограф титулярные советники Зун и Андреев. Чертили: титулярные советники Зун и Филимонов, коллежский секретарь Александров. Горизонтальное сечение через 2 сажени [4.26 м]», под левым листом (ряд II) со съемкой Гераклеяского полуострова и городища Херсонеса — «снимал и чертил с 1 октября по 1 ноября 1886 г. классный топограф титулярный советник Тяпин. Горизонтальны проведены через 2 сажени [4.26 м] по высоте». Именно на левой стороне карты присутствует фиксация остатков древнего землеустройства, в том числе на Маячном полуострове; напротив, на остальной части Гераклеяского полуострова остатки древности отмечены неравномерно, что говорит об их интенсивном разрушении на протяжении сотни лет. При последующих изданиях съемки 1886 г. она была уменьшена в два раза (в М 1:42 000), а археологическая нагрузка была с карты удалена.

Во второй половине XIX в. интересы науки стояли далеко в стороне от региональных и ландшафтных исследований.⁷⁶ На фоне совершенствования русской картографии и топографии⁷⁷ с середины XIX в. произошло резкое снижение уровня и качества археологической топографии, что отразило общее состояние русской археологической науки в этот период.⁷⁸

⁷⁵ РГВИА, ф. 418, оп. 1, л. 748.

⁷⁶ Щеглов А. Н., Тункина И. В. Из истории изучения античного культурного ландшафта... С. 30—31.

⁷⁷ См., например: Тотлебен Э. Описание обороны Севастополя. СПб., 1863 (с атласом планов).

⁷⁸ Щеглов А. Н. Первые археологические карты Гераклеяского полуострова. С. 53.

Интенсивная специализация научных дисциплин и развитие самостоятельных субдисциплин археологии во второй половине XIX в. привели к потере теснейших связей ученых-историков с представителями естественных наук, что безусловно отрицательно сказалось на результатах исследований единой и уникальной по сохранности археологической структуры на Гераклейском полуострове, остатки которой к настоящему времени практически полностью уничтожены.⁷⁹

Лишь в начале XX в., после раскопок и разведок артиллерийского офицера Н. М. Печенина на Маячном полуострове (1910—1911), открывших редчайшую по сохранности херсонесскую межевую систему IV в. до н. э., будущий академик М. И. Ростовцев показал значимость этого открытия для античной археологии всего средиземноморско-причерноморского ареала и наметил программу дальнейших исследований в области изучения устройства территории (хоры) греческих полисов.⁸⁰ В 1920-х гг. работы по изучению сельскохозяйственной округи Херсонеса были продолжены *Лаврентием Алексеевичем Моисеевым* (1882—1946).

Л. А. Моисеев — археолог, гидрогеолог, мелиоратор; член-сотрудник РАО (1915). Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, участник раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии. М. И. Ростовцев в письме к Ф. И. Успенскому от 4 декабря 1911 г. среди кандидатов на заведование раскопками Русского археологического института в Константинополе в Болгарии «нынешним летом» в числе «приближающихся если не к идеалу, то к среднему уровню европейских исследователей» (А. А. Миллер, К. В. Хилинский, фон Стрик) называет и Моисеева — «давнийшний сотрудник Б. В. Фармаковского по Ольвии, технику раскопок и классические вещи знающий хорошо. Он никак не может сдать экзаменов (магистерских — И. Т.), так как плохо знает древние языки. Недостаток его и тот, что доисторической археологией он не занимался».⁸¹ В итоге РАИК пригласил на раскопки ученика М. И. Ростовцева поляка К. В. Хилинского. Впоследствии Моисеев — член Археологической комиссии — РАИМК — ГАИМК, заведующий раскопками Херсонеса (1915—1924), затем сотрудник разряда греко-римского искусства ГАИМК, в 1920-х гг. — заместитель председателя Севастопольского отделения Российского общества по изучению Крыма; в 1929—1931 гг. проводил раскопки в Северо-Западном Крыму (Керкинитиды, Калос Лимен, Кульчукское городище). По непроверенным сообщениям (А. Н. Щеглов, А. С. Голенцов), в начале 1930-х гг. арестован по доносу К. Э. Гриневича (формальный повод — нарушение в финансовой отчетности по экспедиции), вернулся из заключения и ссылки после окончания Второй мировой войны, поселился в Ялте, где и умер. В последний период жизни прекратил занятия наукой. Архив исследователя хранится в Ялтинском краеведческом музее.

Л. А. Моисеев первым сверил съемку 1786 г., картографические материалы из атласа Дюбуа де Монпере и карту Тяпина 1886 г. с реальными археологическими памятниками для составления генеральной археологической карты Гераклейского полуострова (1927—1929). Именно Л. А. Моисееву, а не С. Ф. Стржелецкому, как принято считать в современной историографии, принадлежит честь открытия и фиксации классической стандартной земельной площади на херсонесской хоре величиной в 26,5 га. Автор съемки 1786 г., по проверке Моисеева, правильно указал размеры «кварталов» между улицами, т. е. земельные наделы и ограничивающие их дороги — 200 × 300 саж. (420 × 630 м), что полностью совпало с промеренными им размерами клеров на Гераклейском полуострове.⁸²

Моисеев первым распространил свои поиски на территорию всего Крыма, в том числе Северо-Западного, Южного, вплоть до Судака, и Восточного, в окрестности Феодосии. Об этом свидетельствует неопубликованная «Общая сводка работ Л. А. Моисеева по ГАИМК» от 18 января 1929 г.⁸³ По поручению разряда греко-римского искусства ГАИМК целью его исследования стали изучение и реконструкция «древних гидротехнических сооружений на Гераклейском полуострове», с применением «раскопок и точной инструментальной съемки, с нивелировкой всей поверхности, а также отдельных сооружений». Работы, носившие комплексный, междисциплинарный характер, проводились с участием гидротехника из Геологического комитета, субсидировавшего их в части гидрогеологических изысканий, а также совместно с Обществом по изучению Крыма по разделам «природоведения». Из-за обширности обследованной территории масштабы проведенных раскопок оказались незначительными. Так, летом 1927 г. Л. А. Моисеев занимался съемочно-разведывательными работами на Гераклейском полуострове: «Ориентировочными точками при съемке служили высоты 90,6, 87,3,

⁷⁹ Щеглов А. Н. Основные структурные элементы... С. 11, 13.

⁸⁰ Там же. С. 12.

⁸¹ ПФА РАН, ф. 116, оп. 2, д. 316, л. 7—8 об.

⁸² Подробнее см.: Стржелецкий С. Ф. Клery Херсонеса Таврического. С. 10; Щеглов А. Н., Тункина И. В. Из истории изучения античного культурного ландшафта... С. 31.

⁸³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. 6307, оп. 11-1928, д. 74, л. 1—6.

89,8 с проверкой их на высоту 84,7 (высоты взяты по полуверстной карте 1886 г.) и на шпигли Херсонесского маяка и колоколни бывшего Георгиевского монастыря. [...] В районе четырех квадратных километров было замерено и зафиксировано положение 15 вилл-хуторов с оградой и различными полевыми сооружениями, а также 86 группирующихся между ними курганов из щебня и земли [...]. В 1927—1928 гг. на основе исследований 1927 г. Л. А. Моисеевым были составлены: «1) генеральная археологическая карта части Гераклеийского полуострова большого масштаба — 1 км равняется 23,4 см. Памятники наносились поверх горизонтальных делений, проведенных через каждое четвертое, 268 м (2 сажени); 2) карта профилей и разрезов к № 1; 3) план крупного масштаба, с профилями, одной из вилл-хуторов основного типа в современном виде, без раскопок ее. На общем плане она значится под № 1. Масштаб 1 м = 2 см; 4) общая карта Гераклеийского полуострова с делением его на участки дренами (карта составлена по Дюбуа де Монпере с проверкой направления линий дрен)». При изучении памятников Гераклеийского полуострова проводилось наблюдение «конденсаторных куч и дрен, в различное время года и особенно в период выпадения атмосферных осадков (паводка) и летней засухи», а также наблюдения за температурой почвы.

В октябре 1927 г. Л. А. Моисеев «ознакомился... с существующими в районе Судак—Феодосии древними ирригационными сооружениями и установил их почти тождественную близость с изучаемыми сооружениями на Гераклеийском полуострове», а в мае 1928 г. впервые обследовал «старую систему водоснабжения Бахчисарая (ханских времен) и ближайших к нему пещерных городов (Качи-Кальна и др.), в пределах которых... искал также и следов древней культуры винограда, являющегося на основании данных моей (Моисеева. — И. Т.) работы с III в. до н. э. основной культурой растений Гераклеийского полуострова». Зимой 1927/28 г. ученый обследовал богатейшие фонды Севастопольской морской библиотеки и материалы городских архивов, где «разыскал давно интересовавшие меня (Моисеева. — И. Т.) проекты старинных севастопольских городских водопроводов 30-х и 80-х гг. прошлого века, последний из которых принадлежал А. Л. Бертье-Делагарду. Оба автора проектов, не зная того, предлагали использовать источники и пути следования водопроводов, питавших Херсонес в древности. Об этой линии водопровода, идущего в сторону Херсонеса из Сарандинаковой и Юхариной балок, я уже сообщал в своей работе...».⁸⁴ По итогам исследований Моисеевым был сделан вывод «о близости принципов и техники крымских ирригационных сооружений с такими же в Греции и на Ближнем Востоке», сформулированный в неопубликованном докладе «Водное хозяйство Крыма и Ближний Восток», рукопись которого была направлена в ГАИМК.

Работая над темой «О типе хуторов, проблеме земельных наделов и общей экономической политике древнего Херсонеса» Л. А. Моисеев опирался не только на результаты собственных раскопок в окрестностях Херсонеса и Евпатории, но и на анализ эпиграфических документов (ИРЕ, I², 40, 403, 418). Сложность этой темы, на его взгляд, состояла в том, что «херсонесские виллы-хутора на Гераклеийском полуострове, как и их наделы, в массе несут на себе следы тысячелетних наслоений. Правда, среди них и сейчас уже выделяется наиболее древний, основной тип хутора, например, на мой взгляд, вилла № 1, план и разрезы которой сделаны... благодаря работам Гераклеийской экспедиции. Помогают в этом и основные линии древнего дренажа, делящие полуостров на участки, доминирующие над более поздними делениями полуострова, и отрезающие собой площади размером в 25—26 десятин, что

⁸⁴ Моисеев Л. А. 1) Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклеийском полуострове // Зап. Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. 1926. Т. 9. С. 115—122; 2) Мелиорация и водоснабжение древнего Херсонеса // Бюл. Конф. археологов СССР в Керчи. 1926. № 6. С. 3.

Инженеры николаевской эпохи прекрасно осознавали, что они используют те же места для прокладки водопровода, что и в древности. В 1827 г. император поручил инженеру С. П. Уptonу и инспектору штурманов М. Б. Берку провести воду из 5 источников, находившихся на возвышенности к югу от города близ Балаклавской дороги. Наиболее отдаленный источник находился на расстоянии 8,5 верст от Севастополя. Вода из 5 источников поступала в цистерну, сооруженную на возвышенности 269 фут. над уровнем моря, и по глиняным трубам, через «казенный публичный сад», поступала в другую цистерну. При сооружении канала для водопровода были найдены «несколько труб, лежащих по дороге к развалинам Херсонеса, в которых между разными вешами, недавно открытыми в земле, отсыскана линия таких же труб, имеющих направление к источникам, а по сему очевидно, что они самые источники снабжали водою многочисленных жителей славного Херсониса». См.: Описание севастопольского водопровода // ОВ. 1828. 21 марта. № 23. С. 94—95.

является половиной царского участка τεμενος βασιλέων, определенного Иллидой (II. IX, 578 и след.) в 50 десятин. На границе или в середине таких участков и находятся обычно... хуторские постройки керсонеситов с «башнями». Таким образом, разделение Гераклеяского полуострова дренами (валообразными насыпями из щебня) на отдельные хуторские хозяйства, вероятно первоначально не делимые на более мелкие единицы, приближают их к κλῆροι Спарты и Крита. Перенадел этих участков, особенно заметный в ближайших к Керсонесу-городу местах, произошел, вероятно, под влиянием определенных политико-экономических факторов не ранее III в. до н. э., как это и отмечается надписью в честь Агасиклета». К сожалению, выполненные Л. А. Моисеевым съемки керсонесского кадастра, материалы его разведок в районе Судака—Феодосия, приведшие к открытию остатков древнего землеустройства в этом районе Крыма, исчезли после ареста ученого и разыскать их пока не удалось. Последователи Моисеева, в частности С. Ф. Стржецкий, в полной мере воспользовавшиеся результатами его studies, даже не сочли нужным сослаться на репрессированного ученого.

В заключение необходимо подчеркнуть, что археологической карты Гераклеяского полуострова на современной крупномасштабной топооснове не существует до сих пор.⁸⁵

12.2. АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГЕРАКЛЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА В КОНЦЕ XVIII—СЕРЕДИНЕ XIX В.⁸⁶

Одно из первых описаний руин Керсонеса принадлежало Мартину Броневскому, послу польского короля Стефана Батория к крымскому хану, посетившему эти места в 1578 г. Он застал здесь картину запустения и разрушения некогда величественного города: «Достоинные удивления развалины явно свидетельствуют, что здесь некогда был величественный, богатый, славный и многолюдный город, с отличной пристанью. У самого берега, пристани, а также во всю ширину перешейка от одного берега моря до другого еще и теперь возвышается высокая стена, многочисленные и большие башни из огромных тесаных камней. У самых стен города видны водопроводы, которые ведут воду за четыре мили от города. В них и теперь еще есть очень чистая вода [...]. Сохранившиеся стены и башни обнаруживают удивительное искусство. Царский дворец с огромными стенами, башнями и великолепными воротами виден в той же части перешейка. Но прекрасные колонны из мрамора и серпантина (мраморовидного известняка. — И. Т.), места которых и теперь еще видны изнутри, и огромные камни были взяты турками и перевезены за море для их собственных домов и публичных зданий. Оттого город пришел в еще большее разрушение: не видно даже и следов ни храмов, ни зданий. Дома лежат во прахе и сравнены с землею. Большой греческий монастырь остался в городе. Стены его храма еще стоят, но без кровли, а все украшения этого здания разрушены и разграблены».⁸⁷ Согласно Броневскому, еще турки и татары начали растаскивать мраморы, тесаный камень и другие строительные остатки, но положение усугубилось, когда рядом с городищем Керсонеса стал строиться русский порт Севастополь.

На месте татарской деревушки Ахтиар (Белый утес), состоявшей из 9 мазанок и располагавшейся в небольшой балке на северной стороне рейда в трех верстах (3,2 км) от Инкермана, с 1783 г. начали возводить русскую военно-морскую крепость и порт, который 10 февраля 1784 г. по инициативе Г. А. Потемкина и указу Екатерины II получил греческое название Севастополь («высокий, священный город», «величественный город», «город славы».)⁸⁸ Указом Павла I в ноябре 1797 г. ему вернули первоначальное татарское название, а в 1802 г. с

⁸⁵ Щеглов А. Н. Первые археологические карты Гераклеяского полуострова. С. 53.

⁸⁶ История раскопок Керсонеса и его окрестности освещена в следующих публикациях: Якушкинский Х. П. Очерк археологических разведок и исследований в области Керсонеса Таврического // ИТУАК. 1888. № 5. С. 106—114; Бертье-Делагард А. Л. Древности Южной России; Бобринский А. А. Керсонес Таврический. СПб., 1905; Иванова Е. Э. Керсонес Таврический; Гриневич К. Э. Сто лет керсонесского раскопок; Белов Г. Д. Керсонес Таврический. Л., 1948. С. 12—16; Яковсон А. Л. Раннесредневековый Керсонес // МИА. 1959. № 63. С. 8—15; Стржецкий С. Ф. Клеры Керсонеса Таврического. С. 7—8; Романчук А. И. Керсонес XII—XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986. С. 10—20; Немировский А. И. Нить Ариадны. Воронеж, 1989. С. 141—191.

⁸⁷ Броневский М. Описание Крыма (Tartaria descriptio) // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 341—342.

⁸⁸ Головачев В. Ф. История Севастополя... С. 37; Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья... С. 174.

воцарением Александра I город вновь получил официальное имя Севастополь (Ахтиаром называли часть города, «проектированную» на восточной стороне Южной бухты, и татарское имя продолжало бытовать еще четверть века). Николай I весной 1826 г. издал специальный указ, «чтобы город Севастополь не именовать впредь Ахтиаром, а всегда Севастополем». В 1804 г. он был объявлен главным военным портом Черноморского флота.⁸⁹

Первые русские упоминания руин Херсонеса относятся к периоду еще до присоединения Крыма к России (1783). В 1771 г. командующий галерным флотом граф И. Г. Чернышев приказал вице-адмиралу А. Н. Сенявину, создателю Азовской флотилии, произвести «изыскания» о крымских древностях, но всецело поглощенный заботами о строительстве флота и гидрографическими работами на Черном и Азовском морях последний ответил отпиской: «Я призывал г-ну капитан-лейтенанту Баскакову, по случаю его отправления в здешние места, о том постараться, который по приезде объявил, что нигде ничего достойного примечания не нашел».⁹⁰ В поенной записке о путешествии по Тавриде главнокомандующего русской армии князя В. М. Долгорукова под 19 июля 1773 г. запись: «Должно было ехать между архыярской пристани и развалин древнего гор. Инкермана. Остатки высоких стен, окружавшие пространную площадь, и вне оных великое множество домов. [...] С другой стороны, подле гавани лежат вправо небольшая греческая деревня Ахыр через гавань... Бахьяра Херсонес, древнейший во всем Крыму город, основанный во время еще монархии персидской и знаменитый по крещению в нем великого князя российского Владимира. Развалившиеся стены с высокими башнями показывают четвероугольную его фигуру, и как время не дозволило ехать к оному, тогда пользовались только зрением на него чрез гавань верст за пять».⁹¹

Вскоре после присоединения Крыма к России, весной 1784 г. вице-адмирал Ф. А. Клокачев прибыл с эскадрой в Южную бухту. В том же году князь Г. А. Потемкин лично осмотрел все бухты севастопольского рейда и указал место для возведения крепости Севастополя, которая должна была стать главной в Крыму. Незадолго до этого он предписал инженер-подполковнику Н. И. Корсакову «прileжно осмотреть» места для возведения крепостей в Тавриде и представить необходимые проекты и сметы. В описании Корсакова упомянуты развалины Инкермана и Херсонеса: «Ближайший... к Севастополю залив есть Херсонесский, получивший себе звание от города Херсона, где надобно думать, что наш великий князь Владимир воспринял святое крещение. Развалины сего города и поныне видны на западном берегу сего залива, который был его пристанью».⁹²

По ордеру Г. А. Потемкина с 1784 г. началось строительство жилых строений и складов, причем уже готовый отесанный камень в основном брали из развалин Херсонеса и его окрестностей, позднее его начали добывать в Инкермане.⁹³ В своем труде «Физическое описание Таврической области» К. И. Габлиц упоминает об удобстве использования при строительстве инкерманского известняка, который можно легко тесать и пилить, «как то и видно по находящимся большим плитам одного между развалинами древнего Херсона, недалеко оттуда отстоящим».⁹⁴ К местам строительства камни из Херсонеса подвозили на судах.

В декабре 1783 г. контр-адмирал Ф. Ф. Мекензи писал графу И. Г. Чернышеву: «Будучи здесь, я нашел в разных местах, поблизости здешнего берега несколько лодок татарских после ушедших татар — сняв оные починил и вооружил; четыре, кои поднимают не менее пятнадцати бочек с водою, сделали нам великую выгоду, как для возки воды на фрегаты, так и камней из старого Херсона». Четыре грузовые лодки, по подсчетам В. Ф. Головачева, могли перевозить до трех тысяч пудов (49,14 т) камня.⁹⁵ Известно и распоряжение А. В. Суворова от

⁸⁹ Головачев В. Ф. История Севастополя... С. 87, 195; Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Одесса, 1838. Ч. 2: 1796—1823. С. 8 и след. См. также трехтомный рукописный труд А. Майера «Севастополь — крепость I класса» (1852), включающий статистические и военно-топографические сведения: ГАРФ, ф. 672 (Николай I), оп. 1, д. 120—122.

⁹⁰ Головачев В. Ф. История Севастополя... С. 23—24.

⁹¹ ЦГААРК, ф. 535, оп. 1, д. 845, л. 5—5 об.

⁹² Дубровин Н. Ф. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. 1774—1788 гг. СПб., 1893. С. 121—122, 124, 126 (Сборник военно-исторических материалов. Вып. 6).

⁹³ Тимофенко В. И. Города Северного Причерноморья... С. 174.

⁹⁴ [Габлиц К. И.] Физическое описание Таврической области по ее местоположению, и по всем трем царствам природы. СПб., 1785. С. 22.

⁹⁵ Головачев В. Ф. История Севастополя... С. 77—78, 84.

1794 г. о производстве работ для возведения «предполагаемых к защите Севастопольской гавани» северных укреплений. С целью транспортировки камней им было выделено 5—6 баркасов до тех пор, пока «доставятся свои лодки», и 80 пар волов для сухопутной перевозки груза.⁹⁶ Таким образом, документально подтверждаются утверждения многих путешественников конца XVIII—начала XIX в., что руины Херсонеса использовались в качестве каменоломен для строительства нового Севастополя.

Обратимся к истории археологического изучения Херсонеса и его окрестностей.

Первое правильно понятое описание древностей Херсонеса и остатков античного культурного ландшафта на Гераклеяском полуострове было сделано натуралистами К. И. Габлицем и его учителем П. С. Палласом во время его природных обследований.⁹⁷ Труд первого, к сожалению, остался неопубликованным. Очевидно, что П. С. Паллас был знаком и с рукописью этой работы, и с планом 1786 г. съемки Пепелева, созданным по инициативе К. И. Габлица, в доме которого в Симферополе он провел зиму 1793/94 г. Описания Палласа, уточняемые им в течение 10 лет в период его проживания в Крыму, имеют непреходящую ценность как уникальных документ, зафиксировавший сведения об уже несуществующих памятниках.

Объезды «классических» земель Юго-Западного Крыма, начатые в марте 1794 г., Паллас совершал с седьмой книгой «Географии» Страбона в руках, считая, что древний географ соблюдал удивительную точность в описании Северного Причерноморья, особенно Тавриды. Результаты его наблюдений опубликованы во втором томе путешествия по Южной России, написанном в русле характерного для эпохи Просвещения представления о всеобщей целесообразности в природе. После подробного физического и топографического описания Гераклеяского полуострова автор переходит к детальной характеристике представших перед его взором древностей. Он фиксирует остатки стены, замыкавшей Гераклеяский полуостров между Балаклавой и Ахтиарской бухтой, и фундаментов четырехугольных и круглых башен, из которых большая часть отесанных камней была увезена в Балаклаву и соседнюю деревню Кадикой. Затем Паллас останавливает свое внимание на следах линейных каменных кладок, построенных для ограждения полей, и остатках зданий у скалы, ошибочно называемой им Айя-Бурун (см. гл. 12.4).⁹⁸

Академик пришел к выводу, что древнейший Херсонес Страбона находился на Маячном полуострове (Фанари), где в то время размещался хутор контр-адмирала А. П. Алексиано. Он подробно описывает оборонительные стены, башни, ворота, подчеркивая, что все постройки сложены из камней насухо; приводит размеры и направления стен «внутренних прямоугольников» (наделов) и параллельных стен. Вблизи моря Паллас обнаружил несколько фундаментов строений, из которых большая часть камня оказалась вывезенной. Обследованные им остатки маяка, возведенного, по его мнению, либо жителями Нового Херсонеса, либо генуэзцами, были построены из гладко отесанного камня на извести, с «красивой дверью», перекрытой полуциркулярной аркадой.⁹⁹

Руины Нового Херсонеса на берегу Карантинной бухты, неоднократно посещавшиеся Палласом начиная с 1794 г., постепенно растаскивались жителями Севастополя: «При занятии Крыма еще были видны большей частью его стены, построенные из прекрасного штучного камня; красивые городские ворота и значительная часть двух больших башен, из коих одна — у самой бухты, виденная мною в 1794 г., — еще в изрядном виде; но построение города Ахтиара закончилось разорением этого древнего города. Прекрасный штучный камень выбрали даже из фундаментов для постройки домов, не озаботившись или не полюбостыжась сделать план города или нарисовать хотя бы его набросок...».¹⁰⁰ Последний тезис опровергает только один перечень карт, помещенный в начале главы. На то, что в данном случае Паллас несправедлив, обратил внимание еще А. Л. Бертье-Делагард.¹⁰¹

Паллас приводит описания случайно найденных древностей и замечает, что на городище нередко обнаруживают серебряные и медные монеты Гордиана, Аврелиана, Аврелия, Конс-

⁹⁶ РГВИА, ф. 349, оп. 2, д. 394, л. 57—60 об.

⁹⁷ Pallas P. S. Bemerkungen... S. 54—93; Паллас П. С. Наблюдения... С. 36—54.

⁹⁸ Pallas P. S. Bemerkungen... S. 54—61; Паллас П. С. Наблюдения... С. 40—45.

⁹⁹ Pallas P. S. Bemerkungen... S. 67—72; Паллас П. С. Наблюдения... С. 45—46.

¹⁰⁰ Pallas P. S. Bemerkungen... S. 73; Паллас П. С. Наблюдения... С. 47.

¹⁰¹ Бертье-Делагард А. Л. Древности Южной России. С. 1—3, 5—7.

тантина, Августа, византийские медные с изображением якоря (рис. 2);¹⁰² золотые монеты, напротив, встречаются очень редко. У вице-адмирала С. А. Пустошкина он осматрел коринфскую капитель серо-белого мрамора высотой $\frac{4}{4}$ на $\frac{3}{4}$ в диаметре.

Натуралист призывал начать раскопки на городище, прежде всего «в большом мусорном холме», при условии, что при проведении работ ничего не будет похищено и не попадет в невежественные руки. «Ныне невозможно узнать и различить план бывших улиц и домов после вывоза камней и полного разрушения... от бывших позднейших раскопок». Вокруг города Паллас обнаружил многочисленные склепы, вырубленные в окрестных известняковых горах, а на расстоянии менее версты (1.06 км) от стен — разрушенное восьмиугольное здание с колодцем, где текла чистая вода, с двумя «проходами», принадлежащими древнему водопроводу.¹⁰³ В этом описании нетрудно узнать загородный крестообразный храм Херсонеса.¹⁰⁴

Южнее городища, между Балаклавской дорогой, хуторами адмирала С. А. Пустошкина и адмирала Ф. Ф. Ушакова, примерно в 8 верстах (8.5 км) от мыса Фанари, в 9 верстах (9.6 км) от Ахтиара и не более чем в 1.5 верстах (1.6 км) от Георгиевского монастыря, в долине с обильными источниками, Паллас осматрел развалины укрепленных античных усадеб и фундаменты «прямоугольников оградных стен», т. е. плантажных стен на древних виноградниках, которые местами возвышались до двух аршин (1.42 м). Некоторые оборонительные башни усадеб еще имели два-три, а иногда и четыре ряда крупных блоков, один над другим. У хуторов Пустошкина и Зухарина Паллас обнаружил древнюю известняковую каменоломню.¹⁰⁵

Выводы Палласа о функциональном назначении отдельных памятников оказали огромное влияние на всю последующую научную литературу. Его авторитет был настолько велик, что И. М. Муравьев-Апостол, четверть века спустя посетивший Севастополь, отмечал: «Повторять то, что писал Паллас и лишнее и бесполезно, потому что если никто лучше его не наблюдал, то конечно лучше его никто и не опишет».¹⁰⁶

Путешественники конца XVIII—середины XIX в. единодушно в заключении, что ничто так не способствует разрушению древнего города, как строительство возле него нового, что и случилось с руинами Херсонеса. Ф. Дюбуа де Монпере с пафосом писал, что «первый день Севастополя был последним днем Херсонеса».¹⁰⁷ «Многие остатки древних сооружений, видимые некоторыми людьми, с которыми я беседовала, — вспоминала англичанка М. Гатри, — в течение последних двадцати лет были поглощены...».¹⁰⁸ П. И. Сумароков еще в 1799 г. описывал разьежающие фуры, непрерывно перевозящие в Ахтиар камень. «Я видел в крепости, — писал он, — нечаянно вырытой в недавнем времени большой белой мрамора камень, имеющий в длину 2 аршина [1.42 м], и по 13 вершков [57.7 см] в высоту, равно толстоту; также другой сего поменьше и несколько поврежденной с еллинскими надписями. Господин вице-адмирал Вильсон показывал мне на своем дворе в Ахтиаре найденный там же в 1794 г. белой мраморной камень длиною 1.5 аршина [1.06 м], шириною 1 аршин 2 вершка [79.9 см], и 6 вершков [26.6 см] толстоты, на котором в восьми кружках высечены слова (ΙΡΕ, Ι², 418. — И. Т.)..., а под оным находилось 3 стертые монеты. Еще камень мраморной же хранится в городской греческой церкви (надгробие Феагена и Ульпии римского времени с рельефным изображением супругов, ΙΡΕ, Ι², 453. — И. Т.). [...] Много таковых старинных редкостей вычерпано из Херсониса. Сколько вывезено из него колонн, карнизов, мрамора, когда появившийся Ахтиар пришел к нему в соседство... В нем всякое построение до последнего камня сооружено из материалов херсонисских, и там видны в некоторых домах закладенные в лестницах куски отменного мрамора».¹⁰⁹ Те же лапидарные памятники (ΙΡΕ, Ι², 418, 453), несколько найденных

¹⁰² Эти монеты принадлежат к херсонесскому чекану конца XII—XIII в. См.: Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 121.

¹⁰³ Pallas P. S. Bemerkungen... S. 74—76; Паллас П. С. Наблюдения... С. 48.

¹⁰⁴ Домбровский О. И. Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса. С. 291.

¹⁰⁵ Pallas P. S. Bemerkungen... S. 76—79; Паллас П. С. Наблюдения... С. 49.

¹⁰⁶ Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. С. 45.

¹⁰⁷ Dibois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie, en Crimée. Paris, 1843. Vol. 6. P. 155.

¹⁰⁸ Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795—1796, through the Taurida. London, 1802. P. 96.

¹⁰⁹ Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. М., 1800. С. 121—122. Практически цитатный повтор части этого описания см. в анонимном труде: Десятидневная поездка на южный берег Крыма. Одесса, 1848. С. 28—29.

им самим монет, а также херсонесские древности из коллекции П. К. Сухтелен в Петербурге¹¹⁰ были изданы Л. Вакселем, путешествовавшим по югу России в 1797—1798 гг.

Во многом пристрастный к России и русским английский профессор Э. Д. Кларк побывал в Крыму в 1800 г., спасаясь от преследований со стороны императора Павла I. С нескрываемым презрением к «славянским варварам» он рассказывал, что строители Севастополя взрывали фундаменты зданий, грабили могилы, разрушали храмы и перевозили из Херсонеса в Ахтиар огромные массы камня, которые продавали по кубическим сажням в качестве обыкновенного строительного материала. Особо Кларк возмущался тем, что известный военный гидрограф, капитан-командор И. И. Биллингс, несостоявшийся зять акад. П. С. Палласа, уже будучи с 1799 г. в отставке, не разрешил Кларку как иностранцу приобрести мраморное надгробие Феагена (IPE, I², 453), ссылаясь на возможное недовольство со стороны Павла I. Это надгробие описали еще П. С. Паллас и Л. Ваксель.¹¹¹ Вскоре камень украсил стену напротив главного портала православной церкви в Севастополе. Кларк осмотрел место находки надгробия — фамильный склеп с трупоположениями, вырубленный в скале вне стен Херсонеса, рядом с которым размещалось еще несколько подобных склепов; входы в них закрывали большие камни. То же место некрополя позднее осмотрел Дюбуа де Монпере; оно находилось в конце большого «бульвара», далеко простиравшегося перед городскими воротами Херсонеса к вершине перешейки.¹¹²

Городище у Карантинной бухты Кларк отождествил с упомянутым Страбоном Евпаторием (Strabo., VII, 4, 7), а укрепление на полуострове Фанари — со Старым Херсонесом. Путешественник описал некрополь, размещавшийся «в правильном порядке» на восточной стороне Карантинной бухты, под стенами крепости. На юге, на возвышенности в одной версте (1.06 км) за мысом, его внимание привлек большой «курган».

Кларк скопировал текст надписи в честь императора Зенона,¹¹³ хранившейся у Габлица, а в доме адмирала Роберта Вильсона осмотрел «стертую» надпись на мраморе «на дорийском диалекте», а именно постамент статуи Агасикла III в. до н. э. (IPE, I², 418), найденный на глубине трех футов (0.91 м), который ранее описали П. И. Сумароков и Л. Ваксель. Вместе с П. С. Палласом Кларк совершил экскурсию вдоль Балаклавского берега до мыса Фанари — крайней юго-западной точки Крыма, где они осмотрели руины Старого Херсонеса Страбона на Маячном полуострове. Опытный глаз Палласа легко распознавал строительные остатки стен, улиц, фундаментов построек, отмечал фрагменты керамики, черепицы, водопроводных труб. Целый день они работали над глазомерным планом — Паллас отмерял все размеры стен и фундаментов шагами.¹¹⁴ План был опубликован Палласом в виде виньетки.¹¹⁵ В первом, английском, издании путешествия Кларка издана его схема.¹¹⁶

П. И. Сумароков во время первой поездки по Крыму в 1799 г. локализовал древний Херсонес на руинах городища у Карантинной бухты.¹¹⁷ Однако в следующей своей книге он присоединился к точке зрения П. С. Палласа. А на полуострове Фанари тогда находился хутор вдовы вице-адмирала Александро: «Я вижу... довольно обширную поверхность с явными знаками существовавшего тут поселения. [...] Попирая ногами ничтожность..., я открывал тут некоторые стенки, длинные ряды из камней, на самом же мысу, как утверждают, находился фар, или освященный маяк для мореходцев».¹¹⁸

¹¹⁰ Ваксель Л. Изображения разных памятников древности, найденных на берегах Черного моря, принадлежащих Российской империи, снятые с подлинников в 1797 и 1798 годах. СПб., 1801. № 3—5, 28—38; Waxel L. 1) Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la Mer Noire appartenans à l'Empire de Russie, dessinées d'après les originaux en 1797 et 1798. Berlin. 1803. № 3—5, 28—38; 2) Suite du recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la Mer Noire appartenans à l'Empire de Russie, comprenant des decouvertes faites depuis l'année 1798. Berlin, [1805]. № 44, 52—54.

¹¹¹ В 1846 г. стела перевезена в Эрмитаж. Характеристика скульптурных изображений см.: Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909. S. 61—62. Taf. XXIV.

¹¹² Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 6. P. 169.

¹¹³ Впервые опублик.: Pallas P. S. Bemerkungen... S. 74. Taf. II; подробную библиографию см.: Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. № 7. С. 7—15.

¹¹⁴ Clarke E. D. Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie. Paris, 1812. Vol. 2. P. 210. См. также карту на с. 98.

¹¹⁵ Pallas P. S. Bemerkungen... Bd 2. S. 24 (виньетка 2); Паллас П. С. Наблюдения... С. 219, 220 (виньетка 2).

¹¹⁶ Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Cambridge, 1810. Vol. 1. P. 566—567.

¹¹⁷ Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму... С. 116.

¹¹⁸ Сумароков П. И. Досуги крымского судьи. Ч. 1. С. 198, 200.

Вот описание городища Нового Херсонеса и его окрестностей на 1799 г., которое оставил П. И. Сумароков:

«Крепость онаго, простиравшаяся в иных местах более версты [1.06 км] в длину и почти везде в полверсты [0.53 км] в ширину, ограждалась высокими каменными стенами, кои, судя по торчащим ныне их отломкам, имели до 12 [8.5 м] в высоту и до 7 аршин [4.97 м] в толщину. Они сделаны были из нетесаного камня, соединенного какою-то поливкой, которая, смешиваясь с разными раковинами, крупным песком и камушками, придавала такую твердость своей связи, что... оную до сих пор едва разломить, а стены повредить удобно... Внутри оной, как видно, находились двое ворот, несколько вниз к морю сходов, довольно церквей и домов; притом приметны дороги, пролежавшие вне крепости. Там показывают развалины ц. Св. Василия, в которой вел. кн. Владимир... озарил себя таинством спасительного крещения. Приводят на то место, где стоял Дианин храм [...]. Подле самых городских стен довольно обширные места огорожены превеличайшими камнями и приметны многие признаки строений; почему безошибочно заключить можно, что тут начиналось предместье города. Неподалеку также отсюда видны основания большой церкви, под которою каменная лестница приводит к колодезю, где вода поднесь не совсем иссякла. Гора у бухты, протягивающаяся от моря с правой стороны, представляет внутри себя целую высеченную в каменном слое многие комнаты с окнами, дверьми и широкими скамьями... По берегу моря с другого конца крепости лежат беспрерывно почти до самой Балаклавы дикие тесаные и необделанные камни, означающие собою прямые длинные улицы. Некоторые утверждают, что все это расстояние находилось под городом; но сие совсем невероятно, во-первых, потому, что Херсонис не мог занимать столь великой обширности; во-вторых, что знаков строений тут открывается мало, а наконец разделения те длинными протяжениями ясным служит доказательством, что на тех местах были их сады, и улицы делали проезд из оных. Сие заключение тем более подходит к истине, что существующие поныне на Крымском полуострове города и селения распространяют таким же образом на несколько верст по полям свои сады, и полагают в них такие же из камня разграничения».

На хуторе адмирала Ф. Ф. Ушакова в 5 верстах (5.3 км) от Херсонеса Сумароков увидел «лежащие в двух местах превеличайшие камни», служившие «основанием какому-нибудь огромному зданию».¹¹⁹

Почти все путешественники писали о случайных находках монет на городище Херсонеса и в его окрестностях. М. Гатри отметила находки древнегреческих и римских монет: «Я... видела чудную золотую медаль... Филиппа Македонского, вырытую в развалинах Херсонеса и купленную у нашедшего его солдата за 2 р., даже не за 20-ю часть ее стоимости. Трактровка головы на лицевой стороне изящная, но торжественная колесница и кони на обратной стороне... достоинством скорее ниже. Под изображением колесницы имя его на греческом языке».¹²⁰

В начале XIX в. сбором нумизматической коллекции на развалинах полуострова занимался доктор Богдан Павлович Гиртиус (Гирциус), который в 1806—1807 гг. поднес императору Александру I 71 греческую и 47 римских монет из разных металлов.¹²¹ В 1806 г. он же пожертвовал 106 древнегреческих монет и редкостей из Херсонеса в Минц-кабинет Харьковского университета.¹²² Большую коллекцию монет и других древностей собрали братья Е. П.¹²³ и И. П. Псомасы (рис. 138). В 1806 г. один из братьев, вероятно близкий знакомый Е. Е. Кёлера, «дворянин ионической республики» И. П. Псомас поднес Александру I 118 экземпляров древнегреческих монет, поступивших в Эрмитаж.¹²⁴ После смерти генерал-майора Е. П. Псомаса, в августе 1840 г. Одесское общество просило своего корреспондента в Севастополе А. В. Самойлова разузнать о возможности приобретения этого собрания.¹²⁵ В 1821 г.

¹¹⁹ Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму... С. 116—119, 120.

¹²⁰ Guthrie M. A Tour... P. 101.

¹²¹ АГЭ, ф. 1, оп. I-1806, д. 4, л. 1; оп. I-1807, д. 3, л. 1.

¹²² Редин Е. К. Музей изящных искусств и древностей Имп. Харьковского университета (1805—1905). Харьков, 1904. С. 8.

¹²³ Псомас (Psomas) Егор Петрович (1768—1840), капитан над Севастопольским портом. Происходил из венецианских дворян, в 1786 г. определен кадетом в Корпус чужестранных единоверцев, в 1790 г. произведен в гардемарины, в 1791 г. в мичманы Черноморского флота. Участник русско-турецких войн конца XVIII—начала XIX вв., с 1809 г. капитан-лейтенант, в 1811—1816 гг. исполняющий должность капитана над Севастопольским портом, с 1816 г. капитан 2-го ранга в должности капитана над Севастопольским портом, с 1823 г. капитан 1-го ранга, в 1825 г. по болезни оставил командование портом, в 1826 г. назначен презумом в комиссиях призового и для свидетельства лиц и материалов, доставляемых в Севастополь из других портов, с 1828 г. начальник флотского училища в Севастополе, в 1829 г. после смерти вице-адмирала Мессера назначен исполняющим должность директора Севастопольского порта с оставлением директором училища и презумом, с 1832 г. генерал-майор, с 1833 г. председатель Комитета по устройству в Севастополе сухих доков. В 1836 г. уволен от должности директора порта. См.: Записки ученого комитета Морского министерства. 1842. Ч. 16. С. 410—413; ОМС. СПб., 1890. Ч. 4: К—С. С. 620—622.

¹²⁴ АГЭ, ф. 1, оп. I-1806, д. 2, л. 1.

¹²⁵ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 20, л. 24—24 об.

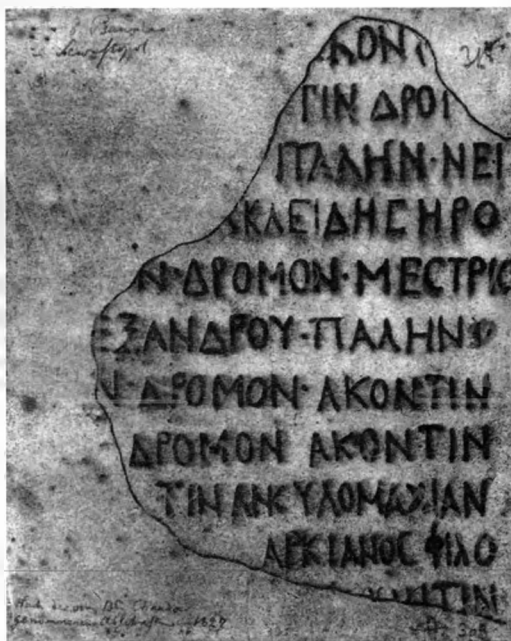

Рис. 138. Херсонесская надпись (IRE, I², 435) из собрания И. П. Псомаса, копия которой была получена П. И. Кёппеном от барона С. И. де Шодуара. 1827 г. Впервые издана И. П. Бларамбергом: ОВ. 1830. № 29 (ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 475, л. 315).

Кёлер ознакомился с коллекцией монет, собранной карантинным доктором Е. И. Экком. П. П. Свинын упоминает о собраниях древностей кузнечного мастера Иванова и Гельбиха: у первого хранились херсонесские капители и барельеф с изображением агнца (проданы в Депо карт в Николаеве), у второго — несколько капителей и пьедестал.¹²⁶

В августе 1804 г. Севастополь впервые посетил Е. Е. Кёлер. В вопросе о местоположении древнейшего Херсонеса Страбона Кёлер придерживался мнения Палласа.¹²⁷ Из Севастополя ученый писал главному командиру Черноморского флота И. И. де Траверсе: «...Я смог провести исследования в местности, которая мне кажется одной из самых примечательных и, может быть, содержит наиболее ценные древности. Это мыс Фанари около Ахтиара, где находился древний город Херсонес, который уже во времена Страбона был в развалинах. В окрестностях Ахтиара много копали (курсив мой. — И. Т.), но Фанари никогда не трогали». Кёлер просил Траверсе обратиться к вице-адмиралу Пустошкину, чтобы он выделил 10—15 матросов для проведения раскопок на Маячном полуострове в течение одной-двух недель, после возвращения его из поездки на Тамань в начале сентября.¹²⁸

Из записок о древностях Тавриды известен перечень памятников в окрестностях Севастополя, виденных Кёлером в 1804 г. и подлежащих охране. Это «остатки древнего укрепления при бывшем городе Гераклеа-Херсонесе неподалеку от залива Фанари», «остатки древнего здания близ Георгиевского монастыря», ворота при Ахтиаре, «древний генуэзский маяк на мысе Фанари» и развалины греческого города Херсонеса.¹²⁹

Вторично побывав в Севастополе в июле—августе 1821 г., акад. Е. Е. Кёлер поразились масштабам происшедших перемен на городище Херсонеса. «...От развалин, которые я посетил 16 лет тому назад, — писал он в дневнике, — осталась едва сотая часть... Не видно и следа

¹²⁶ Свинын П. П. Обзорение путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 г., относительно археологии // ОЗ. 1826. Ч. 26. Кн. 72. С. 117.

¹²⁷ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1820, д. 1, л. 12.

¹²⁸ РГАВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 22, л. 86—87 об.

¹²⁹ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1820, д. 1, л. 12—14 об., 24—32.

древних построек. Единственное, что сохранилось, — это большой кусок высокой стены. Способ, которым она была построена, — хуже некуда. Все состоит сверху донизу, как изнутри, так и снаружи, сплошь из некрупных обломков расположенных по соседству известняковых гор; обломки эти совершенно не обработаны и смешаны с большим количеством цемента и мелких камней. Какой-то хаос беспорядочно нагроможденных камней. Такими же были и имевшиеся здесь раньше остальные развалины, с той разницей, что 16 лет тому назад здесь еще оставались очень большие обработанные камни и несколько весьма крупных мраморных плыв, которые теперь исчезли». Кёлер описывает размеры обследованных им усадеб и направление стен фанелов на северном побережье Гераклейского полуострова вдоль бухт, начиная от мыса Фанари вплоть до городища Херсонеса. Он правильно понял, что широкие параллельные стены служили разделителями полей.

Осматривая северную сторону Севастопольского рейда, которая не привлекала внимание путешественников, Кёлер записал: «Вся эта местность, охваченная с двух сторон водой, с юга гаванью, с запада Черным морем, некогда была в значительной части заселена, что можно было определить по следам фундаментов древних построек и погребений, имевшимся ранее, то есть примерно еще лет двадцать тому назад. Но с тех пор все камни, использованные при возведении общественных зданий, жилья для солдат, казарм и домов в современной крепости, ушли в каменную кладку, и размеры древнего города теперь невозможно определить, хотя бы предположительно. Я убежден, что именно здесь некогда находился древний город Евпатория. А то, что тут никогда не находили древних монет самой Евпатории, объясняется тем, что этот город, как и многие другие, расположенные вблизи больших и богатых городов, сами собственных монет не чеканили. Зато здесь раньше было найдено очень много монет города Херсонеса; такого рода находки случаются и поныне».

Там же, на «втором мысу обрывистой бухты» у дороги в Бахчисарай, где когда-то стояла пришедшая в запустение батарея, по словам Псомаса, хозяином разбитого здесь сада были найдены две дорические из сероватого мрамора колонны с поперечными кругами, высотой с человеческий рост, и ряд других архитектурных остатков, вероятно от храма. Владелец обнаружил колонны на глубине двух саженей (4.2 м) от поверхности земли, убедившись, что пол храма располагался выше уровня моря больше, чем на сажень (2.1 м). Колонны «по незнанию» были одним из офицеров распилены на три части и перевезены в Севастополь. Псомас показал Кёлеру и место расположения кургана, при раскопках которого был обнаружен каменный ящик с крышкой в виде двускатной крыши, внутри которого был найден скелет и несколько сосудов.¹³⁰ Подобного типа захоронения относятся к эллинистической эпохе.¹³¹

Свидетельства Кёлера об утилитарном отношении к остаткам древности властей и жителей Севастополя подтверждаются документами. В этом отношении показательны письмо таврического гражданского губернатора (1803—1807) Д. Б. Мертваго к министру внутренних дел А. Б. Куракину от 23 мая 1807 г. о земле, принадлежащей г. Севастополю, где об Инкермане говорится, что «древние генуэзские жилища, во внутрь горы устроенные, обращены в пороховые магазины». О Гераклейском полуострове, на котором стали активно обустривать хутора и дачи, здесь сказано: «...пространство от Георгиевского монастыря к Севастополю, где по берегу моря на расстоянии более 20 верст [21.34 км] продолжают развалины, о многолюдном древнем Херсонесе объявляющие, должно принадлежать военному начальству... Заведение хуторов действительно полезно. Трудями чиновников и не малым их иждивением по очищению от развалин обработанная земля и насаждениями украшенная, по справедливости должна им принадлежать».¹³²

П. И. Кёппен впервые посетил Юго-Западный Крым в октябре 1819 г. Как и его именины предшественники Паллас и Кёлер, Кёппен считал, что Херсонес Страбона занимал весь теперешний Маячный полуостров, а позднейший Херсонес находился в пределах Корсунской крепости у Карантинной бухты. Функциональное назначение памятников Гераклейского полуострова он интерпретировал неправильно: «Через Балаклаву прибыл я в монастырь Св. Геор-

¹³⁰ ОР РНБ, Нем. Q IV, № 181, л. 251 об., 253.

¹³¹ Археология УССР. Киев, 1986. Т. 2. С. 349.

¹³² ГАНО, ф. 230, оп. 1, д. 12, л. 42—46 об. См. также л. 48—78: роспись земель, Севастополю принадлежащих (с именами владельцев); л. 228 (земли у Инкермана). В том же деле представлены интересные документы по истории Греческого пехотного батальона в Балаклаве.

гия и отсюда уж следовал берегом до самого Фанарского мыса. Все, что Паллас говорит о местах сих... доказывает точность, с каковою наблюдатель сей делал свои замечания. На половинной дороге уж встречаются следы древних жилищ корсунских, которые занимают почти весь Тракийский или Гераклеийский Херсонес (полуостров) сей. Близ нынешнего маяка и поныне видно основание прежнего (вероятно, генуэзского) маяка. Но трудно сказать, чему приписать должно ряды камней, изображенные уже Сумароковым в своих "Досутах". Паллас полагает, что это были улины и места, где находились дворы, но почему же оные нередко вдруг пересекаются. Полагать, что здесь колонисты имели сады свои и участки земли, нельзя, ибо пространства, камнями выложенные, очень необширны; думать, что камни сложены рядами в новейшие времена для того, чтобы между ними пахаты землю, также нельзя, ибо тогда были бы все они прибраны с полей, а ныне и между рядами сими находим разбросанные камни. На пути от Фанарского мыса к Севастополю, следуя северным берегом сего полуострова, много мест кругом обложенных камнем; но круги сии малы, и Паллас чуть ли не ошибается, почитая оные остатками гробниц. Если бы они стояли по краям рядов, то современники наши могли бы подумать, что это следы малых караульных бudoк, в коих от непогоды укрывались часовые: но сего думать невозможно; их случается и по несколько вместе».¹³³

Проезжая из монастыря к маяку Фанари, Кёппен осмотрел «ворота и следы прежних зданий, о коих упоминает Паллас (II, 55 и 56)». Рисунок «первого здания по оставшимся ныне следам» приведен в его путевом дневнике под 12 октября 1819 г.¹³⁴ Два дня спустя, 14 октября П. И. Кёппен осматривал развалины древнего Херсонеса (Корсуны). В его путевых записках сохранились рисунок и описание древнего водопровода, прослеженного им в двух местах — на западе от карантина внутри крепостных стен и на юго-западе от карантина вне крепости.¹³⁵

И. А. Стемпковский различал два Херсонеса — новый, собственно городище на берегу Карантинной бухты, и второй, упомянутый Страбоном и находящийся в нескольких верстах от первого. Он писал о необходимости исследовать остатки Старого Херсонеса, описанные Палласом и Кларком, и проверить сведения путешественников. «Вольный город Херсонес, — писал Стемпковский, — обладал издревле всем полуостровом, образуемым с одной стороны Севастопольскою рейдою, а с другой Балаклавскою гаванью: сие то пространство называет Страбон малым Херсонисом, по сравнению с большим или Таврическим полуостровом, нынешним Крымом. Перешеек был защищен рвом и стеною с башнями, простиравшимися от гавани Ктеноса до гавани Символов, нынешней Балаклавской. Надлежало бы, руководствуясь описанием Страбона, сделать некоторые исследования относительно древней топографии сей части Крыма, доселе еще необъясненной. Никак нельзя согласиться с теми, которые, следуя мнению ученого Габлица, полагают, что все пространство между Севастополем и Балаклавой было занимаемо городом Херсонисом; в сем случае город сей был бы равен Риму, Парижу или Лондону, чего отнюдь предполагать невозможно». Стемпковский верно определил, что развалины на Гераклеийском полуострове представляют собой остатки сельских жилищ херсонеситов, а прямоугольные кварталы, образуемые руинами стен, «показывают не следы прежних улиц города, но пределы садов или полей, разным гражданам принадлежавших, между коими проходили дороги».¹³⁶

Другой точки зрения придерживался основатель Никитского ботанического сада Х. Х. Стевен, мнение которого приведено в записках П. И. Кёппена: «...ряды сих камней сложены токмо земледельцами, которые пахали тут землю, и что там ряды чаще, где земля каменнее».¹³⁷ Митрополит Евгений (Болховитинов) не согласился с интерпретацией дорог на Гераклеийском полуострове как остатков улиц древнего Херсонеса — «линии пробучены плитным и щебневатым камнем глубоко в землю и не имеют на себе остатков гольшевого камня, обыкновенно нужного для прочности мостовых; при том слишком размерная правильность кварталов едва ли употреблялась в древних городах». Митрополит полагал, что они сделаны «не для улиц, а для предохранения всего косогора, под сим городом лежавшего, от промыву поверхности

¹³³ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 129, л. 27 об.—28.

¹³⁴ Там же, д. 132, л. 5.

¹³⁵ Там же, л. 6 об.—7.

¹³⁶ Стемпковский И. А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // ОЗ. 1827. Ч. 29. Кн. 81. С. 59—62.

¹³⁷ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 132, л. 7 об.

и подземною водою, и тем самым для прочности всех зданий в кварталах». ¹³⁸ Таким образом, Е. Болховитинов первым высказал предположение об ирригационном назначении памятников Гераклеяского полуострова. ¹³⁹

Посетивший в 1825 г. Севастополь, издатель «Отечественных записок» П. П. Свиньин «с большою точностью» поверил на местности недавно опубликованный план Габлица, «весьма много уже с тех пор изменившийся, но который, вероятно, надолго останется в нынешнем его положении... К сожалению, осталось уже весьма мало признаков наружных стен, а фундаменты состоят из столь огромных масс, что и увозить их трудно». Свиньин согласился с указанным Габлицем местом храма, где крестился князь Владимир, но «насчет прямых линий, на которые разделено или разбито все сие пространство квадратами длиною в 300 и шириною в 200 сажен, и кои, по словам его, составляли улицы, я противного мнения». На городище его внимание привлекли «отверстия в пещеры, выложенные камнем: не служили ли они местом погребения херсонцам-язычникам? Если покопаться в них хорошенько, то, может быть, и найдутся какие-нибудь свидетельства моего предположения; ибо мне сказывали, что лет тому за тридцать вытащили из одной таковой пещеры мраморный саркофаг. Вообще я полагаю, что прилежное рассмотрение куч, наваленных во многих местах по кварталам, а тем более раскрытие подземных сводов, во множестве здесь находящихся, доставит еще множество драгоценных свидетельств древней и готической Корсуни, понеже и доселе, после всякого дождя, выходят наружу разного рода монеты: греческие, римские, босфорские и херсонесские, и нередко падаются куски мрамора. Любопытна также лестница, выдолбленная в каменном берегу Стрелецкой бухты, составлявшей часть херсонского порта, для схода к морю. Веки не могли ее истребить». ¹⁴⁰

Краткое описание руин Херсонеса и Гераклеяского полуострова оставил в своих путевых записках писатель и дипломат А. С. Грибоедов, посетивший Севастополь в июле 1825 г. ¹⁴¹ Цитируя летопись Нестора, он представляет себе картину взятия города князем Владимиром. Во время прогулок по окрестностям городища Грибоедов обратил внимание на поля, разделенные «на клетки» каменными основаниями. «Не здесь ли... херсонеситы жилали на дачах...? — задается вопросом автор. — Впрочем, я ужасный варвар на счет этих безмолвных свидетелей былых времен; не позволяю себе догадок». ¹⁴² В путевых записках писателя представлены рисунки каменных блоков и стен усадеб и даже приведены их размеры.

Осенью 1825 г. в Севастополь приехал архимандрит братства мхитаристов и викарий армянской католической церкви Тавриды Минас Бжешкян. Он описал находившиеся в православной церкви надгробие Феагена, «могильную плиту с латинской надписью о владении генуэзцами этим краем», «статую в одежде», надгробие со стертой греческой надписью, а также «восхитительной работы белый камень с изображением головы Сократа» и надпись в честь императора Зенона, хранившиеся в каком-то частном собрании. Викарий осмотрел античные монеты Херсонеса трех типов: квадрига—воин с монограммой Ф, Аполлон—Артемиды с ланью, Артемиды с ланью—бодающийся бык с надписью ΕΛΕΥΘΕΡΙΑ, а также херсонскую монету византийской эпохи с крестом и якорем на аверсе и буквами ΡΧ на реверсе. ¹⁴³

Описывая городище Херсонеса, М. Бжешкян насчитал 9 углов в оборонительной стене и отметил места ворот со стороны моря и суши. На правой стороне входа в маленькую бухту был виден выдававшийся в море скалистый мыс, куда приставали суда и где сохранились остатки большой башни. По сведениям викария, при раскопках большого насыпного холма в центре городища постоянно выкапывали мраморные колонны, большие тесаные камни, плиты и пр. Рядом лежала большая отесанная глыба, служащая «алтарной трапезой или постаментом языческого божества». На западной стороне крепости у входа в бухту сохранилась большая башня с уходящей в сторону юга толстой оборонительной стеной, связанной цементом. Со стороны суши путешественник обратил внимание на «окопы»; на южной стороне городища оказались другая башня и остатки крепостных ворот с проложенной к ним дорогой. За кре-

¹³⁸ Е. [Болховитинов Е. А.] О следах древнего греческого города Херсона. С. 156—157.

¹³⁹ Стрелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. С. 10.

¹⁴⁰ Свиньин П. П. Обзорение путешествия... С. 113—114, 116—117.

¹⁴¹ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. Пг., 1917. Т. 1. С. 77—79.

¹⁴² Там же. С. 79.

¹⁴³ КРКМ, КП-23130, Д-8830, л. 52, 60—60 об.

постыпными стенами лежали камни и громадные плиты от построек, образующих предместье. В восточной части города размещались обширные сады и винограды, подземелье и фундамент башни для защиты восточных ворот. По обоим берегам бухты тянулась крепостная стена. На северной оконечности крепости на холме стояла большая башня округлой формы с окном; по обеим сторонам этого холма проходила как бы двумя руками стена по направлению к Северной бухте. Восточная стена тоже достигала оконечности бухты и доходила до западной стороны крепости, вплоть до Карантина. В 150 саженях (320 м) к северо-западу были видны следы древних построек с пещерами, а ближе к морю фундаменты стен, выложенные камнем углубления, вероятно входы в склепы.¹⁴⁴

Первые известные по литературе раскопки городища Херсонеса были проведены в 1827 г. А. А. Формозов поставил вопрос об их авторе — по его мнению, это был не Крузе, упоминаемый большинством исследователей, а М. Б. Берх, в то время директор азовских и черноморских маяков.¹⁴⁵

А. А. Бобринский был единственным дореволюционным автором, связывавшим М. Б. Берха с раскопками Херсонеса, однако точной даты работ он назвать не смог и привел две — 1824 г. и 1827 г.¹⁴⁶ Этот запутанный вопрос проясняется при внимательном изучении архивных материалов и статей в русской периодической печати 1820-х гг.

В марте 1825 г. П. И. Кёппен в издаваемой им газете «Библиографические листы» поместил сообщение о находке в 1824 г. капитаном 2-го ранга Берхом на развалинах Херсонеса мраморной надгробия II—III вв. н. э. трубача XI Клавдиева легиона Аврелия Сальвиана с латинской надписью (IPE, I², 551). Еще через несколько месяцев в той же газете была напечатана статья И. А. Стемпковского о новых археологических открытиях 1824 г. в Новороссии, где также шла речь о находке Берха.¹⁴⁷ Никаких упоминаний о раскопках на городище Херсонеса в обеих публикациях не имеется, а такой факт ни П. И. Кёппен, ни И. А. Стемпковский пропустить не могли. Скорее всего, находка была случайной. В 1833 г. А. Н. Оленин обратился с просьбой выслать гипсовый слепок надгробия для музея Академии художеств. Камень к тому времени был перевезен из Севастополя в Черноморское депо карт в Николаеве. С него мастеровой строительного отделения Демидов выполнил слепок, который по приказу А. С. Грейга был отправлен в Петербург и поныне хранится в Музее Академии художеств.¹⁴⁸ Древний камень «за ненадобностью» по распоряжению канцелярии А. С. Грейга намеревались отправить в Строительное отделение Интендантства Черноморского флота, но, к счастью, вернули в Николаевское гидрографическое депо,¹⁴⁹ откуда в 1840 г. (?) он попал в частную коллекцию. С 1952 г. надгробие хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве.¹⁵⁰

В январе 1827 г. инспектор инженерного корпуса инженер-генерал К. И. Опперман, на основе указа императора от 31 декабря 1826 г. к гражданским и военным губернаторам и соответствующего циркуляра МВД, всем командирам инженерных команд предписал оказывать всевозможное содействие начальникам губерний, собирающим сведения о древних зданиях, «где таковые в крепостях и в крепостной черте имеются». Требовалось представить копии планов и фасадов зданий, их описания с объяснениями: «а) когда и кем оные строены или перестроены; б) по какому случаю или для какого намерения; в) если они неполны, то сколько, когда и почему они разрушены; г) из каких материалов строены; д) какие в них достойные примечания или отличные от обыкновенных вещи или части оных находятся; е) в каком они теперь положении и для чего употребляются...; ж) можно ли их поддержать починкою, не перемня их древних планов и фасадов... Строжайше воспретить разрушение древних зданий в крепостях и вне оных под ответственностью заведующего сими зданиями

¹⁴⁴ Там же, л. 60 об.—61.

¹⁴⁵ Формозов А. А. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. // СА. 1975. № 1. С. 173—174.

¹⁴⁶ Бобринский А. А. Херсонес Таврический. С. 175.

¹⁴⁷ Библиографические листы. 1825. 15 марта. № 9. С. 122—123; Стемпковский И. А. Известие о новых открытиях по части древностей в Южной России 1824 года // Библиографические листы. 1825. 20 сент. № 24. С. 333—334.

¹⁴⁸ Соламоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 58—59. № 31.

¹⁴⁹ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3039, л. 1—10; л. 3485, л. 15.

¹⁵⁰ Античная скульптура из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. М., 1987. С. 218. № 152.

местного начальства. кроме тех, на уничтожение которых даны особые высочайшие разрешения...».¹⁵¹

Командиром Севастопольской инженерной команды инженер-подполковником Вербовским было представлено обширное «Описание местности, на которой находятся развалины Херсонеса, и предметов, достойных в нем примечания, с присовокуплением кратких исторических сведений», составленное 22 ноября 1827 г., к нему прилагались планы, фасады и виды на трех листах чертежей (к сожалению, в деле отсутствуют). Публикую отрывки из этого любопытного описания городища и его ближайших окрестностей, где упомянуты раскопки 1827 г.

«Первоначальные ограждения полуострова, на коем находился город Херсонес и который назывался Ираклийским, состояли из каменной стены с башнями и со рвом, простиравшимся от впадения Черной речки (Бюк-узенья) в Большой Севастопольский залив (Ктенос). Где ныне Инкерман (пещерный город) чрез весь перешеек Ираклийского полуострова, иначе Трахей, до Балаклавского залива (гавани Символов). [...] Еще в 16 столетии приметны были следы прежнего величия народа деятельного и трудолюбивого. Памятники великолепия, произведения искусств и все, что сохранилось от действия времени, впоследствии было перевезено в столицу Османскую.

Ныне видны отдельные развалины стены с признаками башен в перешейке мыса, образуемого Херсонесской и Карантиной бухтами, имеющей свое направление от северо-запада на юго-восток, и груды камней внутри сей ограды. Судя по малому пространству, которое сим укреплением окружается, должно заключить, что оное было последним убежищем для обороняющихся, или цитаделью. Остатки стен указывают их чрезмерное возвышение, некоторые части имеют около 1 сажень [2.13 м] высоты; толстота оных, вероятно, была также соразмерная сей высоте.

Штучный камень, которым обложены были обе стороны, весь разобран, около фундаментов местами находятся еще остатки сей облицовки. Камни имеют в длину от 2 до 5 фут [0.61—1.52 м], кладены в перевязку плашмя и стоямя, и со всех сторон обтесаны, вероятно из старых строений употребляемые. Внутренняя кладка из обыкновенного бутового камня связана крепчайшим раствором извести, с песком, смешанными с мелко битой черепицей. Должно полагать, что и берег, к морю лежащий, был обнесен подобною же стеною, ныне и самые признаки оной изглажены. В некоторых местах берега приметны остатки подземных проводов.

Трудно определить назначение холма, внутри крепости находящегося, означенного на генеральном плане под литерою *З*. Будучи в некоторых местах разрываем, в середине оного находят битые черепки глиняных сосудов, осколки черепицы, устеровские раковины, золу и вообще мусор, доказывающий, что он весь насыпной. Если полагать, что холм сей, превышая высотой своей стены, к полю обращенный, открывал местность, впереди лежащую, и таким образом позволял наблюдать за движениями неприятеля, тогда представляется вопрос, для чего бы насыпать такую огромную массу земли, когда простая башня могла доставить те же выгоды, не отнимая столь большого пространства от города. Что он служил вместо траверса, с сим еще менее можно согласиться, особенно потому, что древние метательные орудия не производили вредных действий на столь дальнем расстоянии. Значительных на нем строений, по малой широте его вершины, также не могло быть.

Различные догадки, какую имели цель или употребление пещеры, означенные на генеральном плане под литерою *Д*, нельзя принять за неоспоримые истины. Паллас думает, что они заключали в себе прах умерших; сие опровергается тем, что в древности никогда не зарывали мертвых посреди жилых строений.¹⁵² Другие положения совершенно неосновательны. Между тем, что они действительно с намерением сделаны, сие доказывают тщательная и довольно правильная внутри отделка и каменные лестницы для спуска в оные, в иных находятся по три и по две ниши, в каждой стене по одной на 2.5 фута [0.76 м] от земли, в которых довольно свободно можно лежать, и небольшие четвероугольные углубления, где оставалась какая-нибудь посуда (в других вместо ниш на той же высоте приметны кругом в стенах узкие углубления, в которые могли вставляться доски). Входы в них также различны. Размер оных заключается между 2.5 фут в квадрате [0.23 м²], до 6 фут [1.82 м] в высоте, и 3 [0.91 м] в широте. Сии входы закладывались; сие доказывают закраины, кругом оных высеченные в камне, но почему оные делались снаружи, трудно решить, ибо нет признаков, каким средством затвор мог держаться при надобности его употребить без наружных пособий. Внутреннее пространство пещер тесно и не превышает 1.5 квадратных сажень [6.82 м²]. Высоты имеют от 1.5 до 6 фут [0.45—1.82 м], впрочем, сего нельзя с точностью назначить потому, что глубина их могла измениться от наносной земли. Все они правильной фигуры и составляют или квадрат, параллелограмм или трапецию. Очень немногие имеют между собою сообщение посредством проходов или узких отверстий, и сии, может быть, пробиты уже впоследствии времени.

Бассейн, означенный на генеральном плане под литерой *Г*, по надлежащем соображении должно полагать резервуаром для воды, в который сия последняя проходила посредством рукава из водовода. Бассейн сей имеет 1 сажень в квадрате [4.55 м²], почти столько же углубления, бока оного обложены песчаным камнем, вход или отверстие рукава и самый рукав довольно тесны. Первое колено оного имеет направление от запада к югу на

¹⁵¹ РГВИА, ф. 349, оп. 2, д. 71, л. 1—3, 5 об.—6 об., 125.

¹⁵² О том, что автор описания был знаком с вышедшей за пять лет до этого книгой И. М. Муравьева-Апостола, в которой гипотеза Палласа о функциональном назначении склепов («погребов») как погребальных памятников поставлена под сомнение, доказывает цитируемый пассаж. Ср.: *Муравьев-Апостол И. М. Путешествие в Тавриду в 1820 году. С. 74—75. Склепы, вырубленные в скале, с трапециевидной или прямоугольной камерой и нишами-лежанками для тел погребенных, появляются в Херсонесе во II в. и бытуют вплоть до раннего средневековья. См.: Археология УССР. С. 349.*

6 градусов, длиною 7 фут 1 дюйма [2.15 м]; второе от севера к западу на 52 градуса, длиною 6 сажень [12.8 м], третье от севера к западу на 70 градусов и длиною 4 сажень 1 фут [8.8 м], в сем последнем находится даже вода. Из оног идут рукава направо и налево и составляют, по-видимому, самый водопровод, они чрезмерно тесны и наполнены водою.

Если принять на верное, что город лежал в Херсонесской бухте и за оною, там где приметны некоторые признаки, тогда место, на котором находится бассейн, будет в отношении к целому восточную его часть. Известно, что Св. Владимир вел осаду в сей стороне, и потому нет ли причины к вероятности заключить, что в сем месте было остановлено течение воды в крепость. Притом и расстояние до оной незначительно, если же надлежащие исследования откроют сообщение между сим бассейном и колодцем под литерою *h* и из оног во внутренность крепости, тогда предположение может принять вид истины и почти не будет подвержена сомнению осада Св. Владимиром именно сего места.

Груды камней, внутри и вне крепости лежащие, не представляют возможности определить что-либо с верностию между сими кучами и в особенности около берегов. Изредка отыскивают медные небольшие монеты, по мнению ученых, несомненно принадлежащие херсонеситам.

По распоряжению главного командира Черноморских портов г. вице-адмирала Грейга сделано начало разрыванию строений внутри нового Херсонеса, отрыта внутренность двух строений, по расположению коих надобно принять за христианские храмы, в одном из них находятся в разрушении капители ионического ордена довольно грубой обтески, мраморные колонны, и на каждом из сих кусков высеченные кресты наподобие мальтийских. Так же есть круглое отверстие или спуск в склеп со сводами, где найдено множество человеческих костей, а в другом, ступая по мозаическому полу, слышно, что под ним имеется пустота, но еще неоткрытая, впрочем, надобно надеяться, что по открытии строений откроется завеса темной истории, образа жизни и просвещения древних обитателей города.

Между строениями, сохранившимися на развалинах сего города, нет ни одного, которого бы можно было исправить, кроме разве некоторых водохранилищ и водопроводов, в коих, впрочем, по неимению ныне на развалинах никаких жилищ, не имеется никакой надобности.

План местности, на которой находятся развалины Херсонеса и околележащей, также фасады или виды тех развалин, сняты с натуры, при сем прилагаются на трех листах». ¹⁵³

Упомянутые военными инженерами раскопки 1827 г. достаточно подробно освещены в газете «Северная пчела» и журнале «Сын Отечества». Из них следует, что главный командир Черноморского флота и портов вице-адмирал А. С. Грейг поручил «известному своим просвещением чиновнику, г-ну Крузе, приступить к систематическому разрытию кургана на развалинах Херсонеса». Раскопки начались в мае и завершились, вероятно, глубокой осенью 1827 г. Они велись методом выемки грунта без фиксации (в современном понимании) с целью раскрыть архитектуру средневековых храмов, фундаменты которых были видны на поверхности земли. Автор статьи в «Северной пчеле» особо подчеркнул, что Крузе «почел нужным вести ежедневный подробный журнал о работе, из коего, по окончании каждого месяца, будет высылать выписки». Прочитую письмо Крузе, опубликованное в малодоступной современным исследователям газете «Северная пчела», о результатах первых дней его раскопок.

«Третий день как я приступил к разрытию кургана, находящегося на развалинах древнего Херсониса. Начиная осторожным отваливанием верхнего слоя земли, я нашел, что курган содержит в себе руины довольно пространного, вероятно общественного здания или храма, к каковому заключению ведут меня следующие обстоятельства:

1-е. Очистив поверхность кургана, имеющего вид неправильного холма, взгроможденного из камней, с землею перемешанных, и обросшего травой, я открыл сложенные на извести из тесаного камня стены, толщиной от 1.5 до 2-х аршин [1.06—1.42 м]; по надлежащей очистке оказалось, что они простираются в глубину от одной до двух сажень [2.13—4.26 м], не достигая своего фундамента.

2-е. Вид строения крестообразен; на южной стороне найдено отверстие, вероятно некогда служившее входом во внутренность оног; по бокам отверстия приметна мраморная оправа с резною работою, которая, к крайнему сожалению, вовсе изломана.

3-е. Близ сказанного отверстия отрытые стены украшены мраморными карнизами.

4-е. При открытии наружности сих стен найдены обломки бывших мраморных колонн и мраморных досок.

5-е. Достойно внимания, что при одной еще только снаружи разрытой стене найдено место, образующее в пространстве своим, длиною не более как в сажень [2.13 м], шириною в один [0.71 м], а глубину в два аршина [1.42 м], род нарочитого погребя, коего стены обложены обтесанными плитами, каковыми покрыто отверстие оног. Сие подземельное место наполнено было человеческими трупами, между коими найдено до 45 черепов.

6-е. При выкидывании земли найдено восемь медных монет (на большей части монет сих изображены с одной стороны литера *B*, а с другой крест. И как на мраморных обломках замечено также изображение креста, то и должно отнести здание сие, заключающее, по-видимому, гробницы христиан, ко временам, в которые Херсонис был уже озарен христианством), и на трупах ручные стеклянные кольца, диаметром от одного английского дюйма [2.54 см] до вершка [4.44 см], из коих одно только сохранилось в совершенной целости.

7-е. Кроме сих трупов в упомянутом месте открываются при стенах строения и другие трупы людей, может быть при насильственном разрушении сего здания погибших.

8-е. Недалеко от строения находится грот, вероятно служивший водохранилищем, по той причине, что видны в нем подземные глиняные трубы.

Остатки водопровода Крузе намеревался проследить и далее.¹⁵⁴

Этот большой крестово-купольный храм в западной части городища за стеной монастырской усадьбы описан и Дюбуа де Монпере. Он находился приблизительно посередине центральной магистрали, с правой стороны, по дороге от больших ворот крепости. По убеждению швейцарского путешественника, византийская церковь была построена из остатков античного храма, о чем свидетельствовали базы и капители ионийских колонн, каннелюры на колоннах и другие детали. В апсиде за алтарем были найдены кресла для духовенства, к которым вели несколько мраморных ступеней. Большая мраморная рельефная доска, образовывавшая спинку главного кресла, была украдена еще во время раскопок. Пол храма украшали мозаика из разноцветных камней и мраморные плиты.¹⁵⁵

Дальнейший ход раскопок описан, вероятно, членом севастопольской инженерной команды Христианом Штиром в письмах к издателям журнала «Сын Отечества» и газеты «Северная пчела».¹⁵⁶ Согласно его корреспонденциям, при раскопках первого храма рабочие обнаружили несколько камней с цифрами, сразу же отосланными к Крузе:

«Камни, кои видел я у г. Крузе, действительно имеют надписи, но они так изгладились, что их вовсе нельзя разобрать. Потеря сия кажется не важна; потому что камни сии не мраморные, но простые известковые и мягкого свойства, также обделаны весьма грубо, и без сомнения принадлежали к временам самым последним существования Херсона. Кажется даже, что на одном камне, судя по сохранившимся литерам *ΩΔ*, надпись русская. На другом камне начертаны многие круги, как бы означающие солнечную систему; на других цифры, кресты и другие таинственные знаки.

Вчера вечером принесли мне надпись с камня, тогда только найденного. Местами, кажется, употреблены титла. Найденные монеты, хранящиеся, как и все прочее, у г. Крузе, еще не очищены, кроме одной... они все медные... На очищенной монете изображены с одной стороны: святой, судя по сиянию, окружающему главу его, и литера *Н*; на другой стороне: двое святых, тоже с сияниями, и сверху, по краям монеты, надпись, которую, однако, не могли разобрать».¹⁵⁷

¹⁵⁴ О. В. [Внутренние известия]. Николаев, 19 мая // Северная пчела. 1827. 14 июня. № 71. С. 1—2. То же см.: Известие о разрытии кургана, на развалинах древнего Херсониса находящегося // ОВ. 1827. 28 мая. № 41. С. 163—164; Nicolaëff, 19 mai // Journal d'Odessa. 1827. 25 juin/7 juil. P. 197.

¹⁵⁵ Dubois de Monpèreux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 6. P. 144—145.

¹⁵⁶ Описавший исследования Крузе Х. Штир и сам пытался проводить раскопки: «Тщетно мы разрывали пепел древнего Херсона. Труды наши не увенчались никакою любопытною находкою. На берегу моря видны еще остатки бывшей плотины. Они простираются вдоль берега по прямой линии. Перпендикулярно к оной простираются в море таковые же остатки бывших плотин. Судя по сему, гавань сего древнего города находилась на северо-западной стороне оного. Плотины складены из камня на цементе. За набережною насыпана земля, смешанная с черепками, стеклышками, костями и проч., следовательно, она не самого древнего построения... Мы нашли там множество обгорелых камней, окалин, уголья... Кое-где выглядывали из обрытого морем берега отверстия водосточных труб. Они проводили, вероятно, из города всю нечистоту в море. Обломки разноцветных мраморов, камней, кирпичей и черных окалин, округленных водою, образовали в некоторых местах на дне моря совершенный мозаик... Множество найденных нами там кусочков белого и цветного мрамора, конечно, также свидетельствуют о великолепии тех зданий, кои здесь некогда гордо возвышались к небу. [...] Тщетно мы переворачивали кости умершего Херсона. Добыча наша на сей раз ограничивалась одними черепками. Собранные нами стеклышки большею частью прекрасного темно-голубого и зелено-голубого (aquamaria) цветов, редко белого. На иных видны следы бывшей амальгамы. [...] Найденные нами черепки глиняных сосудов большею частью грубой работы. Лучшие покрыты темно-синиею глазурью. Мы нашли один только черепок весьма нежной работы. Он покрыт оранжевою, весьма яркою глазурью. Мне хотелось бы признать его за кусочек этрусской вазы. Надобно сказать, что крайне затруднительно ходить по сим развалинам. Они заросли высокою травою и покрыты камнями, кои острыми своими ребрами обращены кверху. На каждом ходу спотыкаешься в опасности сломить ногу и даже шею. Кое-где проложены тропинки, но искатели не должны ходить по ним, если хотят найти что-либо любопытное... Монеты находят обыкновенно после дождя. Он, смыв с них пыль, выставляет их наружу. Зимой, покуда еще не выросла трава, поиски также более благоприятны. [...] Итак, судя по развалинам его, кои простираются в длину верст на 8, можно побожиться, что он был весьма обширный, а следовательно, и многолюдный город. О твердости стен его можно судить по остаткам оных. По направлению развалин видно, что улицы были в нем широкие, прямые. Мраморы свидетельствуют о великолепии зданий оного; остатки плотины о безопасности его гавани, торговле, судоходстве, флотах, могуществе. По черепкам видно, что в позднейшие времена уже не было у херсонцев изящных этрусских сосудов, как в первые времена существования оного, должно предполагать, основываясь на одном изящном черепке, найденном в насыпи за плотиною; и что следовательно, впоследствии времени у них водворился, вместе с глиняными горшками, вкус грубый и варварский...». См.: Х. Ш. Письмо из Севастополя июня 18 дня 1827 // Сын Отечества. 1827. Ч. 114. С. 244—250.

¹⁵⁷ Там же. С. 250—251.

В письме Х. Штира от 20 октября 1827 г. описывается дальнейший ход раскопок:

«Судя по работе, сделано весьма много, однако поныне приобретено еще мало удовлетворительного. От прежде открытой церкви на северо-западе, т. е. ближе к средоточию развалин, открыто еще другое каменное строение. Длина оного около 12 сажень [25.6 м]. Вход обращен на запад, а закручение, где должно предположить находился алтарь, на восток. Словом, и сие строение есть, по-видимому, церковь, хотя в плане и не имеет фигуры креста, как обыкновенно водится, но продолговатого прямоугольника. Достоинство удивления, что внутри оного, там, где бы должен быть алтарь, находится еще другая весьма малая каменная церковь или часовня. Строение сие грубой отделки без всяких изящных украшений и вкуса. В нем найдено, правда, несколько мраморных колонн, капителей и баз, но все они также грубой отделки. На первых изображены в барельефе кресты, кои походят на мальтийские. Самый мрамор также дурной, бело-сероватый. Колонны вышиною около сажени [2.13 м]. Очевидно, что они поддерживали не самую церковь, но какие-либо части оной, может быть, хоры, алтарь и т. п., что подтверждается и некоторыми при стенах еще видимыми остатками колонн. Кое-где есть такие же гробницы, как и в церкви, прежде открытой. Замечательно также находящееся в середине церкви отверстие, которое походит на колодезь, однако, судя по расширению оного к низу, должно полагать, что это отверстие какого-либо подземелья, в котором погребались знатные покойники.

Около первой церкви открыто еще несколько ходов и гробниц, но, впрочем, нет также ничего заслуживающего особенное внимание.

Самое замечательное открытие г. Крузе, заведывающего отрядами, суть непрерывные следы водопровода, простирающегося верст на пять [5.3 км], довольствовавшего, вероятно, жителей Херсона водою, ибо нынешние остатки сего города лежат на выдавшемся в море, совершенно безводном мысе. Водопровод состоит из глиняных водосточных труб, кои отличаются от ныне употребляемых своею прочностью, большою длиною и гранями, которыми вся поверхность оных покрыта».¹⁵⁸

Вторая церковь, раскопанная Крузе на центральной городской площади, над которой впоследствии был построен собор Херсонесского монастыря, также описана Дюбуа де Монпере. При раскопках были обнаружены колонны из прекрасного белого кристаллического мрамора, оттененного голубыми полосами, которые поддерживали купол и поперечные ходы. Их стволы и подражающие коринфскому ордеру капители украшали византийские кресты. От здания ко времени путешествия Дюбуа оставалась только одна стена, разрушенная до 3—5 футов (0.91—1.52 м) над поверхностью земли, показывающая весь его план. Внутри фундамента храма Крузе был устроен временный склад находок: колонн, капителей и других украшений архитектурного декора, большая часть которых была обнаружена в засыпанной рыбозасолочной цистерне.

Фундамент третьего маленького храма, господствовавшего над «большим портом», был вскрыт Крузе в последнюю очередь.¹⁵⁹ Он расположен в портовом районе в северо-восточной части Херсонеса, к югу от главной улицы, идущей с запада на восток.

Много лет спустя, в 1852 г. вероятно, по просьбе З. А. Аркаса и Н. Н. Мурзакевича, К. Крузе составил «Топографическое описание Трахейского полуострова (Херсониса)», куда была включена приблизительная смета на предполагаемые археологические раскопки в Херсонесе. На заседании Одесского общества 10 октября 1853 г. эту статью было решено передать графу А. С. Уварову, который приступил к раскопкам городища.¹⁶⁰ Д. В. Айналов обнаружил ее в архиве основателя Московского археологического общества и опубликовал только ту часть, которая относилась к описанию фундаментов открытых в 1827 г. трех храмов в центральной и портовой частях городища.¹⁶¹

Кем же был автор раскопок? А. А. Формозов полагал, что в литературе упоминался Николай Максимович Крузе, служивший в те годы на Черноморском флоте в звании мичмана.¹⁶² Однако это не подтверждается архивными документами. Раскопками руководил «плантер (т. е. садовод, чин 12-го класса. — И. Т.) Черноморского департамента Корпуса корабельных инженеров подпоручик Карл Крузе», занимавшийся лесоводством и заведовавший так называемой «лесной Маккензиевой дачей».¹⁶³ По роду службы в его ведении находились все ка-

¹⁵⁸ Х. Ш. Письмо к издателям. Севастополь, 1827. Сентября 26 // Северная пчела. 1827. 20 окт. № 126. С. 3—4.

¹⁵⁹ Dubois de Montpereux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 6. P. 141—144, 148.

¹⁶⁰ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 3, л. 80—80 об.

¹⁶¹ Айналов Д. В. Развалины храмов. М., 1905. С. 48—51, 69, 81 (Памятники христианского Херсонеса. Вып. 1).

¹⁶² Формозов А. А. К летописи... С. 173—174.

¹⁶³ Тункина И. В. К истории археологических исследований Херсонеса в первой трети XIX в. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888—1988: Тез. докл. науч. конф. Севастополь, 1988. С. 119—121. См.: РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 1648, л. 6, 20 об. Речь идет о хуторе на возвышенности за крепостью Каламита «в глубине Инкерманского залива», землю под который в 1783 г. Г. А. Потемкин отдал контр-адмиралу Ф. Ф. Мекензи (ум. в 1785 г.). См.: Головачев В. Ф. История Севастополя... С. 80.

зённые земли Черноморского флота в окрестностях Севастополя, в том числе развалины Херсонеса. Плантер имел в своем подчинении 50 матросов для ломки камня, строительства казарм и других зданий. Сохранился составленный Крузе план земель, лежащих при городе Севастополе, когда плантер был уже в чине поручика, т. е. не ранее 1832 г.¹⁶⁴ Для составления планов участков к Крузе были прикомандированы 10 кондукторов с астролябией и мензулой для полевого обмежевки. В книге Ф. Дюбуа де Монпере К. Крузе упомянут как лейтенант, а в документах 1836 г. — уже как штабс-капитан,¹⁶⁵ к весне 1847 г. он находился в отставке.

По указу Николая I от 14 сентября 1828 г. была проведена раздача земель морского ведомства «поселянам и всякого рода частным людям для разведения садов».¹⁶⁶ К. Крузе получил около 20 десятин земли (21,8 га) в балке у Казачьей бухты.¹⁶⁷ В документах имеется упоминание, что в 1832 г. обер-интендант Черноморского флота Н. Д. Критский поручил Карлу Крузе провести раскопки на островке близ Херсонесского маяка. Плантер вел эти работы в следующем, 1833 г., но ничего «важного» не нашел.¹⁶⁸ Несомненно, речь идет о раскопках на островке Св. Климента, описанном П. С. Палласом, И. М. Муравьевым-Апостолом, З. А. Аркасом.¹⁶⁹ Как владельца земли в окрестностях Херсонеса Крузе упоминает и Ф. Дюбуа де Монпере.¹⁷⁰

К сожалению, судьба древностей, главным образом архитектурных фрагментов, обнаруженных Крузе при раскопках церквей византийской эпохи, оказалась печальной. Лишь незначительная часть находок — 71 медная монета, 3 глиняные трубы, медные украшения от паникадил, стеклянные браслеты, нагрудные кресты и другие древности по приказу А. С. Грейга были доставлены в Кабинет редкостей Черноморского депо карт в Николаеве.¹⁷¹ Вскоре после окончания раскопок в Севастополе началась эпидемия, приведшая к знаменитому чумному бунту матросов и членов их семей 1829—1830 гг., в результате которого был растерзан толпой военной губернатор города генерал-лейтенант Н. А. Столыпин и многие другие чиновники, разграблены дома и т. п. Несмотря на заступничество со стороны А. С. Грейга, пыгавшегося смягчить последствия происшедших событий для низших чинов, по приказу Николая I бунт был жестоко подавлен М. С. Воронцовым.¹⁷²

При первых признаках чумы вокруг Севастополя поставили санитарные кордоны. Отряд солдат одного из них расположился прямо на развалинах Херсонеса, где, как упоминалось, посреди фундаментов раскрытых Крузе храмов хранились фрагменты их архитектурного декора. По словам Ф. Дюбуа де Монпере, через несколько месяцев на этих местах не осталось почти никаких древностей, а то, что солдаты не смогли вывезти, было изуродовано.

Современное кладбище карантина, размещавшееся в портовом районе Херсонеса, после чумного бунта быстро увеличивалось. Во время выкапывания могил здесь были сделаны ценные находки, например, «красивая» мозаика, купленная доктором П. И. Лангом.¹⁷³ Однако она пропала во время чумного бунта — матросы таким образом отомстили доктору за строгие ограничения во время чумы. Ф. Дюбуа де Монпере сокрушался, что в Севастополе не был открыт публичный музей, подобный Одесскому, Николаевскому, Керченскому и Феодосийскому, который бы помог спасти от уничтожения многие херсонесские древности.¹⁷⁴

Чисто грабительский характер имели раскопки князя З. С. Херхеулидзева, в то время начальника Севастопольской и Перекопской временных карантинных линий, начатые по при-

¹⁶⁴ РГАВМФ, ф. 326, оп. 1, д. 1334; д. 2406, л. 48.

¹⁶⁵ Там же, ф. 243, оп. 1, д. 2562, л. 179.

¹⁶⁶ На «Карте окрестностей г. Севастополя, снятой инструментально в 1836 г. Снимали топограф 2 класса Осипов, Иванов и Краснояр» 1836 г. (масштаб в 1 англ. дюйма 1 верста, 1:42 000), обозначены все хутора и схематично руины городища Херсонеса. См.: РГВИА, ф. 846 (ВУА), д. 19798, л. 1.

¹⁶⁷ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 2406, л. 6—7, 18 об., 48, 61 об.—62.

¹⁶⁸ Там же, д. 2562, л. 179—181, 184.

¹⁶⁹ Pallas P. S. Bemerkungen... S. 68—69; Муравьев-Апостол И. М. Путешествие в Тавриду в 1820 году. С. 76—77; Аркас З. А. Описание Ираклийского полуострова... С. 102—103.

¹⁷⁰ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 6. P. 182.

¹⁷¹ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3486, л. 70, 71 об., 72; ф. 1067, оп. 1, д. 45, л. 6.

¹⁷² Подробное см.: Асланбегов А. Б. Адмирал Алексей Самуилович Грейг: Биографический очерк. СПб., 1873. С. 125 и след.; Огородников С. Собственноручные резолюции императора Николая I по морскому ведомству // Морской сборник. 1907. Т. 343. № 12. Неофич. отд. С. 15—17.

¹⁷³ См. о нем: РГИА, ф. 1349, оп. 4-1825, д. 199, л. 51 об.—53. См. также гл. 3.2.

¹⁷⁴ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 6. P. 155—156.

казанию М. С. Воронцова летом 1830 г. Выбрав «курбан» на развалинах Херсонеса, солдаты Елецкого батальона обнаружили фундамент какой-то постройки и, не найдя признаков «гробницы», остановили работы. В рапорте Херхеулидзева упоминания о каких-либо находках отсутствуют.¹⁷⁵

Видимо, через официальные круги морского ведомства в Екатеринослав попали три мраморные колонны, вывезенные из Херсонеса в 1831 г. и 1837 г. Одна из них была использована для сооружения памятника императрице Екатерине II при строившемся Преображенском соборе.¹⁷⁶

Древности Гераклейского полуострова привлекли внимание В. Н. Григорьева, объезжавшего эти места 30 сентября 1832 г.: «Дорога идет на юг мимо того места, где стоит древний Херсонес, занимавший пространство верст на 5 в длину [5.3 км] и на столько же в ширину. По остаткам каменной приметно расположение улиц. В одной, которая считалась, вероятно, Невским проспектом Херсонеса, еще целы массивные основания домов и одного водопровода. Стоящий на берегу самого моря маяк, как говорят, построен на развалинах какого-то здания. Кроме сих примет остались еще вековые следы города: это лестница, высеченная в скалистом берегу для схода вниз к воде».¹⁷⁷ Описание Севастополя и руин Херсонеса на 1833 г.¹⁷⁸ оставил и профессор естествознания Петербургского университета Степан Семенович Куторга (1805—1861), родной брат известного антиковеда М. С. Куторги.

Детальная характеристика руин Херсонеса с окрестностями и подробная археолого-топографическая карта Гераклейского полуострова были составлены в 1832—1834 гг. Ф. Дюбуа де Монпере. В его труде представлено комплексное изложение как геологического строения, так и физического и исторического описания Гераклейского полуострова. Этой теме Дюбуа де Монпере посвятил два месяца систематических исследований на местности.

Строительные остатки, описанные Палласом и Кларком, ко времени исследований швейцарского путешественника оказались во многом уничтожены. Большая часть земли, на которой стоял Старый Херсонес Страбона, во времена Дюбуа оказалась во владении лейтенанта К. Крузе, адмирала А. С. Грейга, вдовы адмирала Алексияно и др. На своем хуторе Крузе уничтожил все античные строительные остатки и возвел несколько домов и большую ограду вокруг них, отмеченную на плане Дюбуа точками.¹⁷⁹ Воспользовавшись планом полуострова Фанари, опубликованным Палласом, Крузе провел раскопки. На материке он обнаружил лишь несколько античных колодцев, солоноватую воду из которых стал употреблять для полива своих виноградников.¹⁸⁰

Два раздела своей книги Ф. Дюбуа де Монпере специально посвятил описанию следов древней межевой системы. Земельных участков с усадьбами он насчитал более 60. Наделы, согласно Дюбуа, отстояли друг от друга на 0.5 и на 1 версту (0.53 и 1.06 км), между ними пролегали дороги шириной в 15 футов (4.5 м), пересекавшиеся под прямыми углами и окружавшие каждый надел со всех сторон. Автор подробно описывает несколько остатков усадеб с башнями, сгруппированных как вдоль главных дорог, так и вокруг источников воды. Специальный экскурс он посвятил технологии изготовления вина; импульсом к его написанию послужила находка площадки для выдавливания виноградного сока в районе к западу от Стрелецкой бухты.¹⁸¹

На мысе у Стрелецкой бухты Дюбуа обнаружил следы трех больших зданий, одно из которых, по его мнению, могло быть храмом, так как окрестные земли оставались необработанными. Оно было выстроено из больших каменных блоков в несколько рядов и входом

¹⁷⁵ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 416.

¹⁷⁶ Там же, V, 460, л. 171.

¹⁷⁷ ОР РНБ, ф. 225, л. 6, л. 5.

¹⁷⁸ Куторга С. С. Отрывки из путешествия в Крым 1833 года // ЖМВД. 1834. Ч. 1. № 1. С. 81—90.

¹⁷⁹ Dubois de Montpèreux F. Voyage au Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Atlas. Neuchatel; Paris, 1843. 1 Sér. Pl. 20.

¹⁸⁰ Dubois de Montpèreux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 6. P. 132—133. З. А. Аркас уточняет, что «на хуторе Крузе» было найдено 7 древних колодцев. См.: Аркас З. А. Описание Ираклийского полуострова... С. 263.

¹⁸¹ Dubois de Montpèreux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 6. P. 174—191. См. также: Николаенко Г. М.

1) Хора Херсонеса Таврического: Земельный кадастр IV—III вв. до н. э. Севастополь, 1999. Ч. 1; 2) Фр. Дюбуа де Монпере о сельских усадьбах на Гераклейском полуострове // Херсонесский сборник. Севастополь, 1999. Вып. 10. С. 107—120.

ображалась к морю. Две другие постройки являлись усадьбами («дачами»), посреди которых генерал Зац заложил большой виноградник. На берегу Песочной бухты натуралистом отмечены следы двух построек, обращенных друг к другу, возведенных на двух мысах.¹⁸²

Дюбуа де Монпере подробнейшим образом описал и городище Херсонеса у Карантинной бухты: его оборонительные стены, башни, ворота, остатки улиц и площадей, три церкви, раскопанные лейтенантом К. Крузе.¹⁸³

Целый раздел книги посвящен некрополю Херсонеса, окружающему городище со стороны суши. Дюбуа подметил, что во всем Херсонесе нет ни одного погребального кургана, и правильно объяснял это особенностями геологического строения Гераклейского полуострова: древний город располагался на скале, лишь прикрытой дерновым слоем земли. Около 10 курганов, видимых на поверхности земли, по мнению Дюбуа, являлись всего лишь задернованными остатками зданий усадебного типа с домовыми башнями или насыпями из мусора, образовавшимися во время очистки земли под поля.

Автор подробно описал устройство вырубленных в скалах склепов, находящихся за городскими стенами у дороги, ведущей до Карантинной бухты, и окружающих ее южную оконечность. Большинство из них имело 10 футов (3.05 м) длины и 8 (2.43 м) ширины, с нишами-лежанками, иногда в два уровня друг над другом. Между оврагами Карантинной и Южной бухт на поверхности земли им были отмечены входы-колодцы в катакомбы или склепы, окруженные круговыми грубо обтесанными каменными оградками в виде обручей диаметром в 8—9 дюймов (20.3—22.8 см), толщиной от 9 дюймов до 1 фута (22.8—30.5 см). Лейтенант К. Крузе уверял Дюбуа, что существуют подземные ходы, неизвестно куда идущие, освещаемые этими входами-колодцами. Их много зафиксировано близ античных усадеб на юго-востоке от Севастополя, между Георгиевским монастырем и мысом Фанари, вокруг Стрелецкой бухты, о чем писал еще Паллас; иногда они соединены по два. Зачастую камни из их оград использовались для других построек.¹⁸⁴

Как отметил еще С. Ф. Стрелецкий, несмотря на ряд ошибок, описания Дюбуа де Монпере археологических остатков на Гераклейском полуострове являются наиболее полными из всех предыдущих и последующих работ подобного характера. Он одним из первых правильно понял функциональное назначение обследованных им памятников.¹⁸⁵

В 1836 г. преподаватель Ришельевского лицея в Одессе Н. Н. Мурзакевич пытался написать очерк истории Херсонеса.¹⁸⁶ Впервые посетив Севастополь в том же году, он пришел к выводу, что между Артиллерийской и Карантинной бухтами надо искать следы упомянутого Забатоном города Евпатории. Осматривая руины Нового Херсонеса, Мурзакевич с грустью заметил: «Остались едва значительные остатки городских стен. Мелкие потребности жителей Севастополя скоро разрушат и настоящие скудные остатки, если не будет строгого присмотра за охранением их. Лет за 40, в Херсоне видны были следы улиц, садов, площадей и водопроводов, стояли многие башни; теперь же археолог с стесненным сердцем увидит едва значащий остаток городской стены (вышиною 2.5 сажени [5.3 м] и толщиною до 45 английских дюймов [1.14 м]), обязанной своим существованием единственно своей прочностью». Автор приводит текст надписей надгробия Феагена и надписи в честь императора Зенона; последняя хранилась к тому времени в Алушке, имени графа М. С. Воронцова (ранее в собрании К. И. Габлица, затем у генерала А. М. Бороздина).¹⁸⁷ На Маячном полуострове, где вслед за своими предшественниками Мурзакевич помещает Старый Херсонес, он отметил лишь «несколько курганов»; его попытки найти хоть какие-нибудь следы строений не увенчались успехом.¹⁸⁸ Впоследствии Мурзакевич неоднократно бывал в Херсонесе по делам Одесского общества (в 1840, 1845, 1847, 1849, 1852, 1860 гг.)¹⁸⁹ и приложил много усилий для охраны древностей городища.

¹⁸² Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 6. P. 179—182.

¹⁸³ Ibid. P. 137—148.

¹⁸⁴ Ibid. P. 164—173.

¹⁸⁵ Стрелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. С. 11.

¹⁸⁶ Мурзакевич Н. Н. Краткая история древнего Херсона // ОВ. 1836. № 3, 4.

¹⁸⁷ По свидетельству Кондараки, в Алушке надпись была «вделана в фонтан около старой оранжереи, что на морском берегу». См.: Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. СПб., 1875. Ч. 15. С. 35.

¹⁸⁸ Мурзакевич Н. Н. Поездка в Крым в 1836 г. // ЖМНП. 1837. Ч. 13. С. 645—650.

¹⁸⁹ Мурзакевич Н. Н. Рецензия на кн.: Кене Б. В. Исследования об истории и древностях города Херсониса Таврического. СПб., 1848 // ЗООИД. 1850. Т. 2. Стл. 2—3. С. 708.

С точки зрения сохранения памятников в конце 1830-х гг. интерес представляет описание руин на Гераклеяском полуострове, оставленное французскими учеными, членами научной экспедиции Анатолия Николаевича Демидова (1812—1870) по результатам поездки в Крым 1837 г. Начав обследование с мыса Херсонеса (в русском переводе последний неверно обозначен как коса), они писали, что на части Маячного полуострова и «даже у самого Севастополя рассеяны остатки стен, правильно распределенных на равных четверугольных пространствах. Некоторые ученые принимают эти параллелограммы за развалины древнего Херсонеса... Но некоторые другие антиквари, не легко полагающиеся на предания, находят в этих симметрических участках не иное что, как доли пашен, распределенных поровну между известным числом владельцев; правда, и они соглашаются, что, по-видимому, распределение это могло быть сделано не иначе, как в глубокой древности. Фундамент этих стен, почти совершенно изгладившихся с поверхности земли, углублен так мало, что стены, очевидно, не могли принадлежать к большим зданиям. Эти развалины находятся почти на всем пространстве полуострова, составившего древний Гераклеотический Херсонес. Местами встречаются также остатки больших башен, замечательных по громадным камням, из которых они были выстроены, складенным без смазки».¹⁹⁰

Керченский археолог Д. В. Карейша впервые попытался провести раскопки в Херсонесе летом 1842 г. Причина, побудившая его покинуть пределы Боспорского царства, была довольно проста — в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове с каждым годом становилось все труднее добывать эффектные находки. Однако его надежды не оправдались. «По осмотру внимательно местности древнего Херсонеса и его окружности» Карейша какое-то время потратил на поиски и наем землекопов и приступил к раскопкам в августе 1842 г., выбрав за объект исследования один «каменный курган» и два места в «продолговатой огромной насыпи», лежащей на южной оконечности Херсонеса. «Полтора месяца длилась раскопка, — докладывал Карейша, — и усталые поденщики не согласились более разрывать, находя тяжелой работу в этих насыпях, по причине сплошной массы битых черепиц и разной изломанной древней посуды, а в первом («кургане»). — И. Т.) множество больших камней, попадавшихся ежеминутно».¹⁹¹ Археолог принял решение окончание работ перенести на зиму, «когда поденщиков, с прекращением казенных построек в Севастополе, бывает множество без дела», но свое намерение не осуществил.

Новый этап в археологическом исследовании Гераклеяского полуострова связан с деятельностью Одесского общества истории и древностей, безуспешно пытавшегося следить за тем, чтобы Херсонес не превратился в арену кладоискательства.¹⁹² В благодарность за передачу из Черноморской штурманской роты в музей ООИД древностей, в том числе херсонесских, общество избрало главного командира Черноморского флота вице-адмирала М. П. Лазарева своим почетным членом и просило содействия в снятии видов и планов остатков Херсонеса, копий фресок в Инкерманских пещерах (1840). Лазарев поручил эту работу художнику А. Кухаревскому и топографу, пралорнику Федотову, снимавшему планы Севастополя.¹⁹³

В январе 1845 г. на заседании ООИД Э. В. Тетбу де Мариньи сообщил о случайной находке монетного клада, якобы найденного в древней гробнице или близ нее, в районе севастопольского Карантина. Общество немедленно обратилось к М. П. Лазареву с просьбой сообщить подробные данные о времени и месте находки, характере открытого памятника, а также, по возможности, собрать найденные монеты и переправить их «на рассмотрение» в Одессу.¹⁹⁴ Запрос ООИД был спущен по команде к члену севастопольского Карантина, председателю Севастопольского статистического комитета, капитану 1-го ранга *Захарю Андреевичу Аркасу* (1793—1866).

Грек по национальности, З. А. Аркас родился в Фессалии и еще ребенком был перевезен в Николаев. Учился в Николаевском штурманском училище, в 1816 г. переведен мичманом в 41-й флотский экипаж. Участник рус-

¹⁹⁰ Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году. М., 1853. С. 361. См. франц. оригинал: *Demidoff A. Esquisse d'un voyage dans la Russie méridionale et la Crimée, par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, exécuté en 1837*. Paris, 1840—1842. 4 vol.

¹⁹¹ РА ИИМК, ф. 63, д. 5, л. 140—140 об.

¹⁹² Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок. С. 11—12.

¹⁹³ М. П. Лазарев: Документы. М., 1961. Т. 3. С. 51—52.

¹⁹⁴ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 2, л. 7—7 об.; д. 44, л. 2—2 об.

ско-турецкой войны 1827—1828 гг. С 1839 г. смотритель штурманской роты, затем председатель Севастопольского статистического комитета, попечитель севастопольской Петропавловской церкви, председатель комиссии по постройке храма Св. Владимира в Севастополе, инспектор девичьего училища дочерей нижних чинов Черноморского флота, инспектор Севастопольского карантинного, директор и смотритель севастопольской морской офицерской библиотеки. В 1846 г. был избран действительным членом ООИД.¹⁹⁵

По поручению начальства Аркас осмотрел место находки и в рапорте от 1 апреля 1845 г. на имя временного военного губернатора Севастополя вице-адмирала А. П. Авинова дал подробную характеристику обстоятельств раскрытия клада, большая часть которого разошлась по рукам севастопольских коллекционеров.¹⁹⁶ Вице-адмирал А. П. Авинов поручил севастопольскому полицмейстеру разузнать у местного населения какие-либо дополнительные сведения о найденных древностях, однако поиски пропавших монет оказались безрезультатными.

Таким образом, в июле 1844 г. в южной части Маячного полуострова был обнаружен монетный клад, который до недавних пор оставался неизвестным специалистам по нумизматике Херсонеса.¹⁹⁷ Рабочие, нанятые К. Крузе для ломки камня, нашли монеты, спрятанные в маленьком красноглиняном кувшине «наподобие кастрюли, с одной ручкой, без всяких украшений и надписей». Клад был найден в основании плантажной стены на глубине 60 см от дневной поверхности, примерно в 2,8 км на юго-восток от Херсонесского маяка и в 213 м на северо-запад от так называемого островка Св. Климента. Рабочие скрыли от хозяина факт находки, разделили монеты между собой и стали тайно продавать их в Севастополе, а кувшин разбили. К. Крузе каким-то образом узнал о кладе, но, к сожалению, слишком поздно. Ему удалось получить от рабочих всего 5 монет.¹⁹⁸

По рассказам рабочих, клад состоял примерно из 300 медных и 4 серебряных херсонесских монет. Медные монеты были трех типов: грифон — коленопреклоненная Дева; «колесница с четырьмя лошадьми и цветком» (в монетах Херсонеса неизвестен; вероятно, рабочие приняли за цветок изображение коленопреклоненного воина со шитом, поэтому можно предположить, что имеется в виду хорошо известный тип: квадрига—воин); голова Дианы в лавровом венке — лежащая лань и магистратское имя $\Xi\epsilon\eta\omicron\kappa\lambda\epsilon$. С какими изображениями были серебряные монеты, осталось неизвестным, так как рабочие, нашедшие клад, покинули Севастополь. З. А. Аркасу удалось достать только 4 медные монеты с изображениями на аверсе грифона, квадриги и головы Девы в венке, которые он отправил в музей ООИД. Неточность описания монет в рапорте Аркаса вполне объяснима и простительна. Если в начале XIX в. в распоряжении нумизматов имелись лишь единичные экземпляры монет Херсонеса Таврического, то к концу 1840-х гг. стало известно около двухсот монетных типов за более чем тысячелетнюю историю города. Первая обобщающая монография о древностях Херсонеса, принадлежавшая столичному нумизмату Б. В. Кёне, вышла четыре года спустя после находки клада.¹⁹⁹

Обращает на себя внимание почти столетний хронологический разрыв между отдельными типами медных монет клада 1844 г. Первый, с грифоном на лицевой и коленопреклоненной Девой на оборотной стороне, датируется А. Н. Зографом 340—330 гг., а В. А. Анохиным 330—300 гг. до н. э.,²⁰⁰ второй тип — квадрига—воин — относится к 350—330 гг. до н. э.,²⁰¹ третий — с головой Девы в лавровом венке на лицевой, лежащей ланью и магистратским именем $\Xi\epsilon\eta\omicron\kappa\lambda\epsilon$ на оборотной стороне, А. Н. Зограф датирует II в. до н. э., а В. А. Анохин — 210—200 гг. до н. э.²⁰² К сожалению, мы не имеем сведений об изображениях на серебре и наличии надчеканок на меди. Если поставить под сомнение сведения Аркаса, ситуацию возможно ре-

¹⁹⁵ См.: *Мурзакевич Н. Н.* З. А. Аркас. [Некролог] // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 492—494.

¹⁹⁶ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 4718, л. 4—6 об., 12—12 об.

¹⁹⁷ См.: *Гилевич А. М.* Хронология и топография кладов и коллективных находок херсонесских монет IV—II вв. до н. э. // Публ. А. Н. Щеглова // Археологические вести. 1999. С. 346—373.

¹⁹⁸ Рапорт З. А. Аркаса опублик. в статье: *Туккина И. В.* Неизвестный клад херсонесских монет 1844 г. // ПАВ. 1993. № 6. С. 76—78.

¹⁹⁹ Кёне Б. В. Исследования об истории и древностях города Херсониса Таврического. СПб., 1848.

²⁰⁰ Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 148, 243. Табл. 35: 16, 18; Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 138. Табл. 4: 60—62, 64—65, 68—69.

²⁰¹ Зограф А. Н. Античные монеты. С. 243. Табл. 35: 10; Анохин В. А. Монетное дело... С. 136—137. Табл. 2: 40—42. Табл. 3: 43—56.

²⁰² Зограф А. Н. Античные монеты. С. 150. Табл. 36: 6; Анохин В. А. Монетное дело... С. 28—29, 144. Табл. 10: 143.

конструировать следующим образом. Согласно предположению В. Ф. Столбы, рабочие нашли клад конца IV в. до н. э., впоследствии пришедшая к нему монеты значительно более позднего времени, или же обнаружили сразу два разновременных клада, представив их как один.²⁰³ Так, в 1895 г. на даче Савельевой (Маячный полуостров) был обнаружен клад херсонесской меди рубежа IV—III вв. до н. э. с монетами только двух типов: грифон—колелопреклоненная Дева; квадрига—воин.²⁰⁴ Предположение о несочетаемости монет клада 1844 г. согласуется с отсутствием меди типа квадрига—воин на территории городища и ближайшей округи Херсонеса уже к началу III в. до н. э.

Однако, на мой взгляд, следует все же а priori принять информацию З. А. Аркаса за абсолютно достоверную. Из текста его рапорта следует, что медные монеты были трех типов; то же, по словам К. Крузе, утверждали и рабочие, обнаружившие клад. Если это действительно так, то сочетание трех указанных выше монетных типов в херсонесских кладах встречается впервые. Это заставляет задуматься о пересмотре даты, предложенной А. Н. Зографом для монет с изображением головы Девы в лавровом венке и лежащего оленя, с магистратским именем *ΞΕΝΟΚΛΕΩ*, в сторону ее удревления.

Легенда *ΞΕΝΟΚΛΕΩ* зафиксирована на меди с изображением мужской головы в повязке вправо на аверсе и палицы на реверсе. В датировке этого монетного типа в последнее время наметилось расхождение. Если А. Н. Зограф относил его ко II в., то В. А. Анохин к концу III в., а В. Ф. Столба даже к середине III в. до н. э.²⁰⁵ По классификации В. И. Каца, имя *Ξενοκλῆς* появляется на херсонесских магистратских клеймах в последней трети III в. до н. э.²⁰⁶

Таким образом, хронологический диапазон идентифицируемых монет клада 1844 г. входит в явное противоречие с общепринятыми датировками периодов обращения отдельных типов херсонесской меди. А. М. Гилевич отмечено более длительное, чем в Херсонесе, хождение монет квадрига—воин на сельских поселениях Северо-Западного Крыма, встречающихся там в комплексах первой трети III в. до н. э.²⁰⁷ Отдельные монеты с изображением колелопреклоненной Девы, грифона и контрмаркой «дельфин», по наблюдениям В. Ф. Столбы, сохранились в ходу не только до конца III в., но и в начале—первой половине II в. до н. э.²⁰⁸ А. Н. Щеглов осторожно датировал клад IV—III вв. до н. э.²⁰⁹ По мнению А. М. Гилевич, «отсутствие в кладе меди выпусков, непосредственно следующих за сериями типов грифон—Дева (Дева—грифон) и квадрига—воин..., а также общая нумизматическая и археологическая ситуация... свидетельствуют в пользу возможной синхронности обоих кладов на Маячном полуострове» (имеется в виду клад 1895 г. на даче А. Савельевой).²¹⁰ Однако доказать принадлежность клада 1844 г. к рубежу IV—III вв. до н. э. либо, напротив, из-за наличия монеты с изображением головы Девы в венке вправо—лежащего оленя и именем Ксенокла — к последней трети III в. до н. э. — достаточно проблематично, так как принадлежность последней монеты этому кладу, на ее взгляд, весьма сомнительна.²¹¹ И все же архивная информация о кладе херсонесских монет 1844 г., несмотря на определенные сомнения в достоверности его комплекса, заставляет по-новому взглянуть на некоторые факты денежного обращения Херсонеса в раннеэллинистический период.

²⁰³ Столба В. Ф. Херсонес и скифы в V—II вв. до н. э.: (Проблемы взаимоотношений) / Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991. С. 90. Примеч. 1.

²⁰⁴ Гилевич А. М. 1) Клад монет из округи Страбонова Херсонеса // СА. 1960. № 4. С. 167—170; 2) Хронология и топография кладов... С. 352.

²⁰⁵ Зограф А. Н. Античные монеты. С. 150; Анохин В. А. Монетное дело... С. 144. № 145—146; Столба В. Ф. Новое посвящение из поселения Панское I и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. 1989. № 4. С. 68—69. Табл. Примеч. 5.

²⁰⁶ Кац В. И. 1) Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1. С. 105, 111; 2) Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994. С. 67, 77, 107 (№ 89: 230—215 гг. до н. э.).

²⁰⁷ Гилевич А. М. Херсонес и Северо-Западный Крым по нумизматическим данным // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении: (К 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа): Краткие тез. докл. и сообщ. науч. конф. Л., 1987. С. 55.

²⁰⁸ Столба В. Ф. Херсонес и скифы... С. 89. Примеч. 1.

²⁰⁹ Щеглов А. Н. Монетные находки на Маячном полуострове в Юго-Западном Крыму // Всероссийская нумизматическая конференция 6—8 апреля 1994 г.: Тез. докл. СПб., 1994. С. 42.

²¹⁰ Гилевич А. М. Хронология и топография кладов... С. 352.

²¹¹ Там же. С. 362, 369.

20 сентября 1843 г. министр внутренних дел Л. А. Перовский просил М. П. Лазарева представить «подробное описание древностей, близ г. Севастополя находящихся». Лазарев поручил составить описание Статистическому комитету, что и было исполнено в августе 1844 г. З. А. Аркасом.²¹² Копию описания автор препроводил в ООИД. «Знаю, что тут есть много ошибок при составлении истории Гераклейского полуострова, — писал Аркас вице-президенту ООИД А. Ф. Негри, — но они произошли по неимению в нашей библиотеке тех книг, из коих можно было бы почерпнуть нужные сведения; в отношении же описания мест, то нет никакого сомнения, они описаны верно. Если Вашему Превосходительству угодно иметь планы и виды этих мест, то прошу покорнейше обратиться с требованием к главному командиру как об описании этом, которое я посылаю частно, так и о планах и видах, дабы можно было бы потребовать инженерного кондуктора, знающего рисовальное искусство, для снятия с черновых, находящихся при делах Статистического комитета. [...] У меня есть до 200 древних греческих и римских монет серебряных и медных (перечень монет опускаю. — И. Т.). Имея таковых по одной, не могу дать Одесскому обществу истории, если угодно Вашему Превосходительству, то тот же кондуктор может снять с них рисунки и прислать к Вам».²¹³

З. А. Аркас составил специальное «Описание Ираклийского полуострова и древностей его».²¹⁴ Планы и виды к описанию Гераклейского полуострова были получены обществом в мае 1846 г. и опубликованы во втором томе «Записок» (табл. V—XII). Первая часть труда посвящена истории Херсонеса, почерпнутой автором главным образом из письменных источников.²¹⁵ Затем Аркас довольно поверхностно описывает руины Нового Херсонеса между Карантинной и Круглой бухтами: остатки крепостных стен, башен, следы рва с южной стороны оборонительных стен, направления древних водопроводов. Ценными в его описании являются лишь упоминания о памятниках, когда-то видимых на поверхности земли, но впоследствии разобранных или уничтоженных. Так, у стены, ведущей с береговой полосы, когда-то были окованные железом ворота, о которых вспоминали старожилы, но от них не осталось и следа. По его словам, каменная пристань у Круглой бухты была разобрана на постройку городской бойни. Аркас подробно описывает остатки исследованных Круже церквей, замечая при этом, что одна из них более или менее сохранилась, а две другие «разорены и камни снесены». По берегу Карантинной бухты он отмечает высеченные в скале склепы.²¹⁶

Руины на западной оконечности Гераклейского полуострова между Херсонесским мысом и Георгиевским монастырем автор принял за остатки древнего Херсонеса. Аркасом приведен перечень зданий «циклопической» кладки, «обсервационных» башен, усадеб, фундаментов «четырехугольных оград, заключающих в себе обработанную землю», и «правильных дорог», двух древних бассейнов, колодцев, цистерн и пр., систематизированный по местоположениям современных ему хуторов с обозначением фамилий владельцев и ближайшим топографическим привязкам, таким как бухты, мысы, дороги, родники и пр. Далее помещено Описание древностей Балаклавы и Инкермана.²¹⁷ После появления фундаментального труда Добуа де Монпере работа Аркаса была воспринята многими столичными учеными как морально устаревшая; уже в то время она не могла считаться удовлетворительной, и сегодня этот труд представляет не более чем историографический интерес.

В 1845 г. Одесское общество просило М. П. Лазарева представить подробные сведения и планы Инкермана, Херсонеса, Мангуна, а также доставить в Одессу «все мраморные колонны» и барельеф Феагена (ИРЕ, I², 453). В феврале 1846 г. ООИД ходатайствовало поручить сбор

²¹² Описание опубликовано анонимно несколько лет спустя: Древности Ираклийского полуострова // ЖМВД. 1847. Ч. 19. № 7. С. 91—116; Переизд.: Русский инвалид. 1848. № 252—256. «Уведомляю Вас, — писал Аркас Мурзакевичу 24 августа 1847 г., — что в издаваемом журнале от Министерства внутренних дел помещены одни только древности Ираклийского полуострова без чертежей и планов в июле месяце с. г., которые посланы были к министру внутренних дел в 1844 г., но археологическое описание не помещено, притом посланное мною к Вам описание Гераклейского полуострова и древностей его в 1846 г. заключает в себе более сведений и исправлены некоторые ошибки» (ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 44, л. 28 об.—29).

²¹³ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 44, л. 4—4 об.

²¹⁴ Аркас З. А. Описание Ираклийского полуострова... С. 245—271. Табл. 5—10. Отд. изд.: Николаев, 1879 (с портретом автора и 9 табл. чертежей).

²¹⁵ Там же. С. 245—255.

²¹⁶ Там же. С. 256—259.

²¹⁷ Там же. С. 259—271.

древностей именно З. А. Аркасу как своему корреспонденту.²¹⁸ М. П. Лазарев предписал ему присутствовать «при выборе из херсонесских развалин всего того, что носит отпечаток древностей в отношении архитектурном». На городище были собраны все «колонны, капители, pedestals, карнизы и всякие другие обломки, имеющие какую-либо художественную форму» (1846).²¹⁹ В Одессу отправили морем «pedestals поврежденных восемь и больших обломков из колонн пять» (на одной из колонн «находится выпуклый крест, а прочие гладкие»), а также две мраморные капители.²²⁰ Херсонесские древности попадали не только в музей ООИД. В 1845 г. Севастополь посетил Николай I. Увидя в стене Петропавловской церкви мраморный барельеф Феагена, описанный многими путешественниками, император распорядился отправить его в Эрмитаж.²²¹

Весной 1845 г. Михаил Иванович Бларамберг, сын И. П. Бларамберга, побывавший в Севастополе, писал Н. Н. Мурзакевичу, что «первый ираклийский Херсонес, упоминаемый древними писателями, не находился в другом месте, как это до сего времени писали многие исследователи, но был именно там, где существовал потом византийский Херсонес... и что этот Херсонес построился уже из остатков древнего».²²² Эта точка зрения окончательно утвердилась много десятилетий спустя и сейчас общепринята. Летом 1845 г. М. И. Бларамберг собиравшийся провести раскопки «нескольких гробниц» в Херсонесе, на что общество получило разрешение Лазарева, но из-за перевода чиновника на Кавказ они проведены не были.²²³

В том же году «весьма поверхностные разведки» в Херсонесе вел лейтенант князь В. И. Барятинский.²²⁴ вскрывший юго-восточную часть так называемого островка Св. Климента и обнаруживший остатки монастырских построек византийской эпохи.²²⁵ В письме швейцарского путешественника де Бро в Одесское общество истории и древностей (май 1847 г.) упомянуто, что место раскопок В. И. Барятинского — маленький остров, почти сливающийся с побережьем, принадлежал инженеру в отставке К. Крузе; раскопки были начаты с согласия владельца земли. З. А. Аркас и де Бро посетили раскопки, причем Аркасом был снят их план, отправленный в ООИД. Помимо бронзовых монет императора Романа I,²²⁶ в ходе работ, согласно письму де Бро в ООИД из Севастополя от 24 апреля 1847 г., открыли «стены, затем куски мрамора, остатки колонн и несколько медалей. Судя по расположению открытых стен, решили, что это остатки укрепления и маленькой церкви. В углу около алтаря нашли большую мраморную табличку (плакетку), на которой рельефно вырезан крест; сначала решили, что она закрывает могилу, но, подняв ее, обнаружили внизу только чистую пресную воду. Мраморная табличка имеет маленькую круглую дыру почти в центре; никто до настоящего времени не смог предположить, чему эта дырка сможет служить. Эта табличка, так же как самые лучшие куски мрамора, были унесены князем, большим любителем древностей. Несколько месяцев спустя он уехал в Петербург, и желая оставить мне память о себе и Херсонесе, который нас столь интересовал, он мне подарил эту мраморную плакетку».²²⁷ Этот мраморный барельеф с крестом спустя два года после раскопок, незадолго до возвращения на родину, весной 1847 г. был пожертвован де Бро музею ООИД и доставлен в Одессу на военном фрегате.²²⁸

Одесское общество лихорадочно пыталось найти сотрудника для наблюдения за руинами Херсонеса, которому можно было бы доверить и проведение раскопок. 13 августа 1845 г.

²¹⁸ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 44, л. 5—8 об., 10—10 об.

²¹⁹ М. П. Лазарев: Документы. Т. 3. С. 51—52, 355—356; РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 4275.

²²⁰ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 44, л. 14, 17.

²²¹ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 4719, л. 1—32; АГЭ, ф. 1, оп. II-1846, д. 35/5, л. 1—3.

²²² ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 2, л. 11.

²²³ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 4717, л. 1—3; ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 20, л. 61, 63, 66.

²²⁴ Князь Виктор Иванович Барятинский поступил на службу юнкером Балтийского флота «из студентов Петербургского университета», в 1842 г. в чине мичмана переведен на Черноморский флот, 13 сентября 1845 г. произведен в лейтенанты, в 1849—1851 гг. на собственной шхуне «Ольвия» плавал по Черному и Средиземному морям, а в 1852 г. на бриге «Эней» у восточного берега Черного моря. Участвовал в боевых действиях в годы Крымской войны. В 1857 г. в чине капитана 1-го ранга уволен от службы. См.: ОМС. 1897. Ч. 9. С. 186—187.

²²⁵ Аркас З. А. Описание Ираклийского полуострова... С. 263. Примеч.; Брун Ф. К. К вопросу о древней топографии Ираклийского полуострова // Черноморье. Одесса, 1879. Ч. 1. С. 68; Айдалов Д. В. Развалины храмов. С. 137—140; *Формозов А. А.* К летописи... С. 174—175.

²²⁶ *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Важное археологическое открытие в Крыму // ИТУАК. 1891. № 13. С. 60.

²²⁷ ГАОО, ф. 93, оп. 1, л. 30, л. 51—51 об.

²²⁸ Там же, л. 54, 57—57 об.

действительный член ООИД Анненков предложил свои услуги по раскопкам в курганах Екатеринославской и Херсонской губерний в пользу общества. Взамен ему было предложено обратить внимание «на развалины классического Херсониса», но Анненков в ноябре ответил отказом, ссылаясь «на отдаленность своего местожительства».²²⁹

В 1845 г. через Министерство Имп. двора и Морское министерство Д. В. Карейша получил разрешение продолжить раскопки на территории Херсонеса. В 1846 г. основное внимание он уделял раскопкам «склепов или катакомб», среди которых не оказалось ни одного неразграбленного. Раскопки 1847 г. проходили с февраля по середину мая.²³⁰ Он заложил шурф в полуверсте (0.53 км) от оборонительных стен близ Карантина. «Тут... стал я отыскивать подземные склепы, высеченные в скалах мягкого известкового камня, и нашел несколько их с узкими квадратными отверстиями у входа и лежанками с трех сторон, на коих в беспорядке набросаны были кости покойников. К сожалению, ни один из них не оказался целым; все были осмотрены и расхищены в давнее еще время... Продвинувшись немного в сторону, выше этих катакомб, я открыл пять гробниц, вырубленных на некотором расстоянии одна от другой, в каменистом грунте, и засыпанных сверху землей. В четырех из них не было найдено ничего, кроме остовов, а в пятой найдены: у рук покойника — маленькая стеклянная слезница (бальзамарий. — *И. Т.*) и медное зеркало; на пальцах — медное же колечко, а в головах — простой глиняный кувшинчик».²³¹

Огорченный неудачей, Карейша перенес раскопки в огромный «курган» у стен близ главных ворот городища. Методика работ была традиционной для того времени — «рассеки в разных местах» до материка. «Курган» оказался задернованным фундаментом разрушенного «общественного здания или монастыря» византийской эпохи, возведенного из блоков инкерманского известняка. На глубине 20 футов (6.1 м) были найдены медные монеты, стеклянные украшения и «глиняный круг с изображением византийского креста». Западнее открыли стену 4 футов (1.21 м) высотой, сложенную из четвероугольных камней, на 28 футов (8.53 м), покрытую землею и мусором. Она покоилась на фундаменте из известняка, который «имел впереди род террасы и принадлежал, может быть, к одному из дворцов, упоминаемых в истории Владимира». «Убив здесь много... трудов и издержек без всякого успеха, я начал после того разработку одного очень широкого и плоского кургана, почти на самом берегу моря... Но и в этом месте разработки мои не были удачнее: я отыскал в нем, после значительной раскопки, только одну мраморную, грубой работы, небольшую статушку (по описи находок, в «сидячем положении». — *И. Т.*), и то с отбитыми руками и головой, да несколько испорченных временем монет».²³² Здесь же были найдены два небольших бронзовых креста, причем один с изображением Спасителя. Все найденные памятники, за исключением «громоздких», поступили в Эрмитаж.²³³

К. Э. Гриневич пришел к правильному выводу, что для Карейши не представляло никакого интереса исследование самого городища — раскопки древних улиц, домов и даже храмов и «монастырей», так как он искал совсем другое. Именно поэтому Карейша заключил свой рапорт «О разысканиях древностей в стенах Херсонеса и вблизи их» (1847) следующим приговором: «Ныне, убедясь опытом, что в нем и в окрестностях его нельзя найти ничего интересного в археологическом отношении, после двукратных расхищений и грабежа литовцами, потом татарами и наконец жителями Севастополя, уцелевших до настоящего XIX в. остатков его, я полагаю полезным и выгодным для казны не делать более никаких разрытий на пепелище Херсонеса или возле оногo».²³⁴

В марте 1847 г. в Одессу на пароходе «Бессарабия» З. А. Аркасом были отправлены шесть барельефов, надгробий и мраморных плит с надписями, две капители, каменный киот,

²²⁹ Там же, д. 2, л. 20—20 об., 49 об.

²³⁰ Археологические разыскания близ древних Пантикапея, Фанагории и Херсониса (1845—1846): Извлечено из отчета Д. В. Карейши // ЖМВД. 1846. Ч. 16. № 11. С. 248—310; *Карейша Д. В.* Археологические разыскания вокруг Керчи, Севастополя и на Таманском полуострове (1846—1847) // ЖМВД. 1848. Ч. 21. № 3. С. 425—450.

²³¹ РГАВМФ, ф. 410, оп. 1, д. 1045, л. 1—3; *Гриневич К. Э.* Сто лет херсонесских раскопок. С. 13.

²³² *Гриневич К. Э.* Сто лет херсонесских раскопок. С. 14.

²³³ *Кене Б. В.* Исследования об истории и древностях города Херсониса Таврического. С. III—IV.

²³⁴ АГЭ, ф. 1, оп. I-1848, д. 8, л. 7 об.

плоская черепица и «глиняная урна».²³⁵ ООИД готово было ассигновать Аркасу средства на раскопки и приобретение древностей у частных владельцев для своего музея, «если они будут хорошо сбережены и притом стоить невысокой цены. Равным образом и на наем рабочих для поисков в Херсонесе общество готово уделить некоторую сумму из своих небольших доходов», а в случае необходимости обратиться к М. П. Лазареву «о снабжении Вас небольшим числом рабочих».²³⁶ Неудачные раскопки Д. В. Карейши заставили З. А. Аркаса отказаться от проведения собственных работ. В одном из писем в общество (1847) он сообщил, что «если состоится предположение строить новый карантин на том месте, где находился Херсонес, и мне дозволено будет быть при планировке, то я надеюсь найти там много мраморов и монет».²³⁷ К счастью для науки, это строительство начато не было.²³⁸ Благодаря хлопотам Н. Н. Мурзакевича, летом 1847 г. вновь посетившего Севастополь и убедившего управляющего Морским министерством вел. кн. Константина Николаевича в пагубности затеи севастопольского военного губернатора вице-адмирала А. П. Авинова.²³⁹ Мурзакевич поручил Аркасу отправить в Одессу для музея общества «каменную плиту с изображением креста, мраморную капитель и разбитую каменную урну». Аркас в свою очередь просил ходатайствовать перед Лазаревым «дозволить искать монеты и мраморы в развалинах Херсонеса и дать постоянных и способных 5 или 8 человек при унтер-офицере с инструментами: ломом, кирками и лопатами в мое распоряжение».²⁴⁰

В 1848 г. появилась первая обобщающая работа по нумизматике Херсонеса, принадлежащая хранителю Эрмитажа Б. В. Кёне. Она издана в двух вариантах — на немецком языке и в русском переводе (последний был издан при финансовой поддержке Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества тиражом 162 экз.). Автор изучил монеты, хранившиеся не только в Эрмитаже (151 экз.), но и рассеянные по многочисленным миц-кабинетам Европы — королевским музеям Берлина, частным собраниям кн. В. В. Кочубея, П. Сабатя, кн. А. А. Сибирского, гр. А. С. Уварова в Петербурге, З. А. Аркаса в Севастополе, кн. Ф. Г. Гагарина во Франкфурте-на-Майне, Рауха в Шарлоттенбурге под Берлином. Изложение истории города и его монетной чеканки разделено на три периода — греческий, римско-боспорский, византийский. Книга Кёне представляет собой чисто кабинетный труд, так как сам он не исследовал местность, о которой писал, сделав основным источником для археолого-топографического обзора сочинение Дюбуа де Монпере, а в дополнении²⁴¹ к книге — работу З. А. Аркаса. Понятно, почему Кёне не смог ясно высказать собственную точку зрения в дискуссии о местоположении древнейшего Херсонеса. Он лишь сослался на то обстоятельство, что описания швейцарского натуралиста подтверждаются новейшими исследованиями.²⁴²

В сентябре 1848 г., во время объезда Южной России по заданию Петербургского археолого-нумизматического общества, Севастополь посетил граф А. С. Уваров. В памятной записке Н. Н. Мурзакевича «Memorandum» указано, что молодому археологу следует познакомиться с заведующим библиотекой морских офицеров «капитаном 1-го ранга Федором Федоровым Матюшкиным» и З. А. Аркасом, который покажет ему руины Херсонеса, а также «срисовать

²³⁵ 1. Барельеф (мраморный) с изображением женщины и мальчик во весь рост, с греческой надписью; 2. Мраморный барельеф с изображением двух купидонов и надписью ΕΑΝΘΟΣ (полагать должно ΚΑΕΑΝΘΟΣ); 3. Половина мраморного барельефа с изображением больного человека, лежащего на кровати, и сидящей женщины на стуле, без надписи (верхняя половина барельефа не отыскана); 4. Каменный барельеф, на котором изображены два худо отделанные мужчины, из коих один с бородою, до половины туловища, без надписи; 5. Мраморная плита с греческой надписью; 6. Каменная надгробная плита с греческой надписью какого-то священника; 7. Один худо отделанный каменный кювет, у которого часть отбита и не найдена; 8. Одна древняя целая плоская черепица большого размера; 9. Одна глиняная урна» (рапорт Аркаса в ООИД от 12 марта 1847 г.: ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 44, л. 21—24).

²³⁶ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 44, л. 25 об.—26.

²³⁷ Там же, л. 10—24, 27. Ср. аналогичный пассаж З. А. Аркаса в его статье: Аркас З. А. Описание Ираклийского полуострова... С. 257. Примеч. 3.

²³⁸ См.: РГАВМФ, ф. 326, оп. 1, д. 13722: Генеральная карта части окрестности с показанием места предполагаемой постройки военного карантина (на Херсонесском мысе. — И. Т.). Инженер штабс-капитан Афанасьев. 1836 г.

²³⁹ Записки Н. Н. Мурзакевича // РС. 1888. Т. 59. № 9. С. 588—589.

²⁴⁰ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 44, л. 28—29 об.

²⁴¹ Кёне Б. В. Дополнение к исследованию об истории и древностях города Херсонеса Таврического // ЗПАН. 1850. Т. 2. Вып. 2. С. 263—276.

²⁴² Кёне Б. В. Исследования об истории и древностях города Херсониса Таврического. С. 5. Примеч. 1.

следы лестниц портов древних, со стороны моря, снять фундаменты двух церквей». В Инкермане ему поручалось «срисовать вид крепости, пещерную церковь, а также следующую на противоположной стороне р. Чоргуны, что по сторону водопровода (туннель)», а в районе Георгиевского монастыря отыскать «следы Дианина храма, по проекту Дюбуа: срисовать следы руин. [...] У Ай-Тодорского маяка часто вырываются херсонесские монеты: спросить, не нашлось ли?».²⁴³

Познакомившись с З. А. Аркасом, граф осмотрел его собрание древностей и монет, пометив в путевых записках, что коллекционер всего лишь «любитель, но не знаток». В дневнике 11 сентября 1848 г. Уваров оставил тезисное описание Херсонеса, где подчеркнул необходимость составления подробного плана развалин и изменения методики раскопок городища:

«Развалины 4 церквей, план Dubois всех вернее, исключая только [то], что не ставит ц. Владимира, она вернее обозначена у Аркаса; башня, лестницы, чтобы сходить. Надо составить подробный план, потом камни, лежащие над землею, вынести за городскую стену или обнести все место стеной, чтобы не могли красть камни; очистить, так главные здания обозначатся, и тогда нужно не рыть, а только вырывать фундамент, чтобы они яснее были видны. Улицы обозначатся, площади (не рыть, как Карейша, а выносить землю, ибо нужно очистить). Потом составить новый подробнейший план. [...] Стены кое-где поддержать кирпичною работою. Отнюдь не рыть, ибо потеряются обшине еще сохранившиеся... остатки зданий, улиц, площадей. По направлению цистерн можно видеть, откуда шла к ним вода, но не рыть. Если это сделать, то нужно с одного конца, и постепенно дойти до другого, никак не бросаться, как Карейша, на все места, ибо тогда, завалив одно, стал бы отрывать другое. После дождя, снимая землю палкою, находят много монет, одних византийских херсонесских монет, и императорских времен Константина Великого, Восточной империи и наконец... византийские монеты; серебряные Комнинов редко или даже почти никогда не встречаются. Кладка стен сделана слоями, иногда и до 13 слоев, цемент двойкий; в работах, касающихся моря, он из извести, морского песка и разломанной черепицы; в других местах это обыкновенный морской песок с известкою [...]. Систерны извне должны быть обнесены каменною стеною».

Для раскопок, по мнению А. С. Уварова, достаточно привлечь 20 матросов ластового экипажа под командованием унтер-офицера. На начальном периоде работ заведовать раскопками смог бы и Аркас, позднее необходимо привлечь настоящего археолога для классификации найденного материала. Первичный разбор древностей следует проводить «в особенном здании,строенном при новой стене, но извне древнего города... каковой будет служить местом прежде отсылки в Эрмитаж». А. С. Уваров с горечью заметил, что вице-адмирал А. П. Авинов «не любит древностей» и может отказаться выделить рабочих для раскопок по цене казенных работ (10 к. в день).

13 сентября граф посетил мыс Херсонес на Маячном полуострове: «Остатки жилищ из больших камней; год от года все будет труднее их разыскать. Мыс — весь берег плоский, и никаких остатков не находили...».²⁴⁴

В середине XIX в. на руины Корсуня русских летописей обратили внимание представители русской православной церкви. Указом Синода от 4 мая 1850 г. № 4141, утвержденным императором Николаем I, начальству Херсонской епархии разрешалось заняться восстановлением древних «святых мест» в Крыму.²⁴⁵ Церковные иерархи в 1850—1852 гг. стали добиваться передачи участков земли, принадлежавших Севастопольскому порту, в ведение Таврической епархии для увековечивания места крещения князя Владимира.²⁴⁶ Архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (в монашестве, настоящая фамилия и имя Борисов Иван Алексеевич, 1800—1857) составил специальную «Записку о восстановлении древних святых мест по горам Крымским» (1850), где под 4-м пунктом обозначены христианские памятники Херсонеса: «Между этими развалинами доселе приметны основания 4 церквей, трех меньших и одной большей, которую не без причины признают за соборную, в коей крестился Св. Владимир. [...] Поелику основания древней церкви на развалинах Херсонеса целы доселе и даже сохранились части колонн и орнаментов ее (они находятся в Одесском музее древностей), то новейшая архитектура в состоянии по сим данным восстановить ее в том древнем виде, как она была при Владимире, что и составит самый приличный памятник на месте его крещения...

²⁴³ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, л. 196, л. 105—106.

²⁴⁴ Там же, д. 192, л. 54 об.—57 об.

²⁴⁵ *Алфим. изум.* Историческая записка о Херсонисском св. Владимира монастыре // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 427.

²⁴⁶ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 5110.

Среди всех превратностей времени доселе сохранилась доска с престола сей церкви,²⁴⁷ находящаяся теперь в музее Одесского общества древностей. [...] Здесь, кроме, может быть, оснований древней церкви, надобно будет делать все снова, а именно кроме восстановления самой церкви в древнем виде должно: 1) устроить помещение священнослужущим с особою комнатою для любителей; 2) возобновить древнюю, находившуюся при церкви, цистерну; 3) насадить вокруг церкви деревья и сделать ограду. [...] Таврида наша с горами своими и священными воспоминаниями, кои пришли в забвение у православной России, только по невниманию к ним гг. Кёппенов (sic! — И. Т.) и Монтадонов (говоря сие, нисколько не думаем отнимать их ученого достоинства), представляет к тому единственное средство». Иннокентий предлагал, «придерживаясь формы пустынножительства» по примеру Афона, учредить в Крыму иноческое братство, члены которого, по желанию и возможности, могли заниматься «собираанием исторических преданий и описанием древностей».²⁴⁸

Найдя поддержку в Главном морском штабе, у командира Черноморского флота и городской думы Севастополя, Иннокентий просил составить планы передаваемых участков земли, которые были выполнены в ноябре 1851 г.²⁴⁹ 19 марта 1852 г. император разрешил передачу церкви 36,5 десятин (39,78 га) на территории городища Херсонеса и его окрестностей и 20 десятин (21,8 га) в Инкермане. К сожалению, планы в деле отсутствуют.²⁵⁰ В мае того же года была создана специальная епархиальная комиссия для приема земельных участков в составе Иннокентия, начальника Бахчисарайского Успенского скита о. архимандрита Поликарпа и двух иеромонахов — Василия и Виссариона.²⁵¹

В 1852 г. на территории городища архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием был открыт Херсонесский монастырь, первоначально под видом общежительной киновии. До нас дошла записка игумена херсонесского монастыря Василия (Юдина), представленная архиепископу Иннокентию в 1852 г., о качестве и вероятном использовании земель монастыря, сопровождаемая планом Херсонеса, с расшифровкой обозначений.²⁵² Первую церковь в честь св. княгини Ольги, матери св. князя Владимира, при строительстве которой были обнаружены остатки византийского храма, освятили в феврале 1853 г. Игумен Василий обнес городище Херсонеса стеной²⁵³ и получил разрешение на сооружение известковой печи, где «в пользу киновии» пережигался на известь мелкий камень, разбросанный по его территории. Этому не препятствовал З. А. Аркас, полагавший, что таким образом скорее обнажатся фундаменты зданий, улиц, площадей, откроются мраморы и другие древности.²⁵⁴

Активность представителей православной церкви в Херсонесе совпала с важным археологическим открытием. В 1851 г. лейтенант Шемякин на собственный счет провел раскопки и обнаружил южную стену византийской церкви,²⁵⁵ ставшую известной под именем Уваровской базилики. 30 марта 1851 г. Аркас писал Мурзакевичу:

«Спешу уведомить Вас, что один лейтенант, по имени Шемякин, нашел на развалинах Херсонеса, у башни, которая находится между пристанями, устроенными по западную сторону, у самого моря, — мозаики, подобные софийской церкви. обстоятельство этого заставило его привести несколько рабочих людей, и, открывая, нашел: на стенах окрашенную шекотурку (штукатурку. — И. Т.), пол, выстланный крупным простым мозаиком, куски мраморных узких пилястр с резьбою прямых полукруглых линий, и на одном из них вырезан крест, а под этими мраморами нашлись остовы человеческие, но монет не оказалось никаких; мелкий же хороший мозаик разного

²⁴⁷ Речь идет о мраморной напестольной доске, найденной при раскопках кн. Бярятинского на острове Св. Климента.

²⁴⁸ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 5110, л. 2—12.

²⁴⁹ В библиотеке ООИД хранился «План участка земли, предполагаемого к уступке Черноморским ведомством Епархиальному для возобновления святых мест и обители на развалинах древнего Херсониса. Снимал с натуры и чертил инженер-прапорщик Диммерт».

²⁵⁰ Сохранились более поздние «Планы [мыса] Херсона с указанием земельного участка, принадлежавшего монастырю св. Владимира», в красках. Масштаб в 1 дюйме 100 саж. (1: 8400), размер 320 × 405. См.: РГАВМФ, ф. 3/11, оп. 27, д. 1270.

²⁵¹ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 5110, л. 17—17 об., 26, 30, 36—37 об., 47—47 об., 51—51 об., 54.

²⁵² ИР ЦНБ, V, 769, л. 2—3 об. План Херсонеса на л. 1 об., 4 (расшифровка условных обозначений почерком игумена Василия).

²⁵³ Маркевич А. И. Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // ИТУАК. 1901. № 31. С. 38.

²⁵⁴ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 44, л. 49, 50—51 об.

²⁵⁵ Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок. С. 14—15.

цвета, в числе коих есть и золотистого, бахают по всему пространству. Шемякин открыл только южную стену этого здания, и как он хотел присвоить себе все найденные им вещи, то Карантинное правление и я не позволили ему, и потому он прекратил свои занятия. По рассмотрению мною этого места, кажется, должна быть церковь длиной 13 [27.74 м], шириною 5.5 сажени [11.73 м], алтарь ее круглая башня, означенная в моей карте между пристаями, а примыкающая к нему стена — северная паперть — давно обрушилась в море, и камней нет. Рисунок на шекотурных стенах очень похожа на рисовку под образами, но выше нет стен, на которых, вероятно, были изображены лики образов. Разноцветный мозаик, разбросанный по всему пространству, полагать должно был на куполе и когда обрушился он, рассыпался. Впрочем, это одно только мое предположение. Чтоб удостовериться, нужно открыть все это место, но без содействия начальства сделать не можно. Отысканные Шемякиным мраморы: 10 кусков пиластр, одна мраморная база и несколько небольших кусков мрамора, без надписи, отобранные и хранятся в Карантине». Аркас просил довести информацию об открытии архиепископу Иннокентию. «...Если это здание окажется церковью, то она по величине своей и внутренним украшениям превосходит ту, которую полагаем, что [в ней] крестился Владимир, и хотя возобновить ее... Прежняя церковь совершенно крестообразна, а у найденной теперь очень мало выдается северная паперть, у южной же — вовсе не видно, и потому не имеет хороший вид. Притом она у самого берега моря и подвергается ударениям морского ветра, а на ту, которая посреди города, менее действует ветер, хотя основание ее выше от поверхности воды. Во всяком случае трудно будет решить, в которой из них крестился Владимир».²⁵⁶

Работы Шемякина были прекращены по настоянию З. А. Аркаса, который 12 августа 1851 г. отправил найденные мраморы в Одессу. Узнав об открытии храма, Одесское общество немедленно обратилось с письмом к капитану Севастопольского порта вице-адмиралу С. П. Хрушеву: «Хотя со стороны Севастопольского карантина дальнейшие разыскания г. Шемякина, как производимые без плана и ученой цели, приостановлены и найденные вещи взяты под сохранение, однако общество... находит разрытие классических мест частными лицами, для собственных их приобретений, не соответствующим тем правилам, которые обществу утверждены высоким начальством». Общество просило прекратить подобные раскопки, так как оно само предполагало приступить к археологическим исследованиям Херсонеса «по предначертанному систематическому плану и с целью найденные предметы сохранить и потом описать ученым образом».²⁵⁷

В июле 1852 г. Н. Н. Мурзакевич сам приехал в Херсонес и присутствовал при раскопках иеромонаха Василия, начатых по распоряжению архиепископа Иннокентия и продолженных летом 1853 г. В их ходе были вскрыты фундамент крестообразной в плане церкви в центре городища и следы оснований здания, лежащего сразу за алтарем храма. З. А. Аркас и Н. Н. Мурзакевич сняли ее план «вместе с фундаментом соприкосновенных к ней жилых зданий»²⁵⁸ и высказали предположение, что остатки принадлежат церкви Богородицы, где, согласно летописи Нестора, якобы крестился князь Владимир, и дому (дворцу), где жила княгиня Анна. Свою гипотезу они сообщили Иннокентию, который решил восстановить церковь «по древнему плану» как памятник знаменательному событию русской истории. Составление проекта было поручено епархиальному архитектору Отону под наблюдением Мурзакевича.

Игумен Василий 6 ноября 1853 г. сообщал Иннокентию: «При открытии места около развалин храма, который назначен к возобновлению, в память крещения св. равноапостольного князя Владимира, с правой стороны их, ровно с стеною большого строения, открыты остатки трех мраморных колонн, на таких же пьедесталах. Они обращены к церкви и, как видно, образовали галерею какого-нибудь большого и хорошего дома, остатки которого частью открыты. Теперь, кажется, можно сказать, что это был терем царский. На прежнем плане, поданном Вашему Высокопреосвященству, церковное строение и стена дома были соединены малым полукругом, а теперь между ними свободный ход, а полукруг не составлял фундаментальной постройки. Впереди алтаря тоже отысканы стены с перегородками, но для верного определения все это нужно углубить и расчистить далее». Раскопки Василия были вскоре прекращены, так как 18 рабочим за 20 дней работ нужно было заплатить 90 р. серебром из скудных средств киновии. К рапорту приложен план раскопок с обозначением фундаментов построек, нерасчищенных и расчищенных от камней мест.²⁵⁹

²⁵⁶ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 44, л. 33—33 об. Ср.: Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок. С. 14—15.

²⁵⁷ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 44, л. 36—37.

²⁵⁸ НА ОАМ, инв. № 59852, л. 1: План фундамента древней церкви, с жильем в г. Херсонесе. 1852 г.; л. 2: План стен фундамента древней церкви, предполагаемой к возобновлению на развалинах Херсонеса Таврического.

²⁵⁹ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 44, л. 50—50 об., 51 об. (план).

В ноябре 1852 г. Н. Н. Мурзакевич составил записку «Восстановление херсонесской церкви в первобытном виде». Секретарь ООИД подчеркнул, что в настоящее время на территории городища видны «следы четырех церквей», самая древняя из которых — крестово-купольный храм — воздвигнута из обломков языческого храма. Именно эту церковь стремился восстановить Иннокентий (к записке приложен план фундамента здания с обозначением масштаба).²⁶⁰ «Мысль наша была при восстановлении храма во всех его древних пропорциях вместиť в нее все те капители, колонны, pedestальы, карнизы и разные орнаменты, которые отысканы в Херсонесе и которые хранятся в музее общества; недостающее же число других принадлежностей предполагалось воспроизвести по древним образцам, существующим в обломках. Внутреннюю отделку алтаря, иконостаса и проч. тоже полагалось воспроизвести по образцам древних храмов. Проект такого строго археологического реставрирования был сопровождеи моею историко-археологической запискою, которая вместе с планами г. Отона осенью 1853 г. были препровождены в Петербург, по случаю присутствования преосвященного Иннокентия в Св. Синоде. Какая участь постигла наш проект и доселе неизвестно!» — писал Мурзакевич 18 октября 1860 г.²⁶¹

В 1853 г. по приказанию Л. А. Перовского камер-юнкеру А. С. Уварову было поручено проведение раскопок в Херсонесе. Министр уделов приказал снабдить молодого археолога тремя ножами различной величины «для осторожного ощупывания и отделения земли около открытых вещей» и тремя ситами для просеивания земли «в несколько раз, дабы не оставить в ней мелких предметов». Управляющий Морским министерством вел. кн. Константин Николаевич предписал исполняющему обязанности Главного командира Черноморского флота и портов М. Б. Берху оказать всемерное содействие археологу.²⁶² В помощь А. С. Уварову морское ведомство по словесному приказанию М. П. Лазарева прикомандировало подпоручика корпуса флотских штурманов Федорова.²⁶³ В распоряжении камер-юнкера находились также художник Медведев и топограф для снятия плана городища.²⁶⁴

Для проведения исследований на городище Херсонеса и в Инкермане А. С. Уварову требовалось разрешение архиепископа Иннокентия. Граф, обратившийся к иерарху с письмом, получил положительный ответ, но с оговоркой, что раскопки «должны получить новый характер и быть приспособлены к целям высшим, по крайней мере, не быть в противоречии с ними... По нашему плану и для наших целей первое всего желательнo было бы в Херсонесе открыть совершенно развалины той церкви, в коей, по общему почти мнению, совершилось крещение вел. кн. Владимира, с ближайшими к ней зданиями...». Иннокентий просил А. С. Уварова, чтобы найденные «вещи... оставались на месте, ибо из всех подобных находок предположено устроить со временем в Херсонесе и Инкермане по небольшому хранилищу местных древностей».²⁶⁵ А. С. Уваров немедленно доложил об этом графу Л. А. Перовскому, а тот в свою очередь — Николаю I. Император распорядился христианские древности оставить в распоряжении Иннокентия, а памятники античного периода, открытые А. С. Уваровым, отправлять в Эрмитаж.²⁶⁶

Раскопки А. С. Уварова в Херсонесе велись с 28 октября по 5 декабря 1853 г.²⁶⁷ Работы проводил лейтенант Шемякин, а граф лишь осуществлял общее наблюдение над ними.²⁶⁸ Чтобы не упустить время, еще до получения разрешения от Иннокентия Уваров начал исследования вне церковных земель, «где есть подземные ходы и древние кладбища», и открыл около 40 погребений за городской чертой напротив Карантина — семейные склепы с труположениями, из которых один был расписан фресками.²⁶⁹

²⁶⁰ Там же, л. 42—45 об. Чертеж см.: л. 46 об.—47.

²⁶¹ Там же, л. 56 об.—57.

²⁶² ГАНО, ф. 230, оп. 1, д. 1362, л. 1—2.

²⁶³ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 191, л. 10, 12—14 об.; РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 5469, л. 1—3 об.

²⁶⁴ Там же, л. 20 об., 25.

²⁶⁵ Там же, л. 22—24 об.

²⁶⁶ Якушкин Х. П. Очерк археологических разведок... С. 112.

²⁶⁷ Айдалов Д. В. Развалины храмов. С. 1—15.

²⁶⁸ Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок. С. 16.

²⁶⁹ Находился в некрополе к северо-востоку от крестовидного храма, исследован по просьбе М. И. Скубетова К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1904 г. Опул. М. И. Ростовцевым: АДЖЮР. Атлас. Табл. CIV, 2, CV, 3, CVI, рис. 86. Текст. С. 452—458.

«Херсониты погребали граждан вне стен города, — писал археолог в рапорте Перовскому от 1 декабря 1853 г. — Они обыкновенно высекали в каменистой почве четырехугольную гробницу в виде комнаты. С трех сторон были сделаны полки, на которых ставили усопших. С четвертой стороны находился вход, к которому вела лестница. Такие склепы служили для целого семейства, между тем как одиноких граждан погребали в могилах, прикрываемых большими плитами. Во всякой почти могиле или склепе положены монеты, так что, разрывая херсонитские гробницы, мы положительно знаем время всякого памятника... Стекланные и глиняные сосуды, лампы, ожерелья красотою и изящною отделкой не уступают древностям, находимым в самой Греции или в развалинах Пантикалеи. Кроме времени, можно еще определить и звание погребенного. У мужчин большие застёжки (fibula) поддерживали хламиду; пряжки и ножи лежали возле них. Херсониты променяли греческие сандалии и котурны на скифские сапоги; оттого встречались в некоторых склепах остатки кожаных подошв. На женщинах были богатые ожерелья из разноцветных бус, золотые серьги и украшения. Иголки, диск и шары означают их занятия. Сначала не видно в гробницах следов христианства, но постепенно, приближаясь к III и IV столетиям, попадаются вещи, обозначенные византийскими крестами, или даже самый склеп изукрашен фресками и монограммою Христа... При сем считаю долгом заметить, что херсонитские гробницы, никем еще основательно не исследованные, обещают богатую жатву для науки».²⁷⁰

Находки в погребениях — свыше 200 памятников античного и византийского декоративно-прикладного искусства, монеты I в. до н. э. — X в. н. э. — были отправлены в Петербург.²⁷¹ Необходимо отметить, что описи вещей составлены А. С. Уваровым не по материалу их изготовления (золото, бронза, железо, стекло, керамика и т. п.), как это было общепринято в первой половине XIX в., а по погребальным комплексам, что отвечает и современным методическим требованиям.

7 ноября 1853 г. на «заросшем и неогороженном» месте Уваров приступил к раскопкам церкви в северной части городища у самого берега моря,²⁷² которая ранее была принята З. А. Аркасом за сторожевую башню, а на плане, изданном Б. Кёне, обозначена как церковь св. священномученика Климента епископа Агкирского. «Теперь сбросили сверху камни, — сообщал Василий Мурзакевичу 17 ноября 1853 г., — вырвали корни травяные и между этим нашли верх колонны мраморной, вырезанной листьями; еще несколько отломков мраморных колонн и pedestалов, отломки плит таких же с высеченными на них крестами, отколотыми по краям. В земле лежат две колонны мраморные, длиною в 6 аршин [4.26 м] каждая, но еще не открыты совсем. Намерение графа просеять землю сквозь решета для того: не найдется ли какая маленькая частичка камня или металла с надписью?.. Теперь, когда очистили основания, видно, что левый угол здания упал в море, сажени на две [4.26 м]...».²⁷³

Церковь оказалась одним из наиболее крупных храмов Херсонеса размером 25 саж. в длину (53.3 м) и около 10 саж. в ширину (21.3 м) и вошла в литературу под именем Уваровской базилики. Еще до раскопок были видны фрагменты мозаики, «составленной из маленьких четырехугольных камней разных цветов». План храма читался на поверхности, поэтому памятник был вскрыт Уваровым целиком широкой площадью, до уровня мозаичного пола, а не траншеями, как он копал в Ольвии.²⁷⁴ После очистки местности от камней под дерновым слоем были найдены вделанные в стены древнегреческие надгробия с барельефами и надписями, обломки мраморных колонн, pedestалов, плит с высеченными крестами, других архитектурных украшений, открыт мозаичный пол и пр.²⁷⁵ В письме А. С. Уварова Иннокентию от 6 декабря 1853 г. археолог кратко освещает ход своих раскопок и описывает найденные древности: «Вокруг полукруглого алтаря идет горное место, и большая четырехугольная плита указывает место, где стоял престол, под нею находились 22 монеты времени Романа I. Алтарь и иконостас, изукрашенные мрамором, возвышаются одною ступенью над церковным помостом. Перед солеей видны следы амвона. Два ряда колонн шли по всему храму до самого при-

²⁷⁰ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 191, л. 31—32. Здесь же на л. 35—42: опись находок по комплексам.

²⁷¹ Там же, л. 25—25 об., 32; АГЭ, ф. 1, оп. I-1852, д. 30, л. 92: Опись вещам, найденным в херсонисских гробницах близ Севастополя.

²⁷² Уваров А. С. 1) Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя // Пропилеи. 1854. Кн. 4. С. 525—537; 2) Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 году. СПб., 1855. С. 135—170.

²⁷³ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 44, л. 49—52 об.

²⁷⁴ Тункина И. В. А. С. Уваров и древности Южной России (конец 1840-х—начало 1850-х гг.) // Погибшие святые. Охраняется государством: 4-я Российская науч.-практич. конф. СПб., 1996. Ч. 1. С. 163—181.

²⁷⁵ Уваров А. С. 1) Несколько слов об археологических разысканиях... С. 533—537; 2) Извлечение из всеподданнейшего отчета... С. 159—171. Опись находок при раскопках базилики см.: ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 191, л. 47—48.

творца. Посередине церковный помост вымощен мраморными плитами, а по сторонам издатыми мозаиками. Рисунок и сохранность этих мозаиков достойны замечания, как первый подобный памятник, найденный в России. Помост притвора также изукрашен мозаикою». Наступившие холода остановили раскопки, поэтому исследование базилики не было доведено до конца. Охрану находок и фундамента здания с остатками мозаик А. С. Уваров поручил настоятелю Петропавловской церкви Арсению Лебединцеву.²⁷⁶ Храм впоследствии был исследован раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича, Р. Х. Лёпера²⁷⁷ и В. А. Кутайсова. Как установлено новейшими исследованиями, Уваровская базилика была построена не ранее VII в., в древности неоднократно перестраивалась и функционировала как храм длительный период.²⁷⁸

Начавшаяся в сентябре 1853 г. война России с Турцией, а в марте 1854 г. с Англией и Францией, известная в истории как Крымская (1853—1856), нарушила планы А. С. Уварова о продолжении раскопок. Обеспокоенный сохранностью херсонесских памятников, Л. А. Перовский доложил Николаю I об открытии базилики с мозаичным полом, император повелел немедленно перевезти его в Эрмитаж. В начале мая 1854 г. доставку мозаики поручили А. С. Уварову, которому придали в помощь коллежского регистратора Медведева и старшего мастерового 1-го разряда Петергофской гранильной фабрики Василия Докторовца.

Во время обороны Севастополя территория Херсонеса оказалась занята противником: херсонесская церковь св. Ольги была разрушена французскими войсками, на месте келлий построена батарея с пороховыми складами, а по городищу в разных направлениях прокопаны траншеи. Покидая Севастополь, французы и англичане прихватили с собой древности, хранившиеся в устроенном Иннокентием музее при кинонии, и вещи из проводившихся ими на городище грабительских раскопок под руководством полковника 39 полка Манро (Munroe) (на раскопках было занято 50 чел.), впоследствии переданные в Британский музей.²⁷⁹ Манро также провел исследования в окрестностях Балаклавы и нашел монеты, терракотовые статуэтки, один «красивый» рельеф и много посуды. Краевед В. Х. Кондаракис вспоминал также «рассказ одного француза, что при дальнейших раскопках ими открыт был в Херсонесе храм с мозаичным полом, имеющим около 60 кв. саженей [273 м²], который целиком был взят и отправлен за границу, и что под храмом этим крестообразно сложены были кости усопших».²⁸⁰ Военные действия в Крыму прекратились с октября 1855 г.

Музракевич, вновь посетивший Севастополь в октябре 1860 г., сообщал ООИД: «Остатки византийского Херсонеса, несмотря на последствие бывшей 11-месячной беспримерной в военных летописях битвы и на то, что среди одного была возведена неприятелями против Севастополя сильная батарея и прокопаны параллельные рвы, историческая местность, не взирая на все это, меньше повреждена, чем предполагалось. Фундаменты церквей и других зданий, нанесенных на план... Аркасом... и теперь хорошо видны, тоже и обширная базилика, на самом берегу моря, которая была открыта в 1853 г. г. Шемякиным под наблюдением гр. Уварова».²⁸¹ Оценку Музракевича в целом подтверждает запись без указания года в тетради А. С. Уварова с дневником поездки в Крым, вероятно относящаяся к 1875 г., где есть строчки о Херсонесе: «24 августа приехали в Севастополь. В древнем Херсонесе местность мало пострадала от траншей неприятельских!».²⁸²

Уже после Крымской войны было опубликовано несколько работ чисто кабинетного характера, посвященных древностям Гераклейского полуострова, где археологические разделы

²⁷⁶ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 191, л. 49—52 об.

²⁷⁷ Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок. С. 17—18.

²⁷⁸ Романчук А. И. Херсонес XII—XIV вв. С. 12, 160—162.

²⁷⁹ Macpherson D. Antiquities of Kertch and Researches in the Cimmarian Bosphorus. London, 1957. P. 44—46;

Маркевич А. И. Несколько слов... С. 48; Немировский А. И. Нить Ариадны. С. 118.

²⁸⁰ О раскопках англичан в Балаклаве Кондаракис рассказывает со ссылкой на английский «Athenaeum» (1856. № 1470). См.: Кондаракис В. Х. Универсальное описание Крыма. СПб., 1875. Ч. 15. С. 47.

²⁸¹ ГАО, ф. 93, оп. 1, д. 44, л. 56.

²⁸² ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 199. Ср.: Стрижова Н. Б. Граф А. С. Уваров и великий князь Сергей Александрович: (По материалам ОПИ ГИМ) // Санкт-Петербургский фонд культуры. Программа «Храм»: Сб. матер. СПб., 1996. Вып. 9. Ч. 1. С. 203.

откровенно компилитивны. Так, П. Беккер²⁸³ заимствовал описания памятников у Ф. Дюбуа де Монпери и З. А. Аркаса, а А. Я. Фабр²⁸⁴ — у Палласа. Закономерно, что труды З. Аркаса, П. Беккера, А. Я. Фабра, Ф. Бруна²⁸⁵ в сравнении с трудами Палласа и Дюбуа де Монпери кажутся регрессом. П. С. Паллас и Ф. Дюбуа де Монпери были теми последними исследователями-энциклопедистами угасающей эпохи Просвещения, которые своими работами заложили прочный фундамент для широкомащштабных комплексных исследований единой археологической структуры на Гераклейском полуострове, проводившихся советскими учеными с конца 1920-х гг.

12.3. ОХРАНА РУИН ХЕРСОНЕСА И ПРОЕКТЫ ВОЗВЕДЕНИЯ ПАМЯТНИКА НА МЕСТЕ КРЕЩЕНИЯ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

В 1822 г. после высочайшего повеления о «средствах к сохранению древних достопамятностей Тавриды», принятого по докладу Е. Е. Кёлера, растаскивание камня частными людьми с городища Херсонеса пытался прекратить таврический гражданский губернатор Н. И. Перовский. В сентябре того же года к нему обратился с письмом инспектор конторы Севастопольского военного карантина Дроконов: «Уже с давнего времени разрушаются древности старинного Херсонеса, дабы построить партикулярным особам разные здания вне карантинной конторы, дабы построить партикулярным особам разные здания вне карантинной конторы о сем морскому начальству неоднократно просила учинить препятствие. Но за всем тем не уничтожаются. А так как Херсонес весьма в ближнем расстоянии от самого карантинной конторы, то и просит Ваше превосходительство, не будет ли взыскваемо от конторы за разрушение херсонесских стен, разрешения». Губернатор ответил гневным письмом с требованием прекратить вывоз камня с городища и обратился за помощью к командиру Севастопольского порта адмиралу Ф. Т. Быченскому для «принятия зависящих... мер».²⁸⁶

Однако, несмотря на строгие приказы, положение к лучшему не изменилось. Узнав, что древний обработанный камень с городища Херсонеса используется местными жителями в качестве готового строительного материала, в ноябре 1824 г. главный командир Черноморского флота и портов А. С. Грейг предписал флотскому начальнику Севастополя контр-адмиралу Ф. Т. Быченскому принять меры к охране древностей и «учредить около места того особенные обходы, поручив оные команде карантинной брандвахты, вблизи развалин тех состоящей».²⁸⁷ В 1825 г. аналогичное предписание отправил М. С. Воронцов, приказав довести свой циркуляр о запрете на грабительские раскопки в Новороссийском крае до сведения полиции и подтвердив ей «строжайше смотреть, чтобы из развалин Херсонеса никто не осмеливался брать камней на строения, как то бывало прежде», объявить это местным жителям и предупредить их об административной ответственности.²⁸⁸

Опасаясь (и как оказалось впоследствии, не без оснований) за сохранность руин Херсонеса из-за возможного назначения на новую должность и появления менее «просвещенного» преемника, А. С. Грейг одновременно просил начальника главного морского штаба А. В. фон Моллера выхлопотать у императора высочайшее утверждение своих распоряжений об охране древностей Херсонеса, но в ответ получил отписку с предложением обратиться к генерал-губернатору Новороссийского края. В следующем письме адмирал разъяснил, что «земля, на коей прежде существовал помянутый город, принадлежит Севастополю, который по званию моему военного губернатора оного, находится в полном моем распоряжении, а потому и меры к сохранению означенных развалин... не входят в круг действий новороссийского генерал-губернатора, а наиболее зависят от меня. Но как всякое распоряжение по сему предмету... может

²⁸³ Becker P. Die Herakleiotische Halbinsel in archäologischer Beziehung. Leipzig, 1856.

²⁸⁴ Фабр А. Я. Достопамятнейшие древности Крыма и соединенные с ними воспоминания. Одесса, 1859. См. оценку этих работ: Стрельский С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. С. 13—14.

²⁸⁵ Брун Ф. К. К вопросу о древней топографии Ираклийского полуострова // Черноморье. Одесса, 1879. Ч. 1. С. 60—71.

²⁸⁶ ЦГААРК, ф. 27, оп. 13, д. 73, л. 21—23.

²⁸⁷ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 1630, л. 1.

²⁸⁸ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 52—52 об.

существовать только до пребывания чиновника сего в настоящем звании, после же его от воли приемника зависеть будет продолжать или уничтожить оные; то обстоятельство сие, могущее подвергнуть совершенному уничтожению развалины города, в российских летописях столь знаменитого, и бывшего... колыбелью просвещения России христианской религиею, и было причиною, побудившего меня просить... об исходатайствовании на сохранение оных Высочайшего соизволения». Однако к судьбе Херсонеса Моллер не проявил никакого интереса, и вопрос так и остался нерешенным.²⁸⁹

О том, что распоряжения Грейга касались охраны не только городища Херсонеса, но и руин на всем Гераклеяском полуострове, свидетельствует его донесение в Комитет образования флота от 25 марта 1826 г., являющееся комментарием к отправляемому в Петербург плану Севастополя: «За Артиллерийскую бухтою следует Карантинная, где устроен карантин, который здесь существует под названием “военного карантина”, но зависящего от ведения гражданского начальника... За Карантинною бухтою следуют: Стрелецкая, Камышевая и Казачья, крутом которых видны остатки развалин древнего Херсонеса, и на берегах не имеется никаких строений, кроме малых батарей и карантинных и таможенных кордонов».²⁹⁰

В феврале 1832 г. А. С. Грейг писал командиру Севастопольского порта вице-адмиралу К. Ю. Патиныоти: «Вашему Превосходительству известны намерения начальства о сохранении сколько то возможно древностей от расхищения и умышленного истребления или порчи. Осведомясь с сожалением, что Инкерман, представляющий многие остатки целых зданий в скалах иссеченных и другие памятники самим временем пощаженные, разрушаются и истребляются легкомыслием и невежеством, а потому предлагаю... подтвердить здесь по морскому и другим ведомствам о неприкосновенности Инкермана и принять возможные меры к наблюдению, дабы распоряжения начальства были строго исполнены».²⁹¹

А. С. Грейг принял решение отметить место крещения князя Владимира сооружением по общенародной подписке и «с высочайшего соизволения» памятника и при нем небольшого «богоугодного заведения» на 20—30 человек для инвалидов и неимущих, которые и должны были наблюдать за сохранением развалин от расхищения. В июне 1825 г. адмирал обратился к А. Н. Оленину с просьбой поручить одному из «отличнейших в империи художников», член Академии художеств, составление проекта памятника, который в зависимости от собранной суммы будет храмом, часовней или обелиском. Знаатока истории Тавриды И. М. Муравьева-Апостола Грейг просил указать, в каком именно месте находился храм, где крестился св. Владимир, или место ворот, через которые древнерусский князь въехал в Корсунь, но, как и следовало ожидать, вразумительного ответа не получил.²⁹²

Управляющему Херсонским инженерным округом инженер-полковнику Клеменсу главный командир флота поручил составить план развалин Херсонеса и окрестностей. На дошедшем до нас «Плане древнему городу Херсонесу, лежащему близ Севастопольского порта с Карантинною бухтою...» (18 июля 1825 г.) отмечены избранное Клеменсом для памятника «возвышенное место» (А), рядом в низине южнее — место для здания богадельни (В), которое «со стороны моря от неприятельских покушений будет совершенно сокрыто», оборонительные стены и фундаменты построек, а также следы размежевания наделов в ближайших окрестностях городища. План чертил кондуктор Кузнецов (масштаб: «двойм английский разделен на 50 частей и каждая взята за сажень»).²⁹³ По утверждению П. П. Свинына, место, отмеченное на плане литерой А, — та же самая возвышенная площадка, которая указана на плане Габлица под буквой Е.²⁹⁴

29 октября 1825 г. во время пребывания императора Александра I в Севастополе А. С. Грейг поднес ему записку о необходимости начать общенародную подписку на сооружение храма в честь св. Владимира, и получил разрешение на ее открытие. Император поручил Академии художеств составить проект памятника в виде «изящной» церкви и богадельни при ней. В 1829 г. Академия художеств представила Николаю I проект обелиска, выполненный

²⁸⁹ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 1630, л. 1—3; ф. 19, оп. 1, д. 1176, л. 14 об.

²⁹⁰ Головачев В. Ф. История Севастополя... С. 230—232.

²⁹¹ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 2801, л. 1.

²⁹² Там же, д. 1630, л. 4—7 об., 11, 14—14 об., 17—18.

²⁹³ Там же, л. 9—10.

²⁹⁴ Свинын П. П. Обзорение путешествия... С. 114—115.

архитектором В. И. Беретти. Общественная подписка на его сооружение продолжалась вплоть до 1832 г.²⁹⁵ К 1833 г. Черноморской казначейской экспедицией в Николаеве по всей России было собрано 201 444 р. 47 к. ассигнациями и 8653 р. 39 к. серебром.²⁹⁶ Однако составление смет затянулось на несколько лет: первая, составленная майором Монтеверде (1831), была отвергнута, составление второй было доверено подполковнику строительного отряда путей сообщения Каулингу, предложившему на выбор три места для возведения монумента. Первое располагалось на возвышенности, которая «выше горизонта Черного моря на 101 фут», второе — «на 77 фут выше моря, имеет вблизи великолепный курган и развалины древнего храма или дворца; оное находится против дороги, идущей от Севастополя до старого города», третье — «место выше 50 фут моря имеет в углу древние развалины церкви, свода и колодца». Плантер К. Крузе предоставил в распоряжение Каулинга теодолит с телескопом для съемки планов городища.

В объяснительной записке 1831 г. Каулинг писал: «Развалины во всех сих трех местах находятся на поверхности земли и количество оных замечено мною особо. Качество грунта в тех местах одинаковое..., и при сделанной пробе четыре человека крепкого сложения не могли повертеть буравом, в середине места, глубже сажени [...]. По обозрениям моим внутренних развалин стен древнего Херсонеса я видел ямы, своды и пещеры, и надобно полагать, что... в земле еще есть подобные рытвины, коих теперь усмотреть никак нельзя, следовательно, необходимо будет, на имеющем назначиться для фундамента месте, пробовать грунт земли расстоянием на 7 сажень во все стороны». На документе сохранился комментарий обер-интенданта флота Н. Д. Критского: «На месте Херсонеса, где предполагается воздвигнуть памятник, существовали и храмы, и многие великолепные здания, что доказывается развалинами... Город хотя разорен, но все фундаменты существуют. Они прочны сами по себе, и там, где столько огромных зданий на каменном мыске, можно без всякого осмотра и без всякого испытания воздвигнуть и памятник».²⁹⁷

Обелиск предполагали построить, используя камень из каменоломен в окрестностях Вознесенска, в округе Вознесенского уланского полка, на что А. С. Грейг получил соответствующее разрешение императора.²⁹⁸ В марте 1832 г. Н. Д. Критский предложил разделить обелиск на 7 равных частей по 1500 пудов каждый, но вывозу гранита воспрепятствовало обмеление окрестных рек, и перевозка не состоялась.²⁹⁹

В сентябре 1836 г. новый главный командир Черноморского флота и портов М. П. Лазарев при встрече с Николаем I в Чembаре завел разговор о судьбе памятника в честь крещения св. Владимира, на который было собрано около 350 тыс. р. ассигнациями, хранившимися в Одесском коммерческом банке.³⁰⁰ По решению императора вместо обелиска было решено возвести храм по проекту архитектора К. А. Тона, но не в Херсонесе, а в самом Севастополе, неподалеку от офицерской морской библиотеки, место которому Николай I определил сам.³⁰¹ Еще в 1834 г. очередную смету поручили составить архитектору Рулеву.³⁰² В мае 1837 г. Тону через строительный департамент Морского министерства был представлен «Генеральный план местности с нивелированием и развалившимися стенами древнего Херсонеса, равно и с показанием мест, на которых... предполагалось воздвигнуть монумент и построить богадельню», снятый штабс-капитаном Афанасьевым под руководством инженер-полковника Классова.³⁰³

В апреле 1845 г. император утвердил состав комитета для построения храма Св. Владимира в Севастополе, а в 1848 г. одобрил проект архитектора К. А. Тона.³⁰⁴ В январе 1846 г.

²⁹⁵ [Внутренние известия]. Николаев, 30 марта // Северная пчела. 1829. 11 мая. № 57. С. 1—2; РГВИА, ф. 40, оп. 1, д. 87, 7 л.: О сооружении памятника в древнем Херсонесе Таврическом в ознаменование принятия на сем месте св. кн. Владимиром христианской веры. 1829 г.; Бобринский А. А. Херсонес Таврический. С. 174.

²⁹⁶ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 3029, л. 1—68.

²⁹⁷ Там же, д. 2562, л. 14, 21, 61, 81, 100—101 об., 108—108 об.

²⁹⁸ РГВИА, ф. 405, оп. 2, д. 9178, л. 1—2.

²⁹⁹ РГАВМФ, ф. 243, оп. 1, д. 2802, л. 1—9 об.

³⁰⁰ М. П. Лазарев: Документы. Т. 3. С. 63.

³⁰¹ Лашков Ф. Историческая записка о сооружении в Херсонисе храма Св. равноапостольного князя Владимира // ИТУАК. 1888. Т. 5. С. 8.

³⁰² РГАВМФ, ф. 326, оп. 1, д. 13745: Церковь Св. Владимира, предполагаемая к постройке в военном карантине. План, фасад,剖面. 1836 г.

³⁰³ Там же, ф. 243, оп. 1, д. 2562, л. 166, 203; д. 3029, л. 69—71, 83—84.

³⁰⁴ См.: РГВИА, ф. 349, оп. 37, д. 4479: План ц. Св. Владимира; д. 4481: Фасад ц. Св. Владимира.

будущий герой северной севастопольской обороны капитан 1-го ранга В. А. Корнилов с горечью писал адмиралу: «Я ужаснулся равнодушию России — ведь это памятник самой замечательной эпохи в нашей народной истории, и что же? всего 300 тыс., и Рулев строитель! Мне кажется, что надо бы открыть новую подписку и создать что-нибудь достойное русского православного народа, а иначе потомство будет с пренебрежением говорить о нашем времени. Отчего бы не построить храм из камня, из которого воздвиг себе дворец гр. Воронцов!»³⁰⁵ Неужели все православие России не в состоянии пожертвовать виновнику нашего просвещения столько, сколько гр. Воронцов бросил на прихоть, на фантазию!».

В. А. Корнилов просил К. П. Брюллова взять на себя проект художественного оформления интерьера — подготовить эскизы и подобрать художников для выполнения иконостаса и других частей храма,³⁰⁶ однако петербургский мастер отказался принять участие в работе.

По распоряжению императора в 1848 г. была открыта новая подписка для сбора пожертвований на храм, завершившаяся в 1851 г. В год своего упразднения (1859) комитет для построения храма Св. Владимира в Севастополе располагал еще меньшей суммой, чем была собрана по первой подписке, — 224 308 р. В январе 1854 г. были назначены торги на постройку храма, но его строительство так и не было начато из-за Крымской войны.³⁰⁷ В 1858 г. Александр II повелел разделить собранную сумму пополам для строительства инвалидного дома с домовою церковью в Севастополе и храма Св. Владимира в Херсонесе. В следующем, 1859 г. царь приказал передать из музея ООИД настоятелю Херсонесской обители игумену Евгению мраморную доску, найденную в 1845 г. в Херсонесе у берега Черного моря «с изображением с обеих сторон среди 4-утольных карнизов византийского креста» для размещения в будущем храме.³⁰⁸ Мурзакевич, посетивший Херсонес в октябре 1860 г., в своем донесении обществу писал, что при содействии правительства, по ходатайству игумена Евгения, на месте крестообразной в плане церкви, открытой в 1852—1853 г. иеромонахом Василием, планируется возвести храм «во вкусе греческой архитектуры XI в.», который должен был включить древний фундамент. Мурзакевич предлагал провести раскопки соседних фундаментов «базилики» и других зданий, в ходе которых откроются монеты, вещи и «архитектурные произведения, которые даже в обломках художникам, нуждающимся в прототипах, подадут образцы истинного церковного зодчества». Вскрытые фундаменты окружающих зданий он предлагал сохранить в неизменном виде, что вполне возможно «при ближайшем монастырском надзоре».³⁰⁹

В марте 1861 г. Одесское общество обратилось к епископу Таврическому и Симферопольскому Алексию с просьбой оповестить духовных лиц, чтобы в случае «находки где-либо монет, вещей или мраморов» они сообщали о них ООИД. Общество также просило разрешения отправлять в Одессу дубликаты «собранных предметов» для Херсонесского хранилища древностей, существовавшего при обители. В том же году 6 октября З. А. Аркас отправил обществу собственноручно снятый план местности, расчищенной под площадь сооружения храма Св. Владимира, а также описание найденных средневековых фундаментов. «Высота стен в этих открытых зданиях от 1 до 3 фут [0.3—0.91 м] и сложены из грубовытесанного стенового камня, на извести. Они окрашены красною краскою, а пунктир изображает фундамент, без стен. При открытии их нашли несколько монет, которые находятся у Евгения, и я не видел их, и много гладких мраморных плит и карнизов, а на трех или четырех мраморных и каменных плитах вырезаны греческие слова, которые со временем сплещу. Удивляться надо множеству церквей, построенных близко одна от другой, но, к сожалению, они будут снесены, за исключением одной (Св. Василия) под храмом Св. Владимира, развалины которого останутся в том же виде, с малою поправкою, чтобы можно было служить литургию». К счастью, игумен Евгений как председатель комитета по сооружению храма Св. Владимира в Херсонесском монастыре, направил в Одесское общество подробный «План местности, расчищенной под

³⁰⁵ Речь идет об Алушкинском дворце М. С. Воронцова, построенном в 1826—1846 гг.

³⁰⁶ М. П. Лазарев: Документы. Т. 3. С. 81—83.

³⁰⁷ Лашков Ф. Историческая записка... С. 8—9.

³⁰⁸ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 15, л. 53—53 об.

³⁰⁹ Там же, д. 44, л. 57.

площадь сооружаемого храма Св. равноапостольного князя Владимира в Херсонесе, с показанием старых частей прежде существовавших зданий».³¹⁰

Собор Св. Владимира был возведен на городище Херсонеса в 1861—1891 гг. по утвержденному императором проекту академика Д. И. Гримма, взявшего прототипом церковь Св. Сергия и Вакха в Константинополе, обращенную турками в мечеть.³¹¹

12.4. ПОИСКИ РУИН ХРАМА ХЕРСОНЕССКОЙ ДЕВЫ

С XVIII в. вплоть до сегодняшнего дня в литературе дискутируется вопрос о местоположении легендарного храма херсонесской Девы. В районе Георгиевского монастыря, расположенного в 12 км юго-западнее Севастополя, его помещали проф. И. Э. Тунман, автор анонимного «Исторического описания Таврической области от древнейших до нынешних времен» эпохи Екатерины II, Мария Гатри, П. И. Сумароков, Л. Ваксель, Э. Д. Кларк, Ж. Рейи, С. Сестреневич-Богущ, И. М. Муравьев-Апостол, Е. Болховитинов.³¹² На мысе Фиолент святилище локализовал А. А. Сибирский, посвятивший специальную работу культу Артемиды в Херсонесе.³¹³ Новороссийский генерал-губернатор граф А. Ф. Ланжерон, опираясь на свидетельство Страбона (VII, 4, 2), утверждал, что храм стоял на мысу в одной версте (1.06 км) от Георгиевского монастыря, на высоте более 400 саж. (853 м) от уровня моря, в том месте, где из воды поднимаются два утеса в виде продолговатых конусов (рис. 135).³¹⁴ И. П. Бларамберг считал локализацию храма в районе Георгиевского монастыря ошибочной и помещал его на горе Аюдаг, близ которой сохранилось название местечка Партенит.³¹⁵

Другой точки зрения придерживался П. С. Паллас, отождествлявший с капищем Девы руины построек, находившиеся на скале, названной им Ая-Бурун (Святой мыс, не путать с мысом Ая в 12,8 км восточнее; Паллас, скорее всего, имел в виду современный мыс Лермонтова, или Виноградный).³¹⁶ Впоследствии названный Палласом топоним к этой местности не употреблялся. Руины зданий, описанных Палласом, существовали и век спустя. А. Л. Бертье-Дедагард в своем неизданном «Прибавлении» к переводу П. С. Палласа, опубликованному в ЗООИД (1881. Т. 12) писал, что жрецы вряд ли бы поставили храм на вершине высоких, овеваемых жестокими ветрами скал, и считал наиболее вероятным местом капища «широкую долинообразную площадь» с группой из 4 зданий в центре (3 из них — усадьбы) и «признаками общей большой ограды», находящихся в двух верстах, с небольшим отклонением к СЗ, от крайней верхней точки мыса Фиолент. Крымский археолог полагал, что Паллас описал это место «мельком и совершенно неверно», объясняя это тем, что с течением времени его заметки, очевидно, перепутались. Однако авторитет Палласа стал причиной последующих ошибок З. А. Аркаса, Ф. Дюбуа де Монпере и Ф. К. Бруна, пытавшихся увязать локализацию натуралиста с реальной картой.³¹⁷

В монастыре Св. Георгия Паллас осмотрел древнюю колонну из известняка, без капища, найденную, вероятно, в обвале берега. Она имела 3,5 аршина длины (2,48 м), 13 дюймов (33 см) в наибольшем диаметре, и была несколько утолщена в средней части. Кларк привел

³¹⁰ Там же, л. 59—64 (план, представленный Евгением, см. на л. 63 об.—64). План, снятый З. А. Аркасом в 1861 г., см.: НА ОАМ, № 59851: План местности, расчищенной под площадь сооружаемого храма Св. Владимира в Херсонесе. 3 экз.

³¹¹ Подробнее см.: *Иванов Е. Э.* Херсонес Таврический. С. 345—349.

³¹² *Тунман [И. Э.]* Крымское ханство. Симферополь, 1936. С. 33—34; *ОР РНБ*, ф. 885 (Эрм. собр.), л. 368, л. 18; *Сумароков П. И.* Досуги крымского судьи... Ч. 1. С. 201—203; *Ваксель Л.* Изображения разных памятников... С. 4. Примеч. 1; *Reuilly J.* Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noire, pendant l'année 1803. Paris, 1806. P. 75; *Сестреневич-Богущ С.* История царства Херсонеса Таврического. СПб., 1806. Т. 2. С. 83—86; *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 году. С. 87—92; *Е. [Болховитинов Е. А.]* О следах древнего греческого города Херсона. С. 155.

³¹³ *Сибирский А. А.* Богиня Артемиды и ее значение в нумизматике Веспора Киммерийского и Херсониса Таврического // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 82—108 (см. с. 89, примеч. 1).

³¹⁴ Археологические открытия в полуостровной России // Сын Отечества. 1818. Ч. 44. № 8. С. 81.

³¹⁵ *Бларамберг И. П.* О предполагаемом местоположении Дианина храма в Тавриде // Одесский альманах на 1831 год. Одесса, 1831. С. 299—307.

³¹⁶ *Паллас П. С.* Наблюдения... С. 42—45 (руины у Ая-Бурун), с. 52—53 (описание Георгиевского монастыря).

³¹⁷ КРКМ, КП-22959, Д-8674, л. 4 об.—7.

другие сведения о происхождении колонны: якобы монахи нашли в земле за своей часовней небольшую каменную колонну, стержень которой имел длину 7 футов 8 дюймов (2.33 м), а диаметр составлял 13 дюймов (33 см). Там же были найдены несколько обломанных каменных плит и другие древности.³¹⁸ Вероятно, ту же колонну диаметром в 1 фут (0.3 м) видел М. Бешкьян. Последний упоминал о следах древностей около монастыря: «Тут и там встречаются тесаные камни, остатки Херсонеса; видели мы также, в 2 верстах от монастыря, остатки древней стены, в шесть футов [1.8 м] толщины и 15 сажень [32 м] длины».³¹⁹

По сообщению Палласа, граф М. В. Каховский (1734—1800), с 1794 г. начальствовавший над войсками в Крыму, приказал перевести в Георгиевский монастырь большое число отесанных камней из развалин Херсонеса, намереваясь возвести из них часовню в память своей покойной супруги, погребенной в монастыре, но постройка окончена не была.³²⁰

В районе Георгиевского монастыря в начале XIX в. была также найдена небольшая капитель колонны коринфского ордера из так называемого египетского (красно-белого) мрамора, хранившаяся в Эрмитаже. Согласно Б. В. Кёне, находка свидетельствовала, что на месте древнего таврского капища в эпоху Константина Великого был построен римский храм. В 1836 г. близ монастыря на принадлежащей ему земле был найден мраморный барельеф, весивший более трех пудов, поднесенный императору Николаю I во время его пребывания в Крыму и через М. П. Лазарева отправленный в Петербург. Согласно донесению Мустафы Гаспринского, канцеляриста канцелярии генерал-губернатора П. И. Федорова от 24 марта 1839 г., форма мраморной доски — «продолговатый четырехугольник, длиною без малого аршин [0.71 м], а шириною не больше пол-аршина [0.35 м]; изображение барельефа следующее: вверху с правой стороны три лошади, с левой три воина, ниже изображение двух человек, по одному с обеих сторон, в середине — храм и жертвенник, у коего на кресле или стуле представлена женщина, держащая в правой руке жертву».³²¹ По мнению Э. Г. фон Муральта, на барельефе были изображены Ифигения и ее братья.³²²

В дискуссии о локализации храма Девы Ф. Дюбуа де Монпере, а вслед за ним и Б. В. Кёне ставили вопрос несколько иначе: греки восприняли у тавров культ Девы и смешали свою Артемиду и Деву под одним именем Таврической Девы. По их мнению, посвященных богине святилищ было несколько — в самом Херсонесе, в районе Георгиевского монастыря, на горе Аюдаг.³²³

Предпринимались попытки отыскать следы храма Девы с помощью археологических раскопок. Во время второй экспедиции акад. Е. Е. Кёлера в Крым в 1821 г. его спутник архитектор Э. Паскаль в течение 22 дней с помощью 10 матросов 35-го флотского экипажа проводил раскопки «фундаментов древних строений близ мыса Фиолент», но наступление плохой погоды приостановило раскопки.³²⁴ Ф. Дюбуа де Монпере сообщает, что К. Крузе, разделявший точку зрения П. С. Палласа о местонахождении храма на скале Айя-Бурун, провел раскопки руин двух построек, при этом не обнаружив ничего, что могло бы оправдать предположение Палласа (рис. 24, 130, 131). Дюбуа тщательно осмотрел находки Крузе и не увидел ни остатков мрамора, ни колонн, ни каких-либо архитектурных деталей, даже из грубого известняка.³²⁵

* * *

История изучения археологических памятников Юго-Западного Крыма в XVIII—сердине XIX в. сравнительно небогата событиями, так как проводившиеся тогда раскопки на фоне систематических археологических работ в Восточном Крыму и на Таманском полуострове носили случайный характер. Основными объектами исследований на городище Херсонеса—

³¹⁸ Clarke E. D. *Voyages en Russie...* Vol. 2. Ch. 18, cp.: КРКМ, КП-23140, Д-8840, л. 88—89.

³¹⁹ КРКМ, КП-23130, Д-8830, л. 61—62.

³²⁰ Pallas P. S. *Bemerkungen...* S. 61—65. 91; Паллас П. С. *Наблюдения...* С. 54.

³²¹ ГАОО, ф. 1, оп. 149, д. 9, л. 19 об.

³²² Бобринский А. А. *Херсонес Таврический*. С. 7.

³²³ Dibois de Montpéroux F. *Voyage autour du Caucase...* Vol. 6. P. 192, 196, 200—201; Кёне Б. В. *Исследования об истории и древностях...* С. 50—52.

³²⁴ ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1820, д. 1, л. 124—126.

³²⁵ Dibois de Montpéroux F. *Voyage autour du Caucase...* Vol. 6. P. 200—201.

Корсуна длительный период оставались остатки средневековых оборонительных и культовых сооружений, видимых на поверхности земли. Достаточно четко фиксируются различия интересов исследователей на разных этапах развития науки. Если в конце XVIII—первой трети XIX в. основное внимание было приковано не только к остаткам города у Карантинной бухты, но и к Страбонову Херсонесу, к локализации храма Девы и попыткам осмыслить назначение памятников сельскохозяйственной округи на Гераклеюском полуострове, то в 1840—1850-х гг. главный интерес переключился на городище Херсонеса—Корсуна, т. е. на исследование не античных, а византийских древностей при почти полном игнорировании изучения археологических остатков на Гераклеюском полуострове. Одесское общество, взявшее городище под свою опеку, по мере сил препятствовало превращению Херсонеса в каменоломню и арену для грабительских раскопок. Ограниченные средства не позволили ООИД проводить раскопки самому. Их удалось начать только в 1876 г.³²⁶

И все же историко-научная ценность исследований того времени для современной археологии несомненна. Именно в этот период был составлен целый корпус картографических материалов, два века погребенных в архивах, и детальных археолого-топографических описаний уникальных по своей сохранности памятников античной межевой системы на Гераклеюском полуострове, практически исчезнувшей в наши дни. Эти материалы, по твердому убеждению А. Н. Щеглова, позволяют провести *эталонную реконструкцию* земельного кадастра греческого полиса на периферии античного мира, которая может быть дополнена и уточнена с помощью аэрофотосъемки и натурных археологических исследований. Подобный херсонесскому греческий кадастр, но несравнимо худшей сохранности был открыт и картографирован в Южной Италии в окрестностях Метапонта с помощью аэрофотографии Г. Шмидтом и Р. Шевалье спустя более 160 лет после первой топосъемки и научного обследования Гераклеюского полуострова. Изучение аграрного ландшафта Метапонта, ставшего классическим для западной периферии греческого мира благодаря усилиям Д. Адаместеану, велось под воздействием исследований на хоре Херсонеса на Гераклеюском полуострове, которые были начаты в конце XVIII в., но получили широкую известность только в 1950-х гг. после публикации обобщающих работ С. Ф. Стржеleckого и В. Д. Блаватского. В мировом антиковедении до настоящего времени аграрная структура Херсонесского территориального полиса остается «единственным примером наиболее полно и всесторонне изученного культурного ландшафта в ареале расселения греков в Средиземноморско-Черноморском регионе».³²⁷

³²⁶ Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок. С. 20.

³²⁷ Щеглов А. Н. Основные структурные элементы... С. 10—38 (с литературой вопроса); Щеглов А. Н., Тункина И. В. Из истории изучения античного культурного ландшафта... С. 27—32.

ГЛАВА 13

АК-МЕЧЕТЬ—СИМФЕРОПОЛЬ (НЕАПОЛЬ СКИФСКИЙ)

В 1784 г. на месте татарского поселения Ак-мечеть (Белая мечеть), на берегу р. Салгир, был основан Симферополь как административный центр Таврической области (в 1787—1896 гг. и с 1802 г. — Таврической губернии), куда из Карасу-базара было переведено «управление русское над Крымом».¹ Греческое название «Собирательный город», по утверждению Н. Н. Мурзакевича, было дано ему Г. А. Потемкиным по предложению архиепископа Евгения Булгариса.² В новой столице Крыма стали собирать археологические и эпиграфические памятники со всего полуострова. П. И. Кёппен, со слов Вандершкрюфа, упоминает, что тесть последнего Де-Серра в своем симферопольском саду собрал целую коллекцию надписей (в том числе надгробий), впоследствии проданную по частям разным лицам от 50 до 100 р. за каждый камень. В собрание входила греческая надпись 1427 г., попавшая к А. М. Бороздину и перевезенная в сад его имения Саблы (впоследствии имение графини А. Г. Лазаль). Надпись была известна еще С. Сестренцевич-Богущу, П. И. Сумарокову, Д. Рауль-Рошетту.³ П. И. Кёппен вновь тщательно скопировал ее в марте 1829 г., причем по сведениям, полученным им от И. А. Стемпковского в Вене в 1822 г., этот памятник происходил из Инкермана.⁴

На недатированном черновом плане Симферополя, скорее всего относящемся к концу XVIII в., с юго-восточной стороны города, на левой стороне Салгира, видны городище Керменчик⁵ (в переводе с татарского Малое укрепление) и многочисленные курганы в окрестностях Ак-мечети (рис. 139).⁶ С момента основания Симферополя городище выполняло функции каменоломни — из него постоянно ломался и вывозился штучный камень, употреблявшийся для строительства казарм, госпиталей, других общественных и частных зданий. Неапольское укрепление «с одной стороны было ограждено искусственною каменною стеною, примыкавшею двумя концами к природной неприступной возвышенности, сходящейся позади стены острым углом». «Почти в середине этой стены внутри укрепления» в апреле 1827 г. случайно, при ломке камня, один татарин открыл плиту твердого мраморовидного известняка — «песчаный камень с рельефным на нем изображением всадника, под конем выдолблена греческая

¹ Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Одесса, 1836. Ч. 1. С. VIII.

² См.: Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 70. Примеч. *Raoul-Rochette D. Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien. Paris, 1822. Pl. IX. № 8.*

³ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 344, л. 212—212 об. См.: Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. № 45. С. 50—53 (камень происходит из Мангупа, т. е. из средневекового города Феодоро).

⁴ Об истории изучения см.: Яшуржинский Х. П. Разведки о древнем скифском укреплении Неаполисе // ИТУАК. 1889. № 7. С. 46—55; Маркевич А. И. К столетию исследований на городище Неаполе у Симферополя (1827—1927 гг.) // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3 (60). С. 4—14; Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 14—21.

⁵ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21615 (ВУА. № 21615). Размер по рамке 126 × 131 см.

ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΚΙΛΟΥΡΟΣ ΒΑΣΙΛΕΥΤΑΤΟΣ ΑΝΕΞ
ΤΗΣ ΤΟΥΤΟΥ ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ ΕΤΣΑΝΤΙΣ

№ 3 2eol. apr. 1827. Les 1re, 2de et 3me lettres de la 2de ligne paraissent avoir été, vu que le jambage perpendiculaire du T se voit encore. C'est vraiment une mer à boire.

Рис. 140. Надпись с именем скифского царя Скилура (IPE, 12, 668), ныне в ОАМ (первоначальная реконструкция текста И. П. Бларамберга, 1827 г.). Археологический сборник А. Я. Фабра (НА ОАМ, № 83181, л. 2. Публ. впервые).

надпись, в которой упоминается имя царя Скилура» (рис. 140), а в двух шагах от него — пьедестал, «чрезвычайно хорошо сохранившийся», с именем «Юпитера Атавирского», несколько мраморов и камней с греческими надписями. Татарин вынул плиты, свалил их на телегу и повез к своему жилищу для последующего употребления в качестве строительного материала. К счастью, на обратном пути его встретил образованный житель Симферополя, отставной военный Александр Иванович Султан Крым-Гирей Ката-Гирей,⁷ который купил у него находки и «озаботился о сохранении» древностей. «В этом же укреплении, — много позднее писал Н. Сементовский, — отысканы были разные мраморные украшения [...]. В небольшом глиняном закрытом сосуде, отысканном в этом же месте, оказались монеты и медали времен Нерона».⁸

Факт находки монетного клада подтверждается записями в дневнике Х. Х. Стевена.

«28 апреля 1827 г. Видел у А. И. Султан-Крым-Гирея 130 монет, найденных близ города. Монеты все римские и только две греческие: (1 Александра и 1 Лизимаха); римские монеты Нерона, Гальбы, Антонина, Севера и одна Iovinus, несколько Placetella, Iulia и др. Монеты найдены в дрянном глиняном горшке, неглубоко под поверхностью земли. Говорят, что после были найдены и золотые монеты, но это сомнительно. У Султана же видел камень с изображением воина на коне, плохой работы на песчанике; еще два камня с греческими надписями. 29 апреля ездил осмотреть место, где были найдены монеты. Это, очевидно, древняя крепость, формы трехугольника, образуемого 1) глубоким оврагом от пивоварни, 2) скалами над Петровской слободкой, 3) стеною в 600 шагов длины. Внутри трехугольника несколько высоких курганов, и там, где земля вскопана, видны только зола и черепки. Немного глубже находят кости и множество плохо обделанных камней, вероятно, могилы, обложенные камнями. Я видел один грубо обрубленный камень, не из известняка, а из зеленого камня, похожего на южнобережский. В одном месте солдаты копали глубоко, на 1—1.5 сажени (2.1—3.2 м), но прошли только слои золы и земли с черепками. Самый высокий курган продолговатой формы, наверху около 25 саженей (53.3 м) длины, от 8—10 ширины (17.0—21.3 м); с него спускаются три малозаметных ребра. Вид с кургана очень обширный, особенно вниз по Салгиру. Все трехугольное пространство покрыто небольшими грудами развалин».⁹

О найденных памятниках в конце мая 1827 г. узнал И. П. Бларамберг, который с разрешения находившегося в Лондоне М. С. Воронцова на обратной дороге из Керчи в Одессу заехал в Симферополь для проведения археологических исследований на местности. Бларамберг провел раскопки в развалинах Керменчика, в том самом месте, где на глубине двух аршин (1.4 м) были найдены близко друг от друга первые древности. Это район парадных ворот, перед Южным дворцом, на месте недавно открытого раскопками Ю. П. Зайцева мавзолея царя Аргота.¹⁰ Бларамберг приказал поставить несколько человек для расширения «рва» (ямы, кот-

⁷ По словам Х. Штира, последний «принадлежит к числу необыкновенных людей. Он происходит от прежней владетельной ханской фамилии в Крыму. В молодости завезен, не знаю по какому-то случаю, в Англию, где воспитывался, принял христианскую веру и женился на англичанке. Ныне пребывает он в Симферополе, где имеет свой дом, получает от нашего правительства пенсию и живет как англичанин. Сказывают, что он человек весьма просвещенный и любезный. Время, к сожалению, не позволило мне познакомиться с ним». См.: Х. Ш. [Штир Х.] Письмо к издателю // Северная пчела. 1827. 22 окт. № 127. С. 4.

⁸ Сементовский Н. Путешествие: (Южный берег Крыма). СПб., 1847. С. 15—16.

⁹ Цит. по: Яшуржинский Х. П. Разведки о древнем скифском укреплении... С. 47.

¹⁰ Зайцев Ю. П. Аргот — супруг царицы Комосарии: (К реконструкции династийной истории Боспора и крымской Скифии) // Таманская старина. СПб., 2000. Вып. 3: Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII—I вв. до н. э.): Тез. докл. Междунар. конф. (Тамань, 9—16 октября 2000 г.). С. 54—55.

Рис. 141. Барельеф Скилура и Палака из Неаполя Скифского и ольвийские монеты Скилура. Рисунок М. Бла-рамберга (?) (ИР ЦНБ, V, 1048, л. 4).

лована), из которого извлекли камни. В первый же день раскопок, буквально через час был открыт фрагмент рельефа с изображением двух мужских фигур — старшего из них Бларамберг посчитал за изображение Скилура, основываясь на портретном сходстве с тремя известными ему монетами скифского царя, найденными в Ольвии; молодого воина, стоящего впе-реди, он посчитал за сына Скилура Палака (рис. 141).¹¹ По словам Бларамберга, пьедестал, на котором можно прочесть имя царя Скилура, и барельеф с изображениями Скилура и Па-лака были открыты рядом, «в двух шагах» один от другого. Ранее найденный барельеф юного всадника «на твердом камне» из собрания Крым-Гирея Бларамберг посчитал изображением Палака. Другая надпись из собрания Крым-Гирея, высеченная на мраморном пьедестале: «ΑΠ ΑΤΑΒΥΡΙΩΙ ΠΟΣΙΔΕΟΣ ΠΟΣΙΔΕΟΥ ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ (Юпитеру Атабириу дар от Посида

¹¹ РСА СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 2, л. 253, л. 18.

сына Посидея»), позволила ему предположить, что «колония была основана родосцами, соседями милезийцев», у которых Юпитер Атабирий особенно почитался». Последняя надпись на мраморе из собрания Крым-Гирея, на его первоначальный взгляд, упоминала «о втором даре, сделанном тем же гражданином... нимфе Напе Акмене». Известно, — писал Бларамберг, — что Напе были божествами, которым посвящались лесные холмы и т. д. Нимфы Акмены были также почитаемы у греков. Имя Акмена означает... силу, расцвет лет, благоприятный момент и т. д. См.: АΚΜΗ, ΑΚΜΗΝΟΣ или ΑΚΜΑΙΟΣ».

При раскопках Бларамберга были найдены мелкие золотые бляшки круглой формы, аналогичные обнаруженным 170 лет спустя исследованиями Ю. П. Зайцева. Здесь же был открыт кусок плоской херсонесской черепицы с трехстрочным клеймом магистрата Формиона, сына Аполлы, и фабрикантской монограммой, ныне хорошо известной в керамической эпиграфике Херсонеса (рис. 142). Литографированный рисунок черепицы, приложенный к русскому переводу статьи Бларамберга,¹² искажает авторский оригинал и воспроизводит оттиск не трех-, а двухстрочного клейма (подробнее см. гл. 8.3).

Там же был найден барельеф с изображением головы «чудовища» в виде «собаки» (рис. 143). Его размеры: внизу длина 6 вершков (26.6 см), толщина 3.5 вершка (15.5 см); сбоку: высота 9.5 вершков (42.2 см), толщина 4.5 вершка (20 см). С 1827 г. этот памятник полностью выпал из поля зрения науки — о нем упомянуто только в третьей, дополнительной статье Бларамберга во французском и русском изданиях «Одесского вестника», которая ни разу не привлекла внимания исследователей Неаполя Скифского. Барельеф высечен на «твердом камне», причем «на камне сем изображена скала, внизу коей видно углубление вроде пещеры, откуда показывается передняя часть чудовища, очень похожего на собаку, и которому художник дал сильное выражение зверства». Следуя трудам Х. Г. Гейне, Бларамберг посчитал «собаку» изображением морского чудовища Скиллы. В храме Юпитера Феретрийского (греч. Ζεύς с эпитетом σκυληφόρος) древние римляне развешивали добычу, отнятую у врагов. Автор предположил, что «часть добычи, полученной царем Скилуrom в каком-либо походе, в коем должны были участвовать и греческие переселенцы, в укреплении его жившие, была предоставлена в пользу сих греков и что греки сии, посвятив свою часть добычи Юпитеру, в честь коего у них был сооружен храм под названием Атавирия... хотели, может быть, сделать аллегорическое применение к имени царя Скилура, бывшего ужасом тех стран, посредством изображения на камне страшной Скиллы. Сия догадка кажется тем правдоподобнее, что барельеф с изображением Скиллы и мрамор с надписью в честь Юпитера-Атавирия, были найдены очень близко один от другого».¹³

В трех, а не в двух (как принято считать в литературе) номерах французского издания «Одесского вестника» Бларамберг сообщил читателям об открытии различных древностей на городище близ Симферополя.¹⁴ Иллюстрации к этим статьям собраны Бларамбергом в особом сборнике под названием «Cartes et dessins se rapportant à la découverte récente de différentes antiquités trouvées près de la ville de Symphéropol en 1827», сохранившемся в нескольких архивах России и Украины.¹⁵ Немедленно после раскопок антикварий начал изучение найденных памятников. Так, четыре письма Бларамберга А. Я. Фабру посвящены исключительно прочтению и попытке восстановления плохо сохранившейся надписи Скилура и надписи, принятой им за посвящение нимфе. Бларамберг сличил разные копии надписи Скилура, имевшиеся у него самого, Крым-Гирея, некоего Mielul в Симферополе и А. Я. Фабра (рис. 140). Он долго ломал голову над ее расшифровкой, учитывал размеры строк, расстояния между ними и бук-

¹² Бларамберг И. П. О местонахождении трех тавро-скифских крепостей, упоминаемых Страбоном, с картами, планами, снимками надписей и рисунками древних мраморов / Пер. с франц. А. Л. Бертье-Делагарда // ИТУАК. 1889. № 7. С. 48. Рис. 3.

¹³ Цит. по: ОР РГБ, ф. 203, папка 193, № 1, л. 12—13.

¹⁴ B[ларамберг J. de]. 1) Symphéropol, 9 juin. Antiquités: [Relation de la découverte récente d'une forteresse antique, située en Tauride, à une verste de la ville de Symphéropol] // Journal d'Odessa. 1827. 18/30 juin. № 47. P. 187—188; 2) [La lettre suivante, adressée aux rédacteurs de cette feuille périodique, fait suite à celle qui a été insérée dans le № 47 du Journal d'Odessa]. Antiquités: Article communiqué par Mr. le conseiller-d'état de B[ларамберг] // Ibid. 3/15 sept. № 69. P. 275—277 (см. вырезки в архиве М. С. Воронцова: РСА СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 2, д. 253, л. 21—22); 3) Article communiqué par Mr. de B[ларамберг] // Ibid. 17/29 sept. № 73. P. 291—292. Рус. переводы: Открытие признаков древней крепости близ Симферополя (извлечение из известий, сообщенных г. статским советником Бларамбергом) // ОВ. 1827. 7 сент. № 70. С. 280—281; 10 сент. № 71. С. 284—285 (перевод: Сын Отечества. 1827. Ч. 115. С. 359 и след.); Древности (дополнение к статье, помещенной в № 70 и 71) // ОВ. 1827. 24 сент. № 75. С. 301.

¹⁵ ИР ЦНБ, V, 1048, л. 1—8; ГАРФ, ф. 1463, оп. 2, д. 1217, л. 13—21; ОР РГБ, ф. 203, п. 193, л. 1, л. 1—13.

вами, величину букв, и предположил три варианта чтения надписи. «Статуя или скорее барельеф дворца должен был быть помещен (напротив) у стены, в нижней точке на земле». Бларамберг предположил, что камень с надписью был помещен либо перед, либо сверху барельефа с двумя портретами — Скилура и Палака.¹⁶ Вероятно, в ходе консультаций с другими антикварами, прежде всего с А. Бёком, одесский антикварий пришел к выводу об ошибочности своего первоначального прочтения надписей и интерпретации изображений барельефа с головой «чудовища» в виде «собаки».

Через несколько лет Бларамберг издал специальную брошюру,¹⁷ с посвящением вел. кн. Михаилу Павловичу, о трех тавро-скифских крепостях, построенных скифским царем Скилуром и упомянутых Страбоном. Согласно Бларамбергу, городище, отождествленное им с Неаполем, является остатками греческой колонии родосцев, существовавшей под покровительством царя тавро-скифов Скилура, где располагалась его резиденция. Брошюра иллюстрировалась планами и рисунками, часть которых, как следует из его писем М. С. Воронцову, была выполнена «талантливым чиновником» по фамилии Савин, который снял первый план Неполя Скифского (рис. 144). В книжке уже не упомянуто ни посвящение Посидея нимфе Напе Акмене (оно верно атрибутировано как посвящение Афине Линдии), ни барельеф с изображением «чудовища» в виде «собаки».¹⁸

Несколько иначе интерпретировал открытия инженерный офицер Христиан Штир, сначала пересказавший циркулировавшие в Крыму слухи, а затем, лично побывав на местности, посчитавший городище древней Гаргазой (Diod., XX, 23—24).

«Приехавшие из Симферополя рассказывают, что там продолжается открытие древностей под наблюдением ученого г. Бларамберга... [...] Я уже имел честь уведомить Вас о найденных недавно в Симферополе развалинах и монетах. Но г. Ланг бросил первый философический взгляд на сей погребенный временем город. Он сообщил мысли свои губернатору, г. Нарышкину, а сей отнесся к г-ну Бларамбергу. Кроме монет, нашли там следы весьма обширных развалин и, между прочим, плиту с изображением всадника, по которому, не знаю почему, заключают, что это развалины генуэзского города или что сии воинь-купцы жили там; по крайней мере, некоторое время. Вскоре прибыл и г. Бларамберг и открытие началось методически. Сказывают, что уже открыта какая-то колоссальная статуя и с пьедесталом. Покуда о сем новом безымянном Геркулане выйдет ученое исследование г. Бларамберга, сообщая вам то, что теперь о нем рассказывают; не ручаюсь, впрочем, за истину, ибо знаю все только понаслышке. Весьма трудно из множества слухов, один другому противоречащих, составить нечто правдоподобное. Одни говорят, что какой-то татарин, ломая камень на горе, за госпиталем, нашел развалины и 140 серебряных монет, довольно древних, ибо оным более 1000 лет, и что продал их одному члену Библейского общества, известного там под титулом Султана. Другие увеличивают древность монет до 2 и 3 тысяч лет или оспаривают у них и 1000 лет, а развалины помещают за загородным домом губернатора, т. е. отсюда по ту сторону Салгира. В первом случае можно их признать за пропавший без вести город Гаргаз, в последнем же случае они остаются покуда без наименования. Как бы то ни было, но сказки мои приносят по крайней мере ту пользу, что возбуждают читающую публику к той развязке, которую дает нам г. Бларамберг».¹⁹ «Открытия древностей в Симферополе прекратились. Место сие находится за военным госпиталем, от которого отделяется глубокой рывтиною. Оно весьма возвышенно. От левого берега Салгира отделяется небольшою равниною, составляющею долину сей реки. На правом берегу Салгира, почти против сего места, находится загородный дом гражданского губернатора г-на Нарышкина: сие, конечно, и было поводом, что многие описывали сие место лежащим за домом губернатора. [...] Развалины сии можно безошибочно принять за остатки древнего греческого города Гаргаза. Поистине удивительно, что жители Симферополя по сие время не обратили ни малейшего внимания на сие место, хотя один взгляд на оное должен уверить, что там было некогда поселение. Вся поверхность изрыта и покрыта камнями, кои хотя и обросли зеленью, однако не укрылись еще вовсе от взоров. В некоторых местах сделаны довольно значительные открытия, но сия работа ныне прекращена. Сколь много любопытного укрывается таким образом от нашего внимания! Я имел честь уведомить вас, что найденные там монеты куплены Султаном Гиреем».²⁰

¹⁶ НА ОАМ, инв. № 83181, л. 1—1 об.: письмо из Одессы от 6 августа 1827 г.; л. 2: рисунок камня с надписью с одним из вариантов чтения; л. 3—4 об.: письмо из Одессы от 7 сентября 1827 г.; л. 4: копия надписи в трех вариантах ее прочтения, с пометами Бларамберга; л. 9: письмо из Одессы от 3 октября 1827 г.; л. 10: письмо из Одессы от 18 августа 1828 г.; л. 12—15: карандашные рисунки и литографии надписей и барельефов.

¹⁷ *Blaramberg J. De la position de Trois forteresses Tauro-Scythes, dont parle Strabon, avec cartes, plans, copies d'inscriptions et dessins d'après des marbres antiques.* Odessa, 1831. См. также рус. перевод: *Бларамберг И. П. О местонахождении трех тавро-скифских крепостей...* С. 56—69.

¹⁸ Подробнее о судьбе надписей и их прочтении см.: *Саломоник Э. И. Эпиграфические памятники Неполя Скифского* // НЭ. 1962. Т. 3. С. 32—44.

¹⁹ Цит. по: Х. Ш. [Штир Х.] Письмо из Севастополя июня 18 дня 1827 г. // *Сын Отечества*. 1827. Ч. 114. С. 256—258.

²⁰ Х. Ш. [Штир Х.] Письмо к издателям // *Северная пчела*. 1827. 22 окт. № 127. С. 4. Возражения И. А. Стемпковского см.: *Крымский помещик*. Письмо к издателям // *ОБ*. 1827. 9 ноября. № 88. С. 351—354.

Владелец древностей Кате-Гирей поручил И. П. Бларамбергу представить от его имени М. С. Воронцову приобретенные им римские монеты. В свою очередь одесский антикварий предложил Воронцову написать Крым-Гирею письмо с просьбой передать в дар Одесскому музею открытые на Неаполе древности. Так как монеты Скилура чеканились в Ольвии, городе, «на который, видимо, распространялась частично его власть», и «владения скифо-таврских царей не простирались на полуостров Пантикалей», Бларамберг посчитал неуместным их передачу в Керченский музей и предлагал поместить древности в Одесском городском музее.²¹ В бумагах канцелярии М. С. Воронцова сохранилась анонимная заметка с перечнем находок на Неаполе: «У жительствовавшего в Симферополе султана Кате-Гирей-Крым-Гирея находятся несколько древностей, приобретенных им, в прошлом 1827 г. покупкой у татарина, занимающегося тогда изрытием камней на возвышенном месте, близ новой дороги к Алуште находящегося. Древности сии представляют следующие памятники: 1) большой каменный барельеф, изображающий молодого скифского всадника, верхом на лошади; 2) камень с надписью на эллино-греческом языке; 3) и 4) подобные надписи на белом мраморе. Нет сомнения, что упомянутый султан согласится принести сии памятники в дар правительству (или уступить их за стоящую ему цену), если удостоится по сему предмету приглашением гр. Михаила Семеновича, особливо ежели благоугодно будет... объявить ему благодарность за усердие им к сохранению сих любопытных остатков древностей оказанное». Воронцов немедленно написал соответствующее письмо владельцу,²² и древности поступили в Одессу. Однако они первоначально хранились у самого Бларамберга, изучавшего памятники и не спешившего передавать их в музей. В составе части собрания Бларамберга они были приобретены на средства г. Одессы для городского музея древностей и в 1840-х гг. переданы в музей Одесского общества истории и древностей. Н. Н. Мурзакевич так охарактеризовал состояние неапольских находок в 1842 г.: «Надпись эллинская, посвященная Афине Линдее, на мраморном подножии, в три строки (кругом оббита)» (ИРЕ, I, 671), «надпись эллинская, посвященная Дию Атавирию, на мраморном подножии в две строки (камень поврежден краской, которую растерали на самих словах)» (ИРЕ, I, 670), «надпись эллинская, приписываемая Бларамбергом Скилуру, на известковой плите в две строки (сильно повержена и почти невидима кроме нескольких букв)» (ИРЕ, I, 668), «изображения молодого скифа, едущего на коне, на известковой плите (по сравнению с рисунком, приложенным к сочинению Бларамберга, теперь не имеет куска, составляющего продолжение задних ног лошади)».²³

Ознакомившись с брошюрой Бларамберга о трех тавро-скифских крепостях, П. И. Кёппен также старался собрать сведения о памятнике. В «Крымском сборнике» он писал, что «найденный в 1826 г. (sic!)... песчаный камень с изображением всадника на коне и греческой подписью, упоминающей о Скилуре, хотя и принадлежит крайней оконечности гор, но не может быть здесь предметом особых разысканий. Основываясь на этом памятнике весьма посредственной работы, полагают, что здесь был Неаполь, одно из трех укреплений, созданных сыновьями Скифского царя Скилура, о коем упоминает Страбон. [...] Спасением этого памятника, который ныне находится в Одесском музее, любители древностей обязаны султану Александру Ивановичу Крым-Гирею Ката-Гирею».²⁴ Кёппен опубликовал также план Неапольского укрепления (рис. 21). Если Кёппен признавал локализацию Бларамберга вполне правдоподобной, то акад. Ф. Б. Грефе категорически ее не принял.²⁵

Более детальная информация о городище представлена в неизданных «Материалах для ближайшего познания горной части Крыма: Путевые заметки (1833—1834)» П. И. Кёппена, где приведен набросок другого плана Неаполя Скифского (рис. 20), сопровождающегося описанием:

«От графского (бывшего Нарышкинского) дома вправо вверх видно, что отрезан был мыс от одной крути до утеса над берегом Салгира, до яра Женакай жылгасы (балка) женакай. От скалы прямою линиею по следам стены 380 шагов до места, где найден барельеф, изысканный Бларамбергом (в конце апреля 1827 г.). По этой

²¹ РСА СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 2, л. 253, л. 18 об.—19 об.

²² ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 251—252.

²³ Там же, л. 12—12 об.

²⁴ Кёппен П. И. Крымский сборник: О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. С. 36. Примеч. 49.

²⁵ Там же. С. 327—328.

линии прямым направлением шла стена. Длинная на 630 шагов, она потом поворачивает влево, где теряются следы ее. Из этого укрепления можно было обозревать спускающуюся несколько вниз степь крымскую. По направлению от одного на N (или NO) приметны местами, в некотором друг от друга расстоянии, могилы... Скала, на которой стоит Керменчик сей, по-видимому, едва выше степи (смотря на оную с 10-й версты от города по дороге в Сарабуз), но Салгир там течет гораздо ниже ее». ²⁶

Далее Кёппен приводит обширную цитату из первой статьи Бларамберга в «Journal d'Odessa» по собственной копии 1836 г., копию письма Бларамберга от 11 мая 1827 г. из Одессы с перечнем монет, найденных на городище и поднесенных А. И. Крым-Гиреем Одесскому городскому музею древностей. Этот «каталог монет», написанный частью на английском и французском, частью на латинском языках, восходит к списку, составленному самим султаном. Здесь обозначены число монет, имена императоров и одна из дат правления, возможно, чеканки. В последней графе я привожу русские имена и полные даты правления римских императоров, греческих и боспорских царей.

Число монет	Catalogue of coins (каталог монет)	Ал. (Год)	Имя и даты правления
10	Julia Augusti filia	14	Юлия (ум. 14 г.), дочь Октавиана Августа (ум. 14 г.), жена Тиберия (посмертные монеты Юлии при Тиберии?, 22—23)
2	Nero	54	Нерон (54—68)
1	Vitellius	69	Вителлий (69)
11	Vespasian	69	Веспасиан (69—79)
1d	Vespasian		Веспасиан (69—79)
	(Titi filia; Flav. Sabinus morte sous le règne de Domitian qui 81)	81	Юлия Флавия (ум. 90 г. н. э.), дочь Тита (79—81), с 81 г. жена консула 82 г. Флавия Сабина, двоюродного брата Домициана (81—96)
1	Nerva	96	Нерва (96—98)
1	Trajan	98	Траян (98—117)
4	Adrianus	117	Адриан (117—138)
44	Antonius	138	Антонин Пий (138—161)
7	Faustina senior	141	Фаустина Старшая, жена Антонина Пия (112—141)
2	Aurelius	161	Марк Аврелий (161—180)
22	(Junior 175; Annia Faustina morus 22)	175	Фаустина Младшая, жена Марка Аврелия (146—175)
2	Commodus	180	Коммод (176—192)
1	Pertinax	193	Пертинакс (193)
7	Severus	193	Септимий Север (193—211)
2	Caracalla	211	Каракалла (198—217)
1	Septimius Geta	211	Гета (209—212)
10	Geta	211	Гета (209—212)
1	Plavilla	212	Плавилла, жена Каракаллы (202—205)
2	Oppelius Macrinus	217	Макрин (217—218)
1	Asandra, gold		Асандр, архонт и царь Боспора (49/48—21/20 до н.э.), золото
1d	Asandra, silver		Асандр, архонт и царь Боспора (49/48—21/20 до н.э.), серебро
1	Alexander the Great		Александр Македонский (336—323 до н. э.)
1	Alexander the Great, gold unique		Александр Македонский (336—323 до н. э.), золото, уникальная
4	different pièces		4 различные монеты
47	Coppe wins.		47 медных находок

All the Roman coins were dug out of the ground at the wins of an ancient Scythian fortress at about a verst from Sympheropole, some bas-reliefs, marbles with greeks inscriptions, etc.»²⁷ («Все римские монеты были выкопаны на месте находок в древнескифской крепости около версты от Симферополя, как-то несколько барельефов, мраморов с греческими надписями и пр.»).

Информация Кёппена значительно дополняет данные о кладе 1827 г., позволяя уточнить его количественный и качественный состав. Здесь было найдено 165 монет, а не 130,²⁸ 140, или даже 200²⁹ монет, как утверждали некоторые авторы. Во второй из своих статей во французском издании «Одесского вестника» Бларамберг лишь вскользь и очень неточно упомянул о кладе: «В двухстах шагах отсюда (от места раскопок. — И. Т.) на очень небольшой глубине найдена маленькая глиняная ваза, наполненная римскими монетами. Самые древние из этих серебряных монет датируются правлением императора Нерона, самые поздние — императора Макрина. Может быть, это сумма была небольшим сбережением какого-нибудь римского солдата, который был здесь, в этой крепости, возможно, в конце второй декады третьего века?». Крым-Гирей передал в дар Одесскому городскому музею древностей весь клад монет 1827 г., включавший в основном римские серебряные денарии I—начала III в. н. э., а также единичные экземпляры золотых монет, в том числе Александра Македонского, царя Фракии Лисимаха (305—281 г. до н. э., о последней упоминает только Х. Х. Стевен), боспорского царя Асандра, и 47 неопределенных медных монет. Необходимо делать скидку и на неточность определений коллекционера: так, серебряные выпуски монет Асандра неизвестны. Тем не менее следует предположить, что клад был зарыт не позднее первой четверти III в. н. э.

Древностями Неаполя заинтересовался и Ф. Дюбуа де Монпере. В 1834 г. швейцарский натуралист снял план городища (рис. 145) и провел небольшие раскопки, в том числе погребальных сооружений Неаполя Скифского. В своей книге он описывает историю находок 1827 г., интерпретирует надписи, описывает разграбленные склепы на юго-восточном склоне плато городища.³⁰ Так как его информация, содержащая описания и сведения о составе инвентаря погребальных комплексов, опубликована, не считаю нужным повторяться.³¹

Одесское общество истории и древностей также обратило внимание на Керменчик. Корреспондент ООИД Абдурахман-Челеби Крым-Ховаджи 15 ноября 1851 г. писал обществу, что на городище Неаполя в 3 верстах от Симферополя им был найден «древний каменный барельеф с изображением двух сражающихся воинов». Общество просило А. Ч. Крым-Ховаджи приобрести его для своего музея.³² Действительно, в указателе музея 1867 г. отмечено «каменное надгробие с изображением сверху воина с круглым щитом, бегущего вправо; внизу воина, скачущего на коне. *Неаполь Скифский*».³³

В 1853 г. по повелению императора были начаты археологические раскопки античных городов и могильников Северного Причерноморья, в том числе Неаполя Скифского. Они проводились А. С. Уваровым с 9 сентября 1853 г. «С 1848 г., когда я последний раз видел эту местность, много произошло перемен. Татары успели уже совершенно разобрать все следы городской стены и разрыть некоторые курганы и насыпи», — писал А. С. Уваров Л. А. Перовскому в рапорте от 13 сентября 1853 г. В Крыму археологу повезло более, чем в Ольвии. Раскопки открыли остатки жилищ, стены которых оказались сильно повреждены выборками камня, систематически проводившимися жителями Симферополя.³⁴ На раскопках городища ежедневно работало более 100 человек. Здесь был найден четырехстрочный фрагмент греческой надписи Посидея с посвящением Ахиллу Понтарху, победившему пиратствующих сатар-

²⁷ Там же, л. 219 об.—220.

²⁸ Кротошкин В. В. Клады римских монет на территории СССР. М., 1961. С. 65. № 622. (САИ. Г4—4).

²⁹ Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. С. 14.

³⁰ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie, en Crimée. Paris, 1843. Vol. 5. P. 199 et suiv.; Vol. 6. P. 378—388.

³¹ См.: Письмо г-на Дюбуа к П. И. Кёппену // ЖМВД. 1835. Ч. 16. С. 293—301.

³² ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 3, л. 24 (заседание 30 ноября 1851 г.); д. 30, л. 202 (сообщение Крым-Ховаджи ООИД о передаче обществу барельефа, найденного в развалинах Неаполя Скифского, от 15 июня 1852 г.). О барельефе см.: Маркевич А. И. К памятникам Неаполиса // ИТУАК. 1891. № 12. С. 87—89.

³³ Краткий указатель музея Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1867. С. 23. № 26.

³⁴ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 191, л. 15—19 об. См. также: Уваров А. С. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя // ПроPILEI. 1854. Кн. 4. С. 525—526; Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. С. 129—134. Черновой отчет о раскопках в Неаполе, напечатанный в последнем труде в измененной редакции, см.: ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 201.

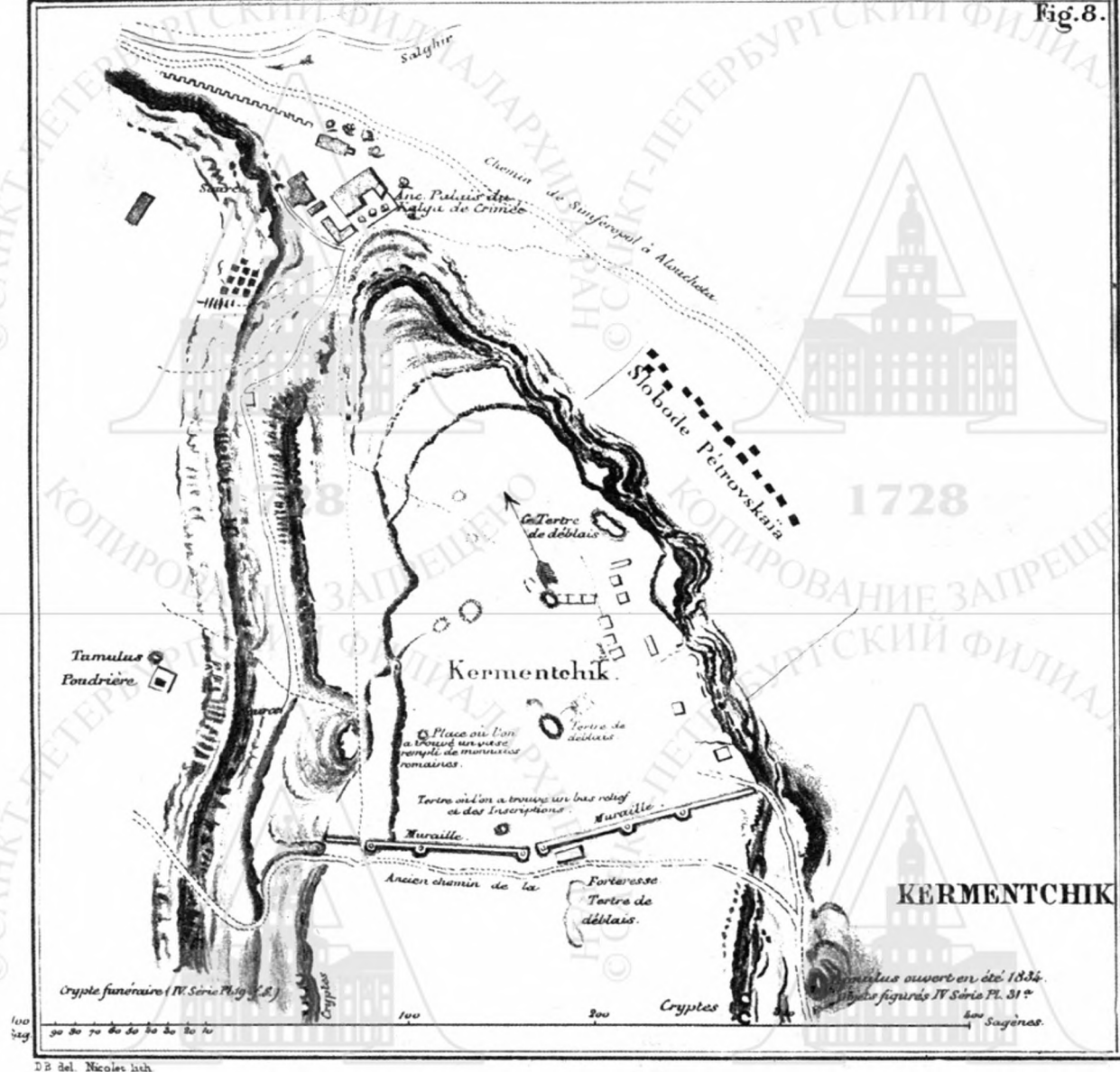

Рис. 145. План городища Керменчик (Неаполь Скифский) с показанием места находки монетного клада и раскопа Бларамберга 1827 г., где найдены барельефы и надписи, и кургана, исследованного в 1834 г. Из атласа к путешествию Ф. Дюбуа де Монпере.

хов (ИРЕ, I², 669). «Я начал работы у самой городской стены между двумя известными местами; на одном был найден в 1827 г. барельеф с изображением скифского всадника, на другом кувшин с римскими монетами. У самого грунта, т. е. в скале, показались выдолбленные ямы, служившие, как предполагаю, для хранения хлеба. На другом месте нашли кусок греческой надписи, к несчастью, главная ее часть недостает и нельзя оттого понять полный смысл, но видно, что Посидей, сын Посидея, посвящает или воздвигает что-то Ахиллесу». В течение 10 дней, раскопав более 266 кубических саженей грунта, Уваров безуспешно пытался отыскать остальные обломки той же надписи. «По всей местности Неаполиса показались круглые ямы, выдолбленные в самой скале и глубиной от 1.5 до 2 аршин. Подобных ям найдено до 20, и можно предположить, что большие из них служили могилами. Сверх того, открыли много оснований четырехугольных зданий, пострадавших, по-видимому, от пожара, потому что между стенами лежали целые кучи угля и пепла. В углу одного из подобных зданий стояла глиняная лампадка греческой работы и весьма изящной формы; возле нее лежали два разбитых кувшинчика и костяная палочка или stylus». Уваров отправил в Петербург ящик с обломками надписи и

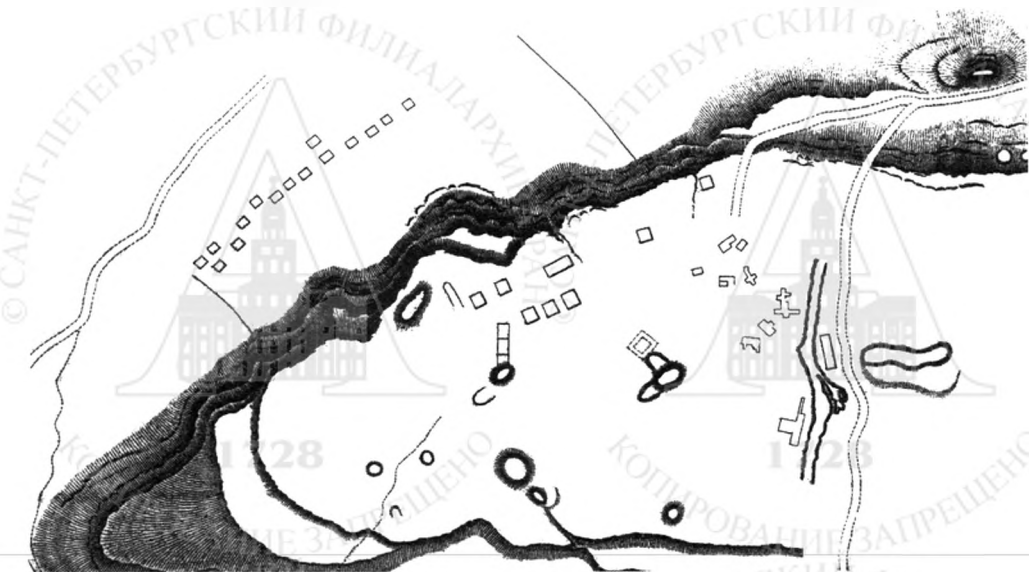

Рис. 146. А. С. Уваров. План Неаполя Скифского с обозначением мест раскопок И. П. Бларамберга (1827) и А. С. Уварова (1853). Из неизданного второго выпуска «Собрания карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря». Не ранее 1853 г. (ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 200, л. 25. Публ. впервые).

наиболее яркими находками.³⁵ К сожалению, как следует из рукописи третьего выпуска его «Исследований о древностях Южной России и берегов Черного моря», раздел о Неаполе Скифском остался не написан.³⁶ Однако до нас дошел литографированный план городища, снятый унтер-офицером Александром Алексеевым, с обозначением мест раскопок Бларамберга и Уварова, который предназначался для помещения в неизданный выпуск «Собрания карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря»³⁷ (рис. 146).

На месте раскопок Бларамберга—Уварова в 1999 г. Ю. П. Зайцев обнаружил более двухсот фрагментов облицовочных известняковых плит монументального саркофага Аргота, украшенного рельефами, над одним из которых помещалась греческая восьмистрочная метрическая надпись. Эти осколки плит «залегали компактным скоплением в слое отвала первой половины XIX в., практически на краю прямоугольной в плане скальной вырубке». Исходя из стратиграфических наблюдений, Зайцев пришел к выводу, что осколки плиты с надписью, упоминающей о каменной гробнице Аргота, были «выброшены вместе с грунтом практически со дна сооружения» в 1827 г., до прибытия Бларамберга на Керменчик. Еще в 1949, 1950, 1959 гг. раскопками П. Н. Шульца и А. Н. Карасева этот вновь задернованный объект был частично раскрыт на большом раскопе А, причем к северо-западу от него была зафиксирована россыпь мелких золотых бляшек (аналогичных находкам Бларамберга, см. рис. 142), обрывков фольги, золотые пронизы и серьга и т. п. В 1999 г. сооружение подверглось тщательной зачистке, причем участок вокруг был доследован полностью широкой площадью. По мнению Зайцева, саркофаг Аргота был, скорее всего, сооружен сразу после пожара Южного дворца, около 135—130 гг. до н. э., одновременно с «городским» поясом оборонительной стены.³⁸ Увлеченные исключительно надписями и барельефами, Бларамберг и Уваров, проводившие раскопки траншеями, прошли мимо этого замечательного открытия.

³⁵ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 191, л. 17—17 об., 19—19 об.

³⁶ Там же, д. 196.

³⁷ Там же, д. 200, л. 25 (нижний правый угол). Здесь же на л. 2—3 об. в составе «Журнала, или дневника раскопок, произведенных в Крыму в 1853 г.» есть раздел «Симферополь. Разрытие на Керменчике» (л. 2—3 об.). См. также путевые заметки Уварова 1848, 1853 гг.: л. 17 (есть текст о Неаполе Скифском, см., например, путевые заметки 1853 г., л. 75—94 об.). Подлинные рисунки к отчету Уварова о раскопках см.: д. 203.

³⁸ Зайцев Ю. П. Аргот — супруг царицы Комосарии.

ГЛАВА 14

КЕРЧЕНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

История археологического изучения памятников Европейского Боспора достаточно подробно освещена в работах Ф. А. Жилы, Г. И. Спасского, П. И. Сабатье, М. И. Ростовцева, Ю. Ю. Марти, И. Б. Брашинского, В. Ф. Гайдукевича, И. Г. Шургая и других авторов.¹ Еще М. И. Ростовцев писал, что было бы «в высшей степени интересно разобраться в имеющихся ... данных» о находках, сделанных в XVIII в. при заселении Керчи и при посещении ее отдельными путешественниками, но «это должно быть делом специального и кропотливого исследования».² Составление детальной хроники раскопок, принявших систематический характер с 1831 г., вплоть до полной публикации рукописей Поля Дюбрюкса 1810—1830-х гг., как и издание полевых отчетов А. Б. Ашика и Д. В. Карейши со всеми планами и рисунками, о котором мечтал еще А. А. Спицын,³ остается делом будущего. Здесь я ограничусь информацией о раскопках Н. Ю. Патиньоти, И. П. Бларамберга и П. Дюбрюкса в районе Керчи в 1820—1821, 1826—1829 гг.

1820—1821 гг. Во время возведения Керченского порта, стимулировавшего быстрый рост населения Керчи и активное строительство, окрестные курганы на хребте горы Митридат служили каменоломнями. О случайном открытии матросами классического склепа с углубленным перекрытием и дромосом, вошедшем в литературу под именем кургана Н. Ю. Патиньоти,⁴ до

¹ ДБК; Спасский Г. И. Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846; Ашик А. Б. Веспорское царство. Одесса, 1848—1849. Ч. 1—3; Бларамберг М. И. Археологические разыскания в Керчи // ЗООИД. 1850. Т. 2. Отд. 2—3. С. 815—820; Сабатье П. Керчь и Веспор: Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Веспорского. СПб., 1851; Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб., 1855. С. 174—189; Попруженко М. Г. К отысканию древностей в Новороссийском крае // ЗООИД. 1902. Т. 24. Разд. 3. С. 3—5; Ростовцев М. И. 1) АДЖЮР; 2) Скифия и Боспор. Л., 1925; Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926; Гайдукевич В. Ф. 1) Боспорский город Илурад // СА. 1950. Т. 13. С. 173—204; 2) О местоположении древней Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 85—92; 3) Археологическое изучение Мирмекия // Там же. С. 96—109; Гусаров Ф. Т. Керченскому музею — 125 лет // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952. Вып. 1. С. 5—17; Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Л.; Прага, 1966. С. 61—67; Диамант Э. И. Скифский котел из кургана, открытого вблизи Керчи в 1821 г. // ЗОАО. 1967. Т. 2. С. 250—252; Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ. Л., 1979; Шургая И. Г. У истоков боспорской археологии // Крымские каникулы. Симферополь, 1981. С. 186—203.

² Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. С. 176—177.

³ Бич О. И. А. А. Спицын и изучение керченских древностей // ЗОАО. 1967. Т. 2 (35). С. 291—293.

⁴ Николай Юрьевич Патиньоти (Patignot) 2-й, или Патаниоти, Патиньоти, Панайоти (ум. 1838), контр-адмирал (1832). Службу начал в 1786 г. волонтером на Черноморском флоте: с 1797 г. гардемарин, с 1801 г. мичман, с 1808 г. лейтенант, с 1819 г. капитан-лейтенант, назначен исправлять должность капитана карантинного порта в Одессе, с 1820 г. под началом гр. А. Ф. Ланжерона назначен командиром транспортной флотилии из 12 судов, перевозившей провиант в мянгельские и крымские магазины (склады). В 1820 г. Патиньоти переведен в 36-й флотский экипаж, а в 1825 г. — в 39-й флотский экипаж; с 1827 г. капитан 2-го ранга, с 1828 г. капитан 1-го ранга. Участник войн с Турцией. Скончался в должности командира Дунайских портов и 3-й бригады

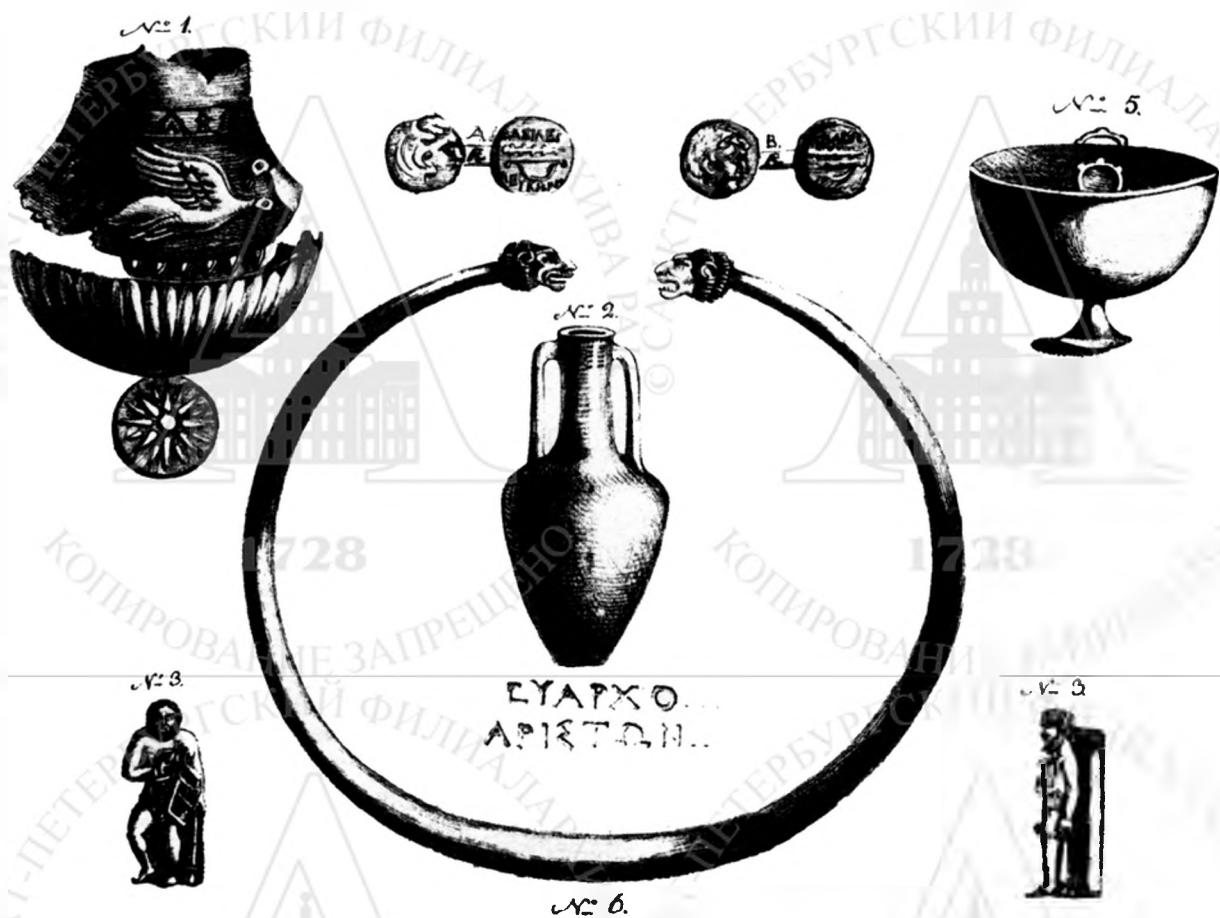

Рис. 147. Находки из кургана Н. Ю. Патиньоти близ Керчи (1821). Литография к статье И. П. Бларамберга «Aperçu, ou notice explicative de quelques objets d'antiquité découverts en Tauride dans un tumulus près du sité de l'ancienne Panticapée» (НИОР БАН, F229).

нас дошли достаточно скудные сведения. В 1822 г. в Париже И. П. Бларамберг опубликовал описание и рисунок части найденных древностей (рис. 147).⁵

В конце декабря 1820 г. один из местных жителей, грек, добывая камень в 5 верстах (5.33 км) от Керчи, в одной версте (1.06 км) к СЗ от Золотого кургана (Алтын-Оба),⁶ наткнулся на великолепный уступчатый склеп из тесаных камней величиной около 5 кв. аршин (2.53 м²). Он взял «один или два золотых листка, сделанных в виде чешуи, как на древних панцирях, и снабженных заклепанными золотыми гвоздиками, несколько пуговиц из того же металла и глиняный сосуд в аршин высоты» (0.7 м — амфору?), и поспешил выйти, боясь обвала.⁷ С. Г. Колтухов предположил, что в амфоре предприимчивый керчанин вынес не толь-

5-й флотской дивизии. См. о нем: *Формозов А. А.* К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. // *СА.* 1975. № 1. С. 172—173.

⁵ *Blaramberg J.* Notices sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride dans un Tumulus, près du sité de l'ancienne Panticapée. Paris, 1822. 31 p., pl. См. также его подносную рукопись (писцовая копия) государственному канцлеру графу Н. П. Румянцеву: «Aperçu, ou notice explicative de quelques objets d'antiquité découverts en Tauride dans un tumulus près du sité de l'ancienne Panticapée» (Заметка, или пояснительная записка, о некоторых древностях, найденных в Тавриде в могильном кургане близ местоположения древнего Пантикапея), хранящаяся в НИОР БАН (F 229). Другой список вместе со всеми рисунками сохранился в бумагах А. Н. Оленина (РА ИИМК, ф. 7, оп. 1, д. 11, л. 82—82 об., 91—104: текст; л. 84—90: рисунки вещей). Черновая рукопись с тем же названием находится в материалах Бларамберга, приобретенных ООИД: ИР ЦНБ, V, 1020, л. 2—17. Сокращенный пересказ на рус. яз. см.: Древности, найденные в Тавриде: Извлечение из книжки: Notices sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride, etc. / Par Mr. de Blaramberg // *Новости литературы*, изданные А. Воейковым и В. Козловым (Прибавление к «Русскому инвалиду» на 1822 г.). СПб., 1822. Кн. 2. № 17. С. 54—57; № 18. С. 73—75.

⁶ *Жиль Ф. А.* Введение // *ДБК.* Т. 1. С. VI.

⁷ Письмо графа Э. Де-Сансе к А. Н. Оленину // *ЗООИД.* 1889. Т. 15. Отд. 1. С. 78—84.

ко два листика и несколько пуговиц. По его мнению, склеп был серьезно ограблен уже первым визитером или кем-то, пришедшим вслед за ним, так как известия о находке быстро распространились по Керчи.⁸

П. Дюбрюкс писал, что 31 декабря 1820 г. во время добывания камня близ Алтын-Обы в одном из курганов был открыт склеп из тесаных камней, «произвольно» вскрытый капитан-лейтенантом Патиньоти и Бибиковым.⁹ Из «гроба» они вынесли «бронзовый сосуд и в оном несколько вещей из золота и серебра».¹⁰

Ту же дату, но не по юлианскому, а по григорианскому календарю приводит граф де Сансе — 12 января 1821 г. матросы транспортной флотилии захватили все, что находилось в склепе, и отнесли своему командиру. Саркофаг из досок толщиной в два дюйма (5.08 см) был разломан в мелкие куски, а кости погребенного разбросаны по земле.

В бумагах акад. Е. Е. Кёлера, посетившего Керчь через несколько месяцев после раскопок в сентябре 1821 г., мною обнаружена «Опись вещам, найденным командою транспортной флотилии в случайно открытой древней могиле», видимо составленная самим Патиньоти. Она свидетельствует, что склеп обследовался не менее чем дважды. Во второй раз, видимо, был вскрыт пол склепа. В описи, в какой-то мере позволяющей реконструировать состав комплекса, перечислены древности, их размер и вес.

«В 1-й раз:

- обруч золотой 3/4 фута в диаметре [0.228 м], у коего концы украшены львиными головками, весом 1 фунт 16.5 золотник [480.3 г];
- 2 других золотых обручи в 16 золотников [68.25 г];
- 2 золотые статульки с небольшим 2 дюйма в длину [5.08 см], весом в 6.5 золотников [27.7 г];
- 6 золотых пластинок, по-видимому служивших украшением панциря весом в 32.5 золотника [138.6 г];
- 4 обломка золотых от эфеса без весу;
- 46 бляшек чешуйных без весу;
- 2.5 золотников [10.66 г], служивших украшением гробу;
- маленьких золотых пуговиц весом 23 золотника [98.1 г];
- 5 гробовых серебряных подножков, в известъ превратившихся, без весу;
- одна булава серебряная с золотыми изображениями разных птиц;
- одна ваза медная наподобие купели, которая найдена наполненной бараньими костями;
- один глиняный кувшин, наполненный был землею, с греческой надписью «Севарху Аристиносу»;
- обломки медного таза;
- две медные ручки.

Во 2-й раз:

- одна статулька в 4 золотника [17.063 г];
- золотых пуговичек 32 золотника [136.5 г];
- шлемовых пляшек счетом 64;
- 4 шишечек дутых весом 4 золотника [17.063 г];
- гробовых украшений 5.5 золотников [23.463 г];
- треугольников небольших 8.4 золотника [35.83 г];
- истлевшие серебряные остатки, по-видимому, от курильницы, весом 5.4 золотника [23.03 г];
- копеечек медных от стрел счетом до ста;
- гвоздик железный на котором, по-видимому, наложены были статульки золотые;
- несколько человеческих и одна лошадиная кость».¹¹

Погребальный инвентарь кургана Патиньоти и по набору, и по художественному стилю аналогичен вещам, позднее открытым в Куль-Обе: массивная шейная гривна из серебра, в момент находки, вероятно позолоченная, весом 1 фунт 16.5 золотников (480.3 г) и диаметром 19 дюймов (48.26 см), украшенная на концах львиными головками; серебряный круглодонный сосуд из двух обломков, инкрустированный золотом, с пlyingими и ловящими рыбу гусями (аналогичен куль-обскому сосуду и сосуду из Чмыревой могилы; Бларамберг принял его за

⁸ Колтухов С. Г. «Он стоит, как колосс, посреди двух долин...» // Пилигримы Крыма. Осень-98: Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме: Матер. Междунар. науч. конф. Симферополь, 1999. С. 126—127.

⁹ Александр Гаврилович Бибилов, с 1820 г. капитан-лейтенант Черноморского флота, в 1831 г. в чине надворного советника являлся капитаном Керченского карантинного порта (РГИА, ф. 1349, оп. 4-1831, л. 105, л. 49—55: формулярный список за 1831 г.).

¹⁰ Попруженко М. Г. К отысканию древностей в Новороссийском крае. С. 3. Примеч.

¹¹ АГЭ, ф. 11, оп. 1, л. 34, л. 1—2. Впервые опубли.: Тункина И. В. К истории открытия курганов Н. Ю. Патиньоти в 1821 г. близ Керчи // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства: Матер. Междунар. науч. конф. СПб., 2001. Ч. 2. С. 279—287.

булаву — «шар или яблоко... начальнического жезла»); «фермуар ожерелья или наконечник ремня»; два плоских золотых браслета с двумя желобками; три или четыре небольшие электровые статуэтки стоящего скифа с горитом у пояса и ритонном в руке высотой в 1 дюйм 4 линии (2.6 см) (приняты Бларамбергом за изображения «скифского Геркулеса»); множество золотых бляшек с дырочками по краям — нашивных украшений одежды и конской сбруи (по мнению М. И. Ростовцева, в форме розеток и пальметок, треугольные с пальметкой, возможно, также бляшки с изображениями рогатого грифона и идущего крылатого сфинкса, опубликованные П. Сабатье);¹² обложенный электром эфес меча; остатки железного панциря, чешуйки которого покрыты электром; бронзовый котел; несколько обломков бронзового «рукомойника»; бараньи кости и челюсть лошади; несколько человеческих костей «величины необычайной»;¹³ около 100 трехлепестковых наконечников стрел, таких же как в Куль-Обе и Солохе; глиняные амфоры — первую унес грек, вторая, суля по описанию, — гераклеяская амфора с английским клеймом¹⁴ на горле ΕΥΑΡΧΟ ΑΡΙΣΤΩΝ (рис. 147).

В перечне находок, скорее всего составленном самим Патиньоти (с ним Кёлер встречался в Керчи в начале сентября 1821 г.), данные о важнейшем датирующем источнике — монетах — отсутствуют. Однако находившийся в Керчи в марте 1821 г. граф де Сансе пишет о находке в склепе двух монет, кем-то поврежденных «по незнанию» при попытке их «очистить» с помощью огня: «одна с двумя головами, другая — только с одной и буквами МН на реверсе, окруженными венком из листьев».¹⁵ Когда описание находок Бларамберга было уже закончено и подготовлено к печати, Патиньоти прислал ему из Керчи несколько монет, из которых три, по его утверждению, были найдены в том же кургане, причем одна совершенно окислившаяся. Бларамберг, исходя из изучения известных тогда боспорских монет, полагал, что «насыпь сия относится или ко временам царя Левкона, жившего во времена Филиппа Македонского, или же (вероятнее) к веку Траяна».¹⁶ Четверть века спустя Г. И. Спасский писал, что в склепе были найдены монеты Котиса I и Савромата II по существовавшей в то время хронологии,¹⁷ но Ашик, собравший сведения о находках в этом кургане у местных жителей, его утверждение отверг.

Исходя из описания Бларамберга и Ашика М. И. Ростовцев пришел к выводу, что публикатором имелись в виду автономная монета Пантикапея с головой Афины на лицевой стороне, на обороте ΠΑΝ и нос корабля,¹⁸ и две обычные монеты Левкона с мужским безбородым профилем вправо (Геракл), на обороте палица и лук и надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ.¹⁹ Разногласие в описаниях монет де Сансе и Бларамберга и «невозможность одновременного нахождения в одной могиле монет Левкона и Асандра... дают право думать, что вообще монеты присоединены были к вещам погребения произвольно и в погребении найдены не были», —

¹² Сабатье П. Керчь и Восток. Табл. V, 3—4; IV, 14; V, 5, 7.

¹³ Свинин П. П. Керчь, древняя Пантикапея: (Из живописного путешествия по России издателя «Отечественных записок») // ОЗ. 1828, Ч. 34. Кн. 96. С. 9—10.

¹⁴ Клеймо ΕΥΑΡΧΟ ΑΡΙΣΤΩΝ было включено А. Бёком в CIG (Vol. 2. № 2109d) со ссылкой на указанную брошюру И. П. Бларамберга. А. Бёк считал, что в клеймо входит не два, а одно имя — имя фабриканта или какого-то магистрата с патронимиком и полагал, что амфора с этим клеймом, как и многие другие из найденных Бларамбергом в Причерноморье, в частности в Ольвии, не местного производства. В 1821 г. Кёлер осмотрел в коллекции Бларамберга и в музее Харьковского университета не само клеймо, а лишь оттиски с него, так как сама амфора была отправлена П. Дюбрюксом в коллекцию Н. П. Румянцева. В списке «различным древним и новым предметам искусства», хранящимся в Румянцевском музее, составленном Ф. Л. Шардиусом в 1845 г., значится: «№ 4: Древняя, книзу суживающаяся амфора, у которой отломана ручка и выбит кусочек. На ней вытеснено кольцо без надписи; № 5: Меньшая амфора, с двумя ручками и с именем Аристеон между ручками (прежний № 2)». Обе амфоры, по всей видимости, ныне хранятся в ГИМ или ГМИИ им. А. С. Пушкина. См.: Филимонов Г. Д. Граф Н. П. Румянцева как археолог-собираатель // Сборник материалов для истории Румянцевского музея. М., 1882. С. 194.

¹⁵ Письмо графа Э. Де-Сансе к А. Н. Оленину. С. 82. Возможно, речь идет о статере боспорского царя Котиса I (45/46—62/63). МН = 48 единицам унций по римскому счету, обозначающим сестерций.

¹⁶ О греческих древностях Восточного Киммерийского и Ольвии // ВЕ. 1823. Окт. № 19. С. 199 (здесь же упоминается о находке в кургане Патиньоти «остатков золотых, серебряных, янтарных, бронзовых, в виде сосудов, ожерелий и колец» и об открытии Патиньоти уже после раскопок «множества медалей»).

¹⁷ Спасский Г. И. Босфор Киммерийский... С. 120.

¹⁸ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. Табл. 6. № 183 (бронза, время Перисада V, 125—115 гг. до н. э.: л. с. голова Афины вправо, о. с. ΠΑΝ и нос корабля).

¹⁹ Blaramberg J. Notices sur quelques objets d'antiquité... Р. 7 (гравюра с двумя монетами Левкона), 27—30. Медный обол Левкона II (240—230 до н. э.). Ср.: Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Табл. 4. № 134.

заклучил М. И. Ростовцев.²⁰ Скорее всего, в этом отношении исследователь был прав. По амфорному клейму определяется дата погребения в кургане Патиньоти — не ранее середины IV в. до н. э.²¹

Известно, что Патиньоти препроводил значительную часть найденных вещей генерал-губернатору Новороссии гр. А. Ф. Ланжерону, который намеревался представить их императору, но, видимо, этого не сделал. Позднее «ожерелье» (шейная гривна из смеси серебра с медью) и «два скифские Геркулеса» были переданы А. Ф. Ланжероном и его женой в Одесский городской музей древностей. Как установил Э. И. Диамант, в Одесском музее хранились: скифский бронзовый котел, шейная гривна с головками львов на концах, две электровые фигурки с изображениями стоящего бородатого скифа с горитом у пояса и рогом в руках. Поль Дюбрюкс, проводивший раскопки на средства Н. П. Румянцева, каким-то образом сумел отобрать у матросов Патиньоти и отправить государственному канцлеру почти «все предметы, найденные в знаменитом погребении и похищенные, несмотря на все мои старания, моряками флота», о чем он сообщал П. И. Кёппену в письме от 13 июня 1821 г. из Керчи.²² И. П. Бларамберг 7 декабря 1821 г. также писал Кёппену, что древности, недавно найденные в кургане близ Керчи и отосланные гр. Румянцеву, он намерен издать с описанием и рисунками в Париже.²³ Таким образом, другая часть погребального инвентаря попала сначала в Петербург, в Румянцевский музей, а оттуда, много позднее, в Москву, в ГИМ или ГМИИ им. А. С. Пушкина. Утверждение А. Б. Ашика, что древности из кургана оказались в Эрмитаже,²⁴ не соответствует действительности. Третья часть вещей, согласно П. Сабатье, скорее всего от И. П. Бларамберга или А. Ф. Ланжерона, поступила в коллекцию князя В. В. Кочубея.²⁵

Второй курган, оказавшийся разграбленным, был случайно открыт матросами Патиньоти в первых числах марта 1821 г. «при добытии песчаника в том же ряду холмов, на расстоянии нескольких сот шагов от пирамидальной гробницы». Здесь был открыт склеп в 12 кв. футов (1.116 м²) из тесаных камней с полукруглым сводом, высотой до 18 футов (5.49 м). «Его отверстие составляло половину стороны, обращенной к востоку [...]. В нем нашли лишь несколько костей, обломки гипса и фигурки странной формы, в том числе обломки сценической маски из гипса».²⁶

5 сентября 1821 г. акад. Е. Е. Кёлер записал в дневнике о своем визите к Патиньоти во время пребывания в Керчи, и о том, что офицер позволил ему выбрать «кое-что из его золотых булавок и наконечников стрел» (последние, возможно, поступили в Эрмитаж). На следующий день вместе с Патиньоти и Э. Паскалем Кёлер осмотрел раскопанный курган.

«Проехав 4 версты [4.26 км], — писал Кёлер, — я оказался у кургана, в котором якобы прежде находились золотые фигурки Геркулеса, было много золотой утвари и пр. В курган проникли сверху через отверстие в углу свода, как раз над входом. Это дало то преимущество, что сразу стало видно, как был устроен (оставшийся неповрежденным) вход. Если находишься внутри могильной ямы площадью две квадратные сажени [9.10 м²], то вход оказывается на западной стороне, а погребенный, вероятно, лежал головой на восток. Это значит, что покойника заносили в склеп ногами вперед, и голова его так и оставалась направленной на восток. Каменные работы внутри всех остальных курганов выполнялись так, чтобы сохранялось направление с запада на восток. Это было так и в

²⁰ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. С. 387.

²¹ Брашинский И. Б. 1) Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // *Eigene*. 1965. Т. 4. С. 105; 2) В поисках скифских сокровищ. С. 38—39.

²² ГАОО, ф. 93, оп. 2, д. 1, л. 134 об., № 169—170; ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 146, л. 63—64. «Четвертый род гробниц составляют склепы, похожие на куль-обский, — писал позднее Дюбрюкс. — Есть склепы различной величины, но все они одинаковой конструкции... Большая часть этих склепов ограблена в прежнее время. Из 8 склепов, открытых с тех пор, как я здесь живу, только 2 были не тронуты: куль-обский и другой точно такой же, открытый греками при выемке камня 29 декабря 1820 года. Найденные в нем вещи были отосланы к государственному канцлеру графу Румянцеву, который поручил мне произвести для него раскопки, с согласия министра внутренних дел». Цит. по: Записка Дюбрюкса «Несколько замечок о различных родах гробниц, находящихся в окрестностях Керчи» / Публ. В. Г. Тизенгаузена // Тр. VI АС в Одессе (1884 г.). Одесса, 1888. Т. 2. С. 137.

²³ См.: Ашик А. Б. Восторское царство. Ч. 2. С. 39—40; О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных / Публ. В. Г. Тизенгаузена, примеч. Н. Н. Мурзакевича // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 387, 399 и след.; *Попруженко М. Г.* К отысканию древностей в Новороссийском крае. С. 3. Примеч. 1; Письмо гр. Э. Де-Сансе А. Н. Оленину. С. 78; ПФА РАН, ф. 1054, оп. 1, д. 26, л. 32 (автограф М. И. Ростовцева); *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. С. 386—388; *Брашинский И. Б.* В поисках скифских сокровищ. С. 38—39.

²⁴ Ашик А. Б. Восторское царство. Ч. 2. С. 39. Примеч. 2.

²⁵ Диамант Э. И. Скифский котел из кургана... С. 250—252.

²⁶ Письмо графа Э. Де-Сансе к А. Н. Оленину. С. 85.

тех случаях, когда внутренняя каменная отделка до нас не дошла, будучи извлечена еще в древности. Вся внутренняя часть погребения была в свое время сооружена исключительно из тщательно обработанных камней и закрыта сверху оригинальным способом: в 6 или 7 рядах крупные камни укладывались так, чтобы один выступал над другим, пока сверху не оставался посередине лишь небольшой прямоугольник, который замыкался одним-единственным камнем. Что касается входа, то и он закрывался снаружи одним большим камнем; в нашем случае этот камень поныне лежит на своем месте, потому что, как сказано, погребение было вскрыто сверху. За этим большим камнем, закрывающим вход, следует проход длиной в несколько шагов, который прямо, без всяких дверей, вел внутрь. Все это будет пояснено чертежами и рисунками г-на Паскаля. Большие камни пола были все тайно похищены.

Другое погребение, вскрытое также по указанию г-на Патиньоти, было сооружено из столь же красивых и хорошо обработанных камней, но иначе. Оно имеет вид небольшого отрезка сводчатого хода, закрытого с обоих концов прямыми и гладкими стенами. Могила была еще прежде вскрыта, как заключил, судя по пролому над входом, г-н Патиньоти. Поэтому он не обнаружил внутри ничего, кроме мелких керамических изделий и глиняных черепков очень грубой работы.

Открытые г-ном Патиньоти прекрасные погребения находятся не в середине холма (кургана. — И. Т.), а с краю. Поэтому весьма вероятно, что внутри холмов обнаружатся другие, еще большие и более важные погребения. Однако их открытие станет возможным не прежде, чем будут убраны огромные нагромождения камней (мешающие дальнейшим поискам). — (В ходе раскопок) очень внимательные наблюдатели должны представлять свои замечания:

1. О положении погребенного, который в момент вскрытия погребения еще отчетливо виден, прежде чем он почти тут же рассыплется в прах;
2. О размещении предметов вокруг погребенного;
3. О монетах, буде таковые окажутся, с тем, чтобы они не были перепутаны с другими, найденными вне погребения или в других могилах; монеты, найденные в *одном* погребении, должны постоянно храниться вместе». ²⁷

Еще находясь в Керчи, Кёлер обратился к генерал-губернатору Новороссии А. Ф. Ланжерону с просьбой запретить разрушение древних гробниц, так как он видел, как огромные тесаные камни разбирались местными жителями «на постройку их хижин». ²⁸ Оба открытых Патиньоти кургана уже к середине XIX в. были полностью разобраны на камень и от них не осталось и следа.

1826 г. Раскопки были поручены М. С. Воронцовым И. П. Бларамбергу с целью поиска древностей для открывающегося Керченского музея. ²⁹ В работах участвовали П. Дюбрюкс, фактически руководивший полевыми работами, младший сын Бларамберга — Михаил, «практикованный гробокопатель» Дмитрий Семенов. ³⁰

В 55—56 саженях (около 117—119.5 м) к востоку от Золотого кургана И. П. Бларамберг приказал начать раскопки остатков круглого в плане «псевдоциклопического сооружения», имевшего 19 саженей в поперечнике (около 40.5 м). С северо-западной его стороны еще оставались четыре или пять рядов камней, которые к 1834 г. были разобраны местными жителями для хозяйственных нужд. Камни, положенные «правильным образом», были тщательно отесаны и оказались равной толщины. Дюбрюкс приказал заложить шурф на аршин (1.4 м) глубины в северо-западной части сооружения. Здесь была открыта стена из хорошо отесанных камней, покрытых известью, длиной 2 сажени (4.2 м), высотой 1.25 аршина (около 0.8 м), 1 аршин (0.7 м) толщины, которая с двух концов «обрывалась». Дюбрюкс приказал ее разобрать и углубить шурф, «ведя его между глыбами скал, которые, казалось, были положены на глубину в 5 аршин [3.5 м]». Затем поперечник шурфа был уменьшен до 2 саженей (4.2 м), но его глубина увеличена до 7 саженей (14.9 м). В северной части обнаружили отверстие, через которое пролез один из рабочих со свечой. Сидя лицом к отверстию, он доложил, что справа от него находится отесанный камень размером в одну квадратную сажень (4.5 м²), положенный горизонтально и, возможно, на бок, и что «в 4 вершках [17.7 см] наверху в центре имеется острие большой каменной глыбы, и что слева от него есть отверстие, которое идет по диагонали примерно на 2 сажени [4.2 м] до другого отверстия, которое он различает в глубине». Дюбрюкс предложил ему обвязаться веревкой и спуститься ниже, но рабочий отказался, и этот шурф пришлось оставить.

²⁷ ОР РНБ, Нем. Q IV 181, л. 264—266.

²⁸ Скалковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Одесса, 1838. Ч. 2. Ч. 294.

²⁹ См.: Тункина И. В. Раскопки И. П. Бларамберга в Керчи в 1826 г. // Боспорское царство как историко-культурный феномен: Матер. науч. конф. (декабрь 1998 г.). СПб., 1998. С. 96—102.

³⁰ Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на еврейском берегу Босфора Киммерийского... // ЗООИД. 1858. Т. 4. Отд. 1. С. 28; ГАОО, ф. 93, оп. 1, л. 20, л. 23.

На прилажившемся к отчету плане Дюбрюкса пунктирными линиями было отмечено место, под которым рабочий нашел огромный отесанный камень и отверстие слева от него.³¹ Бларамберг полагал, что это подземный ход от одного жертвенника или храма к другому, заваленный огромными бесформенными глыбами.³² П. Дюбрюкс считал его местом, «где отдавались почести умершим и приносились жертвы душам усопших».³³

В 1826 г. были проведены раскопки кургана, расположенного «в некотором отдалении» от Алтын-Обы. В Керчи ходили слухи, что один из таможенных служащих, разрушив часть свода для добычи хорошо обработанных камней, наткнулся на следы погребения. Дюбрюкс также пишет о раскопанном им склепе с полукруглым сводом, находящемся поблизости от Золотого кургана, который оказался ограбленным.³⁴

Затем работы перенесли на курган, находившийся по дороге из Керчи в Еникале, в 1,5 верстах (1,6 км) от крепости. Там обнаружили ограбленный, еще «более грандиозный» склеп, по конструкции отличавшийся от предыдущего.

Неподалеку от этого склепа открыли гробницу с останками деревянного резного ложа, чеканными золотыми пластинками в виде листьев, бронзовым литым браслетом, осколками стекла и изысканным ржавчиной оружием. Рядом с могилой нашли фрагмент надгробной плиты с рельефным изображением головы лошади до погрудного ремня и правой руки всадника, держащего поводья.³⁵

Затем Бларамберг перенес раскопки на один из курганов на хребте горы Митридат, за пределы границ древнего Пантикалея. Один из склепов этого кургана ранее обследовал П. Дюбрюкс, «которому почти ничего не удалось... найти». Он использовал камни склепа для своих хозяйственных построек и оставил курган «в том положении, в каком мы его и обнаружили». О других находках в рапорте Бларамберга не упоминается.³⁶

Такая скудость находок разочаровала Бларамберга. Чтобы «с лихвой окупить все расходы», он решил раскопать «один из курганов средней величины», расположенный у городских ворот южнее (слева) от дороги, ведущей в Феодосию, что подтверждается свидетельством Ф. Дюбуа де Монпере. Швейцарский путешественник, однако, сообщает неверную дату раскопок — 1824 г. (ее ловторили Г. И. Спасский, А. Б. Ашик, Ф. А. Жиль). Дюбуа сообщил, что в Керченском музее хранился перечень находок в этом кургане и что Бларамбергом был составлен план «с положением его раскопок», с которым ему так и не удалось ознакомиться.³⁷ Эту информацию дополняет Дюбрюкс: вокруг раскопанных в 1826 г. курганов он находил «длинные головы макрокефалов», остовы которых были «зарыты в землю без гробов и прикрыты только землею толщиной аршина в полтора [1.06 м]».³⁸ Более подробные сведения приведены в рапорте директора музея М. С. Воронцову и в неопубликованной статье И. П. Бларамберга, к сожалению, лишенной иллюстраций.³⁹

В этом кургане были открыты 4 погребения, перекрытые мощными известняковыми плитами.⁴⁰ В первой могиле погребальный инвентарь оказался разложен на некоем подобии деревянной скамейки из можжевельника или «фигового дерева» с инкрустацией. Вещи оказались перемешанными с останками обутленных костей. Характер инвентаря позволяет утверждать, что было открыто трупосожжение женщины конца I в. до н. э. Среди находок — пряжка

³¹ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 202, л. 34—36 об.

³² ИР ЦНБ, V, 1025, л. 2.

³³ Дюбрюкс П. Описание развалин и следов... С. 28, 29. Это сооружение оказалось аналогичным по конструкции находившемуся на западной возвышенной части городища Мирмекия (т. е. на «акрополе Мирмекия», по Дюбрюксу) кургану с крепидой «циклопической работы», который был обследован И. А. Стемпковским и П. Дюбрюксом в 1820 г., а затем А. Б. Ашиком и П. Дюбрюксом в 1834 г. Здесь Ашик обнаружил два склепа с общим дромосом, из которых извлекли два мраморных саркофага римского времени. Размеры каменной склепа в Мирмекии были на четверть меньше, чем того, который находился близ Алтын-Обы. По данным И. И. Кроленко, курган в Мирмекии был разрушен в 1925 г. Портовым управлением, добывавшим здесь камень для ремонта мола.

³⁴ ИР ЦНБ, V, 1025, л. 2.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, л. 2—2 об.; V, 1026, л. 2 об.

³⁷ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Paris, 1843. Vol. 5. P. 139—140.

³⁸ Записка Дюбрюкса «Несколько замечок о различных родах гробниц...». С. 137.

³⁹ ИР ЦНБ, V, 1024—1026.

⁴⁰ Там же, V, 1026, л. 2 об.

волос «очень черного цвета» прекрасной сохранности; золотой перстень с сирийским гранатом (инталия с изображением Афины со щитом в правой и копьем в левой руке); два золотых перстня меньшего размера с гладкими выпуклыми камнями без гравировки; золотая булавка с камнем, на котором вырезано изображение бабочки; серебряная окисленная булавка, «разделенная на части, окружающие маленький камень, на котором гравирована голова»; бирюзовые серьги в золотой оправе с украшениями в виде золотых маленьких эротов; 4 шарообразные серьги из халцедона и агата; 7 резных бусин из халцедона и стекла разного цвета с дырочками и каннелюрами; 2 золотых браслета с искусно выполненным филигранным орнаментом; фрагменты терракотовой статуэтки Сераписа, покрытой голубой и розовой красками; протомы «Изиды или Прозерпины» (Коры), выполненная в «лучших греческих традициях»; пара терракотовых голубок, сидящих на веретенообразной палочке; фрагменты большого ожерелья из очерненного, местами окисленного, серебра, концы которого украшены львиными головами; расколотое надвое металлическое зеркало; тонкие золотые листики (вероятно, от погребального венка); крупная золотая пластинка с индикацией монеты — «герма, на ней мужская бородатая голова, справа ветка мирта» («ветка какого-то дерева или кустарника, сложенного наподобие плачущей ивы»), слева монограмма ВАЕ;⁴¹ две медные монеты с той же монограммой — одна с изображением «мужской головы, на обороте — крылатый змей, опирающийся на извивающийся хвост»,⁴² другая — на аверсе «голова Аполлона», на реверсе изображение, аналогичное оттиску на золотой пластинке.⁴³

Во втором, также женском, погребении с трупосожжением найдены: золотой перстень с камнем и гравированным изображением идущей Афины с щитом в руках; две круглые золотые серьги; два стеклянных «флакона или фиалы»; прядь волос «необычайно черного цвета в деревянной шкатулочке, имеющей форму чаши» (пиксиде); медная монета — на лицевой стороне «изображение бога садов с отличительными атрибутами», на обороте — «то же изображение с веткой мирта или ивы», что и на индикации монеты из первого погребения.⁴⁴

В третьем, несомненно мужском, погребении находились две «фиалы», или два стеклянных флакона, с птичьими косточками, медный стригиль, полностью покрытый окислом зеленого цвета, золотой перстень с инталией, изображающей козерога, из сирийского граната, тончайшая золотая пластинка в форме монеты с индикацией — «голова Пана, изображение которого можно встретить на автономных монетах Пантикалея».⁴⁵

В последнем, четвертом погребении, вероятно женском, были обнаружены кусочки золотого погребального венка в виде листьев дикого сельдерея, перстень с изображением «Юноны, мечущей молнию», на сирийском шлифованном гранате выпуклой формы, золотая подвеска серьги в виде «диоты (амфоры. — И. Т.) или сосуда с двумя ручками», украшенная мелкими драгоценными камнями, две стеклянные «фиалы».⁴⁶ Бларамберг сокрушался, что из-за спешки при раскопках этого погребения рабочие не смогли использовать стальное решето для просеивания земли, почему, скорее всего, пропустили часть вещей, «скрытых в комьях земли»,⁴⁷ в том числе важнейший датирующий источник — монеты или индикации с них.

Этот курган был исследован А. Б. Ашиком в 1834 г., который «почти» снес его до основания и обнаружил еще одно погребение — «детскую каменную гробницу» с обломками разбитых «глиняных статуек» и с оригинальной по форме маленькой вазой.⁴⁸

По просьбе директора музея И. П. Бларамберга М. С. Воронцов предложил керченскому городскому архитектору А. Дигби снять «планы и фасады» двух «подземельных сводов» в раскопанных курганах близ Алтын-Обы и по дороге в Еникате. 25 сентября 1826 г. А. Дигби представил генерал-губернатору готовые «планы и фасады с профилями».⁴⁹ Таким образом, к

⁴¹ Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. — середина IV в. н. э.). М., 1997. Ч. I. Табл. IX, 20—28; табл. X, 1—8. Здесь же на с. 24—53 подробный разбор дискуссии о монетах с монограммой ВАЕ.

⁴² Там же. Табл. VI, 24—26; табл. VII, 1—7.

⁴³ Там же. Табл. IX, 20—28; табл. X, 1—8; ИР ЦНБ, V, 1024, л. 2—2 об.; V, 1025, л. 3 об.; Dubous de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 5. P. 140—141.

⁴⁴ ИР ЦНБ, V, 1024, л. 2 об.—3.

⁴⁵ Там же, л. 4—4 об.

⁴⁶ Там же, л. 4 об.

⁴⁷ Там же, л. 3 об.

⁴⁸ Ашик А. Б. Воспорское царство. Ч. 2. С. 40.

⁴⁹ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 176 об., 187.

отчету Бларамберга прилагались чертежи, планы и рисунки всех открытых погребальных сооружений и инвентаря, до сих пор так и не найденные в архивах.

По итогам раскопок И. П. Бларамбергом была написана оставшаяся неопубликованная статья «Description de différens objets précieux découverts, avec d'autres antiquités près de Kertch, dans un tertre funéraire des Panticarpeens, contenant 4 tombeaux» со ссылками на «раскрашенные» рисунки. Ее рукопись сохранилась в двух редакциях в материалах Одесского общества истории и древностей.⁵⁰ 2 декабря 1826 г. Бларамберг писал М. С. Воронцову в Лондон, направляя вторую редакцию своего исследования: «Я беру на себя смелость послать Вашему сиятельству рукописный экземпляр объяснения предметов, открытых в ходе моих последних раскопок в Керчи. Он содержит некоторые необходимые изменения, и тот, который я имел честь представить госпоже графине (Е. К. Воронцовой. — И. Т.), подлежит замене этим».⁵¹

Первая редакция статьи скорее приближена к полевому отчету (нумерация погребений много приводится по первой редакции) и содержит лишь осторожные исторические выводы.⁵² Вторая редакция полна наукообразных рассуждений, в ней изменена нумерация могил (так, четвертое погребение стало первым), встречается путаница в перечнях вещей и принадлежности их к определенному комплексу (остается неясным, в какой именно могиле — первой или второй — найдена прядь волос «необычайно черного цвета»), а также в функциональной интерпретации находок. Так, стригиль из третьего погребения (во второй редакции — четвертого) с течением времени превратился в lituus (загнутый авгурский посох, жезл).

На основании находок монет и золотых индикаций с монограммой ВАЕ Бларамберг выдвинул гипотезу о принадлежности первых двух погребений времени правления царя Евмела (во второй редакции он относит их соответственно царице и любимой наложнице Евмела), а третье гробницу приписывает самому Полемону I.⁵³

По мнению главного авторитета того времени в области античной нумизматики Т. Э. Мионне, монеты с монограммами ВАЕ и ВА-ЕУ принадлежали Митридату VI Евпатору, ВАР — Рискупориду, ВАР — Котису I и т. д. Полемизируя с французским нумизматом, Бларамберг высказался за то, что монограммы ВАЕ и ВА-ЕУ принадлежали Евмелу.

Антикварий подробно разбирает известные к тому времени медные монеты с монограммой ВАЕ из собраний графа Перовского, И. А. Стемпковского и своего собственного. Все они на лицевой стороне имели изображение «головы Аполлона», на оборотной — монограмму ВАЕ, и по типам изображений распадались на следующие 6 групп: 1. Протома коня;⁵⁴ 2. Протома «барана»;⁵⁵ 3. «Базилик или дракон, опирающийся на извивающийся хвост»;⁵⁶ 4. «Герма, впереди ветка мирта»;⁵⁷ 5. Треножник;⁵⁸ 6. Собака, повернувшая голову.⁵⁹ И. А. Стемпковский являлся владельцем еще одной монеты, на лицевой стороне которой было «изображение льва, над ним звезда», а на оборотной — «двойная ветвь мирта или лавра в короне».⁶⁰ Принадлежность этих монет одному времени и одному правителю у Бларамберга сомнений не вызывала.

Как известно, вопрос о времени выпуска, принадлежности монет и значении монограммы ВАЕ достаточно дискусионен до сих пор и составляет «одно из наиболее загадочных явлений в боспорской нумизматике».⁶¹ А. Л. Бертъе-Делагард и М. И. Ростовцев отнесли время выпуска таких монет к рубежу нашей эры.⁶² А. Н. Зограф разделил их на три группы и датировал первую 17—14 гг. до н. э., вторую и третью — 8 г. до н. э.—10 г. н. э., т. е. первым и вторым

⁵⁰ Мурзакевич Н. Н. Приобретение обществом неизданных сочинений Бларамберга // ЗООИД. 1844. Т. 1. Отд. 3. С. 652.

⁵¹ РСА СПбФ ИРИ, ф. 36, оп. 2, л. 253, л. 1.

⁵² ИР ЦНБ, V, 1024, л. 2—4 об.

⁵³ Там же, V, 1025.

⁵⁴ Фролова Н. А. Монетное дело Боспора... Ч. 1. Табл. VI, 9—23.

⁵⁵ Там же. Табл. VI, 1—8.

⁵⁶ Там же. Табл. VI, 24—26; табл. VII, 1—7.

⁵⁷ Там же. Табл. IX, 20—28; табл. X, 1—8.

⁵⁸ Ср.: Там же. Табл. VIII, 11—20.

⁵⁹ Ср.: Там же. Табл. VII, 8—14.

⁶⁰ Там же. Табл. IX, 1—7; ИР ЦНБ, V, 1025, л. 3 об.

⁶¹ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. С. 82.

⁶² Бертъе-Делагард А. Л. О монетах владетелей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД. 1912. Т. 29. С. 158; Ростовцев М. И. Медь Динамик и Аспурга // ИТУАК. 1918. № 54. С. 47—53.

правления Динамии.⁶³ В. А. Анохин несколько расширял хронологические рамки выпуска подобных монет: первую серию он отнес к правлению Полемона, вторую — к правителю, ставившему монограмму ΔΥΜ, третью — ко второму правлению Динамии, четвертую — к правителю с монограммой ΚΑΕ, т. е. с 14/13 г. до н. э. до 9/10 г. н. э.⁶⁴ Н. А. Фролова полагает, что выпуск меди первой группы с монограммой ΒΑΕ относится либо ко времени после заключения брака Динамии с Полемоном, либо чекан принадлежит неизвестному правителю Боспора после смерти Динамии, оспаривавшему у Полемона право на боспорский престол, т. е. к периоду после 12 г. до н. э., до воцарения Аспурга. В этой монограмме она предлагает видеть имя чиновника, ответственного за чекан медных монет.⁶⁵

Таким образом, раскопки Бларамберга и Дюбрюкса 1826 г., о которых до сего дня практически отсутствовала информация в научной литературе,⁶⁶ обнаружили, скорее всего, семейную усыпальницу с трупосожжениями какой-то пантикапейской семьи рубежа эр — конца I в. до н. э. — начала I в. н. э., так как индикации на золотых пластинках, несомненно, одновременны монетам.

1827 г. В этом году Бларамберг проводил раскопки пантикапейских курганов, которые, вероятно, не дали каких-либо интересных находок — сведения о них до нас не дошли. Он жаловался на дороговизну рабочей силы — в 1827 г. цены на оплату труда рабочих возросли наполовину и доходили до 1 р. 30 к. в день. Директор музея занимался главным образом историко-археологическим обследованием Керченского полуострова с целью локализации древних городов и поселений Европейского Боспора: «С некоторых пор я много работаю над подготовкой к будущим исследованиям, которые предполагаю осуществить в тех же самых местах... чтобы проверить местоположение древнего... Китея, о котором я предполагаю, согласно указанию в стадиях анонимного автора перипла Понта Ексинского, что развалины его есть те, что видны примерно в 6 верстах на юго-запад от мыса Такиль (Такиль-Бурун), который, по всей вероятности, тот самый мыс, на котором был расположен... город Акра, о котором говорит Страбон и другие древние авторы», — писал он М. С. Воронцову 9 января 1827 г. В другом письме от 19 марта 1827 г. Бларамберг сообщает: «Кажется мне удалось установить... что место, которое современные географы указывают на основании неясной и неточной карты Птолемея как место древней Нимфеи, есть то место, где существовал порт Европейский Киммериум. Я написал маленькое исследование страниц на 20, где изложил мои предположения о местонахождении города Тиритаки и порта Нимфей. Разыскания, которые я собираюсь осуществить на местности, начиная с Керчи до соленого озера Атал-Алчин, примерно в 6 верстах от Опука, должны подтвердить или опровергнуть эти мои предположения». Результаты этих исследований, охвативших территорию от маяка, расположенного в четырех верстах к северу от Еникале, до «древнего порта Киммериум, в древности находившегося на восток от залива, а сейчас отторженного земляным наносом и представляющего сегодня соленое озеро Элькен», обобщены в специальной посмертно опубликованной статье,⁶⁷ снабженной картой и несколькими «приблизительными» планами городищ, которую он отправил графу при письме от 4 ноября 1827 г.⁶⁸

Из документов известно, что в 1827 г. Бларамберг провел раскопки для изучения стратиграфии Узунларского («Акосова», или, как он называл его, Асандрова) вала, пересекающего в ширину Керченский полуостров, начиная от солончакового озера Атал-Алчина до Азовского моря. Близ почтовой станции Султановка, расположенной на дороге из Керчи в Феодосию и пересекающей вал, он приказал заложить три траншеи или разреза во всю ширину «ограды» и ее рва. Ров, по Бларамбергу, имел ширину 20 аршин (14,2 м), а сам вал 40 аршин (28,4 м). При прокладке первой траншеи были обнаружены остатки стены или фундамента, составленного из «грубых» камней, «наваленных без всякой системы, т. е. положенных один возле другого или один на другой... Сия кладка представлялась как начало или основа ограды и придавала крепость и прочность земле, наваленной сверху и составлявшей дополнение ограды».

⁶³ Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С. 193—196.

⁶⁴ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. С. 82.

⁶⁵ Фролова Н. А. Монетное дело Боспора... С. 31, 51.

⁶⁶ Ашик А. Б. Воспорское царство. Ч. 2. С. 40.

⁶⁷ Бларамберг И. П. Записки о некоторых местах древней географии Тавриды // ЗООИД. 1848. Т. 2. Отд. 1. С. 1—19.

⁶⁸ РСА СПб ИРИ, ф. 36, оп. 2, л. 253, л. 3—3 об., 8, 11, 18.

Во второй траншее обнаружили «признаки» стены или фундамент какого-то строения из тесаных камней, сложенных без раствора «по системе кладки камней одного на другой параллелограммической формы». В третьей траншее, помимо «признаков» такой же стены или фундамента из тесаных камней, была найдена «кладка гемисферической формы». Последнее обстоятельство дало повод Ф. А. Жилу два десятилетия спустя сделать вывод: «Эта конструкция как бы показывала, что на сем месте ретраншемент был подкреплён полукруглыми башнями, которые как будто прикрывали ограду и защищали анфиладой ров» (рис. 81).⁶⁹

1829 г. 13 марта при добыче глины близ Замостского кордона⁷⁰ в степи на окраине Керчи, «на открытом и ровном месте» рабочие-каменщики случайно открыли три гробницы сряду, «поверх» которых обнаружили 10 небольших терракотовых статуэток, 6 ваз разной величины (2 «вазы самой красивой формы, с редкими изображениями»), множество мелких предметов из кости, стекла и перламутра, большей частью женских украшений. Открытые древности собрали городской архитектор А. Дигби и купец 1-й гильдии из Одессы С. Томазини для передачи в Керченский музей древностей.⁷¹

Через месяц близ того же места «обвалившаяся земля открыла следы стены, построенной из больших камней, и ясно означившей существование вблизи древней гробницы». Узнав об этом, И. А. Стемповский строго запретил посторонним лицам подходить к развалинам, но из-за удаленности от города обеспечить надлежащую охрану памятника городская администрация не смогла. Через некоторое время обнаружили, что ночью кто-то пытался проникнуть в гробницу — часть больших камней, которые невозможно было приподнять, оказалась разрублена топором. Чтобы предупредить расхищение памятника, Стемповский приказал немедленно начать раскопки под надзором П. Дюбрюкса.⁷² Последний пишет, что курган был средней величины, и у его подножия на глубине 1 аршин (0,7 м) под землей была открыта небольшая стенка, сооруженная из блоков отесанных камней, вероятно, крепиды. Начав снимать землю с вершины кургана в его центре, достигли глубины в 5 аршин (3,5 м). Окружающие, в том числе рабочие, советовали Дюбрюксу прекратить работы, когда раскопки достигли материка. Однако, «следуя внутреннему голосу», Дюбрюкс продолжил работы, и на глубине 2,5 сажени (около 5,3 м) была обнаружена каменная «большая древняя гробница из огромных тесаных камней», наполненная водой из родника, «открывшегося», вероятно, в древности уже после построения склепа. Среди погребального инвентаря, сильно попорченного водой, — небольшое золотое ожерелье из дутых золотых шариков, две «прекрасные» вазы — краснофигурная ойнохой с изображением быка, приносимого в жертву, и арибаллический лекиф «с выпуклыми фигурами, лентой работы, представляющими последние минуты пары Приама, по взятии Трои, и пленение Гекубы», а также ряд мелких предметов. Раскопки этого кургана обошлись всего в 48 р., а стоимость двух найденных здесь ваз, по подсчетам Дюбрюкса, доходила до 400 р.⁷³ В рапорте И. А. Стемповского М. С. Воронцову и описании П. Дюбрюкса наличия костяков не отмечено. Судя по документам и опубликованным А. Б. Ашиком и Ф. Дюбуа де Монпере рисунком находок, был открыт склеп первой половины IV в. до н. э.⁷⁴

В том же году И. П. Бламберг раскопал курган по дороге из Керчи в Еникале с богатым склепом и открыл плиту с изображением «сцены похищения Керы Плутоном». Никаких дополнительных сведений о раскопках этого кургана мне обнаружить не удалось. М. И. Ростовцев использовал альбом рисунков М. И. Бламберга, прилагавшийся к отчету о раскопках его отца и до революции хранившийся в собрании ООИД. Известно лишь, что в 1829 г. одесский антикварий потратил на раскопки 457 р. 25 к. из сумм, ассигнованных правительством на охрану древностей Тавриды в 1822 г.⁷⁶

⁶⁹ РА ИИМК, ф. 6, оп. 1, д. 197, л. 8—8 об.

⁷⁰ Мартин Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. С. 55.

⁷¹ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 305; Ашик А. Б. Веспорское царство. Ч. 2. С. 41.

⁷² Мартин Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. С. 55; Dubous de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 5. P. 150—151.

⁷³ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 19, л. 93—94.

⁷⁴ Ашик А. Б. Веспорское царство. Ч. 2. С. 41; 1849. Ч. 3. Рис. 4, 5; ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 318—318 об.; Dubous de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 5. P. 160—161; Atlas. Sér. Archeol. Pl. 8, fig. 1. Pl. 10, fig. 1.

⁷⁵ Мартин Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. С. 55; АДЖЮР. Текст. С. 253—254. Атлас. Табл. 64.

⁷⁶ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 341.

ГЛАВА 15

ТАМАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

История археологических исследований на Таманском полуострове неоднократно привлекала к себе внимание ученых. Раскопки конца XVIII—первой половины XIX в. подробнейшим образом освещены в известных монографиях К. К. Герца, использовавшего рапорты об отчетах А. Б. Ашика, Д. В. Карейши, К. Р. Бегичева, А. Е. Люценко и др.¹ Однако тех, кто пользуется книгами Герца, хотелось бы предостеречь — многие важные детали описаний погребальных комплексов в изложении московского профессора опущены, так как Герц как типичный представитель эстетствующей археологии посчитал их второстепенными.²

Тем не менее историк искусства, археолог, публицист, беллетрист *Карл Карлович Герц* (1820—1883) внес большой вклад в изучение Таманского полуострова. Он родился в Москве в купеческой семье — выходец из Швеции и Восточной Пруссии. Герц учился во французском пансионе О. Гэ, Московской практической академии коммерческих наук (1835—1839) и на философском факультете Московского университета (1840—1844), являлся учеником Т. Н. Грановского и Д. Л. Крюкова. Затем в течение года он учитель и воспитатель в семье гр. В. А. Мушина-Пушкина в Гельсингфорсе, где познакомился с проф. Я. К. Гротом и П. А. Плетневым. В 1845—1846 гг. Герц издал ряд статей в журнале «Современник». В течение 6 лет он служил в Петербурге домашним воспитателем князя Н. И. Салтыкова, племянника гр. С. Г. Строганова. В 1851 г., получив от князя пожизненную пенсию, Герц путешествовал по Западной Европе для совершенствования образования и изучения памятников искусства. Вернувшись в Россию в 1856 г. и поселившись в Москве, он начал преподавательскую деятельность доцентом (1857—1863, 1870—1873), приват-доцентом (1863—1870), экстраординарным (1873—1881), ординарным (1881—1882), заслуженным ординарным (с 1882 г.) профессором археологии и истории искусства Московского университета, одновременно являлся заведующим Археолого-нумизматическим кабинетом университета, хранителем Отделения изящных искусств и древностей Румянцевского музея (1862—1883). Герц — магистр (1870), доктор (1873) истории искусств; почетный вольный общник Академии художеств (1862); действительный член Русского археологического общества (12 января 1870), действительный член (1860) и секретарь (1860—1865) Общества любителей художеств и многих других научных обществ. Многие годы ученый вел в «Московских ведомостях» отдел археологических и художественных новостей, сотрудничал с рядом журналов. В 1858 г. Герц принял русское подданство, незадолго до смерти получил чин действительного статского советника (1882). В 1859 г. по заданию Археологической комиссии Герц проводил раскопки на Таманском полуострове, являлся одним из ближайших сотрудников А. С. Уварова при создании Московского археологического общества и был деятельным действительным членом (1864) общества — секретарем (1864—1872), товарищем председателя (1872—1883); как член редакционного комитета редактировал его труды. Скончался в Москве.³

¹ Герц К. К. 1) Археологическая топография Таманского полуострова // Герц К. К. Собр. соч. СПб., 1898. Вып. 1; 2) Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. Преимущественно по неизданным источникам // Собр. соч. СПб., 1898. Вып. 2.

² Снятые Герцем копии рапортов о раскопках на Таманском полуострове из архивов Петербурга и Керчи см.: ОР РГБ, ф. 178 (Музейное собрание), № 1660.1—4.

³ См. о нем: Маленин А. И. Карл Карлович Герц (1820—1883): Биографический очерк, с портретом и двумя приложениями. СПб., 1912. Личный фонд Герца хранится в ПФА РАН (ф. 28). Фонд поступил в Академию наук в 1891 г. согласно завещанию сестры ученого — Э. К. Герц, из Исторического музея в Москве. Э. К. Герц завещала Академии 7000 р. серебром с условием, чтобы проценты с капитала за первые 7 лет пошли на издание биографии

Ученые начала XX в. — М. И. Ростовцев⁴ и Ю. Ю. Марти⁵ — ввели в научный оборот значительное число документов из архивов Петербурга и Керчи по истории археологического изучения Азиатского Боспора. К сожалению, до сих пор не издан фундаментальный труд Я. М. Паромова — созданная на новой методической базе археологическая карта Таманского полуострова с привлечением современного картографического и аэрофотосъемочного материала. Правда, из работ предшественников наибольшее его внимание привлекли исследования второй половины XIX—XX в.⁶ Таким образом, остается слабо изученным начальный период археологического изучения азиатского берега Боспора Киммерийского, о котором известно лишь из немногих отрывочных упоминаний путешественников. Дополнить уже известные сюжеты новыми фактами позволяют архивные материалы той эпохи.⁷

«Полуостров Таман» был присоединен к России в 1770-х гг. в результате русско-турецких войн: в 1771 г. турецкая крепость Хункала была взята русскими войсками и отошла к России по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. В 1792 г. императрица Екатерина II даровала эти земли запорожским казакам, положив начало Черноморскому казачьему войску. Согласно привилегиям, дарованным царскими грамотами от 30 июня 1792 г. и 16 февраля 1801 г., все «угодья» передавались в полное владение и распоряжение войска, исключая земли крепостей Фанагория и при р. Кубани.⁸ Активное возведение крепостей и станиц потребовало большого количества строительных материалов. Самым простым способом их добычи оказалась ломка камня из руин древних построек. С хозяйственными, строительными и фортификационными работами связаны первые археологические открытия на полуострове.

Нехваткой строительных материалов объясняются распоряжения и приказы А. В. Суворова о добыче камня для возведения Фанагорийской крепости близ ст. Тамань (1778), получившей свое название в честь античного города, реально находившегося в 3 км к западу от нынешней ст. Сенной Темрюкского района Краснодарского края. В ордере от 26 февраля 1792 г. судьи Черноморского казачьего войска А. А. Головатого начальнику Черноморской флотилии полковнику С. Л. Белому предписывается «с имеющихся в городе Измаиле и селении Старой Килии на гробовчицах мраморных камней широких взять на каждую лодку сколь-

и полного собрания сочинений брата, а затем на учреждение премии его имени для поощрения исследований по классической археологии и истории искусств. Академия наук издала «Собрание сочинений» Герца (СПб., 1898—1901. Вып. 1—9) под редакцией академика В. В. Латышева и при участии профессора А. И. Малеина, разобравшего и описавшего архив Герца. В ПФА РАН фонд поступил в 1929 г. из Секретариата АН СССР (6 описей, 592 дела за 1820—1901 гг.).

⁴ АДЖЮР; Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.

⁵ Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926.

⁶ Паромов Я. М. Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992. 1018 с., библиогр. 1114 назв. Рукопись депонирована в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва) № 47103 от 01.10.1992. Ниже название и нумерация памятников приведены в соответствии с данной работой.

⁷ Тункина И. В. К истории археологического изучения Таманского полуострова в конце XVIII — первой четверти XIX в. // Боспорский сборник. М., 1993. Вып. 2. С. 6—24.

Для истории Черноморского казачьего войска определенный интерес представляет рукописная книга на 177 страницах в синем атласном переплете под заглавием «Статистический, этнографический и стратегический очерк края и войска Черноморских казаков. Составил по официальным источникам есаул Иван Попка, письмоводитель наказного атамана Черноморского казачьего войска. Екатеринодар, 11 сентября 1850 г.», посвященная «августейшему атаману всех казачьих войск». Она ранее хранилась в Рукописном отделе Собственной Его Императорского Величества библиотеки в Зимнем дворце, а ныне — в ГАРФ (ф. 728, оп. 1, д. 2139). Текст включает 16 глав: топографическое, естественноисторическое, демографическое, промышленно-экономическое, торговое, военное и историческое описания края, а также карту земель войска Черноморских казаков (л. 4). Собственно археологической информации текст не содержит, за исключением упоминания о большом количестве «насыпных могильных курганов», тянувшихся по окраинам балок, наибольший из которых имеет до 50 футов высоты в разрезе (15,25 м), относимых автором ко времени «египетских пирамид» (л. 6 об.—7). И. Попка однозначно отождествляет реку Кубань с древним Гипанисом (л. 7), станицу Тамань, воздвигнутую на месте турецкой крепости Хункала, с древнегреческой Фанагорией (ныне общепринятая локализация — Гермонасса) и древнерусской Тмутараканью: «В Тамани одна церковь каменная, 10 лавок и до 500 домов, большей частью каменных (а камень взят из хункальских развалин)» (л. 35 об.—36). Описывая суворовскую крепость Фанагория близ Тамани, которая к 1850 г. была уже упразднена, есаул И. Попка подчеркивает, что здесь «встречаются остатки фонтанов и садов, следы не так давнего еще благосостояния этой греческой колонии» (л. 36 об.). См. также более раннюю «Записку о Черноморском казачьем войске», представленную наследнику цесаревичу Александру Николаевичу наказным атаманом Черноморского войска Николаем Завадовским 27 марта 1838 г. в Екатеринодаре (ГАРФ, ф. 728, оп. 1, д. 1809, 159 л.).

⁸ РГВИА, ф. 405, оп. 6, д. 2075, л. 5—5 об.

ко можно побольше и употребить старание и труды доставлять оные сюда».⁹ Следовательно, на Тамань свозился камень из других районов Северного Причерноморья. Аналогичен по сути более поздний приказ от 13 мая 1793 г. С. Л. Белого, к тому времени уже командующего войсками, всем полковникам и старшинам о собирании камней и мраморов для строительства новой крепости в Тамани и запрещении ломки камня (документ № 1).¹⁰

Смысл этих распоряжений у современного человека может вызвать чувство недоумения. Не отрицая господствовавшего в то время утилитарного, потребительского отношения к памятникам археологии, когда руины зачастую использовались в качестве каменоломен, мраморы пережигались на известь, монеты и изделия из драгоценных металлов переплавлялись в слитки и т. п., следует все же учитывать, что на землях, недавно включенных в состав Российской империи, еще не существовало ни одного музея древностей, частные коллекции на юге России только формировались. В приказе А. В. Суворова недаром обращается внимание на древние «мраморные камни и другие древние вещи, имеющие на себе достопамятные знаки». В конце XVIII в. заделка в стены новых построек античных надписей, рельефов и архитектурных деталей считалась надежным средством их сохранности для будущих поколений. Так, П. С. Паллас, посетив Еникале, настоял на вделывании в стену крепости нескольких древних камней, осмотренных им в доме коменданта.¹¹ При А. В. Суворове на берегах р. Кубани «рядом с древними военными земляными укреплениями, которые являются римскими по традиции данной местности», на месте, где был построен Екатеринодар, открыли мраморную «колонну» (беломраморный столб), ствол которой был покрыт многочисленными сарматскими знаками. Ее изображение и размеры приведены в книгах Марии Гатри (рис. 4) — высота 9 английских футов (2.7 м), 4 фута по окружности (1.2 м), А. Н. Оленина, Карла Риттера и П. И. Кёппена. Мэтью Гатри, посчитавший памятник столбом, определявшим границу Боспорского царства, просил переводчиков иностранного корпуса попытаться расшифровать странные письмена на суворовской колонне, но, как и следовало ожидать, кроме заключения о сходстве «таинственных знаков» с китайскими иероглифами и буквами татарского, турецкого и персидского алфавитов, вразумительного ответа не получил.¹² Впоследствии памятник, ставший известным как «кубанский лугамор», которого считали то «египетскою древностью времен Сезострисовых, то Левконовою псифисмою», был перевезен в Петербург к кн. Г. А. Потемкину, а затем — княжкою Еленою Радзивилл в имение князей Радзивиллов Аркадию и оказался в г. Пулавы (Польша).¹³ В своем путевом дневнике 1823 г. П. И. Кёппен привел изображения креста и списал находящиеся на столбе надписи. Он правильно посчитал, что памятник нельзя относить к догеродотовым временам, как полагали предшествующие издатели, так как изображения большого и малого крестов датирует его эпохой раннего христианства.¹⁴

А. В. Суворова, вероятно, не обошло известие об открытии командиром егерского батальона премьер-майором Х. К. Розенбергом в 1792 г. Тмутараканского камня, найденного солдатами на городище Тмутаракани и уложенного у входа в казарму в качестве порога (рис. 7). Показательна дальнейшая судьба памятника. Командир Черноморской флотилии П. В. Пустошкин отправил камень в Севастополь адмиралу Н. С. Мордвинову.¹⁵ Екатерина II узнала о находке в 1793 г. и приказала вернуть памятник в Тамань.¹⁶ По настоянию таврического вице-

⁹ Дмитренко И. И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб., 1896. Т. 2: 1787—1795. С. 436.

¹⁰ Там же. С. 610.

¹¹ Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801. Bd 2. S. 280. Рус. перевод: Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах. М., 1999. С. 124 (Научное наследство. Т. 27).

¹² Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795—1796, through the Taurida etc. London, 1802. P. 405, 413—415. Pl. II. Fig. 7; Оленин А. Н. Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамане в 1792 г. СПб., 1806. С. 34—36. Табл. VII; Ritter C. Die Vorhalle Europäischer Völkergeschichten von Herodotus. Berlin, 1820. P. 221—225.

¹³ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 282, л. 7: письмо Стемповского Кёппену, полученное 1 июня 1824 г.

¹⁴ Там же, оп. 1, д. 139, л. 71 и след. См.: Körpen P. 1) Nachricht von einigen in Ungern, Siebenbürgen und Polen befindlichen, und bisher nur wenig oder gar nicht bekannten Alterthümern. Wien, 1823. 24 S. (3 гравированные на меди таблицы); 2) Die dreigestaltete Hekate und ihre Rolle in den Mysterien; nach einem Standbilde im Baron Bruckenthal'schen Museum zu Hermanstadt in Siebenbürgen. Wien, 1823. 24 S.

¹⁵ Guthrie M. A Tour... P. 182—183.

¹⁶ Воронов А. А., Михайлова М. Б. Боспор Киммерийский. М., 1983. С. 163—164.

губернатора К. И. Габлица вокруг камня соорудили ограду, на что пошло 3,5 кубических сажени камней, 75 возов глины, 15 возов песка, а для охраны поставили караульных.¹⁷ Первоначально «монумент» возвели в версте от станицы близ разрушенного фонтана, «между частыми песчаными курганами и на самом низменном месте», где его осматривал И. М. Дерибас.¹⁸ Однако «из-за удаленности» места редко кто приходил к нему «любопытствовать». А. А. Головатый предложил переместить надпись к только что построенной в Тамани церкви Покрова Пресвятой Богородицы, в саду которой следует возвести «монумент не таковым планом, каков ныне есть тесен, внутри темно, но так, чтобы оный камень лежал на середине оного монумента на 4 каменных столбах, как бы на эшафоте с порядочно крышею откровенно, дабы вся надпись деяний князя Глеба без трудности любопытствующим видна была, при этом же для его и ради церкви единоместный караул существовать может».¹⁹ Землемер Самбулов выполнил план нового «монумента», и летом 1795 г. Тмутараканский камень был перенесен за ограду церкви.²⁰

В августе 1803 г. памятник осмотрел архитектор Н. А. Львов. В ограде церкви хранились беломраморные львы, «мрамор времен греческих гегемоний» с надписью и барельефом «в виде двух крылатых гениев с лавровыми венками в руках», обломок античной статуи (половина торса воина «в латах и одеянии»), две «генуэзские» капители. Собрав находки воедино, Н. А. Львов водрузил «памятник древней русской истории» в приделе фанаторийского храма. Основанием памятнику служили «генуэзские» капители, сверху их прикрывал Тмутараканский камень, выше помещался барельеф «с крылатыми гениями». Композицию венчал торс воина античного времени. На обломке колонны Львов высек надпись, завершающуюся словами: «Свидетель веков, послужил... к обретению исторической истины о царстве Тмутараканском, найденный 1792 ... из бытия извел Львов-Никольской 1803...». В дорожной тетради архитектора сохранился рисунок одного из львов с обозначением размеров (рис. 10), обломка мраморного греческого барельефа, «из Фанатории привезенного и в церкви Таманской оставленного 1803 авг. 17» (рис. 14). Там же запечатлено место, где найден Тмутараканский камень (рис. 7).²¹

П. П. Свинын, осмотревший Тмутараканский камень в 1825 г., высказал сомнения в его подлинности: «Должно... заметить, что ни прежде, ни после сего камня не отыскано в местах сих ничего с русскими словами, между тем как *бесчисленное множество* попадаетеся камней и вещей с греческими надписями. [...] Кроме сего камня, в таманской Свято-Покровской церкви есть значительное собрание памятников, принадлежащих древней *Фанатории*, как-то: 1) две коринфские капители необыкновенного вкуса; 2) бюст воина; 3) два обломка колонн из архиплазского мрамора; 4) три колонны по 4 аршина [2,8 м]; 5) шесть белых плит паросского мрамора; 6) стержень колонны из серого гранита; 7) эллинский надгробный памятник; 8) сероватого мрамора куб с надписью; 9) таковой же обломок надгробного монумента с надписью; 10) шесть кусков разного порфира, базальта и гранита; 11) два обломка коринфских колонн; 12) колоссальный лев. Подобные обломки находятся и по многим здешним домам и хуторам».²² П. И. Кёппен, вторично приехавший в Тамань 28 июля 1829 г., осмотрел древности в ограде церкви Покрова Пресвятой Богородицы и высказал любопытные полемические соображения о невозможности фальсификации Тмутараканского камня в XVIII в.: «Могли ли, спрашиваю, в 1792 году, когда сей камень сделался известным, — могли ли тогда уже иссечь надпись, столько соответствующую..., по начертанию букв, правилам нашей палеографии; тогда, когда и слово палеография едва ли когда-либо произносилось у нас вне стен академических. Лучшим доказательством, что палеография для нас есть предмет еще совершенно новый, служит то, что точное знание оной не входило даже в круг пространств сведений первенствующего нашего писателя... — историографа Карамзина».²³

¹⁷ Дмитренко И. И. Сборник исторических материалов... Т. 2. С. 378, 422.

¹⁸ Дмитренко И. И. Сборник исторических материалов... СПб., 1896. Т. 3: 1787—1795. С. 741.

¹⁹ Дмитренко И. И. Сборник исторических материалов... СПб., 1898. Т. 4: 1795—1799. С. 25.

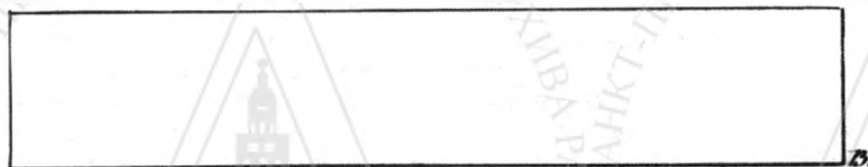
²⁰ Дмитренко И. И. Сборник исторических материалов... Т. 2. С. 422.

²¹ Рисунки частью опубли.: Глазов А. Н. Н. А. Львов. М., 1980. С. 178—179. Рис. 54.

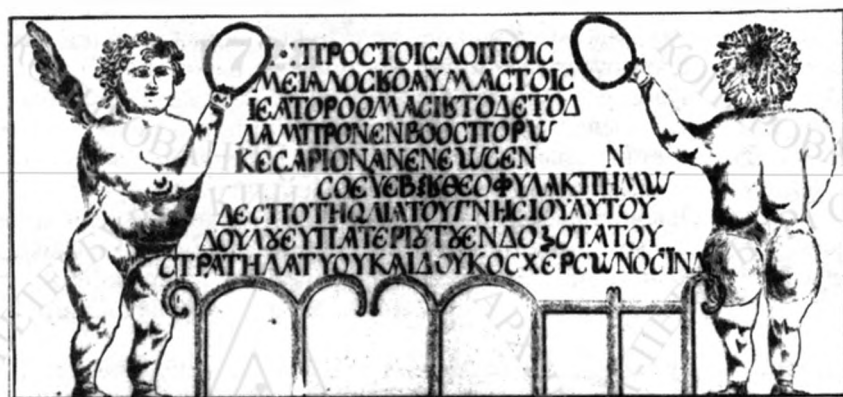
²² Свинын П. П. Обзорение путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 г., относительно археологии // ОЗ. 1826. Ч. 25. Кн. 71. С. 450, 452.

²³ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 145, л. 45 об.—46.

Планъ камня найденнаго въ старомъ городе тамани, снятъ и зделанъ 1811 года октября 25 дня

Видъ камня по камню 25

Видъ камня по камню 25

Рис. 148. «План камня, найденного в старом городе Тамани. Снят и зделан 1811 года октября 25 дня. Снял с подлинника инженер порутчик Крамаровской». Ср.: Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С. 105—107. № 99. Табл. XI (РГВИА, ф. 349, оп. 40, д. 4390, л. 1. Публ. впервые).

В РГВИА сохранился рисунок средневековой греческой надписи Евпатерия 590 г.²⁴ и барельефа «с крылатыми гениями», который Н. А. Львов использовал в своем памятнике «русской истории». Это «План камня, найденного в старом городе Тамани. Снят и сделан 1811 года октября 25 дня. Снял с подлинника инженер порутчик Крамаровской» (рис. 148).²⁵ Еще долгие годы Тмутараканский камень и древности, собранные в ограде Покровской церкви в ст. Тамань находились на месте. Лишь в 1851 г. Тмутараканский камень поступил в Эрмитаж в составе большой партии античных и средневековых древностей Крыма и Тамани, отправленных в столицу из Керченского музея.

К числу первооткрывателей таманских древностей с полным правом можно отнести инженерного генерала Ван дер Вейде (Van der Weide), или Вандервейде.²⁶ Ван дер Вейде слыл

²⁴ Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. № 99. С. 105—107.

²⁵ РГВИА, ф. 349, оп. 40, д. 4390, л. 1.

²⁶ Как следует из академических протоколов и ученой корреспонденции Имп. Академии наук, еще в 1787 г. и 1789 г. в чине капитан-инженера естествоиспытатель Ван дер Вейде, служивший тогда в Риге, поддерживал переписку с Академией о ведении им магнитных наблюдений и определения географических координат, о покупке для него астрономических инструментов и приобретении Академией кабинета естественной истории покойного Геверса. См.: Протоколы заседаний Конференции Имп. Академии наук с 1725 по 1803 гг. СПб., 1911. Т. 4. С. 90, 172; Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века: Научное описание (1783—1800). Л., 1987. С. 59—60: № 468; с. 72—73: № 600; Летопись Российской Академии наук. СПб., 2000. Т. 1: 1724—1802. С. 734; Формозов А. А. К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX века // СА. 1975. № 1. С. 175.

местный антиквариат — Кларк писал, что дом генерала в ст. Тамань украшали два льва «в натуральную величину», а два других находились у церкви Покрова Пресвятой Богородицы; валяющиеся скульптуры львов «огромных размеров» путешественник видел и на морском берегу.²⁷ По сообщению Е. Е. Кёлера, Ван дер Вейде скончался в Тамани, но уже после поездки Кларка, видимо, в начале 1800-х гг. Точная дата раскопок генерала в конце XVIII в. в окрестностях ст. Сенной, т. е. на некрополе античной Фанагории, неизвестна. Впервые они упомянуты у П. С. Палласа в позднейшем, сокращенном издании его путешествия (1803), где появилось такое добавление: «Потом был раскопан другой большой курган, но о найденных в нем достопамятностях я не получил точных сведений. Что в нем было найдено несколько драгоценных вещей, доказывает золотой браслет с змеиной головой грубой работы, впоследствии попавший в руки умершего в Тамани инженера ван дер Вейде».²⁸ Еще А. Л. Бертье-Делагард заметил, что в предыдущих изданиях книги (английском, немецком, французском) этот пассаж отсутствует.

Самую полную информацию о раскопках мы находим в книге Э. Д. Кларка, путешествовавшего по Тамани в июле 1800 г., цитатно повторенную Ф. Дюбуа де Монпере и К. К. Герцем. Английский ученый писал, что начальник инженеров в Тамани генерал Ван дер Вейде (Vanderweide) при помощи солдат гарнизона провел раскопки самого крупного кургана. Работа была нерационально начата с вершины, поэтому пришлось срыть целую гору земли. Раскопав восточную сторону насыпи, солдаты открыли вход в сводчатую камеру, выложенную насухо из хорошо отесанных блоков местного известняка. За первой помещалась вторая камера, вход в которую украшали белые пилястры. Над сводом склепа между двумя слоями земли была обнаружена прослойка камки толщиной в 2 дюйма (5 см).²⁹ Ф. Дюбуа де Монпере полагал, что архитектура склепа и прежде всего полуциркулярная форма свода говорят о том, что «постройка эта времен позднейших, после римской оккупации».³⁰ М. И. Ростовцев датировал погребение IV—III вв. до н. э., как и большинство курганов с монументальными склепами,³¹ что подтверждается находкой чернолаковой керамики — «нескольких ваз черной глины, окруженных белыми украшениями».³²

Кларк сообщает, что солдаты, проводившие раскопки, похитили все ценное, что можно было спрятать, а чернолаковые вазы разбили. Правда, в примечании он далее пишет, что несколько ваз все же уцелели и были посланы в Москву. Ван дер Вейде удалось сохранить только браслет в виде туловища змеи, изогнутого по эллипсу, весом в 3/4 фунта (0.307 кг). Две головки увенчивают его концы и украшены рубинами вместо глаз. Генерал намеревался отправить украшение в императорский Кабинет.³³ В делах архива Государственного Эрмитажа удалось найти документы, подтверждающие получение браслета. «Две змейки, соединенные в одно хвостиками овальное кольцо наподобие браслета, коих головки с обоих концов, не соединяясь вместе, а повернувшись, смотрят одна на другую, как бы желая укунить друг друга. Сия древняя вещь из чистого золота, обложена различными гранатами, состоит по каталогу вещей в Эрмитаже под № 165, поднесена государю императору Павлу I генералом Корсаковым³⁴ в 1800 г., имеет в себе весу 56 золотников [238.896 г] чистого тонкого золота., по своей древности и редкости она не может быть оценена так, как другие вещи по той причине, что все древние вещи имеют идеальную неограниченную оценку, зависящую по большей части от знатоков и любителей древности. Я полагаю, что сия вещь стоит более 3000 рублей».³⁵ Документ,

²⁷ Clarke E. D. Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie. Paris, 1812. Vol. 1. P. 546.

²⁸ Паллас П. С. Наблюдения... С. 132. Ср.: Паллас П. С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. 1883. Т. 13. Отд. 1. С. 73.

²⁹ Clarke E. D. Voyages en Russie... Vol. 1. P. 527—528 (ср.: Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Pt 1: Russia, Tahtary and Turkey. 4 ed. London, 1816. Vol. 1. P. 396—399).

³⁰ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie, en Crimée. Paris, 1843. Vol. 5. P. 76—78.

³¹ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. С. 270.

³² Clarke E. D. Voyages en Russie... P. 529.

³³ Ibid. P. 529—530.

³⁴ Корсаков Алексей Иванович (1751 или 1753—1821), генерал от артиллерии, в 1800 г. назначен инспектором всей артиллерии, соединившим в своих руках управление артиллерийским и инженерным делом; почетный член Академии художеств (1794), коллекционер картин, скульптур и редкостей, с 1803 г. сенатор и президент Берг-коллегии, директор Горного корпуса.

³⁵ АГЭ, ф. 1, оп. II-1822. д. 38, л. 2.

к сожалению, не подписан. Он, вероятно, был составлен или начальником I отделения Эрмитажа акад. Е. Е. Кёлером, или хранителем II отделения Ф. А. Бруни. В 1854 г. по докладной записке помощника хранителя II отделения Б. В. Кёне браслет был передан в I отделение и стал храниться «в одной из витрин эрмитажного кабинета государыни императрицы». Б. В. Кёне писал, что браслет был найден «в царствование императрицы Екатерины II генералом Фан-дер-Вейде на острове Тамане, в кургане близ станции Сенной, находящейся на месте древнего города Фанагории». ³⁶

Когда же происходили раскопки кургана Ван дер Вейде? В июле 1793 г., «ради обозрения любопытства местоположений», Тамань посетил граф И. О. Потоцкий. ³⁷ Э. Д. Кларк упомянул о том, что Потоцкий «кистью записал свою фамилию на поверхности свода» погребальной камеры кургана Ван дер Вейде, и выразил надежду, что граф когда-нибудь опубликует некоторые детали и замечания о раскопках памятника и найденных вещах. ³⁸ П. С. Паллас, объезжавший Тамань в августе 1794 г., ³⁹ об этом факте не говорит ни слова. Видел ли П. С. Паллас курган Ван дер Вейде? Скорее всего, нет. В литературе высказывалось мнение, что один из описанных Палласом курганов с точным обозначением размеров и есть курган Ван дер Вейде, ⁴⁰ однако это опровергается текстом Палласа. Таким образом, раскопки кургана Ван дер Вейде проходили не позднее 1793 г.

Древнегреческие надписи Таманского полуострова были скопированы в 1796 г. и впервые анонимно опубликованы Ф. К. Биберштейном. ⁴¹ Одна из его статей посвящена надгробиям из Пантикапея и Гермонассы (ст. Тамань). Среди них надпись на беломраморной стеле, найденной в ст. Тамань (КБН 1077), и надпись на мраморной стеле с изображением всадника вправо и предстоящего мужчины, найденной в «розвальнях при Фанагории» (КБН 1095). В архиве Биберштейна сохранились рукописные «Заметки о древнегреческих надгробных камнях, которые находят в окрестностях Таврического пролива» — статья на французском языке в двух редакциях 1796 г. В тексте приведены выполненные пером и чернилами копии античных и средневековых надписей и рисунки надгробий, найденных в Тавриде (Керчь, Черкес-Кермен) и на Таманском полуострове (КБН 285, 496, 610, 1077, 1095). ⁴² Не менее любопытны черновые автографы ученого-ботаника с заметками о местах находок эпиграфических памятников, составленные, вероятно, уже в начале XIX в. ⁴³

Неизданной осталась другая работа Ф. К. Биберштейна, написанная на немецком языке — «Erläuterung der Strabonischen Topographie des Cimmerischen Bosphore nach den neuesten russischen Karten von Taurien und Taman» («Объяснение топографии Боспора Киммерийского согласно Страбону по новейшим русским картам Таврии и Тамани»). ⁴⁴ В этом труде Биберштейн одним из первых поставил важнейшие вопросы палеогеографии Таманского полуострова в античную эпоху, в том числе изменение уровня Черного моря, динамики и линии берегов и лиманов, древних русел и протоков, ландшафта и в целом природной среды на протяжении тысячелетий. Автор попытался локализовать античные города и поселения на европейском и азиатском берегах Боспора Киммерийского, согласно описанию древнегре-

³⁶ Там же, оп. I-1854, д. 18, л. 1—4.

³⁷ Дмитриенко И. И. Сборник исторических материалов... Т. 2. С. 411.

³⁸ Clarke E. D. Voyages en Russie... P. 528.

³⁹ Дмитриенко И. И. Сборник исторических материалов... Т. 2. С. 447.

⁴⁰ Герц К. К. Исторический обзор... С. 4. Примеч. 1.

⁴¹ О древних греческих надгробных камнях, встречающихся около Таврического пролива // Месяцеслов исторический и географический на 1797 год. СПб., 1797. С. 35—50. Рукопись статьи и рисунки надписей см.: ПФА РАН, ф. 65, оп. 1, д. 43, 8 л. (рисунки таманских надгробий на л. 3 об.—4).

⁴² ПФА РАН, ф. 65, оп. 1, д. 44, 22 л. (см. особенно л. 16—22 об.).

⁴³ Там же, д. 45, 11 л. (л. 1: рисунок надписи из золотоордынского города Малжары, XIII—XVI вв.; л. 3—4: списки надписей из «Диссертации о памятнике царицы Комосарии» акад. Е. Е. Кёлера; л. 5: греческая надпись 1079 г.; л. 5 об.: копии средневековых надписей с рисунками; л. 6: пропись надписи на обломке мраморной плиты, найденной на месте суворовской крепости Фанагория близ ст. Тамань (КБН 1050); л. 7: надпись на мраморном постаменте, найденном в крепости Фанагория (КБН 1048); л. 8: надпись в честь императора Зенона из Херсонеса (см.: Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. № 7); л. 9: текст 61-строчной надписи из Анапы (Горгиппия; КБН 1179); л. 10: надпись на Тмутараканском камне о промере Керченского пролива князем Плебом (1068), см. рис. 8.

⁴⁴ ПФА РАН, ф. 65, оп. 1, д. 47, 16 л. Черновик (на л. 5: текст надписи КБН 23). Беловой автограф см.: там же, р. 1, оп. 110, д. 9. Копию см.: АГЭ, ф. 11 (Е. Е. Кёлер), оп. 1, д. 20, л. 1—16 об. (л. 2: археологическая карта Таманского полуострова, составленная Биберштейном).

ческого географа Страбона (I в. до н. э.—I в. н. э.), и составил одну из первых археологических карт Таманского полуострова (рис. 3). Так как это исследование осталось неизданным, считая нужным ознакомить читателя с основными выводами Биберштейна.

В первой части своего труда натуралист приводит собственный перевод отрывков из 7 и 11 книг «Географии» Страбона на немецкий язык. Анализируя текст источника, Биберштейн пришел к выводу, что древний географ пользовался как минимум двумя разными периплами или устными сообщениями моряков — в первом случае (7-я книга) топография Тамани описана плывущим с запада на восток из Черного в Азовское море, от Феодосии в Пантикапей и далее в Меотиду, поэтому подробнее описан европейский берег пролива, в другом (11-я книга) наоборот — из Азовского в Черное, с востока на запад, т. е. информаторами стали моряки, приплывшие из Меотиды в Фанагорию, поэтому здесь детальнее описан азиатский берег. Соответственно, нельзя принимать на веру точность указания Страбоном расстояний от одного пункта до другого. «Пантикапей являлся перевалочной базой для товаров, приходящих со стороны Черного моря, а Фанагория для товаров из Меотийского моря», — констатирует автор.⁴⁵

Биберштейн сразу оговаривает сложность поставленной им задачи — решить вопросы исторической географии Боспора, так как «берега, особенно островов и полуостровов, в течение многих столетий неизбежно подверглись огромнейшим изменениям». Значительная часть европейского берега Керченского пролива из-за ежегодных оползней меняет очертания, но еще большей абразии и масштабным изменениям подвергаются берега Таманского полуострова. В Восточном Крыму и на Тамани «известковые скальные породы... сложены из лежащих друг на друге больших бесформенных обломков и обычно образуют непрерывные ряды средних размеров холмов, на вершинах которых эти породы представляются обнаженными в виде огромных руин. Поэтому археолог как раз в тех местах, где он ищет следы доисторического времени, либо не находит ничего, либо находит слишком многое. Особенно многочисленны и значительны эти каменные холмы на западной стороне Керченского рейда, именно там, где несомненно следует искать древний Пантикапей».⁴⁶

Натуралист констатирует, что «во всей Тамани, во всяком случае, над землей, совершенно не встречается никаких руин древнегреческого времени» в отличие от Восточного Крыма, где имеется «достаточное количество годного для строительства камня» античной эпохи.⁴⁷ От новой крепости Фанагория на расстоянии около 12 верст (12,8 км) до Бугаза каменные породы вообще не встречаются, а имеющийся камень тверд и непригоден для обработки. «Неудивительно, — замечает Ф. К. Маршал фон Биберштейн, — что многие разные сменявшие друг друга жители... время от времени использовали для новых зданий имевшиеся руины... Например, в стенах и башнях укреплений, построенных во времена турецкого владычества в новой Фанагории и в Темрюке, в ряду обычного строительного кирпича находят так много обломков древних колонн и карнизов, иногда и камни от памятников с вельсами, правда, обезображенными древнегреческими и прочими надписями... Среди... надписей я не видел ни одной целой...». По собранному им сведениям, многие антики и надписи были вывезены в Петербург, Москву и другие города. Здесь автор приводит списки двух надписей — надгробия из Керчи, вмурованного у главного входа в церковь (КБН 23), и найденной «в руинах у новой крепости Фанагории» (КБН 1048).

Наибольшее внимание Биберштейна привлекли городища («насыпные холмы») и погребальные сооружения («холмы с урнами», слово «курган» автору незнакомо) Восточного Крыма и Таманского полуострова — «все восходящие к глубокой древности», которые легче обнаружить на азиатской стороне пролива, чем на европейской, где последние «теряются среди великого множества естественных каменистых холмов, от которых их... можно отличить с большим трудом...». Биберштейн отмечает следующие «следы древних сооружений» в окрестностях Керчи.

1. В 3 верстах в глубь Керченского полуострова за городом, «на возвышенности, известной под именем Золотая гора, видны остатки огромных круглых башен, почти 15 сажень [32 м] в диаметре. Эти башни были возведены из вырубленных камней, почти кубической

⁴⁵ АГЭ, ф. 11, оп. 1, л. 20, л. 9а—9а об.

⁴⁶ Там же, л. 3а—3а об.

⁴⁷ Там же, л. 4а—4а.

формы, углы которых, однако, с течением времени довольно сильно округлились. От одной из этих расположенных рядом друг с другом башен, которая находится немного дальше в сторону суши, проходит старый земляной вал и ров, тянувшийся на много верст по прямой линии на восток. Почти посередине он образует своей вершиной угол, поворачивая в сторону моря, и потом опять по прямой выходит к цепи каменистых холмов», однако часть вала, идущая к морю, «сильно повреждена». 2. На восточной оконечности Керченского рейда, напротив Еникале видны «лучше сохранившиеся остатки круглой башни диаметром около 3 сажень. Она также была построена из вырубленных камней почти кубической формы, углы которых хорошо сохранились еще и до сего дня». Имеется в виду курган с крепидой на акрополе Мирмекия, подробно описанный Дюбрюксом, где в 1834 г. А. Б. Ашиком были открыты два мраморных саркофага. 3. «За пределами пролива, не далее, однако, чем в 10 верстах [10.6 км] от его западного устья, на горе Апук, расположенной у моря, которая вообще выделяется своей формой, большим нагромождением каменных пород и множеством пещер внутри, видны четкие следы поднимающихся по прямой линии в гору стен, толщиной примерно в одну сажень. Хотя сейчас эти стены более не возвышаются над наклонной плоскостью горы, тем не менее стены можно отчетливо проследить по их прямолинейному направлению». ⁴³ Таким образом, внимание натуралиста привлекли мощные оборонительные сооружения Киммерика, позднее подробно описанные и графически зафиксированные Дюбрюксом.

Все отмеченные Биберштейном на азиатском берегу пролива группы городищ и курганов зафиксированы на приложенной карте (рис. 3): под литерой *a* «холмы» у крепости Фанагория близ ст. Тамань; ⁴⁹ *b* — у Кубанского (ныне Кизилташского) лимана, недалеко от устья Кизилташского лимана (ныне лиман Цокур), со стороны р. Кубани; ⁵⁰ *c* — «на горе, где был расположен древний Темрюк»; ⁵¹ *d* — близ берега моря, в 2—3 верстах от Северной косы (Чушки) в глубь материка и близ того же места; ⁵² *e* — на берегу, за той же косой; ⁵³ *f* — в разных местах вдоль побережья, «там, где расположен холм, знаменитый недавно произошедшим извержением», т. е. Куку-Оба, извержение которой, описанное Палласом, случилось в 1794 г.; ⁵⁴ *g* — по дороге в Темрюк, примерно в 30 верстах вдоль берега. ⁵⁵

Ко времени существования Тмутараканского княжества автор правильно отнес памятники средневековья, отмеченные на карте литерами *a*, *c*, *g*. «Насыпные холмы», помеченные буквой *g*, протянулись вдоль берега, почва которого была насыщена черепками, костями, стеклом, углями и т. п., точно так же как у современной крепости Фанагория (хазарская Таматарха—древнерусская Тмутаракань). «На холмах валяются... камни, которые весьма часто находят в руинах новой Фанагории, в особенности яйцевидные куски гранита разного вида и обломки белого мрамора. Недалеко от этого самого места несколько лет тому назад в одном холме

⁴⁸ Там же, л. 6а—6а об.

⁴⁹ По карте Биберштейна «*a* — Фанагория, Tamatarcha» на месте современной ст. Тамань, т. е. Таманское городище (античная Гермонасса, средневековая Таматарха—Тмутаракань—Магрга). См.: АГСП. С. 81—82; *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 1999. С. 140—145.

⁵⁰ По карте Биберштейна «*b* — Сери», большое по размерам античное и средневековое поселение с укреплением Вышестеблиевская 11 в 2 км к ЮВ от станицы Вышестеблиевская. См.: *Паромов Я. М.* Археологическая карта... С. 575—578. № 183.

⁵¹ По карте Биберштейна «*c* — Старый Темрюк», ныне ст. Голубицкая, большое по размерам античное и средневековое поселение с укреплением Голубицкая 1. См.: *Паромов Я. М.* Археологическая карта... С. 661—665. № 220.

⁵² По карте Биберштейна «*d* — Achillaion», ныне поселок Ильич. Ильичевское городище — античное и ранневизантийское большое по размерам поселение с укреплением Ильич 1. См.: *Сокольский Н. И.* Ильичевское городище // СА. 1966. № 4. С. 125—140; *Николаева Э. Я.* Боспор после гуннского нашествия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; *Паромов Я. М.* Археологическая карта... С. 95—100. № 1.

⁵³ По карте Биберштейна «*e*» — в 1 км к З от поселка Батарейка, большое по размерам античное и средневековое поселение с укреплением Батарейка 1. См.: *Сокольский Н. И.* Крепость на городище у хут. Батарейка 1 // СА. 1963. № 1. С. 179—191; *Паромов Я. М.* Археологическая карта... С. 132—138. № 11.

⁵⁴ По карте Биберштейна западное «*f* — Parthenion», в 3 км к ЮЮЗ от пос. Береговой, большое по размерам античное поселение Береговой 4 (Саратовское). См.: *Стручалина Р. А.* Поселение на Фонталовском полуострове (Саратовское) // Археологический сборник. Саратов, 1966. С. 116—130. По карте Биберштейна восточное «*f*», к З от современного пос. Волна Революции, большое по размерам античное и средневековое поселение с укреплением Волна Революции 1 (Татарское). См.: *Паромов Я. М.* Археологическая карта... С. 265—272. № 60.

⁵⁵ По карте Биберштейна «*g*» — современный пос. Сенной, античные и средневековые городища Кепы (АГСП. С. 84—86) и Фанагория, в средневековье — Фанагурис. См.: АГСП. С. 77—81; *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. С. 145—149.

обнаружили просторное сводчатое сооружение продолговатой формы, облицованное тесаным камнем. Впрочем, ничего примечательного в нем не оказалось. Поскольку в нем нигде не было никакого отверстия, то, по-видимому, оно не могло иметь никакого иного предназначения, кроме места захоронения. Однако, по-моему, его нельзя относить к глубокой древности». Скорее всего, Биберштейном описан разграбленный античный склеп.

К древнейшим сооружениям Тамани автор отнес «холмы» *d, e, f*. Среди них на взгляд автора наиболее примечателен один, стоящий на берегу и наполовину обрушившийся в море: «В его разрезе кое-где видны тесаные камни почти кубической формы и огромное количество черепков керамических сосудов, многие из которых необычайной величины. И весь берег здесь усыпан таким количеством черепков, какого я нигде не видел. В местах, где столь велика вероятность открыть что-то примечательное, могущее, по крайней мере, способствовать определению эпохи, к которой относятся подобные насыпные холмы, стоило бы попытаться предпринять раскопки». Речь идет о поселении Батарейка 1, позднее описанном Палласом почти теми же самыми словами.

Погребальные памятники, т. е. курганы, согласно Биберштейну, можно легко отличить благодаря их правильной конической форме. Их много по обеим сторонам Керченского пролива, но больше всего на равнине близ Керченской гавани, между Золотым курганом и восточной оконечностью Керченского рейда. На азиатском берегу курганы больших размеров находятся поблизости от крепости Фанагория (цепи курганов, идущие от Таманского городища на запад к мысу Тузла и на юго-восток к Соленому озеру), и недалеко от Бугаза в глубь материка за соленым озером (цепь курганов, идущая в восточном направлении от современного пос. Артюшенко к Веселовке, или от Соленого озера к устью лимана Цокур); около устья Кизилташского лимана и вдоль самого лимана (вдоль северного берега лимана Цокур, в том числе курганы Большая и Малая Близницы); рядом с Южной косой (курганный некрополь Корокондамы у мыса Тузла); кое-где близ побережья от Темрюка вплоть до Северной косы (вдоль древней дороги от Киммерийского вала, расположенного у восточного угла Таманского залива в северо-западном направлении до основания косы Чушка и северной переправе через пролив). «При раскопках в таких холмах находят большое число урн, но почти всегда раздавленных, большей частью между горизонтальными слоями морских водорослей. Совершенно целые урны попадались мне редко», — заключает автор.

Отправной точкой для своих географических реконструкций натуралист принял древнее устье Кубани (Гипаниса, Антикетаса) — заросшую камышом низину около Темрюка, соединяющуюся с Темрюкским или Афонским (Ахтанисовским) лиманом, выходящим к Азовскому морю, к востоку от античного и средневекового поселения Голубицкое 1. «Это устье Кубани или Антикетаса является отправной точкой для топографии в соответствующем месте 11-й книги Страбона: если теперь предположить, что расстояние между Кимбрийским поселением и этим устьем считается от того пункта, где заканчивается... упомянутая низина, каковой пункт, возможно, находился еще выше от отдельно стоящего в низине холма, на котором располагался древний Темрюк, то тогда это местечко попадает на закрученный угол (мыс Пекла), где побережье меняет свое направление и начинает вытягиваться в сторону морского пролива». Биберштейн предполагал, что во времена Страбона большая часть кубанских вод вытекала в Азовское море, но в его время «происходит как раз обратное. Быть может именно благодаря этому часть побережья, простиравшаяся раньше далеко вперед в море, оказалась под водой».

Упомянутую Страбоном сторожевую башню клазоменцев (Strabo., XI, 2, 4), расположенную между северным древним устьем Гипаниса и Азиатским Киммериком, Биберштейн локализует близ последнего пункта, «на маленьком мысу, который виден неподалеку от вышеуказанного угла, несколько позади» (мыс Пекла). Башня, по его мнению, служила ориентиром для моряков при входе в пролив. «Отделенный валом и рвом полуостров (современный Фонталовский полуостров), на котором... находился Киммерик, не может быть ничем иным, как либо участком, который с одной стороны отделен от Северной косы (Чушки) узкой бухтой от полосы, на которой находится упомянутый выше холм, ставший известным благодаря извержению (Куку-Оба), а с двух других сторон окружен проливом и Азовским морем (см. на карте А. А.); либо тем же самым участком, включая упомянутую полосу с известным холмом и сравнительно большую полосу на другой стороне вдоль берега Азовского моря в сторону Темрюка (см. на карте В. В.). Правда, в том и другом месте уже нельзя увидеть четких следов

вала, идущего от одного моря к другому... Поселение Ахиллеос оказывается совсем близко к Северной косе и располагается уже внутри пролива, почти в его устье». Автор предположил, что «насыпные холмы», обозначенные буквами *d—e*, являются остатками Ахиллия, так как «на самой Северной косе» этот пункт искать не следует: «Совершенно невероятно, чтобы древние, которые намного меньше, чем мы, строили на песке — и менее всего храмы своих героев, — пришли бы к странной мысли избрать своим местожительством низкую безводную Северную косу, состоящую сплошь из куч песка, но подвергающуюся частым затоплениям с моря». Следовательно, согласно Биберштейну, «Ахиллеос — насыпной холм выше Северной косы», а «Кимбрийское поселение — тупой угол, где побережье на одной стороне простирается к проливу, а на другой открывается в сторону Азовского моря»,⁵⁶ «Клазоменская сторожевая башня — небольшая оконечность недалеко от того угла, дальше в Азовском море».⁵⁷

Для моряка, плывущего из Азовского моря через пролив, сразу видна оконечность, к которой примыкает Южная (ныне Тузлинская) коса: «Она не только ограничивает с этой стороны на большом пространстве перспективу, но также и побережье позади нее совершенно меняет свое направление, выходя постепенно к Черному морю». Эту точку, бросающуюся со всех сторон в глаза, Биберштейн предположительно называет памятником Сатира — «холмом Сатираса».⁵⁸ «Довольно странно, что как раз на этом выступе еще и сегодня находится насыпной холм, весьма сильно отличающийся от других близлежащих каменистых холмов, лишь частично выходящих на эту оконечность. Холмы с урнами (курганы. — И. Т.) ничем особенным не выделяются. Их основание составляет в окружности приблизительно 175 шагов. Однако у новой Фанагории находят немало подобных холмов, окружность которых намного превышает 200 шагов. Поэтому более чем сомнительно, что это есть настоящий холм Сатираса, который, возможно, уже несколькими столетиями раньше погрузился в море вместе с частью весьма нестабильного берега». Если предположить, что памятник Сатира локализуется в этом месте, то он, возможно, находился в районе полосы за Северной косой, где лежит Куку-Оба. Следовательно, остатками этого поселения могли бы быть «насыпные холмы», помеченные на карте под буквой *f*. «Возможно, от поселения Патреос, которое Страбон без точных указаний помещает вблизи памятника Сатираса, берут свое происхождение курганы с урнами, которые кое-где встречаются в окрестностях Южной косы».⁵⁹

Таким образом, согласно Биберштейну, памятник Сатира локализуется на «углу над Южной косой» (близ мыса Тузла), Патрей — на прилегающей к ней местности, «Парфенион — береговой участок, на котором расположен холм, известный благодаря своему извержению» (поселение Береговой 4). Корокондаму автор локализует в 26—28 верстах от Патрея, на побережье Черного моря, примерно в двух верстах (2.1 км) вверх или вниз от устья Кубанского (Корокондамского, ныне Кизилташского) лимана.⁶⁰ В пределах устья того же лимана приблизительно на месте Бугаза Биберштейн помещает Фанагорию,⁶¹ Кепы — на местности у устья Кубанского лимана, впадающего в Кизилташский лиман (поселение Вышестеблиев-

⁵⁶ По карте Биберштейна «*Pagus Cimbricus*» — в 1.5 км к В от мыса Каменный и пос. Приазовский; большое по размерам античное поселение Приазовский 4. См.: *Паромов Я. М.* Археологическая карта... С. 117—120. № 9.

⁵⁷ По карте Биберштейна «*Pharsis Clasomenius*» — мыс Пеклы, в 3 км к З от современного пос. Кучугуры; здесь расположено большое по размерам античное и средневековое поселение Кучугуры 8. См.: *Паромов Я. М.* Археологическая карта... С. 211—214. № 39.

⁵⁸ По карте Биберштейна «*Momentum Satyri*» — мыс Тузла в 9 км к З от ст. Тамань; грунтовый и курганный некрополь VI в. до н. э.—IV в. н. э., предположительно г. Корокондама. См.: *Сорокина Н. П.* Тузлинский некрополь. М., 1957.

⁵⁹ По карте Биберштейна «*Patraies*» — в 8.5 км к ЗЮЗ от ст. Тамань, к Ю от мыса Тузла; большое по размерам античное поселение Тамань 1 (Пятиколодезное). См.: *Блаватский В. Д.* Четвертый год раскопок в Синдике // КСИИМК. 1957. Вып. 70. С. 118—129; *Паромов Я. М.* Археологическая карта... С. 421—425. № 124.

⁶⁰ По карте Биберштейна «*Corocondame*» — предположительно восточнее Соленого озера; среднее по размерам поселение античного и средневекового времени Артюшенко 1 (Бугазское). См.: *Блаватский В. Д.* Второй год работы Синдской экспедиции // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 149—155; *Паромов Я. М.* Археологическая карта... С. 495—498. № 150.

⁶¹ По карте Биберштейна «*Phanagorie*» — к В от Соленого озера, в 1.5 км к ЗЮЗ от современного пос. Веселовка; поселения античного и средневекового времени Веселовка 5 и Веселовка 6. См.: *Паромов Я. М.* Археологическая карта... С. 508—512. № 155—156.

ская 11), Апатур⁶² и Гермонассу⁶³ — на восточном берегу Кубанского (Кизилташского) лимана напротив Бугаза, Горгиппию и Абораку — на месте Анапы и в ее окрестностях. «Впрочем, — констатирует автор, — от этих некогда больших и цветущих городов здесь не находят ни малейшего следа, и даже ни одного камня. Все, что подтверждает существование прежних греческих колоний, ограничивается здесь некоторыми холмами с урнами и ... насыпными холмами под литерой *b*. Последние, однако, имеют небольшой размер и малопримечательны. Вероятно, что все эти города, расположенные на одном берегу, от которого... еще и сейчас не только ежегодно или ежемесячно, но почти ежедневно обрушиваются большие или меньшие куски, давно погребены под водой. Быть может, столь часто встречающиеся в разрушенных зданиях более позднего времени, в новой Фанагории и в... других местах окруженные, как галька, куски отвердевших пород камня, особенно различных сортов гранита, происходят из развалин этих городов, извлеченные за недостатком строительного камня из моря, где в то время они, быть может, еще были видны. Мне неизвестно, что осталось на правой стороне лимана от Гермонассы, Апатурума, а также от Горгиппии и Абораки. Попутно замечу., что мне недавно попался на глаза памятник древнегреческого времени, а именно маленький идол богини Помоны из бронзы, с обычными атрибутами. Его раскопали... в этом году рабочие у крепости Анапа. Жаль только, что любопытство нашедшего, который пожелал убедиться, что найденная вещь не сделана из какого-либо благородного металла, лишило ее руки и части ноги».⁶⁴

Приняв неполных пять стадий за одну версту, Биберштейн определяет следующие верстовые значения для пунктов, упомянутых Страбоном: от устья Кубани (Антикита) до «Кимбрийского поселения» (большое античное поселение Приазовское 4) — 25—26 верст (26.6—27.7 км), от «Кимбрийского поселения» до Ахиллия (Ильичевское городище) — 4.5 версты (4.8 км), ширина пролива у Ахиллия составляет около 5 верст (около 5.3 км), от «азиатского Парфениона» (отрезок побережья, где находится грязевой вулкан Куку-Оба — поселение Береговой 4) до памятника Сатиру (участок над Южной косой, где находится Тузлинский некрополь) — 18—19 верст (19.2—20.2 км), от памятника Сатиру до Корокондамы (поселение Артюшенко 1) — 26—28 верст (27.7—29.8 км), ширина пролива между Корокондамой и европейским поселением Акра (мыс Такиль) — 15 верст (16 км), от Корокондамы до устья Корокондамского (Кубанского, ныне Кизилташского) лимана — 2 версты (2.1 км), от Феодосии (Кафа, новая Феодосия) до Пантикапея («холм позади Керчи», т. е. гора Митридат) — 16—17 верст (17—18.1 км), «расстояние между местностью рядом с Пантикапеем и Фанагорией» (Бугазом, поселения Веселовка 5, Веселовка 6) — 15 верст (16 км), от Пантикапея (Керчь) до Мирмекия (восточная оконечность Керченской бухты) — 4.5 версты (4.8 км), от Мирмекия до Европейского Парфениона («восточное устье пролива» за Еникале, на оконечности, от которой побережье открывается в сторону Азовского моря) — 9 верст (9.6 км). В Восточном Крыму автор также локализует Акру на мысе Такиль в 20 верстах (21.3 км) от Керчи, Нимфей — у так называемого Старого керченского карантин, где есть хорошая «якорная стоянка», «Геркулеум» — в окрестностях Еникале. От мыса Такиль побережье, уходящее в сторону Феодосии, меняет направление, «и этот мыс простирается так далеко вперед, что уже на ближней горе Апук можно видеть открытое море, а еще больше — с Таманского побережья. Напротив, с Такиля все побережье от Южной косы до Бугаза перед глазами на одной линии. За Бугазом, за исключением дальних гор вокруг Анапы, не видно больше ничего, кроме открытого моря. Расстояние между мысом Такиль и Бугазом, однако, заметно больше, чем оно указывается у Страбона между Фанагорией и местностью, лежащей близ Пантикапея или между Акрой и Корокондамой».⁶⁵

⁶² По карте Биберштейна «Apaturum» — в 4.5 км к З от ст. Благовещенская; большое по размерам античное поселение Благовещенская 4. См.: Салов А. И. Материалы для археологической карты Анапского района // КСИА. 1979. Вып. 159. С. 98—102.

⁶³ По карте Биберштейна «Hermonassa» — к С от ст. Благовещенская, у окраины станицы, на южном берегу Кизилташского лимана, на современном кладбище; античное поселение, почти разрушенное абразией берега. См.: Архив Института археологии РАН, р-1, № 20820: Алексеева Е. М., Горлов Ю. В. Анапская экспедиция: Отчет о работах в 1997 г. С. 12. № 118.

⁶⁴ АГЭ, ф. 11, оп. 1, д. 20, л. 6а—6а об., 13—13а об.

⁶⁵ Там же, л. 14—14а об.

Хотя большинство выводов Биберштейна о локализации античных городов и поселений являются ошибочными, его статья и приложенная к ней карта ценна фиксации археологических реалий. Он разместил на своей карте и упомянул в тексте статьи наиболее значительные античные и средневековые памятники Таманского полуострова, которые в конце XVIII в. были видны на местности, но впоследствии подверглись интенсивному разрушению.

В начале XIX в. на древности Тамани обратили взгляды ученые Петербурга. Хранитель Эрмитажа Е. Е. Кёлер впервые посетил Тамань в августе—сентябре 1804 г.⁶⁶ Важнейшим открытием поездки стала находка памятника царицы Комосарии, которому антикварий посвятил специальное исследование, впоследствии переведенное на русский язык.⁶⁷ В нем впервые были опубликованы несколько надписей, хранившихся в Таманской церкви (КБН 1043, 1045, 1046, 1049). Уточнению собственных списков надписей Е. Е. Кёлер посвятил неделю, с 30 августа по 4 сентября 1821 г., во время своего второго путешествия по Новороссийским землям. В дневнике поездки 1821 г. имеется ряд интереснейших сведений о древностях. «В церкви в Тамани, — писал Е. Е. Кёлер, — священник показывал мне вpletенный в его Евангелие список всех мраморных памятников (включая колонны, полуколонны, капители и др.), принадлежащих местной церкви, поскольку они были доставлены и переданы ей генералом... *Львовым-Никольским*. Византийскую надпись, которая находится над надписью (князя) Глеба, он подарил тогда же и вместе с другими обломками велел установить в церкви. Только надпись Комосарии и обе стелы стали собственностью церкви позже, так как они были обнаружены лишь в 1803 году (точнее, в 1804 г. — И. Т.). Если бы не весьма похвальная предусмотрительность г-на Никольского, почти все названные памятники погибли бы». Начальству Черноморского казачьего войска и местному священнику Кёлер заявил, «что в соответствии со своей миссией» он настаивает, «чтобы прекрасные мраморные памятники, которые находятся вне церкви, были непременно установлены внутри нее.... [...] Я тотчас велел позвать всех десятирех матросов с судна “Лаокоон”, на котором я сюда прибыл. Они пришли и установили камни...».⁶⁸

Памятник Комосарии состоял из двух статуй — женской и мужской, пьедестала с выемками для статуй и надписью на нем с посвящением Санергу и Астаре (КБН 1015⁶⁹). «В 1804 году я нашел на хуторе казачьего полковника Рахманова, расположенном в непосредственной близости от описываемого холма (мыса Андри-Атам (Андра-Атам) или Рахмановского, ныне гора Борисоглебская на западном берегу Ахтанизовского лимана. — И. Т.), камень с надписью Комосарии, стоявший в чистом поле, рядом со стелой с изображением женщины, тогда как стела с изображением мужчины все еще лежала в Темрюкском лимане; о ней уже было известно, но достали ее оттуда позже. Она, вероятно, очень долго пролежала в воде, о чем свидетельствует ее необычайно сильно стертая поверхность», — писал Е. Е. Кёлер. Женскую статую с отбитой головой, выполненную из песчаника (местного известняка), академик принял за изображение Комосарии — «работа посредственная, однако замысел не лишен достоинств». Мужская статуя, по предположению антиквария, принадлежала Перисаду и была выполнена из мрамора, но оказалась сильно повреждена: отсутствовали голова, руки и ноги ниже колен.

«Работу также можно с трудом назвать посредственной, к тому же вся поверхность сильно стерта. Обе стелы с оборотной стороны вовсе не обработаны, так что определение их исполнения как посредственного касается только лицевой стороны... Они сильно повреждены; вероятно, в каком-то веке нового времени они вместе с относящимися к ним надписями были сброшены с горы и при этом сильно пострадали. Сочетание в одном памятнике мрамора и известняка не должно показаться странным, если учесть слабое развитие изобразительного искусства в странах, далеких от Эллады. Все произведения из мрамора, вместе взятые, найденные в Керчи и Тамани, в количественном отношении значительно уступают обнаруженным в Ольвии».⁷⁰

Пьедестал выглядел так: на нем «имелись два углубления. Одно — слева от зрителя, для царицы, ноги которой выступают над цоколем, что заставило сделать на плите с надписью

⁶⁶ РГАВМФ, ф. 25, оп. 1, п. 22, л. 87.

⁶⁷ Köhler H. K. E. Dissertation sur le monument de la reine Comosarye. SPb., 1805. Рус. перевод: Кёлер Е. Е. Рассуждение о памятнике царицы Комосарии // Археолого-нумизматический сборник..., изданный Г. И. Спасским. М., 1850. С. 99—132.

⁶⁸ ОР РНБ, Нем. IV Q181, л. 263—263 об.

⁶⁹ Тохтасьев С. Р. Вотив царицы Комосарии // ПАВ. 1994. № 8. С. 81—84 (в этой статье текст надписи воспроизведен на основе автопсии камня в Эрмитаже; по сообщению С. Р. Тохтасьева последняя 4-я строка в этой публикации при макетировке текста ошибочно разделена на две части).

⁷⁰ ОР РНБ, Нем. IV Q181, л. 262 об., 263.

Рис. 149. Статуи Санерга и Астары памятника царицы Комосарии. Литография из «Köhler's gesammelte Schriften» (SPb., 1850. Bd 1).

дополнительные углубления. Другое углубление — справа от зрителя — для стелы царя, которая также имела цоколь».⁷¹

Описание скульптур в дневнике 1821 г. существенно дополняет опубликованную Е. Е. Кёлером информацию о памятнике.⁷² До сих пор общепринятой была точка зрения, опирающаяся на описание Кёлера в публикации 1805 г., согласно которой мужская статуя была вырублена из известняка, а не из мрамора. Еще К. К. Гёрц справедливо упрекал предшественника в том, что он, «исключительно занятый надписями и монетами, обратил слишком мало внимания на

⁷¹ Там же, л. 38.

⁷² «На берегу Темрюкского лимана при оконечности небольшого перешейка Андра-Атама, против длинного рукава Черного моря, возвышается гора, подошву которой омывает озеро. На вершине этой горы, за 2000 лет стоял памятник, сооруженный дочерью Горгиппа. Но так как на полуострове Тамани нет таких цепей каменных гор, которые защищали бы берега и как вообще эти берега состоят из земли, то мало-помалу, подмываясь, они низвергаются в море или в озеро. Возвышенный берег Темрюкского лимана, подмытый волнами, также обрушился, а с ним вместе упал и памятник Комосарии, состоящий из двух статуй и большого пьедестала с надписью.

Мне кажется довольно правдоподобным, что разрушение памятника случилось в конце последнего столетия, незадолго до завоевания этого полуострова Россиею, и вот почему одна статуя с пьедесталом найдена на берегу лимана, а другая в самом лимане. Если бы одна упала прежде обозначаемой мною эпохи, то, конечно, первая статуя вместе с пьедесталом была бы засыпана землею последовательно обвалившегося материка, а другая статуя так погрузилась бы в воду, что совершенно была бы невидима для глаз с другой стороны, даже при самом низком стоянии воды. Если бы разрушение горы случилось после завоеваний Суворова, то, без сомнения, существование памятника Комосарии не было бы безызвестно: его перенесли бы на место более посещаемое и честь открытия столь драгоценного памятника для истории царей босфорских не была бы представлена мне.

У обеих статуй недостает голов. Татары, последние обитатели этой страны, вероятно, отбили их еще задолго до обрушения горы. Пьедестал и обе статуи из песчаника. На пьедестале сделаны были выемки для утверждения статуй». Цит. по: Кёлер Е. Е. Рассуждение о памятнике царицы Комосарии. С. 99 и след.

обе статуи, хотя ему мы обязаны известием о них».⁷³ Действительно, Е. Е. Кёлер не привел их размеры, хотя и приложил к публикации рисунки скульптур (рис. 149). Дальнейшую судьбу памятников проследила Н. П. Розанова: вскоре пропавший торс статуи Санерга, скульптура Астары и пьедестал с почитательной надписью были помещены под навес Таманской церкви, где их видел Ф. Дюбуа де Монпере в начале 1830-х гг., опубликовавший их неточные рисунки («богиня Анерга» и «торс Аполлона»).⁷⁴ Пьедестал с надписью с середины XIX в. хранится в Эрмитаже.⁷⁵ Впоследствии статуя Астары оказалась в Керчи, но потом исчезла. В 1926 г. ее обнаружила на Царском кургане Н. П. Розанова, где она хранится и поныне.⁷⁶

О раскопках курганов, камень из которых использовался военными для возведения построек, известно из многочисленных описаний путешественников. Д. В. Карейша в одном из своих отчетов пишет, что в 1801 г. «была обыскана инженерами богатая гробница» вблизи крепости Фанагория, на берегу моря.⁷⁷ Довольно скудные данные дошли о раскопках 1817—1818 гг. в курганах вокруг ст. Тамань.⁷⁸ Так, А. Б. Ашик несколько раз упоминал о них, но подробностей не сообщал.⁷⁹ Мельком на них останавливался и Д. В. Карейша.⁸⁰ «Какого рода были эти древности и какая была их судьба — нам совершенно неизвестно», — заключает К. К. Герц.⁸¹ Мне удалось обнаружить архивные материалы, проясняющие этот вопрос. Дополнением могут служить указания П. Дюбрюкса и В. Г. Тизенгаузена, неизвестные ни К. К. Герцу, ни Ю. Ю. Марти.⁸² Заслугой А. А. Формозова является установление имени и биографических данных автора раскопок 1817—1818 гг. — инженерного начальника Фанагорийской крепости полковника Я. Л. Парокья.⁸³

Якцет (Ячист, Ячинт) Лаврентьевич Парокья (Парокля, Порокье), военный инженер, в 1809 г. капитан, кавалер ордена Св. Владимира с бантом, служил в Тирасполе, участник Отечественной войны 1812 г., с 1812 г. в чине инженер-подполковника стал управляющим Кавказским инженерным округом, затем начальник Фанагорийской крепости. Парокья проводил раскопки курганов в окрестностях станицы Тамань (1817, 1818). С 1819 г. он командир Херсонской инженерной команды. 21 октября 1819 г. в Херсоне с ним встречался П. И. Кёппен и расспрашивал о его раскопках, причем Парокья обещал представить молодому ученому «журнал» своих археологических изысканий.⁸⁴ В 1820 г. Парокья — офицер по разным поручениям при командире Грузинского инженерного корпуса, в том же году вновь направлен на Тамань «для строгого осмотра и правильного укрепления Черноморской кордонной линии».⁸⁵

По общепринятым нормам служебной субординации Я. Л. Парокья обязан был поставить в известность собственное начальство об открытых древностях. Военный инженер, генерал-лейтенант граф К. И. Опперман сообщил о находках генерал-инспектору по инженерной части вел. кн. Николаю Павловичу (будущему императору Николаю I), который повелел передать таманские находки 1817—1818 гг. на хранение в Имп. Публичную библиотеку. В 1830-х гг. после открытия богатейших древностей в кургане Куль-Оба находки из раскопок Парокья были переданы в Эрмитаж и хранились «с прочими подобными вещами в особой комнате».

⁷³ Герц К. К. Исторический обзор... С. 8.

⁷⁴ Dubois de Montpéroux F. 1) Voyage autour du Caucase... Vol. 5. P. 59; 2) Voyage au Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée: Atlas. Neuchâtel; Paris, 1843. IV sér. Pl. XVIII. Те же рисунки воспроизведены А. Б. Ашиком в «Воспорском царстве» (Одесса, 1848. Ч. 1. С. 26. Рис. 9. Табл. 11).

⁷⁵ Розанова Н. П. Посвятительная надпись Санергу и Астаре: Памятник царицы Комосарии // ВДИ. 1949. № 2. С. 86—93.

⁷⁶ Фотографии четырех разных ракурсов статуй богини Астары см.: Иванова А. П. Скульптура и живопись Боспора: Очерки. Киев, 1961. Табл. 19—20.

⁷⁷ РА ИИМК, ф. 63, д. 5, л. 134 об.

⁷⁸ Герц К. К. Исторический обзор... С. 10.

⁷⁹ Ашик А. Б. Воспорское царство. Ч. 2. С. 15, 16, 27.

⁸⁰ Карейша Д. В. Разрытие курганов возле Керчи и Тамани в 1842 и в начале 1843 года // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 609—620.

⁸¹ Герц К. К. Исторический обзор... С. 10.

⁸² Латышев В. В. Неизданная рукопись Дюбрюкса «Извлечение из дневника раскопок, произведенных в нескольких керченских курганах в 1817 и 1818 гг.» // ЗООИД. 1889. Т. 15. Отд. 1. С. 148—149; Герц К. К. Исторический обзор... С. 150—151; Марти Ю. Ю. Сто лет Керченского музея. С. 54.

⁸³ См.: Формозов А. А. К летописи... С. 172.

⁸⁴ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 129, л. 26; д. 132, л. 16 об.

⁸⁵ ГАРФ, ф. 728, оп. 1, д. 1809, л. 127 об.

До нас дошли списки найденных вещей и их рисунки, выполненные академиком живописи Ф. Г. Солнцевым, а также описания открытых погребений.⁸⁶

В 1817 г. близ Фанагорийской крепости «при рытии каменных плит с косогора земли на берегу Боспорского пролива» были открыты две гробницы. Первая — длиной «в свету 8 фут 1 дюйм [2.44 м], шириною 3 фута 2 дюйма [0.92 м], глубиною 2 фута 7 дюйм [0.62 м]». В ней «лежали одни кости в натуральном положении, неизвестного усопшего, головой к востоку, без правой ноги». Кости истлели и при прикосновении «обращались в пыль». Рост скелета оказался «7 фут, 3 дюйма, 9 линий [2.14 м]». Вторая гробница была немного поменьше — «длины 6 фут 2 дюйма [1.83 м], ширина 3 фут 7 дюймов [1.084 м]». В ней «праха покойного только существовал (так в тексте. — И. Т.), что где была голова [здесь] найдена чаша неизвестного металла, на коей был припаян лавровый венок из кованой меди с позолотою; две неизвестные монеты; две медали медные; один золотой перстень, украшенный неизвестным металлом» (в составленной директором Публичной библиотеки А. Н. Олениным описи — перстень, «в который, по-видимому, вставлена была железная разжавшая печатка», «без фигур»); «одна глиняная миска и таких же пять вазиков, в коих находился пепел и гвозди с позолоченными шляпками» (в описи — «глиняная миска и пять таковых же вазиков, вроде так называемых лакриматорий; пепел, в них находившийся, в дороге и в переносках утратился; гвоздей не было доставлено, а шляпки оказались не металлические, но из какого-то позолоченного вещества, подобного коже», в другой описи «глиняный сосуд и пять лакриматорий разбитых», «шляпки кожаные золоченые, вроде шляпок у гвоздей»); «одна золотая пряжка к поясу, с камнями» (в описи — «сей предмет более похож на запоны, употребляемые древними для застегивания их плащей; он составлен из овально-продолговатой золотой бляшки, в середине которой вставлен драгоценный плоский лопнувший камень, осыпанный семью таковыми же камушками. К гладкой нижней стороне приделаны в обоих концах бляшки, золотые петельки, к которым прикреплена была шпилька для застегивания», в другой описи «золотая пряжка или запонка с камнями»); «один маленький ножик из металла» (в описи — «маленький ножик металлический (бронзовый); сей инструмент более походит на так называемый у древних стилос», в другой описи «маленький ножик или стиль, бронзовый»); «часичка перевитого золота» (в описи — «часть самая малая перевитого или, лучше сказать, бусинками сделанного золота»); «поддонки глиняной посуды с некоторыми греческими буквами и посреди с неизвестным знаком» (в описи — «черепки битой посуды, как то делалось при обрядах погребальных у древних греков. На одном из сих черепков из роду так называемых этрусских ваз начерчены острым орудием следующие греческие слова: ΕΠΙΤΗΛΕ...», в другом списке «поддонки разбитой глиняной посуды, на одном греческие слова ΕΠΙΤΗΛΕ»).⁸⁷ Второе погребение по наличию краснофигурных («этрусских») ваз, лекифов и туалетных флаконов («лакриматорий») может быть датировано в пределах IV в. до н. э.

Место раскопок показывали П. П. Свиныну в 1825 г.: «Близ нынешней Фанагорийской крепости, во рву у кирпичных заводов, показывали мне впадину, составлявшую место древнего склепа, открытого полковником Парокием. Самовидец рассказывал, что посредине сего склепа на помостке лежал скелет, вероятно, какого-нибудь знатного воина или особы царской крови: ибо близ черепа найден был золотой венец, на боку меч, украшенный драгоценными камнями, и множество разного рода золотых вещей. Внутренность же склепа расписана была разными красками *alfresco*. Майор Горчаков в недавние времена также отрыл здесь недалеко склеп, коего стены были подделаны под мрамор, но внутри оного ничего не нашлось. Слышно, что лет 15, бывший в то время комендант открыл множество драгоценностей в одной ближайшей могиле. К сожалению, не только вещи сии неизвестны ученому свету, но и самые склепы разрушены. Монеты, находимые здесь во множестве, большей частию босфорские».⁸⁸

Курган, раскопанный в 1818 г., описал Е. Е. Кёлер в дневнике 1821 г. На обратном пути из крепости Фанагория в станицу Тамань академика сопровождал комендант крепости, грек Каламара, который показал ему курган, «расположенный неподалеку, в трети версты [около

⁸⁶ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, л. 14/1, л. 1—1 об., 20—21 об.

⁸⁷ Там же, л. 2, 22 об.—23, 23—26; РА ИИМК, ф. 1, оп. I-1885, л. 59, л. 251—251 об. См. также рукописную копию с описанием «вещей с Тамани», снятую кем-то для М. И. Ростовцева с документов Публичной библиотеки: ПФА РАН, ф. 1054, оп. 1, л. 26, л. 47.

⁸⁸ Свинын П. П. Обзорение путешествия... С. 453—454.

355 м] от входа в крепость. Именно здесь инженер-майор нашел золотую диадему и много других вещей, которые он послал вел. кн. Николаю Павловичу. Продолговатый прямоугольник внутри кургана был ориентирован с запада на восток. Внизу, на уровне земной поверхности обнаружили тогда же два погребения, а спустя много времени еще и погреб, находившийся значительно глубже погребальной камеры, в котором ничего не оказалось. Камни этого сооружения были использованы в дальнейшем для постройки отсюда перехода к крепости, огражденного с обеих сторон совсем невысокой стеной, которая постепенно повышалась. Кладка велась сперва красивыми большими и широкими камнями и продолжалась более мелкими; все это — из обычных здесь в Крыму песчаника или известняка».⁸⁹

О раскопках 1818 г. сообщает и П. Дюбрюкс. В начале августа «подполковник Пароки, приказав брать в одном кургане глину для выделки кирпичей», открыл на глубине «6 фут и 4 дюйма [1.9 м] ниже обыкновенного горизонта земли две каменные гробницы одинакового расположения и построения с найденными в прошлом году».⁹⁰ П. Дюбрюкс пишет, что Парокия обнаружил сначала свод, сделанный из камня и извести, «столь крепко сплоченный, что хотели уже бросить работу, думая что это скала».⁹¹ Дальнейшее описание П. Дюбрюкса противоречит архивным документам. Согласно последним, в первой из гробниц «тленные остатки показывали человека, имевшего рост в 6 фут и около 10 дюймов [2.06 м] и лежащего головою к востоку, как и в прошлом году найденные. Он был увенчан золотыми лаврами; на лбу к самой короне лежала золотая монета» (в описи Оленина — «венчик лавровый в обломках: листья его и стебель сделаны из самых тонких золотых или электровых листов вроде фольги; при сем венке были медаль или монета золотая Филиппа Македонского — с одной стороны профиль Аполлона в лавровом венке (направо), на обороте бига или пара коней в колеснице (также направо), в ней стоит фигура и держит в правой руке бодило для подстрекания коней, а в левой вожжи; под передними ногами коней трезубец, а внизу надпись ΦΙΛΙΠΠΟΥ; сия медаль оставлена была в коллекции Его императорского высочества, ныне благополучно царствующего государя императора Николая Павловича»). «Под головою находилась часть глиняного блюда в мелких кусках» (в описи — «шесть кусков разбитого красного глиняного блюда; сии куски в разломах так помечены, что можно из них составить большую часть сей древней посуды»), «руки лежали прямо длине тела, и к правой найден золотой перстень с круглым камнем» (в описи — «перстень с печаткой в виде каточка или цилиндра каменного. На нем вырезаны внутрь две фигуры, одна изображает Бахуса, или Вахха индейского с тирсом, а другая Ариадну, или Либерию, то есть Бахуса мужского и женского по преданию древних. Камень просверлен во всю его длину. Сквозь этой сверлины пропущена золотая проволока, которая взлетает сквозь дырочки обоих концов золотого кольца. Сие кольцо обработано наподобие плетеницы в виде скобки. Концы проволоки, проходящей сквозь печать, опутаны около оконечностей кольца или скобки. Каменный каточек вертится свободно около пропущенной в нем проволоки, таким образом, что можно печатать и той и другой фигуру»). «По обеим сторонам от плеч до окончания рук лежали серебряные сосуды с украшениями: с правой стороны три, а с левой четыре» (в описи — «серебряные сосуды и утварь для жертвоприношения и для очищения тела в банях и после гимнастических упражнений: два серебряных блюдечка, одно с отогнутыми краями, [другое] без краев; к другому блюдечку (третьему. — И. Т.), кажется, припаяна была прекрасно обработанная ножка и ... две ручки. Все это вместе составляло приятнейшего вида чашечку (с позолоченной внутри полосой в виде плотносплетенного венка лаврового), которой форма часто встречается в греческих вазах, неправильно этрусскими называемых. Серебряное орудие (стригиль) — скобель, которым отскребали нечистоту тела в банях и пот, смешанный с песком и маслом, после гимнастических упражнений. Ситечко с ручкою, подобное ныне употребляемым для чая. Сосуды серебряные в виде небольшой крышки, украшенной позолоченными резьбами, крышка сей крышечки оканчивается отпавшею шейкой и над ней верхушкой. В сем сосуде находится чашечка круглая серебряная и маленькая ложечка. В нем сохранился разный ладан. Серебряная подножка к блюдечку или чашке. Утварь, называемая по-латыни *Simpulum*, которым черпали вино для излияний в сосуде, именуемом *praeficusium*, род кувшина с узким довольно горлом.

⁸⁹ ОР РНБ, Нем. Q181, л. 262 об.—263.

⁹⁰ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, л. 14/1, л. 23 об.

⁹¹ Латышев В. В. Неизданная рукопись Дюбрюкса... С. 148.

Вазик маленький серебряный с позолоченными чеканными украшениями и с отпаявшимся горлышком. В сем сосуде, вероятно, хранились драгоценные духи и благовонные масла); «от рук до ног также по обеим сторонам лежали сосуды глиняные, но почти все разбитые и один мраморный» (в описи — «разбитые глиняные сосуды такой же формы и состава, которые имеются в греческих глиняных сосудах, неправильно именуемых этрусскими. Мелкие обломки мраморного или алебастрового сосуда, называемого у древних греков алабастрон. Его употребляли для ношения в нем благородных масел»); «к ногам по левую сторону малый медный поднос с таковою же чашкою» (в описи — «медный подносец и чаша изогнутая медная»); «в голове в склепном камне вырезана буква А, и за оною в земле лежали от многих глиняных сосудов черепки».

А. Н. Оленин занялся изучением погребального инвентаря и пришел к выводу, что покойный «принадлежал к сану первосвященников культа Диониса». ⁹² Художником Ф. Г. Солнцевым были изготовлены рисунки древностей. Однако задуманное А. Н. Олениным издание кульбских и фанагорийских древностей так и не вышло. Рисунки Ф. Г. Солнцева были переданы в Комитет для издания «Древностей российского государства», но и в этом труде места для их публикации не нашлось. В апреле 1853 г. они были переданы в Эрмитаж в составе 108 «рисунков, относящихся к керченским и фанагорийским древностям» с объяснительным текстом на 36 больших полулистах, в числе которых 9 и 10 с рисунками, и на 73 полулистах. ⁹³

Характер инвентаря — золотой статер Филиппа II Македонского (359—336 до н. э.), ⁹⁴ краснофигурная и чернолаковая керамика, серебряные сосуды, алебастровый алабастр — позволяет датировать захоронение в пределах второй половины IV в. до н. э. Дюбрюкс утверждал, что в погребении были найдены скелеты трех человек, ⁹⁵ хотя это не подтверждается описанием раскопки.

В том же кургане открыли вторую гробницу, где «насыпано было из мягкого дерева уголья толщиной на 13 дюйм [33 см], в коем найденные золотые зерна и маленькая статушка, равно и серый испорченный от перстня камень с частичкою при нем золота, коим камень был украшен» (в описи — «в угольях мягкого дерева найдены были золотые зерна или бусы двух сортов. Маленькая сережка золотая, прелестной самой формы и мастерской отделки, изображающего летящего кулидончика. Серый, как будто обожженный камень из перстня с частичкою в нем золотой проводки, на которой он вертелся наподобие нынешних некоторых вертящихся печатей — резьбы на нем не имеется»). «Место, занимаемое гробницею и около оной, как еще видеть можно, на довольноное пространство было обожжено, а потом копаны ровики для постановления в них склепных камней» (в описи — «куски обожженной глины, взятые со дна гробницы; при них кусок дерева, сделавшийся от времени необыкновенно легким»). ⁹⁶

Дюбрюкс писал: «В небольшом кургане, соприкасающемся с этим, был род каменного ящика или сундука, в котором был глиняный сосуд большей величины, чем чаши (из первого погребения 1818 г. — И. Т.), заключающий в себе, как видно, кровь». ⁹⁷ О раскопках второго кургана в 1818 г. архивные документы умалчивают. Хотелось бы отметить достаточную подробность описания погребений, составленного самим Парокья. В Публичную библиотеку были отправлены не только драгоценности, но и разбитые глиняные сосуды, просто черепки, куски обожженной глины и дерева. Найденные в 1817—1818 гг. древности 11 апреля 1831 г. Кёлер получил от хранителя рукописей Публичной библиотеки А. Х. Востокова для присоединения к коллекции Эрмитажа. ⁹⁸

Открытые Парокья в 1817—1818 гг. погребения в подкурганных склепах с чисто греческим характером инвентаря, несомненно, принадлежат некрополю Гермонассы. ⁹⁹ Как известно, Фанагорийская крепость помещалась на восточной окраине станицы Тамань, за неглубо-

⁹² АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 14/1, л. 23 об.—24, 26 об.—29 об.

⁹³ Там же, оп. I-1853, д. 1, л. 35—35 об., 37.

⁹⁴ Зограф А. Н. Античные монеты. М.: Л., 1961. № 16. Табл. XI, 2 (МИА. № 16).

⁹⁵ Латышев В. В. Неизданная рукопись Дюбрюкса... С. 148.

⁹⁶ АГЭ, ф. 1, оп. I-1831, д. 14/1, л. 2 об., 24—24 об., 29 об.

⁹⁷ Латышев В. В. Неизданная рукопись Дюбрюкса... С. 149.

⁹⁸ РА ИИМК, ф. 1, оп. I-1885, д. 59, л. 251—251 об.

⁹⁹ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. С. 287. Примеч. 1.

кой балкой.¹⁰⁰ Раскопки 1817 г. проводились на берегу Таманского залива близ крепости, а в 1818 г. — в кургане, расположенном в трети версты (800.25 м) от входа в крепость по дороге к станции Тамань. Мнение В. Г. Тизенгаузена, что в 1817—1818 гг. был исследован один и тот же курган, убедительно опровергается описаниями раскопщика.¹⁰¹

П. И. Кёппен впервые посетил Таманский полуостров в 1819 г. в поисках следов греческих поселений и с намерением провести раскопки. «Искал между прочим древней Корокондамы и ездил для сего к Бугазу, — вспоминал он в 1829 г. — Но рабочих для разрытия, хоть в некоторых местах земли, при мне не было — и я должен был довольствоваться одним объездом сих мест и беглым взглядом на кое-где являвшиеся мне следы прежних жилищ... Весьма желательно, чтобы кто-либо из ученых обследовал места, лежащие по Кубанскому лиману от берегов реки сей до Анапы и далее, для определения местоположения древних эллинических обиталищ в Синдике: Гермонассы, Апатуры и пр.»¹⁰² За год до его поездки, в 1818 г. случайно было сделано важное археологическое открытие — находка надписи Ксеноклида (КБН 1014) и фундамента храма Артемиды Агротеры (Сельской). П. И. Кёппен снял копию надписи в ахтанизовской церкви. Согласно его заметкам, в 1818 г. один из пологих холмов на берегу Ахтанизовского лимана, в полуверсте к югу от Ахтанизовской станицы, превратился в извергающую грязь сопку. Небольшое землетрясение обрушило часть холма, а другую покрыло расщелинами. В одной из них жители станицы обнаружили на глубине около сажени (2.1 м) каменный фундамент почти квадратного в плане здания, со сторонами около 66 английских футов (19—20 м). Крестьяне Денис Коваль и Андрей Лоянь начали разбирать фундамент на камень для постройки местной церкви Бориса и Глеба. По рассказам очевидцев, в противоположных углах были найдены два камня с надписями, обращенными текстом вниз.¹⁰³

Историю открытия памятников записал в дневнике 1821 г. и Е. Е. Кёлер.

«Я поехал дальше на север и попал в район Сенной балки, находящейся у Таманского залива. На новейшей карте Крыма по 10 листах в этой местности указаны два холма по соседству друг с другом, из которых первый находится у помещения почты, а другой — к востоку от первого. Из этого холма в деревню Ахденизовка было доставлено невероятно большое количество камней. чтобы построить из них новую церковь. Следовательно, на указанном холме некогда было большое здание, построенное из хорошо обработанного местного известняка. Отсюда я отправился в Ахденизовку, деревню, расположенную в двух верстах к югу от почтовой станции Пересыпь у Азовского моря. Как раз здесь и начата, но еще не закончена постройка только что упомянутой церкви из камня с того самого холма, о котором уже шла речь. Прежняя церковь стоит недалеко от новой, и в ней поставили очень красивую надпись, высеченную на песчанике. Она была найдена немногим более года тому назад на том самом месте, где обнаружен памятник царицы Комосарии. Надпись, найденная последней, с самого начала состояла из двух помещенных друг на друга камней, верхний из которых разбит. К счастью, текст надписи сохранился полностью. Шрифт весьма красив и высечен очень тщательно: форма букв обладает совершенством, которое могло быть достигнуто только на протяжении длительного времени. [...] Судя по памятнику, найденному последним, на этом холме стоял храм Дианы Агротеры. Памятник Комосарии и, вероятно, многие другие, которые еще могут быть найдены в будущем, возможно, также и Месториппа (КБН 1039. — И. Т.), были размещены вне храма».¹⁰⁴

Рассказ Кёлера об обстоятельствах находки несколько отличается от сведений, приводимых Кёппеном.

Первая публикация надписи принадлежит Д. Рауль-Рошетту, получившему ее копию, снятую П. Дюбрюком в 1820 г. и переданную И. П. Бларамбергу, от И. А. Стемпковского.¹⁰⁵ Через год ее издал П. И. Кёппен по собственной копии.¹⁰⁶ Тому же открытию была посвящена анонимная статья в «Московском телеграфе» за 1826 г.¹⁰⁷ В издании недавно указателе содержания журнала «Московский телеграф» автором статьи ошибочно назван П. И. Кёппен.¹⁰⁸ Среди рукописных материалов П. И. Кёппена сохранилась неизданная статья в нескольких

¹⁰⁰ Воронов А. А., Михайлова М. Б. Боспор Киммерийский. С. 163.

¹⁰¹ Герц К. К. Исторический обзор... С. 150—151.

¹⁰² ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 145, л. 47.

¹⁰³ Кёппен П. И. Древности северного берега Понта. М., 1828. С. 80—83.

¹⁰⁴ ОР РНБ, Нем. IV Q181, л. 263.

¹⁰⁵ Raoul-Rochette D. Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien. Paris, 1822. Pl. IV, fig. 3; ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 475, л. 3—3 об.; Кёппен П. И. Древности северного берега Понта. С. 82—83.

¹⁰⁶ Körpen P. Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien, 1823. S. 48.

¹⁰⁷ [Муханов П. А.] О развалинах храма Дианы Ловитвы на острове Тамане // Московский телеграф. 1826. Ч. 9. № 9. Отд. 1. С. 5—11.

¹⁰⁸ Попкова Н. А. Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым: Указатель содержания. Саратов, 1990. Вып. I: 1825—1828. С. 79. № 654.

редактировал «Ахденизовская надпись». Артемизий или лунопоклонение на берегах Ахденизовского лимана», написанная, вероятно, в начале 1820-х гг. Статья главным образом посвящена анализу античной письменной традиции о культе и храмах Артемиды в Греции и Малой Азии, так как П. И. Кёппен не сомневался в принадлежности надписи Ксеноклида храму Артемиды, сооруженному в древности на берегах Ахтанизовского лимана.¹⁰⁹ Вероятно, во время посещения П. И. Кёппеном ст. Ахтанизовской фундамент храма еще не был открыт полностью. Ученый полагал, что камни с надписью, найденные в разных частях здания, были вторично использованы при постройке какого-то более позднего сооружения.¹¹⁰ С этим утверждением не согласились Ф. Дюбуа де Монпере и К. К. Герц.¹¹¹ Тематика исследования П. И. Кёппена и детали изложения разительно отличаются от анонимной статьи в «Московском телеграфе».

В известном библиографическом указателе П. И. Прозорова¹¹² автором последней назван Павел Александрович Муханов (1798—1871), историк, палеограф, известный собиратель русских памятников, председатель Археографической комиссии, почетный член Имп. Русского археологического общества.¹¹³ В анонимной статье имеется указание, что известие о находке автор получил во время путешествия в Крым и Тамань, по пути из Тамани в Темрюк. Из текста П. И. Кёппена, напротив, явствует, что «проезжая из Екатеринодара в Тамань, в деревне Ахденисовке, лежащей на пути от Темрюка, в церкви видел я два камня с эллиногреческими надписями, о коих я уже предварительно был уведомлен в Екатеринодаре от господ учителей тамошней гимназии Толмачева и Збигнева».¹¹⁴ В заметке о поездке 1819 г., адресованной Н. П. Румянцеву, Кёппен утверждает, что вторая надпись доказывает, что «здесь, влево от дороги из Темрюка в Тамань стоял некогда храм, посвященный Диане». Далее он пишет о хранящемся в Екатеринодаре третьем эпиграфическом памятнике: это «камень с греческой надписью, иссеченной в память какого-то уроженца острова Хиоса (КБН 1233). Камень сей говорят найден был у протока Ангелинки, или Ерака, отделяющегося от Кубани между Екатеринодаром и Копылем. Достопримечательно, что греки доходили до сих мест...»,¹¹⁵ т. е. до Западного Прикубанья.

Не зная о вышедшей в Вене публикации П. И. Кёппена, П. А. Муханов с горечью констатирует, что такой важнейший эпиграфический памятник, как надпись Ксеноклида, обойден вниманием отечественных ученых. Автор вступил в спор с Рауль-Рошеттом о точности опубликованного последним списка надписи, отметил уникальность эпитета богини — Агротера. По его мнению, крестьяне обнаружили фундамент храма «Дианы Ловитвы». Основная заслуга автора в том, что в статье приведен не только рисунок двух камней с надписью Ксеноклида, но и «Глазомерный план части окрестностей села Ахденизовки» и «План основания храма Дианы».¹¹⁶ Статья П. А. Муханова не лишена неточностей. Так, он сообщает другую дату находки — 1819 г. и пишет, что надписи были выбиты на камнях белого мрамора, хотя в действительности вырезаны на известняковых плитах. Сведениями из анонимной статьи в «Московском телеграфе» воспользовался А. Б. Ашик, переиздавший планы, но даже не сославшийся на первоисточник.¹¹⁷

П. П. Свиньин в 1825 г. специально заехал «в церковь ст. Ахденизовка» с целью осмотреть надпись. Журналист сообщает любопытные детали, отсутствующие у других авторов: надпись была найдена крестьянами «при копании высокой горы для отыскания строевого камня у самого залива», а «судя по законтелости с одной стороны, должно думать, что камень сей лопнул от огня. В том удостоверяет и уголь, сверх коего он лежал между кусками кирпича; а потому с достоверностью можно догадываться, что надпись сия принадлежала к храму, посвященному

¹⁰⁹ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 475, л. 102—148 об.

¹¹⁰ Кёппен П. И. Древности северного берега Понта. С. 81.

¹¹¹ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase... Vol. 5. P. 58—59; Герц К. К. Археологическая топография... С. 153—156.

¹¹² Прозоров П. И. Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с XVII столетия до 1892 г. на русском и иностранных языках. С прибавлением за 1893—1895 гг. СПб., 1898. С. 220.

¹¹³ Р-в В. Муханов П. А. // ЭСБЕ. 1897. Т. 39. С. 245—246.

¹¹⁴ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 475, л. 105.

¹¹⁵ Там же, д. 129, л. 25 об.—26.

¹¹⁶ [Муханов П. А.] О развалинах храма Дианы Ловитвы на острове Тамане. Рис. между с. 88—89, 342—343.

¹¹⁷ Ашик А. Б. Воспорское царство. Ч. 1. С. 52. Примеч. 2. Рис. 10.

Диане, чего не достает в ней, так как приметные ямы у подошвы сей горы доказывают, что тут было в древности немалое поселение. Долгом почтита упомянуть также о подобном камне с древнею греческою надписью, хранящемся в Екатеринодарской гимназии, найденном на берегу Ерика Ангелинки, впадающего в Черный Проток недалеко от Темрюка, который считается местом Тирамбы или Тирамбату (КБН 1233).¹¹⁸

К. К. Герц сообщил, что при посещении им горы Св. Бориса и Глеба в 1859 г. общий план здания еще явственно обрисовывался валом и рвом, которые образовались в результате раскопок крестьян; на этом месте остались заметны обломки тесаных известняковых плит.¹¹⁹ Лишь век спустя, в 1955 г. на вершине горы Бориса и Глеба Н. И. Сокольским были открыты сохранившаяся часть фундамента часовни XIX в., несколько рустованных блоков, известные барабаны колонн дорического ордера с 16 каннелюрами, капитель и база пилыстр. Н. И. Сокольский, основываясь на близости пропорций архитектурных деталей, высказал предположение о их принадлежности одному зданию, вероятно — поздней постройке храма Артемиды Агротеры, и датировал их I в. до н. э.—I в. н. э.¹²⁰

Но вернемся к хронике раскопок на Таманском полуострове. Из записки Д. Карейши «О разысканиях в Черномории» (1839) известно, что «бывший атаман казаков полковник Матвеев и спустя несколько лет после него генерал-майор Перовский, по взятии крепости Анапы, раскапывали древние могильные насыпи, первый возле Сенной станции, на месте существования древней Фанагории..., а второй близ Тамани, но труды их не увенчались успехом: ибо кроме жженого праха и голых остонов ничего не отыскали в гробницах».¹²¹

В ноябре 1833 г. наказной атаман Черноморского казачьего войска генерал-майор Н. С. Завадовский, по ходатайству керчь-еникальского градоначальника З. С. Херхеулидзева, распорядился передать в Керченский музей хранившиеся при Таманской приходской церкви древние памятники, «кроме четырех колонн без надписей». Атаман специально оговорил условие, что к археологическим исследованиям на войсковой земле чиновник Керченского музея может быть допущен лишь при наблюдении хода раскопок со стороны «заседателя таманского начальства, который обязан всему найденному в курганах непременно доставлять ко мне описи», заверенные обеими сторонами, а в случае открытия «денег, слитков золота или серебра и других драгоценностей, не по одной древности, но по собственной сущности, т. е. ... также золотые и серебряные в большом весе, таковые, не отдавая тем чиновникам, представлять в начальство и тотчас доносить мне и Войсковой канцелярии».¹²² В июле 1835 г. директор музея А. Б. Ашик по распоряжению Херхеулидзева на судне «Шалун» прибыл в Тамань и перевез в Керчь «9 памятников каменных с древними надписями» и другие древности (всего 20 экз.), хранившиеся во дворе Таманской церкви.¹²³ Д. В. Карейша в особой записке «О разыскании древностей на Таманском полуострове» (1838) жаловался министру двора П. М. Волконскому, что «черноморское начальство» препятствует проведению раскопок «стеснительными условиями» на основе дарованных войску привилегий о владении «ископаемыми в землях его богатствами». 9 апреля 1838 г. император Николай I распорядился разрешить раскопки Д. В. Карейши на полуострове «с тем, что впоследствии будет сделано войску следуемое по оценке вознаграждение».¹²⁴

А. Б. Ашик в 1836 г. отправил на Таманский полуостров 35 человек рабочих татар и двух надсмотрщиков для раскопок курганов близ ст. Сенная, но его рабочие разбежались (Карейша также сообщает о его «безуспешных» раскопках). Директор Керченского музея продолжил исследования в 1840 г. близ ст. Сенная, по берегу Ахтанзовского лимана, у с. Титорровка, Стеблеевка и по берегу Цукурского лимана.¹²⁵ В 1841 г. Ашик «тщательно обозрел» полуостров и по его результатам написал «Краткое исследование о местоположении древних греческих поселений на Таманском полуострове», оставшееся неизданным. Рукопись была снаб-

¹¹⁸ *Севин П. П.* Обзорение путешествия... С. 445—446.

¹¹⁹ *Герц К. К.* Археологическая топография... С. 154—155.

¹²⁰ *Сокольский Н. И.* Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове // *СА.* 1957. № 1. С. 244—246.

¹²¹ *РА ИИМК*, ф. 63, д. 5, л. 102—102 об.

¹²² *АВ СПбФ ИВ*, ф. 52, оп. 1, д. 82, л. 4—4 об.

¹²³ *НА КРКМ*, ф. Бертье-Делагарда, д. 63, л. 5—5 об.; письмо В. В. Шкорпила из Керчи от 28 января 1917 г.

¹²⁴ *РГВИА*, ф. 405, оп. 6, д. 2075, л. 1—8.

¹²⁵ *Ашик А. Б.* Воспорское царство. Ч. 2. С. 12; *АВ СПбФ ИВ*, ф. 52, оп. 1, д. 82, л. 1, 4 об.

жена собственноручно составленной им картой, которую он «проверил и исправил с прежде изданными». «Черномория есть в полном смысле классическая земля, неисчерпаемый археологический рудник. Но чтобы разработать его, нужны продолжительные усилия, время и деньги», — писал он в рапорте о раскопках с 12 апреля по 1 июня 1846 г. В 1846 г. Ашик вновь отправился на Тамань по поручению Воронцова и воспользовался случаем, чтобы объехать весь полуостров от Андреевского поста до Бугаза.¹²⁶

Раскопки на Тамани, начатые Д. В. Карейшей в 1839, 1841—1843 гг., были продолжены в конце 1845—начале 1846 г. и в ноябре 1846—январе 1847 г.¹²⁷ В 1846—1847 гг. он исследовал 34 «смежных» кургана, растянувшихся с севера на юг близ ст. Сенная, и 9 курганов у ст. Ахтанизовская, оказавшихся большей частью разграбленных «генуэзцами» (здесь Карейша ссылается на хронику И. Барбаро). В 17-м большом кургане у ст. Сенная, в котором ранее атаманом Г. К. Матвеевым был найден обширный склеп, археолог обнаружил две «искусно высеченные» надгробные плиты с изображениями «на одной стороне скифского всадника на коне, на другой — головы мужской фигуры», но нижних частей этих плит ему отыскать не удалось, «равно и гробницы, которую они прикрывали, и которая, как видно, была расхищена, и камни даже вынуты».¹²⁸

В отчете о раскопках в Керчи с 10 ноября 1845 г. по 12 января 1846 г., составленном 26 января 1846 г. для М. С. Воронцова, А. Б. Ашик писал: «В окрестностях Тамани и в других местах беспрерывно находят древние вещи и особенно монеты. Таманский начальник, в это последнее время, нашел неизвестно каким случаем 24 золотые монеты города Пантикопеи, с изображением головы Пана с одной стороны, а с другой — лука и стрел».¹²⁹ Речь идет о важнейшем нумизматическом открытии 1845 г. — находке известного Пуленцовского клада золотых монет Пантикалея и электровых статеров Кизика. Обстоятельства находки подробно освещены в документах дела канцелярии наместника Кавказского кн. М. С. Воронцова.¹³⁰

Временно командующий войсками генерал-лейтенант Н. С. Завадовский в ноябре 1845 г. подал наместнику рапорт, где описана предыстория находки. Здесь же подшиты письма Ефима Пулинцова (так он писал свою фамилию) от 20 марта 1846 г. и 9 января 1847 г. из ст. Темрюк, адресованные князю в Тифлис. Из документов следует, что еще в 1824 г. по распоряжению генерал-майора М. Г. Власова казак Алексей Тараненко (а не Тараненко, как указывал Герц¹³¹) с товарищами — Иваном Миросиниченко и Саввой Черным — начали раскопки близ старинной турецкой крепости на месте, где в мистических сновидениях Тараненко, повторявшихся с 1819 г., ему была обещана находка клада. Но работы были остановлены, несмотря на «найденные признаки существующего в том месте склепа». По распоряжению командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории, генерал-лейтенанта А. А. Вельяминова, который в мае 1837 г., «приняв в уважение внимание правительства к открытию русских древностей», разрешил возобновить раскопки под надзором фанаторийского воинского начальника майора Посыпкина. Отставные есаулы Пулинцов и Барилко, руководившие раскопками в старой турецкой крепости в ст. Тамань, сообщили по начальству, что, согласно ночному видению Тараненко, некий голос ему предсказал, что «следующий день по восходе светила найдешь ты признак с двумя словами „покой и добро“». Действительно, в 8 часов утра следующего дня на указанном Тараненко месте, на глубине 29 аршин (20,6 м) от поверхности земли была найдена оловянная тарелка, «по надписи на которой они заключили о сохранении в этом месте золота». Первая тарелка найдена 23 июля 1837 г. «с двумя словами П. Д.». В следующую ночь на 24 июля «голос» добавил Тараненко, что «найденный тобою признак... есть вензил князя Павла Далматского, положенный в четыре тысячи лет. Еще найдешь другой, на котором будет доказано все». Действительно, 9 августа была найдена вторая оловянная тарелка с над-

¹²⁶ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 47, л. 24, 27 об.; Герц К. К. Исторический обзор... С. 28—32.

¹²⁷ Герц К. К. Исторический обзор... С. 17—28; АГЭ, ф. 1, оп. 1-1848, д. 8, л. 3—5: копия рапорта Карейши об археологических разрытиях в Черномории, близ древней Фанатории в ноябре—декабре 1846 г. и в январе 1847 г.

¹²⁸ Герц К. К. Исторический обзор... С. 32—36.

¹²⁹ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 47, л. 11—11 об.

¹³⁰ Там же, ф. 1, оп. 249, д. 350: переписка о командировании губернского секретаря Бларамберга в Тамань и Усть-Лабу для разыскания древностей, и о найденных в земле Черноморского войска древностях и древних монетах. 19.12. 1845 г.—31.12.1847 г. 130 л.

¹³¹ Герц К. К. Исторический обзор... С. 37—44.

письмо и под нею «внутреннего замка большой оловянный ключ, на последней же тарелке надпись была следующая: "Здесь положено золота в длину и ширину сажень, и в колено толщины, князем Павлом Долмакиным в 4000 лет (в другом письме: 7000 лет. — И. Т.)"». ¹³² Обе тарелки со славянскими надписями и ключ, по словам Пулинцова, были отправлены генералу Вельяминову с рапортом, но впоследствии пропали, и уже Л. А. Перовскому их найти не удалось (Ашик посчитал рассказ о находках «подложным»). Противоречивость сведений, приведенных в письмах отличавшегося религиозной экзальтированностью Пулинцова, свято уверовавшего в истинность мистических видений Тараненко, заставляет усомниться в правдоподобности этого фантастического рассказа.

Наступившая непогода остановила раскопки. При новом командующем генерал-лейтенанте П. Х. Граббе казаки пытались продолжить работы, но получили решительный отказ под угрозой взыскания. Корпусной командир генерал-адъютант барон Г. В. Розен лично посетил Тамань и «убедился в совершенной нелепости представившихся якобы казаку Тараненке видений, ибо произведенная разработка указанного места дошла до такой глубины и цельности грунта, которая отвергает и малейшую возможность существования там какого-либо произведения рук человека». Барон потребовал прекращения раскопок и «разглашения по настоящему предмету, под опасением за неисполнение, строгого взыскания». ¹³³ Работы вновь были прекращены на 8 лет.

Уже после смерти А. Тараненко, в 1845 г. по ходатайству Пулинцова перед Н. С. Заваловским раскопки были возобновлены на том же самом месте — в заброшенной турецкой крепости в ст. Тамань, «на крутом берегу близ нынешней почтовой станции». ¹³⁴ 10 октября 1845 г., на глубине 15 аршин (10.6 м) Пулинцов, по его словам, нашел 21 штуку древних золотых монет, которые представил начальству и просил разрешения продолжить раскопки, в чем ему было отказано. У места находки поставили караул, «чтобы никто не покушался на розыски». Н. С. Заваловский препроводил все монеты М. С. Воронцову. ¹³⁵ Пулинцов ходатайствовал перед князем о продолжении работ и о награждении его за открытие золотых монет. Иначе обстоятельства находки описывает Ашик, лично знавший есаула: Пулинцов поручил надзор за раскопками станционному писарю, а сам уехал к семье в Темрюк. На глубине 5 сажень (10.6 м), у самого материка, в уровень с поверхностью моря, из-под лопаты посыпались золотые монеты, лежавшие просто в куче, без всякого сосуда. Вся насыпь была составлена из золы, обломков черепиц и глиняных сосудов. Ашик пишет, что «неизвестно положительно», сколько здесь было найдено монет. Однако, можно думать, что «их было много и что драгоценности эти, подобно другим случайным открытиям, перешли из рук рабочих в руки евреев, а от этих прямо в плавильный котел». Узнав об открытии, Пулинцов поспешил в Тамань и успел спасти лишь 21 монету. ¹³⁶ Герц утверждает, что клад находился в средней величины расписной аттической вазе, которая доверху была заполнена золотыми монетами. Рабочие разбили вазу и разделили монеты между собой, но утаить находку им не удалось. ¹³⁷

Одновременно была сделана другая находка. В рапорте Заваловского Воронцову от 30 ноября 1845 г. говорится, что казак Донского войска Матвей Епифанов, занимающийся торговлей в Черномории, доставил к нему две монеты, «приобретенные им в пределах Кавказского линейного казачьего войска, близ Усть-Лабинской станицы, где находившийся на берегу р. Кубани древний насыпь от времени подмыт водою, обрушился и после такового обрушения найдено жителями станицы несколько монет», которые генерал также направил в Тифлис. ¹³⁸ Воронцов намеревался отправить губернского секретаря М. И. Бларамберга «для проведения разысканий» на местах находок монет, но тот оказался больным, и вместо него в середине марта 1846 г. был командирован А. Б. Ашик. Полученные из Тамани и Усть-Лабы монеты Воронцов оставил «для учреждаемого в Тифлисе музеума». Чтобы местные жители не пытались скрывать от начальства найденные древности, наместник Кавказа распорядился выдавать за находки денежное вознаграждение. Воронцов назначил за каждую монету: за 2 серебряные весом по 4 зо-

¹³² ГАОО, ф. 1, оп. 249, д. 350, л. 26.

¹³³ Там же, л. 6—6 об.

¹³⁴ Ашик А. Б. Воспорское царство. Ч. 2. С. 17.

¹³⁵ ГАОО, ф. 1, оп. 249, д. 350, л. 1—6 об.

¹³⁶ Ашик А. Б. Воспорское царство. Ч. 2. С. 18.

¹³⁷ Герц К. К. Исторический обзор... С. 42—43.

¹³⁸ ГАОО, ф. 1, оп. 249, д. 350, л. 7.

лотника с долями (свыше 17.063 г), найденные близ Усть-Лабы, — по 1 р. серебром (2 р. серебром), за Пуленцовский клад — за золотые четыре с одинаковым весом по 3.5 золотника (14.93 г) — по 10 р. серебром (40 р. серебром), за 17 золотых весом по 2 золотника (8.532 г) каждая — по два червонца за штуку (34 червонца), всего 42 р. серебром и 34 червонца.¹³⁹ Таким образом, Пулинцов получил награду в размере 139 р. серебром.

Два года спустя секретарь ООИД Н. Н. Мурзакевич, по просьбе М. С. Воронцова обозре-
вавший Кавказский край «в антикварном отношении» (1847), пытался выяснить судьбу этих
монет: «В Усть-Лабе пробыл сутки для разведки о попадающихся здесь древних монетах: успел
приобрести только одну электровую Савромата IV. Неподалеку отсюда, где-то, есаулом Пу-
линцовым, искателем клада, было отыскано более 70 штук золотых монет пантикапейских и
кизикских статеров. Большая часть раскрадена рабочими, а часть разошлась по рукам: две
монеты пантикапейские (чрезвычайно редкие) и два статира успел выхлопотать у князя для
музея общества».¹⁴⁰

В упомянутом архивном деле сохранилась анонимная заметка, вероятно составленная сам-
им Пулинцовым, с описанием монет клада: «...на 11-ти изображена человеческая голова в
прямом положении, а на другой стороне грифон, держащий в зубах стрелу, и под ногами
пшеничный колос. На 6-ти изображена человеческая голова в боковом положении, а с другой
стороны грифон же с колосом и на всех 17-ти по три одинаковые буквы ПАН, и на последних
4-х: на первой с одной стороны сидящий человек и под ногами дельфин; на второй — сидящая
женщина и под ногами дельфин; на третьей — звериная голова иклами (с клыками. — И. Т.)
и по устами (так в документе. — И. Т.) дельфин; на четвертой — лев, стоящий на дельфине,
держащий в правой лапе трубу. А с другой стороны на всех 4-х монетах положены кресто-
образно знаки □. Первые 17-ть весу равного и все имеют 36.5 золотника, а последние 4 —
15.25 золотника. Итого 51.75 золотников».¹⁴¹

Два пантикапейских золотых и два кизикских электровых статера поступили в музей
ООИД, но опубликованы лишь две первые монеты, принадлежащие к ранним выпускам пан-
тикапейского золота, — на одной голова сатира повернута в профиль, на другой — в три
четверти, каждая весом по 9.05 г.¹⁴² Известно также, что две пантикапейские монеты кла-
да оказались в коллекции В. В. Кочубея, который тогда жил в Тифлисе,¹⁴³ одна в собрании
гр. А. С. Уварова (ныне в ГИМ), которая, возможно, попала к нему в 1848 г. во время пу-
тешествия по Таманскому полуострову. Согласно Э. И. Диаманту, монеты клада в большей
своей части в Тифлис так и не поступили, хотя это утверждение опровергают архивные до-
кументы. Многие монеты в конце концов попали в Эрмитаж, где присутствуют все три раз-
новидности пантикапейских золотых статеров из клада — с профильным изображением бо-
родатого сатира без венка, с изображением сатира в три четверти, с профильным изобра-
жением сатира в венке из плюща. Из четырех кизикинов три также оказались в Эрмитаже
(группы II—С и III—В по классификации Г. фон Фритце¹⁴⁴), один попал к А. А. Сибирскому
(группа II—А).¹⁴⁵

Так как Пуленцовский клад был расхищен, в разных публикациях и документах коли-
чество найденных монет варьируется — Мурзакевич писал более чем о 70 монетах, Аших —
о 24, Пулинцов во всех своих письмах — о 21, к которой впоследствии добавилась еще одна,

¹³⁹ Там же, л. 12 об.—13.

¹⁴⁰ Записки Н. Н. Мурзакевича // РС. 1888. Т. 59. Сент. С. 609.

¹⁴¹ ГАОО, ф. 1, оп. 249, д. 350, л. 25—25 об.

¹⁴² Диамант Э. И. Новые данные о Пуленцовском кладе золотых монет // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1971. Т. 4. С. 83—86.

¹⁴³ Кене Б. В. Описание музеума покойного князя Василия Викторовича Кочубея (составлено по его руко-
писному каталогу) и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, равно как царств:
Понтийского и Босфора Киммерийского. СПб., 1857. Ч. 1. С. 340. № 7—8, табл. III, 1—2. Кене ошибочно отнес
находку Пуленцовского клада к 1844 г., чем ввел в заблуждение Д. Б. Шелова (Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора
VI—II вв. до н. э. М., 1956. С. 132, 138), посчитавшего клады 1844 г. и 1845 г. разными. Шелов полагал, что они
были зарыты в 30-х или начале 20-х гг. IV в. до н. э.

¹⁴⁴ Fritze H., Gaebler H. Die Elektronprägung von Kyzikos // Nomisma. 1912. Hf. 7. S. 1—38 (№ 48, 82, 155, 177,
Taf. III, 1; V, 3; V, 25).

¹⁴⁵ Зограф А. Н. Античные монеты. С. 173; Диамант Э. И. Новые данные о Пуленцовском кладе золотых
монет. С. 83—86; Thompson M., Mørholm O., Kraay M. C. An Inventory of Greek Coin Hoards. New York, 1973.
P. 134. № 1013.

доставленная от фанаторийского воинского начальника в Тифлис при рапорте от 23 декабря 1845 г.¹⁴⁶

В апреле 1846 г. Воронцов «дозволил» Пулинцову продолжить раскопки по соглашению с А. Б. Ашиком, но за свой счет. Но «обширность места» раскопок, занимающего 16 аршин (11.37 м) ширины, 24 аршина длины (17.06 м), 29 аршин глубины (20.6 м) мало способствовала успеху (площадь раскопа Пулинцова составила около 194 м²). Есаул обратился за денежным пособием к Воронцову, намереваясь продолжить работы весной 1847 г., однако в январе или начале февраля того же года он скончался. Его вдова, Стифанида Пулинцова, оставшаяся с двумя детьми, ходатайствовала перед князем о материальной помощи. Наместник Кавказа распорядился передать ей 100 р. серебром.¹⁴⁷

Еще об одной находке говорится в рапорте наказного атамана Черноморского казачьего войска, генерал-майора Г. А. Рашпиля к директору канцелярии наместника Кавказского С. В. Сафонову от 11 июня 1846 г. «Один из жителей г. Екатеринодара» представил атаману монету, найденную «в окрестностях древней Фанатории на Таманском полуострове», а именно — на аверсе «лев, увенчанный звездой», на реверсе «грубое изображение цвета, по правую сторону буквы греческого алфавита ^{В. А.} Γ». ¹⁴⁸ Эта монета также была отправлена в Тифлис для помещения в нумизматическую коллекцию, учрежденную кн. М. С. Воронцовым.

Одесское общество истории и древностей по мере возможностей пыталось собирать информацию о таманских памятниках. В сентябре 1847 г. оно обратилось к наказному атаману Черноморского казачьего войска, генерал-майору Г. А. Рашпилю с просьбой передать в Одесский музей куски мраморных колонн с крестами и надписями, капители и карнизы, хранящиеся в ограде таманской церкви, но получило решительный отказ. Рашпиль мотивировал свое решение тем, что войско с момента переселения на Тамань охраняло древности «в виде благочестивого обета» как памятники древнего христианства и что многие памятники, найденные на своих землях, войско уже «уступило Керченскому музеуму и другим палеологическим учреждениям и частным антиквариям».¹⁴⁹

Корреспондент ООИД А. Ч. Крым-Ховаджи в донесении обществу от 15 ноября 1851 г. писал, что им «замечены» в 45 верстах (48 км) от ст. Тамань в татарской станице Ада (впоследствии хутор Татарский, современный Волна Революции), на хуторе казачьего офицера Султана Даурова камень с древнегреческой надписью (КБН 1017?), другой такой же — в 12 верстах (12.8 км) от Тамани на хуторе г-на Дьячевского. Общество постановило просить Крым-Ховаджи приобрести их для своего музея.¹⁵⁰ Первый камень был издан Ашиком, но его местонахождение уже Латышеву (1901) было неизвестно, второй, вероятно, также был вскоре утрачен и не попал ни в Керчь, ни в Одессу.

¹⁴⁶ ГАОО, ф. 1, оп. 249, л. 350, л. 18.

¹⁴⁷ Там же, л. 100—100 об., 104, 106.

¹⁴⁸ Там же, л. 51—52.

¹⁴⁹ Там же, ф. 93, оп. 1, д. 55, л. 88—88 об., 98—99.

¹⁵⁰ Там же, д. 3, л. 24.

ГЛАВА 16

СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ (ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА БОСПОРА)

16.1. АНАПА (ГОРГИППИЯ)

Турецкая крепость Анапа, построенная на месте древней Горгииппии, во время русско-турецких войн конца XVIII—первой трети XIX в. неоднократно переходила из рук в руки. Русские войска брали ее стены в 1791, 1807, 1809, 1828 гг. По Адрианопольскому мирному договору с Турцией 1829 г. Анапа с населением около 1500 жителей окончательно отошла к России.¹

В постройках генуэзской, а затем и турецкой крепости использовались камни из строительных остатков Горгииппии. Надписи, статуи, монеты, фрагменты архитектурных деталей обратили на себя внимание образованных русских офицеров. Антики попадали не только в частные собрания, но и в созданные к тому времени государственные музеи древностей.

Видимо, во время военных действий 1791 г. из Анапы в Севастополь была вывезена надпись, которую Э. Д. Кларк позднее переправил в Кембридж, сейчас она хранится в Музее Фицвильяма (КБН 1179).

В ноябре 1809 г. Главный командир Черноморского флота вице-адмирал Н. Л. Языков сообщил управляющему Морским министерством И. И. де Траверсе, что найденную в земле мраморную статую командующий корпусом во время взятия Анапы генерал-майор И. Д. Панчулидзе приказал доставить в Севастопольский порт. В следующем году ее должны были перевезти в Кабинет редкостей Черноморского депо карт в Николаеве. Там же хранились две турецкие надписи и карниз, также с турецкой надписью. В 1840 г. по распоряжению адмирала М. П. Лазарева эти памятники были переданы в музей ООИД.²

В Феодосийском музее уже в 1816 г. находились мраморный пьедестал статуи с посвяительной надписью Аристоники дочери Ксенокрита (КБН 14) и мраморная доска с фрагментом 22-строчной надписи с перечнем имен (КБН 1140).³ П. И. Кёппен, неоднократно посещавший Феодосию, снял копии и издал эти эпиграфические памятники.⁴

Только после окончательного присоединения Анапы к России начались эпизодические археологические исследования городища и окружающего его некрополя.

В июне 1833 г. директор Керченского музея А. Б. Ашик докладывал керченскому градоначальнику князю З. С. Херхеулидзе: «Как в Анапе предназначено воздвигнуть несколько казенных зданий и вероятно при раскапывании земли могут быть открыты какие-либо памят-

¹ *Tatbu de Marinny* Э. Извлечение из неизданного путешествия по берегам Черного моря в 1823, 1824 и 1825 гг. // ОВ. 1828. 14 апр. № 30. С. 126—127; *Кругликова И. Т.* Синдская гавань. Горгииппия. Анапа. М., 1977. С. 36—37.

² РГАВМФ, ф. 166, оп. 1, л. 4221, л. 9; [Мурзакевич Н. Н.] Коллекция древних памятников, присланная из Николаева // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 636.

³ *Латышев В. В.* К истории археологических исследований в Южной России: Из переписки А. Н. Оленина // ЗООИД. 1889. Т. 15. С. 111.

⁴ ФА РАН, ф. 30, оп. 1, л. 144, л. 79 об.—80; *Köppen P.* Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien, 1823. S. 78.

ники древности, кои имеют неразрывную связь с теми, кои открываются в Керчи, то впреду прежде, чтобы памятники сии не были разбиты, а надписи искажены, не угодно ли будет Вашему Сиятельству возложить на секретаря Анапской таможи г. Дубенского иметь внимательный надзор, чтобы могущие открыться в Анапе памятники древности не были подвергнуты истреблению и чтобы таковые были взяты под его смотрение, донося при том о всяком открытии Вашему Сиятельству. Для лучшего же в сем успехе не найдете ли Ваше Сиятельство полезным отнестись к Анапскому коменданту об оказании с его стороны пособия г. Дубенскому при исполнении изъясненного поручения». ⁵ Скорее всего Дубенский был лично известен Ашику, поэтому с помощью секретаря анапской таможи директор Керченского музея надеялся обогатить это хранилище древностей новыми находками.

Но не все памятники, находимые в Анапе, попадали в Керчь. В мае 1834 г. чиновник Министерства Имп. двора П. Шувалов по повелению Николая I передал начальнику I отделения Эрмитажа акад. Е. Е. Кёлеру золотую монету, найденную рядовым военно-рабочей роты № 33 Федором Крапивой при производстве земляных работ за крепостью Анапа. ⁶ П. Шувалов просил академика определить время чеканки и присоединить монету к нумизматическому собранию Имп. Эрмитажа. В 1836 г. «Ставропольской губернии трое анапских поселян нашли золотую древнюю греческую монету, весом два золотника [8.532 г]», которую сразу же приобрела Академия наук для своего музея «за 25% свыше внутреннего достоинства металла», а находшие ее получили в награду 8 р. 85 к. серебром. ⁷

Крупная коллекция древностей Горгипии поступила в Эрмитаж в 1838—1839 гг. и связана с довольно значительными раскопками 1837 г., проводившимися жандармским подполковником Гринфельдом.

В рапорте главноуправляющего Грузией Е. А. Головина к военному министру графу А. И. Чернышеву от 21 декабря 1838 г. сообщается: «Во время управления предместника моего здешним краем открыты при раскапывании курганов и найдены в гробницах в прошлом году в крепости Анапе корпуса жандармов подполковником Гринфельдом древние монеты и разные другие вещи. Все эти древности переданы мне генерал-адъютантом бароном Розеном и не были еще подносимы на благоусмотрение государя императора. Представляя на сей конец Вашему сиятельству любопытнейшие из них, вместе с ведомостями, имею честь почтительнейше присовокупить, что прочие древности, в особых 5 ящиках уложенные, будут мною отправлены в С.-Петербургскую Имп. Академию наук. Для усмотрения же Вашего Сиятельства считаю долгом приложить к сим древностям переданное мне бароном Розеном описание».

А. И. Чернышев сообщал Е. А. Головину, что император осмотрел присланные вещи и приказал остальные находки переправить не в Академию наук, а к министру Имп. двора, который назначит им место постоянного хранения. Военный министр подчеркнул, что императору «угодно, дабы древности, которые могут быть отыскиваемы в управляемом Вашим Превосходительством крае, были также отправлены в Министерство Имп. двора». ⁸

Раскопки жандармского подполковника Гринфельда в некрополе Горгипии носили явно антикварный характер, так как никакого их описания составлено не было. В Эрмитаж были присланы «Ведомости древних монет и медалей, найденных в крепости Анапе, в г. Тифлисе, в крепости Фанатории, в Таманском округе и в г. Керчи» и «Ведомость разным древним вещам, найденным в гробницах раскопанных курганов близ крепости Анапы, кои ныне при сем отправляются по почте в город Тифлис. 5 августа 1837 г.». Многие вещи во время пересылки были утрачены, вероятно украдены, некоторые разбились или сломались. Большинство из присланных в Эрмитаж монет Боспорского царства были найдены на Таманском полуострове. Гринфельд отправил из Анапы 3 золотых, 7 серебряных и 133 медные монеты.

Судя по ведомости вещей, Гринфельд раскопал довольно богатые захоронения. Он перечисляет многочисленные золотые «блестки», кольца, перстни, пряжки, пуговицы, бляшки; сердоликовые, халцедоновые и янтарные бусы и т. п.

⁵ АВ СПбФ ИВ, ф. 52, оп. 1, д. 82, л. 3 об.—4.

⁶ АГЭ, ф. 1, оп. I-1834, д. 4, л. 4.

⁷ ГА ИМК, ф. 6, л. 41; Пискарев А. Хронологическое обозрение пятидесяти подземных археологических находок в России с 1820 по 1850 год // ЗИАО. 1851. Т. 3. С. 82.

⁸ РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 12509, л. 1—2 об.

Обер-гофмаршал князь Н. В. Долгоруков просил К. Седжера, начальника I отделения Эрмитажа, сообщить, «какое достоинство имеют присланные вещи». В ответном рапорте говорится, что «в числе медалей находятся две золотые весьма любопытные и несколько бронзовых Босфорских парей, коих чеканка и эпоха доселе не были еще известны, и в Минц-кабинете Эрмитажа не имелись, что вообще все они весьма хорошо сохранены и что между старинными вещами есть два древних резных и другие предметы, весьма любопытные. По мнению моему, все означенные вещи могут быть оценены не менее 2000 р.»⁹

В 1839 г. Эрмитаж получил те 5 ящиков древностей, которые предназначались Академии наук, но по приказу Николая I были отправлены в Министерство Имп. двора. В двух из них содержались палеонтологические и минералогические коллекции, поступившие затем в Петербургскую Академию наук и Институт горных инженеров. «Кольчуга, от окиси слившаяся в три комка», была перелана в Царскосельский арсенал,¹⁰ а остальные древности оставлены в Эрмитаже. Среди них несколько мраморных фрагментов, в том числе обломки колонны и резного карниза, 3 надгробия, 2 «дощечки с греческой надписью», мраморная «доска с древней надписью времен царя Савромата III» (опубл. акад. Ф. Б. Грефе),¹¹ мраморная «рукомойная лохань», 2 глиняных светильника, 2 алебастровых сосуда и стеклянная «слезница».¹²

Следующий этап в изучении античных памятников Анапы связан с деятельностью ООИД. В навигацию 1840 г. член общества, нидерландский консул в Одессе Я. В. Э. Тетбу де Мариньи совершил несколько морских путешествий, в том числе к восточному побережью Черного моря. Общество снабдило его письмами к местной военной и гражданской администрации с просьбой содействовать поиску древностей.

У коменданта крепости Анапа полковника фон Бринкена Тетбу де Мариньи осмотрел и срисовал все найденные памятники. Важнейшими из них были «большой и богатый украшением кусок мрамора, составлявший часть памятника, найденного на равнине рядом с крепостью», медальон из листового золота с изображением Артемиды, двух «амуров», собаки, волка и дикой козы, 4 золотых перстня (два из них с геммами), 2 надгробия с изображениями женских фигур. На берегу моря «со стороны равнины, между камнями и разным дряглом» он нашел надпись с именем Тиберия. Изучив все доступные лапидарные памятники, Тетбу де Мариньи высказал предположение, что «Синдон или Синдик должны были находиться на месте нынешней Анапы».¹³ В последующие годы Тетбу де Мариньи неоднократно возвращался в Анапу, снял копии¹⁴ и опубликовал сведения о некоторых надписях (КБН 1188—1191, 1206, 1217). Одна из греческих надписей была найдена в 1842 г. в 25 верстах от Анапы к северу в Гастагайской станице.¹⁵ В январе 1845 г. по предложению Тетбу де Мариньи ООИД обратился к наместнику на Кавказе князю М. С. Воронцову «о испрошении... разных древностей, находящихся в крепости Анапа», для музея общества.¹⁶

Через 7 лет, в сентябре 1852 г., общество просило начальника Черноморской береговой линии вице-адмирала Л. М. Серебрякова приказать начальникам крепостей, расположенных на побережье, «все находящиеся в укреплениях древности и монеты препровождать в общество. Оно со своей стороны будет готово делать и денежные вознаграждения за доставленные древности и монеты, если цена за оные не будет слишком высока и если древности и монеты будут заслуживать ученого внимания».¹⁷ Хотя ответ Л. М. Серебрякова был положительным, однако сведений о получении обществом каких-либо археологических памятников из Анапы обнаружить не удалось. Аналогичное письмо было направлено коменданту города и крепости

⁹ АГЭ, ф. 1, оп. I-1839, д. 4, л. 3—5 об., 6—7 об., 10—11 об.; ф. 1, оп. VI-ЕІ, № 1, ч. 2в, л. 9—11 об., 23—24.

¹⁰ АГЭ, ф. 1, оп. I-1839, д. 4, л. 3, 7, 10.

¹¹ Graefe Fr. Inscriptiones aliquot graecae, nuper repertae // BS. 1842. Т. 9. P. 221—229 (КБН 1125, 1207—1211, 1218).

¹² АГЭ, ф. 1, оп. I-1839, д. 17, л. 2; ф. 1, оп. VI-ЕІ, д. 1, ч. 2, л. 9—11 об., 23—24.

¹³ Тетбу де Мариньи Я. В. Э. Находки древности на Абхазском берегу и около Кубани // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 628—629.

¹⁴ Бертэ-Делагард А. Л. Каталог карт, планов, чертежей, рисунков, хранящихся в музее Имп. Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1888. Сер. IV. № 121; ГАОО, ф. 93, оп. I, д. 2, л. 9; Тетбу де Мариньи Я. В. Э. Находки древности на Абхазском берегу...

¹⁵ ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 630. Ср.: АВ СПбФ ИВ, ф. 52, оп. 1, д. 10, л. 2.

¹⁶ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 2, л. 7—7 об.

¹⁷ Там же, д. 55, л. 199—200, 210.

Анапа полковнику П. И. Миронову, причем ООИД просило его приобретать и пересылать в Одессу древности за счет общества.¹⁸

В том же 1852 г. раскопки некрополя Горгиппии вел известный коллекционер боспорских монет, один из основателей Петербургского археолого-нумизматического общества князь А. А. Сибирский.¹⁹ В большом кургане близ города по дороге на Витязевку он открыл каменный склеп с полуцилиндрическим сводом.²⁰ Из найденных вещей опубликованы кольцо с сердоликом и золотая дужка фибулы.²¹

В бумагах В. Г. Тизенгаузена мною обнаружены сведения об открытии в сентябре 1853 г. сильно поврежденного торса мраморной статуи вышиной в 1 аршин (1.41 м). Скульптура была найдена при рытье канавы между госпитальными зданиями у главных ворот крепости Анапа. Статуя, скорее всего надгробный рельеф, представляла «женскую фигуру без головы, стоящую в углублении прямоугольной ниши, высеченной также из мрамора, которой уцелела только небольшая часть снизу и с правой стороны фигуры. Фигура одета в длинную тунику и завернута ниже пояса в пеллум, покрывающий левую ее руку. Правая рука ее отбита выше локтя. Рисунок ее довольно хорош, в отношении к частным размерам его и к правильности драпировки, но в нем, как в самой отделке статуи, не видно той непринужденности и красоты, которыми отличаются скульптурные произведения цветущей эпохи греческого ваяния». В 1855 г. памятник был перевезен в Керченский музей.²²

М. И. Ростовцев, И. Т. Крутликowa, Е. М. Алексеева²³ связывают начало археологического изучения Горгиппии с раскопками 1852 г. и 1859 г. князя А. А. Сибирского. Архивные материалы позволяют утверждать, что интерес к анапским древностям возник гораздо раньше — еще в конце XVIII в., а первые значительные раскопки антикварного характера провел в 1837 г. подполковник Гринфельд. В дальнейшем археологические исследования Анапы были связаны с деятельностью Одесского общества истории и древностей и Археолого-нумизматического общества в Петербурге. Работы Я. В. Э. Тетбу де Мариньи и князя А. А. Сибирского преследовали чисто научные цели и выявили перспективы дальнейшего изучения памятников Горгиппии.

16.2. НОВОРОССИЙСК И ГЕЛЕНДЖИК

Город Новороссийск был основан в 1838 г. как укрепление на месте разрушенной в 1812 г. русскими войсками турецкой крепости Суджук-кале, существовавшей с 1722 г. Ф. Дюбуа де Монпере, основываясь на сообщениях Страбона (Strabo., XI, 2,14) и Птолемея (Ptol., V, 8, 8; VIII, 25), локализовал на берегу Цемесской бухты греческий город Баты, отождествляемый с Патусом.²⁴

Я. В. Э. Тетбу де Мариньи, неоднократно посещавший эти места, также отождествил Баты с Новороссийском, расположенным на берегу самой глубокой бухты побережья. В июне 1840 г. он обнаружил здесь следы древней постройки и снял с них план, «потому что скоро не останется от нее ровно ничего: камни отсюда разбирают на постройку новых зданий».²⁵ Исследователь подчеркнул, что «курганы в постройке этой, представляющей род укрепления, незаметно, но их много к юго-востоку, поднимаясь отсюда к южному форту Новороссийска и оттуда к морю». К тому времени большое число курганов было уже раскопано из «любопытства» или уничтожено новыми постройками. Контр-адмирал Л. М. Серебряков продемон-

¹⁸ Там же, л. 201—201 об.

¹⁹ Catalogue des médailles du Bosphore Cimmérien précède d'étude sur l'histoire et les antiquités de ce pays par le prince A. Sibirsky. SPb., 1859. T. I. P. 237. Note 7.

²⁰ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 296; ОАК. 1881. С. 111.

²¹ ДБК. Атлас. Табл. XV, 7; XXIV, 1.

²² АВ СПбФ ИВ, ф. 52, оп. 1, л. 82, л. 6—6 об.

²³ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. С. 296; Крутликowa И. Т. Синдская гавань... С. 39; АГСП. С. 82. Показательно, что в последней монографии Е. М. Алексеевой (Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. М., 1997) об истории археологического изучения Горгиппии в XIX в. не сказано ни слова.

²⁴ Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie, en Crimée. Paris, 1839. Vol. I. P. 167.

²⁵ E. T. de M. Géographie // Journal d'Odessa. 1828. 27 oct./8 nov. № 86. P. 369—370; Тетбу де Мариньи Я. В. Э. Находки древности на Абхазском берегу... С. 629.

строирвал Тетбу де Мариньи найденные в них вещи — амфоры, «урны», «маленькую бутылочку из белого стекла и несколько домашней утвари из меди и железа», «сабельные клинки, сильно заржавевшие и согнутые вдвое, чтобы можно было их засунуть в урны», остатки кольчуги и т. п. Л. М. Серебряков уверял, что, несмотря на широкий масштаб грабительских раскопок, в Новороссийске и вокруг города не было найдено ни одной монеты. Однако перед самым отъездом Тетбу де Мариньи адмиралу была представлена одна «ржавая» монета, на которой «ничего нельзя было разобрать». До Тетбу де Мариньи дошли сведения, что какой-то инженерный офицер нашел здесь «много разных драгоценностей, в том числе монеты и надписи».²⁶ Судя по описанию курганных находок, были раскопаны не только античные, но и средневековые памятники. В. Г. Тизенгаузен, ссылаясь на документы архива Эрмитажа, упоминает, что в Новороссийске не позднее 1841 г. «при рытии рва найдено 16 серебряных римских монет», которые были рассмотрены Н. Н. Мурзакевичем и оказались монетами Антонина Пия, Коммода, Луция Вера, Фаустины и Юлии Домны.²⁷

По предложению Я. В. Э. Тетбу де Мариньи в январе 1845 г. ООИД обратилось к М. С. Воронцову с просьбой передать найденные в Новороссийске древности в музей общества, а в сентябре 1852 г. с аналогичным предложением — к начальнику Черноморской береговой линии вице-адмиралу Л. М. Серебрякову.²⁸ Скорее всего, все эти археологические памятники попали в музей ООИД.

На побережье Геленджикской бухты предположительно локализуется античный Торик, о котором упоминает Перипл Псевдо-Скилака (Ps.-Skyl., 76). Ф. Дюбуа де Монпере обследовал окрестности бухты, описал ее достопримечательности, составил карты, на которых указал археологические памятники — «черкесские» курганы и остатки древних построек. Руины последних он принял за следы Торика и отождествляемого с ним города Пагры, о котором сообщают периплы Арриана и Анонима (Арт. РРЕ, 18; Анон. РРЕ, 60).²⁹ Ту же точку зрения разделял и А. Б. Аших.³⁰ Князь А. А. Сибирский, Ф. К. Брун, позднее И. Б. Брашинский помещали порт Пагра в Геленджикской бухте.³¹ Его памятники расположены между грядой Маркхота и центральной частью побережья бухты. С тех пор вплоть до 1960-х гг. почти никто специально не занимался поисками античных памятников в районе Геленджика.³² Слабая археологическая изученность региона до сих пор оставляет дискуссионным вопрос о локализации здесь античных населенных пунктов, упоминаемых письменными источниками.

Нельзя не принять вывод Н. А. Онайко, что история исследований античных городов юго-восточной окраины Боспора сравнительно бедна событиями.³³ Это объясняется, во-первых, нестабильной военно-политической ситуацией в регионе в конце XVIII—первой трети XIX в., во-вторых, тем обстоятельством, что он вошел в состав Российской империи на 50 лет позднее, чем другие причерноморские земли, и, в-третьих, удаленностью от основных научных и культурных центров страны. В целом этапы исследования памятников соответствовали традиционной схеме — местные древности сначала привлекали внимание военных офицеров, начавших колонизацию региона, затем археологических обществ в Одессе и Петербурге. Однако работы научного характера носили эпизодический характер и не внесли существенного вклада в дело изучения античных памятников региона.

²⁶ Тетбу де Мариньи Я. В. Э. Находки древности на Абхазском берегу... С. 629—630.

²⁷ АВ СПбФ ИВ, ф. 52, оп. 1, л. 10, л. 2. См.: Кроноткин В. В. Клады римских монет на территории СССР. М., 1961. С. 39. № 7.

²⁸ ГАОО, ф. 93, оп. 1, л. 2, л. 7—7 об.; л. 55, л. 199—200.

²⁹ Dubois de Montpéroux F. 1) Voyage autour du Caucase... Vol. 1. P. 166; 2) Voyage au Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Atlas. Neuchatel; Paris, 1843. I Sér. Pl. II, IV.

³⁰ Аших А. Б. Воспорское царство. Одесса, 1848. Ч. 2. С. 15.

³¹ Catalogue des médailles du Bosphore Cimmérien... P. 26; Брун Ф. К. Восточный берег Черного моря по древним периплам и компасным картам // ЗООИД. 1875. Т. 9. С. 420; Брашинский И. Б. К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 64—65. Подробнее см.: ГПШАЭ. С. 207, 281.

³² Онайко Н. А. Архаический Торик: Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. С. 6.

³³ Там же. С. 6.

НИЖНЕЕ ПОДОНЬЕ И ПРИАЗОВЬЕ

Древности Нижнего Подонья и Приазовья заинтересовали ученых и военных специалистов, находящихся на русской службе, с конца XVII—начала XVIII в., со времен Азовских походов Петра I (1695—1697). Стимулом к их изучению послужило стремление к возвращению власти России над Азовом, отошедшим к Османской Порте в 1711 г. Город был окончательно присоединен к России лишь по Кучук-Кайнарджийскому мирному договору с Турцией 1774 г.

Одной из загадок древней географии Нижнего Подонья и Приазовья являлся вопрос о местоположении древнегреческого города Танаиса. Акад. Г. З. Байер еще в сочинении «Азов при генуэзцах, татарах и турках»,¹ направленном в Архив Конференции АН 16 июля 1736 г., и в «Кратком описании всех случаев, касающихся до Азова, от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу» (1-е изд. СПб., 1738) писал: «Шарден² объявляет в своих путешествиях, будто Азов стоит в 15 итальянских милях расстоянием от реки... Но я не знаю, что бы Шардена в такое мнение могло привести. Хотя мне того доказать и нельзя, что город Танаис совершенно на том месте стоял, где ныне находится Азов; однако ж с меня довольно и того, что он построен был недалеко оттуда».³ С тех пор соотношение Азова с античным Танаисом и средневековой Таной в русской историографии XVIII—середины XIX в. стало традиционным (об их тождестве, например, писал Н. М. Карамзин в 1815 г.⁴). Говоря об освоении греками устья Танаиса (Дона), Байер подробно анализирует античную, византийскую и восточную нарративные традиции, затрагивает вопрос о характере греческой колонизации.

В мае 1737 г. президент Академии наук И. А. Корф представил Конференции поступившее из Азова письмо от 17 апреля 1737 г. на французском языке от генерал-фельдмаршала П. П. Ласси «относительно исторических особенностей этого города» и составленное им описание Азова, отождествляемого с античным Танаисом и средневековой Таной, на немецком языке объемом в один авторский лист.⁵ В посвященном императрице Екатерине II рукописном труде офицера армии принца Л. Ж. Конде Дюбуа (Du Bois) «Recherches faites sur la partie

¹ ПФА РАН, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 101—101 об. См. также: Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. СПб., 1897. Т. 1. С. 286.

² Жан Шарден (Chardin Jean, 1643—1713), французский путешественник, исследователь Персии, Мингрелии, Грузии, Индии и других стран Востока, автор известного труда «Journal du voyage du chevalier Chardin en Perse et aux Indes orientales par la mer Noire et par la Colchide» (Amsterdam, 1711. «Лучшее издание» в 10 томах, с примечаниями «Ланглеса и атласом рисунков Грело» вышло в 1811 г.).

³ Цит. по: Байер Г. З. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова, от создания сего города до возвращения оного под российскую державу / Пер. с нем. И. Тауберта. 3-е изд. СПб., 1782. С. 5.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 32.

⁵ ПФА РАН, ф. 1, оп. 1, л. 7, л. 233; Протоколы заседаний Конференции... Т. 1. С. 390—391.

occidentale du gouvernement d'Asoph, qui est firmée le long de la Mer» (Исследование западной части Азовской губернии, расположенной вдоль моря), датированном 2 октября 1794 г. античный Танаис также локализован на месте современного Азова.⁶

Натурное обследование Нижнего Подонья после акад. Г. Ф. В. Юнкера (см. гл. 1) продолжил почти через сорок лет акад. И. А. Гюльденштедт. В июле 1773 г. он приехал в Черкасск, а затем в Азов. Гюльденштедт полагал, что древнегреческий город Танаис когда-то находился на Левобережье Дона в районе Азовской крепости: здесь он увидел известняковую стену, камень из которой использовался при строительстве церкви в Новочеркасске. «В окрестностях Азова, — писал академик, — при раскопках открывают чрезвычайно много человеческих костей, а внутри крепостных верков часто случается находить сосуды с деньгами». ⁷ Комендант крепости передал ему несколько монет, найденных в какой-то «кружке». Все они оказались серебряными, «отчасти христианскими, отчасти магометанскими или татарскими» и были пожертвованы церкви. Гюльденштедт впоследствии собирался сличить их с нумизматическим собранием Кунсткамеры. По дороге в Ростов-на-Дону ученый описал Пятибратнюю группу курганов, а затем постоянно фиксировал многочисленные могильные насыпи, отмечая наличие или отсутствие креpidы, подробно описывал каменные бабы.⁸

В 1800 г. Нижнее Подонье посетил английский профессор Э. Д. Кларк, уделивший основное внимание поискам следов древнего Танаиса по всему восточному рукаву Дона. Путешественнику бросилась в глаза величина Пятибратних (Елизаветовских) курганов, принятых им за «жертвенники Александра Македонского», к которым он, однако, не смог подъехать вплотную.⁹ Кларк упомянул о раскопках кургана со сводчатым каменным склепом близ Таганрога и добавил, что найденные в нем вещи расхищены.¹⁰ В Черкасске в доме генерала Орлова он осмотрел два мраморных столба, привезенных из Цимлянской станицы (древний Саркел).¹¹ Профессор тщетно искал Танаис на Левобережье Дона и на месте Азовской крепости. Опросы офицеров и местных жителей ни к чему не привели. По мнению Кларка, только широкие археологические исследования на месте цитадели могли привести к открытию древностей. Кларк предположил, что Танаис, возможно, локализуется на правом берегу Мертвого Донца у селения Синявка, куда он сам доехать не смог.¹²

Нижнее Подонье и Приазовье, входившие в область Войска Донского, были богаты археологическими памятниками различных исторических эпох. К началу XIX в. у образованных слоев казачества стали появляться первые частные собрания древностей. Окрестности городища древнего Танаиса у слободы Недвиговка были заселены в 1796 г.¹³ Владельцами этих земель были Дмитрий Мартынович (1729/1730—1810) и Андрей Дмитриевич (1757/1760—1815) Мартыновы.¹⁴ Первый, Д. М. Мартынов, дослужился до чина генерал-майора и свыше 20 лет занимал должность постоянного судьи Войскового гражданского правительства. Его сын А. Д. Мартынов, генерал-лейтенант, соратник наказного атамана М. И. Платова и его заместитель (1807—1810), один из героев Отечественной войны 1812 г. и участник заграничного похода русской армии. По сообщению их внука и сына А. А. Мартынова, они собрали значительную коллекцию древностей. Собрание Мартыновых состояло из эпиграфических памятников, керамики, монет, вымываемых дождем и найденных на поверхности земли. Здесь хранилась найденная на Цимлянском городище «часть каменной гранитной колонны» с гетуэзской надписью. Среди бумаг отца А. А. Мартынов обнаружил список с надписи, найденной на городище Танаиса.¹⁵

⁶ ИР ЦНБ, V. 1190, л. 14.

⁷ Дневник путешествия в Южную Россию академика С.-Петербургской Академии наук Гильденштедта в 1773—1774 гг. / Пер. с нем. М. Шугурова // ЗООИД. 1879. Т. 11. С. 200.

⁸ Там же. С. 201, 205—206, 219—220, 222.

⁹ *Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Pt. I: Russia, Tahtary and Turkey.* 4 ed. London, 1816. Vol. 1. P. 411—413.

¹⁰ *Ibid.* P. 440—441.

¹¹ *Ibid.* P. 359.

¹² *Ibid.* P. 414—417.

¹³ Записки о войске Донском полковника Алексея Андреевича Мартынова (1842—1847) // Дон. 1887. № 11. С. 18.

¹⁴ Черняев Н. П. А. А. Мартынов и его археологические записки // ЗСКОАИЭ. 1926. Кн. 1. Вып. 5—6. С. 42—43; Королев В. Н. Алексей Андреевич Мартынов // Донская археология. 1998. № 1. С. 64.

¹⁵ Записки о войске Донском... № 12. С. 15—16.

Владельцы Недвиговки пытались понять функциональные назначения найденных древних вещей. «При жизни еще деда и отца моего, — вспоминал А. А. Мартынов, — открыто было..., в малом возвышении, недалеко от рва и вала, вроде жилого, помещение, сложенное из камня, с аркою над дверью, в котором были две амфоры, наполненные чешуею карпов, именуемых на Дону сазанами, величиною и конструкцией большего размера, нежели теперь на этой рыбе имеются; из коих чешуй, на всех почти, в прительной их оконечности, имелись просверленные дырочки, довольные для пронятия значительной толщины ниткою или дротом, и эти чешуи, по мнению деда и отца моего, служили к составлению из них броней или лат, чему ими и произведен был опыт, через нашивку на квадратное в две четверти сукно, вроде того расположения, как делаются теперь чешуйчатые металлические вещи, и по видимым изображениям на картинах чешуйчатых лат. Поясненная нашивка оказалась почти непроницаемою холодному оружию; но где все это подето, не ведаю [...]. Амфоры были из глины красного обжига, яйцеобразные и с ручками».¹⁶ Рисунки этих древностей приложены к рукописи записок Мартынова.

Согласно сообщению историка, академика Петра Григорьевича Буткова (1775—1857), по поручению П. С. Палласа, Недвиговское городище специально осматривал знакомый естествоиспытателя, таганрогский помещик Григорий Иванович Коваленский, о чем последний сам сообщил Буткову в 1812 г. «Там видимы были тогда каменные погребя и находимы были монеты золотые, серебряные и медные. Владелец слободы Недвиговки, генерал-лейтенант Андрей Дмитриевич Мартынов из добытых в том городище монет уделил в 1806 г. в кабинет Черкасской гимназии одну золотую, 14 серебряных и 10 медных, как уведомил нас в 1823 г. бывший тогда директор той гимназии подполковник Попов, с присылкою отпечатка. Золотая, величиною в русский полуимпериал, представляет Реметалка, царствовавшего в Боспоре 132—155 гг. по Р. Х.; на серебряных и медных заметны на одних изображения пеших и конных войнов, на других человеческие головы, гербы и арабские буквы».¹⁷

В октябре 1823 г. и в апреле 1824 г., следуя из Одессы в Саратов и обратно, Нижнее Подонье и Приазовье дважды объехал И. А. Стемпковский.¹⁸ В документах Одесского общества сохранились его рисунки трех каменных баб близ Тягинской станицы, в степи между Таганрогом и Мариуполем (срисованы 18 июня 1820 г. и 21 июня 1823 г.), а также рисунок статуи, изображающей мужчину на так называемых Четырех курганах в 5 верстах от Токмакской могилы (срисована 19 июня 1820 г.).¹⁹ Стемпковский обследовал берега устья Дона с целью поиска следов древнего Танаиса, который был им верно локализован на городище близ слободы Недвиговки, расположенном вблизи дороги Таганрог—Ростов—Новочеркасск и в 10 верстах от моря на берегу Донца. «Тут, на возвышенном и крутом берегу реки, — писал он И. П. Бларамбергу, — нашел я следы акрополи или цитадели, весьма сходной с ольвийскою, но немного поменьше; укрепление сие окружено глубоким рвом и в некоторых местах, на валу, кучами земли и камней, показывающими основания башен. Повсюду разбросаны: обломки древних глиняных остроконечных сосудов с ручками, называвшихся амфорами, и обыкновенно находящихся везде, где греки имели свои поселения; а за рвом вся окрестность, на далекие расстояния, покрыта ямами, кучами земли и золы (следы бывшего жилья), равно множеством больших и малых курганов, подобно как и окрестности Ольвии и Пантикапеи... По всем сим чертам невозможно не признать развалин сих остатками древнего греческого города, и сей город не может быть иной, как Танаис».²⁰ В специальной записке «О развалинах Танаиса», адресованной М. С. Воронцову, И. А. Стемпковский уточнил, что городище находится на западной окраине села Недвиговка.²¹ Исследователь справедливо охарактеризовал Танаис

¹⁶ Там же. № 11. С. 20—21.

¹⁷ О местности города Танаиса или Азова: Из рукописей покойного П. Буткова // Древности: Тр. МАО. 1873. Т. 3. С. 164.

¹⁸ Стемпковский И. А. 1) О местоположении древнего города Танаиса: (Открытие из письма к И. П. Бларамбергу) // ВЕ. 1824. Февр. № 4. С. 251—259; 2) Второе письмо о местоположении древнего города Танаиса // ВЕ. 1824. Дек. № 23. С. 190—202. Перевод: Два письма Стемпковского к Бларамбергу о местоположении древнего города Танаиса // Прописки. 1854. Кн. 4. С. 387—395.

¹⁹ ИР ЦНБ, V, 1040, л. 15, 28. В том же деле помещены рисунки каменных баб, выполненные статским советником Компанейшиковым из Екатеринославской губ. (л. 9—14), В. В. Капнистом (л. 29—30) и П. Н. [Пли]тичем из Таганрога (л. 38 об.—42).

²⁰ Два письма Стемпковского... С. 388—389.

²¹ ИР ЦНБ, V, 1043, л. 2 об.

как «одни из знатнейших складочных мест для торговли греков с обитавшими вокруг варварскими народами».²²

Из Ростова И. А. Стемпковскому прислали две монеты, найденные, по словам О. О. Гонзалеца, на Недвиговском городище, — золотой статер и медный двойной денарий Савромата II.²³ Находки монет позволили антикварию сделать вывод, что «Танаис не был совершенно разорен царем Полемоном... и был возобновлен и обитаем воспорскими греками даже до времен Антонинов...». Среди случайных находок в других местах Стемпковский упоминает золотой статер Евпатора, найденный в Ростове после сильного дождя на берегу Дона, и обломки древнегреческой керамики близ Аксаа.²⁴

Обезьяна низовья Дона, Стемпковский отметил выдающиеся курганные группы — Пять Братев у Щучей или Елизаветовской станицы, Два Брата на Левобережье Дона в 20 верстах у Азова; городища — у Гниловской станицы и при устье речки Сухой Чалтур. На последних часто находили древнегреческие монеты и фрагменты керамической тары. «Монеты... и глиняные сосуды греческой работы, — прозорливо писал И. А. Стемпковский, — могли быть в употреблении и у скифов... производивших торги с греками; следовательно, не должно полагать, чтобы везде там были греческие селенья, где отыскиваются подобные монеты и обломки сосудов».²⁵ Открытое Стемпковским Сухо-Чалтырское городище I в. до н. э.—III в. н. э. было исследовано только через 150 лет.²⁶

В апреле 1823 г. в Таганроге Иван Алексеевич осмотрел шесть древних обезглавленных скульптур, судьба которых заинтересовала известного донского краеведа Б. В. Лунина. Среди бумаг И. А. Стемпковского мне удалось обнаружить его записку от 10 июня 1824 г. (документ № 13), с более подробным описанием памятников, чем в опубликованном письме к И. П. Бламбергу,²⁷ которым располагал Б. В. Лунин.²⁸

Записка была написана Стемпковским специально для М. С. Воронцова. В делах канцелярии новороссийского генерал-губернатора хранится короткая анонимная записка от 10 июня 1825 г., с кратким пересказом обстоятельной записки И. А. Стемпковского и предложением передать памятники в Керченский музей.²⁹ О том же Стемпковский писал Кёппену 27 июня 1824 г. из Одессы: «Проезжая прошлого года по берегам Дона, я успел отыскать следы *древнего Танаиса*, довольно еще видные. Замечания мои по сему вы найдете в *Вестнике Европы*, февраль 1824, № 4. Возвращаясь ныне в Одессу (из Саратова. — И. Т.), я вновь останавливался на устьях Дона, и новые разыскания подтвердили прежнее мое открытие: хочу послать о сем новую статью г-ну Каченовскому. [...] Можно ли надеяться нам увидеть вас скоро в здешних краях; не буду говорить вам, сколь бы приятно было мне вместе с вами стараться о новых изысканиях, и о спасении от разрушения, или всегдашнего забвения, слабых остатков Греческого величия на берегах Евксинских! Ваши познания, ваше неунынное рвение, ободрили бы и мой ослабевший дух. Одному бороться противу множества преград почти невозможно; особливо без способов, без подпоры *свыше*. В проезд мой чрез Таганрог видел я там обломки прекрасных греческих статуй из белого мрамора, резца изящнейшего; они валяются среди улицы, на открытом небе, и никто не мог мне даже сказать, где найдены сии любопытные остатки древности, откуда привезены? Быть может, из *Танаиса*?».³⁰

Через месяц гр. Воронцов приказал таганрогскому градоначальнику отправить статуи в Керчь морем на казенном или купеческом судне, а для «выкапывания» их из земли «употребить арестантов», но наблюдать, чтобы работы производились осторожно, «дабы не разбить мрамора». М. С. Воронцов просил керченского градоначальника проследить за получением

²² Два письма Стемпковского... С. 387.

²³ Типы см.: Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. № 561, 622.

²⁴ Два письма Стемпковского... С. 389, 395. Тип монеты см.: Анохин В. А. Монетное дело Боспора. № 583.

²⁵ Два письма Стемпковского... С. 395.

²⁶ Шелов Д. Б. Сухо-Чалтырское городище // ВДИ. 1953. № 2. С. 188—192; Кругликова И. Т. Работы Сухо-Чалтырского отряда Нижне-Донской экспедиции // Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974. Т. 2. С. 173—185.

²⁷ Два письма Стемпковского... С. 394.

²⁸ Лунин Б. В. К вопросу о судьбе шести статуй, виденных И. А. Стемпковским и П. П. Свиным в г. Таганроге, в 1824—1825 гг. // ЗСКОАИЭ. 1929. Т. 3. Кн. 1. Вып. 5—6. С. 25—39.

²⁹ ИР ЦНБ, V, 1234, л. 25.

³⁰ ПФА РАН, ф. 30, оп. 3, д. 282, л. 6 об., 7 об.

скульптур и «бережно сохранить [их] в каком-нибудь строении или закрытом месте» вплоть до открытия местного музея.³¹

Документально подтверждено, что статуи были довезены до Керчи. Ф. Ф. Вигель писал, что в местном музее хранятся «лять или шесть колоссальных мраморных торсов».³² Впоследствии И. П. Бларамберг пытался поменять четыре из них на барельеф с изображением грифона из Пантикалея, хранившийся в Феодосийском музее древностей.³³ Однако обмен не состоялся из-за сопротивления хранителя Феодосийского музея доктора И. И. Граперона (см. гл. 4.3).

В письме к Бларамбергу И. А. Стемпковский с удивлением отмечает, что ни один из посещавших Таганрог путешественников XVIII—первой четверти XIX в., в том числе профессор Э. Д. Кларк, об этих памятниках не упоминает. Действительно, ряд просмотренных мной публикаций и рукописных источников о Таганроге того времени умалчивают о статуях. Ни единого слова о них нет и в «Путевых заметках в поездке к кавказским минеральным водам в 1823 г.» А. Я. Фабра, впоследствии действительного члена ООИД. Фабр приехал в Таганрог 7 июня и покинул его на следующий день. К его сочинению приложен красочный план города, рисунки горских гробниц, копии надгробных надписей, так что оставить без внимания подобные памятники он бы не смог.³⁴

Единственное свидетельство, подтверждающее рассказ И. А. Стемпковского, содержится в описании археологического путешествия 1825 г. по России П. П. Свинына: «...В Таганроге, пред старинным домом адмиралтейства, на крутом берегу, возвышающемся над прежним портом Петра Великого, находятся шесть колоссальных статуй, представляющих мужские и женские фигуры в древней греческой одежде, из коих четыре принадлежат к лучшим временам греческого искусства. Быв обезглавлены, они доказывают, что пострадали от невежественной руки мусульман, почитающих долгом своей веры отбивать головы у всех статуй, ими встречаемых. К сожалению, никто не мог сказать мне, откуда и когда взяты сии статуи? Всего вероятнее, что они найдены в Танаисе и украшали дворец Петра I (Воронежский), любившего изящные искусства».³⁵ В специальной статье Свинына о Таганроге, вышедшей в том же году, о статуях не упоминается вообще.³⁶

Текстуальные совпадения в опубликованных работах Свинына и Стемпковского, подчеркнутые Б. В. Луниным,³⁷ объясняются тем, что ряд известных корреспонденций П. П. Свинына о городах юга России, изданных в 1826—1830 гг. в «Отечественных записках», содержит правку и вставки историко-археологического характера, принадлежащие перу Стемпковского. Это доказывает письмо Стемпковского Свиныну от 26 октября 1828 г., где Иван Алексеевич извиняется, что не сумел быстро вернуть журналисту его путевой дневник по Новороссийскому краю: «Вообразите, что рукопись ваша давным давно читана, перечитана, и даже, по позволению вашему, снабжена некоторыми заметками».³⁸

Б. В. Лунин, посвятивший скульптурам специальную статью, считал, что они привезены в Таганрог из Азова, куда скорее всего они могли попасть из Недвиговки, так как Азовская крепость строилась из камня, ломавшегося на городище Танаиса.³⁹ Однако он ошибался, полагая, что две скульптуры были высечены из простого камня и являлись широко распространенными в тех местах каменными бабами. Это утверждение опровергается рукописной запиской И. А. Стемпковского М. С. Воронцову. Лунину не удалось найти сведений о дальнейшей судьбе статуй — в 1929 г. Керченский и Одесский музеи сообщили исследователю, что в их фондах скульптуры не числятся, и в архивных материалах данных о них нет.⁴⁰

Сведения о статуях были обнаружены мною и в архивных документах, и в книгах путешественников первой половины XIX в. Ф. Дюбуа де Монпере, описывавший Керченский

³¹ ИР ЦНБ, V, 1240, л. 31—32.

³² Вигель Ф. Ф. Записка о Керчи // Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1893. Ч. 7. С. 53.

³³ ИР ЦНБ, V, 1224—1516, л. 135—135 об.

³⁴ Там же, V, 662-665, л. 17—83 об. План Таганрога см. между л. 23—24.

³⁵ Свинын П. П. Обзорение путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 г., относительно археологии // ОЗ. 1826. Ч. 25. Кн. 70. С. 216.

³⁶ Свинын П. П. Таганрог // ОЗ. 1826. Ч. 25. Кн. 69. С. 3—18; Кн. 71. С. 422—439.

³⁷ Лунин Б. В. К вопросу о судьбе шести статуй... С. 31.

³⁸ ОР РНБ, ф. 679, оп. 1, л. 115, л. 9.

³⁹ Лунин Б. В. К вопросу о судьбе шести статуй... С. 33.

⁴⁰ Там же. С. 38.

музей в 1832 г. и 1834 г., сообщают: «Помещены также в музее *четыре торса, привезенные из Малой Азии в Таганрог в виде балласта* (курсив мой. — И. Т.). Градоначальник Стемповский их выпросил для Керчи; трое из них весьма посредственной работы; четвертый изображает Юнону из паросского мрамора. Этот единственный достоин некоторого внимания».⁴¹ У Дюбуа де Монпёре упоминаются только четыре статуи. Были ли перевезены в Керчь пятая и шестая скульптуры, неизвестно.

Итак, в литературе существуют две версии о происхождении статуй. Как мне представляется, гипотеза об их находке на городище Танаиса неубедительна. Доказательством этому служит отсутствие упоминаний о них как в трудах путешественников, прежде всего Э. Д. Кларка, так и в записках владельца Недвиговки А. А. Мартынова. К сожалению, в рапортах местного градоначальника нет сведений об их происхождении.⁴² Поиски необходимо вести в архивных материалах Таганрогского порта. При характеристике мраморов Керченского музея А. Б. Ашик их не упоминает, возможно, потому, что они были не боспорского происхождения.⁴³ Правда, в рукописном каталоге музея на 1 января 1848 г. в отделе «Памятники мраморные» имеется следующая запись: «№ 12—15. Четыре мраморных торса. Присланы в 1829 г. из Таганрога. Сколько известно, торсы эти найдены были близ развалин Танаиса».⁴⁴

Ашик приступил к заведованию музеем после смерти И. П. Бларамберга и И. А. Стемповского, поэтому достоверно знать происхождение памятников и время их поступления в музей он не мог. Вероятно, одесским антиквариям все же удалось получить сведения о том, каким образом скульптуры попали в Таганрог, иначе совершенно необъяснимо предложение Бларамберга об обмене одного пантикапейского барельефа Феодосийского музея на целых четыре скульптуры, к тому же якобы боспорского происхождения. Если бы они были найдены в Танаисе, И. П. Бларамберг вряд ли бы пошел на такой обмен. В 1851—1852 гг. часть экспонатов Керченского музея была перевезена на хранение в Эрмитаж. Однако в одном из первых печатных каталогов петербургского собрания «Древностей Боспора Киммерийского» описание этих статуй отсутствует.⁴⁵ Дальнейшая судьба скульптур неизвестна. Возможно, памятники оставались в Керченском музее вплоть до Крымской войны, а затем были вывезены оккупантами за пределы России.

Поисками археологических памятников на землях Войска Донского занимались не только проезжие путешественники. П. П. Свиньин оставил свидетельства о деятельности нескольких коллекционеров древностей и археологов-дилетантов. В станице Есауловке у войскового старшины Льва Яковлевича Лукьянова он осматривал собрание «курганной вещи», и в их числе «небольшие глиняные урны, с оттисками разных фигурок на дне, кои находят на груди скелетов» (вероятно, имеется в виду чернолаковая керамика со штампованным орнаментом и рельефными медальонами. — И. Т.). Л. Я. Лукьянов отправил в МОИДР монету, считая ее чеканенной при одном из Савроматов. Председатель общества А. А. Писарев посвятил монете специальную статью с доказательством ее принадлежности Марии Отацции, жене Филиппа I Араба.⁴⁶ В Новочеркасской гимназии было создано собрание редкостей, где, помимо палеонтологических и минералогических, хранились и археологические коллекции, в том числе камень с греческой надписью и крестом, «найденный на одном городище по Аксаю». Многочисленные каменные бабы были «свезены на степную дорогу с разных могильных курганов, где они были крепко утверждены в землю и обращены лицом к востоку, вместо столбов, и, служа вехами, показывают вместе с тем степень художеств гунов, команов или половцев,

⁴¹ Dubois de Monpèreux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchidé, en Géorgie, en Arménie, en Crimée. Paris, 1843. Vol. 5. P. 231.

⁴² Лукин Б. В. К вопросу о судьбе шести статуй... С. 35—36.

⁴³ Ашик А. Б. Воспорское царство. Одесса, 1849. Ч. 3. С. 51—59.

⁴⁴ АГЭ, ф. 1, оп. I-1848, л. 35, л. 14. В фонде А. С. Уварова сохранился каталог древностей Керченского музея на французском языке, составленный, вероятно, Ашиком не позднее 1848 г. В разделе мраморов есть запись: «Quatre torse en marbre (apportés en 1829 de Taganrog; trouvés dit-on près des ruines de Tanais)». См.: ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, л. 194а, л. 152.

⁴⁵ Жиль Ф. А. Музей Императорского Эрмитажа: Описание различных собраний, составляющих музей с историческим введением об Эрмитаже императрицы Екатерины II и о образовании музея нового Эрмитажа. СПб., 1861. С. 231—301.

⁴⁶ Писарев А. А. Замечание о медали, найденной близ Азовского моря (в 1823 году) // Тр. и записки МОИДР. 1826. Ч. 3. Кн. 1. С. 138—142.

кочевавших на всем неизмеримом пространстве сих мест».⁴⁷ В те же годы историей и археологией края занимались корнет В. Д. Сухоруков,⁴⁸ полковник Х. П. Кирсанов, есаул Е. Н. Кательников, выпускник Харьковского университета М. Г. Кучеров, сотник А. К. Кушнарв (у Свиньина ошибочно назван как Куркашев) и председатель Межевой комиссии «курганограф» В. М. Пудавов, поручавший землемерам топографическую съемку курганов и городищ.⁴⁹

Декабрист *Василий Дмитриевич Сухоруков* (1794?—1841) родился в г. Черкасск в семье сотника, «из обер-офицерских детей», учился в Новочеркасской войсковой гимназии (1812), выпускник Харьковского университета (1815). Служил в Донской войсковой канцелярии, хорунжий (1816), офицер по особым поручениям при войсковом атамане (1819—1821), письмоводитель Комитета об устройстве Войска Донского (август 1821 г.). Сухорукову было поручено составление статистических записок о Хоперском округе (1817—1818), сбор материалов по военной истории донского казачества. В январе 1822 г. он переведен в Петербург, зачислен корнетом в лейб-гвардии Кавказский полк, одновременно был офицером по особым поручениям при председателе Комитета об устройстве войска Донского А. И. Чернышеве; поручик (1823). По подозрению А. И. Чернышева в принадлежности к тайному обществу Сухоруков был выслан на Дон. В Новочеркасск он организовал тайное общество «Литературные вечера или собрания», организационно оформленное в декабре 1825 г. В 1826 г. император повелел оставить Сухорукова на Дону под «бдительным надзором». В июле 1827 г. офицер был послан на Кавказ и служил при штабе И. Ф. Паскевича, составлял историческое описание русско-турецкой войны 1828—1829 гг., участвовал в боевых действиях, за что был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени и золотой саблей за храбрость. В 1829 г. Сухоруков являлся одним из редакторов «Тифлисских ведомостей». В январе 1830 г. он был арестован по доносу и перевезен в Новочеркасск, а затем выслан в Финляндию в Донской полк, где находился вплоть до середины сентября 1831 г., затем жил на Дону (1831—1834), в августе 1834 г. был отправлен в Донской полк на Кавказскую линию; есаул (1837), уволен от службы в 1841 г., умер в Новочеркасск.⁵⁰

Живя в столице и работая в библиотеках и архивах, В. Д. Сухоруков познакомился со многими декабристами, писателями и историками, в частности с А. С. Пушкиным, Н. М. Карамзиным, А. Н. Олениным, К. Ф. Катайдовичем, А. Ф. Малиновским, П. М. Строевым, П. П. Свиньинным, был избран сотрудником (1823), затем действительным членом (1824) Вольного общества любителей российской словесности. Он стал публиковать статьи по истории Дона, вместе с декабристом, историком А. О. Корниловичем⁵¹ издал исторический альманах «Русская старина» (СПб., 1824; 2-е изд. СПб., 1825), получивший признание современников.

Занимаясь статистическим описанием Подонья под руководством генерал-майора И. Ф. Богдановича,⁵² В. Д. Сухоруков обратил внимание на древние укрепления, городища, старые казачьи городки и классифицировал их на три «разряда». В бумагах Кёппена сохранилась выписка из «дела о древностях по войску Донскому», где упомянут некий рапорт с перечнем древних городищ в низовьях Дона.⁵³

⁴⁷ Свиньин П. П. Обзорение путешествия... С. 308—309, 315.

⁴⁸ Коршиков Н. С. Археологические исследования на Дону декабриста В. Д. Сухорукова // СА. 1985. № 1. С. 122, 127.

⁴⁹ Черняев П. Н. А. А. Мартынов и его археологические записки. С. 43; Коршиков Н. С. Археологические исследования... С. 127.

⁵⁰ Декабристы: Биографический справочник / Изд. подгот. С. В. Мироненко. М., 1988. С. 172.

⁵¹ См. о нем: там же, с. 85—87; Афиани В. Ю. Корнилович Александр Осипович // Русские писатели, 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 73—74.

⁵² Ср.: РГВИА, ф. 846, оп. 16, л. 18713, л. 1—25: Краткое статистическое описание земли Войска Донского. [1824 г.]; д. 18416, л. 1—132: Исторические и статистические сведения о калмыках, состоящих в Войске Донском. 1835 г. Составлено по распоряжению Комитета об устройстве Войска Донского сенатором генерал-лейтенантом И. Ф. Богдановичем и прикомандированными к нему офицерами того же войска. С картами и рисунками (г. Новочеркасск). См. также: там же, д. 25021, л. 1—38: Топографические маршруты от г. Таганрога до слободы Ивановки Екатеринославской губернии по реке Миус, чрез слободы в земле Войска Донского. 1826 г., за подписью генерал-майора И. Ф. Богдановича 1-го, снимал сотник Секретев, рельеф штриховкой, акварель, тушь, масштаб в 1 англ. дюйма 2 версты (1: 84 000), размеры до 20 × 28 см; ГАРФ, ф. 672 (Николай I), оп. 1, д. 562: Карта и рисунки одежды донских казаков к «Статистическому описанию земли Войска Донского», составленного генерал-майором Богдановичем 1-м. 1833 г. 57 л.; д. 563: Сведения о состоянии Войска Донского по военному и гражданскому управлению. Ч. I.; ф. 728 (Рукописный отдел Собственных ЕИВ библиотек в Зимнем дворце), оп. 1, д. 1728: Богданович 1-й, Генерального штаба генерал-майор. Статистическое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1834 г. Рукописная книга в зеленом кожаном переплете. 294 л. (карты и рисунки отсутствуют); д. 1740 : Богданович, сенатор, генерал-лейтенант. Исторические и статистические сведения о калмыках, состоящих в Войске Донском. Новочеркасск, 1835. Рукописная книга в зеленом кожаном переплете, карта калмыцких кочевий и рисунки в зеленой кожаной папке. 132 л.

⁵³ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 45, л. 22—22 об.

Первые раскопки с целью определения местоположения Танаиса связаны с именами В. Д. Сухорукова и А. К. Кушнарева. Публикация двух писем Стемпковского к Бларамбергу о местоположении Танаиса в «Вестнике Европы» возбудили ревностные чувства у группы донских любителей древностей, поэтому с помощью группы единомышленников В. Д. Сухоруков пытался организовать собственные полевые исследования. 2 августа 1824 г. он писал полковнику Х. П. Кирсанову: «От г. Кучерова, моего товарища, я имел сведение, что вы... принимаете ревностное участие и в изысканиях о местоположении древнего города Танаиса: совершением сего дела вы отвратите от нас стыд, который в противном случае мы неминуемо понесем, когда чужие люди проездом⁵⁴ станут описывать то, чего мы не могли познать, владея оным многие десятки лет. Ваши обширные познания обещают совершенный успех предприятия, и я заранее ручаюсь, видя в вас благороднейшее соревнование... Вы знаете характер нашей старины и, следовательно, имеете безусловное право на наше уважение. Пускай прочие мои соотечичи примут подобное участие в сем деле, тогда слава наших предков не будет более безмолвствовать в жалком забвении, но займет почетное место в летописях мира и нам самим доставит уважение. Вот как я понимаю плоды порядочной истории Донского Войска».⁵⁵

В. Д. Сухоруков обратился к войсковому атаману А. В. Иловайскому с предложением направить А. К. Кушнарева в Недвиговку и станицу Елизаветовскую для поиска древностей и решения вопроса о локализации Танаиса. Сотнику выделили необходимое число рабочих для проведения раскопок на обоих городищах и в их окрестностях.⁵⁶ Исследования были проведены в 1824 г. Тридцать лет спустя, в 1853 г. профессор П. М. Леонтьев зафиксировал их следы на некрополе Недвиговки: «... Об одном кургане (так называемая раскопанная ама, лежащая тотчас на запад от городища) мы получили сведение, что он был раскопан по распоряжению начальства в 1824 г.; многие из других были раскапываемы крестьянами г. Мартынова и донскими казаками, но о предметах, которые в них были найдены, никто не сообщил нам ничего... По всему вероятно, это не был курган, т. е. не могила».⁵⁷ Известно лишь, что при раскопках 1824 г. на Недвиговке было найдено 23 монеты.⁵⁸ В Елизаветовке, по сообщениям местных жителей, «при раскопке одной части городища в 1824 г. было найдено несколько греческих монет, из которых одна, именно бронзовая монета Савромата II, сохраняется поныне у протоиерея станицы почтенного старца Дикоза».⁵⁹

«Описание Недвиговского городища» и найденные вещи А. К. Кушнарев представил А. В. Иловайскому. Все древности, скорее всего, поступили в Новочеркасскую войсковую гимназию, однако большая часть ее коллекций погибла в 1826 г. во время пожара.

П. П. Свинын, посетивший Недвиговку в 1825 г., принял предложенную Стемпковским локализацию Танаиса на близлежащем к станице городище. «При снятии плана с сего достопамятного города, ясно представлялись мне следы Акрополиса и окружающего рва, в середине коего приметно правильное положение ям с кучами земли и золы, а вне множество больших и малых курганов».⁶⁰ Вряд ли путешественник сам проводил топографическую съемку Недвиговского городища — он, вероятно, присутствовал при работах военных топографов, действовавших по распоряжению А. В. Иловайского.

В 1820-х гг. владельцем Недвиговки являлся *Алексей Андреевич Мартынов* (1777—1865), отставной (с 1816 г.) полковник Войска Донского, краевед и археолог-любитель, прадед известного археолога А. А. Миллера и историка археологии, эмигранта М. А. Миллера.⁶¹ Он получил образование в иезуитской коллегии в Польше (Белоруссии), с 1788 г. служил в Екате-

⁵⁴ Имеются в виду поездки 1823 г. и 1824 г. И. А. Стемпковского по Нижнему Подонью и Приазовью, результаты которых были освещены в письмах к И. П. Бларамбергу, напечатанных в «Вестнике Европы».

⁵⁵ ОР РНБ, ф. 679, оп. 1, д. 129, л. 1 об.—2.

⁵⁶ *Коршиков Н. С.* Археологические исследования... С. 128.

⁵⁷ *Леонтьев П. М.* Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // *Пропилеи*. 1854. Кн. 3. С. 409, 493, 500.

⁵⁸ *Коршиков Н. С.* Археологические исследования... С. 128.

⁵⁹ *Леонтьев П. М.* Археологические разыскания... С. 512.

⁶⁰ *Свинын П. П.* Обозрение путешествия... С. 313.

⁶¹ См. о нем: *Коралев В. Н.* 1) Археолого-краеведческие изыскания А. А. Мартынова // *Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Науч.-практ. семинар 10—12 апр. 1986 г.: Тез. докл. Донецк, 1986. С. 9*; 2) *Алексей Андреевич Мартынов // Донская археология. 1998. № 1. С. 64—70; Корягин С. В.* Миллеры: Материалы к истории и генеалогии донского дворянского рода. СПб., 1999 (Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 2).

приниславское казачье войско, участвовал в боях с турками (1789, 1806), с 1801 г. командовал Донским полком, в 1807 г. по болезни уволен, впоследствии состоял на различных должностях в Войске Донском: в 1814—1815 гг. ассессор Войсковой канцелярии, в 1815—1816 гг. — Войсковой экспедиции, в 1816 г. исполнял обязанности прокурора Войсковой канцелярии; в 1819 г. уволен в отставку с награждением чином полковника. В 1821 г. он вновь состоял ассессором Войсковой канцелярии, а в 1822 г. был окружным дворянским депутатом Миусского начальства и членом Войсковой комиссии продовольствия. В 1839 г. избран членом-корреспондентом Новочеркасского статистического комитета.⁶²

Унаследовав обширные имения, Мартынов безвыездно жил в слободе Голодаевке, а затем в Новочеркаске.⁶³ В молодости, как он сам признается в своих записках,⁶⁴ древности не занимали его, но с годами у него проснулся к ним неподдельный интерес. Археологические коллекции отца и деда Мартынова разошлись по разным рукам и пропали. В 1820-е гг. памятники, найденные на Недвиговке, владелец раздаривал знакомым собирателям и общественным учреждениям области Войска Донского. Так, примерно в 1828 г. Мартынов отдал Л. Я. Лукьянову рельефное изображение всадника «в воинском костюме с малой пикой и на ней как бы флюгер, а на голове металлический и лавровый венок, одет мантией и тогою и, как могу припомнить, с некоторыми буквами».⁶⁵ Лишь в 1840—1850-х гг. владелец земель стал принимать меры по охране Недвиговского городища и некрополя от разрушения, запретив ломку камня и бесконтрольные раскопки.⁶⁶

А. А. Мартынов переписывался по различным вопросам, так или иначе затрагивавшим древнюю историю Подонья, с наказными атаманами М. Г. Власовым (1767—1848) и Д. Е. Кутейниковым (1768—1839). Последнему он высылал не только копии надписей, но и сами лапидарные памятники и другие древности, происходящие из Недвиговки.⁶⁷ Из обширной коллекции собранных им монет часть была подарена Новочеркасской гимназии и погибла в пожаре 1826 г. Несколько камней с надписями А. А. Мартынов отдал в «булеварный сад» Новочеркасска, в том числе две боспорские надписи Римиталка и Ининфимей;⁶⁸ там же хранились «амфоры, темного по обжог глины цвета» и срезанные сюда каменные бабы. Большинство древностей были найдены или при раскопках Танаиса, проводившихся им на собственные средства,⁶⁹ или при ломке камня местными крестьянами. Конечно, говорить о каких-то научных задачах подобных раскопок не приходится. Они проводились владельцем Недвиговки под влиянием возросшего в первой трети XIX в. интереса к богатейшему археологическому и историческому прошлому Донской земли и Приазовья, захватившего образованные круги казачества. Не стоит и переоценивать значение краеведческой деятельности А. А. Мартынова и его вклада в развитие археологии на Донских землях, как это делают некоторые исследователи.⁷⁰ Владелец Недвиговки так и не перерос дилетантский уровень в своих археологических штудиях, о чем красноречиво свидетельствуют оставленные им записки.

В путевых дневниках П. И. Кёппена 1850 г. оставлена запись о встрече с Мартыновым, представляющая определенный интерес для характеристики донского любителя археологии. «Узнав, что в Черкасске живет полковник... Мартынов, в имени которого — Недвиговке — при правом рукаве донской дельты, т. е. при так называемом Мертвом Донце — найдены были разные древности, и в том числе камни с греческими письменами, я не мог не побывать у него, чтобы взглянуть на его собрание редкостей. Ожидая много, я увидел, что ошибся, почему и сознаю, что показанная мне коллекция монет разных времен и народов меня не удовлетворила. Но г. Мартынов не только любитель редкостей, он поэт, и поэт малороссийский. Не без удовольствия выслушал я разные сочиненные им басни и *вирши* и сожалел, что сочинитель их, бодрствующий духом, мог читать нам свои произведения только лежа. Г-н Мартынов угос-

⁶² Коралев В. Н. Алексей Андреевич Мартынов. С. 64—65, 68 (по данным формулярных списков).

⁶³ Черняев П. Н. А. А. Мартынов и его археологические записки. С. 42.

⁶⁴ Записки... А. А. Мартынова // Дон. 1887. № 11. С. 18.

⁶⁵ Леонтьев П. М. Археологические разыскания... С. 491.

⁶⁶ РА ИИМК. ф. 9, оп. 1, д. 33а, л. 7—8 об.

⁶⁷ Черняев П. Н. А. А. Мартынов и его археологические записки. С. 46.

⁶⁸ Записки... А. А. Мартынова // Дон. 1887. № 11. С. 20.

⁶⁹ Черняев П. Н. А. А. Мартынов и его археологические записки. С. 44.

⁷⁰ Миллер М. А. Археология в СССР. Мюнхен, 1954. С. 17.

тил меня и виноградным вином своей собственной выделки, вкусным и, как он сам говорит, лучшим в донской стороне... Сам князь Воронцов, говорил он мне, и Государь наследник хвалили мое вино. Драматическое сочинение г. Мартынова под заглавием (если не ошибаюсь, «от и мы» или «от мы як») не могло быть играно в Черкасске, потому только что сочинитель решил подвергнуть оное двойной цензуре».⁷¹

В начале 1840-х гг. А. А. Мартынов, видимо, не без влияния именитых посетителей его имени и местного начальства, сделал попытку обобщить все собранные им сведения об археологических памятниках родного края. Свои заметки и наблюдения он собрал в «Записках о местностях в Войске Донском и вещественностях там открываемых, заслуживающих внимания антиквариев и историков. С присовокуплением преданий».⁷² Записки составлялись в разное время, на протяжении десятилетия (1842—начало 1850-х гг.). Еще профессор П. Н. Черняев отмечал, что в записках отсутствует система, встречаются повторы, так как текст носит характер журнала, куда случайно записывались собственные наблюдения Мартынова и предания, почерпнутые им из рассказов крестьян, казаков, офицеров Войска Донского.⁷³ Целью создания записок, по словам автора, было объяснить «замечательные пункты этой местности, вещественности в них открытые.., могущие представить путь для руководства антиквариями и историками, к обращению на этот край внимания».⁷⁴

25 октября 1851 г. по ходатайству наказного атамана Войска Донского полковник А. А. Мартынов был единогласно избран действительным членом Одесского общества истории и древностей.⁷⁵ В августе следующего года он отправил в общество первую часть записок, а в июле 1853 г. — вторую часть. Полный текст работы передали для предварительного рассмотрения в издательский комитет, который постановил напечатать ее в четвертом томе «Записок» Одесского общества.⁷⁶ Крымская война нарушила эти планы, и исследование А. А. Мартынова в Одессе так и не было издано. Лишь в 1867 г. в газете «Донской вестник» (№ 3—4) и 1887 г. в журнале «Дон» (№ 7—12) появились отрывки «Записок»,⁷⁷ но без приложений — схематичных копий старых карт, плана дельты Дона, рисунков археологических находок,⁷⁸ в том числе эпиграфических памятников (рис. 150—155). Несмотря на то что «Записки» А. А. Мартынова были достаточно популярны и широко распространились в списках в нескольких варьированных редакциях, исследователи до сих пор не смогли обнаружить оригинал.⁷⁹ Мне удалось найти авторскую рукопись «Записок» в делах Одесского общества истории и древностей, причем ее текст несколько отличается от опубликованного в журнале «Дон» варианта. Но самая главная удача в том, что рукопись снабжена рисунками и картографическими схемами (правда, мелкомасштабными, и, на мой взгляд, малоинтересными), которые ранее считались утраченными.⁸⁰

Содержание записок можно разделить на три отдела: историко-этнографический, топографо-картографический и собственно археологический.⁸¹ В двух последних Мартынов описывает многочисленные курганы и городища Подонья—Приазовья, пытается классифицировать насыпи по типам, объясняет их значение и цели сооружения, дает указание на топографические особенности их расположения (например, сообщает о линейных цепочках курганов

⁷¹ ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 163, л. 40. См. также: *Köppen P. Statistische Reise in's Land der donischen Kosaken durch die Gouvernements Tula, Orel und Woronesh im Jahre 1850.* SPb., 1852. S. 248—251.

⁷² ИР ЦНБ, V, 632.

⁷³ Черняев П. Н. А. А. Мартынов и его археологические записки. С. 43.

⁷⁴ Записки... А. А. Мартынова // Дон. 1887. № 9. С. 30.

⁷⁵ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 16, л. 140 об.

⁷⁶ Там же, д. 3, л. 62—62 об., 79 об., 93 об.

⁷⁷ Корсунков А. А. Археологии Донского края // Дон. 1887. № 7—8. С. 36—41; Записки о войске Донском полковника Алексея Андреевича Мартынова (1842—1847) // Дон. 1887. № 9. С. 29—32; № 10. С. 22—31; № 11. С. 16—34; № 12. С. 5—16.

⁷⁸ В их числе «бронзовая статуэтка Адониса», найденная в Раздорской станице в 1850 г. (ОАК. 1870—1871. С. 182).

⁷⁹ Королев В. Н. Археолого-краеведческие изыскания А. А. Мартынова. С. 9.

⁸⁰ ИР ЦНБ, V, 632, л. 212—246. См. предварительную публикацию о находке рукописи: Тункина И. В. О судьбе археологических записок А. А. Мартынова // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тез. докл. VI науч. конф. Ростов н/Д., 1992. С. 52—53.

⁸¹ Королев В. Н. Археолого-краеведческие изыскания А. А. Мартынова. С. 9.

№4. ограда древня гробнища, изъяснено из древности, а потому и выгравировано в донских - епископских.

Рис. 150. А. А. Мартынов. Рисунки древностей к «Запискам о местностях в Войске Донском и вещественностях там открываемых, заслуживающих внимания антиквариев и историков. С присовокуплением преданий». № 1—3 (ИР ЦНБ, V, 632, л. 221. Публ. впервые).

Елизаветовского могильника).⁸² По прошествии 150 лет большинство исторических построек А. А. Мартынова выглядит наивно.

Автор записок не обошел вопрос о местоположении Танаиса, также локализованного им у слободы Недвиговки. Мартынов оставил описание найденных на городище памятников. «На этой местности хотя и находимы бывают монеты, но время от времени реже, а стали открываться надгробные и другого значения камни с эллинскими надписями... Из этих камней три представлены были от меня к бывшему наказным атаманом Кутейникову в натуре с снимками в силу циркуляров о подобных вещественностях, но что из того произошло, не ведаю, камней уже по сведениям... в доме его не находится и куда, как и к кому поступили, не открыл». А. А. Мартынов сообщает, что через посредство полковника Реми в 1842 г. всю переписку о находке двух греческих надписей в 1833 г. и 1836 г. он передал Петербургскому археологи-

⁸² Записки... А. А. Мартынова // Дон. 1887. № 10. С. 24—25.

ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΙ ΒΑ
 ΙΛΕΑ**ΡΟΜΑΤΟΥ
 *ΕΤΛΟΥ ΒΑΓΙΑΕΩ**
 ΟΙΜΗΤΑΛΚΟΥΚΙΠΕΣ
 ΟΕΥΣΑΤΟΓΙΟΥΑΙΟΥ*
 ΜΕΝΕΠΡΑΤΟΥΑΡΧΙΚΟΙ*
 ΤΟΝΕΙΤΩΕΑΛΗΝΕΙΚΑΤΑ
 ΝΑΕΙΤΑΙΧΡΟΝΙΚΑΤΑΦΘΑ
 ΡΕΝΤΑΤΟΝΠΙΥΡΛΟΝΑΝΟΙ
 ΚΑΔΟΜΗΕΑΝΤΕΣΑΠΕΚΑΤΕ
 ΙΤΗΣΑΝΤΩΕΜΠΟΡΙΩΔΙΑ
 ΕΠΙΜΕΛΕΙΑΣΡΩΝΟΠΙΛ
 *ΙΝΑΜΟΥΠΡΝΙΕΛΗΝΑΡ.
 ***ΚΑ*ΩΩΝΟΣ ΧΑΡΙΤΩ
 Ν*ΕΚΑΙΑΤΤΑΗΡΑΚΛΕΙΔΟΙ
 ΚΑΙΕΥΙΟΣΜΑΤΟΥΖΗΝΩΝ.
 ΚΑΙΜΦ*ΝΟΕΟΥΑΡΑΚΑΙ
 *ΠΑΝ*ΟΥΠΑΝΗΥΧΟΥ
 * ΝΤΩ*ΠΥ*Δ
 Αω***

Рис. 151. А. А. Мартынов. Рисунки древностей... № 5. Надпись из Танаиса КБН 1243
 (ИР ЦНБ, V, 632, л. 229. Публ. впервые).

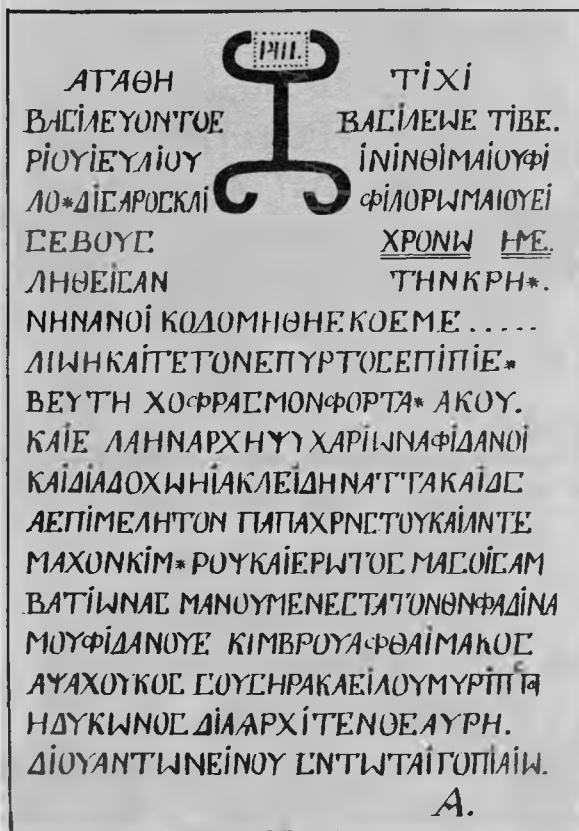

Рис. 152. А. А. Мартынов. Рисунки древностей... № 6. Надпись из Танаиса КБН 1250 (ИР ЦНБ, V, 632, л. 230. Публ. впервые).

ческому обществу, вместе со снимками камней.⁸³ Как известно, РАО было создано несколько лет спустя, в 1846 г. Ошибка объясняется тем, что А. А. Мартынов писал записки по памяти. Копии надписей были переданы в 1839 г. и 1842 г. Кёппеном, получившим их от своих южных корреспондентов,⁸⁴ в Имп. Академию наук для издания акад. Х. Ф. Грефе, другие опубликованы после поездки П. И. Кёппена 1850 г. (КБН 1237, 1239, 1240, 1243, 1250).⁸⁵ К запискам А. А. Мартынова приложены различные списки с одних и тех же надписей, причем часть —

⁸³ ИР ЦНБ, V, 632, л. 223 об.—224 об. О находке греческих надписей см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1842. № 20. С. 293—294.

⁸⁴ См. материалы Кёппена «Греческие надписи, найденные в развалинах древнего Танаиса» (ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 45, л. 15—33 об.) с его представлениями Конференции АН от 25 января 1839 г. о надписи Левкона, архонта Боспора и Феодосии, о которой стало известно благодаря учителю истории в школе Ростова-на-Дону Тиграняну; от 18 июня 1841 г. о четырех надписях из Танаиса, о которых стало известно от Мартынова; здесь же списки и копии надписей.

⁸⁵ Graefe F. 1) Inscriptiones aliquot graecae, nuper repertae, restituuntur et explicantur. Petropoli, 1844. P. 28, 34, 40, 42; 2) Steinschrift aus der Zeit des Bosphorischen Königs Ninthimaios mitgetheilt von dem Hrn. Akad. v. Köppen // ВНРФ. 1851. Т. 8. С. 167—170 (МГР. Т. 1. С. 97—101).

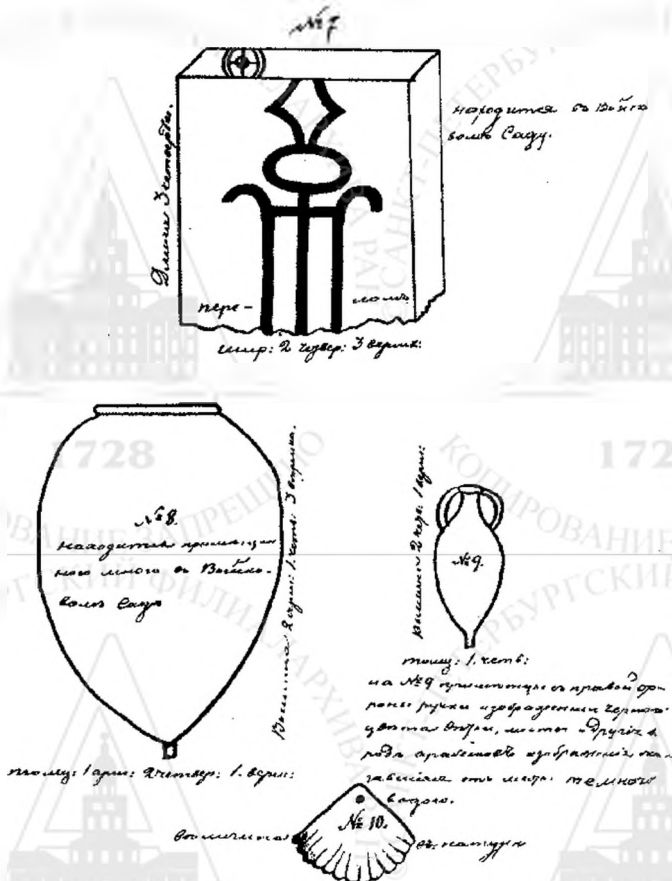

Рис. 153. А. А. Мартынов. Рисунки древностей... № 7—10 (ИР ЦНБ, V, 632, л. 231. Публ. впервые).

с неправильной разбивкой строк. П. М. Леонтьев, переиздавший те же надписи с уточнениями, отметил, что копии были сделаны лицом, «не сведущим в греческом языке».⁸⁶

Узнав о хранящихся в Новочеркасске античных памятниках, Одесское общество истории и древностей в 1850 г. просило наказного атамана, генерал-лейтенанта М. Г. Хомутова передать их в музей ООИД.⁸⁷ В Одессу попали камни с надписями из Танаиса, помещенные ранее Мартыновым в городской сад Новочеркаска (КБН 1243, 1250), которые и поныне хранятся в Одесском археологическом музее Национальной Академии наук Украины. В протоколах общества значится, что две греческие надписи, «принадлежащие воспорским царям Тиберию Юлию Римиталку и Тиберию Юлию Ининфимеву», были найдены в Миусском округе, близ Азовского моря и ныне находятся в Новочеркасске.⁸⁸

С 8 июля по 6 ноября 1853 г. археологические раскопки и разведки на территории «от разветвления Дона на два рукава, несколькими верстами ниже г. Ростова до Азовского моря», по распоряжению Л. А. Перовского, провели профессор Московского университета П. М. Леонтьев и служивший в Попечительном совете заведений общественного призрения в Москве, титулярный советник А. А. Авдеев, по профессии архитектор, впоследствии действительный

⁸⁶ Леонтьев П. М. Археологические разыскания... С. 421.

⁸⁷ ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 55, л. 146—147.

⁸⁸ Там же, д. 3, л. 36.

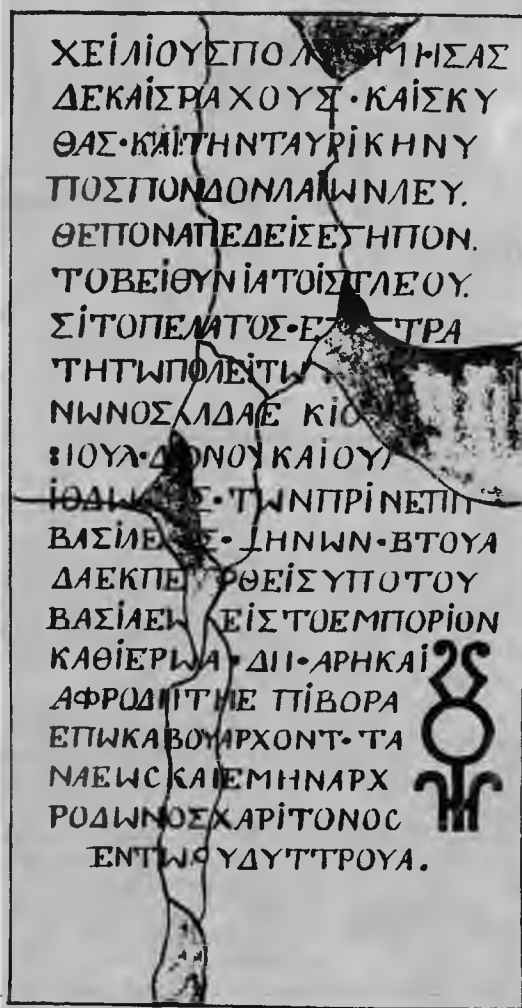

Рис. 154. А. А. Мартынов. Рисунки древностей... № 19: Надпись из Танаиса КБН 1237 (ИР ЦНБ, V, 632, л. 238. Публ. впервые).

член МАО.⁸⁹ На раскопки была выделена значительная по тем временам сумма — 2 тыс. р. Так как отчет о раскопках и сопроводительная документация⁹⁰ этих работ опубликованы, я не буду подробно останавливаться на их результатах.

⁸⁹ Леонтьев П. М. 1) Археологические разыскания...; 2) Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб., 1855. С. 65—121; РА ИИМК, ф. 9, оп. 1, д. 25; д. 33а.

⁹⁰ Бойко А. Л. К истории изучения античного города Танаиса: (О предпосылках и цели раскопок 1853 г.) // Донская археология. 1991. № 1. С. 70—83.

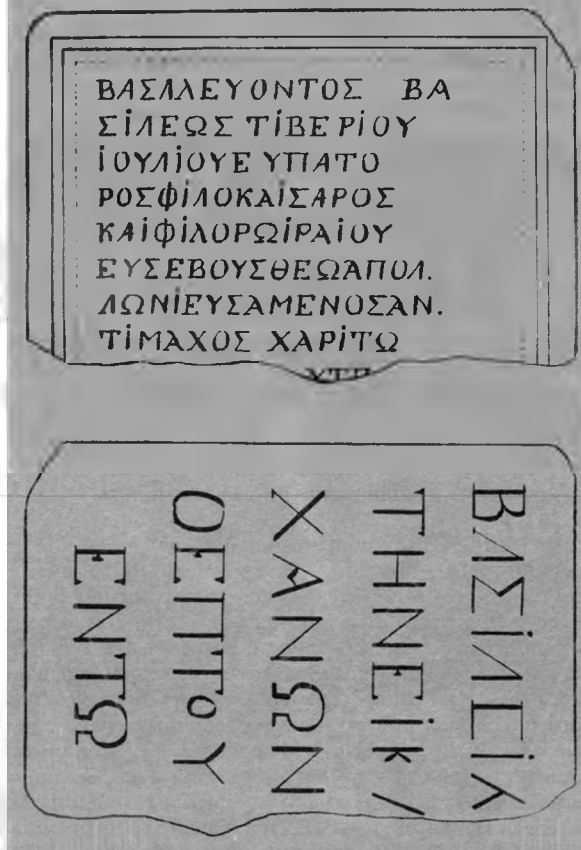

Рис. 155. А. А. Мартынов. Рисунки древностей... № 20: Надписи из Танаиса КБН 1239, 1240 (ИР ЦНБ, V, 632, л. 239. Публ. впервые).

Перед тем, как приступить к раскопкам, Леонтьев и Авдеев провели некоторое время в Керчи для изучения методики исследования курганов. В Недвиговку они привезли «керчь-еникальского мещанина» Сурикова, имевшего достаточный опыт полевой работы и слывшего «великим мастером замечать обрезы и открывать гробницы». Суриков был поставлен надсмотрщиком над землекопами.⁹¹

Прибыв в Новочеркасск, П. М. Леонтьев первым делом посетил Мартынова для знакомства и с целью осмотра его коллекции. Собрание включало всего около 30 монет, большей частью боспорских и нескольких римских из Танаиса, а также около 20 монет с о-ва Фидониси, «два глиняных сосуда из Недвиговки», прочие древности были «собраны без всякого плана». Профессор внимательно проштудировал «Записки» помещика и частично заимствовал из рукописи как сведения по картографии региона, так и данные о находках надписей и других памятников.⁹² Несмотря на сопротивление и ревность владельца Недвиговки, пытавшегося всячески отвести столичных посланцев от раскопок на некрополе Танаиса и привлечь их вни-

⁹¹ Леонтьев П. М. Археологические разыскания... С. 496.

⁹² Там же. С. 398—399, 409—410, 418—422, 427, 491—493, 510, 524.

мание к древностям других районов, раскопки курганного могильника были начаты 13 июля силами 65 поденных рабочих, нанятых в Ростове.⁹³

Работы под руководством Леонтьева дали представление о размерах и форме городища, типах погребальных сооружений некрополя, открыли несколько новых надписей (КБН 1238, 1242, 1245—1249, 1263, 1288). Раскопки проводились траншеей до материка шириной 3 сажени (около 6 м), проложенной по диагонали через все городище, с поперечным ответвлением в середине (рис. 156). Подробный план памятника с обозначением раскопанных участков представили министру внутренних дел.⁹⁴ Места для «разрезов» определялись количеством ранее сделанных находок. Так, помещик Мержанов сообщил, что на валах были когда-то видны основания башен, что подтвердили раскопки. При отсутствии ценных находок или при обнаружении следов прежних раскопок работы останавливались и переносились на другое место. Сам Леонтьев прекрасно понимал пагубность подобной методики и рекомендовал будущим исследователям проводить раскопки большими площадями — «копать сплюшь, как копают в Риме или Помпеях».⁹⁵ Отчет Леонтьева не содержит чертежей стратиграфических разрезов культурного слоя, как и описаний самих наслоений.

В Эрмитаж была отправлена только наиболее ценная часть найденных предметов — 9 фрагментов надписей, плита с изображением льва, обломок стола, обломок колонны, 58 ручек амфор с клеймами, 8 целых амфор и 1 разбитая амфора с клеймами на обеих ручках, 2 обломка кольчуги, 14 золотых и серебряных вещей.⁹⁶ Обломки простой посуды, предметы хозяйственного назначения по обычаю того времени не принимались во внимание.⁹⁷ Леонтьевым подробно охарактеризованы лишь такие виды находок, как эпиграфические памятники (в их числе керамические клейма в количестве 66 экз.) и монеты — 58 медных и 2 серебряных.⁹⁸

Аналогичный характер имели раскопки могильника. Курганы копались «миной» или на снос до материка. Раскопщикам не повезло — все исследованные ими 24 кургана оказались разграблены, ни в одном из них не было обнаружено «богато устроенной гробницы, ни склепа, ни катакомбы». Более всего Леонтьева разочаровало отсутствие в погребениях античной расписной керамики, находки которой были обычны в погребениях Азиатского и Европейского Боспора. Найденные вещи, по мнению исследователя, «не представляют изыска лучших времен греческого искусства». Основной задачей будущих исследований профессор считал поиск допелемоновского некрополя при помощи разведочных траншей, которые необходимо было проложить в различных направлениях от городища.⁹⁹ В постановке ряда вопросов методики полевых исследований Леонтьев намного опередил современников.

Результаты раскопок, прежде всего находки *in situ* плит с надписями, убедили П. М. Леонтьева в том, что на месте Недвиговки находится Танаис, отстроенный после разрушения его Полемоном: «На основании находок нет никакого основания искать того древнейшего Танаиса на Недвиговском городище, и даже скорее есть основание не искать его там».¹⁰⁰ По его мнению только два места могли претендовать на локализацию Древнего, т. е. Страбонова Танаиса — Елизаветовское и Недвиговское городища.¹⁰¹

На Елизаветовке с 15 по 30 сентября 1853 г. П. М. Леонтьев также провел раскопки. Им были заложены «пять пробных ям» на городище, не давшие, однако, никаких эффектных находок, за исключением незначительных строительных остатков и чернолаковой чаши. Это заставило его перенести работы на курганный могильник, где были раскопаны 23 кур-

⁹³ РА ИИМК, ф. 9, л. 25; д. 33а; ф. 3, л. 49, л. 147—159; д. 392, л. 60 об.; *Бойко А. Л.* К истории изучения... С. 80—81.

⁹⁴ План городища с обозначением направления траншей опубли. в кн.: Извлечение из всеподданнейшего отчета... Табл. III (рис. 156).

⁹⁵ *Леонтьев П. М.* Археологические разыскания... С. 409, 413, 503—504.

⁹⁶ АГЭ, ф. 1, оп. I-1852, д. 30, л. 85—87: Список древним вещам, найденным в 1853 г. в слободе Недвиговке и курганах Елизаветинской станицы и отобранных для Имп. Эрмитажа. См. также: *Жиль Ф. А.* Музей Императорского Эрмитажа... С. 279—280.

⁹⁷ *Книпович Т. Н.* Танаис. М.; Л., 1949. С. 18.

⁹⁸ *Леонтьев П. М.* Археологические разыскания... С. 418—434.

⁹⁹ Там же. С. 504—505.

¹⁰⁰ Там же. С. 506.

¹⁰¹ Там же. С. 508.

**ПЛАНЪ
ДРЕВНЯГО ТАНАИСА
БЛИЗЪ СЕЛА НЕДВИГОВКИ
въ землѣ**

Войска Донскаго

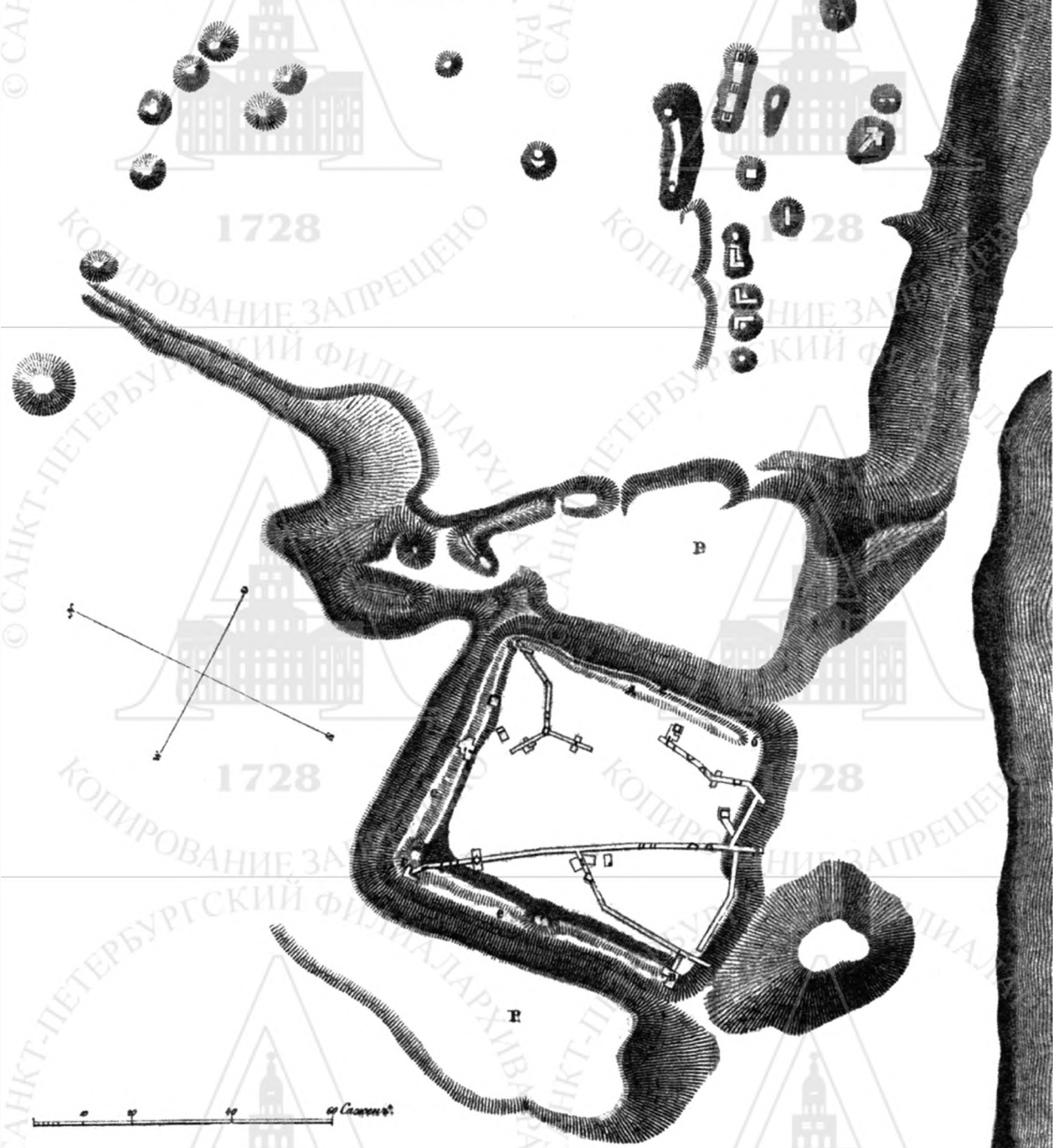

Рис. 156. «План древнего Танаиса близ села Недвиговки в земле Войска Донского», с обозначением мест раскопок П. М. Леонтьева на городище и некрополе. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб., 1855. Табл. III (ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 204).

гана.¹⁰² «Елизаветовские курганы, — как верно подметил профессор, — не были делом греков и даже показывают цивилизацию, мало зависевшую от греческого влияния». Леонтьев отметил отсутствие среди находок клейменной амфорной тары. Все открытые древности автор ошибочно датировал эпохой «после Рождества Христова». Ограниченный временем, Леонтьев, к сожалению, не сумел составить карту Елизаветовских курганов, однако в какой-то мере ее заменило топографическое описание местности, направленное в Министерство уделов.¹⁰³ У станицы Гниловской были раскопаны еще 6 курганов.¹⁰⁴ Обследование Елизаветовского городища, разведочные осмотры древних поселений у станиц Гниловской, Аксайской, Цимлянкой не рассеяли сомнений П. М. Леонтьева в вопросе о локализации Танаиса. В результате появилась гипотеза о двух Танаисах — древнем и возобновленном, разделявшаяся впоследствии многими учеными.¹⁰⁵

В «Археологических разысканиях...» Леонтьев уделил внимание природным условиям и географическим особенностям края. Профессор определенно высказался за необходимость картографирования курганов: «Одна уже географическая группировка курганов в состоянии повести к некоторым заключениям, например, к определению путей, по которым происходили движения, и равно тех этнографических центров, около которых наиболее сосредотачивалось сначала кочевание, потом население страны». Леонтьев осознавал важность ведения полевого дневника и необходимость точных указаний на особенности погребального обряда, подчеркивал обязательность сохранения и антропологического изучения черепов «как источника определения расы» древнейшего населения региона.¹⁰⁶

Обширная и фундаментальная для своего времени статья П. М. Леонтьева в «Прошлеях» до сих пор остается одной из важнейших работ по истории археологического изучения Нижнего Подонья. В этом исследовании были впервые собраны и истолкованы все доступные на то время виды источников по античной истории региона — письменные, эпиграфические, нумизматические и археологические. Обращает на себя внимание понимание Леонтьевым важности археологических раскопок: «Нельзя не думать с удовольствием надежды, близкой к исполнению, о том времени, когда постепенно расширяющееся исследование наших курганов даст возможность разделить их на большие группы, которые примут наконец от науки имя разных эпох и может быть даже имя народов. Тогда вещи, не имеющие в отдельности никакой цены, получат неизмеримую ценность, как памятники цивилизаций, отличавшихся друг от друга и уже не безымянных. Но теперь еще пока эти вещи смотрят на нас, как древний сфинкс, и ожидают своего Эдипа».¹⁰⁷ П. М. Леонтьев намеревался издать отдельной книгой на латинском языке «ученое исследование» с приложением рисунков найденных вещей, однако его идея не осуществилась.

Как справедливо подметила Т. Н. Книпович, полученный раскопками в середине XIX в. материал не мог быть должным образом осмыслен из-за несовершенства и неразработанности хронологических определений. Впоследствии стало ясно, что целые серии вещей из раскопок Недвиговки, в том числе клейменная керамическая тара, относились к допелемоновскому времени.¹⁰⁸ Последующие поколения исследователей в течение полутора веков решали поставленные Леонтьевым задачи.

¹⁰² Оценку его работ см.: *Копылов В. П.* История изучения Елизаветовского могильника на Дону в дореволюционный период // *Дон и Северный Кавказ в древности и средние века*. Ростов н/Д., 1990. С. 25—27; *Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П.* Елизаветовское городище на Дону. М., 2000. С. 12, 14 (*Pontus Septentrionalis* II. Tanaïs 2).

¹⁰³ *Леонтьев П. М.* Археологические разыскания... С. 512—518.

¹⁰⁴ *Бойко А. Л.* К истории изучения... С. 77.

¹⁰⁵ *Книпович Т. Н.* Танаис. С. 10—16; *Шелов Д. Б.* К истории Танаиса // *ВДИ*. 1959. № 1. С. 117—127; *АГСП*. С. 93; *ГПДЭ*. С. 251—255.

¹⁰⁶ *Леонтьев П. М.* Археологические разыскания... С. 398, 403.

¹⁰⁷ Там же. С. 518.

¹⁰⁸ *Книпович Т. Н.* Танаис. С. 4—5, 10—11, 18—19.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*FECI QUOD POTUI,
FACIANT MELIORA POTENTES¹*

В истории становления русской науки о классических древностях Северного Причерноморья мне представляется правомерным выделить три этапа, связанных с эволюцией подходов к античным археологическим, эпиграфическим и нумизматическим памятникам, организационных форм исследований, целей и методики проведения раскопок.

Первый этап (1724—1802) условно можно разделить на два хронологических отрезка, рубежом которых является 1774 г. — выход России на побережье Черного моря. В России XVIII в. гуманитарные науки практически еще не дифференцировались на отдельные дисциплины. Ученые того времени были настоящими энциклопедистами, они свободно применяли свои знания в самых разных научных областях. Начало разработки вопросов античной истории и археологии Причерноморья, стимулированное петровскими реформами, связано с деятельностью ученых Петербургской Академии наук (Г. З. Байер, Г. Ф. Миллер и др.). С 1773 г. начинается широкое экспедиционное изучение Новороссии учеными-естествоиспытателями, осознавшими важность археологических остатков как ценнейших исторических источников (И. А. Гюльденштедт, В. Ф. Зуев, П. С. Паллас, К. И. Габлич, Ф. К. Маршал фон Биберштейн). В этот период был выработан междисциплинарный, «экосистемный» подход к изучению памятников, нашедший свое отражение как в описаниях, так и картографических материалах того времени, сохранивших научную значимость до сих пор. Показательно, что к «экосистемному» подходу, но на новом уровне развития науки, классическая археология вернулась лишь в конце XX в. В последней трети XVIII в. были приняты первые распоряжения по охране древностей и их графической фиксации (князь Г. А. Потемкин), проведены первые эпизодические раскопки (Ван дер Вейде, Ф. П. Деволла и др.).

На протяжении второго этапа (1803—1838) шел процесс самоосознания археологии как науки о древностях, выделение ее из комплекса других наук. Главная задача тогда состояла в открытии, фиксации, накоплении и публикации памятников. Внимание ученых и дилетантов привлекли, прежде всего, надписи, монеты и остатки древних зданий, находившиеся на поверхности земли. Классицизм и неоклассицизм XVIII в., утвердившие античность нормативным идеалом истории и искусства, способствовали формированию в среде российского образованного общества антиквариев, воспитанных в традициях преклонения перед антиками. В их числе были военные инженеры, гидрографы, моряки, чиновники, помещики, колонисты, духовные лица, которые стали проводить раскопки, правда, зачастую носившие грабительский характер — лишь незначительная их часть сопровождалась какой-либо документацией (С. Г. Гангелов, Я. Л. Парокья, Н. Ю. Патиныоти, А. К. Кушнарев, Н. Д. Критский, К. М. Навроцкий, К. Крузе, Гринфельд и др.).

¹ Я сделал все, что мог, кто может, пусть сделает лучше (лат.).

Появление нового поколения исследователей-профессионалов и высокообразованных любителей привело к формированию столичных и провинциальных центров классической археологии в Петербурге (Е. Е. Кёлер, Х. Ф. Грефе, А. Н. Оленин, П. И. Кёппен) и в Новороссийском крае — в Одессе (И. А. Стемпковский, И. П. Бларамберг, А. Ф. Панагиодор-Никовул, А. Я. Фабр, Э. В. Тетбу де Мариньи и др.) и Керчи (П. А. Дюбрюкс, Р. Скасси, А. Дигби, А. Б. Ашик, Д. В. Карейша). Последние два «незримых колледжа» следует считать в общем-то единым южнорусским археологическим центром, дальнейшее развитие которого к началу XX в. породило чрезвычайно плодородную для русской науки научную среду (академики Н. П. Кондаков, Ф. И. Успенский, А. В. Никитский, профессора Э. Р. фон Штерн, Б. В. Варнеке, Б. В. Фармаковский и многие другие).² И. А. Стемпковским формулируются цели и задачи научных исследований, осознается необходимость объединения усилий ученых и любителей в рамках научного общества для совместных исследований древней истории и археологии Причерноморья. Создаются первые научные труды дискуссионного характера, получившие широкий отклик как в исследованиях ученых, так и на страницах отечественной периодики, а также определенный научный резонанс за рубежом. К сожалению, тон некоторых рецензий академика Е. Е. Кёлера иногда переходил допустимые рамки научной этики, что достаточно болезненно отразилось на развитии науки в провинции. Отечественные ученые вступают в активные контакты с западными исследователями, перенимая у них методы научной критики источников (А. Бёк, Д. Рауль-Рошетт и др.). Начинаясь обследования городищ и раскопки курганов с научными целями (П. Дюбрюкс, И. П. Бларамберг, И. А. Стемпковский), осознается необходимость документирования раскопок и важность топографической фиксации памятников. И. О. Потоцким, затем П. Дюбрюксом и со временем А. Б. Ашиком вырабатывается идея о необходимости копать курганы на снос до материка.

Открытие богатейшего склепа в кургане Куль-Оба (1830) положило начало систематическим раскопкам на территории древнего Боспорского царства на государственные средства (А. Б. Ашик, Д. В. Карейша), что имело значительные последствия для судеб русской классической археологии, которая с тех пор формируется прежде всего как археология боспорская.

На этом этапе были приняты первые правительственные распоряжения об охране древностей Новороссии (1805, 1822 и др.). Осознание значимости античных памятников не только как произведений древнего искусства, но и как исторических источников привело к созданию первых государственных археологических собраний на юге России: в Николаеве (1803), Харькове (1805), Феодосии (1811). Если в начале столетия создавались музеи с комплексным составом экспонатов, то к концу первой четверти XIX в. сформировалось два специализированных археологических собрания, возникших близ мест раскопок, — в Одессе (1825) и Керчи (1826).

Третий этап (1839—1859) в основных чертах завершает организационное оформление классической археологии. Он характеризуется приходом в науку нового поколения исследователей, понявших важность объединения своих усилий для сбора, изучения и охраны древностей. Ученые и антикварианты группировались вокруг Одесского общества истории и древностей (с 1839 г.), ставшего центром классической археологии Новороссийского края, и Русского археологического общества в Петербурге (с 1846 г.). В эти годы были созданы предпосылки для формирования археологической службы в стране. Сначала при Министерстве внутренних дел (граф Л. А. Перовский), а затем при Министерстве Имп. двора (граф С. Г. Строганов) был создан общегосударственный центр, координирующий всю археологическую деятельность в России. Закономерным итогом этого процесса явилось создание Имп. Археологической комиссии (1859) в структуре Министерства Имп. двора.

Во второй трети XIX в. классическая археология обогатилась рядом замечательных открытий. Однако приемы полевых исследований, выработанные в предшествующее время, были забыты и методический уровень раскопок существенно снизился (А. Б. Ашик, Д. В. Карейша). Раскопки чиновников и сотрудников ООИД сводились к поискам произведений древнего искусства. Основное направление исследований было сдвинуто от главных задач, поставленных пионерами русской классической археологии (И. А. Стемпковский, И. П. Бларамберг, П. Дюбрюкс), и наметившаяся гармония в изучении всех групп памятников закреплена не была. Бо-

² См.: Клейн Л. С. Археология предреволюционной России // Проблемы истории отечественной археологии: Тез. докл. конф. 11—13 декабря 1990 г. СПб., 1993. С. 5—6.

гательные результаты раскопок древних могильников заставили забыть о необходимости систематических исследований развалин городов и поселений, тем более что такие работы требовали определенного опыта, навыков полевой и научной подготовки и, что немаловажно, больших финансовых затрат. Находки при раскопках поселений без четкой программы исследований и необходимого объема знаний давали гораздо менее показательные результаты, чем раскопки курганов (даже проведенные на низком методическом уровне), которые обычно становились источником ценных находок при минимальных затратах.

На этом этапе главный музей империи — Имп. Эрмитаж, открытый для публичного обозрения лишь в 1852 г., пополнился значительным числом причерноморских археологических памятников из раскопок в Ольвии, на Таманском полуострове, в Восточном Крыму, Херсонесе, в Нижнем Подонье и др. Параллельно происходят процессы специализации южнорусских музеев: собрания комплексного характера постепенно отмирают, а их археологические разделы вливаются в более крупные и, как правило, специализированные музейные коллекции. Одесским обществом истории и древностей предпринимаются целенаправленные попытки координации деятельности всех южнорусских музеев.

К середине XIX в. появляются первые обобщающие монографические исследования о древностях конкретных регионов и памятников — Боспора, Херсонеса, Ольвии, а также всего Северного Причерноморья. К этому моменту классическая археология сложилась в самостоятельную научную дисциплину, доминирующую в российской археологии того времени и оказавшую существенное методическое влияние на становление и развитие скифо-сарматской археологии. Задачи, провозглашенные еще в первой исследовательской программе русской науки о классических древностях Северного Причерноморья, сформулированной И. А. Стемпковским (1823), были востребованы учеными почти через сто лет, а именно, акад. М. И. Ростовцевым (1918). Главные из них — создание сводных фундаментальных корпусов всех видов источников — письменных, эпиграфических, нумизматических, археологических («Corpus nummorum Russiae meridionalis», «Corpus tumulorum Russiae meridionalis»³ и др.) почти двести лет спустя остаются решенными лишь наполовину.

³ АДЖЮР. Текст. С. VII.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1720

1728

1728

1728

ДОКУМЕНТЫ¹

№ 1

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО НА ТАМАНИ ПОЛКОВНИКА САВВЫ БЕЛОГО ВСЕМ СЕГО ВОЙСКА В ТАМАНИ ПОЛКОВНИКАМ И СТАРШИНАМ

13 мая 1793 г.

Его сиятельство господин генерал-инспектор и всех российских орденов кавалер граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский повелел взять из близ лежащих развалившихся Таманской крепости стен и башен камень, а сверх того и все найденные мраморные камни и другие древние вещи, имеющие на себе достопамятные знаки, кои и хранить для приличного употребления на новую крепость.

Для того предписываю всем сего войска командирам, в Тамани находящимся, с получения сего зараз строжайше по всем куреням такову ломку и продажу стен запретить, а буде кто будет в старом или близ оного укрепления нашед, продавать и брать, то наказан будет, а заплативший теряет свои деньги.

Для строения же вынимали бы камень и собирали из фундаментов бывшего хоромного строения, коего наши там довольно количество находят, о чем объявляя всем старшинам, атаманам и казакам в каждом курене и, сняв с сего копии впредь для исполнения, возвратит в мою канцелярию.

Впервые опубли.: *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. СПб., 1896. Т. 3: Войско верных черноморских казаков, 1787—1795 гг. (из Кубанского войскового архива). С. 609—610.

№ 2

ПРЕДПИСАНИЕ ХЕРСОНСКОГО ВОЕННОГО ГУБЕРНАТОРА А. Э. РИШЕЛЬЕ ТАВРИЧЕСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ Д. Б. МЕРТВАГО

6 июня 1805 г.

Состоящий при Эрмитаже надворный советник Кёллер, по Высочайшему соизволению путешествовавший в Крыму и на острове Тамане, возвратясь из путешествия своего, поднес Его Императорскому Величеству собранные им в означенных местах древние медали и другие редкости.

Государь император при случае сем Высочайше соизволил, дабы никому из частных путешественников, Новороссийские губернии посещающих, не дозволяемо было собирать могу-

¹ Документы расположены по хронологии, публикуются в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Если документ приводится в извлечении, места пропусков текста обозначены отточием. Даты приведены по старому стилю. Первые публикации указаны в легенде за архивным шифром. Подчеркивания в тексте документов обозначены курсивом.

щих находиться там древних редкостей, разумея сие впрочем только о местах, казне принадлежащих; что касается до частных владений, от помещиков зависит по праву собственности возбранять или позволять путешествующим пользоваться тем, что в оной находиться может. [...].

Впервые опубли.: *Стевен А. Х.* Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 13. С. 35.

№ 3

РАПОРТ ГЛАВНОГО КОМАНДИРА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И ПОРТОВ И. И. ТРАВЕРСЕ МИНИСТРУ МОРСКИХ СИЛ П. В. ЧИЧАГОВУ

17 июля 1809 г.

В Тамане находится много древностей в камнях с греческими и другими надписями. Мне давно уже обещал Херсонский военный губернатор господин генерал-лейтенант дюк де Ришелье отдать таковые камни для Черноморского депо, но теперь отзывается, что по Высочайшему повелению запрещается собирать кому-либо из частных людей оные по Новороссийскому краю,¹ а монументы и греческие надписи, отысканные и впредь отыскиваемые, представлены Харьковскому университету. Как Черноморское депо есть также государственное [учреждение], и кроме морского департамента нет другому месту удобности получать из Крыма и Тамани таковые камни по огромности и тяжести их без важных издержек, то и останутся оные надолго бесполезными, и могут быть растеряны: ибо Харьковский университет, имея высочайшее позволение еще с 1806 года, не приступал не только к забратию, но и к отысканию во многих местах оказывающихся. Я осмеливаюсь в сем случае прибегнуть к Вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой, и ежели удостоить оную благосклонным уважением вашим, то надеюсь показать значительную пользу чрез отыскание в Крыму и на Тамане древностей и доставлю оные без издержек для казны на судах в Николаевское депо, откуда можно будет и университету с греческих надписей извлекать полезное для истории здешнего края.

РГАВМФ, ф. 166, оп. 1, д. 4221, л. 1 об.—2. Подлинник.

¹ См. документ № 2.

№ 4

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ФЕОДОСИЙСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

31 мая 1811 г.

...Как составление здесь музеума может быть к пользе города, привлекая вояжиров, украшением по ученой части, то и нужно употреблять старание для умножения вещей, и Дума, полагая, что сие интересное и полезное заведение будет весьма ограничено собранием только материалов своих от феодосийских развалин, которые содержат одни генузские надписи, маловажные по недавности времени владения в Крыму сего народа. Торговые связи Феодосии со всеми берегами Черного моря, прежде [основанные] греческими колониями, также дают верный способ достать от разных мест многие редкости, медали и надписи греческие и отчасти вещи для коллекции натуральной истории, особливо минералами Малой Азии и Минтрелии избильными, и приведя сие в действо составить можно малыми иждивениями важное собрание редкостей, служить могущих по части естественной истории, род депо для снабжения некоторых вещей другим в России находящимся кабинетам. Для скорейшего достижения сей цели нужно пригласить служащих при таможенных и карантинах подведомственных Феодосии чиновникам, и скупить при удобных случаях таковые вещи в Керчи, и в Бугазе, от развалин на Таманском полуострове и в Закубанских местах находящихся, также в Севастополе и Ба-

лаклаве от остатков Херсонеса, что все и предать на благоусмотрение г[осподину] феодосийскому градоначальнику...

ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 40, л. 69 об.—70. Копия.

№ 5

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК П. И. КЁППЕНА
«ОТ ХЕРСОНА ДО ПАРУТИНО»

1819 г.

22 октября 1819 г. Своротив влево с дороги, ведущей в Николаев, я отправился к Глубокой пристани. Цель моя состояла в том, чтобы видеть место сие и потом проехать до Бугского лимана и вверх по оному до Николаева, дабы поискать следов Церерина храма, о коем говорит Геродот (кн. IV, гл...). [...]

23 октября 1819 г. Отъехав верст 7 от Глубокой пристани, я прибыл в Станиславовку, где с вопросами обратился к отцу Фоке. Сей повел меня в Никольскую церковь, показал камень, отцом его, священником здешним Федором Матковским, из Парутина (Ольвии) сюда перевезенный и им уже в стену вделанный на правом крыле, что у самого алтаря (см. изображение). Камень сей белого мрамора, вышиною в 5.5 английских фута, а шириною в 2 фута. Священник желал сперва написать икону на сем камне, однако по совету любителей древности он отстал от сей мысли. [...]

Отсюда поехал я в Александровку, где застал и станиславского выборного. Здесь наконец узнал я о прежних городищах следующее.

На Станиславской Даче, около версты от Глубокой пристани на крутом берегу лимана, на так называемом Городецком мысу, между двумя балками, известными под именем Широких, находится древнее городище, имеющее в середине своей также небольшую балочку. Там находят обломки глиняных сосудов и разный камень, однако же не тесаный. На вопрос мой, не жили ли и здесь запорожцы, жители уверяли, что это не могло быть жильем запорожцев, ибо после землянок их остались бы одни только ямы, у коих приметны были бы выходы. Куски глиняных сосудов, здесь находимых, толщиною равняются, полагают, [толщине] турецких кувшинов.

По отдаленности от Александровки, принадлежащей Его Превосходительству Григорию Петровичу Милорадовичу, я не мог уже видеть сего городища, между тем же отправился назал к другому ближайшему.

Уверяют, что и на Станиславской косе была пред сим батарея, где вода также иногда вымывает разную монету, по-видимому, серебряную.

Вместе с выборным отправился я к городищу, лежащему от Станислава в 1.4 версте. Не доезжая еще около 0.4 версты до городища, по левую руку от дороги из Станислава в Александровку, я остановился у так называемого Разрытого кургана. Это небольшое место, окруженное *сперва* ровом, а потом уже валом, который издали один только приметен. Внешний вал сей в окружности имеет 212 шагов. Окружность же углубления или рва = 90 шагов. Возвышение внутреннее, почти равняющееся поверхности пола, имеет кругом около 30 шагов; но мне показалось, что это был пятиугольник, коего каждая сторона = 6 шагам (т.е. около 13 фут.), самая же середина углублена.¹ Стоял ли здесь храм какой-либо, или что иное — неизвестно, однако входа никакого не приметно и не видно, чтобы что-либо было выложено камнем. Да и на всем этом месте нашел я только два небольших камушка. От внешнего вала на восток в 65 шагах находится еще неразрытая могила, на коей, однако, также приметны следы прежнего жилья. Окружность оной у подошвы = 210 шагов и высота около 35 шагов (?) (в диаметре по горизонту должно бы быть уже около 67 шагов). Углубление, однако, на самом верху находящегося, всего длиною (в диаметре) 4 шага.

Поодаль еще и 3 могилы, в коих, по словам суеверных, горят иногда деньги.

Первая из сих могил заслуживает, кажется, особенного внимания, и мне нигде не случилось видеть подобного окопа.

Наконеч, прибилился я и к самому городищу, в Станиславской же даче находясь. Находясь лицом к лиману на запад, на крутом берегу одного, место сие с двух сторон — северной и южной — окружено чрезвычайно глубокими рвами, и от одного из них до другого проведен был с восточной стороны ров и вал, а самая внутренность укреплена еще другим валом (см. чертеж²). Между первым валом и вторым, друг от друга отстоящими на 107 шагов, приметны следы прежних зданий, чего внутри укрепления не так заметить можно. Пред входом в первые ворота — довольно глубокая яма, где станиславовцы искали денег, да и по ту сторону рва (за первым валом) также была рыта земля.

Никто из здешних жителей не ведает начала сих городищ, да и из преданий мало осталось в народе. Самую батарею на Станиславской косе никто уже не помнит.

Поговаривают, что будто бы здесь была какая-то царица, которая владела и Парутиным. Предание сие объясняется тем, что после сего также в Кисляковке рассказывали мне, что в Парутине найден камень, на котором высечен герой с мечом и женщина, знать, царица сих мест. Вот вся история.

Верстах в 7 или 8 от Александровки (на Александровской же даче), за Широкою же балкою показали мне еще одно городище, на урочище, называемом *Скельки*, где внизу Рыбалки Милорадовича. Тут тоже вал в 150 шагов от одной балки проведен к другой, но ров пред оным так промыт водою, что ныне и сам сделался небольшою балкою³ (поперечнее, имеющее, однако, стечение и большее как углубление, также и ширину на юг к ближайшей от Александровки балки). Тут также приметны некоторые следы прежних жилищ.

Отсюда верстах в 4-5 урочище Семенов Рог, где хотя и неприметно следов укрепления, однако следы жилья видны на трех местах (между и по обе стороны двух балок). Сперва по обе стороны балок видны 3 и 4 углубления довольно длинных; потом на мысу (высоте) между двумя балками три могилки, длиною в 9—10, а шириною в 6—7 шагов, почти круглые и окруженные малым углублением, бывшим вероятно некогда канавками. Потом на северной стороне второй балки еще большие углубления с выходами, где, может быть, действительно были когда-нибудь порядочной величины землянки, ныне обрушившиеся. Таковые землянки и ныне есть в Кисляковке, ибо здесь, за неимением леса, и прочие жилища (самые порядочные дома) строятся из камыша, обмазываемого глиною. Отсюда до Кисляковки еще верст 5 и здесь много уже видно таких углублений, хотя в разных местах и в разных друг от друга расстояниях. На ближайшем из таковых к Семенову Рогу месте как бы большое круглое углубление, у коего приметен и выход.

Здесь в Кисляковке остановился я для покормления лошадей и уже узнал следующее.

Отсюда верстах в двух находится так называемый Гетманский городок, существующий со времен, когда швед (Карл XII) бежал через Буг за сим в 1 версте. Русская коса, где ныне и деревня Святоотроицкая, а против оной Волошская коса.

Потом коса Ожарская (по подробной карте коса Джарская), за оною следует коса Кривая; после сего (коса) Балабанова и верстах в 7 от Николаева еще Цвелихова коса. Городище же, кроме сего Гетманского, более вверх по Бугу до Николаева уже никаких нет.

Хозяин показывал мне большой кувшин (турецкий), найденный им при пахоте, когда плугом оный и вырыт был.⁴

24 октября 1819 г. В ночи с 23 на 24 октября прибыл я в Николаев. Поутру тотчас посетил я Ивана Матвеевича Будишева (капитан-лейтенанта и начальника Депо карт) и достал от него карту Бугского лимана, карту Черного моря, им сделанную, и астролябию для снятия Ольвии. По полудни отправился я.... через Буг и переночевал в Большой Коренихе у барона Шпинелли.

25 октября из Большой Коренихи поехал я в Парутино, или Ильинское, где остановился у отца Антония. [...]

Вверх по Бугу от Парутина в 5 верстах близ Котельной балки — могилы, где находят монеты, по словам здешних же жителей совсем такие же, как и в Ольвии (также находили ближе верстах в 3 от Парутино на Чертоватой балке). За сим в 1 версте Чуприновского хутора, а еще в 1 версте, т. е. от Парутина в 7 верстах — городище над балкою Малою Дереклеею на земле надворного советника господина Козарского.

Ниже Ольвии в 8 верстах (в 1 версте за Сарикамышами) древнее городище, где также говорят находили греческие могилы (и камень, списанный Кёлером, который у греков Коцаки, белого мрамора величиной в аршин, шириной в 0.5 аршина).

За одним городком в 7 (от Сарымыш в 8 верстах) есть городище над лиманом же, за балкою Аджиголом в 1 версте (ничего не находили?...) [...].

... октября обозревал я крепость Ольвийскую, а план всех окрестностей получил я от г. ст. сов. Бларамберга. План сей снят инженерным офицером, ныне, кажется, в Очакове находящимся.

В Ольвии имел я случай купить разные монеты. Другие таковые же получил я от г. Бларамберга, Давида Давидовича Юргенса, управителя в Ильинском...

ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 132, л. 17 об.—23 об., 26, 27—27 об. Автограф. Впервые опубли.: *Тункина И. В. П. И. Кёппен как исследователь Ольвии : (Становление археолога) // Археологические вести. 2000. № 7. С. 364—367.*

1 Черновой чергез см.: ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 42, л. 6 об.

2 Там же, л. 2. Эти черновые наброски впервые опубли.: *Тункина И. В. П. И. Кёппен как исследователь Ольвии : (Становление археолога) // Археологические вести. 2000. № 7. С. 365—367. Рис. 1—3.*

3 И в Харьковской губ. в 18 лет из канавы сделался глубокий яр. — *Примеч. П. И. Кёппена.*

4 Здесь же рисунок античной острононной амфоры.

№ 6

ПИСЬМО В. В. КАПНИСТА К МИНИСТРУ ДУХОВНЫХ ДЕЛ И НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ КНЯЗЮ А. Н. ГОЛИЦЫНУ

10 декабря 1819 г.

Извините снисходительно Ваше Сиятельство смелость мою отвлечь письмом сим на несколько минут внимание ваше от ваших обременяющих вас занятий. Удостоверение в том, что Вы не презираете ничего, относящегося и самомаallestше к ученой части, ободряет меня в предприятии моем.

Таврида, со всеми знаменитыми древностями своими, принадлежит давно уже нам, но ни один из ученых людей в отечестве нашем не посвятил до сих пор трудов своих на точное исследование достопамятностей, погребенных в оной. Даже стародавние, весьма важные по истории урочища доказательно не означены. Развалины славного города Херсона одни отыскивают близ Севастополя, другие в Козлове, а некоторые даже на Тарханском мысе; о местах же, менее значительных, никакого почти сведения не имеем. Иностранные ученые люди и путешествующие из любопытства в Крым почитают себя в полном праве упрекать нас непротительным небрежением и холодною к важным изысканиям, к которым только нам одним легчайшие и почти исключительные способы открыты.

Нынешнею осенью был я в Тавриде и по поверхностному некоторых мест обозрению могу чистосердечно удостоверить Ваше Сиятельство, что малейшее упущение времени и коснение в приятии нужных мер осторожности лишило бы самых усердных и просвещенных изыскателей последнего средства к открытию древностей. В доказательство истины сей приведу весьма разительный пример. Близ Севастополя в недавнем еще времени были видны довольно пространные развалины стен древнего Херсона, могущие удостоверить о обширности города сего; теперь уцелел только один двадцатисаженный обломок, и то уже в середине подрытый. Все пространство, на квадратную почти версту, твердынями в древности окруженное, представляет усыпанную камнями площадь, по которой и ныне еще, после дождей наводнений, отыскивают древние монеты. Если действительно в городе сем великий князь наш Владимир принял христианскую веру, то не прилично ли было бы оставить там хотя малый памятник самоважнейшего для нас события?

После краткого объяснения сего осмеливаюсь предложить Вашему Сиятельству на благоуважение, не угодно ли будет принять надлежащие меры о недопущении впредь для казенных и частных строений истреблять в Тавриде остатки древних зданий и твердынь? Сверх того, не бесполезно было бы, кажется, отправить несколько ученых людей для исследования, как там, так наипаче на Таманском острове, древностей и для точного определения урочищ, достопамятными преданиями в истории прежних тысячелетий толико знаменитых. Ученая Европа ожидает подвигов сего от просвещения нашего, которого успехам посвящаете Ваше Сиятельство неусыпные труды свои.

Повторяя покорнейшую просьбу о извинении смелости, которую пришло я обременить Ваше Сиятельство сообщением мысли, внушенной мне рвением к славе отечественной, честь имею пребыть и проч.

С подлинным верно: директор Департамента народного просвещения Василий Попов.

ПФА РАН, ф. 2, оп. 1-1820, д. 1, л. 5—6 об. Писцовая копия. Впервые опубли.: Капнист Василий Васильевич // Словарь достопамятных людей русской земли, составленный Бантыш-Каменским. СПб., 1847. Ч. 2: Б—П. С. 82—84.

№ 7

ИЗ «КРАТКОЙ ЗАПИСКИ О ПОЕЗДКЕ К КАВКАЗУ И В КРЫМ» (1819 г.) П. И. КЁППЕНА, АДРЕСОВАННОЙ ГРАФУ Н. П. РУМЯНЦЕВУ

7 января 1820 г.

[...] *Стольное*. Село Стольное, принадлежавшее покойному графу И. А. Безбородко, куда перевезены многие камни с греческими надписями и некоторые барельефы, найденные на развалинах древней Ольвии, обратило на себя наше внимание. Там занялись мы копированием сих древностей, которые важны особенно потому, что дают понятие о степени просвещения, проявившегося на берегах Черного моря в пределах нашего Отечества уже за 5 веков до Р. Х.

[...] Из Херсона следовал я берегом мимо Глубокой пристани к Станиславке, и отсюда чрез деревню Александровку берегом Бугского лимана до Николаева. На сем пути искал я следов Церерина храма, который, по словам Геродота, здесь стоял на мысе Ипполаевском. Я нашел тут несколько городищ, но явных признаков прежнего храма не мог я отыскать. Одно только место показалось мне очень необыкновенным. Оно находится в полутора верстах от Станиславки и жителями именуется Разрытым курганом.

Но кургана или могилы на сем месте кажется никогда не было. Внутренняя небольшая плоскость, окруженная рвом и наружным валом (в 212 шагов), с первого взгляда кажется круглой, но по точному рассмотрению можно заметить следы равностороннего пятиугольника, коего каждая сторона равняется 6 шагам (около 13 футам).

Из Николаева, коего Депо карт по хранящимся в оном древностям заслуживает особенное внимание, подъехал я к развалинам Ольвии. По прибытии в село Ильинское (или Парутино) я того же дня отправился к древнему городищу, из остатков коего построены и Очаков, и Кинбурн, и близлежащие селения. Здесь осмотрел я и положение места, которое уже посещал я в 1817 г., и на другой день с помощью астрольбии снял план древней крепости. Еще посетил я одно неподалеку отсюда, но повыше села Ильинского находящееся городище и другое также место (Чертоватую балку), где также под землею находили греческие монеты (большею частью с изображением Пана, очень отличного от Пана, находимого на монетах Пантикапейских). Собрав сведения о других вниз по Бугскому и Днепровскому лиманам приметных близлежащих городищах, я по причине худой погоды не мог побывать в Очакове, который видел уже в 1810 и 1817 годах.

В Одессе скопировал я план Ольвии со всеми окрестностями оной, который сделан был для Его Величества Государя императора. Здесь же г-н статский советник Бларамберг укомплектовал собрание греческих надписей с ольвийских камней, коих вместе с теми, которые потом списал я в Харькове, всего имею ныне 16.

В Николаевском депо сделаны также для меня 1) карты Буга с означением глубины оного, для определения, какие именно корабли могли подходить к Ольвии, и 2) карта окрестностей Ольвии от Херсона до реки Куелника. [...]

В Харькове занялся я соображением сведений, собранных о древней Ольвии. Город сей, почитаемый милетскою колониєю, основан около 655 г. до Р. Х. и в последний раз был разорен около половины 3 века по Р. Х. Я убедился в том, что он был главным посредником в торговых отношениях Европы с Азией и что жители его езжали даже за Уральские горы, что все подтвердить можно ясными доводами из Геродота и других писателей. В 3 веке прекратились сии промыслы, которые уже во времена Страбона стали кажется приходить в упадок. Вот причина, почему (как говорят) в Южной России, даже в Слободской Украинской губернии

находят только римские монеты, чеканенные прежде 3 века или в начале оного. От Ольвии составил я в Харькове особую статью, которую осмелюсь впоследствии времени представить Вашему Сиятельству.

ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, л. 129, л. 22, 30 об.—31 об., 33. Автограф. Впервые опубли.: Тункина И. В. П. И. Кёппен как исследователь Ольвии : (Становление археолога). С. 368.

№ 8

ИЗ СТАТЬИ П. И. КЁППЕНА «ОЛЬВИЯ. ДРЕВНИЙ ГОРОД НА РЕКЕ БУГЕ»

1820 г.

ГЛАВА 3. О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ОЛЬВИИ

[...] Ныне развалины Ольвии находятся во владении графа А. Г. Кушелева-Безбородко, в одной версте с половиною ниже села его, которое пред сим по оврагу именовалось Парутино, а теперь по прежнему владельцу графу Илье Андреевичу Безбородко называется селом Ильинским. Расстояние оных от Очакова прямым путем составляет без малого 35 верст; берегом же верст около 40, как явствует и из приложенной при сем карте, на коей место сие названо Сто могил (лит. В). [...]

ГЛАВА 5. ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА

Геродот, говоря о скифском царе Скилесе, повествует, что оный при посещениях Борисфена обыкновенно оставлял армию свою в предместии, а сам входил в город, запирая на это время градские ворота. Предместию, в коем можно расположиться целой армии, без сомнения, надлежало быть довольно обширным. Когда я в 1817 и 1819 годах был на развалинах Ольвии, то имел случай удостовериться в пространстве сего города, и видеть как самую крепость, так и места, занимаемые некогда сим предместьем.

Я прилагаю при сем два плана Ольвии. Первый, полученный мною в Одессе от г. статского советника И. П. Бларамберга, каким-то инженером был снят для Его Величества Государя Императора и на нем показаны город и все пространство, на коем приметно еще прежнее жилье; другой, который сам снял я в октябре месяце истекшего 1819 г., представляет один только город или два места пред сим, обведенные стенами и защищаемые круглыми и угольными башнями.

Из последнего сего плана явствует, что крепость была очень невелика. Вся длина оной составляла менее полуверсты, а ширина не превышала нигде 150 сажень. Но сему удивляться нечего... Крепость Ольвийская была нерегулярная и почти треугольная; жители при построении оной сообразовались с местоположением. Главная часть сего укрепления находилась на возвышенности, коей высота равняется 34 сажням. С восточной стороны находился крутой берег Буга, с западной — большой овраг, называемый ныне *Заячьей балкой*, а с северной — небольшие углубления или тоже малая балка. Так как последняя сторона сия, по положению своему от неприятельских нападений, была менее обеспечена первых двух, то здесь и находились разные башни. Другая половина занимала часть горы и часть *подола* или низменности, которая лежит не выше 3 или 4 сажень над Бугом. Ныне здесь нет уже никаких стен, остались одни только следы оных — небольшие валы, окопы и места, где некогда стояли башни... Это ямы или углубления, внутри иногда имеющие возвышенности. Однако прежнее основание оных ясно различить можно, ибо основание круглое в последствии времени никогда само собою не делается угольным, хотя противное иногда и может случиться. Тут видны места, где находились некогда городские ворота, с обеих сторон защищаемые башнями; и поныне это обыкновенный вход к развалинам сего города. Приметны следы прежних водопроводов, которые состояли из глиняных труб, влагаемых одна в другую и проводимых под землю, куда было нужно. На местах, где трубы сии повреждены, и поныне бывает сырость, а из одного такого водопровода, означенного и на моем плане под литерою С, который открыт был пред самым посещением Ольвии великим князем Михаилом Павловичем, текла вода, как говорят,

весьма чистая. Ныне крайние к Бугу трубы сего водопровода из земли вырыты и отвезены к владельцу села Ильинского.

Но в самой крепости жила только меньшая часть ольвийцев. Гораздо большее число оных населяло, без сомнения, все пространство или урочище по множеству курганов на оном находящихся, называемое ныне *Сто могил*. Здесь, от Широкой балки почти до нынешнего села Ильинского (или не более как на 0.5 версты от оного) в длину, на две версты с половиною и более, а в ширину расстоянием от Буга версты на полторы, в окружности же всего слишком на шесть верст, — везде еще приметны следы прежних жилищ.

Небольшое углубление, по коему ныне подъезжает к городку, по-видимому, также было некогда окопом укрепления, лежавшего над Бугом. Тут приметна малая возвышенная полоса, подобная следам прежнего вала или места, где находились стены внутри сего окопа, гораздо более находится следов прежнего жилья, нежели вне оного. Ров этот в последствии времени кажется промыт водою и таким образом сделался небольшим оврагом. Ныне часть сего укрепленного места отошла ко вновь разводимому здесь над Бугом саду. Да и сама пристань, без сомнения, находилась не в крепости, а вне оной. Жители здешние уверяют, будто бы в верховую погоду, а особливо при СЗ ветре, когда вода отступает от берега, виден бывает еще мост, у коего некогда приставали корабли. Они прибавляют к сему и то, будто бы пристань сия некогда для прочности залита была свинцом. Последнему известию конечно трудно верить, однако я и от довольно достоверных людей слышал, что крестьяне ильинские нередко находят металл сей и продают оный. Впрочем, такового рода строения в истории не беспримерны. Геродот повествует, что ассирийская царица Нитокрис (или Нитокрида) при построении в Вавилоне моста из ломаных камней связала оный железом и свинцом (Герод., I, 186). Прямо к сей пристани кажется лежала от северо-запада дорога, коей следы, если не ошибаюсь, и поныне приметны на горе, не в дальнем расстоянии от крайних могил, идучи от городка к тому месту, где ныне сельское кладбище. Может быть, по сему направлению находились и *Амаксиотские* или *повозочные* ворота, чрез которые, вероятно, провозима была большая часть товаров, бывших предметов ольвийской торговли.

О воротах Амаксиотских говорится в эллинской надписи, иссеченной на четвероугольном столпе, который из Ольвии перевезен Черниговской губ. в село Стольное, принадлежащее также графу Кушелеву-Безбородко и состоящее от Чернигова на СВ верстах в 50 или 60. В сей же надписи упоминается и о других еще воротах Эпидаврских, вероятно, по близлежащему храму Эскулапа так называвшихся.

Но таковые топографические разыскания требуют, чтобы пожить в Ольвии большее время, я же имел случай посещать оную оба раза только на несколько дней. [...]

ГЛАВА 6. МОГИЛЫ В ОЛЬВИИ

Множество курганов, в сем месте возвышающихся, было причиною, что все урочище в новейшие времена получило название *Ста могил*. Следы прежних жилищ приметны почти по всему пространству (до Широкой балки), на коем рассеяны могилы сии. Два из них преимущественно пред прочими отличаются своею величиною.

Ближайшая из сих к древней крепости могила у самой подошвы в окружности имеет 285 шагов. Высота оной от низу до самого верху 13 сажень. От верха в 8.5 сажень могила обложена была толстыми плитами тесаного раковичного камня, который ныне крестьянами употреблен на постройку изб; окружность могилы в том месте, где она обложена была камнем, — 56 сажень.

Вторая могила от сей в расстоянии 450 шагов на СВ ближе к селу Ильинскому. Она также кругом обложена была камнем.

Наклонность обеих могил сих на юг. Это замечено уже и у многих других могил. Господин инженер-подполковник Пароки, разрывший около Тамани несколько могил, под коими были склепища, заметил, что под сею же наклонностью бывает и вход в склепища, к которым иногда спускаться должно вниз на несколько сажень. Вход сей так же заложен бывает камнем.

Намереваясь впредь познакомить читателей с занятиями господ Пароки и Дебрюкса, из коих последний занимается разрытием могил близ Керчи, где нашел он много достопримечательных редкостей, я замечу только, что обыкновение изъяслять некоторым образом уважение свое к покойнику присыпанием могилы его землею и по наше время сохранилось. [...]

...Нет, однако, сомнения, что жители города Ольвии, поблизости одного могли иметь загородные свои дома. Может быть, были тут и небольшие деревушки. Следуя от Херсона берегами Днепровского и Бугского лиманов до Николаева, а оттуда правым берегом Буга вниз, я видел разные городища, из коих некоторые, вероятно, должно будет отнести к тем временам, когда существовали здесь греческие колонии. Описание сей береговой поездки я при сем прилагаю в виде особенной статьи. Здесь же упомяну о том только, что, еду из Коренихи верстах в трех на север или вверх по Бугу от села Ильинского, а от древней Ольвийской крепости верстах в четырех с половиною, близ так называемой Червотатой балки, любопытство побудило меня остановиться для осмотра могил, которые находятся тут влево от дороги. Приближаясь к оным, я заметил пыль, наподобие дыма из одной могилы извергаемую и ветром разносимую. Наконец взойдя на сию могилу, я увидел, что мальчик, вырывший яму и влезший в оную, выбрасывал землю, в коей искал он ольвийских монет. В последствии времени я имел случай видеть здесь находимые монеты, которые легко отличить можно от прочих, отыскиваемых большею частию в самом Буге.

С другой стороны Ольвии, верстах в 8 вниз по Бугу и в 1 версте за урочищем, называемым Сарыкамышами, видно городище, в коем по словам некоторых здешних жителей также находили греческие вещи; уверяли меня, что здесь же найден камень с эллино-греческой надписью, хранящийся у грека Кацаки. Однако сему трудно верить. Гораздо правдоподобнее то, что камень сей вместе с прочими ему подобными, по обещанию (ex voto) изсеченными камнями, найден в Ольвийской крепости, где принадлежал оный храму Аполлона. Если же и действительно этот камень тут найден, то должно сперва решить, не остался ли оный здесь в то время, когда перевозимы были из Ольвии камни вниз по Бугу к Днепровскому лиману для построения Очакова и Кинбурна. [...]

ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 42, л. 13—14, 40 об., 47—49 об., 51—52. Автограф. Впервые опубли.: Тункина И. В. П. И. Кёппен как исследователь Ольвии : (Становление археолога). С. 368—370.

№ 9

ИЗ «ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК» П. И. КЁППЕНА О КОПИРОВАНИИ ДЕКРЕТА В ЧЕСТЬ ПРОТОГЕНА

1821 г.

7 декабря 1821 г. Стольное. Из Борзны чрез Комаровки отправился я в Стольное, местечко, принадлежащее ныне графу Александру Егорьевичу Кушелеву-Безбородко, куда перевезены многие ольвийские надписи. Одна большая на беломраморном столбе, мною в 1819 г., когда я был здесь вместе с И. А. Гарижским, оставалась несписанною. На оной с одной стороны приметно 97, а на другой 100 строк. Столб сей, лежавший в коридоре, был перенесен в комнату, и я с утра до 2-х часов ночи занимался списанием и поверкою сей надписи. Равномерно сверил я и те, кои находились в гроте (где оные вделаны в стены), и с коих списки я беру с собою в чужие края. Барельеф, снятый г. Бороздиным и Ермолаевым, и представляющий, вероятно, жертвоприношение Эскулапу, нашел я довольно верным, а в надписи, напечатанной г. Кёлером в издававшемся в Дерпте журнале *Dörpt. Beiträge (von Morgenstern)* кажется несколько в подлиннике отлично от напечатанной (особливо в слове доходохранилище и проч.).

ПФА РАН, ф. 30, оп. 1, д. 137, л. 9 об.—10. Автограф. Впервые опубли.: Тункина И. В. П. И. Кёппен как исследователь Ольвии : (Становление археолога). С. 371.

ИЗ ПИСЬМА С. М. БРОНЕВСКОГО К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ МОИДР
А. А. ПИСАРЕВУ

7 сентября 1823 г.

...Желал бы... лететь за славой по указанному Вами пути; к сожалению нахожу, что у меня крылья подрезаны. Лестные виды, вами представленные, возбуждают всю мою ревность и самолюбие, но в то же время они осложняются препятствиями, которые на сем пути встречаются, *первое*, недостаток моих сведений в таком деле, в коем я только охотник, любитель, ученик. *Второе*, недостаток моих способов; ибо я имел не более 2-х тыс. рублей дохода с некоторыми долгами, для расплаты с коими я продаю единственное мое имущество, сад, разведенный мною близ Феодосии, не могу делать разездов для проверки на месте описаний разных предметов древности, рассеянных в Новороссийском крае. Притом нужно иметь искусного рисовальщика; это опять новая издержка. Если бы вместе с охотою судьба доставляла и средства, я был бы самый усердный исполнитель желаний и предположений общества.

Желал бы заняться ближайшими ко мне предметами: Феодосийским музеем и керченскими древностями, и доставить обществу полную опись. Но мертвое объяснение на письме не удовлетворяет воображению любителей древности: нужны рисунки. Вот опять непроходимое препятствие! У нас художники так же редки, как в степях плодовые деревья. Я буду стараться преодолеть сие препятствие, пользуясь случаем, сколько от меня зависит.

ОР РГБ, ф. 203, оп. 1, л. 2, л. 75—75 об. Подлинник.

№ 11

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОСТРОВА ФИДОНИСИЯ¹

[Не позднее 30 июня 1823 г.]

Слово Фидонисий есть греческое, составленное из *Фиди*, змея и *Нисок*, остров, что и означает Змеинный остров. Он лежит в широте северной 45°. 15'. 53", в долготе от Парижа к востоку 27°. 46'. 14.5". От подошвы до вершины своей состоит из дикого голышевого камня. Мал, бесплоден, и в окружности своей имеет 925 сажень.

Остров окружен высокими и неприступными скалами, кои в некоторых местах сажень от поверхности моря 17 сажень. Земли на острове очень мало, и едва на фут или на два в глубину простирается, везде виден камень, и на впалых местах, коих нельзя назвать ни долинами, ни балками, хотя несколько поболее, но и там не более двух аршин оной. Пахатных мест здесь нет, и к тому удобной земли десятины три или четыре едва выбрать можно. Грунт земли, где только она есть, чернозем, самый жирный, и это потому, что здесь водится много чаек.

В бытность нашу там они высиживали свои яйца; их было такое множество, что нельзя было переступить два шага, чтобы не встретить гнезда или два сряду. Здесь водятся также и бакланы, но не в таком большом количестве, как чайки. Видели несколько горлиц, но очень мало, а других птиц здесь вовсе нет.

На острове не растет ни лес, ни кустарник, нет на нем ни одного дерева, и не видать даже ни шиповнику, ни же кустов можжевельных, кои каменистому грунту более всего приличны. Здесь растет: ржанец, пырей, лебеда, цыкория, шавель, ромашка и по ямам осока, ароматических и других трав, полевых и душистых цветов нет.

На острове водится много змей. В двухсуточное наше там пребывание видели мы их около сотни; они черные, длинные. Другого рода змей мы не видели и, вероятно, их нет.

Глубина моря около острова везде хорошая, в расстоянии ста сажений от берега бывает она 8 сажений, дно чистое, не имеет подводных камней, но грунт повсюду ракушка.

У сего острова можно укрыться от всякого ветру, надобно стать только на якорь поближе к берегу, что учинить можно без всякой опасности, но при перемене ветра нужно сниматься и переходить на противоположную сторону острова.

По оставшимся развалинам полагать надобно, что непременно было в древности на острове жилище, нельзя, однако же, думать, ни полагать, чтобы могло жить здесь много людей, а паче, чтобы они в состоянии были прокормить себя произведениями острова. Он очень мал, земли на нем всего около 16 десятин, не имеет леса. Не могут водиться в большом количестве ни овцы, ни рогатый скот. Нет закрытой гавани, ни постоянного пристанища. По грунту дна морского стоянка здесь не хорошая, и остров сей не мог производить ничего такого, которое бы могло приманить к себе мореходца. Правда, на острове мог бы родиться виноград, и люди посильными трудами своими могли завести всякого рода фруктовых деревьев, но не в таком количестве, чтобы они достаточны были вознаградить другие потребности, коими люди в течение жизни своей нуждаются.

Очень может быть вероятно, что сии развалины суть остатки какого-нибудь храма и что жившие на нем пользовались жертвоприношениями мореходцев, как и после водилось у христиан, а паче у греков, кои по разным приморским местам строили монастыри, и добродетельные христиане, проплывая мимо, посылали по обещанию на церковь Божию подавание для благополучного и успешнейшего плавания.

Остатки стен, кои на поверхности острова существуют, складены из крупного тесаного камня, но без извести. Такового рода строения можно видеть на полуострове Крыме около Георгиевского монастыря, по дороге из Севастополя в Балаклаву, и по всему Херсонесскому мысу, где был древний город *Херсонесо-Таврической*. Стены местами простираются в высоту аршина на полтора, а в других [местах], где камни попадали, сравнялись с землею. Остатки сих стен означены на *карте*, где не только соблюдена верность в измерении, но сохранено положение и направление оных по компасу.

Здесь непременно должно было быть какому-нибудь капищу; ибо на сем месте отыскал я пять мраморных штук, окаймленных хорошим карнизом, кои полагать надобно составляли пьедестал истукана. Две штуки, из коих одна длиною в 3 фута 4 дюйма, а другая в 1.5 фута взял я с собою; остальные, которые почти равной меры с первыми, оставлены на месте.

На вершине острова находится колодец глубиною в 15 фут, обложенный камнем. Воды в нем одна сажень, она пресна, хороша, но имеет иловатый дух, вероятно, потому, что стоит без употребления.

Кроме сего есть еще здесь два колодца. Они четверугольные, обложены также камнем, оба засыпаны, однако ж, один, который находится в большой ямине, мы несколько откопали, и вода тотчас показалась. Все они назначены на плане точно на тех местах, где в натуре существуют.

На вершине острова, около бывшего большого здания, видно несколько ям, обкладенных камнями. Они кажутся ископаны для того, чтобы в них собиралась вода, и служили водохранилищами. Это было весьма нужно для жителей сего острова; ибо как уже мною сказано, оный состоит весь из камня и потому в жаркое лето во время большой засухи легко колодцы могли высыхать или чувствительно убавляться.

На острове видны три рода стен, кои местами поравнялись уже с поверхностью острова, они показаны на плане под литерами *aa*, *bb*, *cc*, и в сем случае сохранена вся точность, как в мере длины, так в положении и направлении оных; те части, кои поравнялись с землею и не столь приметны, означены одним пунктиром.

Западная часть острова, а паче земля между стенами *aa*, *bb*, есть самая лучшая и удобнейшая в сравнении с прочими местами. По сему случаю, полагаю я, были построены сии стены, чтобы загородить оную. Стена *aa*, вероятно, была построена для того, чтобы сохранять скот, не допускать оный до берега, где легко мог падать, ибо берега острова столь круты, что почти перпендикулярны, а местами и навислы.

Шхипер одного греческого судна, Пападаки называемый и жительствующий ныне в Керчах, сказывал мне, что в 1814 году за противным ветром остановился он у острова Фидонисия,

за ним вскоре пришлось туда же одно итальянское судно, они съехали на берег, и шхипер с итальянского судна взял с собою шесть небольших мраморных штук, из коих одна, говорит он, была круглая, окарнизированная, и наверно составляла часть колонны. Сие подтверждает мое, которое и без того не подвержено никакому сомнению.

Я заставил копать во многих местах около стен и везде находил признаки жительство. Во всех показывались разбитые кувшины, горлушки и поддонки, и ручки от разных урн. В одном месте нашел я обломок черепицы, на которой сохранилась и римская надпись, и две ручки от урн, на коих видна греческая. На Фидонисии нашел я мрамор, на котором иссечена весьма древняя греческая надпись.

Остров Фидонисий не имеет ничего на себе белого. Грунт его, как я уже выше сего сказал, чернозем, берега его более красноваты, нежели беловаты. Лебедей на острове нет, но, может быть, прилетают, чтобы кормиться змеями. Однако ж камня, находящиеся на поверхности острова и не покрытые землею, суть цвету белого, они материк, весьма крупные, и их очень много. Может быть, от сего остров Фидонисий назывался Белым островом. Пещер и гротов не имеет. Камня, показанные на плане у подошвы острова, вероятно, обрушились и попадали в море.

На сем острове не могли обитать другого звания люди, окромя жрецов и тех, кои при-служивали храму. Никто не поселился бы сюда для жизненных удовольствий, коих обрести здесь никак не мог. Итак, поелику здесь было жилище, то оное было храм. Одна святость и суеверие могли приманить сюда человека. Других причин нету.

Капитан-лейтенант Критский

АГЭ, ф. 1, оп. I-1826, л. 16, л. 68—71 об. Подлинник; ПФА РАН, ф. 88, оп. 1, д. 19, л. 68—70. Писцовая копия. Первые опубли.: Тункина И. В. К истории изучения острова Фидониси (Змеиный) в конце XVIII—середине XIX в. // ПАВ. 1992. № 2. С. 52—56.

¹ Заголовок документа. План Н. Д. Критского см. рис. 99.

№ 12

ЗАПИСКА Р. А. СКАССИ «ДРЕВНОСТИ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА»

[1823 г.]

Еще не прошло и полвека с тех пор, когда Крым был присоединен к Российской империи, но уже этот благородный край, благодаря неустанному вниманию отечественного правительства, обретает свое былое великолепие. Сельское хозяйство, торговля, промышленность, недвижимые основы всякой цивилизованной нации, вновь оживают; поднимаются новые города, возводятся новые военные и торговые порты; древние города, кажется, восстают из пепелищ. Пантикапей, древняя столица великого Митридата, в скором времени очистится от обломков, под которыми она была погребена в результате нашествий херсонеситов, скифов и татар. Вскоре этот город вновь займет место, уготованное ему самой природой, как один из самых процветающих городов Европы.

Одинаково интересны также памятники искусства этого города, бывшего в былые времена столицей мощной империи. Окрестности г. Керчи, сооруженного на руинах Пантикапея, остров Тамань (Тмутаракань), берега Кубанского лимана, в общем вся территория, омываемая водами Босфора Киммерийского, на каждом шагу открывает ценнейшие исторические древности. Можно с полным основанием утверждать, что более, чем любая другая местность, открытая любопытным взорам любителей древности и нумизматов, эта территория дает богатый урожай монет, не имеющих аналогий надписей и ценных обломков. Эти мощные сооружения, огромные размеры которых говорят о гигантском труде их создателей, которые до сих пор сопротивляются разрушительному воздействию веков, позволяют наконец узнать историю этой стороны, покрытую еще вуалью, полную неясностей вследствие многочисленных потрясений, жертвой которых являлась эта местность. Сокровища, которые будут найдены при раскопках циклопических сооружений и бесчисленных курганов, рассыпанных в окрестностях Керчи,

классифицированные, собранные воедино и опубликованные, станут достоянием ученого мира, и просвещенная публика сможет любоваться ими и изучать их.

После вторжения татары, верные своим привычкам, опустошили, разрушили храмы, где еще виднелись какие-то остатки, изуродовали статуи, используя эти ценные обломки при строительстве своих крепостей и мечетей. С тех пор как Крым стал владением России, путешественники и любители древностей, торопливо проезжавшие по этой щедрой на памятники местности, собрали здесь значительное число ваз, статуй, монет, надписей, и таким образом они оказались потерянными для истории, став собственностью частных владельцев.

Бдительному правительству, к счастью, стало известно об этом, и чтобы прескратить [расхищение древностей], его сиятельство граф Ришелье, Херсонский военный губернатор, распорядился проводить изыскания и раскопки и основать в Керчи хранилище всех предметов искусства, обнаруженных на этой древней земле. Политические события, отозвавшие графа на родину, приостановили воплощение этого плана.

Его сиятельство граф Ланжерон также содействовал росту славы этих мест, начав мероприятия за собственный счет и поручив руководство работами титулярному советнику Дюбрюксу, служащему Керченских соляных копей. По методике, предложенной графом Потопким, были раскопаны многочисленные курганы. Поиски открыли этрусские вазы чрезвычайно тонкой работы и прекрасно к тому же сохранившиеся, золотые и бронзовые статуэтки, монеты, скифские стрелы, дротики, доспехи. К сожалению, эти ценные предметы были рассредоточены, так как не нашлось определенного места для их хранения. Усилия и пожертвования просвещенного покровителя искусств (его сиятельства графа Румянцева), употребившего свое состояние на это благороднейшее дело, не увенчались большим успехом, не имея необходимой поддержки.

Хотелось бы пожелать, чтобы исследования получили дальнейшее развитие и предложить организовать в Керчи музей, который собрал бы воедино результаты раскопок, среди которых была бы масса представляющих чрезвычайный интерес находок, если, как предполагается, поиски распространятся на остров Тамань, берега Боспора и Кубани.

Если наши просвещенные правители и члены августейшей фамилии удостоят чести поощрить это предприятие, это даст мощный импульс и все знатные люди империи поспешат ему содействовать, что принесет успех. Истинные патриоты России, стремящиеся увидеть свою родину во всем блеске славы, должны объединиться для этого полезного дела, которое без сомнения будет находиться под покровительством правительства, не оставляющего равнодушным ни одного предприятия, полезного народу. Антиквару, истинному любителю древностей и богатому покровителю следует объединить свои силы, чтобы способствовать продолжению и дальнейшему развитию исследований, которые с лихвой окупят их скромные пожертвования.

Затем мы увидим ученых, иноземных любителей, которые приедут, со Страбоном в руке, посетить эти земли, навестить руины Акры, Нимфея и Мирмекия, Киммерика и Фанагории, отдохнуть на кресле, сидя на котором Митридат обзавел свои войска и любовался с вершины Боспорским царством, простиравшимся у его ног; приблизиться, наконец, к героям тех далеких времен не только мысленно, но еще и созерцанием памятников искусства, которые соберет новый Керченский музей.

ПОДПИСКА

Сооружение музея, призванного собрать в Керчи древности, найденные при раскопках, которые предполагается провести в окрестностях этого города, и классифицировать их, является абсолютно необходимым и будет организовываться на добровольные пожертвования граждан.

Чтобы окупить расходы на раскопки содержателя музея каждая подписка будет по ___¹ рублей ассигнациями. Эта сумма оплачивается заранее 1 января каждого года.

Для того, чтобы гарантировать подписчику употребление средств и для руководства предприятием, будет создан комитет, в состав которого входят: 1. генерал-губернатор, живущий в Одессе; 2. директор музея; 3. три знатных жителя города.

Первоначально каждые полгода, а затем, когда раскопки будут в самом разгаре, каждые три месяца будет издаваться журнал с описанием и литографическими изображениями предметов, найденных за это время. Журнал будут получать только члены императорской семьи,

министры и подписчики. Любители древности, пожелавшие приобрести журнал, смогут купить его по установленной цене.

Список учредителей (подписчиков) будет печататься в каждом номере.

ИР ЦНБ, V, 1226—1227, л. 6—10 об. Писцовая копия. Перевод с франц. яз. Впервые опубли.: Тункина И. В. Первые годы деятельности Керченского музея древностей // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Т. 3. С. 42—46.

¹ Сумма в документе не указана.

№ 13

ЗАПИСКА И. А. СТЕМПКОВСКОГО, ПОДАННАЯ НОВОРОССИЙСКОМУ И БЕССАРАБСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ ГРАФУ М. С. ВОРОНЦОВУ

10 июня 1824 г.

В Таганрогской крепости, на крутом берегу, возвышающемся над прежним портом, против старинного дома, занимаемого флотским начальником, вкопаны в землю шесть беломраморных статуй, у коих головы, а частью и руки отбиты. Увидевши нечаянно, в прошлом апреле, сии фигуры, я с любопытством осматривал оные и нашел, что 4 из них, резца превосходного, принадлежат без сомнения к греческой древности; одежда, коею они покрыты, отделки самой изящной. Они изображают двух мужчин и двух женщин, и, сколько можно судить по положению рук, украшали, вероятно, надгробные памятники.

Стоящие особо, немного поодаль, две фигуры, также изображают мужчину и женщину, и взяты, вероятно, также с гробниц. Но отделки сих последних показывает, что они принадлежат ко временам позднейшим, в которые искусства были уже в упадке.

Любопытные сии памятники, стоя без присмотра на открытом и незагороженном месте, подвергаются совершенному истреблению; легко может случиться также, что они когда-нибудь будут похищены каким-нибудь проезжим знатоком и любителем древностей, который усмотрит настоящее их достоинство. Для предупреждения сего, весьма бы желательно было, чтобы статуи сии были прибраны в безопасное место и тщательно сберегаемы; всего бы лучше было приказать перевезти их в один из музеев, которые граф Михаил Семенович¹ намеревается учредить в Керчи и в Одессе.

Но взявши меры к сохранению сих остатков древнего греческого искусства, весьма любопытно бы было, для распространения исторических и географических сведений наших о греческих селениях по берегам Черного и Азовского морей бывших, — весьма любопытно было знать: *в каком именно месте найдены сии статуи, и откуда и когда перевезены в Таганрог*; ибо известно, что собственно в Таганроге никогда не было находимо греческих древностей. Сколько ни расспрашивал я о сем на месте, все изыскания мои были безуспешны.

Нужно бы поручить тамошнему градоначальнику разведать о сем от старожил, и постараться отыскать в архивах какое-нибудь о том сведение.

Четыре статуи, о коих упомянул я прежде, должны очень давно находиться на занимаемом ими ныне месте. Положение их вблизи от старой гавани, и против дома, который по вежкости своей и разным украшениям, принадлежит, кажется, ко временам основателя Таганрога, заставляет меня догадываться, что они были перевезены откуда-либо морем, и, быть может, еще в царствование Петра I. Сия мысль подтверждается и потерей предания относительно происхождения их. Если статуи сии не привезены откуда-либо из Греции или Малой Азии, то легко статься может, что они взяты были из развалин древнего греческого города Танаиса, видных доселе на правом берегу Дона, в 40 верстах от Таганрога: подтверждение сего предположения было бы очень важно для науки.

Так как нижние части статуй сих зарыты глубоко в землю, то при извлечении их нужно тщательно осмотреть, *нет ли при них пьедесталов, и особливо надписей?*

ИР ЦНБ, V, 1043, л. 1—2 об. Автограф.

¹ Имеется в виду М. С. Воронцов.

ОПИСАНИЕ КУРГАНА, ОТКРЫТОГО НА ТЕНДРЕ¹

17 марта 1826 г.

Открытие кургана на Тендре не было только простое любопытство, как г. Бларенберг в «Северном Архиве» № 24 на 1825 год объявляет. Я, занимаясь описью, которое Ваше Превосходительство² на меня возложить изволили, обращал такое же внимание на отыскание древностей, как и на естественные качества земли, на произведения ее и на все, что может привлечь любопытство путешественника.

Господа офицеры, которые занимались построением маяка, нисколько о том не думали. Им стало известно сие происшествие спустя месяц после того, как я сделал открытие. И то тогда уже, когда я во второй раз прибыл на Тендру для учинения вновь разыскания и объявил им о том лично.

Господин Бларенберг узнал о сем открытии первее всего от меня в 1824 году, в бытность мою в Одессе. Я показал ему все монеты, отысканные мною, дал ему несколько; и [он], собрав после весьма неосновательные известия, впал в заблуждение и счел оный за остатки храма Ахиллесова.

Курган лежит в северной части Тендры, на восточной ее стороне, в двух верстах от нового маяка. Он невелик и очень низок: у подошвы своей имеет около 25 сажень в окружности; вышина его аршин с четвертью, и по такому его измерению нельзя назвать курганом. Он состоит частью из перегнивших веществ и грунта земли.³ В нем было очень мало пеплу и не только основание оного не состояло из сего вещества, как объявляет г. Бларенберг, но мало было оного приметно, и то на том только месте, где, вероятно, стоял очаг. Угольев также много не находили.

По мнению моему, здесь было небольшое строение, из земляного нежженого кирпича, ибо не найдено в сей развалине ничего [из] камня. Можно было полагать, что камни перенесены, но я любопытствовал по всем рыбалкам и нигде не видел. Рыбалки варят здесь, привесив котлы свои к треножникам. У них нет очагов, а хлебы пекут в печках, сделанных из сырого кирпича. На одном только месте, в исподу кургана, найдено два камня, чисто и гладко обтесанные; а черепицы очень мало приметно было, так, что нельзя и подумать, чтобы здание сие было покрыто ею. Сие строение стояло одно, ибо неприметно и нет никаких следов и знаков, чтобы возле оного находилось другое.

К северу от маяка по восточную часть Тендры находили и другие кучи, которые подавали собою знак, что были развалины. Мы любопытствовали открывать оные, но ни в одной не находили ничего, кроме малого числа угольев и птичьих костей, почти уже перегнивших.

По всему надо полагать, что сия часть косы была обитаема. Ибо везде видно, на поверхности оной, правильное разделение земли на загоры. В них находится много одичалого винограднику. Фруктовые деревья также заметны повсюду, но пасущиеся стада, пастухи, а паче рыбаки оные истребляют и не дают никогда им достигнуть до той степени, чтобы давали фрукты.

В сей развалине найдено всего около 1200 монет: между ими было сто или более серебряных, а золотых ни одной не находили. Они не отысканы в сосуде и не лежали в одной куче, а находили [их] везде (по всему пространству, которое занимал курган), высеивая землю.⁴

Между медалями было много: босфорских, ольвийских, херсонесских и римских императоров до разделения империи, несколько восточных императоров и городов: Фанагории, Тираса, Томи, Ираклии и Эфеса, в память побед римских императоров вычеканенные.

Босфорские монеты суть: Митридата Евпатора, Митридата III, Котиса, Савромата III, Савромата IV, Рискупориса, Амизоса, Римиталка и Гипепериды.

Римские серебряные: Августа, Нерона, Веспасиана, Домициана, Трояна, Адриана, Антонина, Марка Аврелия, Септима Севера, Александра Севера, Валериана, Юлии Мессы и Фаустины.

Римские медные: Агриппы, Марка Аврелия, Домициана, Деция, Константина Великого, Константина II, Констанция, Валентиниана, Валенса и несколько монет, чисто изображающих Ромула и Рема, питаемых волчицей.

Все римские монеты, равно и медали, посвященные жителям городов: Эфеса, Ираклии, Тираса и Томеоса римским императорам, вычеканены очень хорошо и сохранились отменно чисто, так что ежели бы я не был зрителем и не отыскивал сам, то не поверил бы, чтобы они были столь давние.

Достойно примечания то, что не найдена здесь ни одна монета греческих городов и республик, в Европе и в Архипелаге находящихся.

В сем кургане нашли мы одну человеческую голову, а с нею в ряд и другие кости, составляющие главные члены нашего тела: они все были белые; нижняя часть челюстей была отпавши от верхней, а в сей последней сохранились еще более половины зубов, других костей не находили. Здесь же выкопали одну черепицу, точно такую, какими покрывают дома. На ней изображен был крест точно такой, как при конце сего в фигуре показан. Под крестом написано было худыми греческими литерами $\chi\rho\iota\sigma\acute{o}\varsigma$ NIKA,⁵ посредине MIKAIΛ,⁶ вероятно, имя усопшего.

В сей развалине нашли пять крестов: один свинцовый в два вершка длины, три медных поменьше и один янтарный еще менее медных; несколько вещиц, таких точно, каковых посылаю Вашему Превосходительству для доставления г. Кёллеру, прилагая тут же и один из трех медных крестиков, в сем же кургане найденных.

По сим признакам полагаю я за достоверное, что здание сие было церковь, или молитвенный дом, греками ($\epsilon\upsilon\kappa\tau\acute{\iota}\rho\iota\omicron\varsigma \omicron\iota\kappa\omicron\varsigma$)⁷ называемые.

Тут же найдены были три небольших обломка плоского мрамора: на одном видно было изображение воина с головы до половины туловища, и часть щита; на другом остальное тело, но ноги были отбиты, и сии две части кажется составляли одно.

Обе половины вместе имели в длину полтора фута. Третий кусок так же плоский, состоял из лучшего мрамора, но были отбиты голова и ноги; туловище было обернуто в мантию.

Севастополь

Капитан 2 ранга Критский

АГЭ, ф. 1, оп. I-1826, л. 16, л. 62—64. Подлинник.

¹ Заголовок документа.

² Имеется в виду главный командир Черноморского флота и портов А. С. Грейг.

³ По всем местам, где Тендра имеет большую ширину, а паче у оконечностей оной, грунт состоит из песку и чернозему, происходящий от сгнивающего камыша, осоки, а паче от помета пасущихся на ней овец. Здесь косят много сена и позбище (пастбище. — И. Т.) зимою бывает весьма хорошее. *Примеч. Н. Д. Критского.*

⁴ Поелику земля состоит из песку и чернозему, то очень удобно было ее сеять. Я велел сделать большие грохоты и в оные высевали, а по отправлении оттуда оставил находившемуся там офицеру для построения маяка, чтобы он продолжал разыскивание. *Примеч. Н. Д. Критского.*

⁵ Христос Победитель (греч.).

⁶ Михаил написано на черепице неправильно, должно быть MIKAIΛ. *Примеч. Н. Д. Критского.*

⁷ Так в документе. Должно быть $\epsilon\upsilon\kappa\tau\acute{\iota}\rho\iota\omicron\varsigma \omicron\iota\kappa\omicron\varsigma$.

№ 15

ИЗ ПИСЬМА И. А. СТЕМПКОВСКОГО К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ А. А. ПИСАРЕВУ

17 августа 1826 г.

[...] Нельзя надеяться, чтобы предположение мое об учреждении в здешнем крае общества для исторических и археологических исследований, могло так скоро исполниться. Но общество московское, занятиям коего не могут быть чужды предметы древности греческой, к областям Российской империи относящиеся, могло бы самым успешным образом заменить сей недостаток. Оно могло бы... поручить некоторым из членов своих объехать Южную Россию, исследовать и определить все древние местоположения и описать существующие еще следы городов и памятников, стараясь об отыскании неизвестных. К членам общества мог бы быть присоединен художник для снятия планов и рисования памятников. Таковое путешествие при-

несло бы величайшую пользу, не стоило бы больших издержек и могло бы быть совершенно в 2 или 3 года, — может быть, и менее. Оно послужило бы к объяснению истории здешнего края, спасло бы от забвения многие памятники, которые, вероятно, скоро исчезнут, и доставило бы любителям древностей утешение равнодушнее взирать на постепенное уничтожение признаков, свидетельствующих о славе древних народов здешней страны.

ОР РГБ, ф. 203, оп. 1, д. 4, л. 21—21 об. Подлинник. Впервые опубли.: Тр. и записки ОИДР. 1827. Т. 3. Кн. 2. С. 198—200.

№ 16

НОВЕЙШИЕ ИЗВЕСТИЯ ОБ ОСТРОВЕ ТЕНДРЕ

Не позднее 14 марта 1828 г.

Северная часть Тендры, имеющая около двух верст в поперечнике, есть самая широкая; в других же местах остров вообще весьма узок. В сей части построен каменный маяк, в 4-х верстах от оконечности острова. Грунт земли около берегов, на некоторое пространство, песок с ракушкою; внутри же острова, песок, смешанный с черноземом, что видно по всем местам, где полоса земли несколько шире, а особливо близ оконечностей. Чернозем происходит от гниения камышей и осоки, а более всего от унаваживания пасущимися зимою овцами: ибо зимнее пастбище на Тендре превосходно, а на лето перегоняют скот на матерой берег.

Начиная от северной оконечности, на некоторое расстояние, видны разбросанные кустарники диких яблок, груш и винограда. По словам одного старого рыбака, начавшего заниматься здесь промышленностью лет за 20 перед сим, вся сия часть острова была покрыта большими деревьями, которые мало-помалу истреблены на отопливание, делание шалашей и прочие потребности. Он же уверяет, что прежде водились тут волки, лисицы и зайцы; ныне же, кроме сих последних, да и то в малом числе, других зверей не видно. По сохранившемуся изустному преданию, в сих местах обитал некогда отшельник, в доказательство чего показывали мне место, на коем, как говорят, была построена его келья; я ничего не заметил, кроме небольшого рва, образующего полукружие, и нескольких кирпичей. Уверяют, что в сем месте была прежде вода, что весьма возможно, ибо она находится везде, стоит только прокопать от 5 до 6 фут в глубину, чтобы получить воду солоноватого вкуса. Тут растут травы, показывающие близкое присутствие воды. Все рыбацки заводы на Тендре имеют при себе колодцы; но лучшая вода находится в двух, около маяка расположенных; из дальнейших заводов ездят сюда за водою, которая хотя также солоновата, но гораздо приятнее вкусом и не столь горька, как в других колодцах. По нивелировке оказалось, что вода в колодцах совершенно на одном горизонте с морем.

Возвышение, в коем, 1824 года, отысканы греческие и римские монеты, камни с изображениями и надписями, и другие древности, прежде разрытия имело, как говорят, фигуру опрокинутого чайного блюдечка, не более аршина с четвертью вышиною и около 25 сажений в обмере основания. Оно лежит в северной части Тендры, сажень в 20 от восточного берега, и состоит частью из перегнивших веществ и земли. В нем было очень мало песку, и основание кургана не только не состояло из сего вещества, как некоторые утверждают, но даже очень мало оно видно, да и то на том только месте, где, вероятно, был очаг. Угольев также много не найдено.

Полагать должно, что здесь было строение из земляного несженного кирпича; ибо в сей развалине не найдено строевого камня. Можно было бы подумать, что камни были отсюда перенесены; но таковых ни в окрестности кургана, ни на одном рыбном заводе не видно. Только близ самого кургана найдены два камня, которые были чисто и гладко обтесанные; да в кургане, как выше сказано, были сокрыты обломки с надписями и изображениями. Битой черепицы очень мало заметно. По всем сим признакам невозможно предполагать, чтобы тут было какое-либо значительное здание. В окрестности вовсе нет следов других строений.

От маяка к северо-востоку, в расстоянии около 6 верст, находится еще несколько куч, похожих на развалины; но при разрытии оных слегка ничего не отыскано, кроме нескольких угольев, и птичьих остовов, совершенно согнивших.

По-видимому, надобно полагать, что часть косы около сих куч была некогда обитаема; ибо на поверхности видны везде правильные разделения земли на загороды. Тут также растет дикий виноград, и заметны фруктовые деревья: но оные никогда не достигают настоящего роста, ибо пасущиеся стада, а еще более рыбаки беспрестанно оные истребляют.

Опубл.: Journal d'Odessa. 1828. 14/26 mars. № 21. С. 84—85.

№ 17

РАПОРТ КОМАНДИРА 2-го БАТАЛЬОНА ВОРОНЕЖСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА МАЙОРА СЕМЕНЦОВА КОМАНДУЮЩЕМУ РЕЗЕРВНОЮ БРИГАДОЮ 11-й И 12-й ПЕХОТНЫХ ДИВИЗИЙ ПОЛКОВНИКУ ЗУБОВУ ОБ ОТКРЫТИИ СКЛЕПА В КУРГАНЕ КУЛЬ-ОБА ПОД КЕРЧЬЮ

28 сентября 1830 г.

По распоряжению начальства, вверенный мне батальон был откомандирован на работу для ломки камня, на постройку землянок переселяющих матросов из города Севастополя в Керчь.

По дороге из Керчи в Феодосию лежащей, в расстоянии от города в пяти верстах на хребте горы, в ряду с курганом, называемым Золотым, на западе стоящий, от коего отделена неглубокою ложиною; по снятии с упомянутой горы возвышенного насыпного кургана 265 кубических сажень камня, и по выборе в глубину 3 сажени, был открыт свод погреба из больших штучных камней.

По донесению о сем Керчь-Еникальскому градоначальнику г. статскому советнику Стемпковскому, 22 сентября сего года было открыто отверстие памятника мною обще с Градоначальником, — по входе во внутренность оного: г. Градоначальника, моем и прочих чиновников, — на наружности ничего не оказалось, ибо древность времени привела сокрытие в нем в тленность, — по собрании разваливших в памятнике гнилых досок, остовы были признаками погребенных трех особ, лежащих в порядке; в правой стороне входа лежали кости лошади, — на скелетах человеческих найдено: две диадемы золотые, нарукавный щит золотой, ожерелья два золотые, браслеты три золотые, полоска золота шириною в вершок, в других местах и шире, длины восемь вершков, как можно полагать, служащая украшением колчана, два рога серебряные с серебряным на них изображением животных, служившее в древние времена победителю бокалом; кубков разной величины четыре, в числе коих один золотой, два серебряных с золотым украшением и четвертый из электрометра, после еще найден серебряный один, два золотых пузырька, кнут золотом обвитой, — металл сохранил вид дерева, бронзовые сосуды, служащие для жертвы, — приношения и для курения фимиама, стальные оружия, копье и меч от ржавчины твердость тела потерянное, но вид еще сохранил, — как вещи, равно и памятник, г. Градоначальник взял в ведение свое, — прописанные вещи все имеют чеканную в различных того времени изображениях работу, золота во всех вещах имеется восемь фунтов.

И в следующие дни продолжался выбор из погреба вещей, хотя тысячелетие тлеющие вещества, сокрытые в могиле, уничтожено признаки, но золото, которое было украшением гробниц, платья и конной сбруи отыскано в земле в немалом количестве, фигуры сего украшения суть тонкие с вычеканенным изображением о разных положениях людей и разных животных, куски несогнувшего пальмового дерева с резьбою, должно полагать, что также были украшениями гробниц.

Скрывающие тысячелетия сию древнюю редкость изображение на вынесенных вещах обещает открытие погребения скифского владетеля или знаменитого полководца.

Считаю обязанностью довести до сведения Вашего Высокоблагородия сие историческое открытие, вспокоянейше прошу не оставить представлением вышнему начальству, — питаю себя надеждою, что полезные труды вверенного мне батальона не останутся без награждения, равно и попечительность моя в сем открытии будет доложена Государю Императору, на все милостивейшее Его Императорского Величества внимание.

При открытии сего памятника находился вверенного мне баталиона штабс-капитан Даровский и прапорщик Шекин-Кротов, заведующая бумагами.

РГВИА, ф. 405, оп. 2, д. 1885, л. 2—3. Писцовая копия.

№ 18

ИЗ РАПОРТА П. И. КЁППЕНА В КОНФЕРЕНЦИЮ
ИМП. АКАДЕМИИ НАУК О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ
В ОДНОМ ИЗ АКАДЕМИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ
ОСОБОГО ОТДЕЛЕНИЯ «МОГИЛЬНЫХ ВЕЩЕЙ»
И ИХ НАУЧНОГО ИЗДАНИЯ

31 марта 1839 г.
(заслушано на Общем собрании АН 5 апреля 1839 г., § 194)

В Конференцию Императорской Академии наук

По поручению Академии я рассмотрел поступившие в оную описание курганов, разрытых при селъце Верхогрязье, Звенигородского уезда Московской губернии, и изображения найденных в них вещей, и ныне долгом считаю донести, что я не решаюсь делать каких-либо заключений о том, какому народу и времени могли принадлежать сии могилы. В отношении к тому, когда эти курганы могли быть насыпаны, в описании встречаются три указания, из коих, однако же, нельзя сделать положительного вывода. [...]¹

[Если бы Имп. Академия наук, со времени основания своего, удостоивала особенного внимания те вещи, которые были добываемы в курганах, и если бы им были делаемы подробные описания с точными указаниями места и времени, где и когда они найдены, то статья может, что теперь мы уже с некоторою вероятностью могли бы делать заключения о могильных предметах, в наши дни отрываемых.

К предметам сим должны бы принадлежать черепа вырытых остонов, глиняная посуда, металлические и всякие другие вещи.]²

Дабы можно было со временем судить с некоторою вероятностью о предметах, добываемых в курганах, для этого нужно бы иметь пред собою собрание могильных вещей с точными описаниями и достоверным означением места и времени, где и когда что найдено.

Такого собрания у нас, к сожалению, еще нет, и вещи сего рода, доставляемые в Академию наук, хранятся большей частью без письменных об них свидетельств. Некоторые из сих предметов, должно быть, найдены еще до учреждения Академии.

Из описаний кабинетов Имп. Академии наук,³ равно из сочинений Мюллера⁴ и Штраленберга⁵ мы знаем, что в наших собраниях хранятся вещи, найденные в Сибири, между Камою и Волгою, около Астрахани и в Новороссийском крае (на западном берегу Днепра); но какие именно те найдены вещи, это едва ли можно будет определить и при помощи самих протоколов Академии.

Если бы о всех открытых в могилах и доставленных в Академию вещах мы имели описания и изображения вроде тех, кои представлены ныне о предметах, найденных в Звенигородском уезде, то, кажется, уже можно бы было приступить к некоторой классификации их.

По сему-то, в пример другим обследователям могил, полезно бы было напечатать в «Журнале Министерства народного просвещения» или в русских «Санкт-Петербургских ведомостях» поступившее теперь в Академию описание, из коего для нашего Бюллетеня или для немецких академических ведомостей я имею честь представить при сем краткое извлечение.⁶ Самые рисунки полезно бы было приложить к полному описанию, причем, однако же, большую часть предметов можно бы представить в гораздо меньшем размере, а некоторые изображения следовало бы опустить, так что из всех 42-х изображений достаточно было бы выгравировать только 23, как это мною помечено на самих рисунках.

[При сем я решаюсь обратиться к Конференции с вопросом, не угодно ли будет: 1) чрез посредство г-на Президента Академии пригласить г-на поручика Толстова, чтобы он пожерт-

вовал Академии найденные им могильные вещи (равно и черепы, буде таковые сохранены), и 2) вместе с тем распорядиться, чтобы описание сих вещей, так же как и изображения их, были возвращены в Академию.

Но да позволено мне будет распространить еще далее мои пожелания на пользу разысканий о предметах отечественных!]

Нельзя не желать, чтобы при Академии наук составилось особое собрание могильных вещей. Если мы не можем уже быть первыми учредителями такого музея, то да не отстанем же мы от просвещенных соседей наших, германцев, которые в Лудвигслусте могут похвалиться драгоценным собранием вещей, добытых в могилах. В Мекленбурге уж в начале XVI столетия герцог Генрих Мирнолюбивый (Heinrich der Friedfertige) стал собирать могильные сосуды, а в половине минувшего (XVIII) века герцог Христиан Лудвиг положил основание нынешнему собранию. Систематические же разрытия могил начались при великом герцоге Мекленбург-Шверинском Фридрихе Франце, который принял на свой счет расходы по изданию изображений и описаний найденных вещей. Все это стало издаваться с 1824 года под заглавием *Friederico-Franciscum oder Grossherzogliche Alterthümer-Sammlung aus der altgermanischen und slavischen Zeit Meklenburgs zu Ludwigslust*. Начатое профессором Шпетером (Schróter) издание ныне продолжается Лишем (G. C. Friedr. Lisch), которому удалось решить недоумение о том, что принадлежит народам словенским и что германского происхождения: результат конечно весьма примечательный!

Обратясь к вещам, открытым в наших курганах, мы видим, что, кроме хранимых в Эрмитаже, которые отысканы около Керчи и составляют особый разряд, вероятно большая часть находится при Императорской Академии наук, и токмо некоторая часть хранится при Императорской Публичной библиотеке, куда поступало собрание г-на тайного советника Фролова, которое профессор Ледебур видел в Барнауле. Другие прииски сего рода принадлежат частным лицам, как например предметы, открытые в литовских могилах и описанные профессором Лобойко; вещи, найденные за Байкалом, и пр.⁷

И что донные сделано для сохранения памяти о сих предметах? Без сомнения, слишком мало! Витсен и Штраленберг уже в начале прошедшего века представили изображения разных вещей, найденных в курганах. Из Бакмейстерового описания Библиотеки и Коллекций Академии наук мы видим, что граф Разумовский, который с 1746 по 1766 год был Президентом Академии, распорядился было о снятии рисунков со всех предметов, входивших в состав академических коллекций, и о гравировании их; но начатый труд остался недовершенным. Мы знаем только, что оттиски заготовленных 26 листов чрезвычайно редки⁸ и что медные доски с изображениями уже не могут быть отысканы. Но потеря в этом случае кажется не слишком велика; ибо при недостатке в тексте и неудобном формате некоторые из объясненных в 1837 г. г-ном академиком Френом предметов, во дни Разумовского были представлены так дурно, что их нельзя не признать совершенно бесполезными (völlig nutzlos).⁹ Впрочем, упрек сей касается токмо изображений таких только предметов, на коих встречались восточные письма. Это заставляет желать, чтобы Академия решилась издать вновь изображения всех тех принадлежащих ей вещей, о коих известно, что они найдены под землею, в могилах.

Так как при многих из хранимых при Академии предметов показан вес, о коем упоминается и в печатных описаниях, то это обстоятельство может быть послужит к открытию следов о том, откуда и когда поступили сии вещи в Академию: ибо должно думать, что при Комитете правления Академии наук, в числе архивных дел, отыщутся и дела о разных вещах в оный от разных мест и лиц препровожденных. С пересмотра сих бумаг должны бы начаться наши разыскания о принадлежащих нам могильных вещах, дабы при издании их решительно можно было сказать, имеются ли при Академии какие-либо от них сведения и какие именно, или нет таковых вовсе.

Особое собрание вещей, найденных и отысканных в могилах, могло бы состоять из следующих предметов:

1. Черепы.
2. Каменные вещи: орудия, молоты или секиры.
3. Глиняные сосуды.
4. Вещи деревянные.
5. Вещи стеклянные (бусы, стеклянки и пр.).

6. Металлические:

1. Кольца и перстни.
2. Серьги.
3. Венцы (находимые на черепах).
4. Браслеты.
5. Пряжки.
6. Всякие орудия.
7. Литые вещи.
8. Бляхи, пуговицы, бубенчики.
9. Чаши, ковши или пр., и в особенности
10. Монеты.

Последние тем важнее, что они могут служить к определению времени, которому принадлежат могилы, и г-н Френ весьма справедливо сожалеет о том, что в прежние времена монеты, найденные в курганах, вероятно, были передаваемы в Нумизматический музей, где они поступили в число обыкновенных монет, часто не заслуживающих никакого внимания.

Все сии вещи отныне должны бы храниться при точных и сколько можно подробных описях, так чтобы о каждой тотчас бы можно было сказать все, что об ней известно.

Если бы Академия наук решилась составить при одном из своих музеев особое отделение могильных вещей, то полезно бы было, при объявлении о сем, пригласить всех и каждого из лиц, обретающих вещи сего рода, представлять оные в распоряжение Академии, при коей сии предметы должны бы храниться как дар приносителя, с означением его имени, или же чтобы те, кои сделают какую-либо находку сего рода, благоволили доставлять в Академию описания, а буде можно и точные рисунки вроде тех, кои ныне получены о вещах, открытых в имении г-на Толстова. В таком случае приглашение это, с присовокуплением образцового описания и рисунков, полезно бы было напечатать в числе нескольких тысяч экземпляров и разослать оные как к гражданским губернаторам, так и к членам-корреспондентам Академии (по крайней мере по 40 экземпляров каждому) для раздачи по усмотрению.

Изложив мое мнение о том, чего должно желать в отношении к предметам, отыскиваемым в могилах, я в полном увереннии, что те, которые после нас займут места наши, будут нам благодарны за сохранение удовлетворительных сведений о современных нам находках, не могу не кончить сего изложения словами знаменитого Риттера о могилах: *Diese Übersicht wird hinreichen zu zeigen, dass etwas ernsthafter, wie bisher, die Aufmerksamkeit auf diese ehrwürdigen Monumente der Vorwelt zu richten ist, um aus ihrer Betrachtung den Gewinn für die älteste Menschengeschichte zu ziehen, den nur sie allein darzubieten im Stande sind, und dass es unverantwortlich gegen die Asche der Vorväter, wie gegen die wissenschaftliche Mit- und Nachwelt ist, durch gewinnsüchtigen Raubvoher Privaten immerfort eins dieser Monumente nach dem andern auf eine ganz unfruchtbare Weise zerstören zu lassen*» (см.: *Carl Ritter. Die Vorhalle europäischer Völkergeschichten von Herodotus um den Kaukasus und an den Gestaden des Pontus. Berlin, 1820. S. 258*).

П. Кёппен

При сем возвращаются: Описание разрытых курганов и найденных вещей Московской губернии в селъе Верхогрязье, и при нем изображения на трех листах.

31 марта 1839 года

ПФА РАН, ф. 1, оп. 2-1839, д. 10, 194, л. 1—6 об. Подлинник. Автограф П. И. Кёппена; ф. 30, оп. 1, д. 45, л. 8—11. Черновой автограф П. И. Кёппена.

¹ Опушен текст с описанием раскопок курганов.

² Здесь и далее в квадратные скобки заключен текст, вычеркнутый в черновике и отсутствующий в чистовом варианте записки.

³ *Musei Imperialis Petropolitani. Vol. I. P. 1 (1741. 8°)* на с. 196; *Ос. Беляева* Кабинет Петра Великого (СПб., 1800. 4°). Ч. 1. С. 204. *Примеч. П. И. Кёппена.*

⁴ *Müller, in I. I. Haigolds. Beylagen zum neuerländerten Russland (1770. 8°). Th. II. S. 208; Ежемесячные сочинения 1764 года. Примеч. П. И. Кёппена.*

⁵ *Ph. Io. v. Stralenberg. Das Nord und ostliche Theil von Europa und Asia (Stockholm, 1730. 4°). S. 312, 313, 317. Примеч. П. И. Кёппена.*

⁶ См.: *Köppen P. von. Über einen Gräberfund im Moskauschen Gouvernement // BS. 1839. T. 5. № 23—24. P. 383—384.*

- 7 См. статью мою: Über Tumuli in Russland, напечатанную в Bulletin Scientifique. Т. 1. № 18. *Примеч. П. И. Кёппена.*
- 8 См. выписку из журнала Канцелярии АН о печатании гравюр с экспонатов Кунсткамеры (всего 26 гравюр); Материалы для истории Имп. Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 351. Гравюры хранятся в РА ИИМК: р. I, д. 1231 (альбом в переплете XIX в.).
- 9 См.: Mémoire de l'Académie Imp. des Sci. de St. Pétersbourg. VI Sér. Sciences politiques etc. (1838. 8e). P. 234. *Примеч. П. И. Кёппена.*

№ 19

«ПРАВИЛА, КОТОРЫЕ НАДЛЕЖИТ СОБЛЮДАТЬ ПРИ РАЗРЫТИИ КУРГАНОВ И ВСКРЫТИИ В НИХ ДРЕВНОСТЕЙ», ПРИНЯТЫЕ ОДЕССКИМ ОБЩЕСТВОМ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ

4 июня 1843 г.

Приступая к разрытию курганов, кроме орудий, необходимых для работников, надо за-
пасться еще следующим:

1. Компасом, для вернейшего определения в нужных случаях стран света.
2. Длинною меркою, с означением на ней многих сажень, аршинов и вершков.
3. Простынями для предохранения вырытых вещей от действия воздуха, солнца и ветра.
4. Клеенками для сбережения в случае дождя.
5. Корзинами или ящиками для укладки вещей.
6. Хлопчатую бумагою для обертки их.
7. Сосудом для собирания пепла.
8. Свечами, бумагой, карандашом и проч.

Пред разрытием кургана должно:

- а) сделать топографическое описание местности, на которой он находится: на ровном
это месте, или на возвышении, в ряду других курганов или отдельно, близ какого урочища.
- в) смерить высоту его и окружность.

Начавши работу, должно вести протокол разрытия, в котором означать:

1. Откуда, с какой стороны, с какого места началось разрытие и в каком направлении.
2. Какою оказывалась разрываема насыпь — чисто земляною или с камнями, или с
золотом, и какого рода эта земля или камни. Если насыпь сделана слоями, то в каком направ-
лении эти слои, их толщина и направление. Всего лучше эти наслоения срисовать. Буде
в основании кургана окажутся камни, то означать, как они расположены, обработанные ль они
или натуральные.

3. Случается, что вазы и другие вещи находятся зарытыми просто в земле. В таком случае
означить, на какой глубине они найдены, над или под поверхностью почвы, и в каком поло-
жении: вертикальном, горизонтальном или склоненном.

4. Если случится дорыться до склепа, стараться осмотреть его внимательно, для того,
чтоб не делая нового в него входа, сыскать старый вход, который обыкновенно бывает закрыт
большою каменною плитою. Отыскав такой вход, осторожно открыть его на несколько вре-
мени для обновления в гробнице воздуха. При этом случае сделать подробные заметки о форме
склепа, складке камней, на цементе или без него, и осмотреть, нет ли на внешней стороне
склепа изображений или надписей.

5. Буде не найдется входа в склеп, то отверстие в него сделать с наивеличайшею осто-
рожною из опасения, чтобы не повредить находящихся внутри предметов, а когда это сде-
лано, то не дотрагиваясь до них, стараться защитить их от разрушительного действия внешнего
воздуха и сделать между тем план внутренности склепа и на плане означать точно положение
всех находящихся в гробнице предметов.

6. Кроме плана, сделать вернейшие рисунки внутренних стен склепа.

7. При вынимании вещей поступать сколь возможно осторожнее.

8. Означать в протоколе, что и за чем было вынимаемо.

9. Если случится найти гробницу с одним или несколькими скелетами, то означать, в
каком положении находятся один к другому и к странам света, какие вещи и в каких частях

скелета (буде он найдется) найден, и не было ль каких других предметов подле, то в каком положении и куда обращены.

10. Кроме вещей стараться сохранять скелеты, а если возможно, то доставить их в общество со всеми находившимися на нем и при нем вещами в том виде, как все это было найдено.

ГАОО, ф. 93, оп. 1, л. 20, л. 45—47. Подлинник. Автограф Н. Н. Мурзакевича.

№ 20

«ОПИСАНИЕ ЗОЛОТОГО КУРГАНА, НАЗЫВАЕМОГО ТАТАРАМИ КУЛЬ-ОБА» (подпись: N. У. [Николай Угаров])

[Не ранее 29 июня 1851 г.]

Золотой курган, называемый татарами Куль-Оба [что значит: зола-курган] лежит на 4-й версте от города, по дороге в Султановку. Форма его довольно продолговата, западная часть кургана натуральная скала, а к востоку она же присыпана огромным количеством известкового мусора — землею и кусками разной величины известняка горного для выжигания извести и простой кладки хат. Последнее это обстоятельство было причиною, что в ____¹ году солдаты, строившие здесь какие-то казармы, начали брать с кургана камень, и по мере надобности углубляясь, напали на катакомбу сбоку уступчатого свода, где и было проломано отверстие.

Катакомба Золотого кургана была выстроена в середине натуральной скалы и потом засыпана. Она составляла продолговатый четырехугольник, дверями обращенный на север, которого пол был вымощен плитами известняка. На полу стояли две деревянные гробницы, одна с прахом мужчины, другая женщины, обращенные ногами ко входу. Сверх гробниц был помост из толстых досок, укрепленных между пазами брусьев, которые были положены у самых стен катакомбы. Помост этот прикрывал тот час саркофаг, следовательно, от каменного полу был не выше полусажени [1.06 м]. Вверху стен в пол-аршина [0.35 м] от подошвы свода были укреплены еще 4 балки (брусья) параллельно одна другой, но без помоста, и цель их неизвестна. Балки эти найдены сотлевыми и упавшими на деревянный пол.

При разысканиях, произведенных внутри катакомбы, помост деревянный не был разобран, и изрублен. Надо думать, что он был еще довольно крепок и толст; ибо над ним по показанию очевидцев трудились более полдня три топора.

Гробницы были конечно же истлевшие, а люди, рубившие пол, толстыми досками и ногами совсем их разрушили. Между гробов был, говорят, золотой щит и кругом разные вещи, большею частью в земле, которой на каменном полу, по крайней мере было на четверть аршина [0.17 м].

Порядок же вещей никем не был замечен, как это всегда бывало при здешних разысканиях.

Дюбрюкс, повыбирав большие вещи, распорядился просеивать землю, причем найдено было много мелких золотых вещей. Когда земля, находившаяся на каменном полу, была вся пересеяна, то курган был оставлен без всякого дальнейшего разыскания. Между тем грек из фамилии Бахачивани, наведывавшийся во все три дня, пока обыскивали катакомбу, заметив, что стража снята и курган оставлен, явился ночью с товарищами и, приподняв плиты каменного помоста, нашел там еще много золотых вещей, потому что и под полом, как оказалось, были кости покойников. Тут господа ночные разыскатели дрезностей не поладили между собою: за какую-то змею золотую и отнимая ее один у другого поломали на куски. Неполадившие ребята, разумеется, не были молчаливы, и на другой же день город опустел, все обратились в археологов и обложили курган со всех сторон.

Кроме толпы любопытствующих, кроме промышленников, которые здесь же покупали за бесценок золото, искатели составляли немаловажную часть; потому что курган, как уверяют самовидцы, обратился в огромный людской улей. Одни лезли за добычею в отверстие, встречаемые землею и камнями, другие вылазили оттуда, вынося землю в полах в карманах или шапках и, высевая ее, никогда не оставались в накладе.

На трети или четвертые сутки было прекращено грабительство кургана начальством, которое, выгнав толпу, само принялось за позднее разыскание.

Возвратимся опять к катакомбе: у дверей ее, которые мимоходом вначале были заложены кое-как камнями, стоял большой медный котел с бараньими костями, которые все были пропитаны медным окислом; что доказывает, что там оставалась и часть жидкости, которая спешествовала растворению меди.

Двери, как я сказал, были заложены кое-как; от времени и давления насыпи, закладка эта значительно подалась внутрь, на этом основании Дюбрюкс донес, что стены катакомбы грозили падением и что они должны были разобрать их. Хоть точно и разобрана эта прекрасная катакомба, имевшая в высоту почти 4 сажени [8.53 м], Кулисичем, который перевез камень для католической церкви, не знаю по чьему распоряжению, но что она грозила падением — это огромнейшая ложь, доказывающая кое-что, чего не хочется высказать.

РО ИРПИ, ф. 3 (архив Аксаковых С. Т., К. С. и И. С.), оп. 19, д. 84, л. 1—2 об. Писцовая копия. Ср.: письмо Н. И. Угарова к Ф. А. Жюлю, из Керчи от 29 июня 1851 г.: АГЭ, ф. 1, оп. VI-M, д. 27/11, л. 1—4.

¹ Дата в документе отсутствует.

№ 21

ОБЩИЕ ПРАВИЛА ДЛЯ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ДРЕВНИХ ВЕЩЕЙ, НАХОДИМЫХ В КЕРЧЕНСКОМ ГРАДОНАЧАЛЬСТВЕ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ

(высочайше повелено исполнить 27 октября 1851 г. в Царском Селе)¹

1. Градоначальнику Керчь-Еникальскому поставляется в обязанность объявить по всему его управлению, что отныне каждый может представлять лично ему все находимые в Керченском градоначальстве и его окрестностях всякого рода древние вещи и остатки древности, какого бы вида и наименования они ни были и как бы ни сохранились, в целости или обломках.

2. Для записывания всех такого рода предъявляемых вещей должна быть препровождена к градоначальнику изготовленная в Министерстве внутренних дел по особой форме книга с надлежащей нумерацией и прошнурованием листов и скрепой.

3. Как скоро будут представлены градоначальнику найденные вещи, то они тут же в присутствии предъявителя вписываются в означенную книгу с подробным изложением обстоятельств, сопровождавших их открытие, причем предъявителю выдается в приеме вещей печатная квитанция за подписью градоначальника с приложением его печати и за скрепою правителя его канцелярии.

4. В то же время предъявитель приглашается объявить: за какую цену он желал бы продать найденную им вещь правительству, если оно признает ее достойной приобретения, и эта цена тут же записывается как в означенную книгу, так и в выдаваемую предъявителю квитанцию.

5. За сим всякая принятая таким образом вещь немедленно препровождается от градоначальника в Министерство внутренних дел для рассмотрения и определения ее достоинства. При самой вещи прилагается в копии внесенное в книгу описание оной, а вместе с тем прописываются и все заслуживающие внимания обстоятельства, сопровождавшие ее открытие.

6. Если найденные вещи, по рассмотрении их, признаются достойными приобретения и объявленная за них цена будет соответствовать их достоинству, то Министерство внутренних дел высылает назначенную сумму градоначальнику, который со своей стороны обязан без всякого замедления передать ее лично предъявителю; а сей последний тут же, в присутствии градоначальника, должен в назначенной для того графе сказанной книги расписаться в получении денег и возратить выданную ему в приеме вещей квитанцию. Если же министерство не признает присланные вещи достойными приобретения, то возвращает их в Керчь, и градоначальник также обязан безотлагательно выдать их обратно предъявителю во всей целости и сохранности; причем сей последний тем же порядком возвращает полученную им прежде

квитанцию и расписывается в книге в обратном получении вещей, с которыми после того может поступать по собственному усмотрению.

7. Если случится, что найденные вещи, хотя и будут признаны достойными приобретения для правительства, но запрашиваемая для них цена оказывается слишком высока, тогда министерство предлагает за них свою цену, и ежели предъявитель на оную согласится, то деньги высылаются и выдаются изображенным выше порядком. При несогласии же предъявителя на предложенную цену вещи возвращаются и отдаются ему в полное распоряжение.

8. Когда предъявитель вещи не означает ее цены, то о сем только отмечается в книге; самая же вещь тем не менее должна быть принята и отправлена в министерство, которое поступает с ней на вышеизложенном основании, т. е. или приобретает ее по цене, назначенной от самого правительства и принятой предъявителем, или возвращает для обратной ему выдачи с точным соблюдением изъясненных выше правил.

9. Если бы случилось, что выданная в приеме вещи квитанция каким бы то ни было образом была утрачена предъявителем, то, несмотря на сие, деньги или вещи должны быть ему выданы по удостоверении в его личности; об утрате же квитанции должно быть в то же время отмечено в книге, дабы впоследствии не могло произойти по ней вторичного требования означенных в ней вещей.

Граф Лев Перовский

ИР ЦНБ, V, 1199-1218, л. 2—4 об. Писцовая копия. Здесь же на л. 5—7 об., 15—18 — «печатный лист с обозначением формы книги и порядок записывания в ней находимых вещей», на л. 9 — «печатная форма выдаваемой квитанции в приеме вещей».

1 Заголовок документа.

№ 22

«НАСТАВЛЕНИЕ, КАК НАДЛЕЖИТ ПОСТУПАТЬ ПРИ ОТКРЫТИИ ДРЕВНОСТЕЙ», УТВЕРЖДЕННОЕ ОДЕССКИМ ОБЩЕСТВОМ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ

27 сентября 1851 г.

1. Если искомые древности предполагаются быть скрытыми в кургане, то надлежит его разрывать так: разделив рабочих на две партии — разрывающую и отдыхающую, если курган не велик, то снимать его весь; или с той стороны, где посредством железного шупа будет встречена, в нескольких местах, твердая порода. В сем случае надо смотреть, чтобы разрез кургана был кверху шире, а к низу уже, для того чтобы обвалиться, не задавить рабочих. Внизу разреза во все стороны, посредством шупа, разведывать, нет ли складенных стен или гробниц, и, найдя такие, разрывать курган по выше указанному.

2. Достигнув гробницы или стены, весьма осторожно снять верхние плиты, с помощью крепких веревок и ломов, и, дав долгое время гробнице проветриться и удостоверяться в прочности свода и стен, спуститься в гробницу с зажженным светом.

3. Спустясь, внимательно осмотреть все кругом, не двигаясь, чтобы не повредить лежащее на полу, записать все встреченное в журнале и потом приступить к вскрытию земли.

4. Землю брать руками осторожно и класть в корзину; вынеся наверх, выбрать все замечательное и затем еще землю просеять чрез решето, дабы ничто замечательное не утратилось.

5. Всей гробнице сделать план с указанием вышины, длины и ширины и объяснить, что, где и как находилось.

6. Если искомое в колодезе, то, приготовя благонадежные веревки со скамейкою, опустить туда рабочего, но отнюдь не прежде, как до того, три раза, одновременно будет опущена зажженная свеча, которая если внизу потухнет, то отнюдь не спускать рабочих, а оставить на несколько суток, и потом уже с предписанною осторожностью приступить к спуску.

7. Вещи металлические отнюдь не пробовать, крепки они или нет; не чистить от ржавчины и не разворачивать, а записав их число, а золотых и серебряных вес, доставить кому следует.

ГАОО. ф. 93, оп. 1, д. 55, л. 175—176 об. Подлинник. Автограф Н. Н. Мурзакевича.

№ 23

ПРОЕКТ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРАВИЛ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗРЫТИЙ В г. КЕРЧИ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ, СОСТАВЛЕННЫЙ МИНИСТРОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ гг. А. А. ПЕРОВСКИМ В НОЯБРЕ 1851 г. (Правила высочайше утверждены 12 января 1852 г.)

1. При производстве археологических разрытий от правительства должно иметь в виду, чтобы работы сии, даже и в таковом случае, когда они не сопровождаются примечательными находками, по крайней мере, не пропадали даром для науки. Вследствие сего поставляется главным и основным правилом, чтобы при каждой подобной работе веден был об ней подробный и отчетливый журнал.

2. Журнал сей, при наличии каждой новой работы, открывается обстоятельным описанием избранной для разрытия местности. Засим, когда начнется работа, в журнал должно вносить ежедневно весь ход разрытия в течение дня, со всеми встречающимися при сем обстоятельствами и предметами, как-то: в каком направлении ведено было разрытие; какого свойства и вида слои (sic! — *И. Т.*) представлялись в разрываемой земле, с какою последовательностью и на каком протяжении; какие попадались в них особые, от общей массы слоя, предметы, и в каком положении, как относительно всей раскапываемой поверхности, так и в отношении предметов один к другому и т. д. С заключением дня, заключается и журнал, который тут же подписывается составлявшим его чиновником.

3. Как скоро в раскапываемой земле появятся признаки, по которым можно предполагать близкое присутствие гробницы или каких-либо других примечательных остатков древности, то вскрытие гробницы и вообще места погребения производится, не иначе как в присутствии трех членов, в числе которых должны состоять непременно два чиновника из занимающихся собственно археологической частью, а один — по назначению Керчь-Еникальского градоначальника. Но если бы один из чиновников, употребленных для археологических занятий, по каким-либо причинам не мог присутствовать при таковом разрытии, то в таком только случае градоначальник назначает, с своей стороны, двух чиновников вместо одного, так чтобы при разрытии найденной гробницы находилось всегда трое членов.

4. По окончании работы лица сии составляют и подписывают подробный протокол, в котором должны быть поименованы не только все заключающиеся в гробнице вещи, по мере их выемки, но и описано подробно положение, в котором вещи сии найдены внутри гробницы.

5. Всякий раз, когда обнаруживающийся остаток древности возбуждает опасение, что при передвижении его с места, или даже и при продолжительном действовании на него внешнего воздуха, может он подвергнуться разрушению, должен быть немедленно призван рисовальщик для снятия с того предмета очерка с возможною точностью и верностью.

6. Вообще, начавши работу, не должно бросать разрываемой местности, хотя бы она и не представляла никаких значительных находок, до тех пор пока не будет тщательно, во всех направлениях, обследовано и дознано, что тут ничего более найдено быть не может. О том, чтобы прекратить окончательно работу на начатой местности, каждый раз делается постановление, по совещанию и за подписью всех лиц, коим поручено заведывать работами.

7. В продолжение работ Керчь-Еникальскому градоначальнику представляется еженедельно перечневая ведомость о ходе разрытий и об открываемых при том предметах древности; а сей последний, с своей стороны, каждый месяц представляет подробную ведомость в Министерство внутренних дел, с присовокуплением и самих журналов работам. Засим ожи-

дается решение, какие из открытых предметов должны оставаться в Керченском музее древностей, где к сохранению их в целости и порядке должны быть приняты все нужные меры.

8. Независимо от сего общего порядка, в случае открытия какого-либо особенно примечательного памятника древности, о сем в то же время должен быть уведомляем Керчь-Еникальский градоначальник, который обязывается немедленно извещать о том Министерство внутренних дел, для доведения до Высочайшего сведения.

9. Обо всех новых распоряжениях, касательно направления и устройства работ, министерство будет сноситься с новороссийским и бессарабским генерал-губернатором.

10. По окончании каждого года Министерство внутренних дел, на основании рассмотренных им журналов и прочих сведений, будет представлять общий всеподданнейший отчет о ходе и успехах разысканий в минувшем году, и присовокупляет при том соображения свои о действиях в наступивший год.

РА ИИМК, ф. 6, оп. 1, л. 179, л. 6—8 (проект), 16—19 (подлинник).

№ 24

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ СВЕДЕНИЕ О РАЗЫСКАНИИ ДРЕВНОСТЕЙ НА ОСТРОВА ФИДОНИСИ¹

19 июля 1852 г.

Отозванный в 1847 г. с острова Фидониса, где в продолжении 2 лет производимы были мною поиски древностей, я оставил там нераскопанным еще часть древнего кладбища, показанного на представляемом при сем плане под лит. С.

Прибыв в марте месяце сего года на Фидонис, я нашел это место совершенно разрытым. По собранным сведениям, раскопкою этого [места] занимались в последние 4 года находящиеся при тамошнем маяке служители, которыми найдено значительное количество серебряных и медных монет, а также несколько золотых весом в 4 золотника каждая и 2 серебряные статульки в 6 дюймов вышины. К сожалению, все это до прибытия моего вывезено уже с острова или продано на месте.

После поисков в округе скопанного кладбища и в развалинах, окружающих его, мне оставалось перенести разыскания на другое место. Вблизи маяка открыто было до 8 гробниц. Они находились на глубине 6 фут в глинистом грунте и выложены были плитами местного камня. В прахе гробниц, тщательно просеянном на решета, найдено до 36 римских монет.

Построенное на месте развалин древнего храма здание фидонисского маяка не позволило продолжать на этом месте правильных поисков. Ограничиваясь раскопкою вокруг маяка, по направлению уцелевшего его фундамента, встречен был, на глубине 3 фут, сохранившийся пол храма. Он вымощен был черепицею квадратного вида, толщиною в два дюйма. Верхний слой земли над полом заключал в себе битую посуду, ручки с урн и золу. В мусоре этом отыскано до 100 медных монет.

Поиски в других местах острова, показанных на плане под лит. E, были менее удовлетворительны — в день попадалось не более 4—5 монет, уничтоженных временем до того, что они рассыпались в куски.

Кроме снесенных при постройке маяка развалин храма, раскопаны были мною в 3 местах острова древние жилища, сложенные из местного камня, но в них ничего не найдено.

Пересекающие остров в разных направлениях с юго-западной стороны огромной величины камни, сложенные наподобие стен и принятые многими посетителями острова за развалины, по исследовании оказались межами или огорожами для раздела земли между обитавшими здесь почитателями Ахиллеса. Некоторые из этих стен, по-видимому, сделаны были с целью удержать на покатистых местах острова землю, удобную для возделывания.

В последнюю поездку мою на Фидониси найдено 409 медных и 28 серебряных монет, 6 незначительных камушков с перстней, 45 каменных, стеклянных и других бус, колец медных 3, серебряное 1, медный истуканчик, 14 стрел и глиняное изображение дельфина.

Коллежский секретарь П. Ситников

¹ Заголовок документа. План П. Ситникова см. рис. 101.

№ 25

АНОНИМНАЯ ЗАМЕТКА ОБ ОТКРЫТИИ КУЛЬ-ОБЫ, С ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ МОДЕЛИ КУЛЬ-ОБСКОГО КУРГАНА гр. А. А. ПЕРОВСКОМУ

[Не ранее 6 августа 1852 г.]

По случаю бывших в Севастополе во время чумы 1829 г. беспорядков несколько матросских семейств были, по Высочайшему повелению, переведены в 1830 г. из Севастополя в Керчь. Тогдашний Керчь-Еникальский градоначальник Стемповский, заботясь, по причине приближения зимы, о скорейшей постройке жилищ для этих семейств, приказал употребить на сие камни, из которых сложены древние курганы. Первый разрытый с этой целью курган был Куль-Обский, находящийся в 2 верстах от Керчи; при раскопке были приставлены надзорщики, чтобы в случае открытия древностей, предохранить их от расхищения.

Однажды, во время обеда градоначальника, ему донесли, что работниками найдены признаки древнего здания. Кавалер Дю Брюкс (*chevalier du Brux*) вызвался проверить это донесение на самом месте и получил дозволение, если найдет на следы могилы, вскрыть ее. По снятии нескольких камней, которые составляли часть свода, образовалось отверстие, через которое г. Дю Брюкс проник во внутренность могилы, весьма хорошо сохранившейся и имевшей вид египетского свода.

Свод этот был разделен настилкой из кедровых досок, подпертых стропилами того же дерева. Под нею г. Дю Брюкс нашел совершенно покрытыми землею золотые украшения, хранящиеся ныне в Эрмитаже, в кабинете Государыни Императрицы. Лес был так крепок, что его надобно было рубить топорами. Впоследствии, по приказанию директора керченского музея Ашика, часть его была употреблена на сделание шкафа для хранения древних ваз.

К сожалению, тогдашний директор Керченского и Одесского музеев действительный статский советник Бларамберг находился в то время в Одессе. Сам же г. Дю Брюкс, обыкновенно столь отчетливый при подобных розысканиях, не снял на этот раз рисунка с могилы и не записал на месте положения разных, собранных им с большою поспешностью, предметов. Только впоследствии уже он представил г. министру Имп. двора описание могилы, хранящейся при делах канцелярии его светлости.

Впрочем, недостаток времени и неокказание г. Дю Брюксу потребного содействия совершенно извиняют неудовлетворительность его исследований. А так как для охранения раскопанного кургана не было приставлено никакого военного караула, то с наступлением ночи в могилу повалась толпа народа, которая не только расхитила все оставшиеся там золотые предметы, но даже вынесла из нее всю землю для промывки и пересыпки.

Количество добытого из нее золота, по-видимому, огромно, потому что несколько греков обогатились продажей найденных в кургане вещей. Даже и теперь случается встречать в окрестностях Керчи женщин, украшенных драгоценностями, принадлежавшими, может быть, супруге какого-нибудь Воспорского царя. Рассказывают, между прочим, что 2 человека, вошедшие вместе с толпою в могилу, разрывая в ней землю, нашли под каменными плитами полосу золота и разделили ее между собой, разломав пополам. Полоса эта (впоследствии ее никак не могли найти) имела форму палки, обвитой двумя змеями: может быть это был царский скипетр.

В № 11 Вестника Новороссийского края¹ за 1831 г. на с. 41 и 42 напечатано между прочим, что: «некоторые из лиц керченского общества пожелали сыграть несколько явлений из Рашиновой трагедии — Митридата... Царские одежды Митридата и Монины были украшены золотыми предметами, найденными недавно в весьма большом количестве близ Керчи, в могиле какого-то скифского владетеля; вещи эти были собраны разными частными лицами в

обломках и в насыпи этой могилы, после того как местное начальство выбрало из нее замечательнейшие предметы»...

«Постройка означенной могилы, по всем признакам, относится к эпохе, предшествовавшей веку Митридата; так что если бы этому царю пришло на мысль разрыть курган, вскрытый 4 месяца тому назад, то он мог бы воспользоваться для своего наряда теми украшениями, которые были сложены туда его предками и находкою коих мы обязаны случаю»...

Чтобы познакомиться с построением так называемых египетских могил стоит внимательно осмотреть могилу, известную под именем «Царской», лежащую на север от Керченского карантина.

Представляемая при сем модель Куль-Обского кургана сделана г. Бларамбергом,² по плану, составленному г. Дю Брюксом и на основании собранных им самим на местах сведений и рассказов, слышанных от очевидцев, как-то от: градоначальника Стемповского, доктора медицины Ланга, архитектора Дигби, гг. Коденеца,³ Угурова⁴ и Кулисича. Из числа сих лиц г. Кулисич добыл последнюю частичку золота, при вынутии из кургана последних камней на постройку Римско-католической церкви⁵ в Керчи.

РА ИИМК, ф. 6, д. 179, л. 29—33 об. Писцовая копия.

¹ Т. е. в «Journal d'Odessa».

² Сыном бывшего директора Керченского и Одесского музеев. *Примеч. документа.* Имеется в виду М. И. Бларамберг.

³ Дмитрий Федорович Кодинец (Коденец) (р. 1796), переводчик при херсонском военном губернаторе, состоявший в ведении Азиатского департамента МИДа. Из дворян. Выпускник Харьковского университета, с 1 сентября 1818 г. начал служить в канцелярии херсонского военного губернатора коллежским регистратором, с 19 июля пожалован переводчиком в ведомстве Азиатского департамента, затем в штате попечительства по торговле с абазинцами и черкесами под руководством Р. Скасси в Керчи (до 1829 г.). В сентябре 1830 г. присутствовал при вскрытии склепа кургана Куль-Оба в Керчи. Впоследствии поверенный в делах в Тегеране. По характеристике Вигеля, «преблагородный человек, скромный и образованный». См.: РГИА, ф. 1349, оп. 4-1821, д. 13, л. 179—180 (формулярный список за 1821 г.); Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1893. Ч. 7. С. 156—157.

⁴ Так в документе, правильно Николай Иванович Угаров, титулярный советник и фармацевт.

⁵ Римско-католическая церковь была возведена в 1840 г. (ныне Театральная ул., д. 30).

№ 26

ИЗ ДНЕВНИКА СЛАВИСТА, ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И СЕКРЕТАРЯ МОИДР, ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА ПЕТЕРБУРГСКОЙ АН (1854) ОСИПА (ИОСИФА) МАКСИМОВИЧА БОДЯНСКОГО (1808—1877) О СИТУАЦИИ В РУССКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ИМП. АКАДЕМИИ НАУК

13 февраля 1854 г. И. П. Сахаров с Т. Ф. Большаковым¹ посетили меня утром, часов в 10-ть. Много порассказал первый о своих делах по Археологическому обществу при покойном герцоге Лейхтенбергском и нынешнем великом князе Константине Николаевиче. Из всего видно было, что он был главной причиной удаления немцев из этого общества, переименования его в Археологическое из Нумизматико-археологического, разделения на три части, или отдела, и т. п. Немцы, а во главе их вице-президент, жид Рейхель, бывший на монетном дворе в Варшаве когда-то и бежавший оттуда с штемпелями в Пруссию, настроили до того герцога, что тот подал в 22 пунктах доставленное ему обвинение Сахарова, как секретаря русского отдела, в Третье Отделение и должен был оправдываться перед графом Орловым,² который, убедившись в его правоте, имел крупный разговор о том с герцогом, последствием коего был сильный припадок его болезни, сведший его в гроб дня через три.

Узнав о причине к тому, велено было опечатать те бумаги, которыми он в недавнее время занимался, а в том числе и обвинительные пункты; но они не оказались там. Чтобы расположить в[еликого] к[нязя] к принятию председательства, нужно было, де, распустиť слух, что он отказывается, чем подстрекнули патриотизм как статс-дам Плещеевой и Апраксиной, так

равно и самого в[еликого] кн[язя], осаждаемого через супругу первыми, хотя это и не очень приятно было Блудову,³ принявшему это место в[еликому] к[нязю] Михаилу Николаевичу,⁴ при коем как при человеке слишком незнакомом с подобными делами. В этом обществе, несмотря на недавнее его существование, дела в страшном хаосе; на продаже медали, пожертвованные в[еликой] к[нягиней] Марьей Николаевной,⁵ все до одной чрезвычайно ценные, подменены, не говоря о других многих. Главное подозрение на Р[ейхеля] и К[ёне]; последний тоже жид, из Пруссии, издававший в Берлине вроде журнала, нумизматические известия или вроде этом что-то, а выписанный, при ходатайстве немцев и жидов, в Петербург, с чином 8 класса и жалованьем 2 тыс. рублей серебром при Эрмитаже, куда первый хотел сбыть свой нумизматический кабинет за 500 т[ысяч] рублей серебром, но Государь воспротивился. Прodelки К[ёне] открылись, и в[еликий] к[нязь] К[онстантин] Н[иколаевич] собственноручно исключил его из списка членов Археологического общества.

В нынешнее время в Петербурге две стороны: русская и немецкая. Представители первой: наследник, К[онстантин] Н[иколаевич], Ростовцев,⁶ Меншиков, Орлов, Барятинский⁷ (на Кавказе при Воронцове; он первый любимец А[лександра] Н[иколаевича]⁸) и др., а второй: Нессельроде,⁹ Адлерберг,¹⁰ Перовский¹¹ (бывший министр в[нутренних] д[ел], но Оренбургский¹² напротив), Брок¹³ и др. Последний вытеснил С[авелье]ва из своего ведомства, сблизившись с Р[ейхеле]м, служащим у него. В[еликий] к[нязь] К[онстантин] Н[иколаевич] до того был вооружен на канцлера, что объявил было посчитаться с ним при первой встрече во дворце, и то было причиной наложения домашнего ареста на Н[ессельро]да в продолжение недели, пока сердце стало у в[еликого] к[нязя] [...].

Что же вы теперь поделяете? — спросил я И. П. Сах[аров]а. — А жду у моря погоды, — отвечал он мне. [...]

24 сентября 1854 г. Разговаривал с графом С. Г. Строгановым,¹⁴ прошли на МНП и Академию наук. Если бы мне когда пришлось быть министром просвещения, первое, на что обратил бы самое особенное внимание, была бы Академия наук. Надо было, чтобы она была чисто русская, из одних русских. Что до того, что мы, конечно, во многом не можем еще тягаться с другими? Со временем потягемся и в этом. А теперь главное, чтобы мы возделывали свое сами, а не чужими руками. Только свой о своем может радеть как следует, а наемник — наемник.

4 сентября 1855 г. [О смерти С. С. Уварова.¹⁵] Не тем будь помянут, он был весьма умный человек, единственный министр, но по сердцу незавидный и довольно мирволивший иностранцам, особенно немцам. Жаль было видеть его, почти всеми своими клеветами оставленного в Москве, в последние годы его пребывания в ней по жестокой болезни, не позволившей уже более жить в Петербурге.

ОРИР ОГНБ, ркп. ф. 42, к. 1, ед. хр. 550, л. 25—27, 46, 60-60 об. Автограф.

¹ Тихон Федорович Бальшаков (1794—1863), московский купец, известный знаток русских древностей, собиратель и торговец рукописями, старопечатными книгами, иконами, монетами и пр.

² Алексей Федорович Орлов (1786—1862), с 1844 г. шеф жандармов и начальник III Отделения Собственной ЕИВ Канцелярии.

³ Дмитрий Николаевич Блудов, граф (с 1842 г.) (1785—1864), главноуправляющий II Отделением Собственной ЕИВ Канцелярии (1839—1862), член Государственного совета; почетный член (1851), помощник председателя Петербургского археолого-нумизматического общества (10 декабря 1851—19 февраля 1864).

⁴ Михаил Николаевич, великий князь (1832—1909), четвертый сын императора Николая I, с 1852 г. генерал-фельдцейхмейстер (шеф артиллерии) и бригадный командир гвардейской конной артиллерии.

⁵ Мария Николаевна, великая княгиня (1819—1876), старшая дочь Николая I, в первом браке за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, во втором за гр. Г. А. Строгановым.

В 1847 г. вел. кн. Мария Николаевна подарила обществу 470 древних монет, греческих и римских. в том числе много редких и хорошо сохранившихся экземпляров (дирахма Посидония, несколько тетрадрахм Филиппа II Македонского, денарии императоров Юлиана II, Валенса и пр.). См.: Веселовский Н. И. История Императорского археологического общества за первое 50-летие его существования. 1846—1896. СПб., 1900. С. 326.

⁶ Яков Иванович Ростовцев (1803—1860), генерал-адъютант, главный начальник военно-учебных заведений. ⁷ Александр Иванович Барятинский, князь (1815—1879), с 1836 г. состоял при наследнике, будущем императоре Александре II, в 1850 г. назначен командиром Кавказской грендерской бригады.

⁸ Т. е. наследника престола, будущего императора Александра II (1818—1881).

⁹ Карл Васильевич Нессельроде, граф (с 1828 г.) (1780—1862), член Государственного совета (с 1821 г.), государственный канцлер с 1848 г.

¹⁰ Владимир Федорович Адлерберг (1790—1884), член Государственного совета (с 1842 г.), министр Императорского двора и уделов (1852—1872).

¹¹ *Лев Алексеевич Перовский*, граф (1792—1856), брат В. А. Перовского, министр внутренних дел (1841—1852), министр уделов (1852—1856).

¹² *Василий Алексеевич Перовский*, граф (с 1855 г.) (1795—1857), брат Л. А. Перовского, флигель-адъютант (1825), генерал-адъютант (1829), оренбургский генерал-губернатор (1833—1842), член Государственного совета (1845), оренбургский и самарский генерал-губернатор (1851—1857).

¹³ *Петр Федорович Брок* (1805—1875), сенатор (1852), член Государственного совета (1853), министр финансов (1852—1858).

¹⁴ *Сергей Григорьевич Строганов*, граф (1794—1882), археолог, нумизмат, коллекционер произведений искусства и древностей, попечитель Московского учебного округа (1835—1847), вышел в отставку из-за разлада с министром просвещения С. С. Уваровым, с 1856 г. член Государственного совета.

¹⁵ *Сергей Семенович Уваров*, граф (с 1846 г.) (1786—1855), с 1818 г. президент Имп. АН, министр народного просвещения (1833—1849); отец А. С. Уварова.

№ 27

ИЗ «ЛОЦИИ ЧЕРНОГО МОРЯ. ИЗД. 2-Е, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ПОМОШНИКОМ НАЧАЛЬНИКА ГИДРОГРАФИЧЕСКОЙ ЧАСТИ НИКОЛАЕВСКОГО ПОРТА, ЛЕЙТЕНАНТОМ ПАВЛОВСКИМ ЕГОРОМ. НИКОЛАЕВ: ТИПОГР. УПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЕВСКОГО ПОРТА, 1867» (С. XXV, 60—61, 65—67)

Курсы и пеленги считаются от магнитного меридиана... Мили везде приняты морские, т. е. в градусе 60 миль; сажени 6 футовой меры. Кабельтовы считаются в 100 сажень, или 1/10 часть мили.[...]

Часть 1. Тендра. Низменный песчаный полуостров этот (или точнее остров, потому что отделяется от твердой земли узкими протоками), выдается к WNW-ту от материка Таврической губернии, тянется в показанном направлении 32 мили и потом заворачивает на 4 мили к северу. Оконечность его на SO 4° по правому компасу от оконечности Кинбурнской косы в 13.25 мили. Между Тендрою и Кинбурнской косой вдается в материк залив. Восточная часть его мелка и для плавания негодна; в западной же всякого рода суда могут укрываться от всех ветров, кроме NW-та, но и тот не разводит большого волнения по близости берега.

Тендровский маяк. На западной стороне полуострова Тендры, в 2.75 милях от северной его оконечности. Широта 46°19' 25" N, долгота 31° 30' 02" О-я от Гринвича. Огонь вертящийся, белый, каждую минуту является... блистаниями, освещает весь горизонт. Высота огня над поверхностью моря 96 фут, математический горизонт освещения 11.2 итальянских миль.

Кроме маяка, по чрезвычайной низменности Тендровского полуострова, для опознания берега, в трех пунктах поставлены опознательные знаки неосвещающиеся.

Первый тендровский знак. На северной оконечности полуострова, в 2.5 милях на NO 10° 30' по пр. компасу от маяка. Знак состоит из мачты черного цвета, в 60 фут высоту, поддерживаемой восьмью подпорами, с двумя вертикальными и двумя наклонными рейками у вершины...

Второй тендровский знак — на ЮЗ берегу полуострова в 8.75 милях на SO 50° от маяка. [...]

Третий тендровский знак — на том же берегу полуострова, в 25.75 милях на SO 68° от маяка. [...].

Чрезвычайно низменное положение полуострова Тендры делает его крайне опасным для мореплавателей, тем более что и господствующее в этом месте западное течение нередко сносит к востоку. О влиянии этого течения на курс судов, следующих от отрова Фидониси в Одессу, вот что говорит, между прочим, господин поручик Тарышкин, в замечании своем на проект маячного освещения русских берегов Черного моря:

«Днепровское течение по выходе из лимана несетя главною струею вдоль берега к Одессе, где упираясь в берег, поворачивает и общею массою направляется к SO, уменьшаясь в скорости от 3-х до 1 узла, смотря по обстоятельствам. При ветрах, дующих из NW четверти, течение, несколько уклоняясь от нормального своего направления, попадает и в Каркинитский залив, где, обойдя вдоль Тендры, выходит в море около Тарханкутского маяка. Это не предположение, а факт, добытый опытом. Особенно сильное течение в Каркинитском заливе бы-

вает при W ветрах. При таких обстоятельствах судно, ежели даже и определит себя около острова Фидониси, придя на параллель Днестра, быстро отбрасывается к О-ту, и продолжая курс, встречает Тендровский маяк, тогда как сообразуясь с дрейфом и курсом, ожидает увидеть огонь Одесского маяка. Ежели это случится днем и горизонт чист, то низменность Тендровского берега покажет ошибку, а ежели ночью, когда можно видеть огонь маяка, то различие огней маяков одесского и тендровского. Но если это случится в мрачность, днем или ночью, то судно грозит неминуемая гибель. В это время один только лот может указать опасность, и те, которые забывают про него, терпят крушение на Тендре.

Надо заметить, что крушения судов на Тендре бывают вообще осенью, в октябре и в начале ноября. Бывают исключения, но весьма редкие. Расстояние Тендры от Одессы, почти при одинаковом удалении от Константинопольского пролива, так мало, что судно, идущее из пролива, ежели бы и не подверглось действию течения, при ветрах из NW четверти, легко попадет к Тендре при большом и неправильном дрейфе, какой имеют все порожние парусные суда. Даже идучи от острова Фидониси к Одессе боковым ветром из NW четверти, пустое судно, при одном дрейфе, легко может попасть к Тендре, а благодаря течению, проходящему около Днестра к SO, и выше, к Одессе, в Каркинитский залив, судно прямо попадает на Тендру. Почти все суда терпят крушения около второго тендровского знака. Бывают исключения, суда разбиваются и ближе к третьему знаку, но это редкие исключения. Второй тендровский знак тянет к себе, как магнит. Это не мои суждения, а факты, переданные мне шкиперами, которые имели несчастье потерять свои суда на Тендре.

Прежде бывший лоцмейстер р. Буг, ныне в отставке, полковник Снетов более 20 лет сряду плавал к Тендре, по несколько раз в лето для снабжения маяка, а также и для осмотра Тендровских знаков, и почти каждую весну находил на берегу выброшенные суда, и из любопытства спрашивал шкиперов погибших судов, каким образом подверглись они несчастью. Всегда был один ответ от всякого, что, идучи из Константинопольского пролива в Одессу, во время туманов или метели, тихими и попутными, а иные и боковыми свежими ветрами из NW четверти, и ожидая, по счислению, увидеть Одесский маяк, открывали маячный огонь прямо или около направления курса, в недалеком расстоянии, но весьма часто скрываемом густыми туманами. Почему основываясь на своем счислении и предполагая в нем Одесский маяк, оставляли его в левой стороне, но неожиданно и в скорости выскакивали на берег, поздно узнав свою ошибку. Бывали и такие суда, которые в темную ночь при чистом горизонте выскакивали на берег, не видевши огня маяка. Эти суда были вне круга освещения, из числа тех, которым на пути в Одессу не удалось проверить себя, чрез что и были так много отброшены к востоку, и попадали к третьему знаку.

Направление и сила течения Днепровского лимана ставит местность Тендры в такое исключительное положение относительно Одессы, что не только *нет другой подобной местности в Черном море, да и в других морях вряд ли сыщется, по той опасности, которую она представляет* (курсив мой. — И. Т.).

На основании этих фактов полезно иметь на Тендре маяки, как цветом огней своих, так и архитектуру зданий вовсе не похожих на другие, но при этом сильнейшего напряжения света и резкого вида, чтобы взглянувши на них тотчас можно сказать, это первый, а это второй Тендровские маяки. Тогда в каком бы расстоянии от берега судно ни усмотрело маяк, оно будет спасено».

Список сокращений

АВ СПбФ ИВ—	Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН	ЕИВ	— Его Императорское Величество
АГСП	— Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984 (Археология СССР)	ЖДВД	— Журнал Департамента внутренних дел. СПб.
АГЭ	— Архив Государственного Эрмитажа	ЖДНП	— Журнал Департамента народного просвещения. СПб.
АДЖЮР	— <i>Ростовцев М. И.</i> Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб., 1913; Текст. СПб., 1914	ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
АЕ	— Археографический ежегодник. М.	ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
АО	— Археологические открытия. М.	ЗАН	— Записки Академии наук. СПб.
АС	— Археологический съезд	ЗАО	— Записки археолого-нумизматического общества. СПб.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.	ЗИАО	— Записки Императорского археологического общества. СПб.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.	ЗИФ ОГУ	— Записки исторического факультета Одесского государственно-университета. Одесса
ВЕ	— Вестник Европы. СПб.	ЗАО	— Записки Одесского археологического общества. Одесса
ВИ	— Вопросы истории. М.	ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ВУА	— Военно-ученый архив Главного штаба	ЗПАНО	— Записки Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества. СПб.
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры, Ленинград	ЗПАО	— Записки Петербургского археологического общества. СПб.
ГАО	— Государственный архив Николаевской области	ЗРАО НС	— Записки Имп. Русского археологического общества: Новая серия. СПб.; Пг.
ГАОО	— Государственный архив Одесской области	ЗСКОИАЭ	— Записки Северо-Кавказского общества истории, археологии и этнографии. Ростов-на-Дону
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации, Москва	ИА	— Институт археологии, Москва
ГИМ	— Государственный исторический музей, Москва	ИАК	— Известия Имп. Археологической комиссии. СПб.; Пг.
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва	ИВ	— Исторический вестник. СПб.
ГППАЭ	— <i>Карачава Д. Д., Кеирквелия Г. Т.</i> Города и поселения Причерноморья античной эпохи: Малый энциклопедический справочник. Тбилиси, 1991	ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург	ИИАО	— Известия Имп. Археологического общества. СПб.
ДБК	— Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа: В 3 т. СПб., 1854 / <i>Antiquités du Bosphore Cimmérien conservées au musée impérial de l'Ermitage. Ouvrage publié par ordre de S. M. l'Empereur. Texte français et russe. Spb., 1854. 3 vol.</i>	ИИМК	— Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
		ИРАО	— Известия Имп. Русского археологического общества. СПб.
		ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург

ИР ЦНБ	— Институт рукописей Центральной научной библиотеки им. В. И. Вернадского НАНУ, Киев	ОР РГБ	— Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь	ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
КБН	— Корпус боспорских надписей. М.; Л. 1965	ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности Имп. Академии наук
КГИКЗ	— Керченский государственный историко-культурный заповедник	ПАВ	— Петербургский археологический вестник. СПб.
КРКМ	— Крымский Республиканский краеведческий музей, Симферополь	ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи. СПб.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.	ПФА РАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.	РА	— Русский архив. М.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Тавриды. Симферополь	РА ИИМК	— Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН
МАО	— Московское археологическое общество	РАИМК	— Российская академия истории материальной культуры, Петроград; Ленинград
МАР	— Материалы по археологии России. СПб.; Лг.	РАН	— Российская Академия наук
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса; Киев	РАО	— Русское археологическое общество, Санкт-Петербург
МВД	— Министерство внутренних дел	РБС	— Русский биографический словарь. СПб.; Лг.; М.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.	РГАДА	— Российский государственный архив древних актов, Москва
МИД	— Министерство иностранных дел	РГБ	— Российская государственная библиотека, Москва
МОИДР	— Общество истории и древностей российских при Московском университете	РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив, Москва
НА	— Научный архив	РГИА	— Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
НАНУ	— Национальная Академия наук Украины	РГВМФ	— Российский государственный архив Военно-морского флота, Санкт-Петербург
НА ОАМ	— Научный архив Одесского археологического музея НАНУ	РГО	— Русское географическое общество, Санкт-Петербург
НИОР БАН	— Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки РАН, Санкт-Петербург	РИС	— Русский исторический сборник. М.
НО	— Надписи Ольвии (1917—1965). Л., 1968	РНБ	— Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика. М.	РО	— Рукописный отдел
НЭСБЕ	— Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.; Лг.	РС	— Русская старина. СПб.
ОАК	— Отчет Имп. Археологической комиссии. СПб.; Лг.	РСА СПбФ ИРИ	— Русская секция Архива Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН
ОАМ	— Одесский археологический музей НАНУ	СА	— Советская археология. М.
ОВ	— Одесский вестник. Одесса	САИ	— Свод археологических источников. М.
ОГНУ	— Одесская государственная научная библиотека им. М. Горького	СГМИИ	— Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
ОГУ	— Одесский государственный университет им. И. И. Мечникова	СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
ОЗ	— Отечественные записки. СПб.	СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
ОИДР	— Общество истории и древностей российских при Московском университете, см. МОИДР	ТОИАЭ	— Таврическое общество истории, археологии и этнографии, Симферополь
ОИМД	— Очерки истории музейного дела в России—СССР. М.	ТУАК	— Таврическая ученая архивная комиссия, Симферополь
ОИЭ	— Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия : В 5 т. М., 1994—продолжающееся изд.	ЧМОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.
ОМС	— Общий морской список. СПб.	ЦГААРК	— Центральный государственный архив Автономной республики Крым, Симферополь
ОНГЭ	— Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа	ЭСБЕ	— Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона. СПб.
ООИД	— Одесское общество истории и древностей	ЭСБЕ. Биографии	— Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона: Биографии. М.
ОР	— Отдел рукописей	BCSHPhP	— Bulletin de la classe des Sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg
ОРИР ОГНБ	— Отдел редких изданий и рукописей (Музей книги) Одесской государственной научной библиотеки им. М. Горького		

- BHPh** — Bulletin Historico-philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg
- BS** — Bulletin scientifique publié par l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg
- CA** — Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Petropoli, 1728—1751. Vol. 1—14
- CIG** — Corpus inscriptionum Graecarum. Berolini
- IGBulg. I²** — *Mihailov G.* Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. I². Serdica, 1970.
- IPE** — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae / Ed. Basilii Latyschev. Petropoli, 1885—1916. 1885. Vol. I; 1890. Vol. II; 1901. Vol. IV; 1916. Vol. I (2 ed.).
- MGR** — Mélanges Gréco-Romains tirés du Bulletin Historico-philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg
- MDAI AA** — Mittheilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts. Athenische Abteilung
- Mémoires de l'Académie** — Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. V sér. SPb., 1803—1830. T. 1—11
- Mémoires de l'Académie. VI sér.** — Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg. VI sér.: Science politiques, histoire et philologie. SPb., 1832—1859. T. 1—9
- MSAN** — Mémoires de la société d'archéologie et de numismatique de St.-Pétersbourg
- Nova Acta** — Nova Acta Academiae Scientiarum Imp. Petropolitanae, 1787—1806. Vol. 1—15
- Recueil des Actes** — Recueil des Actes des séances publiques de l'Académie Imp. des Sciences de St. Pétersbourg, tenues depuis 1827 jusqu' à 1848

Именной указатель

- А. Г. 92
А. К., см. Княжевич М. Д.
Абих Г. В. 106
Август (Гай Октавий, с 44 г. до н. э. Гай Юлий Цезарь, с 27 г. до н. э. римский император Цезарь Август) 363, 466, 469, 470, 502, 543, 627
Авдеев А. А. 336, 601, 603
Аверкиев 309
Авинов А. П. 518, 523, 524
Авраам, Аврам (библ.) 323
Аврамов И. В. 373, 374
Аврелиан Луций Домиций, римский император с 270 г. н. э. 501
Аврелий Вер, см. Вер Луций Аврелий
Аврелий Сальвиан, см. Сальвиан Аврелий
Автокротова М. И. 27
Агасикл 343, 499, 502, 503
Агафодор 422
Агбунов М. В. 131, 382, 423, 453
Агриппа 627
Адабаш 89
Адаместану Д. 536
Аделунг 188
Аделунг И. Х. 91
Аделунг К. Ф. 91
Аделунг Ф. П., см. также Adelung F. 65, 90, 91, 248, 436
Адлерберг В. Ф. 160, 296, 297, 642
Адонис (миф.) 597
Адриан, римский император с 117 г., см. также Adrien 120, 362, 466, 543, 627
Айвазовский И. К. 58, 180, 255, 267, 292
Айналов Д. В. 513, 521, 527
Акмена (миф.) 540, 541
Акройд 406
Аксаков И. С. 636
Аксаков К. С. 636
Аксаков С. Т. 258, 636
Алеев В. 253
Александр I, российский император с 1801 г., см. также Alexandre Ier 17, 40, 42, 46, 50, 56, 59, 64, 67, 71, 73, 75, 78, 81—84, 86, 87, 89, 91, 92, 105, 109, 110, 114, 126, 128, 132, 139, 145, 147, 148, 160, 190, 191, 193, 195, 203, 207, 208, 210, 215, 218, 220, 223, 288, 399, 400, 428—430, 441, 442, 474, 488, 500, 504, 531, 551, 613, 614, 618, 619
Александр II, российский император с 1855 г. 183, 228, 238, 239, 244, 255, 263, 288, 357, 358, 360, 533, 534, 559, 597, 642
Александр III Великий (Македонский), македонский царь, основатель Македонской империи (356—323 до н. э.) 28, 30, 120, 200, 323, 396, 412, 538, 543, 544, 589
Александр Александрович, великий князь, сын Александра II, российский император Александр III с 1881 г. 228
Александр Вюртембергский, принц, см. Вюртембергский принц Александр Александрович
Александр Михайлович, великий князь 247, 360
Александр Николаевич, великий князь, см. Александр II
Александр Павлович, великий князь, см. Александр I
Александр Север, см. Север Александр Марк Аврелий
Александра Иосифовна (Александра-Фредерика), великая княгиня, дочь герцога Саксен-Альтенбургского Иосифа, жена великого князя Константина Николаевича 642
Александра Николаевна, великая княжна, дочь Николая I 239
Александра Федоровна (Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина), дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III, жена Николая I, российская императрица с 1825 г. 154, 155, 183, 640
Александров 496
Александров Б. В. 373
Александров Д. А. 9, 10, 360
Александрова В. И. 22
Алексеев 67
Алексеев Александр, унтер-офицер 249, 450, 546
Алексеев Александр, чиновник 410, 411
Алексеев А. Ю. 35, 166
Алексеев Г. 1847
Алексеев Н. С. 105
Алексеев П. 476
Алексеев Р. П. 453, 454
Алексеева Е. М. 569, 586
Алексей I Комнин, византийский император с 1081 г. 468, 470, 471
Алексей Александрович, великий князь, сын Александра II 228
Алксано А. П. 485, 501
Алксано (Алксианов) П. 503, 515

- Александр (в миру Молчанов Алексей Васильевич), епископ Таврический и Симферопольский 533
- Алпатов М. А. 27, 32, 37
- Альбани (Албани) А., кардинал 322
- Амартол И. (псевд.), см. Линниченко И. А.
- Амбарьян С. 475
- Амвросий (в миру Серебrenников, или Серебряков Аврам), архиепископ Екатеринбургский, экзарх Молдовлахийской епархии 60
- Аммиан Марцеллин (Amm. Marc.) 471
- Аморетти (Аморети) 181
- Амур (миф.) 238, 396, 585
- Анакреон (Анакреонт) 40
- Анаксимен, сын Сократа 419
- Анастасевич В. Г. 87
- Анахарсис (Anacharsis) 13
- Андреев, топограф 496
- Андреев А. И. 32
- Андреев Ю. В. 22, 120
- Андреевский И. С. 346
- Андро де Лажерон А. Ф., см. Ланжерон А. Ф.
- Андросов С. А. 106, 127
- Андросов С. О. 25
- Андрузский 325
- Анжу П. Ф. 191
- Анерг, см. Санерг (миф.)
- Анна, древнерусская княжна, дочь визант. императора Василия II, жена великого князя киевского Владимира I Святославича 526
- Анна Иоанновна, российская императрица с 1730 г. 29
- Анненков 522
- Анонимный автор Перипла Понта Евксинского (Анопут., ΡΡΕυχ.) 155, 266, 378, 379, 438, 452, 456, 475—478, 556, 587
- Анохин В. А. 366, 459, 464, 465, 502, 518, 519, 550, 555, 556, 591
- Антешян 316
- Антимен 113, 115
- Антоний, священник 616
- Антонин Пий (Антонин Кроткий), римский император с 138 г. 120, 265, 363, 466, 538, 543, 587, 627
- Антонины, династия римских императоров (138—192) 591
- Антонович В. Б. 331
- Анурий 408
- Анфертьев А. Н. 22
- Анфертьева А. Н. 22
- Анфим, игумен 524
- Аполла, см. Формион, сын Аполлы 351
- Аполлодор 398
- Аполлон (миф.) 113, 114, 197, 217, 284, 439, 465, 554, 555, 572, 574, 621
- Аполлон Простат 49, 220, 418, 427, 434
- Апраксин Ф. М. 25
- Апраксина (урожд. кн. Голицына) Е. В., статс-дама великой княгини Елены Павловны 641
- Аракчеев А. А. 191
- Аргот, скифский царь, второй муж боспорской царицы Комосарии Филотекны (между 170—150 до н. э.) 538, 546
- Ареансес (Aréansès), см. Фарсанз
- Аренс Е. И. 190
- Арескин Р. К. 25, 26, 31, 82
- Арета 439
- Ариадна (миф.) 335, 451, 574
- Аристон (Ἀρίστων), магистрат Гераклеи Понтийской первой половины 70-х гг. IV в. до н. э. 549, 550
- Аристоники, дочь Ксенокрита 209, 210, 212, 583
- Аристотель 321
- Аристофан 84
- Арифарн (Ариофарн) 153, 380, 381
- Аркас З. А. 266, 268, 382, 475, 476, 486, 493, 494, 513—515, 517—526, 528, 529, 533, 534
- Арнет И. 188
- Арпа А. М. 160, 295, 298, 301
- Арриан Флавий, см. также Arrian 48, 142, 415, 424, 478, 587
- Артамонов М. И. 35, 36, 333, 547
- Артемиды, см. также Диана (миф.) 106, 112, 200, 284, 462, 471, 534, 535, 577, 585
- Артемиды Агротера (Ловитва, Сельская) 576—578
- Артемов А. 359
- Арциховский А. В., см. также Artsikhovsky A. 18, 37, 337
- Асандр (Ассандр), архонт и царь Боспора (49/48—21/20 до н. э.), см. также Asandre 88, 264, 265, 465, 543, 544, 550, 556
- Асклепий (миф.) 439
- Асланбеков А. Б. 196, 514
- Аспург (Рискупорид I?), царь Боспора (14—37) 367, 465, 470, 555, 556
- Астарты (Астара) (миф.) 570—572
- Афанасий (в миру Гумеров), священник 228
- Афанасьев, священник 26
- Афанасьев, гравер 325
- Афанасьев, корреспондент ООИД (Измаил) 415
- Афанасьев, капитан 309
- Афанасьев, штабс-капитан, топограф 523, 532
- Афанасьев А. Г., соревнователь МОИДР, гравер 66, 140, 197
- Афины В. Ю. 86, 87, 594
- Афина, Афина Паллада (Лева), см. также Минерва (миф.) 113, 114, 366, 367, 550, 554
- Афина Лилия (миф.) 541, 542
- Афонин М. И. 45, 426, 427
- Афродита, см. также Венера (миф.) 116, 204, 238
- Афродита Апатура 210, 343
- Ахилл (миф.), см. также Achille 59, 119, 197, 327, 382, 401, 405, 408, 409, 415—419, 421, 422, 444, 452—472, 545, 627, 639, 649
- Ахилл Понтарх 220, 281, 283, 415, 419—422, 453, 462, 470, 544
- Ахлестышев 289
- Ахмеров Р. Б. 351
- Аш де (Asch Georg Thomas von, 1729—1807) Г. Т. фон 429
- Ашик Александра А. 160
- Ашик (урожд. Бибикова) Анна А. 160
- Ашик А. Б., см. также Aschik A. 56, 106, 108, 120, 124, 125, 127, 130—132, 134, 136, 137, 142, 144, 151, 154, 156, 158—160, 162, 165, 170, 172, 173, 180, 181, 183—189, 221, 223—226, 232, 240, 243, 247, 249, 254, 261, 262, 266, 268—271, 274—280, 285, 289, 294—304, 307, 309, 325, 327—330, 333, 335, 338, 343, 347, 353, 364, 380, 382, 385, 389, 390, 547, 550, 551, 553, 554, 556—558, 566, 572, 577—584, 587, 593, 608, 640
- Ашик Балтазар (Валтазар), отец А. Б. Ашика 159
- Ашик Варвара А. 160
- Ашик Владимир А. 160
- Ашик В. В. 160
- Ашик Н. А. 160
- Ашик Н. В. 160
- Ашик О. А. 160
- Ашик Сергей А. 160
- Ашик Софья А. 160
- Ашики 160

- Б. В., см. Варнеке Б. В.
 Бабкин Д. С. 76
 Багалей Д. И. 142, 203—205, 421, 430, 431
 Багер (Baguer) 296
 Бавро Д. 164, 165
 Баженов Г. 487
 Базанов В. Г. 151
 Базен Ж. 13
 Байер Г. З., см. также Bayer Th. S. 27—29, 315, 316, 355, 356, 378, 379, 423, 438, 473, 588, 607
 Байзе (Beise) Т. 188
 Бакланова Н. А. 32
 Бакмейстер И. Г., см. также Bacmeister J. 36, 356, 632
 Бакунин П. П. 63
 Балашов А. Д. 209
 Бальдани 484
 Бантыш-Каменский Н. Н. 85, 139, 618
 Баранов, полковник 435
 Баранов А. Н. 211
 Баранов П. И. 26
 Баратаев М. П. 245, 360
 Баратынский Е. А. 90
 Бараш А. Н. 16
 Барбаро И. 579
 Бардака И. Г. 193
 Барилко 579
 Барков (Борков) И. С. 37, 374
 Барсуков Н. П. 59, 227
 Бартелеми (Barthélemy) Ж. Ж. 13
 Бартенев П. И. 128
 Бартоломей И. А. 106, 245, 246
 Бартинский А. И. 642
 Бартинский В. И. 521, 525
 Басин П. В. 322
 Баскаков 500
 Бассоли, см. Боссолли К.
 Баторий Ст. 499
 Батурин И. 480, 481
 Батюшков К. Н. 432
 Баузе Ф. Г. 64
 Бах Г. Ф. 76
 Бахачивани, грек в Керчи 635
 Бахрушин С. В. 32
 Бахтин И. И. 205
 Бахус, см. также Вакх, Дионис (миф.) 574
 Бегичев К. Р. 180, 240, 241, 271, 285, 298—305, 308, 309, 338, 389, 558
 Безбородко, граф (затем князь) А. А. 59, 358
 Безбородко И. А., граф 424, 426, 427, 438, 618, 619
 Безымянный автор, см. Анонимный автор Перипла Понта Евксинского (Анопул., PPEux)
 Бёк А., см. также Böckh A. 14, 65, 73, 95, 99, 100, 108, 117, 154, 160, 188, 217, 236, 243, 248, 329, 340, 344—347, 351, 352, 380, 381, 386, 388, 397, 434, 442, 447, 458, 541, 550, 608
 Беккер (Bekker) И. 236
 Беккер П. В., см. также Becker P. 120, 262, 263, 266, 304, 329, 335, 347, 348, 353, 354, 382, 415, 447, 448, 494, 529, 530
 Белавенец П. И. 191, 193
 Белавская К. П. 18
 Белен-де-Баллю Я. Н. 204
 Белецкий-Носенко 204
 Белимов И. П. 291
 Белинггаузен Ф. Ф. 191
 Белковец Л. П. 38
 Беллен 374
 Белов Г. Д. 499
 Белова Н. А. 22
 Белоозерская Н. А. 89
 Белый А. 559, 560
 Белый С. 613
 Белявская (урожд. Бертье-Делагард) С. Л. 38, 47
 Беляев Н. Д. 230
 Беляев О. П. 356, 633
 Беляев С. А. 493
 Белова Н. А. 22
 Белый А. 184
 Белый С. Л. 559, 560, 613
 Бендер М. О. 480
 Бервик, лорд 56
 Бергман П. 373
 Бердяев 482
 Березин А. С. 93
 Беретти В. И. 532
 Беринг В. 53
 Бериславский, см. Бориславский И. С.
 Берия Л. П. 107
 Берков П. Н. 76
 Берлинский М. Ф. 87
 Берснев И. 374, 476, 482—484
 Бертье-Делагард А. Л. 47, 48, 62, 119, 190, 285, 372, 480, 482, 484, 486, 487, 493, 495, 498, 499, 501, 534, 540, 555, 563, 578, 585
 Берх М. Б. 197, 200, 202, 212, 282, 376, 453, 498, 509, 527
 Берштейн С. Б. 95
 Бестужев А., поручик 422
 Бестужев А. А. 85, 90
 Бестужев Н. А. 90
 Бетанкур А. А. (О.) 78, 80, 152, 360
 Бёттигер (Böttiger) К. А. 13, 105, 443
 Бжешкьян (Бжешкьянц) М. 474, 475, 508, 509, 535
 Биберштейн Ф. К. 48, 50—52, 61, 96, 318, 342, 379, 564—570, 607
 Бибииков А., полковник 160
 Бибииков А. Г. 382, 549
 Бибииков С. Н. 190
 Биллингс И. И. 374, 503
 Биллярский П. С. 64
 Бинфорд Л. 324
 Бич О. И. 148, 301, 547
 Блаватский В. Д. 328, 452, 453, 462, 486, 487, 536, 568
 Благовещенский Н. М. 64
 Бларамберг (урожд. де Куртуне или Куртнер) 110
 Бларамберг Ал. И. 110
 Бларамберг Арс. И. 110
 Бларамберг В. И. 110, 117, 118, 155, 261, 326, 349, 350, 420, 456—460
 Бларамберг Елена И. 110, 129, 218
 Бларамберг Елиз. И. 110, 129
 Бларамберг З. И. 110, 129
 Бларамберг И. И. 110, 261, 460
 Бларамберг (Бларемберг, Бларенберг) И. П. (Ж.), см. также Blaramberg J. de 21, 75, 84, 96, 105, 106, 108—123, 127—129, 131, 138—140, 142, 152—157, 159, 160, 161, 170, 172, 178, 179, 186, 202, 213—220, 223, 224, 226, 226, 240, 261, 262, 285, 295, 325—327, 333, 342—345, 347—353, 360, 366, 370, 371, 378—383, 386—389, 393—399, 405, 418—421, 431—435, 436, 440—444, 447, 450, 452, 454, 456—463, 472, 505, 521, 534, 538—543, 545—557, 576, 590—593, 595, 608, 617—619, 627, 640
 Бларамберг (Бларанберг) М. И. 109, 110, 112, 113, 117, 121, 155, 168, 217, 240, 261, 267, 268, 271, 295, 296, 300, 338, 395, 521, 539, 547, 552, 557, 579, 580, 641
 Бларамберги 110

- Бларенберг, см. Бларамберг И. П.
 Блудов Д. Н. 135, 188, 223, 224, 226, 642
 Блюментрост Л. Л. 26
 Бобринский А. А. 499, 509, 532, 535
 Богарнэ Е. 247
 Богданов А. П. 8, 37
 Богданович 1-й И. Ф. 594
 Богородица, см. Мария Богоматерь, Пресвятая Дева Мария (библ.)
 Богоявленский С. К. 32
 Бодан (Bauden) 30
 Боде А. К. 213
 Бодянский О. (И.) М. 230, 256, 641, 642
 Боз (Де Боз) К. Г. де, см. также Boze de, Cl. G. 362, 363
 Бойко А. Л. 602, 604, 606
 Бокова В. М. 84
 Болгари П. 191
 Болтенко М. Ф. 416
 Болховитинов Е. А. 21, 44, 46, 50, 87, 93, 95, 208, 256, 365, 436, 438, 442, 443, 485, 486, 507, 508, 534
 Большаков Т. Ф. 641
 Бонгард-Левин Г. М. 22
 Боплан Г. Л. де 30
 Бопп Ф. 95
 Борис св., древнерусский князь 576—578
 Бориславский (Бериславский) И. С. 440—442, 617, 619
 Борисова В. В. 351
 Борисфен (миф.) 371, 435, 440, 444
 Боровакова В. Н. 144, 180, 304
 Бородин 454
 Бородулин С. 43, 44
 Бороздин А. М. 108, 145, 147, 516, 537
 Бороздин И. Н. 18
 Бороздин К. М. 89, 621
 Бороздина (урожд. Давыдова) С. Л. 108
 Боссоли (Бассоли) К., см. также Bossoli C. 111, 113, 114, 116, 136, 183, 187, 219, 220, 285, 409, 419, 492, 495, 496
 Ботьянов 196
 Боувер (Боввер) И. В. 316
 Бошам 376
 Бракке Н. фон 416
 Брайцева О. И. 67
 Брандт А. А. 57
 Браницкая, графиня 429
 Браун, литограф в Одессе 277
 Браун Ф. А. 453
 Брашинский И. Б. 144, 162, 547, 551, 587
 Бринкен фон 585
 Бро де 521
 Брок П. Ф. 642, 643
 Брокгауз Ф. 646
 Броневская (урожд. Померанцева) 208
 Броневский В. Б. 158, 320
 Броневский М. 29, 423, 499
 Броневский С. М., см. также Broniewsky 140, 142, 144—146, 158, 197, 207—213, 215, 226, 615, 622
 Броневский Ст. 207
 Броссе М. И. (М.-Ф.), см. также Brosset M. 82, 106, 230, 239
 Брун Ф. К. 142, 155, 256, 262, 263, 266, 268, 281, 304, 346, 347, 378, 380, 382, 389, 421, 422, 448, 521, 529, 530, 534, 587
 Бруни Ф. А. 564
 Брунов Ф. И. 107
 Бруханский А. Н. 394
 Брюкс, см. Дюбрюкс П. А.
 Брюллов К. П. 533
 Брюс Я. А. 84
 Брюс Я. В. 25, 82, 355
 Буишцев, племянник И. А. Стемповского 137
 Будищев И. М. 192, 196, 376, 377, 401—404, 414, 439, 476, 616
 Бudyлина М. В. 67
 Бузескул В. П. 18, 315
 Буйских С. Б. 132, 439, 440, 450
 Букзель 166
 Буксбаум И. X. 82, 355
 Булатович С. А. 394, 396, 397, 405, 414—416, 433
 Булгари (Булгарис) Е., см. Евгений Булгарис
 Булгарин Ф. В. 90
 Буле (Buhle) И. Ф. 321
 Булкин В. А. 15
 Бурачков П. О. 372, 423, 464—466, 478
 Бураков А. В. 450
 Бурбоны, династия французских королей 104
 Буриашев 480, 481
 Бурхановский 1-й В. В. 150
 Бусарева Н. 57
 Буссе (Busse) И. Ф. (И. Г.) 63
 Бутков П. Г. 95, 230, 590
 Бутман, профессор в Берлине 344
 Бух Х. Л. 99
 Бухгольц, коллежский регистратор 454
 Бухтеев М. Н. 336
 Бухтеев Н. 406
 Буларди Э. 124, 125
 Быченский Ф. Т. 530
 Бычков Ф. А. 393
 Бэкон Ф. 315
 Бэлза И. Ф. 54
 Бэр К. М., см. также Baer K. E. von 231—233, 235, 337, 338
 Бюшинг А. Ф., см. также Büsching A. F. 38, 378
 В. III. 278
 В-в В. 144
 В-г Л. 29
 Вавр (Wavre) А. 444
 Вазари Д. 13
 Вайян (Вальян) Ж. Ф., см. также Vaillant J.-F. 362
 Ваксель Л. С., см. также Waxel L. de 53, 54, 138, 330, 342, 378, 384, 418, 427—429, 451, 503, 534
 Ваксель С. 53
 Вахс, см. также Бахус, Дюнис (миф.) 434, 574
 Вахс св. 534
 Ватенс (Valens), см. Валент
 Валент Флавий, римский император с 364 г. 455, 468, 470, 627, 642
 Валентиниан Флавий I, римский император с 364 г. 468, 627
 Валентиниан Флавий II, римский император с 375 г. 627
 Валериан Публий Лициний, римский император в 253—259 гг. 467, 627
 Валицкий А. О. 204, 206
 Валк С. Н. 38
 Вальян, см. Вайян Ж. Ф.
 Вандервейде (Ван дер Вейде), см. Фан дер Вейде
 Вандершкрюф 537
 Варнеке Б. В. 256, 608
 Василий (Василий) св. (народное прозвание Капельник), епископ и мученик херсонский 422, 504, 533
 Василий (Юдин), иеромонах 525, 526, 528, 533
 Василий св., см. Василей св.
 Василий II Болгаробойца, византийский император 371

- Васильев А. Н. 22, 329
Васильев М. Н. 191
Васильева Н. Е., см. также Vasileva N. 326
Васильева Р. В. 22
Васильевский В. Г. 262
Вассаль 129, 471
Вахтина М. Ю. 22
Вацуро В. Э. 393, 394
Вебель М. Б. 249
Веденский С. И. 374
Вельяминов А. А. 579, 580
Венгеров С. А. 53, 108, 160, 279
Венера (Vénus), см. также Афродита (миф.) 25, 192, 218, 288, 289, 446
Вер Луций Аврелий, римский император с 161 г. н. э. 265, 363, 470, 501, 587
Вербовский 510
Вергилий (Виргилий), Публий Вергилий Марон 207, 209
Веребрюсов С. И. 131
Веревкин, советник 34
Вернадский В. И. 7, 8, 178, 438
Вернадский Г. В. 32, 33
Вертильяк (Вертельяк) Н. 273, 286, 436
Вершевская Н. В. 164
Веселов В. В. 153
Веселовский, коллекционер монет 429
Веселовский Н. И. 18, 120, 127, 129, 137, 239, 244—249, 251, 252, 260, 286, 348, 370, 642
Весковала 331
Веспасиан Тит Флавий, римский император с 69 г. 120, 466, 543, 627
Вздорнов Г. И. 228, 337
Вигель Ф. Ф. 56, 71, 124, 125, 127, 132, 146, 157—159, 207, 210, 211, 213, 214, 217, 218, 428, 592, 641
Видуа, гр., см. также Vidua C. 195, 489
Виктор Эммануил II 239
Вильгельм I Фридрих, король Нидерландов, великий герцог Люксембургский и принц Оранский-Нассауский 109
Вильгельм II Гогенцоллерн, император Германии (1888—1918) 245
Вильгельм V Оранский, штатгальтер Нидерландов 109
Вилье (Виллие) Я. В., лейб-медик 152
Вильнев Е. Ф. (Е. К.) де, см. также Villeneuve E. de 255, 267, 290—293
Вильсон Р. 502, 503
Винкельман (Winckelmann) И. И. 12, 13, 15, 66, 83, 319, 320, 322, 339
Виноградов Ю. А. 22, 181, 320, 333—335
Виноградов Ю. Г. 22, 343, 351, 415, 416, 423, 434, 447
Виргилий, см. Вергилий
Висконти Э. К. 66, 345
Виссарион, иеромонах 525
Вителлий Авл, римский император с 69 г. 543
Витворт Ч. 56
Витгенштейн П. Х. 393
Витольд 424
Витсен (Витзен) Н. К. 31, 632
Витт И. О. де 128
Вихман Б. Г., см. также Wichmann В. Н. 91
Вишневская Е. 219
Вишневский В. К. 376, 377
Вишняцкий Л. Б. 19
Владимир Александрович, великий князь, сын Александра II 228
Владимир I Святославич св., великий князь киевский 125, 132, 195, 330, 444, 479, 480, 486, 500, 504, 508, 511, 518, 522, 524—527, 531—534, 594, 617, 649
Владимир II Мономах, великий князь киевский 218
Владычица зверей (миф.) 463
Власов В. Д. 200
Власов М. Г. 579, 596
Власова Е. В. 144, 161, 162, 303
Влито 196, 376
Вовиллье (Vauvilliers) Ж. Ф. 63
Воеводский 412
Восейков А. Ф. 85, 117, 548
Войнович М. И. 44
Возгрин В. Е. 59
Волконская, княгиня 150
Волконский Г. П. 331
Волконский (Волконский 2-й) П. М. 79, 86, 114, 135, 136, 165, 166, 168, 171, 176, 189, 240, 241, 265, 266, 272—275, 277, 278, 294, 298, 578, 640
Волынский А. П. 25, 355
Вольтер М. Ф. А. 91
Вольф Ф. А. 344
Вольфцун Л. Б. 243
Воробьев М. Н. 82
Воронов А. А. 157, 560, 576
Воронцов М. С., граф (затем князь), см. также Vorontzoff (Woronzow) М. 10, 81, 85, 96, 97, 104—107, 109—111, 113, 114, 116, 117, 125, 127, 128, 132, 135—137, 141, 142, 146, 154, 155, 157—162, 181, 188, 213, 215, 216—226, 240, 253, 254, 258, 263, 267—270, 274, 276—278, 281, 282, 284, 286, 288—290, 293, 294, 296—300, 302, 303, 305, 309, 347, 349, 360, 361, 389, 390, 393, 395, 396, 399, 400, 405, 406, 409, 410, 434, 447, 454, 456—462, 477, 514—516, 530, 533, 538, 541, 542, 552—557, 579—582, 585, 587, 590—592, 597, 626, 642
Воронцов С. Р. 106, 374
Воронцова (урожд. гр. Бранишкая) Е. К., графиня (затем княгиня) 106, 107, 113, 216, 219, 555
Воронцова М. В. 106, 107
Воронцовы 374, 456
Ворсо (Worsaae) И. Я. 231, 337, 338
Востоков А. Х. 89, 95, 229, 243, 575
Врадиев П. 268
Врангель Н. Н. 87
Врангель Ф. П. 191
Вунш 195
Выжарова (Въжарова) Ж. Н. 217, 400
Высотская Т. Н. 537, 544
Вюртембергский принц Александр Александрович, племянник императрицы Марии Федоровны 91
Габлиц К. И., см. также Hablitzl K. L. 42, 44—48, 83, 318, 326, 362, 374, 375, 378, 379, 384, 485—487, 489, 494, 500, 501, 503, 507, 508, 516, 531, 561, 607
Гавриил (Борисов), архиепископ Екатеринославский, Херсонский и Таврический 60, 284
Гаврилов М. Г. 321
Гагарин Д. Н. 303
Гагарин М. П. 26
Гагарин Ф. Г. 245, 523
Газе (Hase, Haase) К. Б. 95, 343
Гайдукевич В. Ф. 131, 153, 156, 172, 180, 181, 271, 378, 382, 547
Гайль (Gail J. F.) 131
Гакман (Hackmann) И. Ф. 28, 29
Гаксова 192
Галлера (Галера, Galera, Gallera) А. 85, 142, 144, 209, 210, 212, 215, 344, 360, 490
Гальба Сервий Сулпиций, римский император с 86 г. 538
Гамба Ж. Ф., см. также Gamba G. F. 105, 143

- Гангеблов С. Г. 80, 607
 Ганжа А. И. 15
 Ганка В. В. 188
 Ганнибал И. А. 427, 482
 Гарижский И. А. 621
 Гаркани А. Я. 347, 348
 Гаспринский М. 535
 Гости 58
 Гатри М., см. также Guthrie Maria 50, 52, 53, 58, 379, 427, 428, 473, 476, 502, 504, 534, 560
 Гатри, Гутри, или Гутриа М. А., см. также Guthrie Matthew 50, 52, 58, 560
 Ге Н. Н. 191
 Геверс 562
 Геденонов С. А. 331—333
 Гейдекен К. Е. 360
 Гейм (Geim) И. А. 321
 Гейман Р. Г. 233
 Гейне Х. Г., см. также Heune С. G. 13, 321, 322, 540
 Гейслер Х. Г. Г. 46
 Геката (миф.) 423, 434, 452, 471
 Гекуба (миф.) 557
 Гельбих, житель Севастополя 505
 Генинг В. Ф. 15, 16, 18, 313, 318
 Геннади Г. Н. 241
 Генрих IV Бурбон, король Франции 109
 Генрих Миролюбивый (Heinrich der Friedfertige), герцог 632
 Георгий Победоносец св. 58, 88, 316, 484, 485, 487, 489, 492, 498, 502, 505—507, 516, 524, 534—536, 623
 Гепелирия (Гипепира, Гипепирия, Гипепирис), царица Боспора (37—38), см. также Gêraperis 330, 367, 368, 465, 627
 Гера, см. также Юнона (миф.) 463
 Гера Самосская (миф.) 463
 Геракл, см. также Геркулес (миф.) 112, 120, 132, 214, 281, 366, 367, 519, 550
 Геракл Фивский 463
 Гераков Г. В. 207, 211
 Герен Х. Л. 438
 Геркулес (миф.) 199, 446, 550, 551
 Герман Г. 64, 65, 236, 263
 Гермес, см. также Меркурий (миф.) 112—114, 284, 370
 Геродот (Иродот), см. также Herodote (Herodotus) 28, 38, 42, 54—56, 76, 130, 148, 205, 231, 232, 235, 250, 260, 262, 272, 336, 375, 423, 432, 452, 473, 560, 618—620
 Герхард Э., см. также Gerhard E. 14, 188
 Герн К. К. 18, 269, 270, 271, 279, 302, 303, 382, 558, 563, 564, 571, 572, 576—580
 Гёрн Э. К. 558
 Герцен А. И. 228, 229
 Гессен-Гомбургский, князь 152
 Гета, римский император в 209—212 гг. 120, 543
 Гёте И. В. 95, 262
 Гехт 147
 Гизо Ф. П. Г. 94
 Гика А. 110
 Гилевич А. М. 22, 518, 519
 Гилин 113
 Гиллиам Дж. Ф. (Gilliam J. F.) 372
 Гиль Х. Х. 247, 360
 Гильденштедт (Güldenstädt), см. Гюльденштедт И. А.
 Гинзбург Г. И. 65, 246
 Гипанид (миф.) 435
 Гипепира, Гипепири, см. Гепелирия
 Гириус (Гиртиус) Б. П. 204, 504
 Главк 410
 Глаголев А. Г. 88
 Глазов П. М. 316
 Глеб св., древнерусский князь 60, 61, 561, 564, 570, 576—578
 Глинка Н. И. 67
 Глинка Ф. Н. 90
 Глумов А. Н. 561
 Гмелин И. Г. 82
 Гмелин С. Г. 44, 45
 Гнедич 217, 395
 Гнедич Н. И. 44, 89, 90, 130, 432
 Гнучева В. Ф. 38, 42, 47, 48, 61, 231, 373—375
 Годе Ш. 98
 Гока С. 202, 405
 Голдсмит О. 84
 Голенищева-Кутузова, мать жены Д. В. Карейши 272
 Голенищевы-Кутузовы 272
 Голенко К. В. 365, 366
 Голенцов А. С. 497
 Голицын А. Н. 77, 81—83, 86, 105, 148, 149, 208, 617
 Голицын Д. А. 45
 Голицын Д. М. 25
 Голицын М. П. 360
 Голицын Н. В. 35
 Голицына Е. И. 148
 Головатый А. А. 559, 561
 Головачев В. Ф. 481, 482, 499, 500, 513, 531
 Головин Е. А. 394, 400, 584
 Головкин, граф 57
 Головин В. М. 191
 Голубева О. Д. 89
 Гомер 76, 85, 89, 232, 499
 Гонзалец О. О. 591
 Гончаров 148
 Гораший 40, 76, 84
 Горбунова К. С. 112, 422
 Горель Г. К. 195
 Горгипп 571
 Горгона, см. Медуса Горгона
 Гордиан 501
 Горлов Ю. В. 569
 Горончаровский В. А. 22
 Горский В. 361
 Горчаков 573
 Горький М. 22, 646
 Готье, военный гидрограф, см. также Gauttier 376, 377
 Готье Ю. В. 8
 Гошкевич В. И. 346
 Граббе П. Х. 580
 Граков Б. Н. 351—353
 Грандмезон Н. Н. 372
 Грановский Т. Н. 558
 Гралерон И. И. 142, 144, 209, 212, 213, 215, 261, 262, 291, 360, 592
 Грач Н. Л. 131
 Граф 67
 Гребцова И. С. 107
 Грейг А. С. 85, 104, 105, 140, 158, 193, 195—197, 202, 212, 216, 394, 403—405, 417, 432, 444, 452, 455, 457, 462, 491, 509, 511, 514, 515, 530—532, 627, 628
 Грейг Ю. М. 196
 Греков В. 399
 Грело 588
 Грефе Г. Ф. 239
 Грефе Ф. Б. (Х. Ф.), см. также Graefe Fr. 64, 65, 75, 78, 89, 136, 137, 155, 189, 230, 236, 237, 239, 244, 246, 274, 278, 326, 340, 345, 347, 353, 357, 358, 361, 378, 384, 386, 389, 542, 585, 600, 608
 Греч Н. И. 90

- Грибоедов А. С. 90, 91, 258, 321, 508
 Григорий 408
 Григорий XVI, папа римский 92
 Григорович В. И. 20, 417
 Григорьев 376
 Григорьев В. В. 64, 215, 253, 259—263, 268, 269, 270, 305, 336, 338, 364, 365, 380, 389, 390
 Григорьев В. Н. 515
 Григорьев Р. Г. 203
 Гримм А. И. 65, 355, 359
 Гримм Д. И. 534
 Гримм Э. Д. 239
 Гримстед (Grimsted) П. К. 21
 Гриневич К. Э. 18, 478, 486, 497, 499, 517, 522, 525—527, 529, 536
 Гринфелд 80, 584, 586, 607
 Гро А. 399
 Гросс (Gross) Ф. И. 299, 303, 304
 Грот Я. К. 558
 Губарь О. И. 105
 Гузевич Д. Ю. 417
 Гумбольдт А. фон 99, 100, 188, 296
 Гунтер 367
 Гурвич Д. М. 374
 Гурулева В. В. 248
 Гурьев, помещик в Керчи 146, 171, 275, 295, 380
 Гурьев А. Д. 454
 Гурьев Д. А. 146
 Гусаров Ф. Т. 220, 304, 547
 Гушин 305
 Га О. 558
 Гюльденштедт (Гильденштедт) И. А. 42, 43, 82, 589, 607
- Дабижа В. Н. 125, 256
 Давалон (Davallon) Ж. 107
 Далмацкий (Долмацкий) П., князь 579, 580
 Д'Анвиль, д'Анвий, см. также d'Anville J. B. 38, 319, 378, 473
 Даниленко В. Н. 190
 Данилов В. 281
 Данилова Э. В. 84
 Даровский, штабс-капитан 631
 Дауров Султан 582
 Д'Аш, барон, см. Аш Г. Т. фон
 Дашков П. М. 316
 Дашкова Е. Р. 12, 85
 Дебос (Де Боз), см. Боз де
 Дебрюкс (де Брукс, Де-Брюкс), см. Дюбрюкс
 Дева (миф.) 518—519, 534—536, 649
 Дево (де Во) 477, 478
 Деволлан (Деволант, Де-Волант, де Волан) Ф. П. (Ж. Ф.), см. также Wollant F. de 53, 58, 318, 384, 417, 425, 426, 445, 607
 Дезарно А. О., см. также Desarnod A. 399, 400
 Дейрнард П. 56, 319
 Деллагранж 371
 Де Ла Мотре О., см. Ла Мотре О.
 Делиль Г. 373
 Делиль И. Н. 355, 373
 Дельвиг А. А. 90
 Демезон П. И. 245, 248
 Деметра, см. также Церера (миф.) 57, 166, 439, 448
 Деметра Фесмофора 330
 Демидов, мастеровой 509
 Демидов А. Н., князь Сан-Донато 214, 215, 224, 225, 248, 517
 Демидов П. Н. 243, 247, 279, 358
 Демосфен 366
 Денисова В. И. 22
- Державин Г. Р. 76
 Державина (урожд. Дьякова) Д. А. 76
 Де-Рибас (Дерibas) А. М. 104, 129
 Де-Рибас (Дерibas) И. М. 561
 Дерibas М. Ф. 421
 Дерibas (де Рибас Х.) О. (И.) М. 59, 203, 417, 419, 421
 Дерibas Ф. М. 421
 Дерикер В. В. 260
 Деринг 80
 Де-Сансе Э. 548—551
 Де-Серра 537
 Де-Скасси, см. Скасси Р.
 Дестунис (Дестуни) С. Ю. 284, 285
 Десятчиков Ю. М. 381
 Деций, Гай Мессий Квинт Деций Траян, римский император в 249—251 гг. 467, 627
 Дживарджи (Джеварджи) 209, 213
 Дзис-Райко Г. А. 220, 281
 Дзюбинский В. П. 221
 Диамант Э. И. 132, 547, 551, 581
 Диана, см. также Артемид (миф.) 119, 120, 382, 434, 458, 504, 518, 524, 534, 577
 Диана Агротера 576
 Диана Ловитва 576, 577
 Дибиш (Дибич-Забалканский) И. И. 127, 393, 395, 399
 Дивный И. В. 263
 Дигби А. 144, 154, 157, 222, 325, 554, 557, 641
 Дидона Элисса (миф.) 323
 Дий, см. Зевс, Юпитер (миф.)
 Диков, протоиерей 595
 Димешки 403
 Диммерт, инженер прапорщик, военный топограф 525
 Димострат 408
 Динамия (Динамиса), царица Боспора (21/20—17/16 до н. э.) 345, 555, 556
 Диндорф Л., см. также Dindorf L. 381
 Диодор Сицилийский, см. также Diodori Siculi 153, 330, 380, 381
 Диоклегиан Гай Аврелий Валерий, римский император с 284 г. 423, 469
 Диомед (миф.) 112
 Дион Хризостом (Златоуст) 85, 426, 444
 Дионис, см. также Бахус, Вакх (миф.) 451, 575
 Дионисий (ист.) 166
 Дионисий Ольвийский 452, 453, 462
 Дионисий Периегет (Dion. per.) 452
 Диофант 478
 Пложевский (Пложевский) С. С. 179, 281
 Дмитренко И. И. 560, 561, 564, 613
 Дмитриев 316, 317
 Дмитрий, см. Семенов Д.
 Дмитрий св. 440
 Дмитриев Л. Д. 413
 Добролюбовский А. О. 132
 Доватур А. И. 403, 453
 Довгалевский 446
 Докторов В. 529
 Долгова С. Р. 39
 Долгоруков-Крымский В. М. 58, 84, 211, 500
 Долгоруков Н. В. 58, 585
 Долгоруков С. В. 245
 Долгоруковы 58
 Должиков 217, 395
 Долинский И. 35
 Долматский П., см. Далматский П.
 Доманский Я. В. 22
 Домашнев С. Г. 43
 Домбровский О. И. 486, 502

- Домициан Тит Флавий, римский император с 81 г. 120,
466, 543, 627
- Доря Б. А. 82, 230, 236
- Дорошевский 163
- Дорт фон 26
- Драчук В. С. 448
- Дрозжин П. А. 406, 408
- Дроконов 530
- Дружинина Е. И. 16, 45, 59, 104
- Дубенский 584
- Дубицкий 262
- Дубровин Н. Ф. 39, 482, 500
- Дубровина Л. А. 21, 22
- Дубровский А. И. 374
- Дунаевская И. М. 79
- Дьякова А. А., см. Капнист А. А.
- Дьякова Д. А., см. Державина Д. А.
- Дьякова М. А., см. Львова М. А.
- Дьячевский 582
- Дюбрюкс 145
- Дюбрюкс (Де-Брюкс, Дюбрукс) А. Г. (А. А.) 117, 145, 146,
168, 170, 176, 178
- Дюбрюкс А. П. 146, 173, 178, 285
- Дюбрюкс Г. П. 145
- Дюбрюкс (Де-Брюкс) Е. П. 146
- Дюбрюкс Н. Г. (Н. А.) 145
- Дюбрюкс (Дебрюкс, Дюбрукс) П. А. 21, 55, 77, 78, 84, 88,
92, 93, 96, 100, 117, 125, 127, 130, 131, 134, 137, 139,
142, 144—159, 161, 162, 167—180, 186, 209, 220—
223, 226, 240, 241, 261, 262, 268, 285, 296, 309—310,
325, 326, 328, 330, 333—335, 338, 343, 344, 366, 379—
383, 385, 386, 389, 547, 549, 551—553, 556, 557, 566,
572, 574—576, 608, 620, 625, 635, 636, 640, 641
- Дюбуа (Du Bois) 588, 589
- Дюбуа, см. Дюбуа де Монпере Ф.
- Дюбуа де Монпере Ф., см. также Dubous de Montpéreux
F. 97—103, 156, 165, 176, 181, 210, 214, 224, 232, 277,
326, 330, 335, 344, 345, 380, 382, 490—494, 497, 498,
502, 503, 512—516, 520, 523, 524, 529, 534, 535, 544,
545, 553, 557, 563, 572, 577, 586, 587, 592
- Дюков Ю. Л. 458, 459
- Е., см. Болховитинов Е. А.
- Евгений св., епископ-миссионер в Херсонесе 422
- Евгений, игумен, настоятель Херсонесской обители 533,
534
- Евгений, митрополит Киевский, см. Болховитинов Е. А.
- Евгений Булгарис (Булгари), архиепископ Словенской и
Херсонской епархии с 1775 г. 42, 537
- Евмел (Эвмел), архонт и царь Боспора (по Кёне 309—304
до н. э., по современной хронологии 310/309—
304/303 до н. э.) 367, 555
- Евпатерий 562
- Евпатор (Эвпатор), царь Боспора (154—170) 247, 330,
355, 368, 466, 474, 591
- Евпатор II 247, 370
- Евресивий 439
- Евсеева М. К. 89, 141
- Ежелев А. 160
- Екатерина I, российская императрица с 1725 г. 198
- Екатерина II, российская императрица с 1762 г. 17—19,
35, 40, 45—47, 50, 58—60, 62, 65, 82, 85, 91, 107, 124,
132, 191, 207, 241, 242, 315, 357, 423, 424, 474, 480,
483, 485, 487, 499, 515, 534, 559, 560, 564, 588, 593
- Екатерина Павловна, великая княгиня 321
- Елена Флавия, наложница Констанция Хлора, мать Кон-
стантина I 467
- Елизавета Алексеевна, российская императрица с 1793 г.,
жена императора Александра I 205
- Елизавета Петровна, российская императрица с 1741 г. 28,
35
- Елпидий св., епископ-миссионер в Херсонесе 422
- Емельянов (Емельянов) П. 375
- Елифанов М. 580
- Ермолаев А. И. 89, 93, 150, 621
- Ерион, иерусалим. епископ 423
- Ефери, см. Эфери
- Ефимович 359
- Ефрем св., епископ-миссионер 422
- Ефрон И. А. 646
- Жебелёв С. А. 14, 18, 245, 286, 313, 314, 381
- Жегулин 211
- Жерве В. 417
- Жигулин Н. 41, 375, 424
- Жиль Ф. А., см. также Gille F. A. 134, 151, 161, 162, 176,
178, 180, 183, 218, 239—243, 245, 248, 269—271, 274,
277—279, 298—301, 327, 334, 335, 338, 357, 382, 389,
547, 548, 553, 557, 593, 604, 636
- Житников В. Г. 606
- Житомирская С. В. 110
- Жуйкова Р. Г. 129
- Жуковский В. А. 188, 239
- Жуковский Г. В. 291
- Жуковы 124
- Журомская Э. В. 120
- Забелин И. Е. 43, 139
- Заблоцкий А. 142
- Завадовский Н. С. 158, 222, 559, 578, 579, 580
- Завитухина М. П. 26
- Зайцев Ю. П. 538, 540, 546
- Закревский А. А. 157
- Залого 295
- Залсия 429, 430
- Залусские 66
- Зарин А. 236, 238
- Зац, генерал 516
- Збигнев 577
- Зевс, см. также Юпитер (миф.) 439, 463
- Зевс Атабирий 538—540, 542
- Зевс Ликейский 463
- Зевс Олимпийский 463, 464
- Зедделер Л. И. 428
- Зеленецкий К. П. 108, 129, 278
- Зельницкая Е. Г. 87
- Зенон, император Восточной Римской империи в 474—
491 гг. 49, 117, 489, 490, 503, 516, 564
- Зенон, сын Гевресия [НО 80] 216
- Зенько С. В. 164, 272
- Зин[х]овски 408
- Зиновьев А. 127
- Зиннон, см. Зенон
- Зленко Г. Д. 259
- Зограф А. Н. 355, 363, 365, 366, 371, 372, 415, 464, 465,
468, 470, 518, 519, 555, 556, 575, 581
- Зограф Н. Ю. 8
- Золотарев М. И. 22, 440
- Зондереггер И. Г. 267
- Зонтаг 92
- Зонтаг Е. В. 105, 217, 219
- Зосима З. П. 360
- Зоткин Н. 191

- Зубарев В. Г. 153
Зубов, полковник 630
Зубов В. А. 48, 207
Зуев В. Ф., см. также Zuev V. 19, 42, 43—45, 607
Зуев В. Ю. 22
Зун, топограф 496
Зухарин 502
- Иakov (в миру Вечерков Иосиф Иванович), епископ Саратовский с 1832 г. 364
Ибн Фадлан Ахмед, см. также Ibn-Fozzlan 403
Иванич 406, 408
Иванкевич Н. 57
Иванов, кузнечный мастер 195, 505
Иванов, военный топограф в Севастополе 514
Иванов В., гравёр 488
Иванов Е. Э. 484, 499, 534
Иванов И. А. 67
Иванов П. И. 375
Иванова А. П. 18, 572
Иванова Т. П. 22
Игельстром И. А. 316, 484
Иемс 129
Избаш Т. А. 22, 247, 355, 356, 364, 370—372, 433
Изида, Исида (миф.) 434, 554
Измайлов В. В. 56
Иисус Христос, см. также Christus 58, 456, 471, 528, 628
Илатовская Т. 67
Иловайский А. В. 595
Ильинская В. А. 35
Индар (лит.-миф.) 130
Индафарн 130
Инзов И. Н. 128, 287
Инифимей, царь Боспора (234—238) 368, 369, 596, 601
Иннокентий (в мире Борисов Иван Алексеевич), архиепископ Херсонский и Таврический 106, 524—529
Иоанн Златоуст (Хризостом) 424
Иоанн Креститель, или Предтеча (библ.) 69, 88, 206, 221, 284
Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский (610—619) 441
Иодко О. В. 22, 82
Иордан 56
Иосиф, мстиславский помещик и воевода 120
Иосиф (Карамурза), см. Карамурза И.
Исанчурун Е. Р. 367
Исанчурун Р. А. 367
Иустиниан, см. Юстиниан
Ифигения (миф.) 119, 471, 492, 535
- Каша Д., см. Карейша Д. В.
Кабир (миф.) 410
Каверин П. П. 393
Казаманова Л. Н. 355
Казарин И. 316
Казначеев А. И. 181, 214, 215, 262
Казначеева (урожд. кн. Волконская) В. Д. 181
Калайдович К. Ф. 139, 594
Катамара 573
Калинин 347, 448
Каляник (Каленик) 206, 363
Канкрин Е. Ф. 346
Кантакузин Е. М. 216
Кантакузин Р. Й. 245
Канторин 192
Капнист (урожд. Дьякова) А. А. 76
Капнист В. В. 76, 77, 79, 85, 86, 232, 590, 617, 618
Капнист (урожд. Муравьева-Апостол) Е. И. 85
Капнист С. В. 76, 79, 85, 86
Каподистрия И. А. 259
Каразин В. Н. 142, 203, 205, 206
Каракалла, прозвище Марка Аврелия Севера Антонина, римский император с 211 г. 467, 543
Карамзин Н. М. 13, 85, 139, 423, 561, 588, 594
Карамурза 291
Карамурза И. 255, 267, 290, 292
Карасев А. Н. 425, 436, 441, 442, 444, 446, 449, 450, 546
Караулов Г. Э. 47, 232
Карачава Д. Д. 645
Карейша (урожд. Голенишева-Кутузова, по первому мужу Магденко) А. С. 272
Карейша В. Ф. 163
Карейша (Корейша) Д. В., см. также Kareysha D. 134, 135, 142, 144, 147, 151, 156, 162, 163, 164, 166, 167, 170, 172, 180—182, 184—189, 205, 223, 224, 226, 240, 249, 254, 262, 266, 268—275, 294, 299, 300, 307, 327—329, 338, 343, 385, 389, 517, 522—524, 547, 558, 572, 578, 579, 608
Карейша Н. В. 163, 272, 273
Карейша О. Д. 272
Карейша Сергей. Д. 272
Карейша Сергей С. 272
Карейша Софья Д. 272
Кари Ф., см. также Cary F. 213, 362, 363
Карл XII, шведский король 616
Карлашенко А. 265, 266
Карлич Д., протоиерей в Керчи 284
Карманов 316
Карышковский П. О. 22, 105, 132, 207, 220, 284, 287, 347, 355, 370, 371, 415, 423, 433—436, 451, 459, 461, 462, 464—470
Карцев В. П. 8, 383
Касинов Е. А. 284
Кастельно Г. де, см. также Castelnau G. de 126
Кастельно (Кастилио) Л. 110, 129
Кастельно (Кастилио, урожд. Бларамберг) Н. И. 110, 129
Кастильоне К.-О. де 239
Кастор (миф.) 458, 462
Касторский 204
Катальников Е. Н. 594
Катков М. Н. 248
Каулинг 532
Кахановский Г. А. 7
Каховский (Коховский) В. В. 39, 40, 45, 487
Каховский М. В. 48, 535
Кац В. И. 351, 439, 451, 519
Кашаки (в другом написании — Казаки, Качаки, Козаки) Николай, Павел, Федор и Константин Ивановичи, братья-греки, владельцы имения Яселки близ Парутино 616, 621
Каченовский М. Т. 260, 320, 321, 591
Качони 321
Квирквелия Г. Т. 645
Кейбель 165
Кейлюс А. К. Ф., см. также Caylus A. 13, 325
Кекуватский М. 181, 186, 271, 333
Келле В. Ж. 8
Келлер, см. Кёлер Е. Е.
Кёлер В. Е. 245
Кёлер Е. Е. (Г. К. Э.), см. также Köhler H. K. E. 21, 65—68, 70—73, 75—85, 89, 91, 94, 95, 110, 134—137, 140, 154—156, 164—166, 168, 169, 176, 179, 186, 189, 192, 193, 195, 202, 205, 206, 212, 228, 235—237, 245, 271, 325—327, 329, 330, 340, 342—346, 348, 349, 352, 353, 357—361, 364—367, 369—371, 378—382, 385—389,

- 405, 414, 418, 419, 421, 422, 428—430, 432, 434, 440, 442—445, 447, 450, 451, 454—457, 462, 472, 474, 476, 479, 504—506, 530, 535, 549—552, 563, 564, 570—576, 584, 608, 613, 616, 621, 628
- Кёлер (урожд. фон Брискорн) С. М. 75
- Кёне Б. В., см. также Köhne В. 78, 188, 239, 243—248, 252, 276, 278, 279, 298, 327, 338, 353, 357, 361, 363, 370—372, 384, 389, 451, 494, 516, 518, 522, 523, 528, 535, 564, 581, 642
- Кёппен (урожд. Аделунг) А. Ф. 90
- Кёппен К. И. 440
- Кёппен П. И., см. также Körpen Р. 21, 46, 48, 89—97, 100, 102, 106, 107, 114, 117—119, 121—123, 126, 131, 134, 139, 140, 144—146, 148—151, 155, 156, 158, 161, 162, 168, 171, 188, 202, 212, 213, 229, 232—236, 262, 274, 277—279, 320, 325, 329, 330, 333, 342—348, 352, 360, 366—371, 380—382, 384, 386—389, 418, 433—447, 450, 454, 455, 489, 490, 505—507, 509, 525, 537, 542—544, 551, 560, 561, 572, 576, 577, 583, 591, 594, 596, 600, 608, 615—621, 631—634
- Кёппен Ф. П. 47, 90, 95, 96, 158, 320, 436
- Кер Г. Я. 28, 30, 31
- Керам К. 383
- Кибела, Великая мать (миф.) 158
- Кибер 448
- Кизерицкий Г. Е. 36
- Киллена, нимфа (миф.) 284
- Кинсберген И. Г. 480
- Киреенко Г. К. 316
- Кириков Б. М. 78
- Кирилин Д. С. 269
- Кириллов И. К. 373
- Кирсанов Х. П. 594, 595
- Кирьяков М. М. (старший) 105, 129
- Кирьяков М. М. (младший) 129, 142, 256, 257, 259, 281, 283
- Клаве Л. 376
- Клапрот Г. Ю., см. также Klaproth Н. J. 56
- Кларк Э. Д., см. также Clarke Е. D. 56, 57, 342, 344, 494, 503, 507, 515, 534, 535, 563, 564, 583, 589, 592, 593
- Классов, инженер-полковник, топограф 532
- Классовский В. 278
- Клейман И. Б. 284, 415, 459
- Клейн Л. С. 7, 11, 15, 16, 37, 313, 314, 319, 608
- Клеман Н. Э., см. также Kleeman N. E. 38, 39
- Клеменс 531
- Клеменц Д. А. 33
- Клемм Г. 228
- Клеопатра VII Египетская, царица Египта 216
- Климент св., епископ Агирский, священномученик 514, 518, 521, 528
- Клио (миф.) 366
- Клокачев А. Ф., контр-адмирал, градоначальник Феодосии 208
- Клокачев Ф. А., вице-адмирал 482—484, 500
- Клоссиус (Clossius) В. Ф. 197, 198
- Клотц Х. А. 28
- Кнабе Г. С. 16
- Книпович Т. Н. 604, 606
- Кнопфлер Д., см. также Knoepfler D. 97
- Кнорре К. Х. (К. Ф.) 197, 198
- Княжевич А. М. 87, 215, 258
- Княжевич Д. М. 256, 258—261, 263—265, 268, 281, 332
- Княжевич М. Д. 259
- Княжевич М. М. 215, 258
- Кoble А. Ф. 124, 283
- Кoble (Коблен, Коблей, Cogley) Ф. А. 124
- Кобылина М. М. 213
- Коваленко Е. С. 270
- Коваленко Ю. 191
- Коваленский Г. И. 590
- Коваль Д. 576
- Ковшаров 282
- Кодинец (Коденец) Д. Ф. 641
- Козарский 616
- Козелло 446
- Козлов В. И. 117, 548
- Козлов В. П. 18, 21, 60, 91, 96, 152
- Козлянинов Т. Г. 482
- Козодавлев О. П. 93
- Койре А. 9
- Коккинос К. 400
- Колесникова Н. 84
- Коллен А. 105
- Колли Л. П. 209, 213, 291
- Кологринов М. А. 267, 268, 295
- Коломинов В. В. 85
- Колпаков Е. М. 19
- Колтухов С. Г. 548, 549
- Коммод, Марк Аврелий Коммод Антонин, римский император с 180 г. 265, 363, 543
- Комнины, династия византийских императоров 524
- Комосария (Камасария) Филотекна, царица Боспора (приблизительно 200—150), дочь Спартока V, жена Перисада III, затем скифского царя Аргота 73, 193, 330, 342, 570—572, 576
- Компанейшиков 590
- Кондаков Н. П. 12, 16, 131, 608
- Кондараки В. Х. 96, 516, 529
- Конде Л.-Ж. 588
- Кондратьев С. П. 339, 463
- Кононов А. Н. 230
- Константин I, или Флавий Валерий Константин Великий, римский император с 306 г. 53, 467, 468, 501, 502, 524, 535, 627
- Константин II Флавий Клавдий, римский император с 337 г. 467, 468, 627
- Константин VII Багрянородный (Порфирородный), византийский император с 913 г. 56
- Константин Давидович, сын царя Имеретии Давида II Абашидзе Имеретинского, царевич Грузин, при Александре I генерал-майор 207
- Константин Николаевич, великий князь, сын Николая I 10, 110, 252, 258, 523, 527, 641, 642
- Константин Павлович, великий князь, сын Павла I 46, 59, 84
- Константинов А. А. 29
- Константинов В. В. 128
- Констанций I Флавий Валерий Константин Хлор (Блудный), римский император с 305 г. 627
- Констанций II Флавий Юлий, римский император с 337 г. 467, 468
- Конфуций 353
- Кончин Е. В. 207
- Кооль Я. 429
- Копелевич Ю. Х. 27, 42
- Коптелов И. 26
- Копылов В. П. 606
- Кора, культовое имя Персефоны (миф.) 554, 557
- Корейша, см. Карейша Д. В.
- Корниенко Д. 191
- Корнилов В. А. 533
- Корнилович А. О. 594
- Корнис И. И. 235
- Королев В. Н. 595—597
- Корсаков А. И. 563

- Корсаков Н. И. 500
 Корсунков А. А. 597
 Корф И. А. 29, 30, 588
 Корф М. А. 90
 Корш Е. Ф. 462
 Коршиков Н. С. 594—595
 Корятин С. В. 595
 Костыгов В. 36
 Косиошко-Валюжинич К. К. 486, 521, 527, 529
 Котельников С. К. 31
 Котис I, царь Боспора (45—68), см. также Cotys I 368, 465, 550, 555, 627
 Котис II, царь Боспора (123—132), см. также Cotys II 368
 Котис III, царь Боспора (227—233), см. также Cotys III 368
 Котляревский П. С. 212
 Коховский В. В., см. Каховский В. В.
 Коховский М. В., см. Каховский М. В.
 Коцаки, см. Кацаки
 Коцанли И. М. 290
 Коцневский А. С. 256
 Кочубей (урожд. гр. Кушелева-Безбородко) В. А., княгиня, 448
 Кочубей В. В., князь, см. также Kotchubey В. 218, 248, 338, 353, 361, 365, 370—372, 451, 523, 551, 581
 Кочубей В. П., князь 67, 71, 77, 157, 218, 361
 Кочубей Е. П., вдова В. В. Кочубея 361
 Кочубей Л., граф 213
 Кочубей (урожд. Васильчикова) М. В., княгиня, жена В. П. Кочубея, мать В. В. Кочубея 361
 Кошелев В. А. 259, 432
 Кравен, Кравэн (урожд. гр. Беркли) Э., см. также Craven Е. В. 39, 50
 Край К. 38
 Крамаровский (Крамаровской) 562
 Кралива Ф. 584
 Крапнина В. В. 22, 433
 Краснобаев Б. И. 313
 Краснов Ю. А. 233
 Красножон А. В. 132
 Краснохров, военный топограф 514
 Красовский А. И. 163, 164, 165
 Крафт Г. В. 29
 Крафт Л. Ю. 29
 Крашенинников С. П. 191
 Крейцер (Creuser) 433, 444
 Кремен Г. 14
 Кригубери, литограф в Одессе 109
 Крипс (Cripps) Дж. М. 56, 57
 Криплина, жена римского императора Коммода (177—182) 120
 Критский (Крицкий) Н. Д. 80, 196, 200, 202, 376, 377, 401, 404, 405, 409, 413, 414, 418, 453—456, 458—460, 462—469, 471, 479, 514, 532, 607, 622—624, 627, 628
 Кроленко И. И. 168, 373, 553
 Кропоткин В. В. 31, 363, 544, 587
 Круг Ф. И. (И. Ф.), см. также Kруг J. Ph. 63—65, 75, 78—80, 91, 95, 148, 189, 230, 340, 357, 359, 361, 403—405, 462
 Крутлюкова И. Т. 153, 156, 172, 583, 586, 591
 Крутлов А. В. 419, 458
 Крузе (Крюзе) К. 80, 195, 197, 327, 491, 509, 511—516, 518—521, 532, 535, 607
 Крузе Н. М. 513
 Крузенштерн И. Ф. 403
 Крузенштерн Н. И. 289
 Крузиус (Crusius) X. Г. 28, 356
 Крыжицкий С. Д. 423, 425, 439, 449, 450
 Крылов Н. А. 326
 Крым-Гирей Ката-Гирей А. И. 369, 538—544
 Крым-Ховаджи (Хаваджи) Абдурахман-Челеби 544, 582
 Крюгер Ф. 66
 Крюйс К. 373
 Крюков Д. Л. 248, 558
 Крючков Ю. С. 193, 196
 Ксенокл 518, 519
 Ксеноклид 576, 577
 Ксенокрит 583
 Кубланов М. М. 453
 Кудрявцев О. В. 339
 Кузнецов, кондуктор в Севастополе 195, 531
 Кузнецова И. И. 54
 Кузнецова Н. И. 8, 16
 Кук Д. 53, 374
 Кукулина И. В. 22, 474
 Кулаковский Ю. А. 190
 Кулисич 88, 636, 641
 Кулябо Е. С. 29, 37, 315, 374
 Кумани, чиновник 8-го класса, заведующий тендровским маяком 453
 Кумани Н. М. 140, 195—200, 202, 282, 374, 377, 404, 448, 453
 Кумани Н. П. 195
 Кун Т. 8, 9, 313, 319
 Куник А. А., см. также Kunik E. E. 64, 90, 230, 239, 243, 245, 278, 403
 Куницкий 203, 419, 421
 Купряшина Т. Б. 246
 Куракин А. Б. 145, 506
 Курис И. И. 58, 173, 284
 Курис П. И. 213
 Куркашев, см. Кушнарев А. К.
 Кусов В. С. 376
 Кутайсов В. А. 22, 473—475, 478, 486, 529
 Кутейников Д. Е. 596, 598
 Куторга М. С. 515
 Куторга С. С. 515
 Кутузов М. И. 124, 191
 Кухаревский А. 517
 Кучеров Е. М. 594, 595
 Кушелев Г. Г., граф 449
 Кушелев-Безбородко А. Г., граф, см. также Kusheleff-Besborodko 76, 342, 360, 432, 436, 442—444, 446—448, 619—621
 Кушелев-Безбородко И. А., граф 93
 Кушелев-Безбородко Н. А., граф 448
 Кушелева, графиня 446
 Кушнарев А. К. 80, 594, 595, 607
 Кювье Ж. 48
 Кюгельхен К. фон 67, 82
 Кюхельбекер В. К. 90
 Лабенский Ф. И. 75
 Лаваль А. Г., графиня 89, 537
 Лавос де 131
 Лагорио Ф., см. также F. L., Lagorio F. 211
 Лазарев А. П. (Лазарев 2-й) 191, 299, 301
 Лазарев М. П. 191, 196, 198, 200, 201, 267, 282, 406, 412, 517, 520, 521, 523, 527, 532, 533, 535, 583
 Лазаревский Я. М. 303
 Лазарь св. 475
 Лазенкова Л. М. 220, 303
 Лакатос (Лакатос) И., см. также Lakatos I. 9
 Ла Мотре (Ламотрэ) О. де, см. также La Mottraye (Lamottraye) A. de 38, 362, 378

- Ланг (Lange, Lange, Langue) П. И. 96, 161, 514, 541, 641
 Ланг (урожд. Торклер) У. А. (И. А.) 161
 Лангле (Langlè) Л. 105
 Ланглес 588
 Ланжерон (Langeron) А. Ф. 79, 81, 104, 107, 142, 144, 146—149, 151, 152, 157, 159, 209, 226, 285, 360, 534, 547, 551, 552, 625
 Ланжерон (урожд. фон Бриммер) Е. А. 285, 551
 Ланской В. С. 87
 Лаокоон (миф.) 570
 Лапинский А. С. 147
 Лаппо-Данилевский К. Ю. 67, 76
 Лапшин В. А. 253, 337
 Ларше 452
 Ласси П. П. 588
 Латышев В. В., см. также Latyshev (Latischew) В. 52, 57—59, 148, 155, 172, 187, 200, 209, 217, 315, 339, 345, 346, 348, 352, 390, 397, 419, 421—423, 426, 428, 434, 436, 451, 452, 458, 460, 474, 489, 503, 537, 559, 562, 564, 572, 574, 575, 582, 583
 Латышева Л. П. 256, 281
 Лахман К. 248
 Лашков Ф. 532, 533
 Леандр, возлюбленный Геры (миф.) 213
 Лебедев Г. С. 7, 11, 12, 15, 22, 26, 37, 231, 252, 313, 314, 317, 323, 330, 337
 Лебединцев А. 529
 Лебцельтерн Л. 148
 Леванда И. И. 92
 Левек П. Ш. 378
 Леви 412
 Леви Е. И. 423, 449
 Левина Р. Ш. 256
 Левинсон-Лессинг В. Ф. 144, 303, 333
 Левицкий О. И. 331, 360
 Левкон I, архонт и царь Боспора и Феодосии (согласно Кене, 393—353 до н. э., по современной хронологии 389/388—349/348 до н. э.), см. также Leicon 226, 335, 366, 600
 Левкон II, архонт и царь Боспора (согласно Кене, около 240 до н. э., по современной хронологии приблизительно 240—220 до н. э.) 330, 364, 366, 367, 550, 560
 Левконида 367
 Левченко В. Н. 15, 16, 18, 313
 Ледебур К. Ф. 632
 Лейпунская Н. А. (Лейпунська Н. О.) 416, 453
 Лейхтенбергский, герцог Максимилиан, сын Е. Богарне, муж великой княгини Марии Николаевны 10, 247, 249, 252, 641
 Лексель А. И. 29
 Леклерк Н. Г. 378
 Леман И. 375
 Ленивцев М. 87
 Ленин (Ульянов) В. И. 222
 Ленорман Ф. 371
 Леонтьев П. М. 57, 83, 84, 102, 173, 237, 248, 249, 255, 280, 303, 319, 328, 336, 347, 349, 353, 370, 371, 449, 595, 596, 601—606
 Лепехин И. И. 29
 Лепехина Е. В. 356, 357
 Лерберг А. Х., см. также Lehrberg А. С. 92
 Лернер Н. О. 129, 393
 Лессинг И. 66
 Летрон Ж. А., см. также Letronne J. А. 94, 95, 343
 Лёвшин А. И. 105, 107, 132, 140, 141, 166, 167, 216, 218, 292, 400, 461, 469
 Лёвшин Б. В. 47
 Лёпер Р. Х. 495, 529
 Либерия 574
 Ливен К. А. 155
 Ливен Х. А. 92
 Ливия, жена римского императора Августа, мать императора Тиберия 466
 Ликневский фон 416
 Лимудин 489
 Линденау Я. И. 33
 Линевиц А. С. 161, 303, 334, 335, 354
 Линниченко И. А. 8
 Липранди И. П. 105, 400
 Лисимах (Лизимах), фракийский царь в 306—281 до н. э. 120, 213, 363, 381, 397, 538, 544
 Лисиппид 113, 114
 Лисоченко I. Д. 256
 Литвин А. А. 375
 Литвиненко 183
 Литвинов Г. П. 373
 Литке Ф. П. 191, 215
 Лиш (Lisch G. C. Friedr.) 632
 Лобанов-Ростовский А. Б., князь 145
 Лобанов-Ростовский Д. И., князь 91
 Лобов М. 26
 Лобойко И. Н. 632
 Лозинская Л. Я. 12
 Ломоносов М. В. 21, 28, 29, 61, 373
 Лонский К. 184
 Лопатин В. С. 40, 124
 Лопухин А. А. 321
 Лоянь А. 576
 Лужков А. И. 357
 Лука св. 218
 Лука П. 362
 Лукнан 130
 Лукьянов Л. Я. 593, 596
 Луний Б. В. 591—593
 Луний М. С. 84
 Луций Вер, см. Вер Луций Аврелий
 Луций Фурий Севт, см. Севт Луций Фурий
 Лызлов А. И. 37
 Львов (Львов-Никольский) Н. А. 60, 67—74, 76, 561, 562, 570
 Львова (урожд. Дьякова) М. А. 68, 76
 Любовицкий 446
 Любчиков М. 191
 Людерид 292
 Людерс И. 355
 Людовик XIV, король Франции 362
 Людовик XV, король Франции 198
 Людовик XVI, король Франции 104, 191
 Людовик XVIII, король Франции 104
 Люин А. де 371
 Люлье 295
 Люсый А. П. 211
 Лютов 484
 Люценко (Луценко) А. Е. 166, 255, 271, 292, 303—305, 307, 309, 336, 558
 Люценко Е. Е. 100, 180, 226, 238, 244, 245, 262, 263, 265, 269, 270, 294, 301—304, 357
 Люценко Е. П. 303
 Ляликов Ф. И. 290
 Лямина Е. С. 303
 Ляхович А. 191
 М. И. Л. 461
 М. К., см. Катков М. Н.
 Мавлеев Е. В. 25

- Мавр св. II
Магденко (урожд. Голенишева-Кутузова) А. С., см. Карей-ша А. С.
Магденко Е. И. 272
Магмет-Кул 247
Магницкий М. П. 95
Мазиров А. 475
Майер А. 500
Майков П. 253
Макензи Ф. Ф. 513
Маккензи, см. Макензи Ф. Ф.
Макрин М. Оппеллий Север, римский император с 217 г. 543, 544
Максимилиан Лейхтенбергский, см. Лейхтенбергский М.
Макферсон Д., см. также Macpherson D. 305—306
Малеин А. И. 558, 559
Малиновский А. Ф. 39, 139, 389, 594
Мальмберг В. К. 236
Мальте-Брен, Мальтбрён, Мальт-Брюн К., см. также Maite-Brun 94, 95, 343, 442
Манганари Е. (Манганари I-й) 143, 377, 475, 490
Манганари М. П. 282
Манефон из Себеннита 344
Манн Ю. В. 260
Маннерт К. 380
Манро (Милгос) 529
Марголис Ю. Д. 27
Марини П. Я. 107, 216
Маринин О. В. 22, 170
Мария Богоматерь, Пресвятая Дева Мария, Богородица (библ.) 73, 78, 192, 526, 561—563
Мария Николаевна, великая княгиня, дочь Николая I 239, 247, 642
Мария Оташилия, жена римского императора Филиппа I Араба 593
Мария Федоровна, российская императрица, жена Павла I 152, 154, 360, 443
Марк Аврелий, Марк Аврелий Антонин, римский император с 161 г. 120, 458, 461, 466, 467, 543, 627
Марк К. Э. 273
Маркевич А. И. 47, 50, 62, 90, 100, 232—234, 238, 244, 258, 262, 265, 290, 301, 304, 436, 439, 525, 529, 537, 544
Марков А. К. 256
Маркова Л. А. 8
Маркова О. П. 59
Марр Н. Я. 100
Марти Ю. Ю. 18, 181, 220, 223, 224, 301, 303, 305, 307, 310, 382, 547, 557, 559, 572
Мартин 82
Мартос И. П. 128
Мартынов 480
Мартынов А. А. 236, 347, 589, 590, 593, 594—603
Мартынов А. Д. 589, 590, 596
Мартынов Д. М. 589, 590, 596
Марченко К. К. 22, 606
Маршал фон Биберштейн Ф. К., см. Биберштейн Ф. К.
Масанов И. Ф. 130
Масленников А. А. 22, 153
Маслов М. А. 206
Матвеев Г. К. 158, 578, 579
Матковский Ф. 615
Матфей, апостол и евангелист (библ.) 388
Матюшкин Ф. 523
Мачинский Д. А. 363
Медведев И. 249
Медведев И. П. 22
Медведев Н. 253, 527, 529
Медведева И. Н. 211
Медонс 315
Медуза Горгона (миф.) 166, 238
Мезенин Н. А. 279
Мейендорф А. Х. 100
Мейер А. К. 424, 425
Мейер М. С. 54
Мекензи Ф. Ф. 500
Мекленбург-Шверинский, герцог 246
Мела Помпоний (Mela) 398
Мелеагр из Гадары 64
Мельгунов А. П. 35, 36, 315, 318, 333
Меншиков А. Д., светлейший князь 25
Меншиков А. С., князь 158, 200—202, 376, 454, 642
Мержанов 604
Меркурий, см. также Гермес (миф.) 151, 289
Мертваго Д. Б. 506
Мессер 504
Мессершмидт Д. Г. 26, 31, 82
Месторипп 576
Мэфреди (Méfrédy, или Maiffrédy) И. 125, 134, 135
Мешгер Х. 233
Мешерский, доктор 126
Мёртон Р. 388
Мидлендорф А. Ф. 233
Мийн, см. Миллен
Михаэлян В. А. 475
Михетти 25
Микулинский С. Р. 8, 9
Миллен (Мийн, Millin) Л. 94, 105
Миллер А. А. 497, 595
Миллер (Müller) Г. Ф. 30, 31—36, 38, 43, 61, 82, 315, 318, 355, 373, 374, 378, 607, 631
Миллер (Miller) М. А. 19, 595
Миллеры 595
Милорадович Г. П. 615, 616
Мильярини А. М. 188
Минерва (миф.), см. также Афина 426
Минервини Дж. 188
Миннз (Minns) Э. Х. 57
Миних Б. К. 29, 31, 416
Минцлов Р. И. 339
Мионне (Мьонне) Т. Э., см. также Mionnet T. E. 135—137, 359, 363, 365, 366, 371, 464, 555
Мироненко С. В. 253, 594
Миронов А. 245, 255
Миронов П. И. 586
Мирошниченко И. 579
Митридат (Мифрадат, Митрадат) III (VIII), царь Боспора (39—45?), см. также Mithridates III, 166, 368, 465, 627
Митридат VI Евпатор (Великий), см. также Mithradates VI Eupator Dionysus (ок. 132—63 до н. э.), царь Понта и Боспора (107—63 до н. э.) 28, 88, 132, 134, 135, 147, 151—153, 165, 166, 171, 187, 195, 199—202, 240, 241, 244, 270, 294, 298, 303, 305—307, 309, 329, 334, 355, 362, 367, 443, 466, 468, 473, 474, 478, 555, 624—625, 627, 640, 641
Митридат VII Пергамский, кандидат на престол Боспора в 47 г. до н. э. 370
Михаил 456, 471, 628
Михаил Николаевич, великий князь, сын Николая I 642
Михаил Павлович, великий князь, сын Павла I 90, 91, 147, 151, 152, 170—172, 399, 432, 541, 619
Михайлов, гравёр 79
Михайлов Г., см. также Mihailov G. 397
Михайлова М. Б. 157, 560, 576
Михайловская-Данилевская (урожд. Чемоданова) А. П. 124

Михайлович-Данилевский А. И. 87, 124, 144, 148, 152,
 210, 399, 400
 Михаэлис А. 11, 14
 Михеева Г. В. 243
 Михневич И. Г. 108, 146
 Мишо де Борегур А. Ф. 489
 Мишо-2-й (Michaud) Л. Ф. 489
 Модестов В. И. 444
 Модуи 78
 Моисей, армянский землеописатель 56
 Моисеев Л. А. 475, 478, 497—499
 Моисеева Г. Н. 76, 124
 Моисеева Т. А. 18
 Моисеенков Ф. П. 43
 Моллер А. В. фон 530, 531
 Моммзен Т. 345
 Монима 640
 Монтандон К. (Ш.), см. также Montandon С. Н. 105, 525
 Монтеверде 532
 Монферран О. 78
 Монфокон (Монтфокон) Б., см. также Montfaucon de В.
 11, 12, 31, 322, 325
 Моргенштерн К., см. также Morgenstern К. 65, 386
 Мордвинов Н. С. 124, 374, 560
 Мординова (урожд. Кобле) Г. А. 124
 Мординова Н. Н. 124
 Морозов 413
 Морозов П. М. 107, 130, 461
 Морозов П. Т. 129
 Мортон Э., см. также Morton E. 105
 Москвиченко Н. Я. 22
 Мотре А. де ла, см. также Motraye A. de la
 Муравьев 1-й 474
 Муравьев В. 47
 Муравьев М. 35, 40
 Муравьев Н. М. 84
 Муравьев-Апостол И. И. 84
 Муравьев-Апостол И. М. 42, 76, 84—86, 88, 151, 152, 362,
 379, 380, 426, 442, 444, 446, 474, 476, 486, 490, 502,
 510, 514, 531, 534
 Муравьев-Апостол М. И. 84
 Муравьев-Апостол С. И. 84
 Муравьева-Апостол (урожд. Грушешкая) П. В. 84
 Муральт И. фон 239, 243, 262
 Муральт Э. Г. фон, см. также Muralt Ed. 151, 242, 243,
 245, 277—279, 298, 327, 334, 335, 382, 389, 446, 535
 Муратов В. Г. 206
 Мурзакевич Н. А. 256
 Мурзакевич Н. Н., см. также Murzakewicz N. 46, 48, 58,
 60, 70, 105—108, 111, 117, 120, 125, 130, 137, 140,
 142, 143, 160, 173, 176, 179, 198—200, 213, 215, 218—
 220, 224, 225, 228, 248, 251, 256—261, 265—271, 279,
 281, 282, 284—291, 293, 295, 302, 307, 308, 332, 346,
 347, 349, 352, 357, 370, 377, 388, 389, 408, 409, 411—
 415, 417—419, 423, 433, 436, 438, 447, 450, 476, 513,
 516, 518, 520, 521, 523, 525—529, 533, 537, 542, 551,
 555, 581, 583, 587, 634, 635, 637, 638
 Мурзин В. Ю. 35
 Мусин-Пушкин А. И. 10, 42, 60, 64, 139, 324, 560
 Мусин-Пушкин В. А. 58
 Мусин-Пушкин П. И. 25, 355
 Муханов Л. А. 228, 576, 577
 Мухин С. А. 79, 96, 155
 Муцель Ф. С. фон 440, 441
 Мыш В. Л. 46, 96, 376
 Мыш Л. А. 96
 Мюллер И. фон 91
 Мюллер (Müller) К. О. (К. Г.) 14, 236, 260, 381, 382

Мюллер Ф. И., см. Миллер Г. Ф.
 Мюнстер (Münster), граф 117
 Мюр, французский консул в Одессе 191
 Навроцкий К. М. 80, 197, 202, 453, 454, 462, 464, 607
 Надежда (миф.) 459
 Надеждин Н. И. 254, 259—262, 264, 321, 389, 475
 Назарчук В. И. 436, 443
 Наливкина М. А. 478
 Напса Акмена (Акмина) (миф.) 540, 541
 Наполеон I, император Франции 91, 105, 191, 248, 399
 Нартов А. К. 26
 Нарушевич А. С., см. также Naruszewicz A. S. 40, 45, 319,
 378
 Нарышкин Д. В., губернатор Таврической губ. 161, 541,
 542
 Нарышкин К. А. 135
 Насакина 221
 Нат 307
 Наяда (миф.) 204
 Неверов О. Я. 25, 63, 200, 355
 Неверовский П. 39
 Негри А. Ф. 108, 259, 520
 Нейман К., см. также Neumann K. 380, 382, 455, 475, 476,
 494
 Нейхардт А. А. 18, 28, 231, 388
 Нелидов И. А. 282, 409
 Немировский А. И. 499, 529
 Ненекеджан-ханым 106
 Неоптолем 263
 Нерва Марк Кокций, римский император с 96 г. 543
 Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь, римский импера-
 тор с 54 г. 466, 538, 543, 544, 627
 Нессельроде К. В. 157, 159, 296, 642
 Нестор, летописец 508, 526
 Нике, Ника (миф.) 451, 470
 Никитский А. В. 608
 Никовул (Никовулос), см. Панагиодор-Никовул А. Ф.
 Николаева Э. Я. 566
 Николай А. Л. 65, 66
 Николай I, российский император с 1825 г. 10, 82, 85, 87,
 89—91, 99, 114, 134, 135, 143, 147, 148, 155, 158, 161,
 163—165, 167, 168, 170—172, 176, 180, 181, 183, 187,
 188, 196, 205, 213, 216, 222—226, 228, 230, 234, 236,
 239, 240, 241, 243, 249, 252—254, 260, 263, 265, 272—
 274, 276—300, 358, 361, 377, 393, 396, 399, 400, 431,
 432, 498, 500, 509, 514, 521, 524, 525, 527, 529, 531—
 533, 535, 544, 572, 574, 578, 584, 585, 594, 630, 636,
 638, 640, 642, 645
 Николай II, российский император с 1894 г. 239
 Николай Павлович, великий князь, см. Николай I
 Николай Чудотворец 485, 488
 Николаенко Г. М. 515
 Николаенко Т. Д. 22
 Николай Александрович, великий князь, сын Александ-
 ра II 228
 Никольский, см. Львов Н. А.
 Никосфен 410, 415
 Нилус 131
 Ниппа (Nipra) Э. 171
 Нитокрис (Нитокрида), быть может, египетская царица
 и жена царя Небукад네цара II (Herod. I, 185, 186; II
 100) 620
 Новиков Н. И. 37
 Новицкий А. 78
 Новокшанова-Соколовская З. К. 373
 Новосадский Н. И. 18, 139, 342, 345, 348, 353

- Новосильцев Н. Н. 67, 165
 Новосильцов П. 163
 Новохатский К. Е. 228
 Ногтева М. В. 58
 Нозерев 399
 Нонн из Панополя 64
 Нордман А. Д. 389, 409, 469
 Норов А. С. 117, 211, 214, 446
 Ньютон И. 27
- О. В. 512
 Овандер 65
 Овидий Назон Публий 53, 58, 130, 395, 398
 Овсянникова С. А. 18, 25
 Огарев Н. П. 228
 Огородников С. 161, 514
 Одерико 270
 Одиницов (Адининов) И. М. 482
 Олиссей (миф.) 76, 232
 Ожигова Е. П. 12
 Озерецковский Н. Я. 29, 229
 Октавиан Август, см. Август
 Олег, древнерусский князь 244
 Оленин А. Н. 21, 67, 82, 89, 132, 140, 148, 149, 152, 154—156, 166, 168, 171, 181, 186—189, 209, 223, 240, 243, 271, 314, 322, 323, 325—327, 335, 385, 389, 432, 509, 531, 548, 551, 560, 573—575, 583, 594
 Ольга, св., древнерусская княгиня 64, 525, 529
 Ольга Николаевна, великая княжна, дочь Николая I 239
 Ольденбург С. Ф. 32
 Омфала, царица Лидии (миф.) 151
 Онайко Н. А. 587
 Онегин Е. (лит.) 129
 Опперман К. И. 509, 572
 Орешников А. В. 244, 356
 Орлов, генерал 589
 Орлов А. Ф. 641, 642
 Орлов Г. В. 192
 Орлов И. Г. 64
 Орлов-Чесменский А. Г. 421
 Орлова (урожд. Ртищева) Е. Ф. 64
 Ортелий А. 318
 Осипов, военный топограф 514
 Осипов В. И. 22, 46
 Оствальд В. 387
 Остен-Сакен Д. Е., барон 265
 Остерман А. И. 355
 Островерхов А. С. 108, 401, 404, 415, 416
 Отон, архитектор 526, 527
 Отрешко В. М. 439, 450, 453, 470
 Отто Х. 373
 Охотников С. Б. 401, 404, 414—416
 Охремковский 412
- П. Г. 256
 Павел, апостол 488
 Павел I, российский император с 1796 г. 17, 40, 44, 48, 56, 58, 63, 76, 91, 108, 126, 198, 360, 417, 428, 429, 474, 488, 499, 503, 563
 Павел Петрович, великий князь, см. Павел I
 Павел Силенциарий 64
 Павлов П. Е. 139
 Павлова И. К. 207, 208
 Павловский Е. 643, 644
 Павсаний 76, 463
 Патак 96, 371, 539, 541
- Палло А. де 488
 Палеолог М. Г. 262, 266, 339
 Палесская-Зебольд Э. Г. 104, 105
 Паллас П. С., см. также Pallas P. S. 29, 43—49, 56—59, 61, 68, 72, 83, 85, 105, 138, 318, 326, 330, 342, 374, 378, 379, 382, 418, 426—430, 435, 451, 486, 489—491, 494, 501—503, 505—507, 510, 514, 515, 529, 530, 534, 535, 537, 560, 563, 564, 566, 567, 590, 607
 Пальчикова А. А. 127
 Пан (миф.) 371, 435, 440, 444, 554, 618
 Панагиодор-Никовул (Никовулос) А. Ф. 105, 107, 108, 142, 262, 266, 285, 343, 344, 608
 Панагиодор-Никовул Ф. 107
 Панаев В. И. 277
 Пандер Х. Г. 445, 446
 Панов С. И. 303
 Пантового 192
 Пантусов 453
 Панчулидзе И. Д. 583
 Пападаки, шкипер 414, 623
 Паланова В. А. 437, 440
 Палий, сын Праксианакта 418
 Папковский П. П. 373
 Парис (миф.) 116
 Парласка К. 54
 Парокья (Пароки, Парокья, Порокье) Я. Л. 80, 89, 572—575, 607, 620
 Паромов Я. М. 22, 559, 566, 568
 Паскаль (Pascal) Э. 78, 79—81, 212, 474, 535, 551, 552
 Паскевич И. Ф. 594
 Пассек В. В. 205, 228—230
 Патаниоти К. Ю. 531
 Патиноти 2-й (Patignoti) или Патиниоти, Патаниоти, Патаиноти Н. Ю. 79, 80, 117, 152, 197, 202, 275, 285, 333, 334, 366, 382, 547—552, 607
 Патрекеев А. 316, 484
 Патрокл (миф.) 458
 Паулуччи А. Ф. 284
 Паулуччи (урожд. Кобле) К. Ф. 124
 Паулуччи Ф. О. 124
 Пегалотти Ф. Б. 92
 Пейсоннель Ш., см. также Peyssonnel Cl. Ch. de 38, 378, 473, 474, 476
 Пекарский 215
 Пекарский П. П. 27, 28, 29, 32, 33, 34, 355
 Пемброк (Pembroke) Г. А., граф 117
 Пепелев 485—487, 494, 501
 Первошиков Д. М. 250
 Перисад I, архонт и царь Боспора (согласно Кёне, супруг Комосарии 348—311, по современной хронологии 344/343—311/310 до н. э.) 153, 213, 362, 363, 380, 381
 Перисад II, архонт и царь Боспора (согласно Кёне, 289—? до н. э., по современной хронологии 284/283—около 245 до н. э.) 330, 335
 Перисад III, архонт и царь Боспора (согласно Кёне, 118—115 до н. э., по современной хронологии приблизительно 180—150 до н. э., первый супруг Комосарии Филотеки) 367, 570
 Перисад IV Филометор, архонт и царь Боспора (приблизительно 150—125 до н. э.) 367
 Перисад V, архонт и царь Боспора (приблизительно 125—109 до н. э.) 367, 550
 Перл Г. 362
 Перовский, генерал-майор 578
 Перовский А. А. 252
 Перовский Б. А. 252
 Перовский В. А. 252, 642—643

- Перовский Л. А. 10, 160, 188, 189, 213, 223, 234, 235, 240, 247, 252—255, 260, 268, 271, 273, 277, 286, 289, 290, 292, 300—305, 309, 335, 336, 360, 389, 390, 450, 451, 520, 527—529, 544, 601, 608, 636—640, 642, 643
- Перовский Н. И. 81, 530, 555, 580
- Персей (миф.) 112
- Персиер 78
- Пертинакс Гельвий, римский император с 193 г. 543
- Пескарев 253
- Пескарева К. М. 189, 253, 255
- Песков А. М. 321
- Пестель В. И. 292
- Петр св., апостол (библ.) 316, 484, 488
- Петр I Великий, российский царь с 1682 г., император с 1721 г. 25—27, 29, 31, 37, 82, 239, 313, 314, 319, 355, 356, 373, 384, 588, 592, 626, 633
- Петр III, российский император с 1761 г. 35
- Петр Федорович, великий князь, см. Петр III
- Петренченко И. 412
- Петров А. 40, 54
- Петров Г. А. 408
- Петров И. 236
- Петров Н. П. 68
- Петрова Э. Б. 207
- Печенкин Н. М. 497
- Пикар, картограф 373
- Пикар (Пикард) Р. 241, 325
- Пиндар 344
- Пинхасова Г. А. 106
- Пиотровский Б. Б. 75, 239
- Пирогов Н. И. 231, 259, 389
- Писарев А. А. 140, 197, 211, 212, 364, 433, 593, 622, 628, 629
- Пискарев А. 584
- Пицциано (Pitzipiault) Я. Г. 105
- Пичилян И. Р. 414
- Плавтилла, жена римского императора Каракаллы (202—205) 543
- Платов М. И. 207
- Платон 344
- Плетнев П. А. 558
- Плетнева С. А. 566
- Плещеева, статс-дама 641
- Плиний Старший (Plin.) 48, 56, 153, 378, 424, 452
- Плутон (миф.) 557
- Плюшар А. А. 48, 108, 260
- [Пни]тиц П. Н. 590
- Победа, см. Нике (миф.)
- Погодин М. П. 7, 58, 129, 130, 227—230
- Погорелая В. В. 423
- Погорельский А., см. Перовский А. А.
- Поенака 284
- Покровский Н. В. 8
- Полевой Н. А. 87, 228
- Полемон I, царь Боспора (14—9/8 до н. э.) 555, 556, 591, 604
- Поленов Д. 245
- Полибий 452
- Поликарп, архимандрит 525
- Подлинник (миф.) 269
- Полунина Н. 228
- Померанцев 208
- Помпей Великий 53, 473
- Помпоний Мела 56, 452, 456
- Помона (миф.) 298, 569
- Помяловский И. В. 172, 348, 453
- Понсе (Понсет) М. И. 395
- Понятовский И. 99
- Понятовский С. А. 40
- Попандолупо 285
- Попка И. 559
- Попкова Н. А. 576
- Попов 590
- Попов А., секретарь ПАНО 245
- Попов В. 618
- Попов В. С. 39, 45, 59, 315, 473, 487
- Попов Н. А. 32, 139
- Попович А. 408
- Попович Ф. 408
- Попруженко М. Г. 137, 144, 152, 256, 265, 454, 547, 549, 551
- Порнахо 173
- Пороховнин (Пороховник) П. 220, 287
- Посидей, сын Посидея 539—541, 544, 545
- Постников А. В. 373, 375
- Посыпкин 579
- Потамон Александрийский 110, 111
- Потемкин (Потемкин-Таврический) Г. А. 18, 39, 40, 44, 45, 59, 60, 107, 108, 124, 141, 315, 316, 359, 416, 426, 482, 484, 485, 487, 499, 500, 513, 537, 560, 607
- Потепалов С. Г. 93
- Потин В. М. 244, 354, 357, 462
- Потоцкая С. 150
- Потоцкие, графы 76
- Потоцкий, граф 213
- Потоцкий И. О., см. также Potocki J. 54—56, 142, 203, 204, 229, 235, 318, 319, 328, 342, 345, 384, 401, 419, 421, 428, 429, 444, 476, 564, 608, 625
- Потоцкий Л. С. 204, 429, 447
- Потоцкий С. О. 54, 71, 203, 216, 360, 367, 429, 430
- Потоцкий С. Ф. (С. Щ., Ф. Ф.) 429
- Потоцкий Я., см. Потоцкий И. О.
- Потье, помещики 471
- Потье, генерал 152
- Прейс А. Ф. 245
- Прекк (von Preck), барон 30
- Преллер Л. 236
- Приам (миф.) 557
- Придик Е. М., см. также Pridik E. M. 35, 36
- Прозерпина, см. также Персефона (миф.) 554
- Прозоров П. И. 117, 130, 364, 577
- Прозоровский А. А. 482
- Проскурин О. А. 88
- Протоген, см. также Protogen 76, 94, 342—344, 433—436, 442, 444, 445
- Псевдо-Скилак 587
- Псевдо-Скимн (Псевдо-Скимнос Хиосский) (Ps.-Scymn) 438, 452
- Псиакс 112, 113
- Псомас (Psomas) Е. П. 504
- Псомас (Psomas) И. П. 81, 285, 349, 360, 504—506
- Птолемей Клавдий (Ptol.) 56, 153, 155, 170, 250, 346, 379, 382, 423, 424, 426, 452, 456, 556, 586
- Пугачев Е. 124, 129
- Пудавов В. М. 594
- Пулинов (Пуленцов) Е. 363, 579—582
- Пулинцова С. 582
- Пусторослев П. П. 198
- Пустошкин П. В. 59, 401, 505, 560
- Пустошкин С. А. 502
- Путный Э. К. 28
- Пушкин А. С. 7, 16, 37, 63, 85, 86, 90, 105, 107, 108, 110, 127—130, 141, 151, 207, 211, 218, 234, 259, 303, 321, 393, 394, 397, 462, 509, 550, 551, 594
- Пушкин Л. С. 129
- Пьеро А. 408
- Пьянков В. 475
- Пятышева Н. В. 408, 409, 413, 414—416

- Р-в В. 84, 577
 Равдоникас В. И. 337
 Радаис (лит.-миф.) 130
 Радамсад (Радамеадис, Радамсаций), царь Боспора (309—322), см. также Rhadaméadis 140, 343, 364, 367, 396
 Радде Г. И., см. также Radde 231
 Радзивилл 205
 Радзивилл Е. 560
 Радзивиллы 40, 205, 560
 Радлов В. В. 32, 33, 36
 Раевские 127, 151, 211
 Раевский А. Н. 443
 Раевский Н. Н. 108
 Разгон А. М. 18, 190, 215, 217, 218, 220, 282, 286—289, 293, 304, 305, 324, 358
 Разумовский А. К. 246, 252, 321
 Разумовский К. Г. 34, 38, 632
 Райков Б. Е. 43, 44, 231
 Райц (Reiz) 65
 Расин Ж. 165, 640
 Ратке (Rathke) М. Г. 156
 Рагнер И. Д. 441
 Рауль-Рошетт Д. Р., см. также Raoul-Rochette D. 93—95, 98, 100, 117, 126, 127, 154, 173, 188, 329, 330, 335, 340, 342, 343, 352, 366, 367, 369, 371, 380, 386—388, 421, 433, 438, 442, 443, 537, 576, 577, 608
 Раух 523
 Рафн К. 188
 Рафтопуло 285
 Рахманов 570
 Рашильд Г. А. 582
 Редян Е. К. 203—206, 504
 Рейн Ж., см. также Reuilly J. 105, 534
 Рейнак С., см. также Reinach S. 241
 Рейс, княгиня 243
 Рейхель Я. Я., см. также Reichel J. 243, 245, 246, 248, 251, 360, 641, 642
 Реметалк, см. Римиталк
 Рем, брат-близнец Ромула (миф.) 467, 627
 Реми, полковник 598
 Рено О. И. 216
 Репников Н. И. 100, 232, 439
 Репнин В. Н. 284
 Репуло Л. В. 21
 Рескупорид, см. Рискупорид
 Ретовский О. Ф. 372
 Рибас Л. М. де 107
 Рибас М. Ф. де, см. Дерибас М. Ф.
 Рибас Ф. М. де, см. Дерибас Ф. М.
 Рибас Х. де, см. Дерибас О. М.
 Рижский И. С. 47, 203, 204, 419, 421, 430, 431
 Римиталк (Реметалк, Реметалкис, Ромиталк), царь Боспора (131—154), см. также Rhoemétalcès 330, 363, 368, 466, 590, 596, 601, 627
 Римский-Корсаков Г. А. 393
 Рискупорид (Рискупорис, Рескупорид) I (по современной хронологии Аспург (?)), царь Боспора, см. также Rhescuporis I 330, 365, 367, 555, 627
 Рискупорид (Рискупорис, Рескупорид) II (по современной хронологии Аспург, Гелепирия), царь Боспора, см. также Rhescuporis II 330, 365, 370, 465, 470
 Рискупорид III (по современной хронологии Рискупорид II), царь Боспора (69—93), см. также Rhescuporis III 181, 365, 368, 470
 Рискупорид IV (по современной хронологии Рискупорид III), царь Боспора (210—226), см. также Rhescuporis IV 181, 365, 368, 369
 Рискупорид V (по современной хронологии Рискупорид IV), царь Боспора (233—234), см. также Rhescuporis V 365, 369
 Рискупорид VI (по современной хронологии Рискупорид V), царь Боспора (242—276), см. также Rhescuporis VI 365, 369
 Рискупорид VII (по современной хронологии Рискупорид V), царь Боспора (242—276), см. также Rhescuporis VII 226, 365, 370
 Рискупорид VIII (по современной хронологии Рискупорид VI), царь Боспора (314—341/342), см. также Rhescuporis VIII 365
 Риттер К., см. также Ritter C. 95, 99, 100, 233, 234, 560, 633
 Ришелье (Richelieu) А. Э. 71, 85, 96, 104, 105, 109, 117, 124—129, 134, 141, 144, 152, 157, 158, 161, 191, 226, 346, 613, 614, 625
 Рогов Е. Я. 22, 292
 Родный Н. И. 341, 387
 Родуаль 82
 Розанова Н. П. 572
 Розберг М. П. 107
 Розен В. И. фон 416
 Розен Г. В., барон, генерал-адъютант 580, 584
 Розен М. В., барон, управляющий с. Ильинским в 1850-х гг. 448, 449
 Розенберг А. Г. 316
 Розенберг Х. К. 560
 Розенкамф Г. А. 109
 Розенкамф (урожд. Бларамберг) М. П. (М. Ф. В.) 109
 Розберг М. П. 107, 130, 461
 Розин Н. П. 228
 Розов М. А. 8, 9
 Роллен, французский нумизмат 248, 361
 Роман I, византийский император 521, 528
 Романовский С. И. 390
 Романовы, династия российских царей и императоров 154, 446, 625
 Романчук А. И. 499, 529
 Ромул, брат-близнец Рема (миф.) 467, 627
 Ропп Т. фон 98, 99
 Ропп Ф. фон 98
 Росси 131
 Ростовцев М. И. 11, 16, 59, 147, 159, 180, 181, 222, 254, 271, 292, 294, 304, 336, 338, 340, 341, 355, 370, 372, 377, 378, 383, 390, 415, 422, 453, 464, 475, 497, 527, 547, 550, 551, 555, 557, 559, 563, 573, 575, 586, 609, 645
 Ростовцев Я. И. 642
 Рошетт, см. Рауль-Рошетт Д. Р.
 Рутель Х. 373
 Рудаков В. Е. 245
 Рудзевич Я. И. 316
 Рузаева Н. 86
 Рулев В. А. 532, 533
 Румовский С. Я. 29, 50
 Румянцев А. И. 355
 Румянцев Н. П., см. также Romanzoff N. 10, 13, 21, 64, 79, 91—95, 110, 139, 144, 146, 147, 152, 207, 208, 226, 324, 343, 360, 365, 366, 432, 436, 443, 462, 489, 548, 550, 551, 577, 618, 619, 625
 Румянцев-Задунайский П. А. 91
 Рунич Д. 39
 Руссен 290
 Руссов С. В. 87
 Русяева А. С. 415, 422, 453, 470
 Рылеев К. Ф. 90
 Рыстенко А. 178

- Рюрик, варяжский князь 198
Рябинин Е. А. 198, 253, 255
Рябов 240
- С. 320, 322
Ст. И., см. Стемковский И. А.
Сабатье Л. П. 245, 252
Сабатье П. И. (И. И., П. П., П. Ю.), см. также Sabatier J. 165, 166, 184, 188, 245—248, 251, 338, 353, 361, 364, 370, 523, 547, 550, 551
Савванитов П. И. 252
Савельев А. И. 441, 489
Савельев П. С. 214, 215, 245, 248, 253, 255, 305, 336, 361, 390, 642
Савельев-Ростиславич Н. 278
Савельева А. 519
Савин 541
Савромат 593
Савромат I, царь Боспора (93—123), см. также Sauromate I 330, 362, 365, 367, 368, 466, 470, 593
Савромат II (по современной хронологии Савромат I), царь Боспора, см. также Sauromate II 330, 365, 368, 466, 550, 591, 595
Савромат III (по современной хронологии Савромат I), царь Боспора, см. также Sauromate III 365, 368, 466, 585, 627
Савромат IV (по современной хронологии Савромат II), царь Боспора (174—210), см. также Sauromate IV 365, 369, 466, 581, 591, 627
Савромат V (по современной хронологии Савромат III), царь Боспора (229—231), см. также Sauromate V 365
Савромат VI (по современной хронологии Савромат IV), царь Боспора (275), см. также Sauromate VI 365
Сазонов 216
Сазонов М. 304
Сазонов Ф. 285, 295
Сайтафарн, царь сарматов 344
Сакович Х. 316
Салищев К. А. 373
Салов А. И. 569
Саломка I 152
Салтыков Н. И. 558
Сальвиан Аврелий 346, 509
Самарины 260
Самбулов 561
Самойлов А. В. 504
Санерг (миф.) 570—572
Сапожников И. В. 416
Сапожников С. А. 109, 110
Сапунов 202
Сарычев Г. А. 376
Сатир (миф.) 336
Сатир I, архонт и царь Боспора (согласно Кёне, 407—393 до н. э., по современной хронологии 433/432—389/388 до н. э., по мнению ряда исследователей, правил совместно с Селевком до 393/392?) 265, 335, 568, 569
Сатир II, архонт и царь Боспора (согласно Кёне, 311—310 до н. э., по современной хронологии 311/310—310/309 до н. э.) 153, 380
Сафонов С. В. 259, 265, 297, 582
Сафонова Н. 96
Сахаров И. П. 251, 252, 641
Светов В. П. 315
Свешников И. 195
Свиньин П. П. 46, 86, 87, 111, 130, 134, 137, 158, 190, 192, 195, 196, 198, 199, 210, 211, 213, 217, 421, 431, 446, 453, 458, 461, 486, 505, 508, 531, 550, 561, 573, 577, 578, 591—595
Север Александр Марк Аврелий, римский император с 222 г. 119, 433, 467, 627
Север, см. Септимий Север
Северова М. Б. 28, 355, 356
Севт Луций Фурий 106
Сеген Ф. Ф. 245, 252
Седжер К. И., см. также Sagger C. 357, 399, 400, 585
Сейтц К. 107
Секретев, сотник 594
Селевкиды 366
Селиверстов А. М. 316, 484
Семевский М. И. 188, 274
Семенов Д. 162, 184, 269, 296, 552
Семенов-Зусер С. А. 18
Сементовский Н. 538
Семенов 162, 630, 631
Семечкин 325
Сенковский О. И. 173
Сенновер 78
Сен-При Э. К. 131
Сент-Анж 140
Сенявин А. Н. 374, 480, 500
Сенявин Д. Н. 86
Сенявин Л. Г. 296
Септимий Север, римский император с 193 г. 120, 433, 467, 538, 543, 627
Серapis (миф.) 554
Сербина К. Н. 32
Сергеев 253, 488
Сергей Александрович, великий князь, сын императора Александра I 530
Сергий св. 534
Серебряков Л. М. 240, 585, 587
Серков А. И. 142, 144, 151, 209, 212
Сестини Д., см. также Sestini D. 360, 361, 429
Сестренцевич-Богущ С., см. также Siestrenczewicz Bohusz S. 40, 42, 319, 378, 380, 473, 534, 537
Сибирский А. А., см. также Sibirsky A. 245, 247, 255, 292, 359, 360, 364, 370, 523, 534, 581, 586, 587
Сигизмунд III, король Польши 199
Сидери Д. А. 409, 410
Сидорова Н. А. 462
Сиялен (миф.) 400
Сильвестр де Сасси А. И. 100
Сикар Ш. (К. Я.), см. также Sicard Ch. 105
Симухин И. 489
Синельников И. М. 39
Синицын М. С. 259, 281
Сипягин Н. М. 87
Сирена (миф.) 429
Ситников П. 410—414, 639, 640
Скальковский А. А. 39, 45, 58, 60, 75, 104, 106, 127, 132, 137, 144, 146, 147, 152, 157, 207, 257, 389, 417, 431, 432, 444, 500, 537, 552
Скасси Р., см. также Skassi R. 96, 142, 144, 157—160, 162, 189, 208, 221, 608, 624—626, 641
Скил, скифский царь 439, 619
Скилак из Карианды 266
Скилла (миф.) 540
Скилур, скифский царь 96, 370, 371, 434, 435, 538—542
Скин Хиосский 48, 155, 266
Скоблякова А. В. 230
Скржинская М. В. 59, 378
Скрягин С. А. 196
Скубетов М. И. 527
Славин Л. М. 423, 427, 428, 436, 437, 440

- Славич-Сосногорова М. А. 47
Слободчиков М. 26
Случановский 271
Смекалова Т. Н., см. также Smekalova Т. 22, 458, 459
Смирнов Я. И. 59, 106
Смирнова Г. И. 333
Смирнова-Россет А. О. 110, 124, 127, 159
Смоленский А. И. 282
Смольянины 288
Снегирев И. М. 140
Снегов, полковник 644
Сбблев В. С. 22
Созинова С. Ф. 89, 187
Соколов Г. И., член ООИД 105, 107, 108, 119, 120, 135, 262
Соколов Г. И., историк искусства XX в. 113, 284
Соколов Ф. Ф. 348
Соколова (урожд. Кирьякова) К. М. 129
Соколовский 217, 395
Сокольский Н. И. 566, 578
Солдцев Ф. Г. 89, 166, 168, 188, 240, 241, 325, 573, 575
Соловьев П. В. 408, 409, 414
Соловьев С. Л., см. также Solovyov S. 422
Соломоник Э. И. 477, 509, 541
Сон Н. А. 284
Сопин В. 184
Сорокина Н. П. 568
Сорочан 447
Сосса Р. I. 373
Софокл 344
Софронов 450
Спада А. Ф. 105, 125, 213, 216—220, 263, 281, 288—290, 361, 384, 461, 469, 470
Спарток, архонт и царь Боспора, см. также Spartocus 79, 365—367
Спарток III, архонт и царь Боспора (согласно Кёне, 353—348 до н. э., по современной хронологии 304/303—284/283 до н. э.) 330
Спарток IV, архонт и царь Боспора (согласно Кёне, 304—289 до н. э., по современной хронологии приблизительно 245—240 до н. э.) 330, 365
Спарток V, архонт и царь Боспора (согласно Кёне, около 250 до н. э., по современной хронологии приблизительно 200—180 до н. э.) 365—367
Спарток VI, архонт и царь Боспора (согласно Кёне, около 220 до н. э.) 365
Спарток VII 365
Спартокиды, царская династия на Боспоре 365, 366
Спаситель, см. Иисус Христос
Спасский Г. И., см. также Spasskij G. 54, 140, 188, 212, 229, 230, 236, 247, 248, 271, 318, 335, 342, 362—365, 370, 401, 475, 547, 550, 553, 570
Спасский И. Г. 65, 73, 137, 278, 355—357, 359, 361, 371
Сперанский М. М. 93, 146, 208
Спиченко Н. К. 22
Спицын А. А. 7, 35, 36, 253, 255, 337, 547
Спицын А. П. 307
Средне-Камашев 442
Срезневский И. И. 8, 228
Станислав-Август, см. Понятовский С. А.
Станкевич К. Д. 449
Станко В. Н. 355
Станюкович Т. В. 31
Старчевский А. 417
Стивен А. А. 233
Стивен (Steven) А. Х. 81, 142, 147, 430, 614
Стивен (Steven) Х. Х. 50, 96, 100, 142, 232, 233, 507, 538
Стемпковские 124
Стемпковский А. Е. 120, 124
Стемпковский Е. Я. 124
Стемпковский И. А., см. также Stempkovsky (Stempkowski) J. 21, 84, 87, 93—96, 105, 106, 108, 117, 120, 124—132, 134—140, 146, 152—154, 156—161, 163—165, 167, 170—172, 179, 180, 187, 189, 202, 213, 216, 218, 220—223, 225, 226, 241, 261, 283, 305, 325, 326, 329, 330, 332, 335, 339—343, 345—347, 353, 360, 364, 366—372, 379—383, 386—389, 418, 419, 433, 435, 436, 440, 442, 443, 445, 447, 454, 455, 458, 461, 462, 464, 474, 475, 507, 509, 537, 541, 553, 555, 557, 560, 576, 590—593, 595, 608, 609, 626, 628—630, 640, 641
Стемпковский Я. 120, 124
Стенбок 92
Стенбок (урожд. баронесса Штакельберг) 92
Степанов В. П. 37, 43
Степанский А. Д. 227, 324
Стефан Византийский 471
Стефани Л. Э., см. также Stephani L. 83, 236—239, 241, 327, 338—340, 347, 348, 352—354, 357, 384, 389
Стефанский (Стефановский) А. М. 180, 240, 276, 294
Столба В. Ф. 519
Столпыпин А. А. 124
Столпыпин Н. А. 514
Столпыпина (урожд. Мордвинова) В. Н. 124
Столяр А. Д. 22
Столярик Е. С. 415, 471
Стояновский Н. И. 89, 148
Страбон, см. также Strabon 48, 50, 51, 56, 76, 84, 85, 119, 143, 148, 171, 196, 217, 263, 351, 379, 381, 394, 398, 426, 452, 456, 474, 478, 479, 480, 490, 501, 503, 505—507, 515, 516, 534, 536, 540—542, 556, 564—570, 586, 604, 618, 625
Страленберг (Штраленберг) И., см. также Stralenberg P. I. 631, 632
Стратон 193, 194, 427, 429
Стржелецкий С. Ф. 486, 487, 495, 497, 499, 508, 516, 530, 536
Стрижова Н. Б. 22, 246, 530
Стрик фон 497
Стриттер (Штриттер) И. Г. (И. М.), см. также Stritter J. G. 43, 64, 315, 339
Строганов А. Г. 263
Строганов А. С. 34, 67, 227, 232, 245, 263, 430
Строганов Г. А. 227, 255
Строганов С. Г. 10, 110, 189, 227—230, 238, 244, 247, 248, 252, 255, 305, 307, 309, 360, 370, 558, 608, 642, 643
Строев П. М. 87, 594
Струве В. В. 381
Струве Ф. А. 241, 255
Струков (Строков, Струлов, Стрелов) А. Г. 486, 487
Стручалина Р. А. 566
Стурдза (Stourza) А. С. 108, 188, 256, 259, 261, 266, 281, 332
Суворов А. В. 124, 474, 476, 482, 500, 501, 559, 560, 564, 571, 613
Султан-Крым-Гирей А. И., см. Крым-Гирей Ката-Гирей А. И.
Сумароков А. П. 56
Сумароков П. И., см. также Sumarokoff P. 56, 342, 379, 427, 429, 451, 486, 488, 490, 502—504, 507, 534, 537
Суриков 336, 603
Суслов Н. 168
Сухарев А. 278
Сухова Н. Г. 99
Сухоруков В. Д. 594, 595
Сухотин Я. Ф. 374, 476
Сухтелен (van Suchtelen) П. К. 358, 360, 384, 428, 429, 503
Сухтелен П. П. 358, 360

Сытин А. К. 46—48, 57, 61
Сыч Т. П. 160
Сычев В. И. 191
Сычева В. В. 191
Сыщиков А. Д. 28

Тамерлан (Темирлен) 316
Танфильев Г. И. 373, 374
Тарадаш А. М. 113, 198
Тараканов А. И. 30
Тараненко (Тараленко) А. 579, 580
Таранов А. С. 141
Тарышкин 643
Татищев В. Н. 21, 28, 32, 373, 378
Тацит Публий Корнелий 40, 56
Тауберт И. И. (И. К.) 30, 31, 356, 378, 588
Тейран, царь Восточной (266, 275—278), см. также Teiranès 369
Тезей, Тесей (миф.) 113, 114, 224, 309
Темирлен, см. Тамерлан
Тепляков А. 393
Тепляков В. Г., см. также Tepliakoff V. 105, 106, 120, 130, 161, 217, 224, 343, 393—400, 461
Терсбенов 181
Тереножкин А. И. 35
Терешенко А. В. 273, 305, 336
Tetбу де Мариньи Э. В., см. также Taibout de Marygny E. 105, 140, 142—146, 154, 156, 173, 174, 209, 211, 213, 262, 266, 268, 293, 367, 377, 379—382, 405, 406, 413, 476, 517, 583, 585—587, 608
Тиберий (Тиверий) Клавдий Нерон, римский император с 14 г. 343, 458, 459, 461, 466, 470, 543, 585
Тиберий Юлий Евпатор, см. Евпатор
Тиберий Юлий Рескупорид I, см. Рескупорид I
Тиберий Юлий Савромат I, см. Савромат I
Тигранян 600
Тизенгаузен В. Г. 70, 148, 154, 171, 172, 189, 211, 238, 244, 245, 262, 263, 301, 303, 304, 334, 551, 572, 576, 586, 587
Тизенгаузен О. 316, 416, 485
Тилло А. А. 127
Тимофеев Л. В. 89
Тимофеев В. И. 417, 474, 476, 480, 499, 500
Тит Флавий Веспасиан, римский император с 79 г. 543
Титонников 268
Титов, генерал 429
Титов А. А. 139, 256
Титов В. 284
Титова Э. Д. 33
Тихонов В. С. 409
Тихонов И. Л. 4, 7, 22, 374
Тихонов И. С. 22, 170
Тишкин Г. А. 27
Ткачева Н. К. 47
Тотт (Тотт) Ф. де, см. также Tot de F. 38, 39
Токмаков И. 20
Толмачев 577
Толстиков В. П. 156
Толстой Д. А. 27, 34
Толстой И. И. 414, 415, 421, 422, 453, 471
Толстой Н. А. 233, 631, 633
Толстой П. А. 163
Тома 81
Томасини С. 222, 557
Томашевский Н. Б. 211
Томилов 316
Томсен Х. Ю. 15

Тон А. 2
Тон К. А. 532
Толчибашев Д. 245
Торичелли (Toricelli) Е. И. 224, 282
Торкези 410
Тотлебен Э. 496
Тотт (Тотт) Ф. де 38, 39
Тохтасьев С. Р. 22, 347, 570
Траверсе (de Traversay) И. И. (Ж. Б.) де 72, 104, 190—193, 202, 430, 505, 583, 614
Траян (Троян) Марк Ульпий, римский император с 98 г. 120, 264, 282, 322, 362, 466, 543, 550, 627
Траян Деций, см. Деций
Трегубов Н. 105, 181
Тредиаковский В. К. 21, 28, 34
Тривия, эпитет, данный римлянами Гекате, Диане (Артемиде) и Луне (Селене) (миф.) 471
Триггер Б., см. также Trigger B. G. 339, 340
Триполитов 221
Трифилдор 339
Тройницкий А. Г. 107
Тромонин 229
Троян, см. Траян
Трутовский В. К. 361
Туманский В. И. 107, 128, 129
Тункин В. М. 5
Тункина (урожд. Некрасова) А. В. 5
Тункина И. В. 3, 4, 11, 12, 21, 22, 35, 36, 42, 68, 81, 89, 90, 110, 120, 128, 139, 144, 153, 156, 179, 190, 203, 207, 217, 220, 254, 256, 282, 283, 314, 315, 318, 325, 327, 337, 338, 340, 341, 348, 351, 363, 385, 387, 403, 415, 423, 436, 439, 440, 448, 451—453, 461, 462, 487, 489, 496, 497, 513, 518, 528, 536, 549, 552, 559, 597, 617, 619, 621, 624, 626, 640, 651
Тумкан, Тунманн И. Э., см. также Tilmann (Thounmann, Thunmann) J. E. (Н. Е.) 38, 39, 378, 473, 476, 534
Турасев Б. А. 281
Тургенев А. И. 325, 432
Тургенев Н. И. 90
Тучков П. А. 375
Тучковин, генерал 213
Тынянов Ю. Н. 9
Тюрмеников С. 316
Тяпин, топограф 495—498
Уваров А. С., см. также Ougaroff A. 7, 89, 178, 179, 245—255, 285, 291, 295, 314, 330, 337, 340, 347, 353, 354, 360, 361, 370, 371, 382, 422, 424, 446, 448—452, 471, 472, 475—478, 492, 493, 513, 523—525, 527—530, 544—546, 558, 581, 593, 643
Уваров С. С. 64, 77, 78, 82, 87, 89, 140, 228, 232, 246, 248, 249, 259, 260, 358, 642, 643
Уварова (урожд. кн. Шербатова) П. С. 8
Уваровы, графы 178, 246, 249
Угров (Угуров) Н. И. 162, 635, 636, 641
Уженцев В. Б. 478
Уллис, см. Одиссей (миф.)
Ульпия 502, 503
Ултон С. П. 498
Успенский Ф. И. 497, 608
Устрялов Н. Г. 230, 237, 246
Уткина Л. М. 65
Ушаков Ф. Ф. 502, 504
Ф. К. 120
Фабер, см. Фабр Я.

- Фабр А. Я. 105, 108, 140—142, 210, 214, 221, 256, 266, 268, 269, 285, 286, 288, 349—351, 389, 447, 529, 530, 538, 540, 541, 592, 608
 Фабр (урожд. Гроскрейтц, во втором браке Таранова) М. 141
 Фабр (Фабер) Я. 141
 Фабрициус И. В. (Фабрицус I. В.) 346, 439, 453, 460
 Фабрициус И. Г. 428, 441, 489
 Фавн (миф.) 289
 Фадеева (урожд. кн. Долгорукая) Е. П. 234
 Фадеева Т. М. 97
 Файнштейн М. Ш. 22, 85
 Фалалеев 79
 Фалалеева М. В. 157
 Фан дер Вейде, Ван дер Вейде, Вандервейде (Van der Weide), см. также Vanderweide 318, 562—564, 607
 Фаномех 221, 366
 Фарамонд (Фарамон), по легендарной традиции франкский вождь (конунг) в 420—430 гг. 198
 Фармаковский Б. В. 255, 415, 497, 608
 Фарсанз (Фареансес, Фареанцес), царь Боспора (253—254?), см. также Phareanzès 247, 364, 367, 369
 Фаустина (Фавстина) Младшая, жена римского императора Марка Аврелия 120, 458, 459, 461, 466, 469, 543
 Фаустина (Фавстина) Старшая, жена римского императора Антонина Пия 265, 587, 627
 Феаген 502, 503, 516, 520, 521, 543
 Федоров, подпоручик корпуса флотских штурманов 527
 Федоров, лейтенант, автор рисунков к атласу Е. Манганари 407
 Федоров А. 316
 Федоров П. И. 235, 254, 288, 299, 408—412, 535
 Федоров С. С. 1-й 440
 Федоров-Давыдов Г. А. 82
 Федорова Т. С. 191
 Федорович (Феодорович) А. С. 195
 Федосеев Н. Ф. 153, 168
 Федотов, прапорщик, топограф 517
 Фель С. Е. 373
 Фельдман В. 137
 Феньш (Фенш, Fenshaw) А. С. 71, 215
 Феодор св. 316, 484
 Ферамонд, франкский конунг в 420—430 гг., см. Фарамонд (Фарамон)
 Фердинанд IV, король Неаполя 12
 Ферстер (Форстер) Е. Х., генерал 346, 360
 Фетида (миф.) 470
 Филимонов, топограф 496
 Филимонов Г. Д. 152, 550
 Филимонов С. Б. 47
 Филипп Аравитянин (Филипп Араб), римский император (244—249) 440, 593
 Филипп II Македонский 504, 550, 574, 575, 642
 Фиркович А. С. 106, 389, 475
 Фирстенберг К. фон 321
 Фитингоф Б. И. 45
 Фишер (Fischer) И. Е. 28, 29, 32, 33, 315, 318, 438
 Фишер П. И. 316
 Фививьям 583
 Флавий Сабин 543
 Флис фон дер 195
 Флоренсов Я. С. 286
 Фока, священник 615
 Фонтень 78
 Формион, сын Аполлы 351, 352, 540
 Формозов А. А. 7, 16, 18, 20, 22, 25, 31, 42, 58, 80, 81, 86, 87, 89, 139, 151, 190, 207, 211, 228, 229, 231, 233, 252, 253, 320, 321, 337, 399, 428, 429, 509, 513, 521, 548, 562, 572
 Фохорс, царь Боспора (285—308), см. также Thothorsès 367, 369
 Фохт 482
 Франц И. 160, 188,
 Фрёлих Э., см. также Froelich E. 362
 Френ Х. Д. 78, 82, 91, 189, 230, 234, 237, 245, 336, 361, 389, 632, 633
 Фридлендер Ю., см. также Friedlaender J. 475
 Фридрих II Великий, прусский король 107
 Фридрих II Бранденбургский 243
 Фридрих Франц, герцог 632
 Фриман Л. 417
 Фритце Г. фон, см. также Fritze H. 581
 Фролов А. 228
 Фролов М. 163
 Фролов Н. К., гравер 79
 Фролов П. К. 89, 632
 Фролов Э. Д. 16, 18, 22, 28, 64, 65, 236, 246, 248, 319, 348, 388, 430
 Фролова Н. А. 363, 363—370, 372, 464—466, 470, 474, 554—556
 Фуко М. 8
 Фуркал 366
 Фурманская А. И. 284
 Фус Н. И.
 Фус П. Н. 50, 100, 148, 235, 436
 Х. Ш., см. Штир Х.
 Хазе К. Б., см. Газе К. Б.
 Хайнен Х. 22
 Хапонов 489
 Харко Л. П. 321
 Харламова А. М. 67
 Хартанович М. Ф. 231
 Хедосбий 369
 Херхеулидзе (Херхеулидзе) З. С. 105, 125, 171, 180, 181, 183, 223—225, 251, 262, 265, 267, 269, 276, 294—297, 299, 302, 514, 515, 578, 583
 Хилянский К. В. 497
 Хирст Дж. 471
 Хитрово Н. Ф. 89
 Хомутов М. Г. 601
 Храневич К. 40
 Храповицкий А. В. 46, 59, 485
 Христиан Людвиг, герцог 632
 Христос Победитель, см. Иисус Христос
 Хрушев С. П. 526
 Хршановский В. А. 144, 146
 Худяк М. М. 131
 Худяков М. Г. 18
 Цветогоров, см. Цыплетев
 Цезарь Август, см. Август
 Цейтлин Р. М. 90
 Церера Фесмофора (миф.) 158
 Церетели Г. Ф. 245
 Цицианов П. Д. 207
 Цомакион Г. 281
 Цыпенков, см. Цыплетев
 Цыплетев И. Е. 124, 129
 Цыяловский М. А. 110, 130, 211
 Чаадаев П. Я. 260
 Чарнецкий В. 129
 Чарторижский М. 40
 Чеголаев М., князь 128

Черейский Л. А. 110, 128, 207, 259, 394
 Черепанова Е. Н. 48
 Черкасов 295
 Черкасский А. М. 26
 Черный С. 579
 Чернышев А. И. 399, 584, 594
 Чернышев З. Г. 58
 Чернышев И. Г. 500
 Чернышев-Безобразов, граф 59
 Чернышевский Н. Г. 341
 Черняев П. Н. 589, 594, 596, 597
 Черняков I. T. 108
 Чертков А. Д. 227, 228, 230, 233, 403
 Чесский 325
 Чингизхан 30
 Чистякова Е. П. 37
 Чичагов П. В. 193, 204, 205, 259, 614
 Чулков Н. П. 180, 299, 441

Шамшев 454
 Шанский Д. Н. 34
 Шантырь С. П. 144
 Шарден (Chardin) Ж. 588
 Шардиус Ф. Л. 239, 550
 Шаров О. В. 181
 Шатилов, генерал, помещик в Керчи 266, 296
 Шафарик Й. 225
 Шафран И. А. 22
 Шафрановская Т. К. 31
 Шванский Я. 429
 Швырев В. С. 9
 Шебете-Хаджи-Симович 291
 Шегунин А. Н. 42, 43, 44
 Шевалье Р. 536
 Шевелев Е. 162, 278, 279
 Шевырев С. П. 197, 228, 360
 Шёгрэн А. М. 189
 Шелов Д. Б. 361, 363—366, 369, 581, 591, 606
 Шелов-Коведяев Ф. В. 422
 Шемнот В. П. 28, 63, 356
 Шемякин 525—527, 529
 Шеридан Р. Б. 84
 Шеринский О. С. 40
 Шестаков С. А. 380
 Шибинский 448
 Шидловский А. Ф. 217, 393—396
 Шилот Л. А. 218, 230
 Шильдер Н. 442
 Шильц В., см. также Schiltz V. 144, 170, 172
 Ширинский-Шихматов П. А. 95
 Шифнер А. 231
 Шишков А. С. 90, 95
 Шияшмарев Г. С. 191
 Шкорпил В. В. 226, 294, 301, 302, 304, 307, 578
 Шлёцер А. Л., см. также Schlözer A. L. 37, 38, 54, 61, 315, 423
 Шлиттер Э. Е. 246
 Шамаков 135, 240, 242
 Шамаков А. И. 476—478
 Шамаков В. С. 8
 Шмелев Ф. М. 282
 Шмидт Г. 536
 Шмидт П. П. 480
 Шмидт Я. И. 189, 230
 Шмит Ф. И. 59
 Шодуар С. И. де, см. также Chaudoir de S. 111, 360, 361, 444, 459, 462, 505

Шостак А. 316
 Шостак А. А. 283
 Шоу Д. 319
 Шада А., см. Спада А. Ф.
 Шпинелли, барон 616
 Шретер 137
 Шретер (Schröter), профессор 632
 Штакельберг Ю. И. 244
 Штелин Я. Я. 29, 30
 Штерн Э. Р. фон 113, 415, 421, 470, 608
 Штир Х. 88, 161, 324, 381, 512, 513, 538, 541
 Штительман Ф. М. 213, 419
 Штофельн Ф. 30
 Штраленберг, см. Страленберг
 Штрадман И. Г. М. О., см. также Strandman von J. G. M. 92
 Штриттер И. Г., см. Стриттер И. Г.
 Штукенберг А. 233
 Штукенберг (Stuckenberg) И. Ф. (И. Х.) 233
 Шуберт Ф. И. 50
 Шуберт Ф. Ф. 375, 376
 Шувалов И. И. 35
 Шувалов П. 584
 Шувалов П. А. 96, 106
 Шутуров М. 589
 Шульц П. Н. 478, 546
 Шульце (Schultze) И. Г. 356
 Шумахер И. Д. (И. И.) 26, 29, 30, 355, 356
 Шургая И. Г. 144, 329, 547

Щеглов А. Н. 4, 22, 314, 318, 452, 470, 475, 477, 478, 480, 487, 489, 490—493, 495—497, 499, 518, 519, 536
 Шекин-Кротов, прапорщик 631
 Шербина М. 184, 301, 302
 Шухина Е. С. 244, 357, 462

Эвальд Б. 480
 Эвмел (Эвмен, Евмел), царь и архонт Восточного Босфора (310/9—304/3 до н. э.) 153, 330, 380, 381
 Евпатор II, царь Восточного Босфора, см. Евпатор
 Эврипид 344
 Эдип 606
 Эдлинг А. К. 259
 Эдлинг (урожд. Стурдза) Р. С. 259
 Эйлер И. А. 29, 37
 Эйлер Л. 29, 84, 373
 Эйферий, см. Эферий
 Эйхенбаум Б. М. 9
 Эйхенфельд 94, 442
 Экк (Eck) 65
 Экк (Eck) Е. И. 505
 Эккель Й. Х., см. также Eckhel J. Н. 66, 362, 363, 371, 429, 434
 Элерт А. Х. 32
 Эмануэль Г. А. 158, 222
 Энгель Ф. И. 163
 Энгельман 67
 Эней (миф.) 521
 Эпиктет 410, 415
 Эрнст Н. Л. 38
 Эскулап, см. также Асклепий (миф.) 221, 620—621
 Эсхил 344
 Этрускилла (Эструцилла), жена римского императора Траяна Деция 467
 Эфеокл 269
 Эферий (Эйферий, Еферий) св. 419, 422—423, 452
 Эфрос А. М. 129

- Ю. Ф. 25
Юлиан II Отступник, Флавий Клавдий Юлиан, римский император с 360 г. 468, 642
Юлий Цезарь, см. Август
Юлия Августа, см. Ливия
Юлия Домна, жена римского императора Септимия Севера и мать Каракаллы 120, 265, 587
Юлия Мамея (Месея), мать римского императора Александра Севера 433, 467, 627
Юлия, дочь Октавиана Августа, жена римского императора Тиберия 543
Юлия Флавия (ум. 90 г. н. э.), дочь Тита, жена консула Флавия Сабина 543
Юнкер Г. Ф. В. 28, 29—31, 589
Юнона, см. также Гера (миф.) 214, 434, 554, 593
Юпитер, см. также Зевс (миф.) 448
Юпитер Атабирий (миф.), см. Зевс Атабирий
Юпитер Феретрийский (миф.) 540
Юргович В. Н. 18, 58, 62, 75, 108, 120, 256, 261, 263, 267, 281, 304, 332, 364, 433, 444, 453
Юргенс Д. Д. 444, 445, 517
Юстиниан, генуэзский консул в Феодосии 213
Юхт А. И. 32
- Яворский А. 225, 226
Языков Н. Д. 39
Языков Н. Л. 193, 583
Яйленко В. П. 415
Якоб Л. Г. 90
Якобсон А. Л. 499
Яковенко 295
Яковлев 359
Яковлев В. А. 108, 160, 246, 254, 263, 279
Яковлев П. С. 255
Яковлев Я. 259
Яковлевы 124
Якубинский И. 474
Ян (Jahn) О. 14, 15
Яшуржинский Х. П. 499, 527, 537, 538
- Achille 83, 243, 382, 405, 420, 456—460, 470, 476
Adelung F. 91
Adrianus 543
Adrien 343
Alexander Magnus 28, 543
Alexandre Ier 92
Ammianus Marcellinus 471
Anonym. Periplus Ponti Euxini 132, 382, 452, 476, 587
Antonius 543
Aréansès, см. Pharéansès
Arkas 494
Arneth J. 433
Arnoul 433
Arrian 132, 415, 472, 476, 587
Artsikhovsky A. 19
Asandre 364, 543
Aschik A. 120, 134, 275, 279, 301
- В., см. Blaramberg J. de
Bacmeister J. 356
Baer K. E. von 231, 232
Baguer 296
Barthélemy J. J. 13
Bauden 30
Bayer G. S. (Th. S.) 28, 378
- Beazley J. D. 113
Becker P. 347, 348, 494, 530
Bernhart M. 464, 466, 467
Berthier de la Garde A. 48
Bianchi-Bandinelli R. 19
Black J. L. 32
Blaramberg J. de 108, 111, 112, 116, 117, 119, 120, 131, 132, 161, 215, 217, 343, 344, 349, 351, 366, 395, 405, 431, 433, 456, 540, 541, 548, 550
Böckh A. 100, 344—346, 381, 458
Boré E. 100
Bossoli C. 136, 183, 187
Böttiger K. A. 105
Boze Cl. G. de 362
Brandis C. G. 381
Bravo B. 470
Broniewsky S. 210
Brosset M. 102
Bruckenthal 560
Buch Ch. L. von 100
Buhle J. Th. 321
Bulkin V. 15
Busse J. H. 63
Büsching A. F. 38
- Caracalla 543
Cary F. 362
Castelnau G. de 126
Catherine II 242
Cavignet J.-P. 144
Caylus de A. Cl. Ph. 13
Chardin J. 588
Chaudoir S. de 360, 361
Christus 28
Clarke E. D. 56, 57, 494, 502, 503, 535, 563, 564, 589
Clossius W. F. 198
Commodus 543
Comosarye 73, 345, 570
Cotys I 368
Cotys II 368
Cotys III 368
Cotys IV 368
Craven E. B. 39
Creucer 433
Cripps 56
Crusius Ch. G. 28
- Dadus 76
Daniel G. 13, 19
D'Anville J. B. 38
Davallon 107
De Brux, см. Dubrux P.
De la Mottraye A., см. La Mottraye (Lamottraye, Lamottraye, Mottraye de la) A. de
Desamod A. 395, 399, 400
Dindorf L. 381
Dio Chrys 444
Diodoros Sikeliotes 153, 380, 381, 541
Dionysios Periegetes 452
Domitianus 543
Du Bois 566—589
Dubois de Montpéroux (DuBois de Montperreux) F. 97, 99, 100, 102, 152, 156, 158, 161, 162, 165, 176, 181, 210, 214, 224, 494, 502, 503, 512—516, 524, 535, 544, 553, 554, 557, 563, 572, 577, 586, 587, 593
Dubrux (Du Brux, Dubrux) P. 19, 120, 144, 145, 154, 170, 241, 640

Dumont A. 348
Dzikowski N. 429

E. T. d. M., cm. Taitbout de Marigny E.
Eck 65
Eckhel J. H. 362
Eupator 368
Eyriès 94

F. L. [Lagorio F.] 211
Faustina Junior 543
Faustina Senior 543
Fenshaw 71
Ferussas de, baron 442
Fischer J. E. 28
Flavius Sabinus 543
Friedlaender J. 475
Fritze H. 581
Froelich E. 362

Gaehler H. 581
Gail J. F. 131
Gamba G. F. 105
Gauttier 376
Geim J. 321
Gépaepiris 364, 368
Gerhard E. 14, 100
Geta Septimius 543
Gille F. A. 239
Gilliam J. F. 372
Graefe Fr. 64, 236, 347, 585, 600
Gravander P. O. 56
Grimsted P. K. 21
Gross F. J. 299
GuldenstKdt J. A. 42
Guthrie Maria 50, 52, 58, 379, 428, 473, 476, 502, 504, 560
Guthrie Matthew 50

Haase, cm. Hase
Hablitzi, Hablitzi, Hablitz K. L. 45
Hackmann J. F. 29
Haigolds I. I. 633
Hartkopf W. 108
Haumant E. 104
Hecataios 473
Hedreen G. 470
Heinrich der Friedfertige 632
Hekate 560
Herlihy P. 104
Hérodote (Herodotus) 28, 38, 55, 92, 234, 250, 439, 452, 473, 560, 633
Heroson 76
Heyne C. G. 13
Hollander J. S. 13
Homer 232, 243

Ibn-Foszlān 403
Ininthimaios 347, 369, 600
Iovinus 538
Iulia 538, 543

Jahn O. 14
Jensen J. S. 246

Jomar Ed. 100
Juncker G. F. W. 29, 31

Kareycha D. 135
Kehr G. J. 28
Ker Porter R. 325
Khevenhuller F. A., cm. Froelich E.
Kieseritzky G. 503
Klaproth H. J. 56
Kleeman N. E. 38
Klein L. 15
Knoepfler D. 97, 100
Köhler H. K. E. 65, 66, 73, 76, 83, 94, 237, 342, 364—367, 369—371, 380, 382, 386, 405, 418, 419, 421, 429, 430, 442, 444, 455, 456, 476, 570
Köhne B. 248, 361
Köppen P. 94, 232, 233, 347, 352, 366, 367, 442, 560, 576, 583, 597, 600
Kotchubey B. 248, 361
Kraay M. 436, 581
Kroll 381
Krug J. Ph. 63, 64, 403
Kunik E. E. 64, 403
Kuschelef-Besborodko 435

Lacroix 100
Lagorio F. 211
Lakatos I. 9
La Mottraye (Lamottraye, Lamottraye, Mottraye de la) A. de 38, 362
Lange (Langue) P. 161
Langeron L. A. de 104, 148
Langlès L. 105
Latyshev (Latschew) B. 111, 217, 339, 348, 397, 647
Lebedev G. 15
Legagneur 433
Lehrberg A. C. 91
Lettronne J. A. 442
Leucon 343
Lisch G. C. F. 632
Loaisel de Tréogat 433

Macpherson D. 305, 306, 529
Macrinus Oppelius 543
Malte-Brun K. 94, 442
Matile 100
Méfrédy, cm. Maiffredy 134
Mela Pomponius 380, 452, 473, 476
Mielul 540
Mihailov G. 647
Miller M. 19
Millin 94, 105
Mionnet T. E. 363, 366
Mithridates III 364, 368
Mithradates VI Eupator Dionysus 28, 364
Mongait A. 19
Montandon C. H. 105
Montfaucon B. de 11, 31
Morgenstern K. 65, 66, 73, 76, 386, 621
Mørholm O. 436, 581
Morton E. 105
Mottraye A. de la, cm. La Mottraye (Lamottraye, Lamottraye) A. de
Müller G.-F. 31, 32, 35, 633
Müller K. O. 14

- Munroe 529
 Munster 117
 Muralt Ed. 243, 347
 Murawiew-Apostol J. de 85
 Murzakewicz N. 219, 257, 370
 Musgrave A. 9
- N. 39
 N.N., см. Воейков А. Ф.
 Naruszewicz A. S. 40
 Nero 543
 Nerva 543
 Neumann K. 455, 475, 476, 494
 Nippa E. 171
- Octavianus Augustus Caesar 28
 Oertel W. von 85
 Ouvaroff A. 251
- Pallas P. S. 46, 47, 58, 59, 330, 382, 426, 427, 490, 501—503,
 514, 535, 560
 Pascal E. 78
 Pauly 381
 Pausanias 463, 471
 Pembroke G. A. 117
 Pertinax 543
 Peyssonnel Cl. Ch. de 38, 473, 476
 Pingaud L. 104, 144, 191
 Pharéansès 364, 369
 Pharmace II 364
 Placetella 538
 Plavilla 543
 Plinius, Gajus Plinius Secundus (Major) 380, 382, 452, 473
 Polybius 452, 470
 Potocki J. 54—56, 142, 235, 318, 429, 452
 Pouilloux J. 339
 Preck, von 30
 Pridik E. 351
 Protogen 76, 94, 342, 442, 445
 Pseudo-Skylax 382, 587
 Pseudo-Skymnos 438, 452
 Ptolemaeus Claudius 153, 250, 382, 452, 473, 476, 586
- Radde 231
 Ramos E. 144
 Raoul-Rochette D. 94, 173, 330, 364, 366, 367, 421, 433,
 438, 442, 537, 576
 Rathke M. 156
 Reichel J. 246
 Reinach S. 241
 Reineccius R. 362
 Reiniz 96
 Reiz 65
 Repulo L. V. 21
 Reuilly J. 105, 534
 Rhadaméadis 364, 367, 369
 Rhescuporis I 367
 Rhescuporis II 367
 Rhescuporis III 368
 Rhescuporis IV 368
 Rhescuporis V 369
 Rhescuporis VI 369
 Rhescuporis VII 369
 Rhescuporis VIII 369
- Sabatier J. 251, 364, 370
 Sagger (Sayger) C. 395, 399, 400
 Sauromate I 367
 Sauromate II 368
 Sauromate III 368
 Sauromate IV 368
 Sauromate V 368
 Sauromate VI 369
 Sayger, см. Sagger C.
 Scassi R. 157
 Schilts V. 154, 170, 173
 Schlözer A. L. von 37
 Schröter 632
 Schuchardt C. 348
 Schultze J. H. 356
 Selov-Kovedjaev Th. 348
 Sestini D. 360, 361
 Severus 543
 Sibirsky A. 586
 Sicard Ch. 105
 Siestrenciewicz Bohusz S. 40, 42
 Skrzinska E. 59
 Smekalova T. 246
 Solovyov S. 422
 Soumarokoff P. 56
 Spartocus 364, 365
 Spasskij G. 230
 St. J., см. Стенковский И. А.
 Stephanos Byzantion 473
 Stephani L. 236, 237, 348
 Stempkovsky (Stempkowski, Stempkowski) J. 137, 157, 171,
 173, 330, 343, 364, 367—369, 380, 455
 Strabon 50, 119, 217, 351, 379, 382, 452, 479, 503, 541, 564,
 567, 586
 Strahlenberg P. I. 633
 Strandman J. G. M. von 92
 Stryer J. G. 315
 Stroganow 243
 Stuckenberg J. Ch. 233
 Suchtelen P. van 428
 Suetonius Tranquillus 28
 Sztelyo Z. 120, 348
- Taitbout de Marygny E. 142, 143, 211, 377, 413, 476
 Teiranès 369
 Tépliakoff V. 395
 Thompson M. 436, 581
 Thothorsès 369
 Tiberius Iulius Rhescuporis I, см. Rhescuporis I
 Tiberius Iulius Sauromates I, см. Sauromates I
 Titus 543
 Toricelli 224
 Tott de F. 39
 Trajan 543
 Trautvetter 119
 Traversay J. 191
 Trigger B. G. 19, 340
 Tumbagus 76
 Tunkina I. V. 21
 Tunmann (Thounmann, Thunmann) J. E. (H. E.) 38

Vaillant J.-F. 362
Vanzetti T. 105
Vasileva N. 325
Vauvilliers J.-F. 63
Vénus (Венера) 117, 343
Vespasian 543
Vidua C. 195
Villeneuve E. de 290, 291
Vitellius 543
Vorontzoff (Woronzow) M. 155, 395
Vulliumin L. 100

Wavre A. 444
Waxel L. de 53, 54, 330, 503
Wendland F. 46
Wichmann B. H. 91
Winckelmann J. J. 12
Wissowa G. 381
Wollant F. de 417, 445
Woronzow M. cm. Vorontzoff
Wroth W. 464, 468

Yavis C. G. 434

Zuev V. 44

Wasowicz A. 470
Watzinger C. 503

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
----------	---

ЧАСТЬ 1

СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ РУССКОЙ НАУКИ О КЛАССИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (XVIII—середина XIX в.)

Глава 1. Начальный этап знакомства с древностями Северного Причерноморья (1725—1802)	25
Глава 2. Санкт-Петербург как научный центр классической археологии (1803—1838)	63
Глава 3. Сложение археологического центра в Новороссии (первая треть XIX в.)	104
3.1. Одесса	104
3.2. Керчь	144
Глава 4. Создание археологических музеев на юге России (1803—1838)	190
4.1. Кабинет редкостей Черноморского депо карт—Черноморской штурманской роты	190
4.2. Археологические собрания Харьковского университета	203
4.3. Феодосийский музей древностей	207
4.4. Одесский городской музей древностей	215
4.5. Керченский музей древностей	220
Глава 5. Изучение классических древностей в Москве и Петербурге (1839—1859)	227
5.1. Общество истории и древностей российских при Московском университете	227
5.2. Императорская Академия наук	230
5.3. Императорский Эрмитаж	238
5.4. Санкт-Петербургское археолого-нумизматическое общество—Императорское Русское археологическое общество	245
5.5. Комиссия для исследования древностей—Строгановская комиссия—организация Имп. Археологической комиссии	252
Глава 6. Создание и деятельность Одесского общества истории и древностей (1839—1859)	256
Глава 7. Деятельность южнорусских археологических музеев (1839—1861)	281
7.1. Музей Одесского общества истории и древностей	281
7.2. Одесский городской музей древностей	288
7.3. Феодосийский музей древностей	290
7.4. Керченский музей древностей	293

ФОРМИРОВАНИЕ И СТРУКТУРА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ РУССКОЙ НАУКИ О КЛАССИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (XVIII—середина XIX в.)

Глава 8. Этапы становления русской науки о классических древностях юга России (XVIII—середина XIX в.)	313
8.1. Формирование первых исследовательских программ и выработка методов полевых и кабинетных исследований в классической археологии	313
8.2. Изучение лапидарных памятников Северного Причерноморья	341
8.3. Зарождение керамической эпиграфики в России	348
8.4. Формирование фонда античных монет и становление причерноморской нумизматики	354
8.5. Организация картографического изучения Южной России. Исследования в области исторической географии и археологической топографии Северного Причерноморья античной эпохи	372
8.6. Социально-психологическая характеристика антиквариев первой половины XIX в.	383

ЧАСТЬ 3

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Глава 9. Западное Причерноморье	393
Глава 10. Северо-Западное Причерноморье	401
10.1. Остров Змеиный (Левка, Фидониси)	401
10.2. Остров Березань	416
10.3. Ольвия и ее округа	423
10.4. Тендровская коса (Ахиллов бег)	452
Глава 11. Северо-Западный Крым	473
11.1. Евпатория (Керкинигида)	473
11.2. Ак-мечеть—Черноморское (Калос Лимен)	476
Глава 12. Юго-Западный Крым (Херсонес и его ближайшая хора)	479
12.1. Картографические и видовые материалы о Юго-Западном Крыме конца XVIII—середины XIX в.	479
12.2. Археологическое изучение Гераклейского полуострова в конце XVIII—середине XIX в.	499
12.3. Охрана руин Херсонеса и проекты возведения памятника на месте крещения князя Владимира	530
12.4. Поиски руин храма херсонесской Девы	534
Глава 13. Ак-мечеть—Симферополь (Неаполь Скифский)	537
Глава 14. Керченский полуостров	547
Глава 15. Таманский полуостров	558
Глава 16. Северо-Восточное Причерноморье (юго-восточная окраина Боспора)	583
16.1. Анапа (Горгиппия)	583
16.2. Новороссийск и Геленджик	586
Глава 17. Нижнее Подонье и Приазовье	588
Заключение	607

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документы	613
Список сокращений	645
Именной указатель	648

Научное издание

Ирина Владимировна Тункина

**РУССКАЯ НАУКА О КЛАССИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЯХ
ЮГА РОССИИ
(XVIII—середина XIX в.)**

*Утверждено к печати
Санкт-Петербургским филиалом Архива
Российской Академии наук*

Редактор издательства *А. И. Спирова*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Е. И. Егорова*
Корректоры *Л. М. Бова, Н. И. Журавлева и Ф. Я. Петрова*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Подписано к печати 7.02.02. Формат 60 × 90 1/4.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 90. Уч.-изд. л. 88.3.
Тираж 1200 экз. Тип. зак. № 3127. С 50

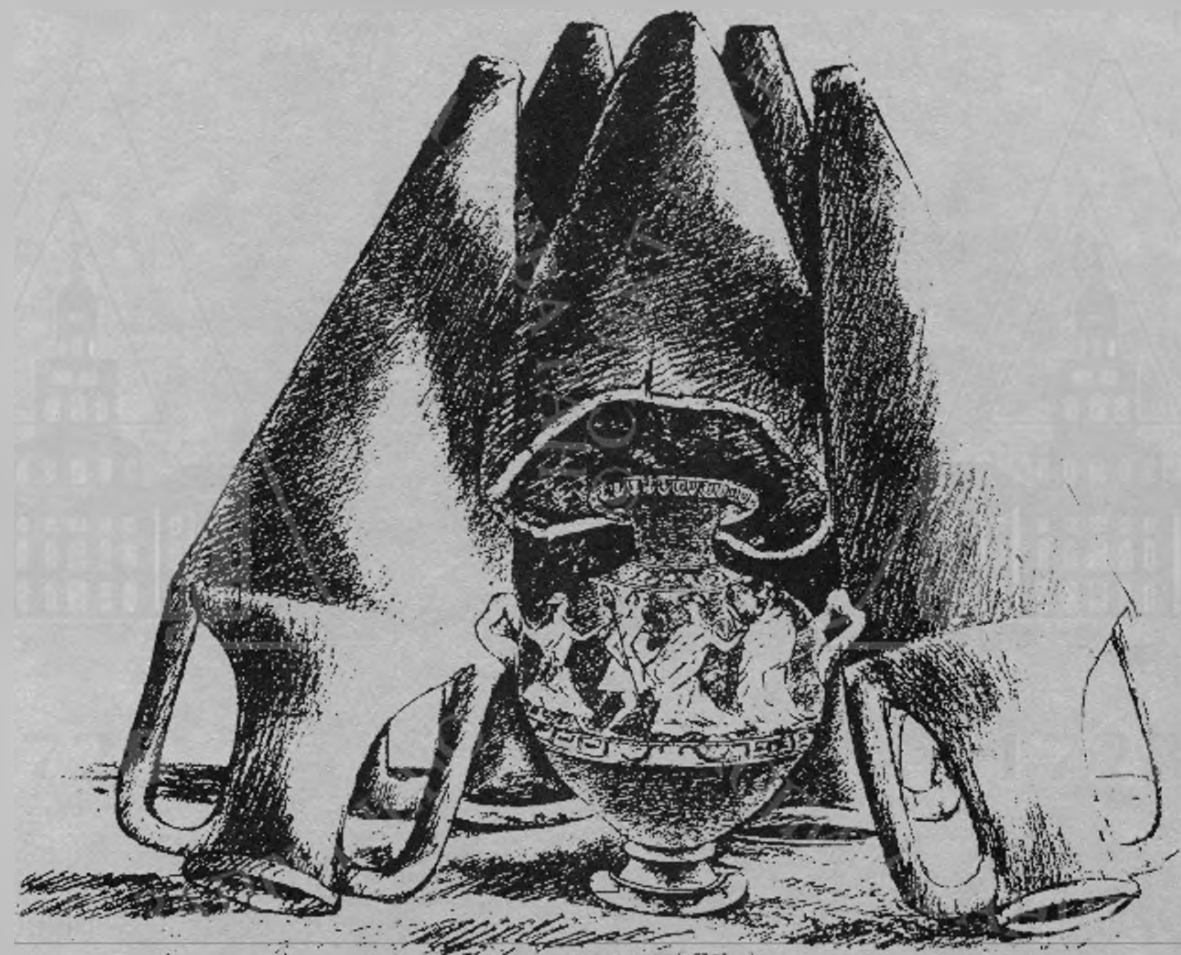
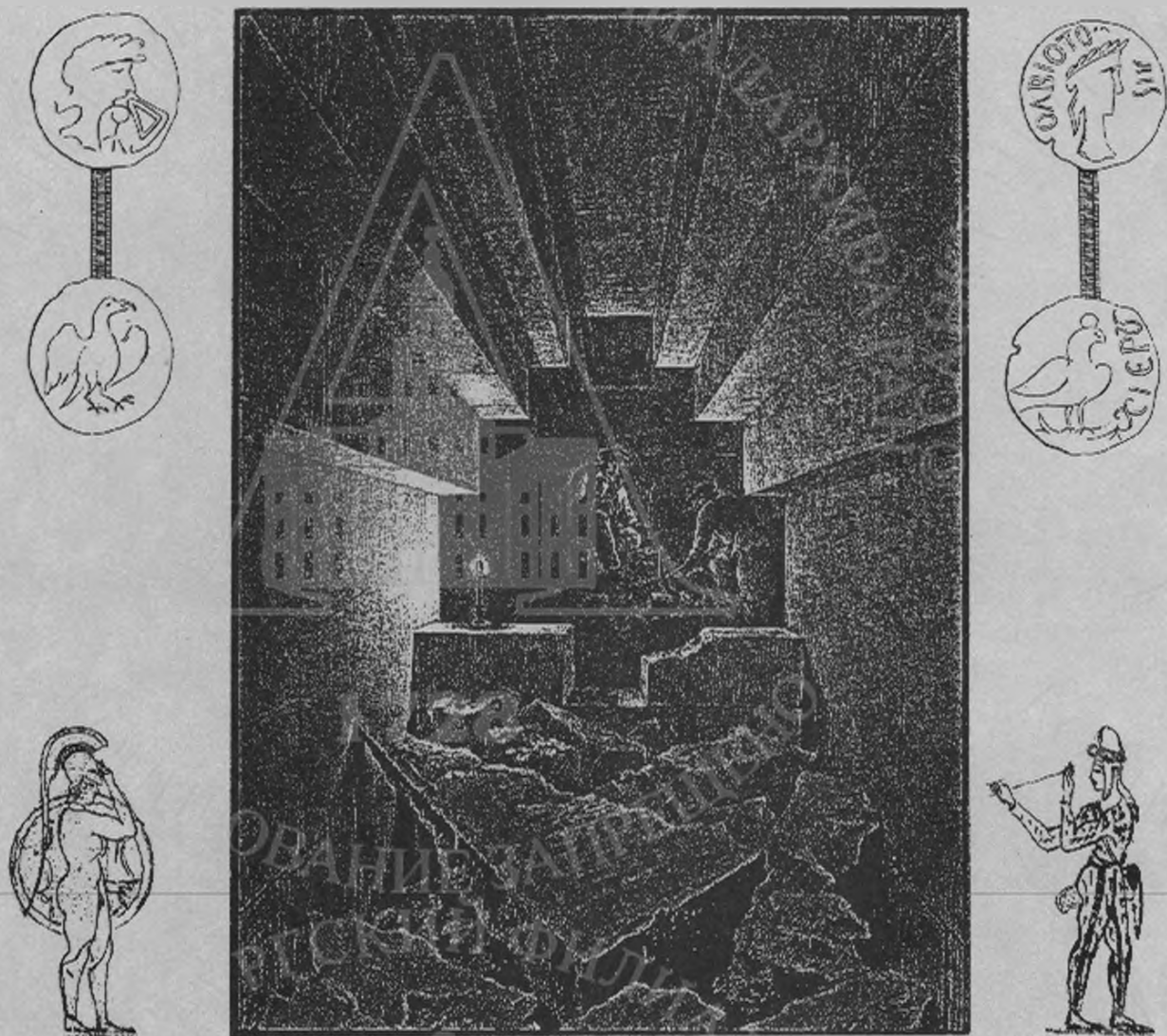
Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@pauka.nw.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

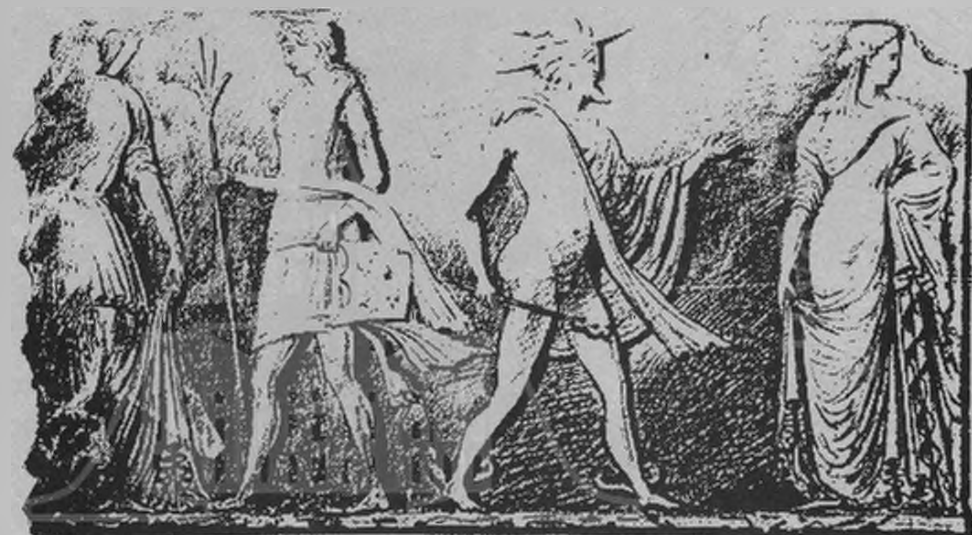
ISBN 5-02-028475-0

9 785020 284753

Рисунки аттических амфор, краснофигурной и чернолаковой аттической посуды из коллекции И. П. Бларамберга (РСА СПбФ ИРи, ф. 36, оп. 1, д. 781, табл. III; д. 782, табл. 1. Публ. впервые).

Cherronesus.

